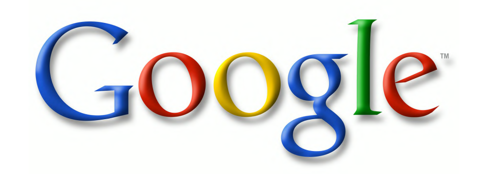


This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

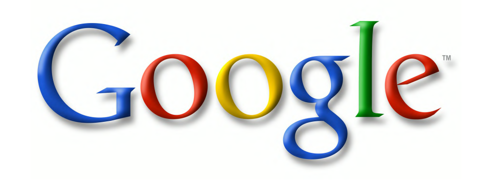
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/



Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, ириналлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

THE HOOVER LIBRARY
ON
WAR, REVOLUTION, AND PEACE

№ 20. Книгоиздательство М. В. ПИРОЖКОВА. Историческій отдѣлъ. № 20

СОЧИНЕНІЯ

А. П. ЩАПОВА

ВЪ 3 ТОМАХЪ (СЪ ПОРТРЕТОМЪ)

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Цѣна 3 р.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе М. В. ПИРОЖКОВА
1906

М. В. ПИРОЖКОВЪ

Спб., В. О., Большой пр., д. 6

(„Литературная Книжная Лавка")

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

I. Историческій отдѣлъ

Батюшковъ, Ѳ. Д. **В. Г. Короленко, какъ человѣкъ и писатель, по его произведеніямъ.** Съ портретами и иллюстраціями (№ 13) [печатается].

Богучарскій, В. **Изъ прошлаго русскаго общества.** Съ 6 портретами. Спб. 1904 г. **2** р. (№ 4).

Бороздинъ, А. К. **Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ** (№ 1).
Томъ I. Съ 8 портретами. Спб. 1903 г. 1 р. **75** к.
Томъ II. Съ 18 портретами.
Вып. I. Съ 13 портретами. Спб. 1905 г. 1 р. **75** к.
Вып. II. Съ 5 портретами [печатается].

Брюкнеръ, А. **Исторія польской литературы** (№ 18) [печатается].

Буркгардтъ, Яковъ. **Культура Италіи въ эпоху Возрожденія.** Перев. съ нѣм. *О. Бриліанта,* съ 8-го изданія, переработаннаго Людвигомъ Гейгеромъ. Въ 2 тт. Спб. 1906 г. Ц. за оба тома 5 р. (№ 7).

Вандаль, Альбертъ. **Возвышеніе Бонапарта.** I. Происхожденіе брюмерскаго консульства. Конституція III года. Переводъ съ XI-го фр. изд. *З. Н. Журавской.* Спб. 1905 г. **2** р. (№ 16).

Каутскій, Карлъ. **Томасъ Моръ и его Утопія.** Переводъ съ нѣм. *М. А.* и *А. Г. Генкель.* Спб. 1905 г. **1** р. **25** к. (№ 14).

Лемке, Мих. **Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія.** Съ 19 портретами и 81 карикатурою. Спб. 1904 г. 3 р. (№ 2).

„ „ **Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—65 годовъ.** Съ 4 портретами. Спб. 1904 г. **3** р. (№ 3).

Милюковъ, П. **Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго.** 2-ое изданіе. Спб. 1905 г. **3** р. **50** к. (№ 5).

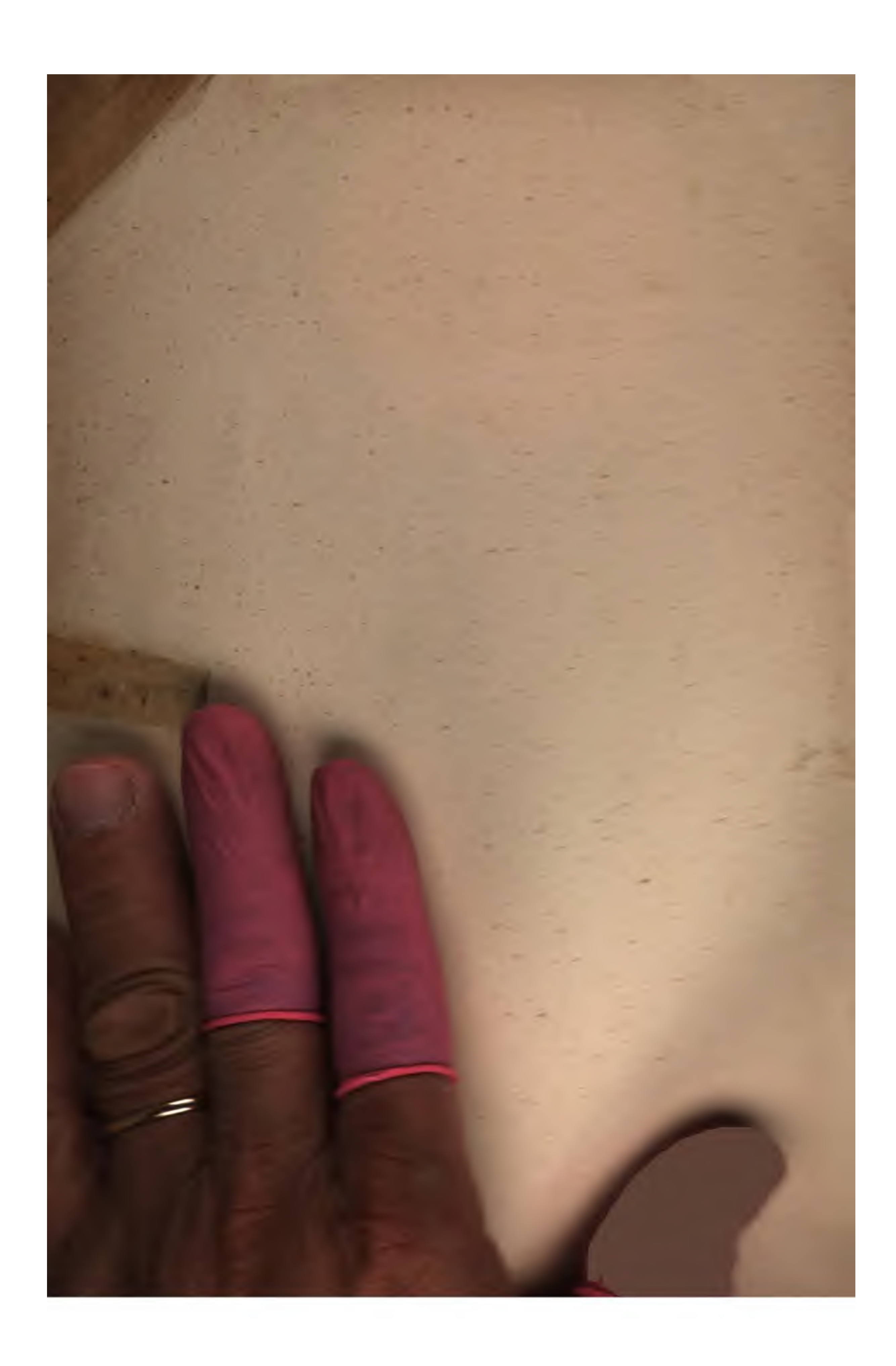
Никитенко, А. В. **Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, „чему свидѣтель въ жизни былъ". Записки и дневникъ (1804—1877 гг.).** Съ портретомъ автора. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное *по рукописи,* подъ редакціей, съ примѣчаніями и алфавитнымъ указателемъ *М. К. Лемке.* Въ двухъ томахъ. Спб. 1905 г. Ц. за оба тома **7** р. (№ 12).

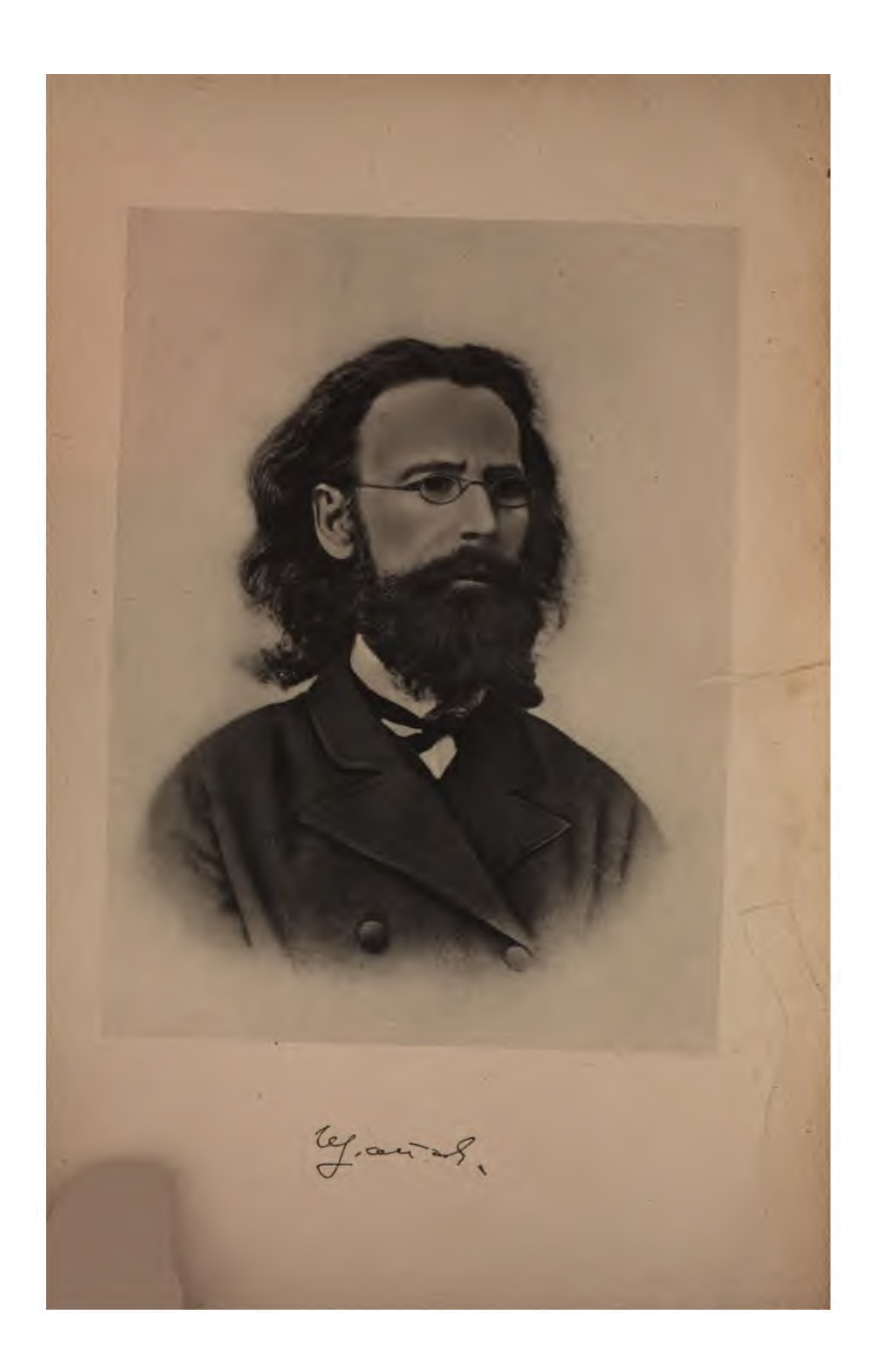
Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка № (11).

Томъ I. **Декабристы: М. А. Фонъ-Визинъ, кн. Е. П. Оболенскій и ба[ронъ] В. И. Штейнгель** (статьи и матеріалы). Составили: *В. И. Сем[ев]скій, В. Богучарскій* и *П. Е. Щеголевъ.* Съ 3 геліогравюр[ами]. Спб. 1905 г. **5** р. — Томъ II (печатается).

Пименова, Э. **Политическіе вожди современной Англіи и Ирландіи.** [...] портретами. Спб. 1904 г. **2** р. (№ 6).

Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ.—Каталогъ [высыл]ается за 7-микоп. марку по первому требованію.





Shchapov,

СОЧИНЕНІЯ

А. П. ЩАПОВА

ВЪ 3 ТОМАХЪ (СЪ ПОРТРЕТОМЪ)

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе М. В. ПИРОЖКОВА
1906

Акц. Общ. Типогр. Дѣла въ СПб. (Герольдъ)
Вознесенскій пр. 3.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Главнѣйшія неточности

Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
			I
451	2 св.	I	I
505	4 сн.	за	а
540	7 „	говорили»: то	говорили: «то
723	1 „	потому, изза-	потому изза-
745	2 „	по службы	службы по
765	23 св.	другіе, --	другіе--
783	1 сн.	Елисоева	Елисеева

Голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей [1])

М. Г.

Въ настоящее время Россія занята великою, всенародною думою, самымъ важнымъ вопросомъ изъ всѣхъ современныхъ вопросовъ отечества. Съ 20 ноября прошлаго года, когда благодушный государь нашъ императоръ Александръ Николаевичъ возвѣстилъ волю свою объ улучшеніи быта 25 милліоновъ несвободнаго сельскаго населенія и призвалъ дворянство къ общему разсужденію объ этомъ дѣлѣ, быстро пронеслась эта радостная, цѣлые вѣка вожделѣнная вѣсть по всей широкой землѣ русской, по всѣмъ городамъ и селеніямъ: дѣло это теперь составляетъ предметъ всеобщаго вниманія, всеобщихъ толковъ и сужденій—и въ живомъ словѣ, и въ литературѣ. Россія немного запомнитъ въ исторіи своей такихъ эпохъ, когда весь народъ русскій, всѣ, начиная отъ дворца царскаго, отъ палаты вельможи и до послѣдней хижины, такъ живо думали одну думу великую, народную. Осуществленіе этой думы будетъ великое, достойное величія Россіи, событіе, лучшее украшеніе юбилея тысящелѣтія, который она будетъ праздновать въ 1862 году. Это плодъ и торжество не одного современнаго просвѣщенія и цивилизаціи, но и плодъ и торжество христіанства; это—*лѣто Господне пріятное*—не только для государства русскаго, но и для церкви русской. Это высокій нравственный подвигъ христіанской любви, христіанскихъ идей о нравственномъ достоинствѣ, правахъ и благѣ человѣчества. Въ эту минуту, м. г., изъ глубины отдаленныхъ вѣковъ, съ того конца исторіи нашей, когда только-что развивалось рабство въ Россіи, намъ слышится голосъ древней русской церкви, съ живымъ сочувствіемъ отзывающійся на современный вопросъ объ улучшеніи быта людей несвободныхъ, и призывающій современную русскую церковь обратить, и съ своей стороны, на него живѣйшее вниманіе. Просимъ вниманія—выслушать вкратцѣ этотъ голосъ древней нашей церкви.

Перенесемся мыслью на минуту въ темные средніе вѣка нашей исторіи, когда только-что еще возникало у насъ рабство. Дремучіе лѣса покрывали тогда еще самую большую часть русской земли, особенно на сѣверо-востокѣ, куда безпрестанно шелъ древній русскій земледѣлецъ-кочев-

---

[1]) Напечатано въ брошюрѣ подъ такимъ же заглавіемъ. Казань. 1859, in 8-vo. Стр. 40. Въ типографіи губернскаго правленія. Изданіе И. Дубровина. Цензурное дозволеніе отъ 18 декабря 1858 г.

никъ, съ своей завѣтной «сохой и косой», убѣгая отъ поработительнаго насилія сильныхъ—землевладѣльцевъ, и ища труда легкаго и льготнаго. За дремучими дебрями рѣдко виднѣются города, главные исходные пункты рабства и крѣпостного права. Бѣлокаменная Москва, откуда, по слову царя нашего, должна была прежде всего возсіять свобода несвободнаго народа, тогда только еще чуть возвышалась, росла. Кругомъ, посреди дремучихъ лѣсовъ, виднѣлись однѣ деревни, деревни, да *починки*. При преобладаніи лѣса надъ полемъ, при постоянномъ стремленіи и углубленіи народа въ лѣса съ топоромъ, косой и плугомъ, при этомъ постоянномъ *«посаженьи и поставленьи деревень на лѣсѣхъ»*, о которомъ говорятъ древніе наши акты,—деревня преобладала надъ городомъ и не знала еще крѣпостныхъ отношеній къ городу, къ городскимъ землевладѣльцамъ.—Но возрастаетъ городъ за городомъ, а въ городѣ возвышается боярскій теремъ, высокій домъ съ гридницей, сѣнями, переходами и высокимъ крыльцомъ, съ дымникомъ наверху, огороженный зубчатой стѣной или заборомъ: и вотъ—слышится изъ этого дома плачь и рыданіе и вопль. Это что такое? Это,—отвѣчаетъ намъ голосъ древней церкви,—рабы, *боярскіе холопы*, претерпѣвающіе отъ господъ своихъ насиліе и побои, моримые голодомъ, томящіеся въ наготѣ и всякаго рода лишеніяхъ. Какъ же эти несчастные попали въ рабство и откуда это насиліе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ гражданское состояніе русскаго общества въ тѣ вѣка и положеніе рабовъ. Юный народъ русскій, полный кипучей энергіи, свѣжести, силъ и страстей, въ то время находился еще только на второй ступени своего общественнаго развитія, на переходѣ къ *гражданскому быту*, когда въ обществѣ сильны бываютъ стремленія владѣльческія, когда личность, только-что вышедшая изъ роду—племени, изъ родового быта, отказавшись отъ общаго родового владѣнья и имущества, жаждетъ, ищетъ частнаго, личнаго владѣнія, господства и собственности, и, при отсутствіи или слабости закона, въ этомъ стремленіи своемъ не знаетъ никакихъ границъ и сдержекъ, когда, слѣдовательно, сильная личность преобладаетъ, или иначе сказать, въ обществѣ господствуетъ частное право, право сильнаго. Въ эту-то эпоху у насъ особенно развилось, вмѣстѣ съ стремленіемъ къ пріобрѣтенію имущества, стремленіе къ порабощенію свободныхъ людей. Сильно, необузданно было это стремленіе при сильномъ кипѣніи страстей юнаго народа, при отсутствіи тѣхъ сдержекъ, которыя могутъ выработаться обществомъ только послѣ долгой государственной жизни. При отсутствіи или слабости закона, каждая сильная личность, движимая ничѣмъ неукротимой жаждой владѣнія, господства, стремилась, такъ сказать, поглотить, поработить всѣ другія, менѣе сильныя личности. Богатые и сильные, по выраженію знаменитаго проповѣдника XIII вѣка, епископа Серапіона, «акы звѣрье» въ ненасытномъ стремленіи къ пріобрѣтенію и порабощенію, «жаждали абы всѣхъ погубити, несытьствомъ имѣнья порабощали, не миловали сиротъ, не знали человѣческаго естества [1]); друзіи же, имѣнія не насыще-

[1]) „Прибав. къ Тв. св. отц." за 1843 г. ч. 2. стр. 195.

шася и свободные сироты порабощаютъ и продаютъ» [1]). Вотъ *тіунъ*, судья, мучимый ненасытимой жаждой кунъ, богатыхъ пировъ и обѣдовъ, несправедливо осуждаетъ невиннаго, и продаетъ бѣднаго въ рабство богатому и сильному. Вотъ *рѣзоимецъ* или ростовщикъ даетъ въ займы деньги бѣдному за безбожные проценты: приходитъ срокъ, и, если бѣдный не уплачиваетъ всего долга и роста,—онъ дѣлается *вѣчнымъ холопомъ* рѣзоимца. Тамъ *ябедникъ*, сутяга подкупаетъ многихъ послуховъ—лжесвидѣтелей на свободнаго человѣка,—и судъ отдаетъ ему въ холопство этого сироту, кругомъ опутаннаго несправедливой клеветой. А вотъ шайки *ушкуйниковъ* нарочито устремляются по дорогамъ на добычу рабовъ, хватаютъ по селамъ крестьянъ и продаютъ ихъ въ рабство бусурманамъ... Такими и многими другими способами совершалось порабощеніе свободныхъ людей. И жалка, грустна была участь этихъ несчастныхъ жертвъ насилія! Ихъ, какъ вещь, какъ имущество, можно было продать, заложить, украсть уничтожить. Ихъ можно было убить:—и холопъ не смѣй искать правосудія на господина: права иска на господина холопъ лишенъ былъ *русской правдой* и *уставной грамотой* [2]). Холопъ не имѣлъ права семейной жизни, не имѣлъ права собственности: все, что онъ могъ пріобрѣсть собственнымъ трудомъ, было собственностію господина, а холопъ оставался нагъ, босъ и голоденъ. Холопъ лишался даже возможности быть истиннымъ христіаниномъ, исправлять дѣла благочестія, ходить въ церковь, получать христіанское воспитаніе и нерѣдко умиралъ даже безъ крещенія. Вотъ отъ этихъ-то несчастныхъ и слышится тотъ горькій плачь, рыданіе и вопль на немилостивыхъ старѣйшинъ и бояръ, о которомъ говорятъ наши лѣтописи и древніе пастыри церкви. Такъ доносится до насъ вѣковой горькій плачь жалкаго *заточника*—несчастнаго холопа, отъ XIII вѣка, съ дикихъ береговъ олонецкаго озера Лача; слышится плачевный голосъ Даніила заточника, разнесшійся по всей древней Россіи, съ сочувствіемъ повторяемый всѣмъ русскимъ народомъ въ древнее время. Горькое недовольство угнетающею дѣйствительностью, желаніе выйти изъ безотраднаго положенія вѣчнаго холопства, насилія и неправды; горечь въ самомъ сознаніи своего человѣческаго достоинства, никѣмъ не признаннаго, смѣлый протестъ противъ безмысленнаго оскорбленія, наносимаго нѣжнѣйшимъ, благороднѣйшимъ и самымъ возвышеннымъ чувствамъ и правамъ человѣка, каковы семейная любовь и благочестіе; желаніе хоть въ монастырѣ, хоть въ пустынѣ дикой возвыситься надъ рабскимъ положеніемъ въ мірѣ, почувствовать себя человѣкомъ, сознать свою нравственно-разумную свободу, вотъ что слышится въ плачѣ горькаго *заточника*,—порабощеннаго человѣка. Какая-то горькая насмѣшка, что-то въ родѣ сатирическаго озлобленія слышится въ голосѣ заточника, когда онъ вспоминаетъ состояніе холопа. Онъ лучше хочетъ всего себя предать главному, верховному власти-

[1]) „Прав. Собесѣд." за 1858 г. іюль: новыя поученія Серапіона. Эти „Новыя поученія" изданы самимъ Щаповымъ.—*В. Сторожевъ.*

[2]) *Акт. арх. эксп.* т. 1. № 13. См. также *русскую правду* по позднѣйшимъ спискамъ ст. 58, 68, 82, 84, 108, 111 и мног. др.

телю—князю, лучше хочетъ отказаться отъ всѣхъ матеріальныхъ благъ въ домѣ своего поработителя боярина, чѣмъ жить безъ отраднаго, живительнаго внутренняго чувства нравственной свободы. «Лучше мнѣ видѣть,—вопіетъ онъ къ князю изъ далекой пустыни,—свою ногу въ лапти, нежели въ красномъ сапогѣ, въ боярскомъ дворѣ; лучше мнѣ тебѣ, князь, въ дерюгѣ служить, нежели въ багряницѣ въ боярскомъ дворѣ; хоть золотыя кольца вставь въ уши котлу, все же дну его не избыть своей черноты: такъ и холопу. Сколько ни гордись онъ, но укора своего ему не избыть—холопьяго имени. Лучше мнѣ воду пить въ твоемъ дому, нежели пить медъ въ боярскомъ дворѣ... Говорится въ мирскихъ притчахъ: не птица въ птицахъ нетопырь, не звѣрь въ звѣряхъ ежь, не рыба въ рыбахъ ракъ, не холопъ въ холопахъ, кто у холопа работаетъ» [1]).

Вотъ въ отвѣтъ на этотъ-то горькій плачь заточника--древняго русскаго раба, и раздался не медля спасительный, утѣшительный голосъ церкви, голосъ христіанства объ улучшеніи участи рабовъ. Великая будущность ждетъ тотъ народъ, полно жизни и силы то общество, въ которомъ и посреди общественной неправды, среди сильнаго стремленія къ порабощенію, громко раздается могущественный голосъ разумнаго сознанія правды, и противопоставляется сильное стремленіе къ нравственной свободѣ человѣческаго достоинства,—въ которомъ подлѣ грубой матеріальной силы, подлѣ господства сильной личности, стремящейся поработить себѣ слабыя личности, выступаетъ могущественная духовная сила, воздвигаются личности, облеченныя силою духа и правды, какъ пророки, защищающіе вдовъ и сиротъ и во имя христіанства возвѣщающіе отраду несправедливо порабощаемымъ людямъ. Церковь русская, въ эпоху первоначальнаго развитія въ Россіи рабства, уже явилась такой крѣпкой духовной силой, единственной, которая могущественно сдерживала стремленіе матеріальной силы къ порабощенію, и этому стремленію противополагала стремленіе къ улучшенію участи порабощенныхъ. Изъ церкви, съ каѳедры храма, изъ монастыря, изъ келліи подвижника, въ бесѣдахъ съ рабовладѣльцами, въ посланіяхъ къ князьямъ и боярамъ, неумолчно раздавался пастырскій голосъ въ защиту людей несвободныхъ, голосъ, требовавшій или освобожденія ихъ, или по крайней мѣрѣ улучшенія ихъ матеріальнаго и нравственнаго быта. Вотъ немилосердый поработитель человѣка, богатый, но жестокосердый рабовладѣлецъ думаетъ успокоить свою совѣсть: идетъ въ церковь и ставитъ множество свѣчъ предъ алтаремъ, подаетъ милостыню нищимъ отъ имѣнья, пріобрѣтеннаго трудами рабовъ, лишними накладами на порабощенныхъ, отъ доходовъ селъ, принадлежавшихъ другимъ и отнятыхъ имъ. Надъ нимъ тотчасъ гремитъ слово церкви «богачъ! ты зажегъ на свѣтильникахъ церкви свои свѣчи. Но вотъ сюда же пришли обидимые тобой рабы, сироты и вдовы съ воздыханіями къ

[1]) Слово Даніила заточника, изд. въ „Памятн. росс. словесн. XII в.“ стр. 227—240. Издано также и въ 1 кн. „Русской бесѣды“ за 1857 годъ. Оно весьма уважалось въ древней Россіи, такъ что даже лѣтописцы при имени Лача-озера замѣчали: „идѣже бѣ Данило заточеникъ“. (П. с. лѣт. подъ 1378 г.).

Богу на тебя. Они слезами своими погасятъ твою свѣчу. О лицемѣріе! Лучше бы тебѣ не обидѣть ихъ, чѣмъ освѣщать храмъ Божій несправедливо собраннымъ воскомъ. Лучше помогай тѣмъ, кого ты изобидѣлъ. Это лютость, а не милостыня—рабовъ обидѣть, а другихъ миловать; однихъ заставлять работать, а другихъ надѣлять. Если и подашь ты когда милостыню убогимъ, но ежели рабы твои, пасущіе стада, потравили нивы сиротины, а другіе рабы твои муками и неправдою приневолены къ работѣ, босые и нагіе, голодные и избитые невинно, а иные изморенные безмѣрными накладами, иные селъ тобою лишенные и ограбленные,—тѣ всѣ съ плачемъ вопіютъ на тебя къ Богу. Что и милостыня твоя, неправедный судія! Лучше оставь неправды твои и сдѣлай рабовъ своихъ безпечальными, чѣмъ Богу безумно приносить неправедно собранное имѣніе: тотъ истинно милостивецъ, кто отъ своей силы, отъ своего труда даетъ» [1]: Вмѣстѣ съ симъ пастыри древней нашей Церкви постоянно и строго наказываютъ и священникамъ отнюдь не принимать въ храмъ даровъ «отъ злого господина, который челядь свою муками и ранами томитъ, налагаетъ на нихъ работу не по силѣ, моритъ голодомъ, томитъ наготою [2]. Вотъ идетъ на исповѣдь жестокосердый господинъ, безжалостно отвергающій слезы и челобитныя угнетеннаго раба, испрашивающаго позволеніе откупиться на волю, и, наконецъ, только за безбожную цѣну возвращающій ему личную свободу. Прежде, чѣмъ этотъ господинъ приходитъ на исповѣдь, церковь уже строго наказала священникамъ такъ поучать подобныхъ господъ—рабовладѣльцевъ: «о горѣе всего тѣмъ, которые берутъ *изгойство* (лишнія деньги съ выкупающихся отъ рабства): не увидятъ милости непомиловавшіе равнаго себѣ, созданнаго рукою Божіею человѣка, ненасыщающіеся, недовольные урочною цѣною за свободу, и полагающіе цѣну *не по закону Божію*. Еще горе на горе прилагаютъ душѣ своей, когда при этомъ не только свои души губятъ, но и поставляютъ *послуховъ*—свидѣтелей по себѣ и по своей злобѣ, которыхъ влекутъ къ своимъ же злымъ судьямъ большими дарами и мздами. Также, *если кто продаетъ челядина, пусть столько же беретъ за него, сколько самъ далъ*: если же беретъ лишнее, то значитъ, беретъ наклады и торгуетъ живыми душами, съ которыми предстанетъ и на судъ Божій. Также, *если кто выкупается на свободу, пусть столько же даетъ за себя, сколько дали за него*. Потомъ, *если онъ будетъ свободенъ, то уже и дѣти его свободны*; а если кто станетъ дѣтей его брать въ рабство, и съ нихъ потомъ взыскивать *изгойство* (лишніе деньги за свободу),—тѣ обрящутся кровь неповинную продающими, и взыщется отъ руки ихъ кровь та предъ Богомъ на страшномъ судѣ: лучше бы имъ не родиться. Свидѣтель сему самъ Богъ Іисусъ Христосъ, который самъ искупилъ насъ своею кровію отъ рабства діавола и отъ человѣческой неправды и злобы. И самъ Господь сказалъ: нѣтъ милости не сотворивше-

[1]) *Измарагдъ* рукп. солов. библ. XV вѣка. № 270. л. 187: „слово о немилостивыхъ богатыхъ".

[2]) *А. И. т.* 1. № 109.—*Сборн.* солов. библ. № 826. л. 311: „поученіе иже во святыхъ отца нашего Евфимія, архіепископа великаго Новгорода".—Также *кормчая* сол. библ. № 858.

му милости» [1]). — Такъ по суду древней русской церкви, одно взиманіе *изгойства*, т. е. лишнихъ денегъ съ выкупающихся отъ рабства на свободу, считалось уже самымъ тяжкимъ грѣхомъ. Оно приводило въ страхъ благочестивыхъ пастырей. Между прочимъ вотъ еще толкованіе на молитву Господню; слова молитвы Господней: *избави насъ отъ лукаваго*—напоминаютъ толкователю изгойство, и у него тотчасъ невольно исторгается грозный судъ противъ изгойства: «горче всего, говоритъ онъ, брать изгойство: изгойство—безконечная бѣда, непрестающія слезы, немолчное воздыханіе, неусыпающій червь, несогрѣемая зима, неугасающій огонь» [2]). Или вотъ, приближаясь къ гробу, немилостивый поработитель свободныхъ людей заказываетъ, чтобъ его погребли близъ церкви: погребеніемъ близъ церкви надѣялся онъ умилостивить Бога за свой тяжкій грѣхъ изгойства и порабощенія. Но церковь такому отвѣчала: «если кто—рѣзоимецъ, обидникъ и грабитель положенъ въ церкви, ежели онъ кого поработилъ въ жизни, тѣ, пришедши ко гробу его, возопіютъ на него со слезами къ Богу: Господи Боже! Ты местникъ обиднику нашему: о горе таковымъ, хотя и въ церкви положены будутъ» [3]).

Обличая жестокосердыхъ рабовладѣльцевъ за ихъ нечеловѣколюбивое обхожденіе съ рабами, за то, что они не отпускали на свободу выкупающихся отъ рабства, или брали слишкомъ большую цѣну за свободу,—Церковь поучала всѣхъ вообще рабовладѣльцевъ обращаться съ рабами, какъ съ своими чадами, заботиться отечески объ ихъ матеріальномъ и духовномъ благѣ. Вотъ напр. одно изъ многихъ—«*слово церкви къ тѣмъ, которые имѣютъ челядь*»: «если кто изъ васъ имѣетъ рабовъ и рабынь, учите ихъ и побуждайте къ крещенію и покаянію и наставляйте на законъ Божій и грозою, и ласкою. Ты игуменъ въ своемъ дому. Если не учишь ихъ, то отвѣтъ дашь за нихъ предъ Богомъ. И корми ихъ довольно, снабжай одеждами и яствами,—и что имѣете и чего они попросятъ, давайте, да не въ скорби ходятъ. А не безчествуйте ихъ: ибо они такіе же люди, только вамъ въ услуженіе даны Богомъ. Если же вы имъ не дадите одежны и пищи, а они, не стерпя голоду и наготы, начнутъ красть и разбивать, вы дадите отвѣтъ предъ Богомъ за то... Позаботимся, братіе, о спасеніи нашихъ слугъ, чтобы они были добры и знали страхъ Божій... Если рабы наставлены будутъ на страхъ Божій, то будутъ тебѣ пособниками въ добрѣ. Не оставляй своихъ рабовъ и рабынь праздными: ибо праздность ведетъ ко многому злу. Но и не отягчай чрезъ силу раба и рабыню, чтобы они въ горести не воздохнули на тебя къ Богу. Богъ услышитъ вопль ихъ, и проліетъ на тебя гнѣвъ свой... Господа! удовлетворяйте рабовъ своихъ, да не опечаливаются душами своими и да не скорбятъ изъ-за тѣлесной скудности; всѣхъ дѣлайте довольными. Учите ихъ закону; если кто не послушаетъ тебя, ты накажи его, но не чрезъ силу: такъ спасешь его душу,

---

[1]) Это замѣчательное поученіе находится въ *сборной кормчей* солов. библ., писанной въ 1493 г. при Геннадіи архіеп. новгородскомъ. № 858. л. 382—383.

[2]) Архивъ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи. кн. 2. пол. 2.

[3]) *Измарагдъ* рукп. сол. библ. № 270. л. 171: „*слово о кладущихся въ церкви*".

и тѣмъ его предохранишь отъ человѣческихъ пороковъ. Если же имѣешь добраго раба то имѣй его не только какъ брата, а какъ сына. А если озлобишь его, когда онъ хорошо работаетъ на тебя, то онъ убѣжитъ на другую землю отъ тебя» [1]). Обличаемый и поучаемый такимъ образомъ въ церкви, вотъ идетъ богатый рабовладѣлецъ въ монастырь: за нимъ везутъ изъ его житницъ цѣлый возъ хлѣба на братію. Тутъ выходитъ къ нему старецъ, подвижникъ монастыря, и тихо, кротко отвѣчаетъ на его предложеніе: «сынъ мой! что ты нынѣ приготовилъ для насъ, то отнеси назадъ домой: у тебя въ дому есть работники, напитай напередъ рабовъ своихъ, только остатки, какіе останутся отъ нихъ, принеси нашей нищетѣ, и тогда будешь истинный милостивецъ» [2]). «Это великій подвижникъ (Димиртій вологодскій) сказалъ господину для того,—замѣчаетъ жизнеописатель,—чтобы онъ не былъ золъ къ своимъ рабамъ, и такъ поучалъ преподобный не одного этого господина, но и всѣхъ». А мы, на основаніи многихъ историческихъ свидѣтельствъ, прибавимъ: такъ поучалъ рабовладѣльцевъ не одинъ этотъ великій подвижникъ, слова котораго мы привели, но и другіе и вообще всѣ: рѣдкое жизнеописаніе великаго подвижника древней руской церки не украшается такими поученіями. Такъ напр. великій просвѣтитель сѣвернаго поморья—Зосима самъ терпѣлъ жестокія притѣсненія отъ боярскихъ рабовъ, промышлявшихъ на новгородскихъ бояръ въ сѣверномъ поморьи, такъ что принужденъ былъ лично идти въ Новгородъ—испрашивать у бояръ защиты отъ ихъ рабовъ, но тамъ съ презрѣніемъ встрѣчаетъ его богатая сѣверо-поморская помѣщица, знаменитая новгородская боярыня Мароа посадница. А чрезъ нѣсколько времени приходитъ изъ Новгорода къ тому же преп. Зосимѣ въ Соловецкій монастырь богатый рабовладѣлецъ съ богатыми дарами. Чтожъ? Зосима забываетъ всѣ обиды, какія терпѣлъ отъ рабовъ новгородскихъ бояръ, не беретъ даровъ отъ рабовладѣльца, а прежде всего поучаетъ его самого—человѣколюбиво обходиться съ рабами, не морить ихъ голодомъ и наготою, а держать въ любви. Или: доходитъ слухъ объ извѣстномъ рабовладѣльцѣ до великаго подвижника древней русской церкви, до Кирилла бѣлозерскаго, до Іосифа волоколамскаго, или до другого какого либо подвижника, что такой-то рабовладѣлецъ жестого обращается съ своими рабами, лишаетъ ихъ пищи и одежды, нисколько не печется объ нихъ. Человѣколюбивый подвижникъ тотчасъ пишетъ ему посланіе, не взирая на то, кто былъ этотъ рабовладѣлецъ—князь или бояринъ. «Слухъ до меня доходитъ про твое благородство,—пишетъ напр. Іосифъ волоколамскій одному боярину,—что де немилосердіе твое и нежалованіе велико къ твоимъ рабамъ и сиротамъ домашнимъ; тѣснота и скудность велика имъ въ тѣлесныхъ потребахъ; пищей и одеждой не только не довольны, но и съ голоду истаеваютъ, и отъ наготы страдаютъ. А посему я грѣшный осмѣливаюсь напомянуть тебѣ, моему господину, вспомнивъ твою вѣру къ пречистой Богородицѣ, и къ намъ нищимъ великое твое жалованіе и любовь о Христѣ. Хотя и неприлично

[1]) *Измарагдъ* солов. библ. № 270, л. 97.

[2]) Сборн. сол. библ. № 805. л. 150—151: „житіе Димитрія вологодскаго“.

мнѣ грѣшному, господинъ, писать тебѣ о семъ, и посылать тебѣ наставленіе къ пользѣ и принимать на себя учительскую власть, не имѣя ни ума, ни разсудка очищеннаго; однакожъ, да знаетъ твое боголюбіе, что не мои мысли эти, а я слышалъ ихъ отъ божественнаго писанія. Оно повелѣваетъ рабовъ своихъ имѣть не какъ рабовъ, но какъ братьевъ миловать, питать и одѣвать довольно, пещись о спасеніи душъ ихъ, наставлять ихъ всегда на добрыя дѣла, т. е. не творить убійства, не грабить, не красть, не творить прелюбодѣйства, отъ достатковъ своихъ подавать милостыню нищимъ. Такъ господину всегда должно учить ихъ со смиреніемъ многимъ, усердно заботиться о душахъ ихъ и представить ихъ предъ Богомъ чистыми и непорочными. И только, сынъ мой, будетъ такъ, какъ слухъ доходитъ до меня грѣшнаго про твое благородство, что въ каковой тѣснотѣ у тебя нынѣ твои рабы и сироты, право, имъ не только нельзя дѣлать добрыхъ дѣлъ и имѣть къ другимъ милостыню, когда сами съ голоду истаеваютъ, но и отъ худыхъ обычаевъ не удержатся, если не будутъ имѣть пищи и одежды для тѣла и претерпѣвать скудность во всякихъ необходимыхъ потребностяхъ. И ты, господинъ, смотри, какъ божественное писаніе страшно угрожаетъ и говоритъ: бѣда великая, страшная и мученіе безконечное тѣмъ, которые не пекутся, не имѣютъ печали о домашнихъ своихъ сиротахъ, а только работами изнуряютъ и ранами казнятъ, одежды и пищи не даютъ, а голодомъ морятъ; о душахъ ихъ не пекутся, но гордятся и желаютъ суетной и тщетной жизни—прелести свѣта сего, не имѣя той мысли и забывая, что всѣ—созданіе Господне, всѣ—плоть одна, всѣ помазаны однимъ мvромъ, всѣ—въ рукѣ Господа, который кого хочетъ, дѣлаетъ нищимъ; забывая, что всѣ станемъ предъ единымъ страшнымъ Царемъ на безстрастномъ его суду, что таковые властелины будутъ сами преданы въ вѣчную муку. И ты, господинъ, Бога ради побереги себя: ибо и малое небреженіе, господинъ, великія бѣды навлекаетъ; а тѣмъ болѣе бояться должно этого грознаго прещенія къ немилостивымъ и немилосерднымъ, и всегда должно помнить Христову евангельскую заповѣдь: якоже хощете да творятъ вамъ человѣцы, творите и вы имъ такожде благая; и блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ. И вотъ, господинъ. Богъ на тебѣ свою милость показалъ, и государь великій князь тебя пожаловалъ: такъ вотъ и тебѣ, господинъ, слѣдуетъ пожаловать своихъ клевретовъ и показать къ нимъ молость, пищей и одеждой удоволить и другими всякими нужными потребами успокоить, и на добрыя дѣла Господни должно всегда поучать... Прости меня, господинъ, что твое жалованіе и любовь сдѣлали меня смѣлымъ и дерзновеннымъ; со умиленіемъ прошу тебя показать тщательный подвигъ въ попеченіи о рабахъ; а писалъ я тебѣ, господинъ, отъ слуха, да и самъ видѣлъ нужду ихъ» [1]). Такъ для древнихъ великихъ мужей нашей церкви дружба дружбой была, а правда правдой, кого бы она ни касалась — князя или боярина. Не приводимъ еще подобнаго посланія къ князю преп. Кирилла бѣлозерскаго и другихъ многихъ.

И не словомъ только поучали подвижники древней русской церкви рабовладѣльцевъ, а и примѣромъ. Эти святые мужи были какъ-бы проро-

[1]) Дополн. съ акт. истор. т. 1. № 213.

ками и, если можно такъ сказать, прообразователями грядущей свободы чадъ Божіихъ. Въ то время, какъ толпы земледѣльцевъ и рабовъ бѣгутъ изъ селъ мірскихъ землевладѣльцевъ, бѣгутъ отъ поработительнаго насилія сильныхъ, углубляются все далѣе и далѣе въ дремучіе лѣса и тундры огромныхъ пустынныхъ пространствъ сѣверо-восточной Россіи и населяютъ пустыни,—въ то же время, всегда впереди ихъ, идутъ ходатаи рабовъ, защитники порабощаемыхъ и угнетаемыхъ земледѣльцевъ и рабовъ—св. отшельники. Дѣти богатыхъ рабовладѣльцевъ—Зосима соловецкій, Антоній сійскій, Кириллъ бѣлозерскій, Александръ свирскій, Савва вишерскій, Корнилій вологодскій и цѣлый сонмъ подобныхъ отшельниковъ изъ рода богатыхъ бояръ—рабовладѣльцевъ, измлада напитавшись высокимъ ученіемъ церкви о рабахъ, о человѣческомъ достоинствѣ ихъ, по смерти родителей своихъ оставляютъ свои богатыя имѣнья, возвѣщаютъ свободу всѣмъ своимъ рабамъ; а сами уходятъ въ лѣса и дебри отдаленныхъ краевъ Россіи, чтобы тамъ насаждать сѣмена новой жизни, и тамъ еще даютъ льготы многочисленнымъ колоніямъ земледѣльценъ. И за ними идутъ тысячи народонаселенія, идутъ въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ непрерывнымъ, стремительнымъ движеніемъ, въ чаяніи чрезъ нихъ защиты, освобожденія, избавленія отъ поработительнаго деспотизма сильныхъ. И вотъ около монастырей и пустынь отшельниковъ, среди дремучихъ дебрей, насаждается множество селъ, деревень и починокъ. Великіе отшельники, однажды навсегда отказавшіеся отъ своихъ селъ и рабовъ, еще далѣе уходятъ отъ наплыва стремящагося къ нимъ народонаселенія въ невѣдомые, непроходимые лѣса сѣвера, куда, выражаясь языкомъ древняго русскаго земледѣльца, ни топоръ, ни коса, ни соха не ходили; но земледѣльцы русскіе, повсюду ходившіе съ своимъ завѣтнымъ топоромъ, косою и сохой, находили и тамъ своихъ покровителей, отшельниковъ, и населяли около нихъ новыя села, деревни и новые починки. Не напрасно, а многозначительно было въ исторіи русской церкви и гражданственности это всеобщее, непрерывное стремленіе народа за великими подвижниками, къ ихъ обителямъ, это постоянное примыканіе къ нимъ отовсюду стекавшагося народонаселенія. Ибо оттуда, изъ этихъ обителей, слышался отрадный для угнетаемаго народа голосъ о нравственно-христіанской свободѣ раба и земледѣльца, такъ безпристрастно, неумолчно и гласно обличавшій жестокосердіе и несправедливость господъ. Около этихъ обителей, и только около нихъ однихъ, находила спасеніе, огражденіе, мирный пріютъ личность, въ обществѣ не признанная, подавляемая, гонимая всеобщимъ стремленіемъ къ порабощенію; ради ихъ и отъ нихъ давались земледѣльцамъ льготы, облегченія въ податяхъ и повинностяхъ и большая свобода труда. О всѣхъ почти великихъ подвижникахъ древніе памятники говорятъ: «должникамъ освобожденіе и искупъ подавалъ, и самъ отпускалъ долги; обидимымъ отъ насилующихъ и немилостивыхъ судей заступникъ бысть предивный, многихъ плѣнныхъ искупилъ и въ своихъ мѣстахъ паки посадилъ» [1]).

---

[1]) „Житіе Кирилла бѣлозерскаго“, сбор. солов библ. № 219; также „житіе Димитрія прилуцкаго“. Сборн. сол. библ. № 805; и тоже во многихъ другихъ житіяхъ.

Такъ сіяла въ древней русской церкви идея лучшей участи людей несвободныхъ, и — свѣтъ во тьмѣ свѣтился. Смотря на общественную жизнь народа съ точки христіанства, съ книгою Евангелія, церковь возвышалась до самой чистой идеи человѣческаго достоинства, *гуманности*, задолго прежде, чѣмъ искусственная цивилизація дошла до нея путемъ горькихъ опытовъ и даже сильныхъ потрясеній въ жизни общественной.

Но вотъ фактъ, котораго мы не минуемъ: церковь сама владѣла крестьянами. Послушаемъ же, что говоритъ и тутъ правда историческая. Во-первыхъ: древніе русскіе князья и цари, не давая церкви другого матеріальнаго обезпеченія, сами давали ей земли и крестьянъ; бояре и другіе зажиточные люди передавали церкви своихъ крестьянъ по духовнымъ завѣщаніямъ; вступавшіе въ монастыри владѣльцы приписывали своихъ рабовъ къ монастырямъ, отказываясь отъ своихъ личныхъ надъ рабами правъ. Наконецъ, самъ народъ охотнѣе шелъ жить по договорнымъ граматамъ на земли церковныя и монастырскія, чѣмъ на земли боярскія, охотнѣе подчинялся игуменамъ монастырей, чѣмъ сильнымъ міра сего — боярамъ, потому что ему тамъ большею частію было жить лучше, — льготнѣе, обезпеченнѣе. Словомъ, основанія духовныхъ владѣній были совсѣмъ другія, чѣмъ у мірскихъ владѣльцевъ: не насиліе, не порабощеніе, не обращеніе въ холопство лихоимствомъ, сутяжничествомъ и всѣми неправдами. А между тѣмъ достаточно прочитать любую монастырскую уставную грамату, чтобы видѣть, какъ заботилась церковь о своихъ крестьянахъ. Въ уставныхъ граматахъ обыкновенно строго наказывалось монастырскимъ приказчикамъ: «а прилучится нашему крестьянину монастырскому каково дѣло до иныхъ волостей крестьянъ, и пойдутъ къ сроку въ городъ на судъ, — и нашему прикащику и доводчику съ ними за дѣлы итти, и *крестьянъ въ судѣ беречи накрѣпко, и отъ того отъ крестьянъ ни поминка, и ни ѣзду не имать доводчику ничего* . . . А если старецъ нашъ или прикащикъ или доводчикъ коего крестьянина изобидитъ чѣмъ нибудь, или не по сей нашей граматѣ что на нихъ возмутъ, и *имъ отъ насъ быть въ пользѣ и смиреніи, и кого чѣмъ обидятъ, и намъ велѣть на нихъ доправить вдвое*»[1]. Пастыри церкви увѣщевали игуменовъ монастырей и прикащиковъ своихъ вотчинъ оберегать крестьянъ: «Бога ради, будь милостивъ ко крестьяномъ», пишатъ напр. Никонъ игумену Иверскаго монастыря въ граматѣ объ устройствѣ монастырскихъ зданій[2]). Во-вторыхъ: крестьяне принадлежали не *лицамъ* духовнымъ, на правахъ личной собственности, какъ было у бояръ, а *учрежденіямъ* духовнымъ: церквамъ, монастырямъ, архіерейскимъ домамъ. Это далеко не одно и тоже — и духовныя владѣнія подлежатъ совсѣмъ другой точкѣ зрѣнія. Въ-третьихъ: кто прежде всѣхъ выразилъ мысль — отказаться отъ крестьянъ? Кто прежде всѣхъ поднялъ вопросъ: слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть крестьянами? — Сама же церковь, — по крайней мѣрѣ лучшіе и передовые въ ней люди. Извѣстно, какъ напр.

---

[1]) См. въ Акт. ист. уставныя граматы Филиппа игум. соловецкаго, также Кирилло-бѣлоозерскаго монастыря, и мн. др.

[2]) А. И. т. IV, стр. 192.

разсуждалъ объ этомъ еще митрополитъ Кипріанъ, какъ сильно спорилъ знаменитый отшельникъ Нилъ сорскій съ Іосифомъ волоколамскимъ о томъ, что монастырямъ не слѣдуетъ владѣть крестьянами, какъ на сторонѣ преп. Нила были пустынники бѣлозерскіе. Отъ времени до времени, почти черезъ весь періодъ владѣнія крестьянами, изъ среды духовенства не переставали возникать голоса противъ этого владѣнія. Если же при великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ III духовенство на соборѣ торжественно не согласилось отказаться отъ владѣнія крестьянами: то вѣдь тогда вопросъ былъ только о передачѣ духовныхъ крестьянъ боярамъ и служилымъ людямъ, а не о томъ, чтобы дать крестьянамъ свободу: слѣдовательно предметомъ спора былъ только *фактъ* владѣнія ими, а не *право*; права же духовенства, если не въ гражданскомъ, то въ нравственномъ смыслѣ были тѣ же, по этому предмету, что у бояръ, и даже чище и нравственнѣе, потому что духовенство пріобрѣтало крестьянъ не насиліемъ, порабощеніемъ, сутяжничествомъ, а добровольными жертвами мірскихъ владѣльцевъ и самыхъ князей, не менѣе добровольнымъ поселеніемъ крестьянъ на духовныхъ земляхъ и только отчасти — покупкою. А если бы дѣло шло объ освобожденіи крестьянъ, едвали можно сомнѣваться въ томъ, что церковь не постояла бы за свои владѣнія. Опять не надо забывать, что духовные крестьяне принадлежали не лицамъ, а учрежденіямъ церковнымъ: а при этомъ отказъ духовенства великому князю Іоанну III получаетъ совсѣмъ другой смыслъ, чѣмъ — если бы отказывали лица, отстаивая свои личныя преимущества и выгоды: отдѣльныя же духовныя лица показывали и въ этомъ отношеніи примѣры поучительные. Знаменитый московскій священникъ XVI вѣка, Сильвестръ въ своемъ «Домостроѣ» говоритъ сыну: «работныхъ своихъ я всѣхъ освободилъ и надѣлилъ, и иныхъ выкупилъ изъ рабства и на свободу попускалъ. И всѣ тѣ работные наши свободны и добрыми домами живутъ, какъ ты видишь, и молятъ за насъ Бога и доброхотствуютъ всегда. И домочадцы наши нынѣ всѣ свободны, живутъ у насъ по своей волѣ» [1]).

Церковь даже русскимъ царямъ излагала основанія для благоустройства крестьянъ. Такъ въ «*словѣ о правдѣ*», приписываемомъ духовнику царя Алексѣя Михайловича протопопу Стефану Вонифатьеву, читаемъ: «если поискать въ нынѣшнее время благовѣрнаго царя, то не знаемъ во всѣхъ народахъ, кромѣ русскаго народа, правовѣрующаго царя. И если царь нашъ вѣрою правъ, то онъ долженъ нелѣностно изыскивать и разсматривать все, что относится къ общему благополучію всѣхъ его подданныхъ. Не о благѣ однихъ вельможъ пещись, но и о всѣхъ — до самаго послѣдняго. *Ибо вельможи нужны; но они никогда не удовольствуются одними своими трудами. Прежде же всего нужны земледѣльцы*; отъ ихъ трудовъ производится хлѣбъ; а *хлѣбъ главизна всѣхъ благъ* . . . Земледѣльцы безпрестанно переносятъ различныя работныя бремена, то даютъ денежные оброки, то ямскіе сборы, то другое что либо. А эти люди (вельможи), если когда бываютъ посланы за царскими сборами, то сверхъ царскаго указа

---

1) *Временникъ* Имп. моск. общ. истор. кн. 1. матер. стр. 31—33. 49. 97. 109. 111.

и себѣ много собираютъ съ земледѣльцевъ, также и тѣ, которые посылаются для прокорма коней; *на ямскія расходы много серебра выходитъ.* Много также обиды бываетъ земледѣльцамъ и отъ того, что когда царскіе землемѣры — писари ѣздятъ по своему землемѣрному дѣлу, то *отмѣриваютъ царскимъ воинамъ землю и всякому полагаютъ землю врознь,* и отъ того много медлятъ и много корму у крестьянъ съѣдаютъ. О многихъ царствахъ мы читали, а такого злоупотребленія не знаемъ. *Ямской порядокъ должно устроить весь подробно по росписанію — отъ города до города. И тѣмъ, которые въ городахъ торгуютъ, скупаютъ и прикупами богатѣютъ, и имъ должно носить этотъ яремъ между всѣми городами*; ибо владѣютъ большими прибытками. *Кромѣ же этого ярма, никакимъ другимъ лишеніямъ да не подвергаются, но пусть во всѣхъ городахъ безъ всякихъ воздаяній покупаютъ и продаютъ.* Такимъ образомъ всякій мятежъ земскій умалится, и *писари уменьшатся, сборы прекратятся и взятокъ не будетъ»* [1]). Такъ церковь заботилась объ улучшеніи быта крестьянъ, когда и сама владѣла ими, по извѣстнымъ историческимъ причинамъ.

Что же? Внимало ли древнее русское общество голосу церкви? Слушались ли его древніе рабовладѣльцы? Внимали и слушались, но только поздно и не вполнѣ. Плодомъ вѣкового ученія церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей — былъ вѣковой же обычай въ древней Россіи только при смерти отпускать на волю своихъ рабовъ. При смерти и князья освобождали своихъ рабовъ. Про одного волынскаго князя XIII вѣка лѣтопись говоритъ, что, когда онъ, при одномъ предпріятіи, по обычаю того времени, раскрылъ книгу св. Писанія, ему открылись слова Христовы: «Духъ Господенъ на мнѣ, егоже ради помаза мя, благовѣстити нищимъ посла мя, отпустити сокрушенныя во отраду» и проч., — и онъ при смерти всѣхъ «работныхъ освободилъ» [2]). Но вотъ умираетъ и тотъ жестокосердый рабовладѣлецъ, который всю жизнь свою провелъ въ порабощеніи людей, и котораго всю жизнь обличала церковь, — и тутъ-то, при видѣ гроба, при воплѣ и терзаніяхъ совѣсти, вспоминался ему голосъ церкви, — и онъ въ своей духовной изрекалъ: «всѣмъ моимъ кабальнымъ людямъ воля; которые мои люди полные, и докладные и кабальные и всякіе люди, прикащикамъ моимъ тѣхъ всѣхъ людей отпустить на свободу, дать имъ отпускные и надѣлить ихъ изъ моего живота деньгами и хлѣбомъ». Теперь-то рабовладѣлецъ, доселѣ безчеловѣчно издѣвавшійся надъ своими рабами и рабынями, теперь-то слышалъ упрекающій, вопіющій голосъ совѣсти и церкви, — и самъ на одрѣ смертномъ просилъ прощенія у всѣхъ своихъ рабовъ: «сиротъ моихъ, которые мнѣ служили, мужей ихъ и женъ и вдовъ и дѣтей, чѣмъ будетъ оскорбилъ въ своей кручинѣ, боемъ по винѣ и не по винѣ, и къ женамъ ихъ и вдовамъ насильствомъ, дѣвственнымъ растлѣніемъ, а иныхъ есьми грѣхомъ своимъ и смерти предалъ, — согрѣшилъ во всемъ и передъ ними виноватъ; простите меня грѣшнаго и благосло-

---

1) Архивъ историко-юрид. свѣдѣній о Россіи, кн. 2, пол. 1.

2) Ипат. лѣт. стр. 206—219.

вите и разрѣшите мою грѣшную душу въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ»[1]). Но въ томъ же умирающемъ рабовладѣльцѣ происходила еще тяжкая, предсмертная борьба двухъ противоположныхъ стремленій, господствовавшихъ и во всемъ тогдашнемъ обществѣ, съ одной стороны — земного, грубаго стремленія къ порабощенію, съ другой стороны — духовнаго, нравственно-христіанскаго стремленія къ освобожденію; тотъ же самый рабовладѣлецъ, который, умирая, дрожащей рукой писалъ духовную — отпускную своимъ рабамъ, молится о своемъ сынѣ: «умножь, Господи, имѣніе его и распространи села его, да разбогатѣетъ домъ его рабы и рабынями и всякими скоты». Тотъ же рабовладѣлецъ, который, по господствующему обычаю, половину рабовъ отпускаетъ, остальныхъ рабовъ удерживаетъ въ холопствѣ, и у гроба пишетъ завѣщаніе: «благословляю свою жену и сына своего своими холопами и полными людьми»[2]).

Такъ древне-русское общество съ трудомъ мирилось съ высокою идеею христіанской, нравственной свободы и не созрѣло еще для полнаго осуществленія ея. Въ XVII в. совершилось укрѣпленіе несвободныхъ людей къ землѣ. Въ XVIII вѣкѣ это укрѣпленіе возведено въ крѣпостное право и, если можно такъ сказать, въ душевладѣніе. Вѣкъ этотъ, столько же, если еще не болѣе, мрачный, сколько и великій въ нашей исторіи, вѣкъ узурпаторства, преобладанія сильныхъ, разрозненія сословій, вѣкъ матеріализма и чувственныхъ нравовъ, едвали не былъ однимъ изъ самыхъ тяжкихъ вѣковъ для нашего народа, для его низшихъ классовъ. Такъ нынѣ объ этомъ вѣкѣ уже прямо говорятъ и пишутъ; намъ можно объ немъ еще одну правду сказать. По идеѣ гражданственности, впрочемъ плохо понятой, и по иноземному вліянію, тогда унижено было въ обществѣ духовенство, которое вслѣдствіе этого униженія стало и нравственно слабѣть, упадать, утратило прежнее нравственное вліяніе на народъ, сдѣлалось раболѣпнымъ, закоснѣло въ школьной рутинѣ, какъ-бы замкнулось въ своей кастѣ. Въ тоже время, какъ духовенство было унижено, по той же идеѣ, непомѣрно было возвышено, привиллегировано, въ ущербъ другимъ сословіямъ, землевладѣтельное сословіе. XVIII вѣкъ былъ въ исторіи нашей почти исключительно вѣкомъ развитія аристократизма, а не развитія народа, всего народа. Но каковъ былъ этотъ аристократизмъ XVIII вѣка? Достаточно вспомнить, какъ описалъ его Фонъ-Визинъ, и какъ изображается онъ въ мемуарахъ XVIII вѣка. Дворянство считало своимъ исключительнымъ гербомъ *честь*, а низшимъ классамъ, даже въ печати и въ публичныхъ актахъ, усвоено было названіе *подлаго народа*. Тогда утверждено и крѣпостное право на цѣлыя поколѣнія, милліоны народа. Но непріятные случаи, возникавшіе изъ отношеній между крестьянъ и помѣщиковъ во второй половинѣ XVIII вѣка, движенія крестьянъ при Пугачевѣ, можно сказать, были первыми плодами крѣпостного права.

Что же? Ужели та великая идея разумночеловѣческой, нравственной свободы, которая, прямо истекая изъ духа христіанства, составляетъ одно

---

1) *Акт. юридич.*, изд. Калачевымъ. т. 1. № 86.

2) Акт. юрид. т. 1. стр. 558 и слѣд.

изъ самыхъ жизненныхъ началъ истиннаго прогресса человѣчества, ужели она должна была только блеснуть для несвободныхъ людей изъ древней нашей церкви, и потомъ исчезнуть навсегда? Нѣтъ! *Ты еже сѣеши, не оживетъ, аще не умретъ; и еже сѣеши, не тѣло будущее сѣеши, но голо зерно . . . сѣется въ немощи, востаетъ въ силѣ.* «Не умираютъ тѣ идеи, скажемъ словами одного нашего писателя, которымъ опредѣлено быть вѣчными; умираютъ въ буквѣ, но оживаютъ въ духѣ. Померкаютъ временно, умираютъ въ пустыхъ и вывѣтрившихся толпахъ, но воскресаютъ съ новою силою въ избранныхъ, затѣмъ, чтобы въ сильнѣйшемъ свѣтѣ отъ нихъ разлиться по всему міру. Не умретъ изъ нашей старины ни зерно того, что есть въ ней истинно-русскаго и что освящено христіанствомъ». Не даромъ простой народъ нашъ доселѣ помнитъ и съ живымъ сочувствіемъ разсказываетъ про древнихъ благочестивыхъ пастырей и подвижниковъ русской церкви, которые защищали его отъ угнетенія и неправды, и всегда выражаетъ при этомъ желаніе — нынѣ имѣть такихъ пастырей и учителей, прилагавшихъ ученіе Христово къ самой жизни ихъ, къ насущнымъ, нравственнымъ потребностямъ народа. И древній горькій заточникъ въ своемъ уныніи не доходилъ до отчаянія, а и на дикихъ берегахъ Лача-озера также чаялъ освобожденія. И всѣ древніе русскіе люди, съ какимъ-то особеннымъ сочувствіемъ перечитывавшіе краснорѣчивый плачь горемычнаго заточника, были вполнѣ увѣрены, что рано или поздно осуществится идея церкви объ улучшеніи быта народнаго, правда восторжествуетъ, и заточникъ будетъ помилованъ и освобожденъ. Въ народѣ русскомъ въ древнее время сложилась даже замысловатая повѣсть о томъ, какъ заточникъ запечаталъ свое «моленіе» въ воскъ, бросилъ завощеный свитокъ въ озеро; свитокъ поглотила рыба; рыбакъ поймалъ рыбу, и, нашедши въ ней свитокъ, принесъ къ князю; князь прочелъ и повелѣлъ заточника освободить отъ горькаго заточенія. — Вотъ, благодареніе Богу! мы дожили, мы живемъ въ ту великую эпоху, когда царь нашъ возвѣстилъ лучшую участь вѣковому, бѣдному заточнику — крѣпостному народу русскому.

М. Г.! Къ чему, — быть можетъ, подумаете вы, — вспоминать голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта людей несвободныхъ, когда нынѣ уже живой, громогласный и дѣйственный голосъ разнесся по Россіи. — Къ тому, что современная русская церковь, свидѣтельница улучшенія жизни крестьянъ, какъ непосредственная преемница древней русской церкви, есть вмѣстѣ съ тѣмъ преемница и всѣхъ ея высокихъ, христіанскихъ идей. Если древняя наша церковь сѣяла *голое зерно*, возвѣщала только идею улучшенія быта несвободныхъ людей, то современная церковь наша призывается голосомъ древней церкви возрастить, воспитать *будущее тѣло*, раскрыть, уяснить народу высокое нравственное значеніе свободы, развивать, воспитывать въ духѣ истинной, нравственно-христіанской свободы духовно-нравственную жизнь народа, раскрывать, вырабатывать и приводить въ дѣйствіе начала нравственнаго улучшенія быта народнаго. Свобода не принесетъ всей пользы народу, если не будетъ имѣть нравственнаго направленія, нравственныхъ основаній: иначе она можетъ быть даже вредна

для него, будетъ не лучше средневѣковаго разгула матеріальной силы и произвола. Вотъ къ чему призываются нынѣ современные пастыри русскаго народа, современная духовная наука и литература, чтобы быть вѣрными живымъ преданіямъ древней нашей церкви, развить, провести въ жизнь общества и оплодотворить ея высокія и прекрасныя идеи [1]).

---

[1]) Напечатанная выше рѣчь была произнесена А. П. Щаповымъ 8 ноября 1858 г.; имѣются свѣдѣнія, что 8 ноября 1857 г. Щаповъ также читалъ на актѣ казанской духовной академіи рѣчь подъ заглавіемъ „Религія и русская народность"; текста послѣдней, кажется, не сохранилось. — *В. С—въ.*

Памяти М. В. Ломоносова

Рѣчь [1])

Отрадный фактъ, что и мы, русскіе, стали наконецъ торжественно воспоминать не одни какіе-нибудь военные подвиги, но и умственныя заслуги нашихъ замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей, двигателей нашего просвѣщенія, хотя исторія умственной жизни нашей не приготовила намъ ни юбилея своего Кеплера или Галилея, ни юбилея своего Шекспира. Радостно и то, что общество русское какъ нельзя болѣе кстати празднуетъ въ настоящій годъ юбилей нашего Декарта или Бэкона — безсмертнаго Ломоносова — преобразователя нашей умственной жизни и начинателя нашего реальнаго образованія. Намъ, сибирякамъ, нельзя было не от-

---

[1]) Напечатано въ брошюрѣ: „Двѣ рѣчи, произнесенныя при праздпованіи въ Иркутскѣ юбилея М. В. Ломоносова". Иркутскъ. Въ типографіи штаба войскъ, in 16. стр. 20. ц. 1 руб. Цензурное дозволеніе отъ 26 мая 1865 г. На оборотѣ сорочки значится слѣдующее: „Несвоевременное полученіе въ Иркутскѣ столичныхъ газетъ лишило иркутянъ возможности праздновать одновременно съ Россіею юбилей Ломоносова. Это празднованіе состоялось 26 мая. Оно ограничилось отслуженіемъ заупокойной литургіи панихиды въ Михаило-архангельской (Харлампіевской) церкви — и завтракомъ, на которомъ были произнесены между прочимъ двѣ прилагаемыя рѣчи о Ломоносовѣ. Въ ознаменованіе юбилея предположено учреждаемое въ ремесленной слободѣ училище наименовать Ломоносовскимъ, и кромѣ того открыть подписку на составленіе такого капитала, процентовъ съ котораго было бы достаточно на полное образованіе одного или нѣсколькихъ крестьянскихъ мальчиковъ Восточной Сибири. Заявленія по этому поводу могутъ быть присылаемы въ Редакціи Сибирскаго Вѣстника и Губернскихъ Вѣдомостей".

На стр. 1—9 напечатана рѣчь старшаго учителя Иркутской гимназіи Н. И. Попова, о которомъ А. Щаповъ упоминаетъ въ очеркѣ, посвященномъ О. И. Жемчужниковой (Щаповой), а на стр. 10—19 напечатана рѣчь самого Щапова съ такимъ примѣчаніемъ: „За отсутствіемъ г. Щапова, рѣчь эта была прочитана Б. А. Милютинымъ". Въ рѣчи Н. И. Попова, между прочимъ говорится, что Ломоносовъ „по складу ума своего, съ особенною любовью занимался науками естественными, и ихъ особенно старался провести въ сознаніе общества" (стр. 7), что „реализмъ Ломоносова, мм. гг., фактъ многознаменательный: здѣсь Ломоносовъ рѣшительно выше всѣхъ своихъ современниковъ, далеко опередилъ схоластическій свой вѣкъ и сѣялъ то, что только нынѣ, черезъ сто лѣтъ, такъ настойчиво сознается и такъ горячо чувствуется всѣми". Рѣчь Н. Попова заканчивается призывомъ „на составленіе капитала для образованія крестьянскихъ мальчиковъ", вѣдь изъ нихъ, подобно Ломоносову „выходцу изъ среды простого народа", могутъ выходить „такіе же полезные и благородные дѣятели". Изъ пособій своихъ авторъ рѣчи цитируетъ только одного Бокля. Рѣчь А. Щапова напечатана въ брошюрѣ безъ всякаго заглавія, просто подъ цифрою II, такъ что заголовокъ „Памяти М. В. Ломоносова" данъ здѣсь редакторомъ собранія сочиненій Щапова. *В. С—въ.*

ликнуться на этотъ истинно-народный праздникъ, между прочимъ и потому, что всѣ первые пролагатели путей колонизаціи и культуры Сибири, всѣ первые поселенцы ея — наши предки были земляки Ломоносова, и въ насъ есть значительная доля крови и нарѣчія поморцевъ, холмогорцевъ, архангельцевъ. И память объ Ломоносовѣ въ настоящее время особенно назидательна для всего русскаго общества и, въ частности, для насъ — сибиряковъ.

При одномъ воспоминаніи имени Ломоносова затрагиваются самыя живѣйшія струны нашей соціальной жизни, затрагиваются всѣ высочайшія, первѣйшія умственныя потребности нашего времени, насущнѣйшіе вопросы о народномъ образованіи.

Ломоносовъ былъ преобразователемъ нашей умственной жизни. Вспомните, что такое была древняя допетровская Россія, боявшаяся естественныхъ наукъ, какъ ереси и волшебства, создавшая суевѣрнѣйшій расколъ изъ-за бороды, изъ-за сложенія перстовъ, изъ-за буквъ *і* и *и* и проч., и теперь еще доживающая свой вѣкъ въ огромныхъ массахъ народа? Это была полнѣйшая невѣжественная и суевѣрная раба природы. Отъ незнанія природы, она не знала никакой интеллектуальной, разумной культуры, никакихъ раціональныхъ искусствъ, ремеслъ и промысловъ, никакихъ фабрикъ и заводовъ. Отъ незнанія, напримѣръ, горной природы — богатой экономіи минеральнаго царства Урала и Сибири, — она не знала горныхъ промысловъ, и вслѣдствіе того, была не только бѣдна, безденежна, но и безоружна, отъ чего долго не могла свергнуть съ себя тяготѣвшее надъ нею иго азіятскихъ ордъ и сразу проложить себѣ морской и территоріальный путь къ Западу. Отъ незнанія горной, полезной производительности, древняя Россія была крайне бѣдна даже самыми простыми земледѣльческими орудіями, такъ что московскіе цари должны были въ XVII вѣкѣ разсылать по областямъ сохи, сошники, серпы и проч. А какое міросозерцаніе тогда господствовало не только въ массахъ народа, но и въ высшихъ классахъ общества? «Вѣкъ тогдашній, — говоритъ Болтинъ, — благовременѣнъ былъ пустосвятству, обману и подлогамъ; ханжи и лицемѣры чудесамъ не вѣрили, но пользу свою въ томъ обрѣтали; народъ вѣрилъ и обманщиковъ обогащалъ. Сколько вещей обыкновенныхъ, простыхъ, ничего не значущихъ, принято было за святыню». Даже дворъ царицы Параскевы Ѳеодоровны, по словамъ Татищева, «отъ набожности былъ госпиталь на уродовъ, ханжей, въ родѣ сумасброднаго подъячаго Тимоѳея Архиповича, котораго суевѣры почитали за святого и пророка». И въ то время, когда Ломоносовъ, увлеченный въ расколъ, съ жаждой знанія, бѣжалъ за рыбнымъ обозомъ въ Москву, слушалъ тамъ схоластическія науки у заиконоспасскихъ монаховъ и потомъ отправился за границу изучать физику и философію у Вольфа, — и въ то время было множество фанатиковъ Капитоновъ, которые «съ чотками въ рукахъ, читали часословъ и ворчали — кричали, что сѣмя наукъ вредно, что ѣхать за границу учиться — значитъ погублять свою душу, что физика, математика и геометрія — богоотреченныя книги, что грѣхъ испытывать природу — тайны Божіи» и т. п. И вотъ, въ такое-то время, въ этой темной тучѣ облегшихъ народъ

[illegible] въ [illegible] не [illegible] и на [illegible] въ природѣ [illegible] отъ [illegible] — каждый [illegible] пыты. И [illegible] въ всячески [illegible] знанію. [illegible] и проч. [illegible] —

полюбить природу, полюбить изученіе. Приступая къ публичному чтенію физики въ 1750 году, и въ программѣ изобразивши высокое этическое, нравственное значеніе и великую реальную пользу естествознанія,—Ломоносовъ публично призывалъ «желающихъ учиться натуральной философіи въ физическія камеры Академіи на публичные физическіе опыты, ничего иного отъ нихъ не желая, какъ только постояннаго слушанія». «И смотрѣть только на роскошь преизобилующей натуры,—говорилъ онъ,—есть чудное и восхищающее духъ увеселеніе, и пріятно, и вождѣленно, и полезно, и свято. Но это блаженство можетъ быть приведено въ несравненно высшее достоинство при подробномъ познаніи свойствъ и причинъ самихъ вещей. Кто знаетъ свойства и смѣшеніе малѣйшихъ частей, составляющихъ тѣла, изслѣдовалъ расположеніе органовъ и движенія законы, натуру видитъ какъ нѣкоторую художницу, упражняющуюся передъ нимъ безъ закрытія въ своемъ искусствѣ, видитъ, какъ она почти умерщвленныя отъ зимняго холода деревья весною опять оживляетъ, какъ обогащаетъ лѣто жатвою и плодами, и готовитъ сѣмена къ будущему времени, какъ день и ночь, зной и стужу умаляетъ и умножаетъ, движетъ и удерживаетъ вѣтры, дождь ниспускаетъ, зажигаетъ молніи и громомъ смертныхъ устрашаетъ, управляетъ теченіе водъ, и прочія удивительныя дѣйствія производитъ,—сколь высшее наслажденіе имѣетъ онъ передъ тѣмъ, кто только почти на внѣшній видъ вещей смотритъ, и вмѣсто самихъ, почти одну тѣнь ихъ видитъ. Кто такія мысленныя разсужденія о натуральныхъ вещахъ приводитъ въ дѣйствіе въ гражданскихъ или домостроительныхъ предпріятіяхъ,—того надежда на окончаніе его дѣлъ тѣмъ тверже и увеселительнѣе, и по окончаніи ихъ удовольствіе тѣмъ полнѣе и безопаснѣе, чѣмъ яснѣе видитъ онъ сокровенныя силы рачительной природы въ произведеніи своихъ предпріятій. Отсюда ясно, что блаженства человѣческія могутъ быть увеличены и приведены въ высшее достоинство только яснѣйшимъ и подробнѣйшимъ познаніемъ физики». «Испытаніе натуры трудно, однако полезно, свято»— такъ началъ Ломоносовъ слово о происхожденіи свѣта. Въ высшей степени драгоцѣнно и многозначительно то, что Ломоносовъ дѣятельнѣйшимъ образомъ старался ввести въ народное образованіе великую науку—химію, вполнѣ понявши ея громадное значеніе для народной культуры. Съ этою цѣлію онъ произнесъ 6 сентября 1751 г. свое замѣчательное слово о пользѣ химіи. Къ сожалѣнію, время не позволяетъ намъ привести на память замѣчательнѣйшихъ мѣстъ изъ этого слова.

И не словами только, но и своими физическими и химическими опытами и металлургическими изслѣдованіями Ломоносовъ пролагалъ путь къ новому, реальному образованію русскаго общества. Мы такъ близоруки были доселѣ, что по настоящее время не оцѣнили надлежащимъ образомъ естественно-научныхъ работъ и заслугъ Ломоносова. Между тѣмъ лучшіе знаменитые западные натуралисты того времени поняли и достойно оцѣнили и геній, и труды Ломоносова. Знаменитый математикъ Эйлеръ, о которомъ Екатерина Великая говорила, призывая его вторично въ Россію: «я увѣрена, что Академія моя возродится изъ пепла отъ такого

важнаго пріобрѣтенія, какъ Эйлеръ, и заранѣе поздравляю себя съ тѣмъ, что возвратила Россіи великаго человѣка»—этотъ Эйлеръ писалъ Ломоносову отъ 23 марта 1748 года: «удивляюсь я многопроницательности и глубинѣ вашего остроумія въ изъясненіи крайне-трудныхъ химическихъ вопросовъ. Изъ сочиненій вашихъ съ величайшимъ удовольствіемъ увидѣлъ я, что вы въ истолкованіи химическихъ дѣйствій далеко отступили отъ принятаго у химиковъ порядка, и съ обширнымъ искусствомъ въ практикѣ соединяете высокое знаніе. Поэтому не сомнѣваюсь, что вы доведете до совершенной достовѣрности не твердыя еще и сомнительныя основанія этой науки, такъ что ей послѣ и по справедливости дано будетъ мѣсто въ ряду физическихъ наукъ». Тотъ же Эйлеръ писалъ президенту Академіи Разумовскому: «всѣ диссертаціи Ломоносова не только хороши, но и весьма превосходны; ибо онъ пишетъ о самыхъ необходимыхъ предметахъ физическихъ и химическихъ, которые по нынѣ не знали и не могли объяснить самые остроумные люди. При этомъ случаѣ я долженъ отдать справедливость Ломоносову, что онъ имѣетъ превосходный геній къ объясненію физическихъ и химическихъ явленій. Желательно, чтобъ и другія академіи въ состояніи были сдѣлать такія открытія, какія показывалъ Ломоносовъ». Въ самомъ дѣлѣ, Ломоносовъ, при самыхъ ничтожныхъ тогдашнихъ средствахъ, единственно силой своего генія и неутомимыми, раціонально направленными опытами при помощи инструментовъ, большею частью имъ самимъ изобрѣтенныхъ, доходилъ до такихъ важнѣйшихъ физическихъ и химическихъ открытій, которыя послѣ прославили знаменитыя имена Лавуазье, Тиндаля, Грове и другихъ. Прочитайте, напримѣръ, его слово о воздушныхъ явленіяхъ, происходящихъ отъ электрической силы, сказанное 26 ноября 1753 года;—изъ него увидите, что Ломоносовъ совершенно независимо отъ Франклина и раньше его открылъ воздушное электричество и объяснилъ явленіе грома. Тутъ же онъ высказалъ много такихъ мыслей, которыя мы теперь встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ Тиндаля и Грове, какъ новость. Напримѣръ, Ломоносовъ рѣшительно отрицаетъ существованіе особыхъ, какъ онъ самъ называетъ, теплотворныхъ и всякихъ чудотворныхъ матерій, а видитъ только разныя формы измѣненія въ состояніяхъ матеріи и прямо говоритъ о законѣ соотношенія и превращенія и о происхожденіи отсюда новыхъ силъ. И электрической силы—замѣчаетъ онъ—суть тѣ же причины: движеніе, треніе или теплота. Прочитайте его слово о происхожденіи свѣта, вы увидите, что и здѣсь геній его возвышается до тѣхъ выводовъ, какіе послѣ уже развивали Тиндаль и Грове. «Доказано мною, — говоритъ онъ, въ разсужденіи о причинѣ теплоты и стужи, что теплота происходитъ отъ коловратнаго движенія частицъ, составляющихъ самыя тѣла». Не то же ли это, что, по ученію новѣйшихъ химиковъ и физиковъ, молекулярное движеніе частичекъ вещества. «Теплотворныя и всякія чудотворныя матеріи,—замѣчаетъ Ломоносовъ, приняты произвольно. Неоспоримо, что разныя движенія суть причины теплоты и свѣта, свѣтъ есть зыблющееся движеніе». Не такъ ли же разсуждаетъ Грове въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи о соотношеніи физическихъ

силъ? А сколько новыхъ и въ высшей степени полезныхъ въ то время мыслей высказалъ Ломоносовъ въ своемъ словѣ о происхожденіи металловъ, въ разсужденіи о мореплаваніи, о магнитной теоріи и земномъ магнитизмѣ, о теоріи морскихъ теченій, о метеорологіи и предсказаніи погоды и т. п. — все это излагать въ настоящія минуты, къ сожалѣнію, и не время, и не мѣсто, и я отлагаю это до особой статьи въ одномъ изъ нашихъ журналовъ. Теперь же спѣшу выразить хоть одно или два изъ тѣхъ желаній, какія невольно внушаетъ воспоминаніе о безсмертномъ Ломоносовѣ, и которыя, надѣюсь, сочувственно раздѣлитъ со мною всякій мыслящій.

Чѣмъ бы лучше всего можно было ознаменовать и увѣковѣчить память безсмертнаго Ломоносова? Думаю, тѣмъ, что всего болѣе желалъ, къ чему всю жизнь свою стремился и Ломоносовъ. Ломоносовъ вопервыхъ возбудилъ мысль о первомъ русскомъ университетѣ, и его не даромъ называютъ *родителемъ* Московскаго университета. Шувалову онъ однажды писалъ: «принимаю смѣлость, для общей пользы наукъ въ отечествѣ, докучать, чтобы вашимъ сильнымъ ходатайствомъ данъ былъ изъ высокой канцеляріи формуляръ университетской привиллегіи для ускоренія инавгураціи и порядочнаго теченія ученій. Сіе будетъ конецъ моего попеченія объ успѣхахъ въ наукахъ сыновъ россійскихъ». При воспоминаніи одной этой великой энергіи и настойчивости Ломоносова въ дѣлѣ основанія перваго русскаго университета,—чего бы лучшаго, какой пирамиды намъ, сибирякамъ, желать, въ увѣковѣченіе памяти Ломоносова, какъ не *университета въ Сибири*. Да, университета ждутъ всѣ молодыя поколѣнія сибирскія, не только русскія, но и инородческія, въ массѣ которыхъ гибнетъ множество Ломоносовыхъ, Банзаровыхъ [1]). Университета ждетъ, въ университетѣ крайне нуждается наша мягкая, бездумная, обѣдная, нарядолюбивая, карто-игривая, китайско-монгольская общественная жизнь сибирская; ибо, по крайне йудаленности отъ всепросвѣщающаго Запада, по крайней невыгодной заброшенности и замкнутости почти въ самомъ полярномъ углу Азіи, среди полудикихъ звѣролововъ и номадовъ въ холодномъ климатѣ, среди дикой, неизученной и некультированной экономіи природы,—умственная жизнь сибирскаго общества требуетъ живѣйшихъ импульсовъ, самыхъ могучихъ, динамически двигательныхъ силъ европейской науки, интеллигенціи и мысли, какія могутъ развиваться и воспитываться только въ университетѣ. Университета требуетъ, наконецъ —скажу смѣло, самая природа громадной и разнообразной сибирской земли, привлекавшая и занимавшая Палласовъ, Гумбольдта, Риттера и множество натуралистовъ, ибо ждетъ и требуетъ университетски развитыхъ естествоиспытателей, требуетъ, для изслѣдованія каждой мѣстности, каждой природной формы, каждаго физическаго типа, всякой области и всякаго предмета своей естественной экономіи неотложно требуетъ своихъ Шварцовъ, Бэровъ, Миддендорфовъ, Врангелей, Радде, своихъ Гумбольдтовъ, Розе,

[1]) Банзарову Щаповъ посвятилъ статью „Этнографическая организація русскаго народонаселенія“. *В. Стор.*

Ермановъ и проч. Безъ университета ни Сибирскій Отдѣлъ Географическаго Общества, ни Статистическіе Комитеты, ни гимназіи и прогимназіи не могутъ имѣть живѣйшей и сильной помощи и поддержки, высшаго руководства и правильнаго корректива или регулятора въ своей ученой и народообразовательной дѣятельности, лишаются живѣйшихъ импульсовъ и многихъ вспомогательныхъ силъ и средствъ. Но знаю, что грифы, стерегущіе злато сибирское, крезы сибирскіе, непонимающіе или не цѣнящіе невещественныхъ благъ наукъ—предпочтутъ лукулловскіе и всепокорнѣйшіе обѣды наукамъ университета, а обюрократившееся и исповѣсничавшееся поколѣніе сибиряковъ, преуспѣвающее въ картофиліи и прочихъ подобныхъ гражданскихъ доблестяхъ и ограничивающееся модными припадками либеральнаго бултыхо-болтанія, свысока скажетъ: pia desideria. Ломоносовъ старался разсѣивать народныя суевѣрія и предразсудки и опопуляризировать естественныя истины, и желалъ поучительныхъ для народа изданій. Но мы, и въ этомъ отношеніи, не можемъ почтить память его изданіемъ, напримѣръ, для народа Ломоносовскаго естественно-научнаго сборника, и т. п. Такъ пусть же, по крайней мѣрѣ, исполнится хоть одно желаніе Ломоносова — распространеніе реальныхъ знаній въ дѣтяхъ бѣднаго рабочаго населенія. Пусть, во имя Ломоносова — хоть одинъ или два сибирскихъ самородка, подобно ему, по крайней мѣрѣ, изъ ремесленной школы или прогимназіи проложатъ себѣ путь въ университетъ или другое какое-нибудь высшее реально-образовательное заведеніе, дабы, — скажемъ стихомъ Ломоносова,

Что въ отечествѣ оставлено презрѣнно,
Пріобрѣло ему сокровище безцѣнно,
И чтобъ изъ тяжкаго для общества числа
Воздвигнуть съ правами похвальны *ремесла*,
Внемлите съ радостью *полезному питомству*,
Рачители добра грядущему потомству!
Похвально дѣло есть убогихъ призирать,
Сугуба похвала для *пользы воспитать:*
Натура то гласитъ, повелѣваетъ вѣра...
И божественныхъ платоновъ
И великихъ, славныхъ истинно Невтоновъ
Можетъ и россійская земля рождать.

Можетъ,— прибавимъ,— и сибирская земля рождать. Дадимъ возможность, средства, стипендіи.

И будет собственных платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать

Древніе пустыни и пустынножители на сѣверо-востокѣ Россіи[1]).

Въ XIV и XV столѣтіяхъ въ сѣверо-восточной Руси пустынныхъ пространствъ было еще болѣе, чѣмъ заселенныхъ земель. Пустыня преобладала надъ поселеніями, также какъ лѣсъ преобладалъ надъ полемъ. Даже въ самой населенной московской области, еще въ XVI вѣкѣ, пни огромныхъ деревьевъ напоминали Герберштейну, что не такъ давно вся эта страна была покрыта лѣсомъ [2]). Въ тверской и новгородской области, не смотря на быстрые успѣхи населенія, долго еще заблуждались цѣлыя рати среди непроходимыхъ лѣсовъ, болотъ и озеръ [3]). А чѣмъ далѣе на сѣверо-востокъ углублялся путешественникъ, тѣмъ болѣе поражали его непроходимые, необитаемые лѣса и болота. Область бѣлозерская, рано начавшая заселяться и непрерывно и быстро потомъ заселявшаяся, особенно по старанію игуменовъ и старцовъ Кирилло-бѣлоезерскаго монастыря, и въ XVI вѣкѣ еще во многихъ мѣстностяхъ представляла сплошныя пустыни. Propter crebras paludes, sylvas ac undique concurrentes fluvios, говоритъ Герберштейнъ, loca inculta sind, nullisque civitatibus frequentata [4]). При отсутствіи городовъ, изрѣдка только виднѣлись въ лѣсахъ разбросанные *починки*, которыхъ нигдѣ, кажется, и небыло столько, какъ въ бѣлозерско-вологодскомъ краѣ. Эти «починки на лѣсѣхъ» уже сами по себѣ характеризуютъ страну пустынную, лѣсную, «гдѣ еще только начиналось заселеніе». Изъ Бѣлозерщины на Вологду, по словамъ одного акта XVI вѣка, пошелъ лѣсъ большій». Герберштейнъ такъ описываетъ пустынность этой и донынѣ малонаселенной страны: «Regio tota palustris et sylvestris est, unde fit, ut exactam itineris rationem propter crebras paludes et fluviorum antractus, hoc quoque in loco viatores observare non possint. Quo enim magisprogrediare, hoc plures et inviae paludes, fluvii ac sylvae occurrunt» [5]). Далѣе на сѣверо-востокѣ, по словамъ Герберштейна, тянулись безпредѣльные лѣса и болота.

---

[1]) Напечатано въ журналѣ „Православный Собесѣдникъ" за 1860 г., часть III, стр. 196—221 (цензурное дозволеніе на выпускъ въ свѣтъ означенной книжки отъ 10 августа 1860 года).

[2]) Totam regionem non ita diu admodum sylvosam fuisse, et magnarum arborum truncis, qui etiam nunc exstant, apparet. Rerum Moscovitar. Commentarii, p. 61.

[3]) Полн. собр. р. лѣт. т. V., стр. 206.

[4]) Rer. Moscov. Comment. p. 77.

[5]) Ib. p. 79.

Ермановъ и проч. Безъ университета ни Сибирскій Отдѣлъ Географическаго Общества, ни Статистическіе Комитеты, ни гимназіи и прогимназіи не могутъ имѣть живѣйшей и сильной помощи и поддержки, высшаго руководства и правильнаго корректива или регулятора въ своей ученой и народообразовательной дѣятельности, лишаются живѣйшихъ импульсовъ и многихъ вспомогательныхъ силъ и средствъ. Но знаю, что грифы, стерегущіе злато сибирское, крезы сибирскіе, непонимающіе или не цѣнящіе вещественныхъ благъ наукъ—предпочтутъ лукулловскіе и всепокорнѣйшіе обѣды наукамъ университета, а обюрократившееся и исповѣсничавшееся поколѣніе сибиряковъ, преуспѣвающее въ картофиліи и прочихъ подобныхъ гражданскихъ доблестяхъ и ограничивающееся модными припадками либеральнаго бултыхо-болтанія, свысока скажетъ: pia desideria. Ломоносовъ старался разсѣивать народныя суевѣрія и предразсудки и опопуляризировать естественныя истины, и желалъ поучительныхъ для народа изданій. Но мы, и въ этомъ отношеніи, не можемъ почтить память его изданіемъ, напримѣръ, для народа Ломоносовскаго естественно-научнаго сборника и т. п. Такъ пусть же, по крайней мѣрѣ, исполнится хоть одно желаніе Ломоносова — распространеніе реальныхъ знаній въ дѣтяхъ бѣднаго рабочаго населенія. Пусть, во имя Ломоносова — хоть одинъ или два сибирскихъ самородка, подобно ему, по крайней мѣрѣ, изъ ремесленной школы или прогимназіи проложатъ себѣ путь въ университетъ или другое какое-нибудь высшее реально-образовательное заведеніе, дабы, — скажемъ стихомъ Ломоносова,

Что въ отечествѣ оставлено презрѣнно,
Пріобрѣло ему сокровище безцѣнно,
И чтобъ изъ тяжкаго для общества числа
Воздвигнуть съ правами похвальны *ремесла,*
Внемлите съ радостью *полезному питомству,*
Рачители добра грядущему потомству!
Похвально дѣло есть убогихъ призирать,
Сугуба похвала для *пользы воспитать:*
Натура то гласитъ, повелѣваетъ вѣра…
И божественныхъ платоновъ
И великихъ, славныхъ истинно Невтоновъ
Можетъ и россійская земля рождать.

Можетъ,— прибавимъ,— и сибирская земля рождать. Дадимъ возможность, средства, стипендіи.

И будет собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать

ревніе пустыни и пустынножители на сѣверо-востокѣ Россіи[1]).

Въ XIV и XV столѣтіяхъ въ сѣверо-восточной Руси пустынныхъ остранствъ было еще болѣе, чѣмъ заселенныхъ земель. Пустыня преобла-ла надъ поселеніями, также какъ лѣсъ преобладалъ надъ полемъ. Даже ь самой населенной московской области, еще въ XVI вѣкѣ, пни огром-ыхъ деревьевъ напоминали Герберштейну, что не такъ давно вся эта грана была покрыта лѣсомъ [2]). Въ тверской и новгородской области, не мотря на быстрые успѣхи населенія, долго еще заблуждались цѣлыя рати реди непроходимыхъ лѣсовъ, болотъ и озеръ [3]). А чѣмъ далѣе на сѣверо-остокъ углублялся путешественникъ, тѣмъ болѣе поражали его непрохо-имые, необитаемые лѣса и болота. Область бѣлозерская, рано начавшая аселяться и непрерывно и быстро потомъ заселявшаяся, особенно по ста-анію игуменовъ и старцовъ Кирилло-бѣлоезерскаго монастыря, и въ XVI ѣкѣ еще во многихъ мѣстностяхъ представляла сплошныя пустыни. ropter crebras paludes, sylvas ac undique concurrentes fluvios, говоритъ ерберштейнъ, loca inculta sind, nullisque civitatibus frequentata [4]). При от-утствіи городовъ, изрѣдка только виднѣлись въ лѣсахъ разбросанные *очинки*, которыхъ нигдѣ, кажется, и небыло столько, какъ въ бѣлозер-ко-вологодскомъ краѣ. Эти «починки на лѣсѣхъ» уже сами по себѣ ха-актеризуютъ страну пустынную, лѣсную, «гдѣ еще только начиналось аселеніе». Изъ Бѣлозерщины на Вологду, по словамъ одного акта XVI ѣка, пошелъ лѣсъ большій». Герберштейнъ такъ описываетъ пустынность той и донынѣ малонаселенной страны: «Regio tota palustris et sylvestris st, unde fit, ut exactam itineris rationem propter crebras paludes et fluvio-um antractus, hoc quoque in loco viatores observare non possint. Quo enim nagisprogrediare, hoc plures et inviae paludes, fluvii ac sylvae occurrunt» [5]). алѣе на сѣверо-востокѣ, по словамъ Герберштейна, тянулись безпредѣль-ые лѣса и болота.

---

[1]) Напечатано въ журналѣ „Православный Собесѣдникъ“ за 1860 г., часть III, тр. 196—221 (цензурное дозволеніе на выпускъ въ свѣтъ означенной книжки отъ) августа 1860 года).

[2]) Totam regionem non ita diu admodum sylvosam fuisse, et magnarum arborum uncis, qui etiam nunc exstant, apparet. Rerum Moscovitar. Commentarii, p. 61.

[3]) Полн. собр. р. лѣт. т. V., стр. 206.

[4]) Rer. Moscov. Comment. p. 77.

[5]) Ib. p. 79.

[illegible] въ сѣверо-восточной [illegible] такъ изображается эта [illegible] пустыни боль- [illegible] населенія необи- [illegible] сѣверо- [illegible] этой исторiи [illegible] хоть два при- [illegible] большія про- [illegible] какъ въ лѣ- [illegible] пустынь процвѣ- [illegible] лѣса [illegible] было [illegible] Симонъ [illegible] всѣмъ [illegible] судныя. [illegible] нынѣ [illegible] и нощію [illegible] змiевъ [illegible] крестъ [illegible] не [illegible] свободахъ [illegible] много- [illegible] рощи [illegible] древняго [illegible] пусто и [illegible] велій [illegible]

[illegible] му мно- [illegible] рус- [illegible]

бости, неразвитости гражданскихъ, общественныхъ правъ и отношеній, при частыхъ тяжбахъ и спорахъ изъ-за земель и имѣній, при всеобщемъ почти стремленіи къ несправедливому пріобрѣтенію имѣнья грабежами и убійствами и къ безчеловѣчному порабощенію свободныхъ людей, наконецъ, при грубости семейной и домашней жизни, — пустыня лѣсная для людей, въ стремленіи къ высшей нравственной жизни недовольныхъ общественнымъ порядкомъ вещей, не мирившихся съ грубою, угнетающею дѣйствительностію, какую представлялъ міръ, — пустыня казалась отраднѣе, успокоительнѣе, вожделеннѣе, чѣмъ богатыя палаты въ многолюдномъ городѣ, въ мірѣ, обществѣ. Для нихъ лучше было жить въ пустынѣ, въ сосѣдствѣ со звѣрями лѣсными, чѣмъ жить въ обществѣ съ людьми, которые, по словамъ Серапіона, епископа владимірскаго, были «аки звѣрье» и которые посему могли препятствовать ревностному ихъ стремленію къ святой жизни. Разладъ средневѣковыхъ силъ и стремленій русскаго общества достигли полнаго развитія въ XIV и XV вѣкахъ: далѣе, въ слѣдующія два столѣтія, началось уже ихъ государственное сосредоточеніе, уравновѣшеніе и примиреніе. Поэтому никогда такъ не развивалось, не усиливалось въ древней Россіи и нравственное противодѣйстіе этимъ грубымъ силамъ и стремленіямъ, какъ въ XIV и XV вѣкахъ, никогда такъ не усиливалось въ русскомъ обществѣ, какъ въ эти столѣтія, противоположное господствующему средневѣковому общественному направленію, стремившееся къ нравственному усовершенствованію, выразившееся въ пустынножительномъ отшельничествѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, XIV и XV вѣка были вѣками преимущественнаго развитія и процвѣтанія подвижничества, пустынножительства, развитія монашества, воспитанія святыхъ русской церкви. Въ тѣ вѣка полнаго господства вѣры, преобладанія благочестиваго чувства надъ другими стремленіями духа человѣческаго, и надъ силою мысли и познанія, и надъ силою чувства эстетическаго, и надъ попеченіями житейскими, въ такое время, — очевидно, — возможно было такое явленіе, что, казалось, отреченіе отъ міра было идеаломъ людей, начиная отъ великихъ князей до послѣднихъ простолюдиновъ. Было же такое время земного торжества русской Церкви, когда менѣе, чѣмъ въ одно столѣтіе, предстаетъ предъ нами многочисленный сонмъ святыхъ и потомъ въ другое столѣтіе, непрестанно возрастаетъ, умножается новыми ликами святыхъ, когда являлись и на землѣ уже были ублажаемы Варлаамъ хутынскій, Сергій радонежскій, Кириллъ бѣлоозерскій, Димитрій вологодскій, Савва вишерскій, Александръ свирскій, Павелъ обнорскій, Зосима и Савватій соловецкіе, Антоній сійскій, Діонисій глушицкій, Макарій колязинскій, Стефанъ пермскій, — и трудно перечислить всѣхъ, — и притомъ являлись не одни, а съ цѣлыми сонмами своихъ учениковъ, также святыхъ. Почти каждая область, каждый городъ имѣли своего святого, имъ славились, украшались. Въ одномъ рукописномъ житіи XVI вѣка говорится объ этомъ такъ: «московское царство блажитъ Петра и Алексѣя и Іону и Максима и инѣхъ множество; Псковъ же и великій Новгородъ блажатъ Варламія и Михаила юродиваго Христа ради; Смоленскъ бла-

житъ князя Θедора; Ростовъ блажитъ Леонтія и Игнатія, Исаію и Вассіана и Ефрема; Вологда блажитъ преподобнаго Димитрія: кийждо страна своихъ блажитъ. И мы же тебѣ (Прокопія устюжскаго) блажимъ сѣверная страна по Двинѣ рѣкѣ; Вага рѣка, на нейже градъ Шенкурія и то блажитъ уродиваго Христа ради. Соловецкій же островъ и все поморье блажитъ Савватія и Зосиму. Мы же (устюжане) тебе, яко стража и хранителя имѣемъ отчины града нашего Устюга» и пр. [1]). Со второй половины X вѣка и до половины XV Церковь русская воспитала, сколько намъ извѣстно, до 110 святыхъ. И монастыри и пустыни, какъ главныя мѣста, гдѣ воспитывались святые, умножались въ числѣ, постепенно возрастающемъ: тогда какъ съ XI до XIV вѣка, въ три столѣтія, въ Россіи возникло до 87 монастырей и пустыней, въ XIV и первой половинѣ XV, слѣдовательно въ полтора столѣтія, ихъ возникло вновь до 150, изъ коихъ въ XIV вѣкѣ возникло до 80, въ первой половинѣ XV до 70 монастырей. И здѣсь-то, въ этихъ пустыняхъ и монастыряхъ, преимущественно развилось христіанское духовное міросозерцаніе. Неудержимое, ревностное стремленіе къ пустынножительному міросозерцанію, или лучше сказать самоотреченному христіанскому богосозерцанію, было господствующею мыслію, господствующимъ чувствомъ и стремленіемъ всѣхъ людей, всѣмъ сердцемъ принявшихъ вѣру христіанскую. Пустыня съ ея природою, находившаяся въ непроходимыхъ дебряхъ сѣвера, полная, и страшныхъ силъ, и явленій природы, и нерѣдко дивныхъ красотъ, подъ вліяніемъ глубокорелигіознаго настроенія души, привлекала и воображеніе, и чувство, восторгала созерцателей — любителей ея, — отшельниковъ. Всѣ эти святые отшельники проникнуты живымъ, теплымъ сочувствіемъ къ природѣ, къ ея красотамъ, силамъ и явленіямъ. Всѣ они любятъ углубляться въ лѣса и тундры, чтобы тамъ въ тишинѣ, въ невозмутимомъ самоуглубленіи созерцать совершенства и творенія Божіи. Коль скоро находятъ прекрасное мѣстоположеніе, видятъ въ немъ образъ рая, домъ Божій и съ восторгомъ восклицаютъ псаломскою пѣснію: коль возлюбленна селенія твоя, Господи силъ! желаетъ и скончавается душа моя во дворы Господни. Ибо птица обрѣте себѣ храмину, и горлица гнѣздо себѣ, идѣже положитъ птенцы своя. Изволихъ приметатися въ дому Бога моего паче, нежели жити ми въ домахъ грѣшныхъ. Сей покой мой, здѣ вселюся, яко возлюби душа моя» [2]). Избирали они обыкновенно такія мѣста, которыя отовсюду окружены лѣсами, рѣками, озерами, какъ стѣнами. Въ древнихъ жизнеописаніяхъ обыкновенно такими чертами изображается мѣстность ихъ пустыней: «мѣсто оно, идѣже вселися святый, боръ бяше велій и чаща, мѣсто зѣло красно, всюду яко стѣною окружено водами и бѣ видѣніе онаго мѣста зѣло умиленно, промежу дву езеръ, водою, аки стѣнами окружено», и. т. п. Они любятъ такія мѣстоположенія, которыя возбуждаютъ въ душѣ чувство высо-

1) Сборн. Солов. № 826, л. 505.

2) Въ рѣдкомъ жизнеописаніи не сказано, чтобъ св. отшельникъ, обрѣтши пустыню по сердцу, не произнесъ этихъ псаломскихъ словъ.

каго, чувство присутствія Бога. Уединенная глушь лѣсная, лежащая гдѣ-нибудь въ ровной долинѣ, окаймленная дремучимъ лѣсомъ, или величественно обставленная двумя грядами горъ, обросшихъ лѣсомъ, полная невозмутимой людьми тишины, а нарушаемой только нестройными криками лѣсныхъ звѣрей и пѣньемъ птицъ, — такая пустыня лѣсная приводила отшельниковъ въ чувство глубокаго умиленія, погружала ихъ въ тихое самоуглубленіе и богосозерцаніе, и возбуждала въ нихъ слезы покаянія. Съ этою цѣлію св. отшельники выбирали такую лѣсную глушь, и часто долго искали ея, переходя съ мѣста на мѣсто. «Мѣсто второй пустыни сійской (гдѣ подвизался Антоній сійскій) говоритъ жизнеописатель его, въ горахъ бяше, горами яко стѣнами окружено, въ долу же горъ тѣхъ бяше езеро, Падунъ глаголемое. На горахъ же тѣхъ лѣсъ, великій зѣло видѣти. Въ подгоріи же горъ онѣхъ стояше келлія святого. Окрестъ же ея дванадесять березъ, яко снѣгъ бѣлѣюще. Плачевно же есть мѣсто се вельми, яко же кому пришедши посмотрѣти сію пустыню, зѣло умилитися имать, яко самозрѣніе мѣста того въ чувство привести можетъ зрящихъ его»[1]. Увлекаясь красотами пустынныхъ мѣстоположеній, отшельники иногда испытывали и естественныя производительныя силы тѣхъ мѣстностей, гдѣ селились, дознавали, удобны ли онѣ для поселенія или нѣтъ. «Слышавъ отъ живущихъ на островѣ Валаамѣ объ островѣ, называемомъ Соловки, говоритъ жизнеописатель пр. Савватія, въ морѣ океанѣ сказываютъ, а отстоитъ отъ земли на два дни шествія: а вокругъ его, говорятъ, поприщъ сто. И озера имѣетъ посреди себя многіи и рыбы въ нихъ множество по родомъ имъ, а не морская: а которая въ мори, та морская. И вокругъ его ловища рыбныя. Островъ же тотъ деревьями разными цвѣтетъ, и боромъ верхи горъ покрыты, и по раздольямъ всякія деревья имѣетъ, ягоды различныя и сосны превеликія къ построенію храмовъ и на всякія потребы благопристойныя: а есть добръ и благоугоденъ для житья людямъ, желающимъ поселиться тамъ»[2]. Вообще же отшельники любятъ ходить по лѣсамъ, безбоязненно и долго странствуютъ по дикой лѣсной пустынѣ, ища въ ней мѣста для духовнаго успокоенія, для уединенныхъ подвиговъ въ постѣ и молитвѣ, для уединеннаго богосозерцанія. «Вотъ тотъ же Антоній сійскій, говоритъ жизнеописатель его, шелъ въ сѣверныя страны, прилежащія двинской области, и проходивши непроходимыя лѣсы, дебри и дрязги, иже прилежатъ студенаго моря окіана и мхи и блата непостоянныя и езера многія, ищуще благопотребна мѣста, идѣже Богъ наставитъ, и пришедъ на дальнее езеро, зовомое Михайлово, въ негоже течетъ рѣка, глаголемая Сія, изо многихъ езеръ протече. Мѣсто же оно непроходимыя дебри и лѣсы темныя, и чащи и дрязги великія имать, и мхи и блата непостоянныя, въ нихъ же живяху дивіи звѣріе, медвѣди и волцы, елени и заяцы и лисицы, множество много ихъ, яко скота бяше ихъ. Езера имать многи окрестъ себя и глубоки зѣло. Водами же всюду яко стѣнами окружено. Стези же, проводящія стопы человѣчи, не многи

[1] Сборн. № 230; житіе Антонія Сійскаго.
[2] Рук. Сол. житіе Зосимы и Савватія соловец.

имать, по единымъ путемъ прійти или отыти. Понеже бо многимъ езеромъ окрестъ святой обители всюду обшедшимъ, изъ нихъ же рѣка Сія протече изъ езера въ езеро, якоже нѣкіимъ соузомъ связаннымъ имъ быти рѣкою Сіею, яко пришедшихъ кому увидѣти, удивится имать неизреченной премудрости Божіей». Когда преподобный Сергій поселился въ лѣсахъ радонежскихъ,—по словамъ жизнеописателя его, пустыня тогда была непроходимая, стези не было, и непроходимо было стопами человѣческими: много тогда гадовъ и ползающихъ змѣй являлось ему, къ келліи его разные звѣри подходили во множествѣ не только ночью, но и днемъ, стада волковъ выли и ревѣли вокругъ его кельи, иногда же являлись медвѣди, приближались къ нему безвредно, окружали его. «Обычай имяше преподобный Макарій колязинскій, говоритъ жизнеописатель его, обходити мѣста пустынныя: аще бо и звѣріе дивіи насельницы быша пустыни той, но яко кротчайшіи овчата съ нимъ хождаху, паче же рещи, яко же и повиновахуся ему, многажды и пищу пріимаху отъ него» [1]). Однажды игуменъ кожеезерскаго монастыря, — повѣствуется въ жизнеописаніи преподобнаго Никодима кожеезерскаго, — «влѣзе въ корабль съ однимъ инокомъ, и плывяху по рѣцѣ (Хозюгѣ) вверхъ для досмотрѣнія новоросчисныхъ сѣнныхъ покосовъ. Егда же вспять возвратихомся, и пловущимъ намъ внизъ по рѣцѣ, и узрѣхомъ преподобнаго въ лѣсѣ ходяща близь рѣки, окрестъ же его дивіи звѣріе хождаху, глаголеміи елени, и не бояхуся его. Егда же нашъ гласъ услышаша и побѣгоша по пустыни. Игуменъ же вопроси преподобнаго о еленѣхъ: сіи звѣріе часто приходятъ сѣмо? Преподобный глагола намъ. Игуменъ же о семъ вельми удивися, како елени близь преподобнаго хождаху и не бояхуся его» [2]). А это пустынное странствованіе, шествіе преподобнаго Макарія желтоводскаго съ народомъ изъ плѣна татарскаго, напоминаетъ странствованіе евреевъ съ Моисеемъ по пустынѣ аравійской. Возвращаясь изъ плѣну татарскаго, съ толпой народа, Макарій, говоритъ жизнеописатель его, совѣщался съ сущими съ нимъ христіанами, яко да преселитися имъ на рѣку на Уньжу: бѣ бо тогда мало отъ живущихъ ту по весямъ, но малъ градъ единъ, и сотвори тако, Богъ же помогалъ ему къ путному шествію, а народъ за нимъ шелъ, яко присная чада отца своего: шествіе же пути съ нимъ продолжашеся, занеже мѣсто то, Уньжа отстояніе имать отъ Желтыхъ водъ глаголютъ не мало, яко двѣсти четыредесять или множае поприщъ, идяху же внутреннею пустынею и непроходными блаты. Бысть же имъ оскудѣніе хлѣбомъ, и не обрѣтаху, что ясти, тающе голодомъ. Господь же прославлялъ угодника своего, и абіе Божіимъ мановеніемъ обрѣтоша народи дивіе животно, глаголемое лось, и яша его жива молитвами преподобнаго. Бѣже тогда постъ Петра и Павла, оставалось еще три дня. Святый же возбраняше имъ, глаголя: чадца моя, потерпите Господа ради, и не разрѣшайте святаго поста дней: Господь же препитаетъ васъ въ пустыни сей. И повелѣ имъ отрѣшити ухо лосю и отпустити его, и яко же хощетъ Богъ, въ день той животное

---

[1]) Сборн. 826, л. 509 и сл.
[2]) Сборн. № 182.

се будетъ вамъ. Людіе отрѣшиша ухо лосю, и отпустиша его, и отойде въ пустыню. Преподобный же, видя ихъ томимыхъ гладомъ, и зѣло печашеся о нихъ: народи же моляху святаго, да молитву сотворитъ о нихъ, да не злѣ гладомъ погибнутъ въ пустыни. Святый же утѣшая ихъ глаголя: «не скорбите чада моя, но паче уповайте на благость Божію, яко прекормивый Богъ израильтянъ четыредесятъ лѣтъ въ пустынѣ манною, той можетъ и насъ препитати въ пустыни сей. Когда приспѣлъ день святыхъ верховныхъ апостолъ, преподобный же уклонися мало въ пустыню, и воздѣвъ на небо руцѣ свои и рече: хвалю Тя, Господи Іисусе Христе, благословенный Боже призри съ высоты святыя Твоея, всяко дыханіе благословитъ Тя, всяка тварь славитъ Тя. Милостивый Боже царю, призри на люди своя въ пустыни сей. И абіе молитвами святаго внезапу во утріи праздника святыхъ апостолъ урани животное то дивій лось, и обрѣтеся въ народѣ и познаста его яко той же лось бѣ, ухо имый отрешено, и ведоша его къ блаженному, святый же благослови его и повелѣ заклати народу на пищу. Не токмо же сіе единою сотвори святый народу, но и по вся дни обрѣтаху пищу молитвами святаго, овогда лося, иногда же еленя» [1]).

Вѣрованіе, что человѣкъ возстановленный, — искупленный, святой долженъ и имѣетъ силу снова покорять себѣ природу, владычество надъ которою утратилъ грѣхопаденіемъ, столь живое у древнихъ подвижниковъ христіанства, часто высказывается и въ жизнеописаніяхъ святыхъ нашей церкви. Напримѣръ, жизнеописатель преподобнаго Трифона печенгскаго, приступая къ разсказу «о звѣри, сотворшемъ преподобному пакость и о повиновеніи ему гнѣвливаго звѣря», такъ разсуждаетъ: «Богъ и премудрый Создатель сотвори человѣка, и постави его надъ всемъ властелина, яко читаемъ въ книгѣ Бытіи: обладати рыбами морскими и звѣрями, но по преступленіи Адамли отъ послушанія его звѣри отторгошася, и оттолѣ начаху повиноватися токмо избраннымъ святымъ, любящимъ Бога. Ибо праведному Ною о повиновеніи звѣревъ извѣствуется въ исторіи: всякъ звѣрь пріиде и иде къ Ною въ ковчегъ. Читаемъ и о Сампсонѣ: и се львичищъ ревый противу ему и сниде нань Духъ Господень и восхити льва и растерза и яко козлищъ. А въ книгѣ царствъ отъ глаголъ Давыдовыхъ повѣствуется. Егда пасохъ азъ овцы отца моего стада, и егда прихождаху левъ или медвѣдица и восхищаше отъ стада овцу едину, и азъ возлѣ его хождахъ и поражахъ ихъ, и исторгахъ изъ устъ ихъ взятое, и аще сопротивляшеся мнѣ, то емъ за гортань его и разбивахъ... И такъ далѣе разсказываетъ, какъ пророку Елисею, пророку Даніилу и въ новой благодати многимъ праведникамъ повиновались и служили звѣри. Предпославъ также общее библейско-христіанское разсужденіе о покореніи звѣрей угодникамъ Божіимъ, жизнеописатель далѣе разсказываетъ слѣдующее о повиновеніи гнѣвливаго звѣря св. Трифону печенгскому: «преподобному Трифону въ келліи своей устроившу квашню ко испеченію хлѣбовъ, и нѣкія ради потребы изыде изъ келліи; тогда въ келлію его пріиде

[1]) Сборн. № 826.

имать, по единымъ путемъ прійти или отыти. Понеже бо многимъ езеромъ окрестъ святой обители всюду обшедшимъ, изъ нихъ же рѣка Сія протече изъ езера въ езеро, якоже нѣкіимъ союзомъ связаннымъ имъ быти рѣкою Сіею, яко пришедшихъ кому увидѣти, удивится имать неизреченной премудрости Божіей». Когда преподобный Сергій поселился въ лѣсахъ радонежскихъ,—по словамъ жизнеописателя его, пустыня тогда была непроходимая, стези не было, и непроходимо было стопами человѣческими; много тогда гадовъ и ползающихъ змѣй являлось ему, къ келліи его разные звѣри подходили во множествѣ не только ночью, но и днемъ, стада волковъ выли и ревѣли вокругъ его кельи, иногда же являлись медвѣди, приближались къ нему безвредно, окружали его. «Обычай имяше преподобный Макарій колязинскій, говоритъ жизнеописатель его, обходити мѣста пустынныя: аще бо и звѣріе дивіи насельницы быша пустыни той, но яко кротчайшіи овчата съ нимъ хождаху, паче же рещи, яко же и повиновахуся ему, многажды и пищу пріимаху отъ него» [1]. Однажды игуменъ кожеезерскаго монастыря, — повѣствуется въ жизнеописаніи преподобнаго Никодима кожеезерскаго, — «влѣзе въ корабль съ однимъ инокомъ, и плывяху по рѣцѣ (Хозюгѣ) вверхъ для досмотрѣнія новоросчисныхъ сѣнныхъ покосовъ. Егда же вспять возвратихомся, и пловущимъ намъ внизъ по рѣцѣ, и узрѣхомъ преподобнаго въ лѣсѣ ходяща близь рѣки, окрестъ же его дивіи звѣріе хождаху, глаголеміи елени, и не бояхуся его. Егда же нашъ гласъ услышаша и побѣгоша по пустыни. Игуменъ же вопроси преподобнаго о еленѣхъ: сіи звѣріе часто приходятъ сѣмо? Преподобный глагола намъ. Игуменъ же о семъ вельми удивися, како елени близь преподобнаго хождаху и не бояхуся его» [2]. А это пустынное странствованіе, шествіе преподобнаго Макарія желтоводскаго съ народомъ изъ плѣна татарскаго, напоминаетъ странствованіе евреевъ съ Моисеемъ по пустынѣ аравійской. Возвращаясь изъ плѣну татарскаго, съ толпой народа, Макарій, говоритъ жизнеописатель его, совѣщался съ сущими съ нимъ христіанами, яко да преселитися имъ на рѣку на Уньжу: бѣ бо тогда мало отъ живущихъ ту по весямъ, но малъ градъ единъ, и сотвори тако, Богъ же помогалъ ему къ путному шествію, а народъ за нимъ шелъ, яко присная чада отца своего: шествіе же пути съ нимъ продолжашеся, занеже мѣсто то, Уньжа отстояніе имать отъ Желтыхъ водъ глаголютъ не мало, яко двѣсти четыредесять или множае поприщъ, идяху же внутреннею пустынею и непроходными блаты. Бысть же имъ оскудѣніе хлѣбомъ, и не обрѣтаху, что ясти, тающе голодомъ. Господь же прославлялъ угодника своего, и абіе Божіимъ мановеніемъ обрѣтоша народи дивіе животно, глаголемое лось, и яша его жива молитвами преподобнаго. Бѣже тогда постъ Петра и Павла, оставалось еще три дня. Святый же возбраняше имъ, глаголя: чадца моя, потерпите Господа ради, и не разрѣшайте святаго поста дней: Господь же препитаетъ васъ въ пустыни сей. И повелѣ имъ отрѣшити ухо лосю и отпустити его, и яко же хощетъ Богъ, въ день той животное

---

[1] Сборн. 826, л. 509 и сл.

[2] Сборн. № 182.

будетъ вамъ. Людіе отрѣшиша ухо лосю, и отпустиша его, и отойде пустыню. Преподобный же, видя ихъ томимыхъ гладомъ, и зѣло пеnеся о нихъ: народи же моляху святаго, да молитву сотворитъ о нихъ, не злѣ гладомъ погибнутъ въ пустыни. Святый же утѣшая ихъ глаia: «не скорбите чада моя, но паче уповайте на благость Божію, яко кормивый Богъ израильтянъ четыредесятъ лѣтъ въ пустынѣ манною, й можетъ и насъ препитати въ пустыни сей. Когда приспѣлъ день ятыхъ верховныхъ апостолъ, преподобный же уклонися мало въ пустыню, воздѣвъ на небо руцѣ свои и рече: хвалю Тя, Господи Іисусе Христе, агословенный Боже призри съ высоты святыя Твоея, всяко дыханіе бласловитъ Тя, всяка тварь славитъ Тя. Милостивый Боже царю, призри люди своя въ пустыни сей. И абіе молитвами святаго внезапу во утріи аздника святыхъ апостолъ урани животное то дивій лось, и обрѣтеся народѣ и познаста его яко той же лось бѣ, ухо имый отрешено, и веша его къ блаженному, святый же благослови его и повелѣ заклати роду на пищу. Не токмо же сіе единою сотвори святый народу, но и вся дни обрѣтаху пищу молитвами святаго, овогда лося, иногда же еня» [1]).

Вѣрованіе, что человѣкъ возстановленный, — искупленный, святой лженъ и имѣетъ силу снова покорять себѣ природу, владычество надъ торою утратилъ грѣхопаденіемъ, столь живое у древнихъ подвижниковъ истіанства, часто высказывается и въ жизнеописаніяхъ святыхъ нашей ркви. Напримѣръ, жизнеописатель преподобнаго Трифона печенгскаго, иступая къ разсказу «о звѣри, сотворшемъ преподобному пакость и о виновеніи ему гнѣвливаго звѣря», такъ разсуждаетъ: «Богъ и премудрый здатель сотвори человѣка, и постави его надъ всемъ властелина, яко таемъ въ книгѣ Бытіи: обладати рыбами морскими и звѣрями, но по еступленіи Адамли отъ послушанія его звѣри отторгошася, и оттолѣ чаху повиноватися токмо избраннымъ святымъ, любящимъ Бога. Ибо аведному Ною о повиновеніи звѣревъ извѣствуется въ исторіи: всякъ ѣрь пріиде и иде къ Ною въ ковчегъ. Читаемъ и о Сампсонѣ: и се вичищъ ревый противу ему и сниде нань Духъ Господень и восхити ва и растерза й яко козлищъ. А въ книгѣ царствъ отъ глаголъ Давывыхъ повѣствуется. Егда пасохъ азъ овцы отца моего стада, и егда ихождаху левъ или медвѣдица и восхищаше отъ стада овцу едину, и ъ возлѣ его хождахъ и поражахъ ихъ, и исторгахъ изъ устъ ихъ взяе, и аще сопротивляшеся мнѣ, то емъ за гортань его и разбивахъ... И къ далѣе разсказываетъ, какъ пророку Елисею, пророку Даніилу и въ вой благодати многимъ праведникамъ повиновались и служили звѣри. редпославъ также общее библейско-христіанское разсужденіе о покореніи ѣрей угодникамъ Божіимъ, жизнеописатель далѣе разсказываетъ слѣющее о повиновеніи гнѣвливаго звѣря св. Трифону печенгскому: «преодобному Трифону въ келліи своей устроившу квашню ко испеченію хлѣвъ, и нѣкія ради потребы изыде изъ келліи; тогда въ келлію его пріиде

[1]) Сборн. № 826.

великій медвѣдь, опроверже квашню и начатъ уготованное тѣсто ясти; святый же пріиде къ келліи и видѣ звѣря, глагола ему: Іисусъ Христосъ Сынъ Божій и Богъ мой повелѣваетъ ти, изыди изъ келліи и стани сѣмо кротокъ; звѣрь же изыде предъ ногами преподобнаго ста недвижимъ; преподобный же взя веліе древо, біяше звѣря, рече: во имя Іисусъ—Христово даю ти многи раны, яко грѣшному, и наказавъ завѣща звѣрю близъ келліи и лавры впредь не пакостити, отсла въ пустыню. Отъ того же времени, въ славу святыя Троицы и во знамени преподобнаго чудеси, окрестъ лавры и келліи его монастырскимъ скотомъ и еленемъ въ пустыни безстражно пасущимся, и доселѣ звѣри не пакостиша».

Дивное, умилительное зрѣлище представляли эти одинокія пустыни въ глуши лѣсовъ сѣверо-восточныхъ. Это былъ особенный, сокрытый отъ людей, тайный міръ богосозерцанія, подвиговъ и чудесъ. Вотъ стоитъ въ чащѣ дремучихъ лѣсовъ старецъ съ воздѣтыми къ небу руками: ему виднѣются кругомъ только высокія, вѣковыя деревья, да синева небесъ и водъ озерныхъ. — На деревьяхъ онъ видитъ цѣлые хоры птичекъ Божіихъ, и слышитъ, какъ они разнообразными, но дружными откликами на разные лады, поютъ пѣснь Творцу,—съ любовью онъ слушаетъ ихъ пѣнье,— и мысль его возносится горѣ, сердце наполняется восторгомъ духовнымъ и онъ самъ воспѣваетъ пѣснь Богу: «Слава Тебѣ, Владыко Святый! Слава Тебѣ! Како Тя воспою Создателя моего, или кія духовныя пѣсни воспою Тебѣ, о Творче мой!» и проч. Мѣсто, гдѣ вселился преподобный Пафнутій боровскій, — говоритъ жизнеописатель его знаменитый Вассіанъ, епископъ ростовскій, — «частостію лѣса остѣнено, въ немъ же множество птицъ населено, жилище себѣ водружаху, гаврани черноперіи и многоязычніи, блаженный же яко нѣчто велико имый, о зрѣніи тѣхъ зѣло веселяшеся, полагашеся же отъ него заповѣдь, еже никтоже тѣхъ птицъ, или птенцовъ ихъ руками емъ или инымъ орудіемъ да погубитъ»[1]. Часто родомъ простые поселяне, неграмотные, св. отшельники въ пустыняхъ поучались изъ обильной уроками книги природы. Такъ особенно было въ отдаленномъ сѣверномъ Поморьи. «Сіи суть поселяне, — говоритъ инокъ Пантократоровой обители на соловецкомъ островѣ — Сергій о яренгскихъ чудотворцахъ Іоаннѣ и Логгинѣ, — сіи суть поселяне, извыкоша добродѣтель исправити мудростію, не иному тѣхъ учащу, смысломъ бо научаются мудрости: зряху бо солнце, познаваютъ присносущнаго свѣта; видяху небеса, разумѣваютъ Творцу славу; землю зряху, внимаютъ владычню величеству; море видяху, познаваютъ силу владѣющаго; пріемля измѣненіе доброчинное временъ, чюдятся лѣпотѣ строящаго міръ; взирающе звѣзднаго теченія, взимаются къ добротѣ сочетавающаго; смотряще луну, удивляются положившаго ю, — и тако возращаютъ вѣру, и отсюду разумѣваютъ Бога»[2]. Видя въ природѣ вездѣ присутствіе Божіе и созданія Божіи, — отшельникъ хочетъ совершенно мириться съ природой, не коснется и насѣкомаго, жалящаго его тѣло. «Обнажи главу и плещи своя и до пояса, гово-

[1]) Сборн. № 806.
[2]) Рук. Солов. №№ 183 и 189.

ритъ жизнеописатель объ Антоніѣ сійскомъ, и прилеташе множество оводовъ и комаровъ, обсѣдаху все лице, и шею и плещи, и піяху кровь святаго нещадно: преподобный же ни единымъ перстомъ касашеся ихъ». Зимой отъ великой бури занесетъ всю келлію отшельника сѣверной пустыни снѣгомъ, а онъ «живетъ подъ тѣмъ снѣгомъ, аки въ пещерѣ, и къ Богу теплыя своя молитвы съ теплыми слезами возсылаетъ». Онъ силою благодати Божіей торжествовалъ надъ природой, — и теплота живой, горячей вѣры, теплота горячихъ покаянныхъ слезъ согрѣвала, умѣряла для него суровый сѣверный климатъ. При богосозерцательномъ настроеніи духа, были дивныя явленія въ пустыни взору пустынниковъ. «Нѣкогда видѣхъ азъ грѣшный умныма очима, говоритъ Елеазаръ анзерскій, облакъ теменъ, и начатъ быти красенъ, и сниде и начатъ гремѣти, обхождаше около то мѣсто, попаляя и очищая островъ [1]). «Нѣкогда видѣхъ знаменіе: стоящу ми на полѣ чистѣмъ, и видѣхъ, показуетъ ми нѣкто незнаемъ перстомъ на небо: зри, — и видѣхъ чрезъ небо свѣтлу лучу свѣтовидну, яко радуга; и мало помедля, паки глаголаше: воззри на небо, и видѣхъ образъ Христа Бога нашего и пречистую Богородицу и св. пророка Ивана съ ними. Мнѣ же чудящуся о семъ, и паки слышахъ: зри на небо, и видѣхъ второе нерукотворенный образъ Христа Бога нашего, великъ зѣло, во все небо»: и такъ до трехъ разъ было видѣніе. Задолго прежде Елеазара анзорскаго Зосима соловецкій видѣлъ также чудесныя явленія въ воздухѣ. «Едва озарялось утро, говоритъ инокъ Зиновій объ немъ, — исходитъ таинственный сынъ кущи, весь прозраченъ и свѣтелъ душею.... и внезапно осіявается свыше лучемъ свѣта, и все мѣсто вокругъ него. Ужаснулся Зосима отъ блистанія необычнаго свѣта, ибо никогда еще прежде не видѣлъ такого сіянія. И, увидѣвъ свѣтоявленіе, съ ужасомъ взираетъ на востокъ, и видитъ церковь велію и прекрасную образомъ, висящую и превознесенную на воздухѣ»....

Въ пустынѣ, въ глуши сѣверныхъ лѣсовъ, гдѣ неизвѣданная человѣкомъ природа, не покоренная еще человѣческому искусству и наукѣ, часто со всѣмъ могуществомъ своихъ силъ производила страшныя, разрушительныя явленія, отшельникъ — и такія явленія, нарушавшія тишину ничѣмъ невозмутимой его жизни, побѣждалъ силою вѣры и молитвы. «Такъ въ одинъ день, — говоритъ жизнеописатель Никодима кожеезерскаго, — въ рѣкѣ Хозюрѣ, вода поднялась и такъ возвысилась надъ землею, что разлилась по всѣмъ берегамъ и потопила всю окрестность ихъ; потомъ обошла и всю келлію преподобнаго, ибо она стояла неподалеку отъ рѣки, и такъ потопила ее, что ее едва стало видно; показывалась одна только кровля. Преподобный Никодимъ взялъ владимірскую икону пресвятой Владычицы нашея Богородицы, которою благославилъ его отецъ келейный и учитель его преосвященный Пафнутій, митрополитъ крутицкій, и вошелъ на самый верхъ своей келліи, и какъ на столпѣ стоялъ и молился со слезами, поя пѣсни псаломскія. Такъ молился онъ со слезами до тѣхъ

[1]) № 925, л. 148.

поръ, пока вода убыла, вступила въ свои предѣлы и по прежнему потекла»[1]).

Исполненная такой благодатной силы духовнаго и тѣлеснаго подвижничества, пустыня была предметомъ духовныхъ пѣснопѣній. Эти пѣснопѣнія, сложенныя древними иноками-пѣснотворцами въ честь святыхъ пустынножителей, воспѣвающія ихъ пустынныя странствованія, богосозерцаніе и подвижничество, ихъ тяжкую борьбу съ «страхованіями» и стихіями суровыхъ пустыней сѣверо-востока, — эти пѣснопѣнія часто содержатъ въ себѣ хвалы и самымъ пустынямъ, освященнымъ стопами и молитвами святыхъ отшельниковъ, орошеннымъ слезами ихъ покаянными. Пустыня изображается здѣсь не только проповѣдницею подвиговъ святыхъ отшельниковъ, но и прекраснымъ садомъ, возращеннымъ и оплодотвореннымъ ихъ святыми трудами. «Аще убо и тѣлесный языкъ умолче, — воспѣваетъ напримѣръ духовный пѣснопѣвецъ въ честь преподобнаго Германа соловецкаго, но пустыня проповѣдая хвалится, имѣя въ себѣ неотъемлемо сокровище.... Слезъ твоихъ источники пустыни безплодной напоилъ еси, и еже изъ глубины воздыханьми, и труды уплодоносилъ еси»[2]). Пѣснопѣвецъ преподобнаго Антонія, восвпѣвая прогнаніе бѣсовъ изъ пустыни Сійской, представляетъ ее веселящеюся и глаголющею хвалебную пѣснь преподобному Антонію: «пустыня, прежде не плодствующи, нынѣ же веселится, зрящи въ себѣ стадо инокъ, обстоящихъ всечестный гробъ праведнаго отца сего, и духовно веселующися, праздновании торжествующи, хвалящеся сице глаголетъ: радуйся свѣтильниче пресвѣтлый, иже чудесы сіяя, озаряеши души вѣрныхъ, радуйся отче всеблагій, умноживый чада въ пустыни духовныхъ желаній»[3]). — «Пустыня, — слышимъ въ пѣснопѣніяхъ на память преподобнаго Кирилла бѣлоезерскаго,—пустыня, иже иногда бѣсомъ жилище имущи, нынѣ же ученикъ твоихъ, Кириле, множествомъ наполняема украшается, храмъ въ себѣ пречестный Матери Божія имущи».

Пустыня съ деревьями и птицами иногда составляла между прочимъ предметъ иконной живописи. Такъ напримѣръ въ одномъ иконописномъ *подлинникѣ*, въ числѣ предметовъ, окружающихъ соборъ пречистыя Богородицы, представляется и пустыня съ птицами и деревьями: «направо — ангели, лѣво — пѣніе, солнце, луна, звѣзды, небо, а подъ небомъ подпись: небеса. Подъ Богородицею твердь пишетъ, землю —вертепъ, далѣе *пустыню*, а надъ пустынею подпись: *пустыни*.... и птицы, а надъ птицами пишетъ: благодареніе приносятъ: отъ птицъ голубь, сего жь вообразися Духъ Святый Господень во образѣ голубинѣ; а надъ древесы пишетъ: древеса процвѣтоша, крестъ Господень прорастиша»[4]).

---

[1]) № 182.
[2]) Сборн. № 183 стихіра.
[3]) Сборн. № 230.
[4]) Сборн. № 861, № 206.

Смѣсь христіанства съ язычествомъ и ересями въ древне-русскихъ народныхъ сказаніяхъ о мірѣ[1].

Древнія ѳеогоническія и космогоническія преданія словяно-русскаго язычества, встрѣтившись въ началѣ христіанской эпохи съ церковно-библейскимъ ученіемъ о Богѣ и мірѣ, не скоро исчезли, а частію сохранили старое, миѳологическое значеніе, частію приняли оттѣнокъ апокрифически-христіанскій, или, частнѣе, гностико-богомильскій. Въ такомъ видѣ выразились первыя простонародныя понятія о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ въ двухъ древнѣйшихъ памятникахъ народной письменности—въ апокрифической бесѣдѣ трехъ святителей и въ стихѣ о голубиной книгѣ. Мы здѣсь разсмотримъ первую.

Апокрифическая бесѣда трехъ святителей извѣстна намъ въ двухъ редакціяхъ. Въ одномъ, болѣе обширномъ спискѣ, находящемся въ сборникѣ академической, бывшей соловецкой, библіотеки подъ № 925, преобладаетъ элементъ миѳологическій, съ нѣкоторыми оттѣнками гностико-манихейскаго ученія. Миѳологическія начала бесѣды коренятся большею частію не на одной славяно-русской, даже не на одной обще-славянской, почвѣ, а восходятъ и до общаго индо-европейскаго начала. Предлагаемъ вполнѣ эту бесѣду по списку соловецкаго сборника.

«Бесѣда трехъ святителей, Григорія Богослова, Ивана Златоустаго, Василія великаго, съ толкомъ отъ патерика римскаго. Григорій рече: кто первѣе Бога нарече? Иванъ рече: сатана, иже сверженъ бысть съ небеси преже созданія адамля, за гордость наречеся сатана дьяволъ. Василій рече: что есть высота небесная, широта земная, глубина морская?[2]) И рече: Петръ приникъ видѣ ризы едины лежаща и сударь, иже бѣ на главѣ его, не съ ризами лежитъ, но особь свитъ на единомъ мѣстѣ. Григорій рече: сударь бѣ два плата служебныя на блюдѣ, а ризы его верхные небеса, преисподняя бездна стоитъ яко риза, стихарь шестаго неба его[3]), а поясъ желѣзное стояніе около великаго моря, на немъ же земля плаваетъ, а патрахиль входъ и исходъ, а подъ поясомъ земля. Толстота ея яко отъ востока и до запада. И повелѣ его Господень ангеломъ согнати пену морскую и сотворити землю[4]) на трехъ китехъ великихъ, на тридцати

[1]) Напечатано въ журналѣ „Православный Собесѣдникъ" за 1861 г., часть I, апрѣль, стр. 249—283 (цензурное дозволеніе на выпускъ въ свѣтъ означенной книжки отъ 12 декабря 1860 г.).

[2]) Здѣсь пропущенъ отвѣтъ, находящійся въ другомъ спискѣ бесѣды, въ сборн. подъ № 1138: „Иванъ рече: „Троица Отецъ и Сынъ и Святый Духъ свѣтъ есть и другій свѣтъ огнь есть".

[3]) Въ другомъ спискѣ: „а ризы его верхнее небо въ преисподней безднѣ стоитъ яко риза, стихарь небесъ".

[4]) Эта мысль напоминаетъ гностическое, сатурниново ученіе объ ангелахъ міротворителяхъ и міродержателяхъ (ἄγγελοι κοσμοποιοί, ἄγγελοι κοσμοκράτορες).

малыхъ китовъ заляжетъ 30 околъ [1]) морскихъ, а душа ихъ третія часть райскія воня, идутъ рыбы на ту воню и тѣмъ сыты бываютъ, а глубина ж того моря великаго є҃ ротогъ [2]) толщина какъ земля толста, дно же подъ тѣмъ моремъ великимъ ровно къ желѣзному столпію, того же моря дно стоитъ на семи тысещахъ столпѣхъ, туто же есть и адово жилище тутожь и антихристъ связанъ, ангели подвержаетъ его [3]), тоже столпіе его возвышено стоитъ, яко того моря тожь столпіе стоитъ на огнѣ неугасимомъ, подъ тѣмъ огнемъ туто же есть денница, яже прежь солнца сотворена. И ту есть людіе крилати летаютъ яко паутина мыслію, а смерти нѣту имъ. Тоже иного ничего, но воздухъ Божій и свѣтъ держитъ, то ти есть звѣзда яко риза. Василій рече: гдѣ первѣе Богъ былъ, иже не бѣ свѣта? Иванъ рече: три комары на небесѣхъ, въ тѣхъ комарехъ, агнецемъ, туто есть сударь, а свѣту нѣтъ конца. Григорій: протолкуй ми троицу. Иванъ рече: въ тѣхъ комарехъ Отецъ и Сынъ и Святой Духъ, свѣтъ есть, а другій свѣтъ огонь есть [4]). Василій рече: отъ чего суть ангелы сотворены? Григорій рече: отъ духа Господня и отъ свѣта и отъ огня. Иванъ рече: отъ чего солнце сотворено есть? Василій рече: отъ нутреннія ризы Господня. Григорій рече: отъ чего луна сотворена бысть? Василій рече: отъ аера, отъ престола Господня и отъ воздуха. Василій рече: еста ангела громная на не еленскій старецъ Перунъ. Нахоръ [5]) есть жидовинъ, а два еста ангела молніина. Григорій рече: кольки вѣтровъ. Василій рече: ві҃. Василій рече: что четыре рози на землѣ, Григорій рече: востокъ, западъ, югъ, сѣверъ. Василій рече: протолкуй ми отвѣтъ: на востоцѣ Лука человѣчимъ образомъ, на сѣверѣ Иванъ орлимъ образомъ, на юзѣ Матөей тельчимъ образомъ, на западѣ Маркъ львинымъ, а вси суть крилати [6]). Василій рече: посла Господь ангела и взя единаго на востоцѣ а҃, на западѣ д҃, на севѣрѣ а҃, на юзѣ м҃: то есть адамъ [7]). Григорій рече: отъ ко-

---

[1]) Въ сборн. № 1138: „тридесять морскихъ оконецъ“.

[2]) Въ сборн. № 1138: „с трое того“.

[3]) Въ сборн. № 1138: „а Михаилъ архангелъ утверждаетъ его“.

[4]) Кромѣ миөологическаго оттѣнка, это мѣсто намъ напоминаетъ манихейское ученіе: по ученію манихеевъ, Троица живетъ въ трехъ отдѣлахъ воздуха и свѣта Отецъ въ высшемъ свѣтѣ, Христосъ (υἱὸς τοῦ ἀιδίου φωτός, θεὸς τοῦ ἡλίου)—въ видимомъ свѣтѣ, (какъ сила солнца, какъ мудрость луны), Духъ св.—въ чистѣйшемъ эфирѣ (ἀὴρ τέλειος).

[5]) Въ другихъ спискахъ: „Хорсъ“.

[6]) О подобномъ представленіи 4-хъ странъ свѣта въ образѣ 4-хъ роговъ и о христіанско-мистическомъ сближеніи съ ними 4-хъ евангелистовъ у другихъ народовъ см. у Зеппа Kosmische Theologie.

[7]) Сличи у Фабриція (Codic. psevdepigraphi veter testam t. 1. p. 39) апокрифъ. Adami nomen. Здѣсь указывается подобное сказаніе:

Ut mundi partes designat quatuor Adam,
sic anni partes quatuor Hera notat.

Ἀνατολή	Hiems
Δύσις	Aestas
Ἄρκτος	Ver
Μεσημβρία	Autumnus.

ликихъ частей адамъ сотворенъ бысть. Василій рече: отъ осьми частей первое: отъ земли, второе отъ моря, третье отъ солнца, четвертое отъ камени, пятое отъ облака, шестое отъ огня, седьмое отъ вѣтра, восьмое отъ свѣта: отъ земли тѣло, отъ моря кровь, отъ солнца очи, отъ камени кости, отъ облака мысли, отъ огня теплота, отъ вѣтра дыханіе, отъ свѣта свѣтъ, а духъ самъ Господь вдохнулъ [1]). Иванъ рече: кольки великихъ горъ и морь и рѣкъ великихъ? Григорій рече: д҃і горъ великихъ аравитскихъ, а морь великихъ в҃і сквозе землю идутъ, а рѣкъ тридесять великихъ, изъ рая идутъ д҃ рѣки. Иванъ рече: кольки острововъ великихъ? Василій рече: ѿ҃к а въ тѣхъ островѣхъ ѿ҃к языка различныхъ имянъ, а костей въ человѣкѣ полтретья ста м҃е а составовъ только же» [2]).

Изъ всей этой бесѣды видно, что, кромѣ апокрифовъ, на народное міросозерцаніе, т. е. на богословскія и космогоническія понятія первыхъ русскихъ грамотниковъ, имѣли еще сильное вліяніе старыя начала, преданія языческой миѳологіи. Изъ бесѣдъ видимъ напр., что народъ помнилъ еще о Перунѣ, хотя уже только какъ о «старцѣ еллинскомъ», а не богѣ. Богъ, въ Троицѣ возвѣщаемый христіанствомъ, еще представляется въ бесѣдѣ, какъ стихійный свѣтъ и огонь, что указываетъ на суевѣріе тѣхъ двоевѣрно жившихъ христіанъ, которые еще въ XII в., по слову Христолюбца, «огневи молились, звали его огнемъ сварожичемъ». Кромѣ того, у Бога на небесахъ представляются «агнецы», что̀ намекаетъ на древнѣйшія языческія преданія, восходящія до индійской миѳологіи. Сказаніе о космогоническомъ значеніи великаго моря, окіяна, о сотвореніи земли изъ пѣны морской явно проистекаетъ изъ общей индо-европейской миѳологической космогоніи. Ангелы, духи небесные, также миѳологически представляются созданіями стихійнаго неба, воздуха, вѣтра. Человѣкъ еще производится не всецѣло отъ Бога, какъ учитъ св. писаніе, а отъ осьми стихійныхъ физическихъ частей или элементовъ, согласно съ другими индо-европейскими миѳологическими преданіями. Христіанство еще не по-

---

[1]) Историко-филологическое объясненіе миѳологическаго значенія этого сказанія о твореніи и составѣ человѣка см. у Буслаева „о вліяніи христ. на слав. яз.“. Приведемъ здѣсь слѣдующія два аналогическія свидѣтельства. Въ латинской припискѣ къ одной рукописи X в. подобнымъ образомъ представляется твореніе и составъ природы человѣческой: octo pondera, de quibus factus est Adam. pondus limi, inde factus est caro; pondus ignis, inde rubens est sanguis et calidus; pondus salis, inde sunt salsae lacrimae; pondus roris, inde factus est sudor; pondus floris, inde est varietas oculorum; pondus nubis, inde est instabilitas mentium; pondus venti, inde est anhela frigida; pondus gratiae, inde est sensus hominis“. Въ нѣмецкой поэмѣ очетвероевангеліи XII в. также изображается составъ человѣческой природы:

Von den wiscen gab er ime (Богъ человѣку) di âdven
von dem grase gab er ime daz hâr,
von den wolchen daz mut
dû habet er ime begunnen
der ougen von der sunnen...
Von dem steine gab er ime daz pein...
Von dem mere gab er ime daz plut.
(Бусл. о вліян. христ. на слав. яз. стр. 77–85).

[2]) Сборн. сол. библ. № 925 л. 171—174.

нято въ его возвышенномъ ученіи. И обрядность христіанской восточной церкви толкуется такъ же миѳологически. Не въ христіанскомъ разумѣ, а въ обрядовыхъ учрежденіяхъ церкви народная мыслительность доискивается разгадки міровыхъ вопросовъ. Таинственный символизмъ церковной обрядности возбуждаетъ мысль народныхъ грамотниковъ,—и они въ нее облекаютъ свои миѳологическія представленія.

Въ другихъ космогоническихъ сказаніяхъ, кромѣ миѳологическихъ образовъ, есть довольно явственные слѣды гностико-богомильскаго дуализма. Чтобы яснѣе видѣть эти слѣды,—нужно сказать напередъ нѣсколько словъ о главныхъ гностическихъ и богомильскихъ началахъ, выразившихся въ космогоническихъ сказаніяхъ русскаго народа. По сирско-гностическому ученію, имѣвшему большое сходство съ богомильскимъ ученіемъ, Богъ Отецъ, первоначальное существо (πατὴρ ἄγνωσος, по гелленскому гносису—ἡ μόνας, θεὸς ἄρρητος, по египетскому гносису—βυθός, προπάτωρ, προαρχὴ), высшій Богъ сотворилъ разныя степени, чины ангеловъ и архангеловъ (δείναμεις, ἀρχαὶ ἄξουσίαι); высшему существу, непостижимому Богу противоположно злое начало—сатана (ὁ σατανᾶς). Ангелы, духи 7 планетъ, (ἄγγελοι κοδμοποιοὶ, ἄγγελοι κοδμοκράτορες) сотворили міръ и человѣка: высшій Богъ вложилъ въ него душу. Въ противоположность свѣтлому роду людей, одушевленныхъ, одаренныхъ душой отъ высшаго Бога, сатана сотворилъ міръ темныхъ существъ, сообразныхъ съ своей природой. Богомилы, принявшіе основные элементы этого гностическаго и манихейскаго ученія, нѣсколько иначе развили ихъ, образовали свое гностико-дуалистическое ученіе. Сатанаилъ, мощный духъ (πνεῦμα δείνατον), за возмущеніе низверженный съ высоты небесной, изъ соревнованія Богу, создалъ второе небо, вторую землю и избралъ ее въ жилище себѣ и соучастникамъ своего паденія. Онъ покушался было создать и человѣка, и создалъ тѣло, но не могъ дать ему жизни и души; просилъ о томъ Бога, и Богъ послалъ въ тѣло дыханіе свое. Противъ Бога у сатанаила была постоянная вражда. Наконецъ, Богъ отрыгнулъ отъ сердца своего, чрезъ 5500 лѣтъ отъ созданія міра, Слово,—великаго совѣта ангела, архангела Михаила, явившагося потомъ во плоти въ лицѣ Іисуса Христа. Этотъ архангелъ Михаилъ или Христосъ побѣдилъ сатанаила, заключилъ его въ бездну, отнялъ отъ его имени священное окончаніе илъ и присоединилъ къ своему первоначальному имени Миха. Духъ св. также изшелъ изъ Отца въ одно время съ Сыномъ.

Теперь сличимъ эти гностическія и богомильскія начала ученія съ богословскими и космогоническими сказаніями, находящимися въ нашихъ древнихъ рукописяхъ. Въ одномъ соловецкомъ сборникѣ, въ статьѣ подъ заглавіемъ: «сказаніе о 7 планитахъ» читаемъ: «надъ твердью поясы, 7 планетъ, а не всѣхъ поясѣхъ стоятъ ангелы, а по поясамъ стоятъ звѣзды, и которая планита ниже стоитъ, тѣ звѣзды свѣтлѣе... Въ д҃і день Богъ солнце и луну и звѣзды, и въ той день испаде отъ славы сатана. И видѣ сатанаилъ небо и землю украшену, и помысли себѣ: сотворю престолъ на облацѣхъ себѣ, и буду подобенъ вышнему, да славитъ мя чинъ мой. И сотворилъ себѣ престолъ на облацѣхъ сѣверныхъ, и вознесеся и бысть

тогда воевода чину ангельскому. И видѣ Богъ противника себѣ, и посла Богъ Михаила архангела и повелѣ сатанаила свержити долу. Пріиде же Михаилъ къ сатанаилу, и видѣ на немъ божество велико, и не смѣ на него и зрѣти. И пріиде Михаилъ къ Богу и рече: Господи! велико есть на немъ божество твое. Господь же снятъ съ него божество и рече: иди и свержи его долу. И пріиде Михаилъ, и видѣ сатанаила, яко проста человѣка, и удари его скипетромъ, и спадеся престолъ его, и пойде сатана долу, и со всѣми силами, и отнялъ отъ него Господь божество, и снятъ отъ него илъ, и да Господь илъ ангеломъ и архангеломъ, и нарече имя Михѣ Михаилъ, и дастъ ему надо всѣми небесными силами старѣйшинство, и нарече отступнику имя сатана дьяволъ, и бысть помраченъ, и съ своими силами пойде сатана верху и пошибе землю, и хотѣша небеса пастися. И рече Михаилъ: Господи, хощетъ небо двигнутися. И рече ему Господь: запрети словомъ. И рече Михаилъ: Господи, что повелиши глаголати? И рече Господь: изорцы: вонмемъ, святая святыхъ. Скоро изглагола тако. И тогда воспѣша вся силы небесныя: единъ святъ, единъ Іисусъ Христосъ. И тогда утвердишися небеса, сатана же тогда пройде землю, и услыша гласъ Михаиловъ, и ста во адѣ на безднѣ подъ землею, а подъ нимъ вода, а подъ водою огнь негасимъ... А друзіи падоша на землю и слышаша гласъ Михаиловъ, и остася на земли, и ходятъ по поднебеснѣй, и все злое творятъ роду человѣческому, и претворишася въ бѣсы. Иніи же не доидоша до земли, и слыша гласъ Михаиловъ, и обиташа на воздусѣ... И всѣ тѣ бѣсы сатаны преобразуютъ себе во ангела и человѣка, и въ животину, и во всякую гадину, смущая человѣка».

Гностико-богомильскія начала этого сказанія и связь его съ вышеизложеннымъ ученіемъ богомиловъ очевидны и не требуютъ подробнаго аналогическаго сближенія. Довольно указать на то, что, какъ по сатурнинову гносису, были особые ангелы, духи... семи планетъ, такъ и въ изложенномъ сейчасъ сказаніи о «седьми планетахъ» представляются такъ же ангелы по поясамъ, у седьми планетъ. Какъ по богомильскому ученію, Михаилъ является побѣдителемъ, низложителемъ сатанаила, и за то, по волѣ верховнаго Бога, отнимаетъ отъ него эпитетъ илъ: такъ точно разказывается и въ приведенномъ сказаніи соловецкой рукописи.

Не входя въ дальнѣйшія подробности, приведемъ здѣсь еще одно космогоническое преданіе, записанное въ одной рукописи пермской семинаріи, извѣстной также у томскихъ старообрядцевъ, подъ названіемъ «Христовъ дневникъ». Тогда сатанаилъ здѣсь является въ образѣ птицы—гоголя. Вотъ какъ намъ сообщено это преданіе: «когда не было ни неба, ни земли, было одно море тиверіадское. На этомъ морѣ плавалъ гоголь. Богъ велѣлъ гоголю достать со дна моря два камня. Гоголь досталъ, Богъ началъ бить камень о камень: отъ искръ вылетѣвшихъ изъ камня явились ангелы. Гоголь также ударилъ камень о камень, и у него явились свои ангелы—десятый чинъ, его собственный. Далѣе гоголь этотъ снесъ яйцо, на этомъ яйцѣ отразился Богъ—второе лицо. Богъ велѣлъ гоголю принести пять земель, гоголь принесъ, и изъ нихъ Богъ сотворилъ человѣка. Сотворивши человѣка, Богъ скрылся; дьяволъ воспользовался этимъ слу-

чаемъ и сотворилъ людей уродливыхъ. Богъ прогнѣвался на сатанаила. Между Богомъ, сатанаиломъ и ихъ ангелами была постоянная вражда. Наконецъ Богъ побѣдилъ сатанаила, отнялъ у него илъ и отдалъ его вождю своего небеснаго воинства Михѣ. Такимъ образомъ стали двѣ враждебныя силы—сатана и Михаилъ».

Въ спискѣ апокрифической бесѣды трехъ святителей, сообщенномъ намъ профессоромъ каз. университета В. И. Григоровичемъ, такъ же находимъ довольно ясные оттѣнки гностико-богомильскаго космогоническаго міросозерцанія. Вотъ эта бесѣда, подъ заглавіемъ «сказаніе трудолюбивыхъ мужей—списано отъ божественныхъ книгъ Василія великаго, Григорія Богослова, Іоанна Дамаскина о преславныхъ прежнихъ невѣдомыхъ вещехъ, о безначальномъ Господѣ Богѣ нашемъ, какъ бысть Господь Саваовъ прежде всея видимыя и невидимыя твари. Прежъ земли бысть Господь Саваовъ—въ трехъ комарехъ на воздусѣхъ.—И помысли себѣ Господь Саваовъ безначальный отецъ, тако отригну отъ сердца и роди возлюбленнаго Сына Божія Господа нашего Іисуса Христа; изъ устъ своихъ Духъ свой святой испусти о голубинѣ образѣ. И рече Господь: буди небо хрустальное на столпѣхъ желѣзныхъ, на седьмидесяти тьмахъ тысящъ, и будите езера и облака и звѣзды и свѣтъ, и вѣтръ издуну изъ нѣдръ своихъ, раи на востоцѣ насади, мразъ отъ лица Господня, а громъ гласъ Господень въ колесницѣ огненнѣй утвержденъ, а молнія слово Господне изъ устъ Божіихъ исходитъ, а солнце отъ внутреннія ризы Господней, понеже Господь лицу своему. И рече Господь: буди на земли море тиверіадское, вода соленая. И сниде Господь по воздуху на морѣ тиверіадское, и узрѣ Господь плавающаго на томъ морѣ гоголя, и ста надъ нимъ Господь и рече ему: гоголе, ты кто еси. И рече: сатана азъ есмь. И рече Господь сатанѣ: понурися въ море и вынь земли и камень и преломи на двое, изъ лѣвыя руки дастъ сатанѣ половину камени, удари Господь жезломъ на камень. И сотвори Господь отъ искръ огненныхъ Михаила архангела и Гавріила—взлетѣли ангели. Сатана жь изсѣче изъ камени бѣсовскую безчисленную силу боговъ. И рече Господь: будите тридесять три кита на морѣ тиверіадскомъ, и буди на тѣхъ китахъ земля».—Сюда же должно отнести и слѣдующее «сказаніе о созданіи міра»—русской варіантъ предъидущихъ сказаній: «Егда не бысть неба на земли, тогда бысть едино море тиверіадское, береговъ у него не было. И сниде Господь по воздуху на море теверіацкое, и видѣ на морѣ гоголя плавающаго, а тотъ гоголь сатанаилъ, зародился въ пѣнѣ морстѣй. И рече Господь сатанаилу: а мене не вѣдая, ты кто еси! И рече сатанаилъ: азъ есмь Богъ.—А мене како нарицаешь? И рече сатанаилъ: а ты Богъ богомъ и Господь господѣмъ. Аще бы не ты, сатанаилъ, рекъ Господь, азъ бы туже искоренилъ на морѣ тиверіатскомъ, а сатанаилъ понырился въ море. И рече Господь сатанаилу: вынеси мнѣ земли, песку, кремень. То сатанаилъ, послушавъ Господа и понырился въ море, и вынесе земли, песку, кремень. И взя Господь у сатанаила земли и разсѣя по морю тиверіяцкому, и буди на мори земля толста и пространна. И взя у сатанаила кремень, и преломи его наполъ, и въ правой руцѣ остави Господь у себя, изъ лѣвыя руки даде сатанаилу, и взя Господь песокъ и нача

бити въ кремень, и рече: изъ сего кремна вылетайте ангели и архангели, по образу моему и по подобію, сильніи и безплотніи;—и нача вылетати изъ того кремня искры огненныя: у сотвори Господь ангелы и архангелы и всѣ девять чиновъ. И видя сатанаилъ что сотвори Господь, и началъ тожде дѣлать; изъ лѣвыя руки нача у сатанаила вылетати ангелы его, и сотвори сатанаилъ себѣ силу великую чинами ангельскими и чинъ сатанаиловъ причти въ девять чинъ. И видѣ сатанаилъ, яко отъ Бога почтенъ и ото всѣхъ ангеловъ славимъ, и помысли въ сердцѣ своемъ радость: поставлю престолъ свой на облацѣхъ и Богу подобенъ высшее ему. И видѣ Господь мысль его лукаваую, и восхотѣ сего свергнути съ небесъ на землю со всею силою лукавою. И пріиде Миха къ сатанаилу, и попали Миху отъ сатанаила огнь. Пріиде Миха ко Господу и рече Миха: Господи! не могу еже мнѣ заповѣда: огнь мене палить отъ сатанаила. Миху постриже въ чернецы и нарече имя Михаилъ, а сатанаила нарече сатана, понеже отъятъ отъ сатанаила чинъ: дастъ Господь чинъ Михаилѣ и наречется архангелъ Михаилъ, а сатанаилъ,— сатана. И посла Господь Михаила къ сатанѣ, и еще Михаила поскимни. И пріиде архангелъ, удари сатану скипетромъ и порази его со всею силою лукавою, и шла его сила на землю три дни и три нощи, яко каплей дождевой. И въ третій день сотвориша Ангелы соборъ и постави Господь надъ всѣми силами ангельскими начальникомъ Михаила архангела, и рекоша: аминь аминь, аминь».

Сличая содержаніе этого апокрифо-космогоническаго сказанія съ вышесказаннымъ ученіемъ гностиковъ и богомилевъ, мы замѣчаемъ въ немъ, сквозь миѳологическіе образы, довольно явственные оттѣнки гностико-богомильскаго ученія. Такъ это сказаніе о безначальномъ Богѣ Отцѣ, пребывавшемъ прежь земли въ трехъ камарехъ на воздусѣхъ, отрыгнувшемъ отъ сердца своего Сына Божія, испустившаго изъ устъ своихъ Духа святаго, особенно это представленіе сатаны соучастникомъ Бога въ твореніи міра, въ родѣ димiурга, и творцемъ особаго, сатанинскаго царства существъ,— все это довольно ясные слѣды гностико-манихейскаго и гностико-богомильскаго дуализма и эманатизма. А представленіе сатаны въ образѣ птицы, гоголя,—это извѣстный образъ миѳологической космогоніи.

Такъ отъ временъ первоначальнаго грубаго двоевѣрія народъ всегда высказывалъ и высказываетъ свои теологическія и космогоническія понятія, съ одной стороны—въ миѳологическихъ образахъ, съ другой—по апокрифамъ, отзывающимся гностико-богомильскимъ ученіемъ. Мы увидимъ далѣе, что даже кудесники сѣверо-восточной Руси, поднимавшіе общую народную, вооруженную вражду противъ христіанскаго духовенства, даже эти кудесники, откуда-то успѣвшіе усвоить христіанскія понятія о Богѣ, сатанѣ и объ ангелахъ, высказали тоже дуалистическое ученіе, подобное гностическому, манихейскому и богомильскому. «Богъ,— говорили они,—мывая въ мовницѣ и вспотилъ себя, отерся ветошью, и бросилъ ее съ неба на землю: и распрѣся сатана съ Богомъ, кому изъ нихъ сотворить человѣка? И сотворилъ дьяволъ человѣка; а Богъ душу въ него вложилъ». И эти понятія донынѣ повторяетъ нашъ народъ въ нѣкоторыхъ областяхъ на разные лады. Вспомнимъ, наприм., народное сказаніе о происхожденіи горъ

отъ сатаны, во время творенія міра Богомъ, и сибирское сказаніе о происхожденіи мошекъ отъ сатаны, или вспомнимъ народное сказаніе о собраніи Богомъ птицъ, для содѣйствія ему въ твореніи рѣкъ и озеръ,—сказаніе, очевидно, напоминающее космогоническое значеніе тѣхъ или другихъ птицъ въ миѳологическомъ міросозерцаніи разныхъ народовъ [1]). Все это не отрывки ли одного же и того же частію апокрифическаго гностико-богомильскаго, а частію миѳологическаго міросозерцанія? А гдѣ ни послушайте, почти вездѣ некнижный народъ скажетъ вамъ подобныя космогоническія преданія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно услышать даже чисто гностико-богомильское понятіе о Богѣ Саваовѣ, какъ старшемъ Богѣ, и объ Іисусѣ Христѣ какъ молодомъ Богѣ [2]). Наконецъ замѣтимъ, что гностико-богомильскій дуализмъ такъ глубоко вкоренился въ народныя понятія, что донынѣ составляетъ даже нравственно-догматическую основу міровоззрѣнія нѣкоторыхъ раскольническихъ сектъ. Напр. секта бѣгуновъ или странниковъ, возникшая около половины XVIII в., весь міръ раздѣляетъ на два царства: Божіе и сатанино. Въ «разглагольствіи тюменскаго странника», сочиненномъ бѣгуномъ Василіемъ Москвинымъ (около 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія), такъ изображаются эти два царства:

въ мірѣ Божіемъ:	въ мірѣ сатаниномъ:
1. Богъ истинный, творецъ всея твари, зиждитель, вседержитель, пастырь, руководитель и всему міру хранитель и спаситель.	1. Противникъ Божій, антихристъ, дьяволъ, сынъ погибельный, седмиглавый змій, древній клеветникъ, судія сатанинъ, титанъ, преисподній бѣсъ.
2. Духъ святый, истинный и животворящій.	2. Духъ ложный, противный, погибельный и убивательный.
3. Градъ небесный, Сіонъ, вышній Іерусалимъ, и райскія обители въ немъ, и проч.	3. Великій градъ адскій, темный вавилонъ и адовы темницы въ немъ, и проч.

Откуда, спрашивается, заимствовалъ народъ такія двоевѣрныя понятія? Какія были причины этого двойственнаго характера народнаго міросозерцанія, частію миѳологическаго, частію христіанско-апокриѳическаго, и въ частности — дуалистическаго?

Причина вліянія миѳологіи на христіанское народное міросозерцаніе понятна. Не могъ же вдругъ весь народъ, тотчасъ послѣ крещенія, познать все христіанское ученіе. Простая, младенческая вѣра, безъ знанія, и донынѣ еще составляетъ господствующую, отличительную черту религіознаго сознанія нашего простого народа. А въ древней Россіи еще менѣе развито было отчетливое, разумное знаніе христіанскихъ истинъ. Въ повѣсти о печерскомъ псковскомъ монастырѣ, о печерской чудотворной иконѣ Богоматери, писанной въ второй половинѣ XVI в., еп. псковскій Геннадій такъ характеризовалъ вѣру предковъ нашихъ: «людіе же прости

[1]) Бытъ рус. народ. Терещенки. V. 44—47.
[2]) Напр. въ Нижегород. губ., въ селѣ Павловѣ.

поселяне, на Господа Бога надежду возлагающе и на пресв. Богородицу... ово просто со воздыханіемъ сердца, тайно въ себѣ, горѣ умъ простирающе: прости человѣцы, не умѣюще писанія, еже навыкли звати и сперва, егда крести великій князь Владиміръ въ Херсунѣ, тогда бывшіи съ нимъ самовидцы народи, и корсунскій глаголъ по гречески навыкоша звати: киріе лиейсонъ, по словенски же: Господи помилуй: прости человѣцы, мужи и жены, и иніи прости людіе всякъ возврастъ, послѣдствующе сему въ себѣ тайно, елико чего кто умѣюще, молящеся глаголютъ»[1]). При такой простотѣ ума и сердца, эти младенцы во Христѣ—простые русскіе люди, крестившись въ водахъ Почайны, или Волхова, или Шексны, естественно, съ самаго начала, «послѣдствующе себѣ тайно, елико чего кто умѣюще, молящеся», вовсе не считали несовмѣстнымъ съ христіанствомъ молиться «въ рощеніи», подъ овиномъ, у воды; или, строя уже христіанскіе храмы, думали сохранять, наряду съ ними, у алтаря церковнаго «камень да березу»[2]). Попрежнему, «овъ требу творилъ на студенци, дъжда искы отъ него, забывъ яко Богъ съ небеси дождь даетъ; овъ рѣку богыню нарицалъ и звѣрь, живущь въ ней, яко Бога нарицалъ» и проч.[3]). Мы не будемъ приводить здѣсь всѣхъ извѣстныхъ свидѣтельствъ о первоначальномъ грубомъ двоевѣріи народномъ. Оставляемъ также до другого мѣста изложеніе географическихъ и историко-этнографическихъ причинъ особеннаго долговременнаго господства двоевѣрныхъ понятій на финскомъ сѣверовостокѣ, гдѣ христіанство распространялось среди финскихъ племенъ, вмѣстѣ съ славяно-русской колонизаціей. Припомнимъ здѣсь только слѣдующее свидѣтельство изъ извѣстнаго слова Христолюбца, который обличаетъ въ двоевѣріи не только невѣжей-народъ, но и вѣжей-поповъ: «сій не могый терпѣти крестьянъ двоевѣрно живущихъ, иже суть крестьяне, а вѣруютъ въ Перуна и въ Хорса и въ Мокошь и въ Сима и въ Регла и въ вилы, ихже числомъ тридевять сестреницъ глаголютъ окаянки невѣгласи, то всѣ мнятъ богы и богинями... и огневи молятся, зовутъ е Сварожицемъ и чесновитокъ богомъ же творятъ, егда же будетъ у него пиръ, тогда же кладутъ въ ведра и въ чашу и тако піютъ о долѣхъ своихъ. Не только невѣжи, но и вѣжи то творятъ, попове и книжницы... Огневи молятся подъ овиномъ и виламъ и Мокоши и Симу и Реглу и Перуну и роду и рожаницамъ и всѣмъ тѣмъ, иже суть имъ подобна»[4]).

---

[1]) Сборн. соловецк. библ. № 857. л. 151 об.

[2]) „На Бѣлоозерѣ жили люди невѣрные, гласитъ одно древнее сказаніе, да какъ учали креститься и вѣру христіанскую познавать, и они поставили церковь, а не вѣдаютъ, котораго святаго нарещи; а на утро собрались, да и пошли церковь свяшати, и какъ пришли къ церкви, аже въ рѣчки подъ церковію стоитъ челнокъ, а въ челноку стулецъ, а на стульцѣ икона Василій великій, и они икону взяли въ церковь, и нарекли церковь во имя Василія великаго... И они церковь святили, да учали обѣднѣ пѣти, да какъ начали евангеліе чести, и грянуло не по обычаю, кабы страшный великій громъ грянулъ и вси людіе уполомились, ино въ прежнее лѣто туто было мольбище идольское за олтаремъ, береза да камень, и ту березу вырвало, и камень взяло отъ земли, да снесло въ Шексну и потопило". Сборн. № 925 л. 117 и 118.

[3]) Библ. листы Кеппена № 7.

[4]) Опис. Рум. муз. стр. 228.

Изъ этого слова Христолюбца видно, что точка зрѣнія на міръ, въ массахъ народныхъ, до XIII или даже XIV столѣтія, была всецѣло миѳологическая, полиѳеистически-религіозная! Созерцая и олицетворяя стихіи и явленія природы въ образахъ Перуновъ, Хорсовъ, Дажьбоговъ, вилъ и т. п., народъ, очевидно, еще вполнѣ вѣрилъ въ миѳическую олицетворенность, въ зооморфизмъ и антропоформизмъ силъ, стихій и явленій природы. И съ этимъ-то религіозно-полиѳеистическимъ міросозерцаніемъ, съ этой миѳологической ѳеогоніей и космогоніей должно было встрѣтиться христіанское ученіе о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ. При стеченіи, сближенію своемъ съ миѳологическимъ міросозерцаніемъ народа, — оно, естественно, не могло не исказиться въ понятіяхъ народныхъ, не могло иначе выразиться въ первыхъ произведеніяхъ народной мыслительности, какъ съ примѣсью, на половину, миѳологическихъ элементовъ. Къ тому-же старыя преданія и понятія ѳеогоническія и космогоническія сильно поддерживали въ народѣ, даже открыто, вооруженнымъ сопротивленіемъ отстаивали волхвы и кудесники, — эти вѣдуны и хранители таинъ миѳологическаго міросозерцанія. Въ ученіи вѣдуновъ вполнѣ высказалось преобладаніе въ первые два или три столѣтія понятій языческаго, полиѳеистически-религіознаго міровоззрѣнія надъ ученіемъ церковно-библейскимъ. Поэтому мы считаемъ нужнымъ показать здѣсь, какъ вѣдуны миѳологіи противопоставляли христіанскому міросозерцанію старыя начала религіозно языческой ѳеогоніи и космогоніи. Дѣйствуя во имя естественной религіи, во имя боговъ природы, волхвы, какъ вѣдуны миѳологическихъ таинъ природы, возмущали народъ предсказаніями чудесныхъ знаменій, превращеній и потрясеній въ порядкѣ природы. И народъ, живо сохраняя вѣру въ олицетворенность силъ природы, въ физическія, стихійныя божества, живущія въ воздухѣ, въ водахъ, на землѣ, приписывая природѣ всемогущую волю и силу, народъ вѣрилъ всякимъ невозможнымъ чудесамъ и превращеніямъ въ природѣ. Такъ въ лѣтописи читаемъ: «въ си времени (т. е. въ 1071 г.), приде волхвъ, пришедъ Кіеву глаголаше сице повѣдая: явилимися пять боговъ, глаголюще сице: повѣдай людемъ, яко на пятое лѣто Днѣпру потещи вспять и землямъ преступити на иня мѣста, яко стати греческой земли на русской, а русской на греческой, и прочимъ землямъ измѣнитися, егоже невѣгласи послушаху». Чтобы успѣшнѣе поддержать въ народѣ свой авторитетъ, волхвы большею частію возставали по случаю какого либо необычайнаго физическаго явленія на небѣ или на землѣ. «Въ лѣто 1091, — говоритъ лѣтописецъ, — бысть знаменье въ солнцѣ, яко погибнути ему и мало ся его оста, аки мѣсяцъ бысть, въ часъ 2 дне, мѣсяца маія въ 21 день. Въ се же лѣто бысть Всеволоду ловы дѣющю звѣриныя за Вышегородомъ, заметавшимъ тенета и кличаномъ кликнувшимъ, спаде превеликъ змій съ небесе, ужасошася вси людіе. Въ се же время земля стукну, яко мнози слышаша въ се же лѣто волхвъ явися въ Ростовѣ». Всего чаще волхвы возставали и возмущали народъ по случаю физическихъ бѣдствій, особенно ощутительно касавшихся быта народнаго, и при этомъ всегда объясняли физическія причины бѣдствій, по своимъ темнымъ языческимъ представленіямъ, признавая напр., причиною ихъ женщинъ, да старую чадь. Поборники хри-

нской истины, усмиряя бунтующій по наущенію волхвовъ народъ, тивополагали съ своей стороны языческому ученію вѣдуновъ христіанское ученіе о высшей небесной силѣ въ управленіи физическихъ бѣдствій и о высшей нравственной цѣли ихъ. «Въ лѣто 6532 (1024 г.),— читаемъ въ лѣтописи, — встали волхвы въ Суздалѣ, избивали старую чадь по дьяволю наученью и бѣсованью, говоря, что они держатъ гобино». Услышавъ о такомъ суевѣрномъ образѣ мыслей вѣдуновъ, Ярославъ, въ противоположность имъ, по словамъ лѣтописи, «рекъ сице: Богъ наводитъ по грѣхомъ на куюждо землю гладомъ или моромъ, ли ведромъ, или иною казнью, а человѣкъ не вѣсть ничтоже». Еще яснѣе высказалась борьба христіанскихъ понятій о Богѣ, природѣ и человѣкѣ съ языческимъ міросозерцаніемъ, по случаю возстанія волхвовъ въ ярославской и ростовской области. Волхвы опять возстали по случаю физическаго бѣдствія,— неурожая и голода, и опять высказывали свой суевѣрный взглядъ на причины неурожая. Когда они схвачены были, по повелѣнію воеводы Яна, и приведены къ нему на Бѣлоозеро, тутъ у нихъ завязался съ Яномъ споръ о причинѣ голода, о сотвореніи человѣка и о составѣ его физической и духовной природы. «Янъ, — говоритъ лѣтопись, — спросилъ волхвовъ: зачѣмъ вы погубили столько людей?» Кудесники отвѣчали: «тѣ люди держатъ плодородіе: если мы всѣхъ ихъ перебьемъ, то будетъ обиліе: хочешь, передъ тобой мы вынемъ изъ нихъ жито, или рыбу?» Это темное, суевѣрное представленіе о зависимости, или происхожденіи отъ извѣстнаго человѣка такого внѣшняго физическаго явленія, каково напр., долговременное ведро, или большой дождь, ненастье, неурожай и т. п., — это представленіе господствовало въ народѣ еще и въ половинѣ XIII вѣка. Такъ въ 1228 г., по случаю слишкомъ долговременнаго дождя, въ Новгородѣ простая чадь, собравшись на вѣче, возмутилась противъ архіепископа Арсенія, пошла на владычнь дворъ съ криками: «того дѣля стоитъ тепло долго», — и выпроводила архіепископа изъ города. Такъ точно и Яну волхвы высказывали это же самое убѣжденіе относительно неурожая. Янъ началъ опровергать ихъ суевѣрное понятіе тѣмъ, что неестественно быть житу въ человѣкѣ, въ составѣ человѣческой природы и физически невозможно, чтобы онъ — скрывалъ его въ себѣ. «Богъ, — говорилъ онъ, — сотворилъ человѣка отъ земли, составилъ его изъ костей, жилъ и крови, нѣтъ въ немъ ничего, а одинъ Богъ знаетъ», отчего, почему неурожай и голодъ. Волхвы, вѣдуны миѳологической космогоніи, возразили: «а знаете ли вы, какъ человѣкъ сотворенъ?» «Какъ?» спросилъ Янъ. «Богъ мылся въ мовницѣ,—отвѣчали кудесники,—вспотѣлъ, отерся ветошью и бросилъ ее съ неба на землю: тутъ поднялся споръ у сатаны съ Богомъ, — кому изъ нихъ сотворить человѣка; и сотворилъ дьяволъ человѣка, а Богъ душу въ него вложилъ; потому, если умретъ какой человѣкъ, тѣло идетъ въ землю, а душа къ Богу». Янъ спросилъ ихъ: «какому вы Богу вѣруете?» Антихристу, — отвѣчали они. — «А гдѣ онъ?»— спросилъ Янъ. «Сидитъ въ безднѣ», отвѣчали кудесники. Янъ на это сказалъ имъ: «какой то Богъ, сидитъ въ безднѣ; то бѣсъ, а Богъ на небеси, сидитъ на престолѣ, славимый ангелами, которые предстоятъ ему со страхомъ; а тотъ изъ ангеловъ сверженъ, котораго вы называете антихри-

стомъ, за гордость сверженъ съ неба, и сидитъ въ безднѣ, какъ вы
говорите».

Какъ въ космогоническихъ, такъ и въ ѳеогоническихъ понятіяхъ
дуновъ господствовалъ дуализмъ, элементы котораго, быть можетъ,
же отразились и въ апокрифической бесѣдѣ трехъ святителей, особенно
первомъ приведенномъ нами спискѣ. Такъ въ XI вѣкѣ одинъ двоевѣр
новгородецъ, пришедши разъ къ чудскому кудеснику, для волхвова
далъ ему вопросъ: «какіе ваши боги? гдѣ живутъ?» Кудесникъ отвѣч
«въ безднахъ: суть же образомъ черны, крылаты, съ хвостами, поднима
и подъ небо слушать вашихъ боговъ; ваши боги ангелы на небѣ;
кто умретъ изъ вашихъ людей, то возносится на небо; а если кто
нашихъ умираетъ, то уносится къ нашимъ богамъ въ бездну».

При такомъ преобладаніи въ народномъ міросозерцаніи миѳолог
скихъ элементовъ, при этой упорной борьбѣ миѳологически настрое
мыслительности народной, старыхъ политеистически-ѳеогоническихъ
космогоническихъ понятій съ новымъ христіанскимъ ученіемъ о Богѣ,
и человѣкѣ, понятно вполнѣ, какъ естественно и возможно было вл
миѳологіи на первыя христіанскія начала народнаго міросозерцані
первыя выраженія младенческой христіанской народной мыслительн

Точно такъ же, возможно было и вліяніе апокрифовъ, и въ частн
началъ гностико-богомильскаго міросозерцанія. Причина вліянія ап
фическихъ и преимущественно гностико-богомильскихъ идей на пер
чальныя христіанскія богословскія и космогоническія понятія народа за
чается въ большомъ приливѣ и распространеніи на Руси византійски
сербо-болгарскихъ апокрифовъ, съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіа
на Руси до XV вѣка, и послѣ того. Извѣстно, что въ то время,
Византія начинала намъ сообщать свою церковною письменность, и
болгарскій царь Симеонъ, по свидѣтельству якимовской лѣтописи,
же послалъ къ намъ «іереи учены и книги довольны и дьяконовъ и
мественниковъ, въ то время въ Византіи скопилось множество апокри
сочиненныхъ разными еретиками, особенно гностиками[1]), а въ Бол
и даже на Руси, по берегамъ Чернаго моря, рядомъ со многими дру
сектами, сильно распространялась секта павликіянъ и богомиловъ — от
гностиковъ, манихеевъ, мессаліанъ (εὐχεῖται)[2]). Эти сектанты почер

---

[1]) Evseb. Hist. eccl. III, 25. Фотій, современникъ обращенія въ христіа
славянъ, съ радостію отзывавшійся объ обращеніи въ христіанство и руссовъ, п
о распространеніи апокрифовъ (biblioth. codex, 114). Точно также Фотій пис
Манихеѣ Агапіѣ (codex. 179). (См. у Тишендорфа Acta Apostol. apocr.). Что апок
сочинены большею частью гностиками, объ этомъ свидѣтельствуетъ Тертулліа
praescr. haeret).

[2]) Императоръ Іоаннъ Цимисхій переселилъ на границы Болгаріи цѣлу
лонію павликіанъ (Zonar. 1. XVIII. p. 209), откуда они не замедлили распростран
по всей Болгаріи. Въ первой половинѣ XII-го вѣка въ болгарскомъ городѣ Ме
почти всѣ жители приняли ученіе павликіанъ, и едва самъ царь не отступил
православія (Ник. лт. 11, 45. Кирилл. книга). О богомилахъ см. Michel. Pselli περ
γειάς δαιμόνων διάλογος, ed Hasenmüller. Kil. 688. Anal, Comn. Alex. XV, p. 486. Ихъ у
въ сочиненіи Евѳимія Зигабена: „πανοπλία.“ Evthumii Sigabeni narratio de Bog

ныя начала своего ученія изъ гностическихъ и манихейскихъ апо-
овъ. Болгарскіе послѣдователи ихъ и сами сочиняли новые апокрифы,
нно апокрифическія молитвы. Такъ въ спискѣ апокрифическихъ книгъ,
у прочимъ, сказано: «кануновъ много лживыхъ, и молитвы составлены
ые отъ трясавицы, Еремея попа болгарскаго басни, глаголетъ бо ока-
й, седящу святому отцу Сисѣнію на горѣ синайстѣй, и видѣ седьмь
ъ исходящихъ изъ моря и ангела Сахаила именуема, и иная изыдоша
ъ ангелъ, седьмь свѣщь держаще, седьмь ножевъ остряще: корасторъ
) именъ Богу, все то еретицы списали; суть между божественными
ніями лживыя писанія, насѣяны отъ еретикъ, льстивіе соборники сель-
худые манукануны, по молитвенникамъ у неразсудныхъ поповъ,
ыя молитвы о трясавицахъ, о нежитехъ и о недузехъ» и проч. Такимъ
омъ, какъ непосредственно изъ Византіи, такъ въ особенности изъ
аріи, рано стали переходить къ намъ апокрифы византійскіе и болгар-
Уже Авраамій Смоленскій, жившій въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣка,
ъ глубинныя книги, т. е. апокрифическую книгу «глубина». Въ XIII
V вѣкѣ эти книги оказали такое сильное вліяніе на народную мысли-
ость, что грамотники народные и сами сочиняли апокрифическія
и, съ примѣсью миѳологическихъ элементовъ. Въ концѣ XIV вѣка и
ѣ XV апокрифы византійскіе, сербо-болгарскіе и славяно-русскіе уже
кой степени умножились, что митрополитъ Кипріанъ, сербъ родомъ,
алъ необходимымъ составить списокъ какъ истинныхъ, признанныхъ
вію книгъ, такъ и отреченныхъ, и въ немъ подробно изчислилъ и
тійскія и сербо-болгарскія и русскія апокрифическія сочиненія или
и. Съ этихъ поръ, списокъ отреченныхъ книгъ, такъ какъ и истин-
, въ русской церкви получилъ какъ-бы каноническое значеніе, потому,
носился въ церковныя книги, напр., въ молитвенники и уставы, съ
цѣлью, чтобы духовенство знало, что должно читать, и чего не
но читать, и предохраняло народъ отъ чтенія апокрифическихъ книгъ[1]).
отря на то, не только народные, мірскіе грамотники, но и священно-
ители съ особеннымъ сочувствіемъ читали апокрифическія книги и
няли новыя отреченныя статьи, предпочитая ихъ византійскимъ источ-
мъ знанія. Курбскій жаловался: «нынѣшняго вѣка мнящіеся учители
не въ болгарскія басни, або паче въ бабскія бредни упражняются, про-

m in serm. ed. Cieseler, p. 1, 4. Cöett. 841. см. также у Wolf. hist. Bogomilor. diss.
. 712. Engelhart, die Bogomilien. Названіе и болгарское происхожденіе богоми-
Евѳимій Зигабенъ объясняетъ такъ: Βόγ μὲν γὰρ ἡ τῶν βουλγάρων γλῶσσα καλεῖ τὸν
ἐλεον δετὸ ἐλέησον.

[1]) См. напр. Опис. Рум. муз. № CCCCXLIX, стр. 716 и 717. Въ сборн. подъ № 925
мъ такую заповѣдь: „святыя книги почитати и вѣровати писанію тѣхъ, а отре-
ихъ книгъ бѣгати; аки жена Лотова преступи заповѣдь ангельскую, обратися
и Содомъ, и бысть столпъ сланъ и до днесь: такожъ и нынѣ кто Божію запо-
преступитъ, а иметъ еретическая писанія у себя держати, еже есть врагъ Божій,
хвованію ихъ вѣровати, съ тѣми со всѣми еретиками да будетъ проклятъ. Аще
ый отецъ духовный вѣдая у себя въ сынѣхъ, а вѣдая то въ покаяніи его иметъ
мъ потаки дѣяти, или имемъ творити самъ прожереченная сія еретическая вол-
нія, да извержется сана“.

читаютъ и похваляютъ, неже въ великихъ учителей разумѣхъ насл ются». Дьяки церковные, въ родѣ Семейки Григорьева, держали у книги недобрыя, ересныя, да приговоры и рафли, тетради гадател Сборники XVI и XVII вѣка наполнены апокрифическими статьями, ря съ статьями принятыми церковью, только иногда подъ другими заглав Напр., въ сборникѣ соловецкой библіотеки есть апокрифическое ева Іакова (№ 807), отрывокъ изъ апокрифическаго евангелія Никодима (№ апокрифическія сказанія объ Адамѣ и Евѣ, сказаніе о камняхъ и о Аарона, указанныя въ кодексѣ апокрифовъ Фабриція, епистолія апо Павла — отрывокъ изъ 10 апокрифическихъ посланій апостола (ὁ Ἀπόσολος) сказанія о рахманехъ, разныя апокрифическія сказані ангелахъ, о именахъ ангельскихъ; «божественнаго Иліи и Елисея дѣ въ дусѣ: Илія убо седьмь дѣйствъ сотвори» и проч. (сборн. № 844, л. 237 и др.). Изъ славянскихъ, сербо-болгарскихъ апокрифовъ, въ сборни ловецкомъ находятся довольно значительные отрывки изъ громов напр., статьи: сказаніе о громѣ, окруженіе солнцу и лунѣ, изъ зелейн довольно большой отрывокъ, находящійся въ сборникѣ подъ № Наконецъ апокрифы, особенно нравственнаго содержанія, иногда без тельно вносились въ сборники церковныхъ, назидательныхъ, свято- скихъ твореній, въ измарагды, златоусты, соборники и торжествен имѣвшіе церковное значеніе и употребленіе. Напр., въ измарагдѣ солов библіотеки подъ № 270, писанномъ въ XV вѣкѣ, находится, между про евангеліе отъ Матѳея, слово апостола Іакова о недѣлѣ, видѣніе I Павлово видѣніе и другіе.

сторическіе очерки народнаго міросозерцанія и суевѣрія[1].

(православнаго и старообрядческаго).

При современномъ сознаніи крайней необходимости просвѣщенія тем-хъ массъ народа, при теперешней заботѣ объ устройствѣ народныхъ илищъ, крайне необходимо, между прочимъ, предварительное изученіе орическаго развитія и склада той простонародной умственной почвы, торую предстоитъ нравственно обработывать. Этимъ изученіемъ опредѣ-тся настоящіе умственные недостатки и потребности народа и укажутся актеръ и пріемы самой умственной культуры или сущность и направ-іе народно-образовательной системы.

По преобладающей практичности, реальности русскаго народнаго ума, у, при гуманистическомъ просвѣщеніи, преимущественно необходимо льное — естество-познавательное и жизненно-практическое образованіе. ке Мордвиновъ, въ свое время, доказывалъ всю необходимость распро-раненія въ народѣ, особенно въ сельскомъ, знаній естественныхъ — зики, ботаники, зоологіи, минералогіи, химіи, технологіи и т. п., и въ омъ полагалъ главный предметъ правительственной заботы. Естественно-альнаго образованія требуютъ, наконецъ, не только послѣдніе выводы, нтересы и направленіе общеевропейскаго просвѣщенія, характеризующагося реимущественно естественными открытіями и изобрѣтеніями, но и, въ собенности, исторически-развившіеся и теперь обнаруживающіеся крайніе мственные недостатки нашего простого народа — незнаніе природы и уевѣріе. Въ виду совершающагося преобразованія быта огромной и самой ажной массы нашего народонаселенія—крестьянства, въ виду новыхъ по-ребностей сельскаго хозяйства — главнаго жизненнаго элемента нашего кономическаго быта, потребность реально-естественнаго образованія сель-кихъ массъ является особенно ощутительною и настоятельною.

Крайне необходимо и въ высшей степени желательно, чтобъ наши ченые, занимающіеся физикой, и вообще естественными науками, а также ельскимъ хозяйствомъ и медициной, позаботились, наконецъ, по примѣру ападныхъ естествоиспытателей, объ изданіи для темныхъ массъ простого арода популярныхъ этюдовъ или чтеній по разнымъ отраслямъ естество-занія. Это святой долгъ ихъ. Съ этою цѣлью, для наибольшей популяр

[1] Напечатано въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1863 г., № 1, стр. 1—73; № 3, стр. 75—92; № 4, стр. 1—20; № 6, стр. 47—76 и № 7, стр. 1—28;— по отдѣлу IV-му „Науки“.

ности и удобопримѣнимости такихъ естествознательныхъ очерковъ или чтеній къ умственному уровню или пониманью простого народа, — весьма полезно и даже нужно нашимъ естествовѣдамъ знакомиться съ исторіей народнаго міросозерцанія и суевѣрія. Не даромъ такіе западные ученые, какъ, напр., Кювье, Араго, Изидоръ Жоффруа Сентъ-Илеръ, Шлейденъ и другіе, издавая свои популярныя естественныя книги или чтенія, прибѣгали къ исторіи естествовѣденія и суевѣрія и даже сами излагали ее. Для нашихъ ученыхъ естественниковъ представляютъ весьма важный и обильный матеріалъ для изученія народныхъ естественныхъ заблужденій и суевѣрій такіе, изстари распространенные въ народѣ, книги и сборники, какъ напр., астрономіи, географіи, космографіи, громовники, лечебники, травники, зелейники, цвѣтники, словари XVI и XVII столѣтій и проч. Всѣ эти и подобные старинные источники народнаго естествовѣденія ждутъ критическаго разбора спеціалистовъ-естествоиспытателей.

Для того, чтобы знать, какія умственныя и нравственныя болѣзни лечить въ народѣ посредствомъ просвѣщенія, занимающіеся исторіей русской жизни и литературы, съ своей стороны, также должны, во первыхъ, приводить въ ясность ту сумму разнообразныхъ понятій о природѣ и физической жизни человѣка, какую накопилъ нашъ народъ въ своемъ міросозерцаніи, въ теченіи тысячелѣтней жизни; во вторыхъ — указывать въ исторіи и литературѣ тѣ источники, изъ которыхъ народъ заимствовалъ свои понятія, вѣрованія или суевѣрія и предразсудки; въ третьихъ — исторически раскрывать удобства или неудобства, плодотворность или безплодность, пользу или вредъ тѣхъ или другихъ, извѣданныхъ въ нашей исторіи, способовъ и источниковъ народнаго образованія; и, наконецъ, исторически опредѣлять вліяніе изстариннаго, вѣкового міросозерцанія народнаго на современное состояніе народной умственной жизни, а отсюда отчасти — и характеръ, и потребности такъ насущно-необходимаго теперь народнаго просвѣщенія, и проч. Съ такою мыслію мы, еще въ 1859 году, занялись собраніемъ матеріаловъ для историческихъ очерковъ народнаго міросозерцанія и суевѣрія. Къ сожалѣнію, работа наша неожиданно была прервана. Только два очерка, и то въ отрывкахъ, были напечатаны въ Православномъ Собесѣдникѣ, именно: очеркъ народнаго христіански-космогоническаго міросозерцанія и взглядъ древне-русскихъ, преимущественно простонародныхъ, пустынножителей на природу. Самый первый очеркъ, составляющій введеніе, именно очеркъ религіозно-языческаго или миѳологическаго славяно-русскаго міросозерцанія остался въ рукописи у студентовъ казанскаго университета. Остальные, готовые очерки, какіе сохранились подъ руками, теперь считаемъ небезполезнымъ постепенно напечатать, не придерживаясь строго систематическаго порядка. Не имѣя подъ руками прежнихъ источниковъ, какіе представляла въ Казани соловецкая рукописная библіотека, и не имѣя прежней возможности свободно заняться обработкою всѣхъ добытыхъ тогда матеріаловъ, предлагаемъ очерки въ томъ видѣ, какъ они были первоначально составлены.

На первый разъ предлагаемъ краткій очеркъ вліянія библейско-византійской санктологіи и пневматологіи на народное міросозерцаніе. Въ

ду другихъ очерковъ, въ полномъ циклѣ народнаго міросозерцанія, этотъ еркъ необходимъ. Затѣмъ слѣдуютъ очерки мистико-символическаго на-днаго міросозерцанія, особенно укоренившагося у нѣкоторыхъ сектъ на-дныхъ, напр., у людей божіихъ, очерки земледѣльческаго міросозерцанія, рки народныхъ громовниковъ, травниковъ, зелейниковъ и проч.

I.

яніе библейско-византійскаго ученія объ ангелахъ и святыхъ на народное міросозерцаніе.

Извѣстно, что церковные учители древней Руси строго преслѣдовали одныя миѳологическія воззрѣнія на природу, какъ *„бѣсовскія мечтанья"*, кореняли всѣ эти живые эпическіе образы народнаго міросозерцанія — ественныя выраженія младенческой фантазіи народа. На мѣсто того, вкореняли въ народныя понятія или библейскія изображенія природы, лейскую физику, или мнѣнія и воззрѣнія отцовъ и учителей восточно-антійскихъ. Сами они, какъ воспитанники церковно-византійской олы, учились христіанскому міросозерцанію вполнѣ по библейскимъ и антійскимъ источникамъ. Древне-русскіе книжники, писатели и учи-и почерпали понятія о мірѣ, во первыхъ, изъ книги бытія, псалмовъ вида и вообще изъ книгъ библейскихъ; во вторыхъ, изъ разныхъ греко-точныхъ толкованій на книгу бытія и на псалмы, особенно изъ толко-ія на книгу бытія Епифанія Кипрскаго, изъ Шестоднева Василія Вели-го, изъ передѣлки его Шестоднева Іоанна Экзарха Болгарскаго, изъ кованія Аѳанасія Александрійскаго на псалтирь, изъ твореній Григорія гослова, изъ книги «Небеса» Іоанна Дамаскина; въ третьихъ, изъ бого-жебныхъ книгъ, въ которыхъ вполнѣ выразилось восточно-библейское осозерцаніе; въ четвертыхъ, изъ византійскихъ космографій, хроногра-въ, палей и т. п. Церковные писатели послѣдующихъ вѣковъ прибав-и къ этому нѣкоторые другіе, болѣе спеціальные источники. Такъ, пр., Кириллъ Бѣлозерскій читалъ и списывалъ статьи изъ Галена о про-хожденіи грома и молніи, о падающихъ звѣздахъ, объ устройствѣ земли, землетрясеніяхъ, о четырехъ стихіяхъ, о моряхъ и проч. Въ 1384 году атищ. Ист. IV, 313) Димитрій Зографъ перевелъ съ греческаго на русскій ыкъ сочиненіе Георгія Писиды: «похвала Творцу міра», книгу весьма льную средневѣковыми и преимущественно восточными сказаніями и нятіями о природѣ, о разныхъ ея явленіяхъ и предметахъ. Около поло-ны XVI вѣка встрѣчается въ рукописяхъ восточно-византійское земле-саніе Козмы Индикоплавта, подъ заглавіемъ: «книга, нарицаемая Козма дикопловъ, избранная отъ божественныхъ писаній благочестивымъ и всюду славнымъ Киръ Козмою» [1]). Изъ этихъ и подобныхъ источниковъ

[1]) Въ предисловіи ея сказано, по списку Макарьевской четьи-минеи: „Въ лѣто 0 (т. е. 1542 г.) генваря въ 19-й день написаны быша книги сія Козма Индикопловъ велѣніемъ... архіепископа великаго Пскова и Новгорода, владыки Макарія". Бу-

древне-русскіе книжники-учители заимствовали понятія о природѣ, преимущественно изъ книгъ библейскихъ и свято-отеческихъ, и на основаніи ихъ старались искоренить миѳологическія начала народнаго міросозерцанія и поучать народъ библейско-византійскому міровоззрѣнію. Не раскрывая въ подробности борьбу и смѣшеніе народныхъ миѳологическихъ понятій съ библейско-византійскимъ ученіемъ, мы въ настоящемъ очеркѣ разсмотримъ только, какъ встрѣтились старыя зооморфическія и антропоморфическія олицетворенія силъ и стихій природы съ церковнымъ ученіемъ объ ангелахъ, святыхъ, и въ какую форму, подъ вліяніемъ этого ученія, видоизмѣнились. Въ этомъ отношеніи, византизмъ особенно выпукло отразился на умственной жизни нашего простого народа и навѣялъ цѣлую массу своеобразныхъ понятій и суевѣрій.

Стараясь уничтожить народную вѣру въ зооморфическую и антропоморфическую олицетворенность силъ, стихій и явленій природы, церковные учители внушили народу, на основаніи греко-восточнаго христіанскаго міровоззрѣнія, что надъ каждой стихіей, надъ каждымъ явленіемъ природы Богъ поставилъ особыхъ духовъ, ангеловъ. Такъ въ церквахъ русскихъ съ XI вѣка читалось народу толкованіе Епифанія Кипрскаго на книгу бытія, гдѣ подробно раскрывается мысль, что ангелы приставлены управлять стихіями и явленіями природы. Толкованіе это, особенно то мѣсто изъ него, гдѣ говорится объ ангелахъ грома, молніи, вѣтра и проч., переписывалось въ многочисленныхъ сборникахъ и занесено было въ такіе сборники, которые преимущественно или даже исключительно наполнены статьями народнаго чтенія. Такъ напр., читаемъ въ Солов. Сборн. подъ № 993: «Епифанія Кипрскаго архіепископа сказаніе, какъ Богъ сотвори отъ начала до седьмаго дни: въ первый день небеса вышняя и землю и воду, отъ нихъ же есть снѣгъ и градъ, и ледъ, и роса, и духъ, и служащіи предъ ними суть сіи ангелы: ангелъ духомъ и бурѣ, ангелъ облакомъ и мглѣ и снѣгу, ангелъ студени и зною, и зимѣ, и осени, и всѣмъ духомъ, ангелъ земли, тьмѣ» и проч.[1]). Мысль эта, развитая учителями грековосточными и сообщенная въ ихъ твореніяхъ славяно-русской церковной письменности, съ самыхъ первыхъ вѣковъ стала догматомъ для нашихъ книжниковъ. Уже лѣтописецъ Несторъ съ полною вѣрою записалъ въ своей лѣтописи слѣдующее событіе, и по поводу его высказалъ свое убѣжденіе въ дѣйствительности присутствія ангеловъ въ природѣ: «въ лѣто 6618 было знаменіе въ печерскомъ монастырѣ въ 11 день февраля мѣсяца: явился столпъ огненный отъ земли до небеси и молнія освѣтила всю землю и въ небеси громъ погремѣлъ въ первый часъ ночи, и весь міръ видѣлъ: а столпъ этотъ сперва сталъ на трапезницѣ каменной, такъ

слаева, Историч. очерки русск. словесн. II, 325. Греческій текстъ изд. и перевед. на латинскій и французскій языки. (Collectio nova patrum et scriptorum Graecorum. Edit. Montfaucon, 1706. Parisiis, t. 2).

[1]) Епифаній, согласно съ мнѣніями другихъ грековосточныхъ учителей, признавалъ также особыхъ ангеловъ, геніевъ народныхъ: τὰ γὰρ ἔθνη ὑπὸ ἀγγέλλους τεταγμένα εἰσιν, ὡς ἐπιμαρτυρεῖ μοι Μοῦσης ὁ ἅγιος τοῦ θεοῦ θεράπων..... κὰι γὰρ κινόυμενοι οἱ ἄγγελοι, κινοῦσι τὰ ἔθνη ἐις ὁρμὴν ἐκδικίας. Advers. haeres. t. I lib. 2, cap. 34, pag. 456—457.

что не видно было креста, и постоявъ мало, спустился на церковь и сталъ надъ гробомъ Θеодосьевымъ, и потомъ ступилъ на верхъ какъ бы къ востоку лицемъ, и потомъ невидимъ былъ. А это былъ не огненный столпъ, ни огонь, но видъ ангельскій: ибо ангелъ такъ является, иногда столпомъ огненнымъ, иногда же пламенемъ, какъ сказалъ Давидъ: творяй ангелы своя духи и слуги своя огнь пламенъ, и посылаются они повелѣніемъ Божіимъ, куда хочетъ Владыка и Творецъ всѣхъ ангеловъ и человѣковъ: ибо ангелъ приходитъ, гдѣ добрыя мѣста и молитвенные домы, то огненнымъ образомъ, то столпомъ, то другимъ видѣніемъ, какъ можно видѣть людямъ: ибо нельзя людямъ зрѣть естества ангельскаго, какъ и Моисей великій не возмогъ видѣть ангельскаго естества, ибо водилъ ихъ днемъ столпъ облачный, а ночью столпъ огненный: то это не столпъ водилъ ихъ, но ангелъ шелъ передъ ними ночью и днемъ. Такъ и это явленіе показывало нѣчто, чему было быть и было: ибо на второе лѣто, не ангелъ ли былъ вождемъ на иноплеменниковъ и супостатовъ, какъ сказано: ангелъ предъ тобою предъидетъ, и опять: ангелъ твой буди съ тобою, какъ пророкъ Давидъ говоритъ: яко ангеломъ своимъ заповѣстъ о тебѣ, сохранити тя во всѣхъ путѣхъ твоихъ. *Какъ пишетъ премудрый Епифаній*: къ каждой твари приставленъ ангелъ: ангелъ облаковъ, и мглы, и у снѣга и града, и у мороза, ангелы въ звукахъ и громахъ, ангелъ зимы и зноя, и осени, и весны, и лѣта, и всему духу твари его на землѣ, и у преисподней тмы и у сущей въ безднахъ, бывшей древле вверху земли, ангелъ вѣтра и ночи и свѣта и дня, ко всѣмъ тварямъ ангелы приставлены», и проч. [1]).

Въ древне-русской письменности, въ книжной литературѣ подаются любопытныя умствованія о явленіяхъ природы, въ которыхъ представляются дѣйствующими ангелы. Напр., въ концѣ житія Кирилла Бѣлозерскаго, по Солов. рукоп. подъ № 219, читаемъ такую бесѣду Епифанія съ св. Андреемъ «о водахъ, и о дожди, и о грому, и о молніи». «Вода, яже изъ облака исходитъ дождьми, съ небеси ли исходитъ *ци* (новгород. вопросительное *ли?*) отъ инудъ въ облакы входитъ? Андрей рече: дугу мою поставлю, рече Богъ, на облацѣхъ. Да и дуга бо повелѣніемъ Божіимъ собираетъ морскую воду, какъ въ мѣхи; и наливаетъ облачной воды: да егда повелитъ Богъ вдати дождь на землю, восходитъ шумъ изъ трубы дужной, а той духъ есть буренъ вельми и смущаяся; да какъ духъ начнетъ раздирати облаки, уготовати путь водѣ и проливати ю въ ширину вданому тому облаку, да тѣмъ путемъ великимъ скрежетъ сотворится: сей скрежетъ человѣцы навыкли называти громомъ; понеже скрежетъ облакы, готовя путь, да быша пріяли воду, да егда пріидетъ духъ правый громный и отпуститъ облаки, тогда паки входитъ другій духъ воду кропя, скрежеща и гремя, наполняя облаки водой, яко же и губу. И посемъ отверзается другое сокровище одержащее ихъ и воду, и прежь пойдетъ духъ сущій въ немъ съ громомъ пути творя водамъ, хотящимъ пріяти на облацѣхъ, да тако пущаетъ, отверзаетъ сокровище водокровно: служба бываетъ, громови громятъ; громъ бо приходитъ предъ водою, множицею же и безъ

[1]) Лѣтоп. Нестора, стр. 121.

грома бываетъ дождь. *Но не о себѣ сами ти облацы дожди даютъ, а владыка Богъ ангелъ къ нимъ приставилъ есть, (ангеловъ приставилъ) да ихъ направляютъ и на всю тварь небесную.* Епифаній рече: откуду исходитъ молнія? Андрей рече: трубы облачные собираютъ отъ моря и отъ рѣкъ воды и отъ озеръ, и напивше восходя избываютъ изъ себя воду въ сокровенныя бездны: да егда наполнятъ вся, отходятъ на страну на мѣста своя и пребываютъ недвигующеся, потомъ же молнія утвержденіе е(сть) сокровище тмѣ и содержитъ въ себѣ воду ту. и подаетъ ю всю соль искренну (sic), аще есть морская вода та; *таже исходитъ ангелъ Господень явѣ, древомъ честнаго креста разслажаетъ воды ты,* таже потомъ молнія та приходитъ предъ громомъ сущая во облацѣхъ на низъ и прежь очищаетъ и приготовляетъ. Пророкъ бо глаголетъ: молнія, рече, вождь сотворилъ есть Богъ; и паки другій пророкъ глаголетъ: молнія направляя воды и погреманіемъ разсѣвая капля по облакомъ», и проч.

Такія статейки читали народные грамотники, и подчасъ прочитывали и пересказывали ихъ народу. Самъ народъ нерѣдко могъ слышать подобное ученіе о духахъ или ангелахъ грома, молніи, дождя и проч. въ церкви, гдѣ читалось подобное толкованіе Епифанія; могъ слышать его и отъ монаховъ-грамотниковъ, которые толпами бродили тогда по деревнямъ, особенно отъ старцевъ посельскихъ, могъ слышать въ столь обычной въ древней Россіи бесѣдѣ съ подвижниками, которые, какъ напр., Кириллъ Бѣлозерскій, любили иногда заниматься такими библейско-физическими созерцаніями. И вотъ неудивительно, что грамотникъ народный, и даже сельскіе колдуны и колдуньи стали вѣрить, что повсюду въ природѣ пребываютъ и дѣйствуютъ особые духи-ангелы; не подозрѣвая невидимыхъ силъ и законовъ физическихъ, стали видѣть ангеловъ въ тѣхъ явленіяхъ, гдѣ прежде видѣли Перуновъ, Хорсовъ, Горцуковъ и т. д. Византійская апокрифическая бесѣда трехъ святителей, передѣланная на славяно-русскій ладъ, подкрѣпляла это вѣрованье. Въ ней народные граматники читали такое толкованіе о духахъ грома и молніи: «Иванъ рече: отъ чего громъ сотворенъ бысть? Василій рече: два ангела громная есть; елленскій старецъ Перунъ, и Хорсъ жидовинъ, два еста ангела молніина. Вопросъ: что есть громъ и молнія? Толкъ: ангелъ господень летяя біетъ крилома и гонитъ дьавола. Молнія суть свиты ангельскія. И егда идетъ дождь, тогда дьяволъ станетъ. И егда молнія ходитъ, стрекаются, то со гнѣвомъ ангелъ господень зритъ на дьявола» [1]). Какъ по ученію гностиковъ, были особые ἄγγελοι κοσμοκράτορες, былъ ἄγγελος τοῦ ἡλίου (ангелъ солнца), такъ и по русскимъ апокрифическимъ сказаніямъ, имѣющимъ связь съ византійско-гностическими апокрифами, во всѣхъ явленіяхъ и силахъ природы представляются

---

[1]) Сборн. № 1138. Въ бесѣдѣ Панагіота съ Фрязиномъ Азимитомъ такъ же читаемъ о *молніи* и *громѣ*: „*девять ангеловъ*, обравшись на небеси, радуются о славѣ божественной и трепещутъ своими крыльями; и отъ ударенія крыльями облака идутъ *по аеру, гремятъ и дождятъ*, а *отъ силы ангельской* исходитъ *огонь и молнія* съ великимъ громомъ на проклятаго змѣя“. Ркп. проф. Григоровича. У Буслаева Историч. очерки русск. словесн. 1, 501.

дѣйствующими духи Божіи ангелы, напр., былъ особый *«ангелъ въ солнцѣ»*. Непросвѣщенные грамотники еще болѣе утверждались въ такомъ убѣжденіи, если читали апокрифическую книгу *«о всей твари чтеніе, гдѣ сказано, какъ 300 ангелъ солнце воротятъ»*. Въ глубокой древности образовалось и доселѣ существуетъ между нашими поселянами повѣрье, что *каждое свѣтило имѣетъ своего ангела: одинъ ангелъ носитъ по небу солнце, другіе луну и звѣзды*. Вечеромъ каждый ангелъ *зажигаетъ свою звѣзду, какъ лампаду, а къ утру тушитъ ее*. (Отеч. Зап., 1842 г., № 6. Ст. Мельникова, стр. 51. Архивъ историкоюридич. свѣд. о Россіи. Кн. 1, 1854, отдѣлъ VI, стр. 8). И сочинилась такимъ образомъ въ народномъ міросозерцаніи, если можно такъ выразиться, физіократія ангельская. Придумано было много ангеловъ лишнихъ, небывалыхъ, вовсе невѣдомыхъ и до третьяго небеси восхищеннымъ. Стихъ изъ любимаго народомъ псалма: «Живый въ помощи Вышняго» которымъ и доселѣ заговариваются простолюдины «отъ вещи во тмѣ преходящей, отъ зрящаго и бѣса полуденнаго», который въ сельскихъ манукануннцахъ или сборникахъ заговоровъ и наговоровъ замѣнялъ древнее языческое «прославленье», стихъ этого псалма: «яко ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ сохранити тя во всѣхъ путехъ твоихъ» утверждалъ народъ въ вѣрѣ, что точно во всѣхъ путяхъ есть ангелы-хранители. Древнерусскіе народные грамотники вѣрили въ бытіе особыхъ ангеловъ въ каждой области природы. Они знали, какое проявленіе, или какой случай физической жизни человѣка отъ какого именно ангела зависитъ. Они представляли особаго ангела въ горахъ и въ пустыняхъ, особаго ангела на рѣкахъ и моряхъ, особаго ангела во тмѣ ночной, вѣрили въ особаго ангела физическаго здоровья, въ ангела утверждающаго домъ, въ ангела, невидимо осѣняющаго питье и пищу, пиво и хмѣль и всякое употребляемое человѣкомъ произведеніе природы. Въ старинныхъ сборникахъ находятся особыя статьи о такихъ физическихъ разрядахъ или раздѣленіяхъ ангеловъ. Наприм., въ Сборникѣ солов. библ. подъ № 889 читаемъ такую статью, «Азъ, Григорій рече, пріидохъ ко ангелу и рѣхъ ему сія: скажи ми Господи ангеле[1])! Аще плаваеши въ лодіи, помяни святаго ангела Гавріила: и избавитъ тя отъ всякаго зла, аще хощеши итти по горамъ, или по пустынямъ, помяни св. ангела Раила, соблюдетъ тя, аще воду піеши, помяни св. ангела Ноила, во дни и въ нощи... егда ложися спать, помяни святаго ангела Помаила, той бо есть ночный стражъ намъ спящимъ; егда будеши въ печали, помяни ангела Аѳонаила, той бо есть утѣшитель ангеламъ и человѣкамъ; егда стяжеши домъ, или храмъ ставиши, помяни святаго ангела Мисаила, той бо есть утвержденіе храму; возставая изъ утрія, помяни святаго ангела Михаила, тогда веселъ день имаши; егда наліеши пиво или медъ, или иное что, помяни святаго ангела Рахваила, споро ти будетъ; егда идеши тягатися, помяни святаго ангела Уріила, скоро потяжеши; егда идеши на путь, помяни святаго ангела Ру-

[1]) Здѣсь въ рукописи чего-то, кажется, не достаетъ по ходу рѣчи.

саила — супротивникъ не будетъ; егда идеши въ пиръ — помяни святаго ангела Панθараона» [1]).

Вѣря въ ангельское міроправленіе, въ живое участіе ихъ въ жизни природы, народное эпическое міросозерцаніе представляло ихъ духами или силами, борющимися съ враждебными началами и силами миθологическаго міросозерцанія. Это, по народному представленію, были добрые духи или начала, поборающія зловредныя силы и начала физической жизни [2]). Въ такомъ значеніи, они, вмѣстѣ съ святыми, изображаются въ народныхъ суевѣрныхъ наговорахъ или заговорахъ и заклятіяхъ новаго, христіанскаго цикла. Какъ въ языческихъ заговорахъ или наговорахъ и заклятіяхъ являются дѣйствующими исключительно религіозно-миθическія олицетворенія Перуна, Дажьбога, Стрибога, солнце, луна, громъ, молнія, вѣтры, огонь, вода, роса утренняя и вечерняя, звѣзды и проч.; такъ въ переходныхъ отъ язычества къ христіанству заговорахъ или наговорахъ новаго, *двоевѣрнаго,* миθически христіанскаго склада или цикла являются дѣйствующими силами главнымъ образомъ ангелы и святые. Старые язычески-миθологическіе оттѣнки только подкрашиваютъ эти новые христіански-языческіе или *двоевѣрные* заговоры. Въ такомъ видѣ изображаются въ этихъ послѣднихъ заговорахъ и ангелы, и святые. Ангелы, напр., разгоняютъ злыхъ духовъ, удаляютъ, въ образѣ миθическаго Нежита, враждебную жизни силу, въ пустыя горы и въ звѣрей. Такъ въ одной сербской молитвѣ Нежиту, распространенной и въ древней Руси, читаемъ: «поиде 7 ангелъ, 7 архангелъ, 7 свѣщь носеще, 7 ножь остреще и срете ихъ архангелъ Гавріилъ и рече имъ: камо идете 7 ангелъ, 7 архангелъ, 7 свѣщь несеще, 7 ножь остреще, и рѣше ему і: идемъ Нежита осѣщи изьгнати». Или въ другой молитвѣ тому же Нежиту, читаемъ: «седмь десятъ ангелъ, семдесять архангель, и срѣте и святый Михаиль и Гавріиль и святый Козма и Доміяне. И рекоша емоу: камо идеши Нежите. И рече имь Не-

---

[1]) Эта статья отчасти непоминаетъ намъ извѣстную апокрифическую четвертую книгу Эздры, гдѣ также Эздра вопрошаетъ сначала какого-то не названнаго по имени ангела, потомъ ангела Уріила, за тѣмъ архангела Іереміила о различныхъ тайнахъ бытія міра и человѣка, обращаясь къ нимъ обыкновенно съ такимъ вопросомъ: Loquere mihi dominus meus. Спрашиваетъ напр. о томъ: quare modici et mali anni nostri и т. п. Изъ отвѣтовъ ангеловъ на такіе вопросы о таинственномъ или конечномъ значеніи для человѣка разныхъ предметовъ и явленій міра состоитъ большая часть второй главы и третья и четвертая главы. Fabricii, Codex apocriphor. Volum. II, p. 202—237.

[2]) Какъ у древнихъ грековъ были особые поднебесные, воздушные духи, δαίμονες, πνέυματα, ἀγαθὸς δαίμων, κακός или πονηρός δαίμων, νύμφαι, μοῖραι, κῆρες и проч. у нѣмцевъ и скандинавовъ свои elfen, vätten, döckälfur (dunkelelbe, genii obscuri) и liosälfar (lichtelbe) и проч., — такъ и у славянъ были особые духи воздушные, поднебесные, дивы, русалки, вилы, *градъ градившія отъ облака*. Подъ вліяніемъ христіанскихъ апографическихъ книгъ, всѣ эти демоны стали признаваться *подлунными воздушными злыми демонами* и *подсолнечными ангелами*, такъ же какъ у германцевъ, по словамъ Гримма, an sich gleichen liosälfar und svartälfar (döckälfan) hinreichend den christlichen *Engeln* und *Teufeln*. (D. M. 415). Такъ въ Луцидаріусѣ читаемъ: „*отъ земли даже до луны лукавіи дуси, демони* тѣ суть поставлени, человѣки отъ воздуха прельщающе, а *отъ луны даже до звѣздъ пребываютъ святіи ангели;* сіи суть поставлени, да человѣки хранятъ отъ лукавыхъ бѣсовъ". (Лѣтоп. р. литер. I, II, стр. 44, 1859).

жить. Идоу человѣчу главу кости преломити, мозьга срьцати. Рекоша емоу: Иди въ поустоую гору и вышедъ въ Еленю (оленью) главу и останися раба божія имрекъ и тоу клетву да имаши, и иже смѣшаеть воду, подобне и есть егда станешь добрѣ. Станешь страхомъ тако да станетъ съ Нежить». Въ третьей молитвѣ святый Михаилъ-Гавріилъ такъ заклинаетъ и побораетъ злое начало небытія и смерти: «Святый Михаилъ-Гавріилъ гредите възьмь желѣзьнь зоукь желѣзнь стрѣлы стрѣлати хоте елена и еленоу и не обрѣте тоу елена и еленоу и обрѣте Нежита, иже сидеше на мырацѣпивъ (sic) и въпроси его: что ты еси иже сѣдиши на мырацѣпивъ? Отвѣщавъ ему: азъ есмь Нежить, иже человѣче глава расцѣплю и мозьгъ исрьчу кръвь емоу пролею. И рече ему Михаиль Гавріиль. проклеты проклеты Нежите. не мозьга срьчи. ни главы расцѣпи, нь иди въ пустую гороу вълѣзи въ еленоу главоу. та ти есть трьпѣлива трьпѣти те. аще ли же по семь дни обрѣщоу. любо же посѣкноу. любо же прострѣлю. И взмолися Нежить непосѣци и не прострѣли мнѣ. да бѣжоу въ гору и въ еленю главу егда имать по три земле»[1]). Особенно у старообрядцевъ сохранилось множество такихъ заговоровъ или заклятій, въ которыхъ являются дѣйствующими ангелы, архангелы, преимущественно Гавріилъ-архангелъ, Михаилъ-архангелъ, вмѣстѣ съ разными святыми и пророками. Представляя въ духовно-нравственномъ развитіи массы народной самобытный, свободный переходъ народной мыслительности или народнаго духа отъ чисто-миѳологическаго, языческаго міросозерцанія къ свободному, своеобразному міросозерцанію христіанскому, церковно-библейскому, — русское старообрядство преимущественно создавало заговоры или заклятія, такъ же какъ разныя эпическія пѣсни, новаго цикла, новаго духовно-христіанскаго содержанія, сохраняя въ то же время и старую, религіозно-языческую ткань или перво-основу ихъ. Въ приложеніи къ этой статьѣ присовокупляемъ нѣсколько старообрядческихъ заговоровъ новаго христіанско-миѳологическаго цикла, въ которыхъ въ миѳическихъ образахъ представляются ангелы, вмѣстѣ съ святыми.

Наконецъ, въ своемъ поэтическомъ міросозерцаніи народъ видѣлъ ангеловъ въ травахъ, цвѣтахъ и птицахъ. Такъ напр., въ народномъ травникѣ читаемъ: «естъ трава *именемъ архангелъ*, собою мала, на сторонахъ по девяти листовъ, тонка въ стрѣлку, четыре цвѣта: червленъ, зеленъ, багровъ, синь. Та трава вельми добра: кто ее рветъ на Иванъ-день сквозь

---

[1]) За сообщеніе этихъ „молитвъ Нежиту“ приношу искреннюю благодарность В. И. Григоровичу. Въ нѣмецкихъ эпическихъ заговорахъ и заклятіяхъ ангелы также представляются дѣйствующими лицами. См. Grimm, D. M. Beschwörungen. IX и XLVII. Напр. Spruch gegen Diebe начинается: Wie Maria im Kindbette lag *drei Engel* ihr da pflagen: der erste hiess *S. Michael*, der andere *S. Gabriel*, der dritte hiess *Rafael* и проч. S. CXLVI. Въ заклятіи gegen vendsel (gicht, gliedschmerz) также упоминаются 12 gudds engle. S. CXLXVIII. Заклятіе подъ № VIII *reisesegen* начинается: ic dir nach sihe, ic dir nach sendi mit minen funf fingirin *funvi undi funfzic engili*. Въ заклятіи подъ № IX: Herre *Sce Michahel* hinte wistu N. sin schilt und sin sper и проч. Заклятіе *feuersegen* читается: mein haus das sei mir umbeschwaifen *mit engelischen vaifen*, mein haus *sei mir bedeckt mit einer englischen deck.*“ S. CXL.

златую или серебряную гривну, и та трава носитъ и тотъ человѣкъ не боится дьявола ни въ ночь, ни злаго человѣка», и проч. Въ полѣ, на цвѣтахъ, вмѣстѣ съ птицами, народная поэзія созерцала ангеловъ, и слышала гласы архангельскіе. Пѣсни *людей Божіихъ* исполнены такими образами.

На цвѣтахъ сидятъ птицы райскія;
Воспѣваютъ онѣ пѣсни архангельскія.
А съ ними поютъ всѣ ангелы,
Всѣ ангелы со архангелами,
Съ Серафимами, съ Херувимами.
И со всею силою небесною,
Воспѣваютъ они пѣсню: Христосъ воскресе! [1])

«Была быль, говоритъ одна народная легенда [2]), на крышѣ одного бѣднаго дома сидѣли три голубя: проходитъ мимо этого дома проѣзжій: что такое, говоритъ, сидятъ три голубя на этомъ домѣ, и порываются порхнуть вверхъ къ небесамъ. Заходитъ въ домъ, и узнаетъ, что тутъ бѣдная мать умертвила своихъ трехъ маленькихъ дѣтей, не имѣя никакихъ способовъ и никакой надежды прокормить ихъ. Вотъ эти голуби, сказываетъ легенда,—это три ангела Божіихъ прилетѣли за душами младенцевъ и хотятъ унести ихъ на небеса».

Святые еще болѣе важную роль играли въ средневѣковомъ міросозерцаніи, чѣмъ ангелы. Они замѣнили въ народномъ міровоззрѣніи языческихъ героевъ и полубоговъ. Какъ въ западномъ средневѣковомъ міросозерцаніи пророкъ Илія, святые Георгій и Хризостомъ играли роль языческихъ героевъ, полубоговъ, побѣдителей и умертвителей дракона, другіе святые замѣнили языческихъ боговъ и богинь, напр. Frau Lutz (Sancta Lucia) замѣнила Берту, Норвежскій св. Olaf—Тора, Славянскій Sanct Vitus—Святовида, и проч., такъ и въ нашемъ міросозерцаніи и поэзіи съ такимъ же полумиѳическимъ характеромъ и значеніемъ является пророкъ Илія, Георгій храбрый, Василій и другіе святые [3]).

Извѣстно, какъ народъ нашъ донынѣ еще объясняетъ явленіе грома, молніи и дождя: то Илья пророкъ, говоритъ онъ, ѣздитъ по небу на огненной колесницѣ, разгоняетъ нечистую силу и проливаетъ дождь на землю. Такая христіанско-миѳологическая персонификація грома въ образѣ пророка Иліи, очевидно, стоитъ въ тѣсной, преемственной связи съ древне-языческимъ олицетвореніемъ грома и молніи въ образѣ Перуна громовержца. Отъ чего же, въ народно-христіанскомъ міросозерцаніи, именно Илья пророкъ является персонификаціей или производителемъ грома, молніи и

[1]) Подобное представленіе находимъ и въ древне-нѣмецкой поэзіи:
Da hört man süss erklingen
Der Vögelein Getön,
Und auch die Engel singen
Ihr Melodie gar schön. — Geschich. d. deutsch. Kirchenlied., стр. 111—112.

[2]) Записана въ Казани, отъ крестьянина изъ села Кавалей (русскихъ).

[3]) Гриммъ подробно раскрываетъ это, и вообще замѣчаетъ: Eine gewisse Analogie hat die Übertragung der heidnischen Mythe von Göttinnen und Göttern auf Maria und Heilige von Elben auf Engel. D. M. 5. 10, (Einleitung).

ождя? Откуда могло взяться такое представленіе? Вникая въ духовно-итературное происхожденіе и развитіе народныхъ понятій, кажется, не-омнѣнно можемъ сказать, что поводъ къ такому объясненію грома, мол-іи и дождя подала отчасти наша древняя церковная литература. Во пер-ыхъ, въ сборникахъ [1]) помѣщались такія объясненія молніи: «Молнія есть іяніе огня, сущаго вверху на тверди; небесно же огнь, то ты разумѣй гнь сущій, *его же Илія молитвою сведе* на полѣна и на всесожженіе: *сего гня сіяніе есть молнія*». Во вторыхъ, на иконѣ пророка Иліи, на свиткѣ, аши иконописцы писали обыкновенно слѣдующій стихъ изъ книги царствъ, дѣ говорится о пророкѣ Иліѣ, понимая подъ «огнемъ и гласомъ свѣта по гни» громъ и молнію: «се духъ великъ и крѣпокъ расточая горы и сок-ушая каменія, и не въ дусѣ Господь и въ дусѣ трусъ, и не въ трусѣ Господь, и по трусѣ огнь, и ни во огни Господь, и по огни гласъ свѣта, ту Господь» [2]). Въ третьихъ, въ канонахъ церковныхъ въ честь рус-кихъ святыхъ часто встрѣчались выраженія въ родѣ слѣдующихъ: „*возгре-мѣвый Илія на колесницѣ*.... яко *на огненной колесницѣ* чистотою востече ъ небесная жилища.... Фезвитянину Иліи поревновавъ, якоже *сей огненною олесницею къ небеси востекъ*“ и т. п. [3]). Въ канонѣ послѣдованія во время ездождія, въ 8-й пѣснѣ народъ слышалъ такую молитву: „*Илія* ловомъ *дождь* держитъ на земли, и паки словомъ съ *небеси низводитъ*“ и проч. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ поученіяхъ церковныхъ, предлагавшихся народу въ церкви, въ день пророка Иліи, встрѣчаются такіе образы въ похвалахъ пророку Иліѣ, которые простолюдина невольно наводили на его извѣстное представленіе. Напр. одно поученіе на праздникъ пророка Иліи [4]) такъ начинается: «Нынѣ свѣтозорное солнце небеснаго круга шествія *огнен-ныхъ конь* свѣтлостію просвѣщается радостію пресвѣтлыя памяти *огнено-носнаго пророка Иліи.... Илія огненоносный* Христову пришествію вторый предтеча, *Илія тученосный облакъ, Илія небопарный орелъ*» [5]) и т. п. Слыша такимъ образомъ въ церкви, что Илія огненоносный и тученосный на огнен-ныхъ коняхъ шествіемъ по небесному кругу просвѣщается, что Илія Ѳе-свитянинъ возгремѣлъ на огненной колесницѣ, что Илія тученосный об-лакъ дождь на землю низводитъ и проч.,—народъ, настроенный къ миѳи-ческой персонификаціи явленій природы, легко могъ понять буквально

---

[1]) Напр. въ вышеупомянутомъ сборникѣ подъ № 219, въ статьѣ *о громѣ и о молніи*.

[2]) Сборн. № 861.

[3]) Сборн. № 823: канонъ Макарію Желтоводскому ирм. пѣснь 5. Также въ рукоп. жит. Ант. Сійск. въ канонѣ.

[4]) Сборникъ, № 804.

[5]) Могъ отчасти имѣть вліяніе на образованіе народнаго понятія о пророкѣ Иліи, какъ производителѣ молніи и дождя, слѣдующій апокрифъ, находящійся въ Сборн. Солов. библ. № 844, л. 237 об.: „Илія седмь дѣйствъ сотвори, яже суть сія: три лѣта и шесть мѣсяцъ бездождіе наведе, огнь съ небеси сведе, дождь сведе, огнемъ пятдесятные старѣйшины съ области попали“. Въ греческомъ подлинникѣ этотъ апокрифъ читается такъ: τίνα ἐστι τὰ διὰ ἡλιοῦ γενόντα θαυμάσα σημεῖα... πῦρ ἐξ ὀρανοῦ ἐπὶ τὰ ἱερεῖα κατήγαγε, ὑετὸν ἐξ ἀνομβρίας προειπὼν ἔσεσθαι, εὐθέως ἐπήγαγε πεντηκόνταρχον ἐπ αὐτον ἐλθόντα, παραδόξως ἕνεκα τῆς πρότον βασιλέα, καὶ τοὺς πεντήκοντα αὐτοῦ, φορᾷ πυρὸς Οὐρανίου ἐνέπρησε, и проч. Fabric. codex Apocryph. t. I., Hypamnesticum. s. 193.

всѣ эти образныя выраженія церковныхъ книгъ, принять ихъ за физическую дѣйствительность. И такимъ образомъ Илья пророкъ сталъ въ его міросозерцаніи тѣмъ, чѣмъ прежде былъ Перунъ, огненоносный и тученосный громовержецъ, небопарный орелъ, метавшій кремни и кремницы. Перунъ, также разъѣзжавшій по небесному кругу на огненныхъ коняхъ и гремѣвшій своей огненной колесницей. Сохранилось свидѣтельство отъ XV в., что народъ нашъ давно уже держится того вѣрованія, будто Илья пророкъ гремитъ, ѣздя по небу на колесницѣ, пущаетъ молнію по облакамъ и гонитъ змія огненнаго—языческое олицетвореніе молніи, зооморфическій прообразъ Перуна въ послѣдовательномъ развитіи миѳологическаго міросозерцанія. Такъ въ вышеупомянутой бесѣдѣ Епифанія съ Андреемъ читаемъ: «Епифаній рече: по праву ли сіе глаголютъ, яко Илья пророкъ есть на колесницѣ ѣздя гремитъ, молнія пущаетъ по облакамъ и гонитъ змія? Святый же рече: не буди то чадо, ему тако быти, велико бо безуміе есть, еже слухомъ пріимати: человѣцы бо умовредни суть, да по своему безумію написали. Илья бо на небеса не взыде, ни на колесницѣ сидитъ благодать имѣя на дожди, да ся молитъ Богу, да въ годину бездождія дабы Богъ далъ на землю дождь. А на небо не вшелъ есть никтоже, но единъ сынъ человѣчь, иже есть на небеси. Илья живъ есть, и есть на земли во плоти своей, и никто же его не знаетъ. Живъ и Енохъ посреди людей ходитъ и никтожъ его не вѣсть. Живъ есть и Іоаннъ Богословъ, и есть въ мірѣ семъ якожь жемчюгъ посреди калу оставленъ, да будетъ на земли вмѣсто во плоти Іисуса Христа, да ся молитъ за грѣхи наша» [1]).

Въ старину, какъ видно изъ церковнаго новгородскаго чиновника, въ Ильинъ день и послѣ Ильина дня, въ теченіи недѣли, были *по завѣту* крестные ходы въ *Ильинскую* церковь на Славнѣ улицѣ съ молебнами *о дождѣ или о ведрѣ пророку Иліи*. Такимъ образомъ церковь новгородская утверждала народное вѣрованіе и придавала ему санкцію. (Чтен. Моск. общ. истор. кн. 1 за 1861 г. ч. III, ст. 21). Въ замѣчат. стихѣ о 12 пятницахъ, сообщенномъ изъ села Шельбово Юрьевскаго уѣзда, читаемъ:

Шестая великая пятница
Противъ *Иліи пророка божія.*
Почему та великая пятница?
Въ ту пятницу взятъ былъ Илья въ живѣ на небеса.
Кто станетъ той пятницей поститься,
Тотъ человѣкъ избавленъ будетъ *отъ грома.*

(Этногр. сборн. V, смѣсь 34).

Что касается до олицетворенія грома и молніи съ дождемъ въ образѣ пророка Иліи, то надобно замѣтить, что онъ представляется молніеноснымъ и тученоснымъ громовержцемъ не у насъ только, но и у прочихъ славянъ и у нѣмцевъ. Въ сербскихъ пѣсняхъ пророкъ Илія называется *громовитымъ*: «Удъри громом громовит Илjа». По одной пѣснѣ, молнія, олицетворявшаяся прежде въ Перунѣ, передала свои аттрибуты Ильѣ:

---

[1]) Сборн. Сол. библ. № 219.

Стаде Муне даре дијелити:
даде Богу небесне висине,
светомъ Петру петровске врутине,
а Іовану леда и снијега,
а Николи на води слободу,
а *Иліи муніе и стријеле.*

Въ нѣмецкой средневѣковой поэзіи господствовали точно такія же представленія, какъ видно напр. изъ слѣдующаго стиха, приведеннаго Гриммомъ:

Quedent sum giwâro,
Helias sis thër mâro,
ther thiz lant sô *tharta,*
then *Himil sô bisparta,*
ther iu ni *Liaz* in nôtin *regonon* then liutin,
thuangta si giwâro harto filu suâro.

Григорій Турскій въ предисловіи къ своей второй книгѣ тоже говоритъ: «meminerit (lector) sub Heliae tempore, qui pluvias cum voluit abstulit, et cum libuit aventibus terris infudit. По скандинавской средневѣковой сагѣ о явленіи антихриста, пророкъ Илія въ концѣ міра снова будетъ сѣвернымъ Богомъ грома [1]).

По другому народному сказанію, громъ происходитъ отъ колесницы Божіей, когда высокій царь самъ носится на ней по воздуху, или движетъ ее духомъ своимъ святымъ и разгоняетъ нечистую силу. Въ Сборн. Соловецк., подъ № 923 встрѣчаемъ такое, темное впрочемъ, мѣсто: «Богословъ, съ небеси жъ страсти, громи и тресканіе з мол (молнія?). Егда громъ гремитъ, высокій царь ходяй по земли въ грому, обладая молніями и призывая воду морскую, проливая на лице всея земли дождь,—о великій и страшный Боже, самъ суди врагу діаволу! Должны убо есьмы плакати горько, понеже очищеніе безъ плача не бываетъ: видѣхъ бо малы капля, яко кровь со болѣзнію изливаемы, и видѣхъ источники безъ болѣзни происходяща». Мысль, что громъ прогоняетъ нечистыхъ духовъ и призываетъ людей на молитву, мысль общая въ древней Руси, повела къ сочиненію особой народной молитвы грому. «Сія молитвы глаголати, егда громъ возгремитъ: святъ, святъ, святъ! Сѣдый въ грому, обладывый молніями, проливый источники на лице земли, о владыка страшный и грозный! Самъ суди окаянному діаволу съ бѣсы, а насъ грѣшныхъ спаси, всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь. Умъ преподобенъ, самоизволенъ, честь отъ Бога, отечеству избавленіе, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь». Другая молитва къ тому же грому: «Боже страшный, Боже чудный, живый въ высшихъ, сѣдяй на херувимѣхъ, ходяй въ громѣ, обладая молніями! призывая воду морскую и проливая на лице всей земли. Боже страшный! Боже чудный! самъ казни врага своего діавола, всегда и нынѣ и присно

[1]) Grimm. D. M. S. 117. Точно также и полухристіанскіе кавказскіе народы почитають Илію Богомъ грома; осетинцы почитають огненнаго, молніеноснаго змія и также сближають его съ Иліей, представляя Илію олицетвореніемъ, воплощеніемъ молненнаго змія. Klaproths Reise in den Kaukasus 2, 601, 606.

и во вѣки вѣковъ, аминь». Молитвы эти уже существовали въ началѣ XV вѣка, и, какъ видно, извѣстны были новгородскому лѣтописцу начала XV вѣка.

Какъ Илья пророкъ сталъ, на взглядъ народный, олицетвореніемъ грома, молніи и дождя, въ замѣнъ Перуна громовержца, такъ Іоаннъ креститель сталъ въ средневѣковомъ народномъ міросозерцаніи олицетвореніемъ миѳическаго лѣтняго *огненнаго солноворота*, на мѣсто двухъ языческихъ *варожичей—солнца и огня*. Такъ какъ солнце въ іюнѣ, въ славянскій мѣсяцъ *кресникъ*, въ мѣсяцъ *огня и жизни*, достигши высшаго проявленія въ развитіи растительности, въ оплодотвореніи всякой лѣтней жизни, въ нагрѣваніи водъ, въ жгучихъ жарахъ, солнопекахъ лѣта, поворачиваетъ съ этого времени, по народному міропредставленію, съ лѣта на зиму, какъ огненное колесо, и такъ какъ около 23-го іюня славяне, во время язычества, праздновали лѣтній солноворотъ, въ образѣ купалы,—то со времени христіанскаго, церковнаго мѣсяцеслова, празднованіе *Креса*, іюньскаго солноворота, Купалы пало на 23-й день іюня, на день Іоанна предтечи. Такое соединеніе древне-языческаго представленія о лѣтнемъ солноворотѣ съ днемъ Іоанна предтечи, кромѣ совпаденія древне-языческаго праздника Купалы съ днемъ Іоанна крестителя, могло также утвердиться подъ вліяніемъ своеобразно-понятыхъ народомъ церковно-книжныхъ названій Іоанна предтечи *денницей солнца*, *предтечей солнца*. Народъ представлялъ и до нынѣ представляетъ, что въ Ивановъ день солнце выѣзжаетъ изъ своего чертога на трехъ коняхъ—серебряномъ, золотомъ и брилліянтовомъ, на встрѣчу мѣсяцу. И вотъ Іоаннъ креститель, какъ предтеча солнца, представился ему, по его непосредственно-натуральному, антропоморфическому міросозерцанію, предтечей солнца на поворотномъ пути къ зимѣ. Къ тому же, и сами благочестивые книжники древней Руси называли Іоанна предтечу *пресвѣтлымъ солнцемъ*. Въ древней повѣсти о дѣвицахъ смоленскихъ *како игры творили*, читаемъ: «множество дѣвъ и женъ стеклись на бѣсовское сборище, въ ночь, въ которую родился *пресвѣтлое солнце*—великій Іоаннъ креститель, его же ради вся тварь неизрѣченно возрадовалась [1]).

---

[1]) Истор. оч. рус. нар. словесн. Буслаева, 11, 14. Западные теологи среднихъ вѣковъ также представляли Іоанна предтечу подъ образомъ свѣта (lumen et lucerna), предшествовавшаго солнцу. Joh. Beleth, парижскій теологъ, около 1162 года такъ писалъ въ своемъ сочиненіи Summa de divinis officiis: feruntur quoque (in festo Johannis bapt.) brandae sev faces ardentes, et fiunt ignes, qui significant sanctum Johannem, qui fuit lumen et lucerna ardens, praecedens et praecursor verae lucis...; rota in quibusdam locis volvitur, ad significandum, quod sicut sol ad altiora sui circuli pervenit, nec altius potest progredi, sed tunc sol descendit in circulo, sic et fama Johannis, qui putabatur Christus, descendit secundum quod ipse testimonium perhibet dicens: me oportet minui illum autem crescere (ed. 1572, cap. 137, †, 256).

Въ древне-русскомъ книжномъ ученіи съ именемъ Іоанна предтечи соединялась также надежда на довольство и достатокъ. Такъ въ одномъ сказаніи о 12-ти пятницахъ сказано: „пятница предъ Іоанномъ предтечею: кто сію пятницу поститься будетъ, тотъ человѣкъ отъ великаго недостатка и скудости сохраненъ будетъ“. (Историч. оч. слов. Буслаева, I, 504). А во времена язычества, такое же представленіе о сохраненіи отъ недостатка и скудости соединялось и съ купальскими гаданьями. И теперь народъ гадаетъ по Иванову дню: „сильная роса на Ивана къ урожаю огур-

Итакъ, съ именемъ Іоанна предтечи, подъ миѳологическимъ образомъ *Ивана-Купалы*, народное міросозерцаніе соединяло, во-первыхъ, религіозно-мическую идею и санкцію высшаго, окончательнаго лѣтняго проявленія все-возбуждающаго, все-оплодотворяющаго вліянія солнца на природу, идею и санкцію возбужденія и дѣйствія, во время такъ называемаго лѣтняго солнцестоянія, (solstitium древненѣм. sunewende—sunnewende) всѣхъ силъ и стихій природы—воды, огня, силы растительной, и проч. Оттого, ночь на Ивановъ день сопровождалась 1) собираніемъ травъ, 2) купаніемъ, 3) зажиганіемъ костровъ и прыганьемъ черезъ нихъ. Всѣ эти обряды отчасти сохранились и до нынѣ. Въ пословицахъ, собранныхъ Далемъ, они такъ исчисляются: «въ ночь Ивана купалы собираютъ лечебныя и знахарскія коренья и травы; Ивана купалы—костры, прыгаютъ черезъ купальницкіе огни, въ Ивановъ день купаются въ водѣ и росѣ, пляшутъ вокругъ дерева Марины (символическаго чучела зимы); вѣдьмы собираются на Лысой горѣ (Кіевъ); день вѣдьмъ, оборотней, колдуновъ и проч.; на рождество крестителя собираютъ лекарственныя травы; папоротникъ расцвѣтаетъ въ полночь на Ивана купала и проч. [1]). Въ старину всѣ эти вѣрованія и обряды соблюдались съ особеннымъ энтузіазмомъ и торжественностью, какъ видно изъ посланія игумена Елизаровой обители Памфила, писаннаго въ 1505 году [2]). Представляя Ивановъ день какъ бы послѣднимъ, окончательнымъ и самымъ полнымъ проявленіемъ лѣтняго животворнаго вліянія солнца на земную природу,—спѣшили запастись знахарскими и лечебными травами и кореньями, спѣшили очиститься лѣтней водой, освященной Іоанномъ крестителемъ и солнцемъ, et habuerunt, по словамъ Нарбута, *baptismam per ignem*, scilicet *purificationem elementariam* [3]).

Особенно любопытно то, что къ ночи и къ дню Іоанна предтечи народъ нашъ изстари пріурочивалъ собираніе травъ лечебныхъ и знахарскихъ

новъ; на Иванову ночь звѣздно—много грибовъ будетъ; корми меня до Ивана, сдѣлаю изъ тебя пана—говоритъ пчела, обѣщая обиліе меда.

1) Сборн. послов. чт. Москов. общ. истор. кн. 4, за 1862 г. стр. 986—987.

2) Дополн. къ акт. истор. т. I, № 22. Подробности объ Иванѣ купалѣ см. у Снегирева рус. прост. праздн. 1, у Терещенко—бытъ рус. народа V въ Чт. моск. общ. истор. № 4, 1846 г. Архивъ Калачева, 1850 г. кн. 1, стр. 33—34. кн. 2 пол. 1, стр. XV и проч.

3) Надобно замѣтить, что день Іоанна крестителя, въ средніе вѣка, и во всей Европѣ сопровождался почти совершенно одинаковыми съ нашими обрядами. Гриммъ подробно описываетъ его подъ словомъ *Iohannisfeuer*. D. Myth. S. 583—593. Martinus de Arles, каноникъ Пампелунскій, въ своемъ сочин. de superstitionibus (tract. tractatuum, 1544. 9, 133) такъ писалъ: cum in *die s. Ioannis* prorter jucunditatem multa pie aguntur a fidelibus, puta pulsatio campanarum et *ignes jucunditatis*, similiter summo mane exeunt *ad colligendas herbas odoriferas et optimas et medicinales ex sua natura et ex plenitudine virtutum propter tempus*... quidam *ignes accendunt* in compitis viarum, in agris, ne inde sortilegae et maleficae illa nocte transitum faciant, ut ego oculis propriis vidi. Alii *herbas collectas in die s. Iohannis* incindentes contra fulgura, tonitra et tempestates credunt suis fumigationibus arcere daemmones et tempestates. На востокѣ также было въ обычаѣ очищаться огнемъ въ день Іоанна крестителя. Въ 65 канонѣ собора 680 г. сказано: τὰς ἐν ταῖς νουμηνίαις ὑπό τινῶν πρὸ τῶν οἰκείων ἐργαστηρίων ἢ οἴκων ἀναπτομένας πυρκαιάς, ἅς καὶ ὑπεράλλεσθαί τινες κατὰ τὸ ἔθος αρχαῖον, επιχειροῦσιν, ἀπὸ παροντος καταργήθῆναι πρόςτάττόμεν. На подобный обычай указываетъ Ѳеодоритъ кирскій († 458) (αποτρὸπιασμὸς καὶ κάθαρσις διὰ πυρὰ). Толк. на IV цар. 16, 3.

Онъ вѣритъ, что только та трава и цѣлительна, и дѣйственна вообще, которая набирается въ Ивановъ день. До Петра великаго даже цари вѣрили, что рождество Іоанна крестителя придаетъ нужныя свойства или силы травамъ и цвѣтамъ, и потому, согласно съ народнымъ обычаемъ, также на рождество Іоанна предтечи запасались разными травами и цвѣтами. Такъ царь Алексѣй Михайловичъ въ 1657 году писалъ къ московскому ловчему-стольнику Матюшкину: «которыя волости у тебя въ конюшенномъ приказѣ вѣдомы, и ты бъ вѣлѣлъ тѣхъ волостей крестьянамъ и бобылямъ *на рождество Іоанна предтечи*, іюня въ 23-й день, набрать цвѣту серебориннаго, да травъ имприковой и мятной съ цвѣтомъ, и дягилю и дягильнаго коренья, по 5 пудъ» [1]). Въ Румянцевскомъ сборникѣ 1754 года читаемъ: «въ *Ивановскую ночь* кладовъ стерегутъ, и на травахъ парятся въ баняхъ, и травы рвутъ, и коренья копаютъ, еще березки подвязываютъ, вѣтви сплетаютъ—живъ будетъ того лѣта человѣкъ» [2]). Въ травникахъ съ особеннымъ вѣрованьемъ, съ особенною обязательностію собираніе травъ, кореньевъ и цвѣтовъ пріурочивается къ Иванову дню. Напр. о папоротникѣ въ одномъ травникѣ сказано: «есть трава черная попороть: ростетъ въ лѣсахъ около болотъ, въ мокрыхъ мѣстахъ, въ лугахъ, ростомъ въ аршинъ и выше стебель, а на стеблѣ маленьки листочки, и съиспода большіе листы... А цвѣтетъ она наканунѣ *Иванова дня* въ полночь.... Тотъ цвѣтъ очень надобенъ, если кто хощетъ богатъ и мудръ быти. А брать тотъ цвѣтъ не просто—съ надобностьми: въ *Иванову ночь* итти къ тому мѣсту, гдѣ ростетъ трава папороть... и очертясь кругомъ говорить: талантъ божій, судъ твой, да воскреснетъ богъ» [3]). Еще примѣръ [4]): «въ травахъ царь есть симтаримъ трава, о шести листахъ: первый синь, другой червленъ, третій жолтъ, четвертый багровъ, а брать вечеромъ на *Ивановъ день* сквозь золотую гривну или серебрянную» [5]). Мистико-символическая пѣсня людей божіихъ представляетъ Іоанна предтечу ходящимъ по полю и указывающимъ Богородицѣ деревья и цвѣты: «ходила дѣва по чистому полю, искала Богородица Іисуса Христа, на встрѣчу Богородицѣ Иванъ предтечь, какъ возговоритъ Иванъ предтечь, Христовъ пророкъ: ты поди дѣва Богородица во чисто поле, во чистомъ полѣ три древа стоятъ, что первое древо кипарисовое, а другое древо анисовое, а третье древо барбарисовое» и проч.

---

1) Доп. къ акт. истор. III, стр. 253.

2) Истор. оч. русск. литер. Буслаева 1, 482.

3) Лѣтоп. русс. литер. IV, смѣсь 73.

4) Буслаевъ, истор. оч. русс. лит. 11. 38. Травники будутъ разсмотрѣны подробно въ слѣдующихъ очеркахъ.

5) Такое пріуроченіе разныхъ представленій о травахъ и цвѣтахъ ко дню Іоанна предтечи обычно было и на западѣ. Напр. у Гримма читаемъ: ein Kräuterbuch sagt: *Farnkraut* ist auf dem Felde schwer zu tilgen, ausser man reisse es um auf *den Tag Iohannis* Enthauptung. *Pipöz* artemisia: wer Beifuss im Hause hat, dem mag der Teufel nicht schaden. *Iohannistag* gürtet man sich mit Beifuss und wirft ihn, unter Sprüchen und Reimen ins Feuer, daher die Namen *Iohannis-gürtel*, Sonnenwendgürtel, franz. *herbe de s. Jean*. s. 1160. 1161.

Другой миѳическій оттѣнокъ, сообщенный народнымъ міросозерцаніемъ Іоанну предтечѣ,—это религіозно-миѳическая санкція въ лицѣ его и пріуроченіе къ дню его древне-языческаго праздника и культа *лѣтняго солнсеворота—купалы*. Поэтому онъ въ простонародьи и названъ *Иваномъ купаломъ*. Въ Ивановъ день, по сказаніямъ русскаго народа, солнце выѣзжаетъ изъ своего чертога на трехъ коняхъ—серебрянномъ, золотомъ и бриллiантовомъ, на встрѣчу мѣсяцу; въ проѣздъ свой оно пляшетъ и разсыпаетъ по небу огненныя искры [1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи существуетъ обычай—на праздникъ Ивана купалы откатывать отъ зажженнаго костра колесо, выражая такимъ символическимъ знакомъ поворотъ солнца на зиму (солноворотъ) [2]). И хороводно, *коло,* символъ тоже солноворота, напоминаетъ уже про чучело или образъ зимы—Мару:

Ходыли дивочки около Мареночки,
Коло мое водила *купала*,
Гратыми *сонечко на Ивана*, и проч.

Съ Иванова дня, по народному представленію, какъ бы уже наступалъ совершенно другой порядокъ вещей въ природѣ. И дожди, такъ вожделѣнные для крестьянина до Иванова дня, теперь становились излишними и ненужными. Пословицы народныя гласятъ: «вымолите попы дождя *до Ивана*, а *послѣ* и мы грѣшные умолимъ». *До Ивана* просите дѣтки дождя у Бога, а послѣ Ивана я и самъ упрошу. «Корми меня *до Ивана*, сдѣлаю изъ тебя пана (говоритъ пчела). Коли *до Ивана* просо въ ложку, то послѣ Ивана будетъ ужь и въ ложкѣ». Какъ у насъ Ивановъ день считался *огненнымъ поворотомъ солнца*, такъ и у германцевъ Iohannistag назывался *sunwentsfeuer*, *sant Johas sunewende tag*, и просто—*sunnewende* и т. п.

Какъ пророкъ Илія замѣнилъ въ средневѣковомъ народномъ міросозерцаніи Перуна, а Іоанъ предтеча обоихъ сварожичей—солнце и огонь, такъ Георгій храбрый въ народной эпической поэзіи носитъ миѳическій характеръ героя-полубога, устроителя земли русской. Церковь, введши праздникъ въ честь его 23-го апрѣля, предлагала въ этотъ день житіе его, повѣствовала о чудѣ, какъ онъ умертвилъ змія, дракона, и избавилъ отъ него дѣвицу, царскую дочь[3]). Народъ, усвоивъ это церковное сказаніе, перенесъ его въ свою поэзію и передѣлалъ сообразно съ своими понятіями въ извѣстномъ духовномъ стихѣ «о Елисаветѣ прекрасной». Въ самобытной народной поэзіи, именно въ *стихѣ о Егоріи храбромъ*, герой землеустроитель изображается въ двоякомъ видѣ. Съ одной стороны, миѳическій образъ его, какъ героя полубога носитъ ясные оттѣнки отдаленнаго миѳологическаго «юнацкаго» эпоса; съ другой стороны, сквозь миѳическій ликъ Егорія храбраго проглядываютъ и нѣкоторыя черты историческаго народ-

---

[1]) Терещенко, бытъ р. народа, V, 39.

[2]) О представленіяхъ солнца и вообще о народныхъ астрономическихъ понятіяхъ будетъ особый очеркъ.

[3]) Повѣсть эта часто встрѣчается въ рукописныхъ сборникахъ, какъ мы видѣли въ Соловецк. библіотекѣ, напр. въ Сборн. подъ № 17 или 18.

наго эпоса и земскаго міроустройства [1]). Читатели извинятъ насъ, мы повторимъ этотъ стихъ по изданію Сахарова, для того, чтобы по высказать свой взглядъ на него. Мы оставимъ византійское проис деніе Георгія храбраго, начнемъ читать прямо о его подвигахъ на св русской землѣ.

Ѣдетъ онъ, Георгій храбрый,
Къ той землѣ свѣтлорусской,
Отъ востока до запада поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Бесерменскую вѣру побѣждаючи;
Наѣзжаетъ онъ, Георгій храбрый,
На тѣ лѣса, на темные,
На тѣ лѣса, на дремучіе.
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храбрый, туто проторити.
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій храбрый проглаголуетъ:
Ой вы лѣса, лѣса темные!
Ой вы лѣса. лѣса дремучіе!
Зароститеся лѣса темные
По всей землѣ свѣтло-русской,
Раскиньтеся лѣса дремучіе
По крутымъ горамъ по высокіимъ.
По божьему все велѣнью
По георгіеву все моленью.

По его слову георгіеву, по его, храбраго, моленью, заростали темные, раскидались по всей землѣ свѣтлорусской, по крутымъ го по высокіимъ.

Наѣзжаетъ онъ Георгій храбрый
На тѣ горы на высокія,
На тѣ холмы на широкія;
Хочетъ онъ Георгій туто проѣхати,
Хочетъ онъ храбрый туто проторити,
Нельзя Георгію туто проѣхати
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій храбрый проглаголуетъ:
Ой вы горы, горы высокія!
Ой вы холмы, холмы широкія!
Разсыпьтеся горы высокія
По всей землѣ свѣтло-русской,
Становитесь холмы широкіе
По степямъ-полямъ зеленымъ.

По божьему все велѣнью, по георгіеву все моленью, разсып горы высокія по всей землѣ свѣтлорусской, становилися холмы ши по степямъ, полямъ зеленымъ.

[1]) Вслѣдствіе этой миѳологической двуличности, въ нѣкоторыхъ наро легендахъ богатырскаго эпоса, напр. въ записанной нами въ Казани, *святый* характеристично смѣшивается съ *Свято-горомъ* богатыремъ. *Свято-горъ*, вѣроятно женное имя—*святый Егорій*. См. о Святогорѣ въ Сборникѣ Рыбникова.

Наѣзжаетъ Егорій храбрый
На тѣ моря, на глубокія,
На тѣ рѣки, на широкія.
Хочетъ онъ Георгій туто проѣхати,
Хочетъ онъ храбрый туто проторити.
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій храбрый проглаголуетъ:
Ой вы моря, моря глубокія,
Ой вы рѣки, рѣки широкія!
Потеките моря глубокія
По всей землѣ свѣтло-русской,
Побѣгите рѣки широкія
Отъ востока да и до запада.
По Божьему все велѣнью
По егорьеву все моленью,
По его слову ли георгіеву,
По его ли храбраго моленью,
Протекали моря глубокія
По всей землѣ свѣтло-русской,
Протекали рѣки широкія
Отъ востока да и до запада.
Наѣзжаетъ онъ Георгій храбрый
На тѣхъ звѣрей, на могучіихъ,
На тѣхъ звѣрей на рогатыихъ.
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати
Хочетъ онъ, храбрый, туто проторити,
Нельзя Георгію туто проѣхати
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій храбрый проглаголуетъ:
Ой вы звѣри, звѣри могучіе!
Ой вы звѣри, звѣри рогатые!
Заселитеся звѣри могучіе
По всей землѣ свѣтло-русской,
Плодитеся звѣри рогатые
По степямъ полямъ безъ числа,
По Божьему все велѣнью,
По георгіеву все моленью!
И онъ Георгій храбрый заповѣдаетъ
Всѣмъ звѣрямъ могучіимъ
Всѣмъ волкамъ рыскучіимъ:
А и есть про васъ на съедомое,
Въ поляхъ трава муравчата,
А и есть про васъ на пойлице
Въ рѣкахъ вода студеная.

го ли слову георгіеву, по его ли храбраго моленью, заселялися гучіе по всей землѣ свѣтло-русской, плодилися звѣри могучіе, по епямъ безъ числа. Они пьютъ ѣдятъ повелѣнное, повелѣнное нное.

Наѣзжаетъ онъ Георгій храбрый
На то стадо на зміиное,
На то стадо на лютое.
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,

Хочетъ онъ храбрый туто проторити.
И стадо змiиное возговоритъ:
Али ты, Георгiй, не вѣдаешь,
Али ты, храбрый, не знаешь,
Что та земля словомъ заказана,
Словомъ заказана заповѣдана.
По той землѣ заповѣданной
Тамъ человѣкъ не прохаживалъ,
На конѣ никто не проѣзживалъ.
Уйми ты Георгiй своего коня ретиваго,
Воротися ты, храбрый, самъ назадъ.
Вынималъ Георгiй саблю острую,
Нападалъ храбрый на стадо змiиное
Ровно три дня и три ночи.
Рубитъ, колетъ стадо змiиное,
А на третiй день ко вечеру
Посѣкъ порубилъ стадо лютое.
Наѣзжаетъ онъ, Георгiй, храбрый
На ту землю свѣтло-русскую
На тѣ поля, рѣки широкiя,
На тѣ высоки терема, златоверхiе.
Хочетъ онъ, Георгiй, туто проѣхати,
Хочетъ онъ храбрый туто проторити.
Какъ и тутъ ли ему Георгiю,
Выходятъ на встрѣчу красны дѣвицы,
Какъ и тутъ ли ему храброму проглаголуютъ:
А тебя ли мы, Георгiй, дожидаючись,
Тридцать три года не вступаючи
Съ высока терема златоверхаго,
А тебя ли мы, храбраго, дожидаючись,
Держимъ народу великъ обѣтъ:
Отдать землю свѣтло-русскую,
Принять отъ тебя вѣру крещеную.
Прiимлетъ онъ, Георгiй, храбрый
Ту землю свѣтло-русскую
Подъ свой великъ покровъ,
Утверждаетъ вѣру крещеную
По всей землѣ свѣтло-русской.

Во всемъ этимъ стихѣ, сквозь миѳическiй ликъ Георгiя храб сквозь миѳическiя черты его богатырской, героическо-полубожеской ятельности, проглядываютъ, какъ мы сказали, нѣкоторые смутные оттт историческiе. Егорiй храбрый является намъ, въ народномъ изображ героемъ-полубогомъ, могучимъ воздѣлывателемъ русской земли, начи лемъ, основателемъ ея физической культуры, земскаго устроенья [1]). такого объясненiя стиха мы имѣемъ нѣкоторыя историческiя основ Изъ исторiи колонизацiи видимъ, что на обоихъ путяхъ первоначал движенiя и разселенiя славянскаго племени по финскому сѣверовос на системѣ волжско-камской или ростовско-суздальской и на систем лярно-балтiйской или новгородской колонизацiи,—Егорiй храбрый

[1]) По переводу азбуковниковъ XVII вѣка, Георгiй значитъ *воздѣланный*.

признаваемъ русскими колонистами спутникомъ и помощникомъ въ борьбѣ съ суровой сѣверо-восточной природой, съ Чудью, съ финскимъ язычествомъ, а потомъ, съ XIII вѣка, и съ бусурманствомъ. Побѣдоносный Юрій Долгорукій, недаромъ носившій имя храбраго побѣдоносца, первый неутомимый устроитель сѣверо-восточной, волжской страны Великой Руси,—Юрій Долгорукій, именно, какъ изображаемый народнымъ эпосомъ Егорій храбрый, героически носился по русской землѣ, вдоль и поперекъ исходилъ ее, въ теченіе своихъ 22 лѣтнихъ походовъ, отъ приднѣпровья до Новгорода, отъ верховьевъ и до низовьевъ Волги, вдоль и поперекъ изъвѣдалъ свою *лѣсную* и *польскую* землю. Раздѣляя въ ней лѣсъ и поле, онъ рубилъ лѣса, средоточія звѣрей и звѣроловной Чуди-Мери, и строилъ въ *полѣ* свои знаменитые *польскіе* и *залѣсскіе* города — начатки гражданственной культуры—Москву, Юрьевъ Польскій, Юрьевъ Повольскій, Дмитровъ, Переяславль Залѣсскій, Коснятинъ, Кострому, Галичь Мерскій, а по Татищевой лѣтописи, и Ярославль, и еще нѣкоторые другіе города. Строя города и ставя въ уѣздахъ ихъ села, заботясь о распространеніи и утвержденіи христіанской вѣры на финскомъ сѣверѣ, Юрій Долгорукій признавалъ своимъ сподвижникомъ въ борьбѣ съ дикой, непочатой почти природой и съ невѣрными финскими и другими племенами сѣверной Руси, св. Георгія храбраго. Потому онъ любилъ въ городахъ и селахъ, имъ устроенныхъ, ставить первыя церкви во имя Георгія храбраго. По свидѣтельству никоновской лѣтописи, онъ не только въ городахъ, но и въ нѣсколькихъ селахъ построилъ церкви во имя Георгія побѣдоносца [1]). Точно также новгородцы, колонизуя сѣверовосточную финскую страну русской земли за увалами, въ другой, полярно-балтійской рѣчной системѣ, также большую часть погостовъ назвали *георгіевскими* отъ церквей во имя св. Георгія храбраго. Въ этомъ всякій можетъ удостовѣриться изъ писцовыхъ книгъ пятинъ и погостовъ новгородскихъ. Мало того: путь новгородской колонизаціи среди дремучихъ лѣсовъ въ сѣверовосточныхъ земляхъ «*Бѣлоглазой Чуди*», по р. Сухонѣ и ея притокамъ, ознаменованъ въ лѣтописяхъ новгородскихъ даже особыми легендами о Георгіи побѣдоносцѣ. Вотъ, напримѣръ, одно изъ такихъ сказаній. Около половины XII в., когда новгородцы, подвигаясь по рѣкѣ Сухонѣ и ея притокамъ, положили основаніе Вологдѣ и дошедши до устья Юга, основали Устюгъ, нѣкоторые изъ новгородскихъ повольниковъ-гостей, пользуясь свободою переходить съ одного мѣста на другое, явились и далѣе на берегахъ рѣки Юга. Здѣсь, въ 27 верстахъ ниже нынѣшняго города Никольска, при впаденіи рѣки Молоковицы въ Югъ, они нашли чудское селеніе. Прекрасная мѣстность плѣнила пришельцевъ, и они, поселившись на лѣвой сторонѣ Юга, противъ самыхъ жилищъ Чуди, на горѣ, построили молитвенный храмъ или часовню во имя Георгія храбраго. Водвореніе новгородскихъ пришлецовъ было непріятно туземцамъ и они не замедлили напасть на новыя обиталища. Дружнымъ отпоромъ встрѣтили поселенцы враговъ многочисленныхъ, скатывали на нихъ съ горы бревна и камни, лили кипящую воду,

---

[1]) Никон. лѣтоп. 11, 135 и слѣд.

наконецъ, когда ничто не помогало, отверзли храмъ молитвенный и предъ образомъ Георгія побѣдоносца просили себѣ небесной помощи. Враги отступили. Чрезъ нѣсколько времени они сдѣлали новое нападеніе, столь же безуспѣшное, послѣ котораго навсегда удалились отъ этого мѣста, а нѣкоторые изъ нихъ тогда же приняли христіанскую вѣру. Егорій храбрый, какъ гласитъ легенда, внялъ молитвѣ храбрыхъ «молодцовъ» новгородскихъ и явилъ Чуди два чудныхъ видѣнія, о которыхъ послѣ разсказывали сами враги, обратившіеся въ христіанство. Мѣстность эта, гдѣ на отлогой сторонѣ горы сдѣланъ былъ новгородскими выходцами ровъ для защиты отъ нападеній Чуди, съ тѣхъ поръ названа была *у Егорья въ полугоръ*. Происхожденіе такого названія объясняется преданіемъ, что при первомъ нападеніи Чуди, когда новгородцы молились въ часовнѣ св. Георгія, на ея кровлѣ явился воинъ, который сидѣлъ на бѣломъ конѣ и копьемъ своимъ грозилъ осаждавшимъ. При второмъ нападеніи тотъ же воинъ съ копьемъ явился стоявшимъ въ Полугорѣ. Въ благодарность Георгію побѣдоносцу, храброму сподвижнику новгородской колонизаціи, церкви въ новыхъ приходахъ новгородскихъ выходцевъ построены были во имя его. Такъ образовались напр. приходы старо-георгіевскій, холежскій и ново-георгіевскій [1]).

На основаніи такихъ историческихъ фактовъ, мы позволяемъ себѣ догадку, что въ стихѣ о Егоріи храбромъ народный эпосъ выразилъ идею первоначальнаго «*земскаго строенья*», физической культуры русской земли, идею могучей богатырской силы славянскаго племени въ борьбѣ съ лѣсами непроходимыми, дремучими, съ цѣлыми стадами звѣрей рыскучихъ и рогатыхъ, да съ Чудью языческой, а съ XIII вѣка и съ татарами-бесерменами. Какъ Егорій храбрый проторялъ себѣ путь до перваго жилья, поселенія человѣческаго, черезъ темные, дремучіе лѣса, черезъ широкія рѣки, черезъ болота топучія, черезъ стада лютыхъ звѣрей и волковъ рыскучихъ, черезъ лютыя стада змѣиныя, такъ и славяно-русское племя проторяло себѣ пути колонизаціи на финскомъ сѣверовостокѣ сквозь темные, дремучіе лѣса, черезъ зыбучія болота и толкучіе холмы, по широкимъ рѣкамъ пробираясь, съ одной стороны, въ слѣдъ за удалыми новгородскими *молодьцами, ушкуйниками и гостями*—устроителями сѣверо-поморской земли, съ другой—по слѣдамъ храбраго Юрія Долгорукаго, неутомимаго устроителя волжской земли. На пути своемъ славяно-русскій народъ раздѣлялъ лѣсъ и поле, поставлялъ на пути гостьбы, торговъ, рядковъ «*погосты въ Чуди, въ Лопи, Корълъ*» и проч. «*посажалъ деревни и починки на лъсъхъ» на пашенныхъ, бортныхъ* и другихъ хозяйственно-промышленныхъ *путяхъ* и *ухожаяхъ*. Неутомимо двигался онъ по рѣкамъ волжско-камской и ильменско-двинской системы, расширяя свои колоніи по рѣчнымъ системамъ, по землѣ и по водѣ, въ уѣзды, станы, волости и проч. и боролся съ дикими звѣрями, встрѣчаясь въ непроходимыхъ дебряхъ съ цѣлыми стадами волковъ, медвѣдей, оленей и другихъ звѣрей, какъ гласятъ житія

---

[1]) Архангельская лѣтопись издан. Моск. 1819 г. стр. 132 и 193. Прибавленіе къ Вологодскимъ губернскимъ вѣдомостямъ, 1845 г. № 11.

сѣверо-восточныхъ отшельниковъ русскихъ—Трифона Печенгскаго, Никодима Кожеезерскаго, Антонія Сійскаго, Павла Обнорскаго, Макарія Унженскаго и другихъ, которые въ тоже время, по слѣдамъ колонизаціи, распространяли христіанство среди чудскихъ и бесерменскихъ племенъ [1]). И когда народъ русскій, призывая на помощь Георгія храбраго, въ основныхъ частяхъ, совершилъ первоначальную, подготовительную физическую культуру, архитектоническую обстройку и пограничную территоріальную установку русской земли путемъ покоренія и собранія всей земли, путемъ вольно-народнаго перехода и колонизаціоннаго самоустройства среди лѣсовъ непроходимыхъ, среди финскихъ и частію бесерменскихъ племенъ,—тогда для него наступилъ многознаменательный въ нашихъ юридическихъ актахъ *Юрьевъ-день*,—памятный доселѣ и въ народной земледѣльческой исторіи и въ народномъ физическомъ или сельско-хозяйственномъ дневникѣ—день Георгія храбраго.

Позволяя себѣ такую догадку объ исторической основѣ народнаго стиха о Георгіи храбромъ, мы тѣмъ не менѣе должны признать въ немъ, особенно по другой редакціи его, и миѳологическіе оттѣнки, восходящіе къ глубокой древности. По духовному народному стиху, изданному Кирѣевскимъ, Егорій храбрый наѣзжалъ на свѣтло-русскую землю еще въ эпоху пастушескаго быта нашихъ предковъ, въ эпоху до-историческую. Вмѣсто людей, наѣзжалъ онъ на стада чудовищныхъ, миѳическихъ животныхъ, на стада летучихъ зміевъ, да рыскучихъ волковъ. Только пастухи этого послѣдняго стада носятъ на себѣ обличье человѣческое; но ихъ чудовищный, сверхъ-естественный видъ, напоминающій миѳическія, стихійныя существа, въ родѣ вилъ, русалокъ, лѣшихъ, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Егорій храбрый наѣзжалъ еще въ языческія мѣста свѣтло-русской земли и притомъ въ жилища миѳическихъ пастуховъ.

И пастятъ стада три пастыря,
Три пастыря, да три дѣвицы . . .
На нихъ тѣла, яко еловая кора,
Власъ на нихъ, какъ ковыль трава [2]).

Какъ Илья пророкъ, подъ вліяніемъ церковно-библейскихъ изображеній и миѳологическихъ народныхъ воспоминаній, является въ христіанскомъ народномъ міросозерцаніи громовержцемъ, небеснымъ возбудителемъ

---

[1]) Изображаемое въ стихѣ избіеніе змѣинаго стада указываетъ на легенды народныя о взятіи различныхъ городовъ и царствъ татарскихъ, напр. на казанскую легенду, по которой змѣй лежалъ на крѣпости города Казани, когда ее брали русскіе, и защищалъ, а также указываетъ на легенды о миѳическихъ змѣяхъ на сѣверѣ въ чудской землѣ и въ низовьяхъ Волги, о змѣевыхъ горахъ и т. п. Покореніе и обращеніе въ христіанство дѣвицъ намекаетъ, повидимому, на тотъ историческій фактъ, что русскіе, покоряя новыя чудскія или бесерменскія земли, имѣли обычай уводить въ полонъ преимущественно женщинъ и дѣтей, крестили ихъ и на крещеныхъ нерѣдко женились. По слѣдамъ христіанства, шла обыкновенно славяно-русская колонизація, и совершалось постепенное обрусѣніе чудскихъ и бесерменскихъ земель.

[2]) Миѳологическое значеніе стиха объяснено Буслаевымъ въ рѣчи о народной поэзіи.

и оживителемъ природы, а Георгій храбрый, подъ вліяніемъ смутныхъ миѳологическихъ и историческихъ воспоминаній народа, представляется *земскимъ устроителемъ*, основоположителемъ физической и земледѣльческой культуры русской земли; такъ другіе святые, особенно русскіе, въ народномъ эпическомъ міросозерцаніи являются противоборцами прежнимъ языческо-миѳологическимъ силамъ или духамъ. Обозрѣвая въ житіяхъ русскихъ святыхъ всю совокупность фактовъ средневѣковаго народнаго міросозерцанія, вращавшагося въ сферѣ природы и христіанства, мы примѣчаемъ въ немъ двѣ главныя господствующія идеи, порожденныя вѣрой въ ученіе церкви о святыхъ. Во первыхъ — миѳическо народное представленіе о борьбѣ силъ небесныхъ, высшихъ, олицетворявшихся и проявлявшихся въ святыхъ, съ силами бѣсовскими, демоническими, олицетворявшимися въ миѳологически-естественныхъ народныхъ образахъ, напр. въ образѣ демона лѣсного, или лѣшаго, въ образѣ духа воднаго и т. п. Во вторыхъ, замѣчаемъ народную вѣру во владычество міра супранатуральнаго надъ силами міра видимаго, физическаго, силъ сверхъ-естественныхъ, надъ силами и стихіями природы. Безотчетная, христіански-миѳологическая вѣра народная всецѣло преобладала надъ раціональнымъ знаніемъ силъ и законовъ природы [1]). Теперь мы предлагаемъ тѣ факты, въ которыхъ выражается первое народное вѣрованье--вѣрованье въ борьбу силъ небесныхъ, святыхъ съ силами демоновъ лѣсныхъ и водяныхъ.

Перенесемся мыслью въ средневѣковыя сѣверныя поселенія русскаго народа. Большею частію лѣсную глушь представляли эти починки колонизаціи и культуры. Много было лѣсовъ и во всей Россіи въ XV и XVI вѣкахъ, если, судя по судебникамъ, та деревня признавалась уже безлѣсною, *въ полъхъ*, отъ которой лѣсъ былъ хоть верстою дальше 10. Но огромныя пространства сѣверо-восточной Руси еще больше покрыты были неизвѣданными лѣсами съ цѣлыми стадами дикихъ звѣрей. Не только деревни, но и города здѣсь стояли большею частію въ лѣсахъ, какъ видно изъ жизнеописаній сѣверо-восточныхъ святыхъ XV и XIV вѣка. При лѣсномъ мѣстожительствѣ, и промышленныя угодья и урочища жителей сѣверныхъ находились большею частію въ лѣсахъ и назывались *лѣшими*, напр. *лѣшія озера*, *лѣшія рѣки*, *полѣшіе лѣса*, пашенные лѣса и т. п. Оби-

---

[1]) Многочисленны, разнообразны и часто не лишены поэзіи народныя легенды этого рода. Если бы какой-нибудь древній грамотникъ народный собралъ въ одно цѣлое всѣ эти собственно народныя сказанія, легенды о чудесахъ святыхъ, часто буквально, со всею наивностью народной эпической поэзіи записанныя со словъ народныхъ въ житіе святыхъ, то мы имѣли бы свою „Legenda aurea“ подобную той, какую на западѣ въ XIII вѣкѣ сложилъ доминиканецъ Jakob de Voragine († 1298), и нашли бы въ нихъ богатый матеріалъ для исторіи народнаго просвѣщенія. Мы нашли бы въ этихъ народныхъ легендахъ сколько свѣжихъ цвѣтовъ средневѣковой народной поэзіи, такъ же,—какъ западные изслѣдователи средневѣковой старины находили въ своихъ легендахъ „Purpurviolen der Heiligen, oder Poesie und Kunst im Katholicismus“—столько же раскрыли бы въ нихъ самыхъ мрачныхъ, темныхъ недостатковъ религіозной и умственной жизни нашего народа, въ которыхъ большею частію не столько онъ самъ виноватъ, сколько виноваты держащіе бразды его руководительства и просвѣщенія.

ніе лѣсовъ, мховъ и «блатъ непостоянныхъ» и близость океана условливали на сѣверѣ русской земли обиліе рѣкъ и озеръ. Герберштейнъ, котораго вобще поражало обиліе лѣсовъ и водъ въ сѣверной Руси, замѣтилъ о сѣверо-востокѣ: «Regio tota palustris et silvestris est... Quo etiam magis progrediare, hoc plures et inviae paludes, fluvii ac silvae occurrunt» [1]). Въ этой то лѣсной и водной странѣ разсказывались въ древней Руси любопытныя легенды о борьбѣ святыхъ съ демонами лѣсными и водяными. И вѣра въ лѣшихъ и водяныхъ и донынѣ нигдѣ, кажется, такъ не господствуетъ, какъ въ лѣсныхъ и озерно-рѣчныхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ. А въ XVI и XVII вѣкахъ здѣсь не только міряне, но и священники вполнѣ вѣрили, что волхвы, которыхъ на финскомъ сѣверѣ было чрезвычайно много, и въ числѣ приверженцевъ которыхъ встрѣчаемъ даже священниковъ и дьяконовъ,—волхвы могли наводить и наводили на людей лѣшихъ и водяныхъ. Духи эти, «по захожденіи солнечномъ» являлись будто бы въ домахъ, то въ видѣ «пламени синяго и сильнаго вихря», то звѣрскимъ образомъ, «мохнатыми съ хвостами и кохтями», «кликали человѣчьимъ гласомъ, яко всѣмъ людямъ слышати» и уносили дѣвицъ въ воду, въ лѣса и на холмы. Иногда сами матери еще «на рожденіи» какъ то отдавали своихъ дѣтей водянымъ и лѣшимъ. Иногда «попъ крестилъ кого либо пьяный, и половины св. крещенія не исполнилъ», и оттого дѣти дѣлались «полоняниками» этихъ «чернородныхъ демоновъ». При такой вѣрѣ въ лѣшихъ и водяныхъ, вѣрно, не разъ охотнику въ самомъ дѣлѣ чудилось въ лѣсу то, что онъ говорилъ въ заговорѣ: «встаю я за свѣтло, иду въ чисто поле къ лѣсу дремучему, а изъ лѣса дремучаго бѣгутъ ко мнѣ на встрѣчу 20 сатанаиловъ, *двадцать лѣшихъ*». Въ тѣ вѣка, вѣрно, каждый владѣлецъ полѣшихъ лѣсовъ, каждый бортникъ, входя въ свой бортный лѣсъ или въ зеленую дубраву, со страхомъ читалъ этотъ заговоръ: «въ мою бы зелену дубраву не заходилъ ни звѣрь, ни лихъ человѣкъ, ни лѣшій, ни водяной, ни вихрь». И горемычная мать отъ тоски въ разлукѣ съ милымъ дитяткомъ, вѣрно, не разъ разрыдавшись, причитала: «пошла я въ чисто поле, стала среди лѣса дремучаго, очертилась чертою призорочною и возговорила зычнымъ голосомъ: отвожу я отъ своего дитятки черта страшнаго, отгоняю вихоря бурнаго, отдаляю отъ лѣшаго одноглазаго, отъ злого водяного». Но не помогали и заговоры и заклятія. Лѣшій все таки уводилъ дѣтей у родителей. На закатѣ солнца, собирая стадо, разсѣявшееся по лѣсу, пастухъ «видалъ предъ собою яко человѣка привидѣніемъ, въ сѣромъ одѣяніи, съ колокольчикомъ въ рукѣ, въ онь же бряцаше», и на зовъ лѣсного незнакомца шелъ и попадался въ руки лѣшему. Родители плакали объ немъ неутѣшно и призывали святыхъ для освобожденія ихъ сына изъ плѣна лѣшаго.

И вотъ, по легендарному представленію, на встрѣчу «лѣсному демону», идетъ издалека, по дремучимъ дебрямъ, съ псаломскими пѣснями, съ крестомъ въ рукахъ святой старецъ-пустынникъ. Долго ходитъ по лѣсамъ, проходитъ неутомимо и безбоязненно дрязги, болота и глухія чащи лѣсныя,

---

[1]) Rerum Moscovit. p. 79.

и наконецъ водружаетъ крестъ, ставитъ маленькую келью между деревъ на полянѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной озерами,—и ударъ колокола возвѣщаетъ о поселеніи въ пустынѣ лѣсной отшельника. А окрестные жители лѣсныхъ деревень, по словамъ легендъ, еще задолго до его прихода, слышатъ изъ лѣсной глуши чудесный, таинственный звонъ и чудное пѣніе. То уже не зловѣщіе, обольстительные звуки колокольца лѣшаго, а призывный звонъ къ пустынножительству... Характеристично это средневѣковое представленіе нашего народа о таинственномъ звонѣ и пѣньи въ лѣсахъ, раздавшемся задолго до поселенія въ нихъ пустынника. «Мѣсто оно, идеже вселися святый,—такъ обыкновенно говорятъ объ немъ почти всѣ жизнеописатели,— непроходимыя дебри и лѣсы темныя, и чащи и дрязги великія имать, и мхи и блата непостоянныя, въ нихъ же живяху дивіи звѣріе, медвѣди и волцы, елени и заяцы и лисицы множество много ихъ, яко скота бяше, езера имать многи окрестъ себѣ и глубоки зѣло. И отъ созданія міра никтоже живяше отъ человѣкъ на мѣстѣ томъ, дондеже преподобный вселися. Жители же въ окрестныхъ весѣхъ живущіи, иже ловитву на езерахъ сихъ творящіе, повѣдаша: яко за долго время, и преже многихъ лѣтъ, до пришествія блаженнаго, звонъ велій слышаша отъ мѣста того, а иногда пѣніе слышати имъ. Сіе же не единому, но и многимъ, окрестъ лѣса того живущимъ, звони и гласы слышахуся и видѣнія много являхуся. Тѣмже и мнози прихождаху во время звона и видѣній, хотяху увидѣти, откуда звони и пѣсни суть, но токмо издалеча ушесы слышаху сія, очима же ничтоже можаху видѣти, близъ пришедше, ничтоже обрѣтаху, но токмо дивящеся отхождаху въ домы своя, въ сердцахъ своихъ назнаменующе видѣнія сія, ожидаху сбывающагося времени, другъ другу повѣдающе, и непросту вещь сію быти разумѣваху» [1]). Иногда какой нибудь звѣроловъ вдругъ, неожиданно, слышалъ въ пустынѣ лѣсной этотъ чудесный звонъ и сладкогласное пѣніе. «Человѣкъ нѣкто именемъ Селиша, старъ сы, Изборьскаго града, повѣда сицеву вѣсть, глаголя: нѣкогда ми, рече, ходящу со отцемъ моимъ на ловы звѣрины въ пустыню, яже бысть около святаго мѣста печерскаго: бѣ бо тогда пустыня велика и лѣсъ прилежаше въ томъ мѣстѣ, и случися намъ притти къ потоку, на край горы, и слышахомъ во время часа церковнаго пѣнія гласы прекрасны поющихъ и благочинны, гласы убо слышахомъ, а поющихъ не видѣхомъ» [2]).

И съ тѣхъ поръ, какъ поселился въ лѣсу пустынникъ, устроялась обитель, и проносилась въ народѣ молва про чудотворенія лѣсного отшельника-пустынножителя,—съ тѣхъ поръ не такъ страшными представлялись взорамъ народа и темные лѣса сѣверные. И лѣсные бѣсы все болѣе и болѣе изъ нихъ изгонялись, удалялись въ болѣе пустынные лѣса. «Прежде мѣсто сіе, на немъ же обитель твоя,—восхваляетъ напр. Антонія Сійскаго жизнеописатель его,—никто же знаяше е, и никимъ же именовано бысть,

---

[1]) Рукоп. Житіе Антонія Сійскаго. № 230.

[2]) Повѣсть списана о Печерскомъ монастырѣ, иже во „Псковской землѣ". Сборн. № 857, л. 120 об.

точію звѣремъ и бѣсомъ жилище тогда обрѣташеся. Нынѣ же егда благоволи Богъ призрѣти на нь; тогда обитель твоя тобою красуется и твоимъ именемъ именуется, и оттолѣ обычай отъ всѣхъ человѣкъ именоватися Живоначальныя Троицы Антоніева пустыня, отъ нея же пустыни святыми ти молитвами бѣси далече прогнани суть и безвѣстни быша; вмѣсто же сихъ Богомъ спасаема, святыми ангелы призираема и честными иноки населяема, въ ней же Богъ въ Троицѣ присно славится и божественныя пѣсни непрестанно воспѣваются. О пустыня святая и присноблаженная, спасаемая Богомъ, ангеломъ превозлюбленная, всѣмъ человѣкомъ превожделѣнная!» [1]) Теперь въ лѣсахъ представляются народу разные чудеса, разныя видѣнія пустынниковъ чудотворцевъ. Люди всѣхъ чиновъ разсказываютъ про разныя чудесныя явленія лѣсныхъ отшельниковъ. И горемычные родители, плачущіе о потерѣ сына, уведеннаго лѣснымъ демономъ, съ утѣшительными надеждами и вѣрой даютъ обѣтъ прославившемуся уже многими чудотвореніями и побѣдами надъ бѣсами лѣсному пустынножителю—идти въ его пустынь, сослужить молебенъ о возвращеніи погибшаго сына. Вотъ какое напр. передается въ одной легентѣ XVII вѣка «чудо преподобнаго Никодима Кожеезерскаго о нѣкоемъ отроцѣ пастырѣ како его избави отъ лѣснаго демона», чудо, которое записано было со словъ самого этого пастуха: [2]) «Было въ лѣто 7196 (1688) марта въ 15-й день сотворилось чудо сіе такъ: на Онегѣ рѣкѣ есть село Кожеезерскаго монастыря, именуемо Кирнешки, и въ томъ селѣ, по обычаю, въ то лѣто пасся скотъ; пастухъ былъ изъ того села, именемъ Григорій, сынъ Васильевъ, пасъ скотъ: въ одинъ день пасъ онъ по обычаю, день преклонился къ вечеру, и было поздно; пастухъ тотъ Григорій отошелъ за рѣку Кирнешку собрать скотъ, и какъ то потерялъ дорогу, самъ не зналъ, куда шелъ, и вдругъ видитъ передъ собой какъ будто человѣка привидѣніемъ, въ сѣромъ одѣяніи и колоколецъ малъ у него въ рукѣ, колокольцемъ онъ звонитъ, а самъ идетъ впередъ его и пастуха Григорія зоветъ за собой, а этотъ шелъ за нимъ, и немного опомнившись, началъ многихъ святыхъ призывать себѣ на помощь, призывалъ и преподобнаго отца Никодима (Кожеезерскаго). А родители между тѣмъ плакали и тоже молились преподобному, обѣты полагали, чтобы идти въ обитель и молебствовать. И вскорѣ потомъ, тому бѣдному пастуху въ лѣсу предсталъ преподобный. Григорій чувственно видитъ какъ бы нѣкій старецъ послѣдуетъ за нимъ. Когда Григорій пѣлъ подъ деревомъ пѣсни, видитъ онъ—старецъ зоветъ его къ себѣ и велитъ ему перекреститься знаменіемъ честного креста. И когда онъ знаменался крестомъ, тогда демонъ лѣсной не видимъ былъ, а старецъ оный приближался къ нему; когда же забывался, тогда опять демонъ показывался, и долго онъ страдалъ, но святой не оставлялъ его, шелъ за нимъ и пришелъ къ рѣкѣ называемой Сыртуга и оттуда пришелъ на рѣку Кирнешку къ верхотину, и тутъ видитъ храмину, а въ ней мечтается ему

---

[1]) Сборн. № 230.
[2]) Сборн. № 182.

какъ бы дерево великое и малое [1]), и нѣкоего старца знакомаго ему, лежащаго на вершинѣ деревьевъ, и юношей нѣкіихъ, знаемыхъ ему; одни спятъ, а другіе приносятъ ему ѣсть, а иные одежду и обувь снимаютъ съ него. И того же мѣсяца въ 18-й день, милостію всещедраго Бога и молитвами преподобнаго, по утру пастухъ увидѣлъ себя въ селѣ Кирнешкахъ у монастырскаго двора: увидѣли его тутъ служители, стоитъ Григорій—руки къ сердцу согнулъ, дрожитъ весь, руки и ноги избиты сильно и кровь течетъ изъ ранъ,—и такъ приняли его и хвалу воздали Богу и преподобному Никодиму благодареніе. Сія вся, заключаетъ повѣствователь, самъ вышеупомянутый пастухъ о себѣ намъ повѣда, мы сія слышавшіе предахомъ писанію во славу Христу Богу и Никодиму Чудотворцу» [2]).

Простосердечная вѣра древнихъ русскихъ людей вызывала чудотворцевъ русскихъ съ того свѣта на борьбу съ лѣсными, горными и водяными духами и на помощь русскимъ святымъ призывала святыхъ греко-восточной церкви и саму Богородицу. Весьма любопытна и характеристична одна повѣсть XVII вѣка о женѣ Соломоніи. Здѣсь во всей полнотѣ обнаруживается и умственное развитіе нашихъ древнихъ поповъ и народа, и въ особенности—народныя представленія о лѣсныхъ, горныхъ и водяныхъ демонахъ, народная вѣра въ чудесную побѣду надъ ними христіанскихъ чудотворцевъ. Основная мысль всей повѣсти такая: одна женщина—крестьянка, родомъ поповна, долго страдала отъ чернородныхъ демоновъ *водныхъ и лѣсныхъ*, которые являлись ей въ разныхъ зооморфическихъ, чудовищныхъ образахъ, и то уносили ее въ воду, то въ лѣсъ и горы.

---

[1]) Это „дерево великое и малое“ напоминаетъ намъ такъ-называемое въ финской мифологіи *Tapion puu—дерево лѣшаго*, или *Tapion kanto, пень лѣшаго*. См. „Путешествіе въ русскую Корелію“ Кастрена. Этногр. сборн. вып. IV. 1859 г. стр. 252. Въ житіи Іоанна и Логина Яренгскихъ чудотворцевъ также разсказывается въ одномъ чудѣ, какъ заблудившійся въ лѣсу человѣкъ видѣлъ предъ собою „яко человѣка привидѣніемъ, *аки древо слонящееся*“; этотъ образъ тоже напоминаетъ лѣшаго.

[2]) Это старинное преданіе, равно какъ и то, которое въ приложеніи будетъ изложено, напоминаетъ намъ подобное народное сказаніе *о лѣсакѣ*, записанное со словъ казанскаго крестьянина изъ села Кавалей. „Лѣсакъ увелъ дѣвицу изъ деревни къ себѣ въ лѣсъ, жилъ съ ней долго, прижилъ дѣтей. Дѣвица захотѣла уйти отъ него и стала выпытывать, какими премудрствами выбраться изъ лѣсу. Лѣсакъ не сказывалъ. Дѣвица такъ жила у него долго, лѣтъ пять, а все выспрашивала, какъ уйти: „нельзя ли уйти святыми молитвами“? Нѣтъ, нельзя, говоритъ лѣсакъ, а есть такіе *свѣтки* которые выводятъ изъ лѣса. Дѣвица нашла эти свѣтки, нарвала ихъ и отыкала ими себя кругомъ. Лѣсакъ-отъ и не могъ къ ней подойти: свѣтки-те огнемъ жгутъ его. Дѣвица пошла перенадѣла рубаху на лѣвую сторону, переобулась съ правой ноги на лѣвую и пришла домой, а лѣсакъ-отъ все шелъ за ней и пришелъ къ избѣ. Дѣвица не догадалась свѣтковъ-то натыкать на избу. Лѣсакъ ночью и разворотилъ всю избу, какъ вихремъ, и бревна разметалъ. Такъ дѣвица и осталась не причемъ“. Подобныя сказанія о лѣшемъ были и у финновъ. Кастренъ въ своемъ путешествіи въ русскую Корелію записалъ слѣдующее финское преданіе объ одномъ исполинскомъ народѣ подъ названіемъ Naikkolaiset, или Naikon Kansa: „о происхожденіи этого народа есть преданіе, что лѣшій (metsänhpaa) похитилъ одну женщину (христіанку), увелъ ее въ лѣсъ, и она родила отъ него мальчика и дѣвочку, которые въ послѣдствіи произвели на свѣтъ это богомерзкое поколѣніе, названное Naikkolaiset“. Этнограф. сборн. вып. IV, стр. 261.

Борьба съ ними, физическая и нравственная, была страшная. Наконецъ, чудотворецъ Устюжскій Прокопій, вмѣстѣ съ пречистою Богородицею, побѣдили демоновъ водныхъ и лѣсныхъ, молнія съ громомъ поражала ихъ, и водные и лѣсные демоны изгнаны были изъ несчастной женщины. Общая основа всей этой христіанско-миѳологической легенды, очевидно, апокрифическая и древняя, общенародная. Подобныя сказанія существовали у евреевъ, у восточныхъ и западныхъ сектантовъ—павликіанъ, богумиловъ, катарровъ, альбигойцевъ. Подробныя же черты демоновъ водныхъ и лѣсныхъ носятъ окраску славяно-русской миѳологической демонологіи.

Изображая однихъ святыхъ героями полубогами, поборающими силы демоническія, миѳическія, демоновъ водныхъ, лѣсныхъ—звѣрообразныхъ и т. п., дѣятельности другихъ святыхъ народное міросозерцаніе усвояло дѣйствія разныхъ производительныхъ силъ природы. Вѣра народная сближала ихъ съ жизнью природы, представляла ихъ непосредственными устроителями, управителями жизни физической, напр. произрастителями плодовъ земныхъ, хранителями скота, птицъ, пчелъ и пр. Богородица, напр. помогала землю обработывать: «мѣсто неровное, гдѣ ино горы, ино жъ ровъ бысть, и лѣсъ прилежаще великъ, все жъ сіе помощію Богородицы изравнивали» [1]). Одно явленіе иконы Богородицы, по народному вѣрованью, было причиною обильнаго урожая хлѣба и всякаго овоща, хорошаго лѣта, ведряной погоды, плодовитости скота, здоровья народнаго. «Лѣта, коего явися икона Пречистыя Богородицы на Оковцѣ, въ лѣсу частомъ, на соснѣ на сучку, говоритъ повѣствователь о чудесныхъ благодѣяніяхъ оковской Божіей матери, — хлѣбъ бысть дешевъ, кадь ржи купили по 4 московки, а лѣто было весьма ведрено и красно, а не засушливо, и всякимъ овощемъ плодовито, а отъ поля тишина была, а людямъ здравіе было и всякому скоту плодъ [2]).

Точно также, въ повѣсти о выдропусскомъ образѣ богородицы, по случаю чудеснаго перемѣщенія этого образа изъ Мурома въ село Выдропускъ, сказано: «и оттолѣ въ веси той, прочее же и во всей Новгородской области, начаша людіе богатѣти духовнымъ богатствомъ, паче же и тѣлесными потребами, вся земля обиліемъ кипя въ сѣменныхъ приплодѣхъ и въ скотскихъ родѣхъ паче первыхъ лѣтъ: сіе Богъ дарова и пречистая Богородица». (Лѣтоп. русской литературы VII, 26). Богородица являла разныя чудесныя физическія знаменія. Если люди оскорбляли Бога дѣлами своими, напр. пашню пахали, хлѣбъ жали, сѣно косили по праздникамъ, если употребляли запрещенныя произрастенія земли, какъ наприм. въ XVII в. табакъ, то пречистая Богородица являлась вмѣстѣ со всемилостивымъ Спасомъ даже сельскимъ женщинамъ и угрожала испустить съ неба на землю «каменіе много, молніе огненное, произвести въ страдное время сильный морозъ и ледъ на скотъ и хлѣбъ и страшное землетрясеніе». Такъ въ Сборникѣ Солов. библ. подъ № 925 разсказывается нѣсколько

[1]) Сборникъ № 857, л. 122—125.

[2]) Сборникъ 857, л. 176.

чудесъ, случившихся будто бы въ 1641 г., какъ пречистая Богородица и самъ всемилостивый Спасъ явились разнымъ сѣверно-поморскимъ сельскимъ женщинамъ, и Богородица сначала заступалась за людей, а потомъ сама угрожала произвести страшныя физическія знаменія и бѣдствія. Мы выпишемъ здѣсь вполнѣ одно чудо, имѣющее нѣкоторое сходство съ извѣстнымъ народнымъ стихомъ о заступничествѣ Богородицы за людей передъ Спасителемъ: «августа въ 16 день за заутреней было чудо на красной горѣ надъ нѣкой женою, именемъ Ѳеклою, Спиридоновою дочерью [1]). И почало тружати ея при всемъ народѣ. Явился въ то время всемилостивый Спасъ и пречистая Богородица Тиѳинская съ Паче озера и почалъ ей въ то время наказывати, наказывалъ той женѣ: сказывай ты жена во всемъ народѣ, чтобы всякихъ чиновъ люди молилися со слезами, стоя, всемилостивому Спасу и пречистой Богородицѣ безпрестани, и стоя, ничего не говорили, и *отъ того де нынѣ вся земля трясется*; а Богородица у Христа стоитъ со слезами, чтобы Господь пощадилъ православныхъ христіанъ и отвратилъ свой праведный гнѣвъ, а табакъ бы отнюдь не пили и . . . . . не бранилися и хмѣльные бы люди въ церковь не ходили; а кто де ихъ піетъ не подобное, что они піютъ въ носъ, и то святые отцы на вселенскомъ соборѣ прокляли; а въ которое время хто . . . . . избранитъ, и въ то время *небо и земля потрясется* и Богородица стоя вострепещетъ о таковомъ зломъ словеси, а уста его того дня кровью воскипятъ, и тѣми устами не подобаетъ таинъ Господнихъ вкушати, ни креста цѣловати, а во церкви бы стояли со страхомъ и трепетомъ на молитвѣ безпрестани и молились бы со слезами и другъ на друга сердца бы не имѣли со гнѣвомъ и жили бы по святыхъ отецъ правилу. И пречистыя Богородицы бысть гласъ въ то время отъ нея: а язъ де Богородица стою у Христа и безпрестани у своего царя небеснаго милости прошаю о всемъ народѣ, чтобъ пощадилъ Господъ и помиловалъ всѣхъ православныхъ христіанъ; и вся воя небесная со страхомъ предстоитъ, а вы христіане своимъ безуміемъ уклоняетеся и со страхомъ во церкви часу не постоите. И не христіаномъ бы въ праздники Господскіе никакой работы не работати и травъ не косили бы, и хлѣба не жали, а будетъ что и выжнутъ, все съ грязью станетъ, а молились бы всемилостивому Спасу на Красной горѣ и пречистой Богородицѣ, и росписи росписывали и розсылали бы по всѣмъ городамъ и по погостамъ и по волостямъ, чтобы вѣсно было про все наказанье и христіане обратились бы ко Господу Богу и грѣховъ своихъ покаялись бы, и Господь дастъ всякаго изобилія многое множество болѣе и прежнего; а будетъ христіане сему явленію и наказанію моему не повѣрятъ и ко Господу Богу моему не обратятся, и не почнутъ молитися всемилостивому Спасу, приходити на Красную гору, и почнутъ пити табакъ и хмѣльные люди во храмъ ходить и въ храму почнутъ другъ съ другомъ глаголати, и поставятъ се явленіе воплошно и за ихъ непослушаніе *будетъ на землю каменіе много испущу съ небесъ, молніе огненное* и лица своего воображен-

[1]) Надъ этою женою было еще другое чудо, тутъ же описанное. Здѣсь объ ней сказано: „нѣкія веси Юрьева Наволока, именемъ Ѳекла Спиридонова дочь, а Нехорошова жена Клементьева“ и проч.

наго и храмовъ не пощажу и *ледъ и мразъ лютый спущу на страдное время на скотъ и на хлѣбъ вашъ и на все живущее, и по вся годы хлѣба не будетъ, и каменіе горящее съ небесъ спадетъ и молніе огненное и хлѣбъ и трава озябнетъ и скоты ваши голодомъ погибнутъ,* и тотъ де трусъ, что нынѣ на тебѣ, то и на всѣхъ христіанехъ будетъ съ велика и до мала за ихъ непослушаніе и за ихъ неправду. А се явленіе писалъ на Красной горѣ при священницѣхъ и при всемъ народѣ Петруха Ивановъ Поповъ 7149 августа въ 27-й день» [1]). Подобныхъ явленій святыхъ, предсказывавшихъ разныя физическія знаменія и неестественныя явленія, намъ доводилось встрѣчать въ рукописяхъ много. Особенно любопытны изъ нихъ сказанія въ житіи Прокопія Устюжскаго, «объ огненной тучѣ и бурѣ», въ житіи Иринарха Соловецкаго «о тучѣ снѣжной велiей и о мразѣ отъ Яковыхъ до Ильина дня» и проч. Но мы не будемъ обременять читателей подобными сказаніями.

Какъ изъ приведенныхъ, такъ изъ другихъ подобныхъ легендъ очевидно, что народъ русскій, при своемъ практическомъ характерѣ, смотрѣлъ на святыхъ большею частію съ натурально-практической точки зрѣнія. Онъ представлялъ, что святые назначены быть ему помощниками въ борьбѣ съ стихіями природы, поддерживать его физическое, матеріальное благосостояніе, и ждалъ отъ ихъ чудесъ существенной, матеріальной, житейской пользы. И эта практическая вѣра преимущественно замѣчается на финскомъ сѣверо-востокѣ, гдѣ и кудесничество было болѣе распространено. Какъ въ финскомъ язычествѣ, кудесникъ, Кебунъ Тадибъ испрашивалъ у Нума блага, счастія, оленей, лисицъ и богатства, вопрошалъ Тадебціевъ объ излеченіи болѣзни, о сыскѣ потерявшагося оленя и проч.; такъ вмѣсто того, во времена христіанства, жители сѣверо-восточной Руси испрашивали всѣхъ такихъ физическихъ предметовъ и благъ у святыхъ, преимущественно прославляемыхъ въ ихъ мѣстностяхъ. Больной испрашивалъ у святого своей страны зелія, врачества отъ болѣзни: святой являлся ему во снѣ, давалъ въ руку цѣлебную траву и говорилъ: «держи ю у себе, и въ дому своемъ въ чистомъ мѣстѣ». Проснувшись, больной «видѣлъ у себя траву въ рукѣ, и абіе отъ того часа здравъ бысть» [2]). Пастухъ или скотникъ призывалъ святого своей страны, когда у него мало было корму для скота [3]), чтобы «подати помощь ему въ прекормленіи скота сѣнною кормлею, еже бы ему препитати скотъ безгладно». Потерялась ли лошадь у сѣверно-поморскаго жителя, владѣлецъ ея обращался съ молитвою къ Зосимѣ и Савватію соловецкимъ объ отысканіи его лошади [4]). Сѣверно-поморскіе *юровщики* или весновальники, отправлявшіеся артелями на Сѣверное море для ловли морскихъ звѣрей, сами разсказываютъ въ житіяхъ святыхъ любопытныя и разнообразныя легенды о чудесахъ сѣверно-поморскихъ святыхъ на морѣ-океанѣ: какъ чудотворцы, словно геніи, духи

---

[1]) Сборникъ № 925, л. 41—43.

[2]) Сборникъ № 182, житіе Сильвестра Вологодскаго.

[3]) Житіе Пертоминскихъ чудотворцевъ, рукоп. Сол.

[4]) Ркп. Солов. житіе Зосимы и Савв.

морскіе, носились по морю, укрощали волны и бури морскія, вызывали изъ глубины океана множество звѣрей на добычу ловцамъ [1]).

И были причины такого практическаго народнаго вѣрованія. Во-первыхъ, вѣра въ чудеса святыхъ, какъ въ силы и дѣйствія превозмогающія и покоряющія человѣку природу, замѣняла языческую вѣру въ вѣдуновъ—волхвовъ. Не имѣя мѣста распространяться здѣсь о происхожденіи и значеніи вѣдунства въ миѳологическомъ міросозерцаніи, мы считаемъ не лишнимъ однакожъ указать по крайней мѣрѣ общій источникъ вѣдунства, волшебства, по объясненію Розенкранца и Гримма. «Слабое, едва пробуждающееся въ человѣкѣ чувство собственнаго бытія, говоритъ Розенкранцъ въ своемъ сочиненіи Naturreligion, не есть, какъ духъ безсознательный, вмѣстѣ объектъ и субъектъ, но оно живетъ въ различіи объективности и субъективности. Когда человѣкъ сознаетъ свою свободу въ противоположность міру, и старается выразить это сознаніе, то этотъ актъ его духа является въ естественной религіи преимущественно какъ *волшебство* (Zauberei). Первобытные народы, правда, превозмогаютъ природу по толику, по колику этого требуетъ поддержаніе ихъ существованія: они ловятъ звѣрей, занимаются рыболовствомъ, пасутъ стада, воздѣлываютъ землю; но въ этихъ занятіяхъ своихъ они впервые сосредоточиваются въ самихъ себя, впервые приходятъ къ сознанію духовной свободы лишь тогда, когда природа противопоставляетъ ихъ цѣлямъ такія рѣзкія противодѣйствія, что обыкновенная дѣятельность становится недостаточной. Тогда, если небо не изливаетъ дождя, если буря волнъ дѣйствуетъ разрушительно, если стада подвергаются мору, если въ умирающемъ жизнь начинаетъ уступать смерти, тогда возбужденное въ человѣкѣ чувство собственнаго бытія возмущается, приходитъ въ волненіе и выражается въ заговорѣ противъ природы. Она не смѣетъ противодѣйствовать духу, она ему подчинена. Онъ ея владыка. Его слово можетъ заставить ее возвратиться въ назначенныя отъ него ей границы. Облака должны излить задержанныя воды, волны должны утихнуть, моръ долженъ прекратиться, смерть исчезнуть, если онъ этого хочетъ. Такъ чувство свободы есть первоначальный источникъ, принципъ всякаго волшебства» [2]). Какъ ни естественно было въ языческомъ міросозерцаніи явленіе вѣдунства, какъ ни отраденъ былъ этотъ энергическій протестъ впервые пробуждавшейся мысли младенческаго разума, это выраженіе естественной потребности первобытнаго человѣка знать и покорять себѣ силы природы, все же вѣдунство, кудесничество было не свѣтлымъ, не разумно сознательнымъ, а темнымъ, суевѣрнымъ явленіемъ въ исторіи народнаго міросозерцанія. «Auf die gütigen vermöge ihrer Naturwunder thuenden Götter geht der Begriff der Zauberei nicht, скажемъ словами Гримма; erst den Gesunkenen, Verachteten hat man Zauberei zugeschrieben. Mittelwesen, zwischen Göttern und Menschen, altkluge, vielkundige Riesen, böse Riesinnen, listige Elfen und Zwerge zaubern; nur scheint ihre Fertigkeit mehr angeboren, stillstehend, keine er-

[1]) Нѣкоторыя указанія приведены въ приложеніяхъ.

[2]) Hanusch, Wissensch. d. Slavisch. Mythus.

gene Kunst. Eigentlicher Zauberkünstler ist der *emporstrebende* Mensch»[1]). тѣдствіе такого языческаго, нерѣдко вреднаго въ жизни народной знаія, волшебство, кудесничество,—хотя и не вдругъ, но мало по малу тео свою силу въ христіанскомъ народномъ міросозерцаніи, подъ вліяніемъ слѣдованій церкви; никло предъ ликами безчисленныхъ христіанскихъ отворцевъ; по ученію церковныхъ іерарховъ и монастырскихъ властей, ѣнялось вѣрою въ чудеса святыхъ. Отъ миѳологіи языческой, вѣдуній народъ переходилъ къ миѳологіи христіанской, книжно-легендарной. ь большею частью такъ же миѳически, дѣтски вѣрилъ въ чудеса свяхъ, какъ прежде вѣрилъ въ кудеса вѣдуновъ. Почему волхвы, кебуны, юдѣи, ревнуя о своихъ выгодахъ, отстаивая свое вѣдунство, всячески рались отвлекать народъ отъ вѣры во святыхъ, чудесамъ ихъ пытаь противопоставлять кудеса, какъ напр. Зырянскій Пама Стефану рмскому, Лопарскіе Кебуны—Трифану Печенгскому. Но благочестивые архи, монахи и священники, при помощи церковныхъ книгъ, при соіствіи, впослѣдствіи, гражданской власти, мало по малу отучали наъ отъ вѣры въ кудеса. Не приводя всѣмъ извѣстныхъ, многочисленхъ, обличительныхъ поученій церкви, направленныхъ противъ прибѣшихъ къ волхвамъ, и обходившихъ святыхъ[2]), мы укажемъ для прира два факта изъ житій святыхъ: «Есть на Поморіи наволокъ Унежма,—таемъ напр. въ житіи Зосимы и Савватія Соловецкихъ,—въ мѣстѣ же ъ человѣкъ нѣкій именемъ Никонъ. Сему Никону случися болѣзнь кка зѣло. Два кудесника бысть въ волости той, имуще прю нѣкую жю собой. Никону же тому случися промежу ихъ свидѣтельствовати. иному ихъ угоди, а другаго оскорби; оскорбленный же онъ зѣльнѣ рчися нань. Кудесникъ же онъ бѣсовскимъ ухищреніемъ, якоже обый имъ укоренился въ нихъ злокозненнаго дѣйства, бѣсовскою прелестію ча кудесъ бити, таже насылаетъ бѣса на Никона. Посылаетъ же Нинъ сына своего къ другому кудеснику, ему же добро сотвори, дабы поглъ ему». Старецъ Соловецкаго монастыря, прилучившійся въ томъ селѣ, клонилъ Никона отъ кудесъ и научилъ его прибѣгнуть къ чудесной мощи Зосимы и Савватія Соловецкихъ. «Въ Новгородѣ былъ нѣкто сть Алексѣй Курнековъ, читаемъ въ томъ же житіи: у него сынъ забоѣлъ опасно. Алексѣй же онъ, яко препростый человѣкъ, не разумѣ режде твердаго пристанища, еже прибѣгнути къ Богу и къ святымъ его лотстіи бо, рече, духовная мудрствовати не могутъ. Пристави къ нему ѣкоего кудесника. Онъ же по волхвамъ ношаше его, и ничто же успѣше». пять старецъ Соловецкій научилъ больного прибѣгнуть къ чуду Соловецихъ чудотворцевъ.

Своеобразное практически-миѳологическое воззрѣніе древне-русскаго еловѣка на чудеса святыхъ условливалось отчасти и его матеріальнымъ

[1]) Grimm, D. M. S. 579.

[2]) Такихъ поученій довольно напечатано въ актахъ историческихъ. Нѣсколько ь находится въ рукописи. Измарагд. Соловецк. подъ № 270. Почти всѣ они нигдѣ изданы.

бытомъ, совершеннымъ незнаніемъ силъ и законовъ природы, неумѣньемъ пользоваться ими для своихъ практическихъ нуждъ, направлять ихъ къ собственному матеріальному благу.

Ни рафли, аристотелевы врата, зодѣи, астрономы XVI и XVII вѣка, ни космографы, луцидаріусы и географіи, ни громовники, ни цвѣтники, травники и зелейники, ни бестіаріи, ни лечебники не распространяли въ народѣ истиннаго естествознанія. Народъ не зналъ, по словамъ западныхъ путешественниковъ, ни земли, ни воды [1]). Природа въ его воображеніи еще исполнена была чудесъ и миѳовъ. Онъ съ суевѣрнымъ страхомъ смотрѣлъ на метеоръ. Взорамъ его мерещились «не былинныя зраки». Онъ вѣрилъ въ баснословную силу камней, травъ, цвѣтовъ, видѣлъ чудеса на деревьяхъ, разсказывалъ про миѳическихъ чудовищныхъ змѣй на сѣверѣ и въ низовьяхъ Волги, про каменныхъ людей и каменныхъ дѣвокъ близь Самары и т. п. При этой настроенности къ чудесности въ природѣ, — народъ читалъ въ церковныхъ книгахъ, слышалъ отъ граматниковъ, повѣствователей, отъ священниковъ, дьячковъ и монаховъ разныя сказанія о чудесахъ святыхъ. А тутъ еще и собственная матеріальная жизнь его представляла много превратностей неожиданныхъ, непонятныхъ и страшныхъ. Много страдалъ древній русскій человѣкъ отъ стихій природы, отъ звѣрей, страдалъ разными физическими болѣзнями. Страдалъ, а не зналъ, какъ пособить горю, какъ прекратить, уничтожить зловредныя дѣйствія природы, покорить физическія силы и стихіи своему благу: ибо не зналъ таинъ природы, ея силъ и законовъ. Къ тому же, на долю русскаго народа выпалъ жребій совершить особенно великую, сильную борьбу съ природой. Колонизуя и разработывая огромныя пустынныя пространства сѣверо-востока, онъ проторгался сквозь лѣса непроходимые, сквозь тундры и болота, гдѣ почти на каждомъ шагу спотыкался и изнемогалъ, встрѣчался и боролся съ звѣрями, страдалъ отъ мороза, утопалъ въ рѣкахъ, въ большихъ озерахъ и проч. [2]). Онъ на льдахъ сѣвернаго океана искалъ добычи, отправлялся артелями на веснованье: тутъ, какъ видно изъ жизнеописаній сѣверно-поморскихъ святыхъ, онъ постоянно и страшно страдалъ отъ бурь морскихъ. Въ житіяхъ поморскихъ святыхъ про это самъ народъ разсказываетъ любопытныя былины и легенды. Проторгаясь сквозь лѣса, вслѣдъ за отшельниками-чудотворцами, народъ нашъ много работалъ, ставилъ города, деревни и починки въ лѣсахъ, вновь распахивалъ пашни, расчищалъ луга и пожни, устроялъ по рѣкамъ и озерамъ ловли, тони, — и эту работу свою, по всей справедливости, назвалъ *страдой*, также какъ по своему живому сочувствію съ природой, онъ назвалъ *страдомыми* и

---

[1]) Das Land, — писалъ напр. Петрей о русской землѣ и о русскомъ народѣ — das Land ist überaus schön, gut und fruchtbar; das Volk aber grob, bäuerisch, tölpisch, und fang weder zu Wasser noch zu Lande dazu sie selbst Ursach seyn.

[2]) Въ древнихъ уставныхъ граматахъ постоянно говорится объ этомъ: „а кто въ деревняхъ въ водѣ утонетъ, или кого въ лѣсѣ деревомъ заразитъ, или съ дерева убьется, или звѣрь съѣстъ, или громъ убьетъ, или кто съ студени умретъ, или кого возомъ сотретъ, или кто водою къ деревнямъ приплыветъ убитый человѣкъ“ и проч. См. напр. А. И. П, № 77, 86 и мн. др.

ѣса, которые рубилъ, и деревни, которые ставилъ «на лѣсѣхъ», и рѣчныя озерныя и т. п. угодья. Страдалъ онъ и отъ непогодъ и суроваго сѣвер-аго климата, «морозомъ побивавшаго его посѣвы (по свидѣтельству исто-ческихъ актовъ) почти во всякое лѣто» и проч. и проч. Слѣдовательно, жны были, судя по его необыкновенной, богатырской, страдальческой ботѣ въ борьбѣ съ природой, такія могучія силы, которыя бы сдержи-ли для него препятствія и вредныя дѣйствія природы. И вотъ, не зная илъ природы и не умѣя покорять ихъ, какъ покоряетъ теперь разумъ, ъ вѣрилъ въ силу чудесъ, въ помощь христіанскихъ чудотворцевъ. ѣра въ чудотворное могущество святого покорять силы природы, оста-авливать зловредныя дѣйствія ея стихій и явленій имѣла такимъ обра-омъ практическое основаніе. Чудо святого въ области природы замѣняло ля древняго русскаго человѣка разумное, научное покореніе въ пользу еловѣка физическихъ силъ, явленій, стихій природы. Въ жизнеописаніяхъ удотворцы представляются именно поборниками народа противъ стихій природы, противъ всякихъ физическихъ бѣдствій. Вотъ какъ, напр., начи-ается житіе Антонія Сійскаго: «Бысть сице: отъ сотворенія міра, въ лѣто 7180, отъ дождевныя мокроты и отъ великихъ бурь и отъ облачныя тол-стоты на много солнца не видѣти, и земнымъ плодомъ замедленіе бысть веліе, и ржаные плоды отъ того дождя и бури излегли и не исправилися, и цвѣту въ нихъ не бысть, яко протягнулись іюля мѣсяца до 7-го числа, и иному всякому плоду не растущу, человѣкомъ же и всякому роду зѣло о семъ скорбящимъ, паче же въ скудости пребывающимъ. Но человѣколю-бивый Господь Богъ, не хотя своего созданія до конца погубити, но по-лезное о всѣхъ промышляя, *посылаетъ* милостивнымъ явленіемъ заступ-ника нашей странѣ и общаго предстателя, преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антонія чудотворца Сійскаго» [1]). Такимъ образомъ почти каждая область, каждый городъ, рознясь между собою во многихъ мѣстно-стяхъ этнографическимъ составомъ населенія, издавна стремясь къ зем-ской, территоріальной особности, самостоятельности, по *рѣчнымъ передѣ-ламъ*, или по *раздѣламъ земли и воды*, а также и къ мѣстному земскому самоуправленію,—и въ религіозномъ отношеніи, признавали своихъ особен-ныхъ мѣстныхъ покровителей и стражей своей страны. «Псковъ и вели-кій Новгородъ (читаемъ въ одномъ русскомъ житіи) блажитъ Варлаама и

[1]) Рукоп. житіе Антонія Сійскаго. Точно также въ случаѣ эпидемическихъ болѣз-ней простой народъ нашъ уповалъ на помощь даже образовъ святыхъ. Не приводя многочисленныхъ фактовъ изъ исторіи древней Россіи, вспомнимъ одинъ фактъ изъ XVIII столѣтія, изъ времени Екатерины II. Англійскій министръ, лоръ Cathcart писалъ слѣдующее въ своей депешѣ отъ 8-го октября 1771: Les nouvelles que l'on vient de re-cevoir de Moscou, où il y a la peste, sont bien tristes, la population de cette capitale, abandonnée par les autorités et pousée au désespoir par le danger qui croit de jour et par les absurdes mesures de la police, n'a trouvé d'autres ressources que de placer sa confiance dans les miracles que l'on attribue à certaines images. L'archevêque, un homme de bonne naissance et d'esprit, s'apercevant du péril qu'il y avait á donner la commu-nion a un grand nombre d'individus déjà attaqués par l'épidémie, ... enfin a donné l'or-dre d'enlever quelques unes des images miraculeuses autour desquelles se pressait la foule, afin d'éviter la contagion".

Михаила юродиваго Христа ради, Смоленскъ блажитъ князя Ѳеодора, московское же царство блажитъ Петра и Алексея и Іону и Максима и инѣхъ множество; Ростовъ блажитъ Леонтія и Игнатія, Исаію, Вассіяна и Ефрема; Вологда бо блажитъ преподобнаго Димитрія и иныя тамо сущія многія: каяждо страна своихъ блажитъ. И мы же (Устюжане) тебе, Прокопіе, сѣверная страна по Двинѣ рѣцѣ, Вага рѣка, на ней же градъ Сенкурія, и та блажитъ Георгія Христа ради юродиваго. Соловецкій же островъ и все поморіе блажатъ Савватія и Зосиму. Мы жь тобя, яко же стража и хранителя, имѣемъ отчины града нашего Устюга». Народныя легенды о чудесахъ святыхъ той или другой области, записанныя со словъ всякихъ чиновъ людей въ рукописныхъ житіяхъ древне - русскихъ святыхъ, характеристично выражаютъ съ многоразличныхъ сторонъ эту натурально-практическую основу народнаго вѣрованія въ чудеса святыхъ, и притомъ со всѣми мѣстными, областными. географическими и часто даже этнографическими особенностями народнаго быта: въ чудесахъ каждаго мѣстнаго, областнаго святого вполнѣ отражаются мѣстныя физическія условія областнаго населенія и особенности областей географическія и физическія. Особенно обильны характеристичными выраженіями практической, непосредственно натуральной вѣры народа въ чудотворныя силы святыхъ сѣверно-поморскія легенды.

Наконецъ, эта вѣра, это благоговѣнье къ чудотворцамъ сѣверо-восточнымъ были отчасти безсознательнымъ, младенческимъ выраженіемъ народной благодарности за вспомогательные подвиги ихъ въ борьбѣ съ незавоеванной еще тогда вполнѣ русскимъ народомъ сѣверо-восточной природой. Отшельники нерѣдко первые пролагали дорогу колонизаціи и культуры, считаемъ, однакожъ, не лишнимъ указать хоть два-три факта. «Пустыня была непроходная (большая часть московской области въ XIV в.), писалъ напр. въ половинѣ XVII в. Троицкій келарь Симонъ Азарьинъ въ предисловіи къ сказанію о чудесахъ Сергія Радонежскаго,—нынѣ же всѣмъ зримы окрестъ обители поля мірскія, села и деревни многолюдныя. Стези не быша тогда и непроходно бысть человѣческими стопами, нынѣ же пути дороги велія и проѣзды всякаго чина людямъ, днемъ и нощію безпрестанно идущимъ. Много же тогда гадовъ и ползущихъ змієвъ являхуся ему на устрашеніе безстрастному его житію, нынѣ же окрестъ обители его, за 10 поприщь и вящшее ползущихъ змієвъ и ужевъ не бываетъ. И елико людей во обители и около обители въ слободахъ множашеся, толико по премногу вода и всякая потреба изобиловашеся. Тогда въ рощахъ тѣхъ и древесъ только не бысть, елико нынѣ многолюдственное число человѣкъ въ свободахъ на тѣхъ мѣстахъ, идѣже рощи велицы быша» [1]). Точно также, когда другъ и собесѣдникъ Сергія Кириллъ Бѣлозерскій поселился около Бѣлоозера, «пусто и скудно было мѣсто то, по словамъ жизнеописателя его, боръ бяше велій и чаща, и никому же отъ человѣкъ живущу». А когда пустыня св. Кирилла стала знаменитою обителью, въ предѣлахъ Бѣлозерско-вологодскаго края, стало на лѣсѣхъ и на пустошахъ до 398 посе-

[1]) Времен. кн. X, смѣсь стр. 7 и 8.

леній [1]). Точно также народная память чтила заслуги чудотворцевъ русскихъ для культуры. Приведемъ хоть одинъ примѣръ. Въ окрестностяхъ Соловецкаго монастыря до XV в. жили дикіе лопари. «Древле быша сіи родове, (сказано о нихъ въ Соловецкой рукописи «Садъ спасенія») яко звѣріе дикіи живуще въ пустыняхъ непроходимыхъ, въ разселинахъ каменныхъ, не имуще ни храма, ни иного потребнаго къ жительству человѣческому; но токмо животными питахуся, звѣрьми и птицами и морскими рыбами, одежда же—кожа еленей тѣмъ бяше. Отнюдь Бога истиннаго единаго и отъ него посланнаго Іисуса Христа ни знати ни разумѣти хотяху; но имъ же кто когда чрево насытитъ, тогда оно и Бога си поставляше, и аще иногда каменемъ звѣря убіетъ—камень почитаетъ, и аще палицею поразитъ ловимое, палицу боготворитъ» и пр. А когда поселились между ними, на Соловецкомъ островѣ, Зосима и Савватій и устроили обитель, то принесли въ поморье не только сѣмена христіанства, но и начатки матеріальной культуры. Обитель ихъ стала училищемъ лучшей матеріальной жизни. Тамъ, гдѣ прежде финскіе полудикари вовсе не умѣли направлять силъ и стихій природы къ улучшенію матеріальнаго быта человѣка, вполнѣ подчиняясь физическимъ неудобствамъ страны, тамъ появились кое-какія искуственныя улучшенія, весьма рѣдкія въ древней Руси. Озера, которыхъ въ Поморьи почти безчисленное множество, и которыя часто препятствовали сообщенію людей, на Соловецкомъ островѣ соединяемы были прорытыми каналами. Равнымъ образомъ тамъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ монастырскихъ земляхъ, чистили и дѣлали хорошія дороги на мѣстахъ, дотолѣ покрытыхъ непроходимыми болотами и мхами. Увеличивали приливъ воды въ мелководныхъ рѣкахъ. Сотни поморскихъ работниковъ строили каменныя водяныя мельницы, въ которыя посредствомъ каналовъ проходилась вода изъ отдаленныхъ озеръ. Тамъ, гдѣ прежде не знали первыхъ началъ культуры, простыхъ орудій для наливанія и выливанія воды, тамъ финскіе полудикари, жившіе вокругъ Соловецкаго острова, видѣли искусственные проводники воды и другихъ жидкостей, черезъ которыя жидкость, по словамъ соловецкаго лѣтописца, «сама сливалась со всѣхъ чановъ: чрезъ трубу подымется на верхъ, перейдетъ цѣлое зданіе, да и въ погребъ сама льется, да и по всѣмъ бочкамъ сама разойдется». «До Филиппа Игумена, продолжаетъ соловецкій лѣтописецъ, рожь на сушило носили многіе, а игуменъ Филиппъ нарядилъ телѣгу, сама насыплется и привезется сама и высыплется рожь на сушило. Прежде рожь подсѣвали многіе, а игуменъ доспѣлъ сѣвальню съ 10 рѣшетами, сѣетъ одинъ человѣкъ, при немъ же доспѣли рѣшето, само насыпаетъ и вѣетъ, отруби и муку и высѣвки разводитъ розно. Прежде многія братія носили рожь на гумно вѣять, а игуменъ нарядилъ вѣтеръ, мѣхами въ мельницахъ рожь вѣетъ». Тамъ, гдѣ не знали никакого употребленія глины, кромѣ выкапыванія пещеръ и ямъ, тамъ устроены были кирпичные заводы съ лучшими способами копанія глины: «преже игумена Филиппа на варакѣ

---

[1]) А. И. I, стр. 299. А. Э. 1, стр. 474.

глину на кирпичь копали людьми, а нынѣ воломъ орютъ однимъ, что многіе люди копали, и на кирпичъ ту глину мяли людьми же, а нынѣ мнутъ конми». Тамъ гдѣ не умѣли строить домовъ деревянныхъ, жили въ пещерахъ и разсѣлинахъ, тамъ полудикіе обитатели финскаго поморья видѣли «каменныя палаты съ стекольчатыми окнами и книгохранительныя каменныя палаты», и проч. [1]) Какъ на западѣ въ средніе вѣка, архитектура, развиваясь подъ вліяніемъ обителей святыхъ, имѣла свои отдѣльныя корпораціи, напр. Bernardus valles, montes Benedictus amabat, oppida Franciscus, celebres Ignatius urbes, такъ и по нашимъ народнымъ сказаніямъ— нѣкоторые изъ знаменитыхъ древне-русскихъ святыхъ представляются чѣмъ либо замѣчательными въ матеріальной культурѣ русской земли.

Древне-русскій человѣкъ, представляя, что въ области природы дѣйствуютъ не физическія силы, а силы святыхъ, что одинъ святой особенно дѣйствуетъ напр. стихіей огня или воды, другой поставленъ надъ растеніями, третій надъ тѣми или другими животными, четвертый исцѣляетъ болѣзни и что одинъ святой особенно исцѣляетъ ту, другой другую болѣзнь и проч.,—древне-русскій простолюдинъ иногда наивно вопрошалъ явившагося ему во снѣ святого: кому, какому святому молиться въ случаѣ какого-либо бѣдствія или матеріальной нужды; святой указывалъ, кого когда призывать. И такъ мало по малу составились особыя народныя, такъ сказать, святцы, по которымъ знали, какой именно святой чѣмъ въ природѣ обладаетъ, и что у какого святого просить. Такъ народъ нашъ доселѣ поетъ въ одномъ своемъ духовномъ стихѣ:

Мати Божья Богородица,
Скорая помощница,
Теплая заступница!
Заступи, спаси и помилуй
Сего дому господина
Отъ огненной пожоги,
Отъ водяной потопи!
Попаси же ему, Господь Богъ,
Хлоръ, Лавёръ лошадокъ,
Власій коровокъ,
Настасій овечекъ,
Василій свинокъ,
Мамонтій козокъ,
Терентій курокъ,
Зосимъ Соловецкій пчелокъ,
Стаями, роями,
Густыми медами.

У старообрядцевъ, равно какъ и православныхъ, въ домахъ, на стѣнахъ, привѣшиваются полныя росписанія, какой святой чѣмъ обладаетъ въ области природы и физической жизни человѣка.

Не вдаваясь въ подробное объясненіе, почему, напр., Хлоръ-Лавёръ признаются нашимъ народомъ пастырями лошадокъ, — Власій коровокъ,

[1]) Рукоп. Солов. лѣтоп. № 484.

тасій овечекъ и проч., мы ограничимся историческимъ объясненіемъ игіозной санкціи пчеловодства въ лицѣ Зосимы и Савватія Соловецъ. Напередъ нужно сказать нѣсколько словъ о значеніи пчеловодства бортничества въ древней Руси. Было время, когда не только землеіе и рыболовство, но, при изобиліи богатыхъ разною производительгію, большею частію еще непочатыхъ лѣсовъ, и бортничество или пчеэдство составляло одинъ изъ первыхъ путей для колонизаціи и первоальной культуры финскаго сѣверовостока лѣсного, полудикаго. Въ *льской» ли землѣ*[1]) ставился городъ, напр. Москва, Переяславль-Залѣс-, Юрьевъ-Польскій или *«на лѣсѣхъ»* посажались, поставлялись починки еревни, — во всякомъ случаѣ первые поселенцы ихъ высылали слугъ ихъ *«работныхъ людей»*, либо выѣзжали сами изъ города или изъ деи во всѣ четыре или пять сторонъ, каждый по своему промышлену *уѣзду*, *«пути и ухожаю»*. У кого были *работные люди*, напр. у кня-, у бояръ, у церковныхъ властей, тѣ населяли, при своихъ хозяйственномышленныхъ *ухожаяхъ* или угодьяхъ «работными людьми страдомыя евни», напр. при рыбныхъ рѣкахъ и озерахъ, «по стольничему пути», вились *деревни рыболовли*[2]), «по ухожаямъ бобровымъ» — *деревни бобровъ*[3]), при соляныхъ озерахъ и варницахъ населялись «соловарами, водовами и дрововозами» *деревни соловаровъ*, изъ которыхъ впослѣдствіи обовались нѣкоторые города, наприм. соль галическая, соль вычегодская, ь тотемская и проч. Такимъ же путемъ возникали въ древней Руси и *евни бортничи*, населявшіяся пчеловодами и бортниками. Въ старину, са русской земли изобиловали бортями и пчелами. Иностранные путественники удивлялись безчисленному множеству попадавшихся въ лѣхъ цѣлыхъ роевъ дикихъ пчелъ, которыя не рѣдко нападали на пчелъ машнихъ. Къ числу главныхъ произведеній Московіи западные путественники относили медъ и воскъ[4]). Вслѣдствіе такого изобилія пчелъ *«бортничихъ и медвяныхъ ухожаевъ»*, естественно было выводить особыя прошленныя поселенія по этимъ ухожаямъ, и вотъ всѣ землевладѣльцы, князья, яре, церковныя власти и своеземцы посажаютъ бортничи деревни на воихъ бортныхъ путяхъ. Въ московскомъ напр. уѣздѣ, въ XIV и XV вкахъ, изъ поселеній на княжескихъ бортныхъ ухожаяхъ и путяхъ образвался цѣлый *бортный станъ*[5]). Радонежское село, со всѣми принадлещими къ нему деревнями, также населено было бортниками[6]), на *стайшемъ пути* московскихъ князей населено было село Добрятинское при *брятинской борти*[7]). Таковы же деревни и слободы: «Смоляныя съ

[1]) *Польскою землею*, по никоновской лѣтописи, въ XII вѣкѣ называлась не только крайна за-Окская, Рязанская, Степная, Саратовская и Астраханская, но и Ростовскоздальская.
[2]) А. Э. I, № 143, 66, 83.
[3]) А. Э. I, № 12.
[4]) Географ. извѣст. о древн. Рос. Отеч. Зап. 1853.
[5]) А. Э. I № 72.
[6]) Собр. Г. Гр. т. 1 стр. 77.
[7]) Ibid. № 34.

бортью, Кропивна съ бортники съ кропивинскими, съ исменскими, съ гордошевскими и съ рудьскими бортниками, Желѣзкова слободка съ бортью» и проч. Бортники, селясь такимъ образомъ на бортныхъ ухожаяхъ разныхъ землевладѣльцевъ, или сами заводя себѣ борти, въ эпоху средневѣковаго господства частнаго права, права сильнаго, въ эпоху сильнаго стремленія къ похищенію чужого имѣнія, частныхъ вторженій за чужую межу и въ чужой лѣсъ, — бортники, естественно, постоянно должны были опасаться похитителей и разорителей пчелъ въ своихъ бортныхъ лѣсныхъ ухожаяхъ[1]. Въ эпоху языческую, бортники заговаривались отъ похитителей пчелъ: заговоры религіозно-языческіе сохранились и донынѣ. Въ эпоху христіанскую, средневѣковую, при господствовавшемъ тогда представленіи особыхъ святыхъ въ каждой области физической жизни, когда древне-языческіе заговоры передѣлывались въ христіанскіе заговоры и заклятія, бортникъ — простолюдинъ легко могъ придти къ вѣрѣ въ особыхъ христіанскихъ святыхъ, покровителей и хранителей ихъ пчелъ и бортей. И Зосимъ и Савватій Соловецкіе, которые, по преданію, первые ввели пчеловодство даже на Соловецкомъ островѣ, признаны были распространителями и покровителями пчелъ и бортей во всей русской землѣ. Въ народѣ составился особый молитвенникъ, въ родѣ цѣлаго молебна, объ изобиліи и сохраненіи пчелъ въ ульяхъ пчеловода. Уставъ чтенія этого молитвенника такой: «Сей молитвенникъ и свитокъ читать на праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, на вербное и свѣтлое Христово воскресеніе, между заутренями и обѣднями въ мшеникѣ или на пчельникѣ. И высѣки изъ громовой стрѣлы огня и положи въ чистый сосудъ и въ тотъ сосудъ положить ростнаго ладону и окружить на пчельникѣ или во мшеникѣ и поставить свѣчу Изосима и Савватія соловецкимъ чудотворцамъ, и помолиться имъ съ вѣрою и держать сей свитокъ въ самой чистотѣ. Три раза аминь». Въ молитвенникѣ этомъ, послѣ «прославленья благости Господа къ уповающимъ на него», состоящаго изъ псалма: «Живый въ помощи Вышняго, и проч., читается дважды молитва *къ пчеламъ*: «Господи Исусе Христе Сыну Божій, помилуй меня грѣшнаго раба своего (имя рекъ)! Господи благослови, аминь». Затѣмъ слѣдуютъ самыя молитвы. Ихъ всѣхъ 7. Мы приводимъ здѣсь одну первую, какъ болѣе идущую къ нашей статьѣ: «На морьѣ-океанѣ, на островѣ-курганѣ лежитъ камень алатырь отъ конца вѣка сего, и на томъ камнѣ сидитъ ангелъ и спасъ образъ съ ангелы и архангелы и со Пресвятою Богородицею Божію дѣво-владыцею Матерью Маріею, и вышніе помощники Божіи Изосимъ и Савватій Соловецкіе чудотворцы. Посла ихъ въ Нарименскія горы за силою пчелиною поймати крапчика и матку и посадити въ зезлъ свой: подите дорогою, будетъ за вами погоня, то вы бросьте зезлъ свой въ правую сторону. То они посланники Божіи Изосимъ и Савватій Соловецкіе чудотворцы съ архангеломъ Гаріиломъ, по Божію велѣнію, пойдоша за силою пчелиною въ Папа Рымскія земли, въ Рымскія горы, и пойдоша путьемъ къ западу и

[1] О физической или естественной обстановкѣ пчеловодства будетъ подробнѣе сказано въ очеркѣ земледѣльческаго міросозерцанія.

до востоку, и дошедъ они посланники въ ту землю, Изосимъ и Савватій Соловецкіе чудотворцы, поймали крапчика и матку и посадиша въ зезлъ свой и пойдоша путьемъ къ западу и до востоку. Архангелъ Гавріилъ поднимаетъ отъ земли всю силу пчелиную. Какъ востокъ имай, облацы подымаются, тако бы подымалася сила пчелиная и пошла за Изосимомъ и Саватіемъ Соловецкими чудотворцами силою небесною и Духомъ Святымъ. Идоша по надлежащимъ путьямъ и по тропамъ, то учинилася погоня изъ невѣрныя земли, тогда архангелъ Гавріилъ повелѣлъ Изосиму и Савватію бросить въ правую сторону зезлъ и крапчика и матку возгнаніе дороги. То учинилася погоня, невѣрные догнаша и обыскаша по надлежащимъ путьямъ и тропамъ. И рече святый отецъ: милостивые посланники Божіи Изосимъ и Савватій Соловецкіе чудотворцы, возмите зезлъ свой, благословите и оградите путь сей и дорогу крестомъ и зезломъ съ востоку и до западу и со западу до востоку. И приведоша крапчика и матку со всею силою пчелиною и къ тому жъ собору Божію и ко Престолу Господню къ ножіямъ Святителю. И рече святый отецъ Изосимъ и Савватій: Господи! пришедъ еси по вашей седмицѣ по твоему повелѣнью, сохраненъ и помилованъ вашими святыми молитвами. Ты еси Богъ нашъ и Спаситель, ты еси насъ спаслъ во всякой часъ и во всякое время. И приведоша къ нозѣмъ твоимъ крапчика и матку со всею силою пчелиною. Куда, Господи, дѣвать и сажать? Господь же, благословивъ и освятивъ духомъ своимъ святымъ, и преда и Господь Изосиму и Савватію Соловецкимъ чудотворцамъ, и велѣлъ пустита отъ востока и до запада во всю россійскую землю, въ тюмныя лѣса въ угодныя древа, православнымъ христіанамъ и ко мнѣ рабу Божіему (имяреку). Создай Господи милость свою, посли и надѣли мнѣ рабу Божію во дворѣ, въ лѣсу и на пчельникѣ мои пчелы старыя и молодыя молитвами праведныхъ отцовъ Изосима и Савватія Соловецкихъ чудотворцевъ. Какъ приведено по повелѣнію твоему Господи изъ невѣрной стороны во всю россійскую землю на канонъ и на воскъ, на фимиянъ и на всякую утварь церковную укрѣпленіе и утвержденіе до скончанія вѣка сего, такожди Господи утверди у меня раба Божія (имрекъ), въ пчельникѣ, во дворѣ, или въ лѣсу на пчельникѣ пчелъ старыхъ и молодыхъ, до скончанія вѣка сего Духомъ Святымъ и преподобныхъ отцевъ. Изосима и Савватей, помилуйте святыми своими молитвами у меня раба Божія во дворѣ или въ лѣсѣ, на пчельникѣ пчелъ молодыхъ и старыхъ, на выстановкѣ во всякомъ году, во всякомъ мѣсяцѣ, въ четверги и полчетверги. Около ограды пчельника моего обойду, духомъ Святымъ окурю отъ всякаго глаза, отъ мужескаго, отъ женскаго, отъ простоволосыхъ дѣвицъ, отъ чернеца и отъ черницы, отъ колдуна и отъ колдуницы, отъ еретника и отъ еретицы, отъ нечистоты и отъ лихого человѣка и отъ чужихъ налетныхъ пчелъ во граду мою валитися, дабы отъ пчельника моего не отлетали старые и молодые до скончанія вѣка сего. Какъ по повелѣнію твоему, Господи, океану-морью всѣ морья покорны, рѣки и источники и потоки текутъ непрестанно денно и ночно, такъ бы, по повелѣнію Божіему, чужая пчела моей пчелѣ покорна была завсегда, по всякъ день и часъ. Спаси Господи и помилуй меня раба своего (имрекъ),

класса требуютъ, напротивъ, тщательнаго изученія. У обоихъ замѣчаются значительныя разницы, смотря по тому, благопріятствуютъ или нѣтъ внѣшнія условія вліянію великихъ умовъ на образованное общество, вліянію школъ на необразованный классъ народа. Эти разницы, вслѣдствіе которыхъ упомянутые классы то сближаются, то разъединяются, придаютъ данному вѣку то демократическій, то аристократическій характеръ [1]).

Предполагая, главнымъ образомъ, раскрыть дальше земледѣльческое народное міросозерцаніе, я считаю необходимымъ напередъ изложить хоть въ краткихъ историческихъ очеркахъ главныя и важнѣйшія народныя воззрѣнія на міръ и его явленія, насколько позволяютъ находящіеся подъ руками факты и короткій срокъ времени, которымъ покуда могу располагать.

1. *Міръ вообще.*

«Смутное, ужасающее чувство единства силъ природы, — говоритъ Гумбольдтъ,—сродно и дикому. Внѣшній міръ безсознательно сливается у человѣка съ его внутреннимъ міромъ чудесъ. Но одинъ не есть чистое отраженіе другаго. Что у одного дѣлается основаніемъ натуральной философіи, то у цѣлыхъ племенъ остается плодомъ инстинктивной воспріимчивости. Здѣсь-то въ нѣдрахъ темнаго чувства, заключается и первое побужденіе къ религіи». Обращаясь къ первоначальному міросозерцанію славянскаго народа, мы примѣчаемъ изъ сохранившихся преданій, что первымъ проявленіемъ природной впечатлительности и воспріимчивости славянской натуры было именно это общее смутное, ужасающее чувство единства силъ природы. Оно было, вмѣстѣ съ тѣмъ, и первымъ актомъ естественно-религіознаго творчества духа народнаго. Впервые вставши ногой на дѣвственную землю, лѣтомъ покрытую растительностью, зимой—снѣгомъ, ощутивши тепло или холодъ, свѣтъ или тьму, получивъ пищу изъ рукъ матери-природы, или отъ природы же испытавъ неурожай и голодъ, взглянувши на величественныя чудеса звѣзднаго неба, услышавъ первый страшный грохотъ грома, или буйно-могучее, буреломное движеніе воздушнаго океана, — славянинъ, звѣроловъ или пастухъ, вотъ уже невольно весь сталъ и дитя, и рабъ, и ученикъ природы. Всецѣло преданный всѣми живыми чувствами первобытной натуры неотразимо-могучимъ и безконечно-разнообразнымъ впечатлѣніямъ міра, — онъ тотчасъ безсознательно, инстинктивно ощутилъ все величіе и могущество окружающаго его непостижимаго мірозданія, полнаго чудесъ, полнаго могучихъ, вездѣсущихъ, непонятныхъ силъ... «Онъ почувствовалъ, что есть что-то могучее въ окружающемъ его мірѣ, имѣющее сильное вліяніе на его собственное существованіе; отдѣливши себя отъ остальной природы, онъ увидѣлъ свою слабость и ничтожность предъ тою силою, которая заставляла его испытывать жаръ и холодъ, свѣтъ и отсутствіе свѣта, которая могла дать ему пищу и лишить пищи. Природа явилась человѣку и могучею силою,

[1]) Шлейденъ, Этюды, стр. 224.

ебующею полнаго и безотчетнаго подчиненія, и матерью, которая вскор-
іла его собственною грудью. Онъ призналъ ее за нѣчто высочайшее и
вергся передъ нею съ смиреннымъ чувствомъ младенческаго благоговѣ-
я. Человѣкъ былъ еще дитя, которое впервые улыбалось блестящей,
асивой формѣ и впервые чувствовало боязнь при взглядѣ на что-нибудь
зобразное или ему чуждое. Для него еще не существовалъ анализъ. Вся
ирода представлялась цѣльною, единою; вся она являлась однимъ вели-
імъ чудомъ; слово «божество», вылетѣвшее изъ устъ человѣка, обняло
бою все богатство и все разнообразіе образовъ и силъ, составляющихъ
ироду. Отсюда понятно, что языческая миѳологія начинается съ едино-
жія, но единственно вслѣдствіе отсутствія анализа: божествомъ является
дѣлимая природа... Въ періодъ своего младенчества, славянинъ былъ
груженъ въ жизнь непосредственную; онъ любилъ природу съ дѣтскимъ
остодушіемъ и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ея явленіями,
торыми опредѣлялись его естественныя нужды. Въ ней находилъ онъ
ивое существо, сочувствующее человѣку: въ ней видѣлъ онъ родное.
мъ не сознавая того, онъ былъ поэтомъ, жадно всматривался въ кар-
ны обновляющейся природы, съ трепетомъ ожидалъ восхода солнца и
лго засматривался на старые, но дѣвственные лѣса. Первыя наблюде-
я, первые опыты его ума принадлежали окружающему физическому
ру, къ которому тяготѣли и религія человѣка, и его познанія: и та и
угія составляли одно цѣлое, были проникнуты однимъ пластическимъ
хомъ поэзіи. Оттого въ наивныхъ повѣрьяхъ славянина столько теп-
го, столько изящнаго!» [1])

Съ дальнѣйшими наблюденіями надъ природой, съ постепеннымъ на-
пленіемъ новыхъ и всѣ болѣе и болѣе разнообразныхъ впечатлѣній. умъ
авянина, естественно, вызывался къ мысли, къ работѣ надъ этими дан-
ыми живой, непосредственной наблюдательности. Отъ новости и разно-
разія внѣшнихъ физическихъ впечатлѣній умъ доходилъ до разнообразія
выхъ представленій, до распознаванія многоразличія и особенностей
мыхъ явленій природы. Такимъ образомъ, естественно начался анализъ
рвоначальнаго общаго, религіозно-монотеистическаго воззрѣнія на при-
ду. И какъ точка зрѣнія на міръ все-таки сохранялась та же — ми-
чески-религіозная, по причинѣ невозможности другого образа воззрѣній,
и отсутствія раціональнаго познаванія дѣйствительныхъ, сокровенныхъ
лъ и законовъ физическаго міра, — то и анализъ общаго понятія о
иродѣ, какъ единомъ божествѣ, имѣлъ характеръ миѳически-религіоз-
ый. Особенно выдающіяся явленія природы, болѣе уловимыя для впе-
тлѣнія, болѣе ощутительныя въ быту физическія силы отдѣлялись прежде
обоготворялись въ особенныхъ божествахъ. При такомъ раздробленіи,
щее понятіе о божествѣ, воплощающее въ себѣ всю природу, какъ еди-
ю, мало по малу затемнялось, потому что съ нимъ не соединялась опре-
ленная субстанція. Могущество, старѣйшинство, благотворное вліяніе,

[1]) Прекрасный взглядъ этотъ высказанъ г. Афанасьевымъ въ Архивѣ Кала-
ва 1855, I—III.

соединявшіяся съ этимъ понятіемъ, переносились на другихъ главныхъ боговъ. И первоначальная религіозно-монотеистическая точка зрѣнія на міръ, такимъ образомъ, естественно перемѣнились на религіозно-политеистическую. По вѣрѣ въ одушевленность силъ и явленій природы, по единственно-возможному въ первобытномъ родовомъ состояніи Славянъ пониманію анализа, дѣленія въ формѣ живаго процесса рожденія и родового выдѣленія, раздробленія, — и религіозно-политеистическая точка зрѣнія на міръ была, въ частности, космогонико-теогоническая. По мѣрѣ того, какъ расширялся естество-наблюдательный кругозоръ или взглядъ на явленія природы, распознавалось ихъ многоразличіе, такъ или иначе представлялось ихъ взаимное отношеніе и происхожденіе, ощущалось или подмѣчалось ихъ вліяніе на жизнь природы и человѣка, — по мѣрѣ того, и въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же процессѣ или актѣ мысли и фантазіи, и міръ творился, или составлялась космогонія — одно явленіе міра производилось отъ другаго, и боги рождались, или составлялась теогонія — апотеоза или персонификація явленій и силъ природы въ образѣ живыхъ существъ, боговъ, и наконецъ, творилось природо-подражательное, естественно-изобразительное слово. Такимъ образомъ, и космогонія, и теогонія, и миѳологія или эпосъ, и міросозерцаніе развивались вмѣстѣ. И развитіе природы, и распознаваніе составныхъ частей, стихій и явленій ея, и развитіе или нарожденіе боговъ природы — все это сливалось въ космогонико-теогоническомъ процессѣ религіозно-политеистическаго міросозерцанія[1]). Міръ казался славянамъ-язычникамъ и постепеннымъ откровеніемъ или органическимъ развитіемъ, и вмѣстѣ жилищемъ боговъ, рождавшихся одинъ отъ другого, начиная ab uno deo, отъ единаго божества, олицетворявшаго въ себѣ общее понятіе о природѣ, нисходя, потомъ отъ Сварога — бога неба, небеснаго свѣта вообще до дѣтей Сварога — солнца-царя, огня сварожита и т. д., пока Перунъ, богъ грома и молніи, снова не былъ признанъ верховнымъ господомъ *вселенной*[2]).

---

[1]) Такъ смотрятъ ученые и на миѳологіи всѣхъ вообще народовъ. Напр. Sepp, въ своемъ сочиненіи Heidenthum und Christenthum, смотритъ на постепенное развитіе языческаго міросозерцанія именно, какъ на космогоническую ѳеогонію, обозрѣвая генераціи боговъ по моментамъ или періодамъ образованія Космоса (creaturlichen Momenten). См. первую часть Kosmische Theologie. Подобное воззрѣніе видно и въ сочиненіи Rink'a, Religion Hellenen. Онъ говоритъ между прочимъ: der Glaube an die Schöpfung, vermöge deren das Weltganze *von Gott dem Geiste* Dasein hat, ist der Naturreligion an sich fremd geblieben, darum dass sie wenigstens zum Theil die *Natur selbst Gott gleich setzte*. Nach Art einzelner Organismen entwickelte sich zufolge heidnischer Anschaungsweise auch das All, *und Natur und Geist* brachen *aus einem gemeinsamen Keime* hervor. Dieser uranfängliche Weltkeim das ist Chaos", и проч.

[2]) Первоначальное понятіе о единомъ Богѣ, какъ апотеозѣ единой, цѣлой природы, сохранялось у Славянъ до позднѣйшихъ временъ язычества. Въ договорѣ Игоря съ Греками читаемъ: „да не имутъ помощи отъ *Бога ни отъ Перуна;* да будетъ клятъ *отъ Бога и отъ Перуна*". Прокопій писалъ: θεὸν μὲν γὰρ ἕνα, τὸν τῆς ἀστραπῆς δημιουργὸν ἁπάντων κύριον μόνον αὐτὸν νομίζουσιν εἶναι Гельмольдъ: Inter multiformia vero deorum numina, quibus arva, sylvas, tristitias atque voluptates attribuunt, non diffitentur *unum Deum* in coelis, caeteris imperitantem, illum praepotentem coelestia tantum curare: hoc vero distributis officiis sequentes de sanguine ejus processisse, et unum quemque eo

Въ солнечной системѣ, послѣ тьмы ночной, первобытнаго человѣка, естественно, прежде всего и съ особенною ощутительностью поражалъ *свѣтъ*. Свѣтъ составляетъ не только животворную силу, но и главное обозначающее или оттѣняющее начало и условіе красоты міра и созерцанія этой красоты. Конечно, и дознанная теперь скорость свѣта (77,000 льё въ секунду) едва достаточна для приблизительнаго пониманія громадныхъ, безпредѣльныхъ размѣровъ видимаго міра. Но все же, и для первобытнаго человѣка, ясный солнечный свѣтъ обусловливалъ возможность обзора наибольшаго пространства окружающаго міра. Вслѣдствіе такого впечатлѣнія свѣта на кругозоръ человѣка, Славяне назвали *міръ свѣтомъ, бѣлымъ свѣтомъ*. Какъ греческ. κόσμος опредѣляетъ собственно понятіе о прекрасномъ, гармоническомъ, изящномъ устройствѣ міра, латинское mundus тоже означаетъ чинный, блестящій, стройный порядокъ міра, — такъ и славянское названіе міра *бѣлымъ свѣтомъ* выражаетъ собственно понятіе о свѣтовой матеріи, о блескѣ и красотѣ видимаго, освѣщаемаго небеснымъ свѣтомъ міра. Точно также литовск. swietas, древне-прус. switai, волош. lume, венгер. vilag означаютъ *свѣтъ* и *міръ*[1]).

Затѣмъ, вмѣстѣ съ разселеніемъ славянскихъ племенъ, какъ говорится въ актахъ, *по землѣ и по водѣ, по рѣкамъ, на лѣсѣхъ и въ полѣхъ*, вмѣстѣ съ колонизаціоннымъ распространеніемъ славянскихъ земскихъ міровъ и съ устройствомъ изъ цѣлаго пространственнаго объема, изъ естественно-земской совокупности ихъ цѣлаго земскаго, географическаго міра, *всего міра*, — въ міросозерцаніи славяно-русскомъ развилось новое, болѣе тѣсное представленіе о физическомъ мірѣ, о вселенной. Тогда народъ еще не могъ разсматривать и понимать внѣшнюю природу въ отвлеченности отъ себя самого, отъ своего земскаго кругозора и быта. Какъ все его земское, бытовое міроустройство было чисто естественно, опредѣлялось непосредственно натуральными условіями и двигателями, шло напр. *по передѣламъ рѣчнымъ*, или *по веревкѣ*, т. е. по измѣренію земель веревкою, или *по ухожаямъ бортнымъ, бобровлимъ, рыболовлимъ* и т. д., или, наконецъ, такъ, *куда шелъ топоръ, шелъ плугъ, шла коса и соха*: такъ и міросозерцаніе славяно-русскихъ племенъ не выходило изъ этой узкой, тѣсной геометрической или географической среды земскаго міроустройства. И въ позднѣйшее время, въ XVII вѣкѣ, поселенцамъ острововъ Бѣлаго моря и сѣвернаго поморья материкъ русской земли казался цѣлой *вселенной*: такъ они называли ее[2]). Точно такимъ же образомъ, и первоначально, въ эпоху своего разселенія по огромнымъ пространствамъ сѣверо-востока и

---

praestantiorem, quo proximiorem illi Deo deorum. Chron. slavor. Объ умноженіи или нарожденіи боговъ, вслѣдствіе начавшагося анализа природы, см. Полн. Собр. Лѣт. II, 5. Въ словѣ и откров. св. апостолъ читаемъ о славянахъ: „и до сего дне есть въ поганыхъ: глаголютъ бо, ово суть бози *небесніи*, а друзіи *земніи*, а друзіи *польстіи*, а друзіи *водніи*, и проч. Лѣтоп. р. литер. кн. 5, 11, стр. 5.

1) Grimm, D. M. 753—755.

2) Земля Московскаго государства постоянно называется въ грамотахъ Соловецкому монастырю Аѳонасія архіепископа Холмогорскаго *вселенной*. Рукп. Солов. Сборн. архіер. грам. №№ 19 и 20.

географическаго распространенія міровъ, — Славяне, по своимъ понятіямъ *о въселеніи* и *міръ*, назвали *вселенной, въсѣмъ міромъ* и все это, исполненное могучихъ силъ, необъятное никакими механическими произведеніями, непостижимое для человѣческаго ума, безконечное космическое пространство. Иначе, и силъ, и средствъ не хватало у первоначальной неразвитой мысли, неспособной къ глубокимъ и обширнымъ отвлеченностямъ, и у первобытнаго природо-подражательнаго языка младенчествующаго народа, чтобъ выразить въ полномъ объемѣ идею космоса. Узкій геометрическій или умственный кругозоръ Славянъ, не простиравшійся далѣе предѣловъ ихъ географическаго, земскаго міроустройства и міросозерцанія, только и могъ выработать для выраженія общаго понятія о мірѣ два такихъ естественно-бытовыхъ слова, какъ *весь міръ* и *въселенная*, которыя одни во всѣмъ языкѣ наглядно, чувственно-образно выражали представленіе о самомъ наибольшемъ воображаемомъ пространствѣ. И не одни славяне первоначально такъ съуживали въ своихъ воззрѣніяхъ безпредѣльный объемъ міра. Почти во всѣ времена, до великаго открытія Торунскаго каноника, люди считали себя и населенную ими землю центромъ, средоточіемъ міра, пока Коперникъ не разбилъ это невѣжественное самообольщеніе человѣчества. Греки назвали міръ также отъ узкаго района и средоточія своихъ или вообще человѣческихъ поселеній — οἰκουμένη и μεσογαία. Ульфила перевелъ эти слова по готски midj-ungard, а греческ. κόσμος перевелъ manasêps, что означаетъ virorum satus, сѣмя мужей, людей, и родственно греческ. λαός, народъ. Нѣмцы и скандинавы представляли и называли міръ midgardr, mittingard, mediegard и т. п. Такъ точно и Славяне, по пространственному объему и кругозору всего своего земскаго міроустройства и міросозерцанія, какъ по возможно-наибольшей геометрической или географической величинѣ, называли и весь космосъ *вселенной* и *вьсѣмъ міромъ*, отъ умозрительной комбинаціи всѣхъ своихъ земскихъ міровъ и поселеній, взятыхъ въ совокупности. Въ такомъ значеніи, славяно-русское понятіе о мірѣ встрѣтилось съ христіанскимъ греческимъ міровоззрѣніемъ, и въ такомъ смыслѣ употреблено въ первмъ переводѣ на славянскій языкъ евангелія и апостола. Въ древнемъ переводѣ чтеній евангелія и апостола слова *вьсь міръ* употреблены, какъ равнозначительное греческ. κόσμος. Напримѣръ: явися вьсему миру — φανέρωσον σεαυτὸν τῷ κόσμῳ (Іоан. VII, 4); прежде сложенія вьсего мира: πρὸ καταβολῆς κόσμου. (Ефес. I, 4). Въ такомъ же значеніи слово *весь міръ* употреблено въ извѣстныхъ договорахъ съ греками. Русскіе, заключая міръ съ греками, хотѣли сътворити любовь .... съ всѣми людьми греческими на вся лѣта, дондеже сіяетъ солнце и *весь міръ* стоитъ, т. е. свѣтитъ солнце и существуетъ вселенная. Впрочемъ, слово *міръ* и отдѣльно безъ *весь* употреблено въ значеніи κόσμος, какъ это видно напр. изъ слѣдующаго выраженія второго договора Олега съ греками: въ лѣто отъ зьдания *міру*, и проч. Греческ. οἰκουμένη переводилось почти однозначительнымъ словомъ *вьселенная* [1]).

[1]) Какъ греч. οἰκουμένη происходитъ отъ οἶκος домъ, мирная обитель, такъ и славян. *миръ* первоначально означало миръ, мирная обитель, кругъ семьи. Равнымъ

Въ то время, когда начался миѳологическій анализъ явленій природы
оизводимыхъ ими на человѣка впечатлѣній, и когда славяне вели еще
оловный или пастушескій бытъ и только что переходили къ земле-
ческому, — необъятная и непонятная громада мірозданія возбуждала
ытливыхъ умахъ бездну вопросовъ, давала бездну живыхъ образовъ и
атлѣній живой, пылкой фантазіи славянина, рождала множество но-
своеобразныхъ, наивныхъ представленій въ его младенческой мысли-
ности. Пытливая любознательность все больше возбуждалась. Между
, славянинъ, звѣроловъ или пастухъ, ясно, подробно и отчетливо зналъ
ко то, что онъ ловилъ звѣрей, пасъ скотъ, топилъ очагъ, ходилъ по
мъ, и т. п. А вокругъ, въ необъятномъ пространствѣ вселенной,
енно въ звѣздной природѣ, все было для него изумительно, таин-
нно, загадочно, непонятно, невыразимо. Зооморфическій эпосъ не успѣ-
и во всей цѣльности и яркости не могъ комбинировать безконечныя,
зительныя впечатлѣнія природы въ самые разнообразные и причуд-
е миѳическіе образы самой широкой, игривой, животворческой юной
азіи. Ни разнообразныя пѣсни, всецѣло посвященныя природѣ, пол-
самаго теплаго, самаго живого сочувствія и созвучія съ природой,
коло хороводное — этотъ весенне-жизненный, естественно-соціальный
олъ солнца, — ни обрядовыя игры и забавы, такія наивно простыя,
ственно-художественныя и здоровыя увеселенія старыхъ и молодыхъ
лѣній обоихъ половъ въ гостяхъ у природы, на поляхъ, на лугахъ, —
е не выражали, въ своихъ символическихъ формахъ и въ эпическихъ
раженіяхъ природы, не только всей широты, высоты, полноты и глу-
неба и земли, но и тѣхъ впечатлѣній, образовъ и думъ, какія не-
ывно порождала природа въ пробуждавшейся мысли и фантазіи. Впе-
ѣнія и представленія, наконецъ, становились для пробужденной пыт-
й любознательности неотразимыми, невольными, даже мучительными
осами. И вопросы эти копились, по мѣрѣ накопленія новыхъ впеча-
ій и представленій. Работа анализа совершалась дѣятельно въ любо-
ельномъ, пытливомъ умѣ, начавшемъ различать и обозначать осо-

---

омъ, и коренной смыслъ слова *вселенная* собственно намекаетъ на самое первое
ніе семьи въ избу, въ домъ. Потомъ уже, постепенно расширившись до болѣе
го и отвлеченнаго значенія, слова миръ и вселенная стали означать мірозданіе.
да это эпическое сближеніе свѣтилъ космоса съ теремомъ и съ семьей:

Чюдо въ теремѣ показалося:
На небѣ солнце — въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ — въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды — въ теремѣ звѣзды,
На небѣ заря — въ теремѣ заря...
Первый теремъ — свѣтелъ мѣсяцъ
Другой теремъ — красно солнце
Третій теремъ — часты звѣзды.
Свѣтелъ мѣсяцъ — хозяинъ самъ,
Красно солнце — хозяюшка,
Часты звѣзды — ихъ дѣтушки.

быми названіями отдѣльныя явленія и части міра. При неразвитости въ мышленіи силы отвлеченія и обобщенія, возникали уподобленія, сравненія, а отсюда — пословицы, притчи (παραβολή, παροιμία. Явилась сродная съ ними загадка — первый актъ рождавшейся потребности познаванія природы, первый смѣлый вопросъ пробужденнаго разума о таинственныхъ силахъ и явленіяхъ міра. Какъ все тяготѣло человѣка къ внѣшнему, окружающему міру, исполненному таинъ и чудесъ — и бытъ и вѣрованія, — такъ и пословица и загадка прежде всего остановились на вопросахъ о мірѣ, о вселенной. Какъ по скандинавскому преданію, извѣстному подъ именемъ Wathfrudnismal, богъ Одинъ, скрывшись подъ видомъ путника (gângrädr), соперничая загадками съ великаномъ изъ рода іотовъ, именемъ Ватфрудниромъ, — задавалъ ему загадки прежде всего о мірѣ, изъ космогоническихъ преданій скандинавовъ: «Откуда произошли въ началѣ земля и небо? Отъ чего у насъ мѣсяцъ, что ходитъ надъ людьми, и отъ чего у насъ солнце? Отъ чего у насъ день, что ходитъ надъ народами, и отъ чего у насъ ночь съ новолуніемъ?» Такъ и по славяно-русскому эпосу, передъ временемъ распространенія на Руси христіанства Владиміромъ, уже занимали пытливые умы народные такія загадки:

Отъ чего у насъ бѣлый свѣтъ?
Отъ чего у насъ солнце красное?
Отъ чего младъ свѣтелъ мѣсяцъ?
Отъ чего звѣзды частыя?
Отъ чего ночи темныя?
Отъ чего зори утренни?
Отъ чего у насъ умъ-разумъ?
Отъ чего у насъ міръ-народъ?

Въ эту то эпоху загадочнаго, приточнаго образа міровоззрѣнія, еще во времена пастушескаго быта нашихъ предковъ — славянъ, образовалось общее образно-пастушеское воззрѣніе на вселенную, и, воспринявъ впослѣдствіи нѣкоторые оттѣнки земледѣльческаго культа, сохранилось въ крестьянствѣ до нынѣ. Когда настала пора міросозерцательнаго анализа и естество-испытательной загадки, — пытливый, но не дальнозоркій умъ пастуховъ - славянъ ясно примѣчалъ на безпредѣльной темноголубой синевѣ звѣзднаго неба разнообразіе свѣтилъ, замѣчалъ особенность или отличіе земли отъ солнца, луны и звѣздъ, но не могъ обобщить все это разнообразіе міровыхъ тѣлъ въ одно общее представленіе о вселенной, не могъ обнять всей безпредѣльной, необъятной цѣлости космоса, не могъ понять внутренняго состава, механизма и движенія мірозданія, и все это выразить въ общемъ, отвлеченномъ опредѣленіи. Доступная, непосредственно ближайшая точка кругозора была одна — пастушески-бытовая. И вотъ, пытливый, любознательный умъ славянъ-пастуховъ, гадая о чудесахъ звѣзднаго и земного міра, бралъ образы для выраженія своихъ впечатлѣній и наблюденій отъ своего пастушескаго, скотоводнаго быта. Но могъ ли такой ничтожный, узкій кругозоръ, какъ первобытно - пастушеская точка зрѣнія, обнять безконечное, необъятное пространство космоса, вдругъ, во

его цѣльности, полнотѣ и гармоніи? Могъ ли умъ младенчествующаго да понять законы и механизмъ міозданія, для объясненія котораго ны тысячелѣтніе труды современныхъ геніевъ, могъ ли, слѣдовательно, зить идею Космоса, — на что нуженъ геній Гумбольдта! По неволѣ, енчествующій, пастушескій умъ созерцалъ и представлялъ чудеса всеой такъ, какъ они непосредственно, наглядно казались простому у, различалъ и комбинировалъ только отдѣльныя, наиболѣе поразиныя части вселенной, а фантазія облекала эти воззрѣнія и представле- образами пастушескаго быта, заимствуя ихъ изъ земско-бытовой ствительности и наглядности. Недостаточными оказывались образы ,—ихъ восполняли впослѣдствіи чертами земледѣльческихъ и домашь понятій, а позднѣе, когда стали познавать книжную мудрость, прили и къ болѣе или менѣе отвлеченнымъ представленіямъ. И все таки, временъ отдаленнаго пастушескаго быта до настоящаго времени, ъ простой, сельскій народъ почти нисколько не подвинулся дальше оначальнаго, узкаго, пастушески-земледѣльческаго и домашне-очаго- воззрѣнія на вселенную. Деревенскій мужикъ нашъ, а также и незованный купецъ и мѣщанинъ, сколько уменъ, находчивъ, хитеръ ко изворотливъ въ практикѣ житейской, особенно въ практикѣ мір, закрѣпленной вѣковымъ смысломъ и опытомъ народнымъ,—столько къ прискорбію, близорукъ, невѣжественъ и суевѣренъ въ міросозерца—въ чемъ, впрочемъ, вовсе не онъ одинъ виноватъ... Весь опутанный, ленный, задавленный житейскими заботами, коснѣя почти въ первономъ состояніи непосредственно натуральнаго сельскаго и городскаго йства, весь погруженный, такъ сказать, въ землю, въ земледѣліе, да простое, элементарное ремесло, — простой народъ нашъ едва ли когда звышаетъ серьозно, пристально, пытливо свою мысль въ безпредѣль- высоты мірозданія, едва ли можетъ, при теперешнихъ бытовыхъ и твенныхъ условіяхъ, оторваться отъ земного кругозора и возвыситься бщаго, возможно отчетливаго, разумнаго представленія и обобщенія ъ чудесъ, какія раскрываетъ намъ «Космосъ» Гумбольдта. Онъ и те- не имѣетъ общаго, разумно сознательнаго понятія о мірѣ, и не мыть иначе объ немъ, какъ въ старой формѣ притчи, загадки, пословицы. своемъ вѣковѣчномъ мірскомъ словѣ, въ загадкѣ и пословицѣ, онъ лѣ повторяетъ, съ небольшими измѣненіями, то извѣковѣчное общее рѣніе на вселенную, какое образовалось во времена пастушескаго быта тчасти восполнилось въ послѣдующій періодъ земледѣльческой куль. Привнесены только нѣкоторыя черты изъ средневѣковой исторіи еводства и скотоводства, напр., представленіе звѣздъ подъ образомъ та монастырскаго, астраханскаго, или книжное представленіе о стояніи а и земли, и т. п. Вотъ какія воззрѣнія на вселенную высказываетъ ъ сельскій народъ, въ формѣ загадокъ, въ своихъ пословицахъ: «Ве поле колыбанское, много на немъ скота астраханскаго, одинъ пастухъ, ъ ягодка (небо, звѣзды, мѣсяцъ). Поле поливанское, много скота Ивакаго, одинъ пастырь и два яхонта (небо, звѣзды, Богъ, луна и солнце). морѣ на Коробанскомъ, много скота тараканскаго, одинъ пастухъ Ко-

ролецкій (небо, звѣзды, мѣсяцъ). Широко поле Карагайское, на немъ много скота тараканскаго, одинъ пастухъ, ровно ягодка (тоже). Есть поле сіянское, въ немъ много скота монастырскаго, одинъ пастухъ, словно ягодка (небо, звѣзды, мѣсяцъ). Полна печь перепечей, середи печи коровай (небо, звѣзды и мѣсяцъ). Разстелю рогожку, насыплю горошку, поставлю квасу кадушку, положу хлѣба краюшку (небо, звѣзды, мѣсяцъ, воздухъ, дождикъ). Два стоящихъ, два ходящихъ и два минующихъ (небо и земля, солнце и мѣсяцъ, день и ночь). Два стоятъ, два ходятъ, двое промежъ ними часы стерегутъ (небо и земля, солнце и луна, день и ночь). Цвѣтетъ безъ цвѣту, стоитъ безъ отвѣту, безъ коренья, выше лѣсу, чаще рощи, безъ умолку, безъ перемѣны (Папоротникъ, конь, камень, свѣтелъ мѣсяцъ, часты звѣзды, рѣки, воля Божья). Поле войлочное, огородъ кожаный, овцы аржанскіе, пастухъ уховскій (небо, земля, лѣсъ, лѣшій). Сколько до неба высоко, по землѣ широко, до мертвыхъ далеко? Если бъ высоко, то тамъ бы гремѣло, а здѣсь бы не слыхать было; если бъ широко, то солнышко въ семичасовой день не обошло бы кругомъ; а умеръ отецъ и дѣдъ—такъ ихъ и нѣтъ. Два быка бодутся, вмѣстѣ не сойдутся (небо и земля). Стоитъ дубъ стародубъ, на томъ дубѣ стародубѣ сидитъ птица веретеница; никто ее не поймаетъ: ни царь, ни царица, ни красна дѣвица (міръ, небеса и солнце)» [1]).

Изъ этихъ воззрѣній народныхъ видно, что нѣкоторыя изъ нихъ перешли въ народныя пословицы, черезъ граматниковъ, изъ книжной литературы, изъ азбукъ и прописей, изъ апокрифической бесѣды трехъ святителей, изъ сборниковъ. Старая книжная, особенно апокрифическая литература, сохраняющаяся и теперь въ массѣ народной, не чужда была космологическихъ загадокъ. Напр., въ повѣсти о Дмитріи Кіевскомъ купцѣ и его сынѣ «добромудромъ Смыслѣ» читаемъ: «рече царь (Несмѣянъ Гордяевичъ): тебѣ глаголю, дѣтище, загадку мою: много ли тово, или мало отъ востоку и до западу, — скажи ми? И глагола дѣтище: загадку твою отгадаю: тово, царю, ни мало, ни много—день съ нощію: солнце проидетъ въ кругъ небесный и отъ востоку и до западу единымъ днемъ, а нощію единою солнце проидетъ отъ сѣвера до юга; то тебѣ, царю, моя отгадка». Въ рукописной прописи 1749 года встрѣчаемъ такія общія космологическія загадки: *Вопросъ.* Сколь высоко отъ земли до небесъ, а отъ небесъ до земли, а отъ земли до бездны, сколь глубоко? *Отвѣтъ.* Небесную высоту невозможно человѣку исповѣдать, точію измѣрилъ отъ небесъ до земли и отъ земли до бездны сатана — за гордость сверженъ бысть съ небеси. *Вопросъ.* Два стоятъ и два идутъ и два минуются. *Отвѣтъ.* Два стоятъ — небо и земля; два идутъ солнце и луна, два минуются день и нощь [2]). Въ апокрифич. бесѣдѣ трехъ святителей: В. что есть дивнѣя всего человѣку?—Толкъ: небо и земля дивно и все дѣло Вышняго. В. рече: что высота небесная, широта земная, глубина морская? Иванъ рече: Отецъ, Сынъ и Святый Духъ. Въ одномъ Солов. сборникѣ эта космологическая загадка

[1]) Сборн. пословицъ Даля, подъ словомъ: *вселенная.*
[2]) Архивъ Колачева, кн. III, отд. III, 14—17.

шается такъ: В. что есть широта, и долгота, и высота? Толкъ: знаме-етъ убо высотою *небесная*, глубиною же *преисподняя*, широтою же и лжиною *послѣдняя концы* всесильною державою содержима. Сибо образъ жественный Давидъ воспѣлъ есть, глаголя: аще взыду на *небо*—се есть сота; аще сниду во адъ—се есть *глубина преисподняя*; аще возму крылѣ и рамо—се есть *солнечное восхожденіе*, се есть широта; аще вселюся въ слѣднихъ моря—се есть западныя страны, се есть должина [1]). Такими стыми міросозерцательными загадками занимались древніе книжники, аматники. Сами они ничего не писали о природѣ, и, вотъ, только и пе-писывали такія отрывочныя и большею частію безсмысленныя замѣтки о изическомъ мірѣ, пропитанныя восточнымъ спиритуализмомъ и догма-измомъ. Настоящаго понятія о мірѣ книжники, грамотѣи, такъ же какъ безграмотный народъ, не имѣли. А читали, напримѣръ, такія опредѣле-я міра: «міръ троякъ: первый міръ невидимый, различные родове ангель-іе, разумные духи свѣтовидные; вторый міръ — небо и земля и вся яже нихъ; третій міръ въ грядущемъ вѣцѣ. Сей весь міръ сынъ Божій со-ори» [2]). Или повторяли византійскія уподобленія міра яйцу, возникшія це на востокѣ изъ миѳовъ о космогоническомъ или міровомъ яйцѣ. апр.: «о велицѣ дни и о яйцѣ свидѣтельство Іоанна Дамаскина: небо и мля по всему подобны яйцу: скорлупа аки *небо*, плева яко *облацы*, бѣ-къ яко *вода*, желтокъ яко *земля*,» и т. д. [3]).

Своеобразныя и заимствованныя народныя понятія о мірѣ особенно рактеристично выразились въ разныхъ сказаніяхъ о началѣ и концѣ ра. Почти всѣ индоевропейскія космогоническія преданія, въ основныхъ чалахъ, ведутъ свое происхожденіе отъ пламеннаго восточнаго вообра-нія. Въ древности не знали современныхъ наукъ геогнозіи и геологіи, торыя, на основаніи опытовъ, раскрываютъ намъ грандіозную картину гественно-историческаго самообразованія міра. Тогда только занимались ѳологической космогоніей и, еще частнѣе, геогоніей, такъ какъ землю итали центромъ мірозданія. При отсутствіи положительныхъ знаній, при аменности восточной фантазіи, — восточныя космогоніи наплодили мно-ество разныхъ фантастическихъ ученій о мірозданіи. Всѣ эти восточныя азанія, на разные лады миѳологически варіировавшія ученіе объ обра-ваніи земли изъ яйца разныхъ птицъ, изъ воды, при содѣйствіи огня и оч.—перешли въ началѣ христ. эры къ первоначальному христіанству въ смѣшеніи съ еврейскимъ и христіанскимъ космогоническимъ уче-емъ, породили разныя гностическія ученія о мірѣ и его происхожденіи. изъ этихъ источниковъ, черезъ апокрифы, перешли и къ славянамъ. ревнія космогоническія преданія славянъ, источникъ которыхъ теряется общихъ индо-европейскихъ сказаніяхъ, и которыя сохранились до насъ обломкахъ, въ отрывочныхъ сказаніяхъ, напр., въ преданіи объ образо-

[1]) Сборн. Солов. библ. № 864.

[2]) Рукоп. В. И. Григоровича. Сборн. начинающ. Симфоніей или сводным указ-телемъ текстовъ св. писанія.

[3]) Сл. Plinii, Histor. Natur., t. I, p. 1; ὅμειον τοῦ ᾠοῦ σχήματι κόσμος и проч.

вательныхъ элементахъ *царь-огнѣ* и *царицѣ-водѣ*, объ островѣ буянѣ на морѣ-океанѣ, о космогоническомъ яйцѣ, о голубяхъ, участвовавшихъ въ твореніи міра, объ огненномъ морѣ и огненной рѣкѣ или нептуническомъ и вулканическомъ процессѣ земной внутренности, о дубѣ первопосаженномъ, объ участіи въ твореніи міра чернобоговъ и бѣлбоговъ [1]), и т. п.,— всѣ эти смутныя языческія преданія смѣшались, въ средніе вѣка, съ восточно-христіанскими, и, въ частности, съ апокрифическими, манихейскими и гностикобогомильскими сказаніями. Въ новой, христіанско-апокрифической формаціи, они выразились разнообразно. Въ однихъ преобладаетъ апокрифо-космогоническій, язычески-гностическій и манихейско-богомильскій дуализмъ. Міръ творили, по этимъ сказаніямъ, два начала: предвѣчное, высшее существо Саваофъ (ὁ σαβαωθ) [2]) и противоположное ему темное, злое существо — сатана (ὁ σατανας), по нашимъ народнымъ сказаніямъ, *сатанаилъ* и *чортъ*. Такъ излагается это космогоническое міровоззрѣніе въ извѣстной апокрифической бесѣдѣ трехъ святителей, возникшей подъ вліяніемъ восточно-гностическихъ и манихейски-богомильскихъ ученій, и занесенной къ намъ первоначально, вѣроятно, изъ Болгаріи или Сербіи. Въ одной редакціи ея, вѣроятно, сербо-болгарской, сообщенной намъ В. И. Григоровичемъ, такъ изображается твореніе міра: «прежь земли бысть Господь Саваофъ — въ трехъ комарехъ на воздусѣхъ. И помысли себѣ Господь Саваофъ, безначальный отецъ, и тако отригну отъ сердца и роди возлюбленнаго сына Божія господа нашего Іисуса Христа, изъ устъ своихъ Духъ свой святой испусти о голубинѣ образѣ. И рече Господь: буди небо хрустальное на столпѣхъ желѣзныхъ, на седмидесяти тьмахъ тысящь и будите озера и облаки и звѣзды и свѣтъ и вѣтръ, и дуну изъ нѣдръ своихъ, раи на востоцѣ насади; мразъ — отъ лица Господня, а громъ — гласъ господень въ колесницѣ огненнѣй утвержденъ, а молнія — слово господне изъ устъ Божіихъ исходитъ, а солнце — отъ нутреннія изы господни, понеже Господь лицу своему. И рече Господь: буди тма столповъ на воздусѣхъ. И рече Господь: буди на земли море тивиріадское, вода соленая. И сниде господь по воздуху на море тивиріадское и узрѣ Господь плавающаго на томъ морѣ гоголя, и ста надъ нимъ Господь и рече ему: гоголе, ты кто еси? И рече: сатана азъ есмь. И рече Господь сатанѣ, понурися въ море, и вынь земли и камень, и преломи на двое, изъ лѣвыя руки дасть сатанѣ половину камени, удари Господь жезломъ на камень. И сотвори Богъ отъ искрь огненныхъ Михаила архангела и Гавріила—взлетѣли ангели. Сатана жъ изъ камени (сотвори) бѣсовскую безчисленную силу боговъ. И рече Господь: будите тридесять три кита на морѣ тивиріадскомъ, и буди на тѣхъ китахъ земля» [3]). Это сербо-болгар-

---

[1]) Народныя космогоническія сказанія подробно изложены нами въ Правосл. Собесѣдн., въ апрѣльск. кн. за 1861 годъ. См. также объ этомъ: во Временникѣ статью Афанасьева объ островѣ Буянѣ, Буслаева—историч. очерки народн. литер. 1, 143—150.

[2]) Иначе: πατὴρ ἀγνῶστος, по геллинск. гносису ἡ μόνας, θεὸς ἄρρητος, по египет. гносису βυθός, προπάτωρ, προαρχή.

[3]) Изъ выписокъ В. И. Григоровича: изъ сборника М. Слѣпче. Въ XII вѣкѣ волхвы русскіе высказывали подобное дуалистическое космогоническое представленіе.

ское воззрѣніе сильно отразилось въ нашемъ народномъ космогоническомъ міросозерцаніи. На разныя варіаціи, оно повторяется почти во всѣхъ концахъ русской земли. Не только крестьянскіе граматники, но и дьячки, особенно старые, доселѣ переписываютъ апокрифич. бесѣду трехъ святителей въ свои сборники и тетрадки. По всѣмъ этимъ сказаніямъ, міръ творили Богъ и сатанаилъ или чортъ вмѣстѣ: сатана все больше портлилъ и творилъ безобразныя созданія — гадовъ, мошекъ или неровности земныя — горы, и т. п.; а Богъ творилъ все высшее и прекрасное, все приводилъ въ порядокъ и гармонію. Міръ производится ими изъ горсти земли, или изъ песка, либо камня, взятаго со дна морского, и проч. Разные варіанты и образчики современной, чисто русской народной редакціи космогонической части апокрифической бесѣды изложены нами въ другомъ мѣстѣ. Не повторая ихъ здѣсь, мы приведемъ простонародный русскій разсказъ *о сотвореніи міра* изъ сборника г. Якушкина: «сталъ господи міръ творить, гдѣ народу жить. Распустилъ онъ море-окіянъ: надо землю сѣять. Прибѣжалъ лукавый чортъ, да и говоритъ Господи: «ты, Господи, все творишь: весь міръ сотворилъ, окіянъ-море напустилъ; дай мнѣ хоть землю насѣять!» — «Сѣй!» сказалъ Господи. Сѣялъ, сѣялъ лукавый, — никакого толку! — «Опускайся ты, лукавый, сказалъ Господи, — на самое дно моря, достань ты, лукавый, горсть земли». Опустился лукавый на дно моря, захватилъ лукавый горсть земли; вынурнулъ: глядь — всю землю водою размыло. Опустился въ другой,—тоже: въ горсти нѣтъ земли. Опустился лукавый въ третій разъ, и, по Божьему повелѣнью, оставалась за ногтемъ песчиночка. Богъ взялъ ту песчиночку, и насѣялъ всю землю, съ травами, съ лѣсами, со всякими для человѣка угодьями.—«Будемъ съ тобою, Господи, братьями родными, сказалъ лукавый Господу:—ты будешь меньшой братъ, я большой!»—Господь усмѣхнулся. «Будемъ, Господи, братьями ровными». — Господи усмѣхнулся опять. — «Ну, Господи, ты будешь старшій братъ, я меньшой!»—Возми, говоритъ Господи, возьми меня за ручку повыше локотка: пожми ты ручку ту изъ всей силы». — Лукавый взялъ Господи за ручку выше локотка; жалъ ручку изо всѣхъ силъ; усталъ отъ натуги, а Господи стоитъ да только усмѣхается. Тутъ Господь только взялъ лукаваго за руку: лукавый такъ и присѣлъ. Господи наложилъ на лукаваго крестное знаменіе, лукавый и убѣжалъ въ преисподнюю.—Люди, да еще святые люди, нарицаются сыны Божіи; а лукавый хотѣлъ къ Господу въ братья залѣсть» [1]). Этою сентенціею заключается русскій разсказъ, соотвѣтствующій извѣстной сербской сказкѣ въ сборникѣ Вука Караджича [2]).

Въ другихъ народныхъ русскихъ сказаніяхъ о мірозданіи, подъ вліяніемъ старыхъ миѳологическихъ и новыхъ, библейско-христіанскихъ представленій, выразился своеобразный антропомофически - космогоническій эманатизмъ. Или, просто, различныя части міра производятся изъ тѣла Божія, а человѣкъ—отъ важнѣйшихъ и существенныхъ составныхъ частей

[1]) Лѣтоп. рус. литерат. кн. II (1859), стр. 100.
[2]) Въ сборн. Солов. библ. подъ № 925.

природы. Въ извѣстномъ космогоническомъ стихѣ о Голубиной книгѣ такъ изображается происхожденіе міра и человѣка:

У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ суда Божія;
Солнце красное отъ лица Божьяго,
Самаго Христа Царя небеснаго;
Младъ свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей его;
Звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ;
Ночи темныя отъ думъ Господніихъ;
Зори утренни отъ очей Господніихъ;
Вѣтры буйные отъ Свята Духа;
У насъ умъ-разумъ Самаго Христа,
Самаго Христа, Царя небеснаго;
Наши помыслы отъ облакъ небесныхъ;
У насъ міръ—народъ отъ Адамія;
Кости крѣпки отъ камени;
Тѣлеса наши отъ сырой земли;
Кровь руда наша отъ черна моря.

Это космогоническое міровоззрѣніе, особенно преданіе о сотвореніи человѣка изъ составныхъ физическихъ элементовъ, глубоко вкоренилось въ народныя вѣрованія. Въ бесѣдѣ трехъ святителей, съ небольшими отмѣнами, постоянно повторяется такое представленіе: «Г. р. отъ коликихъ частей сотворенъ бысть Адамъ? В. р. отъ осьми частей: отъ земли тѣло, отъ моря кровь, отъ солнца очи, отъ камени кости, отъ облака мысли, отъ огня теплота, отъ вѣтра дыханіе, отъ свѣта... (по вар.) духъ» [1]. Это космогоническое представленіе о составѣ человѣческой природы доселѣ живетъ въ русскихъ суевѣріяхъ, и именно какъ догматъ въ расколѣ духоборцевъ. Вотъ ихъ ученіе о происхожденіи человѣка: человѣкъ созданъ изъ земли, а Богъ вдунулъ въ него дыханіе жизни. До паденія онъ имѣлъ тѣло лучшаго, совершеннѣйшаго сложенія, или, по ихъ выраженію, онъ былъ въ *мирномъ тѣлѣ*. Они говорятъ, что тѣло въ человѣкѣ отъ земли, кости отъ камня, жилы отъ кореня, кровь отъ воды, волосы отъ травы, мысль отъ вѣтра, благодать отъ облака. Это суевѣріе достойно замѣчанія еще потому, что служитъ дополненіемъ къ стиху о Голубиной книгѣ и совершенно согласуется съ нѣмецкими и другими древнѣйшими преданіями. Въ нѣмецкой поэмѣ о четвероевангеліи XII вѣка такъ же представляется созданіе жилъ изъ корней, волосъ изъ травы, ума отъ облака и глазъ отъ солнца:

[1]) Сборн. Сол. библ. № 925. Послѣднее слово неразобрано въ рукописи. Надобно замѣтить, что по примѣру Григорія Богослова, наши старинные книжники любили сравнивать микрокосмосъ съ макрокосмосомъ, и въ человѣкѣ видѣли отраженіе космоса. Напр., въ вышеупомянутомъ сборникѣ В. И. Григоровича читаемъ: „Богословцы рѣша, яко человѣкъ есть вторый міръ малъ: есть бо *небо* и *земля*, и яже на небеси, и яже на земли, видимая и невидимая: отъ пупа до главы яко *небо*, и паки отъ пупа дольняя его часть яко *земля*; ибо земля имѣетъ силу рождательную и прохожденіе водъ и звѣрей тѣлесоразялительныхъ (sic); тако и въ сей нижней части человѣка сія суть. Паки же въ горней части его, яко на *небеси свѣтила, солнце* и *луна, громъ, вѣтръ*, сице и въ человѣкѣ и во главѣ, очи и гласъ и дыханіе и мгновеніе ока, яко *молнія* скорошественно, наипаче же всѣхъ умъ, вся видяй, видимая и невидимая, и обдержа яко горстію, скорошественъ, проходя невозбранно небо и землю“, и т. д.

Von den wrcen gab er ime (Богъ человѣку) di âdren,
Von dem grase gab er ime daz hâr,
Von den wolchen daz müt
Dù habet er ime begunnen
Der ougen von der sunnen [1]).

По одной колядкѣ Карпатскихъ руссовъ, міръ творятъ два голубка, сидящіе на дубовыхъ древахъ, которыя одни только во всемъ свѣтѣ поднимались изъ всемірнаго, необъятнаго океана. И творили они міръ изъ камушка и песочка. Чтобы видѣть, какъ отдаленное преданіе сохраняется въ памяти народа, хотя и въ неясныхъ, неопредѣленныхъ намекахъ, приведемъ ее сполна:

Колись то було зъ початку свѣта,
Подуй же, подуй Господи, зъ Духомъ Святымъ по землѣ!
Втоды не було неба ни земли,
Неба ни земли, нимъ сине море,
А середъ моря та два дубойки:
Сѣли—упали два голубойци,
Два голубойци на два дубойки,
Почали собѣ раду радити,
Раду радити и гурковати:
Якъ мы маемо свѣтъ основати!
Спустиме мы ся на дно до моря:
Вынеме си дрибного писку,
Дрибного писку, синёго каменьце,
Дрибный писочокъ посѣеме мы,
Синей каменецъ подунеме мы,
Зъ дрибного писку—чорна землиця,
Студена водиця, зелена травиця,
Зъ синего каменьця—синьее небо,
Синьее небо, свѣтле сонейко,
Свѣтле сонейко, ясенъ мѣсячокъ
Ясенъ мѣсячокъ и всѣ звѣздойки [2]).

Эта колядка имѣетъ связь съ цѣлымъ космогоническимъ эпосомъ. Миѳъ о сотвореніи неба и земли отъ птицы ведетъ свое начало съ Востока. По еврейскому преданію, Духъ Святый, въ видѣ голубя, носился надъ міровой матеріей и оживотворялъ ее. По ассирійско-вавилонскому миѳу, въ началѣ положено было въ Евфратъ огромное яйцо Неба, рыба выбросила его на берегъ, *голубь* высидѣлъ это яйцо, и изъ него началъ твориться міръ. По Геродоту, баснословная птица фениксъ, которую нѣкоторые также считаютъ за голубя, юная птица времени, первая образовала изъ мирры

[1]) Въ латинской припискѣ къ одной рукописи X вѣка—такое же представленіе: Octo pondera de quibus factus est Adam: pondus limi, inde factus (sic) est caro; pondus ignis, inde rubens est sanguis et calidus; pondus salis, inde sunt salsae lacrimae; pondus roris, inde factus est sudor; pondus floris, inde est varietas oculorum; pondus nubis, inde est instabilitas mentium; pondus venti, inde est anhela frigida; pondus gratiae, inde est sensus hominis.

[2]) Сборн. русск. дух. стиховъ, сост. Варенцовымъ, 239.

(смирны) яйцо, положила его къ своему отцу, и скрыла въ святилищѣ Геліоса въ Египтѣ: изъ этого яйца развился міръ [1]. По финскому эпосу, въ началѣ, когда ничего не было, кромѣ моря, орелъ свилъ гнѣздо на колѣнѣ Вэйнэмейнена, и положилъ въ него яйцо: Вэйнэмейненъ, почувствовавъ въ себѣ теплоту, ухватился за колѣно; яйцо упало въ море, и онъ сотворилъ изъ него землю, солнце, мѣсяцъ и звѣзды. Касательно двухъ дубовъ, упоминаемыхъ въ колядкѣ, должно замѣтить, что дубъ—дерево міровое, священное, принадлежащее преимущественно Перуну. Подъ образомъ дуба-стародуба, народъ нашъ созерцаетъ вселенную. Такъ въ пословицѣ своей онъ гадаетъ о вселенной: «стоитъ *дубъ-стародубъ*, на томъ дубѣ-стародубѣ сидитъ птица-веретеница; никто ее не поймаетъ: ни царь, ни царица, ни красна дѣвица (міръ, небеса и солнце) [2]. О всемірномъ дубѣ въ одной выдержкѣ изъ рукописи проф. Григоровича читаемъ: «Вопросъ: Скажи мнѣ, что держитъ землю? Отвѣтъ: Вода высока.—Да что держитъ камень?—Четыре золотые кита.—Да что держитъ золотыхъ китовъ?—Рѣка огненная.—Да что держитъ тотъ огонь?—Другой огонь, еже есть пожечь, того огня двѣ части.—Да что держитъ тотъ огонь?—*Дубъ* желѣзный, *еже есть первопосажденъ отъ всегоже, кореніе на силѣ Божіей стоитъ*». Въ бесѣдѣ Панагіота съ Фрязиномъ Азимитомъ такъ описано *міровое древо жизни*: «А посреди рая *древо животное, еже есть божество*. И приближается верхъ того древа до небесъ. Древо то златовидно, въ огненной красотѣ. Оно покрываетъ вѣтвями весь рай. Имѣетъ же листья отъ всѣхъ деревъ и плоды тоже. Исходитъ отъ него сладкое благоуханье; а отъ корня его текутъ млекомъ и медомъ 12 источниковъ». Этому всемірному древу соотвѣтствуютъ греческое космическое дерево Μελία, ясень [3], и особенно скандинавское міровое дерево иггдразиль (Uggdrasil), которое обнимаетъ небо, землю и преисподнюю (Hölle, Flammenwelt, Todtenwelt). Дерево это ясень—fraxinus (askr); вѣтви его простираются на весь міръ и достигаютъ до неба; три корня простираются на три конца: одинъ на небо, по асамъ, другой по hrimpursen, третій по преисподней; подъ каждымъ корнемъ течетъ чудесный источникъ, именно: изъ-подъ небеснаго корня—*Urdarbrunr*, изъ корня ризъ (изъ рода Эльфъ, Норнъ)—*Mimisbrunr*, изъ корня преисподняго—*Hvergelmir*; всѣ эти источники священны. Пѣсня *des Wartburger Krieegs* такъ изображаетъ это всемірное дерево:

> Ein edel *boum* gewachsen ist
> In eime garten, der ist gemacht mit hôher list;
> *Sîn wurzel kan der helle grunt erlangen,*

---

[1]) Sepp, Heidenthum und Christenthnm, Kossmische Theologie, s. 45.

[2]) Пословицы—Даля: *Вселенная*.

[3]) Rink. Religion Hellenen I. Виргилій о распространеніи дерева ясени по всему воздуху и до тартара (Georg. 2, 291) писалъ:

> Aesculus in primis, quae quantum *vortice ad auras*
> *Aeterias*, tantum *radice in tartara tendit.*

У Іоанна Дамаскина въ его αρλααμ καὶ Ιωασαθ есть подобная басня.

Sîn tolde (für: sol der) *rüeret an den trôn*
Dâ der süeze got bescheidet vriunde lôn
Sîn este breit hânt al die welt bewangen;
Der boum an ganzer zierde stât und ist geloubet schoene,
Dar ufe *sitzent vogelîn*
Süezes sanges wise nâch ir stimme fin
Nâch maniger kunst sô haltents ir gedoene [1]).

Наконецъ, надобно замѣтить относительно образованія міра и то, что только въ простомъ православномъ народѣ и духовенствѣ, но и въ самой льшой части образованнаго класса, и не только у насъ, но и на западѣ, селѣ еще господствуетъ еврейское космогоническое міровоззрѣніе. Велия новая наука геологія, возникшая только въ концѣ прошлаго столѣтія столь короткое время и уже въ своемъ дѣтствѣ сдѣлавшая такіе блиательные, положительные успѣхи, одержавшая такія могущественныя бѣды надъ предразсудкомъ и суевѣріемъ, выказавшая столь поразителье свойство увлекать человѣка до высочайшаго вдохновенія,—эта велия, положительная наука, на основаніи нетлѣннаго *песочнаго* и *каменнаго* хива первобытнаго міра, представила намъ въ новомъ, ясномъ свѣтѣ стему міозданія, раскрыла истинно-чудесный процессъ образованія косса, развитія міровыхъ тѣлъ, вслѣдствіе дѣйствія могучихъ силъ, неразчныхъ съ міровымъ веществомъ. Образованіе планетной системы, по ликому закону всеобщаго тяготѣнія, изъ газовиднаго шарообразнаго рового вещества, образованіе земли изъ эфирнаго воздухообразнаго вещева, которое постепенно обратилось въ жидкое, расплавленное и застыющее тѣло, переплавленіе застывшаго, развитіе коры, ея превращеніе дою въ многослоистую скорлупу, проламываніе послѣдней внутреннею ідкою массою, постепенное заселеніе земли и ея преобразованіе въ поверхсть, годную для лучшей растительности, выше развитыхъ животныхъ человѣка,—вотъ что представляетъ дѣйствительно чудесный естественноторическій процессъ развитія міозданія. Этотъ космическій процессъ, тественно, объемлетъ милліоны лѣтъ, и для означенія его продолжильности недостаточно времени въ тысячу разъ дольше древности истоі человѣчества.

Знаменитѣйшій изъ астрономовъ—Лапласъ восклицаетъ: «Философъ, кажи мнѣ руку, которая метнула планетами по направленію касательіхъ ихъ круговращеній». Новѣйшая наука указываетъ, что эта рука ключается въ силахъ, которыя неразлучны съ веществомъ и вполнѣ дтверждаютъ, что онѣ обусловливаютъ нынѣшнюю форму міра, не могуаго быть иначе, по ихъ законамъ. До такого убѣжденія въ самодѣятельсти силъ космическаго вещества дошелъ теперь человѣческій разумъ. что было тогда, когда и не подозрѣвали присутствія подобныхъ сокронныхъ силъ и законовъ міра? Какихъ дѣятелей предполагали въ сохраніи и управленіи вселенной? На это отвѣчаетъ ужъ не геологія, астроміа и физика, а народная миѳологія. Какъ Демокритъ, характеризуя

[1]) D. M. Grimm, 757.

гелленскій космологическій политеизмъ, восклицалъ о каждомъ мѣстѣ, войди, и здѣсь боги! такъ и всѣ народы, въ эпоху младенческаго, миѳологическаго міроозерцанія весь міръ наполняли богами и духами. Такое же религіозно-политеистическое, многобожное міровоззрѣніе развивалось и у славянъ передъ временемъ принятія христіанства. Вовсе не зная и не подозрѣвая въ мірѣ дѣятельности силъ, сопряженныхъ съ веществомъ и съ механизмомъ мірозданія, — славяне-язычники повсюду въ природѣ видѣли дѣйствующими боговъ и другихъ высшихъ, сверхъестественныхъ существъ: въ небѣ видѣли напр. Сварога, въ солнцѣ — Хорса Дажьбога, въ громѣ и молніи—Перуна, въ огнѣ—Сварожича, въ водѣ и воздухѣ — вилъ и русалокъ, въ деревьяхъ — дивъ и т. д. Церковь, хотя съ большимъ и продолжительнымъ трудомъ, но мало по малу успѣла привить къ сохранившейся у славянъ вѣрѣ въ единаго верховнаго бога природы вѣру въ библейско - христіанскаго Бога, какъ Владыку и Повелителя міра. Сама церковь вполнѣ усвоила это восточно-библейское міровоззрѣніе. По этому міросозерцанію, весь міръ есть непосредственное проявленіе воли и дѣятельности Господа, грознаго владыки и повелителя вселенной. Не только все на земной планетѣ, но и весь звѣздный міръ представляются существующими для службы человѣку и для безусловнаго исполненія воли вездѣсущаго и всемогущаго владыки мірозданія. Въ такомъ смыслѣ, церковь передавала свое воззрѣніе на міръ массамъ русскаго народа. Такъ напр., въ древнемъ словѣ св. отецъ о постѣ преподавалось такое міровоззрѣніе: «О братія, сестры, отцы и матери! Какъ намъ не бояться Господа своего и не творить волю его! Онъ сотворилъ небо и землю и море и все, что въ нихъ находится; взявъ отъ земли, сотворилъ наше тѣло, и не только тѣло, но и душу вдохнулъ и живыми насъ сдѣлалъ. Онъ сотворилъ также ангеловъ, архангеловъ, херувимовъ и серафимовъ, престолы и господствія; сотворилъ солнце и мѣсяцъ и звѣзды, озера и рѣки и источники, всѣ горы и холмы, вѣтры, снѣги и дожди, скотовъ, и звѣрей, и птицъ и гадовъ, и всякое земное древо. И все это боится Бога и трепещетъ и не преступаетъ его повелѣнія, но все пребываетъ въ своемъ уставѣ. Служа роду человѣческому, не преступая повелѣнія его, земля даетъ плоды свои въ достояніе людямъ: жита, траву, древа, цвѣты, плоды всякаго рода земныхъ овощей, — намъ на потребу и на пищу скотамъ и звѣрямъ, птицамъ и гадамъ и всякому земному дыханію. Свѣтъ, освѣщая землю, исполняетъ повелѣніе Божіе. Солнце, осіяя и грѣя всю землю, восходя и заходя и служа людямъ, также исполняетъ повелѣнія Божіи. А также луна и звѣзды стоятъ на стражѣ всю ночь, восходятъ и заходятъ, даютъ свѣтъ людямъ, показываютъ всѣмъ путешествующимъ путь по морю, по рѣкамъ и по озерамъ. Точно также и море и озера и рѣки и источники служатъ людямъ: переносятъ на корабляхъ, посредствомъ вѣтровъ, по повелѣнію Божію, изъ города въ городъ; служатъ путемъ, лѣтомъ черезъ море перенося въ ладьяхъ и челнахъ, а зимой на возахъ; напояютъ водами, кормятъ всякими рыбами, омываютъ насъ: такъ намъ служатъ, боясь творца своего. Также и огонь творитъ, повинуясь Господу, служа людямъ: грѣетъ, варитъ, печетъ, производитъ жаръ, сушитъ, все

совершая намъ на потребу. Если же чего Господь не повелитъ творить, то все стоитъ въ уставѣ своемъ, не смѣя ничего сотворить; если же чему Господь повелитъ что-либо произвести, то произведетъ по Божiю повелѣнiю и усмотрѣнiю; само по себѣ ничто не смѣетъ производить: ни земля, ни море, ни рѣки, ни озера, ни источники, ни кладези, ни горы, ни пропасти, ни огонь, ни звѣри, ни гады, ни рыбы, ни морозъ, ни снѣгъ, ни вѣтры и никакая тварь. Или, и этому не повѣрите, безумные люди! Такъ помыслите и разсудите, чего нѣтъ въ нашемъ тѣлѣ? Въ нашемъ тѣлѣ—огонь, зима, глисты, черви; но все лежитъ недвижимо, боясь Бога, не смѣя ничего причинить нашему тѣлу; если же Господь повелить чему либо въ насъ произвести недугъ, то тяжкую болѣзнь произведетъ въ нашемъ тѣлѣ и, по Божiю повелѣнiю, причинитъ смерть. Все, братiе, боится Бога и трепещетъ повелѣнiй его.... А мы Господа Бога своего забываемъ и не исполняемъ волю его. А какъ намъ не чтить его? Ибо самъ говоритъ намъ въ *Пчелѣ*: почему, человѣче, ты меня не умѣешь почитать? А я для тебя свѣтъ сотворилъ, небо простеръ и землю на водахъ основалъ, море налилъ горстью, пескомъ оградилъ; для тебя сотворилъ озера и рѣки и источники; для тебя солнце, луну и звѣзды украсилъ; для тебя всякое древо насадилъ и траву произрастилъ; для тебя огонь соотворилъ, пустилъ дождь и снѣгъ. И все это меня боится, и трепещетъ, и не преступаетъ повелѣнiй моихъ» [1]).

Такой взглядъ на мiроправленiе проникъ и въ памятники народной письменности. Здѣсь вся природа представляется послушною служебницею, покорною рабою Господа вселенной, глубоко сочувствующею правосудiю Его, соболѣзнующею о грѣхахъ людскихъ, готовою всѣми силами своими наказать людей—за оскорбленiе Владыки мiра. Съ особенною изобразительностью выразился этотъ образъ воззрѣнiя на природу въ слѣдующемъ апокрифическомъ «Словѣ отъ видѣнiя Павла апостола: «Тако глаголетъ Господь пророкомъ: доколѣ согрѣшаете и прилагаете грѣхи на грѣхи, и прогнѣваете сотворшаго вы.... Вся бо тварь велѣнiю Божiю повинуется; только человѣцы преступаютъ Божiю заповѣдь [2]). *Солнце* многажды бо моляшеся Богу галголя: Господи, вся содержай, и доколѣ неправдѣ человѣчь терпиши и беззаконiи многихъ! Вели, Господи, да ихъ пожгу, да не творятъ зла. И гласъ ему бысть глаголя: азъ вся си свѣдѣхъ, и видитъ око мое, но трьплю имъ, покаянiю дая время; аще ли не

[1]) Правосл. Собес. 1858 г. № 1.

[2]) Эта мысль подробно развивается во многихъ старинныхъ поученiяхъ, т. е. что Богъ сначала все въ мiрѣ сотворилъ прекраснымъ, и что все въ природѣ исполняетъ волю его—и солнце, и луна, и звѣзды, и моря, и рѣки, и озера, и земля, и горы, и холмы, и вѣтры, и дождь, и свѣтъ, и звѣри, и гады и птицы, и проч.: только одинъ человѣкъ палъ, и нарушаетъ волю Творца. Эта мысль была обычна и въ нѣмецкихъ средневѣковыхъ легендахъ и новеллахъ, напр. въ легендѣ Lobgesang auf dem heiligen Hanno. Dichter, — говоритъ Гервинусъ, beginnt mit der Schöpfung der zweigetheilten Körper- und Geisterwelt, die im Menschen verbunden ist. Gottes Schöpfung war gut; *Mond und Sonne und Sterne, Donner und Wind, und alle seine Werke wandeln ihren angewiesenen Pfad*, nur die zwei edelsten Geschöpfe nicht. Lucifer schied sich von den Frommen und der Mensch sank durch Verführung, и проч. Geschichte d. Deutschen Dichtung I. 157.

покаются, то сужу имъ тогда. *Мѣсяцъ* же и *Звѣзды* молящеся Богу глаголюще: намъ, Господи, далъ еси область свѣтити въ нощь: доколѣ призримъ на беззаконное блудство, и кровь проливаему, и давленіе дѣтей, и разбойство, и татьбы? Повели намъ, да погубимъ зло творящая человѣки. И бысть имъ гласъ глаголющь: видитъ вся око мое, но чаю обращенія ихъ; аще ли не каются, сужю имъ тогда. *Море* же и *рѣки* вопіяху молящеся Богу: рци намъ, Господи, да потопимъ злые человѣки, иже по намъ плавающи, разбиваютъ и творятъ злая. И бысть гласъ къ нимъ: Азъ вся та видѣхъ, но аще не покаются, сужу имъ тогда. И *земля* возопи и просящися на человѣки; азъ, Господи, паче тварей всѣхъ осужена есьми: не могу блудъ, разбоя, татьбы и влъхвованія, клеветы и прочихъ трьпѣти злобъ, яко сынъ досаду родителемъ творитъ, и дщи матери, и братъ брату: много неправды человѣцы творятъ: повели ми, Господи, да не проращу всѣянныхъ за злобъ ихъ, да гладомъ изомрутъ. И бысть гласъ глаголя: азъ убо видѣхъ вся и ничто ся мене не утаитъ, вся бо суть обнажена предъ очима моима; аще кто ся не покаетъ, азъ сужю ему» [1].

Подъ вліяніемъ такихъ церковныхъ и апокрифическихъ богословскихъ воззрѣній на физическое міроправленіе, мало по малу глубоко укоренилась и въ народномъ міросозерцаніи вѣра въ міровую державу единаго Бога вселенной, вмѣсто владычества многочисленныхъ языческихъ боговъ природы. Солнце, мѣсяцъ, громъ, молнія, дождь, земля, самыя священныя божества въ циклѣ земледѣльческаго міровоззрѣнія, низошли съ высоты религіозно-языческой апотеозы, божественнаго міродержавія, — и уступили мѣсто единому Богу, Творцу вседержителю вселенной. Мысль эта чрезвычайно изобразительно выражена въ одной карпато-русской пѣснѣ, гдѣ свѣтлое солнышко, ясный мѣсячокъ и дробенъ дождичекъ представлены въ гостяхъ у земледѣльца соперничествующими другъ передъ другомъ своимъ благодѣтельнымъ вліяніемъ на жизнь природы, и надъ ними—владычествующій Богъ, повелѣвающій и солнцу, и лунѣ, и дождямъ:

Ци дома бывашь, пане господарь?
Твои рынойки позамѣтаны,
Твои столойки понакрываны,
За твоимъ столомъ три гостейки,
Гостейки трои не еднакіи:
Еденъ гостейко—свѣтле сонейко;
Другій гостейко—ясенъ мѣсячокъ;
Третій гостейко—дробенъ дождейко.
Сонейко гваритъ: нѣтъ якъ надъ мене!
Якъ я освѣчу горы, долины,
Церкви, костелы и всѣ пристолы.
Ясенъ мѣсячокъ: нѣтъ якъ надъ мене!
Якъ я освѣчу темну ночейку,
Возрадуются гости въ дорозѣ,
Гости въ дорозѣ, волойки въ возѣ.
Дробенъ дождейко: нѣтъ якъ надъ мене!

[1] Измарагдъ, рукоп. Солов. № 270 л. 200—201. Сборн. Солов. библ. № 803 л. 30.

Якъ я прейду три разы на ярь,
Три разы на ярь мѣсяца ярьця,
Возрадуются жита, пашници,
Жита пашници, всѣ ярници.
Нѣтъ якъ надъ Тебе, великій нашъ Боже
Ты кажешь мѣсяцю: свѣти всему свѣту!
Ты кажешь сонейку: свѣти всему свѣту!
Ты кажешь дождейку: мочи суху землю!
Роди, боже нашъ, жито, пшеницю,
Жито пшеницю, усяку пашницю!

Богословское воззрѣніе на физическое міроправленіе перешло и въ ныя пословицы, въ этотъ кодексъ своеобразнаго народнаго міросозер- Въ Сборникѣ Даля, подъ словами: *Богъ—вѣра,* множество посло- въ родѣ слѣдующихъ: «Все отъ Бога, всяческая отъ Творца. а—свѣта сначала свѣта все доспѣто. Божеское не отъ человѣка, а ѣкъ отъ Бога. Велико имя Господне на земли. Въ малѣ Богъ, и въ ѣ Богъ. Божья вода по божьей землѣ бѣжитъ. Божья роса Божью кропитъ. Дастъ Богъ день, дастъ Богъ и пищу. Послѣ стрижки дь на овецъ тепломъ пахнетъ. Съ Богомъ хоть за море. Не конь , Богъ несетъ. Богъ души не вынетъ, сама душа не выйдетъ. Все ѣ творится не нашимъ умомъ, а божьимъ судомъ. Грозную тучу пронесетъ. Безъ Бога и червякъ сгложетъ. Богъ не захочетъ, и ь не вскочитъ. Богъ не Макешь (или: Мокошь, языческое божество), нибудь да потѣшитъ. Коли Богу угодно. Коли Богъ велитъ. Какъ попуститъ. Умная голова, разбирай Божьи дѣла. Божье тепло, и холодно. Богъ вымочитъ (дождемъ), Богъ и высушитъ. Который— вымочитъ, тотъ и высушитъ. Власть Господня, воля Божья. Богомъ ходишь—божью волю носишь. Господня воля—наша доля. не Никитка, по выломаетъ лытки. Коли Господь не построитъ дома, вѣкъ не построитъ. Утромъ Богъ, и вечеромъ Богъ, а въ полдень полночь никтоже, кромѣ Его», и проч. Такія благочестивыя пред- нія нашего народа, къ сожалѣнію, часто доходятъ до авося и рози- ны.

Естественно-историческій процессъ развитія міровыхъ тѣлъ, планет- стемы еще не кончился теперь, и съ могучей силой совершается, вѣстнымъ законамъ космическаго вещества и тяготѣнія, въ разныхъ къ мірозданія. Взглянемъ ли, напримѣръ, на небо? Сквозь новые, іе телескопы, мы увидимъ тамъ около 4,000 туманныхъ пятенъ, какъ ившихся свѣтящихъ точекъ тусклаго блеска. Многія изъ нихъ—од- азны, круглы и эллипсоидальны. Вотъ эти чуть свѣтящія туманныя , по выводамъ современной астрономіи, суть ничто иное, какъ раз- щіяся звѣзды и звѣздныя системы—огромныя свѣтовыя массы, ко- въ теченіе сотенъ и тысячъ лѣтъ постепенно сгустятся и обратятся овыя тѣла и системы міровъ. «То, что теперь кажется однимъ ту- ымъ пятномъ, современемъ будетъ блестѣть группою звѣздъ, и была когда повсюду существовало ничто иное, какъ безграничная масса

тумана», говоритъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ астрономовъ, Медлеръ. Заглянемъ ли во внутренность земли! Тамъ не прекратилась, напримѣръ, міροобразовательная вулканическая дѣятельность. Внутренняя дѣятельность земли съ гигантскимъ могуществомъ приподымаетъ почву на большемъ или меньшемъ пространствѣ, и эта сила донынѣ преобразуетъ земную поверхность, видъ которой слѣдовательно не установился еще окончательно. Когда закончится этотъ процессъ установленія земной планеты,— нынѣ рѣшительно невозможно опредѣлить. Несмотря, однакожъ, на эту незаконченность міροобразовательнаго процесса, суевѣріе человѣчества, не дознавши еще, въ темный средній вѣкъ, космическихъ законовъ самосохранности міра, давно стало ждать разрушенія и кончины міра. Даже Ньютонъ, великій Ньютонъ, законодатель «всеміpнаго тяготѣнія», вычисливъ силы, рождающіяся отъ взаимнаго дѣйствія планетъ и спутниковъ, пришелъ въ недоумѣніе отъ ужасающей сложности этихъ силъ и думалъ, что сложная система не заключаетъ въ себѣ элементовъ самосохраненія, и что рука Всемогущаго должна повременамъ исправлять необходимый безпорядокъ. Въ вѣкъ Лапласа, ученыя общества съ сокрушеніемъ смотрѣли на приближающееся разрушеніе солнечной системы. На такой важный вопросъ Парижская академія наукъ почла обязанностью обратить вниманіе ученыхъ всего свѣта. Знаменитный творецъ «Небесной Механики», Лапласъ открылъ тайну *остойчивости*, самосохраненія солнечной системы, доказавъ, что: 1) всѣ планеты обращаются по одному направленію; 2) орбиты ихъ весьма мало отличаются отъ окружностей, и 3) какъ ихъ взаимныя наклоненія, такъ и наклоненія къ эклиптикѣ имѣютъ незначительныя величины, и проч. Далѣе, и въ самой землѣ, въ самыхъ разрушительныхъ, вулканическихъ ея процессахъ, есть благодѣтельныя условія самосохраненія земной планеты. Напримѣръ, постоянное измѣненіе земной поверхности внутреннею силою необходимо для поддержанія ея обитаемости. Въ противномъ случаѣ, земныя влаги, при своемъ стремленіи уравнивать, современемъ уничтожили бы всѣ неровности, такъ что наконецъ вся поверхность нашей планеты покрылась бы моремъ. Точно также, вулканы составляютъ необходимые ходы, соединяющіе поверхность земли съ ея раскаленною и отчасти расплавленною внутренностью. Если перемѣна формы земной оболочки упругостью паровъ составляетъ необходимость, то существованіе дѣятельныхъ вулкановъ можно назвать благодѣяніемъ. Пока огнедышащая гора дымится, предохранительный клапанъ огромнаго парового котла открытъ, и внутренность нашей планеты, постепенно освобождаясь отъ паровъ, не угрожаетъ повсемѣстными разрушительными землетрясеніями. Несмотря, однакожъ, на это, суевѣрные люди именно въ землетрясеніяхъ видѣли вѣрный признакъ конца міра и ждали его отъ внутренней вулканической и плутонической дѣятельности земли.

Въ нашемъ народномъ міросозерцаніи суевѣрное ожиданіе кончины міра стоитъ въ связи съ языческими преданіями. Какъ произошелъ міръ, по языческой космогоніи, отъ *царя-огня* и *царицы-воды* и основался на *китахъ*, такъ и будущее разрушеніе его приписывается тому же огню подземному и миѳическому огнеродному чудовищу океана-киту великому. Мы

ли, какое представленіе господствовало въ старинной книжной космо- о подземномъ *огнѣ*, имѣющемъ *пожечь міръ*, и объ *огненной рѣкѣ*. росъ: скажи мнѣ, что держитъ землю? Отвѣтъ: вода высока.—Да что житъ воду?—Великій камень.—Да что держитъ камень?—*Четыре золо- кита*.—Да что держитъ золотыхъ китовъ?—*Рѣка огненная*.—Да что житъ тотъ *огонь?—Другой огонь, еже есть пожечь, того огня двѣ части»*. апокрифич. бесѣдѣ трехъ святителей по Солов. сборн. № 925 также ставляется, что «земля плаваетъ на великомъ морѣ и держится *на ахъ*, а вокругъ и на днѣ моря — желѣзное столпіе, стоитъ на *огнѣ не- мо́мъ»*. По другому варіанту, въ огненномъ морѣ или въ огненной живетъ плутоническое или вулканическое чудовище — *великорыбіе, одный китъ* или *змій* елеафамъ: китъ этотъ, хотя и пребываетъ въ океанѣ, но изъ устъ его исходятъ *громы пламеннаго огня*, далеко вы- ющіе, *яко стрѣлено дѣло*, изъ ноздрей его выходитъ духъ, *яко вѣтръ ый*, который *раздымаетъ огнь геенскій* [1]). Этотъ-то китъ, на которомъ вана будто бы земля, и который самъ держится *огненною рѣкою*, по днымъ сказаніямъ, и разрушитъ міръ: если онъ задвижется, заколеб- , то потечетъ рѣка огненная, и настанетъ конецъ міра. Такія миѳо- ческія понятія перемѣшались потомъ съ христіанскими и даже цѣли- удержались въ народѣ. Такъ напр., въ «повѣсти града Іерусалима о Волотѣ Волотовичѣ» сказано о свѣтопреставленіи отъ кита: «Земля тъ на осьмидесяти китахъ рыбахъ меньшихъ, да на трехъ рыбахъ шихъ... А рыба рыбамъ мать китъ рыба великая: какъ та рыба взыграется и пойдетъ во глубину морскую: *тогда будетъ свѣту пре- леніе»*. Миѳологическое преданіе объ *огненной рѣкѣ* уже въ XVII в. шло въ духовные народные стихи о кончинѣ міра и страшномъ судѣ, мы знаемъ по одному соловецкому сборнику, и доселѣ повторяется. ., въ одномъ стихѣ о страшномъ судѣ читаемъ:

Подымутся съ неба волменскій громъ (молнія и громъ),
Волменскій петры громъ трикающій (молнія, вѣтры).
Приразитъ народу много грѣшнаго ко сырой землѣ,
Росшибетъ мать сыру землю на двѣ полосы.
Роступится мать сыра земля на четыре четверти,
Протечетъ грѣшнымъ рабамъ *рѣка огненна*
Отъ востоку солнца до запада,
Пламя пышетъ отъ земли и до небеси.
Съ небесъ сойдутъ на̀ землю святы ангелы,
Погонятъ грѣшныхъ рабовъ въ рѣку огненну [2]).

аническое существо, миѳическій огнеродный змій, въ христіанскихъ дныхъ сказаніяхъ замѣняется уже антихристомъ, такъ какъ уже въ вѣкѣ волхвы, подъ вліяніемъ христіанскихъ понятій, называли своихъ

[1]) Солов. Сборн. Историч. очерки русской литературы Буслаева 1, 462.
[2]) Сборникъ дух. стих. состав. Варенцовымъ, 167.

боговъ бездны антихристами. Въ нѣмецкихъ средневѣковыхъ сагахъ точно также представляется конецъ міра, какъ и въ нашихъ народныхъ сказаніяхъ. Муспилли (Muspilli) откроется при свѣтопреставленіи: тогда земля и все, что на ней есть, загоритъ огнемъ пламенемъ. По Эддѣ, Суртръ (Surtr), высшее вулканическое существо, возстанетъ со всѣми силами Муспилли, подниметъ брань съ богами и побѣдитъ ихъ, а міръ весь зажжетъ своимъ огнемъ пламенемъ. Въ нѣмецкой поэзіи образъ Суртра ужъ тоже смѣшивается съ христіанскимъ представленіемъ объ антихристѣ, которое первоначально основалось на 11-й главѣ апокалипсиса, и потомъ изъ іудейскихъ идей развилось далѣе. Какъ по нѣмецкой сагѣ о Муспилли, когда наступитъ разрушеніе міра, то снова явится Илья громовержецъ, а по землѣ всей разольется огонь-пламя, и воспламенятся горы, загоритъ небо и земля (prinnit mittilagard), затмится солнце и луна и будетъ землетрясеніе (Landskiâlfti, erdbibunga) [1]: такъ точно, и по нашимъ народнымъ стихамъ о свѣто-преставленіи и страшномъ судѣ, при концѣ міра, явится во плоти молніеносный Илія, потечетъ рѣка огненная отъ востоку солнца до запада, и пламя запышетъ отъ земли до небеси, солнце и мѣсяцъ померкнутъ, звѣзды спадутъ съ неба, и міръ кончится [2].

Суевѣрныя ожиданія кончины міра, въ средніе вѣка, сильно смущали духъ народный, какъ у насъ, такъ и на западѣ. Возникши вмѣстѣ съ ученіемъ хиліазма, предсказанія конца міра усилились подъ вліяніемъ астрологіи. Къ намъ они проникли частію изъ Византіи, частію съ запада, и усилились подъ вліяніемъ церковныхъ и политическихъ событій русской исторіи съ XV до XVIII столѣтія. На западѣ въ то время, особенно начиная съ IX и X столѣтія, эти предсказанія связывались исключительно съ астрологическими комбинаціями. Такъ напр., въ 1179 году астрологи разослали во всѣ страны письма, въ которыхъ предвозвѣщали на 1186 годъ кончину міра и человѣческаго рода, и тѣмъ навели на всѣхъ паническій страхъ. Еще большій ужасъ возбудило предсказаніе Іоанна Stoffler'а, что въ 1524 году міръ погибнетъ отъ новаго потопа. Ужасъ проникъ во всѣ сословія въ Германіи, Франціи, Испаніи, Италіи, Голландіи, Англіи и Скандинавіи. Люди дѣлали нелѣпѣйшія приготовленія для своей безопасности, строили ковчеги и т. п. Правители потребовали мнѣнія объ этомъ у своихъ придворныхъ астрологовъ и священниковъ; между тѣми и другими возникла самая ожесточенная письменная война. Потомъ, новый ужасъ возбудилъ Cyprianus Leovitius, придворный математикъ курфюрста Отто Генриха пфальцскаго, по звѣздамъ предсказавшій кончину міра на 1584 годъ. Столько же шума надѣлалъ ректоръ Paul Nagel въ Torgau, предсказавъ на 1624 годъ наступленіе тысячелѣтняго царства. Многіе предрекали кончину міра на 1643 годъ. Въ этомъ году, именно 2-го марта (н. с.) должно было быть такъ называемое наибольшее, осьмое и послѣднее соединеніе Юпитера съ Сатурномъ въ головѣ Овна. По смыслу одного древняго астрологическаго преданія, міръ былъ сотворенъ при этомъ

[1] Grimm, Д. М. 771—772.
[2] Сборникъ дух. стиховъ Варенцова, 138. См. также Сборникъ Кирѣевскаго.

соединеніи; потому при немъ же долженъ былъ и разрушиться. Изъ лютеранъ, одни (напр. Раймеръ) полагали конецъ міра въ 1673 году; другіе, напр., Меланхтонъ—въ 1680 году; третьи—въ 1688. А нѣкоторые, принимая въ основаніе своихъ гаданій то же самое апокалипсическое пророчество, которымъ руководился напр. и нашъ писатель книги о вѣрѣ въ своихъ гаданіяхъ, годъ кончины міра относили на тотъ же самый 1666 годъ, когда и наши суевѣры ждали конца міра [1]).

Латино-нѣмецкія астрологическія предсказанія конца міра проникли и къ намъ, особенно съ XVI вѣка. Въ Россіи ужъ и безъ того настроены были къ ожиданію конца міра. Съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства на Руси, переведено было и въ высшей степени распространилось извѣстное слово Ипполита *о кончинѣ міра* [2]). Въ XVI и XVII вѣкѣ его постоянно читали въ многочисленныхъ сборникахъ. Въ это время, самая большая часть памятниковъ церковной письменности наполнена была сказаніями о кончинѣ міра [3]). Къ тому же, тяжелое впечатлѣніе, произведенное на русскихъ паденіемъ Константинополя, сопровождавшимся будто бы, по хронографамъ, необыкновенными явленіями на небѣ, помраченіемъ солнца и т. п., потомъ подошедшій въ тотъ же вѣкъ конецъ «седьмой тысящи лѣтъ отъ созданія міра», а съ нимъ вмѣстѣ—и окончаніе стараго міротворнаго круга—все это сильно настроило невѣжественные умы къ суевѣрнымъ предположеніемъ о кончинѣ міра [4]). А тутъ какъ разъ явился среди русскаго на-

---

[1]) Шлейдена, Этюды, 216. Diatriba de signo filii hominis, Matheri, lib. III, p. 83. Cornelii a Lapide in Math. 24, 36. Павловъ—о происхожд. раскольнич. ученія объ антихристѣ. Правосл. Собес. 1858, іюнь.

[2]) Λόγος περὶ τῆς συντελείας του κόσμου καὶ περὶ τοῦ ἀντιχρίστου.

[3]) Таковы: слово Ефрема Сирина объ антихристѣ и кончинѣ міра (опис. рук. Царскаго стр. 33. 40); Андрея Константинопольскаго — о послѣдемъ времени и о пришествіи отъ бездны антихриста (Толст. стр. 291); Ипполита, папы римскаго — о кончинѣ міра и объ антихристѣ; въ одномъ сборникѣ XVI вѣка, находящемся въ Солов. библіотекѣ, оно помѣщено въ сокращеніи и съ слѣдующимъ русскимъ послѣсловіемъ: „аще кто имать умиленіе и слезы въ молитвахъ и молитца Господеви, да избавитъ отъ скорби тоя великія (кончины міра), хотящія пріити на землю, да не увидитъ отнюдь, ни паки же да слышитъ страшныхъ, на всѣхъ мѣстѣхъ бывающихъ; трусъ, гладъ смерти различны", и проч. Сборникъ Солов. библ. № 818 и 230.

[4]) Еще въ концѣ XV в., въ Новгор. Пасхаліи, противъ послѣдняго года (1492) написано было: *„здѣ страхъ, здѣ скорбь,* аки и въ распятіи Христовѣ сей кругъ бысть, сіе лѣто и *на конецъ (міра) явися*, въ немъ же чаемъ и *всемірное твое пришествіе"*. По случаю этой приписки, по словамъ новгор. архіеп. Геннадія, „ино о томъ молва была въ людяхъ, не токмо въ простыхъ, но и въ преимущихъ, о семъ многымъ сумнѣніе бысть", т. е. всѣ пришли въ страшное смущеніе. Геннадію поручено было составить новый міротворный кругъ или пасхалію. Онъ писалъ по этому случаю: „повелѣно бысть отъ господина отца нашего Зосимы митрополита всея Русіи мнѣ учинити пасхалія на осьмую тысящу, понеже седьмтысящное время прейде, да и пасхалія рядовая съ толкомъ изошла, *и нѣцыи мнѣша, яко скончаваемѣ седьмой тысящи быти и скончанію міру, якоже и преже скончаваемѣ шестой тысящи сицевое же мнѣніе одержаша людіе*... Да и о семъ явлено сътворимъ, яко пасхалія не ново составлена бысть, ниже имать скончатися, *донележе благоволитъ Богъ міру скончаніе пріяти*, понеже Алфа и *крузи солнечныя и лунныя* и рукамъ обхоженіе, отъ нихъ же високосъ и пасхалія исходитъ, *сіе уставлено коловратно и конца не имать, того ради, что скончаніе міру будетъ безвѣстно*... Да сіе (пасхалію на осьмую тысячу) написали есьмя простыхъ дѣле людей мнѣніе държащихъ о сконча-

рода, для распространенія латинскихъ заблужденій, извѣстный «Николай Нѣмчинъ родомъ, латинянинъ вѣрою». На основаніи астрологическихъ наблюденій, онъ предсказывалъ «о лѣтѣ 32, что будетъ въ то лѣто вселенныя странамъ и царствамъ и областемъ и градомъ и обычаямъ и достоинствамъ и скотомъ и бѣлугамъ морскимъ вкупѣ всѣмъ земнороднымъ несумнѣнное премѣненіе и измѣненіе: въ то лѣто неузрится солнце, по россійскому счету лѣтъ 7032 отъ начала міра [1]). На такое сочиненіе Николая Нѣмчина писалъ отвѣтъ инокъ Елеазаровой обители Филоѳей къ Псковскому дьяку Мисюрю Мунехину. Филоѳей хотя и не вѣрилъ астрологическимъ предсказаніямъ Николая Нѣмчина, но по современнымъ судьбамъ міра и церкви заключалъ, что близко уже кончина міра. «О царствахъ и странахъ, писалъ онъ, премѣненіе не отъ звѣздъ приходитъ, но отъ вседающаго Бога... Да внемли, Господа ради, въ которую звѣзду стали христіанская царства, яже нынѣ попрани отъ невѣрныхъ... Девятдесятъ лѣтъ, какъ греческое царство разорися, и не созиждется... И да вѣси, христолюбче, яко вся христіанская царства пріидоша въ конецъ, и снидошася во едино царство нашего государя», и т. д. Поэтому, царю и народу Московскаго государства Филоѳей совѣтуетъ «не на звѣзды уповать, а на вседающаго Бога» и усердно молить его о предотвращеніи отъ русской земли послѣдняго времени, скончанія, предреченнаго въ апокалипсисѣ [2]). Затѣмъ, страшныя смуты, ознаменовавшія рознь всѣхъ великихъ царствъ и государствъ великаго Московскаго царствія, унія и борьба православія съ папскимъ католицизмомъ, разныя суевѣрныя сказанія о небесныхъ видѣніяхъ, наплывъ иностранцевъ, преобразованія Московскаго государства по иноземнымъ обычаямъ, моры, явленія метеоровъ, безпрестанные народные бунты второй половины XVII в., такія сочиненія, какъ толкованіе XV слова Кирилла Іерусалимскаго объ антихристѣ,—Стефана Зизанія и слово объ антихристѣ, напечатанное въ книгѣ о вѣрѣ, исправленіе книгъ Никономъ, соборъ въ роковой для астрологовъ-суевѣровъ 1666 годъ, и, наконецъ, радикальныя реформы Петра Великаго, — все это сильно поддерживало и развивало въ суевѣрныхъ и невѣжественныхъ массахъ бредни о концѣ міра. И вотъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, и особенно съ царствованія Петра Великаго, суѣверные люди раскола возвели уже въ догматъ ожиданіе близкой кончины міра, и вездѣ, по городамъ и селамъ, распространяли его. При политическомъ оттѣнкѣ этого ученія, ясно высказалось вѣрованье и въ чувственнаго антихриста, и въ дѣйствительную близость конца міра. Какъ сильно дѣйствовала на суевѣріе народа проповѣдь о кончинѣ міра, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ Игнатія Тобольскаго: «Нынѣшніи еретицы — говоритъ онъ, ужасъ сатанинскій падающе: яко уже настоитъ день втораго Христова пришествія и *кончина*

ніи міру, и да и на то плошитися не подобаетъ, но ждати пришествія Христова на всяко время, безвѣстно бо сіе уставлено. *И только благоволитъ Богъ еще міру стояти*, ино то готово обхоженіе временемъ лѣтнымъ, поставлены крузи Алфа, да и солнечныя круги и лунныи", и проч. Архивъ, Калачева, кн. 1, 111, 4.

[1]) Хронографъ Солов. библ. № 53, л. 311.

[2]) Хронографъ Солов. библ. № 53, л. 345—349.

настоящаго вѣка: и годъ отъ года, и день отъ дне смущающе народы, и сказующе: яко въ сій годъ, и въ сій день будетъ кончина вѣка. И сего ради ихъ скверняго ученія, простой нѣкій народъ и вѣрова словесемъ симъ: и ови убо оставили домы, и бѣгали за ними, яко овцы за волками, и погублени быша отъ нихъ: овіи огнесожженіемъ самовольнымъ душепагубнѣ, овіи же и донынѣ еще бѣсноватіи скитающеся, и помираютъ безъ таинъ божественныхъ» [1]). Въ XVIII вѣкѣ, суевѣрное, мистико-апокалипсическое ожиданіе конца міра дошло до ужасныхъ суевѣрныхъ проявленій: живые ложились въ гробы и со дня на день ждали кончины міра. Суевѣры фанатически вѣрили, что пришелъ уже разрушитель міра — антихристъ и проникъ не только въ гражданскій, но и въ физическій міръ, въ стихіи, огонь, воду, воздухъ и землю. И, къ прискорбію, надо замѣтить, что эти ожиданія конца міра, проистекающія единственно отъ крайняго незнанія системы міра, доселѣ еще волнуютъ суевѣровъ раскола, да и многихъ, весьма многихъ православныхъ [2]).

2. *Небо.*

Съ самаго начала обществъ, народы стали гадать о чудесахъ небеснаго свода. Но только съ XVI вѣка началось истинное познаваніе Неба. Древніе народы и первые естествонаблюдатели, руководствуясь единственно непосредственными впечатлѣніями, кажущеюся видимостію, представляли, что земля неподвижна, и что весь небесный сводъ съ солнцемъ и звѣздами, въ 24 часа оборачивается около оси міра, въ направленіи отъ востока къ западу. Аристотель въ своемъ сочиненіи *о небѣ*, кажется, первый старался объяснить устройство небеснаго свода и движеніе свѣтилъ. По его міросозерцанію, небо состоитъ изъ семи неподвижныхъ кристальныхъ сферъ, на которыхъ утверждены звѣзды и планеты. Въ кругѣ или центрѣ этихъ сферъ онъ полагалъ землю. Крайняя окружность или осьмая сфера представляла первое подвижное. Всѣ эти восемь сферъ и въ центрѣ ихъ землю, по воззрѣнію Аристотеля, приводилъ въ движеніе вѣчный двига-

---

[1]) 3-е Посланіе въ Правосл. Собес., стр. 165.

[2]) Приложенія будутъ присовокуплены къ слѣдующему очерку. Если бы кто нибудь изъ нашихъ естествовѣдовъ взялъ на себя истинно-благодѣтельную задачу составить полный „народный учебникъ о природѣ“, самый популярный, изложенный даже народнымъ языкомъ, то, разумѣется, онъ долженъ будетъ обратить преимущественное вниманіе на особенно слабыя, и особенно нужныя въ умственномъ и матеріальномъ быту нашего народа—стороны міросозерцанія, напр., на времена года, на землю, воду, воздухъ, теплоту и ея значеніе на земной поверхности и въ атмосферѣ, на атмосферныя явленія, на растительность земледѣльческую, на травники народные и растенія медицинскія и т. п. Но мы убѣждены, что, ведя по порядку „народный учебникъ о природѣ“, не лишне дать народу самыя главныя и нужныя понятія о мірѣ вообще и о звѣздномъ небѣ; потому что эти понятія могущественно просвѣтляютъ, возвышаютъ и облагороживаютъ умъ человѣка. А у нашего простого народа, какъ показано отчасти въ настоящемъ очеркѣ и особенно увидимъ въ слѣдующемъ — „о звѣздномъ небѣ“, въ этой области міровоззрѣнія, весьма не мало накопилось самыхъ грубыхъ суевѣрій. Достаточно прочитать далеко неполный Великорусскій областной словарь, чтобы видѣть это.

тель, божественный разумъ. Птоломей, жившій въ половинѣ второго вѣка въ Александріи, иначе старался объяснить движеніе планетъ. Въ срединѣ вселенной онъ помѣщалъ землю, около которой должны были вращаться луна, солнце и пять тогда извѣстныхъ планетъ. Расположеніе планетъ въ небесномъ пространствѣ и по отношенію къ землѣ онъ опредѣлялъ по средней видимой ихъ скорости, считая ближайшими къ землѣ тѣ планеты, которыя скорѣе измѣняютъ свое мѣсто относительно неподвижныхъ звѣздъ. Поэтому, начиная отъ земли, планеты, вмѣстѣ съ солнцемъ и луною, слѣдовали въ такомъ порядкѣ: Луна, Меркурій, Венера, Солнце, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ. Другіе астрономы, послѣдователи такъ называемой *египетской* системы, принимали, что только Луна, Солнце, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ кружатся около земли, а Меркурій и Венера движутся по кругамъ, центръ которыхъ солнце. Въ средніе вѣка вполнѣ господствовало древнее ученіе, что земля неподвижна, и что около нее движется солнце и вращаются всѣ небесныя свѣтила. Даже Тихо-Браге помѣщалъ землю точно также, въ центрѣ вселенной, и заставлялъ луну и солнце кружиться около нея. Такъ было до XVI вѣка. Въ 1543 году, знаменитый польскій каноникъ, Коперникъ ниспровергъ Аристотелеву и Птоломееву небесную систему, указавъ мѣсто солнца въ центрѣ вселенной и поставивъ землю въ ряду съ прочими планетами, окружающими солнце. Самъ онъ объ этомъ говоритъ такъ: «ни при какомъ иномъ устройствѣ не могъ бы я найти столь достойную вселенной, такую гармоническую связь путей, какъ помѣстивъ въ средину прекраснаго храма природы, какъ на царскій тронъ, свѣтило міра, солнце, управляющее цѣлымъ семействомъ вращающихся свѣтилъ». Такимъ образомъ, Коперникъ разсѣялъ большую часть старыхъ и закоренѣлыхъ заблужденій, происходившихъ отъ непониманія того, что представляла чувствамъ видимость неба. Онъ твердо и торжественно возвѣстилъ человѣчеству, что не солнце движется вокругъ земли, а наоборотъ, земля движется вокругъ солнца, составляющаго центръ небесныхъ движеній, и что земля, въ сравненіи со всѣми тѣлами солнечной системы, — не болѣе, какъ песчинка. Черезъ 28 лѣтъ послѣ того дня, въ который торуньскій каноникъ умирающими руками держалъ книгу, распространившую на Польшу чистую и блестящую славу, — родился въ Виттенбергѣ человѣкъ, назначенный для переворота въ наукѣ, еще труднѣйшаго еще обильнѣйшаго послѣдствіями. Это Кеплеръ. Онъ, путемъ труднѣйшихъ и утомительнѣйшихъ вычисленій, послѣ изумительно-настойчиваго двадцати-двухлѣтняго труда, дошелъ до открытія истиннаго закона движенія планетъ и подтвердилъ движеніе земли около солнца. Такъ называемый законъ Кеплера раскрылъ, что скорость, съ какою земля движется на своемъ пути, такова, что лучъ свѣта, который можно представить себѣ проведеннымъ отъ солнца къ землѣ, въ равныя времена описываетъ равныя пространства. По второму закону Кеплера, путь всѣхъ планетъ, а слѣдовательно и земли — не кругъ, а эллипсисъ, планеты движутся по эллипсамъ, и солнце находится въ одномъ изъ ихъ фокусовъ. За Кеплеромъ, великій Ньютонъ, размышляя о паденіи тѣлъ на поверхности земли или о законѣ тяжести, открылъ законъ *всеобщаго тяготѣнія*, пришелъ къ

идеѣ, что между небесными тѣлами существуетъ взаимное стремленіе, взаимное притяженіе, математически вывелъ законы Кеплера изъ дѣйствія силы, общей всѣмъ частицамъ вещества, и блестящее свое открытіе сдѣлалъ предметомъ книги — philosophiae naturalis principia mathematica, которое до сихъ поръ остается высшимъ произведеніемъ человѣческаго ума. Это міровое открытіе Ньютона сразу разсѣяло всю темную мглу суевѣрій супранатуралистической, астральной пневматологіи. Оно такъ было громадно, что невольно вызвало этотъ восторженный энтузіазмъ Вольтера, выраженный въ слѣдующихъ стихахъ:

Confidens du Trés-Haut, substances eternelles
Qui brûlez de ses feux, qui couvrez de vos ailes
Le trone ou votre maître est assis parmi vous,
Parlez, du grand Newton n'etiez-vous point jaloux?

Въ то время, когда на западѣ астрономія стала такой великой наукой, которой умъ человѣческій по справедливости можетъ гордиться, какъ величайшимъ торжествомъ разума надъ предразсудкомъ и суевѣріемъ, — у насъ на Руси въ XVI и XVII в. и не слыхали объ открытіяхъ Коперника, Галилея, Кеплера и Ньютона. Строгіе ревнители стараго ученія о небѣ, которыхъ мудрость не простиралась дальше книги о небесахъ Іоанна Дамаскина, вооружались даже противъ такихъ невинныхъ и незатѣйливыхъ произведеній, какъ переводныя астрономіи, здѣздотечья, луцидаріусъ и т. п. Суевѣры вели жаркія пренія не о движеніи планетъ вокругъ солнца, а о хожденіи по-солонь, да ждали, вмѣстѣ съ кончиной міра, спаденія звѣздъ съ небеси, помраченія и превращенія въ кровь луны и т. п. *Маѳематійскія* книги, — какъ говоритъ одинъ азбуковникъ, — отреченныя книги, ихъ же есть четыре: ариѳметикія, мусикія, геометрія, *астрономія*». Астрономію, также, какъ вообще естественныя науки, русскіе считали волшебствомъ. «Естественныя науки, пишетъ Олеарій, будучи чужды русскимъ, особенно подпадаютъ ихъ грубому и неразумному сужденію, если имъ удастся что либо перенять изъ нихъ отъ иностранцевъ; такъ астрономію, астрологію считаютъ они за волшебныя науки. Такъ предугадываніе и предсказаніе солнечнаго или луннаго затмѣнія, или движеніе какой либо планеты они считаютъ дѣломъ неестественнымъ. Поэтому самому, когда стало извѣстно въ Москвѣ (по возвращеніи моемъ изъ Персіи), что великій князь назначилъ меня своимъ астрономомъ, то въ народѣ, отъ нѣкоторыхъ, пошла такая молва, что въ Москву скоро де вернется назадъ волшебникъ, состоящій при Голштинскомъ посольствѣ, который будетъ предсказывать будущее. Нѣкоторые начали уже питать ко мнѣ отвращеніе, что, вмѣстѣ съ другими причинами, заставило меня отказаться отъ этой должности» [1]). И послѣ, въ XVIII вѣкѣ, когда благодаря Петру Великому, въ Россію введены были математическія науки, а при Аннѣ Іоанновнѣ и при Елизаветѣ Петровнѣ заводились уже и астрономическія обсерваторіи, — у насъ не только въ массѣ народной, но и въ учившемся

[1]) Записки Олеарія. Архивъ историч. и практич. свѣд. о Россіи, изданіе Калачова. 1859 г., кн. III.

въ математическихъ школахъ дворянствѣ господствовало старое понятіе о небесномъ мірѣ. Въ то время, какъ на западѣ считались уже передовыми двигателями умственнаго прогресса человѣчества и такіе знаменитые астрономы, какъ Ньютонъ, Галлей, Брадлей, Лакаль, особенно Гершель, еще болѣе Лапласъ и другіе, — у насъ извѣстнаго математика и астронома графа Я. В. Брюса считали величайшимъ чернокнижникомъ, прорицателемъ и, вообще, колдуномъ, дѣлавшимъ чудеса. И доселѣ календарь Брюса для многихъ суевѣровъ служитъ оракуломъ; ученіе Коперника, Кеплера и Ньютона не только не принималось темной массой народной, но и считалось грѣховнымъ и пагубнымъ. «Почитать землю за кругъ или шаръ — грѣшно: такъ думали фарисеи», — вотъ суевѣрное мнѣніе раскола[1]). И теперь много найдется людей, даже и въ образованномъ классѣ, которые не вѣрятъ ученію Коперника о небесномъ движеніи. Множество супранатуралистическихъ суевѣрій и заблужденій затемняютъ и подавляютъ умы нашего поколѣнія, не только 70-милліонной массы народа, но и образованнаго общества, единственно потому, что слишкомъ мало распространено у насъ астрономическое просвѣщеніе. Мгла суевѣрій спиритуализма и пневматологіи, тьма повѣрій о небесныхъ царствахъ и духахъ есть плодъ отсутствія свѣтлаго, разумнаго астрономическаго міросозерцанія. И великая наука астрономія доселѣ, къ сожалѣнію, весьма поверхностно входитъ въ кругъ нашего образованія, и даже вовсе не преподается во многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Между тѣмъ, по словамъ Бальи, «не только самая астрономія, но даже исторія астрономіи составляетъ могущество и существенную часть исторіи человѣческаго ума, измѣряетъ его силу и показываетъ, къ чему онъ способенъ».

Обозрѣвая полный историческій циклъ русскаго народнаго звѣзднаго міросозерцанія, мы примѣчаемъ въ немъ два отличительныхъ направленія: граматничье, книжное, заимствованное, и собственно-народное, непосредственно-натуральное. Въ книжномъ или граматничьемъ міросозерцаніи преобладаетъ смѣсь еврейски-кабалистическихъ, аристотельскихъ и западныхъ схоластико и физико-теологическихъ воззрѣній на звѣздное небо. Въ собственно-народномъ воззрѣніи преобладаютъ непосредственно-наглядныя и миѳологическія представленія о небѣ и небесныхъ явленіяхъ. Разсмотримъ главныя черты того и другого міросозерцанія.

До половины XVI вѣка, почти въ продолженіе 1500 лѣтъ, во всей образованной части человѣчества господствовало аристотелевское воззрѣніе на устройство небеснаго свода. Черезъ посредство Византіи, это воззрѣніе, съ восточно-кабалистическимъ оттѣнкомъ, сообщено было и русскимъ книжникамъ. По аристотелевскому міросозерцанію, какъ мы уже отчасти видѣли, міръ измѣняемый, эфирный и неподвижный, окружающій землю или міръ подлунный, состоитъ изъ 7 отдѣльныхъ круговъ или сферъ эфира, представляющихъ плотные кристаллическіе пустые шары, на которыхъ утверждены звѣзды и планеты. Кристальнымъ представлялъ Аристотель сводъ небесный потому, что иначе не умѣлъ объяснить его прочности и остойчи-

---

[1]) Чтенія Московск. общест. истор. 1861 г., кн. 2: пословицы Даля.

вости, не умѣлъ найти причину сохраненія небесной системы въ ея собственныхъ космофизическихъ силахъ, не зналъ закона всеобщаго тяготѣнія. Крайняя окружность или внѣшняя сторона вселенной, по мнѣнію Аристотеля, есть кристаллическая скорлупа со всѣми неподвижными звѣздами, небесная твердь или первое подвижное, быстро вращаемое вѣчнымъ двигателемъ въ 24 часа около центра. Эта осьмая сфера неподвижныхъ звѣздъ движетъ около земного шара всѣ звѣзды и планеты, утвержденныя на 7 отдѣльныхъ сферахъ или полыхъ, внутри кристаллическихъ кругахъ. Общій двигатель единой шарообразной вселенной, со всѣми семью сферами и осьмою подвижною, есть вѣчное неподвижное, все движущее божество, вѣчный совершенный разумъ. Это первоначально-простое аристотелевское міросозерцаніе впослѣдствіи, особенно когда замѣчено было Гиппархомъ въ 150 г. до Р. Х. предвареніе равноденствій, — постепенно измѣнялось, усложнялось искусственнымъ образомъ, особенно приспособленіемъ къ нему такъ называемой птоломеевской системы, которая имѣла, однакожъ, совершенно другое основаніе и построеніе, болѣе физическое, чѣмъ астрономическое. Замѣтивъ дѣйствительное движеніе планетъ, а не простое кругообразное, — для объясненія его принуждены были раздѣлить осьмую сферу неподвижныхъ звѣздъ, и окружили ее еще *девятою сферою знаковъ*. Такимъ образомъ вмѣсто 7 небесныхъ сводовъ стали считать 9. Далѣе, не находя возможности объяснить пустое пространство между планетами и ихъ плотными сферами, прибѣгли къ ученію объ астральныхъ духахъ. Чтобы планета не упала съ небеснаго свода, надобно было дать ей духовнаго путеводителя; а съ тѣмъ вмѣстѣ, и вѣра въ одушевленность планетъ стала необходимостью. Вслѣдствіе этого, въ первые 3 вѣка по Р. Х., въ аристотелевское міросозерцаніе все болѣе и болѣе проникало ученіе объ астральныхъ духахъ, ангелахъ солнца, звѣздъ и проч. Уже Филонъ говорилъ: «звѣзды одушевлены и движутся по собственному усмотрѣнію». Въ твореніяхъ Ермы, Климента александрійскаго, Епифанія Кипрскаго и др. это ученіе находило подтвержденіе. Въ Римѣ, въ St. Maria del popolo, въ часовнѣ Agostino Chigi, на мозаикѣ изображены небесныя тѣла: здѣсь возлѣ каждой планеты помѣщенъ ея астральный духъ. Вмѣстѣ съ ученіемъ объ астральныхъ духахъ, передано было востокомъ Византіи, а отсюда и намъ, искаженное въ сочиненіяхъ кабалистовъ ученіе Аристотеля о 7 сферахъ. Въ періодъ пришествія въ міръ Іисуса Христа, большая часть евреевъ принимала вокругъ неподвижно-стоящей по срединѣ Земли, 7 небесныхъ сводовъ; изъ нихъ второй сводъ «*Ракіа*» заключалъ утвержденныя въ немъ солнце, луну и звѣзды; уже въ третьемъ сводѣ — *Шахакимъ* «облака» — заключались, кажется, эти послѣднія, а въ шестомъ сводѣ — *Маконъ* «пребываніе» — содержались снѣгъ, градъ, роса, дождь и т. п. Согаръ Бешалагъ, согласно съ міросозерцаніемъ Аристотеля, писалъ: «Богъ сотворилъ 7 небесныхъ сводовъ, въ каждомъ изъ нихъ помѣщены неподвижныя звѣзды и блуждающія свѣтила, а надъ всѣми этими сводами находится сводъ *Арабоmъ* — это perpetuum mobile Аристотеля [1]).

[1]) Gfrörer, Geschichte d. Urchristenthums. Abth. 2. 37. Этюды Шлейдена, 225—226.

Въ искаженныхъ варіантахъ восточно-византійскихъ и еврейско-кабалистическихъ, черезъ апокрифы, перешло и къ намъ основное ученіе Аристотеля о 7 небесныхъ кристальныхъ сводахъ. Въ сказаніи о началѣ міра, находящемся въ одной рукописи профессора Григоровича, говорится, что «Господь словомъ сотворилъ *семь небесъ*, и что устроено было «*небо хрустальное* на семидесяти тмахъ тысячъ» [1]). Въ апокрифѣ *о небеси* находимъ смѣсь аристотелевской небесной системы и ея послѣдующихъ дополненій съ системой Птоломеевской. Именно, здѣсь читаемъ: «небо едино убо есть по существу, *девять* же по числу... *Седьмъ же небесъ* суть по образу седьмихъ вѣкъ міра, другоежъ беззвѣздная твердь, седьмь же небесъ имуть и великихъ седьмь звѣздъ, царей иныхъ седьмь звѣздъ. Есть же на семъ долнемъ небеси луна, и на вторѣмъ по сей Ермисъ, на третіемъ есть Афродита, на четвертомъ небеси солнце, на пятомъ Арисъ, на шестомъ Зевсъ, на седьмомъ Кронъ... И сія убо седьмь звѣздъ суть на *седьми небесѣхъ*, на всяко небо едина звѣзда, выше же седьмаго небеси суть другія звѣзды, 12 числомъ, имъ же имени сія: овенъ, юнецъ, близнецъ, ракъ, левъ, дѣва, яремъ, скорпіонъ, стрѣлецъ, козіи рогъ, водоліатель, рыбы» [2]). Изъ этого апокрифа видимъ также, что древней Руси сообщены были уже и восточныя свѣдѣнія о дѣленіи эклиптики, о 12 знакахъ Зодіака.

При самомъ поверхностномъ взглядѣ на небо ночью, весь небесный сводъ представляется усѣяннымъ неодинаково-яркими и неправильно-расположенными звѣздами. За исключеніемъ немногихъ планетъ и кометъ, звѣзды имѣютъ неизмѣнное взаимное положеніе, почему онѣ и получили названіе неподвижныхъ звѣздъ, которыхъ въ средней Европѣ можно видѣть простымъ глазомъ почти до 3,250. Для легчайшаго обозрѣнія, уже въ глубокой древности раздѣлили звѣзды на группы, получившія названіе отъ героевъ, животныхъ и т. п. Эти группы означаются также созвѣздіями. Число созвѣздій, видимыхъ въ средней Европѣ, простирается до 57. Сколько извѣстно, уже инды и египтяне съ самыхъ древнихъ временъ раздѣляли звѣздное небо на нѣсколько созвѣздій. Особливо относится къ глубокой древности раздѣленіе зодіака на 12-ть созвѣздій. До этого дѣленія могли дойти древніе народы путемъ непосредственныхъ наблюденій. При самомъ поверхностномъ наблюденіи кажется, что солнце постоянно измѣняетъ свое положеніе на звѣздномъ небѣ. Въ концѣ марта восходя прямо на востокѣ, лѣтомъ оно восходитъ сѣвернѣе, зимой южнѣе. Лѣтомъ дневная дуга больше, зимой — ночная. Это кажущееся движеніе солнца по звѣздному небу принято было въ древности за дѣйствительное. Казалось, что солнце пробѣгаетъ въ теченіи 365 дней весь кругъ небесный. И на этомъ

---

[1]) Историч. очерки русск. народн. словесн. Буслаева 1, 615.

[2]) Памятн. стар. русск. литерат., вып. 3, стр. 156. Духоборцы, отвергая астрономическое или космическое значеніе 7 небесъ, понимали ихъ мистико-символически. „Седмь небесъ означаютъ у нихъ седмь евангельскихъ добродѣтелей такимъ образомъ: *первое небо* есть смиреніе, *второе небо* — разумѣніе, *третье* — воздержаніе, *четвертое* — братолюбіе, *пятое*—милосердіе, *шестое* — совѣтъ, *седьмое* — любовь." Лѣтоп. русск. литер. и древн., т. IV, смѣсь, 14.

годовомъ пути его, созвѣздія, проходимыя имъ, находятся въ слѣдующемъ порядкѣ: Рыбы, Овенъ, Телецъ, Близнецы, Ракъ и Левъ на сѣверномъ: Дѣва, Вѣсы, Скорпіонъ, Стрѣлецъ, Козерогъ и Водолей на южнымъ небесномъ полушаріи. Поясъ изъ этихъ 12-ти созвѣздій, пересѣкаемыхъ путемъ солнца, названъ Зодіакомъ. Въ древности, эклиптику раздѣлили сначала на 12-ть равныхъ частей, и потомъ каждую изъ этихъ частей на 30°, такъ что всего получается 360. Эти 12-ть частей назвали *знаками Эклиптики*. Эти знаки получили названіе близлежащихъ созвѣздій Зодіака [1]). Самую древнюю попытку дѣлить Зодіакъ относятъ ко времени появленія Naxatros или отдѣленій эклиптики, которыхъ индѣйцы принимали сперва 27, а потомъ 28. Каждое изъ этихъ отдѣленій они дѣлили опять на 4 части, слѣд. 4. 27 = 108. Эти понятія вскорѣ перешли къ египтянамъ, которые, какъ земледѣльческій народъ, вѣроятно, первые придумали раздѣлить эклиптику на 12-ть знаковъ. Они созвѣздія Зодіака посвятили 12-ти разнымъ божествамъ. Отъ восточныхъ народовъ понятіе о 12-ти созвѣздіяхъ Зодіака перешло къ грекамъ, и къ сѣвернымъ народамъ [2]).

А отъ грековъ оно легко могло сообщиться и славянамъ. Славяне, какъ видно, и сами наблюдали за теченіемъ звѣздъ. Изъ извѣстій, сообщаемыхъ Массуди (950—957 г.) знаемъ, что надъ славянскими храмами были надстройки для наблюденія точекъ восхожденія солнца, такъ же какъ древніе халдеи, по свидѣтельству Діодора Сицилійскаго, наблюдали восхожденіе и захожденіе звѣздъ въ высокомъ храмѣ, построенномъ Семирамидою въ честь Ваала (Юпитера). Впослѣдствіи, съ XVI вѣка, свѣдѣнія о 12-ти созвѣздіяхъ Зодіака сообщались русскимъ граматикамъ и въ переводныхъ съ латинскаго или греческаго языка астрономіяхъ. Такъ, напр., въ предисловіи къ *астрономіи*, которое помѣщалось обыкновенно въ словаряхъ и азбуковникахъ, и нерѣдко попадается въ сборникахъ XVII вѣка, сама астрономія представляется говорящею о 12-ти знакахъ Зодіака: «*Овенъ* мой хребтомъ на полнощь, главою же на востокъ, къ солнцу восходитъ и *Левъ*, да восходитъ и заходитъ обращаяся; *Стрѣлецъ* же восходитъ право и заходитъ стремглавъ, яко низверженный, и прочая по чину своего устава» [3]). Въ отреченной книгѣ, подъ заглавіемъ «громникъ дванадесятимъ мѣсяцамъ, събрано Иракліемъ царемъ отъ звѣздозаконія», такъ исчисляются 12-ть знаковъ Зодіака: «Мартъ, животно глаголемое *Овенъ*... Апрѣль *Юнецъ*... Май *Близнецы*... *Ракъ* Іюнь... *Левъ* Іюль... *Дѣва* Августъ... Сентябрь *Яремъ*.. *Скорпіонъ* (октябрь)... *Стрѣлецъ* Ноембрій... *Козерогъ* Декабрь... *Водолей* Январь... Февраль *Рыбы*...» [4]) Заимствовавъ съ

---

[1]) См. Космическую физику Мюллера.

[2]) Преданіе о распространеніи первыхъ астрономическихъ знаній съ Востока было и въ древней Руси: „*Звѣзда чести отъ Вавилона*, земля мѣряти отъ Халдѣевъ". Сборн. Солов. № 925. Къ исторіи древней астрономіи и въ частности, вопроса о дѣленіи зодіака относятся, между прочимъ, изслѣдованія: Bailly, Histoire de l'astronomie ancienne: Dupuis, Ueber den Ursprung der Sternbilder; Stuhr, Untersuchungen über die Sternkunde unter den Chinensen und Indiern.

[3]) Сборн. Сол. библ. № 861, л. 311—313.

[4]) Памятн. стар. русск. литер., вып. 3.

Востока всѣ эти названія 12-ти знаковъ Зодіака, предки наши, разумѣется, не имѣли точнаго и отчетливаго понятія объ ихъ астрономическомъ значеніи, такъ же какъ и теперь простой народъ не имѣетъ объ нихъ никакихъ свѣдѣній.

Кромѣ общихъ астрономическихъ преданій Востока, сообщавшихся древней Руси и посредствомъ западныхъ, латинскихъ переводныхъ книгъ,— Византія сообщила русскимъ грамотникамъ нѣсколько особенныхъ, своеобразныхъ воззрѣній на звѣздное небо. Во-первыхъ, своимъ ученіемъ о небесныхъ духахъ и, въ частности, объ ангелахъ солнца, луны, звѣздъ,—она укоренила въ нихъ астрально-теологическій взглядъ на небо. Отсюда возникли эти библейски-богословскія пословицы нашего народа: «Небеса повѣдаютъ славу Господню. Небо—риза Господня, небеса—престолъ его, земля—подножіе. Небо—теремъ Божій, звѣзды окна, изъ которыхъ вылетаютъ ангелы»[1], и т. п. Отсюда проникло въ народъ, посредствомъ византійскихъ апокрифовъ, представленіе объ астральныхъ ангелахъ, напримѣръ, дикое представленіе о томъ, какъ будто бы *300 ангелъ солнце воротятъ*, или доселѣ существующее крестьянское повѣрье; будто ангелы утромъ зажигаютъ звѣзды, а вечеромъ гасятъ, и т. п. Сюда же относится слѣдующее болгарское сказаніе: «вопросъ: какъ поютъ пѣтухи въ ночи? Отвѣтъ: когда возьмутъ ангелы солнце отъ престола Господня и понесутъ на востокъ, а херувимы ударятъ въ крылья свои, того ради на землѣ всякая птица потрепещетъ! тогда и пѣтухъ міру проповѣдуетъ. Въ византійско-русской бесѣдѣ Панагіота съ Азимитомъ любопытно слѣдующее баснословіе о солнцѣ: «Истекаетъ солнце своимъ хожденіемъ, какъ повелѣно ему отъ Бога, и когда исходитъ, блистаетъ своими лучами. И тотчасъ же огненные грипсоси, птицы небѣсныя, нарицаемыя финиксы и халедры, пролетаютъ передъ солнцемъ, и окунаютъ свои крылья по двѣсти разъ въ окіянской водѣ и кропятъ крыльями на солнце, да не попалитъ оно лучами весь міръ. И сгораютъ у тѣхъ птицъ перья отъ огня солнечнаго, и становятся голы, будто ощипанныя. А когда зайдетъ солнце, купаются тѣ птицы въ окіянской великой рѣкѣ и обновляются, и опять пернатѣютъ крылья ихъ. Того ради и пѣтелъ пророкомъ именуется, имѣетъ подъ своими крыльями знаменіе на перѣ, и когда пойдетъ солнце отъ запада къ востоку, тогда паскорбнетъ у пѣтела то перо; а когда уготовится солнце къ исхожденію, тогда почуетъ пѣтелъ, и открывъ голову, пробуждаетъ, и, давая знать тѣмъ птицамъ, плещетъ крыльями своими проповѣдуя міру воскресеніе» [2]). Это восточно-византійское сказаніе вполнѣ согласовалось съ русскимъ народнымъ повѣрьемъ о пѣтухѣ, какъ священной птицѣ солнца. Изъ другихъ византійскихъ источниковъ, особенно имѣла вліяніе на міросозерцаніе народныхъ граматниковъ апокрифическая бесѣда трехъ святителей. Такъ какъ, по многочисленности редакцій, она часто дополнялась извлеченіями изъ разныхъ источниковъ, то въ ней къ церковновизантійскимъ созерцаніямъ примѣшивались и воззрѣнія западныя, на-

---

[1]) Пословицы Даля. Чтен. моск. общ. истор. 1862 г., кн 1, стр. 1029.

[2]) Буслаевъ, т. 1, стр. 501.

примѣръ извлеченія изъ Луцидаріуса. Такого рода вопросы и отвѣты о небесныхъ свѣтилахъ въ ней разсѣяны: Василій рече: отъ чего солнце сотворено бысть? Иванъ р.: отъ выспреннія ризы Господни. В. р.: отъ чего луна сотворена быть? И. р.: отъ аера и отъ воздуха и отъ престола Господня. Вопросъ: что есть мѣра отъ востока до запада? Толкъ: солнце и луна и звѣзды. В.: Коль велицы планеты? Т.: философи намъ повѣдають, еже луна столь широка, яко всю землю, кромѣ рѣкъ и морей, покрыетъ; а солнце величествомъ вдвое, а планеты якоже луна. В.: Како намъ мнится, яко звѣзды мали суть? Т.: Сія есть тварь земная высота, яко аще бы стояло солнце такъ высоко, что и звѣзды, и намъ бы такожъ видѣлось, что и звѣзды. В.: Нынѣ повѣждь о лунѣ. Т.: Луна есть меньшая планета и течетъ нижеи всѣхъ къ землѣ, того (ради) судится по ней весь міръ» [1]).

Съ XVI вѣка, въ отпоръ византійскимъ источникамъ, стали проникать къ намъ міросозерцательныя произведенія латинскаго запада. Только и тутъ высказались во всей ясности главные недостатки нашихъ предковъ: крайне-ограниченный умственный кругозоръ, невѣжество и безтактность въ выборѣ книгъ. Вмѣсто того, чтобы усвоять геніальныя астрономическія творенія Коперника, Галилея, Кеплера, Ньютона,—наши граматники брали у латинскаго запада старыя, полныя суевѣрій и заблужденій релегіозно-міросозерцательныя сочиненія. Одно только то хорошо, что съ XVI вѣка, по крайней мѣрѣ, стали обращаться за книгами къ западу. Какъ ни узокъ и ни теменъ тоже былъ кругозоръ міровоззрѣнія въ этихъ западно-латинскихъ, схоластико-богословскихъ космологическихъ сочиненіяхъ,—все же они нарушали, по крайней мѣрѣ, мутное, темное, безжизненное и пустое однообразіе восточно-византійскаго міросозерцанія. Они возбуждали въ любознательныхъ грамотныхъ поколѣніяхъ потребность хоть какого-нибудь естествознанія, и если не сообщали истиннаго естествознанія, за то хоть завлекали любознательныхъ граматниковъ въ совершенно новую и необъятную сферу знанія, въ область природы и естествознанія. Хотя церковь относила къ списку отреченныхъ книгъ переводныя космологическія произведенія латинскаго запада, однакожъ они съ жаждой усвоялись любознательными грамотными людьми. Такъ въ XVI в. переведенъ былъ на русскій языкъ, какимъ-то Георгіемъ, вѣроятно, Токмачевымъ, псковскимъ намѣстникомъ, теологико-космологическій діалогъ, извѣстный подъ именемъ *Луцидаріуса*. Прототипомъ этой народной западной книги былъ Elucidarium sive dialogus de summa totius christianae theologiae, который приписывается Анзельму Кантерберійскому, Гонорію Отенскому и другимъ (Guillaume de Coventry, Lanfranc) [2]). Впрочемъ, излишнія богословскія толкованія мало по малу были выброшены изъ Луцидаріуса, и онъ, послѣ разныхъ дополненій и передѣлокъ, сталъ главнымъ

[1]) Памятн. стар. русск. литер., вып. 3., стр. 169—178.

[2]) См. подробности о Луцидаріусѣ въ лѣтописи русск. литерат. и старины, изд. Тихонравовымъ. 1859 г., кн. I, отд. II, стр. 33—40. Въ XII в. Луцидаріусъ переведенъ былъ на нѣмецкій языкъ. По изданію 1602 г., онъ такъ озаглавляется: M. Elucidarius von allerhandt Geschöpffen Gottes, den Engeln, den Himmeln, Gestirn, Planeten und wie alle Creaturen geschaffen seynd auf Erden, etc.

образомъ діалогомъ о мірѣ, о небѣ, о звѣздахъ и планетахъ, и проч., сохранивъ только общій физико-теологическій оттѣнокъ. Въ такомъ видѣ Луцидаріусъ переведенъ былъ на русскій языкъ. Какъ произведеніе латинскаго запада, и притомъ не чисто-богословскаго, а космологическаго содержанія, онъ съ самаго появленія у насъ подвергся нападкамъ со стороны церковныхъ писателей. Особенно Максимъ грекъ сильно вооружился противъ Луцидаріуса въ своемъ «посланіи къ нѣкоему мужу поучительномъ на обѣты нѣкоего латынянина мудреца» [1]). Несмотря на эти нападки, Луцидаріусъ, какъ видно, съ большой охотой читался. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя его редакціи, сокращенныя и дополнительныя. Его читали даже монахи Соловецкаго монастыря. Въ Луцидаріусѣ видимъ смѣсь разныхъ древнихъ ученій и сказаній о мірѣ— аристотелевскаго, птоломеевскаго, плиніевскаго, восточно-библейскаго и другихъ. Потому, онъ исполненъ всѣми древними заблужденіями и суевѣріями. Таковы всѣ разсужденія о звѣздномъ небѣ: тутъ примѣшивается и ученіе объ астральныхъ духахъ, и птоломеева астрологическая физика звѣздъ и планетъ, и всѣ средневѣковыя астрологическія суевѣрія и т. п. Выпишемъ для характеристики ученіе Луцидаріуса о звѣздномъ небѣ: « ученикъ вопроси: како есть небо сотворено! Учитель рече: святое писаніе именуетъ небо твердь есть сотворено, и на всяко время течетъ отъ востока на западъ; ему супротивъ течетъ солнце и луна и звѣзды. Ученикъ вопроси: откуду есть, еще мы зримъ, солнце и луна отъ востока къ западу течетъ! учитель рече: сіе бываетъ отъ небеси, понеже небо есть толь сильно, яко солнцу и лунѣ и звѣздамъ съ нощію на западъ тещи, право идетъ на камень противу колесъ. Ученикъ рече: чего ради сотвори Богъ тако! учитель рече: того ради, небесное твореніе да не сокрушится, яко да не сражается солнце и луна и звѣзды супротиву съ небомъ, сице оно течетъ вельми, яже то сокрушити. Ученикъ вопроси: откуду есть сіе, еже небо безпрестанно течетъ? учитель рече: подъ небесемъ есть не едино сотвореніе, идѣже оно на версѣ стоитъ, понеже оно кругло есть, и его всешмачнь, яко Богъ вельми тако сотворилъ, даже безпрестани тещи иматъ и не можетъ стояти. Ученикъ вопроси: каково есть небо? Учитель рече: небо, еже мы твердь именуемъ, то есть сотворено отъ четырехъ составовъ, и есть подобно зеленѣ водѣ. Ученикъ вопроси: колько суть небесъ? Учитель рече: небеса суть трои: едино есть отъ земли даже до луны, второе отъ луны даже до звѣздъ, третіе надъ твердію, и бѣ именуемо огненное небо: на томъ есть Богъ самъ со всѣми святыми своими. Ученикъ вопроси: и есть ли на двухъ небесѣхъ что сотворено? Учитель рече: отъ земля даже до луны лукавіи души, идѣже именуются и дѣмони, и тѣ суть тамо поставлени, даже человѣки отъ юностныхъ дней отъ воздуха прельщающе души, а отъ луны даже до звѣздъ, воздухъ есть, огнянъ вельми: тамо пребываютъ святіи ангели; сіи суть поставлени, да человѣки хранятъ отъ лукавыхъ бѣсовъ... Ученикъ рече: что есть солнце безпрестани течетъ

[1]) „Не луцидаріусъ, но паче небраріусъ (т. е. тенебраріусъ)“, — такъ называлъ его Максимъ Грекъ.

на небеси? Учитель рече: небо есть кругло въ правду, по нему же ходятъ солнце и звѣзды безпрестани текутъ. И сіе разсуди! аще бо текли обоя по единой улици, и приткнулися бы другъ къ другу, еже имъ и сокрушитися. Ученикъ рече: что ради сотвори Богъ тако? Учитель рече: елико отъ земли есть до луны, толико отъ солнца до звѣздъ, и звѣзды имѣютъ пребольшую часть, зане имъ небо ближе есть, а солнце послѣдуетъ звѣздамъ; улицы суть 12-ть на небеси, по нимъ же то солнце преходитъ въ единъ годъ, знаменующе 12-ть мѣсяцевъ въ коейждо улицѣ теченіемъ, еже Богъ сотвори по изволенію, яко текіи солнце въ коемждо знаменіи, сице непремѣняется годъ. Ученикъ рече: колицы есть планиты? Учитель рече: планитъ есть 7, противо дней, иже суть въ недѣли; двѣ же служатъ намъ наипаче, еже есть солнце и луна, прочіи же пять текутъ со звѣздами: едина глаголема Сатарнусъ, гречески же Кроносъ, яже выше всѣхъ течетъ, въ 30 лѣтъ исполняетъ теченіе свое; четвертая планита Венусъ, гречески же Афродитосъ, яже есть вечерняя звѣзда, въ два лѣта свое теченіе совершаетъ, едино лѣто предъ солнцемъ течетъ, а другое послѣ солнца; и егда течетъ предъ солнцемъ, тогда есть утренняя звѣзда, егда же послѣ солнца течетъ, тогда есть она вечерняя звѣзда. Ученикъ рече: коя звѣзда есть утренняя, егда-жь Афродитъ, вечерняя звѣзда? Учитель рече: то есть пятая планита, именуема Марсъ, гречески же Ариссъ, подобно Афродиту, и высока на тверди ходитъ, и не могутъ ея познавати: та есть утренняя звѣзда, егда Афродитъ вечерняя звѣзда. Ученикъ рече: повѣждь ми о прочихъ планитахъ? Учитель рече: шестая планита есть Меркуріосъ, по гречески Ермисъ, та течетъ 7 лѣтъ предъ солнцемъ, и содержитъ въ себѣ мудрость. Седьмая планита Петеръ, гречески Зевесъ, та предъ солнцемъ течетъ 12 лѣтъ». Далѣе идутъ вопросы и отвѣты о величинѣ планетъ и звѣздъ, тѣ же самые, которые выше приведены нами въ апокрифич. бесѣдѣ трехъ святителей. Затѣмъ, совершенно согласно съ ученіемъ Птоломея, идетъ рѣчь о физическихъ свойствахъ звѣздъ и планетъ и о ихъ физическомъ вліяніи на темпераменты людей. «Ученикъ рече: коего естества суть звѣзды? Учитель рече: сіе вѣдомо отъ писанія, еже душа приходитъ отъ Бога преже человѣка вольяна бываетъ: сице естя Богъ надъ всѣми звѣздами, и яко убо душу блюдетъ подъ твердію, и кая убо планита ближайши есть ей, отъ тое пріемлетъ человѣкъ свое рожденіе. Ученикъ: откуду тако сіе? Учитель рече: нѣкія планиты и звѣзды есть студены естествомъ, нѣкія волглы, нѣкія сухи; тѣ же самыя естества пріемлетъ человѣкъ отъ звѣздъ: который человѣкъ студенаго естества и сухаго, той молчаливъ и невѣренъ, а который студенаго и волглаго естества, той глаголивъ и вся борзо выскажетъ; а который сухаго и горячаго естества, то есть дерзъ и храбръ и имать любовь на всякія жены и есть непостояненъ въ любви. И того ради пишетъ: яко планита Марсъ горячаго и сухого естества, та дѣйствуетъ брани и нестроенія, и истезуетъ паче всѣхъ нечистоту; а коя горячего и волглаго естества, та есть проста, милосерда и знатлива, и зѣло похотлива. Ученикъ: како сіе бываетъ? Учитель рече: небесное естество толь крѣпко, ежь земляному одолѣваетъ, и луна пріемлетъ мощь отъ солнца; и не дивися, еже

міръ судится по лунѣ: отъ четырехъ бо составъ сотворена. Ученикъ вопроси: повѣждь ми о лунѣ. Учитель рече: луна есть меньшая планита и течетъ всѣхъ нижайши къ земли. Того ради судится весь міръ по ней. Ученикъ вопроси: что ради луна борзо убываетъ и борзо наполняется? Учитель: егда планиты сотворены бѣша, тогда луна воспріятъ воды многи; яко жъ земля отъ солнца имать свѣтъ по себѣ, тако и луна, егда близь солнца темна бываетъ и отрастаетъ до толѣ, доне лѣтъ солнцу начнетъ паки послѣдовати и полна бываетъ. Ученикъ рече: почто ради луна приходитъ въ солнечное знаменіе, а солнце лунѣ послѣдовати не можетъ. Учитель рече: солнце течетъ не прямо, а луна прямо, занежъ солнце въ своемъ знаменіи бываетъ и течетъ годъ, луна же въ коемждо мѣсяци премѣняя знаменія, и бываетъ въ солнечномъ знаменіи день единъ. Ученикъ вопроси: что есть темность юже видимъ въ солнци? Учитель: егда сотворено бѣ солнце, воспріятъ водъ много отъ земли, и егда луна бываетъ студена, воспріемлетъ мощь отъ солнца, тогда луна, едина часть во свѣтѣ, и то есть черность вь солнци. Ученикъ рече: что тако луна премѣняется? Учитель: сіе случается часто, едва луна станетъ противъ солнца на коей половинѣ, бѣ бо тогда старостію луна 14 дній, и солнце убо воспріемлетъ свѣтеніе лунное и бываетъ луна темна, и егда минетъ солнце, паки свѣтла бываетъ. Ученикъ: повѣждь ми о звѣздѣ комитѣ? Учитель: звѣзда Комита даетъ блистаніе отъ себе яко лучь, егда царство премѣниться хощетъ и брани велицы на странѣ той: та жъ звѣзда Комита течетъ съ прочими звѣздами, егда гдѣ божіимъ повелѣніемъ явится и свѣтитъ. Ученикъ рече: что мы видимъ, яко звѣзды спадающе съ небеси? Учитель рече: прежде повѣдахъ ти, яко звѣзда едина падетъ, поразитъ весь міръ: нѣсть се звѣзда, но случается часто, зане на аерѣ бываетъ буря велія отъ вѣтровъ и воздухъ одолѣетъ и въ воздухѣ огнь испущаетъ подъ звѣздами искры, и егда искра отскочитъ долу по воздуху, и людіе мнятъ видяще, яко звѣзда падаетъ».

Въ XVI же вѣкѣ, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ запада, стали проникать къ намъ и суевѣрія астрологіи.

Возникши первоначально, вѣроятно, на востокѣ, у Халдеевъ, Персовъ и Египтянъ, астрологія особенно развилась у Аравитянъ. Этотъ умный и чрезвычайно пылкій воображеніемъ народъ искони любилъ наблюдать звѣздное небо, или карауля свои стада по ночамъ, или сопровождая караваны въ ночное время. Подвижныя звѣзды съ солнцемъ и луною вскорѣ показались ему чѣмъ-то особеннымъ, имѣющимъ могущественное вліяніе на судьбу человѣка. И такимъ образомъ у Аравитянъ естественно выработалась, вмѣстѣ съ болѣе опредѣленнымъ сужденіемъ о солнцѣ и планетахъ, вѣра во вліяніе звѣздъ, въ астрологію. Съ этого времени, особенно со времени вымысла аравитяниномъ Мессагалой такъ называемыхъ 12-ти астрологическихъ жилищъ, играющихъ главную роль въ составленіи гороскоповъ, — наступилъ блестящій періодъ для астрологіи. Она овладѣла всѣми умами, опредѣляла всѣ дѣла человѣка, вмѣшивалась во все. Предъ ней рабски преклонялись государственные мужи, и со страхомъ и благоговѣніемъ внимали ея оракульскимъ вѣщаніямъ. Кардиналы и епископы, государи и государственные люди, профессора, врачи и богословы, словомъ,

всѣ представители лучшаго средневѣковаго общества собирались и толпились вокругъ астрологическихъ оракуловъ. Не одинъ разъ, придворные астрологи, по выраженію Шлейдена, какъ настоящіе тайные совѣтники министровъ управляли цѣлыми государствами. Даже знаменитые астрономы, эти, можно сказать, первые колумбы въ области звѣзднаго міра, не могли отрѣшится отъ астрологическихъ предразсудковъ. Тихо Браге (1546—1601 г.), основавшій въ Даніи знаменитую обсерваторію Уранибургъ, вѣрилъ астрологіи. «Повинуясь истинѣ—говоритъ объ немъ Араго, мы съ сожалѣніемъ упоминаемъ, что человѣкъ, принесшій великую пользу наукамъ, не могъ боротъся противъ предразсудковъ своего вѣка; онъ вѣрилъ астрологіи и алхиміи. Онъ вѣрилъ даже, что Марсъ предвѣщалъ ему потерю носа. Вотъ на какомъ основаніи Тихо считалъ гороскопы неподлежащими сомнѣнію: «солнце, луна и звѣзды совершенно достаточны для нашихъ нуждъ, и потому планеты, обращающіяся по удивительнымъ законамъ, были бы твореніями безполеѣзными, если бы онѣ не имѣли вліянія на судьбу людей, и если бы астрологія не открыла ихъ силы. На томъ же основаніи Тихо допускалъ, что и кометы тайно дѣйствуютъ на землю, потому что въ натурѣ ничто не существуетъ безъ цѣли. Наконецъ, и звѣзды сотворены для того, чтобы поддерживать и возбуждать силу планетъ. По истинѣ, прибавляетъ Араго, грустно видѣть, что такими нелѣпостями наполнена была голова первокласснаго ученаго,—при томъ такого ученаго, который имѣлъ столько силы ума и духа, что освободился отъ предразсудковъ своего сословія, которое думало, что дворянинъ унизится, если напечатаетъ какое нибудь сочиненіе». Кеплеръ былъ мученикъ науки астрономіи, но и онъ вѣрилъ гороскопамъ, по крайней мѣрѣ высоко ставилъ астрологію. Въ одномъ мѣстѣ онъ написалъ: «свѣтила даютъ намъ одинъ только свѣтъ, и, по формѣ ихъ соединенія при рожденіи ребенка, ребенокъ получаетъ жизнь въ той или другой формѣ. Если лучи гармонируютъ между собою, то новорожденный получаетъ прекрасную форму души». Въ другомъ мѣстѣ онъ защищаетъ астрологію, какъ «дочь астрономіи, питающую свою мать[1]»). Около полутора столѣтія до Кеплера, астрологіей занимались государи. Альфонсъ X Кастильскій, Людовикъ XI, Рудольфъ II, императоръ германскій, были ревностными астрологами и жертвовали большія суммы на успѣхи астрологіи. Какъ нѣкогда у большой части римскихъ и византійскихъ императоровъ астрологи были совѣтчиками и даже часто пользовались особеннымъ, исключительнымъ почетомъ, въ званіи придворныхъ астрологовъ, такъ до конца среднихъ вѣковъ, почти всѣ правители, и даже сколько нибудь значительные люди, имѣли при себѣ своихъ астрологовъ, совѣтуясь съ ними въ важныхъ случаяхъ. Начиная съ XVI-го столѣтія, астрологія перешла въ календари и народную политику. Это, впрочемъ, было первымъ поводомъ къ ея распаденію, потому что въ 1699 г. въ первый разъ, рѣшеніемъ имперскаго сейма, въ календаряхъ были запрещены предсказанія (prognostica)[2].

---

[1]) См. Біографіи астрономовъ, Араго, Т. 1, стр. 23 и 35.

[2]) Этюды Шлейдена: Валленштейнъ и астрологія. Для характеристики астрологическихъ предсказаній (prognostica), приведемъ одинъ образчикъ—календарь 1632 г.

Проникши въ XVI вѣкѣ въ русскую землю, астрологія и здѣсь имѣла вліяніе на умы, хотя далеко не въ такой степени, какъ на западѣ. Западный выходецъ-астрологъ, нѣкто Николай Нѣмчинъ былъ въ то время извѣстнымъ проводникомъ ея у насъ. И вѣроятно, астрологія значительно овладѣвала у насъ умами многихъ, преимущественно, разумѣется, князей и бояръ. Иначе, строгіе ревнители церкви не находили бы нужнымъ постоянно обличать вѣру во вліяніе звѣздъ и предостерегать русскихъ читателей книгъ отъ «астрологовъ и звѣздочетья». Въ стоглавѣ прямо сказано о современникахъ: въ «Аристотелевы врата и въ рафли смотрятъ, и по звѣздамъ и по планетамъ гадаютъ и смотрятъ дней и часовъ, и тѣми дьявольскими дѣйствы міръ прельщаютъ и отъ Бога отлучаютъ». Очевидно, что это гоненіе истекало изъ того, что православные русскіе начинали увлекаться этимъ латинскимъ обаяніемъ. Наши церковные учители безъ разбору преслѣдовали и астрологію, и астрономію ,и математику. Припомнимъ Стоглавъ, Домострой и многочисленныя обличенія Максима Грека. Въ многочисленныхъ спискахъ отреченныхъ книгъ постоянно повторялось: «а се мудрованія еретическая, имиже отводятъ отъ Бога и приводятъ бѣсомъ въ пагубу: первая книга Мартолой, рѣкше *Острологъ*, вторая *Остропомія*... Книги, въ нихъ же есть писано о часѣхъ злыхъ и о добрыхъ, еже есть Богомъ отречено... Еще книги суть еретическія, *Звѣздочтецъ*, *Двѣнадцать звѣздъ*, другій чтецъ, ему же имя шестодневецъ, въ нихъ же безумніи людіе вѣрующе волхвуютъ, ищуще дній рожеій своихъ, саномъ полученія, рока житію и бѣдныхъ напастей и различныхъ смертей и казней, въ службахъ и въ купляхъ и въ ремеслѣхъ»[1]) Инокъ псковского Елеазарова монастыря, Филофей такъ писалъ псковскому намѣстнику, дьяку Мисюрю Мунехину (1510—1528 г.) о вліяніи звѣздъ на рожденіе и на часы добрые или худые: «что говорятъ о злыхъ часахъ, и производятъ отъ рожденія человѣка подъ которою либо звѣздою, или въ часъ доброй или худой богатство и нищету,

---

Полное заглавіе его такое: Prognosis Astromantica, das ist: gründlicher Bericht und ausführliche Beschreibung von den himmlischen Constitutionen und contingentischen Sachen, so negst göttlicher Allmacht aus dem Lauf. Stand und Qualität der Planeten und andern Gestirn, auch aus den Finsternissen Wirkungen natürlicher Weise zu gewarten. Auf das Jahr u. s w. 1633. Mit Fleisse gestellet und beschrieben durch Hermann de Werre, Astronom und Medicus zu Norden in Ostfriesland. Hamb. 1632.

Лѣто.

Оно будетъ печальное, кровавое и страшное не только въ верхней и нижней Саксоніи, но и въ другихъ земляхъ, гдѣ люди, живя въ мирѣ и спокойствіи, не вѣрятъ въ возможность этого. Настанетъ страшная суматоха, которой иные будутъ очень не рады. Какъ кому удастся (Мекленбургъ, Валахія, Юлихъ, Клеве). Одному духовному лицу угрожаетъ смерть, по крайней мѣрѣ, онъ едва избѣгнетъ смертельной опасности. Знатная дама сдѣлаетъ свое завѣщаніе. Кому нибудь, можетъ быть, придется сложить корону, а какому нибудь потентату и скипетръ, потому что предстоятъ большіе перевороты. Спаси Господи люди твоя! O Deus, o Deus, Твоя всевышняя воля! д. 27 іюля. Орлу (нѣмецкая имперія) отрубленъ кривой, слишкомъ длинный клювъ. д. 6 августа. Левъ (Швеція) рычитъ. д. 12 августа. Ѣдятъ треску (Финляндія, шведская армія), какъ кому хочется. д. 27 августа. Орелъ помолодѣлъ.

[1]) Сборн. Солов. библ. № 860, л. 28—29.

добродѣтели и пороки, долголѣтство и краткость жизни, то все кощунство и басни, переданныя халдеями еллинамъ, а еллинами христіанамъ... Богъ управляетъ судьбою міра и людей, а не звѣзды: иначе, за что злые люди дѣлающіе зло подъ вліяніемъ звѣздъ, будутъ подвергнуты мукамъ въ вѣчности? Если бы худые часы сотворилъ Богъ, то онъ былъ бы виновенъ, что сотворилъ человѣка злымъ» [1]). Отецъ писалъ сыну въ наставленіи, какъ учиться грамотѣ: «высочайши себе не ищи, а глубочайши тебе не испытуй: высочайши убо себе — *небесное измѣреніе*, а глубочайши тебе — *бѣсовское прорицаніе*. Въ томъ же наставленіи, какъ и въ Домостроѣ, *звѣздочетье* приравнивается, какъ тяжкій грѣхъ, къ блуду, къ скаканію и чудѣнію, конскому уристанію, чарованію и волхвованію [2]). Несмотря, однакожъ, на всѣ такія запрещенія, вѣра во вліяніе звѣздъ и планетъ овладѣвала умами и въ XVII вѣкѣ. По примѣру западныхъ императоровъ и королей, и московскій царь Алексѣй Михайловичъ приглашалъ Олеарія быть его дворцовымъ астрономомъ и вмѣстѣ астрологомъ. По словамъ современниковъ, онъ честію веліею почиталъ альманашниковъ, какъ называли тогда астрологовъ. Московскимъ старовѣрамъ, начитавшимся обличеній противъ звѣздочетья, эта весьма не нравилось. Извѣстный расколоучитель, Ѳедоръ дьяконъ упрекаетъ царя Алексѣя Михаиловича за то, что онъ «альманашниковъ любилъ». А попъ Лазарь взывалъ къ царю въ сочиненіи «о изгубленіи правовѣрныхъ государей власти»: «Царю благородный! како времени сего неиспытуешь: имѣеши у себя мудрыхъ философовъ, *разсуждающихъ лица небесе и земли, и звѣздъ хвосты аршиномъ измѣряющихъ*: сихъ Спасъ глаголетъ лицемѣры быти, яко времени неизгадаютъ. Государь! таковыхъ ли въ чести имаши и различными брашны питаеши, и хощеши внѣшними ихъ плеухами власть свою мирну управити. Ни ни»!

Извѣстное въ астрологіи соединеніе Сатурна и Юпитера, Conjunctio major и maxima, игравшее чрезвычайно важную роль въ разныхъ предсказаніяхъ западныхъ астрологовъ и обратившее на себя вниманіе даже Иделера, Гумбольдта и др., смутно отразилось и у насъ. Уже Абумассаръ въ сочиненіи de magnis conjunctionibus высказывалъ мечтанія о вліяніи большихъ обращеній Сатурна (изъ которыхъ каждое принимается въ 300 лѣтъ) на судьбу сектъ и государствъ. Пресловутый кардиналъ Pierre d'Ailly, писавшій въ 1414 году и старавшійся примирить астрологію съ богословіемъ и исторіей, по примѣру Абумассара, на основаніи невѣрнаго вычисленія большихъ соединеній Сатурна и Юпитера, предсказывалъ политическіе и міровые перевороты, пришествіе антихриста, и, между прочимъ, будто бы указывалъ на 1693 и 1789 годы. Съ этой поры, по его предсказанію, si mundus usque ad illa tempora duraverit, quod solus Deus novit, multae tunc et magnae et mirabiles alterationes mundi et mutationes futurae sunt et maxime circa leges. Онъ предсказывалъ также, на основаніи тѣхъ же астрологическихъ вычисленій, что антихристъ, cum lege sua damnabile, пришествія котораго Колумбъ ожидалъ уже въ 1656 году, не замедлитъ явиться:

[1]) Послан. Филофея. Хроногр. Солов. библ. № 53, л. 343—344.
[2]) Сборн. Солов. библ. № 925, л. 63—68.

это, если не вполнѣ достовѣрно, то verisimilius suspicio per astronomi
indicia.

Предсказанія d'Ailly имѣютъ, если не прямую связь, то большое сходст
съ подобными предсказаніями, существовавшими и въ Россіи съ XV вѣк
и до XVIII. Подобно d'Ailly и Колумбу, который изъ трактата de Conco
dia astronomicae veritatis cum narratione historica заимствовалъ идею о
опасности большихъ обращеній Сатурна и 7000 годахъ, и ждалъ антихрис
въ 1656 году, и у насъ съ XV вѣка распространялось смутное опасен
7000 годовъ, ожиданіе съ началомъ ихъ политическихъ переворотовъ, пр
шествія антихриста и кончины міра. Астрологъ Николай Нѣмчинъ подде
живалъ это суевѣріе, проявившееся за тѣмъ во всей силѣ въ расколѣ. П
томъ, во второй половинѣ XVII вѣка, нѣкоторые, подобно Pierre d'Ailly,
большому соединенію Сатурна и Юпитера, предсказывали гражданск
смуты и перевороты. Такъ, въ 1665 году, какой то *«мужъ мудрый»*, «
вопрошеніе царя и великаго князя Алексѣя Михайловича о хотящихъ быт
въ гражданствѣ», слѣдующее предсказывалъ *«по великому слученію выс
чайшихъ небесныхъ планидъ Сатурна и Ювиса»*: «яко въ гражданствѣ имут
быти тайная скипетровъ похищенія, и смерти, яко естественныя, тако н
прасныя людей вельможныхъ, имже послѣдуютъ великія молвы и сму
щенія и различныя постановленія уряду градскаго, ненавистная и въ п
носъ и укоризну висящая законоположенія, добрыхъ обычаевъ смущені
и мерзкихъ прозябенія, и для того великія будутъ сеймы многонарод
ныя и чувствительныя, Богъ да избавитъ, да нѣкое опредѣленное зло
оттуду выскочитъ, симъ вельможамъ, боярамъ, начальникамъ пагубн
будетъ, гдѣ будетъ судъ и правда, и брани неоскудѣютъ, подданны
возстанутъ противъ правителей за то, что сердца ихъ суть опечален
и тоскою наполнены, хотя нѣцы вельможи о упокоеніи уставительном
и помыслятъ и всяку жилу натянутъ, чѣмъ бы колеблемый оный народ
успокоитися могъ бы, обаче мало помогутъ. Къ симъ будутъ сонмища, казн
истощатся, и которые мучители зѣльнѣ возсвирѣпѣютъ, погибнутъ, Бог
же чтущіи соблюдутся. *Сіе предусмотрѣніе сотвори онъ* (мужъ мудрый
отъ великаго слученія высочайшихъ небесныхъ планидъ Сатурна и Ювиса» [1]

Обратимся теперь къ собственно-народнымъ воззрѣніямъ на звѣздно
небо, которыя развивались большею частію совершенно независимо от
книжныхъ мудрованій о небесномъ мірѣ, и во многихъ отношеніяхъ сове
шенно отличны отъ нихъ. Обозрѣвая полный кругозоръ самобытнаго н
роднаго міросозерцанія вообще, — мы примѣчаемъ въ немъ, во первых
преобладаніе непосредственно-натуральныхъ впечатлѣній, естественно-из
бразительныхъ и миѳологическихъ воззрѣній надъ разумнымъ знаніем
явленій природы, во вторыхъ, примѣчаемъ преобладаніе жизненно-прим
нительнаго, естественно-бытового, или природо-гадательнаго взгляда
физическій міръ надъ міросозерцаніемъ отвлеченно-познавательнымъ и
теоретическимъ. Всѣ эти отличительные признаки непосредственно-нат

[1]) Лѣтописн. сборникъ, принадлеж. профес. Григоровичу, половина 2: извѣще
о причинахъ происшествій 1682 и слѣд. годовъ.

ральнаго народнаго міросозерцанія обнаруживаются, въ частности, и въ народныхъ воззрѣніяхъ на звѣздное небо.

Теперь необразованный, простой народъ нашъ большею частію представляетъ небо такъ, какъ оно кажется на видъ, т. е. просто—покровомъ, оболочкой земли, и потому понятіе *небо* и *облако* часто смѣшиваетъ. Церковно-славянскія, библейско-богослужебныя выраженія о небесахъ, какъ облакахъ, подкрѣпляли такое народное представленіе [1]). Въ языческія же времена, предки наши представляли небо въ олицетворенномъ образѣ, въ видѣ божества—Сварога. Сварогъ, индійское coelum indri, отъ санскр. *сваръ* небо и *га* хожденіе, означалъ: 1) небо; 2) небесный свѣтъ, и 3) божество неба, точно такъ же, какъ у древнихъ Финновъ, по словамъ Кастрена, das wort *Jumala* eine dreifache Bedeutung hatte und 1) Himmel; 2) den Gott des Himmels; 3) eine Gottheit im Allgemeinen bezeichnete [2]), или какъ у монголовъ *тэнгри* означаетъ: 1) небо (ciel) и 2) божество неба (génie du ciel) [3]). Поэтому, какъ финнъ взывалъ къ своему Юмалѣ или Укко: ylijumala, taatto vanha taivahinen, — o Gott dort öben, alter Vater in dem Himmel, или какъ Бурятъ доселѣ взываетъ къ тэнгри: «тэнгри чи мэдэ—небо, ты знай: такъ и славянинъ взывалъ нѣкогда въ сохранившихся до-нынѣ заговорахъ народныхъ: «ты, небо, видишь, ты, небо, слышишь»! Пословицы крестьянскія говорятъ: *небо*—отецъ. Сѣй, разсѣвай, да на *небо* взирай. Не земля хлѣбъ родитъ, а *небо*», и. т. п.

Отъ тѣхъ временъ, когда небо представлялось божествомъ, или жилищемъ божества, сохранилось до-нынѣ существующее въ народной поэзіи представленіе свѣтилъ небесныхъ *очами неба*, или *лицами* небеснаго Бога. Эпическое уподобленіе свѣтилъ небесныхъ глазамъ или представленіе ихъ очами неба—общее всѣмъ народамъ. Скандинавскіе поэты солнце, луну и звѣзды называютъ очами неба. Въ образѣ германскаго верховнаго бога—Вуотана олицетворялось дневное небо, съ высоты котораго солнце, словно *громадное всемірное око божества*, озираетъ вселенную (mit diesem Auge überschaut die Gottheit die gesamte Welt, sie durchdringt alles). Тоже представленіе греки соединяли съ солнцемъ (Ἠέλιος). Какъ по пѣсни Wolfram'a 8, 28:

Obe der sunnen drî mit blicke waeren
Sin möhten zwischen si geliuhten;
Alle gestirne blicken auf die menschen hernieder;

Такъ точно, по изображенію Иліады:

Οὐδ' ἄν νῶϊ διαδράκοι Ηελιος περ,
Οὔτε καὶ ὀξύτατον πέλεται φάος εἰσοράασθαι.

---

[1]) Такое простое представленіе такъ естественно было, что одинаково свойственно и другимъ народамъ. Der Himmel, скажемъ словами Гримма, deckt die Erde und das Wort stammt aus der Wurzel *hima* (tego, involvo, vestio; lith. danguscoelum, dengiu-tego. In Westfalen bedeutet hebenscheer umzognen Himmel ohne Regen, ja heben drückt Wolke aus Sanscr. *nabos*, slav. *nebo* (coelum), grec. νέφος, lat. *nubes, nebula*, lett. debbes (coelum) debbes (nubes). D. M. 661—662.

[2]) Kastren's Vorlesungen über die Finnische Mythologie, 1853. 24.

[3]) Dictionnaire Mongol-russe-français, t. III, p. 1763.

Или, по изображенію Эсхила: Πρέσβιστον ἄστρων νυκτὸς ὀφθαλμός (Aesch. Sept. c. Th. 390).

Подобныя воззрѣнія на свѣтила небесныя образовались и въ славяно-русскомъ народѣ во времена миѳологическаго міросозерцанія, и сохраняются отчасти доселѣ. И теперь, напр., въ Восточной Сибири, въ селахъ говорятъ о солнцѣ: *Богъ глядитъ съ неба.* Изстаринное представленіе солнца окомъ или отсвѣтомъ, сіяніемъ лица Божьяго перешло въ народную христіанскую поэзію. Въ извѣстномъ космогоническомъ стихѣ о Голубиной книгѣ представляется:

Солнце красное *отъ лица Божьяго.*

Сербы *восходъ солнца* называютъ *прозоромъ Божіимъ.* Въ одной сербстой пѣснѣ поется, что Богъ заповѣдалъ тремъ ангеламъ сойти на землю:

Од Божиjег прозора
Од сунчевог истока.

Какъ древній германецъ, по словамъ Тацита, Solem respiciens et cetera sidera vocans, quasi coram interrogabat, velletne intueri inane solum — такъ нѣкогда и славяне поклонялись *солнцу,* въ образѣ божества Хорса-Дажьбога. Солнце представлялось благодѣтельнымъ, животворнымъ земледѣльческимъ божествомъ природы, царемъ ея. Отсюда сохранились эти наивно-дѣтскія эпическія воззванія народа къ солнцу красному, какія приговариваютъ въ селахъ весной, въ первый день пасхи, и когда облака и тучи заволокутъ небо, и день станетъ пасмурный:

Солнышко, солнышко ведрышко,
Выгляни въ окошечко!
Твои дѣтки плачутъ.... [1]).

Всѣ инородцы, финскіе и тюрко-монгольскіе, какіе доселѣ обитаютъ въ Россіи и въ Сибири, также представляли и большею частію доселѣ представляютъ солнце и другія небесныя тѣла божествами—самостоятельными хозяевами въ своихъ небесныхъ жилищахъ. Такъ монголы воздавали особенное богопочтеніе солнцу; шаманы ихъ, призывая это божество, дѣлаютъ въ честь его обычныя возліянія изъ молока, или арахи. Тунгусы, по словамъ Георги, чтятъ солнце—*Delatscha* или *Tirgani*; мѣсяцъ—*Bega* и звѣзды—

---

[1]) У нѣмцевъ было такое же представленіе о солнцѣ. Sonne—говоритъ Гриммъ gleich den andern Göttern als *froh, lieb* und *gnädig* dargestellt wird. O. IV. 33, 6 nennt ihr „gesiuni *blîdaz*, thes sich ioh worolt frewita", und ein Gedicht des 13 Jahr. druckt sich so aus:

Wol dir *frouwe Sunne*
Du bist al der werlt wunne!
Sô ir die Sunnen vrô sehet
Shoenes tages ir jehet
Der êren ir der Sunnen sehet
Swen ir si in liehtem schine sehet. Grimm, 668.

Ositka; преимущественно же поклоняются солнцу и смѣшиваютъ его съ верховнымъ божествомъ—*Вига* [1]). Такое же почитаніе солнца, вмѣстѣ съ луной и звѣздами, господствовало у самоѣдовъ, остяковъ, вогуловъ и даже у татаръ. Финны и эсты поклонялись солнцу, мѣсяцу и прочимъ небеснымъ тѣламъ въ ихъ непосредственномъ, матеріальномъ видѣ. *Kuu* у нихъ означалъ мѣсяцъ и божество мѣсяца, *Päiva*—солнце и божество солнца, *Otava* — большую медвѣдицу и божество ея, *Tahti* — звѣзды и божество звѣздное [2]). Солнце и у финновъ пользовалось преимущественнымъ почитаніемъ, какъ божество свѣта, тепла и земледѣлія [3]). Мордва и чуваши, говоритъ Лепехинъ въ своихъ путевыхъ запискахъ, солнце и луну не только за божество почитаютъ, но и приносятъ жертву солнцу въ началѣ весны, когда хлѣбъ сѣютъ, а лунѣ въ новомѣсячіе, и приносятъ имъ въ жертву овецъ, гусей и проч., съ такою молитвою. Мордва молится *солнцу*: «кебеди валюги каубавасъ тряда, ванда шибавасъ кубавасъ; вышнее *солнце* свѣтитъ во все царство: свѣти и намъ и на нашъ міръ!» *Новомѣсячію*: «кебеди валюги шибавасъ тряда, ванда кубавасъ: мѣсяцъ свѣтитъ во все царство; освѣщай насъ и хлѣбъ нашъ» [4])!

Кромѣ миѳологическихъ оттѣнковъ, въ народномъ взглядѣ на солнце, мѣсяцъ и звѣзды господствуетъ еще воззрѣніе символическое, образно-загадочное. Не умѣя астрономически, научно разсматривать такія величественныя явленія неба, какъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды, — народъ нашъ изстари смотрѣлъ и теперь смотритъ на чудеса звѣзднаго неба безъ всякаго разумнаго, отчетливаго пониманія. Не зная, какъ точно описать, обрисовать, изобразить ихъ своимъ словомъ, онъ описывалъ ихъ, въ формѣ загадокъ и пословицъ, образами земными, домашне-бытовыми, земледѣльческими, скотоводными. Иначе, при отсутствіи научныхъ астрономическихъ понятій, умъ и языкъ народный не могъ и выработать отчетливо-выразительныхъ, точныхъ словъ и опредѣленій относительно солнечнаго и звѣзднаго міра, и потому, дѣтски-наивно, такъ сказать, лепеталъ только о солнцѣ и звѣздахъ, въ загадкахъ и пословицахъ. И загадки эти, нѣкогда проистекавшія изъ пытливой любознательности младенческаго ума, теперь большею частію просто служатъ веселой, подъ часъ юмористической забавой—празднаго ума, незнающаго болѣе разумнаго и возвышеннаго наслажденія—просвѣщеннаго, раціональнаго созерцанія и познаванія неба. Въ этомъ младенческомъ состояніи астрономическаго міросозерцанія находится нашъ простой народъ и теперь. Онъ, сквозь земные, домашне-бытовые образы, смотритъ на звѣздное небо, и такъ гадаетъ въ своихъ пословицахъ о солнцѣ, мѣсяцѣ и звѣздахъ: «Что выше лѣсу? Солнышко.

---

[1]) Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich. Bd. 1, S. 275.

[2]) Kastren's, finnische Mythol. 53 и слѣд. см. подробности о Päiva, Kuu, Otava, Tähti, о сыновьяхъ и дочеряхъ солнца о проч. 5, 53—61.

[3]) Es ist sehr wahrscheinlich,—говоритъ Кастренъ,—dass der Sonnengott von den Finnen der Vorzeit auch wegen seiner wärmenden Eigenschaft im Allgemeinen und besonders wegen seiner ernährenden, die Erde befruchtenden Natur verehrt wurde. Finn. Myth., S. 61.

[4]) Полн. собр. путешеств. по Россіи, т. III, стр. 178.

Что краше свѣта? Красное солнышко. По зарѣ зарянской катится шаръ вертлянской: никому его не обойти, ни объѣхать (солнце). Красная дѣвушка въ окошко глядитъ (солнце). Красная дѣвушка по небу ходитъ (солнце) [1]. Сивый жеребецъ черезъ ворота глядитъ (мѣсяцъ). Лысый меринъ подъ ворота глядитъ (тоже). Бѣлоголовая корова въ подворотню смотритъ (мѣсяцъ). Баранъ въ хлѣвѣ, рога въ стѣнѣ (тоже) [2]. Шелъ я мимо, видѣлъ диво: виситъ котелъ въ девяносто ведръ (мѣсяцъ). Безъ крыльевъ летитъ, безъ кореньевъ растетъ (мѣсяцъ). Надъ бабушкиной избушкой виситъ хлѣба краюшка (тоже). У насъ надъ дворомъ краюха виситъ (луна). Надъ дворомъ-дворомъ, стоитъ чаша съ молокомъ (мѣсяцъ). Идетъ лѣсомъ — не треснетъ; идетъ плесомъ—не плеснетъ (тоже). Поле не мѣрено, овцы не считаны, пастухъ рогатый (звѣзды и мѣсяцъ). Полна печь пироговъ, посреди коровай (звѣзды и мѣсяцъ). Погляжу я въ окошко, стоитъ рѣпы лукошко (небо и звѣзды). Разсыпался стаканъ по всѣмъ городамъ, никому несобрать, ни попамъ, ни дьякамъ, ни дьячкамъ, ни намъ, дуракамъ, ни серебреникамъ (звѣзды). Разсыпался горохъ по всей Москвѣ, по всей Вологдѣ (звѣзды). Вся дорожка осыпана горошкомъ (звѣзды на небѣ). Разсыпался коверъ по всѣмъ сторонамъ: никому не собрать, ни попамъ, ни дьякамъ, ни серебреникамъ (звѣзды). Шли козы по мосту, увидѣли зорю, попрятались въ воду (звѣзды). Катилися каточки по ягнову (ясному?) мосточку, увидѣли зорю, пали въ воду (звѣзды). На избномъ конькѣ пестра подушка лежитъ (звѣзды). Безъ огня горитъ, безъ крылъ летитъ (солнце) [3].

Не имѣя разумнаго, научно-астрономическаго понятія о солнечной системѣ, о суточномъ движеніи земли около солнца—нашъ простой народъ доселѣ руководствуется своеобразными непосредственными впечатлѣніями и наблюденіями и соединенными съ ними суевѣріями. Представленіе о кажущемся суточномъ теченіи и круговращеніи солнца по небу, надъ землей, такъ вкоренилось въ понятія народа, что проникаетъ ихъ бытъ и вѣрованія. У него свои, совершенно особенныя понятія и выраженія о солнцѣ. Напр., солнце представляется ему *колесомъ* и *шаромъ вертящимся*: «на зарѣ зарянской катится *шаръ вертлянскій*, никому его не обогнать, не объѣхать». О свойствахъ солнца гадаютъ: «Что *безъ огня горитъ?* Солнце. О *солнечномъ*

---

[1] Представленіе солнца въ женскомъ родѣ ведетъ свое начало изъ языческой миѳологіи. Самое слово солнце, въ первоначальной, коренной своей формѣ *сълън* (солонь), по мнѣнію Буслаева, женскаго рода. Въ слѣдствіе первоначальнаго женскаго значенія, солнце, по народнымъ сказаніямъ, поворачивая на лѣто, наряжается въ праздничный, *дѣвичій сарафанъ*. Въ Ивановъ день, куклу, представляющую солнце, одѣваютъ въ женскій нарядъ. Точно также германцы представляли solem esse *deam* vocans eam *sanctam dominam*. См. подробнѣе о женск. полѣ солнца, по древнимъ понятіямъ у Гримма, D. M. 666.

[2] Представленіе мѣсяца въ образѣ животныхъ ведетъ свое происхожденіе изъ зооморфической миѳологіи звѣроловнаго и пастушескаго быта, когда свѣтила представлялись подъ образомъ разныхъ животныхъ, и особенно подъ образомъ быка и коровы. См. подробности въ статьѣ г. Афанасьева: о зооморфическихъ божествахъ славянъ. Отеч. зап. 1852 г. Также, арх. Калачева, книги второй половины 2, стр. 19

[3] Пословицы, собр. Далемъ.

лучѣ загадка говоритъ: «изъ окна въ окно золото веретено». О солнцѣ, когда оно близко къ восхожденію и когда горизонтъ уже освѣтился, говорятъ въ нѣкорыхъ мѣстахъ: *солнышко спорыдаетъ*, свои лучи оно *брызжетъ* или *разбрызгиваетъ*. Дѣйствіе восхожденія солнца индѣ выражаютъ безличнымъ глаголомъ: «*вздрало*», «вздрало·солнце», *разсвѣло*, *взошло красно солнышко* и т. п. Съ восходомъ солнца простой народъ нашъ доселѣ безсознательно соединяетъ первобытное представленіе о дѣйствительномъ выходѣ, какъ бы вытеченіи солнца изъ-за горъ, изъ-за лѣсу, изъ-за моря, такъ же какъ и всѣ народы имѣли такое первоначальное понятіе объ этомъ явленіи. Древне-нѣмецкое выраженіе о восходѣ солнца arrinnit такое же понятіе выражаетъ и однозначительно съ латинскимъ manare: diei principium *mane*, quod tum manat dies ab oriente (Varro 6, 4) *manare solem* antiqui dicebant, cum solis orientis radii splendorem jacere coepissent. Восходъ солнца и востокъ имѣли религіозное значеніе въ язычествѣ. Встающій отъ сна обращался къ восходящему солнцу и молился. По эпическимъ пѣснямъ и былинамъ народнымъ, всѣ богатыри и герои имѣли обычай молиться на востокъ: «онъ молодецъ отъ сна пробуждается, утренней росой умывается, бѣлымъ полотномъ утирается, на *востокъ* Богу—молится». (Древн. росс. стихотв., стр. 258). Восходъ солнца давалъ человѣку опознаваться, оріентироваться въ окружающей его природѣ, опредѣлялъ понятіе о правомъ. Отсюда въ одномъ народномъ заклятіи выраженіе: «*солнце деснуетъ*».[1]) Начиная съ восхода, все дневное теченіе солнца по небу имѣло для нашихъ предковъ не только время — опредѣлительное, но и какое-то особенное, священное значеніе. *По солнцу совершались суевѣрные* обряды. И въ церкви должно было ходить непремѣнно *по-солонь*, а отнюдь не противъ солнца. Потому-то старовѣры и подняли такой жаркій споръ *о хожденіи по-солонь*, такъ какъ *солонованіе* было исконнымъ народнымъ обычаемъ, а не греко-восточнымъ установленіемъ. Далѣе, по областнымъ народнымъ нарѣчіямъ, солнце приходитъ на *притинъ*, когда въ полдень подымается до высшей точки на небѣ. Оно *зѣваетъ*, если по временамъ является изъ-за тучекъ, то спрячется, то опять покажется; говорятъ: *солнышко спряталось*. Когда солнце закрывается бѣлыми облаками,—поморцы говорятъ: *солнышко замолодѣло*. О дальнѣйшемъ кажущемся теченіи солнца говорятъ: *солнце съ избы своротило*, т. е. съ лица избы, съ юго-восточнаго угла, гдѣ башница, перешло, значитъ, за полдень. Сворачивая съ полдня и опускаясь къ западу, солнце *косится;* и когда въ дали по горизонту тянутся густые сплошные облака, тогда оно садится *въ стѣну* [2]). О захожденіи солнца говорятъ: «солнышко *закатилось*, *сѣло*» и т. п. Куда оно *закатилось*, нашъ народъ не даетъ никакого отчета. Старинные наши книжники представляли солнце близь одной изъ самыхъ крайнихъ оконечностей земли: тамъ указывали *солнцевое мѣсто*, откуда оно по-утру восходитъ. Такъ въ космографіи XVII в. писалось: «страна Ѳарматы нагія подъ *самымъ востокомъ солнца*, вѣруютъ же на *небо* и къ Богу... Да туто

[1]) Архивъ Калачова, кн. 2, пол. 2, отд. VI, стр. 73—55.
[2]) Буслаевъ, 1, стр. 184.

жъ подъ *востокомъ солнца* есть мѣсто, гдѣ исходятъ великія 4 рѣки райскія... И ту *подъ востокомъ солнца* человѣкамъ нѣсть жилища»[1]. Въ лѣтописяхъ упоминается какой-то *Солнцевъ градъ* въ индѣйской странѣ. Напр., по случаю мора 1352 г., новгородскій лѣтописецъ замѣчаетъ: «нѣцыи рѣша: той моръ пошелъ изъ индѣйскія страны, отъ *Солнца града*», (Новг. IV, 61). По народнымъ повѣрьямъ, представляется также солнцево мѣсто на морѣ на Океанѣ, на островѣ Буянѣ. По другимъ славянскимъ повѣрьямъ, солнце склоняется вечеромъ въ воду, въ купальню, чтобы очиститься, и утромъ восходитъ оттуда въ чистомъ лучезарномъ блескѣ. Иначе море представляется матерью солнца, которая ночью склоняетъ и успокоиваетъ его въ своихъ объятіяхъ[2]. Такъ-какъ въ языческія времена, солнце почиталось божествомъ жизни, земледѣльческаго богатства и всякаго счастія, вся дневная жизнь нашихъ предковъ, такъ сказать, вращалась по солнцу, по-солонь, — то, съ закатомъ солнца, съ прекращеніемъ его благотворнаго свѣта, дѣлать, или начинать что нибудь, по примѣтамъ нашего народа, значило — какъ бы идти противъ солнца и вредить себѣ. Суевѣрныя примѣты говорятъ: «когда солнышко закатилось, не починай нозой ковриги: разстроится богатство. Солнышко закатилось, не бросай соръ на улицу: пробросаешься».

Космическія и атмосферныя явленія свѣта небесныхъ тѣлъ доселѣ остаются тайною для темныхъ массъ народныхъ. Простолюдины, да и многіе учившіеся въ среднихъ и высшихъ училищахъ, не только не умѣютъ объяснить такихъ явленій, какъ напр., аберрацію свѣта, образованіе голубого цвѣта неба, или различныя комбинаціи и степени отраженія свѣта въ мельчайшихъ водяныхъ пузырькахъ, плавающихъ въ воздухѣ, рефракцію, сверканіе звѣздъ, миражъ, радугу и другія явленія, производимыя преломленіемъ и отраженіемъ свѣта, но не понимаютъ и не могутъ объяснить и закона распространенія обыкновеннаго дневного свѣта. Они не знаютъ, напримѣръ, что свѣтъ солнечный пробѣгаетъ въ одну секунду около 42,000 миль, что каждая частица воздуха, или водяныхъ паровъ, или частица пыли и дыма въ воздухѣ, задерживая часть падающаго на нее свѣта, производитъ отраженіе и разсѣяніе свѣта, что это отраженіе и разсѣяніе свѣта внутри атмосферы и есть причина обыкновеннаго дневного свѣта, и проч. Простой народъ нашъ довольствуется простымъ представленіемъ, что свѣтъ отъ солнца, что солнце *разбрызгиваетъ* свѣтъ и т. п. Скорость и неуловимость распространенія свѣта онъ представляетъ подъ образомъ тайнаго, невидимаго, неуловимо-быстраго подкрадыванія. Не умѣя ясно и отчетливо представить и объяснить явленій свѣта, онъ выражаетъ понятіе о свѣтѣ и его распространеніи иносказательно, символически, по обычному пріему своего эпическаго міросозерцанія. Таковы, напр., слѣ-

[1]) Сборн. Сол. библ. № 861, № 274—275.

[2]) Hanusch, Slavisch. Myth., S. 201, Гриммъ говоритъ: „Wohin aber wendet sich die Abendsonne zur Ruhe, wo ist ihr Gemach gelegen? Nach dem ältesten Ausdruck taucht sie ins Meer, in den kühlen Wogen ihre Glut zu löschen, im ags... *on mere* gange, *under soe* suife", и проч. По древне-нѣмецк. представленію, божество солнца zu bade geht. D. M. 702—704.

дующія загадки и пословицы о свѣтѣ и его явленіяхъ: «Бѣлая кошка лезетъ въ окошко (свѣтъ). Ни стукъ, ни брякъ, къ окну подошелъ (свѣтъ). Изъ окна въ окно золото веретено (лучь солнечный). Мету не вымету: пора придетъ, самъ уйдетъ (свѣтъ солнца). Чего въ коробейку не спрятать и не запереть? (Свѣта). У тебя есть, у меня есть, у дуба въ полѣ, у рыбы въ морѣ (тѣнь). По утру въ сажень, въ полдень въ пядень, а къ вечеру черезъ поле хватаетъ (тѣнь). Разныя отраженія солнечнаго свѣта на предметахъ областныя нарѣчія наши выражаютъ также просто, по наглядности. Напр. если солнце освѣщаетъ предметъ — это выражаютъ словомъ *освитъ*; если не освѣщаетъ, то говорятъ: *усолонь* или *усолонье*. Дѣйствія атмосферной рефракціи, или разнообразныя странные явленія, производимыя необыкновеннымъ преломленіемъ свѣта въ сосѣднихъ воздушныхъ слояхъ различной плотности, простолюдины выражаютъ по своему, безъ всякаго пониманія и объясненія. Напр., когда предметъ измѣняетъ видъ свой отъ преломленія лучей въ воздухѣ,—поморцы говорятъ: *временитъ*; *острова временятъ*, т. е. измѣняютъ свой видъ отъ дѣйствія рефракціи. Или, когда воздухъ въ дали представляется какъ бы дрожащимъ отъ дѣйствія рефракціи,—тѣже поморцы, необъясняя этого явленія, говорятъ: *мельзитъ*. Въ восточной Сибири, въ приленскихъ селахъ, когда видятъ кажущееся лѣтомъ въ дали, въ поляхъ, безпрерывное и быстрое передвиженіе или дрожаніе воздуха, происходящее отъ дѣйствія рефракціи и отъ безпрестаннаго движенія неодинаково-плотныхъ воздушныхъ слоевъ,— говорятъ, что то начинающіе цвѣсти хлѣба играютъ.

Изъ безчисленныхъ системъ звѣзднаго неба, народное міросозерцаніе подмѣтило весьма немного звѣздныхъ группъ. И тѣ оно подмѣтило крайне поверхностно и представлаетъ баснословно, нисколько не изображая ихъ истинной космической природы. Именно, изъ всѣхъ неподвижныхъ звѣздъ, которыхъ въ средней Европѣ видно до 3,250, изъ всѣхъ созвѣздій, передъ взорами нашего простого народа, какъ и передъ взглядомъ другихъ народовъ, особенно ярко выступаютъ три: Большая Медвѣдица (Ursa Major), Оріонъ и Плеяды.

Большую Медвѣдицу, которую, на сѣверномъ небѣ, во всякое время легко можно найти по замѣчательному созвѣздію, содержащему шесть звѣздъ второй и одну звѣзду третьей величины, — наши крестьяне называютъ *Коромыслъ* (Оренбургской губ.), также *Лоса́* или *Лось* (Олонец. и Вятской). По этому созвѣздію крестьяне узнаютъ полночь[1]). У грековъ Большая Медвѣдица называлась ἄρκτος (ursa) и ἅμαξα, у римлянъ *ursa* и *plaustrum*, также *septentriones*, у нѣмцевъ *Wagen*, у французовъ—*char*, *chariot*, у поляковъ *woz* (plaustrum), у богемцевъ *was* и *ogka*, у иллирійскихъ славянъ *kola* и *kolo*[2]). Финская миѳологія называетъ Большую Медвѣдицу *Otava* и представляетъ ее божестомъ, имѣющимъ дочь *Otavatar*[3]).

Прекрасную группу ярко-блистающихъ звѣздъ, которую греки назы-

---

[1]) Великорус. областн. словарь, см. означ. слова.
[2]) Grimm. D. M. s. 688.
[3]) Kastren, Finnische Mytholog. s. 54. 58.

вали *Оріономъ* (ωρίων), или эти три взаимно-соприкосновенныя звѣзды, образующія поясъ Оріона или жезлъ Іакова, крестьяне наши называютъ *кичаги* и *кичиги*. У славянъ Оріоновъ поясъ называется *kosi*, у богемцевъ — *kosy*, у словаковъ *koszi*, у краинцевъ — *palize*, у босняковъ — shtupka, у другихъ славянъ — *babini sctapi* и kruzilice, и т. д. [1])

Близъ Тельца, видно густо усѣянное, скученное звѣздами мѣсто, въ которомъ распознаются семь большихъ звѣздъ. Это созвѣздіе *Плеядъ* [2]), крестьяне наши называютъ *кучки* (нижегород.), также *утичье гнѣздо* (вятск. и друг.) *ключи петровы* (воронежск.), *баба* и *стожаръ*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ созвѣздіе плеядъ служитъ крестьянамъ примѣтой удачнаго промысла за медвѣдями! «Коли звѣздисто и стожаръ (созвѣздіе плеядъ) горитъ — иди смѣло на медвѣдей», — говоритъ одна примѣта. Богемцы называли Плеяды *slepices kuratky*, венгерцы — *fiastik, fiastyuk* отъ *tik, tyuk gallina*, поляки — *baby*, сербы — *wlaschitzi, vlaschnitzi*, нѣмцы — *thaz sibunstirri*. Представленіе плеядъ подъ образомъ утинаго гнѣзда или насѣдки съ семью цыплятами, распространено почти во всей Европѣ [3]).

Ни одна изъ планетъ не подходитъ такъ близко къ землѣ, какъ Венера, которая можетъ приближаться къ нашей планетѣ до $5^1/_4$ милліоновъ миль и удаляться отъ нея до 36-ти милліоновъ миль. Кромѣ того, она отличается своей ослѣпительной бѣлизной и яркимъ свѣтомъ отъ всѣхъ прочихъ планетъ. Эта планета можетъ быть уже видна за три часа до восхожденія солнца, или же спустя три часа по захожденіи его, такъ что за явленіями ея можно наблюдать цѣлую ночь. Послѣ верхняго соединенія съ солнцемъ, Венера быстро удаляется отъ него къ востоку, такъ что ея захожденіе происходитъ послѣ захожденія солнца, и, слѣдовательно, планета будетъ видна вечеромъ, почему она въ это время и называется *вечернею звѣздою*. По достиженіи наибольшаго удаленія отъ солнца, Венера сперва медленно, а потомъ быстро приближается къ солнцу. Незадолго передъ нижнимъ соединеніемъ съ солнцемъ, Венера, наблюдаемая въ телескопъ, является узкимъ серпомъ, и потомъ исчезаетъ въ лучахъ солнца, чтобы черезъ нѣсколько времени появиться на западной его сторонѣ. Теперь Венера восходитъ прежде солнца, и потому называется *утреннею звѣздою*. Наши крестьяне вечернюю и утреннюю венеру называютъ *зарницей* (нижегор., оренб.), *зарянкой* (смолен.), *заряницей* (псков. твер.).

---

[1]) Добровск. Slavin p. 425. Скандинавы назвали Оріоновъ поясъ Mariarok, Marirok, отъ дѣвы Маріи. Въ другихъ мѣстахъ Германіи назыв. Оріонъ *Pfluoc* (aratrum) такъ же Iakobsstab, peterstab. Grimm, D. M. 690.

[2]) Греч. Πλειάδες, іонич. Πληϊάδες — семь дочерей Атласа и Плеоны, подобно тому какъ сѣверныя Thiassi, и Orvandill — изъ рода ризъ (Riesengeschlecht).

[3]) D. M. Grimm: Zumeist verbreitet unter dem Volk in Deutschland, fast in ganz Europa ist das Bild einer *Henne mit sieben Küchlein*. S. 691. О происхожденіи плеядъ Гриммъ сообщаетъ такую легенду: Christus gieng an einem Beckerladen vorüber, wo frisches Brot duftete und sandte seine junger hir, ein brot zu erbitten, der becker schlug es ab, doch von ferne stand die beckerfrau mit ihren sechs töchtern und gab das brot heimlich, da für sind sie als *siebengestirn* an den himmel versetzt, der becker aber ist zum Kukuk geworden. S. 691.

Въ эпосѣ народномъ, въ пѣсняхъ и даже заговорахъ, вечерняя и утренняя звѣзда играетъ важную роль. Видно, что въ языческія времена ей усвоилась религіозная, божественная санкція[1]).

Если разсматривать небо, говоритъ Мюллеръ, при совершенно прозрачномъ воздухѣ, въ безлунную ночь, то на темно-синемъ фонѣ, усѣянномъ звѣздами, замѣчаютъ слабую, бѣлую, туманную полосу, которая, при неправильномъ очертаніи, увеличиваясь въ ширинѣ, проходитъ черезъ весь рядъ созвѣздій. Эта туманная полоса, извѣстная подъ названіемъ *Млечнаго пути*, образуетъ кольцо, раздѣляющее весь небесный сводъ на двѣ, не совсѣмъ равныя части. Начиная отъ Лебедя до хвоста Скорпіона, млечный путь раздѣляется на двѣ, одна возлѣ другой идущія полосы, окружающія темное пространство, на подобіе острова. Млечный путь относятъ къ разлагающимся туманамъ, на томъ основаніи, что при разсматриваніи его въ хорошую зрительную трубу, онъ является составленнымъ изъ безчисленнаго множества малыхъ, густо расположенныхъ, звѣздочекъ. Видъ, въ которомъ намъ представляется млечный путь, объясняется предположеніемъ, что звѣзды, составляющія его, образуютъ кольцо, и что солнце, вмѣстѣ съ своими планетами, находится въ срединѣ этого кольца[2]). Простой народъ, не умѣя астрономически объяснить млечный путь, какъ явленіе небеснаго свѣта, представляетъ его по своему, миѳологически. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (наприм. нижегородской губерніи) крестьяне называютъ его *мышины тропки*, а голову млечнаго пути—*косари* (тул.)[3]). Въ средніе вѣка, когда вообще въ небесныхъ свѣтилахъ видѣли знаменія земныхъ событій, наши предки назвали млечный путь, по нашествію татаръ, *батыевымъ путемъ*, думая, что на небѣ, именно въ млечномъ пути отобразился страшный путь Батыя. Названіе это сохраняется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и теперь. И вообще, у разныхъ европейскихъ народовъ господствовало подобное миѳическое представленіе о млечномъ пути. Напр. венгерцы называли эту группу звѣздъ *путемъ войны*, *via belli* (hadakuttia), потому, будто бы, что переселяясь изъ Азіи, они слѣдовали этому созвѣздію. По эпической сагѣ Видукинда о побѣдѣ саксовъ надъ тюрингами, герой-полубогъ Ирминъ или Иринъ мечомъ проложилъ этотъ небесный путь, viam ferro faciens, почему онъ и назывался iringes wec an dem himmel, iringesstrâza[4]). Кромѣ того, по средневѣковому суевѣрному міросозерцанію, млечный путь представлялся и назывался via Sancti Jakobi, chemin de saint Jacques, Jakobstrass. Западные славяне называли его zesta v'Rim

---

[1]) Нѣмцы называли вечернюю и утреннюю Венеру âpantsterno, tagastesrno, abendstern, morgenstern. Финны утреннюю звѣзду представляли божественнымъ существомъ. По сагѣ эстовъ, *Koit*—утренняя звѣзда зажигала солнце, какъ свѣчу, а вечерняя—*Ämmarik* гасила. Kastren, Finn. Myth. 65.

[2]) Космич. физика, Мюллера, стр. 298.

[3]) Великор. областн. словарь, подъ этими словами.

[4]) Mirari tamen non possumus,—присовокупляетъ Видукиндъ,– in tantum famam praevaluisse, ut Iringi nomine, quem ita vocitant, lacteus coeli circulus usque in praesens sit notatus. Или, по ауерсбергской хроникѣ: famam in tantum praevaluisse, ut lacteus coeli circulus *Iringis nomine Iringesträza* usque in praesens sit vocatus.Grimm, 331.

(путь въ Римъ), отъ путешествій пилигримовъ. Финны представляли млечный путь *птичьимъ путемъ* (linnunrata[1]).

Безъ разумнаго, научнаго знанія звѣзднаго неба, нашъ простой народъ неизбѣжно долженъ былъ, подобно всѣмъ націямъ, чуждымъ астрономическаго просвѣщенія, съ рабскимъ суевѣріемъ предаваться всякимъ предразсудочнымъ и невѣжественнымъ представленіямъ о вліяніи небесныхъ свѣтилъ на земную природу и организмъ человѣка. Такъ, дѣйствительно, и есть. Скажемъ сначала о вѣрѣ во вліяніе луны.

Наука теперь убѣдила насъ, что мѣсяцъ, по самой природѣ своей и по своему астрономическому положенію, не можетъ имѣть никакого вліянія на землю и организмъ человѣка. «Какъ старый шлаковый шаръ, скажемъ словами Шлейдена, лѣниво вертится онъ вокругъ нашей планеты. Среднее разстояніе его около 52,000 нѣм. миль, вся его орбита простирается не болѣе 326,000 миль, да и это пространство мѣсяцъ проходитъ въ 27 дней и почти 8 часовъ, тогда какъ наша планета пробѣгаетъ въ часъ 14,000 миль. Вся его поверхность заключаетъ 690,330 квад. миль; слѣдовательно, почти столько, сколько содержитъ земля на южномъ нашемъ полушаріи, или около $^1/_{10}$ водяной его поверхности. Орбита мѣсяца дѣлаетъ съ землею уголъ не болѣе какъ въ 5^0; постоянно передвигающіяся точки пересѣченія обѣихъ орбитъ называются узлами луннаго пути. Поэтому, въ извѣстное время, онъ совершенно поворачивается къ солнцу спиною; а такъ какъ мѣсяцъ по преимуществу освѣщается солнцемъ, то онъ и кажется намъ совершенно темнымъ». Составляя $^1/_{80}$ земной массы, луна еще и въ другомъ отношеніи не болѣе, какъ слабое, невліятельное тѣло. Ни слабый свѣтъ, который она заимствуетъ отъ солнца и ниспосылаетъ къ намъ, не составляющій даже $^1/_{20000}$ солнечнаго свѣта, ни самые незначительные теплые лучи, доходящіе до насъ вмѣстѣ съ лунными лучами, по точнымъ опытамъ, рѣшительно не оказываютъ никакого вліянія на земную жизнь и природу. Даже сила, присущая всѣмъ небеснымъ тѣламъ безъ исключенія, сила тяготѣнія, весьма незначительна у мѣсяца; она не превышаетъ $^1/_7$ силы тяготѣнія земли, такъ что камень, падающій на землѣ со скоростью 15′ въ первую секунду, на лунѣ падаетъ въ то же время немного болѣе 2′. Мѣсяцъ не въ состояніи приподнять легчайшаго перушка, и не можетъ испарить малѣйшую каплю воды. Если же онъ оказываетъ вліяніе только на движенія воздушнаго океана и на обширныя моря, производя приливы и отливы, то и это дѣйствіе приходится отчасти насчетъ солнца, по крайней мѣрѣ до $^2/_5$. Какъ космическая сущность луны, такъ и самыя фазы ея не заключаютъ въ себѣ никакихъ таинственныхъ, сверхъестественныхъ силъ, которыя бы имѣли вліяніе на дѣла земныя и человѣческія, на измѣненіе погоды и проч. Это очень простое явленіе: луна сама по себѣ

---

[1]) Grimm. D. M. 331—332. По другимъ сказаніямъ, Weg von Dover nach Cardigan sich erstreckend bildet am Himmel die *milchstrasse*, или—путь проѣзженный нѣкогда поѣздами языческихъ боговъ. Фаетонъ, сынъ божій, когда вздумалъ править солнечнымъ поѣздомъ отца, воспламенилъ полосу на небѣ, и это сталъ путь, который называется млечнымъ путемъ. У всѣхъ восточныхъ народовъ онъ называется то путемъ боговъ, то путемъ душъ. Grimm. D. M. 331.

есть тѣло темное; весь свѣтъ, какой доходитъ отъ нея до насъ, какъ мы сказали, есть отраженный солнечный свѣтъ. Поэтому, когда луна находится въ соединеніи съ солнцемъ, или между землею и солнцемъ, то къ землѣ обращена ея темная сторона, и мы видимъ новолуніе. Затѣмъ, въ среднихъ положеніяхъ луны относительно солнца, мы видимъ, разумѣется, то большія, то меньшія части освѣщенныхъ ея половинъ, начиная отъ серпа до полнаго круга. Когда луна течетъ передъ нашими глазами, насупротивъ находящагося солнца, и къ намъ, слѣдовательно, обращена вся освѣщенная солнцемъ сторона мѣсяца, эта фаза называется *полнолуніемъ*. Всѣ эти измѣненія или фазы луны суть явленія чисто космическія, ничто иное, какъ различныя степени слабаго отраженія солнечнаго свѣта, и потому не могутъ имѣть никакого особеннаго дѣйствія на землю и на земную атмосферу. Новолуніе или полнолуніе, равно какъ и другія фазы луны, не имѣютъ никакого вліянія, напримѣръ, на измѣненіе погоды. Это доказываетъ постоянная неизмѣняемость погоды во всѣхъ четвертяхъ и фазахъ мѣсяца, въ тропическихъ странахъ, для которыхъ эти четверти и фазы луны имѣютъ такое же космическое значеніе, какъ и для всѣхъ другихъ странъ земного шара, и бываютъ въ одинъ и тотъ же моментъ, какъ и вездѣ».

Не зная физической невозможности никакого особеннаго вліянія мѣсяца на земную планету и людей, различные народы издревле вѣрили въ луну и ея могущественныя дѣйствія. У грековъ полнолуніе,—πανσέληνον, и новомѣсячіе —νουμηνία, ἕνη καὶ νέα считались священнымъ временемъ, такъ же какъ у евреевъ; причиной этого было суевѣрное мнѣніе о вліяніи новолунія и полнолунія. Отъ Гезіода, высказавшаго греческія суевѣрія относительно дней въ сочиненіи *Εργα καὶ ἡμέραι* до Варрона и Виргилія, большая часть сельскихъ работъ распредѣлялись по вліянію луны. «Все, что въ сельскомъ хозяйствѣ надобно срѣзывать, срывать, стричь, все это лучше дѣлать во время ущерба мѣсяца, нежели при новолуніи», — говоритъ Плиній въ своей естественной исторіи. «Только то, что наростаетъ снова, говоритъ Варронъ о земледѣліи, можно срѣзывать при новолуніи». «Я слѣдую этому примѣру, говоритъ Agrasius, — не только при стрижкѣ овецъ, но, по наставленію моего отца, даже когда самъ стригусь, чтобы не стать плѣшивымъ, остригшись во время ущерба[1]). Въ темные средніе вѣка особенно сильно вѣрили въ удачу или неудачу полевыхъ и всякихъ другихъ работъ въ новолуніе или полнолуніе. Церковные учители, въ родѣ Елигія, находили нужнымъ въ проповѣди разубѣждать: nec luna nova quidam timeat aliquid operis accipere. Нѣмцы называли новолуніе *holder herr*. Новолуніе они считали лучшимъ, самымъ счастливымъ временемъ для браковъ, для постройки новаго дома и переселенія въ него: novam lunam observasti pro domo facienda aut conjugiis sociendis. Въ новолуніе считали деньги: новый мѣсяцъ умножалъ прибыль. Новолуніе считалось лучшимъ

---

[1]) И даже теперь, замѣчаетъ Шлейденъ въ своемъ чтеніи о лунѣ, 2,000 лѣтъ спустя, это суевѣріе твердо укоренилось у нашихъ кормилицъ, нянекъ, и даже у многихъ изъ такъ называемаго образованнаго класса. Этюды, 248.

временемъ для приплода скота. Въ новолуніе собирали цѣлебныя травы, потому что вѣрили въ особенное вліяніе новаго мѣсяца на цѣлительные соки травъ[1]). По различнымъ суевѣрнымъ примѣтамъ о лунѣ, производился посѣвъ разныхъ произрастеній. Напримѣръ, полагали за правило — плоды, растущіе надъ землею, сѣять въ новолуніе, а корнеплодныя растенія — въ ущербъ мѣсяца[2]). Полагали далѣе, что луна оказываетъ такое же вліяніе и на организмъ человѣка. Съ новолуніемъ, будто бы, наростаетъ мозгъ, наполняя весь черепъ, и снова уменьшается съ ущербомъ мѣсяца. Съ фазами луны, то увеличивается будто бы, то уменьшается количество крови въ жилахъ. Въ XIII вѣкѣ врачи выдавали это за несомнѣнную истину. Со временъ Иппократа и почти до новѣйшаго времени, фазамъ луны приписывались причины болѣзней, по фазамъ мѣсяца заключали о методѣ леченія, о дѣйствіяхъ лекарства. Какъ остатки этихъ предразсудковъ, встрѣчаются даже во многихъ календаряхъ нашего столѣтія особенные календарные знаки, обозначающіе дни и часы, въ которые можно съ пользою пускать кровь, ставить банки, купаться, или принимать слабительное. Наконецъ, особенно сильно было вѣрованье въ связь различныхъ измѣненій погоды съ фазами луны. Это суевѣріе господство-

---

[1]) Uberall herscht die Vorstellung,—пишетъ Гриммъ,—dass held, ehegluck und haussegen, gleich dem licht des himmels wachsen und zunehmen werden. Nicht anders geschieht haar und nägelschnitt im neumond (franz. abergl. n. 5, Schütze holht id. 3, 68) damit sie wieder nachwachsen; vieh wird im zunehmenden licht entwöhnt (no. 757), im schwindenden würde es abmagern; nach litth, abergl. sollen mädchen in abnehmenden, knaben in vollem licht entwöhnt werden, warscheinlich um jenen schlanke, zierliche, diesen aber starke gestalt zu verschaffen. Heilsame kräuter, reiner thau sind im *neumond* zu sammeln: „tou on des mânen niwi gelesen, weil die dann frisch und lauter sind.... Bei *vollmond* (im gegensatz zu neumond), d. h. bei abnehmenden licht sind geschäfte zu verrichten, die trennung oder auflösung, fällen oder erlegen beabsichtigen. So würde z. b. eine ehe geschieden, ein haus abgebrochen, eine seuche vertrieben werden müssen im abnehmenden mond, falls ich recht vermute. Hierher gehört die vorschrift holz im wald zu fällen wenn wadel ist, gleichsam damit das gefällte holz trockne in einem strassb. 1511 bei Hupaff gedruckten calender: „es ist gut holz anheben abzuhauen mit des mondes wede“. (So wird noch in vielen neuerer forst-büchern gelehrt, der vollmond heisst darum *Holzwadel*; bei zunehmendem mond (im bösen wädel) soll man kein holz schlagen.. gras im neulicht nicht zu mähen, sondern im vollmond (litth. abergl. 7) auch schätze sind im vollmond zu heben. Wenn man bei wachsendem mond federn in ein bett füllt, so haften sie nicht; auch dies geschäft fördert abnehmendes licht, gleichsam um die gerupften federn vollends zu ertödten und zur rast zu bringen. Vuk erzählt dass serbinnen im neumond kein hemd waschen, die ganze leinwand, behaupten sie, würde sich im wasser vermonden (omijeniti), d. i. aufbauschen und shnell zerreissen man könnte auch dafür, dass im abnehmenden mond wasche zu halten sei, der grund geltend machen, gleich dem schwindendem licht solle flecken und unreinheit weggenommen werden. Grimm. D. M. 5, 677—678.

[2]) Fruchte, die *über der erde* wachsen, sind in zunehmendem, die *unter der erde*, in abnehmendem licht zu säen. (Jul. Schmidt p. 122), у Вестендорпа p. 129: dat *boven den grand* wast, by toenemende maan, dat *auder den grond* wast, by toenemende maan te zaaien. Gustaf (Wöhhanda s. 49) bemerkt, wenn der mond in der faulzeit (im dritten viertel, kus se kul mäal) stehe, solle man keine winter-saat säen. См. у Гримма, стр. 678 и въ примѣч. 1,220 и слѣд.

вало отъ баснословыхъ временъ Гермеса-Трисмегиста, египтянина, до позднѣйшаго времени.

Такіе предразсудки относительно луны изстари господствовали и доселѣ сохраняются и въ нашемъ народѣ, чуждомъ просвѣщенія. Первоначальнымъ источникомъ ихъ должно полагать языческую вѣру въ мѣсяцъ, какъ въ живое, божественное существо. Въ заговорахъ, отпечатанныхъ г. Сахаровымъ, сохранились остатки языческихъ моленій лунѣ: «мѣсяцъ ты мѣсяцъ, серебрянные рожки, златыя твои ножки! Сойди ты, мѣсяцъ, сними мою скорбь зубную, унеси боль подъ облака. Моя скорбь ни мала, ни тяжка, а твоя сила могуча. Мнѣ скорби не перенесть, а твоей силѣ перенесть», и проч. [1]). Отсюда понятно, почему появленіе и различныя фазы мѣсяца имѣли въ глазахъ нашего народа таинственное, сверхъестественное дѣйствіе на судьбу человѣка. Съ другой стороны, русскіе народные граматники много предразсудочныхъ примѣтъ о лунѣ заимствовали изъ общихъ славянскихъ астрологическихъ источниковъ. Напримѣръ, у сербовъ распространены были подробные громовники или «сказанія о животѣ и о гаданіи», въ которыхъ по мѣсяцамъ раскрывается вліяніе луны на землю, на плодородіе, на здоровье людей, на погоду и проч. Эти суевѣрныя сказанія отъ сербовъ перешли и къ русскимъ. Приведу здѣсь отрывокъ изъ одного неизданнаго сборника громовниковъ сербской редакціи, за сообщеніе котораго благодарю В. И. Григоровича: «Тако се начинаетъ мѣсяца сентевріа, рекоміи руянь, имать дніи 30 и часовъ 360. Луна ему свѣтитъ 24 дніи, рождается въ 1 часъ дни. Да аще есть луна ему права, то припаси мнози добри, и ведро будетъ; аще ль пологомъ, то слота будетъ: аще ли громъ будетъ растуще лунѣ, всѣмъ изобиліе и здравіе человѣкомъ; аще ли оскудѣвающи (лунѣ) возгремитъ, пагуба кажитъ.... Октовріе, рекоміи листопадъ, часъ 300, луна рождается во 2 часъ дне и свѣтитъ 30 дніи. Да аще ему будетъ луна право, то зима добра и ведро, будетъ; аще ли пологомъ, то дождиви будетъ; аще ли мгла на небо взыдетъ, то смерть въ людехъ; аще ли луна право будетъ, то великими мужъ умретъ. Ноемвріе, рекоміи студени: а часъ 300, луна его свѣтитъ 29 дніи рождаетъ 2 часъ нощъ; да аще ему будетъ луна право, то дожди; аще ли пологомъ, то слота. Декевріе, рекоміи просеночь: часовъ 371; луна его свѣтить 30 дніи, рождается прежде полунощь; да аще ему луна будетъ права, то зима люта; аще ли пологомъ, вѣтры велики будутъ. Генуаріе, рекоміи ловъ заець, а часовъ 300, рождается въ полунощь, да аще ему луна право, то на лѣто плодъ мало. Февруаріе, рекоміи велича, а часовомъ 300; рождается въ полунощь; да аще ему будетъ луна права, то всему добра и ведро будетъ; аще ли пологомъ, то слоти. Мартіе, рекоміи лажу, а часомъ 300; луна его свѣтитъ 30 дніи; рождается прежде пѣтелъ; да аще ему будетъ луна права, то красти многи, и вѣтры различны, и слота будетъ; аще ли пологомъ, то ведрена многа. Априліе, рекоміи травань; а часовъ 307; луна его свѣтитъ 29 дніи; рождается въ первые пѣтели; да аще ему луна будетъ права, то ведро будетъ; аще ли пологомъ, то еза

[1]) Сказан. русс. нар. т. 1, кн. II. Чернокнижіе, № 15.

человѣкомъ и скотомъ, и дождевно. Маіа, рекоміи липань; а часовъ 430; луна его свѣтитъ 30 дніи; рождается въ часъ дне, да аще ему будетъ луна право, то ведро будетъ, аще ли пологомъ, то смерть. Юніе, рекоміи свивань: а часовъ 306; рождается въ 1 часъ дни; да аще ему будетъ луна права, то зима, и дождевна; аще ли пологомъ, то ведро и студено. Іюліе, рекоміи серпань: а часовъ 454; луна его свѣтитъ 30 дній, рождается въ полдни; да аще ему будетъ луна права, то добро повѣдуетъ: въ тотъ мѣсяцъ здравіе въ людехъ, къ сему и изобиліе и ведро будетъ; аще ли пологомъ, то пшеницъ много, и дождей много. Августъ, рекоміи коловозъ а часовъ 400; луна его свѣтитъ 30 дніи, рождается въ 9 часъ дне; да аще ему будетъ луна права, то изобиліе всему много будетъ; аще ли пологомъ, то еза въ людехъ и скотіяхъ, и дождеве будетъ [1]).

У крестьянъ нашихъ отъ временъ языческаго міросозерцанія сохранилось много суевѣрныхъ примѣтъ относительно вліянія новолунія или полнолунія на разныя земледѣльческія работы. Возникши подъ вліяніемъ языческаго суевѣрнаго воззрѣнія на мѣсяцъ, какъ на живое, божественное существо, предразсудки эти, переходя изъ рода въ родъ, крѣпко держатся между крестьянами, единственно по совершенному незнанію физической сущности луны, вообще естественныхъ наукъ и, въ частности, метеорологіи. Таковы напр. слѣдующія крестьянскія примѣты о вліяніи луны: «Навозу не запахивать въ *новолуніе*, а въ *послѣднюю четверть*. Въ *полнолуніе* назему по полямъ не развозить, сорная трава задушитъ. Посѣвъ *на молодую луну*—къ урожаю. Въ *новолуніе* сѣять—червь поѣстъ. Посѣвъ въ *новолуніе*—червямъ снѣдь. Яровую рожь и пшеницу сѣять въ *полнолуніе*, овесъ два дня послѣ, или прежде. Ячмень, на свѣжемъ навозѣ, сѣй въ *полнолуніе*. Ленъ сѣй въ *послѣднюю четверть*. Въ первые дни *новолунія* сѣй горохъ. Крутой мѣсяцъ—къ холоду. Рога луны остры и ярки—къ ведру; круты къ морозу. Круты рога мѣсяца— къ ведру; пологи—къ ненастью; тусклый мѣсяцъ—къ мокрети; ясный—къ суху; въ синевѣ—къ дождю; въ краснѣ -къ вѣтру; съ ушами—къ морозу. Ясная, круторогая луна—зимой къ стужѣ, лѣтомъ къ ведру. Красноватый кругъ около луны, скоро пропадающій—къ ведру. Два такихъ круга, или одинъ тусклый—къ морозу; красный кругъ—къ вѣтру, перерванный—къ снѣгу, молодой мѣсяцъ обмывается (о перемѣнѣ пагоды въ новолуніе). Если мѣсяцъ въ три дня обглядится, то весь будетъ ведрый, а когда три дня дождя, то весь ненастный (Воронеж.). Когда мѣсяцъ родится внизъ рогами (на югъ), то зимой будетъ теплый, лѣтомъ жаркій; вверхъ (на сѣверъ), зимой холодный, лѣтомъ вѣтряный; рога кверху, но нижній крутой, верхній отлогій, то первая половина мѣсяца, зимой холодная, лѣтомъ вѣтряная; если же верхній рогъ круче, нижній отложе, то та же примѣта на вторую половину мѣсяца. Ни на новцѣ, ни на ветху, ни на перекроѣ, ни въ полный мѣсяцъ (заговоръ). Во время *новолунія*, не кажи лунѣ пустой мошны—вѣкъ пуста будетъ. Въ

[1]) Въ другомъ громовникѣ профессора Григоровича говорится о вліяніи луны на громъ. Но этотъ громовникъ мы приведемъ въ статьѣ объ электрическихъ атмосферныхъ явленіяхъ.

волуніе дерева не валяютъ (не рубятъ), дрова, лѣсъ, хворостъ рубить въ *нолуніе* — сгніетъ, червь поточитъ. Въ *полнолуніе* солени не солить, чего впрокъ не готовить. Строевой лѣсъ руби въ *новолуніе*: вырубленный ущербѣ сгниваетъ. Печь класть на *новолуніе* — теплѣе будетъ. На *моло-ъ мѣсяцъ* рыба клюетъ [1]). Какъ Егорьевъ день въ *исходъ* (луны), пускай ня по волѣ; какъ Егорьевъ день въ *молоду*, держи коня въ поводу. Это ачитъ: когда Егорьевъ день случится въ исходѣ луннаго теченія, то сна будетъ холодная, а потому и управа съ яровою работою будетъ про-лжительна; когда же Егорьевъ день случится въ началѣ луннаго тече-я, весна будетъ теплая, а потому управа съ яровыми работами непродол-ительна [2]). Въ Ярославской губерніи, въ пошехонскомъ уѣздѣ, «во время *волунія*, не кажутъ пустого кошелька мѣсячному свѣту, то есть, не выни-ютъ кошелька изъ кармана: иначе не будетъ ни копѣйки во весь мѣ-цъ; при новомъ мѣсяцѣ, почти всегда ожидаютъ перемѣны погоды, обливо сырой, также при ущербѣ и исходѣ луны». (Этнограф. Сборн. кн. II).

Для непросвѣщенныхъ и суевѣрныхъ людей и народовъ, кажется, что на небѣ такъ не изумительно и не страшно, какъ затменія солнца и луны. Ужъ самый необычайный видъ этихъ явленій, одно неожи-анное нарушеніе въ нихъ обычнаго цвѣта или диска солнца и луны воз-ждали ужасъ въ суевѣрныхъ умахъ. Вотъ, напримѣръ, луна вступаетъ земную тѣнь, вдругъ часть ея помрачается и принимаетъ сѣрый цвѣтъ; на болѣе и болѣе погружается въ земную тѣнь: сѣрый цвѣтъ все пере-дитъ въ красный, наконецъ, наступаетъ полное затменіе, и весь лун-ый кругъ представляетъ особенный темно-красный цвѣтъ, происходящій тъ того, что разсѣянный свѣтъ освѣщенной земной атмосферы попадаетъ тѣнь. Суевѣріе видитъ въ этомъ темно-красномъ цвѣтѣ превращеніе уны въ кровь, и ужасается. Еще въ большій страхъ и изумленіе при-одятъ суевѣрныя массы, когда бываютъ полныя затменія солнца, то ть когда земля проходитъ черезъ тѣнь луны, ядро лунной тѣни падаетъ рямо на извѣстныя мѣста земли, и солнечный кругъ совершенно закры-ается луною. Тамъ, гдѣ бываетъ полное затменіе, распространяется осо-енная темнота, небо кажется сѣрымъ и замѣтны нѣкоторыя изъ самыхъ лестящихъ звѣздъ. Черный лунный кругъ окруженъ широкимъ волную-имся сіяніемъ, отъ котораго распространяются желтые лучи. Во время олнаго солнечнаго затменія все животное царство приходитъ въ тре-ожное состояніе: птицы кружатся, какъ испуганныя, собаки воютъ, ошади и другія животныя выказываютъ безпокойную боязливость. Не-дивительно поэтому, если это чрезвычайно рѣдкое явленіе всегда приво-

---

1) Пословицы, собр. Далемъ. Чтен. общ. истор. и древн. росс. 1862, кн. I стр. 09—1048.

2) Этнографическій сборникъ I, стр. 167 и друг. „Увидѣвши новый мѣсяцъ, олдаванинъ, если при немъ есть деньги, показывая ихъ мѣсяцу, говоритъ: „какимъ ея встрѣтилъ, такимъ и оставь“; если же при немъ въ это время нѣтъ денегъ, начитъ будетъ терпѣть нужду. Если появившійся молодой мѣсяцъ застилаютъ тучи, поселяне опасаются падежа скота“. Матеріалы для географ. и статист. Бессараб. ласти. 486.

дило въ ужасъ и людей необразованныхъ и суевѣрныхъ. Тогда какъ м
теперь смотримъ на солнечное затменіе просто какъ на тѣнь, котор
бросаетъ на насъ новая луна, если узлы луннаго пути (или постоян
подвигающіяся точки пересѣченія обѣихъ орбитъ — мѣсяца и земли) лежа
на прямой линіи, соединяющей солнце съ луною или безъ всякаго ужа
видимъ лунное затменіе, если земля бросаетъ тѣнь на полную луну,
всѣ младенчествующіе или непросвѣщенные народы смотрѣли на затме
какъ на болѣзни небесныхъ свѣтилъ, или какъ на попытки какого-то д
кона, великана или демона — проглотить небесное тѣло. Индѣйцы, нап
мѣръ, думали, что змѣй пожиралъ солнце и мѣсяцъ во время затме
или демонъ обвивалъ ихъ [1]). По монгольской сагѣ, затменія солнца
луны причиняетъ миѳическое существо *Aracho*, въ отмщеніе солнцу и м
сяцу за то, что они открыли богамъ мѣсто его укрывательства отъ и
божескаго гнѣва [2]). У финновъ были разныя суевѣрія относительно за
меній солнца и луны. По однимъ суевѣріямъ, злая сила, въ родѣ *Lo*
или *Kuumet*, ловитъ эти небесныя тѣла, беретъ въ плѣнъ и заточаетъ
желѣзныя горы или въ темницы. По другимъ преданіямъ, злое сущест
Kapeet по временамъ пожираетъ небесное тѣло, особенно луну, и отъ то
бываетъ затменіе. Доселѣ финскіе инородцы говорятъ: *kuu syödää — мѣся
съѣденъ* [3]). Эсты также говорятъ о затменіяхъ: «sonne mond wird gefress
По нѣмецкой и скандинавской миѳологіи, два волка, зооморфическія чуд
вища, изъ рода ризъ, преслѣдуютъ солнце и мѣсяцъ: *sköll*, по шведс
solvarg, solulf (sonnenwolf) преслѣдуетъ солнце и производитъ въ не
затмѣніе, *Hati* или *Mânagarmr* преслѣдуетъ мѣсяцъ, и по временамъ погл
щаетъ его [4]). Въ Европѣ, въ средніе вѣка солнечныя и лунныя затмѣ
ужасъ наводили на суевѣрные народы [5]). Въ X вѣкѣ, цѣлая армія Отто
бѣжала внезапно при появленіи солнечнаго затменія, которое страш
перепугало всѣхъ [6]). Рыданья и вопли раздавались при видѣ затмені
слезами и воплями думали возстановить свѣтъ затмившихся свѣтилъ
Ужасъ, возбуждаемый затменіями, исчезъ окончательно не ранѣе XVI

---

1) Bopp's Glossar 148.

2) Bergmann's nomadischen Streifereien unter den Kalmücken, B. III, S. 41.

3) Kastren's Finnische mitholog. s. 63—65.

4) Grimm, Deutsche myth. s. 224. 668.

5) Nichts war den Heiden fürchterlicher, говоритъ Гриммъ, als die nahende ve
finsterung der sonne oder des monds, womit sie zerstörung aller dinge und Weltunte
gang in verbindung brachten; sie wähnten, das ungeheuer habe schon einem theil d
leuchtenden gestirns in seinen rachen gefast und suchten es durch lauten zuruf we
zuschrecken. Daher eifert Eligius: nullus si quando *luna obscuratur, vocificare* praesum
dieses geschrei *vince luna!* Grimm, D. M. s. 678—669.

6) Sprengel, Hist. de la Medicine II, p. 368.

7) *Clamoribus splendorem lunae* deficientis *restaurare*. Максимъ Турин., церко
отецъ V столѣтія, проповѣдывалъ въ своей homilia de defectu lunae: cum ante di
plerosque de vestrae avaritiae cupiditate pulsaverim, ipsa die circa vesperam tanta
coelum, quod eum requirerem, quid sibi clamor hic velit, dixerunt mihi, quod *labora
lunae* vestra *vociferatio subveniret*, et *defectum ejus suis clamoribus adjuvaret*. Grimm,
M. s. 669.

вѣка; во второй половинѣ XVII, они еще возбуждали великій страхъ и во Франціи, и въ Англіи.

Такой же суевѣрный взглядъ на солнечныя и лунныя затменія господствовалъ у славянъ и русскихъ. Въ языческія времена, въ эпоху звѣроловнаго и пастушескаго быта, въ періодъ зооморфическаго міровоззрѣнія, суевѣрію славянъ такъ же, какъ и другимъ невѣжественнымъ народамъ, мерещились на небѣ злыя существа — *волкодлаки*, которые будто бы и пожирали солнце и луну, и производили затмѣнія. Въ словарѣ Миклошича находимъ слѣдующее извлеченіе изъ одной Кормчей книги: «облакы гонештеи отъ селянъ влъкодлаци нарицаються. Егда убо погыбнетъ луна или слъньце, глаголють, *влъкодлаци луну изъѣдоша или слъньце*». Это суевѣріе раздѣляли и русскіе. Въ лѣтописи читаемъ: «погибе солнце и бысть яко мѣсяцъ, его же глаголютъ невѣгласи: *снѣдаемо солнце*» [1]). Лѣтописцамъ, вообще, затмѣнія казались *погибелью* или уничтоженіемъ солнца и луны они постоянно отмѣчаютъ эти явленія такими словами: *погибе солнце, погибе мѣсяцъ весь* или *быть гибель лунѣ* [2]). Христіанское народное суевѣріе то относитъ затменія солнца и луны къ дѣйствіямъ Бога, то приписываетъ ихъ злымъ духамъ. Во всякомъ случаѣ они возбуждали ужасъ въ невѣжественномъ народѣ. «Въ лѣто 6632, читаемъ, напримѣръ, въ лѣтописяхъ, — бысть знаменіе въ солнци, августа 11, въ 9 часъ, передъ вечернею нача убывати солнца бывшю ему яко мѣсяцъ малъ, и мало не смерчеся полуденьи, погибе все. О великъ страхъ! И тма бысть, и звѣзды быша, и мѣсяцъ, и паки нача прибывати въ борзѣ, и наполнися, и ради быша вси по граду». «Въ лѣто 6693 мѣсяца маіа въ 1 день, во звоненіе вечернее бысть знаменіе въ солнци: морочно бысть вельми, яко на часъ и болѣе, и звѣзды видѣть и человѣкамъ во очію яко зелено бяше, а въ солнци учинися аки мѣсяцъ, изъ рогъ его яко огнь жарящь исхождаше, и страшно бѣ человѣкомъ видѣти знаменіе Божіе. Въ лѣто 1380 г., восходящу солнцу бысть тьма велика, по всей земли мгла, небо бяше того отъ утра до третьяго часа, и повелѣ Господь тмѣ уступити, а пришествіе свѣту дарова. Въ лѣто 1471, ноября 27, бысть гибель лунѣ: полунощи на яснѣ бывъ, и аки кровь въ лунѣ, и тма бысть не мало время, и паки помалу просвѣтися» [3]), и т. п. Подобными замѣтками исполнены древнія лѣтописи. И въ настоящее время простой народъ сохраняетъ средневѣковое суевѣрное понятіе о затменіяхъ: вмѣсто языческихъ волкодлаковъ, затменія произ-

---

[1]) Ипат. лѣт. 7.

[2]) Напр. Новгород. IV лѣт. стр. 109, 127, 129 и мног. друг.

[3]) Новгор. лѣт. IV, стр. 1, 2, 16, 50, 52, 79, 127, 129 и мног. друг. Иногда солнечныя затменія производили какъ-бы отъ сочувствія или состраданія солнца бѣдствіямъ христіанской церкви. Напр. въ той же Новгор. лѣт. IV, 65 читаемъ; разгнѣвася на крестьяны царь египетскій, посла въ Антіохію и въ Іерусалимъ и въ прочіе грады, имьвія крестьянскія отня, и церкви разграбивъ заградн каменьемъ, и монастыри синайскія запусти и разори, Михаила патріарха и вся митрополиты разсѣя... Сего не терпя солнце, луча своя скры, авг. 7, въ часъ 3-й, бысть солнце аки треи дней мѣсяцъ, ущербившуся ему съ сѣверныя страны, мраку зелену отъ запада приходящу, и пребысть часъ, обратися роги на полдень, потомъ къ земли, дондеже наполнися.

водятся либо отъ *скрадыванья злыхъ духовъ*, либо *отъ суда Божія*. Напримѣръ, въ Симбирской и Нижегородской губерніяхъ, крестьяне производятъ солнечное и лунное затменіе отъ скрадыванія свѣта злыми духами, чтобы въ темнотѣ удобнѣе было имъ уловлять христіанъ [1]). Въ Воронежской губерніи затменіе солнца и луны называютъ «Божьею планидою». А какъ затменіе солнца бываетъ замѣтнѣе луннаго, то крестьяне полагаютъ: «не идетъ ли страшный судъ» [2]). Въ сборникѣ пословицъ, изданныхъ Далемъ, находимъ такія повѣрья: «вѣдьмы мѣсяцъ скрали (т. е. затмѣніе, — повѣрье Украйны и сѣверной Россіи). Затменіе бываетъ отъ того, что злой духъ скрадываетъ свѣтъ Божій и въ потьмахъ ловитъ христіанъ въ свои сѣти. На лунѣ Каинъ убиваетъ Авеля, братъ закалываетъ брата вилами», и т. п.

Какъ затменія солнца и луны, такъ и всѣ другія свѣтовыя видоизмѣненія небесныхъ тѣлъ невѣжественнымъ народамъ казались и кажутся непостижимыми, сверхъестественными знаменіями. Въ средніе вѣка всѣ убѣждены были, не только простолюдины, но и церковные книжники, начиная отъ лѣтописца Нестора, что различныя измѣненія въ солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ назначены быть знаменіями къ добру или худу. Тогда и на весь вообще физическій міръ, а на звѣздный въ особенности, смотрѣли, какъ на вѣщаго оракула судебъ земли и людей. Ко всякому звуку въ природѣ съ чуткимъ суевѣріемъ прислушивались, ко всякому явленію зорко и боязливо присматривались. Такое воззрѣніе на природу отчасти наслѣдовано было отъ языческаго, непосредственно-натуральнаго міросозерцанія. И оно особенно относилось къ чудесамъ неба. Необъятный и непонятный сводъ небесный особенно очаровывалъ и изумлялъ суевѣрныя массы своими неуловимо-разнообразными и поразительно-необычайными свѣтовыми явленіями. Иногда вдругъ видѣли на небѣ, подернутомъ легкимъ облачнымъ покровомъ, сіяющіе цвѣтные круги около солнца или луны, которые мы теперь причисляемъ къ явленіямъ интерференціи свѣта. То вдругъ показывались какъ будто два солнца, или виднѣлись около солнца два большихъ свѣтовыхъ кольца краснаго цвѣта внутри, или чаще одно кольцо, пересѣкаемое горизонтальной свѣтлой полосой, которая часто простирается до самаго солнца: это такъ называемыя *ложныя солнца*. То неожиданно появлялись на небѣ новыя звѣзды, которыя недолго блестѣли и опять исчезали: это такъ называемыя *временныя звѣзды*, принадлежащія къ рѣдкимъ явленіямъ, которыхъ въ послѣднія 2,000 лѣтъ съ нѣкоторою точностью насчитываютъ отъ 20 до 22. Всѣ эти и подобныя явленія небесныхъ тѣлъ намъ теперь болѣе или менѣе понятны. Круги и ложныя солнца намъ объяснили Маріотъ, Фрауенгоферъ, Галле и другіе. Временныя звѣзды на западѣ уже въ XVI и XVII вѣкѣ стали раціонально-астрономически изучать Тихо-Браге и Кеплеръ. Но у насъ, на Руси, и въ это время, и раньше, и послѣ всѣ эти свѣтовыя явленія близъ солнца и луны, всѣ эти временныя звѣзды, просто, морочили невѣжественный народъ и

---

[1]) Этногр. сборн. 1, стр. 60, V, этнограф. 9.
[2]) Воронеж. губ. вѣдом. Очерки, № 32.

возбуждали разныя суевѣрныя и предразсудочныя толкованія. Наши стаинные книжники видѣли на небѣ книгу судебъ міра и церкви, откровеніе гнѣва или милосердія небеснаго, отображеніе судебъ земли и земства. Суевѣрное церковно-народное міросозерцаніе придавало свѣтиламъ небеснымъ, ихъ различнымъ явленіямъ и видоизмѣненіямъ, такое могущественное, міроправительное значеніе въ дѣятельности земной природы и въ исторической жизни земства, что всѣ лѣтописи, съ XI до XVI в. и далѣе, были вмѣстѣ лѣтописями физическихъ явленій и, въ частности, явленій звѣзднаго неба, затмѣній солнца и луны, явленій различныхъ новыхъ звѣздъ, кометъ и проч. Какъ мы теперь сознаемъ необходимость въ наукѣ исторіи естественно-прагматическаго или естественно-историческаго, физико-географическаго и физіологико-этнографическаго объясненія историческаго развитія матеріально-умственной жизни или цивилизаціи земства, такъ въ темные средніе вѣка въ лѣтописномъ и народномъ міросозерцаніи господствовало какое-то уранологическое, или псевдоастрономическое, астрологическое воззрѣніе на всѣ событія земской народной исторіи.

Такое земско-бытовое, суевѣрно-знаменательное воззрѣніе на звѣздное небо, на затменія или свѣтовыя окруженія солнца и луны, впослѣдствіи мало по малу образовало, изъ лѣтописныхъ замѣтокъ, или независимо отъ нихъ, систематическіе гадательные мѣсяцесловы, подъ общимъ обычнымъ названіемъ *громовниковъ*. Такіе громовники сообщали русскимъ и югозападные славяне. Такъ отъ сербовъ перешелъ къ нимъ слѣдующій громовникъ, заимствованный нами изъ вышеупомянутаго сборника громовниковъ В. И. Григоровича: «А се громовникъ, мѣсяца септевріа аще *солнце померкнетъ*, единъ великъ царь загибнетъ и за его ради много земля на востоцѣ помятется, потомъ другъ царь изыдетъ и много зла сътворить, и болѣри и совѣтници его изневѣрятся, и други царь убіеть его. *Аще луна померкнетъ*, господарь великымъ добро будетъ и жито и овощіе много. И коли бици много изыдуть, но зла не сотворятъ, но ини вещи зли будутъ, и кровь много проліется, и зли людіе многы погыбнутъ, и бура много будеть и воды пріидетъ, и всѣ ракы и ихъ много зло будетъ. *Аще солнце оградится*, единъ царь погибнетъ и господа встануть другъ на друга, и кровьпролитіе много, и отъ разбойникъ въ людехъ много зло будеть, и на посрѣдъ лѣта будетъ добро. *Аще ли луна оградится*, рѣки и источници изсохнуть, овощіе много, и корабомь нагруженіе много, и жрѣва много будеть и зутъ и зла не эотворитъ. Аще ли опашати *звѣзда на востоцѣ явится*, въ персѣхъ рать будетъ, и въ людехъ злоба многа будетъ. *Аще ли явится (звѣзда) на западѣ*, царь зло творя изыдуть и земле ему затретъ, послѣди царь возрадуется, и зло творя оного загубеть. *Аще ли звѣзда просиплетъ*, добытку добро будетъ и въ море погружени будетъ аще ли дуга явится на востоцѣ, въ персѣхъ зло будетъ и кровь пролѣется; аще ли на западъ явится, финици и овѣща много и жито. *Ащ копіе явится на востоцѣ*, въ людехъ ненависть и рать; аще ли на западъ явится, дождь будетъ, и гдѣ будетъ дождь, тамо добродѣтель по мѣсту тому и здравія изобильно всему. *Аще ли небо зачрьвитъ на востокѣ*, на восточныхъ странахъ скупота и кровы пролитіе; *аще ли на западъ зачръ-*

витъ небо, сіе болѣзнь на западъ сбудется. *Аще ли на ерехъ или на облацѣхъ чюдно знаменіе явится*, въ людехъ смерть, идѣже покажется то знаменіе, на той странѣ единъ царь загибнетъ, и купцемъ зло и пагуба будетъ» [1]). Въ связи съ этимъ сказаніемъ находится слѣдующій отрывокъ, извлеченный нами изъ сборника Соловец. библіотеки: «*Окруженіе солнцу и лунѣ*. Аще окружится мѣсяцъ мартъ, сильнии князи ратятся отъ востока и до запада. Аще окружится мѣсяцъ апрѣль, плоду много будетъ. Аще окружится мѣсяцъ май, великія грады погибнутъ. Аще окружится мѣсяцъ іюнь, рать будетъ. Аще окружится мѣсяцъ іюль, звѣрямъ смерть будетъ. Аще окружится мѣсяцъ августъ, рыбы и меду много будетъ. Аще окружится мѣсяцъ сентябрь, дождя мало будетъ. Аще окружится мѣсяцъ октябрь, лѣто сухо будетъ. Аще окружится мѣсяцъ ноябрь, рать будетъ. Аще окружится мѣсяцъ декабрь, гладъ будетъ. Аще окружится мѣсяцъ генварь, дожди велицыи будутъ. Аще на небеси аки поломя повиснетъ, вельми въ томъ лѣтѣ рать будетъ. Аще небо черно будетъ аки кровь, дождя не будетъ по всей земли, полоны много погибнутъ. Аще небо небесное черно будетъ, то рѣки отъ исходъ произсохнутъ, но неотнюдь. Аще небо блѣдно будетъ, бояромъ погибель, и домы ихъ разграблены будутъ [2]). Такое воззрѣніе на свѣтовые круги и кольца около солнца и луны проникло въ суевѣрія крестьянъ, и выразилось, напримѣръ, въ слѣдующихъ примѣтахъ: «кольцо вокругъ солнца — къ ненастью. Кольцо вокругъ луны — къ вѣтру. Крутой мѣсяцъ — къ холоду. Рога луны остры и ярки — къ ведру; круты — къ морозу. Круты рога мѣсяца — къ ведру; пологи — къ ненастью; мѣсяцъ въ краснѣ — къ вѣтру, съ ушами — къ морозу. Красноватый кругъ около луны, скоро пропадающій — къ ведру. Два такихъ круга, или одинъ тусклый — къ морозу; красный кругъ — къ вѣтру, перерванный — ко снѣгу. Столбы (солнце съ ушами, пасолнца) — къ лютымъ морозамъ [3]). Если въ кругѣ луны покажется красный кругъ немного расширяющійся и вскорѣ потомъ исчезающій, то будетъ ясная и ведряная погода. Два такихъ круга или одинъ, но тусклый — предвѣщаютъ морозъ. Если кругъ луны красенъ, будетъ вѣтеръ; если же онъ перерванъ, будетъ снѣгъ. Если около луны будетъ красный кругъ, то скоро будетъ дождь съ вѣтромъ [4]).

Ученіе о зависимости судебъ цѣлыхъ народовъ и отдѣльнаго человѣка отъ небесныхъ свѣтилъ ведетъ свое начало изъ древности. Та великая идея, которую Риттеръ, Кетле и особенно Гумбольдтъ положили въ основаніе особой, новой науки, имѣющей задачей объяснять различныя національности, относительно организаціи, образа жизни и общихъ чертъ характера, изъ физическихъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ они развились, — эта великая идея чуть мерещилась геніальному уму одного изъ знаменитѣйшихъ астрономовъ и естествоиспытателей александрійской

[1]) Жалѣю очень, что не успѣлъ выписать изъ сборн. В. И. Григоровича весь этотъ довольно пространный громовникъ. Рукопись хорошая, кажется, XVI вѣка.

[2]) Сборн. Солов. библ. № 182.

[3]) Чтен. общ. ист. 1862 кн. 1. стр. 1020.

[4]) Этнограф. сборн. вып. 2.

школы. Спустя около 100 лѣтъ по Р. Х., Клавдій Птоломей первый пытался изъ физическихъ свойствъ небесныхъ свѣтилъ вывести явленія земной жизни. «Сила солнца, говоритъ онъ, заключается въ томъ, чтобы согрѣвать и умѣренно сушить, а луны — чтобы увлажать, потому что она всего ближе къ землѣ и къ влажнымъ испареніямъ; Сатурнъ болѣе охлаждаетъ и нѣсколько сушитъ; онъ всего болѣе удаленъ отъ источника теплоты, солнца, и отъ влажныхъ испареній. Марсъ отличается изсушающею силою; онъ жжетъ, какъ уже показываетъ самый цвѣтъ его... Такъ какъ въ первоначально жидкомъ или въ первоначальныхъ элементахъ, два — теплота и влажность—обусловливаютъ плодородіе и жизнь, потому что изъ нихъ все развивается, соединяется между собою и укрѣпляется; напротивъ два другіе — холодъ и сухость—приносятъ вредъ, смерть и оцѣпенѣніе: отъ нихъ все сохнетъ, пропадаетъ; то на основаніи всего этого, и между небесными свѣтилами два дѣйствуютъ благотворно: Юпитеръ согрѣвая и увлажая, а Венера болѣе увлажая, нежели согрѣвая, затѣмъ еще слѣдуетъ луна; два же другія свѣтила, холодный Сатурнъ и сухой Марсъ, дѣйствуютъ разрушительно, непріязненно, зловредно» [1]). Изъ такихъ началъ, путемъ постепеннаго анализа, Птоломей выводитъ изъ физической природы небесныхъ свѣтилъ ихъ вліяніе на земную жизнь. Вотъ изъ элементовъ этой-то, птоломеевой системы, должно полагать, и развились тѣ гадательные мѣсяцесловы, солнечники и лунники, которые, въ разныхъ передѣлкахъ и мѣстныхъ варіантахъ, сохранились до насъ подъ названіемъ громовниковъ.

Вѣрованіе во вліяніе звѣздъ на земную жизнь въ нашемъ простомъ народѣ ведется съ языческихъ временъ. Въ язычествѣ, напримѣръ, приписывалось звѣздамъ вліяніе на плодородіе овецъ. Еще и теперь, овчары, въ половинѣ февраля, окликаютъ звѣзды, испрашивая обильнаго плодородія овецъ: «засвѣтись, звѣзда ясная, по поднебесью на радость, загорись огнемъ негасимымъ на утѣху. Ты освѣти, звѣзда ясная, огнемъ негасимымъ бѣлоярыхъ овецъ. Какъ по поднебесью звѣздамъ нѣстъ числа, такъ бы у раба такого-то уродилось овецъ болѣе того». Оплодотворяющее вліяніе звѣздъ, вѣроятно простиралось не на однѣхъ овецъ, а на всѣхъ животныхъ. Въ нѣкоторыхъ народныхъ примѣтахъ яркій блескъ звѣздъ принимается также за предвѣстіе урожая ягодъ, грибовъ, хлѣба, и проч.[2]) Что касается до рожденія и судьбы человѣка, то въ этомъ отношеніи суевѣріе это первоначально проистекло изъ началъ языческаго міросозерцанія, а потомъ подкрѣплялось иноземными астрологическими преданіями. Въ язычествѣ оно соединено было съ почитаніемъ рожаницъ. Вѣрили предки наши, что можно родиться подъ счастливою или несчастливою (доброю или злою) звѣздою, и, на основаніи этого вѣрованья, гадали о будущемъ человѣка по звѣздамъ. То и другое сохранилось у всѣхъ славянъ доселѣ: есть вездѣ и гаданье по звѣздамъ, и знахари-звѣздочеты, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ упомянуто въ чешской думѣ о битвѣ христіанъ съ татарами (hwezdari), и припѣвы заговорные, въ родѣ нашего: «звѣзды ясныя, сойдите въ чашу брачную». У

[1]) Шлейденъ.
[2]) Архивъ, Калачева, кн. 2 полов. 2, отд. III, стр. 132—133.

чеховъ rodowestnik-rodowestec называется тотъ, kto stastny aneb nestastny rod z hwezd hada. Польское rodowieszczek переводятъ: *астрологъ*. Въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ, какъ извѣстно, часто души сближаются съ звѣздами и съ другими небесными свѣтилами и звѣздамъ приписывается вліяніе на рожденіе. Напримѣръ, въ одной пѣснѣ сынъ, жалуясь на свою долю, обращается къ матери съ этими словами:

Ты скажи, скажи, моя матушка родная,
Подъ которой ты меня звѣздою породила.
Ты какимъ меня счастьемъ надѣлила.

Василій Буслаевичъ говоритъ въ сказкѣ: «не даромъ мнѣ *моя счастливая звѣзда* дала силу богатырскую». Вѣра въ таинственное вліяніе звѣздъ на рожденіе была повсюду распространена астрологіею. На западѣ, такъ же какъ и у насъ, противъ нея вооружалась церковная проповѣдь. Гриммъ приводитъ слѣдующее свидѣтельство изъ одного стариннаго слова: cavete, fratres ab eis, qui mentiuntur, quod quando quis qui *nascitur, stella sua secum nascitur, qua fatum ejus constituitur*». Русскимъ граматникамъ астрологическія суевѣрія сообщены были частію изъ Византіи, частію черезъ прочихъ славянъ, но особенно съ запада. По свидѣтельству азбуковниковъ, *рожаницами* «еллинстіи звѣздословцы наричютъ *седьмь звѣздъ, глаголемыхъ планиты*, и кто *въ кую планиту родится*, то и *по той планитѣ любопрятся* предвозвѣщати *нравъ младенца*, или къ коимъ похотемъ естествомъ уклонителенъ будетъ. И того ради рождьшагось, якоже они мнятъ, въ планиту Аррисъ— предглаголютъ тяжела быти нравомъ, яра же и гнѣвлива и дерзка во бранехъ; а въ планиту Афродиту рождьшагось сластолюбива предглаголютъ быти и удобна на блудное смѣшеніе; сице же и въ прочая планиты рождьшихся предглаголютъ нравы, а не хотятъ окоянніи они звѣздомъ законници разумѣти, яко не по естеству въ человѣцѣхъ лежитъ злое, но по произволенію». Подъ словомъ «планиты» въ азбуковникѣ читаемъ: «планиты суть седьмь звѣздъ, иже на аерныхъ седми поясѣхъ, кояждо на особомъ поясѣ: 1) Аррисъ, 2) Ермисъ, 3) Зевесъ, 4) Солнце, 5) Афродита, 6) Кронъ, 7) Квати, еже есть луна. *Сими звѣздами* окоянніи звѣздословцы мнятъ *ся угадывати человѣческіе нравы и счастіе*». Въ другомъ мѣстѣ: «Зодіями наричютъ звѣздословцы дванадесятъ звѣздъ, ихъ же глаголютъ суща на седмомъ поясѣ аерномъ. Сими звѣздами и умовредніи астрологи мнятся угадывати счастія и добродѣйственное и злоденственное житіе человѣкомъ» [1]). Въ одной рукописной астрономіи XVII вѣка сказано: когда звѣзда Чигирь будетъ въ такомъ-то мѣстѣ, тогда «съ женами не спи: аще родится сынъ, ино будетъ курча и безплодны»[2]).

Какъ неподвижнымъ звѣздамъ народное суевѣрье усвояло вліяніе на рожденіе и характеръ людей, такъ въ *падающихъ звѣздахъ* видѣли знакъ

---

[1]) Изслѣд. Срезневскаго о родѣ и рожаницѣ. Архивъ Калачова, кн. 2 полов. 2. III, стр. 131—133. Сахарова, сказ. рус. нар. т. I, стр. 205.
[2]) Опис. Румянц. муз. стр. 13.

-ей-либо смерти. Есть народный разсказъ о трехъ сестрахъ-вѣдьмахъ, ко-рымъ послѣ смерти досталось весь вѣкъ *горѣть на небѣ тремя звѣздами,* изъ млечнаго пути: звѣзды эти называются *дѣвичьи зори.* Падающая ѣзда до сихъ поръ почитается въ народѣ знакомъ чьей-либо смерти селѣ; потому, увидя паденіе звѣзды, обыкновенно говорятъ: «кто-то еръ! или: «чья-то душа покатилась» [1]). Многіе простолюдины вѣрятъ кже, что падающая звѣзда означаетъ слѣдъ ангела, полетѣвшаго за усоп-ею душею; если успѣешь пожелать что-нибудь этой душѣ, пока еще не гасла звѣзда, то желаніе непремѣнно исполнится. Въ старину, толковали це, что падающія звѣзды суть мытарства, что, впрочемъ, тогда же опро-ргали люди, читавшіе хоть Галена. Кирилъ Бѣлозерскій, въ своихъ фи-ческихъ выпискахъ изъ Галена, писалъ *о падающихъ звѣздахъ:* «види-ая и къ земли падаемыя звѣзды, глаголютъ человѣцы, яко звѣзды суть и дають; иніи же глаголютъ, яко мытарства суть лукавая. Но ниже ѣзды суть, ниже мытарства, но отложенія суть огненна небеснаго ня, и падаютъ долу, и елико нисходятъ низу, растопляются и иваются паки на воздусѣ. Сего ради ниже на земли видѣ кто гда падшаяся отъ нихъ, но всегда на воздусѣ сливаются и разсы-ютъ и глаголются денница, звѣзды же никогда же падаютъ, точію во орое пришествіе Христово ... Но якоже рѣхомъ отъ небеснаго круга ть преломленія пламенновидна»[2]). Въ настоящее время, въ нѣкоторыхъ ѣстахъ напр. въ Симбирской губерніи, падающія звѣзды почитаютъ также огненныхъ змѣй или демоновъ, которые будто бы летаютъ къ людямъ вселяются въ нихъ, отъ чего такъ много бѣснующихся [3]). Въ Тульской уберніи, падающую звѣзду называютъ *маньякомъ* — злымъ духомъ: его идятъ будто бы въ концѣ февраля [4]). Падающія звѣзды слывутъ также ъ народѣ за признакъ лишенія дѣвицъ невинности. Надъ чьимъ домомъ падетъ звѣзда, въ той семьѣ, по повѣрью, дѣвица утратила дѣвственность. Наконецъ, одна примѣта или пословица народная гласитъ: «звѣзда пада-тъ къ вѣтру» [5]).

Всѣ эти и подобныя суевѣрія относительно падающихъ звѣздъ, а также -болидовъ и аэролитовъ или метеорныхъ камней, очевидно, проистекли отъ непониманія космическаго происхожденія всѣхъ такихъ феноменовъ. Разумъ, просвѣщенный наукой, не достигнувъ пока вполнѣ удавлетвори-тельнаго, аксіоматическаго объясненія этихъ явленій, по крайней мѣрѣ руководствуется тѣмъ научно-раціональнымъ предположеніемъ, что пада-ющія звѣзды, болиды и аэролиты суть массы, вращающіяся около солнца, подобно планетамъ, и упадающія на землю, вслѣдствіе ниспаденія въ сферу земного притяженія, что огненныя и свѣтовыя явленія этихъ не-большихъ небесныхъ тѣлъ происходятъ отъ горючаго газа окружающей

[1]) Архивъ Калачова 1855. IV, стр. 128.
[2]) Поѣздка въ Кирилобѣлоз. монастырь — Шевырева стр. 24.
[3]) Этногр. сборн. вып. V, этнографія, 9.
[4]) Областн. великорусск. словарь.
[5]) Сборникъ пословицъ, изд. Далемъ: стихіи—явленія.

ихъ атмосферы, который, вступивъ въ атмосферу земли, содержащую кисл родъ, загорается. Наука теперь раскрыла намъ многія подробности отн сительно природы падающихъ звѣздъ, болидовъ и аэролитовъ. Мы напри знаемъ теперь, что вышина падающихъ звѣздъ содержитъ отъ 34 до миль, что движутся онѣ со скоростью отъ 4 до 8 миль въ секунду, ч природа аэролитовъ или метеорныхъ камней совершенно отлична отъ всѣ земныхъ ископаемыхъ, что величина и вѣсъ аэролитовъ часто очень зн чительны; напримѣръ, найденная въ Сибири и описанная Палласомъ мас метеорнаго желѣза вышла въ 1,400 фунтовъ, и т. д. Но въ древнее вре въ средніе вѣка, всѣ, а массы простого народа и доселѣ, суевѣрно т куютъ о падающихъ звѣздахъ, болидахъ и аэролитахъ. Въ XVII вѣкѣ, примѣръ, явленіе метеорныхъ камней приписывали волѣ Богородицы считали ихъ ниспосылавшимся свыше наказаніемъ за употребленіе таб и за нарушеніе церковныхъ обрядовъ. Богородица, будто-бы, являл сельскимъ женщинамъ, и грозила: «будетъ станутъ пить табаку, мн *каменіе огненное* испущу на землю»[1]). Одному нижегородцу, посадск человѣку являлась будто-бы Богородица съ ангелами (въ 1655 году), по себя держала камень, и говорила: «въ другой рядъ я де царю вашему ми милости своя подала, а ты де для чего въ міръ о преже реченномъ не вѣстишь: будетъ, да не послушаешь меня, а грѣшные ко мнѣ вѣры не кажутъ, и всеприлежно безъ всякаго прекословія мнѣ молиться не учну и въ среду и въ пятки постъ не станутъ имѣть, и ты будешь за неи щеніе *каменіемъ* убіенъ, и на весь міръ за безвѣріе будетъ *планида ка ная туча*, ожидайте вскорѣ»[2]). Для характеристики народныхъ воззрѣ на физическія явленія, приведемъ описанія двухъ метеоровъ, появивши въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ. Одно описаніе такое: «1662 года ноября въ 22 было тихо, небо все чисто, а морозъ лютый. Въ селѣ Новой-Ерги и деревняхъ, по захожденіи солнца явилось на небѣ многимъ людямъ стр ное знаменіе, о какомъ никогда и не слыхивали. Отъ солнечнаго за явилась будто-бы звѣзда великая, и, какъ молніе, быстро покатилась небу, раздвоивъ его, и протянулась по небу какъ змѣй, голова въ огн хоботъ, и такъ стояло съ полчаса. И былъ оттуда свѣтъ необыкновен и въ томъ свѣтѣ, вверхъ, прямо въ темя человѣку, показалось будто лова, и очи, и руки, и персты, и ноги разогнуты, точно человѣкъ, и огненный. И потомъ облакъ сталъ мутенъ, и небо затворилось, а по рамъ и по хоромамъ, и по полямъ на землю палъ огонь, будто кужли рѣли; люди отъ огня бѣгали, а онъ, будто гонясь за ними, по землѣ тался, и никого не жегъ, и потомъ поднялся въ тотъ же облакъ. То въ облакѣ стало шумѣть, и пошелъ дымъ, и загремѣло какъ громъ, какъ великій и страшный голосъ, и долго гремѣло, такъ что земля и ромы тряслись, и люди отъ ужаса падали. А всякой скотъ къ тому с сбѣгался въ груду, и рты свои съ кормомъ зажимая и смотря на огонь, подымая за нимъ свои головы кверху, рычалъ каждый сво

[1]) Сборн. Слов. № 925.

[2]) Рѣчь Буслаева о народной поэзіи, прилож. стр. 13.

посомъ. Потомъ съ великою яростію пало на землю малое и великое меньше горячее, а иное въ жару рвало; а людей Богъ помиловалъ, и скота било, пало на порожнія мѣста; и снѣгъ около таялъ, а которое большое меньше пало, и то уходило въ мерзлую землю». Другое описаніе: «1663 года густа въ 15 день въ субботу, Бѣлозерскаго уѣзда, Робозерской волости, зныхъ помѣстій и вотчинъ люди стояли у обѣдни въ приходской церкви: какъ стали пѣть молебенъ, на небѣ учинился великій шумъ; и многіе оди, вышедъ на паперть, увидѣли небывалое зрѣлище: съ сѣверной стороны, отъ свѣтлаго неба, а не изъ облака, вышелъ великій огонь на Робозеро и шелъ на полдень, вдоль озера надъ водою, во всѣ стороны, саженей по 20 и больше, а по сторонамъ того пламени синій дымъ, а впереди о саженей за двадцать, шли два луча огненные-жъ. Потомъ этого пламени не стало, и минувъ малый часъ, опять появилось, и опять померкло. послѣ того, въ третій разъ подавшись къ западу, явился тотъ же огонь, рашнѣе перваго широтою, и поникнувъ, шелъ на западъ, и стоялъ тотъ гонь надъ Робозеромъ, надъ водою, часа съ полтора, а того озера двѣ рсты, а поперекъ съ версту. И какъ тотъ огонь надъ водою шелъ, и за мъ невѣйгласи (невѣжды, суевѣрные) обстрашились, ѣхали въ лодкѣ рестьяне, и отъ того де огня пламенемъ опаляло, близь не подпустило; въ озерѣ де и до самаго дна свѣтъ былъ въ большой глубинѣ середи озера ажени четыре до дна; и всѣ они видѣли, какъ рыба отъ пламени къ берегу бѣжитъ; и которымъ де мѣстомъ огонь шелъ, тамъ воду палило какъ жавецъ поверхъ воды, и потомъ вѣтромъ по озеру разнесло, и вода по режнему» [1]).

Явленіе кометъ, какъ извѣстно, также всегда было страшнымъ знаменіемъ для суевѣрія. Теперь наука объяснила намъ, что кометы суть ничто иное, какъ свѣтила, движущіяся по такимъ же законамъ около солнца, какъ и планеты; существенно отличаются отъ нихъ только по своему виду и по свойству своего параболическаго пути. Мы знаемъ теперь, что большая часть кометъ есть ничто иное, какъ свѣтлое, круглое ядро, окруженное слабѣе свѣтящеюся туманною оболочкою, которая на сторонѣ, противоположной солнцу, удлиняется въ видѣ хвоста; хвостъ этотъ виденъ намъ подъ угломъ отъ 60 до 90, даже до 100°, такъ что онъ растягивается на значительной части небеснаго свода и достигаетъ иногда отъ 9 до 15 милліоновъ миль длины. Наука показала намъ подробности — различныя видоизмѣненія развѣтвленія хвоста кометъ, объяснила истинный путь ихъ, параболическій, въ фокусѣ котораго лежитъ центръ солнца, открыла періоды обращенія различныхъ кометъ и пріобрѣла разуму неотъемлемое право точно предсказывать время ихъ новаго появленія. Галлей, современникъ Ньютона, первый открылъ періодическое явленіе кометъ, отмѣтивъ одинаковые элементы пути прекрасной кометы 1682 года, обращающейся въ пріодъ времени отъ 75 до 76 лѣтъ. Клеро путемъ трудныхъ вычисленій дошелъ до непреложнаго убѣжденія въ возможности предсказывать появленіе кометъ. Вычисливъ вліяніе тяготѣнія Юпитера и Сатурна

[1]) Акты истр. IV, 330—332.

на движенiе кометы 1682 года, или кометы Галлея, онъ предсказалъ вр
ея новаго появленiя, такъ что ее должно было ожидать только въ сред
апрѣля 1759 года. И точно, 19 марта 1759 года галлеева комета прош
черезъ перигелiй. «Ни одинъ астономическiй вопросъ, — говоритъ Ар
не возбуждалъ такъ сильно и законно общественное любопытство, кото
было удовлетворено саксонскимъ крестьяниномъ Паличемъ. Онъ перв
увидалъ комету. Съ этой минуты, отъ одного конца Европы до друг
каждую ночь тысячи телескоповъ направлялись къ созвѣздiямъ, лежащ
на пути кометы, и заключавшимся въ предѣлахъ, назначеныхъ вычис
нiями Клеро. Увидали, что предсказанiе Клеро исполнилось и отно
тельно времени, и относительно мѣста; астрономiя сдѣлала огромную
бѣду и разомъ уничтожила постыдный и закоренѣлый предразсудокъ. Ко
увѣрились въ возможности предсказывать возвращенiе кометъ, тогда
потеряли свой характеръ вѣстниковъ несчастiй. Самые робкiе умы
лались къ нимъ столько же равнодушными, какъ къ затменiямъ лун
солнца. Исполнившiяся предсказанiя Клеро произвели на общество б
дѣйствiя, нежели всѣ хитрыя доказательства философа Бэля» [1]).

Но пока не изучена и непонятна была космическая природа ком
умъ человѣческiй страдалъ разными заблужденiями относительно э
небесныхъ тѣлъ. Во время Александра великаго, кометы казались г
скимъ философамъ атмосферными метеорами. Въ среднiе вѣка не за
лись о познанiи ихъ натуры, и смотрѣли на нихъ, какъ на вѣстни
бѣдственныхъ событiй—войны, чумы, голода, неблагопрiятныхъ измѣ
погоды, и т. п. Такое же суевѣрное воззрѣнiе господствовало и у
Въ древней Руси, невѣжество видѣло въ кометахъ знаменiя полит
кихъ или общественныхъ несчастiй. Не зная извѣковѣчныхъ космичес
законовъ, обусловливающихъ появленiе кометъ и временныхъ звѣздъ
зависимо ни отъ чьихъ разсчетовъ, наши невѣжественные книжники дум
что кометы и временныя звѣзды являются по законамъ евангельск
Напримѣръ, въ лѣтописяхъ часто встрѣчаемъ такiя сказанiя: «Въ
1382 бысть такое проявленiе: по многiя нощи являшеся таковое зна
на небеси: на востоцѣ, предъ раннею зарею, *звѣзда* нѣкая, аки *хвоста*
якоже *копѣйнымъ образомъ* овогда вечерней зарѣ, овогда же и во утре
тоже многожды бываше. Се же знаменiе проявляше злое пришествiе
тамышево на русскую землю и горькое поганыхъ татаръ нахожденi
крестьяны». Или: «въ лѣто 1402, въ великое говѣнiе, мѣсяца марта, я
шеся нѣкое знаменiе на небеси: въ вечернюю зарю, на западѣ, звѣзд
мала, аки копѣйнымъ образомъ, верху же ея аки лучь сiяше, иже на
тоцѣ восходящи и на западѣ лѣтнемъ являшеся, ю же видѣхомъ вес
мѣсяцъ тако восходящу. Се же является грѣхъ ради нашихъ, прообраз
и претитъ и велитъ намъ покояться отъ грѣхъ нашихъ; убо, смѣю р
сбывается слово еуангельское, якоже самъ спасъ въ еуангелiи рече
послѣднiе дни будутъ знаменiя велика на небеси, въ солнцѣ и въ лу
въ звѣздахъ. Да еже то въ еуангелiи преже Спасъ нашъ глаголаш

[1]) Бiографiи знам. астрономовъ и проч. стр. 203.

ѣ въ послѣднія времена все сбывается, а реченныя знаменія на небеси олнцѣ и въ лунѣ и въ звѣздахъ являются... И се звѣзда, ю же нынѣ ѣхомъ, необычныя и незнаемыя звѣзды, о ней же нынѣ пиъ и глаголемъ, продолжающе слово [1]). Въ настоящее время простой на- держится большею частію старинныхъ предрасудковъ и суевѣрій сительно кометъ. Еще и теперь крестьяне говорятъ: *«звѣзда съ хвосъ—къ войнѣ»*, и т. п.

Изъ всего набросаннаго нами краткаго очерка народныхъ воззрѣній ебо открывается, что небо для нашего простого народа — темна вода облацѣхъ небесныхъ, необъятный предметъ грубыхъ суевѣрій и предсудковъ. Кромѣ суевѣрій славянской миѳологіи и средневѣкой астроіи, въ народныхъ астрономическихъ заблужденіяхъ и суевѣріяхъ отраись въ грубыхъ формахъ византизмъ и финскія суевѣрія. Какъ черезы, напримѣръ, представляютъ небо полнымъ скота и войлоковъ съ омъ скотскимъ, такъ и наши крестьяне представляютъ небо полемъ лочнымъ, на которомъ много всякаго скота. Подобные финницизмы, видно, могли быть привнесены въ русское крестьянское міросозерцаніе щеными, обрусѣлыми крестьянами изъ финскихъ инородцевъ, изъ черезъ и другихъ. Со временъ Брюса и Ломоносова, стала извѣстна намъ скимъ наука астраномія. Но и теперь, изъ 73 милліоновъ народонасеія, едва ли найдется у насъ полмилліона людей, знающихъ основательно есный сводъ. Каждый день и каждую ночь всѣ мы, земнородные, виъ грандіозную, неподражаемо-художественную, величественную, безпрельную темно-голубою синеву и глубину неба, днемъ освѣщаемую величественнымъ свѣтиломъ—солнцемъ, ночью грандіозно-разсыпчато усѣяно звѣздами, иллюминованную блѣднымъ дискомъ мѣсяца, — и самая ьшая часть изъ насъ, ежеминутныхъ зрителей неба, не имѣетъ разумо, научнаго понятія о небесномъ сводѣ и его явленіяхъ. Мы не читаемъ е знаемъ самой великой книги мірозданія, которая открыта передъ и и день и ночь, и вся исполнена великихъ космическихъ истинъ, заовъ и красотъ. Отъ этого незнанія, огромныя массы нашего народа ждаютъ на земной планетѣ, въ глубокихъ умственныхъ потемкахъ, нѣютъ въ какомъ-то патологическомъ состояніи супранатуралистичеой уранологіи, астральной пневматологіи и т. п.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Заговоры, извлеченные изъ рукописей старообрядческихъ.

1. Ложуся я рабъ Божій имракъ—Богу помолюся, встаю рабъ Божій ракъ—крестюся, умываюся я рабъ Божій имракъ— благословюсь водою ъ, утираются я рабъ Божій имракъ престольною пеленою, иду я рабъ жій имракъ: далече бѣлая береза, подъ тою бѣлою березою стоитъ бѣлая еза-гробница, въ той гробницѣ лежитъ Афанасій чернецъ, старецъ Ани-

[1]) Новгор. лѣт. IV, 81. 105, 106.

симъ патріархъ и посхимошися именемъ, осташесе каменемъ, и неговоритъ; еще въ чистомъ полѣ стоитъ Іоаннъ Предтеча и Спасъ стивый, Пресвятая Богородица, Никита столпникъ, Гавріилъ арха Сергій чудотворецъ, Петръ и Павелъ святые апостолы, Михаилъ гелъ, Гавріилъ Архангелъ, Георгій храбрый, Николай святитель чу рецъ, помолюсь я рабъ Божій имракъ 12-ти апостоламъ, Іоанну Пре Спасу милостивому, Пресвятой Богородицѣ, Никитѣ столпнику, Га архангелу, Сергію чудотворцу, Петру и Павлу святымъ апостолам хаилу архангелу, Гавріилу архангелу, Георгію храброму, Николаю св чудотворцу, одѣваюся я рабъ Божій имракъ небомъ; подпояшуся Божій имракъ облаками, частыми звѣздами, на главѣ держу крест стовъ, зарею обмываюся, небесною силою очищаюся, Господа Б помощь призываю, какъ Афанасій чернецъ, старецъ схимонашъ, п женъ и посхименёнъ, окамененъ, и осташесе и съ камнемъ въ гро лежа, также и противникъ мой онѣменъ. Крестъ на мнѣ рабѣ Бо имракѣ, крестомъ я рабъ Божій имракъ ограждаюся отъ сопроти своего, еретика, еретницы, отъ клеветницы; замыкаюся я рабъ имракъ отъ грѣховъ девяносто позолоченными ключами, отъ ко отъ колдуницы, отъ волхвовъ и отъ волхвицъ, кину, кину я рабъ имракъ съ тѣхъ девяносто позалоченныхъ ключей въ окіанъ-море, и на днѣ лежитъ камень латирь, никому въ кіянѣ не бывать, и к моихъ не вынимать.

Во имя Отца и Сына и святаго духа аминь. Отъ земли и до около меня раба Божія имрака стоитъ, стоитъ градъ каменный; въ породила пресвятая Богородица сына своего Господа нашего Інсуса ста, ангела, архангела и великіе архангеліе грозныхъ силъ воевод тый архангелъ Михаилъ и архангелъ Гавріилъ и святой страстот Дмитрій, святый и храбрый Георгій, тѣ меня раба Божія имракъ бе со всѣхъ четырехъ сторонъ скипетры своими; не даютъ меня раба имрака лихимъ людямъ стрѣлять и рогатиною колоть, ничѣмъ би копіемъ вергнуть, ни саблею сѣчь, ни ножемъ ни колоть, ни лихимъ людямъ сокрушати и ни чѣмъ бити служебника своего ангел мученическаго раба Божія имрака предъ царемъ Александромъ Ма скимъ, и всякой птицы совершеніемъ и утвержденіемъ святыхъ, в умоленіемъ. Стой неходи ко мнѣ рабу Божію имраку умоленіемъ с апостоловъ и святыхъ отецъ не ходи ко мнѣ рабу Божію имраку, умол всѣхъ святыхъ, которые сотворили волю Божію отъ начала и до се умоленіемъ вдовицъ, стрѣла стой, не ходи ко мнѣ рабу Божію и черезъ благовѣщеніе пресвятыя Богородицы и приснодѣвы Маріи, ніемъ всѣхъ святыхъ молитвами, аминь. Соблюди Господи и по загради и заступи и защити раба Божія имрака отъ стрѣлъ лѣтящ отъ всяка желѣза, отъ булату и отъ укладу, и отъ камене, отъ с отъ мѣди зеленой, и отъ разныя проволоки желѣзныя, отъ всякаго русскаго и заморскаго, и отъ жимолости, отъ ружья ратнаго и вои и отъ стрѣлъ и отъ пушекъ и отъ пищальки, и отъ самопаловъ, пушекъ мѣдныхъ и отъ оловянныхъ, и отъ всякаго камени, отъ

къ трескъ и оловянныхъ, и отъ свинцовыхъ, и отъ дроби всякой, и всякаго пороху русскаго и заморскаго, и отъ всякаго древа, и отъ каго погубленія на семъ свѣтѣ отъ востока до запада, отъ земли и до еси, отъ всѣхъ четырехъ сторонъ, и отъ всякой птицы перья и отъ каго погубленія черемисскаго и татарскаго, бухарскаго и крезнискаго), и отъ литовскаго и черкаскаго, и отъ латынскаго и нѣмецкаго, и русскихъ людей не мирныхъ, и отъ всякихъ нечистыхъ родовъ, и отъ каго врага и супостата. Аминь. Крестъ хранитель, крестъ всея вселен-я, крестъ креста церковнаго, крестъ царская держава, крестъ вѣрнымъ ерждение, крестъ ангеламъ слава, крестъ бѣсамъ язва. О святый вели-Іоанне пророче и предтече, крестителю Господень, отгони отъ меня ба Божія имрака Иродовыхъ 12-ти дщерей и сохрани меня грѣшнаго своего имрака душу мою и тѣло цѣло и здраво, до окончанія живота его, и во вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь. *Читать по утрамъ и зарямъ жды.*

2. Молитва руду унимать. 1841 года. Шелъ Господь съ небесъ съ трымъ копіемъ, ручьи, протоки запираетъ, руду унимаетъ, стрѣльную, чебную, ножевую, топоровою. Выду я въ чисто поле на чистое море; чистомъ морѣ чистый камень, на чистомъ камнѣ стоитъ дубъ крако-стый, подъ тѣмъ дубомъ краколистымъ сидитъ твердая красная дѣвица, моцвѣтные шелки мотаетъ, раны зашиваетъ, руду унимаетъ, не своими, споди, мудростями, твоими Господи, святыми молитвами; на землѣ мень не растетъ, у раба Божія имрака руда нейдетъ, крѣпче крѣпкаго мня, камень мѣсто ключа и замка руду прикладываетъ, вода не канетъ, каменемъ руда не канетъ. Аминь. Царя небеснаго Господа Іисуса Хри-сыне Божій помилуй насъ. Аминь.

3. Лягу я рабъ Божій имракъ помолюся, перекрестясь, умоюся свя-водою, утреннею росою, утрусь бѣлымъ тканнымъ полотенцемъ; пойду рабъ Божій имракъ изъ избы дворами, съ двора воротами на улицу на веку взирающи, крестомъ себя ограждающи, погляжу я рабъ Божій ракъ въ чистое поле, въ зелено поле, около моря, въ чистомъ полѣ, въ еномъ окоморьи стоитъ златая святая лѣстница, и съ той возрачно по той лѣстницѣ шелъ Божій ангелъ Михаилъ архангелъ; и пойду я рабъ жій имракъ помолюся и поклонюсь: батюшка Божій ангелъ, Михаилъ хангелъ, заговори мнѣ тѣло бѣлое, закрѣпи крѣпче стали и булату крас-мѣди и укладу, крѣпче свинцоваго желѣза и нѣмецкаго, крѣпче тугаго у, каленой стрѣлы, и подпояшъ златымъ своимъ святымъ поясомъ, и ри и замкни въ тридевять замковъ и въ тридевять ключей, и рече ему у своему имраку: поди ты на путь на дорогу, на пути на дорогѣ стоитъ тая соборная апостольская церковь; въ той соборной апостольской цер-на престолѣ стоитъ заступница мати Божія пресвятая владычица городица; поди рабъ Божій помолись и поклонись, при семъ рабъ Божій ракъ помолился и поклонился: заступница матушка, пресвятая влады-ца Богородица, заговори мое тѣло бѣлое, и закрѣпи крѣпче стали и ату, крѣпче мѣди и укладу, крѣпче свинцаго желѣза и нѣмецкаго, пче тугаго луку, каленой стрѣлы, и подпояшъ златымъ своимъ поя-

сомъ, и запри и замкни въ тридесять ключей. И рече ему рабу своему, имраку: поди ты рабъ Божій на путь, на дорогу; на пути на дорогѣ стоитъ апостольская, соборная церковь; въ той соборной апостольской церкви на престолѣ стоитъ самъ Господь сынъ Божій Іисусъ Христосъ, подойди и поклонись: батюшка истинный Христосъ сынъ Божій, заговори мое тѣло бѣлое, закрѣпи крѣпче стали и булату, крѣпче мѣди и укладу, крѣпче свицкаго желѣза и нѣмецкаго, крѣпче тугаго лука и каленой стрѣлы и подпояшъ златымъ своимъ поясомъ и запри и замкни въ тридевять замковъ и въ тридевять ключей. И рече ему рабу Божію имраку своему Господь нашъ Іисусъ Христосъ сынъ Божій: заговорю твое тѣло бѣлое, и закрѣплю крѣпче стали и булату, крѣпче мѣди и укладу, крѣпче свицкаго желѣза и нѣмецкаго, крѣпче тугаго лука и каленой стрѣлы, и подпояшу святымъ своимъ поясомъ, и запру и замкну въ тридевять замковъ и тридевять ключей, и пущу ключи въ окіанъ-море, и взяла ихъ щука, какъ щуку въ морѣ не поймать, такъ и тебя раба Божія не отмыкать, а кто есть ключь достанетъ, тотъ тебя раба Божія отомкнетъ. На синемъ морѣ на большомъ камнѣ сидитъ стратимъ птица, а какъ стратиму птицы покоряются, какъ и льву звѣри всѣ покоряются, такъ бы и тебѣ вси покорятся, покоряются други и недруги, покорялися, что ты говоришъ, тебя бы и слушали, и твою волю творити. Во имя Отца и Сына и святаго духа. Аминь.

4. Господи благослови! Облекохся въ небеса, одѣяхся въ облако, и помолихъ Бога и свѣтъ Георгія: о святый Георгіе, умягчивый 7 царей какъ овче, а меня раба Божія (имракъ) якоже льва свирѣпа во имя Отца и Сына и святаго духа, и нынѣ и присно и т. п. Аминь.

5. Лягу я рабъ Божій имракъ помолясь, встану я рабъ Божій перекрестясь, умоюся святынею, помолюсь спасу и пречистыя Богоматери; пойду я рабъ Божій изъ избы дверьми, воротами, на встрѣчу мнѣ архистратихъ Михаилъ архангелъ со святыми своими съ ангелами и апостолами, и возмолюсь я рабъ Божій Михаилу Архангелу: Михаилъ архангелъ, заслони ты меня желѣзною дверью, и запри тридевятью ключами, замками. И глаголетъ мнѣ рабу Божію Михаилъ архангелъ: заслоню я тебя раба Божія желѣзною дверью, и замкну тридевятью замками, ключами, и дамъ ключи звѣздамъ; первый Маріи, второй Прасковьи, третій Ериси (sic). возмите ключи, отнесите на небеса, и кто эти ключи достанетъ, тебя раба Божія отмыкать станетъ. Мати Божія пресвятая Богородице, покрый мя омофоромъ своимъ. Иду я рабъ Божій къ рабу Божію имраку: лежалъ ты у матери своей во чревѣ, тогда у тебя на меня не было ни думы, ни словъ, ни рѣчей никакихъ, такъ и нынѣ я къ тебѣ иду, чтобы не было у тебя ни думы, ни словъ, ни рѣчей, ни мѣста, а хотя я рабъ Божій хожу и пятами своими топчу, только бы у тебя на меня не было, ни думы, ни словъ, ни рѣчей никакихъ. Какъ на небѣ мѣсяцъ лазилъ, снѣги мертвы, такъ бы и тѣло твое было мертвое, ты предо мной еси лютый огнь, а я предъ тобой есмь сильная вода; когда разгорится твое лютое сердце, то я твое лютое сердце залью своею сильною водою, во вѣки вѣковъ. Аминь. Боже очисти мя грѣшнаго, яко николи же благое сотвори предъ тобою.

но избави мя отъ лукаваго, да будетъ воля твоя, да неосужденно яко отвержу уста моя недостойный и восхвалю имя твое, Отца и Сына и святаго духа. Аминь.

Во имя Отца и Сына и святаго духа. Аминь, аминь, аминь, видѣ идущимъ и сѣдущимъ все святымъ отцемъ Сисаніемъ, на горѣ Синайской стоитъ столбъ, въ томъ столбѣ сидитъ святой отецъ, селенія имать четыре.

6. Заговоръ крови. Аминь. На мори на акіяне, на островѣ на буянѣ, лежитъ горючь камень; на томъ камнѣ сидѣла пресвятая Богородице, держала въ рукѣ иглу золотую: вдѣвала нитку шолковую, зашивала рану кровавую: тебѣ рана не болѣть, и тебѣ кровь не бѣжать; поговорить: аминь.

7. Стану я рабъ Божій И. благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ воротъ воротми въ чистое поле подъ восточную сторону, подъ восточной стороной есть окіянъ сине море, на томъ на окіянѣ на синемъ морѣ лежитъ бѣлолатырь камень, на томъ бѣлолатырѣ камнѣ стоитъ святая золотая церковь, во той золотой церкви стоитъ святъ золотъ престолъ, на томъ златѣ престолѣ сидитъ самъ Господь Іисусъ Христосъ, Михаилъ архангелъ, Гавріилъ архангелъ, Иванъ богословъ, Иванъ предтеча, Георгій храбрый, Николай святитель Христовъ угодникъ; я пріиду рабъ Божій И. въ чистотѣ, поклонюсь и помолюсь: о батюшка истинный Христосъ, Михаилъ архангелъ, Гавріилъ архангелъ, Иванъ богословъ, Иванъ предтеча, Георгій храбрый, Николай святитель Христовъ угодникъ, обставьте кругъ меня раба Божія Ивана тынъ желѣзный, верья бѣлатны на 120 верстъ, окомъ не окинуть, глазомъ не увидѣть; пропущайте огненную рѣку! Отговариваюсь я рабъ Божій И. отъ колдуна, отъ вѣдуна, отъ колдуньи, отъ вѣдуньи, отъ чернова, отъ черемнова, отъ двоеженова, отъ троеженова, отъ двоезубова, отъ троезубова, отъ трубинова, отъ окошечьнаго, отъ сѣннова, отъ дѣвки пустоволоски, отъ бабы, отъ самокрутки, ото всякаго злаго находа человѣка. Можетъ ли злой лихой человѣкъ заговорить громъ и громову стрѣлу, огненную молнію, можетъ ли испортить, изурочить мертваго? не можетъ злой, лихой человѣкъ колдунъ, колдуница, еретикъ, еретица, не можетъ громъ, громову стрѣлу и огненную молнію, не можетъ испортить, изурочить мертваго человѣка, бралъ бы злой, лихой человѣкъ колдунъ, колдуница, еретикъ, еретица, своими бѣлыми руками свой булатный ножъ, рѣзалъ бы онъ свое бѣлое тѣло своими бѣлыми руками, грызъ бы онъ свое бѣлое тѣло своими бѣлыми зубами; уста мои зубы, замокъ языкъ; во имя Отца и Сына и святаго духа. Аминь.

8. Унятіе руды.

Господи Іисусе Христе сыне Божій помилуй насъ. Аминь. Стану я рабъ Божій благословясь, пойду перекрестясь изъ избы во двери, изъ двора въ ворота, въ чистое поле въ востокъ, въ восточную сторону подъ красное солнце, подъ младъ мѣсяцъ, подъ частыя звѣзды, подъ утреннюю зорю, къ окіану-морю; у окіана-моря, на крутомъ берегу лежитъ латырь камень, на латырѣ камнѣ церковь соборная, въ церкви соборной златъ престолъ, на златѣ престолѣ сидитъ бабушка Соломонія, Христа повивала, щепоты, ломоты унимала, садести и болѣзни, порезы и посѣки отъ удару

и отъ укладу и булату унимала, и запирала, какъ изъ латыря камн
воды, такожде изъ раба Божія ни руды, ни садѣли, ни болѣзни, из
рицы не молока, изъ пѣтуха ни яйца, не изъ раба Божія имракъ ни
какъ Илья пророкъ изсушилъ рѣки, источники, такожде бы у раба Б
имрака твердо утвердились, рука заключись въ море, ключи на небе
замки достану, эти ключи и замки святыми молитвами запру и укр
посѣки и удары во вѣки вѣковъ. Аминь. Дерно вернись, рана въ
жмись, не отъ кости руды, не отъ камени воды, стань кровь зате
гуще густаго клею; во имя Отца и Сына и святаго духа. Аминь, а
аминь.

9. Господи Іисусе Христе сыне Божій помилуй насъ. Стану я
Божій имракъ благословясь, пойду перекрестясь изъ избы въ двери
двора въ ворота, въ восточную сторону; есть въ востокѣ въ вост
сторонѣ, стоитъ буевой островъ; на томъ буевомъ островѣ стоитъ
дерево, изъ подъ того святого дерева выходитъ булатный быкъ,
ными рогами гору бодетъ, ногами скребетъ; и какъ у этого була
быка булатные рога крѣпки не гнутся, и не ломятся, и не плю
также бы у меня раба Божія имракъ становая жила не гнулась бы
ломалась, крѣпко бы стояла, колъ коломъ, рогъ рогомъ стояла бы,
столбомъ, стрѣла стрѣлой, копіе копьемъ, ни задъ бы, ни перёдъ не л
ни щепоты и не ломоты, ни въ денныхъ часахъ, и ни въ нощны
сахъ, ни въ полуденныхъ и полунощныхъ, ни на молоду, ни на и
мѣсяца, по моему животу до моей смерти, вѣки по вѣки и во вѣки в
Аминь. Во имя Отца и Сына и святаго духа. Какъ громъ грянетъ,
нія палитъ, такъ бы въ рукахъ моихъ огненное оружіе палило и гр
какъ не можетъ никто тварь Божію, солнце и луну, громъ и м
постановить, такъ бы не могли въ рукахъ моихъ огненное оружіе
новить. Аминь.

10. Стану я рабъ Божій благословясь, пойду перекрестясь изъ
въ двери, изъ воротъ въ вороты, въ чистое поле въ востокъ въ вост
сторону, къ окіану морю, и на томъ святомъ окіянѣ-морѣ стоитъ
мастеръ мужъ святаго окіана-моря, сырой дубъ крековастый, и р
тотъ старый мастеръ мужъ своимъ булатнымъ топоромъ сырой д
какъ съ того сыраго дуба щепа летитъ, такожде бы и отъ меня и
валился на сыру землю борецъ добрый молодецъ, по всякій день
всякій часъ. Аминь. Трижды.

И тѣмъ замокъ моимъ словамъ, ключъ въ море, замокъ въ неб
нынѣ и до вѣка.

11. Молитва пресвятыя Богородицы.

Спала еси Пресвятая Богородице во святомъ градѣ Вифлеемѣ
скомъ, во святомъ храмѣ по мартъ мѣсяцъ, и видѣлся сонъ ей стр
вельми, и пріиде къ ней Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и рече ей: мат
возлюбленная пресвятая Богородице Марія, спиши или не спиши, ил
видишь; и рече ему пресвятая Богородице: чадо мое возлюбленное,
ный Господь Іисусъ Христосъ, спала есмь во святомъ градѣ во Виф
на мартѣ мѣсяцѣ, и видѣлся сонъ мнѣ про тебя вельми страшен

ебя Игемоны Пилаты взявши и приведоша къ Понтійскому Пилату, и ударища по ланитѣ, и на главу твою святую терновъ вѣнецъ возложенъ, ребра Твоя святые копіемъ прободены, сице кровь и вода святая изтече а изцѣленіе христіаномъ, и желчію напоиша, тростію по главѣ удариша, на крестъ пригвожденъ и воскресъ. И рече истинный Іисусъ Христосъ, воистину тако будетъ; аще которой человѣкъ сонъ твой на себѣ носитъ въ чистотѣ, или въ домѣ своемъ держитъ, или по всякъ день прочтетъ, и тотъ человѣкъ избавленъ будетъ муки вѣчныя, отъ діавольскаго навожденія во дни и въ нощи, въ яденіяхъ и питіяхъ избавленъ будетъ; который человѣкъ пойдетъ, при царѣ или при вельможѣ, и сонъ твой съ собою возьметъ или прочитаетъ трижды, и утолится супостатъ отъ васъ аще на службѣ умретъ, или разбойники убьютъ, и того человѣка душу ангели Божіи отъ всякія скверны очистятъ, и возьмутъ душу его ко престолу Господню на небеса, поставятъ у престола Господня съ праведными душами, избавленъ и злыхъ человѣкъ и вѣдуновъ и отъ ведуницъ, отъ трясовицъ летающихъ и отъ всякаго сатанина мечтанія, и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь. Трижды.

12. Господи Іисусе Христе сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго раба Твоего имракъ, аминь, на мнѣ рабѣ Божіемъ имракъ грамата отъ града Господня, пріидетъ ко мнѣ рабу Божію имракъ, — и ту сію грамоту возьму на лѣвую руку, подыму на свою главу крестъ животворящій, стану я рабъ имракъ на крестъ взирати, грамоту прочитати на всякъ день Господень, на воскресенье, на понедѣльникъ на святый, аще на сію нощь за очи меня сѣкутъ и рубятъ, пластаютъ и вѣшаютъ, а во очи появлюсь я рабъ Божій имракъ предъ князя болярина и предъ судьями и воеводами и предо старымъ и молодымъ, и обо мнѣ рабѣ Божіемъ радуются и веселятся и съ мѣста востаютъ, какъ же станетъ около меня раба Божія тынъ желѣзный и заборъ каменный, отъ юга до сѣвера, отъ земли и до небеси, отъ вѣрующихъ колдуновъ, горѣзовицъ летающихъ, отъ бѣсовскихъ учениць, отъ калика перехоженія, отъ . . . . . . и отъ всякаго злаго человѣка. какъ снидетъ ко мнѣ рабу имракъ самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ со всѣми евангелистами Матвѣемъ, съ Маркомъ, съ Лукою, и Іоанномъ и со всею силою небесною, и ведетъ меня самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и ту вѣтку сладкую сорветъ около главы моей, трижды обнесетъ отъ князя и болярина, отъ судей, и воеводы, отъ всѣхъ христіанъ старыхъ и молодыхъ, бабамъ я рабочимъ своимъ паче злыхъ рабовъ и супостатовъ со всѣмъ я рабъ Божій имракъ сердце у нихъ выну, а тѣмъ моимъ крѣпкимъ своимъ словамъ ключь и замокъ, и во вѣки вѣковъ. Аминь. Запечаталъ самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, небесный царь сильными печатями, положи образъ на образъ къ своему сатанѣ, а тѣмъ моимъ крѣпкимъ словомъ слава тебѣ царю небесному. Аминь. День пройде, ночь настанетъ, ложится спать рабъ Божій имракъ, печать на мнѣ Христова и спасова рука, пресвятыя Богородицы замокъ, крестомъ крещусь, крестомъ облекусь, крестомъ діавола прогоню, крестомъ ограждаюсь отъ врага и супостата, откажись отъ меня, тутъ тебѣ нѣтъ мѣста, на тебя евангелисты, Михаилъ архангелъ, Петръ и Павелъ верховные апостолы, св. Никита столпникъ

врага прогоняетъ. враги ему заклинаются, мнѣ тутъ не бывать на рабѣ Божіемъ, не стояти, учинили храмины печать Петръ и Павелъ, Константинъ и Елена, у ней архангелы и ангелы Божіи. Аминь. Да воскреснетъ Богъ.

13. Молитва архангелу Михаилу. Аще человѣкъ котораго дни глаголетъ, то непріидетъ на него никакое зло, ниже діаволъ, но вся изчезнетъ яко прахъ; а по смерти того человѣка, душу адъ не приметъ. Господи Іисусе Христе сыне Божій, великій царю безначальный, не видимый, и не созданный, и сидяй на престолѣ со Отцемъ и Сыномъ и со святымъ духомъ, славимый и отъ небесныхъ силъ, безплотныхъ вой, Господи архангела своего Михаила на помощь, мнѣ грѣшному рабу имракъ, избави мя враговъ моихъ видимыхъ и не видимыхъ, великій господине архангеле Михаиле излей море благо на раба твоего имракъ, ты еси демоновъ сокрушителю и бѣсовъ прогонителю, избави мя отъ бѣсовскихъ козней навѣта и стужи, и человѣкъ лукавыхъ, и призри на мя недостойнаго раба твоего имракъ и запрети имъ всѣмъ врагамъ, борющимся со мною, видимыхъ сотвори овецъ и невидимыхъ, яко прахъ предъ лицемъ вѣтра и великій святый архангелъ Михаилъ первой княже и воевода ангеломъ и архангеломъ, херувимомъ и серафимомъ и всѣмъ небеснымъ силамъ безплотнымъ, буди помощникъ во всемъ грѣшному рабу твоему, въ бѣдахъ и въ скорбяхъ, и въ печаляхъ, и на расходныхъ и на морѣ, и на рѣкахъ, и на сухомъ пути тихое пристанище буди въ пустынѣ, и сохрани, спути сохрани, укрѣпи у всѣхъ человѣкъ въ чести, избави мя прелести діавольскія и проч.

II. Сказаніе, кіимъ святымъ, каковыя благодати отъ Бога даны, и когда памяти ихъ.

О прозрѣніи ослѣпшихъ очесъ, молитися.	Пресвятой Богородицѣ Казанской, іюля 8-го.
О изцѣленіи болѣзни очныя.	Мученику Минѣ египтянину, ноября 11-го.
О томъ же.	Мученику Лаврентью архидіакону, августа 10-го.
О томъ же.	Мученику Логину сотнику, октября 16-го.
О изцѣленіи отъ главныя болѣзни.	Святому пророку Іоанну Предтечи, августа 29-го.
О изцѣленіи отъ зубныя болѣзни.	Священномученнику Антипѣ, августа 11-го.
О изцѣленіи отъ трясавичныя болѣзни.	Преподобному Марою, февраля 14-го.
О томъ же.	Мученицѣ Фотиніи самарянинѣ, марта 20-го.
О изцѣленіи отъ грызной болѣзни.	Великомученику Артемію, октября 20-го.
О разрѣшеніи неплодства и безчадія.	Преподобному Роману чудотворцу, ноября 27-го.
О томъ же.	Преподобному Игнатію иже въ Руфинѣхъ, марта 31-го.

Объ освобожденіи отъ труднаго рожденія женъ.	Пресвятѣй Богородицѣ Ѳеодоровской, августа 16-го.
О томъ же.	Великомученицѣ Екатеринѣ, ноября 24-го,
Аще возненавидитъ мужъ жену свою неповинно.	Св. мученикамъ Гурію, Симону и Авиву, ноября 15-го.
О сохраненіи здравія младенцевъ.	Пресвятой Богородицѣ Тихвинской, іюня 26-го.
О томъ же.	Праведнику Симеону Богопріимцу, февраля 3-го.
О избавленіи младенцевъ отъ родимца.	Св. великомученику Никитѣ, сентября 15-го.
О исцѣленіи младенцевъ отъ оспы.	Мученнику Конону соврійскому, марта 5-го.
О просвѣщеніи разума къ ученію грамотѣ.	Св. безсребникамъ Косьмѣ у Даміану ноября 1-го.
О изученіи иконнаго писанія.	Св. апостолу Іоанну Богослову, сентября 26-го.
О сохраненіи отъ внезапныя безъ покаянія смерти.	Священномученику Садофу, октября 19-го.
О томъ же.	Великомучен. Варварѣ, декабря 4-го.
О томъ же.	Священномученику Харлампію, февраля 10-го.
О избавленіи отъ муки безъ покаянія.	Преподобному Паисію великому, іюня 19-го.
О прогнаніи лукавыхъ духовъ отъ человѣкъ и скотовъ.	Преподобн. Нифонту, декабря 23-го.
О томъ же.	Святителю Марофу, февраля 16-го.
О избавленіи отъ блудныя страсти.	Преподобн. Мартіану, февраля 13-го.
О томъ же.	Преподобн. Іоанну многострадательному, іюля 18-го.
О томъ же.	Св. мучен. Ѳомаидѣ, апрѣля 14-го.
О избавленіи отъ виннаго запойства.	Мучен. Внифантію, декабря 19-го.
О томъ же.	Преподобн. Моисею Мурину, августа 28-го.
О сохраненіи отъ пожара или молніи.	Пресвятой Богородицѣ неопалимой купинѣ, сентября 4-го.
О томъ же.	Святителю Никитѣ Новгородскому, января 31-го.
О бездожіи и ведрѣ.	Св. пророку Иліи, іюля 20-го.
О избавленіи отъ потопленія на водѣ, и бѣдъ и печаль.	Святителю Николаю чудотворцу, декабря 6-го.
О избавленіи отъ скотскаго падежа.	Святителю Модесту, декабря 18-го.
О томъ же.	Священномученику Власію, февраля 11-го.
О избавленіи отъ падежа конскаго.	Мученикамъ Флору и Лавру, августа 18-го.
О сохраненія скота отъ съѣденія звѣрей.	Св. великомученику Георгію, апрѣля 23-го.
О обрѣт. украденныхъ вещей и бѣжавшихъ рабовъ.	Мученику Ѳеодору Тирону, февраля 17-го.
О томъ же.	Мученику Іоанну воинственнику, іюля 30-го.
О сохраненіи отъ злаго очарованія.	Священномученикамъ Кипріяну и Іеритипіи, октября.

III. Отрывки изъ легендъ, взятые изъ соловецкихъ рукописей.

1. Въ рукописныхъ житiяхъ сѣверо-поморскихъ святыхъ много легендъ о помощи туземныхъ святыхъ поморскихъ весновальникамъ въ морскихъ промыслахъ, въ укрощенiи бушующихъ стихiй морскихъ. Напр. въ житiи Иринарха игумена соловецкаго читаемъ: «въ лѣто 7137 весною, прiѣхавъ единою въ соловецкiй монастырь помолитися всемилостивому Спасу и препод. отцамъ Засимѣ и Савватiю молебная пѣти, Двинской земли жители, иже исповѣдаша повѣсть сицеву: «ходили они въ море на веснованье для промысла морскихъ звѣрей, кожъ и сала, въ другихъ же судахъ по обычаю ихъ были два человѣка нарицаемые юровщики, си есть, въ томъ промыслѣ свѣдущiе и искусные люди, прочiе же въ ромшахъ, и иные вси во всемъ имъ послушны суть. Егда же съ торасу на море спустишася, внезапу возвѣяша вѣтры велицы зѣло, отъ брега ихъ со льдомъ занесе въ морскую пучину далече, и носило въ тѣхъ льдахъ много дни. И начаша святыхъ на помощь призывати. И ночью во снѣ явися одному изъ юровщиковъ нѣкiй старецъ, браду имѣя довольну и сѣдинами украшену, во священническомъ подобiи, въ десной своей руцѣ крестъ держай, и глаголя: востаните и молитеся Богу и соловецкихъ чудотворцевъ на помощь призывайте, и будетъ вамъ милость всѣмъ вскорѣ. И абiе возвѣя вѣтръ съ моря зѣло крѣпокъ и понесе ихъ ко брегу. Первiи, имъ же явился старецъ, присташа на нѣкоемъ мѣстѣ, глаголемомъ зимняя сторона, и обрѣтоша близъ брега на льду множество звѣрей морскихъ, ихъ же всѣхъ избивше ту, возвратишася во свое си съ корыстiю многою». Подобный случай разсказывали варзужскiе весновальники: «ходили они на веснованье для добычи морскихъ звѣрей и плавали по морю многое время, и добычи никакой не нашли, и въ отчаянiи пошли было домой, когда льдины уже исчезли и приближалось лѣто; долго плыли они по морю, нашли одну льдину, недалеко отъ берега, длиною съ версту или немного болѣе, перебрались на нее, затащили съ собою суда и, вкусивъ не много хлѣба, легли спать. Ночью одному изъ нихъ явился старецъ (Иринархъ соловецкiй) и сказалъ: встаньте! Богъ даетъ вамъ добычу. И на завтра видятъ артельщики многое множество звѣрей: тотчасъ въ однѣхъ рубашкахъ и чулкахъ сходятъ на льдину и начинаютъ бить звѣрей, избили столько, сколько имъ нужно было»! Другiе видѣли на морѣ знаменья отъ святыхъ. Напр. одинъ пятидесятникъ архангельскiй, разсказывалъ про чудо, случившееся съ нимъ отъ Никодима кожезерскаго чудотворца: «бывши ми на морѣ, весною въ великiй постъ, яко же обычай и до нынѣ поморскихъ странъ людямъ, и ходивши по льду за звѣрьми, и не вѣмъ, како разлучихся отъ дружины моея, не имый съ собою хлѣба ни малого куса, ходящу ми по льду и невѣдущу камо идущу, льды же разно расходящася, несоша мя въ море три дни и три нощи, азъ же отъ глади и отъ многаго хожденiя вельми изнемогъ и житiя отчаяхся, но токмо ожидахъ смерти и сѣдохъ подъ нѣкую льдину опочинути и молихся всемилостивому Богу и пречистой его Богоматери и всѣмъ святымъ со многими слезами

авленіи горькія смерти своея, и мало поклонихся опочити. Солнцу же и сіяющу, и абіе внезапу узрѣхъ нѣкоего старца при возглавіи моемъ да и церковь на воздусѣ стоящу о пяти главахъ. И рече ми явлейся цъ: человѣче! обѣщайся идти въ обитель св. Богоявленія Господня, есть на Кожеезерѣ—помолиться всемилостивому Спасу. Азъ же рѣкохъ арцу: которая есть сія отче церковь, юже азъ вижду на воздусѣ? цъ же рече ко мнѣ: сія чадо церковь, юже видиши, св. Богоявленія дня, иже на Кожеезерѣ. И паки азъ рѣкъ къ старцу: а ты, отче ій, коея обители и что ти есть имя, и како сѣмо пришелъ еси? Онъ че: азъ есмь тоеже св. обители, и имя мое Никодимъ. Азъ же паки ъ ему: помолися честный отче, о мнѣ грѣшномъ ко Господу Богу, да уетъ мя окаяннаго отъ горькой смерти сея. И положихъ обѣщаніе во святую оную обитель. И въ томъ часѣ церковь на воздусѣ не- а бысть, и старецъ бысть невидимъ, и въ томъ часѣ пріиде съ моря силенъ зѣло и понесе мя на льду ко брегу, и принесе вскорѣ къ . И тако ходатайствомъ и молитвами препод. отца Никодима избав- быхъ отъ горькой смерти». «Сія же той пятидесятникъ повѣда самъ ѣ»,—замѣчаетъ собиратель повѣстей о чудесахъ Никодима кожезер- . Святые поморскіе, по туземному представленію, извергали звѣрей оря, въ случаѣ нужды и молитвы къ нимъ поморцевъ. Такое чудо али пертоминскіе чудотворцы Вассіанъ и Іона, когда въ пустынѣ голодъ, и трудники монастырскіе стали роптать на игумена за не- жъ заработанныхъ денегъ: тогда, по молитвамъ общежителей, море гло большого кита, и «дивишася зѣло о несбыточномъ томъ чудеси, славиша Бога и преподобныхъ похвалиша, и измѣривше же звѣря глаголемаго кита, обрѣтоша саженей осемь великихъ, и пріемши е, разсѣкоша звѣря онаго на части и обрѣтоша жиру 230 п., цѣны обраша сребра на немъ яко до 500 гривенъ, и тако промысломъ имъ и молитвъ ради преподобныхъ Вассіана и Іоны отъ скудости ство пріяша и наемникомъ мзду даша довольну». И на сушѣ были же матеріальныя чудеса святыхъ. «Бѣ нѣкто трудникъ именемъ та, труждашеся въ обители преподобныхъ Вассіана и Іоны пертомин- . Во едино время, молящуся ему, якоже обычай бяше, и призывающу добныхъ въ потребѣ своей помощь подати въ прекормленіи скота тырскаго сѣнною кормлею, еще бы ему препитати оной скотъ без- о, понеже вельми умалися сѣнная кормля, и печаляшеся о томъ зѣло. ь и нощію молящуся ему преподобнымъ помощь подати въ прекорм- скота, таже уклоньшуся ему ко сну, и абіе явишася преподобніи Вассіянъ и Іона, глаголюще ему: что убо наю желая просилъ еси, вшимъ намъ здѣ въ обители своей, быхомъ убо мы въ оной веси, шляхомъ съ купляющими сѣна на пищу скотамъ нашимъ, и нынѣ идохомъ паки и здѣ есьмы въ своемъ мѣстѣ обрѣтаемся, испол- е прошеніе твое, дается ти отъ Бога вскорѣ довольное прокормленіе сѣна, о семъ болѣе не сѣтуй, но паче радуйся; шедъ повѣдай , дабы посланы быша трудники въ оную близь лежавшихъ весей и сѣна на прокормленіе скоту нашему уже мы купихомъ малою

цѣною.... и егда начаша куповати у жителей веси тоя порицаемыя унж
бысть чудесно вельми промысломъ и помощію преподобныхъ, яко купи
до девятидесяти возилъ сѣна, цѣною же вельми малою, никогда та
куповашеся кормля скотская о тѣхъ временахъ, зане точію по 6 денеж
пріеши за возъ продающіи». Множество подобныхъ легендъ въ сѣве
поморскихъ сказаніяхъ о тамошнихъ чудотворцахъ. Извлеченія наши
ркп. солов. библ. № 182. Приведемъ еще одно сказаніе изъ жи
Макарія унженскаго: возвращаясь изъ плѣну татарскаго, съ тол
народа, говоритъ жизнеописатель его, совѣщался преподобный съ сущ
съ нимъ христіанами, яко до пересилиться ему на рѣку на Уньжу: бѣ
тогда мало отъ живущихъ ту по весемъ, но малъ градъ единъ, и
твори тако; Богъ же помогалъ ему къ путному шествію, а народъ за ни
шелъ, ако присная чада отца своего: шествіе же пути съ нимъ прод
жашеся, занеже мѣсто то Уньжа отстояніе имать отъ темныхъ во
глаголютъ не мало яко двѣсти четыредесятъ или множае поприщь, ид
же внутреннею пустынею и непроходными блаты. Бысть же имъ ос
дѣніе хлѣбомъ и не обрѣтаху что ясти, тающе голодомъ. Господь
прослави угодника своего, и абіе божіимъ мановеніемъ обрѣтоша изр
дивое животно, глаголемое лось, и яша его жива молитвами преподобн
Бяше тогда постъ Петра и Павла, оставалось еще 3 дня. Святый же
браняше имъ глаголя: чадца моя, потерпите Господа ради, и не ра
шайте святаго поста дней: Господь же препитаетъ васъ въ пустыни
И повелѣ имъ отрѣшити ухо лосю и отпустити его, и яко же хо
Богъ, въ день той животное и будетъ вамъ. Людіе отрѣшиша ухо ло
отпустиша его, и отойдя въ пустыню. Преподобный же видя ихъ т
мыхъ гладомъ, и зѣло печашеся о нихъ; народъ же моляху святаго
молитву сотворитъ о нихъ, да незлѣ гладомъ погибнуть въ пуст
Святый же утѣшая ихъ глаголя: «не скорбите чада мое, но паче упов
на благость Божію, яко прекормивый Богъ израильтянъ четыреде
лѣтъ въ пустыни манной, той можетъ и насъ препитати въ пустыни
Когда приспѣлъ день святыхъ апостолъ верховныхъ, преподобный
уклонися мало въ пустыню и воздѣвъ на небо руцѣ свои и рече: хв
тя Господи Іисусе Христе, благословенный Боже, призри съ высоты
тыя твоея, всяко дыханіе благословитъ тя, всяка тварь славитъ тя,
лостивый Боже царю! Призри на люди своя въ пустыни сей. И абіе
литвами святаго внезапу во утріи праздника св. апостолъ урани жи
ное то дивій лось, обрѣтеся въ народѣ, и познася его яко той же
лось, ухо имѣя отрѣшенно, и вѣдоша его къ блаженному, святый
благослови его и повелѣ заклати народу на пищу. Не токмо же сіе
ною сотвори святый народу, но и по вся дни обрѣтаху пищу молит
святаго, овогда лося, иногда же еленя». Сборн. солов. библ. № 826.

Святые считались стражами домашняго скота и вообще вся
вещественнаго имущества. Въ случаѣ потери чего нибудь, они помо
отыскивать. Напр. въ житіи Зосимы и Савватія соловецкихъ есть пов
о томъ, какъ эти чудотворцы отыскивали потерявшихся лошадей. Т
повѣрье существуетъ и теперь. Напр. въ Казани намъ разсказывалъ о

янинъ изъ села Кавалей, какъ другой крестьянинъ — изъ дер. Тар- Ондреянъ Александровъ Сазановъ, по случаю падежа или потери адей, ходилъ въ седміозерную пустынь молиться святымъ; строи- устыни, какъ передавалъ крестьянинъ, говорилъ ему: попостись двѣ —потинью, «т. е. съ эпитиміей, Господь тебѣ возвратитъ 20 лоша- Въ старину даже по случаю потери пуговицы, призывали святого. ъ житіи Даніила переяславскаго читаемъ: бысть тогда (ок. 1540 г.) еяславѣ намѣстникъ князь Ондрей Олександровичь, зовомый Оле- Нѣкогда же у сего князя Ондрея изгибе отъ пристѣжія срачицы его пуговица съ драгимъ жемчугомъ, и невѣріе имѣя на малыя отроки хотяху нѣцыи мучими быти, и воспомяну князь святаго Даніила, ва его въ молитвѣ глаголя: о преподобне Даниле, молитвою си по- амъ и о погибшей пугвицѣ смущеніе мое утоли, да не постраждутъ домочадцы мои. Чудотворецъ помогъ найти пуговицу и рабовъ ъ отъ побоевъ и пытокъ князя. Сборн. солов. библ. № 182.

аконецъ, самый даръ грамоты и ученья техническаго и всякаго ивали у особыхъ святыхъ. Патронами каллиграфіи и всякаго по- ученія признавались Іоаннъ Богословъ, безсребреники Косма и ъ и особенно пророкъ Наумъ. Въ одномъ азбуковникѣ XVII вѣка : «есть обычай многимъ (учащимся) совершати молебная святымъ никамъ Космѣ и Доміану, и святому пророку Науму, и ангелу сво- го же святаго тезоименитство имать». (Чтен. моск. общ. истор. и рос. 1861 кн. IV, стр. 23). Въ прописяхъ азбуковниковъ XVII в. тся такой стихъ:

Святый апостоле и евангелисте *Іоанне богослове*,
На тайной вечери возлегій на персѣ Христовѣ,
Вразуми мя и научи добрѣ писати,
Якоже онаго Гусаря на песцѣ образъ твой изображати.
Святый пророче Божій, *Науме*, вразуми ми и накажи своею
Милостію и благодатію, добрѣ руководствію навыкати.

й этотъ заимствованъ у грековъ, которые Косму и Доміана также ли помощниками въ обученіи, и есть свидѣтельство, что для ис- ія этой помощи, приходили именно въ храмъ этихъ святыхъ. Въ со- Дюканжа: Constantinopolis christiana, lib. III, p. 122 помѣщены слѣду- стихи, написанные Іоанномъ епископомъ евхаитскимъ ко храму и Доміана:

Κὰθ ἣν ὁμοῦ σύνεισιν οἱ γεγραμμένοι
Ἀνάργυρος μεν ὁ τρόπος τοῖς συγγόνοις,
Τέχνη δ᾽ ἰατροί, θαυματουργοὶ τε πλέον,
ἣν οὖν θέλεις ἄμισθον ἐξαιτοῦ χάριν.
Θεία γὰρ ἐγγὶς ἐυτυχῆς δε καὶ τέχνη.

служить молебенъ пророку Науму предъ началомъ ученья дѣтей ѣ ведется между крестьянами. Думая научить сына грамотѣ или ибудь механической работѣ, крестьянинъ идетъ спрашивать цер-

ковнаго причетника: когда бываетъ день пророка Наума! Узнавши, онъ служитъ въ тотъ день молебенъ пророку Науму, и потомъ ведетъ сына къ учителю. Отсюда образовалась простонародная поговорка: «одинъ пророкъ Наумъ наводитъ на умъ».

2. Восточно-византійская санктологія напечатлѣлась не только на всемъ житейскомъ міросозерцаніи древне-русскихъ людей, но и на самыхъ именахъ ихъ. До крещенія Руси, имена давали или волхвы, вѣдуны, или какъ хотѣла родители назвать свое дитя, такъ и называли. Имена давались въ родѣ такихъ: Богданъ, Баженъ, Жданъ, Второй, Третьякъ, Медвѣдь, Подрогъ и другія, которыя послѣ обратились въ прозвища (Опис. рукоп. рум. муз. стр. 2, 6—7). Природныя или самопроизводныя славяно-русскія имена большею частію выражали качества и предметы естественные и бытовые. Но со времени крещенія Руси Владиміромъ великимъ, имена стали давать въ честь святыхъ. Впрочемъ, многіе изъ простого народа до позднѣйшаго времени носили дѣтей своихъ къ волхвамъ и чародѣямъ, и тѣ нарекали имъ имена. Такъ особенно было на финскомъ сѣверѣ, гдѣ сельскіе жители, въ XVI в. призывали къ себѣ чудскихъ колдуновъ *арбуевъ*, которые и давали имена новорожденнымъ. Въ казанскомъ краю тоже, въ XVI вѣкѣ и послѣ, новокрещенные чуваши, черемисы и вотяки призывали къ родильницамъ и къ дѣтямъ не поповъ, а бабъ; тоже было въ XVII вѣкѣ въ Сибири. (Доп. къ А. И. т. II, А. А. У. 438, А. И. т. IV. № 35). Противъ всѣхъ этихъ обычаевъ, книжники церковные, на основаніи восточно-византійской санктологіи, возставали. Въ старинныхъ алфавитахъ читаемъ: прежде убо славяне еще суще погани, неимѣяху книгъ, понеже неразумѣху писанія, и того ради и дѣтямъ своимъ даяху имена, якоже восхощетъ отецъ или мати дѣтищу, яже суть сія: Богданъ, Баженъ, Второй, Третьякъ и прочая подобная симъ, яже нынѣ прозвища именуются. Добра суть и та. Но обаче нощи невѣрія ихъ мимошедшей, свѣту же истиннаго богоразумія въ нихъ возсіявшу..., Славяне, пріемше святыя книги, послѣдоваша во всемъ преданію святыя и соборныя и апостольскія церкви, и отъ толѣ любяще и почитающе святыя угодники, начаша и дѣтемъ своимъ даяти имена во имя святаго настоящаго времени, въ неже дѣтищь родится. И того ради неудобь вѣдома намъ нынѣшнихъ именъ нашихъ толкованія, или по коему языку каждо насъ наричется, не бо ни единаго греческаго языка нареченію наричемся, но многихъ языкъ (въ солов. сборн. № 925, л. 25—26 прибавлено: «ова еврейска, ина же египетска, ина римска и прочихъ языкъ, протолкована же взята быше отъ древнихъ святыхъ любомудрецъ, нѣкая же и послѣ отъ Максима грека ради разумѣнія тезоименитствъ хотящимъ въ словянѣхъ составляти тропари и кондаки и каноны новоявленнымъ въ руси святымъ)... сего ради убо потребно есть и съ прочими языкъ рѣчьми здѣ толкованіемъ избразити, да увѣмы, что есть коегождо святаго и праведнаго тезоименная похвала... А *бѣсовская нарицанія* толкованы сего ради, понеже *мнози отъ* человѣкъ *приходяще къ волхвамъ и чародѣямъ*, и пріемлютъ отъ нихъ нѣкая бѣсовская *наюзы* и носятъ ихъ на себѣ» и проч. Въ другомъ спискѣ полнѣе: «мнози отъ человѣкъ приходящи къ волхвамъ и чародѣямъ, и пріемлютъ отъ нихъ

вская *обоняніа и наузы* и носятъ ихъ на себѣ. Иная бѣсовская *имена* зывающе волхвы и чародѣи надъ ѣствами и питіемъ, и та дающе нѣъ простымъ (простой чади) вкушати, яко ради здравія, и тѣмъ губятъ и многихъ простыхъ чади. И сего ради та здѣ объяснена, да отъ неумія пріемлюще таковая, или на харатіяхъ написаны носящи, погубимъ у своя, вмѣсто божественныхъ именъ пріемлюще *бѣсовкія имена*». Ркп. ав. солов. № 13. л. 28—29. Сборн. солов. № 925).

3. Любопытна слѣдующая легенда, какъ въ XV вѣкѣ чудотворная на появилась въ древнѣйшемъ дремучемъ лѣсу Оковскомъ и помѣшала имъ воровать чужой скотъ — лошадей и коровъ, и какъ отъ нея будто произошли разныя благотворныя физическія явленія: «Въ Оковской ости (въ Тверской области) промежду деревенъ есть деревня Дрепки, а гая Клочки. Имѣ же тѣхъ деревень лѣсъ дичь, а по тому лѣсу течетъ а Пырышка, а на той рѣкѣ есть городище маленько на клочковской ронѣ рѣки, и была туто боярщина Подадина, жили въ ней два татя, а Клочкахъ жили два же татя, Ивашкомъ зовутъ, что пономаремъ прови, да дядя его родной, Ермолкою зовутъ, а прибѣжали они изъ Рясны. совѣщались два татя Ивановы боярщины съ клочковскими татьми съ аномъ и съ Ермолкою, а совѣтъ у нихъ былъ таковъ: привести имъ Клочковъ украдчи двое лошадей, а Ивановы боярщины привести было радчи коровы, а мѣнѣ было у нихъ быти лошадямъ на коровы по сро- на томъ на пырыщскомъ городищу. Ивановы боярщины тати покрадчи ровы напередъ поспѣли къ ихъ сроку, клочковскимъ татямъ неулучися украсти двоя лошадей по ихъ сроку, и прежніе тѣ тати поставили ровы отъ городища того въ верхъ по Пырыщкѣ рѣкѣ за ключемъ въ сѣ, да сами по прежнему ихъ совѣту, гдѣ бѣло мѣнѣ быти лошадей на ровы, взошли на то городище Пыршинское и узрѣли прежь всѣхъ икону, не знаютъ, что крестъ честный, и рѣкоша другъ ко другу: се на насъ цковъ, побѣжимъ отъ мѣста сего: не чужими намъ животами мѣна, но ими головами пріяти бѣда. И бѣжаша они отъ мѣста того и увидѣсъ нѣгдѣ того жъ дни съ тѣмъ Ивашкомъ и дядею Ермоломъ, и реша: что у васъ на насъ за подковъ — икона стоитъ на городищѣ, а не щади: то ли ваша правда къ намъ. Они жъ начаша клятися и ротитися, голюще: «ничто же на васъ зла помыслихомъ, ниже на городищѣ иконы даемъ, но токмо мы отъ многихъ людей отъ полѣсовныхъ и отъ мимодящихъ слыхаемъ, многи де звоны бываютъ на городищѣ томъ, а мы чего не вѣдаемъ на мѣстѣ томъ, что вы говорите. И турышини разошся коихъ по себѣ. И учалъ говорити Ермолко ко Ивану: дойдемъ и димъ, что ся есть на городищѣ томъ и станемъ стеречи, *любо ся клади* мѣстѣ томъ является, и стерегоша они, и не бысть ничтожь, развѣ инъ крестъ къ соснѣ пригвожденъ стоитъ, и сказали они въ деревни въ очкахъ. И шедъ *всею деревнею* досмотрѣли, что есть на томъ мѣстѣ на нѣ иконѣ, да не знаютъ которая, занежь простые люди, а пречистые дотворные иконы никтожъ не вѣда на городищѣ томъ занежь лѣсъ сты, и послали они Исидора Ѳедорова сына деревни той Клочковской ь городища того 10 верстъ къ свѣту на погостъ по попы, а поповъ

дома ся неулучило, въ волость разъѣхалися по конономъ. Исидоръ
валъ Стефана черица Крылошанина, Стефанъ пошелъ въ самый Тро
день въ понедѣльникъ, послѣ обѣда, и снялося съ нимъ 4-хъ дер
болѣе 100 душъ, и пошли отъ креста, что на соснѣ по городищу
смотрѣти, занежь мѣсто красно и дивно и угодно ко всему, и Сте
чернецъ нашелъ предъ многими людьми икону на соснѣ, на сучку,
крестовые сосны до тое 10 саженъ промежу ихъ, а съступилъ съ н
колоды на землю... А тогды жилъ въ Клочкахъ нѣкто Мартемьянъ, а
вище Гребень. А та чудотворная пречистая икона прежь явленья бы
того Мартемьянова имени, стояла у него въ дому, и для тое чудотв
иконы поставили того Мартемьяна пономаремъ, и пономарилъ у преч
и честнаго креста 6 лѣтъ, и вельми забогатѣлъ, и учалъ воровати, р
сталъ отъ него великъ, и многажды поимывали его въ разбоѣ, и д
сударева слуха дошелъ, Государь же милость надъ нимъ показалъ, ве
его понаказавши отпустить опять на пономарство. Онъ же не оста ст
своего воровства, и въ томъ своемъ воровствѣ и пропалъ неподо
смертію. А та чудотворная икона собою невелика, *воротная*, письмо
ринное. Чюдно Богъ человѣколюбецъ показа милость свою, учало
прощади отъ тѣхъ чудотворныхъ образовъ, отъ пречистые Богоро
Одигитрія и отъ честнаго креста... Лѣта коего явися икона пречи
Богородицы на Оковцѣ и крестъ честной, хлѣбъ былъ дешевъ, кад
купили по 4 московки, а лѣто было весьма ведрено, а не засушл
красно и всякимъ овощемъ плодовито, а отъ поля тишина была,
дямъ здравіе было и всякому скоту плодъ». Всѣ эти чисто физи
явленія происходили будто бы именно вслѣдствіе явленія иконы. (
солов. библ. № 857, л. 176).

сскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ утреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII.

ытъ историческаго изслѣдованія о причинахъ происхожденія и распространенія русскаго раскола [1]).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Расколъ старообрядства составляетъ характеристическое явленіе въ исорическомъ развитіи русскаго народа, особенно его низшихъ классовъ. ъ немъ сохранился, такъ сказать, окаменѣлый отколокъ древней Россіи, ыразилась русская народность XVII вѣка, въ ея отрѣшенности отъ иноемныхъ элементовъ реформы Петра Великаго и XVIII столѣтія, проявилась преимущественно своеобразная историческая жизнь массы народа, жизнь религіозная и гражданская, жизнь умственная и нравственная. тарая вѣра, старые обряды, старыя книги раскола — это арактеристическій символъ, выраженіе умственной жизни большой части нашего народа, мѣра, заповѣдный, заколдованный кругъ его мыслительности; это такъ сказать, апоеоза, освященіе той неподвижной, во вѣки «неминуемой» старины, которая имѣла такое важное значеніе въ народномъ быту древней Россіи, въ обычаяхъ, нравахъ и понятіяхъ народа, о которой онъ изстари говорилъ въ своихъ пословицахъ: «что старо, то свято; что старѣе, то правѣе; что изстари ведется, то неминется, ветхое лучше есть»! Церковно-гражданскій демократизмъ раскола, подъ покровомъ мистико-апокалипсическаго символизма, отрицаніе реформы Петра Великаго, возстаніе противъ иноземныхъ началъ русской жизни, вопль противъ Имперіи и правительства, смѣлый протестъ противъ подушныхъ переписей, податей «и даней многихъ», противъ рекрутства, крѣпостного права, областнаго начальства и т. п. — это многознаменательное выраженіе народнаго взгляда на общественный

---

[1]) Напечатано отдѣльною книгой подъ такимъ же заглавіемъ. Казань. 1859, in 8°, стр. 4 нен. +548+2 нен. Изданіе И. Дубровина. Цензурное дозволеніе на второе изданіе отъ 1 мая 1859 г.

и государственный порядокъ Россіи, проявленіе недовольства низш
классовъ народа, плодъ болѣзненнаго, страдательнаго, раздраженнаго
стоянія духа народнаго. Поповщина и безпоповщина, подъ об
формой старообрядства — образованіе съ одной стороны ложнаго свящ
ства, бѣглопоповщины, съ другой — совершенное отрицаніе священст
ненависть къ духовенству, и обобщеніе той и другой противоположно
подъ одной оболочкой мертвой обрядности, — это характеристиче
явленіе церковной жизни нашего народа, плодъ и выраженіе взаими
отношеній духовенства и народа; это — особенно многозначительный,
рактеристическій фактъ въ исторіи нашего духовенства. Наконецъ, эти ст
новщины, акулиновщины, пастуховы согласы, и множество подобныхъ
имно-враждебныхъ сектъ раскола, въ которыхъ «что мужикъ, то в
что баба — то толкъ», отрицаніе въ нѣкоторыхъ сектахъ раскола нач
общественности, принадлежности къ обществу, отрицаніе нравствен
началъ семейной жизни, освященіе такихъ грубыхъ пороковъ, как
напр., самоубійство, блудъ и т. п. — это темная сторона нравственнаг
общественнаго развитія нашего народа, плодъ и выраженіе крайней недо
точности нравственнаго вліянія духовенства на народъ и отсутствія
роднаго просвѣщенія и воспитанія. Вотъ главные пункты, точки, съ
торыхъ мы пытались разсмотрѣть русскій расколъ старообрядства, въ св
съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности
XVII вѣкѣ и въ началѣ XVIII. Основная мысль нашего опыта —
крыть историческую основу раскола старообрядства, этого многослож
явленія въ русской исторіи, показать тѣ элементы въ исторической жи
народа, изъ которыхъ онъ сложился.

Предлагаемое сочиненіе не болѣе, какъ первая попытка — раск
историческія причины появленія и распространенія въ Россіи рас
старообрядства. И издается оно собственно не для ученыхъ спеціалист
а больше для неученой публики. Потому, мы желали бы отъ критик
столько строгаго суда о недостаткѣ въ нашемъ сочиненіи новыхъ фак
и выводовъ, объ его необработанности и неразвитости высказанных
немъ мыслей, сколько исправленія ошибокъ, восполненія недостат
указанія опущенныхъ нами сторонъ и фактовъ.

Къ сочиненію будетъ присовокуплено, въ особомъ приложеніи, н
лько неизданныхъ рукописныхъ памятниковъ русской жизни и ли
туры XVII вѣка.

«Насѣялъ небесный Домовладыка плодовитую ниву нашей право-
авной державы пшеницею чистаго благочестія», — съ глубокою скорбію
ворилъ царь Алексѣй Михайловичъ на Московскомъ соборѣ въ 1667 году —
э завистливый врагъ, въ то время, какъ мы, поставленные отъ Бога
ажами надъ ней, дремали, всѣялъ куколь душевредный. Куколь
отъ — душепагубные нынѣ насѣянные расколы, которыхъ тлѣтворное
озябеніе тщится искоренить чистую пшеницу слова Божія истинной
олической вѣры. Вотъ уже богохульное ихъ плодоношеніе не только
носится по различнымъ странамъ, городамъ и весямъ врученнаго намъ
ъ Бога царства, но и въ самый сей городъ вомчалось и дошло до
шихъ рукъ въ свиткахъ и коснулось нашихъ ушей словесно. Многіе
удноумные, заразившись симъ душеубійственнымъ злоплодіемъ, какъ-бы
ѣ ума были, заблудились отъ церкви въ новопрозябшія сонмища, от-
ргли крещеніе, грѣховъ своихъ іереямъ Божіимъ не исповѣдали, Тайнамъ
ивотворящимъ не причащались, кратко сказать, весьма отъ церкви и
ъ Бога отчуждались» [1]. Эти скорбныя слова царь Алексѣй Михайло-
ичъ говорилъ по поводу русскаго раскола старообрядства, который съ
666 года уже ясно и окончательно отпалъ отъ церкви. Съ этого времени
до конца XVII столѣтія, расколъ весьма быстро распространялся, такъ
то къ половинѣ XVIII столѣтія проникъ уже почти во всѣ концы Рос-
іи. Еще при жизни расколоначальниковъ, около 1676 года, по словамъ
дного изъ нихъ, въ Великороссіи насчитывалось до 100,000 одныхъ гото-
ыхъ умереть за расколъ, только скрытыхъ «страха ради властелинска» [2]
а сѣверѣ, изъ небольшихъ пустынь и скитовъ, устроенныхъ Соловецкими
ыходцами въ Олонецкихъ и Архангельскихъ дебряхъ, плевелы раскола
аспространились по всему Бѣлому поморью; на рѣкѣ Выгѣ, въ 1694 году,
сновалось сильное гнѣздо, средоточіе безпоповщинскаго раскола, — скитъ
аниловскій. Въ этомъ скиту сначала было только до 150 братій и сестеръ [3];
отомъ число раскольниковъ умножилось до такой степени, что Выговскій
китъ на одномъ собственномъ иждивеніи содержалъ мужескаго пола ты-

---

[1]) Дополн. къ Акт. Истор., т. V, № 102, стр. 445, слово великаго Государя Царя
ъ освященному Собору.

[2]) Щитъ Православія — соч. попа Лазаря, гл. 28.

[3]) Словарь Рус. свѣтскихъ писателей, Митр. Евгенія, ч. I, стр. 162.

сячь до двухъ, да женскаго до тысячи и болѣе душъ[1]). Отъ Выговск скита въ 1706 году отдѣлилась секта Ѳедосѣевцевъ. Въ короткое вр эта секта, болѣе всѣхъ прочихъ отраслей раскола, размножилась въ наш отечествѣ, пустила корни свои въ Петербургѣ, Москвѣ, Новгородѣ, Пско и даже проникла за границу въ Польшу, на берега Дуная, въ Пруссію, стрію и Турцію. Въ 1675 году бѣжалъ изъ Москвы зараженный раско ническими мыслями попъ Косма съ 20 человѣками и поселился въ Н городско-сѣверской области, на одномъ небольшомъ Стародубскомъ у чищѣ, Понуровкѣ: здѣсь изъ посѣяннаго имъ сѣмени образовалось 17 с бодъ раскольническихъ, и въ нихъ было до 50,000 обоего пола[2]). Изъ С родубскихъ слободъ нѣкоторые раскольники, преслѣдуемые правит ствомъ въ правленіе Софіи Алексѣевны, убѣжали въ Польшу и тамъ селились на такъ называемомъ островѣ Вѣткѣ; число раскольниковъ зд возросло до 40,000 человѣкъ; за невмѣщеніемъ на Вѣткѣ, они на окр ности 20 или 30 верстъ населили болѣе 14 слободъ[3]). — Перейдемъ Волжскія страны Россіи. Здѣсь въ Нижегородской епархіи, въ чернора скихъ лѣсахъ Юрьевскаго и Балахнинскаго округовъ, спустя 35 или лѣтъ послѣ перваго появленія плевелъ раскола, въ 1716 году счита однихъ записныхъ раскольниковъ до 40,000 душъ[4]). Далѣе къ югу, р. Иргизѣ, поселились сначала только 60 человѣкъ, выходцевъ изъ Поль державшихся раскола. Но когда разнеслась по всему приволжью сл знаменитаго Успенскаго монастыря на Иргизѣ, тогда чуть не весь Д Уралъ и почти все приволжье вошли съ нимъ въ сообщеніе по дѣл раскола. Всѣ казаки, Елецкіе и Яицкіе, большая часть изъ 20,000 Д скихъ казаковъ заражены были расколомъ и даже ратовали за раск давшій просторъ буйному разгулу ихъ воли[5]). Въ предѣлахъ Астра скихъ, въ Елисаветградскомъ и Бахмутскомъ уѣздахъ цѣлыя слободы селены были раскольниками, державшимися Соловецкой челобитной[6]) 1692 году раскольники распространились по рѣкамъ Кумѣ, Сулакѣ, Ку и Аграхани. Въ 1698 г. многіе поселились за Терекомъ, въ горахъ и ущ яхъ большой и малой Кабарды, а нѣсколько времени спустя, осно 5 станицъ по эту сторону Терека[7]). На востокѣ за Уральскимъ хребт въ предѣлахъ Сибирскихъ, еще со временъ патріарха Никона, посели множество раскольниковъ при желѣзныхъ заводахъ и казенныхъ и ч ныхъ золотыхъ промыслахъ, гдѣ втайнѣ сохраняли свои повѣрья: зд число ихъ возрасло, въ одно столѣтіе, до 100,000 человѣкъ всякаго

---

1) Истор. Россійск. Іерарх., ч. III, стр. 626.

2) Полн. истор. извѣст. о раскол., ч. III, стр. 14, 15.

3) Тамъ же, стр. 42. Въ такомъ числѣ нашелъ раскольниковъ на Вѣткѣ по никъ Сытинъ въ 1735 году. Но тогда еще многихъ не было дома: разошлись, по вамъ Іоаннова, съ проповѣдью о расколѣ по Россіи.

4) П. С. З., указъ 1762 г.

5) Ист. Пугач. бунта, Пушкина, ч. I., гл. 2. — Ист. о Донскихъ казакахъ Чтен. Моск. Общества исторіи и древн. Россіи. 1846 г., № 4, стр. 83, 95, 109.

6) Отвѣты Преосв. Никифора, Архіеп. Слав. и Херсон. Москва, 1854 (преду л. 2 и 3. Также см. Словарь о духов. писат. М. Евгенія о Никифорѣ Ѳеотокіи.

7) Акт. Ист., т. V, №№ 215, 220, 221, 241, 254.

цовъ, мѣщанъ, крестьянъ государственныхъ и помѣщичьихъ [1]). Ме-
ь въ полстолѣтіе съ 1658 по 1688 годъ, мы видимъ расколъ рас-
ившимся во многихъ мѣстахъ западной и восточной Сибири: въ
бургѣ, Тюмени, Тобольскѣ, Томскѣ, Енисейскѣ. Однимъ словомъ:
такъ сильно распространялся по России при патріархѣ Никонѣ,
него, въ концѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII столѣтія, что
справедливости можно сказать словами одного раскольническаго
: отъ распространенія раскола «звѣропаственныя мѣста населя-
мѣсто деревъ умножались люди» [2]).
кія были причины такого быстраго распространенія раскола по

орическія причины происхожденія и распространенія раскола за-
сь: а) въ духѣ времени, въ которое возникъ и распространился рас-
арообрядства, именно въ томъ, что съ XVI вѣка до патріарха
многіе въ русскомъ народѣ питали суевѣрную привязанность къ
нѣшней обрядности церковной безъ духа вѣры, и будучи слѣпо
ены ко всему, что имѣло видъ какой бы то ни было, только рус-
арины, обнаруживали недовольство церковными исправленіями и
скими преобразованіями, начавшимися въ царствованіе Алексѣя
вича при Никонѣ, и особенно усилившимися въ царствованіе
еликаго: здѣсь заключается главный и первоначальный источникъ
б) въ духовно-нравственномъ состояніи русскаго народа во время
вденія и распространенія раскола: здѣсь находится самая почва,
ой развился, возросъ и распространился расколъ; в) въ самомъ рас-
обенно въ расколоучителяхъ и въ духѣ и въ направленіи раскола:
ключаются внутреннія силы и способы, посредствомъ которыхъ
самъ собою развивался, возрасталъ и распространялся, какъ опре-
общество, отдѣльное отъ православной церкви; г) въ уклоненіяхъ
ковнаго или церковноіерархическаго порядка, допускавшихся нѣ-
и православными лицами, и въ другихъ недостаткахъ относительно
ройства церковнаго, и д) въ разныхъ гражданскихъ безпорядкахъ
аткахъ того времени, когда возникъ и распространился русскій
это, такъ сказать, была атмосфера, подъ вліяніемъ которой
ся расколъ.

вный, первоначальный источникъ и основныя начала русскаго раскола старообрядства.

которые русскіе писатели XVIII и XIX столѣтій, говоря объ ис-
и церковныхъ книгъ патріархомъ Никономъ, выражаютъ мысль,
о самое исправленіе книгъ было причиною раскола, извѣстнаго
енемъ старообрядства, будто «ревностная поспѣшность Никона въ

---

[1]) асколъ, облич. своею истор., стр. 328. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, если
казаніямъ самихъ Сибирскихъ раскольниковъ, ихъ было въ губерніяхъ
кой, Пермской и Тобольской болѣе 150,000.

[2]) стор. о бѣгствующемъ священствѣ, л. 8 на об. (Рукоп. А. А.).

исправленіи книгъ произвела раскольниковъ» [1]). Раскольническіе пи
признаютъ также патріарха Никона единственнымъ виновникомъ ра
въ русской церкви [2]). Оба эти обвиненія, при внимательномъ разсмот
обстоятельствъ, среди которыхъ появился расколъ, оказываются не
ведливыми. Исправленіе церковныхъ книгъ патріархомъ Никономъ
не болѣе, какъ только внѣшнимъ поводомъ къ открытію раскола. А
ный, первоначальный источникъ раскола, почти при самомъ появ
принявшаго характеръ не просто церковный, но церковно-гражда
кроется гораздо глубже и восходитъ гораздо далѣе времени патр. Ни
Русскій расколъ явно сложился изъ двухъ началъ: во-первыхъ, из
чала собственно церковнаго, какъ секта церковнообрядовая, несогл
съ православною церковію въ нѣкоторыхъ богослужебныхъ обрядах
вторыхъ, изъ начала гражданскаго, или противогосударственнаго,
секта, возставшая, по собственному выраженію раскольниковъ, про
новшествъ нетолько церковныхъ, но и гражданскихъ. Потому и и
ника раскола прежде всего надобно искать въ духѣ и направлені
ковной и гражданской жизни русскаго народа въ тотъ періодъ вре
когда расколъ зачался, развился и распространился.

1. Отъ чего въ церкви нашей произошелъ расколъ, во-первых
за богослужебной обрядности, именно по поводу исправленія церков
книгъ и обрядовъ? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ удовлетворител

---

1) Такъ Голиковъ (Дѣян. Петра Великаго т. XIII стр. 40 изд. 1840 г.) го
„Ревностная поспѣшность Никона въ семъ (исправленіи и изданіи книгъ) про
раскольниковъ". „Таковое первопрестольника церкви Россійскія попеченіе по н
колико было похвально, толико и нужно: но ревностная поспѣшность, съ како
за сіе принялся ежели, смѣю сказать, не соображена была съ умоначертані
просвѣщеннаго тогдашняго народа, готоваго за малость, ничего незначущую,
гнуться отъ сообщенія церкви и отъ своихъ единовѣрныхъ соотечественников
сему надлежало таковый народъ издали пріуготовить къ сему вразумленіемъ о
исправленія таковаго". „Первая книга „Служебникъ", съ поправленіемъ напеча
привела народъ къ отпаденію отъ церкви". Арцыбышевъ (повѣств. о Росс
кн. VI, стр. 423.) такъ выражается о началѣ раскола: „Онѣ (старописанныя
привезенныя Арсеніемъ Сухановымъ съ востока) разсмотрѣны были на соб
Москвѣ и найдены совершенно сходными съ древними славянскими; въ сл
чего и опредѣлено соборомъ исправить по нимъ новопечатныя Московскія. От
произошли расколы, продолжающіеся до нынѣ".

2) Такъ, напримѣръ, извѣстный раскольническій исторіографъ Денис
своемъ „Виноградѣ Россійскомъ" говоритъ: „Аще всеподательніи слышате
усердно познати восходятъ, откуду убо таковая всепреужасная и лютая наст
Россіи (расколы) и на какая вина всепрезлѣйшихъ схизматосмущеній. И к
многоплачевныхъ церковныхъ трясеній новосодѣтель; не отъ инуду куду
непріятель пришедый, не варваръ, ниже скифъ, толь прелютыми скорбми нео
уязвивый россійская чада: но свой своея Россіи воспитанный неблагодарный
досадительный членъ (Никонъ глаголю Патріархъ), человѣкъ елико многокоз
ума, толико всепредерзостнаго напрасньства, и огнеопальныя ярости, и многок
маго непостоянства, но винамъ и мятежамъ радуяся присно, уготованный отъ и
на время оное и часъ. . . . Оный всю ризу церковную пребезстудно растер
статью о патр. Никонѣ въ Виноградѣ Россійскомъ). Тоже говоритъ Авва
своемъ словѣ „о измѣненіи боголѣпоты церковной". Рукоп. библ. Каз. Акад. Л

пристрастно, нужно разсмотрѣть: какое значеніе имѣла издревле въ стіанской жизни нашихъ предковъ церковнобогослужебная обрядность последнія два или полтора столѣтія предъ патріархомъ Никономъ, и къ выражалась она въ нравственной, церковной жизни многихъ въ XVI въ первой половинѣ XVII вѣка.

Исторія христіанской жизни русскаго народа показываетъ, что предки ши искони особенно любили богослуженіе христіанской церкви, такъ и самая христіанская жизнь ихъ искони имѣла характеръ преимущественно церковнообрядовый, какъ у греческихъ христіанъ она преимущественно имѣла характеръ догматическій, духовносозерцательный. Предки ши, по обращеніи къ вѣрѣ и Церкви Христовой, прежде всего плѣнись, вслѣдъ за послами Владиміровыми, внѣшнимъ благолѣпіемъ и обдностію христіанскаго богослуженія, которая въ то время въ Византіи стигла высшаго развитія.

Съ тѣхъ самыхъ поръ, въ продолженіе всей древней русской исторіи, ра и благочестіе предковъ нашихъ имѣли направленіе преимущественно рковно-богослужебное, обрядовое, какъ и нынѣ оно еще господствуетъ русскомъ народѣ. Не занимая ума своего, подобно греческимъ христіамъ IV—XV вѣковъ, или подобно западнымъ схоластикамъ среднихъ вѣовъ, тонкими ученосозерцательными изслѣдованіями христіанскихъ догатовъ, часто доходившими до сухой, отвлеченной діалектики, древне усскіе христіане большею частію питали свою вѣру и благочестіе посредтвомъ церковнаго богослуженія и посредствомъ богослужебныхъ книгъ. ъ храмахъ Божіихъ, во время богослуженія, учились они истинамъ вѣры ристовой и дѣламъ благочестія [1]). Къ священникамъ, своимъ учителямъ, рибѣгали они не за разрѣшеніемъ какихъ либо богословскихъ вопросовъ недоумѣній, а приходили спрашивать: что намъ ѣсть и пить въ тотъ ли другой день поста, какіе поклоны творить и т. п.? [2]) А церковную вятыню, въ особенности св. иконы, такъ глубоко любили и чтили благо-

---

[1]) Храмъ для народа былъ главнымъ, почти единственнымъ училищемъ. „По ся дни,—читаемъ въ одномъ русскомъ поученіи XIII вѣка,—аще умѣеши книги, рави нощные и дневные часы, вечерню и утреню, или литургію, аще ли неумѣетъ то, да ходите по все дни къ церкви въ годъ пѣнія“ (Измарагдъ, ркп. Соловец. библіот. № 270, поуч. 127). Въ другомъ поученіи, находящемся тамъ же: „Въ церковь ѣрніи приходяще слышати святая, Божественная ученія и прореченная пророки, и течьская сказанія. Житие же святыхъ и мучение, та вся слышаще Богобоязнивіи росвѣщаютъ душа своя“ (поуч. 139) „Вонми въ церкви Божественная ученія, читаемъ ъ третьемъ поученіи, и внесете въ домъ свой, еже слышасте въ церкви, да домъ ашъ церкви же творится“ (Тамъ же, поуч. 138). См. также въ поученіи Кирилла уровскаго—Памяти. XII вѣка изд. Калайдовичемъ, стр 53—55, „Якоже дождь раститъ ѣмя,—писалъ еще св. Симонъ, Епископъ Владимірскій, въ посланіи къ черноризцу олнкарпу,—тако и церкви влечетъ душу на добрыя дѣла: все бо елико творити въ лліи, ни во что же суть, аще и псалтирь чтеши, или обанадесять псалми, поеши единому Господи помилуй подобится соборному пѣнію“. Потер. Печер. ркп. Сол. 629—634. Построеніе храма принадлежало къ важнымъ событіямъ въ древней Руси; топиcи наполнены извѣстіями о построеніи или украшеніи храмовъ. А новгородая 3-я лѣтопись вся только изъ этихъ извѣстій и состоитъ. См. П. С. Р. Л. т. III

[2]) См. слово о постѣ, изд. въ „Правосл. Собесѣдн.“ 1858. кн. 1.

честивые русскіе люди, что самые дома свои старались наполнят
украшать ими [1]). Богослужебнымъ книгамъ усвояли почти такое же
щественное значеніе въ дѣлѣ спасенія, какъ самому слову Божію и в
Христовой [2]). Богослужебныя книги съ благоговѣйнымъ усердіемъ и любо
списывали, переписывали и читали «въ честь и въ слава Отцу и Сы
Святому Духу, «или» себѣ на здравіе и на спасеніе и поющимъ ихъ
Нѣкоторые даже всю жизнь свою посвящали перепискѣ церковныхъ книг

---

[1]) Домострой, который, по замѣчанію ученыхъ изслѣдователей русской стар
вѣрно отразилъ въ себѣ нравственно-христіанскій характеръ древняго быта на
такъ изображаетъ домъ христіанина: „Въ дому своемъ всякому христіанину, в
кой храминѣ святые и честные образы, написаны на иконахъ по существу, ст
на стѣнахъ, устроивъ благолѣпно, со всякимъ украшеніемъ и со свѣтильник
нихъ же свѣщи, предъ святыми образы возжигаются, на всякомъ славословіи Б
и по пѣніи погашаютъ; завѣсою закрываются, всякія ради чистоты, и отъ пыл
всегда чистымъ крылышкомъ смѣтати и мягкою губою вытирати ихъ; а къ свя
образамъ касатися достойнымъ, въ чистѣй совѣсти, и на славословіи Божіи,
св. пѣніи, и молитвѣ, свѣчи вжигати“ и пр. Врем. Моск. общ. Ист. и Древ. Росс.
Домостр. стр. 8. Съ особеннымъ благолѣпіемъ украшались священными изоб
ніями царскія палаты. См. „Домашній бытъ Русскихъ царей“, Забѣлина, „Отечеств.
1851 № 2 и 3. Маржеретъ: „иконы украшаютъ жилище каждаго русскаго въ в
большомъ количествѣ“. Сказ. Совр. о Дим. Самозв. т. III, стр. 36.

[2]) „Сицевыми книгами,—говорили предки наши—благоугодили Богу всѣ с
и чудотворцы, просіявшіе отъ начала земли“. Въ нихъ, церковнослужебныхъ
гахъ,—говоритъ Никонъ Патріархъ, возстановитель древняго церковно-богослуж
чина,—святіи Божіи человѣцы и велицыи сихъ творцы восточніи богословцы
тели Аѳанасій Великій, Василій Великій и Григорій Богословъ, Іоаннъ Злат
Іоаннъ Дамаскинскій, и Петръ, Алексѣй, Іона, Филиппъ, Московскіи чудотво
прочіи святіи поучающеся, Богови угодиша, и намъ въ пользу нашу не за
оставише и невредны блюсти повелѣша“. Опис. кн. царск. т. II. стр. 156.

[3]) Опис. ркп. Синод. Библ. л. 224, 335.

[4]) Весьма любопытны приписки писцовъ къ списываемымъ ими церко
книгамъ. Изъ нихъ видно, что нѣкоторые писцы всю жизнь свою посвящали
пискѣ церковныхъ книгъ, и съ теплою молитвою къ Господу Богу и Пречистой
родицѣ совершали это благочестивое дѣло. Такъ, напр., въ Псалтири съ п
ными тропарями и молитвами, писан. нъ 1296 г., читаемъ въ подписи: „Влѣт
въ великъ день бысть благовѣщенія и вісікостъ причтеся, повелѣ собѣ боголю
княгыны Марина списати книгы сія, псалтырю съ покаяньны молитвами. Заха
писецъ о Господѣ Бозѣ вседержители моляся Господеви и пречистѣй Его М
имѣя издѣтьска обычая много написавъ богословія святыхъ книгъ уже при ст
ему бывшу списа на волоцѣ Еоуангеліе апракос Боголюбивому анътонию иго
къ покрову святѣй Богородици, і сию Псалтирю написах много трудився о Го
Бозѣ вседержители усердно моляся пречистыя Его Матери яко ми дастъ Богъ
свои не... скоростью охулити дѣла, аще кому и медленно сътворило абы по ско
что видѣти і слышати сладко“. Опис. слав. ркп. М. Синод. Библ. л. 184. Въ н
рыхъ припискахъ съ сердечною простотою высказывается любовь къ церко
книгамъ, желаніе почерпать изъ нихъ назиданіе для ума. Такъ наприм. гов
писецъ въ припискѣ къ псалтырю, писан. полууставомъ XVI в., послѣ 10 пѣсн
рока Захарьи отца предтечева: „словеса оубо писанная пріидоша вконецъ. О
да небудетъ когда пріяти конецъ въ любителяхъ душеспасительныхъ словес
убо когда будетъ благыхъ насыщеніе“. Опис. ркп. Руск. муз. л. 465. Больш
частію писцы въ послѣсловіи смиренно сознавались и просили прощенія, если
чемъ либо описались. См. напр. Опис. ркп. Рум. Муз. л. 721, 725, 727.

этимъ благочестивымъ трудомъ занимались не только иноки, свя-нники и міряне, но и сами архипастыри и князья [1]). Списывая или купая церковнобогослужебныя книги, благочестивые люди, князья, хипастыри, вообще всѣ духовные и міряне усердно приносили ихъ въ ркви или монастыри для вклада «во отпущеніе грѣховъ своихъ, за равіе и спасеніе, или въ память родителей, родственниковъ и друзей»: обенно любили полагать на престолъ Евангеліе [2]). Вообще изъ множе-ва свидѣтельствъ и примѣровъ видимъ, что самымъ главнымъ, выс-имъ попеченіемъ древнихъ русскихъ христіанъ, особенно же князей и рей, было попеченіе о распространеніи церковнослужебныхъ книгъ, о троеніи и благоукрашеніи храмовъ Божіихъ, о снабженіи ихъ священ-ю утварью: это былъ по понятію ихъ «душеполезный путь, возводящій Богу» [3]). Лѣтописи наши почти о каждомъ благочестивомъ князѣ ескомъ говорятъ: «церковные уставы любилъ, церкви созидалъ и укра-лъ ихъ св. иконами и книгами наполнялъ» [4]). Равнымъ образомъ въ дкомъ послѣсловіи, въ старинныхъ церковно-служебныхъ книгахъ, мы прочитаемъ такихъ отзывовъ: «святые храмы благовѣрный царь укра-ше, честными иконами и святыми книгами и сосуды и ризами и про-ми церковными вещами»; или: многу вѣру и любовь ко Христу Богу и ечистой Его Матери и ко всѣмъ святымъ показа, и вѣру христіанскую полняя, многія церкви Божія воздвиже, и честными святыми иконами раси, и божественными книгами изнаполни, и всякими лѣпотами преу-бри, и еще не преостая распалаяся божественною любовію и ревностію всѣмъ святымъ Его, умысли сія пѣснословныя и молебныя книги учи-нти, въ нихъ же зрятся господскіе праздники полные и съ предъпраздн-твы, и богородицыны и животворящаго креста» [5]).

---

[1]) См. Истор. древн. Русск. словесн. Шевырева. Его же обозрѣніе Русс. слов. XIII вѣкѣ въ Извѣст. II отд. Импер. Акад. Наукъ т. III стр. 67—105. Таковъ напр. лъ князь Волынскій Владиміръ Васильевичь, собственноручно списавшій апостолъ Евангеліе апракосъ въ 3-хъ экземплярахъ, прологъ въ 12 мѣсяцахъ, 12 миней, іоди, октоихъ, ирмологъ, службу св. Георгію, молитвенникъ съ утренними и вечер-ми молитвами. Также св. Алексѣй, митрополитъ всероссійскій, въ 1355 г., написалъ бственною рукою Евангеліе, которое хранится до нынѣ въ Чудовѣ монастырѣ.

[2]) Благочестивые князья и княгини, бояре и боярыни и всякаго чина люди рогою цѣною покупали церковно-богослужебныя книги, или нанимали писцовъ для исыванія ихъ: отцы семействъ покупали богослужебныя книги „съ женою своею и богоданными чадами своими за отпущеніе грѣховъ“. Это видно изъ приписокъ и мѣтокъ, часто встрѣчающихся въ древнихъ рукописныхъ богослужебныхъ книгахъ. напр. опис. ркп. Рум. Муз. л. 408, 715. 721. Опис. ркп. Синод. Библ. л. 298, 324, 299 мн. др. Благочестивый князь Галицкій Владиміръ за одинъ молитвенникъ запла-лъ „8 гривенъ кунъ“, т. е. болѣе 11 руб. сер. См. также вкладныя подписи въ пис. ркп. Рум. Муз. стр. 175, 397, 408, 409, 468. Опис. ркп. Моск. Синод. Библ. стр. 230, 279, 296.

[3]) Лаврент. лѣт, стр. 187.

[4]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 65, 85, 129, 131, 149, 156, 157. Т. II. стр. 111, 112, 154, 155 и. др.

[5]) Въ старопечатныхъ книгахъ весьма часто встрѣчаются такіе отзывы въ слѣсловіяхъ. См. напр. опис. кн. Царскаго, Строевымъ.

При такомъ направлеоіи христіанскаго благочестія въ русско
родѣ, древніе предки наши, впрочемъ, несмотрѣли такъ на церковно
служебную обрядность, какъ смотрятъ на нее мнимые старообр
Полагая сущность христіанскаго богослуженія не въ одной внѣшн
рядности, но и въ его духовномъ знаменованіи, въ сущности вѣры Х
вой, древніе русскіе христіане, во-первыхъ вовсе не чуждались внѣ
улучшеній и исправленій въ церковно-богослужебной обрядности,
мнимые старообрядцы [1]). Напр. они не думали, какъ мнимые старооб
XVII вѣка, будто введеніе въ церквахъ благоустроеннаго, благогл
пѣнія противно Православію: мы знаемъ, что кромѣ церковнаго
принесеннаго въ землю русскую пѣвцами отъ Славянъ болгарски
1053 года, когда прибыли въ церковь русскую «тріе пѣвцы гречес
роды своими», въ землѣ русской введено было при богослуженіи «
ное осмогласіе — по 8 гласамъ октоиха, наипаче же и присос
сладкогласованіе» — пѣніе съ прибавленіемъ верхнихъ и нижнихъ т
или на три голоса, столько не нравящееся нынѣ мнимымъ старообря
и «прекрасное демественное пѣніе» — пѣніе гармоническое, хоровое,
ляемое придворными и патріаршими доместиками — регентами [2]). Д
русскіе христіане не спорили о количествѣ просфоръ, потребных
евхаристіи, а проникали въ сущность, значеніе божественнаго та
Кирикъ спрашивалъ Нифонта, можно ли служить на одной прос
Нифонтъ отвѣчалъ: «если это будетъ далеко въ селѣ, а взять
просфоры негдѣ, достоитъ служить; если же будетъ близко торг
можно купить, то недостоитъ» [3]). Такъ пастырь новгородскій по
сущность таинства, т. е., что для евхаристіи необходимъ собственно
хлѣбъ: ибо, по слову апостола «единъ хлѣбъ, едино тѣло есмы,
отъ единаго хлѣба причащаемся». Желалъ ли кто построить ил
сить храмъ Божій, а этого тогда желали всѣ отъ пастыря и к
послѣдняго простолюдина, и этимъ собствено тогда выражалась
благочестіе, — для построенія и украшенія храма Божія не счит
грѣхъ, какъ нынѣ мнимые старообрядцы, призывать иностранныхъ
никовъ — нѣмецкихъ и греческихъ; напротивъ говорили: «привед
изъ всѣхъ земель мастеры» [4]). Святый крестъ наравнѣ съ Еван
былъ тогда предметомъ особеннаго благоговѣнія. Но крестъ тогда
одинаково и четвероконечный, и шестиконечный, и осьмиконечны
елику сознавали, что не въ деревѣ и не во внѣшнемъ видѣ крест
но въ самомъ крестѣ Христовомъ, или вѣрнѣе, въ самомъ Христѣ,
томъ на крестномъ древѣ [5]). Евангеліе и другія церковныя книги
мы сказали, списывали съ любовію и благоговѣніемъ. Но списыва

[1]) П. С. Л. т. I, стр. 57.

[2]) Степен. кн. ркп. л. 178.

[3]) Памят. Русск. словесн. XII в. стр. 194.

[4]) П. С. Р. Л. т. II, стр. 150.

[5]) См. статью „о видѣ креста на основаніи рукописей Императорской
ной библіотеки XI—XVI вѣковъ“ въ Христ. Чтен. 1855 г. ч. 2. Тамъ въ
богослуженіи церкви русской во дни Ярослава В. стр. 446—448.

…е и другія церковныя книги, не думали, что замѣнить одно неясное … неточное слово другимъ и болѣе точнымъ означаетъ грѣхъ. «Свято…въ, державный владыка», — говоритъ дьякъ Святослава Ярославича, …авшій для него книги, — «возжелавъ сильнымъ желаніемъ открыть …ровенный смыслъ въ глубинѣ сихъ трудныхъ книгъ, (писанныхъ на …гарскомъ языкѣ), повелѣлъ моей немудрости сдѣлать перемѣны въ рѣ…ъ съ удержаніемъ того же смысла»[1]). Драгоцѣннымъ памятникомъ …бокаго разумнаго благоговѣнія къ св. Евангелію, состоящаго не въ …ности по буквѣ, но въ любви къ истинѣ Христовой, служитъ Евангеліе …тителя Алексія, писанное собственною рукою его въ 1355 году. «Сей …нигъ святителя», говоритъ Филаретъ, митрополитъ московскій, «важенъ …ду прочимъ потому, что чрезъ него святитель, Богомъ просвѣщаемый, …дварительно обличалъ неправое мнѣніе людей, которые даже до нынѣ …ерждаютъ, будто въ священныхъ и церковныхъ книгахъ и описку пере…чика исправить, и непонятное слово перевода замѣнить понятнымъ — …озволительно и противно православію… Онъ повѣрялъ и исправлялъ, …отому очевидно не такъ разсуждалъ[2]). Разсмотрѣніе и описаніе древ…хъ рукописныхъ книгъ церковныхъ также представляетъ многочислен…я и непререкаемыя доказательства того, что древняя церковь наша ни…гда не стѣснялась буквою, но всегда дорожила чистымъ смысломъ цер…вныхъ книгъ и постоянно стремилась къ тому, чтобы имѣть книги въ …вершеннѣйшемъ видѣ[3]). Вообще истинные ревнители церковно-бого…ужебной обрядности старались, по возможности, проникать въ самыя …асительныя истины церковно-богослужебныхъ книгъ и въ духовное …аменованіе церковно-богослужебныхъ обрядовъ, или, если по простотѣ …а своего не проникали въ эти истины и въ знаменованіе обрядовъ вполнѣ … яснымъ сознаніемъ, то, водясь духомъ смиренія и послушанія церков…й власти, усвояли эти истины сердцемъ и жизнію своею. Когда встрѣ…лись какія либо недоумѣнія относительно богослужебныхъ обрядовъ, …и замѣчались неисправности въ церковно-обрядовомъ чинѣ, низшіе изъ …ира спрашивали епископовъ, которые рѣшали обрядовые вопросы и …правляли неисправности въ церковно-обрядовомъ чинѣ: раскола изъ-за …го никакого не происходило. Только въ половинѣ XII в. возникъ-было …оръ о постѣ въ среду и пятокъ; но и этотъ споръ занесенъ былъ въ …ссію изъ Греціи и окончился безъ раскола. Въ XIII в. митрополитъ …риллъ II, обозрѣвая свою обширную митрополію, хотя и замѣчалъ уже …вности въ обрядахъ богослуженія, но, исправляя ихъ, онъ не встрѣчалъ …кже никакого сопротивленія. Видно, что еще преобладалъ духъ истин…й вѣры и жизни христіанской, а не привязанность къ одной буквѣ. …кова была церковно-обрядовая жизнь народа русскаго въ старину, въ

[1]) Изборникъ Святослава Калайдовича—объ Іоаннѣ, Экзархѣ болгарскомъ. М. 1820, … 102, „повелѣ мнѣ прѣмѣноу сътворити рѣчи инако, набъдяща тожьство разямъ его“.

[2]) Слово въ день обрѣтенія мощей святителя Алексія, говор. въ 1837 г.

[3]) См. доказательство на это въ опис. рук. Синод. библ. сост. Горскимъ и Не…труевымъ.

первые вѣки церкви русской. Итакъ, совершенно несправедливо утв даютъ раскольники, что они «остальцы древне-церковнаго благочестія, православныхъ праотецъ происшедшіе и научившіеся» [1]); потому что совсѣмъ не такъ смотрятъ на церковно-богослужебныя книги и обр какъ смотрѣли на нихъ древніе русскіе христіане.

Настали времена упадка духовнаго просвѣщенія въ нашемъ отечес Съ одной стороны постигло его нашествіе монголовъ, на долго ост вившее у насъ развитіе просвѣщенія, увеличившее грубость нравов безъ того сильно распространившуюся въ темныя времена княжес междоусобій. Съ другой стороны съ удѣльною, гражданскою, терр ріально-вотчинною раздробленностію Россіи, стало обнаруживаться нѣк рое разнообразіе въ самой церковной обрядности, какъ напр. въ новг ской и псковской церкви. А при отсутствіи, или крайнемъ недост въ народѣ богословскаго, догматико-теологическаго просвѣщенія, в оживляющаго и просвѣщающаго церковно-обрядовое направленіе, при стоянномъ, почти исключительномъ, сосредоточеніи вниманія древ русскихъ христіанъ и самихъ русскихъ пастырей-учителей церкви на обрядовыхъ вопросахъ и предметахъ, чѣмъ на изъясненіи и излож слова Божія и нравственно-догматическаго ученія христіанства [2]), — обладающее въ русскомъ народѣ церковно-обрядовое направленіе хри

---

[1]) Предисл. къ Поморск. отвѣт. и Винограду Россійскому.

[2]) Церковно-обрядовое содержаніе, какъ извѣстно, преобладаетъ почти во канонических правилахъ русскихъ пастырей, въ посланіяхъ и отвѣтахъ ихъ росы частныхъ лицъ. Въ церковныхъ поученіяхъ главнымъ образомъ предла нравственно-обрядовыя наставленія, напр., о постѣ вообще, и въ частности о повомъ, Петровомъ, Успенскомъ и Великомъ, о покаяніи, исповѣди и эпитим недѣлѣ или воскресномъ днѣ, о благопристойномъ праздновaніи празд хожденіи въ церковь и благоприличномъ поведеніи въ ней, и т. п.; или же лись грубые пороки времени въ поученіяхъ подъ общимъ заглавіемъ: сло како жити хрестіаномъ, или: слово о спасеніи души, или: слово душеполезно Вопросовъ догматическихъ или нравственныхъ, которые бы вызывали къ дѣ ности христіанскую, богословскую мысль, — поученій, въ которыхъ бы раскры теоретическая, созерцательная сторона христіанства, въ древне-русской ду литературѣ до XVI в. мы почти вовсе не встрѣчаемъ. Что касается до догм скаго ученія вѣры, то пастыри русской церкви считали вполнѣ достаточным зать русскимъ христіанамъ въ двухъ-трехъ словахъ въ началѣ своего нрав обрядоваго или нравственно-назидательнаго поученія о вѣрѣ въ Пресвятую Т въ жизнь вѣчную и проч. большею частію такъ: прежде всего, братіе, вотъ заповѣдь всѣ мы христіане должны содержать: вѣровать во единаго Бога, въ славимаго, въ Отца и Сына и Святого Духа, какъ научили апостолы и утв св. отцы: вѣрую во единаго Бога (до конца); вотъ и все ученіе вѣры (см. об такихъ поученій въ Правосл. Собесѣдн. 1858 г. мѣсяцъ Январь, слово о постѣ же кто хотѣлъ подробнѣе знать догматы христіанства, въ такомъ случаѣ вполнѣ ствовались такими догматическими твореніями св. отцовъ, каковы краткіе вопрос вѣты о Св. Троицѣ Кирилла Александрійскаго и „изложеніе о вѣрѣ вкратцѣ с сима, еже вопрошаши и отвѣщащи всякому христіанину православному“.—Вп о характерѣ и направленіи древней церковно-поучительной литературы особенно въ XVII вѣкѣ, будетъ подробнѣе сказано въ четвертомъ отдѣлѣ наст сочиненія.

й жизни, въ большей части народа мало по малу неизбѣжно стало еходить въ одностороннее, мертво-обрядовое направленіе. Ибо мало по духа оживляющаго, живой, богословски-просвѣщенной мысли хриинской, разумнаго, болѣе или менѣе глубокаго знанія догматическаго енія христіанства. Не зная догматическаго христіанскаго ученія, а жду тѣмъ постоянно воспитываясь подъ вліяніемъ строгой церковной рядности, народъ сталъ смотрѣть на самые обряды церкви, какъ на гматы христіанства. На самыя не важныя, даже мелочныя, разности рядовыя стали обращать слишкомъ большое вниманіе. Лѣтописцы внои въ лѣтописи, какъ замѣчательные церковные факты, даже самыя лочныя обрядовыя разногласія, напримѣръ въ родѣ слѣдующаго: «той зимы (1476 года), говоритъ новгородскій лѣтописецъ, нѣкоторыи фиофове начаша пѣти: «о Господи помилуй» а друзѣи: «Господи, поми-й» [1]). При такомъ взглядѣ на обрядовыя разности, когда стали обнаживаться несогласіе или разнообразіе въ нѣкоторыхъ церковныхъ обцахъ и неисправности въ богослужебныхъ книгахъ, то люди, привыкшіе ого соблюдать обряды церковные, но не знавшіе существеннаго, т. е. са и ученія христіанской вѣры, стали между собою жарко спорить и здѣляться по поводу самыхъ неважныхъ обрядовыхъ разностей. Въ рвый разъ, сколько извѣстно изъ лѣтописей, это открылось въ XV къ, по поводу перваго спора о сугубой аллилуіа [2]), и о хожденіи посоонь [3]). Въ спорѣ объ этихъ предметахъ нѣкоторые уже довольно ясно наруживали раскольническую привязанность къ буквѣ и обряду: ибо неважныхъ обрядовыхъ предметахъ спорили много, спорили жарко, и не тѣли подчиниться голосу пастырей, говорившихъ истину. Какъ ни арки были споры о хожденіи посолонь, но «истины не обрѣтоша», говотъ лѣтописецъ. Впрочемъ, такъ какъ новыя мнѣнія еще далеко не были всемѣстны, то споры утихли, и голосъ истиннаго старообрядства, опреѣлявшаго достоинство обряда достоинствомъ христіанской мысли, до емени восторжествовалъ надъ мнѣніями мнимаго старообрядства [4]).

Съ наступленіемъ XVI вѣка, частію въ слѣдствіе оскудѣнія, съ упадмъ училищъ, церковнаго просвѣщенія и живой церковной проповѣди, щественно необходимыхъ для уясненія народу истиннаго смысла и зна-

[1]) 4 Новгород. лѣт. стр. 130.

[2]) См. Истор. Русск. раскол. стр. 5—12. Истор. ерес. и раскол. стр. 191—216.

[3]) Софійск. Временн. ч. 2 стр. 202 и 224. М. 1821. Также вышеупомян. Истор. ерес. раскол.

[4]) Архіепископъ Новгородскій Геннадій, обращая вниманіе на значеніе, на ыслъ аллилуіа, а не на двукратное или трикратное произношеніе ея, такъ говорилъ, вторяя слова Димитрія Толмача: о трегубней аллилуіа иные убо единако судятъ; іеже трегубое аллилуіа, а четвертое слава Тебѣ Боже являетъ Тріипостаснаго жества и нераздѣльнаго; а сугубое аллилуіа являетъ въ двухъ естествахъ едино жество (единое лице Богочеловѣка). Ино какъ молвитъ человѣкъ тою мыслію, ть и добро". И. Р. Ц. т. III, стр. 183. А споръ о хожденіи посолонь, порѣшили ъ, „якоже бысть въ старину", т. е. не посолонь, а противъ солнца. Соф. Временн. 2 стр. 224.

ченія церковно-богослужебной обрядности [1]), частію въ вслѣдствіе р
пространенія въ многочисленныхъ сборникахъ мнѣній суевѣрныхъ, л
ныхъ и въ томъ числѣ настоящихъ раскольническихъ, — отъ истинн
православно-церковнаго старообрядства видимо и рѣзко начало от
ляться старообрядство мнимое, невѣжественное, одностороннее. По прич
«недостатка разумѣнія», какъ говоритъ преп. Максимъ Грекъ, или н
смотра, или забывчивости древнихъ, достойныхъ уваженія перевод
ковъ или же отъ грубаго невѣжества и нерадѣнія писцовъ, въ
ковно-богослужебныя книги вкралось множество ошибокъ и ст
ностей, часто весьма грубыхъ, даже еретическихъ по смыслу. А с
воліе темнаго, суевѣрнаго смысла только этими странностями и питал
не обращая вниманія ни на вѣру чистую, ни на обряды лучшіе; оно
ставляло сборники пѣсней и молитвъ, по чувству набожности, а ч
только по подражанію набожности, но безъ сознанія набожнаго; то
также вводило въ церковное употребленіе сочиненія, не имѣвшія знач
церковнаго и даже недостойныя его [2]). Смотря на церковно-богослужеб
книги, какъ на книги богодуховныя, темные ревнители буквы твердо у
ждены были, что въ нихъ не должно измѣнять или поправлять и сам
поврежденнаго текста. Казалось ужаснымъ что либо загладить въ
ковно-богослужебной книгѣ: это значило—«загладить великій догматъ
мудрый». «Дрожь великая поимала и ужасъ напалъ на меня», говор
писецъ Михаилъ Медоварцевъ, когда преподобный Максимъ Грекъ вел
ему загладить нѣсколько строкъ въ одной церковно-богослужебной кни
Умножилось темное, мнимое благочестіе, думавшее получить спас
однимъ пристрастіемъ къ наружной святынѣ. Образовалось много
вѣрныхъ и невѣжественныхъ толковъ о церковно-богослужебныхъ
дахъ и вещахъ. Одни напр. говорили, что «не быти прочее божестве
литургіи, не поспѣвшимъ къ чтенію божественнаго Евангелія» [4]). Д
слыша во время богослуженія ектенію: «о свышнемъ мірѣ», соединял
сими словами значеніе міра ангельскаго и молились за ангело
проч. [5]).

Раздвоеніе и рѣзкая противоположность двухъ направленій, на
ленія живого, истинно церковно-обрядоваго и направленія мертво-об
ваго, раскольническаго, уже видимо обнаружилось, какъ въ жизни,
и въ церковной письменности. Съ одной стороны мы видимъ людей
торые «живутъ во грѣсѣхъ неотступно, а каноны всякими молит
преподобныхъ молятся по вся дни. чающе спасенія получити, живут
лихоимствѣ и во всякой злобѣ, а каноны всякими различными пѣс

---

[1]) О состояніи просвѣщенія въ это время см. Акт. Историч. т. I, № 105. Сто
гл. 25, 26.

[2]) Истор. Русск. Церк. пер. III, стр, 155 Востоков. Опис. Рум. Муз. № 438,

[3]) Прѣніе Данила Митроп. Московскаго съ инокомъ Максимомъ Святогор
стр. 10, М. 1847.

[4]) Восток. ркп. Румянц. Муз. стр. 378.

[5]) Истолковат. слово Максима Грека на слова: о свышнемъ мірѣ. Рук. сбор
сочин. Солов. Библ.

ждати чаютъ» [1]); или полагая всю силу и все существо спасенія въ ѣе или менѣе точномъ и строгомъ соблюденіи обрядовъ, измѣряютъ менемъ спасительное значеніе, напр., божественной литургіи [2]); либо покоятся недоумѣніями, съ чего «пошли неѣсти скоромнаго въ понеьникъ день» [3]). Съ другой стороны стоитъ просвѣщеннѣйшій мужъ кви русской и греческой въ XVI вѣкѣ, строгій блюститель истинноняго и истинно-православнаго чина, преподобный Максимъ Грекъ, и ьно обличаетъ такую мертво-обрядовую жизнь, и такой ограничиваюся одною буквою образъ мыслей, пиша то «сказаніе живущимъ во сѣхъ неотступно, а каноны всякими и молитвами преподобныхъ молямся по вся дни, чающимъ спасенія получити», или: «словеса аки отъ святыя Богородицы и скверным и всякими различными пѣснями угоги чающимъ», то «посланіе къ нѣкоему князю, просившему у него съ о пошло неѣсти скоромнаго въ понедѣльникъ день», и другіе подобные ѣты и опроверженія. Съ одной стороны жалкіе ревнители буквы сися, во чтобы ни стало, возвести на степень божественной тайны сугуаллилуіа, стараются распространить свое жалкое мудрованіе «о Свя Троицѣ, сирѣчь аллилуіа» [4]), разсуждаютъ, спорятъ «о божественной илуіа» крайне невѣжественно, даже богохульно, сами того не созна [5]). Съ другой стороны архіепископъ новгородскій Макарій обличаетъ ихъ невѣжественныхъ толковниковъ буквы: «иже поютъ мнози по жды аллилуіа, а не трегубо, говоритъ онъ, на грѣхъ себѣ поютъ и на жденіе. Тако подобаетъ пѣти: аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ же,—первое аллилуіа во славу Отца, второе во славу Сына, третіе во аву Духа Святаго: а слава Тебѣ Боже—единосущному Божеству» [6]). Съ ной стороны слышимъ крики темныхъ ревнителей обрядовой внѣшности, орые, всю силу крестнаго знаменія полагая въ двуперстномъ знаменіи , вопіютъ: «аще кто двѣма персты не благословляетъ, якоже и Хриосъ, или не воображаетъ двѣма персты крестнаго знаменія—да будетъ оклятъ, отцы рѣкоша». Съ другой стороны, мужи просвѣщенные, покаивая неразумнымъ ревнителямъ внѣшности, какое истинно-древнее и тинно-православное крестное знаменіе, раскрываютъ имъ самый «разумъ» естнаго знаменія [7]). Или еще: темные приверженцы буквы, находя въ

[1]) Восток. Опис. Рум. Муз. стр. 376.

[2]) Опис. ркп. Рум. Муз.

[3]) Тамъ же стр. 378 и др. вышепоказанныя.

[4]) Такъ ктиторъ обители Св. Николая Аѳанасій написалъ посланіе въ соборы ященникамъ о Св. Троицѣ, сирѣчь, аллилуіа, гдѣ утверждаетъ, что надобно удвоять лилуіа.

[5]) Такъ разсуждаетъ клирикъ Василій, сочинитель житія Ефросинова о сугубой лилуіа.

[6]) Указъ Макарія о сугубой аллилуіа въ его Вел. Мин. за Августъ мѣсяцъ. Беды къ глаголему старообр. стр. 122, 123. Истор. раскол. и ерес. Руднева стр. 198, 199.

[7]) Сице долженъ есть кійждо творити благочестивый христіанинъ крестъ свой, ворить знаменитый сочинитель Домостроя, Благовѣщенскій священникъ Сильверстъ: рвѣе убо да совокупитъ три персты своя за Святую Троицу: великій перстъ и дру два, сущіе близъ его. Первѣе убо да положитъ ю на челѣ своемъ, второе на чре-

нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ 8 членѣ сумвола вѣры в
шееся изъ сербскихъ книгъ слово: «истиннаго» вмѣсто: «Господа»,
таютъ его глубокою мудростію самыхъ древнихъ св. отцевъ. Блаже
Зиновій, ученикъ препод. Максима, имъ отвѣчаетъ: «если кто гов
(слово: истиннаго или слово: Господа) съ правою вѣрою и нелицем
не много тутъ разности, хотя слова не одинаковы. Я видѣлъ пр
древняго письма, написанныя при кн. Ярославѣ, сынѣ Владиміра,
епископѣ Іоакимѣ, въ началѣ крещенія нашей страны; тамъ въ изоб
ніи св. вселенскаго собора не написано: и въ Духа Святаго истинна
написано: Господа». Клирошане симоновскіе возражали, что Васил
ликій въ словѣ о вѣрѣ не написалъ: «и въ Духа Святаго Господа»,
писалъ: «истиннаго Духа». Зиновій отвѣчаетъ: «для Македоніанъ
писалъ онъ: Духа Св. Господа; иначе они бросили бы книгу его;
хотѣлъ, чтобы прочли ее, и другими словами научились, что Дух
Богъ» [1]). И всѣ эти жаркіе споры о неважныхъ обрядовыхъ предм
о различныхъ словахъ и выраженіяхъ въ церковныхъ книгахъ, ниск
не нарушающихъ единства христіанской мысли и вѣры, неразумн
рячность и раздраженіе однихъ изъ-за нѣсколькихъ обрядовыхъ ме
и слишкомъ горячія обличенія и опроверженія другихъ,—ни къ чем
гому не вели, какъ только увеличивали раздвоеніе двухъ направл
развивали расколъ.

Въ XVII вѣкѣ въ церковныхъ книгахъ оказалось уже «многое
и преизлишнее разгласіе, еже и къ заповѣдемъ Господнимъ не сл
стихословіе», отъ котораго возникало уже «всякое несогласіе и несос
въ церковномъ соединеніи», какъ замѣчали самъ царь Михаилъ Ѳе
вичь и патріархъ Филаретъ [2]). А между тѣмъ, по словамъ знамен
Епифанія Славеницкаго, до п. Никона, «мысленный камень неявле
паче же невѣжества въ умѣ многихъ лежалъ и закрывалъ отъ них
сленный таинственныхъ священнодѣйствъ кладязь и препятствовал
весныхъ овцамъ Христовымъ чистаго извѣстнаго священнодѣйств
ныхъ знаменованій вѣдѣнія водою напоеннымъ быти» [3]). Даже нѣкс
честные протопопы, по словамъ преподобнаго Діонисія, «служаще в

въ своемъ, третіе на правомъ рамѣ, и четвертое на лѣвомъ рамѣ. Егда творит
тогда знаменуетъ истинный крестъ. И слышате кій есть разумъ креста: яко I
нашъ Іисусъ Христосъ Сынъ Божій бѣ, и есть, Богъ; убо нашего ради спасен
вѣруемъ мы въ Него, сниде съ небесъ долу, на землю и паки иде дальнѣй
земли, сіи рѣчь: въ муку, и свободи тамошнія мучимыя души. Егда же паки, п
положимъ ю на десномъ рамѣ, таже на лѣвомъ: хощемъ рещи, яко, отнележе
души праведныхъ отъ муки, вознесеся на небеса, и сѣде одесную Бога и
паки имать пріити, судія всего міра, поставити праведныя убо одесную своея
грѣшныя же отъ лѣвыя; сего ради молимъ Его, да не поставитъ насъ въ
странѣ своей; но да поставитъ насъ стати въ десной своей странѣ со святым
знаменуетъ крестъ, егда творимъ и на лицѣ нашемъ: и сего ради должны есм
есть лѣпо творити и да дѣйствуетъ и сила его, ино по существу воображенъ
Христовъ". Временн. Моск. Общ. Истор, кн. Л. стр. 19.

[1]) Истины показаніе, слово 45.

[2]) Увѣщ. преосв. Платона м. московскаго стр. 22, 23.

[3]) Опис. кн. Царскаго, Строевымъ стр. 303, 304.

ъ церквахъ, по священнымъ книгамъ чтуще и поюще, не добрѣ разу-
и глаголемое и читаемое»[1]). Дѣти получали отъ своихъ родителей чи-
внѣшнее, мертво-обрядовое воспитаніе: ихъ учили только земнымъ по-
намъ и двуперстному или трехперстному кресту, а никогда необъясняли,
чемъ состоитъ духъ христіанскаго поклоненія *духомъ и истиною*, въ
ъ состоитъ искупительное значеніе креста; имъ преподавали подробныя
мэлочности правила, какъ вкушать просфоры, какъ уламывать ихъ на
очки и проч., а возвышенныхъ истинъ евангельскаго ученія и кратко
огда не преподавали [2]). При такомъ мертво-обрядовомъ направленіи из-
ства, весьма многіе православные жили до глубокой старости безпечно
ераскаянно во грѣхахъ, а надѣялись спастись тѣмъ, что подъ конецъ
ей жизни, въ тяжкой болѣзни, изъявляли желаніе, дабы ихъ погребли
зь церкви. Погребеніемъ близъ церкви надѣялись спастись такіе люди,
орые въ продолженіе 40, 50 и даже болѣе лѣтъ своей жизни, никогда
имѣли у себя отцовъ духовныхъ, не были у исповѣди и св. причастія.
ая жизнь подвижническая, которая въ старину составляла украшеніе
кви русской и сильный нравственный оплотъ для самаго общества,
ерь, ко времени раскола, у многихъ обратилась въ одну мертвую внѣш-
ть, въ фарисейство, и даже жалкое, возмутительное для истиннаго
ства благочестія лицемѣріе. «Иные ходятъ», жаловался п. Іоасафъ I
1636 году, «въ образѣ пустынническомъ и въ одеждахъ черныхъ и въ
игахъ, растрепавъ власы» [3]), «иже, дополнимъ словами отцовъ собора
67 года, – «мнятся благовѣйни быти, не суть же такови, живутъ посреди
довъ и селъ въ образѣ отшельника и затворника, волосаты, и въ мо-
шеской свитцѣ; иные жъ въ желѣзахъ скованы, такожде наги и босы
дятъ по городамъ и селамъ въ мірѣ, тщеславія ради, да воспріимутъ
аву отъ народа и да почитаютъ ихъ за святыхъ ко прелести простымъ
невѣждамъ [4]). И люди, увлекаемые внѣшностію, дѣйствительно оболь-
ались мнимою святостію подобныхъ лицемѣровъ [5]).

---

[1]) Посланіе старца Арсенія боярину Борису Михайловичу Салтыкову, бывшу
да во Дворцѣ Большомъ. Рук. Сол. Библ. № 897.—Суздальскаго собора попъ Ни-
та, не даромъ прозванный пустосвятомъ, бывшій справщикомъ книгъ при п. Іосифѣ,
сдѣлавшійся потомъ, какъ увидимъ, однимъ изъ главныхъ расколоучителей, по
вамъ Симеона Полоцкаго, „долгое время священнодѣйствовавъ, не вѣдѣ времене
есуществленія даровъ въ тѣло и кровь Господню и несмысленнѣ вѣровавъ еще въ
едложеніи на проскомидіи тѣло быти и кровь Христову дары уготованныя, а хлѣбъ
вино, *твари покланяшеся, аки Творцу Божію честь давше хлѣбу и вину, не самъ ток-
но и прочіихъ тако* наставляше творити. Жезлъ правленія. Ч. I. л. 41, 42, изд. 1.

[2]) Справедливъ слѣдующій отзывъ иностранца, Олеарія, бывшаго въ Россіи въ
одѣ первой половины XVII вѣка, о воспитаніи русскихъ людей того времени:
gnorance du petit peuple est si grossiére, qu'il fait consister toute la religion dans
honneurs, et la veneration qu'ils rendent à ces images; aussi est-ce la seule instruc-
n qu'ils donnent à leurs enfans, qui pour toute dévotion n' aprennent qu'à se tenir
c grand respect devant ces images pour faire leur priére. Voyages du S. Adam Olea-
s, traduits par de Wicquefort. Amsterdam. p. 330.

[3]) А. А. Э. т. III, стр. 402.

[4]) Дополн. къ А. Истор. т. VIII, стр. 464, 474.

[5]) Даже многіе священники, впадая въ самые тяжкіе грѣхи, думали загладить

При такихъ обстоятельствахъ открылась явная борьба ревнит
истины въ богослужебныхъ книгахъ и ревнителей мертвой буквы, и
горячности съ той и другой стороны, неизбѣжно сталъ развиваться
колъ. Еще въ первой половинѣ XVI вѣка, когда препод. Максимъ Г
усмотрѣвъ, до чего затемненъ и даже извращенъ былъ смыслъ це
ныхъ книгъ неразумною ревностію по буквѣ, призналъ славяно-ру
книги требующими исправленія: тогда темные приверженцы мер
буквы съ громкимъ воплемъ возстали противъ него. «Велію», кри
они, «велію, о человѣче, досаду тѣмъ дѣломъ (исправленіемъ книгъ)
лагаеши въ земли нашей чудотворцемъ: они бо сицевыми книгами б
угодиша Богови». Напрасно препод. Максимъ говорилъ темнымъ рев
лямъ буквы, что церковь Христова никогда не чуждалась даже и
вленія книгъ св. писанія, что «и бывшимъ во времена гоненій св
шимъ архіереямъ и мученикамъ ни единъ поносъ или досажденіе
бысть отъ бывшихъ послѣ ихъ различныхъ исправленій св. писанія
хаго Завѣта Симмахомъ, Θеодотіономъ, Акилою и Лукіаномъ, прес
ромъ антіохійскимъ, коемужду исправляющу презрѣнное прежде его
шимъ переводчикомъ» [1]). Темные ревнители буквы не хотѣли допу
никакого исправленія въ церковно-богослужебныхъ книгахъ. «Онъ»
рили, «отмѣняетъ слова по своему разумѣнію, извращаетъ вѣру»,
осудили его какъ «еретика богодухновенныя книги растлѣвающа»
кимъ образомъ препод. Максимъ первый палъ въ борбѣ съ зарож
шимся расколомъ. Съ этихъ поръ начинается въ русской церкви пе
ная вѣковая борьба двухъ противоположныхъ стремленій: стрем
церкви—исправить церковно-богослужебныя книги и обряды и ожи
возстановить во всемъ народѣ русскомъ истинную церковно-богослуже
жизнь, и стремленія противо-церковнаго, раскольническаго — не
стить исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, и т
образомъ дать силу и господство мертвой буквѣ и обрядност
1551 году, на московскомъ Стоглавомъ соборѣ, который, какъ изв
созванъ былъ, между прочимъ, для рѣшенія многихъ обрядовыхъ
совъ, тогда такъ сильно занимавшихъ умы, ясно высказалось стол
ніе этихъ двухъ противоположныхъ направленій. Сторона мнимо-
обрядческая явно обнаружила свой духъ противорѣчія и рѣшите
неуступчивости, и если окончательно не превозмогла поборниковъ ис
то и нисколько не уступила имъ, напротивъ, еще больше укрѣпила
своей фанатической горячности. Позже (въ 1554 г.) бывшій тро
игуменъ Артемій свидѣтельствовалъ, что на стоглавомъ соборѣ был

ихъ одной легкой епитиміей и, безъ зазрѣнія совѣсти, послѣ тяжкаго грѣхоп
приступали къ совершенію божественной литургіи. Патр. Іосифъ, внушая іе
въ своемъ окружномъ поученіи, благоговѣйно совершать литургію, прибавляетъ
зи бо невѣгласи іереи падшу въ каковой либо грѣхъ, повелѣваютъ служити
эпитимію". А грѣхи указаны весьма тяжкіе. (Поученіе Іосифа, патр. московс
всія великія русіи, архіереямъ, священноинокамъ и мірскимъ іереямъ и про
В. И. Григоровича).

[1]) Ист. русск. церкви т. III, стр. 167.

споръ о крестномъ знаменіи, но окончился тѣмъ, что «не доспѣли его» [1]). Такъ уже усилилось это раскольническое, о буквѣ ревновавшее правленіе, когда противъ него ничего не могъ доспѣть даже соборъ тырей. Послѣ стоглаваго собора пущены были въ ходъ кѣмъ-то изъ орниковъ раскольническаго направленія, вѣроятно участвовавшимъ въ рахъ на стоглавомъ соборѣ, черновыя записки подъ именемъ книги главникъ, и въ этой книгѣ подробно изложены были всѣ, до того мени образовавшіяся и созрѣвшія раскольническія мнѣнія.

По поводу исправленія книгъ препод. Діонисіемъ, архимандритомъ Трокой Сергіевой лавры, и его незабвенными сподвижниками, опять отто выступили люди вполнѣ раскольническаго направленія, совершенно обные Аввакуму, Лазарю, Никитѣ, явные зачинщики раскольничесъ мыслей [2]). Въ борьбѣ съ ними препод. Діонисій и его сподвижники лись, подобно препод. Максиму Греку, исповѣдниками истины церков. Вотъ какъ характеризуетъ этихъ ревнителей мертвой буквы старецъ сеній въ своей челобитной къ боярину Борису Михайловичу Салтыву: «Есть, государь, Борисъ. Михаловичъ, иные таковы, которые на ъ ересь возвели, кои едва азбуку умѣютъ, а то вѣдаю, что не знаютъ, въ азбуцѣ письмена гласныя и согласныя и двоегласныя, а еже мочастія слово разумѣти и къ симъ пристоящая, сирѣчь роды и числа времена и лица, званія же и залоги, то имъ ниже на разумъ всхажио. Священная же философія и въ рукахъ не была, ея же кто въ кусѣ не былъ, удобъ можетъ погрѣшити не точію въ божественныхъ саніяхъ, но и въ земскихъ дѣлѣхъ, аще и естествомъ остроуменъ будетъ. ть, государь, обычай нѣкіихъ сихъ во искусѣ не бывшихъ не точію на ину строку зря, но на едину токмо рѣчь смотря и разсуждати: се есть ко, обрѣтается же то всяко не тако.... Зри, государь, сего, како у насъ авится имя Пресвятыя Троицы безсловеснѣ и неразумнѣ: какъ кому на ъ взбрело, тако концы у молитвъ и совершаютъ... И что мы концы у ковыхъ молитвъ перемѣнивали, и то намъ въ ересь поставили, и наше сударь, самъ ты вѣдаешь, дѣло въ міръ не пошло, а дѣлали его мы не оею волею, а царскою властію. Аще бы они добрѣ разумѣли и о благостіи поистину болѣли, добрѣ бы и судили... Не глаголомъ точію чтуему или поющему подобаетъ внимати, но разума нужда блюсти. А они чію единѣмъ рѣченіемъ вся глаголемая судятъ, и единому глаголу тою внимаютъ и глаголютъ сей глаголъ нагъ [3]) и срамословенъ.... разума внемлютъ. Не глаголу точію единому достоитъ внимати, ниже единѣмъ ченіемъ, судити вся глаголемая, ниже убо чернилу и письменемъ вѣти, но отвѣту писавшаго письмена паче достоитъ вѣрити. Злословящей насъ точію черниламъ вѣрятъ, и письменемъ единѣмъ внемлютъ, и хъ въ конецъ добрѣ не свѣдятъ, и красныхъ глаголовъ ищутъ, азъ же

[1]) А. А. Э. т. I, № 239, стр. 253.

[2]) Исправленіе богослужебныхъ книгъ при п. Филаретѣ, изслѣд. г. Казанскаго. въ чт. моск. общ. ист. 1848.

[3]) Такъ стоитъ въ рукописи.

тебѣ, государю, скажу красные глаголы и риторскій слогъ, но исп сущь злаго еретическаго мудрованія. И до нынѣ у насъ сей злый пле во святыхъ церквахъ славится, и якоже здраво нѣкое пріемлется от наученыхъ подобныхъ мнѣ.... Не смѣю, государь, дерзновенно рещи о голющихъ на насъ не правая, что не знаютъ ни православія, ни к славія точію божественныя писанія, но чернилу проходятъ, разум сихъ не нудятся свѣдѣти» [1]). При такомъ крайнемъ ослѣпленіи, при т фанатической ревности по буквѣ, можно ли было ожидать, чтобы эт разумные приверженцы буквы образумились, почувствовали потреб исправленія книгъ и уступили голосу и желанію церкви? Напротивъ, чилось такъ, что, когда при п. Іосифѣ предпринято было новое из церковныхъ книгъ, эти самые вожди раскольническаго направленія лись при этомъ дѣлѣ главными и совершенно самоуправными дѣяте «И явишася въ та лѣта», пишетъ преосвящ. Игнатій, м. тоболь «зліи человѣцы: Аввакумъ протопопъ, Лазарь, суздальскій попъ, Ѳ діаконъ, Григорій Нероновъ, съ ними же и простіи невѣжди: иже щеніемъ Божіимъ бяще и духовникъ царскій протопопъ Стефанъ фатьевъ. И сія злая сонмища веліе въ оно время имяху дерзновен самодержцамъ: и превсѣяша злобы своея, арменскаго ученія предані та же времена печатный дворъ бяше вѣдомъ въ приказѣ царева д правительствуемъ нѣкіимъ княземъ, по реклу Львовымъ. Святѣйш патріархъ московскій, Іосифъ, мужъ престарѣлый, все оно исправ книгъ возложилъ на совѣтъ вышеупомянутыхъ протопоповъ и попо ничтоже о семъ печашеся, ввѣришася убо ему» [2]). Эти люди, всѣ мы шіе уже чисто по раскольнически, о томъ только и заботились, какъ можно скорѣе успѣть внести раскольническія мнѣнія въ печа церковныя книги, запечатлѣть ихъ такимъ образомъ церковною печа распространить и окончательно утвердить въ народѣ: это была гл мысль, главная цѣль ихъ десятилѣтней дѣятельности на печатномъ д Но кромѣ собственно-раскольническихъ заблужденій, они заражены еще и другими мыслями, противными ученію православія. Напр. въ логѣ, напечатанномъ при п. Іосифѣ, они съ особенною настойчив стараются доказать, будто не должно ходить для молитвы въ церк должно молиться дома; будто «аще намъ грѣшнымъ св. писаніе и м претитъ, но Господь Богъ милости своея ради, созданія своего не бить» [3]). Здѣсь высказывается мысль о невозможности вѣчныхъ му при благости Божіей—мысль противная Евангелію и ученію право Въ особенности главный изъ расколо-учителей, протопопъ Аввакум раженъ былъ противо-христіанскими мыслями, высказывалъ богоху мысли о Св. Троицѣ, о воплощеніи, о погребеніи и сошествіи Іисуса ста во адъ, о душѣ человѣческой и объ ангелахъ [4]). Всѣ они и вел

[1]) Ркп. посланіе Арсенія Глухаго Сбор. Солов. библ. № 897, л. 115.

[2]) 3-е посланіе Игнатія, митр. сибирскаго, въ Православномъ Собесѣдн 1855 г. кн. 2.

[3]) Книга Кириллова л. 9 въ акростихидѣ (въ началѣ книги).

[4]) Розыскъ ч. I.

печатномъ дворѣ при п. Іосифѣ какъ люди, уже готовые произвести русской церкви и въ русскомъ государствѣ расколъ, питали мысли, тивныя духу православной церкви, распространяли въ народѣ суевѣр-е, ложные мистико-апокалипсическіе толки о судьбѣ русской церкви, ѣвали въ народѣ сомнѣніе, предубѣжденія относительно церковныхъ равленій, и даже распоряжались на печатномъ дворѣ самоуправно, про-ъ воли царской. Вотъ что сообщаетъ объ нихъ, между прочимъ, со-менникъ и очевидецъ ихъ дѣйствій на печатномъ дворѣ, келарь тро-аго монастыря Симонъ Азарьинъ, ученикъ препод. Діонисія, Архиман-та троицкаго, извѣстный по своей любви къ просвѣщенію и собранію описей: «Въ оно время (около 1647 г.) изволеніемъ Самодержца Госу-я Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича, препод. Сергія житіе елѣно бысть напечатати: сія же, яже отъ насъ быша написана. Са-ержецъ туже повелѣ напечатати; печатницы жъ, иже на печатномъ рѣ, тѣхъ новыхъ чудесъ яко тридесять и пять главизнъ напечаташа сергіеву книгу, яже отъ насъ принесена быша, прочая же отъ чудесъ небреженіи положиша. И якоже они возгордѣвшеся и небрегоша о чу-ѣхъ святого, аще нѣцыи отъ нихъ и сами въ небреженіи животъ свой проводиша, истину бо глаголаху ложь быти и вмѣняху въ случай, а въ чудеса, якоже о источницѣ новоявльшагося кладязя, иже у церкви ечистыя Богородицы у паперти, небрегоша по истинѣ напечатати, и слѣди уже напечаташа съ понужденіемъ, но не по истинѣ, но нѣкую къ отъ своего вымыслу приложише... яко совѣстію своею зазираеми у, и иныя отъ чудесъ святаго изринуша и напечатати небрегоша» [1]).

Такимъ образомъ еще при п. Іосифѣ раскольническія заблужденія пространились по всей Россіи посредствомъ книгъ, напечатанныхъ въ 12—1652 годахъ, и заразили въ особенности молодое поколѣніе. «И съ всѣхъ книгъ, говоритъ митрополитъ тобольскій Игнатій, вкупѣ ю. И всю Россію тако арменскій оный смрадъ надхне и зарази, яко ни точію зѣло престарѣлые люди того ученія не пріяша и едва спасо-ся, и не внимаху прелести нововводнаго сего армено-подражательнаго е-перстнаго сложенія, но троичнаго въ перстѣхъ сложенія крѣпцѣ жахуся. Новіи-же секрати сирѣчь младіи начаша на оныхъ книгахъ хулѣ арменско велемудрствовати. Ересь же армено-подражательства о воскуряшеся и многихъ попали» [2]). Это предварительное распростра-ніе раскольническихъ мнѣній приготовило весьма плодотворную почву я послѣдующаго распространенія раскола.

Между тѣмъ, какъ въ невѣжественныхъ умахъ раскольническія заблуж-нія такимъ образомъ окончательно дозрѣвали и утверждались, въ нрав-венной жизни людей, зараженныхъ фарисейскою ревностію о буквѣ и ѣшности обрядовъ, расколъ также предварительно развивался самъ со-ю, путемъ мертвообрядоваго направленія ихъ сердца. Яснѣе это можно

[1]) Времен. моск. общ. ист. и древн. росс. кн. X смѣсь, стр. 5, 6. Предисл. троиц-о келаря Симона Азарьина къ сказ. о новоявл. чудесѣхъ препод. Сергія:

[2]) 3-е посланіе Игнатія тобольскаго, въ Прав. Собес. за 1855 г. кн. 8.

видѣть въ примѣрѣ. Вотъ какъ митроп. тобольскій, Игнатій, изображ
постепенный внутренній, нравственный переходъ современнаго ему м
Капитона, одного изъ первыхъ расколо-учителей, отъ фарисейской
ности объ обрядахъ къ фарисейской гордости и презорству, а отсю
расколу. «Сперва убо крѣпцѣ нудяшеся (онъ чернецъ Капитонъ) в
жанми, да ни въ праздникъ рождества Бога Господа и Спаса н
Іисуса Христа хотяше сыра и масла и рыбы вкушати, ниже на Св
Пасху, ниже въ день св. верховныхъ апостолъ Петра и Павла, ни
день успенія Пресвятыя Богородицы разрѣшаше когда развѣ точі
сѣменъ и ягодичія и прочихъ растущихъ земли. На святую же Пас
обычаю христіанскому ни яицъ обагренныхъ, сирѣчь красныхъ, во
братіи предлагати, аще и высокоторжественное праздника Пасхи въ
красномъ яйцѣ образуется. И таковаго христіанскаго о Христѣ весе
восхотѣ творити и яицъ братіи взаимъ премѣняти, но вмѣсто того п
имъ червленаго горькаго цибула, сѣричь луковицы; и вмѣсто яи
премѣну христіанскія любве имѣти. И сіе убо начало ереси отъ раз
ныя души его нача являтися. Потомъ же діаволъ прельсти его г
стнымъ помысломъ; мня же бо себе уже велика подвижника и сове
наго постника, и начатъ погордевати освященнымъ чиномъ. Егд
когда увидѣлъ бы священника мало себѣ въ пищи попустивша и
шася до веселія: тогда и ко оному священнику, аще и православ
сущу, потомъ къ благословенію нехождаше, аще и трезва его ви
И тако мало по малу творяше его діаволъ отступати отъ церкве.
же повелѣ нѣкоему изографу, да напишется ему образъ, иже глагол
предста царица одесную Тебе въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна и пре
шенна. Иконописцу же, написавшу подобіе святыя иконы, яко ж
шется Спасителевъ образъ на престолѣ, яко великій архіерей; Прес
же Богородицы образъ въ царскихъ одѣяніяхъ и въ вѣнцѣ, яко ц
небесе и земли, и прочія подобія образа того. Видѣвъ же той зем
прочія подобія образа того. Видѣвъ же той Капитонъ Пресвятую Бо
дицу написанну въ царскихъ одеждахъ, начатъ яко невѣжда сый
ляти иконописца глаголя: почто написалъ еси такъ Богородицу як
рицу? на Пресвятой убо Богородицѣ багряницы царскія не быст
когда же: и того ради и не покланяшеся окаянный Капитонъ образу
святому. Къ сему же обрѣтъ его діаволъ въ противленіе на святую
ковь готова суща, вложи ему мысль: егда бы видѣлъ Пресвятую Б
дицу на иконѣ написанную, аще и подписаніе имующую Мати Б
руце же младенца превѣчнаго Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Х
не написана: тогда и той иконѣ не покланяшеся. Видѣвъ же діавол
това его суща ко пріятію козней его, вложи ему помыслъ, яко не
баетъ новописаннымъ иконамъ поклонятися: аще бы Спаса Христа
Пресвятыя Богородицы, или святыхъ; но точію какого ветхаго пис
стараго и зачадѣлаго, аки бы издревле писаны: и егда въ домъ гдѣ
даше, аще видяше икону новописану, и сіяющу новописаніемъ, тогд
како же не покланяшеся той святой иконѣ. Христіане же, видѣвш
врага Божія въ житіи жесточество, мняху его свята суща. Егда же

ъ бѣаше вышеписанныя четыре книги [1]) съ катихизисомъ абіе діа-
ъ совершенно воспріятъ его себѣ во область: и начатъ отъ того армен-
го сложенія и самъ креститися, и отъ слышанія чтенія и люди учити:
нози юнѣйшіи послѣдоваша ему. И се убо вашей любви азъ възвѣстихъ,
ючаетъ м. Игнатій, каково бяше сквернаго того и проклятаго Капи-
а Колесникова начало, да увѣсте, откуду начало еретиковъ расколь-
овъ и капитоновъ» [2]).

Чтобы очистить церковь русскую отъ возникавшихъ и все болѣе и
ѣе умножавшихся плевелъ раскола и пресѣчь дальнѣйшее развитіе
нужно было, во первыхъ, очистить отъ примѣси раскольническихъ
ужденій самые источники или руководства церковно-обрядовой жизни—
ковно-богослужебныя книги, и разсѣять главныхъ вождей и предста-
елей раскольническаго направленія; во вторыхъ, ввести, по возмож-
ги, всѣхъ православныхъ чадъ церкви русской въ самый духъ церковно-
служебной обрядности, объяснить имъ смыслъ, внутреннее значеніе
ковно-обрядовой внѣшности. И вотъ въ это время Господь воззвалъ на
ріаршій престолъ церкви русской пастыря, которому предназначено
о совершить это великое дѣло: явился патріархъ Никонъ.

Приступая къ совершенію своего великаго призванія, п. Никонъ,
о бодрый Христова всероссійскаго стада пастырь и неусыпный стражъ»,
словамъ м. Игнатія, положилъ пресѣчь раскольническое направленіе
самомъ его источникѣ, равнымъ образомъ и возстановить богослужебно-
ядовый чинъ и церковно-богослужебную жизнь въ ихъ первоначальной
тотѣ. Дѣятельно, съ дальновидною ревностію и истинно-пастырскимъ
горазуміемъ, началъ онъ исправлять церковно-богослужебныя книги,
посредствѣ людей ученыхъ, каковы: Епифаній Славеницкій, Арсеній
екъ, Дамаскинъ Птицкій и другіе, по древне-славянскимъ и греческимъ
линникамъ, послѣ предварительнаго совѣщанія съ русскими пастырями
соборѣ 1654 года, съ соизволенія царя Алексѣя Михайловича, по со-
асію съ патріархомъ константинопольскимъ и при соучастіи антіохій-
каго патріарха Макарія и сербскаго Гавріила. Зачинщиковъ раскола, ка-
вы были извѣстные уже намъ справщики книгъ при п. Іосифѣ, онъ
транилъ отъ книгопечатнаго двора, какъ людей не только не способ-
ыхъ къ исправленію книгъ, но и явно неправильно-мыслящихъ и зло-

[1]) Кириллову книгу,—книгу о правой вѣрѣ,—псалтирь учебную и малый кати-
исъ.

[2]) Третіе посланіе бл. Игнатія, м. сибирскаго и тобольскаго, Правосл. Собесѣд.
5 г. кн. 2 стр. 97—99. Достойно замѣчанія, что и другіе современники признавали
вымъ виновникомъ раскола монаха Капитона. Шушеринъ въ жизнеописаніи
Никона говоритъ: „во оно время насташа раскольницы церковные и умножишася
нѣкоего ересеначальника чернеца Капитона". (Ркп. Сол. библ. № 235, л. 33)
ъ возсталъ, по всей вѣроятности, не одинъ Капитонъ, глава раскола, а и.
ьма многіе другіе. П. Іосифъ съ глубокою горестію жаловался: „возстали лице-
ы, имущіи образъ благочестія, силы же его отвершіися". (Пост. ист. изв. о раскол.
тоіер. Іоаннъ ч. 1, стр. 60). Это можно сказать только о людяхъ, подобныхъ Капи-
у. Митроп. ростовскій Іона, въ 1652 г., въ окружной грамотѣ своей также предо-
егалъ уже паству свою отъ раскольниковъ. А. И. т. IV, стр. 174.

намѣренныхъ, насѣявшихъ уже столько плевелъ въ церкви русской.
томъ, когда встрѣтилъ отъ нихъ пререканіе и противодѣйствіе въ
исправленія книгъ, разсѣялъ ихъ въ ссылку и заточеніе по раз
мѣстамъ, какъ «явныхъ, самомудрыхъ, паче же суемудрыхъ безчині
нителей, воздвигавшихъ прю, расколъ», и какъ явно показавшихъ
по суду п. константинопольскаго Паисія, «знаменія ереси и раздора,
дыхъ православныя нашея вѣры» [1]). Такимъ образомъ п. Никонъ
рался предупредить дальнѣйшее движеніе раскола совершенно закон
истинно-церковными мѣрами. Всѣ главные зачинщики его были разсѣя
И издатели «Служебника» 1655 г. имѣли полное право сказать, что
гочестивымъ повелѣніемъ п. Никона и царя Алексѣя Михайловича
кавство изчезе, неправда отгнана бысть, лжа потребися, вмѣсто же
истина ликуетъ, правда цвѣтетъ, любовь владычествуетъ» [3]). Въ пр
щеніи раскола п. Никономъ сознавались сами зачинщики раскола.
Нероновъ, въ письмѣ къ духовнику Вонифатьеву отъ 27 Февраля 16
писалъ: «увы мнѣ, яко погибе благоговѣйный отъ земли и справляю
въ человѣцѣхъ нѣсть», т. е. нѣтъ болѣе зачинщиковъ и защитниковъ
кола [4]). И самъ Нероновъ, безполезно возставлявшій самого царя пр
Никона, наконецъ явясь къ патр. Никону, объявилъ: «если патріарх
ственноручно написали, что надобно креститься тремя перстами и
корныхъ подвергаютъ осужденію, я не желаю быть подъ осужденіемъ
ленскихъ патріарховъ». Патріархъ Никонъ со слезами умиленія пр
заблудшаго въ лоно церкви. Точно также онъ готовъ былъ съ лю
простить всѣхъ расколо-начальниковъ, находившихся въ ссылкѣ,
ожидалъ, какъ увѣдомлялъ протопопа Неронова духовникъ царскій
фанъ Вонифатьевъ, «прощенія и истиннаго покаянія» отъ непокор
протопоповъ и поповъ, въ неправдѣ своей грубо упорствовавшихъ
мущавшихъ народъ, даже готовъ былъ предоставить имъ служи
старымъ книгамъ. Потому несправедливо говорятъ нѣкоторые, будт
конъ былъ слишкомъ неуступчивъ къ немощи жалкихъ приверже
буквы, не оставлялъ имъ служить по старымъ книгамъ, и отъ того
бы произошелъ расколъ. Въ раскольнической біографіи протопопа
Неронова разсказываются слѣдующіе замѣчательные факты, свид
ствующіе о томъ, какъ Никонъ, необыкновенно строгій къ упорным
тивникамъ и возмутителямъ церковнаго порядка, былъ снисходител
уступчивъ въ отношеніи къ расколо-начальникамъ, не возмущав

---

[1]) Скрижаль напеч. въ 1655 г. л. 711—713. См. подорбности въ истор. русс
кола, стр. 138—172.

[2]) Тамъ же стр. 164, 165.

[3]) Опис. книгъ Царскаго, стр. 165, 167.

[4]) Собраніе писемъ Неронова, ркп. библ. казан. акад. Денисовъ, прос
расколъ, пишетъ: „никто же оная новшества возражающъ кромѣ Павла, добля
скопа коломенскаго и великоревностнаго протопопа Аввакума и прочихъ ма
И эти были разсѣяны: Нероновъ изъ ссылки (въ Вологдѣ) въ письмѣ къ цари
2 Мая 1654 г. писалъ: „ревнителіе благочестія, ихже реку отца епископа П
братію Даніила, протопопа костромскаго и Аввакума протопопа юрьевскаго,—и
ради проповѣди закона и ради ученія и за еже понуждати имъ человѣки“.

ра церкви, и какъ онъ готовъ былъ простить всѣхъ расколо-начальни-
въ: «во иные дни», говоритъ біографъ Неронова, старецъ Григорій (т. е.
ероновъ) «о юзникахъ патріарху воспоминалъ, чтобъ ихъ разрѣшилъ,
ждущихъ его ради. Патріархъ же по всѣмъ повелѣ грамоты послати
часъ, и письма, кои на него патріарха писали къ царю и къ прото-
пу Стефану и къ прочимъ духовнымъ братіямъ, всѣ старцу Григорію
далъ, глаголя: возьми старецъ Григорій твои письма, и ярославскаго
отопопа Ермила въ то же время простилъ и письма ему отдалъ... Во-
оси нѣкогда старецъ Григорій патріарха, рече: иностранныя власти на-
хъ служебниковъ не хулятъ, но и не похваляютъ; патріархъ рече: все
вно, по какимъ хощешь, по тѣмъ и служишь... И доколѣ старецъ Гри-
рій былъ на Москвѣ, умолилъ протопопа съ братіей въ соборной церкви
клиросахъ, чтобы не четверить аллилуіа; тіиже послушаша старца, го-
рили аллилуіа по дважды, въ третіе слава Тебѣ Боже: патріархъ же
что же имъ глагола, точію подъякъ, псалтирь говоря, заповѣданіе па-
іархово творилъ, четверилъ аллилуіа». Такъ умный пастырь Никонъ,
екративъ расколъ ссылкою въ заточеніе мятежныхъ и упорныхъ раско-
-начальниковъ, возмущавшихъ народъ, въ тоже время старался оконча-
льно, внутренно примирить съ церковію находившихся въ Москвѣ рас-
оло-начальниковъ, но не производившихъ мятежа, благоразумнымъ доз-
леніемъ имъ оставаться при старыхъ обрядахъ. Сдѣлавши столь успѣш-
е начало, Никонъ для предупрежденія новаго, дальнѣйшаго развитія
скола, старался возстановить богослужебно-обрядовый чинъ и церковно-
гослужебную жизнь русскаго народа, въ ихъ первоначальной чистотѣ.
ля сего, какъ только онъ предпринялъ исправленіе церковно-богослужеб-
ыхъ книгъ и издалъ первую важнѣйшую въ церковномъ богослуженіи
нигу «Служебникъ», въ то же время призналъ нужнымъ издать толко-
аніе церковныхъ обрядовъ и таинствъ, чтобы ввести православныхъ чадъ
усской церкви, по возможности, въ самый духъ и смыслъ церковно-бого-
лужебныхъ книгъ и обрядовъ. «Богоизбранный святѣйшій патріархъ мо-
ковскій Никонъ», говоритъ, Епифаній Славеницкій въ предисловіи къ
рижали, «Богоданный въ свѣтоводительство всея Великія и Малыя и
ѣлыя Россіи свѣтоводитель и благотщаливый пастырь словеснаго стада
ристова, пастырству его врученнаго, питая оное благовонною евангель-
каго ученія пажитіи, напаяя животворными водами богопріятныхъ по-
ченій и на правую стезю богоугоднаго житія наставляя,... благоусердно
ечется о томъ, чтобы весь священный Россійскій причетъ церковный
ивести къ ясному знанію, пониманію священнодѣйствій: ибо какъ древле
тріархъ Іаковъ, для напоенія овецъ безсловесныхъ, отвалилъ веществен-
ый камень отъ вещественнаго кладезя, такъ онъ нынѣ потщился отва-
ть мысленный камень непониманія и невѣжества, лежащій въ умахъ
ногихъ, для того, чтобы словеснымъ овцамъ Христовымъ напоеннымъ
ть чистою водою яснаго разумѣнія священнодѣйственныхъ образовъ;
о по его священноначальническому, богоугодному, ревностному, благопо-
ѣшному и душеполезному старанію, благополезная книга, содержащая
себѣ толкованіе божественной литургіи, ясное изъясненіе таинствен-

ныхъ священнодѣйствій и всѣхъ священныхъ вещей знаменованіе, пе
ведена съ греческаго на славянскій языкъ и въ великую духовную пол
всего священнаго причта православной россійской церкви напечатана
Вслѣдствіе такихъ энергическихъ, умныхъ и благодѣтельныхъ расп
женій п. Никона, можно сказать, что расколъ, вѣроятно, былъ бы сов
шенно остановленъ, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ пер
начально проявился, какъ секта религіозно-обрядовая и возстаніе нем
гихъ непокорныхъ протопоповъ и поповъ, или по крайней мѣрѣ не р
пространился бы въ такомъ огромномъ размѣрѣ, какъ это случил
если бы п. Никону дали до конца довершить его великое дѣло. Но
это-то время, къ величайшему несчастію, многочисленные и силь
враги Никона при дворѣ, о которыхъ будетъ сказано подробно въ д
гомъ мѣстѣ, общимъ заговоромъ съ расколоначальниками, возстали ли
противъ самого Никона, совершенно лишили его прежней свободы д
ствованія, даже благорасположенія и содѣйствія царя Алексѣя Миха
вича, и принудили удалиться изъ Москвы, а зачинщиковъ раскола,
дей и поборниковъ его возвратили изъ ссылки въ Москву, и подъ вид
будто ревности къ старой вѣрѣ, а въ самомъ дѣлѣ для успѣшнаго вы
ненія своихъ замысловъ касательно п. Никона, дали полную свобод
просторъ распространенію раскола. Такимъ образомъ въ продолж
8-ми лѣтняго междупатріаршества, мятежные зачинщики раскола усп
докончить свое дѣло, отторгли отъ церкви суевѣрныхъ ревнителей
довъ и образовали особое скопище мнимыхъ старообрядцевъ [2]).

---

[1]) Строева опис. кн. Царскаго, стр. 303—305.

[2]) Нѣкоторые говорятъ, будто Никонъ жестоко обходился съ виновными,
того произошелъ расколъ. Это если въ нѣкоторомъ отношеніи и правда, то о
не такъ, какъ обыкновенно представляютъ, и отнюдь не въ отношеніи къ ви
камъ раскола. Пламенная, высокая любовь Никона къ церкви, точно, до такой ст
если можно такъ выразиться, была ревнива, нетерпѣлива, что онъ не терпѣлъ
кого церковнаго отступленія, и въ пылу ревности, которую лучшіе, просвѣщен
современники сравнивали съ ревностію Иліиною, могъ дать и дѣйствительно
иногда тяжко почувствовать, что значитъ нарушать порядокъ церковный. Но
гой стороны, сердце его было обильно любовію милующею, отечески-пастырск
приводя другихъ примѣровъ его любви, вспомнимъ, какъ онъ принялъ расколо
ника Неронова, когда тотъ пришелъ къ нему съ раскаяніемъ. Никонъ забыл
оскорбленія, какія причинялъ ему Нероновъ предъ царемъ; грубый Неро
тогда, какъ явился съ раскаяніемъ, дѣлалъ патріарху жестокія укоризны
строгости. Никонъ смиренно просилъ прощенія: „по грѣхамъ моимъ нетер
я; прости Господа ради“, отвѣчалъ Никонъ на грубости Неронова. Воз
Неронова церкви, Никонъ плакалъ. Такъ пишетъ даже одинъ изъ друзей р
начальниковъ. Другіе обвиняютъ Никона за то, что онъ въ 1656 году велѣл
рать служебники. Говорятъ: это крутая мѣра, раздражившая народъ. Нап
скажемъ словами преосвященнаго Филарета: а) это естественная мѣра; б) п. Фи
не только отобралъ уставъ 1649 года, но велѣлъ сжечь его. Вообще, говорят
ностная поспѣшность Никона не соображена была съ умственнымъ состо
тогдашняго непросвѣщеннаго народа: надлежало таковой народъ издали пре
вить къ сему вразумленіемъ о нуждѣ исправленія книгъ. Но народъ русскій
приготовляемъ къ тому при предшествовавшихъ Никону патріархахъ, въ теч
лѣе, чѣмъ полустолѣтія. И виноватъ ли Никонъ въ томъ, что предшественн

Итакъ, безпристрастный судъ исторіи, или послѣдовательный истори-
кій ходъ дѣла показываетъ, что вовсе не патріархъ Никонъ былъ ви-
о нашего раскола и не ревностная поспѣшность Никона въ исправленіи
игъ произвела раскольниковъ, а они произошли сами собою, вслѣд-
іе предварительнаго, вѣкового развитія въ нѣкоторой части русскаго
рода особаго, мнимо-старообряческаго направленія. Ясный свѣтъ исто-
русской церкви показываетъ, что расколъ глаголемаго старообрядства
изошелъ вовсе не отъ прямого истинно-древняго и истинно-православнаго
правленія нашей церковной жизни, а отъ направленія противо-церков-
го, уклонившагося съ прямаго пути церкви Христовой еще въ XVI вѣкѣ,
показываетъ намъ даже отъ начала до конца самые, такъ сказать, из-
ы, самый путь, по которому шло это противо-церковное направленіе,
наконецъ неизбѣжно пришло къ расколу. Какъ нѣкогда мертво-обря-
вое, о буквѣ законной только ревновавшее іудейство, въ главѣ котораго
яли книжники и фарисеи, потому отпало отъ церкви Христовой, что
ановилось на одной буквѣ законной, не созерцало, не понимало въ
рядовомъ законѣ моисеевомъ истины Христовой: такъ и въ нашей
ркви въ XV вѣкѣ возникшее и постепенно возраставшее мертво-обря-
вое, раскольническое направленіе нѣкоторой части русскаго народа, во
авѣ котораго стояли, по выраженію Симеона Полоцкаго, «новые книж-
ки и фарисеи», потому отдѣлилось отъ живого единства церкви русской
также остановилось на одной буквѣ церковно-богослужебныхъ книгъ
на одной мертвой внѣшности церковно-богослужебныхъ обрядовъ, и та-
мъ образомъ ожестѣло, омертвѣло и отпало отъ церкви Христовой, какъ
ейство. Между тѣмъ, что касается заслугъ Никона въ исправленіи
игъ, то по случаю изданія первой исправленной книги — Служебника,
агомыслящіе люди, понимавшіе потребности церкви русской, призывали
ь народъ благодарить Господа Бога за то, что Онъ даровалъ имъ такого
агопопечительнаго архипастыря, каковъ Никонъ патріархъ, и такого помощ-
ка его, каковъ царь Алексѣй Михайловичъ.. «Должно убо всѣмъ, повсюду
итающимъ православнымъ народомъ, восхвалити же и прославити всѣхъ
брыхъ вину Бога, яко великаго ради и естественнаго своего милосердія
бра въ начальство и снабдѣніе людемъ своимъ, сію премудрую и въ за-
вѣдѣхъ его пребывающую двойцу, Великаго Государя Царя и Великаго
нязя Алексѣя Михайловича, и великаго государя святѣйшаго Никона,

---

умѣли, или не успѣли, или не могли предуготовить къ исправленію книгъ, а при
р. Іосифѣ даже допущено было поврежденіе книгъ и распространены были посред-
омъ печатныхъ книгъ раскольническія мнѣнія. И ужѣли еще нужно было на пол-
а, или даже на цѣлый вѣкъ отложить исправленіе книгъ, нужду котораго такъ
боко чувствовала русская церковь, когда книги были уже весьма повреждены, и
режденіе это и не прекращалось, напротивъ все болѣе и болѣе умножалось, вхо-
о въ жизнь народа, въ его вѣрованія? Да и правда ли, что ревностная поспѣш-
ть Никона не соображена была съ состояніемъ народа? Народъ, горячо любившій
она, по всей вѣроятности, съ безпрекословною покорностью принялъ бы изданныя
книги, если бы его не возмутили расколоучители, въ свою очередь бывшіе, какъ
димъ въ своемъ мѣстѣ, личными врагами, и также орудіями личныхъ и сильныхъ
говъ п. Никона.

патріарха Московскаго и всея Великія и Малыя Россіи, иже воистину Богомъ избрани и того въ себѣ исполненіемъ заповѣдей его носяще, законно и преимудро данную имъ отъ Бога власть строити потщашася.. Не ко инымъ бо вещемъ прежде тщаніе свое государское приложиша, но точію да церковь Христова, сирѣчь православный христіанскій народъ, въ мирѣ и благоденствіи здравствуя, здѣ многолѣтнее, онамо же безконечное во благихъ себѣ гобзаніе уготовитъ.... Воистину бо ихъ благочестивымъ повелѣніемъ лукавство изчезе, неправда отгнана бысть, лжа потребися, вмѣсто же сихъ истина ликуетъ, правда цвѣтетъ, любовь владычествуетъ. Тѣмъ же благословенъ Богъ, въ Троицѣ Святѣй поемый, таковыхъ великихъ государей въ начальство людей своихъ избравый» [1]). Вселенскіе патріархи также всѣ единодушно и единогласно одобрили и утвердили великое дѣло п. Никона, и самого его признали великимъ ревнителемъ церкви православной. Вотъ напр., отзывъ о немъ п. константинопольскаго Іакова: «ни яко осужденъ винъ ради душевныхъ или тѣлесныхъ, и елика отъ архіерейства благодать впредь безъ воззванія ону чуждати, имѣя естества и исцѣленіе невоспріемное творя, ниже надъ божественная догматы благочестій согрѣши; ибо не иде въ совѣтъ нечестивыхъ, ниже ста въ пути грѣшникомъ, ниже на сѣдалищи губителемъ седѣ, пѣснословно рещи, столпъ бо благочестій непоколеблемъ знаемъ бысть, и божественныхъ и священныхъ канонъ оберегатель присноискуснѣйшій, отеческихъ догматъ повелѣній же и преданій неизреченный ревнитель и заступникъ достойнѣйшій [2]).

2. И такъ первый зародышъ, первый основный элементъ раскол старообрядства заключается собственно въ характерѣ религіозной жизн русскаго народа, въ вѣковомъ, историческомъ развитіи въ большой част народа односторонняго, мертво-обрядоваго направленія, въ преобладан внѣшности, обрядности надъ живою христіанскою мыслію, и въ откры шейся съ XVI вѣка борьбѣ этой живой христіанской мысли, духа мертвою буквою и обрядностію. Но сущность и сила русскаго раско старообрядства заключается далеко не въ одной упорной ревности о ст рыхъ обрядахъ, изъ которой развился только общій, внѣшній характе раскола, какъ секты религіозно-обрядовой. Сила русскаго раскола закл чается главнымъ образомъ въ его *религіозно-гражданскомъ демократиз*

---

[1]) Строева, опис. кн. Царскаго, стр. 165, 167.

[2]) Собр. госуд. грам. ч. IV, стр. 425. Не излишне, думаемъ, напомнить ста обрядцамъ, что и единоплеменники наши—православные славяне южные, признав необходимымъ исправленіе богослужебныхъ книгъ и исправляли. Такъ въ (XV в.) „словеса вкратцѣ избрана Константина философа костентьскаго, бывшаго у теля срьбскяго во дни благочестиваго Стефана деспота“ читаемъ: „Се бо писа вса растлѣлася соуть, не точію въ странѣ единои, но въ романіи всои, и до б града и солуна. Трьновстіи бо исправишеся благодатію Христовою, и посп҄ѣшені державнаго. Се хотять и сърбстіи исправитися“ (ркп. Григоровича). Въ болгар церкви, присылавшей къ намъ во дни Владиміра и Ярослава „іереи учены и кн довольны и демественники“, особенно два патріарха, подобно патр. Никону, заб лись объ исправленіи книгъ: Іоакимъ въ XIII стол. и Евѳимій въ XIV столѣтіи.

омъ духѣ и направленіи, какое онъ получилъ во время самаго возста- раскольниковъ противъ п. Никона, и особенно послѣ Никона, когда перешелъ изъ сферы собственно церковной въ сферу гражданской, дной жизни. Посмотримъ теперь, какъ развился этотъ новый эле- ъ раскола, всего болѣе оживляющій и поддерживающій его.

Расколъ возникъ въ патріаршество Никона, сначала въ низшемъ ду- нствѣ, и возсталъ, во первыхъ, противъ церкви и особенно противъ іарха Никона; потому что исправленія, нетерпимыя людьми, безраз- но привязанными къ старинѣ, начались, во первыхъ, въ церкви, каса- ь прежде всего духовенства и совершены были п. Никономъ. Патріар- тво Никона въ исторіи русской церкви составляетъ ту многознамена- ьную переходную эпоху, когда, послѣ вѣковыхъ споровъ о древне-цер- ной старинѣ, послѣ вѣкового сознанія лучшими пастырями необходи- ти исправленія и улучшенія внутренняго порядка въ русской церкви, еобходимость истиной, основательной повѣрки, исправленія и усовер- ія внутренняго церковнаго порядка и устройства сдѣлалась главною, тоятельною потребностію, господствующею, живою мыслію русской кви, когда должно было положить предѣлъ вѣковой борьбѣ убиваю- о духовную жизнь буквализма и мертваго обряда съ живою идеею, вляющимъ духомъ христіанства, борьбѣ тьмы со свѣтомъ, порядка съ орядкомъ, и тьма и безпорядокъ наконецъ должны были или исчез- ь при свѣтѣ просвѣщенія и порядка, или отдѣлиться отъ церкви, какъ ершенно несовмѣстныя съ ея существомъ. Для прекращенія этой вѣ- ой борьбы въ нѣдрахъ нашей древней церкви, для обновленія, освѣже- внутренней жизни церкви, божественный Промыслъ нарочито воспи- ь и воззвалъ изъ среды народа знаменитаго пастыря, патр. Никона... если вообще великіе геніи, далеко опережающіе вѣкъ свой, вездѣ и да встрѣчаютъ сильныя противорѣчія и противодѣйствія со стороны алыхъ, запоздалыхъ людей, часто даже падаютъ жертвами въ борьбѣ ними, то удивительно ли, что и нашъ великій пастырь Никонъ, этотъ нно замѣчательный геній своего вѣка, «свѣтоводитель богоданный свѣтоводительство всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи», какъ ывали его лучшіе, просвѣщеннѣйшіе современники, vir prudentia et toritate eggregius, какъ отзывались о немъ иностранные наблюда- и внутренней жизни Россіи второй половины XVII вѣка, удиви- ьно ли, что и великій Никонъ долженъ былъ испытать то же, встрѣ- ь также упорное противорѣчіе и противодѣйствіе со стороны от- ыхъ, запоздалыхъ ревнителей старины? — Разсмотримъ безпристра- о, въ какомъ духѣ и какого рода исправленія совершилъ въ русской кви п. Никонъ, и по какимъ причинамъ возбудилась противъ оппозиція раскола. «Намъ должно есть», говорилъ п. Никонъ духѣ охраненія истинной христіанской старины, «отъ Спаса нашего Господа Іисуса Христа преданныя заповѣди и св. апостолами в. отцами, возсіявшими на святѣмъ никейстѣмъ вселенстѣмъ соборѣ ти сты и осміюнадесятми богоносными отцами, и въ послѣдующихъ енскихъ соборѣхъ, даже до седьмаго, второе въ Никеи собравшагося,

такожде и между седми вселенскими въ различная времена собравш
помѣстныхъ православныхъ соборѣхъ хранити; понеже убо соверш
пріятъ православныхъ церковь не томко по богоразумія и благочестія
матовъ, но и священному церковныхъ вещей уставу, праведно есть и
всяку церковныхъ огражденій новину потребляти, видящимъ нов
всегда виновнымъ бывати церковнаго смятенія и разлученія, но устав
послѣдовати святыхъ отецъ» [1]). Въ такомъ духѣ сохраненія подли
христіанской старины, началъ п. Никонъ исправлять, благоустроять внѣ
чинъ и порядокъ церкви русской, не столько вновь что либо измыш
и созидая, сколько возстановляя истинно-древнюю церковную стар
завѣщанную св. отцами, или согласную съ ихъ духомъ, и устраняя
рину мнимую, имъ противную. Суевѣрные ревнители старины, уже
женной, къ сожалѣнію, этого не соображали и не соображаютъ: имъ
тѣлось сохранить старину, и притомъ грубую русскую старину. — П
Никонъ, глубоко любя христіанское богослуженіе, и по чувству собст
наго сердца, и по ближайшему опыту и наблюденію надъ другими б
честивыми русскими людьми, и изъ безчисленныхъ примѣровъ ис
русской церкви, можетъ быть, лучше всякаго другого современнаг
стыря русскаго понималъ, какъ важно въ духовно-нравственномъ в
таніи русскаго народа, особенно простого народа, благоустроенное, б
лѣпное церковное богослуженіе. Кромѣ того, возвышаясь своимъ у
надъ неподвижностію дряхлой, отжившей старины, онъ ясно созн
всю возможность и необходимость живого развитія христіанскаго бо
женія изъ вѣчно-живой и всеоживляющей идеи христіанства, необходи
развитія христіанскаго духовно-эстетическаго элемента въ благо
богослуженія, напримѣръ въ пѣніи, въ иконописаніи. И потому п
всего обратилъ свое вниманіе на исправленіе и усовершеніе церк
богослужебнаго чина и порядка, разстроеннаго главнымъ образомъ
женіемъ и невѣжествомъ нерачительнаго къ богослуженію духове
Такъ онъ не могъ равнодушно видѣть, въ какомъ упадкѣ находило
церкви русской богослужебное пѣніе, которое начало упадать въ
со временъ монгольскаго ига. Привыкши къ знаменному или столп
церковному напѣву и исполняя его весьма неисправно и небрежно
ковно-служители наши до п. Никона почти совершенно забыли и ост
то древнее «ангело-подобное пѣніе, изрядное осьмогласіе, и трисост
сладкогласованіе, и самое красное демественное пѣніе», какое, послѣ
гарскаго и простого демественнаго напѣва, вновь ввелъ въ церков
скую Ярославъ Великій [2]), и «совершали пѣніе Божіе зѣло по ско
Патр. Никонъ, зная изъ примѣровъ церковной исторіи, что развивало
въ восточной церкви богослужебное пѣніе, что святые отцы съ IV п
вѣкъ не считали грѣхомъ слагать новыя духовныя пѣсни, испра

[1]) „Воглашенія" патр. Никона царю Алексѣю Михайловичу и всему свящ
собору. Печ. Скрижалъ 1655 г. л. 6—7.

[2]) Степ. кн. т. 1, стр. 224. изд. въ москвѣ 1775 г. ст. 2. гл. 2.

[3]) А. А. Э. т. 3, № 264.

евнее пѣніе, — началъ смѣло вводить въ русской церкви новое благо-ьсное пѣснопѣніе, исправляя и возстановляя что было лучшаго изъ евняго пѣнія. Еще будучи митрополитомъ новгородскимъ онъ, по сло-мъ жизнеописателя его, «первѣе повелѣ — въ соборной церкви гре-ское и кіевское пѣніе пѣти.... и превеліе имѣ прилежаніе до пѣнія, и на аву прибравъ крылосы предивными пѣвчими и гласы преизбранными, ніе одушевленное паче органа бездушнаго и таковаго пѣнія, яко же у го, ни у кого не бывало» [1]). А когда въ 1652 году онъ возведенъ былъ патріаршій престолъ, то еще болѣе усовершилъ церковное пѣніе. Вы-упомянутый жизнеописатель его свидѣтельствуетъ, что онъ любилъ зные напѣвы, а особенно греческій и кіевскій. Съ патр. Никона началась русской церкви новая эпоха церковнаго пѣнія. Въ тоже время онъ старался ести въ церкви русской внятное и благоговѣйное чтеніе при богослуженіи, ибо ъ лѣности и небреженія церковно-служителей укоренился обычай — читать церкви весьма поспѣшно, невнятно и даже неблагопристойно, вычиты-ть, голоса въ два или въ три за разъ, кафизмы, каноны и разныя мо-твословія и стихословія во время пѣнія, про себя, а не вслухъ для всѣхъ авославныхъ [2]). Никонъ ввелъ и благолѣпіе въ священныхъ одѣяніяхъ утваряхъ, чтобы сдѣлать церковное служеніе достойнымъ высокаго на-аченія; пріучалъ священно и церковно-служителей къ сохраненію внѣш-го благоприличія, и самъ божественную службу совершалъ съ отличнымъ агоговѣніемъ [3]). Какъ истинный просвѣщенный пастырь, Никонъ не гъ равнодушно видѣть, что многіе неразумно, даже и не по христіански читали св. иконы, молились въ церквахъ всякъ своей, изъ дома прине-нной, иконѣ, называя ихъ своими богами, и кланялись въ церкви въ зныя стороны. Поэтому онъ велѣлъ снять съ западныхъ стѣнъ въ цер-ахъ отъ частныхъ людей поставленныя иконы, дабы молящіеся не стояли къ нимъ, ни къ алтарю спиною и не производили въ церквахъ без-нія, какъ это было дотолѣ [4]). Для церковнаго благолѣпія и благоукра-нія, патр. Никонъ покровительствовалъ и художествамъ, особенно цер-вной живописи и архитектурѣ, насколько, разумѣется, это было воз-жно въ то время, и употреблялъ ихъ какъ средства для благоукрашенія ркв ей [5]). При дворѣ его, по словамъ алепскаго архидіакона Павла, были

---

[1]) Житіе Никона, — Шушерина, ркп. сол. библ. 235, л. 11. Историч. разсужденіе ревнемъ христіанскомъ богослужеб. пѣніи, и особенно о пѣніи Россійскія церкви съ нуж-ми примѣчаніями на оное. Спб. 1804 г. Въ Генварѣ 1652 приглашены были изъ Кіева въ скву 12 человѣкъ кіевскихъ пѣвчихъ. Въ Мартѣ того же года прибыли изъ Кіева ѣвчихъ. Въ 1656 г. царь, конечно, по внушенію Никона, вызвалъ изъ Кіева старца тскаго монастыря Іосифа Загвойскаго „для ученья партескаго пѣнья". Въ Но-ѣ того же года пріѣжалъ въ Москву съ грамотою отъ цареградскаго патріарха одіаконъ Мелетій, для ученья греческому пѣнью діаковъ и подъдіаковъ (см. тѣч. для ист. пѣнья въ Россіи. Ундольскаго въ 3 № чтен. Импер. общ. ист. 1846).

[2]) Объ этомъ въ своемъ мѣстѣ будетъ сказано подробно.

[3]) Житіе Никона, — Шушерина ркп. Сол. библ. № 235 л. 10 и 11.

[4]) Майербергъ. Словарь о духовн. писател. въ Россіи, II. стр. 120.

[5]) Но въ художествахъ, какъ и во всемъ церковномъ чинѣ, патр. Никонъ строго людалъ духъ православія. Напр. относительно живописи Алепскій архидіаконъ

свои художники и ремесленники по всѣмъ частямъ [1]). Точно также
Воскресенскій монастырь, для устройства храма, по подобію іерусалимска
онъ вызвалъ разныхъ мастеровъ, въ томъ числѣ и иностранныхъ, и
велъ тамъ цѣлыя мастерскія; оттуда же въ 1668 году вызывалъ мастер
для себя даже самъ царь Алексѣй Михайловичъ [2]). Символизмъ въ и
ков. изображеніяхъ Никонъ оживлялъ духовнымъ христіанскимъ смысло
Такъ, глубже современниковъ понимая духовное знаменованіе библейск
и церковныхъ символовъ, онъ возстановилъ въ церковныхъ изображені
древніе, но забытые символы евангелистовъ. До него евангелисту Іоа
усвоялся символъ льва, а Марку — орла. Со времени патр. Никона е
гелиста Іоанна стали изображать съ орломъ, а Марка со львомъ, какъ
дѣлалось при равноапостольномъ Владимірѣ и Ярославѣ Великомъ [3]);
св. Лукѣ и Матѳеѣ оставлены прежнія знаменія тельца и человѣка. То
также патр. Никонъ, послѣдуя примѣру свящ. древности, велѣлъ дѣл
на каждой церкви по 5 главъ, въ ознаменованіе среднею Іисуса Хри
а четырьмя боковыми четырехъ евангелистовъ [4]). Въ то же время п
Никонъ всемѣрно заботился о нравственномъ усовершенствованіи и о
зованіи духовенства. Отъ глубокаго упадка духовнаго просвѣщенія
Великороссіи до патр. Никона, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, ве
умножилось число священно и церковно-служителей недостойныхъ,
рачительныхъ, весьма мало просвѣщенныхъ: много было священни
почти безграмотныхъ. На все это горько жаловался, какъ извѣстно,
въ XVI вѣкѣ, Геннадій архіепископъ новгородскій, въ первой поло
XVII вѣка старецъ Арсеній Глухой, патріархи: Іоасафъ 1 и Іосифъ.
ведемъ здѣсь только жалобу предшественника Никона, патр. Іос
«Видя», говоритъ онъ, «въ себѣ и въ другихъ множество всякихъ
ковъ, чистители іерей, приставницы стражіе, дѣлатели винограда Божі
исправляютъ и не обличаютъ, область пріимъше искореняти и насаж
не лѣчатъ и не исправляютъ, и не пекутся и не постанутъ о Бозѣ ревн
истину, и іерейство держитъ кождо, точію временную потребу снабдѣвает
усердуетъ о духовныхъ, чтобы получити мзду вѣчнаго живота, но паче пе
о погибающихъ мечтѣхъ и чрева ради все творитъ и глаголетъ» [5]). «По

Павелъ пишетъ слѣдующее: „Въ Москвѣ многіе иконописцы переняли было
писать иконы на манеръ Франковъ и Поляковъ. Вельможи покупали иконы
живописи. Патр. Никонъ, узнавъ объ этомъ, отобралъ оныя и издалъ указъ, ч
впредь будетъ живописать ихъ, тотъ подвергнется строжайшему наказанію.
иконы, собранныя по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, зарыты были въ з
а пишущіе въ духѣ новой школы, преданы анаѳемѣ п. Никономъ и Макаріемъ".
Д. кн. 1 стр. LXVII.

[1]) Пам. моск. древ. кн. 11, стр. 199.

[2]) Истор. обозр. финифтян. и ценин. дѣлъ въ Россіи, соч. Забѣлина.

[3]) Снегирева, памятн. 1. LXIV.

[4]) Тамъ же. LXIV.

[5]) Поученіе къ духовному и мірскому чину. Ркп. Григоровича. Поучені
впрочемъ, не сочинено п. Іосифомъ, а только нѣсколько измѣнено, дополнено и
ложено имъ, какъ подходившее къ нравственному состоянію духовенства и наро
его время. Первоначальный составъ поученія — древній.

мъ и селамъ во множествѣ блуждали священники и діаконы безмѣстные и сто безчинства чинили великіе» [1]). Патр. Никонъ не могъ терпѣть такой порядочной жизни въ духовенствѣ. Стараясь привести въ уваженіе свяненный чинъ, онъ собственнымъ примѣромъ строгой жизни внушалъ всему ховенству имѣть бдительный надзоръ надъ своею нравственностію, а къ радивымъ былъ взыскателенъ, къ непослушливымъ и злымъ, по словамъ знеописателя его, «яростію являшеся», и всякое нарушеніе церковнаго на обуздывалъ силою своей власти [2]). Безмѣстныхъ священниковъ онъ терпѣлъ, строго воспрещалъ имъ бродить по городамъ и селамъ, и старся совершенно прекратить ихъ умноженіе [3]). Чтобы заставить священковъ быть внимательными къ себѣ и своимъ обязанностямъ, онъ вышивалъ и безпристрастно удовлетворялъ справедливыя жалобы челочиковъ на духовныхъ, принималъ доносы отъ областныхъ управителей худыхъ поступкахъ духовенства, даже изъ самыхъ отдаленныхъ эпархій, порочныхъ протопоповъ, поповъ и другихъ священно-служителей строго рялъ, посылалъ въ монастыри на черныя работы, заключалъ въ темцы. Когда кто либо подавалъ Никону челобитную на священниковъ, носилъ объ ихъ неисправностяхъ и худомъ поведеніи, то Никонъ велѣлъ кихъ поповъ «брать за приставовъ». Такъ въ Маѣ 1657 года Никонъ салъ къ костромскому воеводѣ, вслѣдствіе доноса священника коомского собора на своеволіе и безчиніе городскихъ и сельскихъ приходихъ поповъ костромской области: «которые попы въ городѣ Костромѣ въ уѣздѣ, и въ костромскихъ пригородкахъ, протопопу костромского сора съ братіею учнутъ быть сильны, вѣнечныхъ знамянъ по указу платъ не станутъ, и тыбъ ему протопопу съ братью на тѣхъ поповъ велѣлъ вать приставовъ, сколько человѣкъ пригоже» [4]). По словамъ протопопа ронова, одна теща на затя своего, попа Лаврентія, подала Никону чебитную о томъ, что зять обокралъ ее. Никонъ за это виновнаго попа слалъ въ Іосифовъ монастырь. Воевода муромскій донесъ на тамошняго отопопа, Логина, что онъ ругался надъ иконою Спасителя и Богородицы. иконъ тотчасъ велѣлъ протопопа Логина «отдать за пристава». Чернивскаго протопопа Михаила Рогова, издателя Кириловой книги, онъ проялъ и снялъ съ него скуфью за то, что тотъ, издавая Кирилову книгу, ъ двоестрочіи не дѣломъ положилъ, что христіанамъ мученія не будетъ». оеволіе монаховъ, злоупотреблявшихъ своимъ вотчиннымъ управленіемъ,

---

[1]) Грамота о учрежденіи поповскихъ старостъ и о церковномъ благочиніи въ осквѣ, лѣта 7102 Іюня въ 1-й день. Врем. московъ. общ. истор. книга XIV, смѣсь стр. 24

[2]) Житіе Никона—Шушерина. Словарь М. Евгенія: о Никонѣ.

[3]) Чтобы не было лишнихъ и безмѣстныхъ священниковъ, и чтобы въ точности ать число священниковъ, патр. Никонъ ввелъ точную ежегодную запись о ставленкахъ, кто, гдѣ, кѣмъ и куда ставился въ священники. Такъ въ переписной книгѣ мовой казны патр. Никона, между разными переписными книгами, упоминаются: 63 (1655) года книга записная ставленникомъ, что ставилъ въ попы сербскій митролитъ; 164 (1656) книга записная новоставленнымъ попамъ и діаконамъ; 165 (1657) ига записная новоставленнымъ попамъ и діаконамъ". Времен. моск. общ. истор. XV, матеріалы, стр. 81.

[4]) А. И. IV, № 159.

царя Алексѣя Михайловича, приглашены въ Москву ученые иноки кіево-печерской лавры: Епифаній Славеницкій, мужъ, по тогдашнему времени весьма ученый, хорошо знакомый съ греческою и латинскою словесностію, старцы Арсеній Сатановскій и Дамаскинъ Птицкій. Сдѣлавшись патріархомъ всероссійскимъ, Никонъ не переставалъ призывать просвѣщенныхъ иноковъ юга. Собравши так. обр. около себя просвѣщенныхъ иноковъ, преданныхъ его духовно-ученымъ стремленіямъ, патр. Никонъ устроилъ въ Москвѣ духовныя училища. По свидѣтельству Мейерберга онъ, для искорененія невѣжества, открылъ въ Москвѣ училища языковъ латинскаго и греческаго [1]). Патріаршее училище въ Чудовѣ монастырѣ, основанное прежде него, около 1633 года, — при попеченіи Никона получило новую жизнь и подкрѣпленіе. Главнымъ начальникомъ въ немъ патр. Никонъ сдѣлалъ Епифанія Славеницкаго. Въ то же время онъ поддерживалъ духовное училище св. Андрея, устроенное, по всей вѣроятности, по его же вліянію, другомъ его, бояриномъ Ѳ. М. Ртищевымъ, близь Москвы. Вмѣстѣ съ симъ патр. Никонъ умножалъ и улучшалъ типографіи для изданія и распространенія духовныхъ книгъ по церквамъ. Такъ, еще будучи новгородскимъ митрополитомъ, онъ въ 1650 году завелъ типографію въ новгородскомъ Хутынѣ-монастырѣ. Потомъ, когда возведенъ былъ въ патріаршество, перевелъ изъ упраздненнаго тогда въ Бѣлоруссіи Оршанскаго кутеинскаго монастыря тамошнюю типографію въ Иверскій монастырь. Первая, напечатанная въ иверскомъ монастырѣ (въ 1658 г.) книга, былъ учебный часословъ; другая въ слѣдующемъ 1659 г., для назидательнаго чтенія — Стефана Святогорца: «мысленный рай», съ присовокупленіемъ исторіи объ основаніи иверскаго монастыря [2]). Но особенно Никонъ улучшилъ и возвысилъ московскую типографію, московскій печатный дворъ, этотъ, можно сказать, главный въ то время разсадникъ церковнаго просвѣщенія. Разсѣявъ невѣжественныхъ справщиковъ книгъ, собравшихся и составившихъ на печатномъ дворѣ при патр. Іосифѣ, по словамъ Игнатія, м. тобольскаго, злое сонмище, насѣявшее столько плевелъ въ нѣдрахъ русской церкви, патр. Никонъ образовалъ на московскомъ печатномъ дворѣ изъ ученыхъ иноковъ юга благонамѣренное и православно-ученое духовно-цензурное общество, подъ начальствомъ Епифанія Славеницкаго. Но Никонъ самъ непосредственно наблюдалъ за всѣмъ на печатномъ дворѣ и каждая книга и назначалась къ изданію и выходила въ свѣтъ по его непосредственному усмотрѣнію. Такимъ образомъ патр. Никонъ,

---

[1]) Баронъ Мейербергъ и путешествіе его по Россіи, изд. Аделуизомъ см. 251.

[2]) М. Евгенія, Словарь о духовн. писателяхъ, въ ст. Іоаннъ Ѳедоровъ, діаконъ гусситск. церкви въ Москвѣ, стр. 271, 272. Ист. Іер. гл. IV, стр. 246. По словамъ архим. Аполлоса, въ иверской типографіи напечатаны были сочиненія самаго Никона: „сказаніе о иверскомъ монастырѣ на св. Аѳонской горѣ и портянской иконѣ; окружное посланіе или поученіе къ духовнымъ и мірскимъ всякаго чина и состоянія людямъ; посланіе или окружная грамота о созданіи онежскаго крестнаго монастыря; канонъ молебенъ о соединеніи вѣры православныя и молебное пѣнія о умиреніи церкви св. восточныя. Аполл. стр. 22. Здѣсь же напечат. была въ 1661 г. псалтырь съ канонами, въ 1662 г. двѣ псалтири брачныя.

жно сказать, первый послѣ препод. Максима Грека ввелъ у насъ благонадежный способъ цензуры или рецензіи церковныхъ книгъ. Главный, щественный недостатокъ рецензіи церковныхъ книгъ, отъ котораго и исходили при прежнихъ патріархахъ неудачи исправленія книгъ, заключался именно въ томъ, что при исправленіи ограничивались однѣми лько славянскими рукописями, и то не всегда древними, и весьма неправными,— съ греческими же рукописями почти никогда не сличали вянскихъ. Патр. Никонъ понялъ, что исправить славянскія церковныя иги иначе и нельзя, какъ сличивши ихъ съ подлинными греческими игами и съ древнѣйшими славянскими. По сему онъ ввелъ въ московую типографію рецензію греческую и древле-славянскую. Наконецъ, мы жны упомянуть еще объ одномъ замѣчательномъ усовершенствованіи тріарха Никона, именно возобновленіи въ великороссійской церкви вой, церковной проповѣди. До него на сѣверѣ не слышно было живой оповѣди. Еще въ первой половинѣ XVI вѣка Іовій писалъ, что Москвите не позволяютъ говорить въ церквахъ проповѣдей [1]). Потомъ въ налѣ XVII вѣка, около 1600 г., Маржеретъ тоже говорилъ, что «въ Россіи церквахъ никогда не проповѣдаютъ» [2]). Патр. Никонъ уничтожилъ отъ обычай. Одаренный отъ природы силою и увлекательностію слова, ладая обширными познаніями священнаго писанія, церковной исторіи и в. отцевъ, п. Никонъ самъ по воскреснымъ днямъ и праздникамъ, при вершеніи божественной литургіи, всегда сказывалъ поученія, слушать торыя охотно стекались многіе, даже изъ самыхъ дальныхъ мѣстъ, и асто слушали со слезами [3]). Онъ благословилъ также произносить проовѣди и просвѣщеннаго Епифанія, и Епифаній произносилъ. Но разрѣшая азывать проповѣди такимъ благонадежнымъ, просвѣщеннымъ людямъ, аковъ Епифаній, навыкшій къ сочиненію и сказыванію проповѣдей еще югѣ, гдѣ въ это время была даже особая должность проповѣдника, Никонъ не довѣрялъ высокаго дѣла церковной проповѣди духовенству ликороссійскому, которое въ то время было весьма мало образовано. акъ, когда муромскій протопопъ Логинъ, а по примѣру его и другіе мумскіе священники стали говорить проповѣди, не представляя ихъ на асмотрѣніе, патр. Никонъ запретилъ имъ это и строго наказалъ ихъ за мовольное проповѣданіе, и подтвердилъ въ церквахъ читать народу лько поученія св. отцевъ, издревле переведенныя на славянскій языкъ, нѣкоторыя до того времени уже напечатанныя особыми книгами подъ азваніемъ Соборниковъ, Маргаритовъ, Бесѣдъ и проч. [4]).

[1]) Библіот. иностран. писат. о Россіи, кн. I, отд. IV, стр. 43. Герберштейнъ: Doctes, quos sequuntur, sunt: Basilius Magnus, Gregorius et Ioannes Chrisostomus: quem cunt Slatausta, id est, aureum os. Concionatoribus carent. Satis esse putant interfuisse cris, ac Evangelii, epistolarum, aliorumque doctorum verba, quae vernacula lingua safiens, audivisse: ad hoc, quod varias opiniones ac haereses, quae ex concionibus plemque oriuntur, sese effugere credunt etc. Ber. Mosc. Comment, p. 42. То же говорятъ бывшіе въ Россіи въ первой половинѣ XVII в. иностранцы.

[2]) Сказан. соврем. Дим. самозв. III, стр. 26.

[3]) Шушеринъ, Чтен. моск. общ. истор. гл. III, № 5 „Никонъ“.

[4]) Логинъ въ словарѣ м. Евгенія.

Такія исправленія и измѣненія совершалъ въ церкви Никонъ въ время, когда въ большей части духовенства и почти во всемъ народѣ скомъ господствовало глубокое предубѣжденіе противъ всякаго рода образованій и нововведеній, тѣмъ болѣе противъ нововведеній и ис вленій въ церкви. Большая часть духовенства убѣждена была, что ковная старина русская ни въ чемъ непогрѣшима и неизмѣнна, «не т въ вѣрѣ но ни въ малѣйшей, чертицѣ каноновъ и пѣсней, что ни у кого слова, ни у какой рѣчи не убавить, не прибавить ни единаго с не должно, и что православнымъ должно умирать за едину букву а Самъ престарѣлый патр. Іосифъ былъ ревностный приверженецъ и за никъ старины. Такъ ему весьма не нравилось, когда Никонъ, бу еще митрополитомъ въ Новгородѣ, началъ вводить въ тамошнихъ квахъ партесное пѣніе и внятное, раздѣльное чтеніе, и, часто пріѣзжа Москву, всякій разъ служилъ въ придворной церкви, въ присутстві мого государя, съ своими новыми, кіевскими пѣвчими и по новому рядку пѣнія и чтенія. «На сіе (превеліе прилежаніе Никона до пѣн добраго порядка) благочестивый царь зря», говоритъ жизнеописатель кона, «и нача онъ великій государь о единогласномъ и нарѣчномъ п въ церквахъ прилежати и учрежденіе творити, ему же въ семъ бла чинаемомъ дѣлѣ великій помощникъ и поборникъ бысть преосвяще Никонъ митрополитъ, а святѣйшій Іосифъ, патр. Московскій за обы веніе тому доброму порядку прекословіе творяше, и никако же хотѣ древнее неблагочиніе премѣнити» [1]). Престарѣлый патріархъ высказы свое неудовольствіе даже въ слухъ своихъ приверженцевъ—протопоп поповъ, которымъ онъ вполнѣ ввѣрилъ книгопечатный дворъ. Та образомъ эти неблагомыслящіе и неблагонамѣренные протопопы и н неблагопріятными отзывами патр. Іосифа о церковныхъ улучшенія нововведеніяхъ Никона еще болѣе и заранѣе предубѣждены были про послѣдняго и противъ тѣхъ исправленій и усовершеній, какія Ни долженъ былъ ввести въ русской церкви. Потому они заранѣе, еще патр. Іосифѣ, стали предостерегать народъ отъ всякихъ перемѣнъ и н введеній въ церкви. Это предубѣжденіе противъ всякихъ церков исправленій еще болѣе усиливалось тѣмъ, что послѣ смутъ Уніи и званства у насъ особенно опасались отпаденія отъ древне-церковнаго вославія и вторженія въ церковь русскую латинства, папства. А суе кромѣ того, какъ-бы смутно, инстинктивно предчувствуя по духу вре приближеніе эпохи совершеннаго преобразованія Россіи,—ждали еще раго наступленія царства антихристова. Это безотчетное, суевѣрное сеніе породили частію религіозныя волненія въ Малороссіи во время и усилившіяся въ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка покушенія обратить и Великороссію къ католицизму, частію страшныя смуты и трясенія въ Великороссіи во время самозванства и междуцарствія и п постоянныя войны съ Польшею и Швеціею, частію умноженіе на с Россіи выходцевъ изъ Польши, Литвы, Швеціи и другихъ запад

[1]) Шумаринъ въ житіи Никона.

гранъ и распространеніе вѣрованій и обычаевъ латинскихъ, лютерскихъ кальвинскихъ. Легкомысленные, неразсудительные русскіе люди видѣли въ этомъ послѣднія времена, признакъ паденія древне-русской православной вѣры и скораго пришествія антихриста. Въ сборникахъ того времени [1]) помѣщались и распространялись статьи объ антихристѣ, гдѣ по апокалипсису вычислялось время пришествія антихриста, и время это, по недальновидному счету суевѣровъ, падало именно на то время, когда должны были начаться въ церкви русской и въ русскомъ государствѣ исправленія. Въ книгѣ о вѣрѣ, напечатанной при патр. Іосифѣ, книжники русскіе читали такое предостереженіе: «по тысящѣ лѣтъ отъ воплощенія Сына Божія Римъ отпаде отъ восточныя церкве; въ 595 лѣто по тысящѣ жителіе Малой Россіи къ римскому костелу приступили. Се второе отторженіе христіанъ отъ церкве. Оберегая сіе пишемъ: егда исполнится 1666 лѣтъ, да чтобы отъ прежнихъ винъ зло нѣкако и намъ не пострадати». Еще до патріаршества Никона и до исправленія имъ книгъ пущена была въ народъ какая-то книга «Орелъ отъ ездриныхъ книгъ, «въ ней же, по словамъ суевѣровъ, писано явно, при которомъ царѣ и патріархѣ превращена будетъ вѣра въ Москвѣ» [2]). Во время самыхъ исправленій патр. Никона суевѣры распространяли разные толки и лжемистическія вычисленія по апокалипсису, дѣлали напр. такія вычисленія: «5733 Христосъ нашего ради спасенія во адъ сошедъ и связа сатану на тысящу лѣтъ и какъ минуло 1733, тогда пущенъ бысть, и тому 837, съ нынѣшнимъ 167, а егда исполнится отъ развѣзанія 666, (не гли) тогда явится власть сына погибели, иже апокалипсисъ указуетъ» [3]). Въ то время, какъ одни предубѣждены были противъ исправленій Никона, съ ложно-религіозной точки зрѣнія, находя ихъ противными древне-церковной православной русской старинѣ, другимъ, особенно духовенству, весьма не нравились исправленія и нововведенія Никона съ практической точки зрѣнія, потому что полагали предѣлъ своеволію, безпечности, и грубому невѣжеству большей части духовенства, привыкшаго въ безпорядкахъ церковныхъ жить по своей волѣ. Въ этомъ отношеніи большая часть духовенства вообще тяготилась образомъ управленія патріарха Никона. Потому что управленіе его по строгости въ отношеніи къ духовенству рѣзко отличалось отъ управленія предшествовавшихъ патріарховъ, особенно патр. Іосифа, также какъ строгій характеръ Никона рѣзко отличался отъ характера прочихъ патріарховъ. Предшествовавшіе патріархи, хотя и сознавали необходимость нравственнаго исправленія духовенства, но никто изъ нихъ не приступалъ рѣшительно, энергически къ самому дѣлу исправленія. Они иногда даже болѣе поблажали духовенству. Такъ одинъ современникъ [4]) говоритъ о патріархѣ Филаретѣ: боляръ же и всякаго сана царскаго синклита зѣло томяше частыми не-

[1]) См. напр. Строева опис. рукоп. Царскаго, по указат. подъ словомъ „антихристъ“. Факты на эту мысль будутъ приведены въ другомъ мѣстѣ настоящаго объясненія.

[2]) Письма Нероссова—ркп. библ. Казан. Дух. Академіи.

[3]) Опис. Русск. Муз. стр. 550.

[4]) Въ Хронографѣ митропол. Пахомія 1639 г.

обратными и инѣми наказанми: къ духовному же сану милостивъ былъ. А о патр. Іосифѣ, митроп. тобольскій Игнатій прямо говоритъ, что ему «ввѣрились окружавшіе его протопопы и попы, и самъ онъ ничто же нечашеся». Между тѣмъ большая часть духовенства привыкла жить по своей волѣ, бродить съ мѣста на мѣсто, безнаказанно нарушать порядокъ и чинъ церковный: акты XVII вѣка исполнены жалобъ на это. Кромѣ того не малая часть духовенства, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ нашего сочиненія, обнаруживала даже явный духъ противленія и самоуправства и даже явное стремленіе освободиться отъ власти и суда архіерейскаго. Въ XVII вѣкѣ, предъ временемъ раскола, неоднократно случалось, что низшее духовенство иногда цѣлой области или нѣсколькихъ уѣздовъ не хотѣло подчиняться своему архіерею, усиливалось освободиться не только отъ уплаты законныхъ пошлинъ, но и отъ суда митрополичьяго или епископскаго. А иногда являлись, еще до раскола, такіе священники, которые проникнуты были уже явно раскольническимъ духомъ непокорности и самоуправства, питали «гордость—высокую мысль» и презирали архіерейское благословеніе [1]). При такомъ нравственномъ направленіи и самоуправствѣ духовенства, послѣ слабаго надзора за нимъ при предшествовавшихъ Никону патріархахъ, особенно послѣ большой поблажки патр. Іосифа сильной сторонѣ духовенства окружавшаго престарѣлаго святителя, понятно, какъ тяжкимъ казалось необыкновенно—строгое управленіе п. Никона, строгій, внимательный надзоръ его за нравственностію духовенства, строгія, рѣшительныя мѣры его для обузданія своеволія и неблагопристойной жизни духовныхъ. Глубоко проникнутый сознаніемъ высокаго достоинства и значенія патріаршей власти и своего назначенія, имѣя строгій, высоконравственный характеръ, Никонъ не могъ терпѣть грубыхъ пороковъ духовенства, сильно раздражался, когда узнавалъ о проступкѣ какого либо духовнаго лица: «нетерпѣливъ я, не могу терпѣть того, что противно Господу», — такъ сознавался онъ самъ [2]), и потому, при вспыльчивомъ сердцѣ и высоконравственномъ, твердомъ до суровости и непреклонности, характерѣ, иногда въ самомъ дѣлѣ былъ уже слишкомъ строгъ, тяжелъ для духовенства: казался ему вторымъ папою. Это возбуждало въ духовенствѣ страхъ и ропотъ. Имя Никона было грозно, и для многихъ ненавистно. Духовные, подвергавшіеся справедливой строгости его, съ злобой говорили другъ другу: «знаете ли кто Никонъ: звѣрь ли лютой, или левъ, или волкъ». Множество было недовольныхъ въ духовенствѣ строгимъ управленіемъ Никона и желавшихъ свергнуть его. Озлоблены были на него тѣ протопопы и попы, которыхъ онъ отрѣшилъ отъ мѣстъ, и на мѣста которыхъ поставилъ новыхъ. Недовольны были, конечно, и многіе изъ ставленниковъ, потому что Никонъ самъ лично и весьма строго испытывалъ ихъ и недостойныхъ не посвящалъ въ священный санъ. Ненавидѣли Никона и тѣ изъ духовенства, которые строго наказаны были имъ за свои

---

1) См. напр. А. А. Э. т. 3. № 198. № 123. А. И. т. 5. № 75.

2) Главинихъ объ немъ говоритъ: Homo vates et a natura callidi ingenii. Прим. 150 въ Аделунговомъ издан. Мейерберга.

и и пороки, заключаемы были въ тюрьмы въ цѣпяхъ и колод-
и сосланы въ монастыри на смиреніе и въ заточеніе. Особенно
ногихъ соблазняла свобода духа, съ какою Никонъ измѣнялъ,
алъ старые суевѣрные обычаи и вводилъ новые, разумно-благоче-
за это, по словамъ Мейерберга, всѣ ненавидѣли, всѣ желали
его [1]). Но всѣхъ болѣе озлоблена была на него самая сильная
низшаго духовенства, тѣ протопопы и попы, которые, еще при
Іосифѣ, какъ мы видѣли, предубѣждены были противъ него, и
це больше озлоблены были на него за то, что онъ съ безчестіемъ
съ книгопечатнаго двора, строго наказалъ за распространеніе въ
скольническихъ мнѣній и вмѣсто нихъ поставилъ просвѣщенныхъ
кіевскихъ и старца Арсенія Грека.
такомъ настроеніи умовъ, при этомъ почти общемъ недовольствѣ
тва управленіемъ Никона и предварительномъ, фанатически-суе-
предубѣжденіи почти всего народа противъ церковныхъ испра-
ще болѣе усиленномъ и распространенномъ неблагонамѣренными
ками, слѣдовало только возстать кому-либо изъ недовольныхъ
ъ въ духовенствѣ или въ народѣ,—и расколъ неминуемо долженъ
никнуть. И вотъ прежде всѣхъ возстала сильная сторона низшаго
тва — извѣстные уже намъ протопопы и попы, которые ближе
яли къ Никону и прежде всѣхъ испытали на себѣ справедливую
его патріаршей власти. За ними возстали многіе изъ низшаго
тва, сначала въ Москвѣ, а потомъ и по разнымъ городамъ и се-
нози отъ священнаго чина, по словамъ исторіографа раскольни-
Денисова, явственно воспротивишася Никону въ новоперемѣнахъ» [2]).
ріи первоначальнаго распространенія раскола примѣчаемъ, что
здѣ первые, главные расколоначальники были изъ духовенства,—
ы, попы, архимандриты и простые иноки. За духовенствомъ уже
ъ народъ. «Имъ же возбужденный и того ради ихъ (первыхъ
ачальниковъ - протопоповъ) лжесловія», говорили отцы собора
, «священницы вознерадѣша о всякомъ церковномъ благочестіи и
іи, и книгъ новопечатныхъ, яже печаташася при святѣйшемъ Ни-
ріархѣ и послѣ его отшествія, начаша гнушатися... И таковаго
щенническаго многаго невѣжества и нерадѣнія о врученнѣмъ
стадѣ и неприлежанія дѣлъ и непопеченія о церковномъ всякомъ
іи и растлѣннаго ради и безчиннаго и запойственнаго житія,
истіане отлучишася церковнаго входа и молитвы; могущіи же по

ароду сказали (враги его), говоритъ Мейербергъ, что введеніемъ во вновь
ыхъ имъ школахъ ученія греческаго и латинскаго языковъ, измѣненіемъ
ерковныхъ обрядовъ, строгостію, съ какою возставалъ противъ разныхъ
народа и многими другими новизнами онъ старается потрясти православную
и способами умѣли навлечь на него всеобщее негодованіе". Мейерб. въ изд.
въ рус. перев. стр. 251. Suspiciosis Moschovitarum animis et priscae consue-
acibus haud obscura conceptae in religionis dogmatibus innovationis indicia
t. 16. прим. 151.
ноградъ Россійскій.

домамъ своимъ начаша держати вдовыхъ священниковъ, безъ благос венія и безъ свидѣтельства архіерейскаго, иніи же изъ тѣхъ священ ковъ мнози не патріаршіи области, но иныхъ епархій, и мнози подъ за щенными и изверженными оставльше своего архіерея, служатъ по дом въ царствующемъ градѣ Москвѣ, угождающе непокорникомъ святыя сточныя церкве и нехотяще слушати въ церквахъ пѣнія» [1]). «Не мы с разлученіе отъ церкви содѣяхомъ», говоритъ исторіографъ раскольниче Денисовъ, «но преосвященный епископъ Павелъ коломенскій, соборъ отц соловецкія обители, священніи протопопы, пресвитеры и прочіи церкові причта, пустынніи иноцы и прочіе многочисленніи крестіане россійск царствія, бывшіи во времена Никона, патріарха московскаго, иже въ дре церковномъ благочестіи устоявшіи».

Что же особенно взволновало духовенство и народъ, какой пе начальный источникъ раскола, и почему прежде всего возстало духовенс Вслушиваясь терпѣливо, безпристрастно въ признанія самыхъ перв расколоначальниковъ, въ ихъ протесты и жалобы, мы находимъ, что пе начально два главныхъ начала руководили оппозиціей возставшаго тивъ патр. Никона духовенства и народа. Первую причину, подвигнув къ возстанію собственно духовенство, со всею ясностію раскрылъ од изъ главныхъ расколоначальниковъ, протопопъ Нероновъ. Въ 1654 онъ писалъ въ письмѣ къ царскому духовнику, протопопу Стефану В фатьеву, «своему союзнику», какъ онъ называетъ его, отъ лица своей тіи, прочихъ протопоповъ и поповъ,—своихъ единомышленниковъ: «н наша брань къ плоти и крови, вѣсть вседержитель, владыка Христ но азъ облазнихся и братія, т. е. прочіе протопопы и попы; о патрі не вѣры бо отпадохъ, но облазнихся, яко патріархъ мучительскій сан ся восприятъ, и братію церковныя уды мучитъ, поруганія надъ ними ритъ, овыхъ убо остриже, овыхъ прокля... Разсмотри добрѣ, превождел себе ли ради то творю? Не буди то: но церкви ради и братіи, и въ лѣ ти къ подвигу мя поощряти. А еже намъ быти у него, патріарха, въ слушаніи и безъ разсужденія не прекословити ни въ чемъ, самое безза ное се дѣло... А еже реклъ еси, яко Никонъ патріархъ ожидаетъ отъ прощенія и истиннаго покаянія, долженъ убо самъ той просити отъ прощенія. А еже реклъ еси, о возлюбленне, яко Царь Государь полож свою душу и всю Русію на патріархову душу, не буди ему Государю мудрствовати». Потомъ, по возвращеніи изъ заточенія въ Москву, п попъ Нероновъ еще яснѣе объяснилъ лично самому патріарху Никон же причину своего возстанія: «со вселенскими патріархами», говорилъ Никону, «нѣсмь противенъ, яко же глаголеши ты; но тебѣ единому коряюся... мы тебѣ противны въ церковныхъ вещѣхъ. Патріархи тебѣ сали, что креститися тремя перстами подобаетъ, непокорящихся же клятвою и запрещеніемъ устроити заповѣдаша: аще ты съ ними соглаш азъ сему не противенъ; азъ убо подъ клятвою вселенскихъ патріар быти не хощу: да кая тебѣ честь, владыко святый, что всякому еси

[1]) Дополн. къ А. Ист. т. 5, стр. 459, 460.

нъ, и другъ другу грозя глаголютъ: знаете ли кто ты, звѣрь ли лютой, ъ или медвѣдь, или волкъ? Дивлюся: государевы-царевы власти уже слышать, отъ тебя всѣмъ страхъ, и твои посланники паче царевыхъ мъ страшны, и никто же съ ними смѣетъ глаголати что; аще силою озлобляеми кѣмъ, затвержено у нихъ: знаете ли патріарха? Не знаю, торый образъ или званіе пріялъ еси. Такъ ты и черниговскаго протопопа хаила проклялъ дерзостно, и скуфью съ него снялъ за то, что онъ въ игѣ Кирилла іерусалимскаго не дѣломъ положимъ въ двоестрочіи, что стіанамъ мученія не будетъ». Въ письмѣ къ царю Алексѣю Михайловичу, анномъ изъ заточенія въ 1654 г., Нероновъ также прямо высказываетъ, онъ стоитъ за свою братію — наказанныхъ Никономъ виновныхъ прооповъ и поповъ, ратуетъ противъ того, что напр. Никонъ слишкомъ ого судитъ и наказываетъ духовенство. Но особенно ясно выразился ъ возстанія, оппозиціи первыхъ расколоначальниковъ духовныхъ проъ п. Никона на соборѣ, созванномъ Никономъ въ 1653 или 1654 году, патріаршей крестовой палатѣ, изъ низшихъ духовныхъ властей—архидритовъ, игуменовъ и протопоповъ, по случаю суда надъ муромскимъ топопомъ Логиномъ, вслѣдствіе доноса на него муромскаго воеводы. ѣсь протопопъ Нероновъ и другіе его товарищи горячо заступались за гина и сильно, даже грубо упрекали Никона за то, что онъ слушалъ доносы на духовенство. Никонъ, какъ передаетъ Нероновъ, предъ лимъ собора, сказалъ: «я, кромѣ Евангелія, ни почему не сужу». А протоъ Нероновъ возразилъ ему: «во святомъ Евангеліи написано: любите іги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, а тебѣ кто и добра хощетъ, ы тѣхъ ненавидишь; а кто тебѣ огласитъ кого, хотя за пять сотъ верстъ, за тысячу, и ты вѣру имешь, послушавъ клеветы: такъ де они дѣлаютъ, іе де нечестивые, а Стефанъ де протопопъ и Іоаннъ имъ ворамъ потаотъ. Ты развѣ тамъ самъ былъ, своими очами видѣлъ, что такъ извѣешь на соборѣ». Патріархъ на этотъ дерскій упрекъ отвѣчалъ: «я сужу правиламъ св. апостоловъ и св. отцовъ». Протопопъ Нероновъ возразилъ: правилахъ написано: клеветникамъ вѣры не яти, а сыскавъ истинными дѣтелями клеветниковъ, наказанье чинити имъ безъ пощаденія. А тебѣ ветники въ явѣ клевещутъ на добрыхъ людей, а ты имъ вѣру имешь. ъ въ то время былъ крестовый протодіяконъ Григорій съ своими сотниками, Божій страхъ забывъ, многими укоризнами меня укорялъ, будто на моя неистова, а сынъ мой будто у чудотворнаго образа казанскія городицы серьги укралъ, а тѣ де серьги прикладъ государыни царицы, ы говоришь: такіе де вы воры. Такіе у тебя нынѣ въ крестовой палатѣ соборѣ совѣтники». Возставая противъ того, что п. Никонъ слушалъ кіе доносы о худыхъ поступкахъ духовенства и окружилъ себя особыми дзорщиками надъ его поведеніемъ, Нероновъ возставалъ также и противъ о, что строгій патріархъ отрѣшалъ отъ мѣстъ и почетныхъ должностей жнихъ протопоповъ и поповъ, и на мѣста ихъ ставилъ новыхъ, и что не уважалъ голоса московскихъ протопоповъ и поповъ, а слушалъ ѣты «чужестранныхъ», какъ онъ выражается, т. е. кіевскихъ иноковъ рсенія Грека. Здѣсь высказывается личное оскорбленное самолюбіе

Неронова и его братіи—единомышленниковъ, бывшихъ до того велико
нитыми московскими протопопами и занимавшихъ почетныя въ то вр
должности справщиковъ книгъ на печатномъ дворѣ. «Прежде сего»,-
говаривалъ онъ лично самому Никону,—»ты имѣлъ совѣтъ съ протопоп
Стефаномъ, и которые совѣтники и любимы были, и на домъ ты къ
топопу Стефану часто пріѣзжалъ, и любезно о всякомъ дѣлѣ совѣтов
когда ты былъ въ игуменахъ, въ архимандритахъ и въ митрополитах
которые боголюбцы посланы государемъ блаженныя памяти къ патр
сифу, чтобы ему поставити по его государеву совѣту, овыхъ въ митр
литы и въ архіепископы и епископы, иныхъ въ архимандриты, игу
и протопопы, а съ государевымъ духовникомъ Стефаномъ ты тогда
въ совѣтѣхъ, и не прекословилъ нигдѣ, и на поставленіи ихъ не говор
анаксіосъ, а нынѣ у тебя тѣ же люди недостойны стали, и прото
Стефанъ за что тебѣ врагъ сталъ? Вездѣ ты его поносишь и укоряе
друзей его раззоряешь, протопоповъ и поповъ съ женами и дѣтьми р
чаешь: до селѣ ты другъ намъ былъ, а нынѣ на насъ возсталъ. А к
ты раззорилъ, на ихъ мѣсто построилъ иныхъ; а коихъ ты отста
вины на нихъ положилъ, что они людей мучатъ, «такъ де ненадобно дѣл
говоришь. Властемъ зазираешь, а самъ безпрестанно мучишь, потому
государь тебѣ волю далъ». Заступаясь такъ открыто, ясно за братію—
шенныхъ отъ книгопечатнаго двора справщиковъ и вообще за волы
всего низшаго духовенства, Нероновъ, также какъ и прочіе товарищ
возставалъ въ тоже время противъ новыхъ замѣнившихъ ихъ уче
сотрудниковъ Никона—кіевскихъ иноковъ и ученаго Грека Арсенія
хвалишь законоположеніе иноземцевъ и обычаи тѣхъ пріемлешь», гов
онъ Никону: «нынѣ у тебя то и святые люди: Гречане и изъ малыя
и порочный Арсеній Грекъ, котораго благочестивый царь сослалъ
ловецкій монастырь, совѣтовавъ съ бывшимъ прежде тебя патр. Іос
а ты его взялъ изъ соловецкаго монастыря и устроилъ того, яко уч
паче же къ тисненію печатному правителя». Напрасно Никонъ го
ему въ защиту просвѣщеннаго старца Арсенія Грека, что на него н
ведливо наклеветалъ по ненависти старецъ Арсеній Сухановъ. Не
досадно было видѣть на прежнемъ своемъ мѣстѣ и на мѣстахъ
товарищей, великороссійскихъ протопоповъ, Арсенія Грека и кіе
иноковъ. Онъ жаловался царю: «нынѣ онъ, Арсеній Грекъ, взятъ къ М
и живетъ у п. Никона въ келліи, да и Никонъ его свидѣтеля вра
ставляетъ, а древнихъ великихъ мужей и св. чудотворцевъ свидѣте
отмѣняетъ. Охъ, увы! благочестивый царю! Стани добрѣ, церковно
и вонми плачу и моленію твоихъ государевыхъ богомольцевъ. И па
лимъ тя, государь, иностранныхъ иноковъ, ересей вводителей, въ
не принимай: зримъ бо въ нихъ, государь, ни едину отъ доброд
крестнаго знаменія на лицѣ истиннаго вообразити не хотятъ и сл
перстовъ блядословно противятся, на колѣни же поклонитися Гос
отъ покоя ради не хотятъ». Точно также и протопопъ Аввакумъ и
дьяконъ протестовали противъ Арсенія Грека и кіевскихъ иноковъ
дуя на то, что Никонъ предпочелъ послѣднихъ имъ. И такъ изъ

алобъ и протестовъ первыхъ расколоначальниковъ ясно открывается
льная, но строгая, безпристрастная историческая истина, что перво-
ю, при Никонѣ, расколъ возникъ въ духовенствѣ изъ чисто духовно-
тическаго начала, изъ стремленія весьма значительной части низ-
ховенства освободиться главнымъ образомъ изъ подъ власти, суда
ленія, по ихъ мнѣнію слишкомъ строгаго п. Никона, казавшагося
у духовенству вторымъ папою. Вотъ почему коренной, основной
тъ раскола и особенно его первоначальной проповѣди по го-
и селамъ составляетъ ненависть къ п. Никону. Духовный клери-
й или религіозный демократизмъ—вотъ первая ближайшая, перво-
ая причина происхожденія раскола именно отъ низшаго духо-

угая причина, почему не только духовенство, но и народъ такъ
ески взволновался и возсталъ противъ новаго церковнаго порядка,
аго Никономъ, заключается главнымъ образомъ въ томъ религіоз-
аправленіи умовъ и понятій вѣка, которое мы выше показали.
—въ томъ мистико-религіозномъ заблужденіи, что реформа Никона
чало давно ожидаемаго отпаденія великороссійской церкви, въ
а Малороссіею и древнимъ Римомъ, отъ православія къ латинству,
у, по убѣжденію русскихъ XVI и XVII вѣковъ, антихристову уче-
чало того самаго отпаденія, какое предсказано было въ книгѣ о
которое, по лже-апокалипсическимъ вычисленіямъ книжниковъ
ка, падало на время между 1660 и 1666 годами. Что именно это
елигіозное, суевѣрно-мистическое мнѣніе вѣка главнымъ образомъ
вляло первоначально суевѣрный народъ къ возстанію, это опять
видно изъ всѣхъ возгласовъ и фанатическихъ воплей первыхъ ра-
ковъ. «Вся сія быша», вопіяли они всѣ единогласно, повторяя одно
«да сбудется писаніе, яко по тысящѣ лѣтъ Римъ отпаде, яко же
вѣрѣ глаголетъ, и по 600 лѣтѣхъ малая Русь отступи къ Риму,
лѣтѣхъ и великая Русь превратися въ разная нечестія и не-
многи» [1]). «Никонъ, кричали изувѣры, совершенно остави вѣру
скую и возлюби ересь бого-отметную римскую и равенъ есть пат-
ъ папою Петромъ Гугнивымъ еретикомъ, яко христоименитую вѣру
ь съ латыною соедини, и явный есть христіанъ гонитель и папеж-
нитель» [2]). Одно за другимъ появлялись сочиненія объ антихристѣ
гались къ Никону и его великимъ дѣламъ, такъ какъ и папу
и антихристомъ, а слугъ и проповѣдниковъ его—проповѣдниками

обр. соч. и писемъ первыхъ расколонач. ркп. Каз. Д. Акад.
Допол. къ Акт. истор. V, стр. 449. Въ одной новой повѣсти о Никонѣ тоже
ется, что онъ „едино точію въ разумѣ имѣлъ—древнее отеческое благочестіе
и, а инославное римское нечестіе утвердити“. Эта мысль общая въ расколѣ.
вали Аввакумъ, Денисовъ и другіе расколоучители. Въ книгѣ Собраніе отъ
ія сказано: „послѣднее отступленіе третіяго Рима при Никонѣ воздвижеся:
отъ того времени и прореченный антихристъ, отступленіе нареченный, по-
уже временствуетъ“. Истинно-древняя и истинно-православная церковь Хри-
д. 3. ч. II, стр. 3.

антихристовыми [1]). Это-то ложное, мистико-фанатическое воззрѣні
исправленія Никона, какъ на уклоненіе въ латинство, какъ на повшес
римское, антихристіанское, проистекшее единственно отъ непонима
православнаго духа реформы Никона и отъ незнанія латинства, отъ
безотчетной, фанатической ненависти къ латинству, какая развилась
вѣковой съ нимъ борьбѣ, и сбило съ толку народъ и взволновало, воз
тило его религіозное чувство, не просвѣщенное разумнымъ христіански
сознаніемъ, «зане», какъ говорили отцы собора 1667 года, «отъ многи
отъ народа вниде мнѣніе, яко ересьмы многими и антихристовою скверн
осквернены церкви и чины и таинства, и послѣдованія церковныя»
Сбившіеся съ пути здравомыслія суевѣры, утвердившись въ томъ мисти
фанатическомъ убѣжденіи, что исправленія Никона суть уклоненіе
православія въ латинство, суть новшество антихристіанское, отсюда
чали развивать всю систему раскола и раскольническаго ученія объ
тихристѣ, и терялись въ мистико-фантастическихъ гаданіяхъ о послѣд
щихъ временахъ русской церкви. Другъ друга съ недоумѣніемъ спраш
вали, другъ другу писали о духѣ новаго времени, о имѣющихъ бы
большихъ перемѣнахъ въ русской церкви и русскомъ государствѣ. «В
до меня доходятъ слухи», такъ писалъ напр. одинъ суевѣръ изъ чи
первыхъ раскольниковъ къ расколоначальнику Неронову въ 1653 или 1
годахъ,—«что скоро будутъ еще нѣкоторые новые раздоры: мнѣ кажет
что сбудется то, что предсказано въ книгѣ о вѣрѣ, въ которой пише
о отпаденіи запада и объ отступленіи Унитовъ отъ св. восточной цер
къ западному костелу, по числу лѣтъ антихристовыхъ: ибо въ этой кн
повелѣно и намъ опасатьея того же, кода исполнится отъ воплоще
Сына Божія 1666 лѣтъ. Вотъ это число лѣтъ нынѣ исполняется, а
доры, какіе предсказаны въ упомянутой книгѣ, вводятся» [3]). Этотъ обр
мыслей проникаетъ рѣшительно всѣ раскольническія сочиненія, начи
отъ Аввакума и до позднѣйшаго времени. Отсюда развивалось то
стико-фанатическое направленіе раскола, тотъ ложно-православный
стико-апокалипсическій образъ мыслей, который съ этого времени, к
сейчасъ увидимъ, будетъ исходнымъ пунктомъ, оболочкой всего раск
ническаго ученія и раскольнической оппозиціи, и который доселѣ про
каетъ расколъ. — Такимъ образомъ религіозный, клерикальный демо
тизмъ низшаго духовенства и суевѣрный, ложно-апокалипсическій взгл
на исправленія Никона, какъ на давно предсказанное уклоненіе цер
русской отъ ея древняго православія къ латинству — вотъ два но
основные элемента, выразившіеся въ расколѣ при п. Никонѣ, подъ ф
мой религіозно-обрядовой секты.

3. Но возникши первоначально въ сферѣ религіозной, церков
расколъ, однакожъ, не остановился на этомъ; потому что духъ врем

[1]) Такъ діаконъ Θеодоръ разсылалъ посланія о правой вѣрѣ и объ антихр
монахъ Θеоктистъ сочинилъ слово объ антихристѣ.

[2]) Дополн. къ А. И. т. V, стр. 460.

[3]) Письмо одного изъ первыхъ раскольниковъ къ Неронову — въ ркп. Ка
Академіи.

ключалъ въ себѣ много элементовъ для дальнѣйшаго развитія и усиленія . Вскорѣ послѣ паденія Никона, въ то-же царствованіе Алексѣя Милловича, особенно съ 1666 года, этого роковаго года, по мистико-апоиписическимъ понятіямъ суевѣрныхъ русскихъ людей XVII вѣка, раълъ перешелъ въ сферу гражданской, народной жизни, и здѣсь полуъ новую жизнь, силу и направленіе, и принялъ характеръ уже не исто духовно-демократическій и мистико-фанатическій, какой принялъ ь съ самаго начала при патр. Никонѣ, но уже чисто народно-гражданскій. слѣ рокового 1666 года, когда на великомъ патріаршемъ соборѣ московмъ окончательно довершено и утверждено было великое дѣло Никона, нались народные гражданскіе бунты, подъ знаменемъ раскола. Съ этого емени расколоначальники подняли свой мятежный голосъ уже не провъ одного напр. Никона, но и противъ царя Алексѣя Михайловича. И ш раскольническіе писатели съ этого времени полагаютъ вторую, такъ азать, эпоху въ исторіи раскола. «Отъ лѣтъ по числу 1666-му, говорятъ , конецъ пріяша пророчествія: егда по тысящи лѣтъ развязанъ бысть тана отъ темницы своея, нападе на великую монархію Римскую, и поеба и разруши оныя седмистолпныя утвержденія; и паки на вторый мъ пріиде въ 1600 году, а въ 66 лѣто и Русія тому же паденію поревала, и тако исполнися число звѣря 1666 лѣтъ: царь Алексѣй Михайвичъ съ Никономъ отступи отъ св. православныя вѣры, и всю церковь кію отъ всего благолѣпія обнажи и бысть вмѣсто владыки мучитель». вившись однажды съ прямого историческаго, истинно-церковнаго пути, ердившись въ томъ ложномъ мистико-фантастическомъ убѣжденіи, что вый духъ времени, характеризующійся стремленіемъ церковнаго и гражскаго правительства къ исправленію и улучшенію внутренней жизни ссіи, ознаменовавшійся въ самомъ началѣ царствованія Алексѣя Михайвича рѣшительными, церковными исправленіями Никона, утвердившись, оримъ, въ той ложной мысли, что этотъ новый духъ времени есть духъ православно-христіанскій, латинскій, антихристіанскій, отсталые, суеоные поборники стараго духа времени, и во всемъ дальнѣйшемъ разви, усиленіи и проявленіи новаго, преобразовательнаго духа времени дѣли дальнѣйшее развитіе, усиленіе и проявленіе духа антихристіанскаго, тинскаго, противо-церковнаго. И такимъ образомъ все съ большимъ и льшимъ фанатизмомъ усиливались и возставали уже не только противъ ркви, но и противъ государства, и не противъ однихъ церковныхъ правленій Никона, но и противъ гражданскихъ преобразованій и новоеденій. Первыя сѣмена такого направленія раскола положены были кже самими первыми расколоначальниками, главными, передовыми инщиками многосложной оппозиціи, поднятой расколомъ. Главный сколоучитель протопопъ Аввакумъ съ горестію восклицалъ: «охъ, бѣдя Русь, чего-то тебѣ захотѣлось латинскихъ обычаевъ и нѣмецкихъ ступокъ». Въ сочиненіи «о паденіи благочестія» онъ вопіетъ противъ еси и уклоненія отъ древняго благочестія и обличаетъ ее словами свящ. санія: «почти себѣ, говоритъ онъ, пророка Софонію, третію главу: онъ ѣ возвѣститъ, что случится отъ Бога измѣняющимъ ризы». Въ отвѣт-

номъ посланіи къ Андрею Плещееву онъ возстанетъ противъ иностранныхъ, латинскихъ и греческихъ книгъ, какія пріобрѣлъ Никонъ для расширенія круга духовнаго просвѣщенія въ Россіи, и какія переводимы были въ царствованіе Алексѣя Михайловича для гражданскаго образованія. «Нынѣ, жалуется онъ, расколы творятъ книги еретическія отъ римлянъ, отъ парижанъ, отъ венетовъ, прочее умолчу до времени». Ѳеодоръ дьяконъ въ «посланіи отъ заточенія о нуждахъ надлежащихъ ко спасенію» также оплакиваетъ конецъ древней Россіи, въ предчувствіи приближавшагося преобразованія Россіи Петромъ Великимъ и его преемниками: «иного отступленія, говоритъ онъ, уже не будетъ: везде бо бысть послѣдняя Русь: здѣ бо и отъ сего часа на горшая происходити будетъ царьми неблагочестивыми». «О прелесте», восклицаетъ онъ въ «отвѣтномъ посланіи по вопрошенію къ другу нѣкоему о познаніи антихристовой прелести», «о прелесте! понеже еси пестра: скверные поляки, нѣмцы и прочіе безбожные языки яко благодѣи пріемлются и честію велію почитаются... сплелись западные съ восточными». Точно также расколоначальники возставали противъ того, что при дворѣ царя Алексѣя Михайловича нѣкоторые русскіе и иностранцы занимались западными науками; напр. астрономіей, философіей, медициной и даже противъ того, что царскія дѣти, особенно царевичъ Петръ и царевна Софія, воспитывались уже въ новыхъ понятіяхъ, въ понятіяхъ преобразованія, и подъ вліяніемъ иностранцевъ. Ѳеодоръ дьяконъ упрекаетъ царя Алексѣя Михайловича за то, что онъ будто бы «алманашниковъ любитъ». А попъ Лазарь взывалъ къ царю въ сочиненіи «о изгубленіи правовѣрныхъ государей власти»: «царю благородный! како времени сего не испытуешь: имѣеши у себѣ мудрыхъ философовъ, разсуждающихъ лица небесе и земли, и звѣздъ хвосты аршиномъ измѣряющихъ: сихъ Спасъ глаголетъ лицемѣры быти, яко времени не изгадаютъ. Государь! таковыхъ ли въ чести имаши и различными брашны питаеши и хощеши внѣшними ихъ плеухами власть свою мирну управити! Ни, ни! Ветхій законъ стѣнь благодати есть: егда въ законѣхъ отеческихъ неотступно пребываху, того ради вся благая отъ Бога пріимаху; а егда въ законѣхъ отеческихъ блудствоваху, того ради вся злая бываху имъ. Подобаетъ ти, Царю, заповѣдати благороднымъ чадомъ своимъ, да пребываютъ въ законѣхъ отеческихъ во вѣки неотступно». Такъ ясно; еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича, при самыхъ первыхъ расколоначальникахъ, расколъ возставалъ уже противъ новаго, западно-преобразовательнаго духа, все болѣе и болѣе обнаруживавшагося въ гражданской жизни Россіи.

Причина такого новаго, гражданскаго направленія раскола въ царствованіе Алексѣя Михайловича, очевидно, заключается въ гражданскомъ состояніи Россіи въ XVII вѣкѣ и особенно въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Въ XVII вѣкѣ гражданское правительство наше путемъ вѣкового опыта дошло до убѣжденія, что для лучшаго благоустройства и процвѣтанія Россіи въ средѣ другихъ европейскихъ государствъ необходимо ближайшее знакомство и общеніе съ ними, необходимо заимствованіе плодовъ западно-европейской гражданственности для послѣдующаго болѣе

ширнаго, всесторонняго самостоятельнаго развитія умственной, граж-
ственной, промышленной жизни русскаго народа,—словомъ, необходимо
стороннее духовное и матеріальное развитіе Россіи, только такъ, чтобы
енное начало старинной русской жизни, православно-церковное, ожив-
о все это, проникало, всему давало свой духъ и силу. Но къ сожа-
нію, эту необходимость всесторонняго просвѣщенія и развитія Россіи,
бходимость заимствованія благоустроенной западно-европейской граж-
ственности въ XVII вѣкѣ сознавало только правительство, мудрые
удари московскіе и немногіе лучшіе, передовые люди XVII вѣка. А
са, народъ коснѣлъ въ своей старинной исключительности и односто-
нности. Въ многозначительное въ исторіи русской царствованіе Бориса
унова, такъ сказать, прообразовавшее царствованіе Петра Великаго,
алось было преобразованіе Россіи, вызывались просвѣщенные евро-
цы для наученія русскихъ западно-европейской гражданственности,
али вводиться новые, лучшіе обычаи въ жизнь русскую; но русскіе
ре, духовенство и народъ, мыслившіе совершенно въ духѣ старины,
тавили оппозицію, возопили противъ того, будто бы Борисъ хотѣлъ
чтожить, подавить русскую вѣру и народность иноземными началами [1].
ея преобразованія, давно сознанная правительствомъ, не была переве-
а предварительно въ народное сознаніе. Глубокое сознаніе недостат-
въ умственной, нравственной, общественной, государственной жизни
сіи въ XVII вѣкѣ, такъ громогласно высказавшееся въ многочисленныхъ
вительственныхъ актахъ, далеко не проникало весь народъ. Націо-
льное сознаніе массы, народа почти всецѣло проникнуто было духомъ
рины и устремлено было не впередъ, а назадъ, къ преданіямъ древней
сіи XV или XVI вѣка. При такихъ обстоятельствахъ, въ многозначи-
льное царствованіе Алексѣя Михайловича, когда при п. Никонѣ и на соборѣ
57 года окончательно, глубоко сознана и выражена была необходимость пол-
го, всесторонняго исправленія церковнаго порядка, а въ соборномъ уложе-
Алексѣя Михайловича и во многихъ знаменитыхъ актахъ явственно выра-
лась идея новаго государственнаго порядка и устройства, когда въ слѣдъ за
ревичемъ Петромъ, лучшіе люди эпохи воспитывались уже въ началахъ
еобразованія, въ это царствованіе начались съ особенною силою съ жи-
ю энергіею, нѣкоторыя преобразованія и нововведенія, по образцамъ
падно-европейскимъ, вопреки духу русской старины, въ которой коснѣлъ
родъ. Такъ, въ первой половинѣ XVII вѣка въ русскомъ народѣ господство-
ло глубокое предубѣжденіе противъ иностранцевъ; смотря на нихъ, какъ
еретиковъ, «поганыхъ, зловѣрныхъ, русскіе за грѣхъ почитали даже
ть и пить съ ними изъ одной посуды [2]; не смотря на то, въ царство-

[1] Буссовъ.

[2] Иностранцевъ называли зловѣрными, безбожными и т. п. см. патр. П. С. Р. Л. т. III, 283—305; т. V, стр. 52 и 73. Петрей (бывшій въ Россіи въ 1600—1612 г.) говоритъ въ ей Chronic. Moscovitic. p. 311: Die Reusser in ihren Sinn und Herzen so aufgeblasen und htrabent seyn, das *sie alle andere Nationen verachten*. Буссовъ (бывшій въ Россіи 1601—1617 оворитъ въ своей хроникѣ, p. 39: Die Reussen *fremde Nationen paganische* heissen. ому-то бояре, князья и народъ, когда увидѣли вокругъ Бориса и особенно вокругъ

ваніе Алексѣя Михайловича общеніе съ иностранцами, уже значит
развившееся къ предшествовавшія царствованія [1]), все болѣе и
возрастало, и приливъ служилыхъ иноземцевъ: докторовъ, аптекарей
женеровъ, офицеровъ, фабрикантовъ, увеличивался съ каждымъ годо
Иностранцы обучали регулярному европейскому строю возникавшее въ
ствованіе Алексѣя Михайловича постоянное русское войско; иностран
давались привиллегіи для учрежденія фабрикъ и заводовъ и проч
старинному воззрѣнію, русскіе люди знаніе иностранныхъ языковъ по
ляли въ тѣсной связи съ вѣрою, такъ что когда царь Борисъ Годунов
тѣлъ ввести въ Россіи нетолько училища, но и университеты, для препо
нія разныхъ иностранныхъ языковъ, и съ сею цѣлію приглашалъ въ М
ученыхъ людей изъ Германіи, Италіи, Испаніи, Франціи, Англіи, то
венство, по словамъ Буссова и Петрея, представило царю, что ес
Россіи настанетъ разноязычіе, то нарушится старое единовѣріе [3]). Въ

Димитрія Самозванца Нѣмцевъ, Поляковъ и другихъ иностранцевъ, возненав
ихъ за это. Палицынъ также съ предубѣжденіемъ говоритъ объ иностран
о Москвитянахъ, имѣвшихъ съ ними общеніе: „содружничество Москвичанъ
тихристовыми проповѣдниками съ Поляками и съ Лютерами всѣмъ языкомъ
смѣхъ быстъ". Сказаніе Араама Палицына стр. 38. Буссовъ въ своей хроникѣ
ритъ также о предубѣжденіи монаховъ и священниковъ противъ иностранцев
Въ половинѣ XVII вѣка были даже народныя возмущенія противъ проживавши
Россіи иностранцевъ.

[1]) Приливъ иностранцевъ въ Россію, къ неудовольствію русскихъ, стал
растать въ царствованіе Бориса Годунова. Буссовъ пишетъ о Годуновѣ: „Den
schen, (so bey des Iwan Basilowiz Zeiten aus Liefland dahin ins Land gefänglic
führet, und an einem lustigem Orte bald eine halbe teutsche Meile von dem Kayser
Schlosse ab zusammen wohneten und gute Nahrung hatten, ihrer viel dem Kay
Felde dienten und darum mit guten Landgütern begabet waren), gab Boriz frey
Gottes-Dienst in ihren Häusern zu halten. Und damit er unter seinen Untert
künftig auch mögte weise und verständige Leute haben, hat er dem ganzen Lan
Gnade und Freiheit angeboten, dass er wollte aus Teutschland, Engeland, Spanien,
reich, Italien etc. gelehrte Leute verschreiben und in allerlei Sprachen Schulen
lassen... Anno 1660 verschreibt der Kayser aus Teutschland etliche Doctores med
und Apothecare. Ихъ выписано было числомъ 6. So wurden auch die Herren Do
von Kayser in hoher Estimation gehalten, als der grösseste Knees und Boyar...
cembr. (1601 Ir.) wird den neuen Teutschen in ihrem besten Habit auf den morg
Tag kayserliche Augen zu sehen". Борисъ велѣлъ имъ являться къ нему непре
въ ихъ національной одеждѣ. Bey euerm glauben, Religion und Gottes-Dienst
wir, говоритъ онъ имъ, euch lassen, so frey als es ihr in euerm Vaterlande geha
bet". Bussovii Chronicon p. 9, 10. 11, 14. Димитрій Самозванецъ, по словамъ Бу
также die Teutschen liebte und Heerführer die Fremden liebte mehr, als seine Re
Ausländer, замѣчаетъ онъ, allzu viel waren eingelassen p. 6, 33, 44. Русски
весьма не нравилось: они думали, по словамъ Буссова, что подлѣ Нѣмцевъ и
ковъ, alle Russen müssten verschwinden. Въ царствованіе Михаила Θеодорови
болѣе и болѣе призываемы были въ Россію служилые иноземцы. См. набр. Собр.
грам. ч. III, № 81. А. И. т. 3 № 225, 226, 228, 236, 242, 244 и др.

[2]) Дополн. къ А. Ист. т. III, № 2, № 49, № 65, № 69, № 121, т. IV № 4
3. т. III, № 226, 228, 230, 231, 233, 235, 237, 239, 246, 293, 301.

[3]) Die Geistlichen wollten, говоритъ Петрей, es durchaus nicht verstatt
darein verwilligen, sondern brachten vor, ihr Land wäre weit und gross, einig
Religion, Sitten und Sprachen: würden die Moscowiter andere Sprachen und

ованіе Алексѣя Михайловича, не смотря на это предубѣжденіе, нѣкорые начали учиться иностраннымъ языкамъ. Знаменитый бояринъ Аѳасій Ордынъ-Нащокинъ зналъ языки латинскій, французскій, нѣмецкій нѣкоторые другіе; у боярина А. С. Матвѣева сынъ, по словамъ Лизека, ился у иностранцевъ языкамъ и разнымъ наукамъ. При п. Никонѣ уже ществовали въ Москвѣ училища не только греческаго, но и латинскаго ыка. Въ посольскомъ, иноземскомъ и аптекарскомъ приказахъ служили сскіе переводчики, которые также болѣе или менѣе знакомы были съ ропейскими языками. По вѣковой русской старинѣ, въ русскихъ домахъ семействахъ господствовали обычаи и правила Домостроя; и народъ ихъ ято чтилъ, какъ «законъ христіанскаго жительства»; перенимать «иноемскіе извычаи» или «нѣмецкіе скверные обычаи», какъ тогда выраались, считалось противнымъ православію, грѣхомъ; кто перенималъ иностранные обычаи, того называли поганымъ [1]). При Алексѣ Михайловичѣ, ри дворѣ и въ домахъ частныхъ людей являлись новые, западные обычаи, — напр. украшеніе комнатъ картинами и портретами, театральныя редставленія, оркестръ музыки, танцы, бо́льшая простота, мягкость и непринужденность свѣтскаго обращенія и угощенія, исключавшаго прежнюю рубую восточную обрядность и формализмъ и т. п.; домъ А. С. Матвѣева ылъ въ то время училищемъ новаго европейскаго, велико-свѣтскаго образованія.—Въ XVI и XVII вѣкѣ народъ нашъ ни за что не хотѣлъ проѣнять на нѣмецкія или вообще иноземныя свои старинныя одежды: афтаны, полукафтаны, кожаны, опашни, сѣрмяги, ферязи, однорядки, кошники, накидки, повойники и т. п. Русскіе хотѣли отличаться отъ инорацевъ въ самой одеждѣ, на томъ основаніи, что ихъ вѣра и нравы тличны отъ вѣры и нравовъ «поганыхъ иноземцевъ». Въ одномъ сборикѣ соловецкой библіотеки XVII вѣка находится длинное обличительное оученіе русскимъ людямъ того вѣка, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: «братія моя возлюбленная, бѣда и скорбь и погибель роду христіанкому: отлучився вѣры православныя, измѣнивше благовѣрному царю и осударю своему, и возлюбивъ слабую и прелестную и незаконную латинкую и многихъ ересей вѣру и позавидѣхомъ ихъ иновѣрнымъ ризамъ, отъ лавъ и до ногъ, и всего ихъ обычая: и то не разумѣхомъ, чему отъ неѣрныхъ порадѣемъ, а послѣ тому со слезами поработимъ; а Богъ не поелѣ на невѣрныхъ ризы и на ихъ обычаи вѣрнымъ человѣкомъ взирати завидѣти: понеже Богу мерзко беззаконное шитье ихъ и обычай ихъ ерзокъ и непріятенъ» [2]). Несмотря на то, въ царствованіе Алексѣя Миайловича, нѣкоторые московскіе бояре стали «носить платье, кафтаны и шапки съ иноземскихъ образцовъ» [3]). Равнымъ образомъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича нѣкоторые бояре, по примѣру иностранцевъ, начали

---

rnen, *dürfte grosser Zanck und Uneinigkeit unter ihnen erwachen und dadurch von ihrer lten grigchischen Religion abfallen*, und dess Landes Untergang hieraus erfolgen. Petre hron. Moscowit. x. 156.

[1]) Bussowii Chron. p. 46.

[2]) Сборн. Солов. Библ № 923 въ концѣ.

[3]) П. С. З. т. I, № 607.

себѣ брить бороды и стричь волосы, также вопреки господствовавш въ народѣ суевѣрному предубѣжденію противъ брадобритія [1]). Въ XVII в въ большей части русскаго народа еще господствовало отвращені употребленія табаку, какъ богомерзской травы: въ сборникахъ того мени помѣщались иногда статьи «о богомерзской и проклятой и б ской табакѣ» [2]); разсказывались повѣсти, какъ самъ всемилостивый С и святая Богородица являлись будто бы даже женщинамъ и грозно ворили: «будетъ христіане почнутъ пити табакъ, будетъ на землю ка много испущу съ небесъ, молніе огненное, ледъ и мразъ лютый спущ страдное время» [3]). Но въ царствованіе Алексѣя Михайловича, воп такому предубѣжденію противъ табака, не смотря даже на строгое з щеніе сѣянія и продажи табака въ Россіи (послѣдовавшее въ 1661 г табакъ болѣе и болѣе входилъ въ употребленіе: куреніе его, по свидѣ ству Гюимьежа, было распространено даже въ простомъ народѣ и слу для него любимымъ развлеченіемъ. А въ первые годы царствованія Ал Михайловича даже дозволялось продавать его [4]). Всѣ эти и подобныя визны, переходившія къ намъ съ запада, весьма не нравились закор лымъ приверженцамъ русской старины, привыкшимъ жить по вѣко порядку и смотрѣть на всѣ старинные русскіе обычаи, какъ на освяще вѣрою, казались ересью, признакомъ уклоненія отъ православія. На по этимъ признакамъ новаго духа времени, предчувствовалъ тотъ пе ротъ, который долженъ былъ скоро совершиться во всемъ нашемъ граж скомъ образованіи, во всемъ нашемъ обществѣ: неразсудительные ру люди, привыкшіе жить въ своей національной замкнутости и искл тельности, думали, что подлѣ наѣхавшихъ въ Россію иностранцевъ, цевъ, латиновъ, они не могутъ остаться прежними, православными скими людьми, что съ новыми иноземными обычаями общежитія дол исчезнуть старые благочестивые, религіозные русскіе нравы и обы Духовенство и глава духовныхъ, престарѣлый святитель, патр. Іосиф болѣзнію сердца смотрѣли на это и предостерегали духовенство и на отъ новыхъ чужестранныхъ обычаевъ: «въ коейждо странѣ свои обы писалъ патр. Іосифъ въ окружномъ поученіи духовенству и мірянам приходитъ чужой законъ въ другую страну, но каждая своего обыча конъ держитъ» [5]). Даже весьма умные свѣтскіе люди не совсѣмъ б пріятно смотрѣли на иноземные обычаи. Знаменитый Ордынъ-Нащо говорилъ: «что намъ за дѣло до обычаевъ иноземныхъ; ихъ платье н насъ, а наше не по нихъ». Само правительство, видя неразумное п бѣжденіе народа противъ иноземныхъ обычаевъ и новинъ, останавли иногда людей, слишкомъ предавшихся западнымъ новизнамъ и обычая

[1]) Берхъ, царствованіе Алексѣя Михайловича, стр. 289.
[2]) Опис. Рум. Муз. стр. 426.
[3]) Сборн. Солов. Библ. № 925 л. 42 чюдо съ женою Өеклы Спиридоновой до бывшее въ 1641 г.
[4]) Допол. въ А. Ист. т. III, № 10. 38.
[5]) Ркп. В. И. Григоровича.
[6]) П. С. З. т. I, стр. 1007.

ько правительство и люди благомыслящіе отвергали не всѣ иноземные
визны, а только нѣкоторыя, излишнія и безполезныя или даже вредныя
народа. Такой общенародный взглядъ на иноземныя новизны сильно
сполагалъ народъ къ расколу старообрядства, когда расколоначальники
могласно возстали противъ этихъ иноземныхъ нововведеній и объявили
ъ предъ народомъ противными православной вѣрѣ и древле-церковному
скому благочестію. Такимъ образомъ расколъ съ быстрымъ успѣхомъ
спространялся, и къ концу XVII вѣка, еще до преобразованія Россіи
тромъ Великимъ, уже составилась многочисленная секта мнимыхъ ста-
обрядцевъ. Въ концѣ XVII вѣка одинъ за другимъ возникали бунты
рѣлецкіе, поджигаемые раскольниками, и въ этихъ бунтахъ мятежные
внители старины громогласно высказывали, чѣмъ они были недовольны,
что они ратуютъ: «будто бы въ Россіи уставлена новая вѣра, велятъ
няться болванамъ и носить нѣмецкое платье, брить бороды, выдавать
скихъ дѣвицъ за нѣмцевъ, и проч., за что бы, конечно, стрѣльцамъ
тупиться, а паче за вѣру свою православную» [1]).

Наступилъ XVIII вѣкъ. Въ царствованіе Петра Великаго, по поводу
преобразованій въ Россіи, расколъ еще болѣе усилился, осложнился и
но и окончательно принялъ характеръ религіозно-національно-демокра-
ескій [2]). Петръ Великій, посланный Провидѣніемъ довершить давно
лаемое московскими государями, необходимое для блага Россіи сбли-
ніе ея съ западною Европою, дать народу русскому болѣе живое и
ширное образованіе умственное и общественное, началъ рѣшительно и
дикально устроять Россію по началамъ и образцамъ западно - европей-
й гражданственности, и требовалъ, чтобы народъ русскій подражалъ
имъ образцамъ. Но великій преобразователь отнюдь не хотѣлъ чрезъ это
колебать или измѣнить господствующаго начала духовной жизни Россіи—
ы, христіанства. Онъ оставлялъ это начало неприкосновеннымъ въ сво-
ь преобразованіяхъ. Но неразумные ревнители старины не обращали на
вниманія, не понимали этого. Они незнали и той непререкаемой
тины, что церковь и христіанство отнюдь не исключаютъ ни полезныхъ
жданскихъ преобразованій, ни просвѣщенія, напротивъ еще возвы-
ютъ, освящаютъ, облагораживаютъ ихъ своимъ животворнымъ влія-
мъ, что христіанскія общества даже должны стремиться къ благо-
троенію самой внѣшней, гражданской жизни своей, только все это
гражданскихъ обществахъ должно быть основано на краеугольномъ
инѣ христіанства—на Евангеліи, только все просвѣщеніе должно быть
рено истиною Христовою. Не зная этой истины, отсталые, запоз-
лые ревнители старины смотрѣли съ своей ложно - религіозной, ми-
ко-апокалипсической точки зрѣнія. Потому окончательное, всестороннее
образованіе древняго національнаго порядка и устройства Россіи Петромъ
ликимъ возбудило въ нихъ окончательное, рѣшительное, фанатическое

[1]) Чтен. Моск. Общ. Истор. № 7, 1846, стр. 81, и исторія о донскихъ казакахъ.

[2]) Гражданско - демократическій элементъ раскола будетъ раскрытъ съ воз-
ною полнотою въ пятой главѣ настоящаго сочиненія.

упорство и противодѣйствіе, какъ окончательное, по ихъ ложно-апокал
ческому, мистико-фантастическому воззрѣнію, проявленіе новаго, преоб
вательнаго, антихристіанскаго духа, начавшаго господствовать въ Росс
времени Никона. Въ 1700 году въ Москвѣ поднялся ропотъ противъ преоб
ваній Петра Великаго: раскольники распространили молву, что настало
антихристово, что Москва—Вавилонъ, а жители—Вавилоняне, слуги
христовы, сыны погибели. Суевѣрные вѣрили такимъ нелѣпымъ рас
ническимъ толкамъ, и толпами бѣжали изъ православныхъ город
селъ, какъ изъ царства антихристова, въ скиты и пустыни раскольн
скія, какъ въ мѣста спасенія, яко бы чуждыя еретическихъ новинъ
земныхъ, и процвѣтавшія древле-церковнымъ благочестіемъ. Въ 1701
возсталъ и возбуждалъ народъ къ бунту раскольникъ Талицкій, ра
странялъ ложныя письма о пришествіи антихристовѣ «съ великою зл
и бунтовскимъ коварствомъ» [1]). Въ первые годы царствованія Петра
каго раскольники постоянно возбуждали бунты противъ Петра м
стрѣльцами и донскими казаками, и въ этихъ бунтахъ раздавался к
что Петръ будто бы «увѣровалъ въ нѣмцевъ». Однимъ изъ главныхъ
мысловъ ихъ было «нѣмецкую слободу раззорить и иноземцевъ
порубить» [2]). Раскольники неоднократно покушались даже на жизнь
каго преобразователя. Вообще, всматриваясь въ дѣйствія раскольни
при Петрѣ Великомъ и вслушиваясь въ ихъ протесты противъ реф
Петра, мы находимъ, что при Петрѣ Великомъ расколъ, подъ формо
лигіозно-обрядовой секты, явно, окончательно принялъ религіозно-м
ческій характеръ *національно-гражданскаго демократизма*, религіозно-н
ной оппозиціи противъ новаго правительства, противъ устроенно
западно-европейскимъ началамъ Имперіи, это послѣдняя фаза его м
сложнаго развитія, какой онъ достигъ въ первой половинѣ XVIII
съ 1666 года и со времени реформы Петра. Выслушаемъ терпѣливо
дующую челобитную раскольниковъ XVIII вѣка противъ реформы
Великаго, въ которой ясно высказывается этотъ духъ раскола. «Мы»,
рили раскольники XVIII вѣка, «сматряюще не дремательнымъ око
знаваемъ, яко отъ лѣтъ по числу 1666-му конецъ пріяша пророчест
совершенное всея злобы исполненіе исполнися на Петрѣ: егда испо
число звѣря 1666 лѣтъ, въ то лѣто царь Алексѣй Михайловичъ съ
номъ отступи отъ св. православной вѣры, а послѣ его въ третьихъ
царствова на престолѣ всея Русіи сынъ его первородный Петръ, и
превозноситися паче всѣхъ глаголемыхъ боговъ, сирѣчь помазани
и нача величатися и славитися предъ всѣми, гоня и муча правосла
христіанъ и распространяя свою новую вѣру, и церковь по всей
въ 1700 году возобнови; уничтожи патріаршество, дабы ему едином
ствовати, не имѣя равнаго себѣ, дабы кромѣ его никакихъ дѣлъ в
рили, но имѣли бы его единою превысочайшею главою, судіею всей
пріялъ на себя титлу патріаршескую, и именовася отецъ отечества и

[1]) П. С. З. т. VI, стр. 495.
[2]) П. С. З. т. III, № 1648.

ве Россійскія и бысть самовластенъ, не имѣя никого себѣ въ равенствѣ, итивъ на себя не точію царскую, но и патріаршую власть, и нача себя чати и славити, возвышаяся на всяка возобновленія; въ 1700 году а весь свой поганый синклитъ въ 1-й день Генваря мѣсяца и постави ъ идолу ветхоримскому, Янусу, и предъ всѣмъ народомъ нача творити са, подъ видомъ фавмазіи, и вси воскликнуша ему единогласно: ви-, виватъ новый годъ! отъ того дни разосла своя указы во всю Русію, лѣ праздновати новое лѣто, разрушая законную св. отецъ клятву, иже ервомъ вселенскомъ соборѣ положенную праздновати новое лѣто въ 1-й Сентября мѣсяца, разрушая сію законную клятву, и при томъ своемъ овскомъ собраніи поздравленіе пріятъ за Императора Августѣйшаго, ечь надъ всѣми обладателя. Оле, благоразумная чада, вонмите здѣ, у ежегодно празднуете новый годъ? Всѣ Господніи лѣта истреблени, ганины извѣщены, во истинну исполнися здѣсь тайнозрительное откро- и власть перваго звѣря всю творити предъ нимъ, и творяше землю я живущая на ней да поклонятся ему. Удалятися и бѣгати подобаетъ во антихристово время отъ еретическихъ жертвъ, понеже въ откро- і Іоанна Богослова, во главѣ 12, писано, яко церковь побѣжитъ въ ыню, вѣрніи христіане, истиніи раби Христовы побѣжатъ въ горы и епы, и спасутся. Понеже Петръ нача гонити и льстити и искореняти нокъ въ Русіи православную вѣру, своя новыя умыслы уставляя, нова нноположенія полагая, по духовному и по гражданскому расположенію ави многіе регламенты и разосла многіе указы во всю Русію съ вели- ь угроженіемъ о непремѣнномъ исполненіи оныхъ, и устави Сенатъ, и бысть надъ ними главою и судьею главнѣйшимъ, тако нача той гла- мый богъ паче мѣры возвышатися, учини описаніе народное, и счисля мужеска пола и женска старыхъ и младенцевъ, живыхъ и мертвыхъ, лагая ихъ данми велiими, не точію на живыхъ, но и на мертвыхъ ово тиранство учини, съ мертвыхъ дани востребова. Егда же той Импе- ръ или монархъ, сирѣчь единоначальникъ или единовластитель народ- описаніе учини, называя то ревизіею или исчисленіемъ душъ человѣ- ихъ, которыя приняли его за Императора и за единовластнаго правителя, отъ Христа Спаса научихомся законъ и заповѣди Его сохраняти и святую блюсти, и таковому лжехристу въ послушество отдатися не емъ и въ книги его законопреступныя писатися съ нечестивыми ни- а не будемъ, да и хотящимъ спастися никому не совѣтуемъ: творите ами что хотите: ибо есьмы христіане единаго исповѣданія у 7 вселен- ъ соборовъ св. отецъ и св. страдальцевъ соловецкой обители, постра- ихъ за древнее благочестіе: того исповѣданія и мы держимся, и въ и ваши законопреступныя гражданскія, въ силу указа вашего Импе- ра и его законоположеній ревизіи, не пишемся: ибо мы отъ крещенія саны есьмы въ книги животныя у Царя Небеснаго; понеже видимъ ятомъ писаніи, яко прежде бывшіи въ Русіи благочестивіи цари Иванъ льевичь, Өедоръ Ивановичь и Михаилъ Өедоровичь и Алексѣй Михай- чь, бывшій въ благочестіи до Никона патріарха, яко сіи вси народнаго сленія отъ мала до велика мужеска пола и женска, живыхъ и мерт-

выхъ и всего общечеловѣчества не творили и оставляли то въ судьбу правительства всемогущаго Бога. Зрите человѣцы и воньмите и разсмотрите по святому писанію, въ кіихъ лѣтѣхъ жительствуемъ, и кто нынѣ обладаетъ вами: ибо духъ Петровъ царствуетъ во всѣхъ до скончанія вѣка, яко же свидѣтельствуетъ книга: кабинетъ Петра великаго: ибо духъ государей русскихъ есть духъ Петра Великаго. Петръ Великій, восхищая на себя славу сына превысочайшаго, именовася Петръ Первый, и прочіи по немъ такожде именуются, и паки именовася божествомъ Русіи, яко же свидѣтельствуетъ книжка: кабинетъ Петра: онъ богъ твой, онъ богъ твой, о Россія! Намъ же православнымъ христіанамъ подобаетъ всеусердно держатися отеческаго наказанія. Подобаетъ намъ жизнь препровождати въ безмолвіи и въ пустыняхъ, яко Господь чрезъ Іеремію пророка взываетъ: «изыдите, изыдите, люди моя, изъ Вавилона» [1]).

И вотъ они пошли въ пустыни, затвердивши одно, что новое время — время антихристово, что новый духъ, вдохнутый въ жизнь Россіи Петромъ, духъ антихристовъ, что европейское устройство монархической имперіи, созданное Петромъ, есть противонародное уклоненіе къ римскому владычеству, что русскіе цари со времени Петра стали древле-римскими Императорами, божествами народа. При такомъ мистико-демократическомъ направленіи, расколъ быстро и чрезвычайно умножался и усиливался со времени Петра, потому что, какъ увидимъ подробно въ своемъ мѣстѣ, было множество недовольныхъ, съ разныхъ точекъ зрѣнія, новымъ порядкомъ и устройствомъ Россіи со времени Петра Великаго. Духъ старины, раскольническій, старообрядческій, такъ сказать, образъ мыслей проникалъ еще большую часть духовенства, дворянства и почти весь простой народъ. Онъ такъ былъ силенъ, живучъ, упоренъ, что самъ Петръ Великій не могъ преодолѣть его никакою силою, ни казнями въ срубахъ, ни ссылкою, ни поголовнымъ посѣченіемъ и растрѣляніемъ мятежныхъ защитниковъ старины, и вообще никакими мѣрами, и даже долженъ былъ самъ принести ему тяжкую, горестную жертву — своего сына, наслѣдника, упорнаго приверженца старины, сочувствовавшаго болѣе расколу, чѣмъ преобразованіямъ Петра, и павшаго жертвой за старину [2]). При такомъ упорствѣ духа старины, въ первой половинѣ XVIII вѣка, естественно, оппозиція раскола противъ реформы Петра Великаго и въ защиту старины все болѣе и болѣе усиливалась.

---

[1]) Раскольнич. рукопись, подъ заглавіемъ: „челобитная или исторія Петра Великаго". Списокъ солов. библіот.

[2]) Едва сошелъ съ своего поприща великій преобразователь Россіи, какъ во главѣ даже правительства послышались голоса о возвращеніи Россіи къ старинѣ. При Петрѣ II, одинъ изъ членовъ верховнаго тайнаго совѣта князь Голицынъ говорилъ: къ чему намъ заморскіе обычаи! дѣды наши обходились и безъ нихъ, а мы развѣ глупѣе своихъ дѣдовъ? А кн. Василій Владиміровичъ Долгорукій, фельдмаршалъ, ревностный защитникъ старины и правъ наслѣдства Алексѣя Петровича, предложилъ даже избрать на престолъ старицу Евдокію. О придворной партіи противъ иностранцевъ при Петрѣ II см. въ запискахъ Дюка Лирійскаго. Спб. 1845 г., стр. 15, 157 и д. р.

Главная причина такого усиленія и религіозно-національно-демокра-
тическаго направленія раскола со времени реформы Петра Великаго за-
ключается въ ложномъ религіозномъ воззрѣніи массы, народа на чуждо-
національную, западно-европейскую гражданственность, введенную въ
оссіи Петромъ Великимъ, въ превратномъ непониманіи духа и цѣли пре-
образованій Петра. Отсталые, запоздалые русскіе люди, мыслившіе въ
рхѣ ограниченныхъ понятій и началъ древней Россіи, привыкшіе жить
исключительно-религіозною жизнію, но не тою живою, истинно-религіоз-
ною жизнію, какою отличались древніе истинно благочестивые русскіе
люди, а мертво-обрядовою религіозною жизнію, эти отсталые ревнители
старины, во-первыхъ, не могли вмѣстить въ своихъ неразвитыхъ умахъ
идеи Петра отдѣлить въ Государствѣ Русскомъ Божіе отъ кесарева, рели-
гіозное отъ гражданскаго, церковное отъ государственнаго, и основать
мѣсто древняго московскаго государства, Всероссійскую Имперію, и по-
тому возстали противъ того, что Петръ Великій „восхити будто бы на себя
святительскую и царскую власть, Императоръ наречеся, патріаршество
уничтожи" и т. п. Они отстаивали, такъ сказать, древнюю Русь до XV
или XVI вѣка, когда церковь была главною, господствующею силою всей
общественной жизни Россіи, не только духовно-нравственной, но и самой
внѣшней, матеріальной, гражданской, главнымъ, почти единственнымъ на-
родно-соединительнымъ, нравственно-образовательнымъ и просвѣтитель-
нымъ началомъ, когда высокія идеи ея, безмѣрно превышавшія грубыя
понятія того времени, проникали, оживляли, просвѣщали бытъ общест-
венный и частный, бытъ юридическій, нравственный, когда церковный
Номоканонъ имѣлъ могущественное и обширное вліяніе на развитіе граж-
данскаго законодательства, когда самое территоріальное, вотчинное вла-
дѣніе, самая земля тянула, такъ сказать, главнымъ образомъ къ церкви,
въ силу той религіозной идеи времени, что вся земля Господня, когда
верховные правители русской земли — князья, часто безпрекословно под-
чинялись вліянію митрополитовъ и епископовъ. Но отсталые, запоздалые
поборники старины не видѣли, не замѣчали въ ходѣ русской исторіи той
новой идеи, которая начала развиваться и направлять ходъ исторіи на-
шей со времени образованія московскаго государства. Они не понимали,
что съ XV вѣка, со времени сосредоточія земли русской и образованія мос-
ковскаго государства, государи московскіе и даже всѣ лучшіе представи-
тели церкви русской сознали ту великую идею, что главная, высокая обя-
занность церкви — заботиться о духовно-нравственномъ христіанскомъ раз-
витіи и совершенствованіи народа, а внѣшнее, гражданское, матеріальное
развитіе и совершенствованіе Россіи составляетъ дѣло государства, и стре-
мились къ разграниченію этихъ великихъ задачъ между церковію и госу-
дарствомъ, къ отдѣленію Божіяго отъ кесарева, религіознаго отъ граждан-
скаго, церковнаго отъ государственнаго, впрочемъ не раздѣляя ихъ су-
щественно; отсталые, запоздалые русскіе люди XVII и XVIII вѣка не со-
знавали далѣе того, какъ постепенно, послѣдовательно совершался этотъ
великій историческій процессъ, вопервыхъ, въ постепенномъ сосредоточіи
и утвержденіи верховной государственной власти и разграниченіи правъ

царя-самодержца московскаго и правъ главы русской церкви — сна митрополита, потомъ патріарха; во-вторыхъ, въ разграниченіи прост ства церковнаго суда и управленія и сферы гражданскаго суда и а нистраціи, въ третьихъ, въ постепенномъ самостоятельномъ развитіи г данскаго законодательства, отдѣльно, независимо отъ церковнаго Ном нона; въ четвертыхъ, въ постепенномъ ограниченіи территоріальнаго, чиннаго владѣнія и управленія церкви, давно сознаннаго несовмѣстным духовнымъ значеніемъ церкви самыми лучшими ея правителями и ставителями. И вотъ, при Петрѣ Великомъ, когда окончательно заверш этотъ необходимый, послѣдовательный историческій процессъ отдѣлені жіяго отъ кесарева, церковнаго отъ государственнаго, эти отсталые ру люди, смотрѣвшіе назадъ, а не впередъ, подъ знаменемъ раскола, стали противъ государственной реформы Петра, противъ строгаго, наго разграниченія начала духовнаго, церковнаго, религіознаго, отъ на чисто гражданскаго, государственнаго, какъ противъ посягательства на древней церкви. Отсюда развилась вся система раскольническаго возз на новый государственный порядокъ и устройство Россіи. Во всѣх расляхъ государственной жизни они хотѣли отстаивать древнее пре даніе церковнаго элемента. Такъ напр. раскольники отстаиваютъ др судопроизводство: «Прежде были благочестивые суды», говорятъ они присутственныя мѣста такимъ порядкомъ и по закону судили и рас жали: какъ придешь въ Приказъ, во первыхъ, узришь на показан мѣстѣ крестъ животворящій или св. икону, а судіи сидятъ въ пор хотя и князь, или судія, или бояринъ, а всѣ въ бородахъ, а промежу законъ Божій, сирѣчь Евангеліе и Кормчая, и прочія богослуже книги, св. Кирилла, Іоанна Златоуста, преп. Ефрема Сирина и проч. судили по закону, сирѣчь по небесному, т. е. по писанію; и аще кто тивится сему суду, яко самому Христу противится, и повиненъ бу вѣчному суду» [1]).

Во вторыхъ, отсталые запоздалые русскіе люди XVII и XVIII заключившіеся въ тѣсной сферѣ національной исключительности, сторонности, и сознававшіе свою народность единственно въ этой свое лигіозной исключительности, особности, отчужденности отъ дру христіанскихъ націй, эти отсталые, запоздалые ревнители націона русской старины не могли никакъ примириться съ высокой идеей П съ высокимъ стремленіемъ его внести въ сферу древне-русской нар жизни свѣтъ общечеловѣческаго просвѣщенія, заимствовавъ е западно-европейскихъ націй, гдѣ оно было несравненно болѣе вито, чѣмъ въ древней Россіи, чтобы чрезъ то возбудить и пр тить природныя силы и дарованія русской народности, расширить ея развитія и просвѣщенія, поставить ее на путь общечеловѣческа вершенствованія. Не понявши этой высокой идеи Петра Великаго, лые ревнители національной русской старины возстали, по своему ному мистико-апокалипсическому образу мыслей, противъ западно-ев

---

1) Раскольнич. рукопись: „Тюменскій Странникъ“.

й гражданственности, введенной Петромъ, какъ противъ антихри-
нскаго юношества. Чтобы понять это мистико-религіозно-націо-
ьное возмущеніе раскола противъ европейскаго устройства Россіи,
обно вспомнить, каково было тогда русское національное сознаніе.
преобладающемъ религіозномъ направленіи русской народности въ
ніи всей древней исторіи нашей, національное сознаніе русскаго на-
имѣло характеръ исключительно религіозный. Понятія: свое, на-
ое, русское и православное въ сознаніи нашего народа были нераз-
ны, тождественны. Самъ народъ нашъ не давалъ другого отличител-
свойства своей національности, не зналъ другого національнаго
ичія, кромѣ вѣры православной. Себя онъ искони называлъ людомъ
ославнымъ, крещенымъ, и тѣмъ отличалъ себя отъ другихъ евро-
кихъ націй, не находя въ нихъ той же вѣры, той же церкви. Въ
комъ національномъ движеніи русскаго народа въ началѣ XVII вѣка,
ремя наводненія Россіи Поляками и Литовцами, русскій народъ воз-
ь за свою народность, или, какъ тогда говорили русскіе люди, «за
прироженье», во имя православныя вѣры, и только спасая свою православ-
вѣру, спасалъ свое прироженое. Это исключительное религіозное
нальное сознаніе, при неразвитости вообще народнаго сознанія, при
ствіи общечеловѣческаго, всесторонняго, живого просвѣщенія, въ
шей части русскаго народа доходило до религіозно-фанатической не-
имости, исключительности, и иногда отзывалось уже почти гордостію,
лавіемъ своею вѣрою, своимъ православіемъ. Въ Кормчихъ, «въ видѣ
вѣди св. апостолъ и св. отцевъ», постановлено было: «аще въ суднѣ
тъ латина ѣла, измывши молитва сотворити и у латинской церкве не
ти» [1]). Такой религіозный пуризмъ въ отношеніи къ чуждымъ евро-
кимъ національностямъ особенно рѣзко сталъ обнаруживаться въ рус-
ъ людяхъ въ XVI и, особенно, въ первой половинѣ XVII вѣка; въ
поху, когда особенно усилилась борьба русской церкви съ католи-
омъ, и все болѣе и болѣе возрастали столкновенія Россіи съ Запа-
. Мы уже видѣли, что въ это время народъ нашъ иностранцевъ,
нно исповѣдывавшихъ латинскую вѣру, иначе и не называлъ, какъ
ными, зловѣрными, безбожными, антихристовыми проповѣдниками и
Не различая, по своему національно-религіозному, но темному, не
вѣщенному воззрѣнію, европейскія національности отъ ихъ вѣроиспо-
ній, смотря на все иностранное, какъ на свое русское, съ православно-
іозной точки зрѣнія, все западно-европейское оцѣнивая по началамъ
славной вѣры и церкви, русскіе люди боялись заимствовать у евро-
ихъ націй даже самые житейскіе, чисто внѣшніе обычаи и общече-
ескія науки и искусства, считая ихъ противными православію, опа-
перенять въ западныхъ наукахъ, искусствахъ и обычаяхъ самый
озный, неправославный духъ европейскихъ націй, и такимъ обра-
скоренить, изгладить свой народный, религіозный духъ, православно-

Сборн. Кормчей сол. библ. № 858 л. 367.

церковный характеръ своей народности [1]). Это религіозно-національное предубѣжденіе противъ иностранцевъ и всего иноземнаго, западно-европейскаго доходило уже до чистаго суевѣрія. Напр. только съ своей родиной, съ своимъ отечествомъ, съ своею народностію соединяли самую возможность спасенія души и самое христіанство. «Россіяне, особливо знатнаго рода», пишетъ Беръ, «согласятся скорѣе уморить, нежели отправить своихъ дѣтей въ чужія земли: развѣ царь ихъ принудитъ. Они думаютъ, что одна Россія есть государство христіанское, что въ другихъ странахъ обитаютъ люди поганые, некрещеные, невѣрующіе въ истиннаго Бога, что ихъ дѣти навсегда погубятъ свою душу, если умрутъ на чужбинѣ между невѣрными, и только тотъ идетъ прямо въ рай, кто скончаетъ жизнь свою на родинѣ». Тоже говоритъ Кошихинъ. При такомъ одностороннемъ, религіозно-національномъ воззрѣніи русскаго народа, при этой религіозно-національной нетерпимости и пуризмѣ, понятно, почему расколъ, поднявшій знамя защиты, сохраненія всего стараго русскаго народнаго, какъ православнаго, древне-церковнаго, съ такимъ фанатизмомъ и ожесточеніемъ возсталъ противъ всего новаго западно-европейскаго устройства русской гражданственности. Для неразвитаго народнаго религіозно-національнаго сознанія, цѣлые вѣка, такъ сказать, заключеннаго въ тѣсной сферѣ религіозно-національной исключительности и нетерпимости, казалось въ высшей степени неестественнымъ, болѣзненнымъ это внезапное, невольное воспринятіе, внѣдреніе, такъ сказать, въ народную жизнь русскую чужднаціональныхъ, по понятію народа, неправославныхъ, зловредныхъ антихристіанскихъ элементовъ, вдругъ неудержимымъ приливомъ вторгавшихся въ русскую народность, столько вѣковъ замкнутую въ своей исключительности. Что именно это ложное, религіозно-національное начало руководило народно-демократической оппозиціей раскола во время реформы Петра Великаго, это утверждаютъ сами раскольники. «Не Никонъ», говорятъ даже нѣкоторые изъ нихъ, «былъ причиною нашего отдѣленія отъ прочихъ братій нашихъ русскихъ, но Петръ Великій, по своей безмѣрной любви къ Западу, по своему противонародному, противоотечественному направленію» [2])

Но кромѣ того, что раскольники не понимали духа и цѣли преобразованій Петра Великаго, справедливость требуетъ раскрыть еще другую причину усиленія раскола. Расколъ особенно усилился со времени Петра Великаго отъ того, что въ это время новый, преобразовательный духъ, съ

---

[1]) Боялись, напримѣръ, принимать иностранную монету, въ той мысли, что другія націи—чуждой вѣры, отличной отъ русской. Петрей говоритъ о русскихъ XVII вѣка: Ihre Müntze hat ein Stempel wie ein Ey, aut dass unter ihrer und anderer Potentaten Müntze sollein unterschied seyn, und dieselben denken sollen, als werer sie so kluge und verstendige Leute, dass ihnen nicht nöthig, einer andern form nach zu folgen, sondern weit sie von allen anderen Nationen in der Religion, Sitten und Gebrauchen abgesondert, so wollen sie gleichfalls auch in der Müntze abgesondert seyn.

[2]) Такъ признавался даже одинъ умный раскольникъ извѣстному путешественнику по Россіи Гакстгаузену: Etudes sur la situation interieure la vie nationale et les instituations rurales de la Russie par le Baron Auguste de Haxthausen, p. 314 1847 г.

енною силою и неудержимостію внѣдряясь въ жизнь русскаго общества, о доходилъ до печальной крайности, до злоупотребленія, искоренялъ е старое, что дѣйствительно тѣсно связано было съ древнимъ духомъ ской христіанской вѣры, и вводилъ новое, иноземное, въ самомъ дѣлѣ ивное древнецерковному русскому благочестію. Съ одной стороны транцы, призванные Петромъ Великимъ единственно съ тою цѣлію, ы возвысить Россію лучшимъ гражданскимъ просвѣщеніемъ, а не олезными, суетными обычаями и пороками Запада, стали во зло треблять свое вліяніе на русскій народъ, стали даже колебать въ немъ нее, коренное устройство церкви. Тогда, по идеѣ управленія, движи- иноземными началами, въ обществѣ унижено было духовенство, ко- е вслѣдствіе того стало и нравственно слабѣть, упадать; утратило жнее нравственное вліяніе на народъ, сдѣлалось раболѣпнымъ и зако- ло въ рутинѣ и въ своей, какъ-бы отдѣльной отъ общества, кастѣ. униженіе духовенства народъ, волнуемый расколоучителями, называлъ хищеніемъ власти церковной, святительской» гражданскою правитель- нною властію. Тогда многіе христіанскіе обычаи русскаго народа, чаи, непротивные просвѣщенію, уничтожались и измѣнялись по ино- ымъ идеямъ, казавшимся чуждыми духу русскаго народа. На это глубокою скорбію сердца смотрѣли не одни суевѣрные ревнители ста- ы, но и сами православные пастыри: «Виждьте, о благоразсудные іе», говорилъ напр. просвѣщенный пастырь, Стефанъ Яворскій, про- ь неблагонамѣренныхъ иноземцевъ, «виждь, православный народъ, кіи ду вами распространяются, величаются и почествуеми бываютъ, имъ иже радоватися рещи подобаетъ. О, дабы отсѣчени были развра- щіи васъ (Гал. 5, 12). Азъ же глаголю: о дабы сіи мытари и языч- ы, развращающіи православныхъ и неслушающіи церкви божественной, чени и весьми истреблени были!... Пріидите, припадемъ и восплачемся ъ Господомъ, сотворшимъ насъ, преклонимъ колѣна предъ всѣми Его дниками святыми, да сей вредъ, сія злохульныя плевелы исторгнутся насъ, аще не обратятся и покаются» [1]). Особенно тяжко и возмути- но было для религіозно-національнаго чувства народа вредное вліяніе транцевъ по смерти Петра Великаго и Екатерины 1-й, при Минихѣ, рманѣ и Биронѣ: когда Дворъ, Коллегіи, Академія наукъ, гвардія, я, флотъ были въ распоряженіи иностранцевъ—протестантовъ; когда, по амъ Амвросія Юшкевича, архіепископа Новгородскаго, «сіи внутренніе кровенные враги Россіи людей добрыхъ, простосердечныхъ, государ- доброжелательныхъ и отечеству весьма нужныхъ и потребныхъ, подъ ыми претекстами, губили и разоряли и все искореняли, а равныхъ

[1]) Собр. проповѣдей Стеф. Яворск. ч. 1. слово въ недѣлю 7 по Пасхѣ. Подобныя рькія жалобы и неудовольствія противъ иностранцевъ выражали: Патр. (Дух. ак. въ Древн. Росс. Вивліоѳ. ч. III, мѣс. Мартъ 1774 г.) патр. Адріанъ (чтен. общ. ист. и др. росс. объ Адріанѣ). Св. Митрофанъ, еп. воронежскій, въ пред- тной грамотѣ своей завѣщалъ: „Епархіи своей великому числу православныхъ іанъ съ еретиками и иновѣрцами, съ Латыны, Люторы и Кальвины и зло- ыми татары, общеніе и содружество не имѣти". Пам. Моск. Древ. кн. II, стр. 191.

борчивы. Не важныя, не необходимыя новизны, напримѣръ: нѣм
платье, брадобритіе, заставляли непремѣнно принимать даже крестья
позорно издѣвались надъ тѣми, кто не хотѣлъ усвоять этихъ новизнъ;
тивъ воли собирали народъ на общественныя гулянья по барабанному
и т. п. Вмѣстѣ съ добрыми обычаями перенимали много худыхъ. В
новые, европейскіе обычаи, безпощадно и неразумно осмѣивали и ис
няли многіе хорошіе старые русскіе обычаи, свято чтимые народомъ,
ванные на нравственно-религіозномъ началѣ и нисколько не препят
вавшіе улучшенію и облагороженію внѣшнихъ формъ общежитія. Во
должно сказать, что главная внутренняя причина, почему въ XVIII
расколъ особенно усиливался и возрасталъ, заключается именно въ
вычайно рѣзкомъ и быстромъ переходѣ русскаго общества отъ стари
русской жизни, имѣвшей преимущественно характеръ церковный, къ ж
новой, европейской, имѣющей преимущественно характеръ мірской, вн
житейскій. Напримѣръ: въ XVIII столѣтіи, замѣчаетъ одинъ писател
характеру образованности этого столѣтія, плафоны и стѣны во двор
и палатахъ вельможъ покрывались преимущественно миѳологическими
браженіями, гдѣ языческія божества полуобнаженныя, представленны
всею свободою древняго классическаго искусства, должны были олице
рять мысли и чувства современниковъ. Совершенно иное встрѣчаемъ
въ жизни нашихъ допетровскихъ предковъ. По характеру своего образов
христіанско-церковнаго, древній русскій человѣкъ любилъ олице
ренныя притчи и церковныя бытія, изображеніями которыхъ и украш
свои хоромы; въ нихъ онъ желалъ видѣть болѣе всего назиданіе, поуч
душевную пользу въ христіанскомъ смыслѣ, а не услажденіе взора
красными образами, которые относились къ соблазну и всегда забот
устранялись. Такимъ образомъ древняя комнатная живопись носил
себѣ тотъ же характеръ, имѣла ту же цѣль, какъ и церковная стѣно
отъ которой она почти ничѣмъ и не отличалась [1]). Въ старину прави
русскаго общежитія требовалось, при входѣ въ чужой домъ сначала «
тымъ иконамъ поклонитися и молитва сотворити». Препод. Ѳеодосій
одномъ изъ своихъ поученій къ братіи предлагаетъ наставленія о т
какъ вести себя въ церкви, сближая предлагаемыя правила съ требован
общественнаго приличія внѣ храма. «Егда бо и къ другомъ приход
говоритъ онъ, то достоитъ намъ поклоненіе сотворше до земля и связа
руцѣ аки рабоу Божію быти предъ ними. И повелѣно ни е' (есть) дру
толики чести даяти смиренія ради, имже добродѣтельна вѣнца оукраша
Еже бо не поклонитися другоу своему и руцѣ долоу повѣсити, то н
дивых моужь и лѣнивых и в оумѣ ярящихся» [2]). Въ XVIII же вѣкѣ
чай нетолько стояти съ сложеными руками, но и молиться предъ икон
при входѣ въ чужой домъ или выходѣ изъ него въ тогдашнемъ об
ванномъ кругу, уже началъ вытѣсняться такъ называемыми свѣтск

[1]) Забѣлина: Домашн. бытъ русскихъ царей прежняго времени, ст. 2 Отеч
пис. 1851 г. Сент. № 9.

[2]) Въ пятокъ 3-й недѣли поста. св. Ѳеодосія: о трьпѣніи и смиреніи.

дичіями, основанными, большею частію, на подражаніи французскому јеству иногда доходившими до предосудительной крайности, которую ке осмѣивали нѣкоторые писатели того времени. Въ старину народъ тъ, воспитываемый въ строгомъ религіозномъ духѣ, свято соблю-ъ посты православной церкви; а въ XVIII вѣкѣ, «въ постъ свя-й за курочку душу готовы были промѣнивать», какъ говорилъ выше-веденный нами проповѣдникъ первой половины XVIII вѣка. Вообще, умѣя совмѣстить, породнить религіозное воспитаніе древняго русскаго овѣка съ потребностями новаго европейскаго образованія, безпощадно, азумно осмѣивая и искореняя многіе хорошіе старые русскіе обычаи, сколько не мѣшавшіе новымъ хорошимъ обычаямъ, неразсудительные володюбцы», какъ называли тогда раскольники всѣхъ ревнителей ино-тной новизны, скосыри, обрившіе себѣ бороды и надѣвшіе нѣмецкое и французское платье, безразсудно и съ жадностію перенимали изъ ев-пейской жизни, большею частію, только дурное, чувственное, суетное. и усилившейся въ то время страсти тщеславно щеголять европейскимъ разованіемъ, пустотой легкаго поверхностнаго свѣтсткаго образованія, при-вали изъ западной Европы цѣлыя полчища такъ справедливо осмѣян-ихъ Фонъ-Визинымъ, вральмановъ — учителей и гувернеровъ — лакеевъ, рикмахеровъ, портныхъ и другихъ ремесленниковъ. Отъ нихъ думали иться западнымъ наукамъ и искусствамъ, и только уродовали свое обра-ваніе, на что жаловалась сама императрица Елисавета въ именномъ казѣ 1755 года, которымъ утверждено основаніе Московскаго универ-тета. Вмѣсто просвѣщенія разума и смягченія и облагороженія грубой равственности, перенимали у парижкихъ расточительныхъ «жантиломовъ» емени Людовика XV безумную роскошь, безмѣрную расточительность на О рублевые балы и пиршества, страсть къ издержкамъ по 14000 рублей годъ на одинъ столъ, страсть къ картежной игрѣ цѣлыя ночи, за ко-рою часто проматывали всѣ деньги вмѣстѣ съ экипажами и лошадьми, которыхъ пріѣзжали; перенимали утонченный, прикрытый лоскомъ ранцузской призрачной образованности, развратъ, невѣріе, кощунство и гохульство, въ которомъ, по словамъ Фонъ-Визина, молодые воспитан-ики Запада находили особенное удовольствіе и полагали лучшее препро-ежденіе времени; вообще перенимали всю ту грубую чувственность, тотъ ндиферентизмъ и глумленіе надъ христіанскимъ благочестіемъ, какія гос-одствовали въ то время при французскомъ дворѣ, въ правленіе Людо-ика XIV, Регента и Людовика XV [1]). Вмѣсто хорошихъ произведеній ли-ературы, перенимали французскія «соблазнительныя и сладострастныя пѣ-енки», да страсть «писать по молодости и по французскому духу»; остав-яли свой русскій языкъ, вмѣсто того, чтобы заботиться объ его образо-

---

[1]) Huth, Kirchengeschichte des 18 Jahrh. Bd. 116, 265. Am Hofe (des sittenlosen Her-ogs von Orleans) eine grobe Sinnlichkeit herrschte, die sich von hier aus in weiteren reisen verbreitete. Religion wurde am Hofe meist nur in leeren Ceremoniendienste und ls Formalität ausgeübt. Auch der beklagenswerthe Ausgang des jansenischen Streites ug dazu bei, das Sinken des Religiosität und den Spott über Frömmigkeit zu beför-ern и пр. Alzogs Kirchengesch. Bd. III, 6. 902. Auflage 6.

ваніи и развитіи, и, хотя ничего не знали и не могли хорошо и прав[...] выразить по-русски, однако первымъ качествомъ хорошаго образов[...] считали умѣнье говорить по-французски, и непремѣнно говорили по-ф[...]цузски, хотя бы безъ всякой нужды и притомъ въ высшей степени [...]ливо, смѣшивая областныя, простонародныя слова и обороты съ ф[...]цузскими словами и выраженіями, и того, кто не говорилъ по францу[...] непремѣнно признавали «худо-воспитаннымъ». Вмѣсто изученія нау[...] искусствъ, вмѣсто пріобрѣтенія средствъ къ полезной дѣятельности, [...] труду, который считали «подлымъ», перенимали разные перемѣнные ф[...]цузскіе покрои платья, уборы и приборы для украшенія своей наружн[...] учились завивать кудри буколь въ 20 и болѣе, просиживая за таким[...]нятіями часа по 3 и по 4; вмѣсто хорошихъ книгъ, покупали па[...] опахала, душистыя пудры, эссенціи, уксусы, парижскія мази, налѣ[...]нимушки и т. п., разнобразные предметы безумной и смѣшной роскош[...]мавшіе только пустоту душевную, услаждавшіе только чувственность, [...]славіе и вѣтренность; или перенимали у французовъ, какъ говорить в[...] трогающія бездѣлки, какъ при походкѣ ступать ногами плѣнительно, [...] дѣлать сладострастныя движенія глазъ во взглядахъ, какъ дѣлать ж[...] мины и движенія рукъ и т. п., и въ этомъ полагали всю науку ру[...] петиметры XVIII вѣка. До такой мелочности доходила въ большей ч[...] русскаго общества XVIII вѣка безотчетная, вѣтренная подражатель[...] западно-европейской жизни и презрѣніе къ своимъ стариннымъ народ[...] русскимъ обычаямъ. Любителямъ старины, даже разсудительнымъ и [...]таточно образованнымъ, больно было видѣть такой духъ новаго обще[...] Даже передовые люди прошлаго столѣтія, вовсе не старовѣры, а [...] горячо преданные европейскому образованію, каковы: Фонъ-Визинъ, [...]роковъ, Щербатовъ, Болтинъ, Новиковъ и сама императрица Екат[...] признавали такое направленіе русскаго общества нравственнымъ зломъ, [...]неніемъ отъ нормальнаго развитія нравовъ. Что же сказать о тем[...] суевѣрныхъ ревнителяхъ русской старины, о безусловныхъ противни[...] европейской новизны? Они, въ этомъ духѣ нововведенія, безпощадн[...]гонявшемъ все старое и безотчетно вносившемъ въ жизнь русску[...] иноземное худое, даже противо-христіанское, видѣли прямое, ясное, [...]мое проявленія духа антихристова. «Седмоглавный змій», читаемъ в[...]ной раскольнической рукописи XVIII вѣка, «видя въ христіанѣхъ [...]держаніе, *наводитъ иностранные обычаи*, дабы отлучить отъ Бога [...]вести во дно адово. Присмотрися, возлюбленне, вси бо христіане од[...] одѣяніемъ страннымъ и необычнымъ: мужи и жены и дѣвицы. Аще хо[...] благочестіе и вѣру содержати непоколебиму, вся иностранные обычаи[...] рѣчь, взоры, глаголы, хожденіе, одѣяніе, и прочая вся неподобная хр[...]намъ отринемъ. Зрите, православніи сущіи душелюбцы, егда испол[...] осьмыя тысящи 290 лѣтъ, когда будетъ въ людѣхъ великое невоздер[...] и плѣнятся обычаи невѣдѣніемъ разсужденія, и начнется въ христі[...] *иностранное любленіе*, еже есть: *глаголы, взоры, хожденіе, одѣяніе*; о, г[...]

[1]) Сборникъ разныхъ раскольническихъ статей, ркп. библ. Казанской Ак[...]

Таково было, въ общихъ чертахъ первоначальное, многосложное торическое развитіе русскаго раскола старообрядства въ XVII вѣкѣ и VIII, въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и граждан- венности. Обнаружившись еще въ XVI вѣкѣ и особенно въ первой ловинѣ въ XVII вѣка, въ видѣ религіозно-обрядовой партіи при москов- скомъ книгопечатномъ дворѣ, упорно отстаивавшей старыя книги и об- ряды и не хотѣвшей исправленія ихъ по греческимъ подлинникамъ, — при тріархѣ Никонѣ расколъ открылся явно, окончательно, и съ самаго на- чала принялъ характеръ не просто религіозно-обрядовый, мнимо-старообряд- ческій, но главнымъ образомъ религіозно-демократическій, какъ оппозиція льшей части низшаго духовенства противъ патр. Никона, казавшагося мъ вторымъ римскимъ папою, противъ его слишкомъ строгой власти, суда управленія. Потомъ, съ 1666 года, расколъ, сохраняя первоначальный лигіозно-обрядовый и духовно-демократическій характеръ, перешелъ изъ феры церковной въ сферу гражданской народной жизни, и здѣсь, сооб- разно съ гражданскимъ состояніемъ Россіи, принялъ характеръ народно- мократической оппозиціи противъ преобразованія Россіи въ европейскую мперію, противъ новаго европейскаго устройства и направленія внутрен- ей жизни Россіи. При Петрѣ Великомъ завершилось его религіозно-граж- анское развитіе: онъ окончательно принялъ характеръ религіозно-націо- льно-демократическій и, какъ отколокъ древней отжившей Россіи, окон- ательно отпалъ отъ новой, Петромъ Великимъ устроенной Россіи. «Вездѣ сть *послѣдняя Русь*. Здѣ бо и отъ сего часа на *горшая измѣненія* будетъ евосходити Русь царьми неблагочестивыми», — такимъ послѣднимъ, пред- ертнымъ воплемъ въ устахъ раскольниковъ второй половины XVII вѣка кончилась внутренно изжившая, истощившаяся историческая жизнь ревней Россіи. — Разсмотримъ теперь, какъ эти внутренно изжившія, ис- щившіяся начала исторической жизни древней Россіи сосредоточились расколѣ старообрядства, отстаивающемъ древнюю Россію со всѣми ея достатками.

I. Нравственные недостатки русскаго общества XVII вѣка, агопріятствовавшіе происхожденію, развитію и распро- страненію раскола.

Господствующій духъ XVII и первой половины XVIII вѣка, характе- зующійся рѣзкимъ раздвоеніемъ и борьбой двухъ противоположныхъ чалъ въ русской жизни, — начала мертвообрядовой религіозности и за- снѣлой старины и начала церковнаго и гражданскаго исправленія, учшенія, преобразованія, — этотъ господствующій духъ времени заклю- лъ въ себѣ главный, первоначальный источникъ и основныя начала скаго раскола старообрядства. А нравственная жизнь большей части скаго народа, предъ появленіемъ раскола и во время распространенія , къ прискорбію, во многихъ отношеніяхъ представляла почву самую агопріятную и удобную для распространенія раскола.

Обыкновенно всего чаще ереси и расколы возникаютъ и распрост
няются въ церкви тогда, когда народъ, входящій въ составъ ея, находит
не совсѣмъ въ благоустроенномъ нравственномъ состояніи, когда въ общ
ствѣ истинный, законный, нравственный порядокъ находится въ борь
съ ложнымъ, превратнымъ нравственнымъ направленіемъ. Общество ру
ское, въ періодъ распространенія въ немъ раскола, находилось именно
такомъ нравственномъ состояніи. Въ XVII столѣтіи, во внутренней, нр
ственной жизни русскаго народа совершалась тяжкая, болѣзненная борь
между свѣтомъ возникавшаго просвѣщенія и мракомъ стараго, груб
невѣжества и лжемудрствованія, между истиннымъ, благоустроенны
нравственнымъ порядкомъ, насаждавшимся на почвѣ русской, подъ б
готворнымъ вліяніемъ церкви, просвѣщенною благопопечительностію ца
Михаила, Алексѣя и Θеодора, и между старымъ, отъ злоупотреблені
неустройствъ укоренившимся нравственнымъ безпорядкомъ. Печал
прискорбенъ этотъ жалобный вопль, съ какимъ пастыри церкви, пр
тельство и всѣ лучшіе люди XVII столѣтія вопіютъ противъ нравст
ныхъ недостатковъ общества, безпощадно, въ самыхъ сильныхъ выр
ніяхъ, указывая на нравственныя болѣзни, требуя излечить ихъ [1]).
самомъ началѣ XVII столѣтія, изъ стана знаменитыхъ борцовъ 1612 г
которые первые провозгласили необходимость нравственнаго очищ
слышимъ горестный вопль о нравственныхъ болѣзняхъ русскихъ лю
«мы впали, жаловался напримѣръ Авраамій Палицынъ, во всѣ злыя д
въ лихвы и неправды, въ объяденіе и піянство и блудъ. За вся ж
злая и лукавая дѣла, егда наказа насъ Господь, мы не токмо еж
нему обратитися, но и злѣйше гордостію возвышающеся въ горш
злѣйшая впадохомъ... Всякъ отъ своего чину выше начаша восход
Раби убо господіе хотяху быти и невольніи къ свободѣ прескач
сильніи же разумомъ отъ тѣхъ въ прахъ вмѣняеми бываху, и ничт
по нихъ несмѣюще рещи. Царемъ же играху яко дѣтищемъ, и всякъ в
мѣры своея жалованія хотяше [2]). Въ исходѣ первой половины XVII
сильно, безпощадно обличали нравственные недостатки духовенства и
рода патріархи: Іоасафъ I [3]) Іосифъ [4]), митрополитъ Ростовскій Іона
многіе другіе. Во второй половинѣ XVII столѣтія, тотъ же горькій,
лобный вопль противъ нравственнаго зла и безпорядка повторяет
имя церкви, великій Никонъ, который положилъ главной задачей св
патріаршества «очищать, просвѣщать, совершать»: «священники и люди
писалъ этотъ знаменитый іерархъ въ своей окружной грамотѣ 1665 г

---

[1]) См. прекрасную общую нравственную характеристику XVII вѣка въ соч.
Соловьева: 1) „Древняя Россія“ въ Русскомъ Вѣстникѣ № 1, 1856; 2) Рѣчь о П
ловѣ, произнесен. по случаю столѣтн. юбилея Моск. университ. 12 Янв. 1855; 3) Взг
на исторію установленія въ Россіи государств. порядка до Петра Великаго.
лекц. 3. 1852 г.

[2]) Сказан. объ осадѣ Троицко-Сергіева монаст. стр. 18, 35, 36 1784 г.

[3]) А. А. Э. т. III, № 264.

[4]) Увѣщаніе къ духовному и мірскому чину. Вышеупом. рук. В. И. Григоро

[5]) А. И. т. IV. № 62.

случаю свирѣпствовавшей тогда моровой язвы, — «отступихомъ вкупѣ ... уклонихомся вкупѣ и нетребѣ быхомъ, нѣсть творяй судъ и правду, ...емъ убо мой страхъ и слово, и еще азъ болю къ язвѣ и сицѣ молюся ...итвою, юже и приложу реченнымъ: согрѣшихомъ, беззаконновахомъ, ...ествовахомъ»,—и потомъ послѣ молитвы къ Богу, призываетъ право...вныхъ чадъ русской церкви къ покаянному, всеобщему нравственному ...щенію [1]). Жестка, груба была нравственность въ большей части духо...ства и народа въ XVII вѣкѣ: потому жесткія, крутыя иногда и мѣры ...отреблялъ этотъ высоконравственный архипастырь для исправленія со...еменной нравственности. Единодушно съ пастырями церкви, и граждан...ое правительство, въ многочисленныхъ государственныхъ грамотахъ, ...кже сильно, безпощадно обличало, поражало нравственные недостатки ...сталыхъ людей, несовмѣстные съ нравственнымъ благоустройствомъ ...сударства. Знаменитымъ «Уложеніемъ» царя Алексѣя Михайловича по...галось прочное, незыблемое основаніе нравственнаго порядка. Въ исходѣ ...VII столѣтія слышимъ тоже твердое, рѣшительное, глубоко-сознательное ...ебованіе народнаго нравственнаго очищенія, совершенствованія, благо...троенія, въ дѣяніяхъ великаго патріаршаго собора 1667 года, въ собор...ыхъ отвѣтахъ 1681 года на предложенія царя Өеодора Алексѣевича, въ ...сланіи патр. Іоакима къ митрополиту Новгородскому Корнилію [2]), въ ...ружномъ посланіи Аѳанасія Холмогорскаго и въ запискахъ частныхъ ...дей, — Кошихина, Желябужскаго и другихъ. Однимъ словомъ: и цер...ное и гражданское правительство сильно, безпощадно возставало въ ...VII в. противъ нравственныхъ недостатковъ общества, съ лопатою, такъ ...зать, въ рукѣ очищало, отребляло гумно Божіе — церковь русскую и ...авославный народъ отъ нравственныхъ плевелъ. И вотъ плевелы эти, ...слѣдствіе такого очищенія, отребленія, сами собою отдѣлились отъ ...еницы, и произрастили расколъ. Ибо, при благоустроявшемся все болѣе ...болѣе нравственномъ порядкѣ, имъ нельзя было болѣе расти на почвѣ ...ской церкви и нравственно-благоустроеннаго русскаго общества вмѣстѣ ... пшеницею. Такимъ образомъ расколъ въ нравственномъ отношеніи есть ...иное что, какъ плодъ тѣхъ нравственныхъ недостатковъ, которые за...кали въ XVII вѣкѣ, къ прискорбію, большую часть русскаго народа. И ...кольники, поэтому, суть вовсе не «остальцы древне-церковнаго благо...тія», какъ они себя называютъ, а большею частію нравственные отвер...нники общества, отщепенцы, не имѣвшіе доброй христіанской и граж...ской нравственности, не хотѣвшіе подчиниться благоустроенному нрав...енному порядку и слѣдовавшіе своимъ похотямъ и склонностямъ. Такъ ...трѣли на расколъ и лучшіе пастыри русской церкви того времени. ...ѣхъ ради нашихъ, говорили отцы собора 1667 года, мнози невѣжди не ...ію отъ простыхъ, но отъ священныхъ, ови отъ многаго невѣдѣнія бо-

[1]) Начерт. житія Никона,—Аполлоса, стр. 136, 137.

[2]) Это очень длинное посланіе находится въ Сборн. Солов. библ. № 885. Въ немъ ...но обличаются современные пороки, особенно притѣсненіе сильными слабыхъ, и ...ывается, какъ на кару гнѣва небеснаго, на нападеніе Турковъ на Малороссію, ...ится также о раскольникахъ.

жественныхъ писаній и житія растлѣнна, ови же и во образѣ благоговѣнія и житія мнимаго добродѣтельнаго, являющеся быти постни и добродѣтельни, полни же всякаго несмысльства и самомнѣннаго мудрованія, кажущеся быти мудри, объ юродѣша... возмутиша многихъ души неутвержденныхъ [1]). «Отъ стремнинъ горькихъ и язвинъ своихъ изыдоша отступники отъ истинной церкви русской», читаемъ въ настольной грамотѣ, данной митрополиту нижегородскому Филарету въ 1672 году, «насадиша винограды по своимъ похотямъ, услаждающія гортани своя временною сладостію льстиваго ученія, послѣди же въ горесть души обращающіеся» [2]). Чтобы безпристрастнѣе и яснѣе показать внутреннее, нравственное отпаденіе отъ церкви и государства недостойныхъ, нравственно-худыхъ русскихъ людей, разсмотримъ подробнѣе, изъ какихъ именно нравственныхъ недостатковъ развился расколъ, и подъ вліяніемъ какихъ нравственныхъ недостатковъ распространился.

Во-первыхъ, нравственная жизнь русскаго народа, въ разсматриваемое время, представляла весьма обильную почву для возрастанія и размноженія плевелъ раскола потому, что она не оживлена, не *озарена была съ достаточной мѣрѣ животворнымъ свѣтомъ просвѣщенія*. Въ умственной жизни русскаго народа, также какъ и въ жизни церковно-богослужебной, въ XVI в. и въ первой половинѣ XVII вѣка все болѣе и болѣе обнаруживалось видимое раздвоеніе и борьба двухъ направленій: съ одной стороны, направленія истиннаго, просвѣщеннаго, стремившагося къ болѣе разумному и отчетливому познанію христіанскаго ученія и къ развитію духовнаго просвѣщенія; съ другой—направленія невѣжественнаго, умственно-неподвижнаго, противодѣйствовавшаго всякому разумному движенію мысли и развитію просвѣщенія; это былъ періодъ *борьбы тмы со свѣтомъ*, какъ справедливо замѣтилъ Штраль въ своей исторіи русской церкви [3]). Люди перваго направленія съ жаждой искали просвѣщенія, были «тщаливы къ наукѣ, желали навыкати писанія», и если не имѣли достаточныхъ способовъ для просвѣщенія, съ благороднымъ, искреннимъ смиреніемъ сознавались въ недостаточности своего образованія и глубоко сожалѣли о томъ, что «училища николи же видѣли». А люди темнаго, невѣжественнаго направленія, «мнящіися быти учители», какъ жаловался Курбскій, «говорили прельщающе юношей тщаливыхъ къ наукѣ, хотящихъ навыкати писанія, съ прещеніемъ заповѣдывали имъ глаголюще: не читайте книгъ многихъ» и указывали на тѣхъ, кто «ума изступилъ, а онсица въ книгахъ зашолся, а онсица въ ересь впалъ». «О бѣда», восклицаетъ Курбскій: «отнимаютъ оружіе, которымъ еретики обличаются, а другіе исправляются и врачевство смертноснымъ ядомъ называютъ» [4]). «Аще кто ни премудръ, ни разуменъ есть нехотяй научитися,—жаловался неизвѣстный русскій писатель хронографа первой половины XVII вѣка на русскихъ людей своего

---

[1]) Дополн. къ Акт. Истор. т. V, стр. 459.
[2]) Древн. Русс. Библіоѳ. ч. XVIII, стр. 111-113.
[3]) Strahls Beiträge zur russischen Kirchengeschichte.
[4]) Опис. Рум. Муз. стр. 557.

ѣмени, — той нехощетъ отъ тмы и частыя мглы къ свѣту воззрѣти; нози суть мнящеся умѣюще грамоту и мудры себе глаголющихъ быти лая нѣкая отъ писанія разумѣюще, и не хотятъ научити себе, но егда олвятъ псалмы Давыдовы, или чтутъ святое писаніе, не вѣдятъ убо что лаголютъ и чтутъ, мнящеися мудри быти сбъюродѣша»[1]). Люди благомыслящіе понимали все невѣжество, всю ограниченность пониманія русскихъ грамотниковъ XVII в., мнящихся быти учителями, и стремились къ ученію твореній лучшихъ, знаменитыхъ учителей грековосточной церкви. Іли Логину (головщику, востававшему противъ исправленія книгъ при атр. Филаретѣ) вѣрити»? говорилъ старецъ Арсеній Глухой, бывшій справщикомъ книгъ при томъ же патріархѣ «не буди сего: ибо паче достоитъ ѣровати Василію Великому и Іоанну Златоусту… Богоносніи отцы и ителя, исполнь суще премудрости и разума духовнаго, съ великимъ опаніемъ блюли (чистоту и неповрежденность текста свящ. книгъ), у насъ е печатныя книги и письменныя отъ неискусныхъ писцовъ перепорчены ъ невѣдѣнія»[2]). Приверженцы умственно-неподвижнаго, невѣжественнаго аправленія, напротивъ, коснѣя въ невѣжествѣ, чуждались, отвращались ченія великихъ учителей христіанства. Когда препод. Діонисій, архиандритъ Троицко-Сергіевой лавры, ввелъ читать въ храмѣ Божіемъ бесѣды Златоустаго, Логину это «море сладости, яко лужа негодная вмѣняется». Люди, стоявшіе за просвѣщеніе, вникали въ смыслъ церковныхъ нигъ, въ истины ими возвѣщаемыя. «Ибо не глаголомъ единѣмъ», — оворилъ старецъ Арсеній, «достоитъ внимати, ниже чернилу и письменомъ ѣрити, но отвѣту писавшаго паче достоитъ вѣрити». Послѣдователи враждебнаго просвѣщенію направленія были слѣпо привязаны къ одной буквѣ. Злословящіи насъ, говорилъ тотъ же поборникъ просвѣщенія, точію чернилу ѣрятъ и письменомъ единѣмъ внимаютъ, и тѣхъ въ конецъ добрѣ не свѣитъ; не знаютъ ни православія, ни кривославія, божественная же пианія точію по чернилу проходятъ, разума же сихъ не нудятся свѣдѣти: вященная же философія и въ рукахъ небывала». Наконецъ, люди свѣта, росвѣщенія, стремились къ расширенію круга духовнаго ученія, къ оживенію и просвѣщенію преобладавшаго доселѣ односторонняго церковно-обядоваго направленія русской жизни и литературы свѣтомъ живой мысли, азумнаго знанія вѣры, стремились ввести въ кругъ русскаго просвѣщенія наніе не одного часослова, но и языковъ латинскаго и греческаго, и тали пріобрѣтать не однѣ церковныя книги, но и книги необходимыя и олезныя для гражданскаго просвѣщенія, книги греко-латинскія. А люди емные съ ненавистію смотрѣли на всѣ эти новыя знанія и книги, какъ а еретическія противо православныя, и занимающимся греческимъ и латинскимъ языками или, говоря ихъ словами, «хапающимся за чужіе языки», грожали проклятіемъ вселенскаго собора[3]). *Старыя книги, старыя поня-*

---

[1]) Сборн. начинающейся хронографомъ рукоп. Солов. библ. № 864, л. 12.

[2]) Челобитн. Арсенія Глухого къ боярину Салтыкову. Сборн. Солов. биб. № 897, 110, 111.

[3]) Строева — описаніе книгъ Царскаго, стр. 253.

тія, и никакой новой свѣжей мысли, никакой новой книги, даже никакого но-вого изданія, а тѣмъ болѣе исправленія старой книги! вотъ жалкій девизъ умственной жизни большей части нашего народа въ XVII вѣкѣ. Старыя книги все болѣе и болѣе оскудѣвали отъ времени, сгнивали: напримѣръ, въ половинѣ XVII вѣка, по словамъ Епифанія Славеницкаго, «былъ велій недостатокъ божественныхъ книгъ слова Божія въ Великороссіи, ниже бо рукописныя отнюдь обрѣтахуся а также егда гдѣ уже печатнымъ Острожскимъ обрѣстися, имъ же отъ многа времени оскудѣти». А между тѣмъ и этихъ, существенно-необходимыхъ христіанскихъ книгъ, нельзя было издать вновь безъ возмущенія народнаго. «Народи же къ сему усомнѣвахуся, говоритъ Епифаній Славеницкій, мняще неистинны быти (вновь изданныя библейскія книги съ греческихъ подлинниковъ), за порабощеніе странъ сихъ. Предпріятіемъ же и обычаемъ паче влекущеся на древнее нравы своего склоняхуся, первыя изданныя книги похваляху, настоящія же презираху, глаголютъ бо: *ветхое лучше есть*[1]). Вообще предубѣжденіе противъ просвѣщенія въ XVII вѣкѣ въ самой большей части русскаго народа было крайне сильное и поражало всѣхъ иностранцевъ, посѣщавшихъ тогда Россію. «О преблагословеніи россійстіи людіе, — говорили патріархи восточные, бывшіе въ Москвѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича: вы Божіимъ милосердіемъ и благодатію ниже ига работы страждете, ниже дани съ насиліемъ кесареви даете, но свободно жительствуете и велій покой имѣете, обаче ученія чуждаетеся волею, малоцѣняще и мудрость предстоящую Богу, не добрѣ о ней держите, презираете ее»[2]). При такой холодности къ просвѣщенію, невѣжество доходило до крайности. Духовное просвѣщеніе было самое скудное и одностороннее, и то только въ самой небольшой части народа. Книги свящ. писанія, которыя бы могли просвѣщать умы разумнымъ знаніемъ вѣры, весьма рѣдкіе читали: «погибоша поучающіися въ божественныхъ догматахъ», какъ жаловался п. Іосифъ. И изъ тѣхъ, которые читали духовныя книги, большая часть читала безъ всякой пользы и разумѣнія, «нынѣ убо сія, заутра же иная священная писанія читали напрасно! Мнози окаяніи пребываютъ, яко по толицѣмъ прочитаніи ниже имена вѣдаютъ святымъ книгамъ», жаловался въ XVII вѣкѣ одинъ неизвѣстный составитель сборника разныхъ статей XVI и XVII вѣка[3]). Такія жалобы на лѣность къ чтенію книгъ и безпечность о просвѣщеніи весьма часто встрѣчаются въ сочиненіяхъ и сборникахъ XVII в. Безчисленное

---

[1]) Предисл. къ изд. библіи 1663 г. Солов. библ. № 197.

[2]) Въ словѣ въ день Рождества Христова Прибавл. къ твор. св. отц. 1845 кн. 1. Петрей in chronic Moscovitic. Das russische Volk grob bäurisch, tolpisch und unhöflich darzu sie selbst Ursach seyn... Wollen keine Zucht und Ehrbarkeit lernen. 6. 3111. Олеарій писалъ: Ils (Moscovites) n'apprennent point d'art ni de science, et ils n'appliquent point leur esprit à l'étude; au contraire ils sont si ignorens qu'ils croyent qu'il faut être Sorcier pour faire un Almanach, et qu'on ne sauroit prédire les revolutions de la lune ni les eclipses, que l'on n'ait communication avec le Daimon. Cest pourquoi tous les Moscovites murmurent de la resolution que le Grand Duc avoit prise de m'arreter à son service en qualité d'Astronoms et de Mathemaciens au retour de notre voyage de Perse et ils firent courir le bruit que leur prince alloit etablir un Magicien dans sa cour p. 203.

[3]) Ркп. Солов. библ. № 889.

жество въ народѣ было такихъ, которые нетолько не знали истинъ стіанскаго ученія, не различали, напримѣръ, въ своемъ сознаніи Бога иконы, но и не знали даже краткой молитвы Господней. Самые книжки, вмѣсто того, чтобы уяснять и усвоять высшія истины священнаго санія, Евангелія, занимались самыми мелочными вопросами, напр. въ дѣ того: како имя древу тому, на немъ же обѣсися Іуда? толкъ: сирхiи; или: коего мѣсяца сотвори Богъ Адама? толкъ: Марта мѣсяца въ день; и проч. и проч. или: Іоаннъ рече: что суть ризы Господня? Григорій рече: восходъ и исходъ. Василій рече: что есть стихарь? Григорій че: седьмь небесъ. Іоаннъ рече: что суть патрахель? Василій рече: патхель есть желѣзные столпіе, на немъ же земля плаваетъ и проч. или шали споры между жизнію и смертію, или истощали свою мудрость вымышленіи «азбуки о воскресеніи Христовѣ», «азбуки о воззваніи жіи», азбукъ покаяльныхъ и т. п. Отсутствіе серьезнаго умственнаго нятія, презрѣніе къ просвѣщенію и исключительное сосредоточеніе мысли однихъ мелочныхъ обрядовыхъ вопросахъ и предметахъ до такой степени ослабляло самую даже мыслительность, способность пониманія, что сьма многіе не могли понимать простыхъ учительныхъ книгъ, такъ что пр. нравоучительныя бесѣды Златоуста на Евангеліе на посланія Ап. вла и дѣянія апостольскія казались «неразумительными слушаюмъ и читающимъ», казались «иностраннымъ езыкомъ» [1]). А крайняя развитость, застой или ослабленіе силы мысли и разумѣнія пороли въ умахъ большей части русскихъ людей, особенно невѣжестнныхъ грамотниковъ, грубую напыщенность, самоувѣренность въ сужніяхъ, безотчетное, грубое упрямство въ своихъ мнѣніяхъ, хотя бы самыхъ нелѣпыхъ, презрѣніе къ словамъ и мнѣніяхъ другихъ, обенно нетерпѣніе противорѣчій, или обличеній, хотя бы то самыхъ лезныхъ и основательныхъ. Къ большей части русскихъ людей I и XVII вѣка можетъ быть отнесенъ слѣдующій отзывъ иноанца Ульфельда о русскихъ людяхъ XVI вѣка: «какъ они горды, жно видѣть изъ того, что все, что ни сказали бы они, считаютъ вѣрмъ и непреложнымъ; мало того, они не терпятъ противорѣчія въ разжденіяхъ, безъ всякаго порядка, необдуманно выливаютъ все, бросаются да и сюда, какъ попадетъ на мысль, и не удостоиваютъ выслушать угихъ, перебиваютъ слова» [2]). Точно тоже говорилъ Кошихинъ о Россіи царствованіе Алексѣя Михайловича: «Россійскаго государства люди въ сударствѣ своемъ никакого добраго наученія не имѣютъ и не пріемлютъ... не наученіемъ своимъ говорятъ многія рѣчи къ противности [3]). При тамъ умственномъ состояніи большей части русскаго народа въ XVII вѣкѣ, такомъ рѣзкомъ вѣковомъ раздвоеніи и борьбѣ людей свѣта, просвѣнія, и людей тьмы и грубаго невѣжества, можно ли было ожидать, бы рѣшительное, энергическое стремленіе къ просвѣщенію людей пер-

---

[1]) Опис. Руск. муз. стр. 632.
[2]) Ulfeld. p. 17.
[3]) Кошихинъ стр. 71.

ваго направленія, такъ живо и сильно возбужденное духовно-просвѣ
тельною дѣятельностію Никона и особенно гражданско-просвѣтитель
общественно-образовательною реформою Петра Великаго, не возбуд
такого же сильнаго, энергическаго противодѣйствія со стороны лю
противнаго направленія, и окончилось безъ борьбы и раздѣленія эт
двухъ существенно-противоположныхъ, несовмѣстныхъ между собою
правленій, уже болѣе столѣтія боровшихся между собою? Весьма тру
и даже невозможно было этого ожидать. И вотъ, когда Никонъ, «св
водитель, богоданный въ свѣтоводительство русской церкви» XVII в
сталъ разсѣевать мракъ невѣжества и исправлять книги, испорче
невѣжествомъ, противники просвѣщенія, по словамъ Епифанія, «омра
шеся дебелаго невѣдѣнія мракомъ, и мысленная очеса своя, еже на свѣ
лучу исправленій взирати, смѣживше, на первопрестольнаго священн
чальника — свѣтоводителя злокозненно начали роптать» [1]), и произ
расколъ. Сталъ свѣтоводитель Никонъ расширять кругъ духовнаго
свѣщенія въ Россіи, и съ сею цѣлію пріобрѣлъ чрезъ Грека Арсені
1000 книгъ греческихъ и латинскихъ, въ томъ числѣ даже творені
мера, Геродота, Гезіода, Софокла, Демосѳена, Фукидида и другихъ
нихъ греческихъ писателей: противники просвѣщенія, подъ знаме
раскола, подняли фанатическій крикъ противъ внесенія въ Россію та
книгъ, какъ противъ книгъ еретическихъ. Расколоначальникъ Ѳеод
дьяконъ писалъ «къ нѣкоему другу своему Максиму»: «латинцы
таютъ книги въ трехъ градѣхъ своихъ въ Римѣ, въ Парижѣ и Ве
и тѣ прокаженныя книги греко-латинскія печатныя Никонъ посы
покупать тамо, и купилъ ихъ на многія тысящи сребра. Арсеній Г
врагъ Божій, научилъ его, Никона, покупать тѣ книги еретическія
преводилъ ихъ на нашъ языкъ словенскій, и тѣмъ они развратъ сотв
во всей русской землѣ, и пагубы навели противными книгами и чу
догматы нововводными» [2]). Тоже самое, какъ мы видѣли, говорилъ
кумъ, что «нынѣ расколъ творятъ книги еретическія отъ римлянъ
парижанъ, отъ венетовъ и другихъ странъ». Такимъ образомъ въ умс
номъ отношеніи, въ отношеніи къ просвѣщенію, расколъ былъ не что
какъ отрицаніе просвѣщенія, какъ слѣдствіе крайне-ограниченнаго,
сторонняго образа мыслей невѣжественныхъ поборниковъ русской н
ности XVII вѣка. Потому-то раскольники, возставая противъ патр.
кона, сильно, злобно возставали и противъ просвѣщенныхъ сотрудн
его—Арсенія Грека и ученыхъ иноковъ кіевскихъ — Епифанія Слав
каго, Арсенія Сатановскаго и другихъ, дѣятельно занимавшихся пр
конѣ переводомъ и исправленіемъ книгъ. Они подавали даже челоб
царю, чтобы онъ не давалъ книгъ этимъ, по ихъ выраженію, инос
нымъ инокамъ, ересей вводителямъ и прогналъ бы ихъ изъ Моск

[1]) Предисл. къ Скрижали 1655 года

[2]) Сочин. Ѳеодора дьякона, ркп. библ. Казан. Дух. Академ.

[3]) Такъ Нероновъ въ 1653 или 54 году писалъ изъ заточенія царю, какъ о
мы и выше видѣли, „отнюдь не дерзати святыхъ книгъ таковымъ преводить
вручити, яковъ же оный лукавый чернецъ Арсеній Грекъ... Охъ, увы, благоче

упорство раскола въ своихъ очевидно ложныхъ мнѣніяхъ есть ни что ое, какъ слѣдствіе того мрачнаго умственнаго недостатка русской надности XVI и XVII вѣка, о которомъ говорятъ Ульфельдъ и Кошинъ, то есть,—грубаго упрямства въ своихъ мнѣніяхъ, нетерпѣнія противрѣчій, презрѣнія къ словамъ другихъ, «говоренія отъ ненаученія мнохъ рѣчей къ противности». На расколъ, какъ на слѣдствіе крайне-ограченнаго и узкаго взгляда русскихъ людей XVII вѣка на книжное ученіе просвѣщеніе, смотрѣли и просвѣщенные современники его происхожденія первоначальнаго распространенія. «Понеже, — говоритъ бывшій переводкомъ посольскаго приказа Авраамій Фирсовъ въ припискѣ къ переведенной имъ въ 1683 году псалтири,—понеже нашъ россійскій народъ груый и неученый, не только простыя, но духовнаго чина истинныя вѣдости, и разума, во святомъ писаніи не ищутъ, и ученыхъ людей понотъ, и укоряютъ и еретиками ихъ называютъ, вѣрятъ токмо тому пинію, которое въ недавныхъ лѣтѣхъ напечатано, лѣтъ около 40, 50 и 70, болѣе ста лѣтъ—таковымъ книгамъ не вѣрятъ; а которыя новоправленыя книги со старыхъ, истинныхъ, свидѣтельствованныхъ книгъ, рукоисныхъ и печатныхъ, правлены при нашемъ житіи, аще и лучше гдѣ въ зумѣ и въ нарѣчіи грамматическаго чина, исправлено: обаче за невѣество свое тому не вѣрятъ, новыми книгами и ересію называютъ ихъ... такого ради ихъ невѣжества бываютъ нынѣ въ Россійскомъ Государвѣ несогласія, расколы, междоусобія, и въ церкви Божіи великій мяжъ» [1]). Невѣжество породило расколъ, невѣжество и способствовало его спространенію. «Простреся тое ученіе яко же въ Россіи, тако и въ Сири, говоритъ Игнатій, митроп. тобольскій: понеже нѣцыи невѣдяху стины, что есть православная вѣра, и уклоняхуся въ нечестіе» [2]). Отцы бора 1667 года также говорили, что многіе и сами приняли расколъ и ругихъ совратили въ него по причинѣ многаго невѣдѣнія божественныхъ саній [3]). «Мнози и отъ благочестивыхъ *за скудость ума своего* послѣдовали сколу», замѣчаетъ патріархъ Іоакимъ [4]).

Съ невѣжествомъ всегда находится въ тѣсной связи грубое *легковѣріе суевѣріе*. Такъ было и въ русскомъ народѣ въ разсматриваемое время. ри «гладѣ душевномъ при оскудѣніи пищи духовной, сирѣчь проповѣди ова Божія въ насыщеніе душъ христіанскаго народа», какъ говорили

рю! стани добрѣ церковное чало. И паки молимъ тя, Государь, иностранныхъ иновъ, ересей вводителей, въ совѣтъ непринимай: зримъ бо въ нихъ, Государь, ни ину отъ добродѣтелей". Самого Никона лично Нероновъ упрекалъ: „иноземцевъ ты овоположеніе хвалишь, и обычаи тѣхъ пріемлешь... А мы прежде сего у тебя же ыхали, что многожды ты говаривалъ намъ: гречане де и малые. Россіи потеряли ру, и крѣпости и добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ. А нынѣ у тебя то и святые люди законоучители... порочнаго чернеца Арсенія ты взялъ изъ соловецкаго монаиря на смуту, и устроилъ того яко учителя, паче же къ тисненію печатному пранителя".

[1]) Опис. славян. рукоп. москов. синод. библіотеки стр. 191, 192.

[2]) 3 послан. въ Правосл. Собесѣдн. 1855, кн. 2.

[3]) Дополн. къ А. И. т. V, стр. 459.

[4]) Увѣтъ л. 10, об.

нѣкоторые пастыри русской церкви XVII вѣка [1]), духъ народа питался и жилъ большею частію суевѣріями. Вѣра истинная, живая, не имѣя твердой животворной пищи и разумнаго основанія, при отсутствіи живого богословскаго просвѣщенія, вѣра безъ знанія, истощалась, изживала, мертвѣла, обращалась въ суевѣріе, искала себѣ пищи только въ старыхъ русскихъ повѣрьяхъ, сохранившихся отъ временъ язычества, да въ новыхъ вымыслахъ невѣжества и суевѣрія, какія въ XVI и XVII вѣкѣ распространялись въ многочисленныхъ «толстыхъ сборникахъ». Праздная, суевѣрная мысль, не почерпая изъ слова Божія возвышенныхъ, глубокихъ истинъ христіанства для своего питанія, обогащенія, занятія, не зная болѣе возвышенныхъ предметовъ для размышленія и познанія, занималась мистико-религіозными толками, безотчетной, ни на какомъ разумномъ началѣ не основанной аналогіей отъ предметовъ вѣры и церкви къ явленіямъ физическимъ и житейскимъ. Напримѣръ, занимались такими сближеніями: «аще будетъ рождество Христово въ недѣлю, зима снѣжна и велика, а весна дождева, жатва суха, меду поскудно, язя скотомъ, и овцамъ пагуба; аще будетъ рождество Христово въ понедѣльникъ, зима добра, весна дождева, жатва суха, обиліе всему міру, потомъ дожди велицы будутъ, а будетъ язя трясавичная и напрасная смерть многимъ и т. д.» по всѣмъ днямъ, въ какія случится праздникъ рождества Христова, предсказываются разныя хозяйственно-домашнія и физическія явленія или перемѣны [2]). При господествовавшемъ въ то время въ большей части народа безотчетномъ, мертво-обрядовомъ направленіи христіанскаго благочестія, и при крайнемъ недостаткѣ живого богословскаго просвѣщенія, суевѣрные русскіе люди днями, мѣсяцами и годами измѣряли силу и дѣйственность молитвъ, постовъ. Напримѣръ, въ сборникахъ XVI и XVII вѣка встрѣчаются такія представленія: «Іоанна Златоустаго молитва Господу нашему Іисусу Христу: Господи Іисусе Христѣ Сыне Божій помилуй мя грѣшнаго. Аще кто молитву сію требуя ся глаголетъ, яко изъ ноздріи дыханіе,—по первѣмъ лѣтѣ вселится въ него Христосъ Сынъ Божій; по второмъ лѣтѣ внидетъ въ него Духъ Святый; по третьемъ лѣтѣ пріидетъ къ нему Отецъ и вшедъ въ него, обитель въ немъ сотворитъ, и пожретъ молитва сердце, и сердце пожретъ молитву, и начнетъ кликати безпрестанно молитву сію день и нощь» [3]). Или: «мѣсяца Марта аще кто постится человѣкъ 4 дни: недѣлю, понедѣльникъ, среду и пятокъ, да причтется четыремъ на десятъ родомъ Авраамлимъ» [4]). Или: думали избавиться отъ разныхъ непредвидѣнныхъ бѣдствій однимъ произнесеніемъ имени или воспоминаніемъ какого-либо святого, иногда и вымышленнаго, невѣдомаго церкви. И такъ на всякой случай придуманъ былъ какой либо святой: напримѣръ, въ сборникѣ Соловецкой библіотеки подъ № 889 читаемъ такую статью: азъ, Гри-

---

[1]) Древн. Росс. вивліоѳ. ч. XVIII, стр. 111—113. Строева—опис. книгъ Царскаго стр. 248.

[2]) Сборн. Солов. библ. XVII в. № 889.

[3]) Сборн. Солов. библ. № 860.

[4]) Опис. Рум. муз. стр. 514.

й рече,—пріидохъ ко ангелу, и рѣкъ ему сіе: скажи ми, Господи ангеле: плаваеши въ ладіи, помяни святаго ангела Гавріила, и избавитъ тя всякаго зла; аще хощеши идти по горамъ, или по пустынямъ, помяни тага ангела Разаила, соблюдетъ тя; аще воду піеши, помяни святаго ила; егда ложася спати, помяни святаго ангела Помаила, той бо есть дный стражъ намъ спящимъ; егда будеши въ печали, помяни ангела наила: той бо есть утѣшитель ангеломъ и человѣкомъ; егда стяжеши ъ и храмъ ставиши, помяни св. ангела Мисаила, той убо есть утверж-іе храму; егда наліеши пиво или медъ или иное что, помяни св. ангела ѳаила: споро ти будетъ; егда идеши тягатися, помяни св. ангела Уріила, ро потяжеши; егда идеши на путь, помяни св. ангела Русаила: супро-никъ не будетъ; егда идеши въ пиръ, помяни св. ангела Панѳараона». дметы священные, церковные, какъ напр. Евангеліе и крестъ, и имена тыхъ употребляли въ колдовствѣ и заговорахъ [1]); сочиняли «лживыя итвы о трясовицахъ, о нежитѣхъ и о недузѣхъ, и грамоты трясовичныя али на просфорахъ и на яблокахъ болѣсти ради» и невѣжи все это за-ли, вмѣсто того, чтобы изучать истинныя церковныя молитвы; даже ѣстное апокрифическое посланіе Христово къ Авгарю неразумные но-и на шеѣ, и имъ заговаривали больныхъ отъ болѣзней [2]). Въ вышеупо-нутомъ сборникѣ солов. библіот. есть такой заговоръ надъ бѣглецомъ заблудившимся, въ видѣ молитвы тремъ исповѣдникамъ: «Святіи Бо-и исповѣдницы: Гуріе и Самоне и Іавиве: якоже есте возвратили дѣвицу гибшую въ градъ свой во Едесъ, тако и сего возвратите погибшаго рекъ: Аврааме свяжи, Исааче пожени, Іакове путь ему замети и путь сотвори теменъ, ангелъ пожени, во имя Отца и Сына и Свят. Духа, нѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь» [3]). Въ этомъ же сборникѣ пред-гаются суевѣрнымъ еще слѣдующіе темные мистическіе совѣты, отзы-ющіеся еще чѣмъ-то миѳологическимъ: «се умолвити: червь въ человѣцѣ въ винѣ: какъ зайдетъ солнце, плюни на камени, или на рану глаголя: падма си; или надъ солію, да примолви сице: сѣдла гремятъ, а узды чутъ, порожныя мѣхи ѣхати (sic)» [4]). И много подобныхъ нелѣпыхъ мысловъ невѣжества, которыми питалось суевѣріе, можно бы привести ь однихъ сборниковъ одной соловецкой библіотеки; но достаточно и при-енныхъ, чтобы видѣть, какъ возможно было возникновеніе и развитіе кола со всѣми его совершенно такими же суевѣріями и нелѣпостями. и недостаткѣ нравственнаго вліянія духовенства, суевѣрія эти въ народѣ бенно поддерживались колдунами и чародѣями, этими вѣковыми хра-телями языческихъ суевѣрій. Древнія языческія суевѣрія въ XVII вѣкѣ ъ будто снова оживали въ народныхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ, и къ этихъ суевѣрій до такой степени окружалъ, отемнялъ умственную знь народа, что правительство церковное и гражданское находилось

[1]) Архивъ Калачева кн. 2.

[2]) Въ прилож. къ ркп. Солов. библ. Аввы Дороѳея.

[3]) Сборн. Солов. библ. № 889.

[4]) Къ сожалѣнію, въ рукописи недописанъ этотъ наговоръ.

вынужденнымъ дѣйствовать противъ суевѣрій особенно, систематически, указами и граматами. Въ XVII вѣкѣ неоднократно возникали даже процессы о колдовствѣ [1]). Въ одномъ сборникѣ XVIII вѣка сохранилось длинное исчисленіе разныхъ суевѣрій и предразсудковъ, которые омрачали умственную жизнь самой большей части русскаго народа въ XVI, XVII и даже XVIII вѣкѣ, и между прочимъ здѣсь сказано, что многіе «волсви и еретицы и богомерзкія бабы кудесницы и иная множайшая волшебствують и ложная вѣщаютъ, а народъ имъ вѣритъ». Волхвы, чародѣи, сумасброды и лихія бабы прельщали простой народъ ворожбой, гаданьемъ, колдовствомъ и различными суевѣрными наговорами, заговорами и чарами. А легковѣрные любили съ услажденіемъ слушать бредни такихъ суевѣровъ и вѣрили волхвованіямъ чародѣевъ, благоговѣли передъ ними, какъ передъ истинными учителями и пророками. Вотъ что напр. писалъ объ этомъ царь Алексѣй Михайловичъ въ 1649 году: «вѣдомо намъ учинилось, что въ Сибири, въ Тобольскѣ и иныхъ сибирскихъ городахъ и уѣздахъ, мірскіе всякихъ чиновъ люди, и жены ихъ и дѣти, въ воскресенье и въ господскіе дни, и великихъ святыхъ, во время святого пѣнія въ церкви Божіи не ходятъ, и умножилось въ людяхъ во всякихъ всякое мятежное бѣсовское дѣйство, глумленіе и скоморошество; и отъ тѣхъ сатанинскихъ учениковъ въ православныхъ христіанахъ учинилось многое неистовство: многіе люди, забывъ Бога и православно-христіанскую вѣру, тѣмъ прелѣстникомъ скоморохомъ послѣдствуютъ, на безчинное ихъ прельщеніе сходятся.... въ городахъ и уѣздахъ, бываютъ со многимъ чародѣйствомъ и волхвованіемъ, а иные люди тѣхъ чародѣевъ и волхвовъ и богомерзкихъ бабъ въ домъ къ себѣ призываютъ, и къ малымъ дѣтямъ, и тѣ волхвы надъ больными и надъ младенцы чинятъ всякое бѣсовское волхвованіе и отъ правовѣрія всякихъ православныхъ христіанъ отлучаютъ» [2]). Замѣтимъ, что здѣсь-то именно, въ Сибири, и являлись расколоучители—чародѣи. «Вѣкъ тогдашній, говоритъ Болтинъ о XVII столѣтіи, благовременемъ былъ пустосвятству, обману и подлогамъ; ханжи и лицемѣры чудесамъ не вѣрили, но пользу свою въ томъ обрѣтали; большая часть народа вѣрили и обманьщиковъ обогащали; нѣкоторые, видѣвъ обманъ, говорить не смѣли, и таковыхъ было не много. Сколько вещей обыкновенныхъ, простыхъ, ничего не значущихъ, принято было за святыню, за предметъ почтенія, уваженія» [3]). Даже дворъ царицы Параскевы Ѳеодоровны, по словамъ Татищева, отъ набожности былъ госпиталь на уродовъ, юродовъ, ханжей и шалуновъ: между многими такими былъ знатенъ Тимоѳей Архиповичъ, съумазбродный подъячій, котораго суевѣры почитали за святаго и пророка [4]). Въ первой

---

[1]) См. два акта XVII вѣка о волшебствѣ въ архивѣ историко-юрид. свѣдѣній о Россіи кн. 2., пол. 2, отд. VI, стр. 57—61 Дворц. Разряды т. III, стр. 1288. 1428. Акт. юрид. № 30: суди. дѣло о кореньѣ и травахъ. Арцыбаш. повѣсть о Россіи т. III, кн. VI. стр. 445. ст. Аѳанасьева „о колдовствѣ въ старину на Руси“. Соврем. 1851. № 4.

[2]) Акт. ист. т. IV. № 35. стр. 124 и 125. А. А. Э. т. III, № 264.

[3]) Замѣч. на Леклерка. т. I, стр. 550. Дѣян. Петра Великаго, Голикова. т. 13 стр. 118.

[4]) Въ 50 пр. къ XII гл. 1-й кн. своего свода лѣтописей, Татищевъ, по поводу Геродотовыхъ извѣстій о превращеніяхъ Негровъ, замѣчаетъ: „у насъ многіе и не

винѣ XVII вѣка бывали примѣры, что даже простыя женщины — по нки являлись народными учительницами, всенародно объявляя, что были божественныя видѣнія и откровенія, напр. о томъ, чтобы православ христіане табаки не пили». Простой народъ при грубомъ невѣжествѣ, до былъ легковѣренъ и суевѣренъ, что готовъ былъ вѣрить всякому не му слуху, всякой хитросплетенной лжи. Вотъ что, уже въ дни возни щаго раскола, писалъ, напр., Никонъ въ окружной грамотѣ, по случаю ваго повѣтрія, свирѣпствовавшаго въ Россіи въ 1656 году: «мнози о и особь собирающеся, о насъ глаголаху неподобная, и грѣхи наша мающе, ихъ же мы не точію не содѣяхомъ, но ниже во снѣ помысли ь.... и ложная отъ лукаваго сердца видѣнія и сонія предъ очи простѣй ъ предлагаху, простіи же и ненаученіи невѣдуще полезнаго, и внимаютъ iемъ ихъ крамольнымъ и бѣсовскимъ и ложнымъ ихъ пророчествамъ. зи бо тогда не внимающе правому велѣнію и оныхъ крамольныхъ выхъ баснословій напившеся клеветаху овъ на сего, овъ же на инаго, повинныхъ творяще моровому повѣтрію, и мнози бѣсомъ прельщеніи рочествоваху ложная, и о нихъ же всѣмъ явно, яко ничто же отъ гла ихъ сбысться, точію себѣ губяще и братію свою, и на Бога хуляще, имъ извѣщеніе бысть се и се отъ Бога, лживѣ вопіяху къ людемъ, верждениыхъ сердца своимъ лукавымъ помышленіемъ возмущающе и олюще: видѣхъ сонъ, видѣхъ сонъ, и извѣщеніе се, и сіе пріяхъ отъ , дабы въ слѣдъ себѣ многихъ отторгнули, и мнози тому послѣдующе хъ сказанію погибоша» [1]. Съ XVI вѣка, кромѣ того, въ настроеніи кихъ умовъ особенно усилилось еще какое-то странное-мистико-апока ическое воззрѣніе не только на церковныя, но и на граждан событія и перемѣны въ Россіи. Объ немъ мы отчасти уже али, и теперь только дополнимъ сказанное нѣсколькими фа и. Это мистико-апокалипсическое воззрѣніе развилось частію дствіе преобладавшаго въ старину, почти исключительно религіоз настроенія духа, по которому на все, даже въ самомъ мірскомъ, данскомъ быту и во внѣшней, физической природѣ, смотрѣли съ ре озно-мистической точки зрѣнія, но главнымъ образомъ вслѣдствіе статка надлежащаго, разумнаго богословскаго просвѣщенія. При ре озно-мистическомъ настроеніи духа, гадая о судьбѣ Россіи, особенно ремена бѣдствій и сильныхъ ея потрясеній, въ таинственной книгѣ— алипсисѣ, какъ богооткровенной, пророчественной книгѣ судебъ міра, ли рѣшенія вопросовъ о значеніи того или другого политическаго нія или переворота въ Россіи. Особенно великое, бѣдственное потря Россіи въ началѣ XVII вѣка открывало людямъ религіозно-настроен-

а глупые, но отъ неученія суевѣрствомъ обладанные сему твердо вѣрятъ. Я не а давно отъ одного знатнаго, но неразсуднаго дворянина слышалъ, яко бы онъ нѣсколько времени въ медвѣдя превращался, что слышащіе довольно вѣрили.... баба тоже о себѣ сказывала, что въ сороку и дымъ превращалась, и оная съ въ томъ винилась. А. И. 1. стр. 192.

[1]) Окружное посланіе патр. Никона по случаю моровой язвы: см. Начерт. житія нова—Аполлоса стр. 129—132.

нымъ, но легкомысленнымъ, непросвѣщеннымъ, широкій просторъ для разныхъ мистико-апокалипсическихъ толковъ и гаданій, которые, распространяясь въ народѣ, возбуждали въ немъ суевѣрныя ожиданія скораго свѣтопреставленія, безотчетныя опасенія за цѣлость и сохранность православной русской вѣры и церкви и древняго порядка и устройства Россіи. Подъ вліяніемъ мистико-апокалипсическихъ воззрѣній, въ каждомъ необыкновенномъ лицѣ, выходившемъ изъ ряда обыкновенныхъ русскихъ людей, или возмущавшемъ старый порядокъ вещей, или вводившемъ что-либо новое, видѣли образъ антихриста. Напр. папу, который въ то время особенно старался обратить Россію къ католицизму, иначе и не называли, какъ *антихристомъ*. Явился самозванецъ, бывшій чернецъ Григорій Отрепьевъ, и въ немъ видѣли воплощеніе антихриста, говорили: «*се образ антихристовъ*», и мученическою кровію запечатлѣвали такое свое убѣжденіе. Другіе ждали какихъ-то міровыхъ перемѣнъ, скорой кончины міра и втораго пришествія Христова. Еще въ концѣ XV вѣка, въ новгородской пасхаліи противъ послѣдняго года (1492) 7-й тысячи лѣтъ написано было: «здѣ страхъ, здѣ скорбь, въ сіе лѣто чаемъ и всемірное твое пришествіе»: тоже сказано было въ лѣтописи [1]). Роковой 1492 годъ прошелъ, но неразсудительные люди все еще толковали о какихъ-то міровыхъ перемѣнахъ: въ XVI вѣкѣ какой-то Николай пишетъ дьяку великаго князя Мисюрю Мунехину «о лѣтѣ 32, что будетъ въ то лѣто вселенныя странамъ и царствамъ и областемъ и градомъ и обычаемъ и достоинствамъ и скотомъ и бѣлугамъ морскимъ вкупѣ всѣмъ земнороднымъ несумнѣнное премѣненіе и измѣненіе: въ то лѣто не узрится солнце, по россійскому счету лѣта 7032 отъ начала міра» [2]). Въ первой половинѣ XVII вѣка не только суевѣры, но и люди достаточно по тому времени образованные, всматриваясь въ смуты своего времени, въ переворотъ государственный, съ тревожнымъ чувствомъ ожидали исполненія роковыхъ временъ, предреченныхъ въ апокалипсисѣ, и предуготовляли къ тому народъ: «не у еще время временъ и полвремени исполнися, по откровенію Іоанна Богослова, говорили они: того ради намъ зрящимъ подобаетъ внимати» [3]). При такомъ настроеніи умовъ, могъ ли не имѣть успѣха расколъ, который, въ религіозномъ отношеніи, и есть не что иное, какъ окончательное проявленіе, утвержденіе, освященіе всѣхъ мнѣній и суевѣрій XVI и XVII вѣка. Ложно-апокалипсическій взглядъ раскола на церковныя исправленія Никона и гражданскія преобразованія Петра Великаго, главная и существенная проповѣдь его о воцареніи будто-бы въ Россіи антихриста съ 1666 года суть прямое слѣдствіе, окончательное развитіе и выраженіе мистико-апокалипсическихъ мнѣній и ожиданій XVI и первой половины XVII вѣка. И такъ какъ эти мнѣнія сильно, глубоко занимали въ то время духъ народа, то не удивительно, что расколъ, раскрывшій, освятившій эти мнѣнія, встрѣтилъ живое сочувствіе въ большей части народа и сильно распро-

---

[1]) Соф. Врем. II, 65.
[2]) Хронографъ Сол. библ. № 53, л. 341.
[3]) Сказ. Авраамія Палицына.

странялся. Какъ сильно дѣйствовала на духъ народа и совращала въ расколъ проповѣдь расколоучителей о кончинѣ міра и пришествіи антихриста, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ Игнатія митрополита тобольскаго: «нынѣшніи еретицы, говоритъ онъ, ужасъ осатанинскій подающе: яко уже настоитъ день втораго Христова пришествія и кончина настоящаго вѣка: и годъ отъ года, и день отъ дне смущающе народы, и въ сій день будетъ кончина вѣка. И сего ради ихъ сквернаго ученія, простой нѣкій народъ и вѣрова словесемъ симъ: и ови убо оставили домы, и бѣгали за ними, яко овцы за волками, и погублени быша отъ нихъ: овіи огнесожженіемъ самовольнымъ душепагубнѣ, овіи же и донынѣ еще бѣсноватіи скитающеся и помираютъ безъ таинъ божественныхъ» [1]). Не говоримъ уже о послѣдующемъ ужасномъ развитіи въ расколѣ мистико-апокалипсическаго представленія о воцареніи въ Россіи антихриста и кончинѣ міра, особенно въ XVIII вѣкѣ, когда суевѣры ложились даже въ гробъ, съ часу на часъ ожидая второго пришествія Христова, неопровержимо будучи убѣждены, что антихристъ проникъ нетолько въ гражданское общество, но и въ самыя стихіи—огонь, воду и землю... Утвердившись и усилившись такимъ образомъ посредствомъ мистико-апокалипсической проповѣди своей объ антихристѣ и кончинѣ міра, совершенно согласовавшейся съ суевѣрными мнѣніями и ожиданіями XVI и XVII вѣка, расколъ, не менѣе того, освятилъ, такъ сказать, и употребилъ въ свою пользу, для своего успѣха, и другія суевѣрія народа. Такъ уже самые первые расколо-начальники, чтобы лучше обмануть простой народъ, представлялись предъ нимъ духовидцами, сподоблявшимися будто-бы свыше божественныхъ откровеній; во время язвы они распускали слухъ, будто въ небесномъ видѣніи велѣно остановить печатаніе исправленныхъ п. Никономъ книгъ. И удивительно ли, что люди суевѣрные на слово вѣрили такимъ, по выраженію п. Никона, «небылиннымъ зракамъ», и приставали къ расколо-учителямъ [2]). Равнымъ образомъ и послѣдующіе расколоучители, чтобы съ большимъ успѣхомъ увлекать въ свои сѣти легковѣрныхъ, нерѣдко выдумывали различныя будто-бы богодухновенныя, сновидѣнія, пророчества и чудеса: «овъ, говоритъ патр. Іоакимъ, глаголетъ посланъ чрезъ явленіе самаго Бога; другій чрезъ явленіе ангела, иные чрезъ иныхъ святыхъ, ради истины проповѣданія» [3]). Нѣкоторые изъ расколо-учителей, для успѣшнѣйшаго совращенія православныхъ въ расколъ, прибѣгали даже и къ чародѣйству, волхвованію и лживымъ чудесамъ, въ которыя народъ сильно вѣрилъ, и такимъ образомъ весьма успѣшно распространяли расколъ [4]). Такъ, напр., въ концѣ XVII столѣтія, на пути отъ

---

[1]) 3 послан. въ Правосл. Собесѣдникѣ, стр. 165.

[2]) Дополн. къ акт. ист., т. III, стр. 446—447.

[3]) Слово благодарств., л. 68.

[4]) Въ 1708 г. св. Димитрій Ростовскій писалъ къ государынѣ царицѣ Параскевіи Ѳедоровнѣ, ходатайствовавшей за попа села Курбая, Давида, что попъ этотъ отставленъ по правиламъ за его неистовство и раскольническое противленіе церкви православной, за хуленіе книгъ православныхъ, за развращеніе людей простыхъ въ прелесть раскольническую и за *лживыя его чудеса* и пр. Древ. Росс. Вивліоѳ., ч. XVII, стр. 67.

города Вологды къ Каргополю, въ одномъ пустынномъ мѣстѣ поселился расколо-учитель, волхвъ и чародѣй, который, между прочимъ, училъ совращать въ расколъ посредствомъ порошка, сдѣланнаго изъ высушеннаго и истолченнаго сердца новорожденнаго младенца. «Слыша о такомъ чародѣѣ, многи»—говоритъ Дмитрій Ростовскій, «пришедши сожительствоваху тому, имуще его себѣ учителя и наставника». Когда этотъ волхвъ-расколоучитель переселился съ своими учениками въ предѣлы великаго Новгорода и поселился въ монастырѣ Палеостровскомъ,—«къ нему и сюда начали собираться послѣдователи со всѣхъ мѣстъ, ученіемъ его лестнымъ прельщаеми, и волшебствомъ привлекаеми» [1]). Такимъ образомъ расколъ потворствовалъ суевѣрію и распространялся по причинѣ суевѣрія, обладавшаго въ XVII и даже въ XVIII стол. умами многихъ православныхъ. И пастыри нашей церкви справедливо называли его прямо суѣверіемъ [2]).

Не менѣе суевѣрія благопріятствовала, какъ происхожденію, такъ и умноженію раскола, и крайняя *холодность и невнимательность къ церкви*, также сильно господствовавшая въ немалой части русскаго народа передъ расколомъ и во время распространенія его. Многіе православные, не имѣя внутренняго чувства благочестія, не чувствуя и не сознавая нравственной потребности и благотворности для души христіанскаго богослуженія и таинствъ вѣры, весьма охладѣли къ церкви, стали жить почти въ совершенномъ отчужденіи отъ нея, стали нерадѣть объ исполненіи существенныхъ христіанскихъ обязанностей, почти вовсе перестали освящаться таинствами церкви, и жили какъ невѣрные. Такъ въ 1650 году царь Алексѣй Михайловичъ писалъ въ грамотѣ, посланной въ Свіяжскъ: «вѣдомо намъ, что въ городахъ и селахъ и въ деревняхъ христіане живутъ безъ отцовъ духовныхъ, многіе и помираютъ безъ покаянія, а о томъ нимало не радѣютъ, чтобъ имъ исповѣдать грѣхи своя, и Тѣлу и Крови Господней причащатися» [3]). О томъ же писалъ Государь, въ 1660 году, въ Новгородъ, но еще сильнѣе: «есть нѣкіе православные, говоритъ онъ, именуются всуе православные христіане, разныхъ всякихъ чиновъ люди, отъ простоты ума своего и своимъ неразуміемъ и нерадѣніемъ, гордости ради о душахъ своихъ нимало попеченія не имѣютъ и безъ покаянія всегда пребываютъ, отцовъ духовныхъ у себя николи не имѣютъ, и неисповѣданіемъ грѣховъ своихъ душами своими погибаютъ и во многихъ грѣсѣхъ нечувствомъ бываютъ, и многіе въ совершенныхъ лѣтѣхъ, въ тридесять, и въ четыредесять и въ пятьдесять и выше, а иные долготерпѣніемъ Божіимъ и до старости дошли, а къ покаянію еще не пришли и отцовъ духовныхъ у себя не имѣютъ никогда, и таковые по писанію горьше невѣрныхъ; а когда таковые въ болѣзни телеснѣ и впадутъ, и тогда они, боящеся Бога, хотятъ, дабы ихъ у церкве погребли, и таковыхъ покаяніе невольное при смерти вмалѣ пріятно Богу, а когда съ одра

---

[1]) Розыскъ, ч. III, гл. 12, см. также посл. Игнатія тобольскаго во 2 кн. Правосл. Собесѣдн. за 1855 г.

[2]) См. напр. П. С. З., т. VI, стр. 492.

[3]) Полн. Собр. зак., т. I, стр 246.

олѣзни возстають, тогда покаяніе свое забывають, а у отцовъ духовныхъ амоизволеніемъ своимъ и до смерти не бывають и во многихъ грѣсѣхъ езъ покаянія и до старости пребывають, аки чужды вѣры Христовы, а ные многіе просто безъ покаянія помирають незапною, скорою смертію» [1]. богослуженіи и соблюденіи нравственно-благотворныхъ постановленій еркви крайне нерадѣли и не заботились. Такъ попы и дьяконы, а по римѣру ихъ и прочіе церковники и всѣ прихожане, дворяне и всякіе лужилые люди, не ходили въ церковь не только въ воскресные дни, но въ большіе Господскіе и Богородичные праздники, и въ великій постъ не овѣли [2]. Холодность къ богослуженію такъ была сильна въ народѣ въ еріодъ появленія и распространенія раскола, что не только въ XVII в. ари Михаилъ Ѳедоровичъ и Алексѣй Михайловичъ, но и въ началѣ XVIII в. Петръ Великій многократными указами своими побуждали народъ ходить къ богослуженію, исповѣдываться и причащаться. «Великому осударю вѣдомо учинилось», читаемъ въ именномъ указѣ Петра Великаго отъ 17 февр. 1718 года, «что многіе разночинцы и посадскіе и поселяне быкли жить праздны, и нетомко что по воскреснымъ днямъ, но и въ еликіе Господскіе праздники николи въ церковь къ службѣ Божіей не одятъ и не исповѣдываются. Для того указалъ, по именному своему Царскаго Величества указу, подтвердить указомъ и прибить по городамъ и по селамъ и деревнямъ печатные листы, дабы всѣ вышеописанные люди въ Господскіе праздники и воскресные дни ходили въ церковь къ вечернѣ, къ заутренѣ, а паче же къ св. литургіи и по вся годы исповѣдывались; и то надзирать въ приходахъ самимъ священникамъ и прикащикамъ и старостамъ, гдѣ случатся» [3]. Чрезъ эту нравственную холодность къ христіанскому богослуженію сердце такихъ людей дѣлалось жестокимъ, грубымъ; духъ охладѣвалъ къ высокимъ нравственнымъ внушеніямъ церкви, подавлялъ въ себѣ чистыя, возвышенныя, живыя нравственныя чувства и помыслы, подвергался внутренней мертвенности, ожесточенности, не получая въ церкви нравственнаго освѣженія, подкрѣпленія, очищенія и оживленія. Отсюда проистекала холодность ко всему церковному и равнодушіе при совершеніи всякаго рода преступленій. Къ храму многіе не оказывали никакого благоговѣнія: такъ священники корчемствовали въ церквахъ; вмѣстѣ съ прихожанами торговали церквами и продавали ихъ какъ вотчины» [4]; много было между православными святотатцевъ, которые вторгались въ самое святилище храмовъ — въ алтарь, не только ночью, но и днемъ, и святотатственно похищали сосуды, одежды и другую церковную утварь [5]. Во время богослуженія весьма многіе православные стояли въ храмахъ безъ всякаго чувства благочестія

---

[1] Акт. археогр. экспед., т. IV, № 115.

[2] А. А. Э. т. IV, №№ 188, 321, 324.—Къ таинствамъ церкви оказывали холодность и неблагоговѣніе. П. С. З. т. I, стр. 249, 629.—Опис. староп. кн. Царск., стр. 136.—Доп. къ Ак. Ист., т. V, стр. 47.

[3] Полн. Собр. Зак., т. V, № 3169.

[4] Полн. собр. зак., т. I, стр. 699.

[5] Тамъ же, стр. 776.

и благоговѣнія; не рѣдко даже ругались и дрались до крови, не чувствуя въ душѣ потребности искренней, теплой, живительной духа молитвы, «божественныя пѣнія и чтенія и благочиновныхъ священниковъ наказаніе вотще презирали, о благостояніи въ святыхъ Божіихъ церквахъ поученія не принимали, а еще болѣе о томъ самихъ священниковъ поносили и укоряли»: такъ жаловался п. Іосифъ въ 1636 году ... ному поповскому старостѣ [1]). Такой духъ охлажденія къ храмамъ и богослуженію, очевидно, питалъ, развивалъ въ сердцахъ такихъ православныхъ духъ раскола. Холодность, невнимательность къ церковнымъ постановленіямъ, таинствамъ и богослуженію во многихъ доходила до такой степени, что они сами, по доброй волѣ, не хотѣли соблюдать уставовъ православной церкви и правилъ христіанскаго благочестія, потому что чувство любви къ церкви и духъ христіанскаго благочестія въ нихъ совершенно охладѣли; а когда напоминали имъ объ этомъ заботливые пастыри, побуждая ихъ соблюдать уставы церкви и правила христіанскаго благочинія, они дерзко роптали противъ сихъ пастырей. «Вѣдомо ... учинилось отъ князь Иванъ грамотокъ Хованскаго», писалъ царь Алексѣй Михайловичъ въ одномъ письмѣ своемъ къ п. Никону, «что будто ... пропалъ, а пропасть свою пишетъ, что будто ты его заставливаешь съ собою у правила стоять ежедень... и потомъ и я тебя, Владыко святый, о томъ молю съ моленіемъ, пожалуй его съ собою не заставливай у правила стоять: добро, Государь Владыко святый, учить премудра, премудръ будетъ, а безумному мозоліе ему есть» [2]). Другой бояринъ, по ... Василій Отяевъ, писалъ къ друзьямъ свимъ: «лучше быде намъ на новой ... за Сибирью съ князь Иванъ Ивановичемъ Лобановымъ пропасть, нежели ... новгородскмиъ митрополитомъ, какъ детакъ, что сильно заставливаетъ ... никого де силою незаставишь вѣровать» [3]). Многіе, какъ увидимъ еще ... любили жить на просторѣ, совершенно независимо отъ благоразумныхъ ... готворныхъ постановленій церкви, которыя для нихъ казались невыносимымъ тяжкимъ бременемъ. Такъ изъ заказной грамоты Маркелла, архіепископа вологодскаго и бѣлозерскаго (данной въ 1658 году) видимъ, что ... крестьяне жили не по правиламъ церкви, держали у себя наложницъ ... молитвы и благословенія церковнаго [4]); «женились въ роду и племени ... кумовствѣ и сватовствѣ, и въ крестномъ братствѣ и при живыхъ ... женъ» [5]); и множество другихъ нравственныхъ недостатковъ происходило отъ невнимательности и холодности къ нравственно-воспитательнымъ постановленіямъ церкви [6]). Въ такихъ-то отношеніяхъ находилось б...

---

[1]) А. А. Э., т. III, № 264. См. также т. IV, № 188 и 321. Ак. Ист., т. IV, № 1... 296, т. V, № 152, стр. 263. Дополн. къ Акт. истор., т. V, стр. 461, 468. А. И., т. ... 115, 117, 413, 465.

[2]) Начертаніе житія Никона, стр. 117.

[3]) Тамъ же стр. 118.

[4]) Акт. Археогр. Экспед., т. IV, № 105, стр. 146.

[5]) Древн. Росс. Вивліоѳ., ч. XV, стр. 384, 385, 386. Грам. и Акт. Ряз. кр... 131. Акт. Арх. Эксп., т. IV, № 42, стр. 62.

[6]) Грам. и Акт. Рязань. края, собр. и изд. Пискаревымъ, стр. 132. А. А. ... стр. 498. П. С. З., т. I, стр. 254 и т. п.

тное множество русскихъ христіанъ къ церкви, когда среди ихъ и изъ ды ихъ же самихъ появились лжеучители и стали проповѣдывать во услышаніе, что на землѣ нѣтъ истинной церкви, что та церковь, коая называется православною, не церковь, таинства ея — не таинства, кверны, храмы—не храмы, а конскія стоялища, и что потому не должно дить въ церковь, не должно принимать таинствъ, можно вступать въ къ безъ благословенія церкви, не должно покланяться иконамъ и четоконечному кресту, а слѣдуетъ прервать всякую связь съ церковію [1]). жно себѣ представить, какъ радостно услышали эту проповѣдь, и съ кою охотою ее приняли всѣ тѣ православные, которые носили только ю имя православныхъ христіанъ, а въ душѣ своей давно готовы были казаться отъ церкви, которые, еще числясь въ церкви православной, въ слѣ истинно-православныхъ, уже давно въ сердцѣ своемъ отреклись ъ нея, совершенно охладѣли къ ея постановленіямъ, Богослуженію и инствамъ [2]). Раскольники сами откровенно сознавались, что они лились въ расколъ, именно отъ церкви. Такъ, когда къ стародубовмъ перевезена была съ Вѣтки брусяная церковь покровскаго монастыря, и прямо сказали: «на что намъ церкви, вѣдь мы отъ церкви-то и изъ ссіи бѣжали» [3]). А о безпоповщинской сектѣ можно утвердительно азать, что она чрезвычайно распространилась по Россіи всего болѣе по й причинѣ, что совершенно согласовалась съ духомъ и нравственною строенностію всѣхъ тѣхъ православныхъ, которые любили жить совершенно независимо отъ вліянія церкви, внѣ всякой связи съ нею. амое выраженіе, которое мы постоянно встрѣчаемъ въ актахъ историескихъ, въ жалобахъ пастырей на холодность и невнимательность христіанъ къ церкви еще прежде патр. Никона, выраженіе: «христіане жить безъ отцовъ духовныхъ»—уже само по себѣ буквально намекало на зпоповщину, чуждающуюся отцовъ духовныхъ. Для образованія настоцей безпоповщины изъ тѣхъ православныхъ, которые жили безъ отцовъ ховныхъ, недоставало только одного слова какого нибудь монаха Катона или дьячка Данилы Викулина, что священство для христіанъ вершенно не нужно. Сказано было это слово, — и вотъ оно встрѣтило достный пріемъ, нашло себѣ обильную почву въ душахъ, уже давно ладѣвшихъ, давно отдѣлившихся отъ церкви: сказано было это мятежное ово, — и расколъ распространился.

Холодность къ церкви естественно влекла за собою непослушаніе, отивленіе власти церковной и вообще недовѣрчивость и *неуваженіе къ ховенству, и даже стремленіе совершенно освободиться отъ суда и вліянія ховенства:* вотъ еще печальная, по своимъ послѣдствіямъ, черта нравенной жизни нѣкоторыхъ православныхъ русскихъ христіанъ XVII вѣка, тавлявшая новую нравственную причину происхожденія и распространія раскола. Народъ русскій изстари отличался уваженіемъ и привя-

[1]) Благодарств. слово п. Іоакима.
[2]) Дополн. къ Акт. Ист. V, стр. 458.
[3]) Полн. Истор. извѣст. о расколѣ.

заинностію къ своему духовенству; это уваженіе къ церковной іерарх
немъ глубоко вкоренялось и утверждалось самимъ воспитаніемъ [1]).
недавна также, частію худое поведеніе нѣкоторыхъ изъ самихъ духов
частію еретики, особенно возстававшіе противъ православнаго духовен
мало-по-малу ослабляли, потрясали въ народѣ русскомъ это уважені
духовной іерархіи. Уже во второй половинѣ XIV столѣтія ересь стри
никовъ сильно потрясла довѣренность къ духовенству не только низ
но и высшему [2]). Худая, неблагонравная жизнь многихъ духовныхъ,
увидимъ въ другомъ мѣстѣ, еще болѣе подкрѣпляла и увеличивала
неуваженіе къ духовенству. Вслѣдствіе этихъ причинъ въ XVII
противленіе церковной іерархіи и стремленіе освободиться отъ влас
нравственнаго вліянія духовенства обнаруживалось весьма часто и м
различно. Одни недовольны были, во первыхъ, вотчиннымъ управле
и судомъ церковной власти, и потому стремились освободиться отъ вл
духовенства. Злоупотребленія церковнаго вотчиннаго владѣнія и у
вленія, все чаще и чаще обнаруживавшіяся въ XVI и XVII вѣкахъ,
болѣе усиливали это стремленіе и неповиновеніе церковной власти. Т
напр. псковскій митрополитъ, Маркелъ писалъ къ великимъ госуда
Іоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу (въ 1685 г.,): «въ Псковѣ и
городѣ въ уѣздахъ 160 церквей, и надъ тѣми церквами архіереи воли неим
владѣютъ мужики, а церкви всѣ вотчинныя, и тѣми вотчинами влад
и себя поилятъ и корыстуются сами, а архіерею непослушны, о чемъ у
пошлешь, не слушаютъ и безчестятъ, на счетъ нейдутъ, многая церк
казна за ними пропадаетъ отъ давнихъ лѣтъ» [3]). Въ нѣкоторыхъ мѣс
особенно въ Псковѣ и Новгородѣ, иногда возникали даже открытыя
мущенія противъ суда и правительства церковнаго, обнаруживались я
стремленія освободиться отъ власти церковной. Такъ напр. въ
году новгородскій гость Семенъ Гавриловъ, какъ самъ не повино
духовному суду митрополита, «преслушалъ указъ великихъ госуд
причинилъ многое посягательство дому премудрости Божія,
стырямъ и священному чину упорствомъ своимъ», такъ поощ
на такое же упорство и многихъ другихъ градскихъ людей и
подалъ въ новгородскомъ приказѣ, на имя всѣхъ новгород
посадскихъ людей, челобитную о неподсудимости духовному су
Другіе тяготились нравственнымъ вліяніемъ духовенства, и потому
тивились наставленіямъ пастырей и желали освободиться отъ дух
подчиненности имъ. Такъ про Никона, когда онъ былъ еще митропол
новгородскимъ, многіе бояре, тяготившіеся тѣмъ, что онъ заставлял
соблюдать церковныя обязанности, перешептывали: «николи де т

---

[1]) См. напр. наставленіе отца къ сыну, въ „Московитянинѣ“ 1852. № 12; та
Домостр. Сильвестра: родители постоянно, въ числѣ первыхъ правилъ, вн
дѣтямъ — почитать духовенство.

[2]) Акт. Ист. т. I, стр. 9, 10, 11, 13.

[3]) А. И., т. V, № 122, стр. 200. См. еще Доп. къ Акт. Ист., IV, № 205.

[4]) Акт. Ист., т. V, № 186, стр. 323.

честія небыло, что нынѣ государь насъ выдалъ митрополитамъ»[1]). Въ 9 году дошло до свѣдѣнія самого царя Алексѣя Михайловича, въ Сибири многіе православные христiане уклоняются «къ бѣсовскимъ лестямъ и къ пьянству, а отцовъ духовныхъ и приходскихъ священниъ и учительныхъ людей наказанія (увѣщанія) не слушаютъ, а за накаье отцомъ духовнымъ, попамъ приходскимъ и учительнымъ людямъ поаніе и укоризну и безчестіе и налогъ дѣлаютъ»[2]). Въ Новгородѣ и ковѣ, давно лишенныхъ вѣчевой вольности, но еще не отвыкшихъ отъ а самоуправства и мятежа, особенно часто обнаруживалось противленіе ковной власти. Здѣсь чернь въ неистовствѣ своемъ не разъ публично амымъ грубымъ образомъ позорила пастырей, унимавшихъ ее отъ мяжей. Дѣти духовные своихъ духовныхъ отцовъ, а иногда даже самихъ сшихъ пастырей подвергали не только безстыдному поруганію, но и помъ и даже умерщвляли[3]). Извѣстно, какъ поступили новгородцы съ трополитомъ Никономъ, во время бунта 1650 года, когда онъ съ пастырю кротостію сталъ унимать ихъ отъ мятежа: «вси крикнуша, говоритъ знеописатель Никона (Клирикъ Шушеринъ): сей есть заступникъ изнничей и хранитель, и начаша его немилостивно бити, овые дреколіемъ, іные каменіемъ... и многія хотѣша его до смерти убити»[4]). Точно же во Псковѣ въ 1650 году бунтовщики напали на священника Оброта, унимавшаго ихъ отъ мятежа, позорно обругали его, ударами осын, по двору его стрѣляли изъ пищалей, домъ его разграбили и совершно разорили, и самого вмѣстѣ съ женою хотѣли убить. Предъ самымъ менемъ обнаруженія раскола, духъ противленія духовной власти, и поленія и оскорбленія церковной іерархіи такъ усилился въ народѣ, что рхіальные пастыри, какъ напр. Іона митрополитъ Ростовскій, находиь вынужденными «готовиться» дѣйствовать, какъ уже противъ явныхъ кольниковъ, противъ тѣхъ, «кто гдѣ въ градѣхъ или въ селахъ отъ жественнаго писанія поученію учнетъ соперникъ быти, или кто истинго пастыря и учителя, архимандрита или игумена, или попа, или дьяна поносити начнетъ»[5]). При такомъ духѣ противленія церковной власти іерархіи, при явномъ стремленіи многихъ освободиться отъ церковной асти и суда, могла ли не имѣть успѣха проповѣдь раскола о противніи церковной власти и іерархіи? Если многіе православные явно провились церковному правительству, презирали пастырское ученіе, если югіе міряне ни во что ставили не только священниковъ, но и епископовъ, митрополитовъ: то неудивительно, что возникъ даже особый расль безпоповщинскій, который совершенно отвергъ церковную іерархію съ презорствомъ отвратился и доселѣ отвращается отъ православныхъ

[1]) Письмо царя Алексѣя Михайловича къ Никону.
[2]) Акт. Истор. т. IV, № 35, стр. 125.
[3]) Въ 1672 г. жители Астрахани убили своего архипастыря, митрополита Іосифа, ивъ его послѣ многихъ тяжкихъ мукъ съ роскату. Собр. Госуд. Грам. ч. IV, № 77. сь участвовали уже и раскольники.
[4]) Жит. Никона — ркп. Сол. библ.
[5]) А. И. IV, стр. 174.

священниковъ и іерарховъ. Крайній недостатокъ нравственнаго влі духовенства на народъ и порочная жизнь, какъ увидимъ, еще болѣе личивали возможность появленія и усиленія безпоповщины. Естествен то, что расколъ преимущественно утвердился и распространился на сѣв въ новгородскихъ погостахъ, ибо здѣсь неизгладимо сохранялись еще татки ереси стригольниковъ, тоже возстававшихъ, какъ извѣстно прот церковной іерархіи и духовенства; и здѣсь, въ XVII вѣкѣ особенно силы часто проявлялся духъ противленія церковной власти и неуваженія служителямъ церкви. Вообще, всѣ, нехотѣвшіе повиноваться церков власти, тѣмъ охотнѣе принимали расколъ, что онъ открыто, прямо пр вѣдывалъ противленіе церковной іерархіи и освобождалъ отъ ея влі и власти. Потому-то пастыри православной церкви, подвизавшіеся борьбѣ съ распространявшимся въ ихъ время расколомъ, большею час не иначе называли расколъ, какъ «церковною противностію»[1]), а раско никовъ — «церковными противниками, архипастырскаго повелѣнія прес никами и презрителями, архипастырскому повелѣнію во всемъ воспр вившимися»[2]). Такія названія раскольниковъ и ихъ послѣдующій обр дѣйствій по отношенію къ церковной іерархіи вполнѣ подтверждаютъ ковно-демократическое направленіе раскола, особенно безпоповщинск

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что на развитіе и направленіе безпопов скаго раскола имѣли отчасти вліяніе и нѣкоторые идеи протестанти только слишкомъ грубо, безсознательно и односторонне усвоенныя русск проповѣдниками безпоповщины. Вліяніе протестантизма на русскій нар при всемъ предубѣжденіи русскихъ противъ нѣмцевъ, въ XVII вѣкѣ б очень возможно. Извѣстно, что на сѣверѣ Россіи идеи протестант стали распространяться еще въ XVI вѣкѣ. Такъ эти идеи ясно выск лись въ ереси жидовствующихъ, и еще яснѣе въ ученіи Матѳея Башк и Ѳеодосія Косаго, ученіи чисто раціоналистическомъ, которое, по слов крылошанъ старорусскихъ, «многими было похваляемо, любимо и пріем и отъ многихъ познаваемо яко истинное»[3]). Въ XVII вѣкѣ протестант и систематически старался, не менѣе папства, распространять свое уч въ сѣверной Россіи. Въ Стокгольмѣ заведена была даже славянская т графія, въ которой два раза изданъ былъ Лютеровъ катихизисъ на вянскомъ языкѣ. Въ Москвѣ и другихъ сѣверныхъ городахъ было множество нѣмцевъ-протестантовъ, и русскіе, находясь у нихъ въ луженіи, по словамъ Майерберга, невольно принимали ихъ обы отвергали напр. духовныхъ отцовъ. Въ высшихъ слояхъ общес между боярами, являлись уже даже вольнодумцы, глумившіеся н надъ свящ. писаніемъ, и чистые протестанты[4]). Пастыри церкви, напр. Іона, митр. ростовскій, и Аѳанасій холмогорскій въ окружн

---

[1]) А. А. Э. VI, (стр. 421), № 284. 1685 г. Апрѣля 7 указныя статьи о рас никахъ.

[2]) Древ. Росс. Вивліѳ. ч. VI, стр. 347. Прощальн. грам. патр. Іоасафа.

[3]) Истины показанія ркп. Солов. библ. № 605. л. 19.

[4]) А. А. Э. т. III, № 147. А. И. т. IV, стр. 174, 175 и др.

сланіяхъ своихъ считали нужнымъ предохранять свою паству отъ та-
ихъ вольнодумцевъ, лютеровъ и кальвиновъ, также какъ и отъ латинъ,
прямо указывали на умноженіе ихъ въ Россіи. «Видѣхъ бо нѣкія,—
исалъ напр. Аѳанасій холмогорскій въ окружномъ посланіи къ сѣверно-
морской паствѣ—кромѣ закона и заповѣданія и преданія ходящія въ
ужестранныя нѣкія обычаи, паче же прелести еретическія, и пріобщаются
мъ... Нововводныя чужестранныя обычаи по малу вкрадываются тайно
 святую нашу православную восточную церковь отъ еретичества латинъ
 люторовъ и кальвиновъ, и ученіе ихъ всякое» [1]). Замѣтимъ, что это
оворитъ архіепископъ холмогорскій своей паствѣ, на сѣверѣ Россіи, гдѣ
 возникъ безпоповщинскій расколъ. При такомъ общеніи русскихъ съ
ротестантами на сѣверѣ, весьма могло быть, что такія начала русскаго
аскола, каковы—отрицаніе іерархіи, священства, мысль, что всякій непо-
священный во священники христіанинъ можетъ совершать таинства, раз-
ились отчасти и подъ вліяніемъ протестантскихъ идей. И есть положи-
ельные факты, которые подтверждаютъ эту мысль. Между первыми
асколо-учителями безпоповщинской секты были нѣкоторые протестанты.
аковъ, напр. былъ ревностный помощникъ перваго расколо-учителя—
онаха Капитона, нѣкто Вавила. О немъ Денисовъ говоритъ: «бысть родомъ
ноземецъ, *вѣры лютерскія*, глаголати и писати учився довольно времени
 славнѣй парижстѣй академіи, искусенъ бысть въ реторикѣ, логикѣ,
илософіи и богословіи; зналъ языки латинскій, греческій, еврейскій и
лавянскій». Этотъ расколо-учитель—лютеранинъ не могъ не передать
усскимъ лютеранскаго, протестанскаго ученія объ іерархіи, о священствѣ,
 таинствахъ. Впослѣдствіи, между расколо-учителями являлись чистые
ротестанты по образу мыслей, напримѣръ Денисовцы. И митрополитъ
обольскій, Игнатій, также примѣчалъ въ русскомъ безпоповщинскомъ
асколѣ вліяніе протестантовъ. Говоря о сибирскихъ расколо-учителяхъ
езпоповщинской секты—венгерскомъ чернецѣ Авраамѣ, Яковѣ Лепихинѣ
 другихъ, онъ замѣчаетъ объ нихъ: «суть проклятіи лютере; чтеніе свя-
ценнаго писанія все злѣ и растлѣннѣ толкуютъ, и яко же кальвини и
ютере вся церковная преданія отмѣтаютъ; мнящеся сами собою, не іереи
уще, крестятъ дѣтей: явственнѣ еретицы—кальвины и лютере суть» [2]).
 по духу отрицанія безпоповщинскаго раскола, который отрицаетъ почти
сю церковность, и по духу свободы, какую онъ проповѣдуетъ, расколъ
тотъ, особенно нѣкоторыя секты его, напр. нѣтовщина, отвергающая
идимую церковь на землѣ, представляютъ въ себѣ грубое, одностороннее,
езсознательное, неосмысленное выраженіе протестантскаго духа отрицанія
 свободы. Разумѣется, русскій умъ XVII вѣка, умъ какого либо Данилы
икулина или простого поселянина не могъ вмѣстить въ себѣ и развить
аціоналистически-отвлеченной, философской идеи протестантизма,—и вотъ
ыразилъ ее по своему такъ односторонне и грубо, какъ это мы видимъ
ъ нашей безпоповщинѣ. Только Денисовы и нѣкоторые образованные

[1]) Окружн. послан. Аѳанасія холмогорскаго: ркп. Солов. библ.
[2]) I посл. въ Правосл. Собесѣд за 1855 г. 1 кн. стр. 27, III посл. стр. 61.

раскольники XIX вѣка являются болѣе похожими на протестантовъ, а масса коснѣетъ въ чисто русскомъ старообрядствѣ.

Говоря объ умственныхъ и нравственно-религіозныхъ недостаткахъ русскаго народа въ XVII в., благопріятствовавшихъ развитію раскола, мы не можемъ, наконецъ, умолчать еще объ одномъ мрачномъ недостаткѣ, который впрочемъ свойственъ былъ большей части нашего народа не только въ XVII вѣкѣ, но и всегда. Это *склонность его къ грубой, необузданной свободѣ въ нравственной жизни, къ грубому разврату и праздношатательству* [1]). При недостаткѣ постояннаго, вполнѣ обезпеченнаго, усерднаго труда, особенно же при господствѣ въ XVII вѣкѣ безпорядочнаго бродяжничества народа, необразованный русскій человѣкъ, въ своей праздной, бродячей разгульной жизни, или предавался нелѣпымъ толкамъ, и отсюда легко переходилъ къ расколоученію, къ вымыслу какого-либо раскольническаго толка, или всего чаще предавался грубому разврату, и отъ него также доходилъ до раскола. Исторія показываетъ, что для простого народа нашего самой сильной, почти единственной нравственной сдержкой, главнымъ нравственно-воспитательнымъ средствомъ въ древнее время была церковность, нравственныя постановленія церкви. Забывалъ, оставлялъ онъ эту послѣднюю нравственную сдержку, это послѣднее самое сильное средство нравственнаго самохраненія, что, какъ мы видѣли, и было въ немалой части русскаго народа въ XVII вѣкѣ,—и вотъ его грубыя страсти, плотскіе, чувственные инстинкты его не развитой, не смягченной просвѣщеніемъ природы, проявлялись во всемъ своемъ дикомъ, необузданномъ разгулѣ. Если въ наше время этотъ недостатокъ еще господствуетъ въ народѣ, то въ XVII вѣкѣ, при грубости, жесткости нравовъ, при совершенномъ отсутствіи просвѣщенія, смягчающаго, облагораживающаго народную нравственность, эта склонность къ необузданной свободѣ, разгулу жизни выходила даже изъ границъ общественнаго благочинія и порядка. Грубый русскій человѣкъ, когда уже увлекался потокомъ своихъ плотскихъ наклонностей и предавался разгулу грубыхъ матеріальныхъ силъ, то позволялъ себѣ все, не стѣсняясь ни стыдомъ, ни нравственнымъ закономъ. Среди буйной, разгульной веселости своей, вполнѣ предавался разврату; тутъ совершалось «и мужемъ и отрокомъ великое прельщеніе и паденіе женамъ замужнымъ беззаконное оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе». Благочестивые пастыри церкви вопіютъ противъ такого преобладанія въ народѣ грубыхъ чувственныхъ наклонностей—надъ высшими нравственными требованіями. «На праздники Владычни и Богородичны и въ нарочитыхъ святыхъ», писалъ патр. Іоасафъ въ 1637 году въ памяти тіуну и благочинному,—«въ праздники, въ нихъ же бо суть подобаетъ православнымъ христіанамъ праздновати и веселитися духовно и приходя къ церкви Божіей молитися и духовная словеса божественныхъ писаній со вниманіемъ послушати; на се бо созываютъ божественніи праздницы и писаніе повелѣваютъ духовно веселитися и удивлятися милосердію Божію, отъ невидимыхъ бо существъ сошедъ не приступнаго дому Житель, человѣкъ

---

[1]) О бродяжничествѣ будетъ особо сказано въ пятой главѣ этого сочиненія.

оли быти человѣка ради; въ насъ же сія пренебрегома и яко что не ино дѣло презираемо и вся противно творимъ и ругательно праздни-ъ Господнимъ; вмѣсто радости духовной, воздѣланіе творятъ радости овской и воспріимши непразньственные праздники, ходяще по воли дець своихъ, ходяще по улицамъ въ народѣ безчинствующе, пьянствующе, угающеся праздникамъ святымъ Божіимъ; вмѣсто духовнаго торжества пріимше игры и кощуны бѣсовскія... и о тѣхъ праздницѣхъ сходящеся гіе люди, нетокмо что младые, но и старые люди, въ толпы ставятся ываютъ бои кулачные великіе и до смертнаго убійства, и въ тѣхъ ахъ многіе и безъ покаянія пропадаютъ, и всякаго беззаконнаго дѣла южалось, еллинскихъ блядословій и кощунъ; да еще другъ друга лаютъ орною бранію, отца и матерь блуднымъ позоромъ и всякою безстыдною, юю позорною нечистотою языки своя и души оскверняютъ» [1]). Этотъ бый, кичливый разгулъ еще ничего въ сравненіи съ тѣмъ грубымъ вратомъ, который господствовалъ въ XVII вѣкѣ особенно въ тѣхъ тахъ Сибири, гдѣ впослѣдствіи преимущественно развился расколъ и нялъ также особенно развратный, грубый характеръ: «Вѣдомо намъ нилось отъ воеводъ и отъ приказныхъ людей, которые прежде сего зали въ Сибири», писалъ патр. Филаретъ сибирскому архіепископу пріану въ 1922 году,—«что въ сибирскихъ городахъ многіе служилые килецкіе люди живутъ некрестьянскими обычаи, но по своимъ сквер-мъ похотѣмъ; многіе де русскіе люди... съ татарскими и съ остяцкими ъ вагулицкими поганскими женами, смѣшаются и скверная дѣютъ; а ые живутъ съ татарками съ некрещеными, какъ есть съ своими женами, дѣютъ съ ними противность; а иные и горше того творятъ, поимаютъ за я въ жены въ сродствѣ сестры свои родныя и двоюродныя и назван-я и кумы крестныя, а иные де и на матери своя и на дщери блудомъ ягаютъ и женятся на дщеряхъ и на сестрахъ, еже ни въ поганыхъ и нающихъ Бога не обрѣтается, о нихъ же не точію писати, и слышати сно, и въ такомъ пребеззаконномъ дѣлѣ многіе и дѣти съ ними прижи-ютъ. А иные де многіе служилые люди посылаютъ къ Москвѣ и въ ые городы для дѣлъ, жены своя въ деньгахъ закладываютъ у своей тьи у служилыхъ же и у всякихъ людей на сроки, и отдаютъ тѣхъ ихъ женъ въ закладъ мужи ихъ сами, и тѣ люди у которыхъ онѣ ваютъ въ закладѣ, съ ними до сроку, покамѣстъ которыя жены къ не выкупитъ, блудъ творятъ беззазорно; а какъ тѣхъ жены сроки не выкупятъ, и они ихъ продаютъ на воровство же (блуд-) и въ работу всякимъ людямъ, не бояся праведнаго суда Бо-, и тѣ люди, покупая тѣхъ женъ, также съ ними воруютъ и ужъ выдаютъ, а иныхъ бѣдныхъ и убогихъ вдовъ и дѣвицъ помощныхъ для воровства къ себѣ емлютъ сильно, и у мужей убогихъ отныхъ людей жены отнимаютъ и держатъ у себя для воровства, и пости на нихъ емлютъ воровскія за очи. А попы сибирскихъ городовъ ъ ворамъ не запрещаютъ, а иные де попы черные и бѣлые тѣмъ вся-

[1]) А. А. Э. т. III, № 264.

раскольники XIX вѣка являются болѣе похожими на протестантовъ, а масса коснѣетъ въ чисто русскомъ старообрядствѣ.

Говоря объ умственныхъ и нравственно-религіозныхъ недостаткахъ русскаго народа въ XVII в., благопріятствовавшихъ развитію раскола, мы не можемъ, наконецъ, умолчать еще объ одномъ мрачномъ недостаткѣ, который впрочемъ свойственъ былъ большей части нашего народа и не только въ XVII вѣкѣ, но и всегда. Это *склонность его къ грубой, необузданной свободѣ въ нравственной жизни, къ грубому разврату и празднолюбительству* [1]). При недостаткѣ постояннаго, вполнѣ обезпеченнаго, усерднаго труда, особенно же при господствѣ въ XVII вѣкѣ безпорядочнаго бродяжничества народа, необразованный русскій человѣкъ, въ своей праздной, бродячей разгульной жизни, или предавался нелѣпымъ толкамъ, и отсюда легко переходилъ къ расколоученію, къ вымыслу какого-либо раскольническаго толка, или всего чаще предавался грубому разврату, и отъ него также доходилъ до раскола. Исторія показываетъ, что для простого народа нашего самой сильной, почти единственной нравственной сдержкой, главнымъ нравственно-воспитательнымъ средствомъ въ древнее время была церковность, нравственныя постановленія церкви. Забывалъ, оставлялъ онъ эту послѣднюю нравственную сдержку, это послѣднее самое сильное средство нравственнаго самохраненія, что, какъ мы видѣли, и было въ немалой части русскаго народа въ XVII вѣкѣ,—и вотъ его грубыя страсти, плотскіе, чувственные инстинкты его не развитой, не смягченной просвѣщеніемъ природы, проявлялись во всемъ своемъ дикомъ, необузданномъ разгулѣ. Если въ наше время этотъ недостатокъ еще господствуетъ въ народѣ, то въ XVII вѣкѣ, при грубости, жесткости нравовъ, при совершенномъ отсутствіи просвѣщенія, смягчающаго, облагораживающаго народную нравственность, эта склонность къ необузданной свободѣ, разгульной жизни выходила даже изъ границъ общественнаго благочинія и порядка. Грубый русскій человѣкъ, когда уже увлекался потокомъ своихъ плотскихъ наклонностей и предавался разгулу грубыхъ матеріальныхъ силъ, то позволялъ себѣ все, не стѣсняясь ни стыдомъ, ни нравственнымъ закономъ. Среди буйной, разгульной веселости своей, вполнѣ предавался разврату; тутъ совершалось «и мужемъ и отрокомъ великое прельщеніе и паденіе женамъ замужнымъ беззаконное оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе». Благочестивые пастыри церкви вопіютъ противъ такого преобладанія въ народѣ грубыхъ чувственныхъ наклонностей—надъ высшими нравственными требованіями. «На праздники Владычни и Богородичны и въ нарочитыхъ святыхъ», писалъ патр. Іоасафъ въ 1637 году въ памяти тіуну и благочинному,—«въ праздники, въ нихъ же бо суть подобаетъ православнымъ христіанамъ праздновати и веселитися духовно и приходя къ церкви Божіей молитися и духовная словеса божественныхъ писаній со вниманіемъ послушати; на се бо созываютъ божественніи праздницы и писанія повелѣваютъ духовно веселитися и удивлятися милосердію Божію, отъ невидимыхъ бо существъ сошедъ не приступнаго дому Житель, человѣкъ

[1]) О бродяжничествѣ будетъ особо сказано въ пятой главѣ этого сочиненія.

оли быти человѣка ради; въ насъ же сія пренебрегома и яко что не
вино дѣло презираемо и вся противно творимъ и ругательно праздни-
въ Господнимъ; вмѣсто радости духовной, воздѣланіе творятъ радости
овской и воспріимши непразньственные праздники, ходяще по воли
децъ своихъ, ходяще по улицамъ въ народѣ безчинствующе, пьянствующе,
угающеся праздникамъ святымъ Божіимъ; вмѣсто духовнаго торжества
пріимше игры и кощуны бѣсовскія... и о тѣхъ праздницѣхъ сходящеся
гіе люди, нетокмо что младые, но и старые люди, въ толпы ставятся
ываютъ бои кулачные великіе и до смертнаго убійства, и въ тѣхъ
ахъ многіе и безъ покаянія пропадаютъ, и всякаго беззаконнаго дѣла
ножалось, еллинскихъ блядословій и кощунъ; да еще другъ друга лаютъ
орною бранію, отца и матерь блуднымъ позоромъ и всякою безстыдною,
тою позорною нечистотою языки своя и души оскверняютъ» [1]. Этотъ
бый, кичливый разгулъ еще ничего въ сравненіи съ тѣмъ грубымъ
вратомъ, который господствовалъ въ XVII вѣкѣ особенно въ тѣхъ
стахъ Сибири, гдѣ впослѣдствіи преимущественно развился расколъ и
нялъ также особенно развратный, грубый характеръ: «Вѣдомо намъ
нилось отъ воеводъ и отъ приказныхъ людей, которые прежде сего
вали въ Сибири», писалъ патр. Филаретъ сибирскому архіепископу
пріану въ 1922 году,—«что въ сибирскихъ городахъ многіе служилые
килецкіе люди живутъ некрестьянскими обычаи, но по своимъ сквер-
мъ похотѣмъ; многіе де русскіе люди... съ татарскими и съ остяцкими
съ вагулицкими поганскими женами, смѣшаются и скверная дѣютъ; а
ые живутъ съ татарками съ некрещеными, какъ есть съ своими женами,
дѣютъ съ ними противность; а иные и горше того творятъ, поимаютъ за
я въ жены въ сродствѣ сестры свои родныя и двоюродныя и назван-
я и кумы крестныя, а иные де и на матери своя и на дщери блудомъ
сягаютъ и женятся на дщеряхъ и на сестрахъ, еже ни въ поганыхъ и
знающихъ Бога не обрѣтается, о нихъ же не точію писати, и слышати
усно, и въ такомъ пребеззаконномъ дѣлѣ многіе и дѣти съ ними прижи-
ютъ. А иные де многіе служилые люди посылаютъ къ Москвѣ и въ
ые городы для дѣлъ, жены своя въ деньгахъ закладываютъ у своей
тьи у служилыхъ же и у всякихъ людей на сроки, и отдаютъ тѣхъ
оихъ женъ въ закладъ мужи ихъ сами, и тѣ люди у которыхъ онѣ
ваютъ въ закладѣ, съ ними до сроку, покамѣстъ которыя жены
жъ не выкупитъ, блудъ творятъ беззазорно; а какъ тѣхъ жены
сроки не выкупятъ, и они ихъ продаютъ на воровство же (блуд-
е) и въ работу всякимъ людямъ, не боясь праведнаго суда Бо-
я, и тѣ люди, покупая тѣхъ женъ, также съ ними воруютъ и
ужъ выдаютъ, а иныхъ бѣдныхъ и убогихъ вдовъ и дѣвицъ
помощныхъ для воровства къ себѣ емлютъ сильно, и у мужей убогихъ
ютныхъ людей жены отнимаютъ и держатъ у себя для воровства, и
іпости на нихъ емлютъ воровскія за очи. А попы сибирскихъ городовъ
тъ ворамъ не запрещаютъ, а иные де попы черные и бѣлые тѣмъ вся-

[1] А. А. Э. т. III, № 264.

кихъ чиновъ людямъ и молитвы говорятъ, а иныхъ и вѣнчаютъ безъ знаменъ не по хрестьянскому обычаю: а иные многіе люди, мужи и жены въ болѣзнѣхъ постригаются въ иноческій образъ, и потомъ оздравѣвъ живутъ въ домѣхъ своихъ по прежнему, и многія изъ нихъ постригшися жены съ мужи своими и съ наложники блудъ творятъ и дѣтей приживаютъ, а иные многіе и разстригаются и платье чернеческое съ себя сметываютъ; а въ которыхъ де городѣхъ монастыри мужескіе и дѣвичьи устроены, и въ тѣхъ де монастырѣхъ старцы и старицы живутъ съ мірскими людьми съ одного въ однѣхъ домѣхъ и ни чѣмъ отъ мірскихъ людей не рознятся. А которые де сибирскіе служилые люди пріѣзжаютъ къ Москвѣ съ государевою денежною и соболиною казною, и тѣ де служилые люди въ Москвѣ и въ иныхъ городѣхъ русскихъ подговариваютъ многихъ женокъ и дѣвокъ, и привозятъ ихъ въ сибирскіе городы и держатъ ихъ за женъ вмѣсто, а иныхъ порабощаютъ и крѣпости на нихъ емлютъ сильно, и иныя всякія беззаконныя дѣла дѣлаютъ, чего нетокмо писати, и слышати жалостно и Богу мерзко» [1]). Такой развратъ господствовалъ въ народѣ и внутри Россіи. И даже женщины нисколько не уступали въ развратѣ мужчинамъ. Нравственное состояніе и общественное положеніе женщины въ Россіи XVII и даже первой половины XVIII вѣка до Екатерины великой, служитъ лучшимъ мѣриломъ нравственнаго состоянія всего тогдашняго русскаго общества. Иностранцы, какъ напр. Олеарій и Кемпферъ, самыми мрачными красками изображаютъ нравственный характеръ русской женщины XVII вѣка [2]). Безнаказанное сожительство мужчинъ и женщинъ въ XVII в. распространилось до чрезвычайности. Благочестивые пастыри сильно на это жаловались, и жалобы ихъ не слушались. Не сознавая возможности высшей, чистой нравственной связи съ женщиною, не возвышаясь надъ плотскими, чисто-животными инстинктами, весьма многіе грубые русскіе люди не сознавали и законности и необходимости высшаго нравственнаго, церковнаго освященія союза мужа съ женою посредствомъ таинства брака. И въ концѣ XVII вѣка Желябужскій, оставившій намъ въ своихъ запискахъ мрачную картину нравственнаго растлѣнія русскихъ людей подъ конецъ древней Россіи, и тѣмъ ясно показавшій, какъ необходимо было почти все цѣлое нравственное обновленіе, просвѣщеніе и очищеніе русскаго народа отъ умножившейся нравственной тины, посредствомъ реформы Великаго Петра, Желябужскій записалъ въ своихъ запискахъ и самыя черты грубаго разврата, какой растлѣвалъ русскіе нравы въ послѣднее время древней Россіи: растлѣніе дѣвъ, блудодѣйство замужнихъ женъ и женатыхъ мужчинъ, и проч. [3]). — Когда мы

---

[1]) Собран. Госуд. грам. ч. III. № 60.

[2]) Напр. Олеарій пишетъ: Nous avons vû à Moscou des hommes et des femmes sortir des étuves publiques tout nuds, de s'approcher de notre jeunesse, et sxciter leur passion par des mots sales et lascifs... Ils sont paresseux et abandonnés à la luxure, и проч. p. 214. Нашъ Кошихинъ не менѣе мрачными чертами изображаетъ русскихъ женщинъ XVII вѣка. См. его соч. о Россіи стр. 44. 92.

[3]) Такъ, напр. онъ пишетъ, между прочимъ: въ 7192 году учинено наказаніе Петру Васильеву, сыну Кикину, за то, что онъ дѣвку растлѣлъ; 7262 Іюня приведены

ащаемъ вниманіе на такое нравственное растлѣніе многихъ людей II в., пренебрегавшихъ нравственными постановленіями церкви, на эту вычку къ грубой, ничѣмъ не сдерживаемой свободѣ жизни и разврату, это нравственное отрицаніе необходимости высшаго церковнаго освяніи союза мужчины и женщины,—намъ становится понятнымъ, почему ъ русскомъ расколѣ старообрядства, почему въ скитахъ и монастыряхъ кольническихъ такъ сильно былъ развитъ развратъ, и такъ приманчивъ ъ для многихъ грубыхъ, русскихъ людей. Расколъ освятилъ и этотъ ачный недостатокъ народной нравственности русской стараго времени. отопопъ Аввакумъ училъ: «молю васъ, не прикасайтесь ихъ ересямъ, . ересямъ священниковъ православной церкви... аще вѣнчаеми бываютъ ихъ, то не браки, а прелюбодѣющіи. Аще кто не имать іереевъ, да живетъ сто, т. е. блудно [1]). И многіе послѣдователи раскола стали жить такъ. споповщина въ главнѣйшихъ своихъ толкахъ расторгаетъ и запрещаетъ къ и позволяетъ, какъ въ мірѣ живущимъ, такъ и подвизающимся въ цинахъ или монастыряхъ, блудное сожитіе. Многія секты, какъ напр. ефановщина, филиповщина и другія, блудъ считаютъ любовію. Мы видѣли кже, какъ склонны были къ разврату русскія женщины XVII вѣка,—и ъ даже простыя бабы основываютъ секты, гдѣ блудъ признается любвью: такъ простая баба Акулина основала секту—акулиновщину, гдѣ жчины и женщины, чернцы и черницы, безъ разбора и стыда живутъ удно. Мы видѣли, какъ развратъ господствовалъ въ Сибири: и вотъ мъ, по словамъ Игнатія, митр. тобольскаго даже и жены проповѣдывали удъ, называя это любовью Христовою. Въ 1694 году новгородскіе расльники на общемъ сходбищѣ сами говорили о своей жизни, что «въ ліяхъ на уединеніи они жили съ зазорными лицами и съ духовными черьми, съ дѣвицами и женами, юноши или мужи брали къ себѣ женъ сожительство и единокелейное пребываніе и проживали дѣтей съ тѣми нами и дѣвами» [2]).

Доселѣ мы разсматривали главнымъ образомъ нравственное состояніе ского обществавъ XVII столѣтіи, и нашли въ немъ почву самую благоятную для распространенія раскола. Теперь посмотримъ ближе на ту сть русскаго духовенства, изъ среды которой вышли расколо - учители, особенно на нравственную жизнь неблагонравныхъ священниковъ, такъ къ отъ нихъ прежде всего произошелъ расколъ и изъ нихъ образовась даже особая секта въ расколѣ—поповщина.

Духовенство наше въ XVII вѣкѣ явно представляло два различныя правленія [3]). Одна часть духовенства проникнута была истиннымъ ду-

---

Стрѣлецкій приказъ Трофимъ да Данила Ларіоновы съ дѣвкою въ блудномъ дѣлѣ жены, въ застѣнокъ; 7205—битъ кнутомъ нещадно Иванъ Петровъ сынъ Бартеъ за то, что бралъ женокъ и дѣвокъ на постелю, и т. д. Въ другихъ документахъ на XVII и начала XVIII вѣка также часто встрѣчаемъ подобныя семейныя сцены.

[1]) Сборн. соч. Аввакума.

[2]) Іоаннов. истор. изв. о раскол. стр. 89—97.

[3]) Эти два различныя направленія нашего духовенства въ XVII столѣтіи особо ясно обнаружились при П. Гермогенѣ, около 1618 года., въ борьбѣ исправителей

хомъ христіанскаго священства, стремленіемъ къ духовному просвѣще и ревностію къ точному исполненію каноническихъ законовъ цер «Извѣстно сотворися святому собору, говорили отцы собора 1667 года яко нынѣ Божіею благодатіею, въ россійскомъ народѣ обрѣтаются щенницы и діаконы, имущіи разумъ божественныхъ писаній, еще же дущіи и православныя вины и житіе имущіи чистое» [1]). Въ этой ча духовенства постепенно насаждалось въ большей или меньшей мѣр возрастало церковное просвѣщеніе и развивалась истинно - христіанс жизнь церкви, въ правильномъ чинѣ и благоустройствѣ церковн Представителями этой части духовенства были всѣ тѣ пастыри и учит русской церкви, которые вполнѣ чувствовали нужду въ исправленіи ковнаго чина и обрядности, благонамѣренно и дѣятельно заботилис немъ и даже страдали за истинно-христіанскій порядокъ церкви отъ достойныхъ братій своихъ, ревновавшихъ за мнимую старину. Въ ср этой части духовенства воспитался и великій Никонъ, пастырь, со мени управленія котораго церковь русская, можно сказать, вступила новый періодъ своего историческаго, духовно-нравственнаго развиті преуспѣянія въ духѣ христіанства. Въ сферѣ этой части духовенства будилась и къ концу XVII вѣка окончательно созрѣла потребность о ванія духовной славяно-греко-латинской академіи — перваго высшаго садника просвѣщенія въ Россіи.—Другая, къ прискорбію, самая боль часть русскаго духовенста XVII в. чужда была сознанія высокой важн священства и священнослуженія, проникнута была духомъ противл высшей церковной власти и каноническимъ уставамъ церкви, и стре ніемъ къ свободной, праздной, сочувственно-спокойной жизни на сч народа. Эта-то часть духовенства представляла нравственную почву, са благопріятную для развитія и распространенія раскола, особенно по щины, возрастила сѣмена его и дала первыхъ главныхъ расколо-учите и главнымъ образомъ поддерживала и усиливала поповщину. Много этой части духовенства было воспріимчивости и склонности къ раско

Во первыхъ. весьма благопріятствовалъ распространенію раскола этой части духовенства, какъ и въ народѣ, *крайній недостатокъ просвѣщ* Высокая ревность къ духовному просвѣщенію, такъ живо одушевля наше древнее духовенство, обильно пользовавшееся плодами гр восточнаго духовнаго просвѣщенія, теперь давно погасла. Еще ми политъ Симонъ писалъ о священникахъ около 1499 года: «суть ини, неученіемъ разума, внѣшними хулити имя Божіе творятъ.

книгъ, архимандрита троицко-сергіевскаго монастыря Діонисія, священника клемен скаго Ивана Насѣдки, старцовъ троицкихъ—Арсенія Глухаго и Антонія Крыло другихъ, участвовавшихъ съ ними духовныхъ,—съ невѣжественными и злонам ными обвинителями ихъ, между которыми, кромѣ ризничаго дьякона Маркелла, у щика Сергіева монастыря Филарета и головщика Логгина, были нѣкоторые архи дриты и попы, и во главѣ которыхъ стоялъ даже митрополитъ сарскій и подо Іона. Чтен. моск. общ. ист. и древн. росс. № 8, отд. 1 Прибавл. къ твор. св. о ч. III, кн. 2, стр. 153.

[1]) Дополн. къ Акт. истор. V, стр. 493.

янствѣ и въ пищахъ и въ мірскихъ вещѣхъ, въ лѣности, въ нерадѣніи, и безстрашіи ученія разумъ погубивше, ини вопросите не хотятъ, ни учатся, о утробнѣмъ гладѣ сѣтуются и вретятся, а о душевнѣмъ гладѣ никакоже не попекущеся, и не понимаютъ апостола глаголюща: «готови будите къ отвѣту благу вопрошающимъ васъ» [1]). Съ наступленіемъ XVI столѣтія, когда въ Россіи изчезли послѣднія доселѣ еще существовавшія по мѣстамъ училища для приготовленія пастырей церкви [2]), мракъ невѣжества почти совершенно подавилъ умственную жизнь и дѣятельность большей части духовенства, особенно въ сѣверо-восточной Россіи, удаленной отъ вліянія западно-европейскаго, греко-восточнаго и южно-славянскаго просвѣщенія. Даже въ монастыряхъ, древнихъ разсадникахъ духовнаго просвѣщенія, гдѣ прежде часто являлись старцы умные и весьма образованные, теперь предъ временемъ раскола, иногда въ цѣлой области или уѣздѣ нельзя было найти и одного старца, который-бы зналъ грамоту. «Нынѣ въ софійскомъ дому ризничаго нѣтъ,—писалъ въ половинѣ XVII вѣка митр. новгородскій Аффоній соловецкому игумену Меркеллу,—а взять негдѣ, во всѣхъ монастыряхъ добрые старцы перевелись, а которые и есть, и тѣ бражничаютъ, а *грамотѣ не умѣютъ*» [3]). Стали посвящаться въ попы и діаконы «мужики»—совершенные невѣжды, неумѣвшіе ни читать ни пѣть, и нехотѣвшіе даже учиться [4]). А другіе ду-

---

[1]) А. И. т. I, стр. 161.

[2]) О недостаткѣ духовныхъ училищъ въ XVI и XVII в. будетъ сказано въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

[3]) Собран. архіерейск. грам. ркп. сборн. Солов. библ. подъ №№ 20, 62 и 64.

[4]) Такъ жаловался около 1500 г. новгородскій архіепископъ Геннадій митрополиту Симону: „вотъ приводятъ ко мнѣ мужика; я приказываю ему читать апостолъ, а онъ и ступить не умѣетъ; приказываю дать ему псалтирь, а онъ и по той едва бредетъ. Я отказываю ему, и на меня жалобы: земля, господине, такова, не можемъ добыть кто бы умѣлъ грамотѣ. Вотъ и обругалъ всю землю, будто нѣтъ человѣка на землѣ, кого-бы ставить въ священство. Бьютъ мнѣ челомъ: пожалуй, господине, вели учить. Приказываю учить эктенію, а онъ и къ слову пристать не можетъ; ты говоришь ему то, а онъ другое. Приказываю учить азбуку, и они не много поучившись букѣ, просятся прочь, не хотятъ учить ее. А у меня духа недостаетъ ставить такихъ неучей въ священники. Мужики-невѣжи учатъ ребятъ грамотѣ и только портятъ; а между тѣмъ за ученіе вечерни принеси мастеру каша да гривна денегъ, за заутреню тоже, или и больше; за часы особо... А отойдетъ отъ мастера, и ничего не умѣетъ,—едва едва бредетъ по книгѣ; а церковнаго порядка вовсе не знаетъ". Акт. истор. т. I, № 104. Точно также было въ половинѣ XVI столѣтія во дни стоглаваго собора, какъ видно изъ 25 главы стоглава. Такіе же малообразованные и невѣжды поставлялись въ священники и дьяконы въ продолженіи всего XVII столѣтія особенно до патр. Никона. Этотъ незабвенный іерархъ, какъ мы видѣли, издалъ строгій указъ о ставленникахъ, чтобы они „грамотѣ умѣли, и смиренны были, и церковному правилу искусны и отъ божественныхъ писаній сказательни" (акт. экспед. археол. т. IV, № 331), и даже самъ въ своемъ патріаршемъ домѣ испытывалъ желавшихъ принять священный санъ въ чтеніи. „Въ одну изъ палатъ въ патріаршемъ домѣ, пишетъ алеппскій діаконъ Павелъ, сопутствовавшій антіохійскому патр. Макарію, являются желающіе быть священниками съ свидѣтельствомъ отъ жителей околотка: они становятся всѣ въ ряду. Патріархъ даетъ имъ читать книги, каждому по очереди, утверждая того, кто бѣгло читаетъ, и отказывая читающимъ неисправно". Смотр. памятн. моск.

ховные хотя и умѣли хорошо читать и писать, но по невѣжеству, любили лучше заниматься разными нелѣпыми сказаніями, повѣстями и баснями, чѣмъ пріобрѣтеніемъ богословскихъ познаній и обогащеніемъ русской церкви произведеніями святоотеческой письменности. «У насъ, — съ глубокою скорбію жаловались тогда люди благомыслящіе, понимавшіе долгъ духовенства и потребности своего времени — у насъ и ни десятыя части книгъ учителей нашихъ старыхъ не преведено лѣности ради и нерадѣнія властелей нашихъ, ибо нынѣшняго вѣка мнящіися учители больше въ болгарскія басни, або паче въ бабскія бредни упражняются, прочитаютъ и похваляютъ ихъ, нежели въ великихъ учителей разумѣхъ наслаждаются»[1]). Вмѣсто того, чтобъ заниматься изученіемъ Слова Божія, святоотеческихъ твореній и обогащать умъ свой познаніемъ истинъ вѣры, нѣкоторые духовные, особенно праздношатающіяся дѣти священно-церковно служителей занимались чернокнижіемъ, звѣздочетствомъ и волшебствомъ, составляли разныя суевѣрныя тетради, и такимъ образомъ упражнялись въ невѣжествѣ и суевѣріи, и въ простомъ народѣ распространяли невѣжество и суевѣріе и между своими братіями духовными[2]). А между тѣмъ, что особенно нужно было духовнымъ изучать и знать, каковы священныя и церковныя книги и науки, того они почти вовсе не знали и не понимали. Вспомнимъ, какъ отзывался въ этомъ отношеніи сотрудникъ препод. Діонисія, архимандрита троицкаго, старецъ Арсеній въ своей челобитной боярину Салтыкову даже «о лучшихъ архимандритахъ и попахъ, которые часто «ничимъ же разнствовали невѣжду и поселянина». Вспомнимъ, каковы были даже отборные книжники XXII вѣка, справщики церковныхъ книгъ до п. Никона, избиравшіеся большею частію изъ духовенства: объ нихъ тотъ же Арсеній говоритъ, что это были люди, «незнавшіе ни православія ни кривославія, и божественная писанія точію по чернилу проходящіе». Эти духовные книжники XVII вѣка не только не въ состояніи были сами сочинять и издавать полезныя книги для духовнаго просвѣщенія русскаго народа, но и не умѣли надлежащимъ образомъ усвоить себѣ и перевести на русскій языкъ, безъ грубыхъ грамматическихъ, а часто и догматическихъ ошибокъ, богословскихъ сочиненій, появлявшихся въ XVI и XVII стол. въ юго-западной Россіи. Они часто по своему невѣжественному, ограниченному мудрованію искажали весьма умныя и здравыя сочиненія просвѣщенныхъ писателей[3]). Въ церковно-богослужебныхъ кни-

---

древн. кн. II, стр. 197. Но мы знаемъ, какой ропотъ подняли противъ Никона невѣжественные духовные за такое нововведеніе.

[1]) Востокъ. опис. Рум. Муз. № CXCIII, стр. 242.

[2]) Дополн. къ Акт. Ист. 1, № 151; IV, № 99. Арцыбаш. повѣств. о Россіи т. III, кн. VI, прим. CLXXVI: „отъ патріарха Филарета... въ Нижній-Новгородъ, печерскаго монастыря архимандриту Раѳаилу... извѣщалъ тебе старецъ Варсонофей на церковнаго дьячка на семейку Григорьева, что тотъ дьячокъ держитъ у себя книги недобрыя, ересныя, да приговоры... Рафли, тетради гадательныя... и выбъ того дьячка взяли и велѣли его сковати въ ножныя желѣза и быть въ монастырскихъ черныхъ службахъ годъ“. Это было въ 1628 г.

[3]) Такъ напр. въ 1649 г. внесены были нашими необразованными духовными издателями книгъ при патр. Іосифѣ грубыя догматическія погрѣшности въ малый

ъ крайній недостатокъ просвѣщенія нашихъ духовныхъ XVII вѣка авилъ свои темные слѣды, обнаруживъ въ нихъ незнаніе иногда саихъ важныхъ истинъ вѣры, самыхъ простыхъ и общеизвѣстныхъ событій рковной исторіи, а иногда даже отсутствіе простого здраваго смысла. и крайнемъ недостаткѣ всесторонняго, научнаго, живого богословскаго свѣщенія, при ограниченномъ, рутинномъ образѣ мыслей и понятій, ященники, діаконы и дьячки ничего не знали и не хотѣли знать кромѣ квы церковной книги, по которой «едва брели», которой не въ состояніи ли надлежащимъ образомъ понять и съ толкомъ прочитать. Не углуясь мыслію своею въ смыслъ церковнаго чтенія и пѣнія, или не помая его, они безсознательно, безотчетно произносили въ нѣкоторыхъ рковныхъ молитвословіяхъ самыя грубыя, часто безсмысленныя приски невѣжественныхъ писцовъ, — искаженныя слова и цѣлыя предлонія, грубыя ошибки догматическія, историческія и грамматическія. Напр. воря отпуски на праздники Богородичные, священники весьма странно оминали въ нихъ и самыя празднуемыя событія, какъ бы приписывая имъ, какъ самой Богородицѣ и святымъ, молитвы за насъ; напр. въ аздникъ введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы говорили: Христосъ тинный Богъ нашъ, *молитвами* пречистыя Его Матери *честнаго и славо Ея введенія,* и всѣхъ святыхъ, помилуетъ и спасетъ насъ; такъ же чно въ праздники Благовѣщенія, Рождества Богородицы и др. [1]). Или: рѣдко въ молитвословіяхъ упоминали вымышленныя имена, читали шнія, суевѣрныя молитвы, изъ апокрифическихъ сборниковъ—сельскихъ нуканунцевъ и молитвенниковъ внесенныя въ церковныя книги. И ого подобныхъ грубыхъ и невѣжественныхъ ошибокъ безсознательно, не нимая, произносили невѣжественные попы, діаконы и дьячки, совершая бо-

---

тихизисъ митрополита кіевскаго Петра Могилы, и въ нѣкоторыя другія учительныя иги. Въ составъ сочиненій Максима Грека кто-то изъ духовныхъ же первой полоны XVII вѣка внесъ слово о двуперстіи, содержащее въ себѣ такія грубыя повшности и противъ догматики и противъ простого здраваго смысла, какія соверянно недостойны препод. Максима, весьма просвѣщеннаго богослова, и невозможны я его ума.

[1]) Ист. Русск. раск., пр. Мак. стр. 129. Или: а) въ числѣ 5 молитвъ, которыя оизносить священникъ предъ началомъ проскомидіи, тогдашніе священники читали олитву надъ виномъ, *хотящимъ служити*; б) въ великой эктеніи говорили: о благостояніи святыхъ Божіихъ церквахъ... о патріархѣ нашемъ, имя рекъ, честнаго пресітерства, еже о Христѣ діаконства и всего причта, и о людѣхъ; в) въ эктеніи по вангеліи: о благовѣрномъ и Богохранимомъ князѣ имя рекъ, о державѣ и побѣдѣ ебыванія мира, здравія, спасенія и оставленія грѣховъ его и т. д. Мы выписали ти неисправности въ церковныхъ книгахъ, чтобы видѣть, до какой степени доходило стѣпленіе или невниманіе нашихъ священниковъ въ XVII столѣтіи, которые рѣшиись еще защищать и оставить навсегда неизгладимыми эти жалкіе слѣды своего евѣжества. Послѣ этого можно понять всю справедливость словъ преп. Діонисія, порадавшаго за духовное просвѣщеніе въ борьбѣ съ невѣжественнымъ духовенствомъ, то въ его время и лучшіе архимандриты и попы „иные едва и азбуки умѣли, а еже мь частей слова разумѣти и къ симъ пристоящая, сирѣчь, роды, и числа, и времена и лица, званія же и залоги, то имъ ниже на разумъ не всхаживало, священная философія и въ рукахъ не бывала“.

гослуженіе по книгамъ большей частію ихъ же невѣжествомъ испорчен
Непонимая богослужебныхъ книгъ, многіе священники и діаконы еще
понимали внѣшнюю церковную обрядность. «Что святая, соборная, апо
ская одушевленная церковь съ вещественною церковію, въ ней же Боже
ныя тайны совершаются, говоритъ Епифаній Славеницкій, что боже
ный жертвенникъ и благословенная трапеза, на ней же безкровная ж
всеблагому Богу приносится; что катапетасма трапезная, литонъ св
ный, ѳиміатонъ съ ѳиміамы и священно-начальническія съ священ
скими ризы, въ няже священницы облекшеся таинственнѣ свя
дѣйствуютъ; что хлѣбъ и вино, яже въ пречистое Тѣло Христово
пречистую кровь Христову пресуществляются дѣйствіемъ Св. Духа
символъ церковной, алтарь божественный, священные сосуды,—не вс
щенніи православныя Россійскія церкве причетницы извѣстно в
ствуютъ» [1]). Это непониманіе предметовъ Богослуженія доходило до
ности. «Попы препростіи, съ глубокою скорбію жаловался святител
митрій ростовскій, не знаютъ быти сущаго въ пречистыхъ тайнаго
наго Христа Бога, ниже вѣдятъ, нарицати Тѣла Христова Тѣломъ
стовымъ. Случися бо намъ мимошедшаго 1702 г. во градъ Ярославл
дущимъ, внити въ единой веси въ церковь, идѣже по обычномъ м
азъ смиренный, хотя обычную почесть и поклоненіе воздати пречи
Христовымъ тайнамъ, егда вопросихъ тамошняго попа: гдѣ суть жи
рящіи Христовы тайны? Попъ той не разумѣ словесе моего, и яко
мысляй, стояше молча. Паки рѣхъ: гдѣ Тѣло Христово? Попъ же
словеси познати можаше. Егда же единъ отъ со мною бывшихъ иску
іереевъ рече къ нему: гдѣ запасъ? Тогда онъ веземъ отъ угла со
зѣло гнусный, показа въ немъ хранимую оную въ небреженіи толь
святыню, на нюже ангели смотрятъ со страхомъ. Удивися о семъ
восклицаетъ святитель, и земли ужаснитеся концы. О, окаянніи іере
сами Христа Бога въ пречистыхъ Христовыхъ тайнахъ не знаете: т
простыхъ людей истиннаго богознанія научите» [2]). При такомъ кра
незнаніи церковности, непониманіи богослужебныхъ книгъ и обр
что сказать о богословскихъ познаніяхъ этой невѣжественной, и, къ
лѣнію, большей части духовенства? «Рѣдко кто изъ духовнаго чин
ловался тотъ же святитель Димитрій ростовскій, знаетъ порядокъ б
ской исторіи, что когда происходило. Одинъ игуменъ спрашивалъ
когда жилъ Илія пророкъ, по Рождествѣ ли Христовомъ, или до Р
ства Христова? и еще: маккавеи жили послѣ апостоловъ? ибо у
ихъ Еліазаръ на судищѣ предъ мучителемъ приводилъ слова апосто
и евангельскія, какъ напечатано въ прологѣ московскомъ въ 1 день Ав
И много слышалъ я другихъ смѣшныхъ рѣчей между духовнымъ ч
Напримѣръ слѣдующее: «которымъ ножемъ св. Петръ усѣкъ Малхо
тѣмъ впослѣдствіи св. Илія перерѣзалъ жрецовъ вааловыхъ» [3]).

---

[1]) Предисл. къ Скрижали напечат. въ 1655 г.
[2]) Древн. Росс. Вивліоѳ. ч. XVII стр. 86, 87.
[3]) Тамъ же стр. 51.

стьянинъ Посошковъ говорилъ о русскихъ священникахъ своего вре-
ги: «нынѣ такихъ пресвитеровъ много, что не то, чтобы кого отъ невѣ- привести, но и того незнаютъ, что то есть реченіе вѣра» [1]). Вотъ на кой степени духовнаго просвѣщенія стояла большая часть нашихъ свя- нно-церковно служителей, пастырей и учителей народа, въ XVII сто- гіи, въ тотъ печальный періодъ исторіи русской церкви, когда возникъ распространился въ Россіи расколъ! При такомъ крайнемъ невѣжествѣ ховенства, самихъ учителей народа, какъ могъ не распространиться сколъ? если слѣпецъ слѣпца водитъ, очевидно, оба легко могутъ пасть яму. И отцы собора 1667 года прямо говорятъ, что расколъ отъ того зникъ и распространился, что *„во священство поставляются сельскіе не- жды*, иже иніи ниже скоты пасти умѣютъ, кольми паче людей: *тѣмъ бываютъ въ церкви Божіи мятежи и расколы*" [2]). Невѣжество, по суду освѣщеннѣйшаго современника, Епифанія Славеницкаго, было причиною зстанія московскихъ расколоучителей: Аввакума, Даніила, Логгина и угихъ духовныхъ: «дебелаго невѣжества мракомъ душевреднѣ омрачив- ся, говоритъ онъ, дебелымъ невѣжествомъ помраченіи, въ пагубную итанія злобу устремляются» [3]). Жалкая поповщина есть печальное слѣд- віе нравственнаго паденія и умственнаго невѣжества недостойныхъ по- ввъ, изверженіе, отдѣленіе, какъ плевелъ отъ пшеницы, худой недостой- й половины духовенства отъ лучшей части его и отъ православнаго щества.

Во вторыхъ, въ большей части низшаго духовенства весьма много агопріятствовала распространенію раскола *закоренѣлая лѣность исправлять рковныя службы, холодность къ церкви, невнимательность къ своему званію*. ногіе недостойные священники, діаконы и причетники готовы были про- нять трудное, благонравное и дѣятельное служеніе церкви на праздную,

---

[1]) Соч. Посошкова.

[2]) Дополн. къ Акт. Истор. V, стр. 473.

[3]) Въ Скрижали 1656 г. И дѣйствительно, первые расколоучители духовные были вершенные невѣжды и по невѣжеству ратовали за расколъ. Вотъ какъ напр. были жны и невѣжественны понятія главнаго расколоучителя протопопа Аввакума. О ятой Троицѣ онъ лжеумствуетъ: „Зри Игнатій Соловянинъ, и вѣруй трисущную оицу, несѣкомую сѣки по равенству, не бойся, едино существо на три существа жде и естества. На-тое течетъ источникъ Божества, не рцы по Арію три естества равные, а равные три естества или существа добрѣ, не шевели больше того. Ко- ждо особое сѣдѣніе: Отцу и Сыну и Духу Святому, не спрятався сидятъ три царя бесніи. Христосъ сидитъ на особомъ престолѣ, равно сцарствуя Святой Троицѣ. о всѣхъ подобныхъ лжеумствованіяхъ протопопъ Аввакумъ, по замѣчанію св. Ди- трія ростовскаго, обличаетъ себя въ жалкомъ невѣжествѣ, показываетъ, что онъ незналъ догматовъ вѣры, и не читалъ со вниманіемъ и толкомъ церковно-богослу- бныхъ книгъ, и не смыслилъ исторіи церковной. Розыскъ. ч. I, гл. 17. Невѣжество па Никиты вполнѣ обличилъ Симеонъ Полоцкій въ „Жезлѣ Правленія", показавъ, акъ онъ дерзавъ во богословскія глубины умъ свой пущати, на брезѣ грамматическаго зума, и въ мелкости ея утопалъ (ч. I. № 23), и прагомъ богословія ниже малѣй- мъ прикоснуся перстомъ" (л. 23 об). Не выписываемъ уже невѣжественныхъ лже- ствованій попа Никиты. Такое же-невѣжество обличаетъ въ себѣ и попъ Лазарь имъ обличеніемъ: напр. облич. 58, 70. см. въ Жезлѣ Правленія.

матеріально-выгодную жизнь раскола, особенно поповщинскаго, съ ра
стію принимавшаго бѣглаго попа или діакона. Частію по причинѣ ма
ріальной необезпеченности, о чемъ будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ,
главнымъ образомъ по причинѣ отсутствія или неразвитости живо
нравственнаго сознанія пастырскихъ обязанностей,—стремленія матеріа
ныя, чувственныя въ самой большей части священниковъ преоблад
надъ духовно-нравственными стремленіями, и не только убивали въ н
всякую мысль о развитіи и распространеніи духовнаго просвѣщенія,
погружали ихъ въ крайнюю лѣность и безпечность объ исполненіи д
положительныхъ уставовъ церкви — прямыхъ обязанностей ихъ служе
Вотъ какъ описываетъ лѣность и нерадѣніе о духовныхъ обязанност
даже столичнаго, московскаго духовенства въ памяти, данной въ 1636 г
поповскому старостѣ, никольскому попу Панкратію: «Вѣдомо велик
господину святѣйшему Іоасафу, патріарху московскому и всея Русіи,
многихъ извѣстися, что въ царствующемъ градѣ Москвѣ, иже бо суть
Китаѣ, и въ бѣломъ городѣ каменномъ, и въ древянномъ, и въ загор
ныхъ мѣстѣхъ, въ соборныхъ и въ приходскихъ святыхъ Божіихъ церкв
чинится мятежъ и соблазнъ и нарушеніе нашея святыя и православ
христіанскія непорочныя вѣры, что во святыхъ Божіихъ церквахъ
по-скору пѣніе Божіе, не по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ....
сами священницы суть бесѣдующе и безчинствующе, и мірскія у
творяще, и вся яже святыхъ апостолъ и св. отецъ преданія вотще п
рающе, и мірскимъ людемъ о благочиніи и о укрѣпленіи христіанс
благопребыванія не наказующе и сами безчинствующе, а обѣдни слу
безъ часовъ, только отпускомъ начинаютъ; а во святые дни святого в
каго поста, въ нихъ же должни суть православніи христіане, яко въ
венное время. съ трудомъ великимъ и воздержаніемъ плоды добродѣ
ные собирати въ житницу душевную, а въ тѣ великіе дни службы
ковныя священницы совершаютъ зѣло по-скору, не по правиломъ, н
преданію святыхъ отецъ, но по своему умышленію, и лѣностію и нер
ніемъ великимъ изнуряютъ время постное; а иніи же бо суть, п
обѣдни на святой недѣли и вечерни отпѣваютъ, для своихъ пьянст
ныхъ нравовъ и лѣностію содержащеся. Такожде и въ воскресные
и во Владычны и Богородичны и въ нарочитыхъ святыхъ празди
завтрени священницы поютъ гораздо по-позду и для поздняго ради
мени поютъ зѣло по-скору же, и чтенія, иже учинено прочитати на п
ники учительныя народомъ евангелія и иныя св. апостолъ и св. о
поученія житія, то все оставляютъ, а православнымъ христіаномъ
ничего не прочитаютъ, а которымъ чести хотящимъ и они такожде
браняютъ, рекуще поздаго ради времене» [1].... Не рѣдко бывало, что
щено-церковно-служители, еще будучи въ православіи, поступали уже ч
по раскольнически. Священники лѣнились служить, и вмѣсто нихъ діак
дьячки или пономари, подобно безпоповцамъ, совершали такія службы,
рыхъ, по церковному уставу, никто, кромѣ священника, не долженъ с

[1]) Акт. Археогр. Эксп. т. III. № 264.

ть, и читали въ послѣдованіяхъ тайно-дѣйствій такія молитвы, которыя же непремѣнно самъ священникъ долженъ читать, и по лѣности не алъ [1]). Или: многіе священники, которымъ, по закоренѣлой лѣности, село было совершать службу въ церквахъ, въ продолжительное стояніе, лнѣ по служебнику, обыкновенно или вовсе оставляли положенныя авомъ богослужебныя послѣдованія и молитвы, или прочитывали ихъ ередъ, дома, съ такою скоростію и сокращеніемъ, съ какою только можно, ъ церквахъ просто стояли у престола, бесѣдовали о мірскихъ дѣлахъ оворили только одни возгласы [2]). Вообще о чрезвычайной холодности церкви немалой части духовенства нашего въ XVII столѣтіи свидѣьствуетъ, съ одной стороны, то, что въ это время чрезвычайно много ю разстригъ, распопъ, съ другой—то, что благопопечительные архипасри, при своемъ вступленіи на паству, находились вынужденными умоъ духовенство—любить церковь [3]). Если же такъ холодно было къ кви духовенство, если такъ много было священно-служителей нерадиxъ, то удивительно ли, что многіе священно и церковно-служители бѣли отъ православно-церковной службы въ расколъ? Совершенное заушеніе совѣсти, подавленіе всякаго чувства и сознанія того высокаго щеннаго обязательства предъ Богомъ и церковію, какое дается свяно-служителямъ при рукоположеніи во священство, оправдывало въ азахъ такихъ недостойныхъ служителей церкви богопротивную измѣну кви и бѣгство въ расколъ. А закоренѣлая лѣность, безпечность о рковныхъ обязанностяхъ невольно внушала имъ мысль—какъ нибудь вободиться отъ церковнаго порядка и устава. И вотъ они съ радостью ащались въ расколъ, который обольщалъ ихъ полною свободою отъ рогихъ уставовъ церкви, отъ частыхъ службъ, богатыя вознагражденія, еще, можетъ быть, обѣщалъ почетное и выгодное мѣсто расколоучителя, ьшака. А церковь православная такимъ образомъ болѣе и болѣе лилась чадъ и съ материнскою скорбію сѣтовала объ умноженіи раскола.

Въ третьихъ, весьма многихъ изъ низшаго духовенства, какъ и мінъ, увлекалъ въ расколъ *духъ непокорности іерархической власти и самоправленія.* Этотъ духъ свободы и своеволія проявлялся и въ приходскомъ ичтѣ и въ монахахъ. Говоря о возстаніи духовенства противъ патр. кона, мы замѣтили, что въ XVII вѣкѣ низшее духовенство иногда цѣй области или нѣсколькихъ уѣздовъ неоднократно обнаруживало стремніе освободиться не только отъ уплаты законныхъ пошлинъ, но и отъ да митрополичьяго или епископскаго, и даже противилось самому царю. ѣсь укажемъ нѣсколько фактовъ. Такъ въ 1622 году митрополитъ новродскій Макарій подалъ царю Михаилу Өедоровичу челобитную, въ корой писалъ слѣдующее: «По государскому указу велѣно ему колмо-

1) Дополн. къ Акт. Истор. V, стр. 469.

2) Древн. Росс. Вивліоѳ. ч. XVII, стр. 101, 102.

3) Акт. Ист. т. IV, стр. 177. Митрополитъ Іона пишетъ къ своему ростовскому овенству: „Понужаю васъ, пресвитери и діакони и вси церковніи причетницы, люи матерь общую, церковь Божію и яже въ ней“.

горскихъ, и важскихъ, и каргопольскихъ, и тѣхъ городовъ въ уѣз
новгородской митрополіи, по монастыремъ архимандритовъ и игумен
и по мірскимъ храмомъ поповъ и діаконовъ и церковныхъ причетник
и земскихъ людей судити и вѣдати ему богомольцу государеву и его
казнымъ людемъ и десятильникомъ, кого онъ богомолецъ пошлетъ; и
де колмогорскіе, и важскіе, и каргопольскіе, и тѣхъ городовъ въ уѣзд
по монастырямъ архимандриты и игумены, и по мірскимъ храмомъ п
и діаконы, и церковные причетники, и земскіе люди, его государева б
мольца и его приказныхъ людей и десятильниковъ ни въ чемъ не
шаютъ и во всякихъ духовныхъ дѣлѣхъ подъ судъ не даются и став
сильны, и духовныхъ дѣлъ судными и всякими пошлинами владѣют
архимандриты и игумены и попы владѣютъ и корыстуются сами н
себя, а въ царское богомолье, въ софейскую казну, не платятъ». Т
въ 1657 году священникъ костромского собора Андрей съ товарищами
ловался, что попы въ костромскомъ уѣздѣ во всѣхъ странахъ, и въ к
ромскихъ пригородахъ и уѣздахъ святятъ церкви сами собираяся, а нихъ
рянъ не призываютъ и указныхъ пошлинъ не платятъ; да они же попы на
стромѣ на посадѣ и въ уѣздѣ, и въ костромскихъ пригородахъ и въ уѣзд
на Плесѣ на посадѣ и во всей плесской десятинѣ, государева указа не сл
ютъ, чинятся сильны; вѣнчаютъ отроковъ и двоеженовъ и троеженцовъ
нечныхъ пошлинъ имъ не платятъ[1]). Многіе приходскіе и сельскіе священ
не слушались архіерейскихъ приказаній и презирали ихъ запрещенія,
архіерейскаго благословенія и безъ грамотъ служили въ домахъ у всякихъ
новъ людей, и отказывались платить слѣдовавшія съ нихъ церковныя да
повинности [2]). Такое своеволіе и самоуправство иногда доходило до т
что высшія власти находились вынужденными прибѣгать къ граж
скимъ мѣрамъ, чтобы своевольныхъ поповъ, діаконовъ и причетни
привести къ послушанію [3]). А иногда являлись уже за долго до рас
такіе священники, которые уже явно проникнуты были раскольничес
духомъ непокорности и самоуправства. Такъ напр. въ 1632 году пос
былъ въ корельскій никольскій монастырь на смиреніе нижегородс
воскресенскаго дѣвичьяго монастыря попъ Іоаннъ *за гордость и вне*
мысль, и за то, что людей училъ *безъ архіерейскаго благословенія*, и свя
никовъ лаялъ и еретиками называлъ [4]). Въ монастыряхъ, какъ и в
ломъ духовенствѣ, также очень господствовало своеволіе, непокорст
роптаніе [5]). Простая братья «повыкла жить по своей волѣ». Так
царской грамотѣ, посланной въ соловецкій монастырь въ 1621 г., чит
«Вѣдомо намъ учинилось, въ соловецкомъ монастырѣ нѣкоторые отъ б
дерзаютъ житіе имѣти не по божественному уставу и не по прави
св. апостолъ и богоносныхъ отецъ соборная повелѣнія и преп. отец

---

1) А. А. Э. т. III, № 123.
2) Акт. Ист. т. V, № 75, стр. 114.
3) Акт. Археогр. Эксп. т. III, № 316.
4) А. А. Э. т. III, № 198.
5) Тамъ же, т. IV стр. 461.

ны и Савватія уставъ и преданіе во многихъ мѣрахъ презираютъ: и мы лша о томъ удивляемся, что въ такой честной лаврѣ и въ чудотвор-ъ мѣстѣ такое ослабное житіе имѣти начинаютъ и отеческія преданія зираютъ и ни во что полагаютъ» [1]). Въ другой царской грамотѣ, дан-й соловецкому монастырю въ 1636 году, читаемъ, что «монахи само-льно выбирали себѣ келарей и казначеевъ-потаковниковъ, чтобы жить оуправно, а старцовъ, постриженниковъ старыхъ и благочестивыхъ без-тили и на соборахъ говорить имъ не давали, и жили монахи отъ того раздорѣ, кельями и заговоромъ [2]). Такимъ же своеволіемъ и само-авствомъ заражены были многіе монахи и въ другихъ монастыряхъ [3]). обще, господство духа непокорности и самоуправства, въ XVII столѣтіи, къ между монахами, такъ и въ бѣломъ духовенствѣ, видно еще, во 1-хъ того, что высшія церковныя власти, архіереи, когда издавали какой будь указъ о благочиніи церковномъ, то въ немъ большею частію на-дили нужнымъ прописывать и мѣры или угрозы противъ непокорныхъ ховныхъ [4]), и во 2-хъ изъ того, что отцы собора 1667 года, заботив-еся, по возможности, объ искорененіи всѣхъ грубыхъ недостатковъ въ ховенствѣ, разсуждали, между прочимъ и «о непокоряющихся священ-цѣхъ и діаконѣхъ своимъ ихъ архіереемъ, и непокорящихся іеромонасѣхъ оимъ ихъ наставникамъ, архимандритамъ и игуменамъ» [5]). Этотъ то хъ непокорства и самоуправства и побуждалъ теперь, когда въ Москвѣ тежные игумены и попы возстали противъ патр. Никона, именно по ху самоуправства и противленія патріаршей власти Никона, непокор-хъ священниковъ, діаконовъ и причетниковъ—покидать свои приходы и рхіи, чтобы освободиться отъ епархіальнаго начальства. Царь Ѳедоръ ексѣевичъ въ своихъ письменныхъ предложеніяхъ собору, бывшему въ скве въ ноябрѣ 1681 г., подъ предсѣдательствомъ п. Іоакима, ясно азываетъ на эту побудительную причину принятія раскола монахами: огіе монахи, писалъ онъ, мужеска пола и женска, *не хотя быть у на-вниковъ своихъ подъ послушаніемъ*, отходятъ отъ монастырей и начина-ъ жить въ лѣсахъ, и по малу прибираютъ къ себѣ такихъ же непо-шниковъ и устрояютъ часовни» и проч. [6]). Особенно многіе священ-ки и діаконы, по непокорности церковной власти, убѣгали въ попов-ускую секту, потому что тамъ они «жили по своей волѣ», не имѣя дъ собой никакихъ благочинныхъ іереевъ, «кои бы имъ отъ епископовъ ли предпоставлены, и сами, кто какъ хотѣлъ, такъ и самовластвовалъ» [7]).

[1]) Тамъ же, т. III. № 331.

[2]) Акт. Арх. Эксп. т. III, № 262.

[3]) Тамъ же, т. IV, № 325. „Въ Царицынѣ бунтовщику Стенькѣ Разину былъ лю-ой приходъ въ троицкомъ монастырѣ къ казначею Аарону, и пилъ и ѣлъ воръ нька съ нимъ за одно" А. И. т. V. стр. 400.

[4]) Акт. Арх. Эксп. т.III. № 264. стр. 405.

[5]) Дополн. къ Акт. Ист. V. стр. 489.

[6]) Акт. Ист. т. V. № 75. стр. 117. Патр. Іоакимъ также говоритъ, что многіе мо-и не хотѣли жить подъ монастырскимъ началомъ и хотяще быти въ народѣ за-учительми, сами приняли и другимъ проповѣдывали расколъ.

[7]) Зеркало для старообрядства стр. 60, 1799 г.

Такимъ образомъ, какъ въ Москвѣ, при п. Никонѣ, такъ и повсюду въ епархіяхъ, возстаніе низшаго духовенства и уклоненіе его въ расколъ проистекало изъ клерикально-демократическаго стремленія освободиться отъ высшей іерархической власти и, главнымъ образомъ, отъ суда и тяжкихъ пошлинъ и даней архіерейскихъ.

Наконецъ, весьма много содѣйствовала распространенію раскола въ духовенствѣ сильно укоренившаяся между духовными *привычка жить невоздержно, по влеченію своихъ страстей и похотей, а не по духу вѣры и христіанской нравственности*. Самою важною болѣзнію въ духовенствѣ нашемъ въ XVII столѣтіи были два порока: корыстолюбіе и пьянство. Недостойные священники, недуговавшіе іудинымъ сребролюбіемъ, за деньги продавали таинства, предавали Тѣло и кровь Христову недостойнымъ, «мзду нѣкую получивъ», за деньги совершали незаконные браки, воровски утаивали казенный доходъ [1]. Священники и дьяконы «неподобнаго ради прібрѣтенія» владѣли иногда двумя церквами, и также зачисляли за собою причетническія мѣста [2]. Заботясь только о прибыткахъ и богатствѣ, попы, дьяконы и причетники занимались разными неприличными пастырямъ церкви промыслами, напримѣръ винокуреніемъ [3]), даже чернокнижіемъ и воровствомъ. Но особенно страшную заразу нашего духовенства, въ XVII столѣтіи и послѣ, составляло пьянство. Маржеретъ, бывшій въ Россіи въ 1600—1606 г., писалъ: «духовенство русское въ порокѣ пьянства, самаго неумѣреннаго, не уступаетъ мірянамъ, если еще не превосходитъ ихъ» [4]). «Видимъ въ простыхъ человѣцѣхъ, писалъ митрополитъ ростовскій Іона въ 1652 году, но и паче же въ духовыхъ чинѣхъ укоренилась злоба сатанинская, безмѣрнаго хмѣльна упиванья, и таковое сатанинское ухищреніе многихъ человѣкъ отлучаетъ отъ Бога» [5]). Въ монастыряхъ, даже нѣкогда самыхъ знаменитыхъ, прославленныхъ святостію ихъ основателей и подвижниковъ, много было иноковъ, преданныхъ пьянству, плотоугодію, сребролюбію. «Егда мало отдохнуша отъ великихъ бѣдъ,—съ глубокою горестію писалъ Авраамій Палицынъ [6]) объ инокахъ троицко-сергіевой лавры, тогда забыша спасающаго ихъ, часто вхождаху утѣшатися сладкими меды, отъ нихъ же породишася блудныя бѣды, отъ повседневныхъ же вылазокъ всѣхъ, приходящихъ побѣдахъ и по крови «пьянствомъ утѣшахуся, отъ того же вся страсти тѣлесныя возрастаху... еще же и сіе зло приложиша, сребролюбственная въ ровъ убо глубокъ блуда впадоша вси отъ простыхъ чади даже и до священствующихъ». Въ отдаленномъ бѣломъ поморьѣ, въ соловецкой обители, многіе иноки, кажется все болѣе и болѣе удалялись отъ святаго образа жизни Зосимы и Савватія и глубже и глубже повреждались въ нравственности. Въ 1636 г. царь Михаилъ Ѳеодоровичъ жаловался, что въ

---

[1]) А. А. Э. т. II, № 61. Доп. къ А. И. т. V, стр. 463 А. А. Э. т. IV, № 42, стр. 62 также № 105 и Древн. Росс. Вивліоѳ. ч. XV, стр. 395.

[2]) Дополн. къ Акт. Ист. т. V, стр. 446.

[3]) А. А. Э. т. IV, № 116. Востоков. опис. Рум. Муз. стр. 654.

[4]) Арцыбаш. III примѣч. CXII.

[5]) Акт. Ист. IV, стр. 176.

[6]) Сказан. объ осадѣ троиц. сергіев. монастыря стр. 125, 167.

овецкій монастырь съ брега привозятъ вино горячее; и монахи, желая бузданно предаваться пьянству и своеволію, нарочно, сами собою, безъ орнаго совѣта добрыхъ и благочестивыхъ старцевъ, избирали келарей казначеевъ—потаковниковъ, которые бы имъ молчали, и на погребѣ бы ь безпрестанно квасъ поддѣльный давали» [1]). Въ 1647 г. послана была соловецкій монастырь отъ царя Алексѣя Михайловича грамота о запреніи старцамъ держать по кельямъ хмѣльное питье, въ которой напомиюсь, что «многіе братья охочи пьянаго питья пить, своихъ мѣръ за стоіъ непьютъ, и носятъ по кельямъ и квасятъ въ кельяхъ, и напиваются пьяна, и отъ того де пьянства бываетъ многая вражда и мятежи, а ые священники и крылошане и простая братья въ томъ обычаѣ закосли, и отъ того нестроенія и игуменомъ бываютъ перемѣны частыя, и ъ игуменовъ въ монастырѣ проходило время многое, и повыкли жить своей волѣ» [2]). А въ послѣднее время, предъ бунтомъ соловецкимъ, авственность нѣкоторыхъ недостойныхъ иноковъ сѣверной обители предвляется уже въ высшей степени мрачною и грязною [3]). Также своеьно и невоздержно жили иноки и во многихъ другихъ монастыряхъ [4]). ремленіе къ пустыножительству, проистекавшее въ XIV и XV вѣкахъ ь живого нравственно-религіознаго начала, служившее могущественнымъ тивомъ къ распространенію по сѣверо-восточной Россіи, въ слѣдъ за настырями и пустынями, народонаселенія, гражданственности и просвѣенія, это стремленіе въ XVII вѣкѣ проистекало только изъ склонности бродяжничеству, изъ неуживчивости въ старыхъ монастыряхъ подъ рогими древними монастырскими уставами, изъ стремленія освободиться ъ общественныхъ обязанностей, налагаемыхъ новыми строгими постаноеніями Уложенія и церковныхъ правилъ. И между тѣмъ духъ стремленія ъ общества, духъ пустынножительства, противообщественный и противорковный, никогда такъ не усиливался, какъ въ XVII вѣкѣ: въ XVII в. овь возникло до 220 монастырей и пустыней, тогда какъ въ самую ѣтущую эпоху монашества въ Россіи, въ XIV вѣкѣ, ихъ возникло только 80, въ XV до 70. Отсюда понятно, почему монастыри въ XVII в. наполны были людьми порочными, и тамъ господствовали пороки всякаго да въ высшей степени. Пьянство и съ нимъ тѣсно сопряженные пороки къ сильно господствовали тогда въ монастыряхъ, что царь Алексѣй ихайловичь, постоянно и дѣятельно заботившійся о водвореніи нравтвеннаго порядка во всѣхъ слояхъ русскаго общества въ самомъ началѣ оего царствованія, «слышавъ таковое о своихъ царскихъ богомольяхъ, ь монастырѣхъ, смятеніе и нерадѣніе, и лѣность, и преизлишнее пьянство нарушеніе всякаго благочестія и древнихъ святыхъ отецъ преданія и инъ монастырскій небрегомъ, и о томъ зѣло возжалѣся, указалъ послать всѣ города, по монастыремъ, свои государевы указныя грамоты, чтобы

[1]) Акт. Арх. Экеп. т. III, № 202.
[2]) Ibid. т. IV, № 322.
[3]) Акт. Ист. т. IV, № 248.
[4]) Дополн. къ Акт. Ист. т. II, № 64.

во всѣхъ монастырѣхъ хмѣльное всякое питье, вино и медъ, и пиво, хм ные квасы, оставили и впредь не держали», также патріарху Іо «велѣлъ послать по всѣмъ монастырямъ грамоты таковыжъ, чтобы от въ монастырѣхъ хмѣльнаго никакого питья небыло и жили бъ по пред древнихъ св. отецъ и по чину монастырскому и уставу, чтобы отъ та невоздержанія его царскія богомолья не оскудѣли и запустѣнья бъ м стыремъ не было» [1]). Необузданно предаваясь пьянству, весьма мн монахи совершенно забывали свои иноческіе обѣты, не ходили на бог женіе, такъ что церкви въ нѣкоторыхъ монастыряхъ не рѣдко стояли пѣнія,—и предавались такимъ безмѣрнымъ житейскимъ заботамъ, к предосудительны даже и въ благочестивомъ мірянинѣ. «Вѣдомо намъ нилось, писалъ царь Алексѣй Михайловичъ въ 1652 году въ кириллоб зерскій монастырь, что въ московскихъ, въ ближнихъ и въ дальних степенныхъ и въ нестепенныхъ монастыряхъ, архимандриты, и игум и келари, и строители, и казначеи и священники, и братья, на монас скихъ погребахъ и по кельямъ у себя держатъ хмѣльное питье, вино и и медъ, и про монастырскій обиходъ и про себя въ монастырскихъ чинахъ вина сидятъ, и пива варятъ, и меды ставятъ, и въ монас возятъ, и отъ того хмѣльнаго питья церкви Божіи бываютъ безъ пѣ да священники жъ и дьяконы и братья ѣдятъ за трапезою и за трапезы изъ за столовъ носятъ хлѣбъ и колачи и рыбу къ въ кельи и за монастырь, а когда на братью въ посты и не въ по въ понедѣльники и въ среды, трапеза не поставляется, и въ тѣ дни бр ямъ участки даютъ; да архимандриты жъ, и игумены, и келари, и ка чеи, и соборные старцы, во всѣхъ монастырѣхъ, держатъ у себя дѣт братью, и племянниковъ, и внучатъ своихъ, и даютъ имъ монасты хлѣбъ и всякой запасъ и изъ монастырскіе казны деньги; да они власти отпущаютъ монастырскихъ слугъ въ монастырскія вотчин жалованье, и какъ тѣ слуги съ жалованья въ монастырь пріѣзжают съ нихъ емлютъ власти, и дѣти и племянники и внучата, посул поминки, деньгами и виномъ, и медомъ, и куницами, и всякими гост а кто ихъ не почтитъ, и къ нимъ приметываясь для мзды чинятъ и изгони большія, также и съ монастырскихъ вотчинныхъ крестьянъ дѣлъ и не отъ дѣлъ, посулы и поминки емлютъ же, и тѣмъ кресть изгоню и напрасные убытки чинятъ» [2]) Это мало: многіе монахи, в ствіе нетрезвой жизни и невнимательности къ своимъ обѣтамъ, совер отвыкали отъ иноческаго уединенія, не хотѣли жить въ монастыр стѣнахъ, пускались въ міръ и бродили по улицамъ въ городахъ и се входили въ худые дома, къ соблазну православныхъ. Такъ въ 1639 писалъ вологодскій архіепископъ Варлаамъ: «бываютъ на Вологдѣ при и въ Вологодскихъ монастыряхъ безчинные старцы, живутъ въ мір домахъ и по кабакамъ пьютъ и бражничаютъ, и бродятъ въ мірѣ съ кимъ безчинствомъ, а иные старцы ѣдятъ, покупая въ харчевняхъ п

---

[1]) Акт. Арх. Эксп. т. IV, № 325.
[2]) Ibid.

мясомъ и всякія мясныя яствы; а продаютъ имъ не вѣдая, для того, бродятъ безъ чернеческаго платья» [1]). На Москвѣ и въ городахъ, алъ царь Алексѣй Михайловичъ въ 1652 г. въ грамотѣ кирилло-бѣлокому монастырю, священники и простые старцы по торгамъ и по улиъ ходятъ и на крестцахъ сидятъ, и въ томъ иноческому чину порује чинятъ» [2]) Точно такъ же онъ писалъ въ одной грамотѣ въ 1660 году, «въ монастыряхъ старцы, забывъ страхъ Божій и свое обѣщаніе, утъ безчинно, по вся дни по мірскимъ дворамъ ходятъ, а иные дворахъ и ночуютъ, и съ дѣтьми своими и съ братьями и съ цники и съ иными мірскими людьми въ кельяхъ пьютъ до-пьяна, и монастыря питье, медъ и пиво и квасъ, и съѣстное выдаютъ, а иные родаютъ, для того, что ѣствы въ монастыряхъ плохи, недопечены и оварены, и продавъ изъ монастыря такіе ѣствы, покупаютъ себѣ пофнѣе тѣхъ ѣствъ, и отъ того безчинія и нерадѣнія имя Божіе хулится онастырь и иноческій чинъ отъ многихъ иноземцевъ въ поносѣ и въ ризнѣ» [3]). Черные попы и дьяконы переходили изъ однихъ монастырей другіе безъ вѣдома своихъ епископовъ и безъ грамотъ архіерейскихъ [4]). келліи монашествующихъ иногда свободно входили женщины, а въ нскихъ монастыряхъ держались лица мужескаго пола [5]). Многіе монахи, ершенно забывая обѣтъ нестяжательности, оставляли попеченіе о своей тѣ и заботились только о пріобрѣтеніи и увеличеніи собственнаго имутва, и нерѣдко для пріобрѣтенія денегъ и вообще для удовлетворенія ихъ чувственныхъ и своекорыстныхъ потребностей рѣшались даже на кіе и богопротивные поступки. «Нынѣ, писалъ митрополитъ суздальскій аріонъ въ 1694 году въ грамотѣ Флорищевой пустыни, нестяжательное тельство по преданію св. апостолъ и св. отецъ стало у васъ изгубляя, многіе отъ братіи стали особое имѣніе держать и предпочитаеми ли быть, тщетная совѣтующіи себѣ и хотящіи развратити прежнее общетельство... Нынѣ у васъ есть многіе памятухи тому прежнему общетельству, да и то помнятъ же, которые восхотѣли то общежительство рушить при мнѣ грѣшнемъ, и я тѣхъ имѣнія огню предавалъ, отъ нихъ сіи суть: Іосифъ бѣлоградскій, Филонъ швецъ, Илія пономарь, и иные огіе; также и то помните, Филарета инока Янушевскаго, какъ онъ тайно ржалъ сребро, и того ради бѣсъ въ него вошелъ и наусти его на убивю отца своего духовнаго» [6]). Иногда обнаруживались даже въ монастыхъ предательство и измѣна [7]). Казначеи монастырскіе принимали къ себѣ монастыри разбойниковъ и измѣнниковъ государственныхъ. Худые мохи нерѣдко дѣйствовали за-одно съ разбойниками, точно также, какъ

---

[1]) Акт. Арх. Эксп. т. III, № 285.
[2]) Тамъ же т. IV, стр. 490.
[3]) Акт. Арх. Эксп. т. IV, № 116.
[4]) Дополн. къ Акт. Ист. т. V, стр. 466.
[5]) Акт. Арх. Эксп. т. IV, № 313, стр. 463.
[6]) Ibid.
[7]) Акт. Ист. т. IV, № 178, стр. 339.

и недостойные попы и поповскіе дѣти [1]). Вотъ какова была не малая часть духовенства нашего въ то время, когда возникъ расколъ и распространялся по Россіи! Какая обильная почва для возращенія и распространенія раскола! Мы видимъ въ духовенствѣ невоздержность, которая, по словамъ м. ростовскаго Іоны, подавляла въ духовныхъ все доброе; удивительно ли послѣ этого, что многіе монахи и священники убѣгали въ расколъ для свободной, невоздержной жизни. Такъ въ 1668 году многіе монахи, не хотя жить въ монастырѣ, но хотя пить хмѣльное питье, выбѣгали изъ Ниловой столбенской пустыни къ раскольникамъ, унося съ собою платье и правильныя книги [2]). У раскольниковъ же, въ скитахъ и монастыряхъ, по собственному ихъ сознанію, пьянство, вмѣстѣ съ развратомъ, было весьма обыкновенно, особенно въ XVIII вѣкѣ. Извѣстно также, что первые расколоучители—попы Никита и Лазарь—были весьма заражены страстію къ пьянству и даже въ пьяномъ видѣ ратовали за расколъ [3]). Мы видимъ, далѣе, въ духовенствѣ бродяжничество; попы и монахи бродятъ по улицамъ въ городахъ и селахъ: а кто прежде всѣхъ принялъ расколъ, кто были большею частію расколоучители?—«Чернцы—бродяги, и ростриги, отвѣчаетъ намъ патр. Іоакимъ, вси по мірскихъ дворѣхъ волочащіися и по многихъ монастырѣхъ бродящіи своевольно, иже отнюдь не видятъ что есть монашество или отсѣченіе своея воли, яко подъ началомъ въ монастырѣ нигдѣ не живяху» [4]). При стремленіи къ пустынножительству и бродяжничеству монаховъ, неоднократно являлись еще за долго до раскола Капитоны, Данилы Викулины, люди съ явнымъ раскольническимъ духомъ. Такой предтеча раскольниковъ явился напр. въ сѣверномъ поморьи, около 1630 года. Въ житіи преп. Никодима кожеезерскаго читаемъ: «нѣкій іеромонахъ именемъ Ѳеодосій поживе съ преподобнымъ отцемъ Никодимомъ въ пустыни два лѣта, и потомъ же много моляше преп. отца Никодима, яко да благословитъ его итти во внутреннюю далечайшую пустыню и жити бы тамо единому въ уединеніи. Преподобный же возбраняше ему о томъ многократно и не благословляше его на такое дѣло дерзати выше мѣры своея, понеже бо вѣдый преподобный извѣстно жестоту житія сего пустыннаго. Той же іеромонахъ Ѳеодосій не послушалъ наказанія преп. отца, аще же хотя и не благословилъ его въ такомъ намѣреніи ему быти, обаче же онъ невоздержнымъ своимъ и нравомъ своевольнымъ произволеніемъ отъиде въ пустыню, и вселися тамо при той же рѣцѣ Хозегѣ: и потомъ абіе не по мнозѣмъ времени вскорѣ прельщенъ бысть отъ діавола и впаде въ вещи не удобь постижныя: созда убо себѣ жертвенникъ и начатъ въ немъ литургисати единъ божественную службу въ томъ неосвященномъ храмѣ» [5]). При появленіи на сѣверѣ такихъ пустынножителей—

---

[1]) Тамъ же, т. IV, № 202, стр. 401.

[2]) Акт. Ист. № 178, стр. 339.

[3]) Увѣтъ, Жезлъ правленія.

[4]) Увѣтъ духовный. „Если бы не было бѣглыхъ поповъ, не было бы и поповщины, и не умножалась бы она“. Замѣч. преосвящ. Игнатія Воронежскаго въ одномъ словѣ противъ поповщины.

[5]) Сборн. житій святыхъ соловецкихъ и поморскихъ, ркп. Сол. библ. № 182.

зпоповцевъ за долго до открытія раскола, въ первой половинѣ XVII вѣка, ивительно ли, что здѣсь именно, на сѣверѣ образовалось главное гнѣздо зпоповщины въ концѣ XVII вѣка? Наконецъ, мы видимъ, что въ дувенствѣ сильно господствовало корыстолюбіе: а что побуждало большею стію приходскихъ поповъ и діаконовъ, особенно бѣдныхъ, убѣгать къ скольникамъ?—«Не для старообрядства, отвѣчаетъ намъ одинъ обравшійся отъ старообрядства, развѣ очень немногіе, но наипаче ради притка бѣглые попы къ онымъ прилѣпилися. Ибо имѣя приходы малые и дные, и зная, что старообрядцы щедро платятся за требы, то, подъ вимъ привязанности своей къ старымъ обрядамъ, прибѣгають къ онымъ, гавя свою паству»[1]).

Таковы были внутреннія качества той нравственной почвы, на корой въ XVII вѣкѣ возникъ и распространился расколъ[2]). Излишне повтоть, что на такой худой нравственной почвѣ, которая по словамъ самихъ ажаемыхъ мнимыми старообрядцами исправителей книгъ при п. Іосифѣ, ла бы яко Содомъ и яко же Гомору уподобилась бы, если бы Господь далъ Россіи мудраго царя Алексѣя Михайловича[3]), излишне повторять, о на такой почвѣ сами собой могли произрасти и умножиться плевелы скола, этотъ мнимый виноградъ Россійскій, который такъ восхваляетъ торіографъ раскольническій Денисовъ, а отнюдь не древлецерковный, тинно-православный виноградъ церкви русской. *Не можетъ древо злое оды добры творити*, также какъ доброе древо не можетъ приносить хуихъ плодовъ. И такъ, хотя рѣзко, но справедливо говорили русскіе паыри XVII вѣка, что «отъ стремнинъ горькихъ и язвинъ своихъ изыдоша ступники православной церкви русской, насадиша винограды по своимъ хотямъ, услаждающія гортани своя временною сладостію льстиваго учеи». Больно, прискорбно было намъ разоблачать нравственныя болѣзни и ѣхи нашихъ предковъ, по естественному ходу событій, за насъ болѣвихъ и страдавшихъ. Пастыри церкви, правительство и всѣ лучшіе люди VII вѣка, какъ въ мірскомъ обществѣ, такъ и въ духовенствѣ, вполнѣ знавали ихъ и громко объявляли о нихъ, дѣятельно ища въ то же время едствъ для ихъ излеченія. Только одни отсталые, запоздалые люди не знавали, не чувствовали своихъ нравственныхъ болѣзней и хотѣли жить старыхъ порокахъ. Не порицать бы мы должны XVII вѣкъ за упадокъ авственности; напротивъ, съ живымъ участіемъ обязаны мы слѣдить за имъ напряженіемъ нравственныхъ силъ церкви русской и государства усскаго въ борьбѣ съ многочисленными препятствіями, которыя они встрѣли при водвореніи общественнаго нравственнаго порядка[4]). Но пусть устыдятся наши заблуждающіе братія—потомки тѣхъ же предковъ на-

[1]) Зеркало для старообрядцевъ, стр. 27, 23.

[2]) Другіе нравственно-гражданскіе недостатки русскаго общества XVII вѣка и вой половины XVIII, благопріятствовавшіе развитію раскола, будутъ показаны въ слѣднихъ двухъ главахъ настоящаго сочиненія.

[3]) Въ послѣсл. къ Сборнику, издан. въ Москвѣ въ 1647 г. Строева—опис. книгъ рскаго, стр. 248.

[4]) Соловьевъ въ рѣчи о Шуваловѣ.

шихъ XVII вѣка глаголемые старообрядцы, — пусть устыдятся, что они, сами не понимая, доселѣ еще хотятъ намѣренно, упорно болѣть тою нравственною болѣзнію, которою болѣли наши предки невольно, по духу и обстоятельствамъ времени, и отъ которой искренно желали избавиться всѣ лучшіе, коренные русскіе люди, какъ видно изъ единодушнаго, сердечнаго стремленія всѣхъ такихъ людей XVII вѣка. Пусть вникнутъ они въ исторію безпристрастно, благонамѣренно; — они узнаютъ, что внѣшнее отдаленіе ихъ отъ православной церкви произошло и распространилось большею частію отъ нравственнаго зла и безпорядка, отъ предварительнаго внутренняго, нравственнаго отпаденія отъ церкви, а не отъ древле-церковнаго благочинія и благочестія.

III. Внутреннее развитіе раскольнической общины.

Нравственные недостатки русскаго общества XVII вѣка заключали въ себѣ начала, элементы, изъ которыхъ организовался, сложился расколъ. Какія же были орудія, силы и способы въ самомъ расколѣ, послѣ окончательнаго отдѣленія его отъ церкви, посредствомъ которыхъ онъ развился въ такую сильную и многочисленную общину? Чтобъ рѣшить этотъ вопросъ, обратимся теперь къ исторіи самаго раскола, прослѣдимъ его собственное, внутреннее общинное развитіе.

Главными орудіями образованія и распространенія раскола, очевидно, прежде всего были расколо-учители. Это были люди, стоявшіе во главѣ оппозиціи, недовольной новымъ порядкомъ вещей, люди, къ которымъ примыкали всѣ недовольные въ томъ или другомъ отношеніи церковнымъ и гражданскимъ правительствомъ, которые развивали и проводили въ народъ демократическія идеи раскола. Если бы расколо-начальники не возстали и не возмутили народъ, раскола въ церкви русской, по всей вѣроятности, не было бы. По крайней мѣрѣ не было бы раскола, какъ секты церковно-обрядовой, ревнующей только о буквѣ и мертвой обрядности [1]. Истинная церковная жизнь, все болѣе и болѣе развивавшаяся въ церкви русской, и животворный свѣтъ просвѣщенія, начавшій озарять русскій народъ съ половины XVII вѣка, послѣ вѣковой умственной тьмы, рано или поздно, можетъ быть, еще оживили бы это мертвообрядовое направленіе большей части русскаго народа, особенно при такой дѣятельной и благотворной попечительности, какую оказывали п. Никонъ и нѣкоторые другіе наши архипастыри XVII вѣка. Но, мятежное движеніе, произведенное первоначально расколо-учителями въ сферѣ собственно-церковной, скоро перенесено было ими въ сферу гражданской, народной жизни, и во главѣ его стали являться и дѣйствовать уже, чисто въ духѣ демократическомъ,

---

[1]) Раскольники сами говорятъ; „не мы сами разлученіе отъ церкви содѣяхомъ, но преосвященный епископъ Павелъ коломенскій, соборъ отецъ соловецкія обители, священніи протопопи, пресвитери и прочіи церковнаго причта, пустынніи иноцы, и прочіи многочисленные крестіане всероссійскаго царствія, бывшіи во времена Никона патріарха московскаго, иже въ древле-церковнѣмъ благочестіи устоявшіи“. Поморск. отвѣты отв. 102.

учители народные, партизаны противо-государственные, каковы напр. нской, Стенька Разинъ, Денисовы и другіе. Расколо-учители стали ться изъ всѣхъ сословій и пошли проповѣдывать по Россіи расколъ ѣмъ разнымъ нравственнымъ и народно-демократическимъ побужде- ь, которыя мы видѣли и еще увидимъ господствующими во внутрен- жизни большей части русскаго народа XVII и первой половины I вѣка: расколо-учители изъ духовенства — по своимъ религіозно-де- атическимъ побужденіямъ и стремленіямъ, расколо-учители изъ стрѣль- и солдатъ—по своимъ стремленіямъ къ старинной вольности и т. д. е начало было одно—противленіе, во имя старой вѣры, новому госу- твенному порядку, демократическое недовольство церковнымъ и граж- кимъ правительствомъ въ разныхъ отношеніяхъ, и преимущественно вольство новымъ порядкомъ и направленіемъ внутренней жизни Россіи, исправленій Никона и преобразованій Алексѣя Михайловича и Петра каго. На сколько было справедливо это народное недовольство — это окажемъ въ слѣдующихъ главахъ нашего сочиненія.

Со стороны расколо-учителей, первою и непосредственною причиною раго распространенія раскола почти по всей Россіи была уже эта *чрезвычайная многочисленность ихъ, быстрое разсѣяніе съ проповѣдью о лъ по всей Россіи и постоянное, неусыпное проповѣданіе раскола.* Уже родолженіи 8 лѣтъ, пока п. Никонъ находился въ удаленіи отъ дѣлъ вныхъ, и церковь русская оставалась безъ патріарха, расколъ успѣлъ остраниться въ Россіи почти повсюду. Судъ надъ Никономъ, осу- іе и паденіе его въ глазахъ людей неразсудительныхъ и суевѣрныхъ или очевиднымъ доказательствомъ мнимой правоты раскола и не- ды Никона. Расколо-начальники торжествовали, и расколъ быстро, шно распространялся. Объ этомъ свидѣтельствуетъ современное «объя- е о низложеніи п. Никона», гдѣ прямо сказано объ удаленіи Никона атріаршества: «яко оставленіемъ престола сотвори церковь святую ствовати осьмь лѣтъ и шесть мѣсяцевъ, въ неже между — патріарше- время блазнишася его ради мнози, и явишася раскольницы и мятеж- православно-россійскія церкве, лестными ученми своими многихъ людей погубивши» [1]). Въ какой мѣрѣ справедливо это обвиненіе она, мы это увидимъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ; но то несомнѣнно, что но въ этотъ періодъ времени расколо-учители успѣли разсѣяться по ъ краямъ Россіи и вездѣ положить начало раскола. Съ 1667 года, расколъ окончательно осужденъ и отсѣченъ былъ отъ церкви на вскомъ соборѣ, расколо-учители еще болѣе умножились, и съ тѣхъ ученіе старообрядства непрерывно распространялось. «Овіи крыяхуся, же покаявшеся, писалъ п. Іоакимъ, паки послѣжди своя ученія раз- па, и оттуду вся злоба сія урасте, изъ нихъ же овіи умроша, овіи же елѣ пребываютъ» [2]). Открывшіеся въ слѣдъ за соборомъ 1667 года ы—соловецкій (1666—1677 г.) и стрѣлецкій (1682 г.), въ которыхъ

[1]) Древн. Россійск. Вивл. ч. III, 404.
[2]) А. И. V, стр. 340.

принимали живѣйшее, почти главное участіе раскольники, весьма бла
пріятствовали умноженію расколо-учителей и распространенію раскола.
время соловецкаго бунта многіе чернецы бѣжали изъ соловецкаго мо
стыря въ олонецкое поморье и въ нижегородскіе предѣлы и тамъ ос
вали раскольническіе скиты. Семенъ Денисовъ, написавшій «исторію
отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ», восхваливъ многихъ мятежны
чернецовъ, разсѣявшихся во время соловецкаго бунта по сѣверному
морью, заключаетъ: «прочіи же отецъ соловецкихъ, ови во время ра
ренія по странамъ Россійскимъ во оземствія, овіи же и прежде изше
странствованіемъ разсѣяшася и идѣже аще во градѣхъ и вѣсѣхъ, аще
пустынныхъ скитахъ многи на стези древле-благочестивыхъ церковн
законовъ навратиша» [1]). Также возникшій въ 1682 г. стрѣлецкій бу
представлялъ благопріятное, удобное время для усиленія и распрост
ненія раскола. «Тогда объявилися въ стрѣльцахъ, пишетъ Матвѣевъ
своихъ запискахъ, многіе раскольники, *получа своему зломыслію удо*
время, начали совѣтывать: какъ бы имъ расколъ свой паки вновь ут
дить и православную церковь, ихъ еретичеству противную, раззорить
правовѣрныхъ побить. Того ради избрали они себѣ предводителемъ кн
Хованскаго и въ туже злополучную пору явившагося Никиту расп
прозваніемъ пустосвята, и чернецевъ неучевъ, бродягъ и пьяницъ
«Изверженный попъ Никита пустосвятъ, пишетъ м. тобольскій Игна
обрѣте время смущенія на святую церковь, и началъ паки ядъ свой из
гати (онъ принесъ-было покаяніе, но лицемѣрное) и собравъ себѣ по
никовъ, нѣкоторыхъ чернцевъ, нѣкую шестерицу, и прочихъ съ ними
неже *въ народѣ того лѣта зѣльное бяше колебаніе,* о нѣкіихъ вещехъ в
ства, сирѣчь, безчиніе въ пѣшіихъ полцѣхъ» [3]). Пользуясь такимъ у
нымъ случаемъ, или, какъ говоритъ Крекшинъ въ своихъ запискахъ «у
своему зломыслію время», раскольники подъ предводительствомъ Хо
скаго и Никиты пустосвята, «подговорили въ свой совѣтъ многъ нар
купцовъ и промышленниковъ и чернь, и тако утвердили твердо въ он
возмутительномъ народѣ расколъ, что готовы на смерть и на вся муч
и возжеся едва не весь народъ» [4]). Бунтъ стрѣлецкій былъ усмиренъ
раскольники, какъ замѣчаетъ Матвѣевъ, «изъ сердецъ злобы своей от
не искоренили» [5]). А по свидѣтельству патр. Іокима, «многіе, по о

---

[1]) Ист. объ отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецк. ркп.

[2]) Записки Матвѣева, изд. Сахаровымъ, стр. 38, Спб. 1841.

[3]) III посл. стр. 148, 149, Правосл. Собесѣд. 1855 г. кн. 2.

[4]) Записки Крекшина, стр. 41, изд. Сахаровымъ. „Видя стрѣлецкую дерзос
всемъ и смущеніе въ государствѣ, пишетъ Медвѣдевъ, враги св. церкви раскол
нарицаемые Капитоны, начаша на св. церковь ратовати, народъ простой возму
присовокупиша лестными глаголаніи къ тому своему начинанію многихъ служи
людей, грамотѣ неумѣющихъ, къ нимъ же и изъ посадскихъ людей, нѣцыи не
ные, паче же и прельщенные присташа... Еще они раскольники такое дерзн
взяли, невѣжди, ничтоже знающіи и грамотѣ неумѣющіи, по улицамъ и по п
дямъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, яко нѣкіи проповѣдники ходяще, людей
стыхъ учили“. Записки Медвѣдева, стр. 17, 18.

[5]) Записки Матвѣева, стр. 40.

кіи бунта, разбѣжались» [1]). Эти бѣглецы въ пылу мятежнаго фанатизма ожесточенія, разумѣется, въ мѣстахъ убѣжища не молчали, а еще съ льшею энергіею продолжали проповѣдывать расколъ. Вообще, пользуясь тами во время суда надъ п. Никономъ, во время соловецкаго и стрѣцкаго бунтовъ, когда вниманіе церковнаго и гражданскаго правитель-а занято было главнымъ образомъ возстановленіемъ нарушеннаго мира покойствія, расколо-учители повсюду въ Россіи ходили и проповѣдыи расколъ. «Какъ пламень при бурномъ вѣтрѣ, по выраженію протоея Іоаннова, всюду разливались они и ядъ своего нечестія сообщали: разсыпались по городамъ, куда кто могъ и вездѣ простой народъ щали и къ своему единомыслію приводили» [2]). Расколъ такъ много занъ своимъ существованіемъ и распространеніемъ расколо-учителямъ, второй половинѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка его проповѣдываимъ, что послѣдователи его доселѣ ублажаютъ память этихъ расколотелей, какъ своихъ апостоловъ, первоучителей, мучениковъ, отцевъ и адальцевъ. Поморскій историграфъ Андрей Денисовъ сохранилъ намъ мять главныхъ дѣятелей безпоповщинскаго раскола. Въ 1755 году раольникъ Иванъ Алексѣевъ написалъ «исторію о бѣгствующемъ священѣ» и исчислилъ главныхъ насадителей раскола поповщинской секты. числимъ имена первыхъ и главныхъ сѣятелей старообрядческаго ученія разныхъ краяхъ Россіи, какъ поповщинскаго, такъ и безпоповщинаго, такъ какъ они были главными, непосредственными орудіями и вииниками распространенія раскола.

Въ предѣлахъ владимірскихъ, въ уѣздахъ костромскомъ, вязниковсмъ и кинешемскомъ проповѣдывалъ расколъ извѣстный уже намъ самый первый расколоначальникъ Капитонъ. Онъ началъ проповѣдывать асколъ еще съ тѣхъ поръ, какъ вышли книги, изданныя при патр. Іосифѣ звѣстными единомышлениками его—протопопомъ Аввакумомъ, Стефаномъ онифатьевымъ, Іоанномъ Нероновымъ и другими ихъ сообщниками, и роповѣдывалъ расколъ болѣе 20 лѣтъ. Онъ такъ много содѣйствовалъ множенію и усиленію раскольническаго общества, что во 2-й половинѣ VII вѣка и даже въ началѣ XVIII послѣдователи его составляли особую бщину и назывались по его имени Капитонами [3]). Капитону ревностно омогали распространять расколъ ученики его: Прохоръ, Вавила, родомъ поземецъ, люторскія вѣры, искусный въ логикѣ, философіи и богословіи, еонидъ и другіе [4]). А одинъ изъ послѣдователей его, поселянинъ Подрѣстниковъ основалъ неподалеку отъ Костромы, въ предѣлахъ кинешемскихъ обое раскольническое общество [5]). Въ самомъ посадѣ Вязникахъ съ особен-

---

[1]) Увѣтъ духовный.

[2]) Полн. истор. извѣстіе о раскольникахъ, ч. I, стр. 72.

[3]) Денисовъ пишетъ о Капитонѣ; „тому мнози ученицы бяху. . . Егда новинъ ря окружи церковь, смяте грады, поколеба села и веси: тогда сей Капитонъ всеинъ проповѣдникъ благочестія и всеревностнѣйшій обличитель Никоновыхъ новствъ показуется, свободно древнее заступаше благочестіе, свободно и новины поаше“. Вин. Росс. л. 135.

[4]) Тамъ же, л. 141.

[5]) Игнат. III посл. стр. 112. 113. Правосл. Собесѣд.

ною ревностью насаждалъ расколъ ново-поставленный священникъ Симеон
Въ Муромѣ при Окѣ свободно проповѣдывалъ расколъ архимандритъ спасск
монастыря Антоній;—во Владимірѣ залѣсскомъ нѣкто о. Іоаннъ, бывшій
борщикомъ печатныхъ книгъ при патр. Іосифѣ, и первый писарь въ канцел
города Владиміра—Никита [2]).—Въ предѣлахъ новгородскихъ и псковск
съ большимъ успѣхомъ распространялъ расколъ старецъ Варлаамъ, быв
протопопъ псковскаго собора, а потомъ постригшійся въ монашество
псковскомъ печерскомъ монастырѣ. «Онъ, по словамъ Денисова, ст
ствовалъ съ проповѣдью о расколѣ по многимъ мѣстамъ, доходилъ
предѣловъ велико-новгородскихъ, былъ въ самомъ Новгородѣ, и во
свободно старопечатныхъ книгъ проповѣдывалъ догматы, и многихъ о
силъ, многихъ утвердилъ въ своемъ ученіи» [3]). Вмѣстѣ съ Варлаам
распространяли расколъ въ новгородскомъ краю ученики его: Іоаннъ
ментьевъ, великолуцкій купецъ, который, «во градѣ и въ селахъ и въ вес
и во всѣхъ предѣлахъ новгородскихъ, по выраженію поморскаго рит
нелѣностно простираше слово» [4]); дворянинъ Димитрій, изъ рода Хво
выхъ, съ двумя родными сестрами [5]); Василій Лисицынъ, поселянинъ
села Крестецкаго; Григорій, бывшій казначей Антоніева новгородск
монастыря; Сампсонъ поповичъ, сынъ священника крестецкаго села
и братъ его Кириллъ [6]); Лаврентій, купецъ, торговавшій харчевыми пр
сами; Василій и Симеонъ псковскіе, Андрей и Ефимій, Евсевій Прос
по выраженію Денисова, невѣжда въ человѣкахъ, о. Іоасафъ Чаплин
многіе другіе [7]). Въ предѣлахъ олонецкихъ и архангельскихъ еще,
жется, болѣе было расколо-учителей: сначала тамъ проповѣдывалъ еп.
ломенскій Павелъ, сосланный въ монастырь Палеостровскій: онъ, по
вамъ Денисова, яснымъ гласомъ свободно проповѣдывалъ [8]). Потомъ
повѣдывали расколъ въ сѣверномъ поморьѣ: Досиѳей, бывшій игум
Никольскаго Бесѣдовскаго монастыря, неподалеку отъ Тихвина, ски
шійся съ проповѣдью о расколѣ по разнымъ мѣстамъ; въ городѣ Оло
богатый купецъ Александръ Гуттоевъ, и клирикъ Елеазаръ; въ Каргоп
безграмотный поселянинъ Леонтій, его дѣти Авраамій и Андрей въ
обществѣ со многими другими; также Іоаннъ Іуліанинъ [9]), и особенно

---

[1]) Виногр. Росс. л. 150.

[2]) Тамъ же, л. 155, об. 156, 158—172.

[3]) Тамъ же л. 172—174.

[4]) Тамъ же л. 180 об. 181.

[5]) Тамъ же л. 191, 194, 200, 202, 205.

[6]) Виногр. Росс.

[7]) О Лаврентіи купцѣ Денисовъ писалъ л. 199: „иже харчевыми припасами к
дѣяше . . . Аще и неученъ бяше книгамъ, но книги въ дому имѣя и отвсюду
раше человѣки на книгочтеніе и спасит. о словесѣхъ Божіихъ бесѣды“. О Анд
Ефиміи л. 203 об. и 204: „не токмо сами древле-церковное православіе крѣпце и
горевностно сохраняша, но и прочія сосѣды и окрестножители всежелательно
толюбно научающа добро-ревностно совѣтоваша, еже новинъ и Никоновыхъ ново
леній весьма отбѣгати.

[8]) Денисовъ о Павлѣ Колом.

[9]) Объ Іуліанин. л. 311—319: „свободнымъ языкомъ и устнами древлецер

рь прикупной палаты въ городѣ, Козма Прокопьевъ[1]), и многіе другіе. ромѣ того, въ олонецкой области распространяли расколъ еще вышед-е изъ соловецкаго монастыря иноки: Епифаній, Савватій, Германъ, Іо-фъ, по прозванію Сухой,—діаконъ Игнатій и нѣкоторые другіе[2]). Здѣсь -, въ заонежскомъ поморьѣ скитался по пустынямъ съ нѣкоторою бра-ею бывшій шумскаго погоста дьячекъ Данила Викулинъ, и повсюду оповѣдывалъ расколъ «мѣсто отъ мѣста перемѣняя, и наконецъ около 94 года поселился съ товарищами своими на Выгѣ рѣкѣ и здѣсь осно-алъ скитъ, извѣстный подъ именемъ анилова, поморскаго, выгорѣцкаго, лавшійся вскорѣ средоточіемъ безпоповщины. Далѣе на сѣверѣ, въ со-вецкой обители и ея окрестностяхъ, распространяли расколъ, кромѣ со-анныхъ туда съ княземъ Львовымъ, іеромонахъ Ѳеоктистъ, старецъ Ге-симъ Фирсовъ, старецъ Епифаній. Въ окрестностяхъ соловецкихъ бро-ли съ проповѣдью о расколѣ соловецкіе выходцы, каковъ напр. Іоаннъ прозванію Пахабный. Въ предѣлахъ архангельскихъ, холмогорскихъ, ндалашскихъ распространяли расколъ при п. Никонѣ старцы Сила, Алек-й и Ѳеодоръ: на проповѣдь ихъ стекалось множество народа. Вообще въ ломъ Поморьѣ расколоучителей было чрезвычайно много, и успѣхъ ихъ оповѣди былъ необыкновенный. Здѣсь уловленъ былъ на нѣсколько емени въ сѣти раскола даже знаменитый Ломоносовъ[3]).

Въ предѣлахъ нижегородскихъ распространяли расколъ: монахъ Арсе-й, бѣжавшій изъ осажденнаго царскими войсками соловецкаго монастыря по прибытіи въ семеновскій уѣздъ, положившій начало въ керженскихъ сахъ скиту шарпанскому; игуменъ Бизюковскаго монастыря Сергій лтыковъ; постриженникъ того же монастыря монахъ Ефремъ Потемкинъ, торый, по словамъ отцевъ собора 1667 года, «многія христіаны, живя пустыни въ нижегородскомъ и ветлужскомъ уѣздахъ, на козлецкихъ атахъ, прельстилъ бяше и отъ церкви отлучилъ»[4]); іеромонахъ Авраамій ъ монастыря казанскія Божія матери села Лыскова[5]); того же имени арецъ, постриженникъ Іосифова волоколамскаго монастыря. Здѣсь же спространяли расколъ: монахъ соловецкаго монастыря Софонтій, бѣ-вшій оттуда во время осады и потомъ посвятившійся въ попы, ученіе тораго распространилось въ скитахъ оленевскомъ, ростовскомъ, рахили-омъ, фотіиномъ и другихъ; Онуфрій, преемникъ бѣжавшаго изъ соло-цкаго монастыря Арсенія, основавшій скитъ близь города Семенова и ревни Хвостиновой и распространявшій расколъ съ 1682 г., если еще не нѣе, по 1735 годъ.

Въ южной украйнѣ Россіи, внизъ по Волгѣ, по рѣкамъ Дону, Кубани, едвѣдицѣ, за Астраханью, въ глубокой степи, по рѣкамъ Сулакѣ и

лаше благочестіе, аще на бесѣдахъ, аще на торжищахъ, аще во градѣ или гдѣ учашеся, ясно разглагольствоваше.

[1]) Тамъ же.

[2]) Истор. о отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ.

[3]) Рѣчь Погодина о Ломоносовѣ, по случаю юбилея моск. универ.

[4]) Дополн. къ Акт. Ист. V, стр. 452—453.

[5]) Дополн. къ Акт. Ист. V, стр. 458.

Кумѣ, близъ Черкасовъ, также близъ Тамбова и Козлова распространяли расколъ, увлекая за собою цѣлыя шайки бѣглыхъ и вольницъ, преимущественно два старца: Іовъ, шляхетскаго рода, котораго вывезъ съ собою изъ плѣна п. Филаретъ, въ качествѣ келейника, и потомъ посвятилъ въ іеромонахи, и Досиѳей, Тихвинскій игуменъ, съ двумя священниками Пафнутіемъ и Ѳеодосіемъ, пришедшій изъ сѣвернаго поморья [1]).

Въ предѣлахъ калужскихъ, въ городѣ Боровскѣ особенно дѣятельно и успѣшно распространялъ расколъ священникъ Поліевктъ. «Егда Никоновыхъ нововведенныхъ догматовъ, повѣствуетъ поморскій риторъ съ обычнымъ напыщеннымъ преувеличеніемъ, многосмущенный мятежъ Россійскую колебати нача церковь, и архіереи и ереи преослабѣвше, трепетомъ объяти омрачишася: тогда дивный Божій священникъ стадо свое, яко добрый пастырь, всегдашними поученьми присно и всебодро утверждаше, да въ древле-отеческомъ православіи непоколебимо пребываютъ, да новопрозябшихъ многосмущенныхъ новинъ стрегутся. И не токмо до сихъ Поліевктова языка всекрасный умножается плодъ, но еще сугубо доброплодствуетъ, и по смерти яко розга процвѣтаетъ: по того бо блаж. скончаніи, того стада овцы паки ревностію православія утвердившеся, познавше гласъ добраго пастыря, ко инымъ пастыремъ чуждая и новая учащимъ послѣдовати или прибѣгнути весьма не восхотѣша» [2]). Были и многіе другіе расколоучители въ калужскихъ предѣлахъ, которые основали нѣсколько скитовъ въ калужскихъ лѣсахъ.

Въ предѣлахъ черниговскихъ, около Стародубскихъ казачьихъ слободъ, распространилъ расколъ попъ Козма, бѣжавшій (послѣ собора 1667 г.) изъ московской церкви Всѣхъ Святыхъ, что на Кулишахъ, съ 20 человѣками [3]).

На востокѣ, въ Сибири, распространяли ученіе старообрядства: Аввакумъ, во время проѣзда своего въ заточеніе за Байкалъ; лже-чернецъ Іосифъ Истоминъ, который, проѣзжая черезъ сибирскіе города Верхотурье, Туринскъ и Тюмень, дорогою вездѣ проповѣдывалъ свое ложное ученіе и вездѣ успѣлъ увлечь многихъ простыхъ людей, и сѣялъ расколъ въ продолженіи 24 лѣтъ; попъ Домитіанъ, увлекавшій народъ изъ городовъ и селъ въ тюменскіе лѣса и горы; Яковъ Лепехинъ, бывшій въ Верхотурьѣ служилымъ атаманомъ и преимущественно распространявшій расколъ въ верхотурскомъ уѣздѣ, и Василій Шапошниковъ, сѣявшій плевелы раскола въ тюменскомъ уѣздѣ. «И не бысть мѣста, прибавляетъ преосв. Игнатій тобольскій, идѣ же бы арменоподражатель не вселился, и уже и жены скверныя учаху, и дѣвы видѣніемъ, такожде и скверныя блудодѣицы».

Мы представили этотъ краткій перечень первыхъ расколо-учителей съ тою цѣлію, чтобы видѣть, какъ неминуемо расколъ долженъ былъ повсюду распространиться съ чрезвычайнымъ успѣхомъ уже вслѣдствіе того одного, что почти съ самаго начала его вдругъ вездѣ проповѣдывали многочисленные

---

[1]) Полн. собр. зак. т. II, № 1310.
[2]) Виногр. Росс. л. 131—133.
[3]) III посл. м. Игнатія, стр. 130, въ Правосл. Собесѣдн. 1855 кн. 2.

коло-учители, и проповѣдывали непрестанно. Мы перечислили еще только которыхъ, болѣе извѣстныхъ, — и то большею частію только первыхъ коло-учителей; но сколько было неизвѣстныхъ! Самъ исторіографъ кольническій Денисовъ сознается, что онъ въ своемъ Росс. Виногр. лчалъ еще о весьма многихъ расколо-учителяхъ. Чрезвычайное умноніе проповѣдниковъ старообрядства и почти повсюдное разсѣяніе ихъ проповѣдью о расколѣ, естественно, какъ мы сказали, сопровождалось ильнымъ умноженіемъ и распространеніемъ по Россіи раскола. Гдѣ не по расколо-учителей, куда не проникала ихъ проповѣдь, тамъ, само собою умѣется, не могло быть и небыло раскола. Но гдѣ появлялся хотя нъ расколо-учитель, тамъ очень легко могъ распространяться и распроанялся расколъ. Надобно замѣтить и то, что успѣхъ первоначальной кольнической проповѣди весьма много зависѣлъ еще отъ того, что пере расколо-учители распространяли свое ученіе съ особеннымъ фанаескимъ жаромъ и энтузіазмомъ. «Для распространенія раскола они не дили ни чести, ни имѣнія, ни самой жизни» [1]). Нѣкоторые расколотели съ умиленіемъ, со слезами и съ рыданіемъ преподавали ученіе кола и умоляли православныхъ спасать свои души принятіемъ его [2]). горячность, одушевленность и сила проповѣди, соединенная съ релизнымъ фанатизмомъ, который на первой порѣ во всякомъ сектантѣ или зматикѣ всегда бываетъ чрезвычайно пламененъ, силенъ, неудержимоемителенъ, много содѣйствовали успѣху расколоучителей. Ложно-релизное воодушевленіе, пылавшее фанатическою ревностію будто бы къ вне-церковному благочестію, а въ самомъ дѣлѣ бывшее, по рѣзкому, но рактеристическому выраженію православныхъ пастырей русской церкви, ровшихся тогда съ расколомъ, «шептаніемъ сатаны, бѣснованіемъ» [3]), ыщенно-восторженный учительный, либо мнимо-исповѣдническій тонъ, торый принимали на себя первые расколоучители, привлекали къ нимъ иманіе и сочувствіе толпы, неумѣвшей различить духа истины отъ дувъ лестчихъ, воодушевленія истиннаго, возвышеннаго, отъ воодушевлеі ложнаго, изувѣрнаго. Фанатическая горячность и ревность легко перевались, такъ сказать, отъ расколоучителей въ воспріимчивыя, мягкія по иродѣ своей сердца русскихъ простолюдиновъ, особенно благочестивыхъ, остодушно-набожныхъ, но неразсудительныхъ. «Таковымъ своимъ бѣсноіемъ, говорилъ Питиримъ, епископъ нижегородскій о расколоучителяхъ, іе въ благочестивыхъ содѣлали смущеніе и мятежъ, паче же простѣйіхъ и ненаученыхъ множайшихъ и въ слѣдъ себѣ до ада отведоша» [4]). мосожигательство — естественный плодъ этой фанатической горячности. лѣе, страсть къ учительству, которая по словамъ патр. Іоакима [5]), и

[1]) Полн. истор. извѣст. о раскольн. ч. I, стр. 83.

[2]) Таковъ, напр. расколоучитель Іоаннъ Дементьевъ, купецъ великолуцкій, расстранявшій расколъ въ предѣлахъ новгородскихъ. Дек. л. 180.

[3]) Дополн. къ Акт. Истор. т. V, стр. 483. Пращица л, 2. Ш послѣ Игнатія тобольго въ Правосл. Собесѣдн. стр. 137 и др.

[4]) Пращица л. 2 об. печ. 1725 г.

[5]) Слово благодарственное: во многихъ мѣстахъ.

побуждала главнымъ образомъ многихъ книжниковъ, грамотѣевъ быть расколоучителями, возжигала въ проповѣдникахъ раскола огнь фанатической ревности—проповѣдывать, учить простой народъ, а равносильная этой страсти жажда многихъ набожныхъ простолюдиновъ послушать слово духовнаго утѣшенія, назиданія или душевнаго спасенія въ минуту глубоко-возчувствованной грѣховности, въ глубокой старости, или во дни болѣзни, скорби, бѣдствія отверзали для ихъ проповѣди свободный входъ въ сердца людей набожныхъ, простодушныхъ, мягкосердечныхъ. Русскій грамотѣй, начетчикъ, книжникъ, выдающійся надъ толпой своими знаніями, своею мудростію, любитъ поучить другихъ, сказать имъ что-либо отъ божественнаго; а русскіе простолюдины, съ своей стороны, по своей мягкой, простодушной природѣ, по своей природной, простосердечной расположенности послушать на досугѣ «что-нибудь о божественномъ отъ писанія», съ удовольствіемъ и съ живымъ участіемъ слушаютъ ихъ и потому всегда высоко цѣнятъ, уважаютъ тѣхъ людей, которые учатъ ихъ «темныхъ людей», называютъ ихъ не иначе, какъ «учителями, законниками» [1]). Что удивительнаго, если расколоучители, особенно книжные, начитанные, даровитые, нравились простому народу, казались истинными учителями, радящими о его спасеніи. Они расколоучители, въ фанатической ревности и горячности своей, предлагали свое ученіе, повидимому, съ самымъ горячимъ и искреннимъ сочувствіемъ къ душевному спасенію ближнихъ, съ глубокими вздохами сокрушенія о грѣховности міра, часто со слезами умиленія, почти всегда съ старою церковною книгою въ рукахъ, говорили о предметахъ самыхъ трогательныхъ для простодушно-набожнаго сердца, глубоко потрясающихъ душу вѣрующаго, какъ-то: о наступленіи послѣднихъ временъ, о близкой кончинѣ міра, о пришествіи антихриста, о приближеніи второго пришествія Христова, и страшномъ судѣ и т. п. Простолюдины, особенно благочестивые, простодушно-набожные, невольно умилялись, умягчались сердцемъ, какъ воскъ, отъ такой проповѣди, и совращались въ расколъ. Рѣзко, но выразительно сравнивали тогдашніе пастыри русской церкви фанатическую горячность и ревность расколо-учителей въ уловленіи православныхъ въ сѣти раскола съ алчностью хищныхъ звѣрей, жадно поглощающихъ свою добычу. Они, какъ «дивыя звѣри», по словамъ отцевъ собора 1667 года, «пшеницу ненасытными зубами пожати и пожрати хотѣли» [2]). При такой горячности и

---

[1]) Какимъ почетомъ пользовались въ народѣ въ XVII вѣкѣ люди книжные, знавшіе писанное ученіе, это можно видѣть отчасти изъ слѣд. словъ русской повѣсти о горѣ и злосчастіи, писан. въ XVII в., если не ранѣе:

А что видятъ молодца люди добрые,
что гораздъ онъ креститися,
ведетъ онъ все *по писанному ученію,*
емлютъ его люди добрые подъ руки,
садятъ его за дубовый столъ и пр. (Совр. 1856 г. № 3 (Мартъ).

[2]) Дополн. къ Акт. Ист. V, стр. 446. Также III посл. Игнатія тобольскаго въ Правосл. Собесѣдн. стр. 156 и др.

ергической, неусыпной дѣятельности проповѣдниковъ старообрядства огъ ли не распространиться расколъ» [1]).

Кромѣ этого общаго свойства—фанатической горячности, одушевлен-сти и силы проповѣди первыхъ расколо-учителей, многіе изъ нихъ имѣли льшой успѣхъ въ дѣлѣ распространенія раскола, по своимъ особеннымъ, *чнымъ свойствамъ*. Одни изъ нихъ, напримѣръ, внушали къ себѣ полное вѣріе своимъ высокимъ священнымъ саномъ и авторитетомъ. Таковъ пр. былъ епископъ коломенскій Павелъ, котораго Денисовъ съ гордостію зываетъ «священно-начальникомъ своего добраго воинства, т. е. общества скольническаго, сравнивая его съ Моисеемъ и Аарономъ. Онъ, когда лъ сосланъ въ заточеніе въ палеостровскій монастырь въ олонецкомъ здѣ, то, по словамъ Денисова, «тамо не малое время препроводилъ, и нымъ гласомъ древле-церковнаго благочестія свѣтлость свободно про-вѣдывалъ» и, разумѣется, его, какъ епископа, народъ съ благоговѣ-емъ и полнымъ довѣріемъ слушалъ и принималъ его ученіе. Расколь-ки его авторитетомъ подтверждали свое ученіе о перекрещиваніи, совершеніи таинствъ людьми неосвященными, о непринятіи отъ русской ркви никакихъ таинствъ и священнодѣйствій, равно какъ и новопо-авленныхъ въ ней священниковъ [2]); а послѣдователи поповской секты ъ него производили благословеніе своихъ бѣглыхъ поповъ и благосло-ніе это признавали непреходящимъ, непрерывно продолжающимся, всегда йственнымъ [3]). Въ одной раскольнической рукописи сказано даже, что коломенскій епископъ Павелъ имѣлъ въ Куроженской обители съ жавшими изъ соловецкаго монастыря соборъ, на которомъ читаны были амоты Макарія 3-го, митроп. новгородскаго, Маркелла, епископа воло-дскаго, и Александра, епископа вятскаго, «о томъ, что отъ велико-ссійской церкви точно должно отдѣлиться, и что всѣхъ, отступающихъ ъ нея въ старообрядство, должно перекрещивать». Не смотря на всю жность [4]) этого сказанія, расколъ однакоже вѣритъ ему и въ немъ на-дитъ для себя подкрѣпленіе. Не меньшимъ почетомъ, по своему сану и анію, и слѣд. довѣріемъ пользовались въ народѣ и совѣтники Павла ископа, бывшіе справщики книгъ при патр. Іосифѣ, каковы: придвор-ый протопопъ и духовникъ царскій Стефанъ Вонифатьевъ, протопопъ вакумъ, протопопъ Іоаннъ Нероновъ, протопопъ Лонгинъ, протопопъ Да-илъ, попы Лазарь и Никита,—все протопопы [5]), да священники, и при-

---

[1]) Въ сѣверномъ поморьи, расколоучитель Васька Заяцъ въ одинъ день крестилъ 77 человѣкъ. Многихъ насильно обратилъ въ расколъ. А. И. V, стр. 391, 392.

[2]) Сказаніе о страданіи и скончаніи Павла колом. соч. раскольнич.

[3]) Напр. сочинитель исторіи о бѣгствующемъ священствѣ, о первомъ бѣгломъ ѣ, Софонтій, поставл. уже по исправл. книгъ, такъ говоритъ: „благословеніе про-одитъ и по нынѣ отъ правосл. прежде бывшаго еписк. Павла коломенскаго, кото-я бысть въ заточеніе за правосл. христ. вѣру во дни гоненія отъ Никона сосланъ. акъ пречестнѣйшіе отцы приняли оттого правосл. епископа благословеніе“.

[4]) Истинно-древн. и ист. правосл. церковь Христова, ч. I, стр. 260, изд. 3.

[5]) Надобно замѣтить, что въ прежнія времена званіе протопопа пользовалось бенымъ почетомъ. Донынѣ сохранилось въ простомъ сельскомъ народѣ мнѣніе, городскій соборный протопопъ даже не ниже будто архіерея.

томъ еще справщики книгъ. Справщики книгъ, какъ мы уже замѣ
тогда считались въ народѣ самыми высшими мудрецами, богосло
законниками. И потому можно себѣ представить, какимъ довѣріемъ
зовались въ народѣ и какое вліяніе могли имѣть на народъ всѣ эт
сколо-учители. Раскольники называютъ ихъ «мудрыми наставни
благоговѣйными справщиками» [1]). Вообще расколо-учители — прото
священники, архимандриты, игумены не могли не имѣть большого
нія на народъ, потому что простой народъ у насъ искони отличался
беннымъ довѣріемъ къ духовнымъ особамъ, къ своимъ пастырямъ, осо
такимъ высокостепеннымъ по сану пастырямъ, каковы протопопы,
мандриты, игумены. Когда протопопъ Іоаннъ Нероновъ, одинъ из
мыхъ энергическихъ поборниковъ раскола, убѣжалъ изъ заточенія и я
въ Москву: «христолюбцы, по словамъ жизнеописателя его, яко зѣ
ока или яко отца, Іоанна храняху, и въ домѣхъ своихъ яко Божія а
держаху и любезно въ сладость послушаху; егда вниде въ царству
градъ Москву, всѣми духовными братію въ царствующемъ градѣ лю
пріемлемь, яко отецъ предпочитаемь всѣми» [2]). Другіе расколо-учи
имѣли большой вѣсъ въ народѣ по своей близости ко двору и по св
связямъ съ высшими сановниками, князьями и боярами. Сами гла
ересіархи — протопопы Аввакумъ, Логгинъ, Даніилъ, попы Лазарь и
кита, по свидѣтельству Игнатія, митр. тобольскаго, при патр. Іо
«имяху дерзновеніе къ самодержцемъ» [3]). Аввакума ласкали княз
бояре [4]). Таковъ же былъ ученикъ Аввакумовъ, расколоучитель И
дворецкій слуга боярина Салтыкова. «Сей, пишетъ Денисовъ, за м
ство разума и за доброе ревности дворомъ всѣмъ, помѣстьями в
господина своего обладаніе, любезный своему господину и присны
вѣтникъ бяше, и не сіе токмо, но и самому царскому величеству за
горазуміе познаваемь бяше». Пользуясь такимъ вліяніемъ, этотъ уч
старообрядства совратилъ въ свою общину и своего господина, и мно
изъ своихъ родственниковъ и близкихъ, а управляя помѣстьями бо
Салтыкова полновластно, легко могъ совращать въ расколъ и крес
его. Когда его судили за упорство въ старообрядствѣ гражданским
домъ, то, по словамъ Денисова, «многочеловѣчное множество слезопла
провожало его», и онъ, какъ исповѣдникъ старообрядства, ограждая с
вождавшихъ его людей двуперстнымъ крестомъ, умолялъ ихъ «крѣ
безбоязненно стояти въ исповѣдуемомъ ими древне-церковномъ бла
стіи» [5]). Таковъ былъ Спиридонъ, архимандритъ покровскій, происх
шій изъ боярскаго рода Потемкиныхъ: «онъ, по словамъ Денисова,
псея (помощника — покровителя) имяше въ царскихъ палатахъ водв

---

[1]) Денисовъ, Виногр. Росс. № 23, и др.

[2]) Жизнеоп. Неронова — соч. раскольническое.

[3]) III посл. стр. 91. въ Правосл. Собесѣдн. 1855 г. кн. 2.

[4]) О содѣйствіи многихъ придворныхъ бояръ раскольникамъ мы скажем
робнѣе въ другомъ мѣстѣ.

[5]) Виногр. Росс. л. 104 — 108.

я и сродники имяше многомогущія у монарха» [1]). Такіе проповѣдники
ообрядческаго ученія, знавшіеся съ князьями да боярами, чего не
ли сдѣлать, особенно когда враги п. Никона — бояре, имѣли нужду во
ахъ его; уже и санъ первыхъ расколоучителей, большею частію
опоповъ, архимандритовъ, игуменовъ, самъ по себѣ внушалъ къ нимъ
ріе въ простомъ народѣ, а содружество ихъ съ придворными князьями
оярами еще больше располагало въ ихъ пользу людей легкомыслен-
ъ, особенно искательныхъ. — Многіе завлекали народъ въ старообряд-
кую общину своимъ богатствомъ. Таковъ напр. былъ велико-луцкій
ецъ Іоаннъ Дементьевъ, ученикъ главнаго расколоучителя псков-
го и новгородскаго, протопопа Варлаама. Разъѣзжая по торговымъ дѣ-
ъ по новгородскому краю, купецъ этотъ, по словамъ Денисова, «все-
тый, преизобильный плодъ усугубилъ не въ тридесять токмо и шест-
тъ, но и во сто прозябаемый, яко и во градѣ и въ селѣхъ и въ ве-
ъ и во всѣхъ предѣлѣхъ новгородскихъ нелѣностно слово простираше.
уду убо пребогато показа подвизаніе свое. Колики убо утверди въ
леправославномъ стояти благочестіи! Колики научи новопреданныхъ
стися догматъ! И не простіи токмо люди, но и честныя и благо-
ныя персоны и фамильная и славная лица, въ древнемъ благоче-
всекрѣпко утверди быти» [2]). Таковъ же былъ въ Олонцѣ богатый
ецъ Александръ Гуттоевъ, имѣніемъ, по словамъ Денисова, изобиль-
й [3]), и многіе другіе. Такіе богатые расколоучители могли весьма мно-
ъ обольщать и преклонять къ принятію своего ученія однимъ своимъ
атствомъ. Бѣдные люди, не имѣвшіе чѣмъ кормить и одѣвать свое
ейство, иной разъ по неволѣ соглашались на убѣжденія богатаго раско-
чителя, чтобы сходно, а можетъ быть и даромъ, получить отъ него
влетвореніе своихъ необходимыхъ, насущныхъ домашнихъ потребностей.
внымъ образомъ и люди богатые, знатные и благородные иногда потому
глашались въ образѣ мыслей съ богатыми старообрядцами, чтобы проч-
е были ихъ взаимныя связи, представлявшія много матеріальныхъ вы-
дъ.—Были и такіе расколоучители, которые уловляли въ сѣти раскола
оимъ гражданскимъ, юридическимъ вліяніемъ на народъ. Таковы были
обенно расколо-учители изъ писарей, приказныхъ—докладчиковъ, разка-
иковъ или стряпчихъ, дьяковъ, подъячихъ и т. п. Извѣстно, какое боль-
ое, какое важное значеніе имѣли въ народѣ всѣ эти приказные люди въ
время, когда грамотность между частными лицами была еще слишкомъ
ло распространена. Эти приказные люди, занимавшіеся дѣловодствомъ,
ли въ то время единственные дѣловые люди, которые имѣли возмож-
сть усвоить себѣ нѣкоторыя познанія въ законахъ, пріобрѣтали умѣнье
чинять дѣловыя бумаги и акты и ходить по дѣламъ въ судахъ. Эта

---

1) Тамъ же л. 113.

2) Виногр. Росс. л. 180.

3) Когда онъ возвѣщалъ расколъ, то, пишетъ Денисовъ, утверждахуся мнози въ гочестіи и сревноваху его усердно... Откуда слава о онаго ревности происхож-де, л. 243.

исключительность знанія давала имъ значительныя выгоды и пр
щества: они пріобрѣли рѣшительное вліяніе на ходъ администрати
и судебныхъ дѣлъ; они также пользовались большимъ почетомъ
частными лицами, которыя ежечасно должны были прибѣгать к
познаніямъ и помощи. Къ сожалѣнію, эти подкупные и хитрые з
искусники часто употребляли во зло свое вліяніе [1]). Вотъ таковъ и
былъ, напримѣръ, расколо-учитель Никита, писарь Владимірскій.
пишетъ Денисовъ, въ канцеляріи града Владиміра бяше первый от
сарей, почтенный отъ гражданъ, почтенный отъ народа, почтенны
воеводъ, искусенъ былъ зѣло, аще въ народныхъ, аще въ граждан
аще въ приказныхъ обхожденіяхъ». Имѣя такую силу и пользуясь т
почетомъ въ обществѣ, онъ съ полною свободою и съ большимъ усп
распространялъ весьма выгодный для него расколъ. Денисовъ же п
про него: что «онъ вездѣ, есть ли въ канцеляріи, есть ли въ дому,
ли на гражданстѣмъ позорищи, всюду всекрасно разглагольствова
предметахъ старообрядства. Глаголющу тому мнози честніи му
изрядніи купцы, и отъ простаго народа сладостно послушаша, всепри
глаголемыхъ внимаху, и яко самаго добляго честна и премудра въ
данскихъ совѣтѣхъ имѣяху, тако и словеса его и совѣты о древл
ковномъ благочестіи честны и вожделѣнны вмѣняху» [2]). Съ таким
успѣхомъ пользовался для распространенія раскола своимъ юридичес
или гражданскимъ вліяніемъ на народъ въ городѣ Каргополѣ писарь
купной палаты Козма Прокопьевъ: и онъ, по словамъ Денисова, «в
себѣ народы паче магнита привлекалъ, понеже всѣмъ приходящим
нему сладокъ и полезенъ бяше совѣтникъ и наставитель, коегождо н
божественныхъ и градскихъ законовъ пресвѣтлыми рѣшая словесы.
куду любимъ и честенъ всѣмъ познавашеся и бываше, яко воево
приказнымъ и благороднымъ, тако градожителямъ и селообитате
понеже вси по премногу пользовахуся дивнымъ того благоразуміемъ» [3]).
тѣмъ болѣе имѣлъ вліянія, что былъ большой начетчикъ въ старыхъ
ковныхъ книгахъ. Таковъ же былъ приказный писарь Іоаннъ Красоу,
первый отъ писарей, изъ города Свіяжска [4]). Преимущественно же р
лоучители обольщали простаковъ и невѣждъ своимъ учительскимъ
комудрствованіемъ, своею грамотностію и начитанностію въ ст
церковныхъ книгахъ и рукописяхъ. Эти расколоучители, проповѣд
расколъ большею частію по страсти къ учительству, по преимущ
были книжники, которые твердо стояли за букву старопечатныхъ к
и странствовали съ проповѣдію о расколѣ съ книгами. Таковъ напр.

---

[1]) „Журн. мин. нар. просв.“ 1853 г. отд. II, о ходѣ законовѣдѣнія въ Россіи
Станиславскаго, стр. 20—22.

[2]) Виногр. Росс. л. 158 об. 160.

[3]) Когда онъ ушелъ изъ Каргополя въ деревню, сюда къ нему, по слова
нисова, мнози стекахуся людіе богатыя разума сладости словесъ древа поу
ревнители тому показывахуся. Отсюда и слова далече исхождаше, яко до
града Чаронды дойде и проч. л. 323, 324.

[4]) Тамъ же л. 332.

Владимірѣ Залѣсскомъ о. Іоаннъ, бывшій еще наборщикомъ печатнаго ра при Іосифѣ. Исправляя столь почетную въ то время должность, онъ э этимъ самымъ пріобрѣлъ себѣ въ народѣ, вмѣстѣ съ справщиками гъ при п. Іосифѣ, извѣстность ученаго, знатока Божественныхъ пи-ій, богослова. И потому, когда злобясь на то, что п. Никонъ устранилъ отъ этой должности, поставивъ на мѣсто его ученаго старца Арсенія ка, онъ пустился странствовать съ проповѣдью о расколѣ: его весьма гіе слушали съ удовольствіемъ и полнымъ довѣріемъ, какъ мудреца, орый ужъ непременно древле-церковную истину проповѣдуетъ, потому начитался старопечатныхъ и рукописныхъ книгъ на печатномъ дворѣ. неже мужъ вѣдѣнія довольна и книгочтенія многа бяше, и яко древо гоплодно при спасительныхъ источницѣхъ книжныхъ напоенъ бяше, ду благочестія древняго, т. е. раскола, сѣмена сѣяше, вездѣ утверждаше вославныя въ древнемъ благочестіи незыблемо стояти. Откуду и слава тоянства его и ученія въ окрестныя народы и до архіерейскихъ сѣда-ъ происхождаше» [1]). Подобныхъ книжниковъ, начетчиковъ между ра-ло-учителями было весьма много, и часто встрѣчались между ними и весьма умные, даровитые, надѣленные богатымъ даромъ слова и собностію хорошо сочинять. Такіе книжники, начетчики тѣмъ съ ьшимъ успѣхомъ распространяли расколъ, что они своею мудростію, итанностію въ книгахъ ослѣпляли, изумляли простой народъ. При дашнемъ отсутствіи народнаго просвѣщенія, при крайней малораспро-аненности грамотности [2]), всякой книжникъ, грамотей, какъ мы уже не замѣтили, слылъ въ народѣ мудрецомъ, законникомъ, оракуломъ, орому безмолвно внимали простаки и легковѣрные. А начетчикъ въ игахъ церковныхъ, старопечатныхъ, душеспасительныхъ, учитель, чи-шій народу старинныя церковныя книги, по которымъ спаслись, какъ орилъ онъ, предки и всѣ святые русской церкви до патр. Никона, прі-ѣталъ въ народѣ безграничное довѣріе.—Многіе расколо-учители оболь-ли народъ еще своею наружною святостію, своимъ строгимъ выполне-мъ обрядовыхъ правилъ церкви. Въ то время, когда живая вѣра и істіанское благочестіе у многихъ перешли въ одну мертвую обрядность, ѣшность, — любили нѣкоторые и «власы ростить, ризы черныя носить, ыми ходить, носить вериги», чтобы прослыаь въ народѣ за святыхъ, гоговѣли предъ пустынножителями, не разбирая того, истинные ли были подвижники пустыни. Расколоучители большею частію прини-ли на себя именно такой видъ святошей, лицемѣровъ — пустынниковъ, обманывали простой народъ своею мнимою святостію и своимъ наруж-ымъ подвижничествомъ. Нѣкоторые изъ нихъ и дѣйствительно само-ольщены были своею святостію; отъ того и являлись строгими ревни-ями, проповѣдниками мертвообрядоваго благочестія. Таковъ напр. лъ уже неоднократно упомянутый нами расколоучитель Капитонъ: онъ авою своего мнимаго подвижничества, кажется, тысячи народу увлекъ

---

[1]) Виногр. Росс. л. 156 об.

[2]) О чемъ будетъ еще сказано подробно въ другомъ мѣстѣ.

въ лѣса вязниковскіе. Таковъ же былъ одинъ изъ московскихъ раск
учителей, Кипріянъ «юродивый». «Сей, повѣствуетъ Денисовъ, толь
таго и великаго житія бяше, яко и самому монарху того знати, и
премногую добродѣтель зѣло любити. Многажды ѣздящу царю на цар
колесницѣ съ царскимъ дароношеніемъ, дивный Кипріянъ, во единой р
ходяй, прибѣгъ на колесницу востекая съ царемъ ѣздяше, мужъ конечн
безстрастія и пророческаго дарованія исполненъ». Когда патр. Ник
сталъ издавать новоисправленныя книги, тогда по сказанію Денис
этотъ юродивый будто бы смѣло востекалъ, при проѣздѣ государя, на
колесницу и умолялъ его твердо держать старообрядство. А какъ г
дарь отвергалъ его неразумный совѣтъ, то онъ началъ ходить по улиц
Москвы, и по торжищамъ всюду свободнымъ языкомъ возвѣщая уч
старообрядства и «дерзновенно новины Никоновы потязая» [1]). Мож
понять, съ какимъ легковѣріемъ простой народъ слушалъ проповѣд
расколѣ изъ устъ такого, повимому, святаго, Христа ради юроди
мужа, исполненнаго духа премудрости и прозорливости. Точно та
когда попъ Дометіанъ убѣжалъ изъ Тюмени въ горы и лѣса; тогда,
шетъ Игнатій м. тобольскій, «собравшася къ нему мнози отъ посел
еже есть слобожанъ, аки къ пустыннику, и мужи и жены и дѣти,
тысяща и семьсотъ» [2]). Въ пути нѣкоемъ отъ града именуемаго Волог
въ Каргополи, къ морю, — пишетъ тотъ же историкъ раскола, — аки
учитель нѣкій врагъ Божій, волхвъ и чародѣй промысли себѣ имя пуст
ника,—и нѣціи поселяне изъ домовъ своихъ изшедше послѣдоваша
яко мняху его въ добродѣтеляхъ изрядна» [3]). Такъ внѣшность ослѣпл
умы и обольщала сердца людей, приковавшихъ живой духъ христіанск
благочестія къ одной мертвой внѣшности, и такъ наружное подвиж
чество обольщало суевѣрныхъ.

Вообще же, расколоучители потому весьма успѣшно проповѣды
расколъ, что *всегда умѣли искусно дѣйствовать на умы и сердца слушат
и приспособляться къ ихъ умственному и нравственному, а иногда и къ
зическому состоянію. Хитрость, ловкость* въ обращеніи, находчивость и
брѣтательность въ средствахъ, приспособительность къ обстоятельст
мѣста и времени и къ нравственнымъ потребностямъ тѣхъ лицъ, котор
они желали совратить въ расколъ, наконецъ необыкновенное терпѣн
неутомимость въ проповѣди,—вотъ характеристическія и почти о
черты дѣйствованія старообрядческихъ учителей на поприщѣ распро
ненія раскола. Патріархъ Іоакимъ въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ
бражаетъ образъ дѣйствованія расколо-учителей: «не престая прелест
лукавый діаволъ чрезъ рабовъ своихъ лукавыхъ человѣкъ, яко чрез
кое ему орудіе къ его служенію угодное, на св. церковь Божію рат
не спитъ, но присно яко левъ рыкая ходитъ. Выну рабы своими и
жители ему угодными церковными раскольники простый и ихъ прел

---

1) Виногр. Росс. л. 117.
2) III посл. м. Игнатія.
3) Тамъ же.

тущій познати многъ народъ не точію въ селѣхъ и во градѣхъ, но и
тъ царствующемъ градѣ Москвѣ, чрезъ ихъ ложная и прелестная
а и писанія и многоковарная разная прельщенія умышляетъ. Иже
слушницы лжеименніи христіане, и душъ христіанскихъ губители,
е въ селѣхъ и во градѣхъ, тайно по домамъ, являются человѣкомъ
ы истинные христіаны постниками великими, сокровища и сребра
кательными, хмѣльнаго питія не піющими, мало спящими и много
цимися; а въ нихъ прелестницѣхъ, ни вѣры, ни любве, но все только
лукавство и лицемѣріе: яко же таковыхъ нелицемѣрный праведный
Христосъ Богъ нашъ, во святомъ своемъ благовѣстіи обличая, гла-
: Горе вамъ книжники, фарисеи и лицемѣри... Тако и они... Еще
ози отъ нихъ прелестниковъ нѣкоимъ человѣкомъ на вящшую пре-
и душъ ихъ погибель, яко бы за совѣсть, о своемъ трудолюбнемъ,
омъ жительствѣ проповѣдываютъ: но при томъ и о семъ имъ из-
ютъ: яко бы они отъ Бога въ міръ нарочно посланніи: овъ глаго-
ословнъ чрезъ явленіе самаго Бога, другій—чрезъ явленіе ангела;
чрезъ иныя святыя, ради истины проповѣданія, и на спасеніе душъ
вѣрныхъ отъ новыя вѣры: ея же въ Россіи нѣсть и не было, но то-
дина православно-христіанская восточная, издревле пріятая вѣра
нынѣ во всякой цѣлости крѣпцѣ хранится. Нѣцыи же отъ нихъ
стниковъ притворяющеся, во еще бы имъ неискусныхъ удобно увѣ-
и со многими слезами, и съ великимъ воздыханіемъ къ нимъ гла-
ъ: дабы они ихъ, яко Божьихъ рабовъ посланныхъ на спасеніе ихъ
послушали, и глаголютъ имъ неискуснымъ, яко аще не хощутъ они
ь душъ погубити, то дабы отъ святыя соборныя и апостольскія
е, въ ней же и истинная есть древняя вѣра, а не новая, отступили,
нею имущею извѣстное спасеніе, аки съ неимущею того, не сообща-
и таинъ святыхъ, отъ Господа Бога на спасеніе душъ христіанскихъ
й установленныхъ, и іереевъ не пріимали. И на большую прелесть
ѣкомъ и усумнѣніе глаголютъ они бѣсовстіи споспѣшницы: яко аще
хъ въ томъ нынѣ, яко бы отъ Бога посланныхъ не послушаетъ, и
еркве святыя соборныя и апостольскія и отъ архіереевъ и іереевъ,
и Божіей покоряющихся, тѣ тайны и иныя святыни и благословеніе
ь пріимати: и того душа погибнетъ, и будетъ со антихристомъ вѣчно
ии мучитися. И то свое прелестное проповѣданіе простому народу
ждаютъ: чтобы онъ имъ въ томъ, убоялся отъ слышанія ихъ сло-
конечно, вѣрилъ, глаголюще: яко уже нынѣ въ церкви правыя вѣры
а вмѣсто той правой вѣры въ церкви нынѣ вѣра антихристова: и
ь ней скверны, церкви не церкви, и тайны уже людемъ не суть на
ценіе, но на оскверненіе. И приводятъ неискуснымъ на большое утвер-
е тоя своея прелести свидѣтельства отъ божественнаго писанія, и
вятыхъ отецъ многая, все ложно: ово не въ томъ разумѣ, въ кото-
Духъ Святый написалъ, полагаютъ, ово точію слова начало емлютъ,
редину, ово конецъ, ово на святое писаніе и на святыхъ отецъ, яко
ако писано, лгутъ. И всячески о томъ безпрестанно прелестницы
я, како бы имъ возмощи невинныхъ людей прельстити. Къ тому же

и се они окаяніи прелестницы народу на злѣйшую прелесть повѣдують, яко бы они и се все дѣлаютъ и правую вѣру старую проповѣдують, и для славы или каковы либо своея отъ человѣкъ корысти, но ради себѣ за то отъ Бога милости, и народу ради душевнаго спасенія: «тѣмъ же и бѣды, гоненія и страданія они терпятъ. И то себѣ за великое спасеніе они прелестницы полагаютъ: аще кто изъ нихъ кого отъ святыя соборныя церкви отъ послушанія како-нибудь, хотя волхвованіями, отторгнетъ, а непослушныхъ имъ и смерти предати не сомнѣваются, и въ грѣхъ того себѣ не вмѣняютъ, но паче во спасеніе. Иніи же изъ нихъ, яко бы злѣйшіи дуси, нѣкакими волхвами прельстивше невинныя простыя души, сжигати самихъ себѣ повелѣваютъ, и глаголютъ имъ таковую злоковарную лесть на ихъ погибель: яко уже нынѣ антихристъ въ мірѣ; друзіи же глаголютъ, яко уже и царствуетъ: иніи глаголютъ яко вскорѣ имать правовѣрныхъ рабовъ Христовыхъ мучити. И простой народъ, увѣря имъ прелестникомъ, душъ христіанскихъ губителямъ, яко бы истиннымъ Христовымъ рабомъ и вѣчнаго спасенія имъ желателямъ, желающе себѣ со Христомъ и со всѣми святыми вѣчное царствіе небесное наслѣдити, и надѣющеся, что то имъ прелестницы говорятъ правду, ихъ прелестниковъ многоковарною лестію прельщени бывше, тако яко же они губители душъ ихъ повелѣваютъ имъ, тако они и творятъ, и мнози сами себе предаютъ мучительнѣй смерти добровольнѣ. И не токмо таковыя, и ина безчисленная они, губители душъ христіанскихъ, на прелестное душъ человѣческихъ погубленіе непрестающе вымышляютъ, и яко словесы, тако и лестными писаніи, и многообразными волхвованіи несмысленныхъ прельщаютъ» [1].

Или, вотъ какъ изображаетъ образъ дѣйствованія расколоучителей въ домахъ православныхъ св. Дмитрій ростовскій: «во первыхъ они усматриваютъ домовъ нескудныхъ, богатыхъ: въ убогія же и нищія домы не ходятъ... Еще не усматриваютъ и лицъ удобопреклоняемыхъ къ прелести ихъ, каковы суть простолюдины, а наипаче полъ женскій. Таже, вселяшеся въ кой домъ, являютъ благоговѣинство веліе, и словомъ и нравомъ показующеся быти Божія рабы, святи, праведни и преподобни. Приносятъ съ собою свой хлѣбъ, и ничтоже хотятъ вкусити отъ предлагаемыхъ имъ снѣдей, дондеже прельстятъ на зловѣріе свое жителей дому того. Не вкушаютъ убо брашенъ ихъ, ово аки сквернами гнушающеся, ово же постничество свое являюще, и постятся до вечера, или чрезъ день и болѣе, мало вкушающе отъ принесеннаго съ собою хлѣба. Продолжаютъ молитву свою прилежную къ Богу со умиленіемъ, да видими будутъ человѣки. Предлагаютъ чтеніе книжное, и оттого простираютъ ученіе свое, не [illegible] спасенному пути научають, но да на свое единомысліе прельстятъ. Бесѣдуютъ же къ слушающимъ ихъ со воздыханіемъ и умиленіемъ и слезами. Людіе же, препрости суще, ни разумѣюще ихъ коварства, удивляются таковому оныхъ житію, пощенію, молитвамъ, кроткому нраву, и почитають ихъ яко великихъ Божіихъ угодниковъ, и отверстыми устами слушають ученія ихъ въ сладость. Тогда они, углажденъ уже путь къ человѣче-

---

[1]) Слово благодарственное л. 64—80.

ъ невѣжествующимъ сердцамъ имуще, начинаютъ своя еретическія ати плевелы. И тако прельщаютъ незлобныя души, и отъ церкве стовы отдѣляютъ я, въ свое же зловѣріе приводятъ» [1]).

Самое географическое положеніе тѣхъ мѣстъ, гдѣ особенно сильно распраняли свои мысли старообрядческие учители, представляло имъ не удобствъ для успѣшнаго распространенія и усиленія старообрядчесобщины. Они преимущественно распространяли свое ученіе въ отдаыхъ окраинахъ Россіи, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ географическія услоиѣстности благопріятствовали успѣшному и безпрепятственному распраненію ихъ мыслей. Въ сѣверномъ поморьѣ, въ предѣлахъ олонецъ и каргопольскихъ, безпрепятственному и успѣшному распространенію ола весьма много благопріятствовали частію лѣсистость, пустынность лонаселенность этихъ мѣстъ, частію малодоступность ихъ для ительственнаго надзора, частію торговыя пути сообщенія, кото изъ нѣкоторыхъ сѣверныхъ поморскихъ городовъ и селъ проли въ южные и внутренніе города Россіи. Большіе, непроходи лѣса представляли самыя удобныя мѣста для укрывательства и ленія расколо-учителей и ихъ многочисленныхъ послѣдователей: болота ера ограждали ихъ отъ городовъ, откуда имъ угрожала опасность. Въ ежскомъ поморьѣ погостъ отъ погоста отстоялъ большею частію весьма ко, верстъ въ 60, 80 и даже въ 100; между многими погостами проались обширные, непроходимые лѣса, верстъ 80, 90, 100 и болѣе; ія также разбросаны были на далекомъ одно отъ другого разстояніи [2]). олоучители обыкновенно поселялись въ этихъ лѣсахъ, и отсюда ходили лизлежащія православныя села и погосты для уловленія православъ въ свою общину. Такъ, напр., въ олонецкомъ уѣздѣ расколоучитель ьянъ Ивановъ собралъ свое сборище «за озеромъ Онегою, промежъ ожскаго погоста и повѣнецкаго рядку, на лѣсу, въ пустыхъ мѣстахъ, озера Онеги верстахъ въ 30; и отсюда въ 1687 г. многія христіанскія отъ церкви Божія прельстилъ и отлучилъ»; а въ 1689 году поучалъ дъ расколу въ толвуйскомъ и иныхъ погостахъ, и весьма многихъ ьстилъ и изъ домовъ, подговаривая, уводилъ въ свое сборище [3]). Лѣса удобнѣе наполнялись раскольниками, что здѣсь и посланные отъ ительства сыщики не могли ихъ отыскивать. Когда въ 1689 году для а и поимки раскольниковъ посланы были въ олонецкій уѣздъ, въ жскіе погосты и волости, въ кижскую половину, прапорщикъ Аникій новскій, да приказной избы подъячій Семенъ Ананьинъ съ стрѣльцами: дя по лѣсу, съ трудомъ сыскали въ дикихъ непроходимыхъ лѣсахъ, ръ, отъ волости верстъ за 80 три пристанища, а людей въ нихъ

[1]) Розыскъ стр. 559—560. 1847.

[2]) Село тогда, и не въ поморскомъ краю только, обыкновенно состояло изъ а ограниченнаго числа дворовъ, а деревня, составлявшая большею частію ьный жеребій, заключала въ себѣ 1, 2, 3, и рѣдко болѣе 4 дворовъ. См. напр. р. оклад. кн. времен. М. общ. ч. 1851, т. II, А. И. т. III, № 149. Доп. къ А. И. т. I, . О сельской общинѣ въ Россіи Чичерина „Русс. Вѣстн." кн. III, стр. 392.

[3]) А. И. V, № 151.

никого не сыскали: всѣ до ихъ приходу разбѣжались по лѣсамъ» [1]). Кромѣ того, въ поморскомъ краю и вообще въ сѣверо-восточной области благопріятствовали распространенію раскола торговые и транспортные пути сообщенія и съѣзды изъ всѣхъ городовъ московскаго государства. Такъ напр. въ чарондскомъ округѣ, гдѣ, по писцовымъ книгамъ 1624 года, было лѣсу и болоту поверстнаго вдоль на 271 версту, поперегъ на 150 вер., слѣд. было гдѣ укрыться расколоучителямъ и ихъ послѣдователямъ; кромѣ того въ кортецкой волости искони была судовая пристань на Ухтомѣ р. «изъ поморск. городовъ пріѣздъ судовой и приходъ соляной изо всѣхъ усолей и сухимъ путемъ къ морю изо всѣхъ городовъ московскаго государства къ той судовой пристани приставали и пріѣзжали, и многіе товарные анбары по той пристани подлѣ Ухтомы рѣчяки стояли, больше 100 анбаровъ, и для промысловъ на той пристани стояли промышленныхъ людей дворы» [2]). Слѣд., въ чарондскій округъ расколъ легко могъ быть занесенъ или выходцами изъ соловецкаго монастыря, или изъ какого-либо поморскаго города, погоста или села, или даже изъ внутреннихъ городовъ Россіи. Поэтому неудивительно, что въ чарондскомъ округѣ были многочисленные проповѣдники старообрядства, и молва о расколоучителяхъ поморскихъ, каргопольскихъ доходила до Чаронды [3]). Равнымъ образомъ и наоборотъ, изъ чарондскаго округа и изъ всего поморья съ обратнымъ торговымъ транспортомъ, съ торговцами возвращавшимися изъ кортецкой волости въ разные города, расколоучители легко могли проникать и въ другіе города и села московскаго государства: даже между самыми купцами и ихъ прикащиками могли быть расколоучители; ибо купцовъ—раскольниковъ уже во второй половинѣ XVII вѣка было много, какъ это мы отчасти видѣли. Въ предѣлахъ владимірскихъ, вологодскихъ и ярославскихъ также мѣстныя условія представляли раскольникамъ много удобствъ для распространенія раскола. Вологодскій край въ XVI и XVII вѣкахъ покрытъ былъ большими дремучими лѣсами: здѣсь и нынѣ еще лѣсныя и ненаселенныя мѣста простираются верстъ на 160 и болѣе, и изъ всего пространства 35,113,680 десятинъ занято лѣсами 32,000,000 десятинъ. Селенія въ древней Россіи здѣсь разбросаны были на весьма далекомъ разстояніи одно отъ другаго. Слѣдов., и здѣсь было гдѣ укрываться раскольникамъ, было куда уводить народъ изъ городовъ и селъ.—Во владимірскомъ округѣ, за р. Клязьмою, въ предѣлахъ вязниковскихъ, гдѣ, какъ извѣстно жилъ и распространялъ расколъ Капитонъ, въ XVII вѣкѣ и въ началѣ XVIII, также тянулся большой, непроходимой лѣсъ на далекомъ протяженіи, болѣе чѣмъ на 70 верстъ: и въ этомъ-то лѣсу чернецъ Капитонъ устроилъ свою пустыню, и къ нему стекалось безчисленное множество бѣглецовъ, спасавшихся отъ преслѣдованія правительства. «Во оно время Никонова смущенія, пишетъ Денисовъ, наипаче отъ градовъ и монастырей

[1]) Тамъ же стр. 256.
[2]) Москвит. 1854 г. № 8, стр. 158.
[3]) Какъ говоритъ Денисовъ въ своемъ Росс. Виноградн. въ главѣ о чарондскихъ учителяхъ старой вѣры.

гающе мнози иноцы и мірстіи, въ пустыняхъ крыяхуся, въ горахъ и въ опастяхъ земныхъ, откуду и оная пустыня паче жителями наполня-ется» [1]). Въ пустыни, окруженной со всѣхъ сторонъ большимъ лѣсомъ, дали отъ православныхъ городовъ и селъ, расколоучитель Капитонъ и о многочисленные послѣдователи жили безопасно, удобно и привольно. удокачественность почвы вязниковскаго, ковровскаго и частію шуйскаго здовъ владимірской губерніи и также нѣкоторыхъ уѣздовъ ярославской ла причиною происхожденія въ этомъ краю особеннаго класса торгов-въ, издавна извѣстныхъ офеней или ходебщиковъ, которые круглый дъ, также какъ и нынѣ, бродили съ коробкой за спиною почти по всей ссіи. Въ первой половинѣ XVIII вѣка очень часто было, что эти ходеб-ики, съ одной стороны, сами гдѣ нибудь во время странствованія зара-лись расколомъ, съ другой стороны, расколоучители представлялись кими офенями или ходебщиками, а иногда и дѣйствительно были ими, такимъ образомъ странствовали по Россіи съ проповѣдью о расколѣ [2]). къ, напр., сочинитель «Историческаго собранія о градѣ Суждалѣ», ключарь анія Өедоровъ, въ половинѣ XVIII вѣка писалъ о жителяхъ дорской деся-ны суздальскаго уѣзда; «въ той десятинѣ обыватели, иные торговые, ргъ отъѣздомъ и не токмо въ разныхъ мѣстахъ Россіи, но и за границею Персіи, въ Польшѣ и въ поморскихъ странахъ имѣющіи; другіи же ботные, сіи есть коновалы, шерстобиты, отъ труда рукъ своихъ питаю-ся, года по два и по три въ домахъ своихъ не бываютъ, но по многимъ ранамъ съ пашпортами странствуютъ, люди безпечальны, но какъ о нихъ родинѣ обносится, болѣе упрямства въ себѣ содержаще, и нѣкоторые изъ іхъ старовѣрцы называющіеся, но самымъ дѣломъ суевѣрцы, и болѣе въ іхъ вкореняется сіе злочестіе душевредное отъ времени до времени отъ ранствованія и отъ домовъ отлученія; странствующе бо по различнымъ ѣстамъ, какъ-то въ Сибири, въ Польшѣ, въ Вяткѣ, и Керженцѣ гдѣ лже-ителей раскольническихъ не мало, съ тѣми лжеучителями имѣютъ бщеніе, и въ благочестіи аки листъ древесный колеблются» [3]). Эта же ранническая, бродячая жизнь, круглый годъ, вѣроятно, была одною изъ ичинъ того, что здѣсь именно, во владимірской, ярославской и частію остромской губерніяхъ получила начало и особенно усилилась секта такъ зываемыхъ странниковъ, которые въ бродяжничествѣ полагаютъ хри-іанскій спасительный подвигъ. Кромѣ того, распространенію раскола въ едѣлахъ ярославскихъ, владимірскихъ, а также и вологодскихъ весьма ного могъ способствовать чрезвычайный наплывъ въ эти края торговаго промышленнаго народонаселенія, начиная съ 1649 по 1684 годъ: въ отъ періодъ времени во множествѣ стекались сюда со всѣхъ сторонъ естьяне помѣщичьи и вотчинные съ отпускными и безъ отпускныхъ, и дѣсь всякими торговыми и рукодѣльными промыслы промышляли и тор-вали» [4]). Въ городѣ Вологдѣ въ XVII в. была ярмарка; на эту ярмарку

[1]) Виногр. Росс. л. 134, 135.
[2]) П. С. З. т. X. № 9155.
[3]) Времен. Имп. Москов. Общ. Ист. кн. 22, стр. 102.
[4]) А. И. т. V. № 226.

съѣзжались торговые люди съ разными товарами изъ отдаленныхъ городовъ и селъ, не только сѣверныхъ, напр. Холмогоръ, Архангельска и подвинскихъ селъ рѣками Двиною и Сухоною, но даже и изъ южныхъ, напр. изъ Воронежа [1]). Этотъ наплывъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи торговаго и промышленнаго народонаселенія въ такомъ краю, гдѣ расколъ былъ въ большой силѣ, представлялъ для расколоучителей обильную жатву, обширное поприще для распространенія ихъ ученія и одинъ изъ самыхъ удобныхъ способовъ для распространенія его по разнымъ городамъ и селамъ Россіи. Весьма могъ способствовать распространенію раскола также торгъ, учрежденный въ 1657 году близъ Суздаля, гдѣ проповѣдывалъ расколъ извѣстный расколоучитель попъ Никита пустосвятъ въ селѣ Ковровѣ, на большой дорогѣ изъ Суздаля въ казанскіе города [2]). Расколоучители, которыхъ въ это время въ сѣверо-восточной Россіи вездѣ было множество, не могли не воспользоваться стеченіемъ на этотъ торгъ народа въ такое время, когда они съ жаромъ и всемѣрно старались распространять расколъ. А по большой доргѣ изъ Суздаля въ казанскіе города, вмѣстѣ съ торговымъ транспортомъ, или другимъ какимъ либо способомъ, расколъ весьма легко могъ распространяться и въ суздальскомъ краю, и на пути въ казанскіе города, и въ казанскихъ предѣлахъ,—и расколоучители, съ одной стороны, владимірскіе и суздальскіе, съ другой, нижегородскіе весьма удобно могли распространять расколъ по этому пути. Посему неудивительно, что еще въ XVII вѣкѣ въ поморскихъ предѣлахъ мы встрѣчаемъ расколоучителей изъ какого-либо казанскаго города, напр. изъ Свіяжска, и наоборотъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ Казани видимъ расколоучителей поморскихъ или выходцевъ соловецкихъ. На югѣ, и во первыхъ, въ предѣлахъ нижегородскихъ, кажется, еще болѣе было географическихъ удобствъ для укрывательства расколоучителей и распространенія раскола. Здѣсь, особенно въ Заволжьи, въ то время тянулись огромные, непроходимые лѣса. Въ обширныхъ лѣсистыхъ пространствахъ Заволжья, еще и нынѣ простирающихся верстъ на 150 въ длину и верстъ на 100 въ ширину, есть, какъ говорятъ, такія мѣста, куда чрезъ трясины и болота еще никто никогда не пробирался. Здѣсь простирались глухіе никѣмъ не посѣщаемые лѣса салавирскіе (въ ардатов. и горбатов. уѣздахъ), отрасль знаменитыхъ муромскихъ лѣсовъ, лѣса поломскіе (въ семенов. уѣздѣ), лысковскіе (въ томъ же), керженскіе (въ макарьев. уѣздѣ), каменскіе (тамъ же), дорогучинскіе и ветлужскіе (на границахъ макарьев. и васильев. уѣздовъ), гнилицкіе (балахнинск. уѣзда) и другіе. Въ этихъ лѣсахъ раскольники и нашли себѣ притонъ, и доселѣ еще гнѣздятся. По раскольническимъ преданіямъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича прибылъ въ керженскіе лѣса соловецкій выходецъ монахъ Арсеній и основалъ здѣсь на болотистомъ глухомъ мѣстѣ скитъ шарпанскій: отъ этого скита произошло множество новыхъ скитовъ въ заволжскихъ лѣсахъ, въ глухихъ, непроходимыхъ лѣсахъ керженскихъ,

---

[1]) Древн. Грам. Воронеж. губерніи. Изъ Воронежа торговые, люди отправлялись также для промысловъ на Донъ, гдѣ также, какъ мы видѣли, были расколоучители.

[2]) А. А. Э. т. IV, № 96.

нораменскихъ, салавирскихъ, поломскихъ, лысковскихъ и другихъ. Изъ хъ лѣсовъ расколоучители пробирались въ близь лежащія села, и мно- тво народа увлекали въ свои лѣсныя обиталища: къ нимъ туда укры- ись всякаго рода бѣглые, толпами стекавшіеся со всѣхъ концовъ: келліи одились «въ великихъ болотахъ и топяхъ, гдѣ и пѣшему ходить съ удою: оттого сыскать никакъ невозможно было» [1]). Раскольническія занія о невидимыхъ монастыряхъ, населенныхъ пустынниками, здѣсь авдываются дѣйствительностію. Приливу и умноженію раскольниковъ нижегородской области, а также успѣху проповѣди расколоучителей, го способствовали еще макарьевская ярмарка и географическое поло- іе нижегородскаго края, находящагося на перепутьи изъ внутренней сіи въ восточныя края и въ Сибирь. На макарьевскую ярмарку въ II вѣкѣ «съѣзжались торговые люди въ первыхъ числахъ іюля, а иные анѣе того, со всякими товарами и съ деньгами со всего московскаго ударства и иныхъ государствъ иноземцы и торговали двѣ недѣли [2]). Какъ тѣ нижегородская ярмарка весьма способствуетъ наплыву и умноженію кольниковъ въ нижегородской губерніи и распространенію раскола по гимъ губерніямъ: такъ, безъ всякаго сомнѣнія, въ XVII вѣкѣ макарьев- я ярмарка, при большомъ стеченіи народа изъ разныхъ областей и го- овъ, благопріятствовала расколо-учителямъ нижегородскимъ распро- нять расколъ, и способствовала распространенію его по разнымъ дру- ъ мѣстамъ, внѣ нижегородской губерніи. Кромѣ того «изъ Нижняго- города ходили въ Астрахань паузки, струги со всякимъ хлѣбнымъ за- омъ и на тѣ суда наймывались всякіе рабочіе люди, и изъ Астрахани вверхъ на судахъ, со учугомъ, съ рыбою и съ икрою, и со всякими ными обиходы и съ солью» [3]). На этихъ судахъ, иногда въ числѣ ра- іхъ, расколоучители нижегородскіе могли проникнуть въ Саратовъ, Астрахань и другіе приволжскіе города и села, а съ половины XVIII тѣтія раскольники сами приняли дѣятельное участіе въ этой мѣновой овлѣ Нижняго съ Саратовымъ и Астраханью, и пользовались этимъ распространенія раскола. Южная, степная Украйна Русскаго царства XVII вѣкѣ представляла также широкое поприще не только для убѣ- ца и населенія раскольниковъ, но и для буйнаго разгула ихъ мятеж- ъ стремленій и дѣйствій. Это была страна малонаселенная и пустын- ; обширныя степи ея служили притономъ для бѣглыхъ людей различ- званія: холопей, солдатъ, казаковъ, бездомовныхъ бобылей и вообще съ такъ называемыхъ въ актахъ «гулящихъ людей», бродягъ, кото- тамъ обыкновенно занимались разбоями и грабежами. «Около Сара- ,— читаемъ въ соловецкомъ сборникѣ XVII вѣка, въ отрывкѣ изъ о-то описанья Поволжья,— пошла степь во всѣ стороны, отъ Сара- на 200 верстъ до Камышенки рѣчки; а надъ рѣчкою стоитъ высо- острожекъ: тутъ стоитъ по 500 и по 700 стрѣльцовъ казанскихъ при-

[1]) П. С. З. т. XI. № 8175.
[2]) А. А. Э. т. VI, № 157.
[3]) П. С. З. т. I, № 93.

городныхъ съ весны до осени; а какъ осенью пойдутъ съ осеннимъ а ханскимъ товаромъ, тогда острожекъ сожгутъ: а тою рѣчкою Камы кою ходятъ на Донъ, а ходу Камышенкою рѣчкою 3 версты въ сте тамъ волоку 20 верстъ, казаки струги волочатъ, а тамъ рѣчка И. потекла въ степь, и вышла въ Донъ»[1]). По этому пути, отдѣльно и стѣ съ стрѣльцами и казаками, между которыми также много было кольниковъ, расколоучители пробирались изъ саратовскихъ сте одного изъ главнѣйшихъ притоновъ бѣглыхъ раскольниковъ въ XVII на Донъ, и тамъ съ большимъ успѣхомъ распространяли раскол Дона проникали въ Воронежъ и обратно. Здѣсь, отъ Воронежа, п сковскимъ дорогамъ, въ степяхъ и по приточнымъ мѣстамъ, какъ другихъ отдаленныхъ окраинахъ Россіи, также еще незначительно народонаселеніе и не былъ водворенъ строгій гусударственный поря а господствовали еще остатки стараго безнарядья, противогосударс наго своеволія. Въ этомъ краю и расколъ принялъ характеръ по пр ществу буйный, мятежный, и нашелъ себѣ привольный, просторный тонъ въ разбойничьихъ шайкахъ, наполнявшихся отъ постояннаг плыва сюда всякаго рода вольницъ, не хотѣвшихъ подчиниться зако гражданскому порядку. Въ сѣверо-западной Россіи, расколъ осо распространился на Вѣткѣ, за границею, въ польской области, въ д польскихъ пановъ. Здѣсь расколъ совершенно свободно распростра уже по тому одному, что Вѣтка тогда не принадлежала Россіи. «С ственная на малороссійскихъ земляхъ граница, говоритъ протоіерей новъ, не токмо не препятствовала, но и весьма къ тому способств Малороссійскіе паны, ни мало не предвидя потери своей, напер одинъ передъ другимъ старались бѣглецамъ нашимъ благопріятств дѣлать выгоды и отводить лучшую землю, дабы чрезъ то приманит въ чаяніи со временемъ сдѣлаться надъ ними вѣчными владѣльцам Въ черниговскихъ предѣлахъ расколъ особенно сильно умножался в родубскихъ лѣсахъ, и также бѣглецами всякаго рода. По лѣсамъ, п лужской и тульской дорогамъ, пробирались раскольники въ Малор въ стародубскіе лѣса[3]). Дѣйствительно было гдѣ укрываться бѣглы было къ чему бѣжать: стародубскіе лѣса, по свидѣтельству иностра посѣщавшихъ Россію въ XVI вѣкѣ, изобиловали горностаями, бѣл куницами и медомъ. Въ новгородско-сѣверскомъ намѣстничествѣ нахо дремучій лѣсъ, простиравшійся верстъ на 160 слишкомъ; слѣдоват кольникамъ, любившимъ лѣсное уединеніе, можно было здѣсь укрыв Наконецъ, о географическихъ удобствахъ распространенія раскола, н стокѣ, въ Сибири, излишне и говорить: здѣсь былъ полный пр расколу.

---

[1]) Сборн. Солов. библ. № 905. Отрывокъ изъ какого-то путевого описа волжскаго края, весьма интересный въ географическомъ отношеніи; только к лѣнію, неизвѣстно чье это описаніе. Рукоп. безъ начала.

[2]) Полн. истор. изв. о раскольн. ч. III, стр. 18.

[3]) П. С. З. т. III, № 1053.

Когда такимъ образомъ расколъ распространился по всѣмъ краямъ
сіи, вслѣдствіе неусыпной и энергической дѣятельности многочислен-
хъ расколоучителей, когда онъ сыскалъ для себя удобныя въ геогра-
ческомъ отношеніи мѣста и утвердился на нихъ въ многочисленныхъ
тыняхъ, скитахъ, монастыряхъ и слободахъ: то почувствовалъ въ себѣ
больше силъ и стремленій. Для его дальнѣйшаго усиленія, развитія
аспространенія представились новыя, внутреннія, домашнія средства и
собы. Начало этого новаго періода развитія раскола приблизительно
жно отнести къ послѣднему десятилѣтію XVII столѣтія, когда на сѣ-
ѣ, въ поморьѣ, основанъ былъ безпоповщинскій скитъ выгорѣцкій, на
ѣ въ нижегородскихъ лѣсахъ поповщинскій скитъ Онуфріевъ, въ чер-
овскихъ лѣсахъ старообрядческія слободы мглинскаго, новозыбков-
го и стародубскаго уѣздовъ. Съ этого времени расколъ окончательно
вно получилъ характеръ церковно-гражданской общины, стремившейся
только отстоять свой образъ мыслей, но и, если можно, сдѣлать его
подствующимъ во всей Россіи. Съ этого времени въ немъ ясно обнару-
лась внутренняя, самостоятельная общинная жизнь и послѣдовательное,
аническое развитіе его чрезъ развѣтвленіе и раздѣленіе, посредствомъ
ихъ внутреннихъ, весьма многоразличныхъ силъ, средствъ и способовъ.
оргшись отъ цѣлаго, всенароднаго, всеобъемлющаго единства церкви,
зуемаго христіанскою всепримиряющею любовію, и начавши свою осо-
ную жизнь, въ совершенной отрѣшенности отъ общей жизни русской
кви, раскольническая община, неизбѣжно скоро почувствовала и испы-
а въ себѣ признаки разложенія, раздѣленія, оскудѣніе внутренняго все-
аго единства и умноженіе отдѣльныхъ, разрозненныхъ частей. Отчуж-
іе раскола отъ церковной іерархіи, отсутствіе этого церковно-соедини-
ьнаго начала въ нѣдрахъ самой раскольнической общины, оскудѣніе
послѣдователяхъ старообрядства истиннаго, разумно-сознательнаго зна-
христіанства и истинной церковной жизни, вслѣдствіе всецѣлаго,
лючительнаго сосредоточенія ихъ на одной безжизненной, мертвой
вѣ и обрядности, — вотъ прямыя, естественныя внутреннія причины
паденія раскола сначала на безпоповщину и бѣглопоповщину, а по-
ъ на многочисленныя частныя секты [1]). А это постоянное внутреннее

[1]) Ни одна секта не доказала собою такъ ясно, какъ доказала секта русскихъ
кольниковъ той истины, что ложь вводитъ съ собою только раздоръ и раздѣленія.
прошло и 25 лѣтъ послѣ 1665 года, какъ русскій расколъ раздробился на толки,
и естественно. Опустивъ изъ вниманія евангельское ученіе христіанства, русское
еволіе обратилось къ одной внѣшности, къ однимъ обрядамъ; а здѣсь, при недо-
ткѣ умѣнья вникать въ смыслъ обряда, мысли зрителя волнуются только впечат-
ніями случайными и вліяніями чувства, и отселѣ одинъ выбираетъ то, другой дру-
одинъ хвалитъ то, что другой бранитъ: разнообразіе предметовъ, представляе-
ъ обрядностію, еще болѣе умножаетъ несходство въ выборѣ предметовъ уваженія.
. Ц. IV. стр. 220. Протоіерей Іоанновъ, самъ бывшій нѣкогда въ расколѣ, открывая,
го словамъ, хаосъ разныхъ сектъ раскольн. въ чернорам. лѣсахъ и на Керженцѣ
ѣчаетъ: „злоба и ожесточеніе ввергли ихъ въ сію бездну; а отвращеніе отъ вла-
церковной всему тому есть главною причиною". Ч. III, стр. 2. Замѣчательно
деніе самихъ раскольниковъ о причинѣ раздоровъ и раздѣленій въ старообряд-

раздѣленіе, распаденіе раскола на разные толки, какъ естественный п
и въ тоже время новый, неизсякаемый источникъ внутренней бор
внутренняго несогласія и безпорядка, естественно, порождало и усили
одну только борьбу, несогласіе и раздоръ, именно борьбу и раздор
господствующею церковію, и слѣд. еще болѣе усиливало расколъ,
это мы сейчасъ увидимъ. Съ другой стороны, общность главнаго перв
чальнаго стремленія раскола — національнаго церковно - гражданскаго
мократизма, была существенною причиною живучести и постояннаго
витія раскола въ одну упорную русскую демократически - старообряд
общину. Какъ одна опредѣленная община, одушевляемая однимъ, общ
недовольствомъ новымъ порядкомъ въ Россіи, движимая единодуш
противленіемъ церковной и государственной власти, расколъ, не см
на разрозненность своихъ частей, употреблялъ теперь всѣ свои общи
силы и средства къ тому, чтобы еще болѣе усилиться и умножить
расширить кругъ своего господства. Получивъ постоянную осѣдл
послѣ первоначальной неустановленности и бурнаго, хаотическаго в
нія и броженія, раскольники чрезъ это укрѣпленіе и сосредоточені
мѣстамъ, въ слободахъ, монастыряхъ и пустыняхъ, пріобрѣли свои
ственныя, домашнія, такъ сказать, средства и способы къ распрост
нію раскола. Обратимъ же теперь вниманіе на эти способы.

Первымъ такимъ средствомъ распространенія раскола *было уже с*
построеніе и умноженіе въ разныхъ мѣстахъ раскольническихъ пустыней,
товъ, монастырей и слободъ. Какъ на причину усиленія и возрастанія
скола, на умноженіе лѣсныхъ скитовъ и монастырей указывалъ царь
доръ Алексѣевичъ отцамъ собора 1681 года. «Многіе монахи, гово
онъ, мужеска пола и женска, нехотя быть у настоятелей своихъ под
слушаніемъ, отходятъ отъ монастырей и начинаютъ жить въ лѣсах
помалу прибираютъ къ себѣ такихъ же непослушниковъ, и устрояютъ
совни, и служатъ молебны... и именуютъ тѣ мѣста пустынями, и въ т
новоустроенныхъ пустыняхъ церковное пѣніе отправляютъ не по испр
нымъ книгамъ, и для того приходятъ къ нимъ многіе люди и сел
близко ихъ, и имѣютъ ихъ за страдальцевъ, и отъ того урастаетъ
святую церковь противленіе» [1]). И дѣйствительно, исторія распростран
раскола показываетъ, какъ сильно способствовали распространенію
скола устроявшіеся въ лѣсахъ скиты и монастыри. Они имѣли каку

ствѣ. Вотъ что пишетъ одинъ изъ нихъ: „сице убо явственно плоды раск
древлероссійскихъ христіанъ испыташася. Нѣсть убо того христіанина, не обрѣт
благовѣрна мужа, не сыщется благоговѣйныя жены, которая бы съ горестію не
износила вадохи свои о сей раздорной бурѣ, и способствовать же кому и чѣм
возмогаемо учинись. Понеже нѣсть нынѣ высочайшихъ духовныхъ властей, —
спомогательныхъ государей нашей истинѣ, не имѣется удобныхъ мѣстъ. Къ си
и устыла вся теплота къ ревности благочестію и добродѣтелей и всѣхъ Россій
христіанъ, только единымъ духомъ братоненавистныхъ наполнилися тѣхъ серд
и не можетъ во иныхъ покоиться духъ соединенія!“ О началѣ раздора Өедосѣе
выгорѣцкимъ общежительствомъ и о причинѣ того, чего ради оный быстъ
л. 60 и об.

[1]) А. И. т. V, № 75, стр. 117.

обенную, могучую притягательную силу. Едва устроялся гдѣ-либо въ гщи лѣсовъ раскольническій скитъ какимъ либо расколо-учителемъ, съ тотчасъ же разносилась объ немъ молва по окрестностямъ,—и сотни, сячи суевѣрныхъ стремились въ эти пустыни, думая обрѣсти тамъ покоеніе или спасеніе своей души, а бродяги и гулящіе люди, люди без-ковные, праздношатающіеся, не хотѣвшіе трудиться, работать, служить дству, коковыхъ тогда было множество по всей Россіи, расчитывали йти здѣсь безопасный притонъ, даровую, готовую хлѣбъ-соль. Лѣсныя щи наполнялись такимъ образомъ хижинами и шалашами такихъ отще-пцевъ. Поселялся гдѣ-либо въ лѣсной пустынѣ расколо-учитель—инокъ, рецъ съ нѣсколькими людьми, устроялъ небольшую часовню, заводилъ локолъ». Жители окрестныхъ мѣстъ слышали вдругъ, въ необи-момъ дотолѣ мѣстѣ, звонъ колокола, спѣшили на этотъ призывный къ, встрѣчали старца, молящагося въ чащѣ дебри, съ участіемъ вни-ли его разсказамъ о преслѣдованіяхъ, которымъ будто бы подвергалась ра праотцевъ, о пришествіи антихриста, о близкомъ концѣ міра. Имена кона и Никоніанцевъ произносимы были съ проклятіями, сѣтованія объ атѣ православія сопровождались слезами, и простодушные поселяне съ гоговѣніемъ взирали на отшельника, потомъ возвращались къ нему, бы слушать его поученія, приносили ему посильные дары, требуя за съ только его благословенія, и понемногу совращались въ расколъ. ые поселялись вокругъ своего учителя, оставляя вмѣстѣ съ жилищами ими семейства, имущества, всѣ обольщенія житейскія»[1]). Такъ напол-нись народомъ во многихъ мѣстахъ монастыри или скиты раскольни-кіе, центры ученій, направленныхъ противъ православной церкви. Такъ, да бѣглый дьячекъ Шумскаго погоста Данило Викулинъ основалъ вый безпоповщинскій скитъ на Выгѣ рѣкѣ въ олонецкомъ уѣздѣ и неслась о немъ молва по заонежскому поморью, къ нему сначала на-лось до 49 человѣкъ, потомъ начали стекаться цѣлыми семействами ки, жены и дѣти всякаго возраста, и вскорѣ число отшельниковъ воз-сло болѣе 150, не считая около нихъ жившихъ еще въ отшельничествѣ другихъ скитахъ. Вотъ сюда же поступаетъ съ отцемъ, матерью, братьями сестрами знатный молодой человѣкъ, по имени Андрей Денисовъ,[2]). роисходившій изъ рода Новгородскихъ князей Мышецкихъ, которому съ ратомъ Семеномъ суждено было болѣе четверти столѣтія быть самою мо-щественною опорою раскола и славою своею наполнить всѣ раскольни-ескіе скиты, разсѣянные во всѣхъ концахъ Россіи[3]). Слава Даниловскаго кита еще болѣе умножилась и распространилась по Обонежскимъ окрест-остямъ. Народу еще болѣе стремилось сюда. Прошло 7 или 8 лѣтъ; въ аниловскомъ скиту стало тѣсно. Съ 1703 года, по рѣкѣ Выгѣ и другимъ камъ и озерамъ, основалось уже множество другихъ, частныхъ скитовъ, ржавшихся ученія Даниловскаго, гдѣ селились нѣкоторые по одиночкѣ,

[1]) „Русскій Вѣстникъ" 1856 г. кн. 8 Правленіе Царевны Софіи.
[2]) Ему тогда было не болѣе 17 лѣтъ.
[3]) Словарь Рус. свѣтск. писателей м. Евгенія о Денисовѣ.

другіе цѣлыми семействами, и устрояли часовни. Въ половинѣ XVIII сто-лѣтія Выгорѣцкій монастырь уже на одномъ собственномъ иждивеніи со-держалъ до 2000 человѣкъ мужескаго пола и болѣе 2000 женскаго. Близъ Волги, въ нижегородскихъ предѣлахъ, въ керженскихъ лѣсахъ поселился, какъ мы видѣли, выходецъ изъ Соловецкаго монастыря, монахъ Арсеній и основалъ здѣсь въ лѣсной чащѣ, на болотистомъ глухомъ мѣстѣ скитъ шарпанскій. Лишь только разнеслась молва въ Семеновскомъ уѣздѣ и по другимъ окрестностямъ, что въ пустынной глуши, въ глубокой чащѣ кер-женскихъ лѣсовъ, живетъ подвижникъ, инокъ изъ знаменитаго соловецкаго монастыря, какъ тотчасъ же къ нему потекли сотни, тысячи людей со всѣхъ сторонъ. Такимъ образомъ въ 30 или 40 лѣтъ столько стеклось сюда народу, что вмѣсто одного шарпанскаго монастыря въ предѣлахъ нынѣшней нижегородской и сопредѣльной съ нею костромской губерній появилось до 94 скитовъ, и большая часть изъ нихъ произошла отъ перво-начальнаго, Арсеніева скита. Въ началѣ XVIII столѣтія въ однихъ ны-нѣшнихъ балахнинскомъ, семеновскомъ и макарьевскомъ уѣздахъ счита-лось около 30,000 раскольниковъ, что составляетъ гораздо болѣе трети тогдашняго общаго населенія; въ 1719 году считалось раскольниковъ въ предѣлахъ нижегородской епархіи уже 86,000 об. пола, слѣд. на каждую тысячу жителей приходилось 283 раскольника. Въ Сибири лѣсныя пустыни раскольническія увлекали изъ городовъ и селъ также тысячи православ-ныхъ. Въ 1682 году верхотурскій воевода Иларіонъ Лопухинъ писалъ къ краснопольскому прикащику: «въ нынѣшнемъ-де въ 191 г. (1683) вѣдомо ему въ Тобольску учинилось, что выѣзжаютъ изъ городовъ и изъ слободъ многіе всякихъ чиновъ люди, покиня дворы и животы свои, и скотъ и хлѣбъ, на Тоболь въ Утецкую слободу къ слободчику Ѳедькѣ иноземцеву и заводится де пустыня такаяжъ, что и прежъ сего сбирывались вверхъ по Тоболу рѣкѣ, на Березовѣ рѣчкѣ на прелесть православнымъ христі-намъ» [1]). Тоже самое было на Вѣткѣ и въ стародубскихъ лѣсахъ: на Вѣткѣ отъ одной или двухъ слободъ произошло до 14-ти, а въ Стародубьѣ до 17 слободъ. Такое множество народа привлекали раскольническіе мо-настыри, пустыни и слободы! И не только къ себѣ они привлекали на-родъ, но и заражали окружающіе ихъ православные города и села. И чѣмъ ближе находились города и села къ раскольническимъ монастырямъ и пустынямъ, тѣмъ сильнѣе въ нихъ распространялся расколъ. Такъ въ олонецкомъ уѣздѣ, въ близлежащихъ къ выгорѣцкому скиту деревняхъ весьма многіе дома и семейства наполнены были раскольниками. Въ пу-дожскомъ и другихъ погостахъ, гдѣ въ лѣсахъ находились раскольниче-скія пристанища и пустыни, расколомъ заражены были весьма многіе домы въ деревняхъ и волостяхъ: въ деревнѣ Строкиной разъ заперлись раскольники въ 4-хъ избахъ, въ числѣ 800 человѣкъ, и, когда ихъ начало оты-скивать правительство, сожглись [2]). Въ деревнѣ Коловской заражено было расколомъ до 15 домовъ, въ Ножевской до 12-ти. Въ другихъ до 10 и...

---

[1]) А. И. т. № 101, стр. 162.

[2]) А. И. №№ 223, стр. 387.

ыше, и между прочимъ домъ старосты. Въ деревнѣ Коловской расколо-
тель Василій Емельяновъ съ товарищемъ своимъ Ильею Өедоровымъ
1693 г. въ Петровъ постъ и послѣ Петрова дня каждый день служилъ
найму въ часовнѣ Николая Чудотворца вечерню, заутреню и часы, и
стьянъ «воровскому прелестному богомерзкому ученію непрестанно
лъ» [1]). Когда надменный своею святостію Капитонъ поселился въ пу-
нѣ, въ лѣсахъ вязниковскихъ, то «отсюду, повѣтствуетъ Денисовъ,
дъ Вязники сіяше пресвѣтлаго древняго благочестія догматами, т. е.
рообрядствомъ, отсюду ближнія веси и села утверждахуся въ отече-
хъ законѣхъ непоколебимо пребывати и вся вязниковскія предѣлы
влеотеческаго православія свѣтъ осіяваше толико, елико во окрестныя
ху о семъ велегласно пронестися, и до самаго царствующаго града, до
іерейскихъ сѣдалищъ» [2]). Тоже было и въ Малороссіи вокругъ расколь-
ескихъ слободъ. Въ 1728 г. въ бывшемъ верховномъ тайномъ совѣтѣ
манъ Апостолъ съ старшинами и съ полковыми представлялъ, что «ра-
льническаго суевѣрія люди, въ малой Россіи не малыми слободами по-
ившіеся, ересей своихъ сѣютъ плевелы и прельщаютъ народъ малорос-
кій,—гдѣ между сущимъ православіемъ таковаго суевѣрія не бывало» [3]).
добное распространеніе раскола изъ раскольническихъ селеній, мона-
рей и пустыней въ близлежащіе православные города и села замѣча-
ь и въ недавнее еще время. Такъ напр. чѣмъ ближе города и селенія
ргизскимъ монастырямъ, недавно бывшимъ раскольническими, тѣмъ
ѣе было въ нихъ раскольниковъ, а чѣмъ отдаленнѣе, тѣмъ менѣе. Въ
гскѣ, ближайшемъ къ Иргизу, находилось 5,123 раскольника, въ Сара-
ѣ 3,183, въ Камышинѣ 261, въ Царицынѣ 46. Волгскъ отъ нижнеир-
скаго монастыря отстоитъ въ 60 вер., Саратовъ въ 197, Камышинъ въ
, Царицынъ въ 562 верстахъ [4]). Отсюда, обратно, можно заключать и
режнемъ, первоначальномъ распространеніи раскола по окрестностямъ
скольническихъ слободъ, скитовъ и монастырей.

Одна изъ главныхъ причинъ, почему раскольническіе скиты, мона-
ыри и церкви привлекали къ себѣ множество православныхъ изъ про-
го народа, заключается въ томъ, что въ нихъ необыкновенно строго
блюдалось внѣшнее церковно-обрядовое благочиніе. «Главная причина,
жемъ словами преосвящ. Митр. Григорія,—главная причина сохраненія
распространенія раскола въ самомъ расколѣ состоитъ въ строгомъ со-
юденіи въ немъ собственно внѣшности вѣры, что и почитается доста-
чнымъ для спасенія. А какъ соблюденіе внѣшности вѣры не требуетъ
льшихъ и тяжкихъ пожертвованій, особливо не требуетъ глубокаго на-
юденія за состояніемъ души и за разными склонностями ея и плоти:
она очень внимательно вездѣ и держится» [5]). Выдавая себя за старую

[1]) А. И. V. № 223, стр. 387.
[2]) Виногр. Россійск. № л. 136 об.
[3]) П. С. З. т. XI. стр. 398.
[4]) Рукопись о Саратов. раскольникахъ библ. Каз. Дух. Акад.
[5]) Истинно-древняя и Истинно-православная церковь Христова. II стр. 311, 1855 г.

вѣру, за древне-церковное благочестіе, твердо стоя за старые обряд
уставы, расколъ всегда всемѣрно старался поддержать въ своихъ ски
и монастыряхъ весь блескъ, всю внѣшность старинной церковной об
ности, чтобы доказать православнымъ, что онъ дѣйствительно есть
длинная старая вѣра, подлинное старообрядство. Если правосла
входили въ раскольническій монастырь, или въ раскольническую часо
моленную, въ какомъ-либо богатомъ скиту,—ихъ кругомъ поражало
лѣпіе внѣшности. Они видѣли множество иноковъ, чинно одѣтых
древнее монашеское одѣяніе, съ степенно-суровымъ видомъ, низко к
ющихся, выставляющихъ впередъ иноковъ-стариковъ, покрытыхъ с
нами, нерѣдко уважаемыхъ ими схимниковъ, часто весьма привѣтлив
ласково-разговорчивыхъ. Если они ходили въ раскольническую час
или моленную во время богослуженія, и особенно всенощнаго, —чу
благоговѣнія обнимало ихъ: предъ ними открывался богатый иконос
украшенный старинными, часто драгоцѣнными иконами, десятки
щихъ лампъ и сотни возженныхъ свѣчъ сіяли, по выраженію раско
ковъ «какъ лице Божіе»; въ алтарѣ іерей или наставникъ дѣйство
смиренно, стройно, степенно; на правомъ и на лѣвомъ клиросахъ по
сятку, по два и болѣе громогласныхъ пѣвцовъ чинно, тихо, большею
стію протяжно-заунывно пѣли церковныя пѣсни по старинному столпо
напѣву; сотни иноковъ по правую и лѣвую сторону стояли степенно
вытяжку, всѣ съ четками въ рукахъ, дряхлые старцы впереди их
костылями, всѣ въ бородахъ; никто во время службы съ мѣста на м
не переходилъ, по сторонамъ и назадъ не оглядывался, другъ съ дру
не разговаривалъ, тѣмъ болѣе не смѣялся, взоръ всѣхъ обращенъ
наиболѣе къ землѣ. Чтецы читали не спѣшно, внятно, благогов
Служба совершалась по Іосифовскому уставу безъ малѣйшаго опущ
Все общество молящихся крестилось одинъ въ одинъ и въ одно в
тихимъ, полнымъ и неспѣшнымъ двуперстнымъ крестнымъ знаменіем
усиленнымъ удареніемъ на челѣ, на раменахъ и на чреслахъ, съ воз
ніемъ очей горѣ, поклоны или метанія тоже клали одинъ въ одинъ,
одно время, стройно, чинно, правильно. Богослуженіе продолжалось
часовъ сряду. Что при видѣ такой благолѣпной церковно-богослуж
внѣшности долженъ былъ чувствовать въ душѣ набожный, благочест
русскій простолюдинъ, и вообще нашъ простой народъ, большею ч
только въ однихъ благочестивыхъ обрядахъ и обычаяхъ и выража
свою вѣру и благочестіе? Безъ сомнѣнія, уваженіе, привязанность къ ст
рядству. Глубоко дѣйствовало на сердце благочестивыхъ, набож
русскихъ людей такое церковное благолѣпіе старообрядческихъ час
и вотъ они охотно причислялись къ монастырямъ и общинамъ ра
ническимъ. Удивительно ли послѣ этого, что когда на Вѣткѣ пост
была новая Покровская церковь и великолѣпно украшена по стари
то народъ со всѣхъ концовъ толпами устремился на Вѣтку. «На то
убо славу новоосвященныя церкви, пишетъ Иванъ Алексѣевъ въ и
о Вѣткѣ, вси народи со всѣхъ странъ радости исполнишася, на
отвсюду приходяще людіе, оставляху домы, и въ толикій путь

имаху. Господіе честніи о зданіяхъ вознерадиша, и госпожи честніи аху на оное жительство; дѣвы отхождаху родителей своихъ... Откуду численными народы наполнися вѣтковское жительство, и аки градъ веъ въ населеніи тѣхъ явися» [1]). Кромѣ благолѣпія часовенной обрядти, расколъ многихъ обольщалъ еще наружностью благочестія и мниобогоугодностію и спасительностію своею. Люди набожные, видя въ кольническихъ пустыняхъ старцевъ отшельниковъ, изможденныхъ, подимому, подвигами и постомъ, исхудалыхъ, блѣдныхъ на видъ, думали, въ скитахъ раскольническихъ господствуетъ древній суровый, строгій ъ истиннаго подвижничества и отшельничества, и сокрушаясь о грѣъ своихъ, удалялись въ нихъ для подвиговъ поста и покаянія. Въ подрржденіе этого замѣчательный случай разсказываетъ преосвященный натій, митр. тобольскій. «Въ пути нѣкоемъ отъ града, именуемаго Вогды, къ Каргополѣ, къ морю, говоритъ онъ, аки бы учитель нѣкій, гъ Божій, волхвъ и чародѣй, примысли себѣ пустынника имя. И нѣи поселяне, изъ домовъ своихъ изшедше, послѣдоваша ему, яко мняху добродѣтелѣхъ изрядному... нѣкій же человѣкъ отъ града Вологды, гченъ сый многими грѣхи, и вшедъ въ совѣсть свою каяшеся предъ гомъ: и положи обѣтъ Господеви Богу, во еже пожити въ чистотѣ, и ги въ пустынная мѣста: яко да въ безмолвіи поживъ, получитъ отъ га прощеніе грѣховъ. Слышавъ же о оной пустыни, како у того пуынника людіе собравшеся живутъ, восхотѣ тамо пойти. Пришедшу же ко оному, иже мняшеся пустынникъ быти, молитъ его, да повелитъ при себѣ жити въ пустыни, яко же и прочимъ. Онъ же глагола ему: те любимый, добре пришелъ еси бѣгая въ пустыню: нынѣ бо убо на ли нѣсть церкве Божія, вси бо уклонишася и непотребни быша: понеже въ церквахъ поютъ и чтутъ по новому, а у насъ еще здѣсь милость жія покрываетъ, новости никакой не пріемлемъ, и крестимся по предаблаж. Ѳеодорита: ты же добрѣ сотворилъ еси, избѣжавъ отъ антиста. Той же умиленный человѣкъ слышавъ сіе, рече ему: азъ, честный че, молю тя, да наставиши мя на путь спасенія: и сего ради слышахъ тіе твое по Бозѣ, пріидохъ къ святыни твоей по Бозѣ, во еже спася. Отвѣщавъ же той пустынникъ: чадо, рече, доброе, подобаетъ тебѣ ежде постомъ искуситися, да не яси, ниже піеши дни нѣкія, дондеже мъ извѣститъ о тебѣ Господь Богъ, и тогда тя пріимемъ съ радостію. ъ же обѣщася вся поселенная имъ безъ сумнѣнія творити, своего ради шевнаго спасенія. Пустынникъ же повелѣ его ввести во внутреннюю ину отъ келлій своихъ храмину, яже бяше присовокуплена къ келліи идѣже самъ живяше, и скверная своя мольбища творяше» [2]). Съ друй стороны, раскольническіе скиты, пустыни, монастыри и слободы стили свободой въ мірской жизни, давали полный просторъ буйному еволію и чувственности, укрывали виновныхъ отъ отвѣтственности разныя преступленія. «Держащіеся раскола, скажемъ словами митроп.

[1]) Полн. Истор. Извѣст. о раскольн. ч. III, стр. 8.
[2]) III Посл. въ „Правосл. Собесѣд." стр. 116—118.

Платона, еще въ томъ нашли свои выгоды: строя сами себѣ служе
домы и выбирая бѣглыхъ поповъ, и отрѣшая ихъ по своему изволен
распоряжая всѣмъ, имѣли удовольствіе въ томъ, что они сдѣлались
властители по церковнымъ дѣламъ, не завися ни отъ какого духов
правительства» [1]). Многіе бѣжали въ раскольническіе слободы, скит
монастыри изъ шляхетства, или изъ знатнаго московскаго и другихъ
родовъ купечества, или изъ подрядчиковъ, забравъ государственной к
въ подряды большую сумму [2]). Бѣглыми преступниками наполнены
скиты нижегородскіе, стародубскіе лѣса и Вѣтка. Расколъ давалъ сво
и убѣжище отъ рекрутчины, какъ увидимъ еще въ другомъ мѣстѣ.
въ началѣ XVIII столѣтія (около 1723 г.) на однихъ, заводахъ Деми
бывшихъ, можно сказать, гнѣздомъ и разсадникомъ раскола для с
края, найдено было до 150 бѣглыхъ рекрутъ [3]). Во многихъ расколь
скихъ монастыряхъ расколъ льстилъ и своимъ ученіемъ и своею ж
даже грубому плотоугодію и чувственности, какъ это мы видѣли
Наконецъ, какъ сейчасъ увидимъ, присоединеніе къ раскольничес
слободамъ и монастырямъ, льстило корыстолюбію и доставляло ра
матеріальныя, житейскія выгоды.

Во вторыхъ, самое *раздѣленіе, распаденіе раскола на многочисл*
секты, повидимому, долженствовало содѣйствовать къ ослабленію и у
раскола при разныхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, какъ мы замѣ
выше, усиливало расколъ, способствовало его распространенію. Разд
шись сначала на двѣ главныя секты, поповщину и безпоповщину, рас
ники какъ бы раздѣлили между собою жребій распространенія ра
по частямъ: поповщина преимущественно осѣлась, утвердилась и
распространять свое ученіе на юговостокѣ и югозападѣ отъ Москвы
поповщина преимущественно на сѣверовостокѣ, разсылая, впрочем
то же время повсюду своихъ расколоучителей. Каждая часть раскола, к
секта наперерывъ одна передъ другою, усиливалась какъ можно
пріобрѣсти себѣ послѣдователей, разсылала своихъ многочисленных
повѣдниковъ, придумывала, гдѣ успѣшнѣе и удобнѣе можно было п
и укоренить мнѣніе безпоповщины, или мысли поповщинскаго учені
брѣтала разные способы для уловленія православныхъ въ свою о
А когда и эти двѣ главныя секты распались на безчисленное множ
частныхъ толковъ, усилія раскола—распространить свое господст
болѣе, увеличились, миссіи раскольническія и расколоучители еще
умножились, происки продѣлки раскольниковъ еще болѣе утончи
оразнообразились. По свидѣтельству одного изъ старообрядцевъ, об
шихся къ православной церкви, всѣхъ толковъ, несогласныхъ съ
славною церковію и между собою, въ русскомъ государствѣ образо
болѣе 100: если положить на каждый толкъ по одному расколоуч
то и тогда, при фанатической ревности раскольниковъ, удобно было

[1]) Церковная Исторія ч. II, стр. 238, С. П. 1823.
[2]) П. С З. т. XI. № 8845.
[3]) Историч. Обозр. Сибири Словцова, ч. I стр. 394.

пѣшно и далеко распространить расколъ. Но ихъ приходилось на каж-
ый толкъ не по одному, не по два, а по десятку и болѣе. Духъ соревно-
нія и взаимной неприязненности побуждалъ каждый толкъ умножать
ою общину, чтобы дать ей болѣе нераздѣльности и прочности, а, если
жно, и перевѣсъ надъ другими толками. Духъ фанатизма, столь свой-
венный сектамъ всякаго рода, особенно въ началѣ ихъ распространенія,
въ нашихъ раскольникахъ доходившій иногда до безумнаго, неукроти-
го изступленія, возбуждалъ въ каждомъ сектантѣ, особенно въ началѣ
спространенія секты, какую-то особенно-энергическую, изступленную
рячность, жажду, ревность—распространять свое ученіе [1]). Отъ того
ждый раскольническій толкъ или согласъ, въ началѣ своего существо-
нія, всегда имѣлъ особенно ревностныхъ и многочисленныхъ распростра-
ителей своего ученія. Такъ, когда въ 1706 году отдѣлился отъ выгорѣц-
го согласа ѳедосѣевскій толкъ, ученіе этого послѣдняго толка, распро-
раняли 26 расколоучителей въ однихъ новгородскихъ и псковскихъ пре-
лахъ [2]). По смерти Ѳедосѣя, ученики его, по указу, получили для
ительства мѣсто Ряпино, и жительство ихъ, какъ говоритъ сочини-
ль статьи о началѣ раздора Ѳедосѣевцовъ съ Выгорѣцкимъ общежи-
льствомъ, «многолюдствомъ обоего пола распространено бысть» [3]).
и, когда одинъ мужикъ выдумалъ христовщину, у него было, по сло-
мъ св. Дмитрія Ростовскаго, «12 лжеапостоловъ, иже ходяще по селамъ
деревнямъ, проповѣдывали Христа, аки истиннаго, простымъ мужикамъ
бабамъ, и кого прельщали, приводили къ нему на поклоненіе» [4]). Обы-
овенно сначала каждый новоизмышленный толкъ расширялся, распро-
ранялся въ окружности своей, и вездѣ главнымъ образомъ дѣйствовалъ
простой народъ. «Толки,—пишетъ святитель Дмитрій Ростовскій о раз-
іхъ мелкихъ сектахъ русскаго раскола,—того ради зовутся, яко всякъ
себѣ Божественная писанія по своему злоумному мудрствованію тол-
етъ инако, несогласно инѣмъ, и во окрестныхъ селѣхъ и деревняхъ толки
оя распространяютъ, каждо своея вѣры людей препростыхъ учаще, и къ
оимъ толкамъ преклоняюще» [5]). Такимъ образомъ расколъ посредствомъ

---

[1]) Умъ русскаго сектанта, простолюдина, не имѣвшій твердой точки опоры—
ложительныхъ. точныхъ знаній христіанства, во тьмѣ заблужденія, не управляе-
й авторитетомъ церковной власти, между тѣмъ, хотя безотчетно, смутно созна-
вшій потребность истины, успокоивался на такихъ мысляхъ, какія самъ выдумы-
ъ, въ слѣпотѣ заблужденія принимая ихъ за настоящую истину. А сердце, искавшее
увствія, согласія въ мысляхъ и вѣрованіяхъ съ другими (ибо истина должна быть
на у всѣхъ), чувствовало потребность раздѣлить съ кѣмъ-либо возникшія въ умѣ
сли. И вотъ сектантъ, въ головѣ котораго родилась новая мысль, казавшаяся ему
линною искомою истиною, съ жаромъ пускался распространять эту мысль. А же-
ніе учительства, желаніе стоять во главѣ послѣдователей, очень естественное въ
тантахъ—фанатикахъ, подстрекало, воспламеняло еще болѣе огнь фанатич. ревности
спространять свое новоизобрѣтенное ученіе.

[2]) Полн. Истор. Извѣст. о раскольн. ч. 17, стр. 21.

[3]) Рукоп. о началѣ раздора Ѳедос. съ Выгор. общежит. л. 66 об.

[4]) Розыскъ 1847 г. стр. 599.

[5]) Розыскъ, стр. 598.

распаденія на разные толки и ученія только развѣтвлялся, дѣлался многосложнѣе, а не ослабѣвалъ, и по мѣрѣ развѣтвленія, осложненія своего, все болѣе и болѣе увеличивался, разростался чрезъ постепенное наращеніе и возрастаніе каждой отдѣльной вѣтви; отъ каждой вѣтви происходило нѣсколько новыхъ вѣтвей: эти вѣтви въ свою очередь чрезъ постепенное наращеніе увеличивались, росли и пускали новые отростки: каждая вѣтвь стремилась одна другой шире, дальше раскинуться, и такъ далѣе. Новые сектанты, новые учители изыскивали и привлекали новыхъ послѣдователей, и произошло такимъ образомъ многовѣтвистое, многообъемлющее дерево раскола, которое, развившись изъ незначительнаго, небольшого сѣмени, разрослось и распространило вѣтви свои по всей Россіи. Вѣрно, выразительно изобразилъ этотъ внутренній, органическій способъ развитія и распространенія раскола преосв. Ѳеофилактъ Тверской, представивъ исчисленные имъ 37 толковъ раскола подъ образомъ дерева, корень котораго, по его словамъ, скрывается въ началѣ всякаго зла—древнемъ зміѣ, и вѣтви котораго все болѣе и болѣе умножались и расширялись, по мѣрѣ развитія самаго дерева раскола. «Всѣ сіи плоды злобы,—заключаетъ онъ свою перечень раскольническихъ толковъ,—противницы церкви Христовы, пепеломъ посыпанные злобы, израстоша отъ лѣта 666 до лѣта 725, и иныхъ еще ихъ много, что мужикъ—то вѣра, что баба—то уставъ: въ нынѣшнее де время, приговаривая такую рѣчь, овца овцу паси, сама себя овца паси» [1]).

Причина, почему самое внѣшнее распаденіе раскола, раздробленіе его на множество толковъ не препятствовало, а еще способствовало распространенію раскола, заключается главнымъ образомъ во *внутренней, органической связи, общности всего раскола.* Не смотря на всю раздробленность раскола, онъ составлялъ одно цѣлое, органическое; его одушевляла и развивала одна сила, у него было одно коренное, исходное начало, только проявившееся въ разнообразныхъ видахъ. Это—общность вражды раскольническихъ сектъ къ правительству и Церкви, которыя онѣ назвали Никоніанскими, или растлѣнными Никоніанскою ересью. Этимъ-то внутреннимъ, основнымъ единствомъ раскола скрѣплялась и держалась его общность, единичность, совокупность. И здѣсь-то, въ этой внутренней общности раскола, заключается новая причина его быстраго, успѣшнаго распространенія. Съ самаго начала недовольные патр. Никономъ протопопы и попы образовали союзъ, партію, называя себя «братіею, союзниками», будучи одушевлены однимъ духовно-демократическимъ чувствомъ или стремленіемъ — единодушною личною ненавистію къ п. Никону. Общими силами, дружнымъ единодушнымъ заговоромъ, при помощи сильныхъ покровителей при дворѣ, стремились они свергнуть п. Никона; находясь въ заточеніи, тайной перепиской поддерживали другъ друга и поощряли на возстаніе и возмущеніе низшаго духовенства и народа. И, благодаря неразрывному единодушію и общности своей ненависти къ п. Никону, какъ нельзя болѣе, успѣшно достигли своей цѣли: п. Никонъ, бывшій

---

[1]) Облич. неправды раскольнич., послѣдній листъ. См. также на предыдущихъ листахъ рисунокъ, изображающій расколъ въ видѣ многовѣтвистаго дерева.

немъ преткновенія для нихъ, уроненъ, низвергнутъ; первые расколо-
ители, пользуясь его паденіемъ, какъ мы видѣли, успѣли насадить
оду начатки раскольническаго демократизма. Изъ первоначальной,
очисленной партіи раскольниковъ въ Москвѣ мало по малу образовалась
конну XVII вѣка сильная, многолюдная община, составившаяся изъ
звычайной многочисленности приверженцевъ въ разныхъ городахъ и
ахъ Россіи. Съ увеличеніемъ раскольнической общины, въ ней увели-
лись, расширились и замыслы и стремленія, осложнились и разно-
разились способы дѣйствія: личная вражда къ Никону первыхъ расколо-
ителей перешла въ наслѣдственную, общую вражду раскольническихъ
ктъ къ гражданскому Правительству и Церкви. Вновь устроились и
е болѣе расширились связи съ подкупными властями, при помощи хит-
ихъ происковъ и продѣлокъ, какъ это мы увидимъ. Съ увлеченіемъ въ
и сѣти богатыхъ купцовъ, раскольническая община пріобрѣла мате-
льныя средства, мало по малу образовала свои капиталы, богатства.
къ было уже въ концѣ XVII столѣтія. Раскольники не остановились
этомъ; напротивъ, продолжали еще болѣе усиливать и распространять
ою общину, употребляя всѣ возможныя мѣры, не щадя никакихъ нахо-
вшихся у нихъ подъ руками средствъ. Общность вражды раскольни-
кихъ сектъ къ православному Правительству и православной церкви
зала всѣхъ вообще раскольниковъ, не смотря на различіе ихъ толковъ,
одно братство, которое хотя и представлялось какъ будто-бы распав-
мся на части, но всегда единодушно стремилось къ одной общей
ли—къ большему расширенію, и если можно, къ господству въ Россіи.
ь того чуть только представлялся какой нибудь удобный случай рас-
рить кругъ своей общины, увеличить ее, дать ей силу и господство,—
кольники забывали различіе сектъ и толковъ, собирались въ одинъ
озъ. Такъ было уже отчасти въ концѣ XVII вѣка, въ стрѣлецкомъ
тѣ. Уже въ теченіе первыхъ 47 лѣтъ, по отдѣленіи или отсѣченіи
емъ отъ церкви православной, старообрядческая община успѣла весьма
ьно умножиться, увеличиться и окрѣпнуть, вслѣдствіе своей внут-
ней, постоянной самососредоточенности, благодаря общности всѣхъ
ихъ демократическихъ дѣйствій и стремленій. Но съ 1714 года, когда
данъ былъ указъ о записи всѣхъ раскольниковъ въ двойной окладъ,
обезпеченіемъ ихъ свободнаго гражданскаго существованія, общинѣ
кольниковъ открылось еще больше возможности увеличиваться и воз-
тать [1]). Получивъ теперь осѣдлость, свободное, безпрепятственное
жданское бытіе, раскольники, для большаго увеличенія и усиленія своей
щины, начали устроивать и развивать свой внутренній, торговый, ком-
ческій союзъ, начали своими происками, особенно при помощи своего
атства, еще болѣе, чѣмъ прежде заводить связи съ лицами чиновными,
вительственными, вообще со всѣми лицами, которыя могли имѣть и
ѣли какое нибудь вліяніе на расколъ. Губернаторы, воеводы, началь-

[1]) Нѣкоторые раскольники сами просили о записи ихъ въ расколъ подъ двойной
адъ. П. С. З. т. VII, № 4981, и 5.

ники волостного правленія—старосты и прикащики, какъ видно изъ жалобъ и указовъ Правительства и какъ это мы увидимъ въ главѣ о гражданскомъ состояніи Россіи въ разсматриваемое время, были легко подкупаемы богатыми раскольниками, или ловко, искусно обманываемы хитрыми предводителями раскола. Освобожденіе раскольниковъ отъ разныхъ общественныхъ повинностей еще болѣе способствовало увеличенію и укрѣпленію раскольнической общины въ первой половинѣ XVII вѣка. «Хотя раскольники и положены были въ двойной окладъ, — сказано въ указѣ 1738 г. декабря 11, но отъ прочаго всего освобождены: а купечество и крестьяне, сверхъ положеннаго на нихъ подушнаго платежа, по нарядамъ рекрутъ, и лошадей и работниковъ конныхъ и пѣшихъ ставятъ и подводы подъ всякіе казенные припасы даютъ, что имъ противъ раскольниковъ весьма тягостно; иные же раскольники великіе промыслы и торги имѣютъ и богатятся и постоевъ въ домахъ своихъ не содержатъ, потому что чрезъ тѣ мѣста полкамъ маршевъ и другимъ служилымъ людямъ проѣзда не бываетъ; и видя ихъ такую льготу, многіе купцы и крестьяне въ ихъ раскольническія жилища бѣгутъ и къ ихъ собраніямъ пристаютъ, иные не для обученія ихъ суевѣрія, но для того, что ихъ оттуда въ городовую службу и въ рекруты не возьмутъ, и ничего иного, кромѣ двойного оклада, съ нихъ требовать не могутъ» [1]). Пользуясь такими льготами, раскольники быстро обогащались. Скиты, расположенные въ лѣсахъ олонецкихъ, нижегородскихъ и стародубскихъ, вырубали лѣса, обработывали пашни, заводили многочисленный скотъ, строили мельницы, содержали рыбныя ловли, вели торговлю [2]). Богатые раскольники, съ одной стороны, чтобы задобрить Правительство мнимымъ усердіемъ своимъ къ общественному благу, а главное — чтобы обезпечить свое положеніе и свои матеріальныя выгоды и усилить свою общину, занялись городскою и заводскою промышленностію. На многихъ заводахъ промышленники и ихъ приказчики были одни раскольники. Въ 1736 году тайный совѣтникъ Татищевъ доносилъ Правительству о старообрядцахъ на уральскихъ заводахъ: «что раскольниковъ де въ тѣхъ мѣстахъ умножилось, а наипаче, что на партикулярныхъ заводахъ Демидовыхъ и Осокиныхъ прикащики едва не всѣ, да и сами промышленники нѣкоторые раскольники, и ежели оныхъ выслать, то конечно имъ заводовъ содержать некѣмъ и въ заводахъ Ея Императорскаго Величества будетъ не безъ вреда; ибо тамъ при многихъ мануфактурахъ, яко жестянной, проволочной, стальной, укладной, и почитай всѣ харчами и прочими потребностями торгуютъ Олончане, Туляне и Керженцы... Увѣдомился же онъ, что у Демидова въ лѣсу есть пустыня, и гдѣ корень онаго суевѣрія находится» [3]). Съ 1762 года раскольнической общинѣ еще болѣе представилось удобства для развитія и усиленія. Въ это время изданы были постановленія: 1) о вызовѣ раскольниковъ изъ-за границы, и объ отмѣнѣ указа

---

1) П. С. З. т. X, № 7702.

2) Полн. Истор. Изв. о раскольн. А. И. т. V, № 151, стр. 256. Даже въ незначительныхъ лѣсныхъ пристанищахъ раскольниковъ въ пудожскомъ погостѣ было значительное имущество, всякая рухлядь, и припасы, скотъ и хлѣбъ. А. И. V, № 223.

3) П. С. З. т. X. № 7663, стр. 625.

етра Великаго о бородахъ и указномъ платьѣ[1]; 2) объ уничтоженіи скольнической конторы, при чемъ повелѣно вѣдать раскольниковъ въ щихъ присутственныхъ мѣстахъ[2]; 3) объ уничтоженіи двойного оклада, торый платили раскольники[3]; о дарованіи раскольникамъ права судебго свидѣтельства[4]; 5) о дозволеніи выбирать ихъ въ должности[5]. Эта ажданская свобода, дарованная раскольникамъ Екатериной II, сильно особствовала увеличенію числа раскольниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и еличенію раскольнической общины, особенно въ нижегородской и саравской губерніяхъ и въ новороссійскомъ краѣ. Въ нижегородской, напимѣръ, губерніи съ этого времени раскольники начали устроятъся въ родахъ и слободахъ, при судоходныхъ рѣкахъ Окѣ и Волгѣ и по торвымъ дорогамъ, и мало по малу прибрали въ свои руки мѣстную дѣльную промышленность и торговлю. Начались торговыя сношенія скольниковъ нижегородскихъ съ губерніями саратовскою, астраханскою, мбирскою, костромскою, владимірскою, ярославскою, калужскою, смоенскою, съ Сибирью и многими отдаленными краями Россіи. Такимъ разомъ богачи раскольническіе еще начали богатѣть, союзъ коммерскій между ними еще болѣе расширился и крѣпче завязался, а съ тѣмъ ѣстѣ еще удобнѣе, чѣмъ прежде, стало опутывать разными происками подкупами гражданское начальство и духовенство[6]. Такъ знаменитый едводитель раскольниковъ ѳедосѣевской секты, московской купецъ ья Алексѣевъ Ковылинъ, какъ извѣстно, имѣлъ большіе кирпичные воды въ окрестностяхъ столицы, поставлялъ кирпичъ въ Москву на огія постройки, и чрезъ это вошелъ въ обширное знакомство съ людьми четными, начальствующими. Товарищемъ его былъ тоже извѣстный скольникъ — богатый купецъ Ѳедоръ Зенковъ, который завелъ первыя конныя фабрики въ Москвѣ: онъ помогалъ Ковылину денежными средзами. Оба они были самыми ревностными и сильными помощниками скола и, при посредствѣ своихъ обширныхъ, сильныхъ связей, весьма тѣшно содѣйствовали къ усиленію старообрядческой общины. Съ ними одно дѣйствовалъ третій московскій купецъ Петръ Юрьевъ, хотя онъ лъ толка поповщинскаго, а тѣ — безпоповщины. При частыхъ своихъ ѣздкахъ въ Петербургъ умѣлъ Ковылинъ и здѣсь привлечь къ себѣ киточныхъ посредниковъ и купцевъ, чтобъ умножить общія силы для льзы раскола. Записные раскольники изъ купечества умножились въ сьма многихъ городахъ, особенно въ тѣхъ краяхъ, гдѣ расколъ преимущественно утвердился[7]. Такъ образовалась и постепенно усилилась скольническая община.

---

[1]) Ук. 1762 г. Окт. 11 и Дек. 14. 1763 Янв. 20.
[2]) Маниф. 1763 Дек. 15.
[3]) Ук. 1782 г. Нояб. 8.
[4]) Ук. 1769 г. Февр. 17.
[5]) Ук. 1785 Окт. 11.
[6]) Разумѣется тѣхъ въ гражданскомъ начальствѣ и духовенствѣ, для которыхъ тныя, личныя выгоды были дороже общественнаго благосостоянія и порядка.
[7]) П. С. З. т. VIII, № 6149.

Образованіе и усиленіе старообрядческой общины во время суще
ванія раскола въ высшей степени способствовало распространенію его
первыхъ въ высшей степени способствовало распространенію раскола
общее, дружное, совокупное сосредоточеніе въ общинѣ всѣхъ матер
ныхъ и нравственныхъ силъ для поддержанія и распространенія рас
Не смотря на все различіе сектъ, раскольники, какъ мы выше замѣ
всегда единодушно и общими силами старались какъ можно болѣе ра
странять и поддерживать расколъ. Болѣе сильная и многолюдная
въ раскольнической общинѣ дѣлилась своими средствами и способам
поддержанія и распространенія слабѣйшей, малочисленной секты. Ну
лась ли какая либо секта въ вождѣ, учителѣ и проповѣдникѣ рас
или въ церковныхъ книгахъ, инокахъ, сосудахъ, или въ другомъ чемъ
къ ней съ радостію присылали ихъ прочіе толки. Такъ въ Выговско
стыни, школа искусныхъ писцовъ распространяла раскольническія
для пользованія всѣхъ сектъ и для распространенія раскола; школа
цовъ снабжала ими раскольническія часовни и молитвенные дома;
живописцевъ приготовляла иконы стариннаго изображенія и снаб
проповѣдниковъ раскола, какого бы они толка ни были, разными рас
ническими книгами, картинами для удобнѣйшаго прельщенія просто
рода. Такими же средствами для распространенія и усиленія раскола
жалъ раскольниковъ разныхъ сектъ московскій купецъ Ковылинъ.
рѣцкій монастырь далъ уставъ московскому преображенскому клад
не смотря на всю непріязненность взаимныхъ отношеній между вы
кими раскольниками и ѳедосѣевцами. Представитель выгорѣцкихъ,
скихъ скитовъ, Андрей Денисовъ, во время частыхъ, почти постоян
странствованій своихъ по Россіи, былъ едва ли не во всѣхъ мѣстах
тельства раскольниковъ и въ монастыряхъ поповщинскихъ и безпопо
скихъ, и вездѣ имѣлъ авторитетъ, поддерживалъ расколъ, давалъ с
для поддержанія и распространенія его. Будучи представителемъ без
щины, онъ составилъ для керженскихъ раскольниковъ — послѣдов
бѣглопоповщины отвѣты для состязанія съ епископомъ нижегород
Питиримомъ. Для большаго распространенія раскола, раскольники
сектъ привозили иногда на ярмарки предметы, относящіеся къ ра
какъ напр. старыя книги, лубочныя картины и т. п. и тутъ прод
Угрожала ли какому нибудь сектанту старообрядческой общины опас
раскольники другъ друга укрывали, утаивали. Богатые, или зажит
изъ нихъ содержали у себя въ домахъ постоялые дворы для раскол
скихъ странниковъ. Таковы, напр. были въ олонецкомъ поморьѣ
Іероѳей и жена его Евдокія: «домъ ихъ, по словамъ Денисова, бы
крытъ всѣмъ пришельцамъ близкимъ и дальнимъ, сосѣдямъ и незнае
убогимъ и странникамъ» [1]. Таковъ же былъ, при жизни Андрея Ден
въ Москвѣ купецъ Ковуровъ; къ нему иногда издалека приходили ра
ническіе странники—старцы, иногда въ одинъ разъ человѣкъ по 20 и

---

[1] Виногр. Росс. л. 282.

онъ принималъ послѣдователей всѣхъ сектъ [1]). Подобное взаимное вспо-
ществованіе раскольниковъ, очевидно, не могло не способствовать уси-
нію и умноженію раскола. Еще болѣе содѣйствовало укрѣпленію и
ноженію его взаимное вспомоществованіе старообрядцевъ способами
теріальными—деньгами, имуществомъ. Какъ ни различны были между
бою раскольническіе толки и секты, не смотря на то, послѣдователи
ъ весьма охотно, дружно помогали другъ другу деньгами, милостынею,
т. п. Когда въ 1735 году полковникъ Сытинъ разсѣялъ Вѣтковское
ѣздо раскольниковъ,— раскольники восточной Россіи общею помощью
езъ годъ или два помогли снова распространить расколъ на Вѣткѣ.
оссійскіе суевѣры», говоритъ протоіерей Іоанновъ,—«слѣпо привязанные
Вѣтковцамъ своею любовію, изъ всѣхъ мѣстъ бѣглецамъ симъ, яко го-
нія претерпѣвшимъ, великое подаяніе и милостыню присылали, чѣмъ
льше новыхъ своевольныхъ къ населенію Вѣтки пріучили... Вседневныя
исылки денегъ изъ всѣхъ мѣстъ на милостыню богомоламъ симъ умно-
или ихъ доходы, а своевольство и безопасность рождали въ нихъ прихоти
пороки» [2]). Такимъ образомъ, вслѣдствіе радушнаго содѣйствія Велико-
ссихъ старообрядцевъ, Вѣтка, совсѣмъ было опустѣвшая, снова сдѣ-
лась и убѣжищемъ и разсадникомъ раскола: въ ней скоро набралось
скольниковъ до 20,000, и въ томъ числѣ однихъ монаховъ до 1,200, кромѣ
постриженныхъ бѣльцовъ и послушниковъ. Когда Вѣтковцы задумали
ѣть своего архіерея, чтобы еще болѣе упрочить, усилить, увеличить ра-
ольническую общину, московскіе купцы—старовѣры и въ этомъ случаѣ
ять съ радостію помогали ихъ такому предпріятію. Весьма многихъ изъ
авославныхъ увлекала въ расколъ зажиточность членовъ раскольниче-
аго общества. Богачи раскольники, захватившіе въ свои руки, особенно
второй половины XVIII столѣтія, многія отрасли торговли и промыш-
нности и завладѣвшіе торговлею и предметами мѣстной промышленной
оизводительности, чрезъ то держали въ своихъ рукахъ значительную
сть мѣстнаго народонаселенія. Бѣдные крестьяне, поставленные въ такую
избѣжную зависимость отъ торговыхъ раскольниковъ, иногда по неволѣ
инимали расколъ, чтобы не лишиться средствъ безбѣднаго существова-
; они или нанимались къ богатымъ раскольникамъ въ работники, или
одавали имъ свои произведенія, и чтобы въ томъ и другомъ случаѣ
льзоваться выгодами, одинаковыми съ раскольниками, всегда предпочи-
емыми у нихъ православнымъ, соглашались на расколъ. Такъ московскія
коло-московскія фабрики сдѣлались училищами и разсадниками раскола.
къ уральскіе желѣзные заводы, гдѣ, какъ мы видѣли, сами промышлен-
ки и особенно ихъ приказчики почти всѣ были раскольники, распростра-
ли расколъ между приходившими сюда со всѣхъ сторонъ рабочими [3]).

---

[1]) Рукоп. о началѣ раздора Ѳедосѣев. съ Выгорѣцк. общежит. и о причинѣ того,
го ради оный бысть л. 70 об. 11.

[2]) Полн. истор. изв. о разскол. ч. III.

[3]) П. С. З. т. X, № 7663. Слыша, что богатые промышленные раскольники на за-
дахъ уральскихъ, пермскихъ и другихъ дорого платятъ рабочимъ изъ раскольни-
въ, многіе изъ православныхъ приходили туда даже изъ дальнихъ мѣстъ, изъ

Въ нижегородской губерніи, горбатовскія прядильни, прирѣчное судостроеніе по Волгѣ и Окѣ и другіе промыслы также представляли много удобствъ для распространенія раскола. А сильное зараженіе расколомъ народа въ каждомъ нижегородскомъ уѣздѣ, отличающемся многочисленностію раскольниковъ, объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что предметы тамошней производительности, съ усиленіемъ раскола, начали скупаться для оптовой торговли раскольниками. Наконецъ общинное сосредоточеніе, братство, общинная связь раскола тѣмъ еще способствовали его развитію, что если когда-либо случались какія нибудь невзгоды, неудачи въ дѣлахъ раскола, раскольники общими силами устраняли ихъ. На это у нихъ всегда было вѣрное средство: подкупъ, протекція, запасная сумма, а въ послѣднее время особый оброкъ, назначаемый для полиціи. Такимъ образомъ расколъ неоднократно устранялъ благотворныя дѣйствія миссіонеровъ и правительства, и продолжалъ распространяться.

Здѣсь нужно правду сказать, что при большей свободѣ и обезпеченности труда, при большемъ развитіи общиннаго кредита у раскольниковъ и по другимъ причинамъ, почти вездѣ въ Россіи лучшее и даже богатое гражданское состояніе болѣе замѣчается въ старообрядческихъ общежительствахъ, чѣмъ въ православныхъ селеніяхъ. Это преимущественное сосредоточеніе у нихъ богатства и матеріальнаго благосостоянія сильно склоняло и донынѣ склоняетъ православный народъ къ вступленію въ ихъ общину. Куда мы не взглянемъ, почти вездѣ раскольники съ полов. XVIII вѣка занимаютъ лучшія мѣста. Такъ, замкнувшись еще въ концѣ XVII вѣка и въ началѣ XVIII въ олонецкой губерніи, въ Выгорѣцкомъ скиту, они мало-по-малу распространили отсюда свои владѣнія далеко во всѣ стороны, и донынѣ пользуются всякими хорошими угодьями; по ихъ землѣ протекаютъ рѣки, судоходный Выгъ и сплавная Лекса, съ разными ручьями; эти рѣки и нѣсколько озеръ снабжаютъ имъ достаточно рыбою. Около даниловскаго общежительства издавна находятся три прекрасно-обработанныя поля, посѣвомъ каждое, по показанію жителей, отъ 60 до 80 четв. Тутъ же видны и обширные луга. Около Лексинскаго также большое хозяйство, хотя поля больше песчаны, и у каждаго другого, менѣе значительнаго жительства, называемаго скитомъ, какихъ устроено около 10 въ разныхъ мѣстахъ, обработываются также обширныя поля, которыя въ урожайные годы приносятъ много хлѣба не только для самихъ старообрядцевъ, но и для продажи. Впрочемъ и въ неурожаи они легче другихъ олонецкихъ жителей достаютъ хлѣбъ, имѣя капиталъ, свою пристань при заливѣ онежскаго озера, свои суда и хорошія дороги. Скотоводство, по показанію, простирается у нихъ въ рогатомъ скотѣ до 300 головъ и въ лошадяхъ до 100. Небольшіе заводы, кирпичный, кожевенный, лѣсопильный и мучная мельница обезпечиваютъ всѣ хозяйственныя нужды общежителей [1]). Во владимірской губерніи старообрядцы также еще съ

внутреннихъ губерній Россіи и нанимались въ рабочіе, и здѣсь заражались расколомъ. П. С. З. т. VIII, № 4699.

[1]) Опытъ опис. олонец. губернія — Бергштрессера. С.П.Б. 1838 г. стр. 49.

рвой половины XVIII вѣка, живя въ промышленныхъ мѣстахъ, стали гатѣть и богатствомъ своимъ завлекали другихъ въ расколъ. Напри- ѣръ, о старообрядцахъ города Шуи вышеупомянутый составитель истор. бранія о градѣ Суздалѣ говоритъ: «городъ Шуя не весьма великъ, только ятельми доволенъ, купечество торгомъ славно, а наипаче заводами мыль- ами, которыхъ заводовъ есть довольно. Обыватели нѣкоторые въ вѣрѣ весьма тверды, но многіе изъ нихъ держатся раскольническихъ обы- евъ, двуперстнаго сложенія, старопечатныхъ неисправныхъ книгъ и очихъ суевѣрныхъ мнѣній. Того ради нѣсколько и въ двойномъ числятся ладѣ и погребаются близъ города въ рощѣ безъ церковнаго пѣнія» [1]. нижегородской губерніи до 20-тыхъ годовъ XVIII в., раскольники за- мали лучшія для промышленности и торговли мѣста, въ числѣ 86,000 шъ. Потомъ, хотя и уменьшилось это число до 5,000 душъ, въ слѣдствіе отребленныхъ противъ нихъ мѣръ правительства и особенно епископа жегородскаго Питирима, но со второй половины XVIII в. они опять няли лучшія торговыя и промышленныя мѣста нижегородской губерніи. нявъ, по обѣимъ сторонамъ, берега Волги, на пространствѣ 265 верстъ, берега Оки, на пространствѣ 170 верстъ, въ числѣ болѣе 46,000 душъ,— скольники завладѣли судоходствомъ по этимъ рѣкамъ, мѣстною торгов- ю и издѣльною промышленностію, каковы: судостроеніе, дѣланье по- ды, пряденіе льна и т. п., и важнѣйшими пунктами нижегородской тор- вли и промышленности, каковы: Городецъ въ Балахнинскомъ уѣздѣ, авнѣйшая пристань верховаго нижегородскаго судоходства по Волгѣ, куда вверхъ по Волгѣ отправляются хлѣбъ и другіе запасы, а внизъ зныя лѣсныя издѣлія, куда раскольники саратовскіе зимою привозятъ ромный запасъ соленой рыбы для мѣстнаго потребленія и дальнѣйшаго звоза по разнымъ верхне-волжскимъ губерніямъ, гдѣ, однимъ словомъ, значительно развита торговая и промышленная дѣятельность; Горба- въ, торговый уѣздный городъ съ прядильными заводами; знаменитыя рговыя и промышленныя села Павлово, Лысково и другія. Кромѣ того, скольники заняли всѣ главнѣйшія торговыя дороги, идущія по ниже- родской губерніи въ окружныя губерніи: по торговымъ дорогамъ ихъ нѣ живетъ болѣе 64,000 душъ. — Жители великорусскихъ старообряд- кихъ слободъ мглинскаго, новозыбковскаго и стародубскаго уѣздовъ рниговской губерніи, извѣстные подъ именемъ *слобожанъ*, поселившіеся тъ еще въ концѣ XVII вѣка, также знамениты своею промышленностію торговлею. Они завели у себя въ посадѣ Клинцахъ до 22 суконныхъ, рстяныхъ и льняныхъ фабрикъ, изъ которыхъ семь дѣйствуютъ парами. и же ведутъ торгъ пенькою и разнымъ прасольскимъ товаромъ, кото- й отпускаютъ даже за границу, и который собираютъ по всей Украйнѣ новороссійскому краю. Способъ ихъ торговли изстари былъ преиму- ственно прасольскій. У одного хозяина обыкновенно ходятъ по Россіи товаромъ до 100 и болѣе коробейниковъ или коробочниковъ. Слобод- е прасола ходятъ далѣе всѣхъ, въ земли войска азовскаго и черномор-

[1] Времен. кн. 22 стр. 111.

скаго, до самой кавказской-линіи, откуда, между прочимъ, привозятъ щетину и заячьи и русачьи шкуры. Слободскіе старообрядцы принимаютъ дѣятельное участіе въ украинскихъ ярмаркахъ, каковы: кролевецкая въ черниговской губерніи, крещенская въ харьковской' маслянская и вознесенская въ Ромнахъ, полтавской губеніи и другія [1]). Такъ почти во всѣхъ мѣстахъ Россіи раскольники издавна, особенно съ половины XVIII вѣка дѣятельно занимались торговлею и промышленностію и, сравнительно были большею частію зажиточнѣе и богаче православныхъ. Это-то весьма многихъ старообрядцевъ и удерживаетъ въ расколѣ и православныхъ побуждаетъ обращаться въ расколъ. Раскольники сами говорятъ: «Держащіеся старой вѣры живутъ гораздо богатѣе держащихся вѣры новой, и это показываетъ, что Богъ благословляетъ не новую, а старую вѣру» [2]).

Весьма много способствовало также распространенію раскола предводительство сильныхъ по своему вліянію на простой народъ вождей или «заводчиковъ» раскольнической общины [3]). Не имѣя высшаго церковно-соединительнаго начала, законной іерархической власти, раскольническая община, въ замѣнъ того, весьма сильно возрастала, усиливалась и увеличивалась подъ вліяніемъ этихъ вождей раскольнической-оппозиціи. Не много можно насчитать въ XVII и XVIII вѣкѣ сильныхъ, замѣчательныхъ заводчиковъ раскола, но за то нѣкоторые изъ нихъ чрезвычайно много сдѣлали для усиленія и распространенія раскола. Уже при п. Никонѣ нѣкоторые изъ придворныхъ бояръ и боярынь, сдѣлавшись жаркими учениками и послѣдователями раскольниковъ, стали во главѣ раскола, и своимъ вліяніемъ при Дворѣ оказывая значительную помощь ему, съ большою силою содѣйствовали его распространенію. Таковъ напр. былъ вышеупомянутый нами бояринъ Салтыковъ, одинъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ, или, какъ называетъ его раскольническій исторіографъ Денисовъ, «сигклитикъ царя Алексѣя Михайловича». Онъ столько былъ смѣлъ, что даже въ присутствіи самого царя торжественно защищалъ двуперстный крестъ. Во дворѣ своемъ онъ держалъ самыхъ жаркихъ защитниковъ и распространителей раскола, каковы: вышеупомянутый нами дворецкій и любимецъ Салтыкова Исаія, Авраамій, ученикъ Аввакума и другіе [4]). Этотъ бояринъ и нѣкоторые другіе «вѣрные» Аввакуму придворные вельможи столько силы имѣли при дворѣ, что съумѣли представить на нѣсколько времени дѣло Аввакума правымъ, возвратили его изъ ссылки и даже снискали къ нему благорасположеніе и ласковость кроткаго царя. А это и помогло въ началѣ распространенію раскола. Подъ полнымъ покровительствомъ боярина Салтыкова и другихъ «вѣрныхъ своихъ» при Дворѣ, протопопъ Аввакумъ и другіе расколоучители довольно долго находились въ Москвѣ и, какъ мы видѣли, весьма дѣятельно распространяли

---

[1]) Украинскія ярмарки — статья И. Аксакова въ „Русской Бесѣдѣ“ за 1858 г. II ч. I. стр. 147.

[2]) Истинно-древняя и истинно-православная церковь ч. II стр, 277.

[3]) П. С. З. II, стр. 943. Подъ предводителями раскола мы разумѣемъ однѣ свѣтскія лица, управлявшія раскольническими общинами.

[4]) Виногр. Русс. л. 105 об.

ть и успѣли распространить его. Они тѣмъ смѣлѣе и спѣшнѣе про-
ывали расколъ, что въ то же время имъ покровительствовали нѣко-
, также сильныя при дворѣ, боярыни. Таковы были ревностныя уче-
Аввакума, Авраамія, Лазаря и Никиты-Пустосвята боярыни: Ѳеодо-
розова, вдова извѣстнаго боярина Глѣба Морозова, урожденная Со-
на, сестра ея Екатерина, княгиня Евдокія Урусова, Марія Данилова,
родная тетка царицы Наталіи Кирилловны, Евдокія, жена думнаго
нина Ѳедора Полуевктовича Нарышкина. О первой Денисовъ пи-
«что она была великая въ ревности благочестія, великая въ сигкли-
яже богатствомъ премногимъ тако кипящая, яко крестьянъ до 8,000,
до 400 слугъ имущи; славою толь премногою сіяющи, яко кравчая
я державы бяше и повседневно въ царскихъ дворѣхъ бывающи,
водворяшеся въ домѣ монаршестѣмъ» [1]). Понятно, что такая знат-
севѣрная ревнительница раскола употребляла въ пользу его и свое
тво. «Сія вдова,—пишетъ преосв. Игнатій, м. тобольскій, тако воз-
яко никого же почиташе, ниже самого того святѣйшаго патріарха:
тогда святѣйшій патріархъ Киръ Іоакимъ» [2]). Отсюда видно, что
яя Морозова была ревностною покровительницею раскола не только
Никонѣ, но и при п. Іоакимѣ, а можетъ быть даже и до самаго
цкаго бунта, когда явился новый предводитель раскола—князь Хо-
й. Покровительствуя и содѣйствуя такимъ образомъ расколу, пер-
льные предводители раскола, придворные бояре и боярыни, успѣли
ть въ пользу его, въ 1-хъ то, что, при содѣйствіи другихъ придвор-
князей и бояръ—нераскольниковъ, но тоже враговъ Никона [3]), свергли
нили послѣдняго, и такимъ образомъ устранили самаго сильнаго по-
ка православія, который почти только и могъ въ то время пресѣчь
ъ; во 2-хъ то, что возвратили въ Москву расколоучителей, развѣян-
Никономъ, для новаго распространенія раскола, и такимъ образомъ
вою силою возстановили, возобновили совсѣмъ было уже пресѣченный
кономъ расколъ. Въ теченіе 8 или 9 лѣтъ, до собора 1667 года,
ствіе такого содѣйствія придворныхъ бояръ и боярынь, расколъ быстро
ся въ сильную многочисленную общину.

Прошло 15 лѣтъ послѣ собора 1667 года, расколъ нашелъ для себя
опору, новаго вождя въ лицѣ предводителя стрѣлецкаго бунта князя
скаго. Стрѣльцы, представители стараго полугражданскаго быта
й Руси, предводительствуемые княземъ Хованскимъ, представите-
тараго противо-государственнаго начала боярщины [4]), во имя ста-
церковной, подъ знаменемъ раскола, подняли бунтъ. И раскольники,
атовавшіе за старину церковную и вмѣстѣ гражданскую, съ фана-
мъ буйствомъ стали въ ряды мятежныхъ стрѣльцевъ, подъ знаме

Денисов. Виногр. Росс. съ 108—113.
III посл. въ Правосл. Собесѣд. стр. 136.
) которыхъ мы еще будемъ имѣть случай сказать подробнѣе.
См. соч. Павлова: историч. знач. царств. Бориса Годунова и соч. Медовн-
значеніи царствован. Алексѣя Михайловича.

немъ Никиты Пустосвята, въ надеждѣ водворить въ Россіи мнимое ст
обрядство. Князь Хованскій явился главнымъ вождемъ, предводител
заводчикомъ раскольническаго движенія. Онъ тѣмъ смѣлѣе поддержи
расколъ, тѣмъ сильнѣе утверждалъ, усиливалъ его, что подстрекаемъ б
къ тому честолюбивыми замыслами царевны Софіи, которая сама, какъ
ложительно можно сказать, покровительствовала расколу изъ св
честолюбивыхъ видовъ [1]). О помощи расколу князя Хованскаго Матв
пишетъ: «содержалъ онъ князь Хованскій тайно у себя капитонскаго
тическаго раскола старыхъ раскольниковъ Аввакума, бывшаго прото
казанскаго собора Пресвятыя Богородицы, что въ Китаѣ городѣ
Москвѣ» [2]). Другой современникъ, Медвѣдевъ, пишетъ: «помо
въ то время тѣмъ раскольникамъ, бывый въ Стрѣлецкомъ При
бояринъ, князь Иванъ Хованскій. Отступники надѣялись на
князя Ивана, яко на крѣпкаго имъ въ томъ помощника» [3]). Безъ вся
сомнѣнія эта помощь расколу князя Хованскаго не осталась безъ
ствія. По его наущенію, въ пылу мятежнаго духа, расколоучители в
стали съ новою энергіею и фанатизмомъ возмущать народъ противъ
вительства и Церкви. Онъ оживилъ, съ новою силою возбудилъ и у
дилъ въ расколѣ духъ злобы противъ православной церкви и право
наго правительства; а этотъ духъ неукротимой злобы далъ новую си
крѣпость расколу, и всегда былъ самымъ сильнымъ побужденіемъ
него—во что бы то ни стало твердо стоять на своемъ, стремиться впе
все болѣе и болѣе распространять свою силу и господство. Внутр
усиленіе раскола, усиленіе его основного начала, злобы противъ п
славной церкви и православнаго правительства, естественно способст
ло и внѣшнему усиленію и распространенію раскола.

Прошло еще 10 или немного болѣе лѣтъ послѣ стрѣлецкаго б
въ сѣверномъ поморьѣ, въ выгорѣцкомъ скиту явились двое еще
сильныхъ предводителей раскола. Это—два брата Андрей и Семенъ Д
совы, происходившіе, какъ мы выше уже сказали, изъ рода князей н
родскихъ, Мышецкихъ. Эти предводители раскола болѣе 40 лѣтъ под
лись для пользы и распространенія раскола. И никто столько не сдѣ
для него въ концѣ XVII в. и въ началѣ XVIII в., никто столько н
дѣйствовалъ его усиленію и распространенію, какъ эти два знамен
вожди раскола. Оба они одарены были отъ природы богатыми спос
стями, проницательнымъ умомъ и хорошимъ даромъ слова, и пріоб
прилежною начитанностію книгъ довольно обширныя свѣдѣнія въ
ностяхъ Россійской церкви. Во время странствованій своихъ по Р
они разными хитростями успѣли даже пріобрѣсти нѣкоторыя научны
знанія: Андрей, подъ видомъ купца, «грамматическому и риторич
разуму учился» частію въ кіевскихъ школахъ, частію въ Москвѣ; С
также «грамматику, риторику, піитику и часть философіи довольн

[1]) „Рус. Вѣстн.", 1856 г. № 7, о царевнѣ Софіи.
[2]) Записки Медвѣдева.
[3]) Ibid.

въ». Кромѣ того, при своихъ дарованiяхъ, отъ частыхъ сношенiй съ
дьми въ разныхъ мѣстахъ Россiи, они прiобрѣли много житейской
лтности, хитрости, изворотливости. И все это — и способности, и всѣ
собы, какiе находили, Денисовы употребляли въ пользу раскола, для
держанiя и распространенiя своего общества. Они содѣйствовали рас-
страненiю раскола и своимъ словомъ и дѣломъ, и разными хитрыми
исками, и для большаго успѣха прибрали себѣ многочисленныхъ дѣя-
льныхъ и ловкихъ помощниковъ [1]). Андрей Денисовъ странствовалъ съ
повѣдью о расколѣ не по одному поморскому краю, но и по всей Рос-
восточной и западной: въ однихъ мѣстахъ онъ вновь насаждалъ рас-
ъ, въ другихъ поддерживалъ, укрѣплялъ его, всюду собиралъ подаянiя
пользу Выгорѣцкихъ скитовъ, закупалъ старыя книги, досматривалъ
рыя иконы, кресты, мощи и ихъ перстосложенiя въ доказательство
кола. И такимъ образомъ безчисленное множество душъ уловлялъ въ
ю секту, и самъ обогащался, и расколу, особенно безпоповщинскому,
тавлялъ прочныя силы и средства для дальнѣйшаго существованiя и
пространенiя. Странствуя по Россiи, Андрей Денисовъ вездѣ знакомился
богатыми купцами, раскольниками, поощрялъ ихъ способствовать об-
і пользѣ раскола, обуздывалъ, пресѣкалъ по возможности самый раз-
ъ и несогласiя между различными сектами, чтобы разрозненность и
ьба не довели ихъ до отпаденiя отъ раскола, давалъ совѣты своимъ
тiямъ, особенно когда дѣло касалось общихъ выгодъ раскола. «Нѣкогда
у Андрею Дiонисовичу прiѣхавшу въ царствующiй градъ Москву, ради
iихъ орудiй,—пишетъ сочинитель раскольническаго сказанiя о началѣ
дора Ѳедосѣевцевъ съ Выгорѣцкимъ общежительствомъ, а вставшу въ
сномъ селѣ, бяше съ нимъ и согласуяй и весьма говѣяй къ нему ку-
ъ прозванiемъ Ковуровъ, къ нему же изъ Старой Руси прiѣха Евстратъ
осѣевъ съ двадесятiю стариками и со онымъ Ковуровымъ не нача об-
тися, за то, что онъ единственъ бѣ со отцемъ Андреемъ. Отецъ же ве-
одушный вопрошаше онаго, что обществуетъ ли съ нимъ Евстратъ,

[1]) Въ одномъ мѣстѣ исторiи Выговской обители исчислены слѣдующiе пособ-
и настоятелей Данила Викулина, Андрея и Семена Денисовыхъ: „предреченнымъ
тоятелемъ пособствовахy въ общежительствѣ благоревностнiи мужiи: Исакiй, Ефи-
Захарiй Стефановъ, Леонтiй Ѳеодосiевъ, Трифонъ Петровъ, Гаврiилъ и Никифоръ
еновы, Лука Ѳедоровъ, Яковъ Повѣнецкiй, Иванъ Германовъ, Маркъ Ѳеофиловъ,
аилъ Павловъ; да иноцы: Пафнутiй Колской, Прокопiй Нижегородскiй, Серапiонъ
ской, Ѳеодосiй Устюжскiй; Антонiй, Симеонъ и Гаврiилъ; сiи три старцы отъ са-
ъ первыхъ лѣтъ пришедшiи, двое съ Тылвуйскаго села, а третiй съ Фоймогубы,
авидъ и Iосифъ поморскiя пустынно-жители... И въ скитахъ же духовному сему
ленiю сильнiи бяху помощницы иноцы: Сергiй помянованный, и Серапiонъ Мос-
кiй, Варлаамъ и Павелъ Торжевскiй и Питиримъ помянованный; и бѣльцы Петръ
фрiевъ, Iосифъ и Иванъ Давыдовы Тихвинцы, Леонидъ Чертопорожской инокъ,
янинъ Евстафiй Яковлевъ, и Ладоженинъ, Мосѣй Ивановъ Толвуйскiй, Данiилъ
овъ, Семенъ Ефремовъ, Олончанинъ Захарiй Меѳодiевъ съ сыномъ итомъ,
ъ Анкидиновъ, Симонъ Iовлевъ, Иванъ Бѣлоустовъ, Гаврiилъ Ефремовъ съ бра-
ъ, Михаилъ Шелеховъ, Иванъ Дмитрiевъ Сумлянинъ въ Ладожскомъ скитѣ,
ъ Ѳеодосiй".

онъ же объяви Евстратово, пріѣхавши съ нимъ на общество. Андрей
рече ему: аще онъ не общается и ты съ нимъ не общайся, аще ли въ т
неразньствуетъ, и ты неразньствуй. Сицевый бяше,—заключаетъ соч
тель сказанія, — въ богомудромъ отцѣ каѳолич. церкви учителѣ каѳол
скій духъ, таковое великодушное творяше къ раздорствующимъ снис
деніе» [1]). Никто, кажется, такъ ловко не умѣлъ обольщать простако
обращать въ расколъ, никто такъ не управлялъ толпами простаковъ, і
Андрей Денисовъ съ своимъ братомъ シименомъ. Изобрѣтательность
на способы обезпеченія, укрѣпленія и распространенія раскола — из
тельна. Андрей Денисовъ, кажется, внимательно слѣдилъ за всѣм
государствѣ и умѣлъ вкрадываться, можно сказать, въ самыя тем
мысли и побужденія людей, стоящихъ во главѣ государства. Почти мо
положительно сказать, что онъ угадалъ честолюбивыя стремленія цар
Софіи, и умѣлъ сблизиться съ нею, чтобы, при помощи раскольниче
общины, служить ея видамъ и чрезъ то еще болѣе усилить, умнож
расколъ. Протоіерей Іоанновъ, хорошо знавшій тайны раскольниче
говоритъ, что Андрей Денисовъ имѣлъ даже переписку съ царевною
фіею, и что письма ея сохранились въ цѣлости у Выгорѣцкихъ раск
никовъ, и раскольники хвалятся ими [2]). Весьма вѣроятно поэтому
Денисовъ чрезъ эту переписку уполномоченъ былъ царевною подде
вать и распространять расколъ, въ видахъ ея политическихъ замысл
Не даромъ онъ такъ свободно странствовалъ по Россіи. Въ 1703 году
бытность Петра Великаго въ Олонецкихъ желѣзныхъ заводахъ, Денис
успѣли хитрыми происками своими выхлопотать себѣ у Государя у
свободно отправлять свое богослуженіе въ выговской пустыни. Слѣдств
этой льготы было то, что по рѣкѣ Выгѣ и другимъ рѣкамъ и озе
въ короткое время появилось нѣсколько новыхъ частныхъ скитовъ.
томъ же 1703 г. выговскіе раскольники причислены были къ рабо
на новозаводившихся тогда повѣнецкихъ желѣзныхъ заводахъ подъ
домствомъ олонецкихъ петровскихъ. Денисовы употребили всѣ мѣры,
бы если не свергнуть совершенно, то по крайней мѣрѣ облегчить иго
ложенное на поморцевъ, и имъ удалось это, какъ нельзя лучше. Во в
переписи чиновники разными продѣлками почтенныхъ скитниковъ до
были напуганы, что «капитанъ Герасимовъ отъ страха не смѣяше ни
съ монастыря въ скиты ѣздити». И скиты остались безъ переписи,
монастырѣ записаны были тѣ, которыхъ хотѣли записать Денисовы. С
ствіемъ этой продѣлки было то, что бродяги еще охотнѣе стали стека
къ Денисовымъ и записываться въ число раскольниковъ, гдѣ имъ льг
было жить. Прошло три года, и этихъ бродягъ столько набралось въ
говскіе скиты, что для поселенія ихъ нужна стала земля. Денисо
тутъ опять успѣли было обмануть Правительство: на ихъ имя утверж
была покупка земли въ каргопольскомъ уѣздѣ на 16 верстъ во всѣ

---

[1]) О началѣ раздора Ѳедосѣев. съ Вѣгор. общежит. по причинѣ того, чего
оной быстъ, ркп. л. 70, об. 71.

[2]) Полн. истор. изв. о раскольникахъ.

...ны, и уже заготовлялся лѣсъ для постройки скитовъ на новой землѣ. По этому случаю, кажется, въ первый разъ постигла было неудача хитрыхъ предводителей безпоповщинскаго раскола. Но не на долго: черезъ .. года Денисовы обработали и это дѣло. Нѣмецъ Геймангъ, завѣдывавшій заводами, отправилъ нарочнаго къ Петру I съ великолѣпною похвалою бродягамъ, и Государь приказалъ прекратить дѣло. Въ 1722 г. Святѣйшій Синодъ послалъ въ олонецкіе петрозаводскіе заводы для увѣщанія раскольниковъ іеромонаха Неофита, съ инструкціею въ 17 пунктахъ. Хитрые Денисовы, хорошо знавшіе, что разговоры керженскихъ раскольниковъ съ епископомъ нижегородскимъ Питиримомъ сильно потрясли расколъ, и что другихъ слѣдствій нельзя ожидать, если кто нибудь изъ поморцевъ допущенъ будетъ до бесѣды съ Неофитомъ, не допустили своихъ подчиненныхъ къ собесѣдованію съ посланнымъ къ нимъ миссіонеромъ, а вмѣсто того написали отъ себя, съ общаго совѣта своихъ братій, отвѣты на 100 вопросовъ Неофита [1]). И эти отвѣты, пущенные съ того времени въ народъ, послужили, какъ мы увидимъ, еще новымъ орудіемъ къ уловленію простаковъ въ сѣти раскола и у самихъ раскольниковъ сдѣлались какъ бы классическою книгою, такъ же какъ и многія другія сочиненныя ими и ихъ учениками расколоучительныя тетрадки, разсылавшіяся къ единомышленникамъ по всей Россіи. Кромѣ того, какъ мы и выше имѣли уже случай замѣтить, они заботились объ умноженіи и улучшеніи способовъ для распространенія раскола по всей Россіи и снабжали ими всѣ раскольническіе толки: образовали въ Выговскомъ монастырѣ школу искусныхъ писцовъ для списыванія и распространенія раскольническихъ книгъ, школу пѣвцовъ для снабженія ими раскольническихъ часовенъ и молитвенныхъ домовъ, школу иконописцевъ для приготовленія иконъ въ раскольническомъ духѣ. Во время странствованія по Россіи, посредствомъ покупки и обмѣна и чрезъ подарки они насбирали въ свои скиты въ короткое время множество старыхъ рукописныхъ книгъ, лѣтописей, иконъ, крестовъ напрестольныхъ, Евангелій стариныхъ съ надписями лѣтъ, богатой утвари, какимъ, по замѣчанію протоіерея Іоаннова, не можно индѣ быть, какъ въ знаменитыхъ мѣстахъ, изъ коихъ иныя были сдѣланы царями, иныя иждивеніемъ знатныхъ, благочестивыхъ бояръ [2]). Наружнымъ видомъ и блескомъ такихъ вещей и ложными притомъ разсказами, будто бы оныя вещи нынѣ въ Великороссійской церкви не почитаются и вовсе отвержены, всякаго новоприходящаго невѣжду легко прельщали, и въ свою пагубу приводили. «Поелику же скитъ ихъ, скажемъ словами митрополита Евгенія, имѣлъ по своему умствованію искусныхъ живописцевъ, книгописцевъ, писцовъ, пѣвцовъ, знатоковъ древняго устава церковнаго и богатое собраніе старыхъ, письменныхъ и печатныхъ, церковныхъ, учительныхъ и историческихъ книгъ, лѣтописей, стариныхъ иконъ, церковныхъ утварей, и прочихъ древностей, похищенныхъ и выкупленныхъ изъ разныхъ мѣстъ, то гнѣздо сіе было, такъ сказать, главнымъ разсадникомъ

[1]) И. Р. Ц. пер. V, стр. 140, 141.
[2]) Полн. Истор. изв. о раскольн.

раскола» [1]). Такъ способствовали обезпеченію, усиленію и умноженію раскола поморскіе предводители Денисовы, и особенно Андрей Денисовъ, и столько сдѣлали они въ пользу раскола! Не даромъ раскольники безмѣрно ублажаютъ и восхваляютъ память ихъ, особенно Андрея Денисова [2]).

Таковы были извѣстные намъ вожди, предводители или заводчики раскольнической общины въ XVII в. и въ первой половинѣ XVIII. Сознаемъ, что мы весьма недостаточно, далеко невполнѣ изобразили продѣлки и уловки этихъ управителей раскола. Но и изъ нашего краткаго очерка можно отчасти видѣть, какъ неизбѣжно община раскольническая должна была возрастать и усиливаться въ концѣ XVII вѣка и въ началѣ XVIII, когда ею всегда управляли люди ловкіе, искусные, сильные, всю свою жизнь, всѣ свои средства и умственныя и матеріальныя посвящавшіе на пользу раскола. Не даромъ раскольники, нехотѣвшіе подчиниться никакой законной власти, охотно предавались на волю этихъ предводителей раскола. Они составляли душу раскольнической партіи. Ихъ управленіе и неусыпная, энергическая заботливость объ успѣхахъ раскола были весьма полезны для раскольнической общины. Хитрые, ловкіе, необыкновенно изворотливые, пронырливые, весьма опытные въ житейскихъ дѣлахъ, они часто, подобно іезуитамъ, взыскивали всѣ возможные способы къ расширенію своей власти и къ увеличенію своей общины, и умѣли находить ихъ: не щадили для сего своего богатства, заводили связи съ другими богатыми раскольниками, связи съ людьми чиновными; всячески

---

[1]) Митр. Евгенія словарь свѣтск. писат. объ Андреѣ Денисовѣ.

[2]) Они сравниваютъ его съ Іоанномъ Златоустомъ и т. п. Приведемъ здѣсь слѣдующее раскольническое стихотвореніе, подъ заглавіемъ: „Стихи воспоминательны о киновіарсѣ выгорѣцкаго общежительства Андреѣ Денисіевичѣ".

Европа ты славнѣйшая,
Мужа сего изнесшая,
Въ Россійскомъ царствѣ хранящи,
Возрастивши его млада
Въ предѣлѣ Олонца града
Рождшася въ селѣ посадскомъ,
Въ славномъ рядкѣ Повѣнецкомъ,
Иже домъ оставль юностнѣ,
Шедъ въ пустыню ревностнѣ,
Вселися въ ней младолѣтенъ,
Сей седминадесятилѣтенъ.
Тогда, тогда проявися,
Пустыня выговска открыся,
Во всю бо Русь произыде
И концы ея обыде,
Еже и многъ народъ собра
Зря въ себѣ пастыря добра,
Отъ всѣхъ Богомъ предъизбрана
И во всѣхъ имъ одаренна.
Сего отца пречестнаго,
Учителя всеблагаго,
Поморію пресладчайша,
Выгорѣцкимъ же дражайша
Горы и холмы въ ней чистилъ,
Храмы молитвѣ тамъ ставилъ,
Киновіи двѣ сгради,
Аки красны вертограды.
Многія скорби, многи бѣды,
Сперва подъя многолѣтны:
Гладъ, наготу съ нищетою,
Во всемъ и всего скудотою;
Сего ради во страны ходя,
Христолюбцевъ сонмы водя,
Въ пустыни населяя,
Въ древней вѣрѣ наставляя,
Тѣмъ же вездѣ объявися
Учительствомъ уяснися
По всѣмъ краямъ пронесеся,
Во всякій слухъ внесеся,
И въ царскихъ устнѣхъ вѣщаемъ,
И въ синодскихъ обношаемъ,
Яко церковный рачитель
Старовѣрцевъ всѣхъ учитель *)

*) Ркп. библ. Каз. Дух. Акад.

узнавали дѣла гражданскія, происками, ласкательствомъ и т. п. средами снискивали себѣ расположеніе лицъ, имѣющихъ власть. И такимъ разомъ, то подкупами и ласкательствомъ, то хитрыми уловками и обмамъ, то лицемѣріемъ и пронырствомъ, то другими какими либо происми распространяли и усиливали свою общину.

Не менѣе дѣйствительнымъ способомъ распространенія раскола были *скольническія миссіи*, особенно усилившіяся въ концѣ XVII и въ ченіе VIII столѣтія, когда раскольники, съ основаніемъ скитовъ, стыней и слободъ, получили осѣдлость. Первые расколоучители, торыхъ раскольники называютъ своими апостолами, святыми отми и страдальцами, въ началѣ XVIII столѣтія почти всѣ уже ремерли, и только немногіе доживали еще остатокъ дней своихъ. По слѣдамъ ихъ теперь ходили по всей Россіи съ проповѣдью о расколѣ раскольническіе миссіонеры, наставники и учители. Главными исходными пунктами раскольническихъ миссій были: выгорѣцкій монастырь, московскіе монастыри—Рогожскій и преображенскій, керженскіе скиты, иргизскіе монастыри, Вѣтка и стародубскія слободы. Всѣ эти раскольническія общежительства служили какъ бы пропагандой, откуда въ безчисленномъ множествѣ выходили расколоучители и странствовали по разнымъ городамъ, селамъ и деревнямъ съ проповѣдью о расколѣ. Въ выговскомъ скиту самъ Андрей Денисовъ, который въ свою очередь съ Семеномъ также странствовалъ по Россіи съ проповѣдью о расколѣ, образовалъ для распространенія раскола нарочитыхъ многочисленныхъ миссіонеровъ, раскрывъ имъ ученіе раскола во всей подробности, до самыхъ послѣднихъ оснований. И эти миссіонеры, особенно нѣкто Трифонъ Петровъ, Мануилъ Петровъ, и иконники Даніилъ и Никифоръ Самсоновы, по примѣру своихъ наставниковъ странствовали по разнымъ мѣстамъ съ проповѣдью о расколѣ, и насадили сѣмена своей секты во многихъ городахъ Россіи. Изъ выгорѣцкаго монастыря особенно много выходило раскольническихъ проповѣдниковъ въ XVIII столѣтіи. «Изъ того монастыря,—писалъ въ половинѣ XVIII столѣтія обратившійся къ православію выговскій историкъ Алексѣй Родіоновъ,—всегда выходили и донынѣ выходятъ лжепророки и лжеапостолы, преобразующеся въ апостоловъ Христовыхъ, учаще яже не подобаетъ, скверннаго ради прибытка». Первый изъ таковыхъ учителей былъ самъ строитель того монастыря Даніилъ Викулинъ, бывшій шумъскаго погоста церковный дьячекъ; онъ «ходя по погостамъ и волостямъ, ѣ домы развратилъ ученіемъ бѣсовскимъ, весь олонецкій уѣздъ уловилъ поглотилъ и много богатства собралъ» [1]). Въ сенатскомъ указѣ 1745 г., данномъ вмѣстѣ съ синодскимъ, читаемъ: «чрезъ принесенныя святѣйшему правительствующему сѵноду представленія оказуется, что раскольниковъ изъ выгорѣцкаго называемаго ими Данилова и изъ другихъ скитовъ что бы для промысловъ и прокормленія въ разныя мѣста не мало распустили, съ данными отъ старостъ паспортами, изъ которыхъ одинъ пой-

[1]) Ист. Росс. іерарх. ч. III, стр. 623 о выгор. монастырѣ. См. также о семъ монастырѣ у протоіерея Іоаннова.

манъ, и при осмотрѣ явились у него въ сумкѣ раскольническія книжицы и тетрадки и раскольническое причастіе, и ножницы со стриженными волосами, да въ домѣ крестьянскомъ сыскали панагію съ причастіемъ и притомъ уставъ ихъ, какъ они по раскольнически причащаютъ; а по слѣдствію то причастіе получено изъ раскольническаго жилища, изъ онаго Данилова скита, и вышедшіе де изъ погостовъ обыватели въ расколъ изъ домовъ своихъ бѣжали въ недавнихъ годахъ, и приняты нынѣшними содержателями раскольническими» [1]). Изъ Керженскихъ скитовъ еще въ концѣ XVII в. ходили миссіонеры съ проповѣдью раскола по нынѣшнимъ губерніямъ нижегородской, пермской, оренбургской и другимъ восточнымъ губерніямъ и здѣсь распространили свой расколъ, отъ чего раскольниковъ въ этомъ краю до нынѣ называютъ «керженцами, кержаками». Изъ Брынскихъ лѣсовъ также выходили многіе раскольническіе миссіонеры. «Якоже змій во апокалипсіи видѣнный, говоритъ Димитрій Ростовскій, хоботомъ своимъ отторже третію часть звѣздъ небесныхъ и повержеся на землю, такъ и брынская пустыня, какъ хвосты свои распростираетъ, посылая учители во грады и веси, отторгаетъ отъ церковнаго неба, яко звѣзды, души людей православныхъ, и повергаетъ въ свою пропасть» [2]). Еще болѣе, кажется, высылала миссіонеровъ въ Россію для проповѣди раскола Вѣтка, которая почти вся наполнена была людьми бѣглыми, слѣд. превыкшими къ странничеству и бродяжничеству. «Прелести ея, говоритъ протоіерей Іоанновъ отъ часу болѣе распространялись повсюду, такъ что самые отдаленные города, уѣзды и селенія Россіи не избѣжали заразы ея. Бѣглецы, черные попы: Іовъ, Игнатій, Варсонофій, Макарій муромскій, Іосифъ Боровской, Иванъ изъ Бѣлева. Димитрій изъ Мурома, и бѣлые Василій, Мардарій Донской, Лаврентій, въ постриженіи Лазарь, Іоакимъ, въ монашествѣ Іаковъ, и другіе волокиты-монахи и монахини отъ Вѣтки разсыпались повсюду и простой народъ вездѣ развращали, и по всѣмъ мѣстамъ отъ Вѣтковской церкви таинство причащенія разносили, такъ что купля сія главнымъ промысломъ у сихъ бродягъ учинилась. Грамотные чернцы и черницы отъѣзжали часто въ Россію, развозили отъ церкви своей тайну причащенія, просфоры, благословленные хлѣбы, и освященную воду,—чѣмъ вездѣ простаковъ обольщали. Къ сему еще простые монахи и старухи черницы тайну исповѣди и причащенія вездѣ по городамъ и деревнямъ подъ видомъ нужды отправляли, и оное таинство на смертный случай всякому мужу и женѣ оставляли. Сіи же самые бродяги въ мірскихъ домахъ новорожденнымъ молитвы чистительныя давали, младенцевъ крестили, и умершихъ по ночамъ отпѣвали. Такимъ всякую святыню отъ Вѣтковской церкви разнося, съ довольною добычею на Вѣтку возвращались» [3]). Вообще надобно сказать, что раскольническіе проповѣдники и учители всегда бродили по Россіи въ безчисленномъ множествѣ, особенно въ концѣ XVII столѣтія и въ началѣ XVIII. Въ городахъ, селахъ и де-

[1]) П. С. З. т. XII. № 9155.

[2]) Розыскъ, стр. 69.

[3]) Полн. Ист. Изв. о раскольн. ч. III, стр. 16 и др.

евняхъ «являлись раскольническіе чернецы, и жили въ мірскихъ домахъ, христіанъ отъ православной вѣры своимъ злохитрствомъ и ученіемъ отращали» [1]). Всего болѣе миссіонеры раскольническіе ходили по деревнямъ, «людей, которыя въ совершенныхъ и въ малыхъ лѣтахъ, перекрещивали» [2]). Они, какъ видно изъ синодскаго указа 1722 г. Апрѣля 3 дня, айно содержались по домамъ, раскольническимъ и лживымъ своимъ ученіемъ прельщали простой народъ, съ великою святѣй церкви тщетою, и редъ такими прельщенными и прельщающимися показывали себя мудрыми, въ знаніи и толкованіи священнаго писанія довольными, весьма невѣжди суще» [3]). Раскольническіе учители были двухъ родовъ: явные и отаенные [4]). Чтобы свободнѣе и безопаснѣе странствовать по городамъ и еламъ съ проповѣдію о расколѣ, хитрые раскольническіе миссіонеры принимали на себя различныя личины: иногда ходили подъ образомъ нищихъ, ъ котомкою на спинѣ, въ которой между подаяніемъ часто скрывались аскольническія книги и тетрадки; иногда принимали видъ странниковъ, огомольцевъ; иногда странствовали, какъ офени или ходебщики съ ящиками на спинѣ, въ которыхъ также не рѣдко скрывались расколоучительныя книжки и тетрадки. Скрытно, незамѣтно вкрадывались въ деревню и рельщали простой народъ: «якоже нетопири, пишетъ св. Димитрій Росовскій, отъ свѣта дневного по щелямъ, сице они въ тайныхъ мѣстѣхъ тъ насъ хоронящеся, учатъ или паче рещи прельщаютъ простой народъ» [5]). Притворяясь такимъ образомъ, они входили въ домы православныхъ простолюдиновъ и при всякомъ удобномъ случаѣ предлагали слово ученія ъ духѣ раскола. Чтобы сильнѣе и успѣшнѣе дѣйствовать на сердца своихъ слушателей, особенно безграмотныхъ и поселянъ, они, по примѣру ервыхъ расколоучителей, употребляли разныя хитрости: особенно часто казывали въ подтвержденіе своихъ словъ на старинныя церковныя книги, етради и картины. «Простіи же и малоумѣющіи божественныхъ писаній, тенію же и истинному разумѣнію, говоритъ преосв. Игнатій тобольскій, идяще яко въ печатныхъ книгахъ показуютъ имъ, мняху истину быти, е вѣдуще ихъ арменскаго еретичества, но тако просту вѣру емлюще, яко е злобиви суще» [6]). Проповѣдь странствующихъ миссіонеровъ раскольническихъ такъ много способствовала умноженію и распространенію раскола, то архипастыри наши въ XVIII вѣкѣ особенно настаивали на поимку и скорененіе расколоучителей, какъ главныхъ виновниковъ умноженія аскола. Такъ напр. святѣйшій синодъ докладывалъ государю Петру I въ 721 г. Ноября 19: «къ поимкѣ раскольническихъ учителей, которые ходя айно по домамъ, а индѣ и долговременное пребываніе имѣя, раскольническую свою прелесть размножаютъ, и простонародныхъ отъ церквей отращаютъ, потребенъ зѣло видится такой указъ, дабы посылаемыхъ отъ

[1]) П. С. З. т. III, № 1612, стр. 410.
[2]) А. А. Э. т. IV, № 284, п. 4.
[3]) П. С. З. т. VI, стр. 3225.
[4]) Тамъ же, № 3870, п. 10.
[5]) Розыскъ, стр. 100.
[6]) 3 посл. въ „Правосл. Собесѣд." за 1855 г. кн. стр. 158.

духовнаго правительства и отъ раскольныхъ дѣлъ людямъ, къ вы
оныхъ чинено было безпрепятственное послушаніе, и не требовалися
свѣтскими послушные отъ командировъ ихъ указы... И ежели къ по
оныхъ лжеучителей такой вольности синоду дано не будетъ: то не то
оныхъ изыскать и искоренить будетъ неудобно, но и вящше подъ ук
вательствомъ и защищеніемъ безъ боязни пріумножатся, и многихъ
своей прелести привращать могутъ, что будетъ съ великою свят
кви тщетою: ибо по вѣдомостямъ изъ Москвы, такое оныхъ раско
ковъ значится размноженіе, что въ нѣкоторыхъ приходахъ и никого,
мѣ раскольниковъ не обрѣтается, но всѣ по запискѣ подъ двойнымъ о
домъ явствуются въ раскольщикахъ» [1]).

Равнымъ образомъ весьма много способствовало распространенію
кола умноженіе раскольнической письменности и *распространеніе въ на
разныхъ раскольническихъ книгъ и сочиненій.* Едва только открылся рас
въ Москвѣ, какъ тотчасъ же расколоучители начали писать и распрос
нять въ народѣ различныя сочиненія и посланія, посредствомъ котор
съ одной стороны, разсѣявали въ народѣ свои заблужденія, съ друг
возбуждали ненависть къ патріарху Никону и православной цер
«Мнози невѣжди не точію отъ простыхъ, но и отъ освященныхъ, гово
отцы собора 1667 года, ови устно, ови же письменно, возмутиша мно
души неутвержденныхъ, глаголюще и пишуще, яко же имъ возш
сатана» [2]), Протопопъ Аввакумъ написалъ нѣсколько посланій и ст
исполненныхъ самаго жалкаго невѣжества и самой злобной ненавист
п. Никону [3]). Сочиненія его имѣли большой успѣхъ [4]). И не только
п. Никонѣ сочиненія его были въ ходу и способствовали распростра
раскола, но и послѣ него. Съ 1682 г. по 1735 годъ, по причинѣ распро
ненія въ нижегородской губерніи Аввакумовыхъ писемъ, основалось з
даже нѣсколько новыхъ скитовъ поповщинскихъ. Именно старецъ Ону
преемникъ бѣглаго соловецкаго монаха Арсенія, какъ то случайно п
чилъ отъ другого старца Сергія нѣкоторыя догматическія письма А
кумовы. Перечитывая ихъ со всѣмъ своимъ братствомъ, Онуфрій увл
мыслями Аввакума, и другихъ за собою увлекъ и распространилъ это А
кумово ученіе не только близь города Семенова и деревни Хвостин
гдѣ устроенъ былъ особый скитъ онуфріевскій, но и въ скитахъ ша
скомъ, голендухиномъ, оленевскомъ и другихъ. Точно также ученіе А
кума, распространявшееся посредствомъ его сочиненій, произвело о
секту, извѣстную подъ именемъ Аввакумовщины. Сочиненія Авва
тѣмъ болѣе имѣли успѣха, что особенно приходились по вкусу прос
народу: написаны были простонароднымъ мужицкимъ и отчасти ш
вымъ языкомъ. Кромѣ Аввакума, при п. Никонѣ разсѣявали мысли
кола посредствомъ писанія и многія другія лица: діаконъ Ѳеодоръ р

---

[1]) П. С. З. т. VI, № 3854, докл. 13.
[2]) Дополн. къ Акт. Ист. V, стр. 483.
[3]) Сборникъ сочин. его въ библ. Каз. Дух. Акад.
[4]) Доп. къ Акт. Ист. т. V, стр. 448.

лъ посланія о правой вѣрѣ и объ антихристѣ; монахъ Ѳеоктистъ сочилъ слово объ антихристѣ; большую извѣстность въ народѣ получила нига о правой вѣрѣ московскаго архимандрита Спиридона (1665 г.) съ лемикою на поправки въ церковныхъ книгахъ. Попы Лазарь и Никита іслали изъ своихъ приходовъ, одинъ въ 30, другой въ 70 пунктахъ, челотныя, также излагавшія ученіе раскола. Всѣ эти сочиненія, пущенныя народъ, ходили по рукамъ, читались, а нѣкоторыя изъ нихъ даже были учаемы всѣми, ревностно принимавшими расколъ, какъ книги символи-скія. Когда расколъ проникъ въ соловецкій монастырь, тамошніе предвотели его, келарь Азарій и черный попъ Геронтій написали отъ себя челотную, въ которой также подробно изложили мысли раскола, и одинъ земпляръ послали къ царю, а нѣсколько экземпляровъ пустили въ народъ. эта челобитная впослѣдствіи далеко распространилась и сдѣлалась у скольниковъ символическою книгою. Въ XVIII стол. соловецкая челотная распространилась даже въ южной Россіи, особенно въ елисаветадскихъ и бахмутскихъ слободахъ, и служила здѣсь основаніемъ расла [1]). Вездѣ, гдѣ только появлялись грамотные расколоучители, они не лько устно проповѣдывали расколъ, но и для большаго успѣха распрораняли свои писанія. «Не точію въ селѣхъ и во градѣхъ, говоритъ Іоакимъ, но и въ самомъ царствующемъ градѣ Москвѣ чрезъ ихъ ложая и прелестная словеса и писанія простый и ихъ прелести не могущій знати многъ народъ прельщали, яко словесы, тако и злолукавными стными писаніи» [2]). Въ концѣ XVII столѣтія и въ началѣ XVIII расльническая письменность такъ умножилась и сдѣлалась столь вѣрнымъ особомъ распространенія раскола, что у раскольниковъ открылась даже оя книжная продажа, образовались свои книжныя лавки и библіотеки, обенно въ выгорѣцкомъ скиту, гдѣ жили два знаменитыхъ раскольнискихъ писателя Андрей и Семенъ Денисовы. Уже въ 1681 году, когда ноябрѣ мѣсяцѣ созванъ былъ соборъ русскихъ пастырей въ Москвѣ, агочестивый царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ обратилъ вниманіе отцовъ сего бора на распространеніе и продажу раскольническихъ сочиненій, какъ одну изъ причинъ усиленія и распространенія раскола. «Въ Москвѣ якихъ чиновъ люди,—говорилъ онъ собору,—пишутъ въ тетрадяхъ, и на стахъ и въ столбцахъ выписки, именуя изъ книгъ божественнаго пинія, и продаютъ у спасскихъ вратъ и въ иныхъ мѣстѣхъ, и въ тѣхъ сьмахъ на преданныя святѣй церкви книги является многая ложъ; а остолюдины, не вѣдая истиннаго писанія, пріемлютъ себѣ за истину и томъ согрѣшаютъ, паче же выростаетъ изъ того на святую церковь отивленіе» [3]). Особенно въ XVIII вѣкѣ начала сильно умножаться и расостраняться раскольническая письменность, направленная въ защиту скола и противъ православной церкви. Изъ сочиненій безпоповщинской кты этого времени особенно имѣли большое вліяніе на распространеніе

[1]) Истина соловец. обители, на первыхъ страницахъ.
[2]) Слово благодарств. № 65, 80 и др.
[3]) А. И. т. V.

и утвержденіе раскольническихъ мыслей сочиненія выгорѣцкихъ пис
лей—братьевъ Денисовыхъ, и изъ нихъ преимущественно отвѣты по
скіе. Съ 1722 года главные лжеучители выгорѣцкихъ скитовъ, к
читаемъ въ одномъ указѣ 1740 года, похваляя свои «отвѣты, въ на
пустили, и оными малоразсудныхъ колеблютъ, и къ своей прелести
вращаютъ» [1]). Сочиненія Денисовыхъ, по своему тону и направлені
могли не имѣть сильнаго вліянія на необразованныхъ, особенно нера
дительныхъ и легкомысленныхъ читателей. Напыщенно-восторженный т
цвѣтистая, образная, иногда дѣйствительно не лишенная нѣкоторой
соты и изящности рѣчь, чрезвычайно ловкая поддѣлка и обиліе хи
сплетенныхъ доказательствъ—все это сильно дѣйствовало на умы и се
не разсудительныхъ читателей. Читая, напримѣръ, въ «россійскомъ в
градѣ», или въ «исторіи отцевъ и страдальцевъ соловецкихъ» напыще
восторженное, хитросплетенное описаніе мнимыхъ подвиговъ и чудесъ
колоучителей, которые въ этихъ сочиненіяхъ не иначе называются,
священно-мучениками, всечестными страдальцами, святыми отцами и
полуграмотный, легковѣрный и не разсудительный простолюдинъ вѣ
такимъ баснямъ такъ же, какъ четіямъ-минеямъ, или стариннымъ с
никамъ, торжественникамъ, гдѣ въ старину обыкновенно помѣща
житія святыхъ: ибо хитрый и, надобно сказать, весьма даровитый с
нитель этихъ раскольническихъ исторій умѣлъ поддѣлаться во внѣш
ихъ видѣ подъ тонъ четій-миней, старинныхъ соборниковъ и торжест
никовъ, только отъ себя прибавилъ нѣсколько учености и риторичес
прикрасъ. Другаго рода раскольническія сочиненія, распространявшіяс
народѣ особенно въ XVIII столѣтіи, направлены были главнымъ обра
противъ правительства не только церковнаго, но и гражданскаго.
напр. въ 1701 году раскольникъ Талицкой, «ради возмущенія люд
писалъ письма плевельныя и ложныя о пришествіи антихристовѣ съ в
кою злобою и бунтовскимъ коварствомъ, каковому его ученію многіе по
довали» [2]). «Многія являются подметныя письма, писалъ Петръ Вел
въ именномъ указѣ Генваря 25, 1715 г.,—въ которыхъ большая часть во
скихъ и раскольническихъ вымышленій, которыми подъ видомъ добр
тели ядъ свой изливаютъ» [3]). И подобныя сочиненія раскольниче
также сильно дѣйствовали на народъ. Извѣстно, что въ народѣ русс
въ то время, особенно при Петрѣ Великомъ, множество было недовольн
гражданскими и церковными преобразованіями, какія производило Пр
тельство. Многіе до того одержимы были духомъ злобнаго негодов
на Правительство за нарушеніе старины, что осмѣливались на дер
мятежническіе поступки. Раскольники съ своей стороны еще болѣе
держивали, возбуждали этотъ мятежный духъ своими противо-правит
ственными сочиненіями, и такимъ образомъ усиливали и умножали раско

[1]) П. С. З. т. XII, № 9046.
[2]) П. С. З. т. VI, стр. 495.
[3]) П. С. З. т. V, № 2877.
[4]) Раскольническія книги такъ сильно распространялись и такъ вредны

Не мало способствовало распространенію раскола также рожденіе и
питаніе дѣтей въ расколѣ, усыновленіе и запись въ расколъ подъ двой-
 окладъ дѣтей бѣдныхъ, сиротъ безпріютныхъ. Чрезъ постоянное на-
деніе и воспитаніе въ расколѣ дѣтей, община раскольническая есте-
енно все болѣе и болѣе пріобрѣтала себѣ новыхъ членовъ: ибо посто-
но нарождалось и воспитывалось въ расколѣ молодое поколѣніе. Рав-
мъ образомъ и усыновленіе и запись въ расколъ подъ двойной окладъ
кихъ дѣтей бѣдныхъ, несостоятельныхъ православныхъ родителей также
ественно способствовали умноженію раскольнической общины. Это въ
III вѣкѣ между раскольниками такъ было обычно, что церковное и
жданское правительство находилось вынужденнымъ неоднократно изда-
ь противъ этого запретительные указы [1]). «Нынѣ, — читаемъ въ указѣ,
номъ по сему случаю въ 1732 году, въ докладныхъ отъ раскольниче-
й конторы пунктахъ показано, что у раскольниковъ имѣются многія
расколѣ дѣти малолѣтныя, которыя записаны ими подъ платежъ окладу,
бывшемъ приказѣ церковныхъ дѣлъ въ 720 году, изъ которыхъ де въ
сквѣ въ контору раскольническую сысканъ былъ малыхъ лужниковъ
дора Никитина пасынокъ Иванъ Ивановъ, и показалъ отъ роду себѣ
лѣтъ, а расколу наученъ и записанъ въ двойной платежъ обще отъ
го вотчима своего, съ братьями своими и сестрою въ малыхъ лѣтахъ,
орымъ де отъ роду нынѣ одному 14, другому 13, сестрѣ 15 лѣтъ» [2]).

Наконецъ, весьма много способствовало распространенію раскола *бѣг-
о и бродяжничество раскольничество изъ одного мѣста въ другое.* Бѣгство
кительчество раскольниковъ особенно сильно было во второй половинѣ
II вѣка и долго не прекращалось въ XVIII столѣтіи. Бѣглыми иноками
овецкими, какъ мы уже и выше видѣли, расколъ насажденъ былъ по
му сѣверному поморью и даже въ странахъ волжскихъ. «Егда воинство
дити и разорити киновію готовляшеся, пишетъ Денисовъ, тогда отъ
цъ киновійскихъ обще соборнымъ совѣтомъ мнози на брегъ моря отъ-
вше иноцы и бѣльцы, по пустынямъ поселишася: и яко авраамле сѣмя
огоплодни, и многожительни и во благочестіи древле-церковномъ и жи-
 отечестѣмъ крѣпкожительни показашася, и не токмо пустыни, дебри
блата, но и окрестъ прилежащіи грады и веси благочестія свѣтомъ на-
вше и просвѣтивше, сторичень плодъ принесоша» [3]). Когда въ Москвѣ
слѣ бунта 1682 года) послѣдовала законная расправа съ буйными, мя-
жными стрѣльцами и раскольниками; то, какъ замѣчаетъ п. Іоакимъ,
ужики грубіи и воры мятежники расбѣгошася». «Многіе раскольники
итворствомъ своимъ и лукавымъ обращеніемъ выманивались и уходя
ъ монастырей, куда были сосланы за упорство въ расколѣ, въ иныя
ѣста, чинили противности горше перваго» [4]). Въ 1684 и 1685 годахъ «изъ

ии народа, что въ 1724 году указомъ Свят. Синода предписано было духовнымъ упра-
вителямъ объявлять раскольнич. рукописныя книги. П. С. З. VII № 4578.

[1]) Таковы напр. указы 1722 года Мая 15, 1728 Іюля 14.

[2]) П. С. З. т. VIII, № 6149.

[3]) Исторія о отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ.

[4]) А. А. Э. т. IV, № 284.

разныхъ волостей и погостовъ разныхъ помѣщиковъ крестьяне и бо
въ расколѣ бѣжали, безвѣстно, за свѣйскій рубежъ» [1]). «Многіе рас
ники, читаемъ въ сенатскомъ указѣ 1722 года, не хотя объявить, кро
и переходя живутъ по городамъ и селамъ и деревнямъ, гдѣ имъ ск
тѣмъ укрывательствомъ прожить возможно. И для того укрывате
наймуютъ земли и дворцы и прочія жилища, дабы познаваемы не
и такими способы не точію отъ двойного оклада отбываютъ, но и
вымъ раскольнической прелести ученіемъ нѣкоторыхъ простого
людей приводятъ къ подобному себѣ заблужденію» [2]). Особенно, одн
главныхъ причинъ размноженія раскола въ предѣлахъ заволжскихъ,
скихъ и въ Сибири было именно бѣгство туда раскольниковъ. Сю
жали раскольники со всѣхъ сторонъ: изъ Москвы, изъ соловецкаго
стыря, Поморья, Твери, Ярославля, Новгорода и другихъ мѣстъ.
бирь особенно во множествѣ пробирались раскольники послѣ 1682
годовъ, чрезъ предѣлы верхотурскаго и тобольскаго уѣздовъ. Въ
1722 года октября 15 сказано, что, по свидѣтельству епископа н
родскаго Питирима, раскольники описные и неописные бѣгутъ и с
въ сибирскихъ городахъ [3]). Дорога, по которой раскольники пробир
въ Сибирь и за Уралъ, черезъ степь, до сихъ поръ слыветъ «сиро
Изъ Великороссіи расколъ занесенъ былъ бѣглыми раскольниками
лороссію. «Когда въ Великороссіи елико день, толико умножиш
старовѣрцы гоненія, — пишетъ сочинитель исторіи о бѣгствующем
щенствѣ, — тогда многія народы, оставляюще своя природныя мѣста
ники и други, течаху въ стародубскую область и тамо пустыни посел
откуду населися Бѣлый кладязь, и Синій, Замшнево, Шеломы слобо
Изъ стародубскихъ лѣсовъ изъ Великороссіи раскольники бѣжа
Вѣтку, и тамъ расплодили расколъ. Это было въ правленіе Софіи,
стародубскому полковнику приказано было бѣглыхъ раскольнико
Стародубьи обращать къ православію. «Таковому указу разгласившу
вѣствуетъ историкъ бѣглопоповщинскій, ревнители древнихъ предані
яшася, по разнымъ мѣстамъ разльяшася. Гоненію въ Великороссіи
ровѣрцы належащу, мнози оставляюще своя отечества, течаху во о
Вѣткѣ прославляемая мѣста, изволяюще странствіе, оземствованіе
утѣшенія своихъ мѣстъ со отступленіемъ, и сицевыми народы пуст
ста и звѣропаственная населяхуся, и вмѣсто деревъ людей умножен
казася, трава и тернія растущія въ вертограды и садовія обрат
гради вторіи показашася населеніемъ человѣкъ, ими же населиша
сецкая, Романово, Леонтіево» [5]). Когда старцы Іовъ и Досифей п
плевелы раскола по рѣкѣ Дону, то отсюда онъ чрезъ бѣгство и б
ничество раскольниковъ распространился по р. Кумѣ, Сулакѣ, Ку

[1]) А. И. т. V, № 127, стр. 220.
[2]) П. С. З. т. VI, № 4052.
[3]) П. С. З. т. VI, № 4109.
[4]) Исторія о бѣгствующемъ священствѣ л. 7.
[5]) Тамъ же, л. 8 об.

страхани и проникъ даже за границу, въ Крымъ. Изъ 100 станицъ донскихъ казаковъ, большая часть которыхъ заражена была расколомъ, въ концѣ XVII столѣтія, по случаю разныхъ политическихъ движеній, цѣлыя станицы раскольниковъ, разбѣжавшись въ разныя стороны, образовали цѣлыя раскольническія общины, которыя еще болѣе умножились въ числѣ отъ наплыва бѣглецовъ изъ внутри Россіи. Такъ между гребенскими казаками, по р. Тереку, въ большой и малой Кабардѣ, въ урочищахъ Голаго гребня, въ ущельѣ Павловомъ, при гребнѣ и ущельѣ Кошлаковомъ и при Симоновомъ Дубѣ распространяли расколъ старообрядцы, бѣжавшіе съ Дону въ 1688 и 1698 г. Когда казачій атаманъ Некрасовъ съ товарищами попами, Гавриломъ чернецомъ, Иваномъ Дранымъ, Козьмою и Савельемъ Бориновыми, набравъ на Дону воровъ и разграбя селенія около Царицына, Дмитріевска и Саратова, ушелъ съ оными на Кубань, отдавшись въ подданство Крымское въ 1708 году, — то раскольники толпами побѣжали туда изъ Россіи и съ Дону, изъ голубинской, чирской и другихъ станицъ и иныхъ разныхъ мѣстъ, и поселились цѣлыми слободами между станицъ казачьихъ [1]). Такъ вездѣ разносили и распространяли расколъ бѣглые раскольники.

Таково было, въ главныхъ чертахъ, внутреннее развитіе раскольнической общины. Какъ, впрочемъ, ни разнообразны и ни сильны были внутреннія средства и способы развитія раскольнической общины, но она кажется, не усилилась бы, не развилась бы въ огромныхъ размѣрахъ, если бы въ самомъ православномъ обществѣ не было обстоятельствъ и условій, благопріятствовавшихъ ея развитію. Разсмотримъ теперь, что благопріятствовало развитію раскола въ самомъ православномъ обществѣ, во-первыхъ, въ состояніи церковнаго благочинія и управленія, во-вторыхъ, въ гражданскомъ состояніи Россіи.

V. Состояніе управленія и благочинія въ русской церкви во время появленія и распространенія раскола.

Какъ оппозиція ложной старины противъ новаго, лучшаго устройства русской церкви, введеннаго п. Никономъ, соборомъ 1667 года и Духовнымъ регламентомъ, расколъ въ старыхъ церковныхъ безпорядкахъ находилъ для себя и начала жизни, силы, подкрѣпленія и развитія. Церковь русская, также какъ и общество гражданское, въ XVII вѣкѣ, подъ благотворнымъ управленіемъ патріарховъ, при попеченіи дѣятельныхъ царей — Михаила Ѳедоровича, Алексѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣевича, постепенно благоустроялась въ управленіи и въ іерархіи. Но, при этомъ благоустроеніи своемъ, она должна была еще бороться со многими старыми безпорядками. Недостатки эти, къ прискорбію, были еще весьма значительны; ибо невозможно было вдругъ исправить и искоренить того, что вѣками укоренилось. Между тѣмъ расколъ, какъ начало противо-церков-

---

[1]) См. Истор. о донскихъ казакахъ въ Чтен. Моск. Общ. Истор.

ное, враждебное внутреннему благоустроенному порядку православной церкви, этими-то старыми недостатками и несовершенствами церковно-правительственнаго устройства и пользовался для своего подкрѣпленія, развитія и распространенія. Онъ извлекалъ для своего развитія изъ современнаго состоянія русской церкви не тѣ животворныя начала лучшей и совершеннѣйшей церковной жизни, каковы были, напримѣръ, начала, вводившіяся въ церковь русскую соборами 1654, 1655, 1667 годовъ, или какія изложены были въ Духовномъ Регламентѣ: расколъ все это отвергалъ, какъ противное ему новшество. Но онъ извлекалъ изъ тогдашней церковной жизни для своего подкрѣпленія и развитія одни безпорядочныя, противо-церковныя начала мнимой церковной старины — старыхъ церковныхъ безпорядковъ, и подъ вліяніемъ ихъ развивался. Къ сожалѣнію, умноженіе въ православной церкви такихъ неустройствъ, особенно въ XVII вѣкѣ, представляло для него атмосферу, во многихъ отношеніяхъ обильную необходимыми для его существованія и развитія средствами, просторную для его свободнаго и обширнаго распространенія. По этой причинѣ, онъ тамъ преимущественно и искалъ себѣ убѣжища, силы и подкрѣпленія, и тамъ дѣйствительно находилъ все это, гдѣ сильнѣе преобладалъ старый церковный безпорядокъ надъ вновь-водворявшимся во второй половинѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка порядкомъ. Разсмотримъ безпристрастно всѣ тѣ старые недостатки и несовершенства внутренняго іерархическаго и духовно-правительственнаго быта русской церкви въ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка, подъ вліяніемъ которыхъ расколъ развивался, возрасталъ и умножался.

Въ церковно-правительственномъ отношеніи, во первыхъ, происхожденію и распространенію раскола при п. Никонѣ весьма много содѣйствовало *возстаніе вмѣстѣ съ расколоначальниками бояръ противъ Никона*, главнаго благоустроителя внутренняго порядка русской церкви въ XVII вѣкѣ, и низложеніе его [1]). Церковь русская никогда, кажется, не имѣла столько

[1]) Думаемъ, здѣсь неизлишне будетъ сказать подробнѣе объ этомъ, важномъ въ дѣлѣ раскола, событіи. Извѣстно, что въ XVII вѣкѣ, когда, по мысли п. Филарета и по примѣру гражданскихъ приказовъ, учреждены были на патріаршемъ дворѣ духовные приказы, въ нихъ главными производителями духовныхъ дѣлъ поставлены были гражданскіе чиновники: бояре, окольничіе, думные, стольники, тіуны, стряпчіе, боярскія дѣти, дворяне, дьяки и подъячіе. Такихъ чиновниковъ въ патріаршихъ приказахъ, по сказанію Алеппскаго діакона Павла, находилось „великое множество“. Нѣтъ сомнѣнія, что при тогдашней обширности и многосложности дѣлъ въ патріашей области и въ епархіяхъ, эти свѣтскіе чиновники были весьма полезны и даже необходимы для облегченія многотруднаго дѣлопроизводства въ духовныхъ приказахъ. Но нельзя, по всей справедливости, не пожалѣть о томъ, что они часто забывали свое настоящее назначеніе и преступали границы позволеннаго для нихъ участія въ дѣлахъ церковнаго управленія. До собора 1667 г., который, предположивъ, по возможности, искоренить въ русской церкви все, что благопріятствовало усиленію раскола, между прочимъ, обратилъ вниманіе и на этотъ предметъ, — свѣтскій судъ въ патріаршихъ приказахъ, кажется, совершенно преобладалъ надъ духовнымъ. Въ самомъ высшемъ духовномъ приказѣ, въ патріаршемъ Разрядѣ, прежде патр. Никона не видно, чтобы былъ кто-нибудь изъ духовныхъ лицъ, кромѣ патріаршаго боярина съ дьяками и подъячими. См. грам. 1628, 1632 и 1633 г. А. Э. III, стр. 260, 284, 337. Въ самыхъ пла-

жды въ единствѣ и согласіи дѣйствій церковнаго и гражданскаго пра-
тельства, какъ при п. Никонѣ, когда она совершала весьма важное и
же, можно сказать, послѣ принятія христіанства, самое великое дѣло
правленія церковнаго порядка и богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, и
гда, между тѣмъ, противъ нее возстали противники церковнаго порядка
власти, ревновавшіе за старый церковный безпорядокъ. Къ несчастію,
это-то самое время бояре монастырскаго Приказа, за-одно со многими
енами боярской думы, напрягали почти всѣ усилія къ тому, чтобы огра-

---

ршихъ грамотахъ до п. Никона боярамъ патріаршимъ усвоялась распорядитель-
сть, какъ бы совершенно равная съ патріархомъ, или распорядительная власть
тріаршихъ бояръ сопоставлялась съ распорядительною властію самого патріарха:
кто сторонніе люди учнутъ бить челомъ того монастыря на игумена и на братію
на слугъ, и на служебниковъ и на крестьянъ, о *судѣ намъ патріарху или боярамъ
нимъ*, и того монастыря игуменъ и братья и слуги и крестьяне учнутъ на нихъ
грѣшно искать, и сторонніе всякіе люди отвѣчаютъ тутъ же *передъ нашими бояры
передъ приказными людьми*". А. Э. III, № 178. Завѣдываніе духовными дѣлами въ
тріаршихъ грамотахъ до п. Никона приписывается однимъ только боярамъ, о ду-
вныхъ властяхъ не упоминается, какъ будто онѣ вовсе не участвовали въ духов-
ыхъ приказахъ. Такъ въ 1628 г. исправляющими духовныя дѣла въ патріаршемъ
зрядѣ показываются только: князь Андрей Васильевъ. Хилковъ, бояринъ Ив. Алек-
ев. Колтовскій, да дьяки Ѳ. Рогозинъ и Гавр. Леонтьевъ. (А. Э. III, № 177): въ
12 г. тотъ же князь Хилковъ и тѣ же дьяки, да еще бояринъ Семенъ Васильев.
лтовскій. Такъ и въ друг. патріаршихъ приказахъ, напр. въ дворцовомъ--завѣды-
ть дѣлами дворецкій съ дьяками. (А. Э. IV, № 304). — Патріаршіе дворяне и дѣти
ярскія, завѣдывая въ городахъ и уѣздахъ патріаршей области духовными дѣлами
сборомъ духовной дани, такъ много производили безпорядковъ и безчинія, что въ
75 г. соборнымъ опредѣленіемъ найдено было нужнымъ постановить слѣдующее: „въ
тріаршую епархію, въ городы и уѣзды, управленія ради церковнаго и всякихъ ду-
вныхъ дѣлъ и ради церковныхъ даней и вѣнечныхъ пошлинъ и всякихъ патріар-
хъ сборовъ, патріаршіе дворяне и дѣти боярскія да не въѣзжаютъ, для того, что
ликому государю царю Алексѣю Михайловичу и святѣйшему патріарху вѣдомо
инилось, что отъ владычныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ объявилося всякое без-
ніе, ко освященному чину налоги и обругательство и убытки". (А. А. Э. IV, № 204,
4). Усиліе бояръ къ преобладанію въ духовныхъ приказахъ, къ независимому отъ
исшей церковной власти управленію церквами и монастырями съ особенною силою
наружилось при п. Іосифѣ. Въ это время своеволіе бояръ въ отношеніи къ духов-
й власти возрасло уже до такой степени, что они въ началѣ царствованія Алексѣя
ихайловича въ слухъ перешептывали: „николи де такого безчинія не было, что
нѣ государь насъ выдалъ митрополитомъ, что лучше де на новой землѣ за Си-
рью пропасть, чѣмъ покориться какому нибудь новгородскому митрополиту". (Письмо
лексѣя Михайловича къ Никону. А. Аполлоса — житіе Никона стр. 117 и 118). При
лабомъ и удрученномъ старостію п. Іосифѣ, когда, по повелѣнію царя Алексѣя Ми-
айловича, составлена была коммиссія для сочиненія Уложенія, стольники, стряпчіе,
дворяне Московскіе и городовыя дѣти боярскія подали государю челобитье объ учреж-
деніи особаго монастырскаго приказа съ правомъ разсматривать жалобы на духов-
ныхъ и даже съ правомъ полнаго завѣдыванія монастырями и церквами селъ мона-
стырскихъ. И князь Одоевскій внесъ въ Уложеніе 7 статей о монастырскомъ приказѣ,
который составленъ былъ изъ бояръ, дьяковъ и подъячихъ, и „вѣдалъ всего Москов-
скаго государства всякій духовный чинъ, митрополиты и архіепископы, и епископы,
и монастыри, и попы,—во всякихъ дѣлахъ, и со властелинскихъ, и съ монастырскихъ
крестьянъ подати". Кошихинъ, гл. VII, ст. 24: „Монастырскій приказъ; а въ немъ си-
дитъ окольничей, да два дьяка. А вѣдомо въ томъ приказѣ всего Московскаго госу-

ничить власть церковнаго правительства и низвергнуть п. Никона. Боярамъ, желавшимъ совершенной независимости отъ патріаршей власти, господства надъ духовенствомъ и обладанія церковными и монастырскими имѣніями, нужно было, во что бы то ни стало, низложить сильнаго защитника правъ и величія высшей церковной власти, п. Никона, по примѣру п. Филарета, безпощадно преслѣдовавшаго и обуздывавшаго ихъ своеволіе, особенно противное канонамъ церковнымъ вмѣшательство въ дѣла чисто духовнаго вѣдомства. Монастырскій приказъ служилъ для нихъ въ этомъ отношеніи лучшимъ орудіемъ. Виновникъ учрежденія монастырскаго Приказа, кн. Одоевскій былъ личнымъ врагомъ Никона; потомъ въ 1660 году мы видимъ въ монастырскомъ Приказѣ окольничаго Ивана Өедоровича большаго Стрѣшнева [1]); а это тоже, по всей вѣроятности, былъ врагъ Никона, какъ и прочіе Стрѣшневы, Семенъ и Родіонъ; въ 1665 году въ монастырскомъ Приказѣ бояриномъ былъ кн. Иванъ Андреичъ Хилковъ [2]); и этотъ бояринъ, когда былъ при дворѣ, также толпился около враговъ Никона, а въ 1669 году, за свою слабость и неисправность по гражданской службѣ, заслужилъ опалу царя Алексѣя Михайловича [3]). Кромѣ того, между завѣдывавшими духовными дѣлами въ монастырскомъ Приказѣ находились еще люди не совсѣмъ добросовѣстные, дѣйствовавшіе не по правдѣ и не по закону, какъ видно изъ «челобитной монастырскаго приказа подъячаго Евтихея Алексѣева на дьяка Ивана Калитина въ неправыхъ дѣлахъ» [4]). Жаль, что намъ неизвѣстенъ ближе и обстоятельнѣе личный составъ монастырскаго Приказа. Но кто бы и каковы, впрочемъ, ни были бояре, дьяки и подъячіе монастырскаго Приказа при п. Никонѣ, несомнѣнно то, что образъ мыслей и дѣйствій монастырскаго приказа при Никонѣ, по причинѣ злоупотребленій бояръ, казался довольно опаснымъ для внутренняго мира церкви русской, не сообразнымъ съ духомъ древняго каноническаго устройства русской церкви, близкимъ къ протестантскому образу управленія, который на западѣ почти въ это же самое время утверждался германскими князьями, принимавшими протестантизмъ. Бояре монастырскаго приказа, дѣйствуя за одно съ враждебными Никону боярами царской думы, которые, по словамъ умнаго современника Богдана Хмѣльницкаго, «ничего путнаго Его Царскому Величеству не присовѣтывали», напротивъ еще, по словамъ другого очевидца

дарства всякой духовный чинъ, митрополиты и архіепископы, и епископы, и монастыри, и попы, во всякихъ дѣлахъ, и съ властелинскихъ, и съ монастырскихъ крестьянъ подати; и соберется тѣхъ податей въ годъ больше 20,000 рублевъ; а расходъ тѣмъ деньгамъ бываетъ куды понадобится, что и изъ иныхъ приказовъ" Это весьма стѣснило кругъ дѣйствій патріаршаго суднаго приказа или разряда, а при злоупотребленіяхъ бояръ, возставшихъ противъ Никона, произвело жалкій безпорядокъ, который и былъ едва ли не главною причиной паденія Никона и полнаго успѣха раскола.

[1]) А. А. Э. IV, стр. 115.

[2]) Дворцов. разряды, т. III, стр. 604.

[3]) Ригельмана истор. о донскихъ казак. стр. 60, въ Чт. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. год. 2, № 3.

[4]) Акт. Ист. V. № 263, стр. 481.

ча Алексѣя Михайловича Коллинса, «самыя добрыя его намѣренія на-
вляли ко злу» [1]); эти бояре «причиняли церковной власти всякія обиды,
она Божія не исполняли и въ духовныя дѣла и во святительскіе суды
упалися, церковными и монастырскими имѣніями распоряжались, какъ
ѣли и дѣлали всякія дѣла въ монастырскомъ приказѣ, а церковное
вительство дѣлали для себя орудіемъ, патріарха заставляли служить
ѣ» [2]). Образъ правленія, похожій на протестантскій [3]). Никонъ, строгій,
кій ревнитель правъ русской церкви, видѣлъ такой порядокъ церков-
о управленія не соотвѣтственнымъ съ древнимъ каноническимъ устрой-
омъ русской церкви, и потому не утерпѣлъ, съ твердостію и энергіею
ркаго защитника правъ церкви возсталъ противъ монастырскаго при-
за, возсталъ особенно противъ непомѣрнаго самоуправства бояръ въ не-
надлежавшей имъ сферѣ церковнаго правленія [4]). Но, къ прискорбію,

---

1) Чт. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. № 1. ст. 13. И. Р. Ц. IV, стр. 41.

2) Собр. госуд. грам. IV стр. 128.

3) Слич. напр: у Альцога, ученика знаменитаго Мёллера, въ его Universalge-
ichte der christlichen Kirche II, s. 807 (Mainz, 1855).

4) Никонъ особенно сильно выразилъ свое неудовольствіе противъ монастыр-
го приказа въ 26 и 27 возраженіи своемъ на 30 вопросовъ, предложенныхъ боярі-
ъ Борисомъ Сем. Стрѣшневымъ Паисію Лигариду (Слов. дух. пис. II, 139). Также
рилъ онъ противъ монастырскаго приказа боярамъ, посланнымъ къ нему въ
3 г. въ Воскресенскій монастырь для допросовъ, по поводу доноса стольника Ро-
на Бабарыкина (Собр. гос. грам. IV, стр. 128). Татищевъ (въ примѣч. своихъ на
ебникъ царя Ив. Васильевича), за нимъ Голиковъ (Дѣян. Петра В. ч. XIII. стр.
144, 339), Берхъ (Царств. Алекс. Михайл. 1, 399 и д.) и нѣкоторые другіе выстав-
отъ Никона, какъ мятежника, весьма опаснаго для самодержавія, высокомѣрно воз-
вшаго противъ царской власти и хотѣвшаго поколебать ее. Это намъ кажется пре-
личеніемъ, основаннымъ на преувеличенномъ, неблагонамѣренномъ судѣ враговъ
кона—бояръ, судѣ, къ сожалѣнію, еще до нынѣ не раскрытомъ въ настоящемъ
тѣ. Безпристрастные современники Никона всѣ единогласно свидѣтельствуютъ, и
это увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что бояре давно уже злобною ненавистію дышали
Никону, по многимъ причинамъ и, между прочимъ, за то, что царь допустилъ Ни-
на къ боярской думѣ обуздывать произволъ боярскій, и далъ ему право называться
сударемъ" и самъ называлъ его „своимъ возлюбленникомъ, собиннымъ содружеб-
омъ и другомъ". И вотъ по этой-то ненависти бояре взялись за козни, общимъ
оворомъ задумали представить Никона въ глазахъ царя преступникомъ, злоумы-
яющимъ противъ самодержавной власти, и такимъ образомъ низвергнуть его. Для
рѣйшаго достиженія этой цѣли, они желали, какъ сами высказывались, и даже
ушались убить Никона; но это не удалось. И потому лучшимъ признали посте-
нно чернить Никона въ глазахъ царя, какъ противника царской власти, и на это
отребили, по словамъ самого Никона, 9 лѣтъ. Бояринъ Стрѣшневъ (Семенъ), злоб-
й врагъ Никона, вмѣстѣ съ Паисіемъ Лигаридомъ, обласканнымъ боярами, сочи-
лъ 25 вопросовъ о власти царской, патріаршей и правилахъ, по коимъ патріархъ
жетъ быть судимъ и низложенъ. Стольникъ Бабарыкинъ, подкупленный боярами
езъ монастырскій приказъ, отдавшій ему землю, купленную патріархомъ для вос-
есенскаго монастыря, наклеветалъ царю на Никона, что будто онъ проклиналъ его
ское величество въ церкви и дома. Чрезъ такія-то и подобныя козни образовался
ветливый, недобросовѣстный судъ боярскій о Никонѣ, какъ посягателѣ на права
одержавной власти! Самый вѣрный судъ исторіи о томъ, что сдѣлалъ или выска-
ъ Никонъ предосудительнаго въ отношеніи къ самодержавной власти, должно при-
ать соборному опредѣленію, хотя и противъ этого Никонъ оправдывался. А въ

тѣмъ еще болѣе вооружилъ противъ себя бояръ. «Бояре, скажемъ сл
преосвященнаго Филарета, бояре чрезъ монастырскій приказъ ма
малу стали дѣлать распоряженія не только мимо патріарха, но и съ
тымъ намѣреніемъ оскорблять Никона; отъ духовныхъ имѣній перех
къ духовнымъ лицамъ, опредѣляли священниковъ и игумновъ им
царя, безъ всякаго сношенія съ пастыремъ церкви. Никонъ показ
несправедливость въ новомъ порядкѣ дѣлъ; восточные патріархи
слѣдствіи тоже самое говорили царю, и несчастный приказъ бы

этомъ опредѣленіи только сказано: „досаждалъ государю" (Слов. дух. писат.
125). Но какъ досаждалъ? По безпристрастномъ и внимательномъ разсмотрѣні
оказывается, что вся вина Никона въ отношеніи къ государю состояла въ том
онъ, по сильной вспыльчивости и горячности своего сердца, раздраженнаг
управствомъ бояръ, и по необыкновенно-пламенной, иногда уже слишкомъ г
ревности своей къ правамъ церкви и къ достоинству высшей церковной власти,
досадовалъ и гнѣвался на царя за то, что онъ допустилъ бояръ до такого нео
наго самоуправства въ дѣлахъ церкви и государства. Гнѣвъ непростительный,
что гнѣвъ на кроткаго государя; но гнѣвъ отчасти справедливый, благородн
тому что гнѣвъ пастыря, ревнующаго за право церкви, беззаконно нарушаем
изволомъ бояръ! Это — не гнѣвъ злобы высокомѣрной противъ государя, а нев
досада души сильной, пламенной, горячей, желавшей добра и зломъ уязв
Это — отнюдь не возстаніе подданнаго противъ государя, а недовольство „воз
ника, собиннаго друга" государева тѣмъ, что козни бояръ, вредныя и церкви
дарству, охладили къ нему сердце царя — друга его, какъ самъ царь называл
въ письмахъ своихъ къ п. Никону. Здѣсь вполнѣ высказалась слабость велико
Никона! Но и только. Какъ ни сильно Никонъ досадовалъ на царя за беззакон
моуправство бояръ, но онъ самъ, какъ подданный, боялся гнѣва царскаго.
самъ сознавался, что для него грозенъ, страшенъ гнѣвъ царя, хотя онъ несп
ливо возбужденъ былъ боярами: „се вижу, писалъ онъ въ письмѣ къ царю,
гнѣвъ твой умноженъ безъ правды, и того ради и соборовъ во св. церкви ли
Азъ же пришлецъ есмь на земли. И се нынѣ, понимая заповѣдь, для мѣсто
отхожу отъ мѣста и града сего". Какъ ни сильно прогнѣвали его бояре, онъ
же былъ гораздо осмотрительнѣе, гораздо болѣе дорожилъ честію царя, чѣмъ
его — бояре. Бояре нѣкогда въ слухъ роптали на царя и словъ его не слу
какъ сознавался самъ Алексѣй Михайловичъ въ письмѣ къ Никону; а Никон
гнѣвѣ на царя сохранилъ къ нему подобающее уваженіе. Такъ, когда царь п
кн. Трубецкого спросить Никона,—зачѣмъ онъ оставилъ церковь и удалился
скресенскій монастырь, Никонъ отвѣчалъ, что ради спасенія душевнаго ище
молвія, и смиренно въ письмѣ своемъ просилъ у царя прощенія за скорый св
ѣздъ изъ Москвы. Еще прямѣе и искреннѣе высказалъ Никонъ свои вѣрно-по
ческія чувства и благоговѣніе къ власти царя въ 1663 г. и гнѣвъ только на
когда, по проискамъ бояръ, стольникъ Бабарыкинъ ложно донесъ царю, будто
проклиналъ его словами псалмовъ въ церкви и дома, и когда отъ царя послан
по сему случаю слѣдователи. Никонъ отвѣчалъ на допросъ посланныхъ, ч
точно, Іюля 25 дня, на литургіи, по заамвонной молитвѣ, со всѣмъ соборомъ
ствовалъ и государеву жалованную грамоту прочиталъ всѣмъ, и подъ крестъ
образъ пресвятыя Богородицы клалъ, а клятву износилъ на обидящаго, на сто
Бабарыкина, а отнюдь не на великаго государя, а за великаго государя на ект
Бога молилъ". На такой же, повторенный ему боярами, допросъ, Никонъ кля
свидѣтельствовался: „буду я анаѳема, если относилъ псаломъ къ царю!" Пр
въ Москву въ 1664 г., въ надеждѣ увидѣться и помириться съ царемъ, Никон
и не допущенъ былъ къ царю боярами, но сказалъ чрезъ кн. Одоевскаго, ч
несъ миръ и благословеніе великому государю и паствѣ. Гдѣ же высокомѣрн

ыть. Но мысли Никона выставляли то сомнительными, то несправедли-ми потому, что предлагалъ ихъ Никонъ; а рѣзкія выраженія, въ какихъ ывался о приказѣ Никонъ, только радовали бояръ, враговъ Никона, торые умѣли понять протестантскій порядокъ правленія, но не хотѣли ть порядка православной церкви. Мало по малу бояре дошли уже до о, что стали открыто ругаться надъ патріархомъ. Стрѣшневъ столько ъ наглъ, что назвалъ именемъ Никона свою собаку и ненависть къ кону доводилъ до открытаго кощунства надъ благословеніемъ святи-льскимъ»[1]). Явное и открытое неуваженіе и противленіе патріаршей сти придворные бояре начали выражать въ грубыхъ оскорбленіяхъ па-аршихъ бояръ и чиновниковъ[2]). Никонъ видѣлъ въ этомъ несомнѣнный къ общаго заговора и возстанія противъ него царскихъ бояръ, видѣлъ станіе боярскаго самоуправства противъ высшаго церковнаго прави-льства, видѣлъ явное преступленіе клятвы, какую дали ему бояре тор-ственно въ храмѣ при избраніи его въ патріархи — «почитать его какъ

ніе Никона противъ самодержавной власти? И, кажется, никто кромѣ бояръ и еди-ышленниковъ ихъ, враговъ Никона не думалъ, чтобы Никонъ имѣлъ виды, про-ные единодержавію. Самъ царь Алексѣй Михайловичъ, несмотря на всѣ клеветы ръ, до конца жизни пребылъ внутренно благосклоннымъ къ Никону: посылалъ ему арки, а передъ смертію своею даже самъ просилъ у него прощенія и разрѣшенія, ывая его „отцомъ своимъ духовнымъ, великимъ господиномъ, святѣйшимъ Никономъ, рхомъ и блаженнымъ пастыремъ". Сынъ Алексѣя Михайловича, царь Θеодоръ ксѣевичъ, когда уже не было козней боярскихъ противъ Никона, когда ненависть и злоба успокоились, и правда Никона стала яснѣе, — еще болѣе былъ располо-ъ къ Никону, и хотѣлъ даже снова возвести его на патріаршій престолъ. Могло бы это быть, если бы Никонъ былъ опасенъ для самодержавной власти? Восточ-патріархи, приславъ въ 1682 году разрѣшительныя грамоты патр. Никону, при-ою неудовольствія между патр. Никономъ и царемъ признавали также не высоко-рное возстаніе его противъ царской власти, но то, что онъ „человѣческимъ нѣ-мъ малодушіемъ и гнѣвомъ побѣжденъ бысть, и оставль паству свою и патріар-кое достоинство презрѣвъ, далеко отшедши живе, не хотя возвратитись, которыхъ винъ явися тяжекъ и безпріятенъ бысть", и вполнѣ признали его заслуги и за-ность образа мыслей. Наконецъ, такіе просвѣщенные мужи, каковы епископъ чер-овскій Лазарь Барановичъ, знаменитый ученый сотрудникъ Никона Епифаній Сла-ицкій, умный архимандритъ полоцкій Игнатій Іовлевичъ и нѣкоторые другіе, не ѣлились бы подать царю голосъ въ защиту Никона, и царь не внялъ бы ихъ го-у, если бы Никонъ въ самомъ дѣлѣ опасенъ былъ для самодержавія и виновенъ высокомѣрномъ возстаніи противъ царской власти.— Замѣтимъ наконецъ: если Ни-ъ и ошибся въ своихъ отношеніяхъ къ царю, то вся ошибка его — есть ошибка не-ьная, историческая: она развилась изъ не совсѣмъ вѣрнаго постановленія и по-анія въ древней Россіи вопроса объ отношеніи церкви къ государству. Не изъ наго властолюбія Никона, а изъ его идеи званія патріаршаго, идеи, исторически вившейся, проистекли и его отношенія къ боярамъ и непріятности съ царемъ.

[1]) Ист. Русск. цер. IV, стр. 40, 41.

[2]) Извѣстно, какъ придворные бояре поступили съ бояриномъ Никона, княз. Ди-тріемъ, во время встрѣчи Теймураза. Дѣло съ Теймуразомъ, царемъ Грузинскимъ, было не только государственный, но и церковный интересъ, и потому Никону необ-димо было участіе въ немъ; однакожъ патріархъ, по ковамъ бояръ, не допущенъ лъ къ совѣщанію; да, кромѣ того, бояринъ его еще грубо оскорбленъ былъ прами царскими.

архипастыря и отца и не препятствовать ему устроять церковныя дѣла
и потому самъ отказался отъ дѣлъ церковнаго управленія. Такимъ об
зомъ, въ церкви русской, въ то самое время, когда возникли плевелы
скола и не разумные ревнители мнимой церковной старины уже начин
раздоръ съ церковію, произошелъ бѣдственный разрывъ между патрі
хомъ и боярами, возникла открытая борьба высшей церковной власти
боярскимъ своеволіемъ, и продолжалась цѣлыя 8 лѣтъ. И вотъ, во вре
этого-то жалкаго раздора, расколъ, поднятый другою, духовно-демокра
ческою оппозиціею протопоповъ и поповъ также лично противъ п. Нико
строгаго въ церковномъ судѣ и управленіи духовенствомъ, въ это-то вре
расколъ особенно усилился и распространился, принявъ сторону боярс
оппозиціи п. Никона, строгаго ревнителя правды и законности, и въ
ской думѣ безпристрастно и открыто обличавшаго несправедливости
злоупотребленія бояръ. Объ этомъ впослѣдствіи свидѣтельствовали с
бояре, когда должны были дать отчетъ народу, оставшемуся вѣрны
церкви и Никону, о причинахъ осужденія Никона. Они въ свое оправда
передъ народомъ, любившимъ Никона, такъ обвиняли его: «яко оста
ніемъ престола, сотвори церковь святую вдовствовати осьмь лѣтъ и 6
сяцевъ: въ неже междупатріаршества время блазнишася его ради мн
и явишася раскольницы и мятежницы православныя Россійскія церк
лестными ученми своими погубившіи многія души» [2]). Такъ говорили бо

---

[1]) Чтен. Моск. Общ. Ист. № 3, въ ст. о Никонѣ.

[2]) Древн. Россійск. Вивліов. ч. Ш. 404. Также въ Собран. госуд. грам. IV, №
стр. 182—185. Это объявленіе, изъ котораго мы привели слова, признавши его р
тельно за боярское объявленіе, по справедливому мнѣнію митроп. Платона (Цер
2, 239), митроп. Евгенія (Слов. дух. писат. II, стр. 125) и преосвященнаго Фила
(Ист. Русс. Цѳрк. IV, стр. 53), должно различать отъ опредѣленія, найденнаго ми
Платономъ въ одной рукописи съ именемъ соборнаго опредѣленія. „Это послѣ
соборное опредѣленіе, замѣчаетъ митроп. Евгеній, должно признать самымъ вѣр
шимъ для насъ историческимъ свидѣтельствомъ о винахъ Никона, но въ немъ
конъ не обвиняется въ томъ, яко бы удаленіемъ своимъ отъ престола открылъ
рокую дверь расколу и былъ виною его усиленія". „Митр. Платонъ справедливо
мѣтилъ, говоритъ преосвященный Филаретъ, что другое, найденное имъ простра
обвиненіе Никона (изъ котораго мы привели слова и которое напечатано въ Вив
и въ Собр. Грам.), не было собственно опредѣленіемъ собора, а только манифес
гражданскимъ. Причина послѣднему была въ обстоятельствахъ. Народъ уважалъ
кона, не смотря на происки бояръ, и послѣдніе боялись—не сдѣлалось бы волнен
Никона въ народѣ. Посему-то когда послѣ собора удалили Никона изъ Москвы, о
жили его многочисленною стражею. По той же причинѣ сочли нужнымъ объясни
съ народомъ о Никонѣ, какъ можно пространнѣе и рѣзче. Самое содержаніе боярс
грамоты показываетъ тоже. Ибо въ ней къ винамъ Никона отнесено не мало та
въ чемъ Никонъ принесъ справедливое оправданіе и въ чемъ не могъ его обви
патріаршій соборъ". Не выписываемъ этихъ обвиненій боярскихъ и оправданій
кона: объ нихъ въ Слов. дух. пис. II, 125—128 и въ Церк. Ист. Филар. IV, примѣч
Прибавимъ къ этому, что пространное обвиненіе Никона, которое удаленіе его по
вляетъ причиною распространенія раскола, и которое мы признаемъ боярскою гр
тою, по самому духу своему, только боярами и могло быть составлено: оно испол
злобною ненавистію и бранью противъ Никона, совершенно недостойною патріар
опредѣленія. Обвиненіе это какъ бы не находитъ даже и словъ, какими бы очер

свое оправданіе предъ народомъ тогда, когда они достигли уже своей
и—низложили Никона, и когда слѣдовательно имъ болѣе почти не
жна была помощь раскольнической партіи. Но не такъ было на самомъ
ѣ. Вовсе не Никонъ былъ виноватъ въ томъ, что, во время осьми-
ней борьбы его съ боярскимъ самоуправствомъ, особенно усилился и
пространился расколъ, а виноваты всего болѣе сами бояре. Они, во пер-
ъ, стѣснивъ чрезъ монастырскій приказъ дѣятельность патріаршаго
наго разряда, которому принадлежали дѣла по отношенію къ престу-
ніямъ противъ вѣры и къ расколу, не дали Никону докончить его ве-
ое дѣло очищенія церкви отъ плевелъ раскола, заставивъ его невольно
ечься отъ церковнаго управленія своимъ дерзкимъ, грубымъ поруга-
гъ надъ патріаршимъ саномъ Никона, своими кознями и клеветами
дворѣ и своимъ недобросовѣстнымъ преступленіемъ добровольно, даже
реки воли Никона, данной ему клятвы—не препятствовать ему исправ-
ь церковныя дѣла; во-вторыхъ, положивъ главною цѣлію низвергнуть
кона, безпощаднаго обличителя ихъ въ царской думѣ и въ монастыр-
мъ приказѣ, приняли сторону возставшихъ противъ него протопоповъ
оповъ [1]). Раскольники, по крайней мѣрѣ главные и опаснѣйшіе изъ
ъ, были уже, какъ мы видѣли. совершенно усмирены силою ума и
и Никона, пока онъ дѣйствовалъ единодушно съ царемъ Алексѣемъ
хайловичемъ: бояре опять дали имъ полную возможность дѣйствовать
аспространять расколъ. Такъ, по ходатайству бояръ, возвращенъ былъ
жденный Никономъ и сосланный въ Сибирь главный протопопъ —
ный врагъ Никона, Аввакумъ. «И егда въ царствующій градъ пріиде,
іетъ исторіографъ раскольническій, *князи и бояре тако любезно его пріяша,
ангела Божія, и самому царю возвѣстиша, вси царскія крове превысочайшія
соны*, князи и бояре преизобильно того имѣніемъ награждаху». По прои-
мъ бояръ, чрезъ боярина Иродіона Стрѣшнева, ему даже предоставлено
ю право—*о себѣ яко хощетъ, да содѣваетъ*, т. е. право свободнаго распро-
аненія своихъ мыслей [2]). При такомъ покровительствѣ боярскомъ, чего

она предъ народомъ, что свойственно было только злобѣ боярской, а не суду па-
ршаго собора. Оно приписываетъ, напр., Никону глумленіе надъ святыней, руга-
ьство надъ божественнымъ, злодѣйство, коварство и лукавство, продерзость, свя-
нокрадство и несытство, и къ неправдамъ пригвожденъ и въ хищеніяхъ упраж-
ся, и мучительствами содержащеся и пр. Такое бранное обвиненіе патріарха недо-
йно патріаршаго собора, и совершенно противорѣчитъ истинному суду о Никонѣ
точныхъ патріарховъ, произнесенному въ 1682 г. Патріархи прямо говорятъ, что
онъ осужденъ „не винъ ради каковыхъ либо душевныхъ и тѣлесныхъ", и назы-
и его „столпомъ благочестія непоколебимымъ и божественныхъ и священныхъ ка-
ъ сберегателемъ присно-искуснѣйшимъ и отеческихъ догматовъ и повелѣній и
даній неизреченнымъ ревнителемъ и заступникомъ достойнѣйшимъ". Собр. гр. IV,
. 425.

[1]) Сюда вполнѣ можно отнести отзывъ современнаго Украинскаго лѣтописца о
рахъ при Никонѣ: „аже жадной ереси по патріарху не показалось, только съ не-
исти тое учинили бояре, и послѣ того великая стала мѣшанина на Москвѣ". См.
Истор. Русск. Церк. пер. 4-й о Никонѣ.

[2]) Денисовъ, Виногр. Росс. л. 50—55.

не могъ сдѣлать изступленный расколоначальникъ Аввакумъ для усп
своей поповской оппозиціи противъ патріарха? Онъ, упоенный боярск
ласками, подкрѣпленный ихъ вельможнымъ авторитетомъ, до того те
былъ смѣлъ въ дѣлѣ раскола, что подалъ «чрезъ вѣрныхъ своихъ
дворѣ» просьбу самому царю, чтобы Никонъ врагъ его и братіи его—
чихъ протопоповъ и поповъ раскольниковъ—скорѣе былъ низложен
Бояре того же требовали. И Никонъ низложенъ: паденіе Никона, по
ника истины, было вожделѣннѣйшимъ торжествомъ раскола! Въ то вр
какъ многочисленные князья и бояре ласкали Аввакума, кн. Хованс
который, можетъ, быть, не могъ еще простить Никону того, какъ онъ
время поѣздки въ 1652 году въ соловецкій монастырь за мощами св.
липпа митр. Всероссійскаго, заставлялъ его исполнять христіанскій до
говѣнія [2]), содержалъ у себя въ домѣ Аввакума и его сообщниковъ
попъ [3]), какъ уже было сказано нами выше. У стольника Салтыкова, к
тоже мы видѣли, во дворѣ жили самые изступленные распространит
суевѣрія: дворецкій и любимецъ Салтыкова Исаія, Авраамій, ученикъ
вакума и другіе [4]). Расколоучитель Спиридонъ Потемкинъ, происходи
изъ боярскаго рода Потемкиныхъ, имѣлъ между боярами *сродники мно
гущія у монарха*, и эти то сродники бояре защищали его отъ власти ар
рейской, когда онъ распространялъ плевелы раскола [5]). Въ числѣ ревн
ныхъ покровительницъ раскола были еще, какъ тоже мы выше сказ
нѣкоторыя придворныя боярыни, духовныя дщери протопопа Авваку
изъ рода Морозовыхъ, Соковниныхъ, Урусовыхъ [6]), и съ ними вмѣстѣ
роятно, сочувствовали и содѣйствовали раскольникамъ изъ ненависти
Никону и сами бояре этихъ фамилій, особенно Морозовы [7]). Такимъ о
зомъ ясно, что въ продолженіе осьмилѣтнихъ козней бояръ противъ
кона, раскольники помогали боярамъ, а бояре помогали раскольник
и оттого расколъ особенно въ это время усилился и распространи
Участію, виновности бояръ въ дѣлѣ раскола при Никонѣ удивляться
должно. Исторія русская, въ XVI и XVII столѣтіи, не разъ облич
бояръ въ народныхъ возмущеніяхъ и бунтахъ, и именно тогда, когд
нихъ были какіе либо замыслы, напр. хоть во время самозванцевъ.
Никонѣ у бояръ былъ одинъ общій замыслъ низвергнуть Никона, ст
преслѣдовавшаго ихъ произволъ и самоуправство въ думѣ царской
дѣлахъ церковныхъ и нарушеніе обрядовъ православной церкви. Изы
вая чрезъ монастырскій приказъ все, что только могло служить къ
жденію и низложенію Никона, бояре не посовѣстились и изъ раско

---

[1]) Денисовъ, Виногр. Росс. л. 55.

[2]) Если только мы не ошибаемся, что это тотъ самый князь Иванъ Хован

[3]) Записки гр. Матвѣева, стр. 38. Изд. Сахарова 1841 г.

[4]) Денисовъ, Виногр. Росс. гл. 7. л. 104, 105.

[5]) Онъ же и тамъ же л. 113—116.

[6]) Тамъ же гл. 8.; о болярынѣ Ѳеодосіи Морозовой и княгинѣ Евдокіи Уру
съ прочими см. выше л. 108—113.

[7]) Бояръ изъ фамиліи Морозовыхъ, Урусовыхъ, Соковниныхъ при дворѣ
много. См. Дв. разр. III, стр. 515—760.

ъ образовать себѣ партію, тѣмъ болѣе, что многія фамиліи ихъ зара-
ы были сами расколомъ. У бояръ была борьба съ высшею церковною
стію, борьба вельможной боярской гордости съ авторитетомъ высшей
ковной власти—патріарха. Слѣдовательно, чтобы восторжествовать надъ
кономъ, боярамъ нужно было образовать для себя партію церковную,
орая бы возстала противъ власти Никона и противъ новоучреждаемаго
церковнаго порядка. И вотъ, когда Никонъ приступилъ къ испра-
нію книгъ и обрядовъ, они внушили простолюдинамъ, будтобы онъ
рываетъ православіе, разрушаетъ старый церковный порядокъ, старую
у. И тѣ самые, которые почитали сокровищемъ книги, исправленныя
осифомъ, возстали противъ Никона, какъ противъ врага церкви. При
ифѣ любили они нововведеніе; при Никонѣ объявили себя старообряд-
и. Видно, что не своимъ умомъ они дѣйствовали, но увлекались вну-
іями навѣтниковъ, и навѣтниковъ—враговъ Никона, каковы именно и
и бояре. И не даромъ же расколоначальникъ Аввакумъ называлъ
ръ, покровительствовавшихъ расколу, *вѣрными своими, Никодимами* [1]).
напрасно исторіографъ раскольническій такъ восхваляетъ «князей и
ръ», которые были *добрыми и преполезными клевретами* Аввакума. Не
расно, наконецъ, и самый достовѣрный историкъ раскола, современ-
ъ и очевидецъ первоначальныхъ смутъ его, Игнатій, митр. тобольскій,
ѣтилъ, говоря о началѣ раскола: «ксему же *и отъ царева двора нѣцыи*
стали» [2]).

Во вторыхъ, въ церковно-іерархическомъ отношеніи не мало благо-
ятствовалъ, какъ происхожденію, такъ и распространенію раскола при-
аемый *во многихъ частяхъ церковнаго управленія въ XVII вѣкѣ недоста-*
ъ церковно-правительственнаго надзора. Исторія отечественной церкви,
ѣчая всѣ неоцѣненныя заслуги и благодѣянія нашей іерархіи въ пері-
патріаршій, и вполнѣ оцѣнивая ихъ, замѣчаетъ также, къ сожалѣнію,
едостатокъ общаго, единодушнаго и вполнѣ внимательнаго попеченія
тырей русскихъ объ удовлетвореніи общимъ тогдашнимъ нуждамъ и
ребностямъ русской церкви. А это и было, по свидѣтельству безпри-
астныхъ свидѣтелей-современниковъ, одною изъ причинъ происхожденія
аспространенія раскола. Царь Алексѣй Михайловичъ говорилъ на со-
ѣ 1667 г., предъ лицемъ пастырей русской церкви: «врагъ завистный,
щимъ намъ, имъ же Богомъ вручися стражъ ея, всѣя куколь душевред-
й [3]). Отцы сего собора тоже прямо указывали, какъ на причину проис-
жденія и распространенія въ русской церкви раскола, на то, что пастыри
скіе не имѣли общаго, единодушнаго попеченія о благочиніи и порядкѣ
ей церкви, не собирались на соборы для совѣщанія объ общихъ нуж-
ъ и потребностяхъ народно-церковной жизни, о поведеніи и исправленіи
овенства. «Подобаетъ, говорили они, якоже повелѣваютъ правила св.

---

[1]) Письма Аввакума. Денисовъ, Вин. Росс. л. 55.

[2]) 3-е посл. въ Правосл. Собесѣдн. 1855 г., кн. 2-я, стр. 108.

[3]) Допол. къ Ак. Ист. т. V, стр. 445: это, очевидно, всего болѣе идетъ къ пасты-
ъ церкви, главнымъ стражамъ ея.

апостоловъ, и вси вселенстіи и помѣстніи св. соборы, яко да въ коейждо странѣ и епархіи творити архіереомъ соборы дважды въ лѣто, или нужды ради поединощи, церковныхъ ради вещей исправленія [1]). Обаче, за еже въ здѣшнихъ странахъ Великороссійскаго Государства не обыкоша архіереи собиратися часто и соборы творити и исправляти священническія расприи и прочія, учинишася толки раскольники и мятежники и возмутиша по всемъ Государство, и многія души погибоша, и въмалѣ было не весь народъ прельстили и отъ православныя вѣры возвратили къ безмѣстнымъ дѣломъ и еретическимъ мудрованіямъ» [2]).

Особенно епархіальное управленіе русской церкви, въ періодъ распространенія раскола, представляло много неустройства и недостатковъ, которые были очень благопріятны для успѣха раскола. Исторія отдаетъ полную справедливость такимъ благопопечительнымъ епархіальнымъ архипастырямъ, каковы были наприм. во 2-й половинѣ XVII столѣтія и отчасти въ началѣ XVIII: Іона, митроп. ростовскій и ярославскій, Іона архіепископъ вятскій и великопермскій, «имѣвшій, по словамъ Любарскаго, такія свойства, какія пастырское званіе и тогдашнее состояніе какъ времени, такъ и новоучрежденной епархіи отъ него требовали, и, хотя, кромѣ славяно-россійской грамоты, ничему болѣе неученый, однако къ собранію хорошихъ печатныхъ и письменныхъ книгъ, какія токмо сыскать тогда можно было, имѣвшій усердное раченіе, установившій такой изрядный въ причтѣ и чинѣ монашескомъ порядокъ, который соблюдался и въ XVIII вѣкѣ и заслужившій общую любовь и память въ народѣ вятскомъ»; Аѳанасій холмогорскій, Игнатій тобольскій, святитель Димитрій ростовскій, Питиримъ нижегородскій, ревностно заботившіеся объ обращеніи раскольниковъ къ православной церкви, въ 1-й половинѣ XVIII вѣка; Іовъ новгородскій, первый основатель въ своей епархіи духовныхъ училищъ и богоугодныхъ заведеній для призрѣнія бѣдныхъ и незаконно-рожденныхъ дѣтей; Маркеллъ псковскій и изборскій, потомъ казанскій, «кромѣ ревности пастырской, по словамъ Любарскаго, весьма ученый, разговоръ умѣвшій греческій, латинскій и нѣмецкій»; Иларіонъ и Лука, архіепископы казанскіе, которыхъ ревность о духовномъ просвѣщеніи и благочиніи мы далѣе увидимъ, и многіе другіе архипастыри, незабвенные въ исторіи русской церкви. Съ другой стороны, исторія свидѣтельствуетъ также, что, въ это время, были и такіе архипастыри, которые, къ сожалѣнію, мало заботились о спасеніи душъ своей паствы и объ удовлетвореніи самымъ важнымъ потребностямъ своихъ епархій. Такъ въ 1739 г. Императрица Анна Іоанновна жаловалась, какъ на закоренѣлый недостатокъ въ епархіальномъ управленіи, на то, что нѣкоторые епархіальные архіереи «безъ продолженія времени не поставляли, гдѣ нужно было, священниковъ, и сіе важное и человѣче-

---

[1]) Да и въ самой церкви русск. въ концѣ XV в. было правило, чтобы архіереи собирались къ главному іерарху Россійскому ежегодно для соборнаго разсужденія о дѣлахъ церкви (А. И. т. 1, № 101). Но это правило не соблюдалось, равно какъ и правило, тоже издавна существовавшее, чтобъ духовныя лица по временамъ собирались къ своему епархіальному архіерею для совѣщаній съ нимъ (А. И. т. I. 1499 г.).

[2]) П. С. З. т. I, стр, 700.

ому спасенію потребное дѣло весьма забвенію предавали, а между тѣмъ, ди безъ покаянія и безъ причастія св. таинъ помирали» [1]). Такая медленсть въ поставленіи священниковъ въ праздные приходы, очевидно, была сьма благопріятна для распространенія раскола. Если архипастыри долго поставляли священниковъ, гдѣ было нужно: то туда приходили раскольническіе наставники и учители, или бѣдные раскольническіе по, — и совращали православныхъ. Съ другой стороны, были въ нѣторыхъ епархіяхъ такіе архипастыри, которые хотя и нелѣностно поавляли священниковъ, куда нужно было, но посвящали иногда уже шкомъ много, сверхъ потребности. Такъ наприм. «въ извѣстіи о Вятской епархіи» преосвящ. Платона Любарскаго читаемъ про 3-го тамошняго хіепископа Діонисія, что «какъ самъ онъ, кромѣ россійскія грамоты, нису не ученъ былъ, такъ и отъ епархіальныхъ своихъ учености и дальй въ чтеніи славяно-россійскихъ книгъ исправности не требовалъ; умѣщіе какъ-нибудь прочитать псалмы Давидовы, по его разсужденію, къ оизведенію на всѣ степени священства и въ другіе духовные чины были стойными; исполненія правилъ благочинія, воздержанія, трезвости въ дчиненныхъ взыскивалъ не строго, а трудолюбія и раченія въ пріумноеніи оныхъ по себѣ не оставилъ ни малѣйшихъ знаковъ» [1]). Отцы собора 67 года также жаловались, что епархіальные архіереи не рѣдко посвяли во священники безъ разбору людей всякаго рода: «бѣглыхъ изъ рабва, изъ крестьянства, безъ отпускныхъ и безъ свидѣтельствъ» [2]). «Преже архіерейское слушаніе ставленниковъ, говоритъ Посошковъ, вельми ми понравилось; понеже архіерейскіе служителіе у новоставленниковъ пріиютъ дары, и, принявъ дары, дадутъ ему затвердить по псалтири нѣкорые псалмы, и заложа дадутъ при архіереѣ тому ставленику прочести. рхіерей, видя твердо читающа псалтирь, возмнитъ яко-бы и во всякомъ еніи таковъ, благословитъ его въ пресвитерство [3]). Это опять тоже для ркви вредно было, а для раскола, напротивъ, благопріятно. Мало-способе, безграмотные и недостойные священники и діаконы сами легко соащались въ расколъ, да и другихъ за собою увлекали, а многіе, безмѣсте, какъ это мы увидимъ, часто потому одному принуждены были бѣть въ расколъ, что были безъ мѣста и не имѣли чѣмъ пропитываться. сторія свидѣтельствуетъ еще, что нѣкоторые архипастыри, вмѣсто того, обы все свое вниманіе обращать на благоустроеніе своихъ епархій, иногда ѣшивались въ дѣла гражданской власти, и въ то самое время, когда ихъ епархіяхъ сильно распространялся расколъ, заводили ссоры съ ажданскими лицами. Такъ напр. было въ нижегородской епархіи въ по-

---

[1]) П. С. З. т. X, № 7734.

[2]) Чт. М. Общ. Ист. и Др. Росс. гл. III, № 7, отд. IV, стр. 50. Любарскій же горитъ про вятскаго еписк. Александра, бывшаго, какъ извѣстно, нѣсколько времени расколѣ, что онъ „знаковъ никакихъ трудолюбія и никакихъ по своей должности Вятской епархіи учрежденій не оставилъ, и былъ мало ученъ славяно-россійской амотѣ, и ничему болѣе не ученъ“.

[3]) Дополн. къ Ак. Ист. стр. 490, V-го т.

[4]) Соч. Посошкова, стр. 18.

слѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка (около 1699 г.)[1]), т. е. въ то самое вре
когда здѣсь сильно распространялъ расколъ извѣстный расколоучит
здѣшняго края Онуфрій съ многочисленными учениками. Подобное об
ятельство случилось и въ нижегородской епархіи, при Петрѣ Велик
при архіеп. Ѳеодосіи[2]), и это было въ такое время, когда въ новгород
епархіи весьма сильно распространялась Ѳедосѣевщина. Такія собла
тельныя для народа ссоры и тяжбы епархіальныхъ архіереевъ съ гу
наторами въ XVIII в. случались, къ прискорбію, весьма часто. Вспомни
наконецъ, еще то, что до Петра Великаго епархіальные архіереи, каже
вовсе не представляли никакихъ отчетовъ о состояніи своихъ епархій
и послѣ того, какъ предписано было[3]) представлять эти отчеты, они
всегда представлялись исправно и благовременно[4]). Оттого внутре
состояніе многихъ епархій, поведеніе въ нихъ духовенства, нравствен
бытъ православныхъ—все это было весьма мало извѣстно. А для раск
какъ это было благопріятно! При неизвѣстности или малоизвѣстности
тренняго состоянія епархій, онъ, какъ червь, втайнѣ язвилъ и подтачи
православную паству русской церкви. И тѣмъ успѣшнѣе онъ распрос
нялся въ такихъ епархіяхъ, особенно въ дальнихъ уѣздахъ, гдѣ благо
ные-старосты поповскіе, десятскіе священники, или ихъ закащики
всегда также были добрые, благонамѣренные и благопопечительные; на
тивъ, почти всегда многое утаивали и не обращали надлежащаго вним
на состояніе своихъ благочиній или округовъ[5]). Архимандриты и игум
которымъ, по силѣ опредѣленія стоглаваго собора, также иногда пор
лось наблюденіе за приходскими церквами въ городахъ и селахъ, ч
не имѣли возможности смотрѣть за своими монастырями и вотчи
монастырскими, не только что за другими городскими и сельскими
ходами[6]). Притомъ, бывали случаи, что архимандриты, вмѣстѣ съ с
скими чиновниками-десятильниками архіерейскими, за взятки прикры
раскольниковъ. Такъ напр. когда донесли нѣкоторые православны
хулахъ томскаго расколоучителя Васьки Шапошникова архиманд

[1]) Ист. Росс. Іерарх. ч. 1, стр. 167.

[2]) П. С. З. VII, № 4717, стр. 473.

[3]) П. С. З. X, № 7450.

[4]) П. С. З. VI, № 3914.

[5]) О нерачительности благочинныхъ въ XVII в. свидѣтельствуетъ, напр., т
въ 1605 г. тіунъ патріаршій извѣщалъ п. Іова; „по государеву де и цареву и вел
князя Бориса Ѳедоровича всея Руси указу по соборному уложенію велѣно въ п
ской избѣ сидѣти старостамъ поповскимъ для церковнаго всякаго благочинія и по
и діаконовъ отъ всякаго безчинія унимати, а *старосты де и десятскіе поповс
избу не приходятъ и поповъ и діаконовъ отъ безчинства не унимаютъ*“ (Времен.
Общ. Ист. кн. XIV, смѣсь, стр. 24; Грамоты о учрежденіи поповскихъ старостъ и пе
благочин. въ Москвѣ). Тоже можно видѣть и изъ инструкціи старостамъ попов
или благочиннымъ смотрителямъ отъ п. московскаго Адріана. П. С. З. т. II, №
Неблагопопечительные благочинные тѣмъ чаще должны было встрѣчаться, что вы
ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предоставлялся самимъ священникамъ изъ среды
же самихъ, П. С. З., № 1612, стр. 35—49.

[6]) А. А. Э. III, № 331. IV, №№ 19, 37, 121, 161, 163—165, 225, 253, 281, 311,
326—328, 331, 335, А. И. VI, № 151, 178, 203; V, № 65, 171. 177, 244, стр. 112.

мошняго Алексѣевскаго монастыря Варлааму и десятильнику сибирскаго [м]итрополита, «нѣкоему мірянину»: то архимандритъ тотъ, говоритъ Игнатій [ми]тр. тобольскій, призвавъ расколоучителя и вопросивъ, обрѣтаетъ его [у]таившася въ ереси своей, якобы клеветная ему на ня возвѣщена быша, [и] моли его отпустити себе свободна, давъ ему нѣкій отъ сребреницъ пода[ро]къ: той же окоянный лжеархимандритъ, яко сребролюбецъ сый, вос[пр]іятъ подарованіе, и согласися съ подобнымъ себѣ десятильникомъ отпу[сти]въ его свободна, и возвѣстившимъ же на него пристрастиша, во еже [б]ы тому на него Ваську ничего же да повѣдаютъ: се же сотвориша мздо[им]анія ради [1]). Духовные фискалы, которые при Петрѣ Великомъ посы[ла]лись въ епархіи для изслѣдованія, нѣтъ ли гдѣ какихъ безпорядковъ, [та]кже, какъ сказано въ духовномъ регламентѣ, «дружа своимъ благодѣте[ля]мъ, или мзду емля, много утаивали [2]). Явно, что при такихъ благочин[ны]хъ расколъ весьма удобно могъ распространяться, легко могъ пользо[ва]ться утайкой и покровительствомъ.

Въ-третьихъ, въ церковно-іерархическомъ отношеніи весьма много [бл]агопріятствовали распространенію раскола—*малочисленность и обшир[нос]ть епархій, отсутствіе епископскихъ каѳедръ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ онѣ, [по] мѣстнымъ обстоятельствамъ, были совершенно необходимы* [3]). Расколъ [ос]обенно свободно и успѣшно распространялся въ самыхъ большихъ епар[хі]яхъ, которыя, по чрезмѣрной обширности своей, весьма неудобны были [дл]я епископскихъ обозрѣній. И преимущественнымъ поприщемъ его рас[пр]остраненія здѣсь были отдаленнѣйшіе, крайніе предѣлы, которые почти [со]вершенно лишены были епископскаго надзора, и въ которыхъ, по ихъ [об]ширности и отдаленности, слѣдовало быть особымъ епархіямъ. Такова [на]пр. была сибирская епархія и нѣкоторыя Великороссійскія. Царь Ѳеодоръ [Ал]ексѣевичъ объ этомъ такъ говорилъ собору 1681 года: «архіерейское [но]вь прибавленіе потребно и нужно, для того, что сибирская страна про[ст]ранна и въ ней множество народа Христа незнающаго, такожде и иные [гр]ады отъ архіерейскаго пребыванія имѣютъ дальнее разстояніе, и именно [въ] сибирстѣй странѣ отъ столичнаго града той епархіи до Даурскихъ и [Н]ерчинскихъ и Албазинскихъ остроговъ и до иныхъ тѣмъ же подобныхъ [мѣ]стъ во едино лѣто, и въ полтора, и въ два едва преходятъ, и въ тѣхъ [да]льнихъ мѣстахъ христіанская вѣра не расширяется, развратники же [св]ятыя церкви тамъ умножаются [4]), да не токмо въ такой дальней и про-

---

[1]) См. 3-е посл. Игн. въ Прав. Собесѣд. 1855 г. кн. 2, стр. 131, 132.

[2]) Полн. Собр. Зак. Дух. регл. ч. II. п. 17.

[3]) При вступленіи Никона на патріар. престолъ, въ Великороссійской церкви, [кр]омѣ патріаршей области, считалось только 15 епархій, въ коихъ было 4 митропо[ли]та, 9 архіепископовъ, 2 епископа. Въ 1656 г. учреждена была еще вятская епархія. [И]ст. Росс. Іер. ч. 1, стр. 33. Послѣ 1700 г. было 23 епархіи.

[4]) Предѣлы тобольской епархіи въ XVII в. и въ началѣ XVIII столѣтія прости[ра]лись: на сѣверѣ до Ледовитаго моря, на востокѣ до Восточнаго океана, на югѣ до [зе]мель подвластныхъ китайскому императору, т. е. до Дауріи и Киргиз-кайсацкихъ [ст]епей, а на западѣ до Урала, и далѣе его, внутрь европейской Россіи, или до крѣ[по]стей Бисерской и Ачинской, словомъ: тобольская епархія тогда простиралась на

странной странѣ, но и въ иныхъ многихъ градѣхъ, именно въ Путив
въ Сѣвскѣ, въ Галичѣ, въ Костромѣ, и въ иныхъ многихъ мѣстѣхъ
тивники умножилися, за неимѣніемъ себѣ возбраненія, за разстоян
дальнимъ, понеже въ епархіяхъ градъ отъ града и мѣсто отъ мѣста им
разстоянія не малая» [1]). Города Путивль, Сѣвскъ, Галичъ, Костро
Нижній-Новгородъ принадлежали къ московской патріаршей епархіи.
епархія, послѣ сибирской, была самая обширная: она заключала въ
въ началѣ распространенія раскола нынѣшнія епархіи— московскую (ис
чая коломенской области), костромскую, вятскую, нижегородскую, кур
и орловскую, нѣкоторые приходы и цѣлые уѣзды въ епархіяхъ—а
гельской, владимірской, новгородской и тамбовской [2]). По описи 1702
въ патіаршей епархіи считалось 3750 церквей. Очевидно, что одному п
арху весьма трудно было усмотрѣть за всѣмъ въ такой обширной еп
тѣмъ болѣе, что онъ, въ то же время, занятъ былъ дѣлами всей рус
церкви и управленіемъ монастырями своей патріаршей епархіи, и м
численными записными домовыми монастырями, разсѣянными по разн
епархіямъ, но изъятыми изъ вѣдомства и управленія мѣстныхъ епарх
ныхъ архіереевъ. И потому неудивительно, если въ московской еп
расколъ весьма сильно распространялся и особенно въ дальнихъ ея
дѣлахъ, владимірскихъ, нижегородскихъ, мезенскихъ, холмогорских
архангельскихъ. Причиною сильнаго распространенія раскола въ ниж
родскомъ краю, въ настольной грамотѣ, данной въ 1672 году пер
митрополиту нижегородскому Филарету, прямо признается отсутстві
этой странѣ епископской каѳедры, епископскаго надзора. Такъ читаем
этой грамотѣ: «таковые прелестники развратники умножались наипач
великомъ княженіи низовскія земли, въ преименитомъ и начальнѣйш
тоя страны градѣ, именуемомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, съ окрестным
грады и весьми. *Не сущу бо тамо пастырю*, оскудѣша овцы отъ
сущія тамо, неимущія скотопажитнаго пропитанія, сирѣчь духовныя п
проповѣди слова Божія, въ насыщеніе душъ христіанскаго народа. Окр
же непрестанно навѣтующимъ злохищнымъ волкомъ и расторг
стадо Христово велетщательно подвизающимся. Убо избранное стадо
весныхъ овецъ начало малитися, волки же злохищныя умножилис
Послѣ патріаршей, московской епархіи весьма обширная епархія была
городская: она до 1682 года обнимала, безъ малаго, нынѣшнія епар
с.-петербургскую, олонецкую, архангельскую, нѣкоторые уѣзды и при
изъ вологодской и другихъ сѣверо-восточныхъ епархій. По описи 1702

пространствѣ слишкомъ 300,000 кв. миль, на пространствѣ нынѣшнихъ 6 еп
тобольской, иркутской, томской, значительной части камчатской, оренбургской и
ской (Врем. Моск. Общ. Ист. кн. XX., статья священника Сулоцкаго; „Филоее
щинскій, митрополитъ тобольскій и сибирскій").

[1]) А. И. т. V, № 75, стр. 109, 110.

[2]) Снѣгиревъ. Пам. Моск. Древн. стр. 197, 198. П. С. З. 1. № 201. Здѣсь под
исчислены десятины, волости и города, входящіе въ составъ патріарш. епарх
1626 по 1656 г.

[3]) Древн. Росс. Вивліоѳ. ч. XVIII, стр. 111—113.

ней считалось 1017 церквей [1]). Слѣдовательно, опять очень естественно, что и въ новгородской епархіи расколъ нашелъ для себя большой просторъ. Не удивительно, что олонецкіе и бѣломорскіе предѣлы, вообще все поморье, вся обонежская пятина, до 1682 г. почти совершенно лишенные епископскаго надзора, сдѣлались главнымъ и самымъ сильнымъ гнѣздомъ безпоповщины. Точно также было отчасти и въ епархіяхъ казанской и астраханской, которыя обнимали тогда всю южную, заволжскую страну Россіи [2]). Монастыри и пустыни казанской епархіи въ XVII и 1-й половинѣ XVIII вѣка, находились не только въ отдаленныхъ предѣлахъ казанской епархіи, но и въ предѣлахъ нынѣшней вятской епархіи: въ Елабугѣ, Сарапулѣ, Уржумѣ, въ Кукарской Слободѣ, въ Яранскѣ, въ Царевосанчурскѣ; въ предѣлахъ нынѣшней пермской губерніи—въ г. Осѣ, въ предѣлахъ костромской губерніи—въ гор. Варнавинѣ; въ Нижнемъ-Новгородѣ, Василь-городѣ, въ Самарѣ, въ предѣлахъ нынѣшней симбирской губерніи—въ Сызрани и Каширѣ. Отдаленнѣйшіе изъ этихъ монастырей и пустыней, не подлежавшіе вѣдомству мѣстныхъ архипастырей, оставались почти безъ всякаго надзора: иноки жили, какъ хотѣли, и бродили, куда хотѣли и нерѣдко обращались въ расколоучителей. Кромѣ обширности епархій, весьма важное неудобство въ управленіи ими заключалось еще въ томъ, что часто предѣлы ихъ были весьма перепутаны: не было точной писцовой разграниченности [3]). Отсюда нерѣдко возникали между архіереями споры изъ-за предѣловъ епархій и вмѣшательства одного архіерея въ епархію другаго. А духовенство пользовалось этими случаями и не хотѣло повиноваться ни тому, ни другому изъ спорящихъ архіереевъ; даже въ это время обнаруживало духъ вольности и стремленія къ совершенному освобожденію отъ суда, расправы и пошлинъ архіерейскихъ. Такъ напр. въ 1622 г., когда шли споры за границы епархій новгородскаго и вологодскаго архіереевъ, именно изъ-за уѣздовъ Двины, Каргополя, Холмогоръ, Турчасова, Ваги, которыя изстари принадлежали новгородской архіепископіи,—м. новгородскій Макарій жаловался въ челобитной къ царю Михаилу Ѳедоровичу, что «тѣ де колмогорскіе и важскіе и каргопольскіе, и тѣхъ городовъ въ уѣздѣхъ, по монастырямъ архимандриты и игумены, а по мирскимъ храмамъ попы и діаконы и церковные причетники, и земскіе люди, его (митрополита) и его приказныхъ людей и десятильниковъ ни въ чемъ не слушаютъ и во всякихъ духовныхъ дѣлахъ подъ судъ не даются и ставятся сильны, и духовныхъ дѣлъ судными и всякими пошлинами тѣ архимандриты и игумены и попы владѣютъ и корыстуются сами межь себя, а въ софѣйскую казну всякихъ нашихъ пошлинъ не платятъ [4]).

[1]) По чрезмѣрной обширности этой епархіи, въ ней въ 1681 г. предполагалось дать митрополиту новгородскому 5 епископовъ, каѳедры которыхъ долженствовали быть: въ Великихъ Лукахъ, въ Городцѣ, въ Холмогорахъ, на Олонцѣ и на Вагѣ. П. С. З. т. II, стр. 363.

[2]) Казанская епархія заключала въ себѣ нынѣшнія епархіи казанскую, симбирскую и уфимскую: астраханская—астраханскую и саратовскую. П. С. З. II, стр. 363.

[3]) См. напр. А. А. Э. т. IV, № 204, стр. 263. А. И. т. V, 243, 225.

[4]) А. Э. т. III, стр. 171.

Точно также въ 1675 году, по неопредѣленности, по неразграничен
предѣловъ рязанской и коломенской епархіи, архіереи этихъ епархій
рили между собою о новопостроенномъ городѣ Богородицкѣ въ епи
скомъ уѣздѣ, и священники этого города не подчинялись рязан
митрополиту, хотя епифанскій уѣздъ причисленъ былъ къ рязан
епархіи [1]). Вообще надобно замѣтить, что недостатокъ епархій и епис
скаго надзора, а также споры за границы епархій, дававшіе просторъ
ности духовенства, столько благопріятствовали распространенію рас
что церковное и гражданское правительство наше во 2-й половинѣ XVII
лѣтія весьма заботилось, по возможности, устранить то и другое, ч
воспрепятствовать распространенію раскола. На этомъ основаніи, им
съ цѣлію воспрепятствовать распространенію раскола, отцы собора 16
назначили епископовъ для Холмогоръ, Томска, Енисейска, Устюга,
нежа, Тамбова, Углича, Каргополя, Бѣлоозера, Дмитрова, Ржева [2]). По
въ 1681 г. царь Θедоръ Алексѣевичъ и патріархъ Іоакимъ предла
ввести степени между пастырями, съ тѣмъ, чтобы въ вѣдѣніи 13 ми
политовъ было 25 архіепископовъ и епископовъ, именно 6 архіеписко
и 19 епископовъ [3]). Но къ сожалѣнію, въ оба раза затрудненія въ содерж
каθедръ были причиною того, что новыхъ епархій было открыто го
менѣе, чѣмъ признавали нужнымъ [4]). И потому многія мѣста, гдѣ не
каθедръ епископскихъ, и куда почти вовсе не простирался епископ
надзоръ, по-прежнему оставались поприщемъ безпрепятственнымъ и
сторнымъ для распространенія раскола. Такимъ образомъ расколъ своб
и безпрепятственно распространялся «за неимѣніемъ возбраненія себѣ»,
за отсутствіемъ епископскаго надзора: въ нижегородскихъ предѣлахъ
1672 года, въ холмогорскомъ, важскомъ, устюжскомъ и тотемскомъ, т
въ тамбовскомъ и воронежскомъ краю до 1682 года, во владимірском
1742 года, въ Галичѣ и Костромѣ до 1745 г., въ словенскихъ и хе
скихъ предѣлахъ до 1775 г., въ саратовскомъ краю до 1799 года [5]).

Къ сожалѣнію, и тѣ епархіи, какія существовали во 2-й поло
XVII и 1-й половинѣ XVIII столѣтія, во время распространенія рас
нерѣдко оставались безъ архипастырей, «вдовствовали». Это вдов
иногда продолжалось довольно долгое время и также было благопрі
для распространенія раскола. Здѣсь опять съ сожалѣніемъ должно в
мнить печальную участь п. Никона и послѣдовавшее за нею 8-лѣтнее в
ство русской церкви. «Яко оставленіемъ престола сотвори церковь свя
вдовствовати 8 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ», какъ сказано въ извѣстномъ уже
объявленіи о винахъ Никона: «въ неже между-патріаршества время

---

[1]) А. Ряз. края стр. 105.

[2]) П. Соб. Зак. т. I, № 412, 707 и 708.

[3]) П. С. З. т. II, № 898.

[4]) Только соборнымъ опредѣленіемъ 1675 г. опредѣлены были нѣсколько то
границы епархій новгородской, ростовской, коломенской и рязанской, также в
щено было вмѣшательство одного архіерея въ дѣла епархіи другого архіерея, и
писано было владѣть церквами и приходами по писцовымъ книгамъ.

[5]) Истор. Росс. Іерар. ч. I. стр. 22—25 и др.

шася его ради мнози, и явишася раскольницы и мятежницы право-авно-россійскія церкве, лестными ученми своими многихъ души людей губившіи» [1]). Во время 8-лѣтняго вдовства церкви русской, по удаленіи икона, расколъ тѣмъ успѣшнѣе распространялся, что въ это время церковное и гражданское правительство занято было дѣломъ Никона, дѣлами патріаршими, скажемъ словами преосв. Филарета, «самовольно ялся управлять неспособный ими м. крутицкій Питиримъ» [2]). Потомъ, гда расколъ распространялся по разнымъ епархіямъ, успѣхъ его здѣсь кже нерѣдко зависѣлъ отъ того, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, во время о распространенія, не было архипастырей, и потому не кому было престеречь православныхъ отъ раскола. Такъ въ корельской епархіи, учрежнной въ 1593 г., по смерти перваго епископа Сильвестра, не было прениковъ болѣе полстолѣтія, т. е. съ 1616 по 1685 годъ. Въ вологодской архіи, во время самаго сильнаго, первоначальнаго распространенія раска, не было архипастыря въ продолженіе 9 лѣтъ, именно съ 1656 г., гда скончался здѣшній архіепископъ Маркеллъ, и до 1665 года [3]). Въ же самое время, когда открылся расколъ въ епархіи рязанской и муской, откуда произошелъ и куда за расколъ сосланъ былъ Никономъ вѣстный расколоучитель протоп. Логгинъ, не было архипастыря въ прожженіе 2 лѣтъ, по убіеніи тамошняго архіепископа Мисаила въ Мордвѣ проповѣдь Евангелія. Не напрасно п. Никонъ, по этому случаю, сильно асался, чтобы православные тамошніе не заблудились и не повредились шевно. «Нынѣ же святѣйшая архіепископія, писалъ онъ въ настольной амотѣ м. Иларіону, законнаго лишается пастыря и архіерея. Не мало о попеченіе имъ смиреніе наше обрѣсти тояжде предстательство и парскій священный чинъ воспріяти хотящаго безъ предстателя пребыти церковнымъ ея службамъ нерадивѣ и всуе носитися и тамошнимъ господомъ христоименитымъ людямъ душевно вредитися» [4]). Епархія арханльская и холмогорская, въ предѣлахъ которой расколъ успѣлъ пустить убокіе корни еще тогда, когда здѣсь не было вовсе архипастырской кадры, въ 1702 г. лишилась своего перваго архіепископа Аѳанасія, извѣстго поборника православія, и послѣ того оставалась безъ архипастыря 1705 года [5]); а въ это время, надобно замѣтить, расколъ здѣсь со дня день возрасталъ и вообще такъ быстро и сильно размножился въ сѣрномъ поморьѣ, что въ слѣдующемъ, 1706 году, возникла тамъ еще но, опаснѣйшая секта—Ѳедосѣевщина и быстро распространялась по всему веру [6]). Въ астраханской епархіи въ 1655 году архіеп. Пахомій сконлся въ моровое повѣтріе, а новый архіеп. Іосифъ поставленъ былъ уже 1663 г., т. е. чрезъ 8 лѣтъ [7]); между тѣмъ въ это время раскольники

[1]) Древн. Росс. Вивліоѳ. ч. III, стр. 404.
[2]) Ист. Русс. Цер. преосв. Филар. (о Никонѣ прим. 86).
[3]) Ист. Росс. Іерархіи ч. 1, стр. 186.
[4]) Грам. рязан. края, стр. 81.
[5]) Ист. Росс. Іерарх. ч. 1, стр. 193.
[6]) Полн. Истор. извѣст. о раскол. ч. 1.
[7]) Ист. Росс. Іерарх. 1, стр. 105.

проникли и сюда, и скоро до такой степени усилились въ астраханск
краю, что въ 1671 г., вмѣшавшись въ шайку буйныхъ мятежниковъ-к
ковъ, также большею частію раскольниковъ, произвели кровопроли
мятежъ въ Астрахани и умертвили самаго архіеп. Іосифа [1]). Въ новго
ской епархіи, послѣ 19-лѣтняго епископствованія здѣсь просвѣщенна
благопопечительнаго архипастыря Іова, скончавшагося въ 1716 году
было архипастыря въ продолженіи 5 лѣтъ, до 1721 года; между тѣмъ
тели секты Ѳедосѣевской въ это время непрестанно ходили по город
и селамъ съ проповѣдью ученія Ѳедосѣева. Въ 1721 г. на Новгородс
каѳедру поступилъ архіеп. Ѳеодосій Яновскій, но чрезъ 4 года этотъ
епископъ лишенъ былъ сана и посланъ въ заточеніе въ никольскій
рельскій архангельскій монастырь, въ то самое время, когда весьма си
распространялась въ новгородской епархіи Ѳедосѣевщина. На его м
поступилъ знаменитый Ѳеофанъ Прокоповичъ и управлялъ новгородс
паствою 10-ть лѣтъ, но послѣ его смерти (въ 1736 г.) въ Новгородѣ о
цѣлые 4 года не было мѣстнаго архіерея [2]). Такимъ образомъ, въ то вр
какъ преемственный рядъ православныхъ архипастырей въ новгородс
епархіи неоднократно пресѣкался въ началѣ XVIII столѣтія, и иногда
вольно на долгое время, Ѳедосѣевщина и другіе толки безпоповщины з
непрестанно продолжали умножаться и распространяться. Въ воронежс
и елецкой епархіи, по смерти архіеп. Арсенія въ 1712 г. Іюля 8 дня,
вый архипастырь, м. Пахомій прибылъ уже въ 1714 г. Апрѣля 25 дн
когда этотъ скончался въ 1723 г. Сентября 23, новый прибылъ о
чрезъ два года, въ 1725 г. Октября 31; между тѣмъ и въ этой епа
расколъ также очень сильно распространялся, особенно между казак
Елецкими [3]). Въ Сибири, въ то самое время, какъ сосланъ былъ туда
всѣмъ своимъ семействомъ главный расколоучитель Аввакумъ и раз
валъ тамъ плевелы раскола съ 1656—1662 г., архіеп. тобольскій Симе
въ 1658 г., неизвѣстно за что, былъ подъ запрещеніемъ цѣлый годъ, и н
лѣно было ему служить даже литургіи [4]). Потомъ, въ началѣ XVIII стол
когда въ Сибири расколъ чрезвычайно сильно распространялся, не см
даже на сильное противодѣйствіе архипастырей послѣ кончины м. И
тія, сочинителя 3 посланій противъ раскольниковъ, въ Тобольскѣ архі
не было болѣе 2 лѣтъ [5]). Вообще надо замѣтить, что въ то время, к
въ церкви русской особенно сильно распространялся расколъ, на б
многія епархіи нерѣдко довольно долгое время оставались безъ пасты

---

[1]) Собр. госуд. грам. и указ. ч. IV.

[2]) Ист. Росс. Іерарх. 1, 8 П. С. З. VII, 4717, стр. 473.

[3]) Опис. жизн. и подвиг. Тихона, еп. ворон. и елецк. стр. 5, изд. 7. 1843.

[4]) Матеріалы для исторіи христіанскаго просвѣщенія Сибири: Ж. М. Н. П
1854 г., Февраль, стр. 30.

[5]) Тамъ же, Мартъ, стр. 40. Между тѣмъ, по причинѣ даже такого недол
меннаго отсутствія архипастыря, возникли здѣсь большіе безпорядки. М. Фил
Лещинскій, вскорѣ по прибытіи въ Сибирь (въ 1702 г.), писалъ къ Петру I въ
битной: „пришедъ въ сибирскія страны, въ церквахъ Божіихъ усмотрялъ я вел
нестроеніе. (Врем. М. Общ. Ис. кн. XX. Филоѳ. о Лещин.).

ли имѣли такихъ, которые по дряхлости своей уже почти неспособны были управлять епархіями. «Во многихъ епархіяхъ, доносилъ государю Петру I Ноября 20 д. 1718 г., м. рязанскій Стефанъ, архіереевъ нѣтъ: въ кіевской, въ новгородской, въ тобольской, въ смоленской, въ коломенской, престарѣлые на Устюжнѣ, на Вяткѣ, и отъ вдовствующихъ епархій присылаютъ ко мнѣ всякія дѣла съ великою трудностію, дальняго ради разстоянія и стужаютъ мнѣ, прося о рѣшеніи дѣлъ, и я на тѣхъ дѣлахъ пометчаю: ждать своего архіерея, и нынѣ у нихъ премногое множество накопилося дѣлъ, и ставленниковъ и нестроеній церковныхъ много, и безъ архіереевъ пробыть у нихъ не возможно»[1]). Если такимъ образомъ въ праздныхъ епархіяхъ, за небытіемъ архипастырей, возникла во множествѣ всякаго рода безпорядки: то очень естественно если и расколъ, этотъ главный безпорядокъ русской церкви въ то время, находилъ для себя во время совершеннаго отсутствія епископскаго надзора особенно безпрепятственный пріютъ и просторъ: ибо расколоучителямъ легко было расхищать овецъ православнаго церковнаго стада, гдѣ не было пастырей. Какъ легко и удобно было расколоучителямъ распространять расколъ въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ не было главныхъ пастырей—блюстителей единовѣрія, это можно видѣть уже изъ того опасенія, какое высказывали въ это время патріархи въ настольныхъ грамотахъ, которыя давали новымъ архіереямъ, поступавшимъ на праздныя каѳедры. Такъ напр. въ настольной грамотѣ, данной п. Адріаномъ м. Стефану Яворскому, при поступленіи его на каѳедру рязанскую и муромскую, читаемъ: «сущая тамо церковь остася вдовственна, не имѣющи свойственнаго пастыря, и людъ насущій тамо руководительства никоего же стяжеваетъ. О семъ мѣрность наша презельнѣ потчавшися, да не похитится оная паства коимъ злаго плевосѣятельства вредомъ и пороку блазненну подпадетъ кромѣ пастыря»[2]).

Еще болѣе благопріятствовала распространенію раскола *малочисленность храмовъ*. По описи 1702 г. всѣхъ храмовъ въ Великороссійской церкви

---

[1]) П. С. З. т. V, № 3239 2, 5. Кромѣ того, при Петрѣ В. архіереи нерѣдко должны были отлучаться изъ своихъ епархій и пріѣзжать по очередно въ Петербургъ, а нѣкоторые и долго проживали въ столицѣ, управляя отсюда дѣлами своей епархіи. Понимая, какъ это неудобно и даже вредно для порядка церковнаго, м. рязанскій Стефанъ такъ доносилъ объ этомъ Петру I: „буде здѣсь въ С. Петербургѣ жить вовсе, и какихъ дѣлъ быть, какъ епархію рязанскую въ толикомъ разстояніи управлять, какъ запасы изъ такой дальности возить, кому епархію патріаршую и церковь соборную и духовныя дѣла вѣдать, кому ставленниковъ обѣихъ епархій ставить, кому школьные порядки вручить“.

[2]) Грам. ряз. края, стр. 162. Какъ скоро и сильно вкрадывались безпорядки, когда не было въ церкви верховныхъ пастырей—блюстителей порядка, доказательствомъ этого служатъ также слова изъ письма ц. Алекс. Михайловича къ Никону, послѣ смерти Іосифа: „Мати наша, соборная и апостольская церкви, вдовствуетъ, зѣло слезно и вельми сѣтуетъ по женихѣ своемъ, и какъ въ нее войти и посмотрѣть, и она, мати наша, какъ есть пустынная голубица пребываетъ, не имущи подружія: такъ жё и она, не имый жениха своего, печалуетъ; и все перемѣнилось не токмо въ церквахъ, но и во всемъ государствѣ, духовнымъ дѣламъ зѣлс разсужденія нѣтъ, и худо безъ пастыря дѣтемъ жить“. Аполлос. стр. 119.

считалось 12,076, а по вѣдомости 1739 г. 16,000 [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что этого числа церквей было бы вполнѣ достаточно для русской церкви во 2-й половинѣ XVII вѣка, когда всего русскаго народонаселенія было не болѣе 11,000,000, и въ первой половинѣ XVIII столѣтія, когда народонаселеніе возрасло до 15,000,000 [2]), если бы только это число храмовъ распредѣлено было правильно, сообразно съ мѣстными нуждами и обстоятельствами русской церкви. Потому что даже въ настоящее время, когда православнаго народонаселенія въ Россіи болѣе 48,539,510,—церковь русская, кажется, довольствуется 35,838 храмами [3]). Но, къ сожалѣнію, въ прежнее время, когда въ Россіи распространялся расколъ, приходы по епархіямъ большею частію такъ неудобно были распредѣлены, что во многихъ мѣстахъ церквей или вовсе не было, или было крайне недостаточно, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ ихъ было слишкомъ много, такъ что правительство находило нужнымъ ограничивать построеніе новыхъ храмовъ. Недостатокъ храмовъ преимущественно замѣтенъ, опять, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ особенно сильно распространялся расколъ. Такъ, въ поморскомъ краѣ, въ олонецкомъ уѣздѣ, гдѣ, какъ извѣстно, особенно сильно распространялась безпоповщина, и гдѣ утвердилось первое гнѣздо ея—выгорѣцкій скитъ, по писцовымъ книгамъ конца XVI столѣтія, было около 35 приходовъ [4]). Между тѣмъ этотъ уѣздъ обнималъ кругомъ около 5895 верстъ [5]), по 1473 версты въ каждую сторону. Слѣдовательно, на каждый приходъ приходилось среднимъ числомъ больше 672 кв. верстъ, по 168 верстъ съ лишнимъ въ каждую сторону. Очевидно, что православнымъ, жившимъ отъ своихъ приходовъ за 168 верстъ, пріѣзжать въ церковь было неудобно, а приходить совершенно невозможно. Если число посадскихъ и уѣздныхъ олонецкихъ дворовъ 9984, показанное въ выпискѣ изъ окладной книги 1681 г. полное, что, впрочемъ, не вполнѣ вѣроятно [6]), то и въ этомъ количествѣ дворовъ въ олонецкомъ уѣздѣ приходилось среднимъ числомъ на 285 дворовъ, или на 1120 (если положить среднимъ числомъ по 4 души въ каждомъ дворѣ), по 1 церкви. Конечно, одной церкви на 285 дворовъ или для 1120 душъ, можетъ быть, и достаточно. Но надобно замѣтить,

---

1) П. С. З. т. X. № 7734.

2) Голиков. Дѣян. Петра В. т. XII, стр. 661.

3) Отчетъ оберъ-прок. св. синода за 1853 годъ.

4) Неволинъ „О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ" Прилож. VI: книга обонежскія пятины, за-онежскія половины, письма Ондрея Васил. Плещеева и подъячаго Семейки Кузьмина, 7091 (1501—1583 г.). Въ XVII стол. едва ли увеличилось это число храмовъ въ олонецкомъ уѣздѣ, послѣ частыхъ и опустошительныхъ нападеній на этотъ край поляковъ и шведовъ.

5) Полагая среднимъ числомъ на каждый погостъ заонежск. пятины, по расчисленію Неволина, по $1310^{37}/_{81}$ кв. верстъ. А всѣхъ погостовъ въ олонецк. уѣздѣ, по росписанію 1649 г. считалось 18. Слѣд. на всѣ 18 погост. приходилось около 23, 680 кв. верстъ.

6) А. А. Э. т. IV. № 250, стр. 347. Здѣсь означено, кажется, только число окладныхъ дворовъ, съ поторыхъ слѣдовали данныя и оброчныя и полоняничныя деньги. Кромѣ того, надобно и то замѣтить, что писцы часто скрывали, не записывали нѣкоторыхъ дворовъ, какъ это мы увидимъ далѣе.

то тогда деревни въ сѣверномъ поморьи, вообще, большею частію были большія, состояли изъ 1, 2, рѣдко 10 дворовъ, и разбросаны были по рестностямъ погоста, или главнаго селенія, гдѣ находилась приходская рковь, иногда на весьма большое пространство [1]), а къ погостскому приду иногда причислялось 100, 150, даже 200 и болѣе деревень [2]). Кромѣ го, сообщенія съ главнымъ селеніемъ или погостомъ, гдѣ была церковь, олонецкомъ краю для многихъ деревень, какъ и вообще во всемъ морьи, были крайне неудобныя, по лѣсистости и болотистости тѣхъ стъ. «Дороги съ Олонца во всѣ погосты, пѣшія и конныя, какъ сказано, воеводской отпискѣ 1649 г., зашли мхи, и озера и перевозы чрезъ озера огія, а тѣлежныхъ дорогъ нѣтъ [3]). Точно также, игуменъ соловецкій карій писалъ около 1629 года митроп. новгородскому Кипріану: «что вутъ на ихъ монастырской землѣ на рѣкѣ на Выгѣ надъ порогомъ ецкимъ ихъ (соловецкаго) монастыря крестьяне, а то мѣсто пришло устѣ, отъ иныхъ монастырскихъ волостей, въ которыхъ церкви Божіи есть, удалѣло верстъ по 70 и по 80 и больши; а мѣста пришли непроходимыя мою и лѣтомъ, дороги и проѣзду никогда не живетъ, и многіе крестьяне въ лѣсти безъ покаянія, и младенцы безъ крещенія помирали, и неотпѣвъ, гребали, потому что вскорѣ священниковъ для бездорожицы добыть мочно» [4]). Въ нѣкоторыхъ погостахъ, напр. въ пудожскомъ, были «лѣса проходимые» [5]). Слѣдоват. изъ нѣкоторыхъ дальнихъ селъ не только иходить пѣшкомъ, но и пріѣзжать въ тѣ погосты, гдѣ были приходскія ркви, было неудобно. Потому весьма могло быть, что многіе православые въ олонецкой области весьма долго, а нѣкоторые, можетъ быть, даже никогда не бывали въ храмахъ. Между тѣмъ, когда въ олонецкихъ лѣхъ, вблизи тѣхъ православныхъ селъ, которыя далеко находились отъ оихъ приходскихъ церквей, появились раскольническіе монастыри и чавни,—православные этихъ селъ, за неимѣніемъ или отдаленностію своъ православныхъ храмовъ стали входить въ общеніе съ раскольничеими монастырями и часовнями, и такимъ образомъ чрезвычайно легко ли совращаемы въ расколъ; другіе же, долго не бывая въ церквахъ, до

---

[1]) Неволина—О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ. И вообще на сѣверѣ Россіи селенность деревень была самая малая. Такъ напр. въ 3-хъ уѣздахъ Вотской пятины—дожскомъ, Орѣховскомъ и Корельскомъ изъ 2710 деревень въ 1419 деревняхъ было 1 двору, а отъ 10 до 30 дворовъ въ 58 деревняхъ, отъ 30 же, до 45 дворовъ только 4-хъ селахъ, и наконецъ—только въ двухъ селахъ свыше 50 дворовъ. Окладн. вгород. книга въ 11 и 12 кн. Времен. за 1852 г.

[2]) Напр. по писцовымъ книгамъ 7091 г. въ воскресенскомъ важскомъ погостѣ он. уѣзда было 202 деревни живущихъ, да 28 пустыхъ, а въ рождественскомъ гостѣ на Олонцѣ 2 сельца, да 354 деревни живущихъ, да 22 деревни пустыхъ, въ горскомъ погостѣ того же уѣзда 160 дер. и проч. А церкви, кромѣ главной погостой, находились въ рѣдкихъ селахъ.

[3]) Дополн. къ Акт. Ист. т. III, № 64, стр. 230. Неволинъ „О пятинахъ и погостахъ вгород." Прилож. VI стр. 154.

[4]) Сборн. архіер. грам. Сол. монаст. ркп. Сол. библ. подъ № 20, 40.

[5]) А. И. т. V, стр. 256.

того охладѣвали къ церкви и православной вѣрѣ, что сами охотно
нимали расколъ [1]). Нѣкоторые погосты, или церковные приходы обшир

---

[1]) Въ главномъ олонецкомъ погостѣ, рождественскомъ, до 1649 г. не видно,
была церковь; по крайней мѣрѣ, въ писцовой книгѣ 1582—1583 г., здѣсь
государевой отчинѣ, заключавшей въ себѣ до 156 деревень живущихъ, озна
пустыя мѣста церковныя и сказано, что церкви пожжены нѣмцами. Неволи
О пятин. и погост. новгор. Прилож. VI, стр. 154: „погостъ рождественскій на Ол
на усть р. Олонца и на уст. р. Инемы. А на погостѣ отъ острова вверхъ р. по Ол
и по р. Инемѣ на правой сторонѣ на матеромъ берегу мѣсто церковное, что
церковь теплая Рождество Пречистые; да на острову м. церковное, что была цер
теплая Николы чудотворца А церкви пожгли нѣмецкіе люди въ 87 году". Въ 1649
(въ этомъ же году на Олонцѣ построенъ былъ городъ) былъ здѣсь одинъ пр
при 2-хъ церквахъ, изъ коихъ одна Троицкая деревянная, клѣтцки, съ 2 предѣ
сооружена была въ 1649 г. въ самомъ городѣ Олонцѣ, другая,—во имя Одигитр. П
Богородицы, находилась ниже города, усть рѣчки Мегречи, на островкѣ, въ 20
женяхъ отъ города. (Доп. къ Акт. Ист. т. III, № 64, стр. 228 и 230). Приходъ
какъ видно изъ отписки воеводы князя Ѳедора Волконскаго, заключалъ въ себѣ
близости, до 800 дворовъ, (Доп. къ А. И. III, № 64, стр. 230) въ которыхъ было,
не до 3,200 душъ, полагая по 4 души на дворъ, то по крайней мѣрѣ никак
менѣе 2,400 душъ, если положить, по меньшей мѣрѣ, по 3 души на дворъ. Им
солдаты и крестьяне олонецкаго погоста отъ гор. Олонца „сидѣли розными
кими деревнями", въ двѣ стороны на протяженіи 15 верстъ, а прочіи стороны
3 до 7 верстъ. (Доп. къ А. И. т. III, стр. 230). Это были ближніе прихожане олоне
погостской церкви. Но кромѣ этого, за олонецкимъ погостомъ числились еще
нецкаго погоста выставки", въ которыхъ невидно, чтобы были особыя церкви. А
выставки, по отпискѣ воеводы кн. Волконскаго, „отъ города такъ удалѣли, ч
случаѣ повѣстки въ осадное время поспѣетъ ли кто въ городъ, или нѣтъ, того
дать было немочно". Слѣд. онѣ находились отъ олонецкой приходской церк
близко. Эти выставки „Алонецкаго погоста сидѣли по разнымъ мелкимъ озерам
города въ верстахъ 70 и болѣе". (Доп. къ А. И. т. III, стр. 230, 231). По писцовой
1582—1583 г. въ рождественскомъ погостѣ на Олонцѣ, въ отчинѣ государевой,
тогда не было ни одной церкви, было 156 деревень живущихъ, а съ вотчиной
дыки новгородскаго, гдѣ было, кажется, 2 церкви, считалось 2 сельца, да 354 дер
живущихъ (О пят. и погост. новгор. прилож. VI, стр. 154). Изъ всѣхъ этихъ пока
и соображеній можно заключить, что и въ самомъ олонецкомъ погостѣ не всѣ
вославные могли съ полною удобностію и легкостію посѣщать храмы; потому чт
которые изъ нихъ, особенно жители тѣхъ выставокъ, въ которыхъ не было св
особыхъ церквей, жили очень далеко отъ церквей олонецкаго погоста, къ кот
они были причислены. А потому неудивительно, если и въ Олонецкомъ рождес
скомъ погостѣ нѣкоторые православные, живя вдали отъ своихъ погостскихъ це
и не исполняя необходимыхъ христіанскихъ требъ, мало по малу до того охладѣ
церкви, что, по внушенію расколоучителей, отверглись отъ нея и уклонялись в
сколъ. Другой погостъ въ олонецкомъ уѣздѣ, Пудожской, во время происходив
въ немъ во 2-й половинѣ XVII столѣтія мятежей раскольническихъ, тоже был
однимъ приходомъ, при 2 церквахъ, какъ видно изъ дѣла о Пудожскихъ раско
кахъ (А. И. V, № 223). Между тѣмъ въ этомъ погостѣ, по крайней мѣрѣ по п
вымъ книгамъ конца XVI столѣтія, считалось до 145 деревень живущихъ (О п
погост. новгор. Прилож. VI, стр. 171 и 172), и отстоялъ отъ другихъ сосѣднихъ
стовъ довольно далеко: отъ Шальскаго въ 28 верстахъ, отъ Водлоозерскаго и
отъ Челможскаго въ 60 же (Доп. къ Ак. Ист. т. III, № 64, стр. 231). Въ этомъ по
сообщеніе дальнихъ православныхъ селъ съ погостскою церковію тѣмъ было тру
что между нѣкоторыми деревнями были, какъ сказано въ Актахъ, „лѣса не
димые". (А. И. т. V, стр. 256, также № 222), гдѣ и скрывались во 2-й половинѣ

цѣлую волость или станъ [1]). Не лучше, даже, быть можетъ, еще хуже было положеніе православныхъ приходовъ во многихъ погостахъ другихъ новгородскихъ пятинъ. Нѣкоторые погосты и церквей своихъ вовсе не имѣли, а между тѣмъ отъ другихъ погостовъ, гдѣ были церкви, и куда бы могли православные обращаться, за неимѣніемъ своихъ приходовъ, отстояли иногда весьма далеко, верстъ за 60, за 100 и даже болѣе. Таковы напр. были по писцовымъ книгамъ конца XVI столѣтія, въ Вотской пятинѣ: Заверяжье, Малая Лопца, также, вѣроятно, погосты Паозерскій и Каргальскій [2]). Если были погосты безъ церквей въ концѣ XVI столѣтія: то, по всей вѣроятности, были такіе погосты и въ XVII столѣтіи, во время распространенія раскола. Кромѣ того, должно замѣтить и то, что во многихъ погостахъ въ концѣ XVI столѣтія и въ 1-й половинѣ XVII храмы были «позжены нѣмцами или литовскими людьми», какъ не рѣдко замѣчается въ писцовыхъ книгахъ этого времени [3]). Здѣсь нельзя не вспомнить еще слѣдующаго извѣстія Авраамія Палицына, писавшаго въ началѣ XVII столѣтія о смутахъ междуцарствія: «тогда святыя Божіи церкви, говоритъ онъ, огнемъ истреблены быша. Бысть же тогда разореніе свят. Божіимъ церквамъ и отъ самѣхъ православныхъ, якоже капищамъ идольскимъ прежде отъ великаго Владиміра, тогда на славу Божію, нынѣ же на утѣху бѣсомъ съ лютори злѣйшими того содѣяша внуци ихъ, мы и братія наша» [4]). Если еще въ началѣ XVII столѣтія были такіе православные, которые уже до того охладѣли къ храмамъ Божіимъ, что вмѣстѣ съ лютеранами раззоряли ихъ и чрезъ то лишали церковнаго богослуженія прочихъ православныхъ: то удивительно ли, что такіе православные, послѣ раззоренія храмовъ Божіихъ, еще болѣе охладѣли къ православному церковному богослуженію, и наконецъ дошли до того, что начали открыто ругаться надъ нимъ и надъ православными храмами, называя ихъ не храмами, а стойлами и т. п. На югѣ Россіи, преимущественно мало было храмовъ въ заволжскихъ предѣлахъ, опять именно въ такомъ мѣстѣ, гдѣ весьма сильно распространялся расколъ. Здѣсь и теперь еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ заволжской части нижегородской епархіи, народъ живетъ въ небольшихъ деревняхъ, заключающихъ въ себѣ отъ одного до 10 дворовъ, большею же частію по 5 или 6 дворовъ. Отъ того къ приходу причислено бываетъ иногда по 60, по 70 и даже по 80 деревень, и это замѣчается особенно тамъ, гдѣ рас-

стол. раскольники, производившіе грабежи въ православныхъ селахъ и гдѣ были ихъ пристанища и часовни. Раскольническіе наставники тѣмъ легче уловляли въ свои пристанища правосл. Пудожскихъ христіанъ, что въ это время въ пудожскомъ погостѣ священники были безпечные.

[1]) А. И. л. III, № 151: Обонежскія пятины Выгозерскаго стану Егорьевскаго погосту". А. А. Э. т. III, № 293 и др.

[2]) О пятинахъ и погостахъ новгор. стр. 96, 105.

[3]) Кромѣ того, надобно замѣтить еще, что тогда церкви строились большею частію деревянныя; оттого онѣ скоро ветшали и разваливались и часто сгорали,— о чемъ въ писцовыхъ книгахъ также весьма часто замѣчается. А постройка новыхъ храмовъ часто долго не разрѣшалась правительствомъ и не предпринималась за недостаткомъ средствъ.

[4]) Палицынъ. Сказаніе объ осадѣ Троицкой-Серг. лавры и о бывшихъ потомъ въ Россіи мятежахъ, стр. 39, 40.

колъ болѣе распространенъ. Въ такихъ приходахъ деревни отъ церквей отстоятъ иногда на 20 и болѣе верстъ, а въ приходѣ считается иногда по 3, по 4 и даже по 5000 душъ. Что же сказать о прежнемъ времени, когда здѣсь только что распространялся расколъ? Тогда тѣмъ менѣе здѣсь было храмовъ, что крестьяне въ то время только-что селились въ этихъ мѣстахъ, во множествѣ переселяясь изъ дворцовыхъ вотчинъ, изъ подъ Москвы, изъ владимірскихъ предѣловъ и изъ другихъ мѣстъ. Слѣдовательно, пока эти переселенцы сами обзаводились домами на новыхъ мѣстахъ, они, конечно, не могли построить себѣ церквей въ достаточномъ количествѣ. А помѣщики, къ сожалѣнію, заботясь больше объ оброкѣ и объ умноженіи народонаселенія въ своихъ помѣстьяхъ, не всегда заботились сооружать для новосельцовъ церкви. Настоятели же раскольническихъ скитовъ и монастырей нелѣностно приходили къ нимъ и записывали ихъ въ свое согласіе. Въ Казанскій край, во 2-й половинѣ XVII вѣка, постоянно прибывали новые переселенцы изъ Нижняго и другихъ мѣстъ и селились цѣлыми деревнями подлѣ казанскихъ монастырей и пустыней [1]), а между тѣмъ эти бѣдныя пустыни часто не имѣли чѣмъ построить и содержать даже въ своихъ стѣнахъ церквей. Такъ напр. въ 1689 г. архимандритъ козмодемьянскаго спасо-юнгинскаго монастыря Мисаилъ билъ челомъ царямъ Іоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу и царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, что «у нихъ церкви стали ветхи и сгнили, а построить имъ новыхъ церквей за скудость нечѣмъ, потому что отъ города стало въ дальнемъ разстояніи, и къ монастырю де у нихъ никакихъ угодій и рыбныхъ ловель нѣтъ». Въ 1695 г. и эти церкви «погорѣли безъ остатку», и архим. Мелетій билъ челомъ ц. Петру Алексѣевичу, «что крестьяне ихъ оскудѣли и многіе разбрелись врознь, и нынѣ де имъ святыхъ церквей, иконъ и книгъ и всякихъ утварей по-

[1]) Не указывая на изданные акты, мы приведемъ здѣсь слѣдующее свидѣтельство о переселеніи крестьянъ въ заволжскія страны въ нынѣшнюю Казанскую губернію изъ челобитной иноковъ Раиѳской пустыни Петру Великому, хранящейся въ архивѣ этой пустыни: „дано къ той Раиѳской пустынѣ (цар. Алексѣемъ Михайловичемъ) для всякихъ потребъ земли по Казанской дорогѣ до Осиновой поляны до долгаго бояраку, а отъ долгаго бояраку къ Волгѣ рѣкѣ до матераго кряжу, а матерымъ кряжемъ чрезъ Сумку рѣчку вкругъ до того же долгаго бояраку и съ новоросчисною землею, на которой поселились пришлые русскіе люди на ясаки, и учинены по межѣ грани и ямы и всякіе познаки, и въ тѣхъ де ихъ межахъ и урочищахъ на отводной новоросчисной землѣ не въ давнихъ лѣтѣхъ утѣсня ихъ схожіе русскіе люди иселилися дворами вновь, и монастырскую ихъ землю распахиваютъ". Въ 1670 г. иноки Раиѳской же пустыни писали царю Алексѣю Михайловичу: „по Зюрейской дорогѣ новая пустошь надъ Камою рѣкою урочище свиные горы поросли дикимъ лѣсомъ отъ устья Вятки рѣки по Камѣ рѣкѣ до рѣчки Кострѣевки, и отъ тое рѣчки въ гору прямо до Костреневскаго озера по татарскія пустоши верхняя межа къ Вяткѣ рѣкѣ по черемисскіе лѣса, по Мамашевскія луга, а на томъ мѣстѣ вново поселились пришлые люди крестьяне на дикомъ черномъ лѣсу, лѣсъ росчищали и распахивали". Такимъ образомъ образовались деревни: Свиныя горы, село Костренѣево съ ясачными новокрещенными, деревня Яковлева и другія. А храмовъ во всѣхъ этихъ новыхъ селахъ не было (списки съ актовъ изъ архива Раиѳ. пуст. находящ. въ библ. Каз. Дух. Академіи).

юить нечѣмъ» [1]). Въ Свіяжскомъ писцовомъ перечневомъ спискѣ 7159 51) года замѣчено, что послѣ писцоваго перечневаго списка 155 года 47), слѣдов. въ 3 или 4 года, вновь населили пришлые крестьяне на настырскомъ поверстномъ лѣсу 3 деревни, въ числѣ 382 душъ одного жескаго пола: деревню Курочкина на ключѣ—180 душъ, деревню Ломов- —81 душа, деревьню Гоголиху—121 душа; всѣ эти новонаселенныя деревни авались безъ церкви, да къ нимъ еще примыкало до 20 старыхъ почин- зъ и деревень также безъ церквей [2]). О недостаткѣ храмовъ въ Казан- й епархіи въ 1719 г. доносилъ святѣйшему Синоду іером. Алексѣй, ка- чей Казанскаго митрополита и управитель духовныхъ дѣлъ по отношенію обращенію инородцевъ Казанской епархіи: «новокрещенцы жительство ѣютъ отъ церквей разстояніемъ верстъ по 20 и больше, и между ино- рными, просятъ, чтобы въ близости селъ церкви вновь построить. Ко- рыя малолюдныя новокрещенныя деревни, въ дальнемъ разстояніи отъ рквей, верстъ по 30 и больше, а за неудобнымъ путемъ лѣтнимъ вре- немъ для крещенія и усопшихъ погребенія къ церкви ѣздить имъ бы- тъ весьма нужно, просятъ, чтобы для того построить въ удобныхъ стахъ въ близости часовни»... [3]). При такомъ недостаткѣ храмовъ во угихъ мѣстахъ Казанской епархіи, особенно въ деревняхъ, вновь насе- нныхъ пришлыми крестянами во второй половинѣ XVII и въ началѣ III вѣка, неудивительно, что расколоучители успѣли здѣсь записать въ и скиты многихъ поселянъ: во многихъ деревняхъ казанскихъ, такимъ азомъ населявшихся во второй половинѣ XVII вѣка бѣглыми и приш- ми изъ Нижняго-Новгорода, изъ-подъ Москвы и изъ другихъ мѣстъ, въ слѣ выходцевъ приходили и селились и раскольники, бѣжавшіе отъ вославныхъ храмовъ въ мѣста, гдѣ не было ихъ. Точно также распро- анялся расколъ въ Саратовской губерніи, на луговой сторонѣ Волги по егамъ рѣки большаго Иргиза, послѣ того какъ сюда прибыли въ 1762 у раскольники изъ Польши. Въ то время и сюда также во множествѣ еселялись крестьяне изъ разныхъ губерній, а храмовъ на новонаселен- хъ мѣстахъ не было. Православные, за неимѣніемъ православныхъ церк- , иногда, обращались для исправленія необходимыхъ христіанскихъ бъ къ раскольническимъ монастырямъ, иногда по внушенію расколь- ческихъ настоятелей, а иногда даже и насильно были принуждаемы къ у раскольниками. Такимъ образомъ весьма многіе совращались въ рас- ъ [4]). Наконецъ, въ третьей мѣстности особенно сильнаго распространенія кола, въ Сибирской епархіи, храмовъ, судя по обширному прост- ству, было также весьма недостаточно для православныхъ, хотя, числу тогдашней населенности Сибири, ихъ, повидимому, и до- ьно было. Именно, по описи 1702 года, въ Сибирской епархіи считалось

[1]) Списки съ актовъ изъ архива спасо-юнгин. монастыря, принадлежащ. Каз. . Академіи.

[2]) Выписка изъ свіяжскихъ писцовыхъ книгъ, находящаяся въ числѣ другихъ исокъ изъ архивовъ казанск. монастырей и пустыней въ библ. Каз. Дух. Академіи.

[3]) Свѣдѣнія о монаст. Каз. епархіи, рукопись Каз. Дух. Акад.

[4]) Рукоп. о Саратов. раскольникахъ, л. 193, 394.

160 церквей[1]), а народонаселеніе православное къ іюлю 1709 г. простиралось до 229,227 душъ[2]), исключая впрочемъ новокрещенныхъ изъ туземныхъ народовъ, которыхъ, вѣроятно, было не менѣе 15-ти или 20,000 душъ. Слѣдовательно приходилось на 1432 души однихъ русскихъ переселенцевъ по 1 церкви. Конечно, для такого числа душъ одной церкви, можетъ быть, и достаточно при сосредоточенномъ народонаселеніи. Но надобно замѣтить, что въ Сибири тогда народонаселеніе умножалось, а главное—разсѣяно было на пространствѣ болѣе 300,000 квадр. миль (2,100,000 кв. верстъ.) Безъ всякаго сомнѣнія, многіе приходы простирались на нѣсколько сотъ верстъ[3]); потому деревни отъ церквей часто отстояли чрезмѣрно далеко, и притомъ нерѣдко отдѣлялись отъ нихъ лѣсами, озерами и большими рѣками. Если нынѣ есть еще въ Сибири много такихъ приходовъ, въ которыхъ православные живутъ отъ церквей своихъ верстъ за 30, за 50 и даже за 100; то въ XVII столѣтіи такіе приходы должны были еще чаще встрѣчаться. Тогда православные русскіе только что селились тамъ и селились малыми деревнями, въ разныхъ мѣстахъ, смотря по удобству мѣста для жительства. Оттого деревни были, большею частью, разрознены между собою, разбросаны на обширномъ протяженіи привольной Сибирской земли. Очевидно, что во всѣхъ этихъ деревняхъ нельзя было вдругъ построить церквей. Къ тому же, въ то время, когда въ тобольской епархіи особенно сильно распространялся расколъ, тамъ многія церкви часто сгорали. Такъ въ 1677 г. въ Тобольскѣ отъ молніи сгорѣли соборная церковь со всею утварью и 7 приходскихъ церквей, да въ знаменскомъ монастырѣ 3 церкви. Въ 1680 г. въ Тобольскѣ же сгорѣла Вознесенская церковь и церковь Живоначальныя Троицы. Въ 1681 г. въ Абалацкомъ селѣ сгорѣли отъ молніи двѣ деревянныя церкви[4]). Въ 1693 г. сгорѣла въ Верхотурьѣ соборная церковь Живоначальныя Троицы[5]). Иногда, по злобѣ, раскольники сожигали православныя церкви. Такъ, въ 1636 г. въ 1-й день Пасхи, во время заутрени, въ селѣ Каменкѣ (тюменскаго уѣзда) сгорѣла Покровская церковь съ людьми, и въ то же время старая, пустая церковь, отъ пороха, подложеннаго раскольниками. Въ томъ же году, 25 апрѣля, вмѣстѣ съ гор. Тюменью сгорѣли отъ поджога раскольниковъ 2 соборн. церкви, также церкви Иліи Пророка, Спасская, Знаменская[6]). А на мѣсто сгорѣвшихъ новыя церкви иногда весьма долго не строились. До 1726 года и нельзя было построить церкви безъ разрѣшенія высшаго церковнаго Правительства, или даже самого царя. Только съ этого года, св. Сунодъ, видя крайнюю нужду скорѣйшаго построенія церквей во многихъ мѣстахъ, разрѣшилъ: «просителямъ о построеніи церквей, обязывая ихъ въ надлежа-

[1]) Матеріалы для истор. христіанск. просв. Сибири. Ж. М. Н. Пр. 1854 г. Мартъ отд. V, стр. 40.

[2]) Словцовъ, истор. обозрѣніе Сибири. стр. 323, 1838 г.

[3]) Временникъ Моск. Общ. Ист. кн. XX свящ. Сулоцкаго о Филоѳеѣ Лещинскомъ.

[4]) Матеріалы для истор. христіан. просв. Сибири. Ж. М. Н. Пр. 1854 г.

[5]) А. И. т. V, № 121.

[6]) Матеріалы для истор. христіан. просв. Сибири. Ж. М. Н. Просв. 1854 г. Февраль.

цемъ письменно съ рукоприкладываніемъ, не отписываяся въ св. Сунодъ, строеніи церквей давать позволеніе сунодальной области въ Духовной Дикастеріи, а въ епархіяхъ архіереямъ, чтобъ отъ нестроенія, гдѣ конечная въ томъ имѣется нужда, и долговременно за письменною о позволеніи того пересылкою, во всякихъ церковныхъ исправленіяхъ по закону христіанскому въ тѣхъ мѣстахъ обывателями, никакой нужды не происходило» [1]). Между тѣмъ православные, живя долго безъ храмовъ и безъ церковнаго богослуженія, невольно дѣлались холодными къ православной церкви и наконецъ отпадали отъ нея. Вообще, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ православныхъ церквей было весьма мало, или даже вовсе не было, а между тѣмъ вблизи находились раскольническіе монастыри и часовни,— расколъ весьма сильно распространялся. Расколоучители, коль скоро примѣчали, что гдѣ нибудь нѣтъ церкви, или она по какому-либо случаю упразднялась, тотчасъ являлись въ такихъ приходахъ и дѣйствовали на народъ. Православные, въ которыхъ еще не погасло чувство благочестія, не охладѣло желаніе ходитъ въ церковь молиться Богу и исполнять необходимыя христіанскія требы, за неимѣніемъ вблизи православной церкви, охотно соглашались посѣщать хоть эти раскольническіе монастыри и часовни. А тамъ легко совращались и въ расколъ: часовенная или монастырская служба раскольниковъ невольно завлекала ихъ, плѣняла простое, вѣрующее сердце русскихъ простолюдиновъ своимъ внѣшнимъ, обрядовымъ благолѣпіемъ, сладостію тихаго стариннаго, столповаго пѣнія, иногда заунывнаго, проникнутаго чувствомъ покаянной грусти, и пріятностію внятнаго, раздѣльнаго, нѣсколько даже на распѣвъ совершаемаго чтенія. А тѣ изъ провославныхъ, въ которыхъ не было чувства благочестія, и совершенно охладѣло желаніе посѣщать храмъ Божій, охотно принимали расколъ, потому что онъ поблажалъ лѣности ходить въ церковь, и даже прямо училъ не ходить въ церковь.

Подобнымъ образомъ расколъ уловлялъ въ свои сѣти многихъ православныхъ и въ тѣхъ приходахъ, гдѣ хотя храмы и были, но *не было священниковъ, или ихъ было мало, не соразмѣрно съ числомъ душъ въ приходѣ*. Такихъ приходовъ въ русской церкви, въ XVII и въ 1-й половинѣ XVIII столѣтія, было не мало, и опять, къ сожалѣнію, они были въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ расколъ особенно былъ развитъ. Въ писцовыхъ книгахъ пятинъ и погостовъ новгородскихъ многократно замѣчается, что тамъ во многихъ погостахъ и часто «церкви стояли безъ пѣнья пусты, или дворы поповы были пусты» [2]). Изъ актовъ историческихъ видно также, что у

[1]) П. С. З. т. VII, № 4988.

[2]) Такъ напр. въ писцовой книгѣ Обонежской пятины, заонежской половины 7091 г. (1583) читаемъ: „погостъ Ондреевскій Грузинскій, село Грузино, а въ немъ церкви Ондрей первозванный, каменная, да въ предѣлѣ Покровъ пресв. Богородицы, стоитъ *безъ пѣнья пусты* (Невол. О пят. новг. Прилож. VI, стр. 140); погостъ Васильевскій на Волховѣ, на погостѣ церкви Василій Кесарѣйскій стоитъ *безъ пѣнья* (стр. 147); погостъ Богоявленскій на Сяси, а на погостѣ церковь Богоявленіе Господне стоитъ *безъ пѣнья*, въ томъ же погостѣ на никольской землѣ Медвѣжицкаго монастыря на р. на Сяси стоитъ церковь пресв. Богородицы *безъ пѣнья* (стр. 144); погостъ

нѣкоторыхъ церквей въ пятинахъ новгородскихъ, во время самаго
наго распространенія тамъ раскола, не было священниковъ [1]). «Въ
гостахъ Вотской и Шелонской пятинъ, читаемъ въ актахъ историческ
въ близости границъ Польши и Швеціи, *скудости ради іереевъ*, церкв
кореняются... тѣхъ градовъ архіереи въ тѣ зарубежныя мѣста іерее
поставляютъ, и оттого и достальные христіане, будучи за рубежемъ,
кореняются» [2]). И это, надобно замѣтить, было въ томъ краю, гдѣ
скрывались остатки древней ереси стригольниковъ, предтечи мни
старообрядцевъ безпоповщинской секты. Въ другихъ епархіяхъ, гдѣ т
весьма сильно распространялся расколъ, также во многихъ мѣстахъ
тителенъ былъ недостатокъ въ священникахъ. Въ Москвѣ и во мно
другихъ городахъ, равно и въ селахъ, многіе приходы лишились свя
никовъ въ 1656 г., по случаю мороваго повѣтрія. «Мнози, писалъ т
патр. Никонъ, *за умаленіе іереевъ*, ниже спутника добраго нашего, Пр
стаго Тѣла и Крови Христовы сподобишася» [3]): а въ это же время,
извѣстно, и расколъ началъ распространяться. Вологодскій архіепис
Маркеллъ доносилъ царю въ 1650 г., что въ Капитоновской Княги

Рождественскій на Сяси, Ладожской присудъ (уѣздъ), на погостѣ церковь Рожд
Христово, другая церковь Рождество Іоанна Предтечи, стоятъ *безъ пѣнья;* по
Никольскій на р. на Пшогжѣ, а на погостѣ церковь Никола чудотворецъ, да н
гостѣ же *дворъ поповъ пустъ*, дьячка церковнаго (дворъ) пустъ. (Времен. М. Общ.
и Древн. Росс. кн. VI, стр. 58, 59): въ Никольскомъ же погостѣ на Пшогжѣ на п
церкви великія Христовы мученицы Парасковіи деревянная стоитъ *безъ пѣнь*
дворъ пустъ поповъ, да дворъ дьячковъ пустъ, да дворъ пономаревъ пустъ (16 ст
въ Никольскомъ же погостѣ на Пшогжѣ въ монастырѣ Середокоротномъ двѣ
вянныя церкви стояли *пустыя безъ пѣнья* (ib. стр. 61); погостъ Кожельскій, а н
гостѣ церковь Егорей страстотерпецъ, да церковь теплая Покровъ пресвятыя
родицы, да церковь Живоначальная Троица стоятъ *безъ пѣнья*, да двѣнадцат
ровъ пусты церковнаго причету (стр. 69); погостъ Никольскій на Явоймѣ рѣкѣ,
погостѣ церковь деревянная Никола чудотворецъ, да другая церковь деревянна
съ трапезою Бориса и Глѣба стоятъ *безъ пѣнья* (стр. 75); погостъ Спасскій на П
озеро, а на погостѣ церковь Преображенья Спасова деревянная, да на погостѣ д
поповъ пустъ, дьячка пустъ (стр. 77); погостъ Егорьевскій въ Кайвушахъ, а на по
церковь деревянная страстотерпца Христова Георгія, стоитъ безъ пѣнья, погост
хайловскій въ озерахъ, а на погостѣ Михайло Архангелъ безъ пѣнья, да на по
жъ дворы церковнаго причета пусты" (стр. 85). Равнымъ образомъ изъ дозор
книгъ Деревской пятины 128 г. (1620), г. видно, что стояли безъ пѣнья: на погост
жинскомъ два храма деревянные Борисъ и Глѣбъ, на погостѣ Модвяжинскомъ х
Егорей страстотерпецъ, на погостѣ Полиновскомъ—Никола чудотворецъ, камен
(О пятин. и погост. новгор. Прил. VIII). Если въ концѣ XVI и въ 1-й половинѣ
стол. во многихъ погостахъ Новгородскихъ церкви стояли пусты, безъ пѣнья, д
поповъ были пусты, а православные жили безъ отцовъ духовныхъ, безъ церко
богослуженія и назиданія: то, по всей вѣроятности, много было такихъ погостов
пятинахъ Новгор. и во 2-й половинѣ XVII стол., когда тамъ распространялся рас
какъ это отчасти и показываютъ акты историч. Весьма жаль, что мы не им
подъ руками самыхъ писцовыхъ книгъ, во всей ихъ полнотѣ. Особенно хорош
пересмотрѣть эти книги XVII столѣтія.

[1]) А. И. т. V, № 244, стр. 451.

[2]) А. И. т. V, № 75, стр. 114.

[3]) Аполлоса, жит. п. Ник. стр. 129. Окружн. посл. п. Никона.

й пустыни Вологодскаго уѣзда 3 церкви, а *попа* де чернаго въ той тыни *нѣтъ*, а братья у нихъ многія помираютъ безъ даровъ и безъ понія, *и тѣ церкви стоятъ безъ пѣнья, впустѣ, десять лѣтъ»* [1]). Въ XVII л. священники еще часто «высылались изъ своихъ приходовъ къ суду Москвѣ, въ приказы на патріаршъ дворъ»: здѣсь они, какъ сказано соборномъ опредѣленіи 1675 г., волочилися иногда долгое время, а «у иходскихъ церквей, между тѣмъ, въ городѣхъ и уѣздѣхъ, *безъ священковъ происходило всякое церковное неисправленіе,* а православные христіане тавались *безъ всякаго церковнаго просвѣщенія* [2]). Въ началѣ XVIII стол., Ростовской епархіи, по описи 1702 г., считалось 731 церковь, но приды этихъ церквей, по числу душъ, въ нихъ числившихся, были чрезчайно неравномѣрны: священниковъ было мало. «Нѣкоторые іереи, жавался св. Димитрій Ростовскій, имѣли подъ собою многую душъ челоческихъ паству, и *немогли досмотрѣти всѣхъ»* [3]). Въ 1711 г. билъ чемъ м. Рязанскому и Муромскому Стефану кн. Василій Лукинъ, сынъ лгоруковъ, «что де въ его новоселебной вотчинѣ въ сельцѣ Никольомъ въ приходѣ у крестьянъ его приходскаго попа нѣтъ, и безъ придскаго попа они крестьяне его бываютъ въ великихъ нуждахъ по мное время, и о новой церкви Божіей о строеніи ходить и радѣть не кому, тому что крестьянамъ такое дѣло не заобыкность» [4]). Въ нижегородой епархіи, съ 1736 по 1738 годъ, по случаю вызова духовныхъ въ нигородскія училища, при градскихъ и уѣздныхъ соборныхъ и приходихъ церквахъ, оказалось въ недостаткѣ 3 протопопа, 135 поповъ, 187 аконовъ, 972 дьячка и пономаря, всего 1297 священно-церковно-служилей. Недостатокъ этотъ опредѣлено было замѣнить 473 духовными востанниками,—окончившими ученіе и еще учившимися въ школахъ: осльныхъ 824 священно-церковно-служителей не доставало [5]). Въ указѣ . Сѵнода Ноября 23, 1725 г. сказано: «многія уѣздныхъ церковныхъ придовъ деревни обрѣтаются отъ церквей въ дальномъ разстояніи, и одму священнику въ надлежащихъ со священными потребами дѣйствоть и справиться весьма невозможно, а приходскимъ людямъ конечная иключается нужда, и можетъ быть, что нѣкоторые и помираютъ безъ каянія и безъ причастія» [6]). Въ 1739 году Императрица Анна Іоанновна, указѣ своемъ отъ 8 января, писала св. Сѵноду: «нынѣ де извѣстно Императорскому Величеству есть, что не токмо учительныхъ священковъ, но *при многихъ церквахъ, а наипаче въ уѣздахъ, и никакихъ втъ*, и многія церкви стоятъ праздны, понеже бывшіе при церкхъ священники померли, а другіе за вины и непорядочное жи-

[1]) А. И. т. IV, № 37, стр. 127.
[2]) А. А. Э. IV, № 204, п. 6.
[3]) Древн. Росс. Вивліоѳ. ч. XVII, стр. 83
[4]) Грам. Рязан. края, стр. 167.
[5]) Времен. М. Общ. Ист. кн. XVII: 1738 г. дек. 24 инструкція, данная по именому указу, изъ нижегород. архіерейской домовой консисторіи славяно-греко-граматическихъ школъ изучившимся ученикамъ.
[6]) П. С. З. т. VII, № 4804.

нымъ чиномъ» [1]). При такомъ множествѣ лишнихъ священно-церко служителей, естественно, много было разстригъ, запрещенныхъ, безмѣстны бѣглыхъ поповъ, діаконовъ и другихъ церковныхъ причетниковъ. Всѣ отверженные, недостойные священники и діаконы, не имѣя приход своихъ, бродили по городамъ и селамъ, или, какъ сказано въ прибавле къ Духовному Регламенту, «оставивъ свою церковь, къ которой поставле были, волочилися сѣмо и овамо». Обычай нѣкоторыхъ мірянъ, особе вельможъ, держать у себя въ домахъ священниковъ, происшедшій част изъ суевѣрія, частію отъ вельможной гордости, весьма много также б гопріятствовалъ умноженію лишнихъ и бѣглыхъ священниковъ. «Бываю же по многимъ дворамъ попы бѣглецы, порочніи и отъ архіереевъ сво запрещенніи, самозванцы; и иныхъ же вдовы держатъ подъ образомъ требъ церковныхъ не безъ подозрѣнія, яково неоднократно явилось духовныхъ дѣлахъ: отъ таковыхъ поповъ, скрыто живущихъ по двора многая дѣются беззаконія, браки безправильныя вѣнчаются и прочая» Если же такъ много было священниковъ лишнихъ, запрещенныхъ, б мѣстныхъ, бѣглыхъ: то удивительно ли послѣ этого, что такъ силь умножилась бѣгло-поповщина? Всѣ эти безмѣстные, запрещенные, лиш священники, не находя себѣ мѣстъ въ православныхъ приходахъ, охот бѣжали къ раскольникамъ, которые принимали ихъ съ честію и плати имъ большія деньги. «Если бы не было бѣглыхъ поповъ, скажемъ с вами преосв. Игнатія Воронежскаго, не было бы и бѣгло-поповщины».

Впрочемъ, многіе священники, діаконы и причетники бѣжали православной церкви въ расколъ отъ того, что въ православныхъ при дахъ имъ иногда *было весьма тяжко жить*. Они находились въ слишко большей зависимости отъ мірскихъ лицъ, отъ свѣтскихъ чиновниковъ ар рейскихъ приказовъ, отъ гражданскихъ областныхъ управителей, ино даже отъ своихъ прихожанъ. Особенно часто притѣсняли ихъ архіерейс чиновники [3]). Такъ при поставленіи ихъ во священники и діако

---

[1]) П. С. З. т. IV, № 2352.

[2]) П. С. З. VI, стр. 705. Вообще должно замѣтить, что духовное сословіе XVII в. и въ началѣ XVIII в. слишкомъ умножилось. Какъ ни старался Петръ В. кратить число его записью низшихъ церковно-служителей въ подушный окладъ военную и гражданскую службу, размѣщеніемъ въ служители архіерейскихъ домо въ прикащики помѣщикамъ,—не смотря на то въ 1739 г., послѣ генеральной пиcи, оказалось, что число лишнихъ духовныхъ, какъ сказано въ указѣ, „не то не умалилось, но и прибыло слишкомъ 57,000 человѣкъ". П. С. З. X, № 7734.

[3]) Духовенство давно начало тяготиться стѣсненіемъ со стороны мірскихъ ли Еще м. Кипріанъ въ посланіи своемъ къ Псковичамъ писалъ (1359 г. Мая 12): „ есмь слышалъ, ажь въ Пьсковѣ міряне судятъ поповъ и казнятъ ихъ въ церковн вещахъ, ино то есть кромѣ крестьянскаго закона" (А. И. т. I, № 9). Туже мысль разилъ позже и м. Фотій въ посланіи своемъ въ Святогорскій монастырь, 141 Іюня 27 дня (ib., № 26). Калачева о Кормчей. Чт. М. Общ. Ист. и древн. Росс. г. № 3, стр. 97. Въ началѣ XVI столѣтія само низшее духовенство жаловалось на что оно подчинено полной волѣ свѣтскихъ лицъ. Такова напр. жалоба Ростовс Іерея Георгія (Ист. Русс. Цер. Филар. пер. III, 26). „Господа священноначальни не благословно надсматриваете за вѣрными людьми... назираете церковь по царс сану земнаго царя—боярами, дворецкими, недѣльщиками, подводщиками, для сво

дьячіе казеннаго приказа и другія свѣтскія лица, принимавшія со ставленниковъ пошлинныя деньги, вмѣстѣ «съ иподіаконами брали съ нихъ сверхъ надлежащаго большія денежныя взятки, истязали ихъ и доводили до крайняго разоренія» [1]). Поступали они въ приходъ: здѣсь архіерейскіе чиновники, управлявшіе въ епархіяхъ финансовою и полицейскою властію, съ нихъ строго взыскивали оброкъ [2]), при чемъ нерѣдко поступали съ ними весьма жестоко и несправедливо. Изъ соборнаго постановленія 1675 г. видно, что «ко освященному чину часто объявлялось всякое безчиніе, налоги, обругательство и убытки отъ архіерейскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ [3])». Архіерейскіе сборщики дани часто »на поповъ и церковныхъ причетниковъ дань накладывали и вѣнечныя пошлины и всякіе окладные и неокладные доходы сбирали съ прибавкою, не противъ того, какъ дань накладывается и неокладные всякіе денежные доходы сбирались святѣйшаго патріарха въ казенномъ приказѣ, и оттого неравенства церковному чину чинились убытки лишніе» [4]). Эти сборы и расправа, съ ними соединенная, были весьма тягостны для приходскаго духовенства, особенно въ бѣдныхъ приходахъ [5]), а отъ него простирались и на прихожанъ, и конечно, поставляли его въ непріязненное отношеніе къ паствѣ. Тѣмъ болѣе тягостны они были, что тогда сельскіе священно-церковно-служители во многихъ мѣстахъ не имѣли ни особо отведенныхъ пахатныхъ земель, ни сѣнныхъ покосовъ, ни другихъ какихъ-либо угодій, равно не получали и руги отъ своихъ прихожанъ. Если кто-нибудь изъ духовныхъ хотѣлъ заниматься земледѣліемъ, то долженъ былъ платить съ своихъ полей въ казну пятую часть добытаго хлѣба [6]). Матеріальное обезпеченіе священно-церковно-

---

прибытковъ, а не по достоинству святительскому. Апостолъ пишетъ: служащіе олтарю съ олтаремъ содѣляются. И вамъ достоитъ пасти церковь священниками благоразумными, а не мірскимъ воинствомъ" Соборы 1551 и 1667 г. старались прекратить стѣсненія духовныхъ со стороны мірскихъ лицъ (А. И. т. I, № 155, стр. 272. П. С. З. т. № 412, стр. 672, 673 и 677. Калач. о Кормч. въ Чт. Ист. стр. 98, 99), но они все-таки продолжались.

[1]) П. С. З. т. IX, стр. 503. О пошлинахъ со ставленниковъ см. напр. А. И. 1, 276, 278. А. А. Э. 1, №№ 95, 103, 176, 233, 287, 382. Древн. Росс. Вивл. XV, 214, 215. См. также стан. грам. п. Адріана. Врем. Моск. Общ. Ист. кн. XI.

[2]) Извѣстно, что тогда приходское духовенство, равно какъ и монастыри, платили архіерейскій оброкъ 3 раза въ годъ,—на Рождество Христово, Великъ день и Николинъ день весенній. Поэтому приходскія церкви раздѣлялись на „тяглыя" и „нетяглыя", также и бѣлое духовенство: упоминается напр. „тяглый попъ". Оброкъ этотъ собирали особые архіерейскіе свѣтскіе чиновники, служившіе въ духовномъ казенномъ приказѣ, каковы были до 1675 г. десятильники—дворяне и дѣти боярскіе. См. подробности въ статьѣ Лохвицкаго: „очеркъ церковной администраціи въ древней Россіи". Русс. Вѣстн. за 1857 г. кн. 2.

[3]) А. А. Э. т. IV, № 204.

[4]) А. И. т. V, № 172, стр. 303.

[5]) Бывали примѣры, что архіерейскихъ чиновниковъ били и даже убивали.

[6]) П. С. З. т. т. III, № 1594, п. 23, № 1670, п. 14, Врем. Моск. Общ. Ист. и Древ. Росс. кн. XX, Ст. священ. Сулоцкаго о Филоѳеѣ Лещинскомъ,—Изъ царской грамоты Псковскому воеводѣ Петру Головину видимъ что въ Псковской епархіи „посадскіе люди священниковъ и діаконовъ у церквей держали и ружили собою, сколько хотѣли, малою ругою". А. И. V, № 172.

служителей «церквей мірскаго поставленья» всегда находилось въ бо... зависимости отъ міра, отъ прихожанъ, съ которыми они заключали ... рядную» или контрактъ, предъ которыми часто вынуждены быва... стыдно унижаться, чтобы получить деньги или ругу, и которые ... обидѣли ихъ. Отсюда въ корыстолюбивыхъ священникахъ и причетни... развивалось стремленіе—переходить отъ одной церкви къ другой,—и... болѣе выгоднаго мѣста, какое многіе изъ нихъ рѣшались искать и в... скольническихъ скитахъ. Не обезпечиваемые въ содержаніи ни отъ св... прихожанъ, ни отъ правительства, священники часто должны были ... комъ погружаться въ матеріальныя хлопоты, чтобы пріобрѣтать содер... а это часто отвлекало ихъ отъ духовныхъ обязанностей и обременяло... самихъ. «Жалованья Государева имъ нѣтъ, говоритъ умный Посошко... отъ міра никакого подаянья имъ нѣтъ же, и чѣмъ имъ питаться—... вѣсть: ничѣмъ они отъ пахатныхъ мужиковъ не отмѣнены: мужи... соху, и попъ за соху, мужикъ за косу и попъ за косу, а церковь свя... духовная паства остается въ сторонѣ» [1]. Кромѣ того, еще вмѣшива... въ дѣла духовнаго вѣдомства воеводы съ товарищами, и также причи... духовнымъ обиды и притѣсненія, налагали на нихъ, по своему произ... «для своей корысти, большіе сборы» [2]. Случалось, что духовенство со... епархіи общимъ голосомъ, архимандриты и игумены съ братіею, стро... и старцы съ крестьянами, попы съ причетниками принуждены были ж... ваться на притѣсненія воеводъ и ихъ товарищей своимъ епархіаль... архіереямъ, а эти доносили царю [3]. Нерѣдко священники жаловались ... на своихъ архіереевъ,—будто они отнимали у нихъ вѣнечныя пошлины ... ходы. Такъ, когда въ 1618 году по челобитной Свіяжскаго соборнаго п... попа Владиміра съ братіею объ отнятіи у нихъ вѣнечныхъ пошлинъ м. к... скимъ Матѳеемъ произведенъ былъ сыскъ, то архимандритъ Свіяж... Богородицкаго монастыря, всѣ соборные старцы и иноки и бѣлое духове... въ числѣ 13 священниковъ и 4 діаконовъ, единогласно жаловались при и... дованіи дѣла: «то мы вѣдаемъ, что при прежнихъ казанскихъ архіеписко... и митрополитѣхъ свіяжской протопопъ съ братьею на соборъ вѣнечную пош... со всякихъ людей ималъ по Государеву указу, а казанскіе архіеписко... митрополиты въ Свіяжскомъ свою вѣнечную пошлину имали по Государев... указу со всякихъ людей, а у Свіяжскаго протопопа съ братьею ихъ вѣнеч... пошлинъ не отъимывали и не вступалися, и то мы вѣдаемъ, что въ ... шломъ въ 124 г., Матвѣй митрополитъ Казанскій и Свіяжскій у собо... церкви и у протопопа Володимера съ братьею ихъ вѣнечную пошлину... они имали по Государеву указу, отнялъ, а велѣлъ сбирати на себя ... тильнику своему въ Свіяжскѣ» [4]. Такой же случай былъ въ Псковѣ... водилось ли кому изъ священно и церковно-служителей подвергаться с...

---

[1] Соч. Посошкова о скудости и богатствѣ гл. I.

[2] А. А. Э. т. III, стр. 159.

[3] А. А. Э. т. IV, № 176.

[4] Списокъ съ наказу сыщику Нехорошему Губастому о годовой Свіяжск... борянъ ругѣ и о вѣнечныхъ деньгахъ, и подлинной обыскъ его сторонними ... по сему наказу хранится въ арх. Свіяж. Рождеств. собора.

дебная расправа съ ними была весьма тяжкая. Вспомнимъ, что до Собора 67 г. священниковъ, діаконовъ и вообще всѣхъ духовныхъ «волочили мірскія судилища и одни мірскіе люди судили освященнаго монашескаго на и всякаго церковнаго причта» [1]. Вспомнимъ, что иногда сами вое-ды, мимо Государевы жалованныя грамоты, «сильно судили духовенство я своей корысти, и причиняли имъ убытки великіе» [2]. Во время суда и тяжбы съ боярами, окольничими, думными, стольниками, стряпчими другими мірскими чиновниками, духовные терпѣли отъ нихъ большія итѣсненія, обиды, протори и исторы. Прежде сего времени, сказано въ борномъ опредѣленіи 1675 г., при прежнихъ Святѣйшихъ Патріарсѣхъ вали челомъ на Москвѣ Святѣйшимъ Патріархомъ и имали зазывныя амоты съ Патріаршаго двора изъ Приказовъ боляре, и окольничіе, и дум-ые, и стольники, и стряпчіе, и дворяне Московскіе и жильцы, и всякаго ину люди во всякихъ дѣлѣхъ, по архимандритовъ, и по игуменовъ, и по роителей, и всякаго монашескаго и священическаго чина, и по церков-ыхъ причетниковъ, къ суду къ Москвѣ, въ Приказы на Патріаршъ дворъ, тѣ люди всякаго духовнаго чину по грамотамъ къ суду къ Москвѣ вы-лалися, и волочася долгое время, проѣдалися и протори подымали съ ликими убытками, а челобитчики имывали грамоты въ большихъ искѣхъ многое время не искали, а иные многое время волоча чинивали сдѣлки маломъ въ чемъ непротивъ иску, и оттого всякаго духовнаго чина лю-мъ бывало утѣсненіе великое, а душевредство, и убытки, и волокита прасная» [3]. Наконецъ, даже мужики,— посадскіе люди иногда обходи-сь съ священниками и причетниками «какъ съ рабами, и священники орить противъ нихъ ничего не смѣли» [4]. При такой стѣсненности низ-го духовенства, удивительно ли, что весьма многіе священники, діаконы причетники бѣжали изъ православныхъ приходовъ къ раскольникамъ? дивительно ли, что такъ сильно умножилась бѣглопоповщина? Слишкомъ льшая зависимость низшаго духовенства отъ архіерейскихъ свѣтскихъ иновниковъ въ отношеніи къ суду и управленію, и отъ народа въ отно-шеніи къ матеріальнымъ средствамъ жизни, тяжкая расправа отъ мірскихъ удей, въ архіерейскихъ приказахъ, въ случаѣ суда или тяжбы духов-ыхъ; притѣсненія со стороны нѣкоторыхъ воеводъ, излишніе налоги и боры архіерейскихъ сборщиковъ, дани, особенно тягостныя для бѣдныхъ еглыхъ поповъ и причетниковъ, служившихъ въ бѣдныхъ приходахъ,—все то невольно иногда вынуждало нѣкоторыхъ церковно-служителей оставлять равославную церковь и бѣжать въ раскольническіе скиты и монастыри.

Съ другой стороны, къ уклоненію православныхъ въ расколъ, осо-енно въ безпоповщину, и къ упорству въ расколѣ, къ несчастію, иногда давали поводъ многіе изъ служителей православной церкви тѣмъ, что не учали народа вѣрѣ и благочестію. Многіе православные священники почти

[1] П. С. З. т. I, № 412, стр. 672.
[2] А. А. Э. т. III, № 130.
[3] А. А. Э. т. IV, № 204, п. 6.
[4] А. И. V, № 122.

вовсе *не имѣли благотворнаго нравственнаго вліянія на свою паству,* и
ихъ прихожане уклонялись въ расколъ. Чтобы предохранить православ
отъ раскола и поддержать въ нихъ единомысліе въ вѣрѣ,—для этого н
было, во-первыхъ постоянно поучать ихъ истинамъ христіанской вѣры
свѣщать ихъ мысли здравыми религіозными понятіями и познаніями
чать ихъ отъ суевѣрій и предразсудковъ. Умственное состояніе правосла
Русскаго народа въ то время, когда въ немъ особенно сильно распро
нялся расколъ, требовало особеннаго духовно-нравственнаго просвѣ
и руководства, требовало особеннаго поученія со стороны пастырей.
лучшіе, благомыслящіе Русскіе люди того времени глубоко чувствова
ясно выражали эту существенную нравственную потребность Рус
народа [1]). Многіе православные, по свидѣтельству п. Іоасафа I,
гладные приходили въ церковь Божію съ жаждою духовнаго назида
наученія» [2]). Прихожане Московской церкви Іоанна Богослова, движ
этимъ благочестивымъ желаніемъ познанія истинъ вѣры и благоч
принуждены были сами просить у Восточныхъ Патріарховъ священн
«учительныхъ, могущихъ учить народъ» [3]). Простой народъ съ прос
дечнымъ довѣріемъ, готовъ былъ принимать и слушать всякаго учи
приходившаго къ нему съ словомъ Божіимъ и во имя Христово. Посо

---

[1]) Особенно живо и глубоко чувствовали эту потребность нравственн
гіознаго просвѣщенія народа нѣкоторые просвѣщенные архипастыри Русской
Вполнѣ постигая, какъ необходимо было для народа познаніе истинъ вѣры и
честія, они умоляли православныхъ читать или слушать слово Божіе, а священ
внушали какъ можно прилежнѣе и чаще учить народъ. Такъ напр. м. Рос
Іона писалъ своей паствѣ и духовенству въ 1652 г. въ своемъ окружномъ по
„*моліо любовь вашу украшайтесь духовнаго свѣта образомъ; аще ли же обогатите*
Божественныхъ словесъ поученіемъ, не токмо безгрѣшни будете, но и паче прех
сотворите себѣ судьбы. Люто есть еже отемнѣти не наученіемъ въ Божестве
писаніи... *А вамъ бы* со служебникомъ нашего смиренія, *архимандритомъ и игу*
протопопу и попомъ и діакономъ, о томъ о всемъ, съ Божіею помощію потщат
своихъ духовныхъ оградѣхъ, надъ своими стады, гдѣ кто нарекся паст
учили бы есте люди Божія, кто ни прилучится у церкви Божія, на всякъ д
прилежаніемъ. А какъ прилучится вамъ прочитать отъ Божественнаго Писанія по
тогда бъ единъ почиталъ, а другой за нимъ толковалъ, или кто можетъ чест
толкуетъ самъ, чтобъ простымъ людемъ было что пріяти отъ васъ" (А. И. IV,
М. Новгородскій Іовъ писалъ въ 1710 г. Февраля 23 къ Римскому-Корсаков
ничего инаго. желаю и прошу о сихъ точію, да будетъ у насъ вѣрному народ
церковнаго согласія и *плодъ Богоугоднаго богословія*" (С. П. В. Вѣд. 1855 г.
Были и между свѣтскими такіе умные люди, которые сильно желали христія
просвѣщенія народа и, по возможности, заботились о немъ. Таковъ напр. был
коименитый помѣщикъ Пермскій Димитрій Строгоновъ, „зѣльный благочестія ра
который бысть всѣмъ россійскимъ вельможамъ и многоименнымъ богатинам
свѣтило къ благочестію, якоже годе слышати во всѣ концы россійскія". Онъ-
дилъ Пермскаго священника въ городѣ Орлѣ предлагать народу въ церкви п
воскресныя и другія чрезъ весь годъ: „убѣди мя, говоритъ этотъ свящ
невѣжу сущаго въ церкви Божіи люди учити, зѣло бо онъ любяше поученія Б
веннаго закона слушати, азъ же по его Богоумному изволенію и любительному р
началъ проповѣдывать" и пр. (Опис. Рум. Муз. стр. 631).

[2]) А. А. Э. т. III. № 264.

[3]) Ист. Росс. Іерарх. ч. I, стр. 240.

ъ лица простого народа настоятельно высказывалъ Петру В. и просвѣ-
енному пастырю Стефану Яворскому, что для ученія народа нужны
священники просвѣщенные, кассически образованные [1]). Такъ ощутительна
настоятельна была потребность церковнаго духовно-назидательнаго ученія
арода въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII, когда въ церкви Русской
аспространялся расколъ! Къ прискорбію, главные, ближайшіе учители
арода Русскаго, поставленные нарочито учить его истинамъ христіанства,
священники весьма мало удовлетворяли, или даже почти вовсе не удовле-
воряли этой существенной духовной потребности православнаго народа.
ъ то печальное время, когда повсюду ходили расколоучители съ неумол-
ною проповѣдію о расколѣ, многіе православные священники, какъ сами
е имѣли надлежащаго богословскаго образованія, такъ и паству свою
ставляли въ совершенномъ невѣдѣніи истинъ вѣры. Живая проповѣдь
ерковная замолкла на сѣверѣ Россіи еще въ XVI столѣтіи. Въ XVII в.
ногіе священники не только сами не составляли и не предлагали народу
ерковныхъ поученій, но оставляли и тѣ, которыя положено было пред-
агать въ храмахъ народу церковнымъ уставомъ. На это такъ жаловался
. Іоасафъ въ 1636 году: «чтенія, какія учинены прочитати на праздники
чительныя народомъ Евангелія и иныя святыхъ Апостолъ и святыхъ
тецъ писанія, то все попы оставляютъ, а православнымъ христіаномъ
его ничего не прочитаютъ, а которымъ чести хотящимъ и они также
озбраняютъ, рекуще позднаго ради времени: и таковыя ради лѣности на
оскресные дни и на праздники учительныя Евангелія и святыхъ Апостолъ
святыхъ отецъ поученія и житія отъ лѣнивыхъ священниковъ на за-
треняхъ вотще оставляеми бываютъ, но приходящіе бо людіе православные
ристіане, исходяще отъ церкви Божія яко гладни, иже бо слова Божія
рочитаемаго и св. Апостолъ и св. отецъ поученія и житія не слышаще
заповѣдей Божіихъ и св. Апостолъ и св. отецъ преданія не доумѣвающе
ворити; и видя то православные христіане въ церквахъ Божіихъ и въ
аставницѣхъ неисправленіе, *и оттого имъ смущается умъ и скудѣетъ*
вѣра» [2]). Во 2-й половинѣ XVII столѣтія, благодаря попеченіямъ великаго
Никона, начала, правда, возобновляться въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проповѣдь
ерковная [3]). Такъ около 1684 года явился учительный священникъ въ
городкѣ Орлѣ, Пермской губерніи, который по воскреснымъ и празднич-
нымъ днямъ сказывалъ въ церкви поученія народу и составилъ рядъ
такихъ поученій подъ названіемъ: «статиръ». Онъ свидѣтельствовалъ еще,
что «слышалъ, яко въ Россіи по многихъ градѣхъ премудріи священницы
отъ устъ поученія читаютъ, а не съ книгъ, и людіе зѣло любезно послу-
шаютъ ихъ» [4]). Но всѣ эти полезныя предначинанія, къ сожалѣнію, были

---

[1]) Сочин. Посошкова, изд. Погодинымъ, гл. I, о духовности и въ концѣ: доно-
шеніе Ивана Посошкова митропол. Стефану Яворскому.

[2]) А. А. Э. т. III, № 264.

[3]) Примѣръ церковной проповѣди священникамъ подавали п. Никонъ, Епифаній
Славеницкій и, особенно, Симеонъ Полоцкій и св. Димитрій Ростовскій.

[4]) Опис. Рум. Муз. № CCCCXI, стр. 629—632.

весьма недостаточны и далеко не повсемѣстны. Тогда какъ нѣ… благомыслящіе священники постигали всю важность и необходимость жи… проповѣди, и, по возможности, старались преподавать народу истины в… и благочестія, большая часть священниковъ оставались въ совершен… безмолвіи, и оставляли народъ коснѣть въ невѣдѣніи спаситель… истинъ христіанскаго ученія, «мірскимъ людемъ о благочиніи и о укр… леніи христіанскаго благопребыванія не наказывали и ко всякому бла… дѣлу ихъ не научали» [1]). Въ томъ же самомъ городкѣ Орлѣ, когда вы… упомянутый священникъ началъ сказывать церковныя поученія, и нѣ… торые неразумные прихожане стали роптать,—«откуда онъ неудобная … дитъ»,—собратія его священники, вмѣсто того, чтобы поддерживать… защищать его истинно-пастырское начинаніе, молчали и оставляли … одного бороться съ невѣжествомъ [2]). Свят. Дмитрій Ростовскій, видя… какомъ упадкѣ было церковное поученіе народа священниками, и ка… оттого въ самомъ народѣ охладѣвала даже любовь и пріемлемость къ … ковнымъ поученіямъ, съ глубокою горестію восклицалъ въ одномъ … поученій своихъ: «оле окаянному времени нашему, яко отнюдь пренебре… сѣяніе слова Божія, весьма оставися слово Божіе: сѣятели не сѣютъ… земля не пріемлетъ, іереи не брегутъ, а людіе заблуждаютъ; іереи не уча… а людіе невѣжествуютъ; іереи слова Божія не проповѣдаютъ, а людіе … слушаютъ, ниже слушати хотятъ» [3]). При такомъ крайнемъ оскудѣ… церковнаго ученія и проповѣдыванія народу слова Божія, долго ли бы… возникнуть и распространиться расколу? Православные священники … учили народа истинамъ вѣры и нравственности, не приводили его … познаніе истинъ ученія церкви,—и вотъ онъ волновался всякимъ вѣтро… ученія, скитался во лжи человѣчестѣй, въ коварствѣ козней льщенія… слушалъ всякихъ расколоучителей. Мы видѣли, что народъ крайне нужда… въ христіанскомъ просвѣщеніи, по крайней мѣрѣ весьма многіе правосла… ные чувствовали глубокую потребность въ церковномъ ученіи и назида… весьма желали познанія истинъ вѣры и благочестія, а между тѣмъ пра… славные священники не удовлетворяли этой благороднѣйшей, духов… нравственной потребности ихъ, даже иногда возбраняли «хотящимъ чест… Удивительно ли, что многіе изъ этихъ православныхъ, не получая жел… маго назиданія и наставленія въ истинахъ вѣры отъ своихъ настоящи… учителей—священниковъ, обращались къ учителямъ и наставникамъ ра… кольническимъ? А хитрые, ловкіе расколоучители, между которыми час… были люди весьма начитанные и даровитые, уже умѣли совратить таки… въ расколъ, умѣли завлечь ихъ своимъ обольстительнымъ сладкоглаго… ніемъ. Православные священники не всегда прилежно посѣщали до… своихъ прихожанъ, чтобы не только въ церкви, но и дома поучать и… спасительнымъ истинамъ вѣры и благочестія, а раскольническіе наставни… непрестанно ходили по домамъ и оглашали православныхъ своею про…

---

1) А. И. т. IV, № 151. А. А. Э. III, № 264.
2) Востокова, опис. Румянц. Муз. стр. 632.
3) Сочин. св. Димитрія ч. II, стр. 389, 390.

вѣрѣ и расколъ. Люди престарѣлые лѣтъ, день отъ-дня все болѣе и болѣе ослабѣвающіе въ крайн[illegible], больные, находящіеся на одрѣ смертномъ, несчастные, удрученные какимъ-либо горемъ, бѣдствіемъ, преимущественно же бѣдняки, лишенные всякаго посѣщенія, утѣшенія и наставленія отъ своего пастыря-священника, охотно приглашали къ себѣ въ домъ раскольническихъ наставниковъ и рады были ихъ посѣщенію и утѣшенію: ибо въ минуты тяжкаго бѣдствія, горькой скорби, или тяжкой болѣзни, душа [illegible] христіанина жаждетъ, ищетъ, проситъ одного утѣшенія, которое только и можетъ удовлетворить ея духовной природѣ, именно утѣшенія въ словѣ Божіемъ, въ словѣ Христовомъ. Исторія показываетъ, что раскольническіе наставники много душъ уловили въ свои сѣти именно въ такія тяжкія минуты жизни. Наконецъ, многіе православные священники вовсе не заботились узнавать, просвѣщать свѣтомъ истины заблудшихъ въ расколѣ чадъ своихъ и нисколько не имѣли вліянія, дѣйствительнаго нравственно-просвѣтительнаго вліянія на ихъ умы и сердца, чтобы смягчить, просвѣтить и обратить ихъ къ истинѣ. А раскольническіе между тѣмъ десятки, сотни, тысячи православныхъ обольщали своимъ ученіемъ и совращали въ расколъ. Такъ напр. мы знаемъ, что на Демидовскихъ заводахъ почти всѣ рабочіе заражены были расколомъ, а отъ чего? «Отъ того, отвѣчаетъ нашъ прикащикъ отъ заводовъ [illegible] въ своемъ докладѣ правительству, что по силѣ указа никакого [illegible] своихъ древнихъ вѣрованій [illegible] не было; а ежели бы оные люди отъ духовнаго чина, по силѣ указа, увѣщеваемы были, тоѣ, чаятельно было, многое бы число людей къ познанію истинной вѣры возвратилось отъ ихъ заблужденій, и спасеніе себѣ получили, и двойнаго оклада не платили бъ, къ тому же де и толикаго множественнаго числа людей, находящихъ въ расколѣ, при тѣхъ заводахъ не чаятельно, ибо де изъ Сибирской Губернской Канцеляріи въ 725 г. декабря 17 дня въ контору раскольническую сообщено, что при тѣхъ заводахъ раскольниковъ нѣтъ, и какъ въ краткое время оного множественнаго числа придтить въ расколъ не чаятельно быть» [1]. Посошковъ говоритъ: «Отъ пресвитерскаго небреженія уже много миріадъ россійскаго народа въ погибельныя ереси уклонилось: большая бо часть уклонилась въ погибельный путь; въ древнемъ же благочестіи уже малая часть остается: ибо въ Великомъ Новгородѣ едва и третья часть обрящется ли древняго благочестія держащихся.... А вся сія гибель чинится отъ пресвитеровъ: ибо не токмо отъ лютеранъ, или отъ латинскихъ ереси, но и отъ самаго дурацкаго раскола не умѣютъ чѣмъ оградити себе, а имъ бы обличать, и научить, какъ имъ жить, и отъ пропасти адскія како имъ избыть, но и запретить крѣпко не разумѣютъ, или не смѣютъ, или на лѣность склоняются, не брегутъ о семъ.... Аще бы попы, како градскіе, такъ и сельскіе, были разумительны, то никогда бы расколщикамъ въ простомъ народѣ множитися бъ было не возможно, и никакого возникнути блядивѣ не мало» [2].—Во вторыхъ, чтобы предохранить

1) П. С. З. т. X. № 7[illegible].
2) Соч. Посошкова, стр. 4—19.

православныхъ отъ раскола, надобно было утверждать ихъ въ тѣснѣйшемъ общеніи и единеніи съ церковію чрезъ Богослуженіе, чрезъ таинства и другія церковныя средства; также заботиться о поддержаніи въ нихъ живой вѣры и благочестія и наблюдать за ихъ нравственною жизнію. А священники, на которыхъ лежало это высокое дѣло, къ несчастію большею частію не имѣли никакого попеченія объ этомъ. Многіе изъ нихъ совершенно не наблюдали за своими прихожанами, не знали и не старались узнавать ихъ душевнаго состоянія, не заботились объ ихъ христіанской жизни; напротивъ, иногда даже еще сами потворствовали своимъ прихожанамъ жить противно духу православной церкви. Такъ п. Никонъ, когда еще былъ митрополитомъ Новгородскимъ (именно въ 1650 г.), жаловался царю Алексѣю Михайловичу, что «въ Лопскихъ погостахъ крестьяне межь собою женятся въ роду и въ племени, и въ кумовствѣ, и въ сватовствѣ и крестномъ братствѣ, а попы на нихъ не извѣщаютъ ему» [1]. Весьма многіе священники нисколько не заботились о нравственно-христіанскомъ настроеніи и воспитаніи душъ своихъ прихожанъ, о поддержаніи и утвержденіи въ нихъ христіанской вѣры и доброй нравственности; не внушали имъ ходить по праздникамъ въ церковь, въ установленные посты говѣть, очищать свою совѣсть и нравственность покаяніемъ и исповѣдью, и пріобщаться Св. Таинъ. Напротивъ, священники сами часто оставляли своихъ прихожанъ безъ Богослуженія, опуская церковныя службы даже по воскресеньямъ, по Господскимъ и Богородичнымъ праздникамъ, и не исправляли христіанскихъ требъ. Такъ въ 1659 г. «вѣдомо учинилось святѣйшему п. Іосифу, въ Володимірскомъ уѣздѣ, въ Ярополческой волости, у церквей поповъ по осми, и по шести, и по четыре, и по три и по два, и что тѣ попы на свѣтлой недѣлѣ служатъ въ одно Свѣтлое Воскресенье, а въ понедѣльникъ свѣтлыя недѣли и во всю недѣлю и во Владычны праздники и въ Богородичны праздники службы не бываетъ» [2]. Въ 1661 г. донесено было м. Новгородскому Макарію, что «на Тихфинѣ на посадѣ и около Тихфина въ нагорной десятинѣ, въ монастырѣхъ у игуменовъ и у строителей и у черныхъ поповъ, а въ погостѣхъ Георгіевскомъ на Кожелѣ, въ Дмитровскомъ, въ Капецкомъ, въ Спасскомъ на Шизнѣ, на Явосмѣ въ Озеревскомъ, въ Пашезерскомъ, въ Шюгозерскомъ, въ Лучиньскомъ, въ Волоцкомъ, въ Пелушскомъ, въ Койчушскомъ, въ Георгіевскомъ на Пашѣ, и тѣхъ погостовъ въ выставкахъ у поповъ и у діаконовъ и у причетниковъ церковныхъ по праздникамъ Господьскимъ и по воскресеніямъ, для ихъ лѣности, молебны не поются, а индѣ въ тѣ дни по святымъ Божьимъ церквамъ и Божественныя службы не бываетъ; и православные христіане по Господьскимъ праздникамъ и по воскресеніямъ къ церквѣ Божіи не приходятъ; во святые великіе посты, въ четыредесятницу, мужи и жены ко отцомъ своимъ духовнымъ не приходятъ и Божественныхъ и Пречистыхъ таинъ Тѣла и Крови Христовы не причащаются, и *отцы ихъ духовные ихъ православныхъ*

[1]) А. А. Э. IV, № 42, стр. 62.
[2]) А. А. Э. IV, № 326.

христіанъ, а своихъ дѣтей духовныхъ ко всякому благому дѣлу не поучаютъ, и которые дѣти духовные не слушаютъ, и отцы духовные на нихъ не пишутъ къ нему, митрополиту» [1]). Въ 1672 г. дошло до свѣдѣнія Новгородскаго же митрополита Питирима, что «на Вагѣ въ Шенкурскомъ острогѣ, во всѣхъ четырехъ четвертяхъ, по монастырямъ игумены и строители и черные попы съ братіею, а по погостамъ и по выставкамъ попы и діаконы и церковные причетники по Господьскимъ праздникамъ и на Государскіе ангелы и въ воскресные дни молебновъ не пѣли, а индѣ, въ тѣ дни вовсе и Божественной службы не было, а православные христіане по Господскимъ праздникамъ, и въ воскресные дни къ церквѣ не приходили, во святую четыредесятницу и въ другіе посты не постились, не приходили къ отцамъ духовнымъ на исповѣдь, не причащались Тѣла и Крови Христовой, а священники не поучали, и ко всякому благому дѣлу не приводили» [2]). Въ 1685 г. Псковскій архіеп. Маркеллъ, жалуясь царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ на самоуправство и безпечность старостъ церковныхъ—посадскихъ людей, писалъ также, что въ его епархіи «у піяныхъ поповъ на Господскія праздники и на Государскіе ангелы многожды церкви стоятъ пусты безъ пѣнья» [3]). Нравственное вліяніе сельскаго духовенства на народъ тѣмъ было слабѣе, что сельскіе священнослужители, необезпеченные въ матеріальной жизни, заняты были болѣе житейскими хлопотами, чѣмъ попеченіемъ о паствѣ. «У насъ сельскіе попы обременены земледѣльствомъ, говоритъ Посошковъ, и того ради нетако пекутся о служеніи церковномъ, яко о пашнѣ своей, а паства душевная уже въ сторонѣ стала быти, и того ради многое множество христіанъ православныхъ умираетъ безъ покаянія и безъ причащенія Тѣла Христова; сельскіе бо пресвитеры люди самые простые: взростетъ онъ въ деревнѣ, деревенскія дѣла и смышляетъ... Нынѣ вси сельскіе попы, аще у коея церкви попа и два-три, то мало церковной службы у нихъ бываетъ... даже на святой недѣли больше одной обѣдни не бывало... А у коихъ церквей по одному попу, то, чаю, и во весь годъ обѣденъ десятка другаго не отслужитъ: понеже аще пашни ему не пахать, то голодну быть; гдѣ было итти въ церковь на словословіе Божіе, а попъ съ мужиками пойдетъ овины сушить; и гдѣ было обѣдню служить, а попъ съ причетники хлѣбъ молотитъ, а православные христіане умираютъ ничѣмъ же отмѣнно отъ скота» [4]). Такое небреженіе нѣкоторыхъ православныхъ священниковъ о совершеніи Богослуженія въ воскресные и праздничные

---

[1]) А. И. т. IV, № 151.

[2]) А. А. Э. IV, № 188.

[3]) Въ началѣ XVIII в. св. Димитрій Ростовскій жаловался: „еще же и сіе вѣстно сотворися, яко нѣцыи отъ нерадивыхъ не малую подъ собою паству душъ человѣческихъ имуще, не пекутся, якоже пещися подобаетъ о спасеніи, и лѣнятся ходити къ больнымъ, еже исповѣдывати и причащати ихъ, а наипаче къ людямъ убогимъ и нищимъ не хотятъ ходити, токмо къ больнымъ ходятъ, а убогихъ и нищихъ презираютъ и многіе нерадѣніемъ ихъ безъ исповѣди и безъ причащенія Божественныхъ таинъ умираютъ". (Древн. Росс. Вивліоѳ. ч. XVII, стр. 82).

[4]) Сочин. Посошкова стр. 25, 27, 28.

дни, о говѣніи, исповѣданіи и причащеніи православныхъ въ четыредесятницу или въ другіе посты и объ исполненіи христіанскихъ требъ, весьма вредно было для православныхъ, невольно доводило ихъ до отчужденія отъ церкви и склонности къ расколу. Во всѣ времена ничто такъ не поддерживало вѣры и благочестія въ народѣ русскомъ, особенно въ простомъ народѣ, ничто такъ не прикрѣпляло его къ церкви, какъ усердное хожденіе въ воскресные, Господскіе, Богородичные и другіе праздники въ храмы къ Богослуженію и постоянное, живое участіе въ священно-дѣйствіяхъ Богослуженія. Но теперь, если въ нѣкоторыхъ православныхъ приходахъ не только въ простые дни, но въ праздники Господни и Богородичны и по воскресеніямъ часто не было богослуженія; если священники по лѣности, или по невоздержной жизни, или по другимъ какимъ-либо причинамъ не служили; то удивительно ли, что въ такихъ приходахъ у православныхъ чувство вѣры и благочестія мало-по-малу охладѣвало, и наконецъ многіе изъ нихъ дѣлались вовсе холодными къ церкви. Посошковъ, глубоко понимавшій нравственныя потребности и духъ русскаго народа, справедливо разсуждаетъ о томъ, какъ вредно для нашего народа въ нравственномъ отношеніи отчужденіе отъ богослуженія, отъ храмовъ. «Пресвитеровъ аще и много, говоритъ онъ, обаче не пекутся о томъ, они бы отъ таковыя (раскольнической) погибели народъ отвратити и на правый путь направити; но есть еще и такіе пресвитеры, что и потакаютъ имъ, и того ради церкви всѣ уже запустѣли, и такъ было до нынѣшняго 723 года въ церквахъ пусто, что и въ недѣльный день человѣкъ двухъ-трехъ настоящихъ прихожанъ необрѣталося. А нынѣ архіерейскимъ указомъ, слава Богу, мало по малу начинаютъ ходить ко св. церкви. Гдѣ бывало человѣка по два-три въ церкви, а нынѣ и десятка по два-три бываетъ по воскреснымъ днямъ, а въ большіе праздники бываетъ и больше, и то страха ради, а не ради истиннаго обращенія. И впредь аще подкрѣпленія не будетъ, то вси по прежнему ходить по церквамъ не будутъ; вельми бо въ нихъ вкоренилась раскольническая ересь. А вся сія гибель чинится отъ пресвитеровъ» [1]). По нерадѣнію неблагопопечительныхъ священниковъ православные, не ходя въ церковь, не исповѣдываясь во грѣхахъ своихъ, не пріобщаясь Божественнаго Тѣла и Крови Христовой, чрезъ то неизбѣжно отчуждались отъ духа церкви Христовой, постепенно прерывали внутреннее тѣснѣйшее общеніе и живую связь съ духовнымъ тѣломъ Христовымъ-церковію, а чрезъ отчужденіе отъ жизни церковной, особенно чрезъ лишеніе себя Божественной пищи, св. Тѣла и Крови Христовой, естественно, неизбѣжно доходили, наконецъ, до такого нравственно-духовнаго омертвѣнія, чро неминуемо отпадали отъ Тѣла Христова—церкви, какъ мертвые члены, неимѣвшіе въ себѣ жизни Христовой. «Многіе, не радя о своемъ спасеніи, угождая же лѣности своей,— читаемъ въ Сенатскомъ указѣ 1737 года Апрѣля 16, не имѣя душеспасительнаго въ себѣ дара, т. е. сообщенія Тѣла и Крови Христовы, и впадающе въ грѣхи различные, отходятъ въ крайнее заблужденіе *и оттого же происходитъ склонность и раждается самое раскольнической прелести преум-*

[1]) Сочин. Посошкова, стр. 10.

женіе, а тому виною можетъ быть нечто иное, точію пастырей о паствахъ оихъ небреженіе» [1]). «Въ 1693 году Августа 1 дня въ олонецкой Приказ-ой избѣ явился изъ пудожскаго погоста крестьянинъ раскольникъ Ѳедоръ лексѣевъ и подалъ мірскую челобитную, за руками старосты пудожскаго огоста Семена Леонтьева раскольника же, и мірскихъ людей, имяномъ 12 человѣкъ, того же пудожскаго погоста на поповъ на Семена Петрова, а на Онтипа Михеева, а въ той ихъ челобитной, между прочимъ, напи-ано: что они попы къ нимъ мірскимъ людямъ, къ болящимъ, для испо-ѣди и причащенія не приходятъ и не исповѣдываютъ и не причащаютъ, многіе де болящіе и родильницы безъ покаянія и безъ причащенія поми-аютъ; а какъ они мірскіе люди приходили ихъ поповъ звать къ родиль-ицамъ молитвы давать, и они де попы ихъ мірскихъ людей не слушали, забывъ страхъ Божій пили и бражничали, и многія родильницы умирали езъ молитвы и безъ покаянія» [2]). Такъ жаловались прихожане пудожскаго огоста, гдѣ цѣлыя деревни заражены были расколомъ и гдѣ самые лѣса аполнены были раскольническими пристанищами. Какъ больно слышать одобныя жалобы на пастырей отъ ихъ же и по ихъ же допущенію заблу-ившихъ пасомыхъ! Еще больнѣе, прискорбнѣе то, что нѣкоторые священ-ики не только не предотвращали своихъ прихожанъ отъ раскола ни цер-овными наставленіями, ни пастырскимъ попеченіемъ о ихъ духовно-равственной жизни, но еще сами потворствовали расколу. «И нынѣ, — ъ тяжкою болѣзнію сердца жаловался св. Дмитрій Ростовскій, — суть нози таковіи, отъ нихъ же нѣцыи попы оставивше церкви своя и домы, дутъ въ раскольническія жилища: друзіи же, аще и при церквахъ своихъ живутъ, и правовѣрными быти лицемѣрно сказуются: обаче съ расколь-ики мудрствуютъ и согласуются онымъ, и прихожанъ своихъ, кіи отъ аскольниковъ прельщены, укрываютъ и потакаютъ имъ» [3]). «Попы нѣкіи,— итаемъ въ прибавленіи къ Духовному Регламенту, — утаявая раскольни-овъ, притворяютъ, будто они больнаго сообщаютъ св. тайнамъ наединѣ, абы раскольникъ, таковымъ причастія притворомъ утаенъ былъ» [4]). «Попы, акупленные отъ раскольниковъ, сказано также въ прав. 17, пріемлютъ хъ младенцевъ къ крещенію, и не крестивъ отсылаютъ» [5]).

Нѣкоторые пастыри православной церкви обходились съ православ-ыми *иногда жестоко, не по отечески и не по пастырски, и тѣмъ удаляли, тталкивали православныхъ отъ себя и отъ церкви въ расколъ.* Вмѣсто того, тобы съ отеческою любовію и кротостію обращаться съ своими прихо-анами, и съ пастырскою попечительностію и безкорыстною благожела-ельностію заботиться объ ихъ душевномъ благѣ, нѣкоторые недостойные вященники притѣсняли своихъ прихожанъ, обижали, оскорбляли ихъ воею неблагопристойною притязательностію, и излишнею, непомѣрною ребовательностію, истязывали у своихъ прихожанъ большія платы за требы

[1]) П. С. З. X, № 7226.
[2]) А. И· т. V, № 223, стр. 384.
[3]) Розыскъ ч. 2, гл, 16.
[4]) П. С. З. т. IV, № 4022, п. 15.
[5]) П. С. З. VI, № 409, п. 25, 26.

дни, о говѣніи, исповѣданіи и причащеніи православныхъ въ четыредесятницу или въ другіе посты и объ исполненіи христіанскихъ требъ, весьма вредно было для православныхъ, невольно доводило ихъ до отчужденія отъ церкви и склонности къ расколу. Во всѣ времена ничто такъ не поддерживало вѣры и благочестія въ народѣ русскомъ, особенно въ простомъ народѣ, ничто такъ не прикрѣпляло его къ церкви, какъ усердное хожденіе въ воскресные, Господскіе, Богородичные и другіе праздники въ храмы къ Богослуженію и постоянное, живое участіе въ священно-дѣйствіяхъ Богослуженія. Но теперь, если въ нѣкоторыхъ православныхъ приходахъ не только въ простые дни, но въ праздники Господни и Богородичны и по воскресеніямъ часто не было богослуженія; если священники по лѣности, или по невоздержной жизни, или по другимъ какимъ-либо причинамъ не служили: то удивительно ли, что въ такихъ приходахъ у православныхъ чувство вѣры и благочестія мало-по-малу охладѣвало, и наконецъ многіе изъ нихъ дѣлались вовсе холодными къ церкви. Посошковъ, глубоко понимавшій нравственныя потребности и духъ русскаго народа, справедливо разсуждаетъ о томъ, какъ вредно для нашего народа въ нравственномъ отношеніи отчужденіе отъ богослуженія, отъ храмовъ. «Пресвитеровъ аще и много, говоритъ онъ, обаче не пекутся о томъ, они бы отъ таковыя (раскольнической) погибели народъ отвратити и на правый путь направити; но есть еще и такіе пресвитеры, что и потакаютъ имъ, и того ради церкви всѣ уже запустѣли, и такъ было до нынѣшняго 723 года въ церквахъ пусто, что и въ недѣльный день человѣкъ двухъ-трехъ настоящихъ прихожанъ необрѣталося. А нынѣ архіерейскимъ указомъ, слава Богу, мало по малу начинаютъ ходить ко св. церкви. Гдѣ бывало человѣка по два-три въ церкви, а нынѣ и десятка по два-три бываетъ по воскреснымъ днямъ, а въ большіе праздники бываетъ и больше, и то страха ради, а не ради истиннаго обращенія. И впредь аще подкрѣпленія не будетъ, то вси по прежнему ходить по церквамъ не будутъ; вельми бо въ нихъ вкоренилась раскольническая ересь. А вся сія гибель чинится отъ пресвитеровъ» [1]). По нерадѣнію неблагопопечительныхъ священниковъ православные, не ходя въ церковь, не исповѣдываясь во грѣхахъ своихъ, не пріобщаясь Божественнаго Тѣла и Крови Христовой, чрезъ то неизбѣжно отчуждались отъ духа церкви Христовой, постепенно прерывали внутреннее тѣснѣйшее общеніе и живую связь съ духовнымъ тѣломъ Христовымъ-церковію, а чрезъ отчужденіе отъ жизни церковной, особенно чрезъ лишеніе себя Божественной пищи, св. Тѣла и Крови Христовой, естественно, неизбѣжно доходили, наконецъ, до такого нравственно-духовнаго омертвѣнія, чро неминуемо отпадали отъ Тѣла Христова—церкви, какъ мертвые члены, неимѣвшіе въ себѣ жизни Христовой. «Многіе, не радя о своемъ спасеніи, угождая же лѣности своей,— читаемъ въ Сенатскомъ указѣ 1737 года Апрѣля 16, не имѣя душеспасительнаго въ себѣ дара, т. е. сообщенія Тѣла и Крови Христовы, и впадающе въ грѣхи различные, отходятъ въ крайнее заблужденіе *и оттого же происходитъ склонность и раждается самое раскольнической прелести преум-*

1) Сочин. Посошкова, стр. 10.

женіе, а тому виною можетъ быть нечто иное, точію пастырей о паствахъ оихъ небреженіе» [1]). «Въ 1693 году Августа 1 дня въ олонецкой Приказой избѣ явился изъ пудожскаго погоста крестьянинъ раскольникъ Ѳедоръ лексѣевъ и подалъ мірскую челобитную, за руками старосты пудожскаго огоста Семена Леонтьева раскольника же, и мірскихъ людей, имяномъ 12 человѣкъ, того же пудожскаго погоста на поповъ на Семена Петрова, а на Онтипа Михеева, а въ той ихъ челобитной, между прочимъ, написано: что они попы къ нимъ мірскимъ людямъ, къ болящимъ, для исповѣди и причащенія не приходятъ и не исповѣдываютъ и не причащаютъ, многіе де болящіе и родильницы безъ покаянія и безъ причащенія помираютъ; а какъ они мірскіе люди приходили ихъ поповъ звать къ родильницамъ молитвы давать, и они де попы ихъ мірскихъ людей не слушали, забывъ страхъ Божій пили и бражничали, и многія родильницы умирали безъ молитвы и безъ покаянія» [2]). Такъ жаловались прихожане пудожскаго погоста, гдѣ цѣлыя деревни заражены были расколомъ и гдѣ самые лѣса наполнены были раскольническими пристанищами. Какъ больно слышать подобныя жалобы на пастырей отъ ихъ же и по ихъ же допущенію заблудившихъ пасомыхъ! Еще больнѣе, прискорбнѣе то, что нѣкоторые священники не только не предотвращали своихъ прихожанъ отъ раскола ни церковными наставленіями, ни пастырскимъ попеченіемъ о ихъ духовнонравственной жизни, но еще сами потворствовали расколу. «И нынѣ, — ъ тяжкою болѣзнію сердца жаловался св. Дмитрій Ростовскій, — суть нози таковіи, отъ нихъ же нѣцыи попы оставивше церкви своя и домы, идутъ въ раскольническія жилища: друзіи же, аще и при церквахъ своихъ живутъ, и правовѣрными быти лицемѣрно сказуются: обаче съ раскольники мудрствуютъ и согласуются онымъ, и прихожанъ своихъ, кіи отъ раскольниковъ прельщены, укрываютъ и потакаютъ имъ» [3]). «Попы нѣкіи,— читаемъ въ прибавленіи къ Духовному Регламенту, — утаявая раскольниковъ, притворяютъ, будто они больнаго сообщаютъ св. тайнамъ наединѣ, дабы раскольникъ, таковымъ причастія притворомъ утаенъ былъ» [4]). «Попы, закупленные отъ раскольниковъ, сказано также въ прав. 17, пріемлютъ ихъ младенцевъ къ крещенію, и не крестивъ отсылаютъ» [5]).

Нѣкоторые пастыри православной церкви обходились съ православными *иногда жестоко, не по отечески и не по пастырски, и тѣмъ удаляли, отталкивали православныхъ отъ себя и отъ церкви въ расколъ.* Вмѣсто того, чтобы съ отеческою любовію и кротостію обращаться съ своими прихожанами, и съ пастырскою попечительностію и безкорыстною благожелательностію заботиться объ ихъ душевномъ благѣ, нѣкоторые недостойные священники притѣсняли своихъ прихожанъ, обижали, оскорбляли ихъ своею неблагопристойною притязательностію, и излишнею, непомѣрною требовательностію, истязывали у своихъ прихожанъ большія платы за требы

1) П. С. З. X. № 7226.
2) А. И· т. V, № 223, стр. 384.
3) Розыскъ ч. 2, гл, 16.
4) П. С. З. т. IV, № 4022, п. 15.
5) П. С. З. VI, № 400, п. 25, 26.

и только деньги брали, а требъ не исполняли. Это весьма многихъ православныхъ отчуждало отъ православной церкви и располагало ихъ къ принятію безпоповскаго раскола. По этой причинѣ совратились въ расколъ многіе жители пудожскаго погоста, какъ видно изъ дѣла о пудожскихъ раскольникахъ. Вотъ какую жалобу они приносили на своихъ священниковъ Семена Петрова и Онтипа Михеева въ вышеупомянутой нами челобитной (если только вѣрить ихъ свидѣтельству): «которыхъ тѣла умершихъ мірскіе люди къ церкви привозили, они попы съ тѣмъ умершихъ имали по два и по три и по пяти рублевъ, а съ иныхъ де просили и пятнадцати рублевъ, а дать де было нечего, и тѣ умершихъ тѣла лежать безъ погребенія, а что молитву давали родильницамъ, и свадьбы вѣнчали и младенцевъ крестили, и которые младенцы умирали, и они де попы имали отъ молитвы, и отъ вѣнчанія, и отъ крещенья, и отъ погребенья, все передъ прежнимъ вчетверо; а какъ мірскіе люди приходили ихъ звать къ родильницамъ молитвы давать, и они попы ихъ мірскихъ людей не слушали, и забывъ страхъ Божій, пили и бражничали и многія родильницы умирали безъ молитвы и безъ покаянія; а ругу де они попы съ нихъ мірскихъ людей емлютъ накладную передъ прежнимъ втрое, да какъ попъ Семенъ тягался съ пономаремъ съ Иваномъ Матвѣевымъ; и взялъ съ мірскихъ людей угрозами денегъ десять рублевъ» [1]. При такой неблагопристойной притязательности пудожскихъ священниковъ, неудивительно, что во 2-й половинѣ XVII вѣка въ пудожскомъ погостѣ весьма многіе, совратившись въ росколъ, бѣжали въ непроходимые пудожскіе лѣса, тамъ устроили себѣ пристанища и оттуда дѣлали нападенія на православныя церкви пудожскаго погоста и на самихъ священниковъ, которыми были недовольны [2]. Если прихожане пудожскаго погоста во 2-й половинѣ XVII вѣка весьма недовольны были, между прочимъ, тѣмъ, что священники не отпѣвали у нихъ умершихъ и за отпѣванье требовали слишкомъ большую плату, то не менѣе возбуждали противъ себя неудовольствія въ своихъ прихожанахъ и тѣ священники, которые брали съ православныхъ большія платы за поминовеніе ихъ усопшихъ родственниковъ и ближнихъ, а заупокойныхъ службъ и сорокоустовъ не

---

[1]) „Податели этой челобитной въ олонецкой приказной избѣ распрашивали стольникъ и воевода Леонтій Стрѣшневъ и дьякъ Ивановъ, и въ распросѣ онъ сказалъ слѣдующее: „въ прошломъ де 201 году (1693) по лѣту Божіимъ изволеніемъ, въ ихъ пудожскомъ погостѣ учалъ скотъ пасть и люди умирать скорою смертію и для же исповѣди людей и для причащенія Христовыхъ Таинъ поповъ Семена и Антипа пудожскаго погоста жители въ домы призывали, и они де попы для исповѣди и причащенія Христовыхъ Таинъ къ тѣмъ людямъ не приходили и не исповѣдывали и не причащали, а иныхъ въ землю не погребали, и такихъ де умершихъ тѣла есть не отпѣты, а прошали де они попы за исповѣдь, и за причащеніе, и за отпѣваніе и за погребеніе, съ такихъ людей съ человѣка по 15 рублевъ и меньше, а съ иныхъ людей имали за отпѣванье съ человѣка по пяти и по три и по два рубля, а умершаго де крестьянина Матюшки Козмина у братьи его просили они попы за отпѣванье 15 рублевъ, и онъ де Матюшка не отпѣтъ, да за отпѣванье же де они попы взяли умершаго Якимки Яковлева у братьи у Терешки да у Гришки Яковлевыхъ пять рублевъ... у дѣтей за отпѣванье же его Аврамки взяли три рубля".

[2]) А. И. V, № 223, стр. 378 и дал.

правляли. Такъ напр. читаемъ въ Духовномъ Регламентѣ: «за сороко-ты великія цѣны попы домогаются, хотя бы ихъ не прошено о томъ, и сами они часто сорокоустовъ служитъ не думаютъ, и насильно платы, удто пошлины, за смерть истязуютъ [1])». А въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ро-говской епархіи были даже такіе недостойные священники, которые щеславно превозносились предъ прихожанами своимъ священствомъ и съ рдостію угрожали Богомъ данною имъ властію вязать и рѣшить [2]). Такой овсе не свойственный пастырямъ церкви духъ превозношенія, гордости, орыстной и высокомѣрной требовательности, очевидно, весьма неблаго-ріятно дѣйствовалъ на духъ православныхъ и невольно заставлялъ ихъ уждаться такихъ священниковъ, которые заражены были имъ. Прихо-жане боялись ихъ, и лучше соглашались быть безъ священниковъ, чѣмъ жить подъ руководствомъ такихъ лжепастырей, и вотъ многіе бѣжали тъ такихъ поповъ, нетерпимыхъ и православною церковію, и причисля-лись къ сектѣ безпоповщинской.

Неблагопристойное поведеніе нѣкоторыхъ церковно-служителей и право-славныхъ во время богослуженія, и безпорядки въ нѣкоторыхъ православныхъ церквахъ еще болѣе подавали повода къ уклоненію многихъ православныхъ ъ расколъ. Прискорбно читать въ увѣщательныхъ грамотахъ попечитель-ныхъ архипастырей жалобы, въ коихъ они вопіютъ противъ господство-вавшихъ тогда въ нѣкоторыхъ православныхъ церквахъ безпорядковъ и лоупотребленій. Такъ п. Іосафъ въ памяти, данной въ 1636 г. тіуну Ма-ойлову и поповскому старостѣ, Никольскому попу Панкратію о прекра-щеніи въ московскихъ церквахъ разнаго рода безчинствъ и злоупотребле-ній, пишетъ: «вѣдомо убо великому господину, святѣйшему Іоасафу, па-тріарху московскому и всея Русіи, отъ многихъ извѣстися, что въ цар-ствующемъ градѣ Москвѣ, иже бо суть въ Китаѣ, и въ бѣломъ городѣ Каменномъ, и въ Древяномъ, и въ загородныхъ мѣстѣхъ, въ соборныхъ и риходскихъ святыхъ Божьихъ церквахъ чинится мятежъ и соблазнъ и нарушеніе нашея святыя и православныя христіанскія непорочныя вѣры, что во святыхъ Божьихъ церквахъ зѣло поскору пѣніе Божіе, не по пра-виламъ св. апостолъ и св. отецъ, говорятъ голосовъ въ пять и въ шесть и больши, со всякимъ небреженіемъ; а православные христіане, иже суть мірстіи людіе, приходяще ко святымъ Божіимъ церквамъ, стоятъ въ церквѣ Божіи съ безстрашіемъ и со всякимъ небреженіемъ и во время святаго пѣнія бесѣды творятъ неподобныя съ смѣхотворе-ніемъ, а божественныя пѣнія и св. апостолъ и св. отецъ преда-

---

[1]) П. С. З. т. VI. стр. 706.

[2]) Древн. Росс. Вивліоѳ. ч. XVI, стр. 73. Св. Димитрій Ростовскій жаловался: „до-носится слухъ нашему о нѣкіихъ попахъ неискусныхъ и злонравныхъ, иже дѣтей воихъ духовныхъ исповѣданныя грѣхи изъявляютъ, обличаютъ и въ прилучающихся между людьми бесѣдахъ, егда бываютъ пьяніи, хвастаютъ тщеславно дѣтьми духов-ными, сказующе, которые лица къ нимъ на исповѣдь приходятъ. Егда же за что разгнѣваются на духовныхъ дѣтей, абіе съ укоризною поносятъ имъ, глаголюще: „ты еси мнѣ духовный сынъ (или духов. дочь), не вѣси ли, яко вѣмъ грѣхи твоя сія, абіе обличу тя предъ всѣми, и прочіе безумные глаголы“.

и только деньги брали, а требъ не исполняли. Это весьма многихъ православныхъ отчуждало отъ православной церкви и располагало ихъ къ принятію безпоповскаго раскола. По этой причинѣ совратились въ расколъ многіе жители пудожскаго погоста, какъ видно изъ дѣла о пудожскихъ раскольникахъ. Вотъ какую жалобу они приносили на своихъ священниковъ Семена Петрова и Онтипа Михеева въ вышеупомянутой нами челобитной (если только вѣрить ихъ свидѣтельству): «которыхъ тѣла умершихъ мірскіе люди къ церкви привозили, они попы съ тѣмъ умершихъ имали по два и по три и по пяти рублевъ, а съ иныхъ де просили и пятнадцати рублевъ, а дать де было нечего, и тѣ умершихъ тѣла лежатъ безъ погребенія, а что молитву давали родильницамъ, и свадьбы вѣнчали и младенцевъ крестили, и которые младенцы умирали, и они де попы имали отъ молитвы, и отъ вѣнчанія, и отъ крещенья, и отъ погребенья, все передъ прежнимъ вчетверо; а какъ мірскіе люди приходили ихъ звать къ родильницамъ молитвы давать, и они попы ихъ мірскихъ людей не слушали, и забывъ страхъ Божій, пили и бражничали и многія родильницы умирали безъ молитвы и безъ покаянія; а руту де они попы съ нихъ мірскихъ людей емлютъ накладную передъ прежнимъ втрое, да какъ попъ Семенъ тягался съ пономаремъ съ Иваномъ Матвѣевымъ; и взялъ съ мірскихъ людей угрозами денегъ десять рублевъ» [1]. При такой неблагопристойной притязательности пудожскихъ священниковъ, неудивительно, что во 2-й половинѣ XVII вѣка въ пудожскомъ погостѣ весьма многіе, совратившись въ росколъ, бѣжали въ непроходимые пудожскіе лѣса, тамъ устроили себѣ пристанища и оттуда дѣлали нападенія на православныя церкви пудожскаго погоста и на самихъ священниковъ, которыми были недовольны [2]). Если прихожане пудожскаго погоста во 2-й половинѣ XVII вѣка весьма недовольны были, между прочимъ, тѣмъ, что священники не отпѣвали у нихъ умершихъ и за отпѣванье требовали слишкомъ большую плату, то не менѣе возбуждали противъ себя неудовольствія въ своихъ прихожанахъ и тѣ священники, которые брали съ православныхъ большія платы за поминовеніе ихъ усопшихъ родственниковъ и ближнихъ, а заупокойныхъ службъ и сороконстовъ не

---

[1]) „Подателя этой челобитной въ олонецкой приказной избѣ распрашивали стольникъ и воевода Лоонтій Стрѣшневъ и дьякъ Ивановъ, и въ распросѣ онъ сказалъ слѣдующее: „въ прошломъ де 201 году (1693) по лѣту Божіимъ изволеніемъ, въ ихъ пудожскомъ погостѣ учалъ скотъ пасть и люди умирать скорою смертію и для и исповѣди людей и для причащенія Христовыхъ Таинъ поповъ Семена и Антипа пудожскаго погоста жители въ домы призывали, и они де попы для исповѣди и причащенія Христовыхъ Таинъ къ тѣмъ людямъ не приходили и не исповѣдывали и не причащали, а иныхъ въ землю не погребали, и такихъ де умершихъ тѣла есть не отпѣты, а прошали де они попы за исповѣдь, и за причащеніе, и за отпѣваніе и за погребеніе, съ такихъ людей съ человѣка по 15 рублевъ и меньше, а съ иныхъ людей имали за отпѣванье съ человѣка по пяти и по три и по два рубли, а умершаго де крестьянина Матюшки Козмина у братьи его просили они попы за отпѣванье 15 рублевъ, и онъ де Матюшка не отпѣтъ, да за отпѣванье же де они попы взяли умершаго Якимки Яковлева у братьи у Терешки да у Гришки Яковлевыхъ пять рублевъ... у дѣтей за отпѣванье же его Аврамки взяли три рубля".

[2]) А. И. V, № 223, стр. 378 и дал.

правляли. Такъ напр. читаемъ въ Духовномъ Регламентѣ: «за сороко-ты великія цѣны попы домогаются, хотя бы ихъ не прошено о томъ, и сами они часто сорокоустовъ служить не думаютъ, и насильно платы, дто пошлины, за смерть истязуютъ [1])». А въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ро-овской епархіи были даже такіе недостойные священники, которые цеславно превозносились предъ прихожанами своимъ священствомъ и съ рдостію угрожали Богомъ данною имъ властію вязать и рѣшить [2]). Такой все не свойственный пастырямъ церкви духъ превозношенія, гордости, рыстной и высокомѣрной требовательности, очевидно, весьма неблаго-іятно дѣйствовалъ на духъ православныхъ и невольно заставлялъ ихъ ждаться такихъ священниковъ, которые заражены были имъ. Прихо-ане боялись ихъ, и лучше соглашались быть безъ священниковъ, чѣмъ ить подъ руководствомъ такихъ лжепастырей, и вотъ многіе бѣжали ъ такихъ поповъ, нетерпимыхъ и православною церковію, и причисля-сь къ сектѣ безпоповщинской.

Неблагопристойное поведеніе нѣкоторыхъ церковно-служителей и право-авныхъ во время богослуженія, и безпорядки въ нѣкоторыхъ православныхъ рквахъ еще болѣе подавали повода къ уклоненію многихъ православныхъ расколъ. Прискорбно читать въ увѣщательныхъ грамотахъ попечитель-ыхъ архипастырей жалобы, въ коихъ они вопіютъ противъ господство-вшихъ тогда въ нѣкоторыхъ православныхъ церквахъ безпорядковъ и оупотребленій. Такъ п. Іосафъ въ памяти, данной въ 1636 г. тіуну Ма-йлову и поповскому старостѣ, Никольскому попу Панкратію о прекра-еніи въ московскихъ церквахъ разнаго рода безчинствъ и злоупотребле-й, пишетъ: «вѣдомо убо великому господину, святѣйшему Іоасафу, па-іарху московскому и всея Русіи, отъ многихъ извѣстися, что въ цар-вующемъ градѣ Москвѣ, иже бо суть въ Китаѣ, и въ бѣломъ городѣ аменномъ, и въ Древяномъ, и въ загородныхъ мѣстѣхъ, въ соборныхъ и иходскихъ святыхъ Божьихъ церквахъ чинится мятежъ и соблазнъ и рушеніе нашея святыя и православныя христіанскія непорочныя вѣры, о во святыхъ Божьихъ церквахъ зѣло поскору пѣніе Божіе, не по пра-ламъ св. апостолъ и св. отецъ, говорятъ голосовъ въ пять и въ шесть больши, со всякимъ небреженіемъ; а православные христіане, иже суть рстіи людіе, приходяще ко святымъ Божіимъ церквамъ, стоятъ въ ркве Божіи съ безстрашіемъ и со всякимъ небреженіемъ и во ремя святаго пѣнія бесѣды творятъ неподобныя съ смѣхотворе-іемъ, а божественныя пѣнія и св. апостолъ и св. отецъ преда-

[1]) П. С. З. т. VI. стр. 706.

[2]) Древн. Росс. Вивліоѳ. ч. XVI, стр. 73. Св. Димитрій Ростовскій жаловался: „до-ентся слухъ нашему о нѣкіихъ попахъ неискусныхъ и злонравныхъ, иже дѣтей оихъ духовныхъ исповѣданныя грѣхи изъявляютъ, обличаютъ и въ прилучающихся ежду людьми бесѣдахъ, егда бываютъ пьяніи, хвастаютъ тщеславно дѣтьми духов-ыми, сказующе, которые лица къ нимъ на исповѣдь приходятъ. Егда же за что згнѣваются на духовныхъ дѣтей, абіе съ укоризною поносятъ имъ, глаголюще: „ты ъ духовный сынъ (или духов. дочь), не вѣси ли, яко вѣмъ грѣхи твоя сія, абіе личуя предъ всѣми, и прочіе безумные глаголы".

нія, еже суть поученія, вотще презирающе и благочиновныхъ священниковъ наказанія, иже во святыхъ Божіихъ церквахъ о благосостояніи поученія не пріемлюще, но и паки же о томъ и самимъ священникомъ поношающе и ихъ укоряюще; а иніи же бо священницы и сами суть бесѣдующе, и безчинствующе, и мірскія угодія творяще; а обѣдни служатъ безъ часовъ, только отпустомъ начинаютъ; а во святые дни святаго великаго поста въ нихъ же должни суть православніи христіане, яко въ жатвенное время съ трудомъ великимъ и воздержаніемъ плоды добродѣтельные собирати въ житницу душевную, а въ тѣ великіе дни службы церковныя священницы совершаютъ зѣло по-скору, не по правиломъ, ни по преданію св. отецъ, но по своему умышленію, и лѣностію и нерадѣніемъ великимъ низуряютъ время постное; а иніи же бо суть, послѣ обѣдни на свѣтлой недѣли и вечерни отпѣваютъ, для своихъ пьянственныхъ нравовъ и лѣностію содержащеся. Такожде и въ воскресные дни, и во Владычни и Богородичны и въ нарочитыхъ святыхъ праздники, заутрени священницы поютъ гораздо по позду и для поздаго ради времени поютъ зѣло по-скору же... и видя то православни христіане иже въ церквахъ Божіихъ и въ наставницѣхъ неисправленіе и оттого имъ смущается умъ и скудѣетъ вѣра, потому что вожди ослѣпоша лѣностію и нерадѣніемъ исправленіемъ исправленія церковная погасиша. А пономари по церквамъ молодые, безъ жонъ, да такожде по церквамъ поповы, купно же и мірскихъ людей дѣти, во время святыя службы во олтари безчинствуютъ; и во время же святаго пѣнія ходятъ по церквамъ шпыни, съ безстрашіемъ, человѣкъ по десятку и больши, и отъ нихъ въ церквахъ великая смута и мятежъ, и въ церквахъ овогда бранятся, овогда и дерутся; а иніи полагаютъ полены на блюдѣхъ и свѣчи и собираютъ, рекуще, на созиданіе церквамъ; иніи же творятся малоумни, а потомъ ихъ видятъ цѣлоумныхъ; а иніи ходятъ въ образѣ пустынническомъ и въ одеждахъ черныхъ и въ веригахъ, растрепавъ власы; а иніи во время святаго пѣнія въ церквахъ ползаютъ, пискъ творяще и великъ соблазнъ полагаютъ въ простыхъ человѣцѣхъ»[1]). Въ 1646 г. разосланъ былъ по церквамъ окружный патріаршій наказъ духовному чину о соблюденіи поста и церковнаго благочинія, и изъ него видимъ, что «нѣкоторые протопопы и попы начинали вечерни и заутрени безъ ризъ, а по церквамъ во время Божественнаго пѣнія въ вечерню и въ заутреню и въ литургію ходили иноки и прокураты съ образами и съ блюдьями и съ пеленами и всякихъ чиновъ люди милостыни просили, и отъ ихъ крику и писку православнымъ христіаномъ Божественнаго пѣнья и чтенья не слышно было, да тѣмъ въ церкви Божіи приходили аки разбойники съ палками, а подъ тѣми палками у нихъ были копѣйца желѣзныя, и бывала у нихъ межъ себя драка до крови и лая смрадная»[2]). Епархіальные архіереи также почти повсюду и постоянно вопіяли противъ разныхъ злоупотребленій и безпорядковъ въ церквахъ. «Въ прошлыхъ годѣхъ посыланы наши грамоты,—писалъ м. Ростовскій Іона въ Кирилло-

[1]) А. А. Э. т. III, № 264.
[2]) А. А. Э. т. IV, № 321.

озерскій монастырь въ 1657 г.—нашея Ростовскія митрополіи въ го-
ды къ протопопомъ и къ попомъ и къ діакономъ, а въ уѣзды по селамъ
мяти, не по одно время, чтобы они попы и діаконы пѣли и говорили
церквахъ Божіихъ единогласно, и часы говорили передъ обѣднею..., и
нѣ намъ вѣдомо учинилось, въ нашей митрополіи въ городѣхъ и уѣз-
хъ по селамъ попы и діаконы заутрени говорятъ и поютъ поздно, и
вило говорятъ въ заутреннее пѣніе, зашедъ въ олтарь, не слышавъ
рковнаго пѣнія, и часы говорятъ послѣ заутрени, не выходя изъ церкви,
не единогласно, и обѣдни начинаютъ пѣть рано, на первомъ часу
и» [1]). Въ 1661 г. Новгородскій м. Макарій писалъ Тихвинскаго мона-
ыря архимандриту Іосифу: «вѣдомо учинилось намъ великому госпо-
ну Преосвященному Макарію, Митрополиту Великаго Новгорода и Ве-
кихъ Лукъ, что на Тихфинѣ на посадѣ, и около Тихфина въ Нагорной
сятинѣ, въ монастырѣхъ у игуменовъ и у строителей и у черныхъ по-
въ, а въ погостѣхъ въ Георгіевскомъ на Кожелѣ, въ Дмитровскомъ, въ
пецкомъ, въ Спасскомъ на Шизнѣ, на Явосмѣ въ Озеревскомъ, въ Па-
зерскомъ, въ Шюгозерскомъ, въ Лучаньскомъ, въ Волоцкомъ, въ Пе-
пскомъ, въ Койгушскомъ, въ Георгіевскомъ на Пашѣ, и тѣхъ погостовъ
выставкахъ, у поповъ и у діаконовъ и у причетниковъ церковныхъ, по
тымъ Божіимъ церквамъ, многое церковное неисправленіе: поютъ и
ворятъ не единогласно; православные христіане въ церковь пришедъ, во
емя святаго пѣнія въ церквахъ стоятъ несмирно, межъ собою говорятъ
смѣются, и жены ихъ въ церковь приходятъ въ бѣлилахъ» [2]). Изъ па-
ти, данной въ 1672 г. Августа 11, по указу новгородскаго же м. Пити-
ма верховажскаго стана пречистенскимъ успенскимъ попамъ Максиму
анову и Ѳедору Ѳедорову и діакону Якову Иванову съ причтомъ, объ
корененіи вкравшихся безпорядковъ по церковному благочинію, видно,
такое же точно «многое церковное неисправленіе было въ церквахъ
Вагѣ въ шенкурскомъ острогѣ и во всей важской десятинѣ, во всѣхъ
тырехъ четвертяхъ» [3]). Въ грамотѣ м. рязанскаго и муромскаго Павла,
нной въ 1683 г. архимандриту богословскаго и келарю солотчинскаго
настырей «о исправленіи церковныхъ блогочинныхъ дѣлъ и о согласіи
священнослуженіи» читаемъ, что когда сей архипастырь объѣзжалъ
ю епархію, то усмотрѣлъ «въ рязанскомъ округѣ въ монастыряхъ и въ
ахъ во святыхъ Божіихъ церквахъ у архимандритовъ и у игуменовъ и
священниковъ и у діаконовъ божественную службу и всякіе церковные
ряды и благолѣпіе не состоящими съ соборной и апостольскою церко-
и съ новоизданными московскаго государства книгами» [4]). И не только
хипастыри жаловались на такіе безпорядки въ церквахъ, но вмѣстѣ съ
ми и багочестивые Государи. Такъ въ 1651 г. самъ царь Алексѣй Ми-
йловичъ составилъ соборъ и особое «уложеніе о благочиніи церковномъ,

[1]) А. А. Э. т. IV, № 335.
[2]) А. И. т. IV, № 151.
[3]) А. А. Э. IV, № 188.
[4]) Грам. Рязан. края, стр. 127.

совѣтовавъ съ святѣйшимъ Іосифомъ, патріархомъ московскимъ и в
Русіи, и съ митрополиты, и съ архіепископы и съ архимандриты, и
всѣмъ своимъ синклитомъ, что въ его московскомъ государствѣ,
Москвѣ и въ городѣхъ и уѣздѣхъ, въ соборныхъ церквахъ и въ монас
рѣхъ и въ приходскихъ церквахъ, ввелося отъ небреженія многогла
пѣніе, поютъ и говорятъ голоса въ два, и три, и въ четыре»[1]). Изъ у
женія этого собора видно, какъ, напримѣръ, дьячки читали на
черняхъ и утреняхъ псалмы, борзо, вдругъ въ нѣсколько
лосовъ, рѣшительно безъ всякаго вниманія, и при чтеніи стояли неблагоп
стойно, лицомъ не къ царскимъ дверямъ, а назадъ, или на сторону, или, к
пѣвцы пѣли, псаломщики читали, діаконы говорили эктеніи, а священник
возгласы, не выслушивая и не дожидаясь другъ друга, всѣ въ одинъ гол
Коснѣя въ закоренѣлой лѣности и помышляя только о своемъ тѣлесн
покоѣ, нерадивые служители олтаря дѣлили службу Божію на части, чт
скорѣе кончить ее. Въ Духовномъ Регламентѣ читаемъ объ этомъ с
дующее: «худый и вредный и весьма богопротивный обычай вш
службы церковныя и молебны двоегласно и многогласно пѣть, такъ
утреня или вечерня на части разобрана, вдругъ отъ многихъ поется и
или три молебна вдругъ отъ многихъ пѣвчихъ и чтецовъ совершаю
Сіе сдѣлалось отъ лѣности клира, и вошло во обычай, и конечно долж
есть перевести таковое богомоленіе»[2]). Нарушая уставъ и порядокъ ц
ковнаго богослуженія, недостойные священники и діаконы нерѣдко дерз
совершать божественную литургію и прочія церковныя службы въ нет
вомъ видѣ, и во время богослуженія въ олтарѣ производили всякаго р
безчиніе и соблазнъ, ссорились, бранились сквернословно. Такъ въ соб
номъ отвѣтѣ (1681 г.) на третье предложеніе царя Θеодора Алексѣеви
читаемъ: «въ нынѣшнее время многіе попы и діаконы живутъ безчин
упиваются безмѣрнымъ піанствомъ, и дерзаютъ безстрашіемъ неизтрезви
служить божественную литургію и прочія церковныя службы, утре
вечерни, молебны, панихиды, такожде и церковныя тайны, св. крещен
мѵропомазаніе, и благословеніе брака, и исповѣданіе, св. причащеніе
надъ болящими елеосвященіе, дѣйствуютъ пьяные, и отъ такого безч
наго піанства въ покаяніе не приходятъ и не престаютъ, и божествен
писанія не внимаютъ, а архіерейскія запрещенія презираютъ»[3]). Та
безпорядки господствовали въ нѣкоторыхъ православныхъ церквахъ
XVII вѣкѣ и въ началѣ XVIII, во время сильнаго распространенія раск
въ церкви русской, и такъ неблагоговѣйно вели себя многіе церковнос

[1]) А. А. Э. т. IV, № 327.

[2]) П. С. З. VI, стр. 320. Дух. Реглам.

[3]) А. И. т. V, № 75, стр. 114. „Болѣзную сердцемъ, писалъ св. Димитрій Рос
скій въ одномъ увѣщаніи къ своимъ іереямъ, яко о нѣкіихъ попахъ (по достовѣр
намъ доношенію) слышу, что по вчерашнемъ пьянствованіи, не протрезвившеся
пріуготовившеся къ служенію, дерзаютъ литургисати, еже людемъ есть на собла
а самѣмъ таковымъ іереямъ на погибель. Друзіи же злонравіи священнш
церкви и святомъ олтарѣ сквернословятъ, (матерно бранящеся), и творятъ
Божій вертепомъ разбойниковъ". Др. Рос. Вивліоѳ. XVII, стр. 103.

ели и православные при церковномъ богослуженіи. Понятно, какъ
іутительно-прискорбно было для благочестиваго чувства ищущихъ ду-
іаго назиданія въ дому Божіемъ видѣть такія безчинія въ храмахъ
іихъ. Въ воскресеніе Христово, или въ какой-либо Господскій, либо
ородичный праздникъ шелъ напр. благочестивый простолюдинъ въ
іъ Божій къ литургіи, съ благочестивымъ настроеніемъ духа, съ однимъ
реннимъ желаніемъ, затепливъ свѣчу предъ иконою, теплою молитвою
олиться Господу Богу, шелъ въ церковь, истинно какъ въ домъ Божій,
полною вѣрою, что тамъ Самъ Господь Богъ присутствуетъ. Какъ же
ьно было его сердцу, когда онъ находилъ здѣсь совершенно не то, чего
кдала и ожидала его душа, когда, входя въ храмъ Божій, онъ слышалъ
ь одно грубое пѣніе святыхъ пѣсней литургіи, пѣніе, заглушавшее
боко-поучительные и трогательные для души набожнаго христіанина
щеннические возгласы, вѣщавшіе иногда глаголы Христовы, глаголы
ва Божія; слышалъ грубое, необыкновенно-поспѣшное, совершенно не-
тное чтеніе Евангелія, апостола, блаженствъ, съ пропусками; видѣлъ
омъ соблазнительныя безчинства церковно-служителей въ олтарѣ и на
росѣ; видѣлъ, какъ многіе православные переходили съ мѣста на мѣсто,
ико разговаривали, смѣялись, а иногда вдругъ врывались въ церковь
ціе, иноки и прокураты, безчинно ходили по церкви съ блюдьями и
пеленами, такъ что отъ ихъ крику и писку православнымъ христіанамъ
е не слышно было божественнаго чтенія и пѣнія, и происходила между
и драка до крови и лая смрадная! При видѣ въ храмѣ Божіемъ та-
о непристойнаго поведенія неблагонравныхъ церковно-служителей
равославныхъ, при видѣ богопротивнаго, святотатственнаго искаженія,
сокращенія лѣнивыми церковно-служителями Божественной литургіи
и другого какого-либо Богослуженія), смущалась душа этого богобоя-
знаго простолюдина, и въ другой разъ въ немъ уже не было желанія—
и въ тотъ храмъ, гдѣ въ прошедшій праздникъ онъ видѣлъ одно пре-
реженіе святыни, превращеніе дома Божія въ богопротивный вертепъ.
кду тѣмъ примѣчали это раскольническіе наставники и приглашали
въ свою моленную. И вотъ простосердечный поселянинъ шелъ въ
кольническую часовню, плѣнялся ея внѣшнимъ благолѣпіемъ, плѣнялся
ѣшнимъ благоговѣніемъ предстоящихъ и молящихся, и охотно посѣщалъ
кольническую часовню въ другой, третій, четвертый разъ, и наконецъ
ершенно уклонялся въ расколъ. Такъ совратились въ расколъ весьма
огіе изъ православныхъ [1]).

Наконецъ, если мы обратимъ вниманіе на домашнее поведеніе право-
вныхъ священниковъ, на образъ жизни ихъ въ мірѣ, между прихожа-
и: то здѣсь еще болѣе увидимъ такого, что отталкивало многихъ
вославныхъ отъ общенія съ православными священниками и побуж-

[1]) Не удивительно послѣ этого и то, что, какъ свидѣтельствовали отцы собора
г., „во многихъ отъ народа мнѣніе вниде, яко ересьми многими и антихристовою
рною осквернены православныя церкви, чины и таинства, и послѣдованія церков-
. Допол. къ А. И. V, стр. 484.

дало принимать расколъ безпоповщинскій. Не сознавая ни достоі
священнаго сана, ни духовныхъ обязанностей, не зная часто ни чест
стыда, коснѣя въ грубыхъ наклонностяхъ, ничѣмъ не отличаясь о
вѣждъ поселянъ,—многіе священно и церковно-служители русскіе н
дились публично, предъ народомъ выставлять себя въ самомъ гр
видѣ, и унижать самое священство. Такую напр. жалобу на священ
приносили въ XVII вѣкѣ патріарху Іову: «садятся безмѣстные п
діаконы у Фроловскаго моста (въ Москвѣ) и безчинства чинятъ ве
межь себя бранятся и укоризны чинятъ скаредныя и смѣхотвор
иныя межь себя играютъ и борются и кулачки бьются; а которые в
ются обѣдни служить и они съ своею братьею, съ которыми бран
не простясь Божію литургію служили» [1]). Такой публичный соб
производило столичное, московское духовенство не только въ XVII
и въ теченіи почти всего XVIII столѣтія, пока не обратилъ на нег
маніе митрополитъ московскій Платонъ. Прискорбно читать въ а
историческихъ многочисленныя жалобы на то, какъ весьма многі
щенники необузданно предавались невоздержанію «чревоугодію
послѣдовали, пьяные бродили по улицамъ, валялись въ кабакахъ
улицамъ бродя, безчинно шумѣли, ложились спать на дорогѣ, на об
у своихъ прихожанъ ссорились «по мужичью» истязали въ домах
подчиванья, въ гостяхъ являлись сильны и храбры къ питью [3]), к
ствовали, церкви Божіи продавали и корчемствовали [4]), дрались, уб
другъ друга и впадали во всякія другія уголовныя преступленія [5]). Е
также безъ прискорбія вспомнить, какъ иногда провинившіеся св
ники въ XVII вѣкѣ по зазывнымъ грамотамъ всякаго чина людей,
лались изъ ихъ приходовъ на судъ въ Москву, въ Приказы и
ріаршъ дворъ, и здѣсь влачили ихъ изъ палаты въ палату, изъ о
суда въ другой иногда долгое время [6]). Какое впечатлѣніе произв
на православныхъ такіе священники, что объ нихъ говорили ихъ
жане! Или: могъ ли народъ любить и уважать такихъ священно-с
телей, которые вмѣсто того, чтобы водворять между своими прихож
миръ, любовь и согласіе, какъ свойственно духовнымъ отцамъ и п
рямъ, сами заводили съ своимъ причтомъ и прихожанами с

---

[1]) Памятн. Моск. Древн. ч. II, стр. 335.

[2]) А. И. IV, № 62, стр. 176; № 151 V, № 186. — А. А. Э. III, № 264; IV, №

[3]) П. С. З. VI, стр. 707.

[4]) Дополн. къ А. И. V, стр. 462, 473.

[5]) Въ церковныхъ приказахъ много было дѣлъ о самыхъ мрачныхъ, не
ныхъ поступкахъ духовенства. Такъ напр. думный разрядный дьякъ В. Г. Сем
писалъ къ кн. Вас. Вас. Голицыну: „въ розрядъ ни откуды вѣстовыхъ писемъ
Только есть отписка съ Коширы *о чудесахъ* попа Савы, и тое отписку для
послалъ къ тебѣ Государю моему. А въ отвѣтъ кн. Голицынъ: отписку о Сав
посылаю къ тебѣ и ты пошли объ указѣ стой отписки на патріаршъ дворъ
чтобъ указъ ему учинили *за то воровство* на патріаршъ дворъ". Врем. М. Ис
кн. 4, стр. 65.

[6]) А. А. Э. IV, № 204, п. 6.

жбы и даже драки, доходившія до рѣзни [1]). Не смягчили, не улучшили авовъ духовенства и государственныя мѣры XVII вѣка: ни реформы етра Великаго, ни постоянныя заботы Правительства о разборѣ, переси и распредѣленіи по церквамъ священно и церковно-служителей, ни нятіе у нихъ недвижимыхъ имѣній, ни жестокія тѣлесныя наказанія, схоластическія училища и семинаріи XVIII вѣка. Напротивъ, въ XVIII вѣкѣ ховенство подверглось еще большей деморализаціи, сдѣлалось раболѣпнымъ, ратилось въ касту, почти приравнялось къ *подлому народу* [2]), какъ тогда ворили, унизилось предъ аристократизмомъ XVIII вѣка, на который тогда ливались милости и привилегіи, отнимаемыя у духовенства, и, въ чувствѣ ого самоуниженія и раболѣпства предъ обществомъ, при отсутствіи средствъ силъ подняться на высоту общественнаго положенія, стало нравственно абѣть, упадать, закоснѣло въ безсознательности своего общественнаго значенія, и, свыкшись съ худымъ мнѣніемъ объ немъ общества, особенно сшихъ классовъ, свыклось и съ грубымъ образомъ жизни, и часто безъ зрѣнія совѣсти стало позволять себѣ безчинія всякаго рода. Эта демолизація духовенства въ XVIII вѣкѣ, особенно въ первой половинѣ его, того дошла, что послѣ этого уже и гуманныя мѣры, какія Правительво мало-по-малу стало употреблять для исправленія и улучшенія нравеннаго быта духовенства и возстановленія его общественнаго положенія концу XVIII вѣка, оказывались почти недѣйствительными. Такъ въ казѣ 1772 г. Ноября 19 читаемъ: «Святѣйшій Правительствующій Сунодъ, ѣя разсужденіе, что указами его 1767 г. Мая 21 (Іюня 7) и 1780 года ая 13 (20) въ духовныхъ командахъ не велѣно чинить священникамъ, ромонахамъ, протодіаконамъ, іеродіаконамъ и діаконамъ никакихъ тѣлесыхъ наказаній по тому резону, дабы они чрезъ то не могли терять долнаго по характеру своему отъ общества почтенія, и не было бы отъ того ствѣ ихъ соблазна и причины къ презрѣнію, и исправлять бы ихъ приичными духовными трудами и отрѣшеніемъ отъ дохода и отъ прихода разсмотрѣнію. Каковое Св. Синода къ священно-служителямъ снисхожніе и уваженіе сана ихъ и подавало Св. Суноду надежду, что священноужители, тому соотвѣтствуя, будутъ вести себя исправнѣе, сходственно должностію ихъ пастырскою. Но при всемъ томъ изъ дѣлъ въ Святѣйемъ Сунодѣ усматривается, что нѣкоторые священно-служители ведутъ ебя непорядочно, а особливо пьянствуя, во многія впадаютъ безчинія, и ѣмъ на чинъ духовный наводятъ нареканіе, а паствѣ своей бываютъ не римѣромъ добрымъ, но однимъ соблазномъ» [3]). При такомъ нравственномъ остояніи и общественномъ положеніи духовенства русской церкви, когда ъ ней распространялась секта старообрядцевъ, возмущавшихъ народъ

---

[1]) Допол. къ А. И. т. II, № 70. А. И. V, стр. 384. См. также одинъ изъ любопыт. окумент. церкви св. Филиппа въ Новгородѣ С. Петерб. Вѣдомост. 1856 г. № 93. казъ Бориса Θедоровича: о ссорѣ поповъ съ прихожанами и объ обидахъ ихъ прижанамъ. Или: Акт. Юрид. № 70.

[2]) П. С. З. т. XVIII, № 12909, XXIV, 17, 624.

[3]) П. С. З. т. XIX, № 13, 905.

противъ духовенства, какъ же могъ не распространяться расколъ, особе
безпоповщинскій! Могли ли эти священники, предъ всѣми чернившіе с
поведеніе самыми мрачными дѣлами, заслужить уваженіе отъ всѣхъ
ихъ прихожанъ? Очевидно, нѣтъ! Православные, которые желали вид
въ своихъ пастыряхъ живой образъ благочестивой христіанской жи
желали учиться изъ ихъ примѣра всему нравственно доброму и благо
личному, невольно чуждались такихъ неблагонравныхъ пастырей, д
гнушались ими, съ презрѣніемъ отвращались отъ нихъ и уклонялись
безпоповщину. А расколоучители безпоповщинскіе еще болѣе подде
вали и распространяли въ народѣ предубѣжденіе противъ такихъ небл
нравныхъ священниковъ, а изъ-за нихъ и противъ всего православ
священства: они ходили по православнымъ приходамъ и, на осно
какого-нибудь мнимаго Ипполитова предсказанія, распространяли въ на
нелѣпую молву,—будто всѣ уже православные священники возлюбили т
будто они суть яко волцы, а молитвы ихъ суть мерзость предъ Бого
«Такимъ лжеумствованіемъ своимъ, говоритъ св. Димитрій Ростовскій
его епархіи отъ пустынь брынскихъ волцы исходящіи овцы Хрис
прельщали и похищали [1])».

Были, впрочемъ, важныя причины, почему духовенство въ XVIII в
до такой степени было доморализировано, что не имѣло почти ника
нравственнаго вліянія на народъ, и даже отталкивало отъ себя мно
православныхъ въ расколъ. Мы не будемъ раскрывать того, какъ
XVIII вѣкѣ духовенство непомѣрно подчинено было свѣтской власти, к
при Остерманѣ и Биронѣ, «не щадили духовныхъ персонъ, жестоки
нестерпимымъ мученіямъ и экзекуціямъ подвергали» [2]), или, выраж
словами одного современника, «священниковъ и монаховъ, какъ му
давили»; какъ священнослужителей наказывали жестокими побо
плетьми и кнутомъ [3]); какъ «въ губерніяхъ губернаторы, а въ горо
воеводы духовныхъ персонъ били, тиранили, и увѣчили, или издѣва
надъ ними [4])»; какъ «помѣщики священно и церковно-служителей
только побоями, но и наказаніемъ на тѣлѣ оскорбляли, а обиженные и
отъ свѣтскихъ командъ удовлетворенія не получали, а другіе по прич
своего неимущества отъ суднаго по формѣ процесса отрицались» [5]); к
въ первой половинѣ XVIII вѣка и даже долго во второй, священ
«по силѣ полицемейстерской инструкціи, должны были дневать и ноче
въ съѣзжихъ дворахъ, являться къ офицерамъ въ дома для работъ и п
локъ, ходить на караулы къ рогаткамъ и на пожары» [6]); какъ свяще
церковно-служители, не получая жалованья, лишались и помѣщик
положенной Правительствомъ пропорціи земли и претерпѣвали нище

[1]) Розыскъ, стр. 233, 234, 259.
[2]) П. С. З. т. XI, № 8506, XVII, 12, 618.
[3]) П. С. З. т. XVIII, № 12, 303, XXIV, 17, 624. Священниковъ наказывали с
ною казнію не за уголовныя преступленія. IV, № 1860.
[4]) П. С. З. т. XII, № 9079, XIV, 10, 750. XV, 10, 988.
[5]) П. С. З. т. XVIII, № 13, 286.
[6]) П. С. З. т. IX, № 6957, XI, № 8546.

жду тѣмъ долго должны были еще нести повинности постоялыя, рейтскія, госпитальныя, подможныя для полковыхъ поповъ [1]) и проч. Не скрывая всѣхъ этихъ важныхъ причинъ нравственнаго ослабленія и состоятельности духовенства удержать, спасти народъ отъ раскола, мы атимъ вниманіе на внутреннюю причину—на способы и систему воспиія и просвѣщенія духовенства нашего, въ періодъ распространенія раскола. вѣстно, что училищъ духовныхъ, также какъ и свѣтскихъ, отъ начала I столѣтія и до половины XVII в., въ Великой Россіи вовсе не было. стыри народа, избиравшіеся въ древней Россіи изъ людей всѣхъ состоій, и всего чаще изъ крестьянъ, а не рѣдко изъ холоповъ, большею стію сами почти совершенно лишены были просвѣщенія, или имѣли ьма скудное образованіе, какъ это мы видѣли. Приготовленіе къ свянному служенію было самое недостаточное, особенно до п. Никона. Отцы, лавшіе посвятить дѣтей своихъ во священники или діаконы на свое сто, обыкновенно, или сами учили ихъ грамотѣ, или нанимали для сего быхъ, такъ называемыхъ, «мастеровъ»; а отцы эти и мастера, какъ раведливо замѣтили еще пастыри Стоглаваго собора, часто и сами «мало ѣли, и силы въ Божественномъ Писаніи не знали [2])». И все ученье, все приговленіе къ священству состояло только лишь въ томъ, чтобы умѣть тать церковныя книги и писать. Лучшіе просвѣщеннѣйшіе архипастыри ской церкви давно начали чувствовать всю недостаточность такого приговленія пастырей и необходимость духовныхъ училищъ для образованія освѣщенныхъ, учительныхъ священно-служителей [3]). Но только съ 30-хъ довъ XVII вѣка начали появляться въ сѣверо-восточной Россіи духовя училища, и то въ одной только Москвѣ: и, до паденія патр. Никона, ъ было не болѣе двухъ [4]). При томъ, какія это были училища? Чему нихъ учили? Справедливое свидѣтельство даетъ Олеарій: «Les Moscoes, говоритъ онъ, n'apprennent dans leurs écoles qu'à lire et à écrire en r langue, et ils n'en apprennent point d'autre; mais depuis quelques années a établi une école publique à Moscou, du consentement du Patriarche, où n enseigne le grec et le latin» [5]). И такъ, умѣнье читать и писать поавянски, и греческій и латинскій языкъ—вотъ все, что на первый разъ учали весьма немногіе воспитанники первыхъ московскихъ училищъ. А удаленіи п. Никона отъ церковно-просвѣтительной дѣятельности, и эти илища пали. Между тѣмъ, при отсутствіи духовныхъ училищъ, разсадковъ въ народѣ истиннаго церковнаго ученія, и при недостаткѣ священковъ учительныхъ, просвѣщенныхъ, расколъ все болѣе и болѣе усилился. Отсутствіе училищъ, по свидѣтельству просвѣщенныхъ современ-

[1]) XVIII, 12, 925, XX, 14, 377 XIII, 9314, X, 7169.

[2]) Стогл. гл. 25.

) Извѣстно, какъ глубоко сознавалъ необходимость училищъ Геннадій, архіпископъ новгородскій, и какъ настоятельно побуждалъ митр. Симона просить Государей московскихъ, чтобъ велѣли училища устроить для образованія ставленниковъ.

[4]) См. „о духовныхъ училищахъ въ Москвѣ въ XVII столѣтіи“ въ прибавл. къ св. отц. годъ 3 кн. 2.

[5]) Voyages du Adam Olearius, par Vicquefort. 1727, p. 333.

никовъ, было одною изъ главнѣйшихъ причинъ происхожденія и рас страненія раскола. Бывшій въ Москвѣ (съ 1660 г.) Паисій Лигаридъ, м Газскій, получившій образованіе въ Греческой Коллегіи въ Римѣ, за маясь, по порученію царя Алексѣя Михайловича, опроверженіемъ извѣст челобитной Соловецкой, въ заключеніи своего обширнаго труда обрат вниманіе на причины смятеній, производимыхъ въ Россійской церкви р коломъ и на средства къ уврачеванію сего недуга, и вотъ что выраз «искахъ и азъ корене сего духовнаго недуга, происходящаго нынѣ семъ христоименитомъ царствѣ, и тщахся обрѣсти, *откуду бы сіе ересей на неніе истекало и возрастало*, на толику нашу общую пагубу? Напослѣд умомъ обращая, *обрѣтохъ изъ двою истекшее, си еже есть: отъ лишен неимѣнія народныхъ училищъ*, такожде отъ скудости и недостаточ святыя книгохранительницы» [1]). Восточные патріархи, Паисій Алек дрійскій и Макарій Антіохійскій, приходившіе въ Москву въ 1666 г. устроенія дѣлъ русской церкви (въ словѣ предложенномъ отъ лица въ день Рождества Христова) также съ особенною настоятельностію пр вали пастырей церкви Русской къ устроенію духовныхъ училищъ для разованія просвѣщенныхъ и учительныхъ священниковъ, и въ учрежд духовныхъ училищъ полагали надежду искорененія раскола и залогъ жества истины. «Видимъ,—говорили они,—яко во множѣхъ отъ васъ имѣетъ премудрость мѣста, идѣже главу приклонити. Сотворитеся д тели въ виноградѣ Христовѣ, искореняюще терніе, и куколь душевред извергающе. *Можете бо отъ плевелъ очистити гумно, аще точію восхощ* за неже бо имѣете всяко благополученіе и довольство изобильное въ кахъ вашихъ. Сотворите вамъ вмѣсто сокровища тлѣннаго, души бож венныя сокровищетвовавъ. Обѣщаемъ бо яко сіи не малую пользу со рятъ вашимъ монастыремъ и епархіямъ и митрополіямъ, егда спуде питомцы, паче и паче растуще въ премудрости, достигнутъ высшей мудрости, спасающе себе и прочія» [2]). Чрезъ 19 лѣтъ, дѣйствительно, Москвѣ основана была учеными Греками братьями Лихудами знамен славяно-греко-латинская академія. Но очевидно, что въ концѣ XVII въ 1-й половинѣ XVIII одной Московской академіи было весьма недо точно для того, чтобы приготовить учительныхъ, просвѣщенныхъ па рей на всю церковь русскую, болѣе чѣмъ для 12,000 церквей, распро нить въ народѣ русскомъ свѣтъ истиннаго ученія церкви и разсѣять блужденія и предразсудки, посѣеваемые расколомъ. Притомъ, и кр наукъ, какія тогда преподавались въ московской академіи, далеко не с вѣтствовалъ потребностямъ духовнаго и народнаго просвѣщенія. Ибо 1701 г. обученіе въ московской славяно-греко-латинской академіи огр чивалось преподаваніемъ грамматики, піитики (на греч. языкѣ), торики и философіи (на греч. и латин. язык.), а богословія, са главнаго и самаго необходимаго въ духовномъ образованіи предмета, не было.

---

[1]) Прибавл. къ твор. св. отц. г. III, кн. 2, стр. 160.
[2]) Прибавл. къ твор. св. от. стр. 163—165.

Съ наступленіемъ XVIII столѣтія, когда пастыри русской церкви, ри видѣ большаго и большаго усиленія и распространенія раскола, еще лубже и живѣе возчувствовали потребность духовнаго образованія, начали оявляться духовныя училища и внѣ Москвы, въ другихъ епархіяхъ, при рхіерейскихъ домахъ [1]). Въ 1721 г. Духовнымъ Регламентомъ вмѣнено ыло въ обязанность каждому епархіальному архіерею имѣть при домѣ воемъ школу для обученія дѣтей, въ надежду священства [2]), предначерганы были правила для духовныхъ семинарій и положено было заводить еминаріи по епархіямъ. Съ этого времени, дѣйствительно, начали мало-поалу появляться въ разныхъ городахъ при архіерейскихъ домахъ духовныя училища и семинаріи. Но устроеніе этихъ епархіальныхъ духовноучебныхъ заведеній, частію по недостатку средствъ, а частію и по недостатку усердія, шло весьма медленно, такъ что часто выходили подтвердительные указы объ учрежденіи духовныхъ училищъ и семинарій. «Хотя бъ учрежденіи семинарій многіе указы изъ Святѣйшаго Сѵнода въ епархіи осланы были,— читаемъ въ Сѵнодскомъ указѣ, данномъ 8 Февраля 1739 ода,—однако раченіе въ нѣкіихъ мѣстахъ является быть не токмо слаое, но почти и мало нѣтъ; а чего ради такое небреженіе чинится, неизвѣстно, что все относится наипаче на главную духовную команду, а тому иновные, хотя то и явственно видятъ, обаче толь отважно и нечувственно ребываютъ, какъ бы собственнаго ихъ долга въ томъ ни мало не завитъ» [3]). Только нѣкоторые, весьма немногіе изъ епархіальныхъ архипастырей первой половины XVII вѣка незабвенны своимъ попеченіемъ объ чрежденіи семинарій и училищъ, о прісканіи способовъ для обученія уховнаго юношества [4]). Но, съ другой стороны, были такіе архипастыри

[1]) Такъ, около 1700 г. основаны были славяно-латинскія духовныя школы въ Черниговѣ. Въ 1706 г., въ то время, когда въ новгород. епархіи расколъ до такой степени усилился, что возникла (въ этомъ году) новая секта Ѳедосѣевцовъ, митр. новгор. овъ, вызвавъ изъ заточенія грековъ Лихудовъ къ себѣ въ Новгородъ, завелъ при омощи ихъ, при архіерейск. домѣ двѣ школы, одну грекославянскую, другую латинкую, а потомъ и въ разныхъ другихъ мѣстахъ своей епархіи основалъ до 14 училищъ. Въ то-же время св. Димитрій Ростовскій заводилъ духовныя училища въ своей епархіи.

[2]) Дух. Регл. ч. II, (объ епископахъ) п. 9, 10 и дал.

[3]) Большихъ трудовъ стоило собирать духовныхъ дѣтей въ училища: родители весьма неохотно отдавали ихъ, роптали на учителей, на великій коштъ по содержанію своихъ дѣтей, также на покупку книгъ, на пропитаніе своихъ дѣтей, далеко отъ омовъ ихъ учившихся. Многіе церковно-служители не отдавали своихъ дѣтей въ училища духовныя, а отдавали ихъ въ поддячіе по канцеляріямъ и въ другіе чины. Ученики постоянно разбѣгались. „Изъ губерній и провинцій рапортами объявили, казано въ указѣ 1276 г. Окт. 31, что въ школахъ при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ сначала было учениковъ въ присылкѣ по 1722 годъ 1389, изъ того числа ыучено 93 человѣка, за тѣмъ оставшіе едва не всѣ синодальной команды бѣжали". П. С. З. т. VII, № 4975.)

[4]) Такъ архіеп. казанскій Иларіонъ (1732—1735 г.), по словамъ Любарскаго, заложивъ каменную семинарію въ Казани, требовалъ въ 1732 г. изъ кіевской академіи людей, способныхъ для заведенія въ своей епархіи училищъ: по этому требованію прибылъ въ Казань просвѣщенный Веніаминъ, впослѣдствіи бывшій архіепископомъ казанскимъ, воспитанникъ кіевской академіи, изучившій тамъ богословскія науки,

которые замедляли устройство семинарій и училищъ и даже не сочувствовали учрежденію ихъ, распускали по домамъ учениковъ, собранныхъ ихъ предшественниками—заботливыми архипастырями. Такъ наприм. безпристрастный и правдивый историкъ казанской и вятской іерархіи архимандритъ Платонъ Любарскій говоритъ объ архіепископѣ казанскомъ Гавріилѣ (1735—1738 г.): «сказываютъ объ немъ, что какъ къ содержанію семинаріи и ученыхъ людей, такъ и къ строенію по введенному въ нынѣшнее время размѣру всякихъ въ епархіи своей зданій не имѣлъ склонности, почему и все до него такимъ образомъ заведенное уничтожить велѣлъ, хотя бы то и великой суммы стоило, вмѣняя въ добродѣтель все прежде въ Россіи небывалое истреблять безъ остатку» [1]). Такіе архипастыри, неблаговолившіе учрежденію семинаріи, были въ XVIII вѣкѣ и въ другихъ епархіяхъ: но не будемъ упоминать имена ихъ.—Между тѣмъ недостатокъ въ священникахъ учительныхъ, просвѣщенныхъ такъ былъ

языки греческій, латинскій и польскій и математику; и съ 1733 г. по 1746 годъ, по словамъ Любарскаго, „обучалъ духовныхъ дѣтей въ Казани, производя учениковъ по порядку изъ самаго низшаго класса до богословіи съ изряднымъ успѣхомъ, трудился усердно, обучая между тѣмъ греческому языку и нѣкоторымъ частямъ математики, а въ учрежденные дни, какъ ученикамъ, такъ и народу публично толковалъ катихизисъ и сказывалъ проповѣди". Приведемъ слова Любарскаго о другомъ, еще болѣе незабвенномъ архипастырѣ казанскомъ Лукѣ (1738—1755 г.) воспитанникѣ кіевской академіи, бывшемъ учителѣ въ московской академіи: „при семъ преосвященномъ, говоритъ Любарскій, построена на зачатомъ при преосвященномъ Иларіонѣ Рогалевскомъ фунтаментѣ каменная семинарія о двухъ опартаментахъ, учреждена не малая библіотека, и снабжена многими знатныхъ авторовъ разноязычными, а особливо латинскими книгами: имъ же построены не безъ усилія въ татарской слободѣ при церкви Захаріи и Елисаветы школы деревянныя новокрещенскихъ учениковъ. Въ семинаріи своей учредилъ онъ хорошій порядокъ, снабдивъ оную изрядными и разумными учителями, кои кромѣ обыкновеннаго на славяно-латинскомъ діалектѣ преподаванія, обучали другимъ языкамъ и нужнѣйшимъ частямъ математики; щедротою и раченіемъ своимъ до такого училища свои довелъ цвѣтущаго состоянія, что какъ кіевскимъ, такъ и московскимъ ни мало не уступали". (Истор. казан. іерарх.—Любарскаго ркп. казан. библ). Въ вятской епархіи ревностно заботился объ учрежденіи семинаріи и распространеніи духовнаго просвѣщенія просвѣщенный еп. Лаврентій Горка (1733—1737 г.) воспитанникъ кіевской академіи: „онъ первый, говоритъ Любарскій, вызвавъ изъ кіевской академіи учителя именемъ Михаила Евстафѣева Финитскаго, завелъ славяно-латинскія училищы, въ кои способныхъ священно-и церковно-служительскихъ дѣтей набиралъ почти не безусильно, къ искорененію прежняго суевѣрія и грубости, омерзенія къ наукамъ и къ вкорененію истиннаго благочестія, вѣжливости и просвѣщенія такое прилагалъ стараніе, что самъ первоначально, почти ежедневно посѣщалъ училища, поощрялъ, обнадеживалъ учениковъ, учреждалъ для нихъ въ облегченіе скуки разныя забавы, выгоды и преимущества, выписывалъ состоящую изъ весьма полезныхъ и знатныхъ авторовъ книгъ библіотеку; неученыхъ и по крайней мѣрѣ чтеніемъ книгъ непросвѣтившихся, какогобъ они званія ни были, чина и состоянія, гнушался, обхожденія съ ними не имѣлъ; таковыхъ изъ своихъ подчиненныхъ не только въ священство и на другія степени, но ниже даже въ причтъ церковный не производилъ; свящ. писаніе, исторію, хронологію и хорошее чиноположеніе публично самъ изъяснялъ, ревностно желая вліять просвѣщеніе". (Жизн. преосвящ. архіереевъ вятскихъ и велико-пермскихъ, Плат. Любарскаго. Ркп. Каз. Д. Академ.).

[1]) Истор. Казан. Іерарх. Ркп. Каз. Дух. Акад. Въ дѣлахъ казанской семинаріи есть дѣло о роспускѣ учениковъ архіеп. казанск. Гавріиломъ.

дутителенъ; необходимость церковнаго наученія народа, при сильномъ множеніи раскола, такъ была настоятельна, что для удовлетворенія этой отребности въ 1739 году нужно было прибѣгнуть къ слѣдующей мѣрѣ: понеже того долго ждать,—сказано въ сѵнодскомъ указѣ 1739 г. Генваря 16,— доколѣ семинаріи по всѣмъ епархіямъ заведены и въ доброе остояніе приведены будутъ, а между тѣмъ впредь, чтобы церкви не пустошить, а и недостойныхъ поповъ, чтобы по прежнему не наставить: того ради имѣетъ Сѵнодъ во всѣ епархіи къ архіереямъ изъ учительныхъ священниковъ или изъ іеромонаховъ по 1 или по 2 учителями опредѣлить съ надлежащимъ жалованьемъ, выбравъ изъ вышнихъ наукъ и чтобъ были добродѣтельнаго сами житія; должность же ихъ въ томъ состоитъ, чтобъ они ставленниковъ и прочихъ поповскихъ и діаконскихъ и причетническихъ дѣтей съ крайнимъ прилежаніемъ обучали, приводя къ совершенному познанію должности священнической, выбирая изъ священнаго писанія, такожъ и изъ вселенскихъ соборовъ и прочая, что долженъ священникъ знать, и какъ имѣетъ правильно по своему званію поступать, однакожъ притомъ имѣетъ Сѵнодъ и о томъ наиприлежнѣйшее и ревностное попеченіе имѣть, дабы во всѣхъ епархіяхъ впредь неотмѣнно настоящія учреждены были семинаріи» [1]).

Со второй четверти XVIII вѣка, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ мало по малу учреждались духовныя училища и семинаріи. Съ 1721 г. по 1765 г. основано было до 28 духовно-учебныхъ заведеній, и въ нихъ въ 1765 году считалось около 6,000 учениковъ [2]); въ 1784 г. число семинаристовъ возросло до 11,329 человѣкъ [3]). Но внутреннее устройство духовныхъ семинарій и училищъ и система духовнаго образованія были самыя безпорядочныя: во многихъ изъ нихъ со всей епархіи было не больше 20 или 30 учениковъ; въ другихъ учениковъ было много, но не было способныхъ учителей; въ нѣкоторыхъ, за недостаткомъ учителей и содержанія, а иногда по нерадѣнію епархіальнаго начальства, для избѣжанія хлопотъ, учениковъ распускали по домамъ. Въ ученьи господствовала схоластика и латынь. Весь курсъ ученья большею частію ограничивался букваремъ, славянской, латинской и греческой грамматиками, да какими-нибудь латинскими, риторическими и піитическими экзерциціями и оккупаціями de loco, de pane, de calceis и т. п.; въ немногихъ семинаріяхъ присовокуплялось еще къ этому объясненіе блаженствъ, десятословія, седьми таинствъ церкви, да часословъ, псалтырь и нотное пѣніе. Ученики проходили «по степенямъ» инфиму или информаторію, фару, грамматику, синтаксиму, съ которыми иногда соединялась еще ариѳметика и наконецъ — риторику и піитику; «затверживали на-изустъ букварь, толкованіе грамматики, орѳографіи, этимологіи, просодіи и осьмь частей грамматики, склоненія и спряженія». Знаніе латинскаго языка во всѣхъ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ считалось первою необходимостію, а богословіе, составляющее

[1]) П. С. З. т. X. № 7734.
[2]) Истор. Росс. Іерарх. ч. I, стр. 448.
[3]) П. С. З. т. XVIII, № 15,978.

первую и существенную потребность въ образованіи пастырей церкви, во многихъ семинаріяхъ вовсе не было преподаваемо. Недостаточность, односторонность такого училищнаго образованія духовныхъ дѣтей, готовившихся быть пастырями и учителями народными, сознавали лучшіе архипастыри XVIII в. «Нынѣшнее ученіе,—говоритъ просвѣщенный архіепископъ казанскій Лука,—далѣе реторики не происходитъ, а необходимая нужда требуетъ, а паче тѣмъ, которые впредь изъ оныхъ школьниковъ въ священный чинъ по достоинству производимы быть могутъ, дабы оные въ наукахъ высшихъ школъ философіи и богословіи довольное обученіе имѣли, а безъ онаго тѣ школьники достаточнаго совершенства въ своемъ ученіи имѣть и въ состояніи быть не могутъ преподать слово Божіе съ надлежащимъ успѣхомъ» [1]). И въ тѣхъ семинаріяхъ, гдѣ съ половины XVIII вѣка введено было въ курсъ преподаванія богословіе, приняты были за норму схоластическія системы западныхъ богослововъ среднихъ вѣковъ, которыя возбудили тамъ противъ себя справедливую реакцію въ XV и XVI вѣкахъ, а у насъ утвердились, и дали схоластическое направленіе нашему духовному образованію. Всѣ эти наши богословскія системы XVIII вѣка, commentariis et disputationibus scholasticis illustratae, didactico-polemice per theoremata et quaestiones expositae, disputationibus theologicis speculative et controverse illustratae, in varios tractatus et paragraphos divisae и т. п.,—почти нисколько не раскрывали духовнымъ воспитанникамъ — будущимъ пастырямъ народа высокаго ученія христіанства, какъ *живого и дѣйственнаго слова Божія*, для живого и дѣйственнаго преподаванія народу, а только давали юнымъ умамъ одностороннее холодно-разсудочное, безжизненное, утонченно-схоластическое направленіе, убійственное для живой богословской мысли и живаго нравственнаго христіанскаго чувства. Своими почти безчисленными, до мелочности утонченными квестіонами, въ родѣ, напр., такихъ: гдѣ сотворены ангелы? могутъ ли они приводить въ движеніе себя и другія тѣла? сколь великое по объему мѣсто можетъ занимать ангелъ? въ чемъ состоитъ сущность свѣта славы въ будущей жизни, и т. п. вопросами, наши богословскія системы XVIII в. только отвлекали мысли воспитанниковъ отъ прямого и нравственно-назидательнаго и умственно-просвѣтительнаго ученія христіанства — самаго существеннаго въ богословіи, и доводили ихъ до мелочности въ мышленіи. Своими схоластическими рубриками догматовъ, параграфами, этими сухими схоластическими богословскими силлогизмами, диспутаціями, пунктами, вопросами, да пустыми латинскими терминами, въ родѣ напримѣръ: ubicatio, entitas, quidditas, tuturitio, aseitas, essentia Dei physica et metaphisica и т. п.,—богословскія системы прошедшаго столѣтія только затемняли и обременяли юные умы. Наконецъ, своими полемическими диспутаціями и контроверзіями, тезисами и антитезисами, по справедливому замѣчанію Θеофана Прокоповича, питали въ ученикахъ духъ пустого любопрѣнія и

[1]) Донесеніе архіеп. каз. Луки въ кабинетъ Имп. Анны Іоанновны въ 1739 г. Списокъ съ подлин. въ библ. Каз. Академ.

вляли въ нихъ ложную увѣренность въ пріобрѣтеніи мудрости [1]). «Разныя
темы богословскія,—справедливо также говорилъ митроп. Платонъ, —
тѣ въ школахъ преподаваемыя, пахнутъ школою и мудрованіемъ чело-
еческимъ; а богословіе Христово, по Павлову ученію, состоитъ не въ
прѣтельныхъ словесѣхъ, но въ явленіи силы и духа» [2]). При такомъ
равленіи воспитанія въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ XVIII в.,
ли ли изъ нихъ выходить пастыри церкви, съ полнымъ нравственно-
іственнымъ и духовно-просвѣтительнымъ вліяніемъ на народъ. Очевидно,
ъ. Императрица Екатерина Великая вполнѣ справедливо изобразила
овершенство и недостаточность духовныхъ семинарій и училищъ XVIII
а для духовнаго и народнаго просвѣщенія: «хотя до сего времени въ
которыхъ эпархіяхъ и заведены школы и семинаріи, писала она въ ин-
укціи, данной 29 Ноября 1762 г. коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ:
оныя своими учрежденіями весьма различествуютъ отъ того устано-
нія, которое предписано въ Духовномъ Регламентѣ. Премудрый Госу-
ь, дѣдъ нашъ, Императоръ Петръ Великій, по согласію со всѣмъ духо-
ствомъ, тако написалъ въ Духовномъ Регламентѣ: разумѣть де надобно
правленіи церкви, когда нѣтъ свѣта ученія, то нельзя быть и церквѣ
рому поведенію и нельзя не быть и нестроенію и многимъ смѣха до-
йнымъ суевѣріямъ, еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересямъ. А
еще къ тому дополняемъ, когда нѣтъ добраго учрежденія къ воспи-
ію и приготовленію молодыхъ людей, изъ которыхъ бы ко всѣмъ цер-
мъ добрые пастыри и учители опредѣляемы были, то и нынѣ въ про-
мъ народѣ никакого руководства къ отвращенію отъ пагубныхъ дѣлъ,
ъ исправленія нравовъ и добраго сожитія въ обществѣ... По сіе время
іерейскія семинаріи состоятъ въ весьма маломъ числѣ достойныхъ и
дежныхъ учениковъ, въ худомъ учрежденіи для наукъ и въ бѣдномъ
ержаніи, семинаристы нынѣшніе обыкновенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ
чаются латинскому и греческому языку отъ неискусныхъ учителей, не
ютъ иныхъ ученій, какъ только самыя школьныя и первыя основанія
инскаго языка, не обучаются ни наукъ философскихъ и нравоучитель-
хъ, не знаютъ исторіи церковной, ни гражданской, ниже положенія
та земнаго и мѣстъ, на которыхъ въ разсужденіи другихъ народовъ,
вутъ. Набираются они въ семинаріи отъ отцовъ и матерей больше не-
ею и содержатся безъ разбора, способные съ тупыми и негодными, а
огда прибираются по голосамъ, дабы пѣвческую повседневную должность
равляли, которая ихъ и отъ того малаго ученія иногда отводитъ, не
рая на то, что науки требуютъ человѣка по выбору способнаго, и себѣ
имъ во всѣ дни и часы житія своего преданнаго и посвященнаго» [3]).—
и такомъ состояніи духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ XVIII вѣкѣ,
удивительно, что священники не имѣли столько нравственнаго и про-
ѣтительнаго вліянія на народъ, чтобъ просвѣщать его свѣтомъ истины

[1]) Epist. Theoph. Procopov. Mosq. 1776. Epist. VI, p. 21.
[2]) Жизнь моск. митроп. Платона—соч. Снегирева. Москва 1856 г. стр. 52.
[3]) П. С. З. т. XVI, стр. 121.

и разсѣевать заблужденія раскола. Неудивительно, что нѣкоторые священники не только не въ состояніи были отвергнуть нелѣпыхъ мнѣній раскола, но и сами сдавались на доводы расколоучителей. Такъ напр. въ 1736 г. тайн. совѣт. Татищевъ, производившій перепись раскольниковъ въ сибир. заводахъ Демидова, доносилъ правительству, что на частныхъ заводахъ Демидовыхъ и Осокиныхъ «расколъ произошелъ и сильно умножился отъ незнанія законовъ; *учителей, кои бы ихъ, раскольниковъ*, проживавшихъ на этихъ заводахъ, *исправить могли, не достаетъ*; но которые и есть попы, тѣ непорядными поступки своими ихъ паче отгоняютъ, или *сами не умѣя лжи той разсудить, согласуютъ* и тайно утверждаютъ», и потому просилъ «чтобы прислать туда *хотя одного священника искуснаго*, чтобъ ученіемъ могъ отъ суевѣрія отвратить и на путь истины наставить, поучая какъ въ церкви старыхъ, такъ въ школахъ младенцевъ, дабы отъ младенчества безумію не допускать вкореняться» [1]).

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о церковной литературѣ русской XVII вѣка, объ отношеніи ея къ народнымъ понятіямъ и народной литературѣ. И здѣсь мы примѣчаемъ предварительный разладъ, раздвоеніе между книжной церковной литературою и рукописной — народной литературой, разладъ, который также не остался безъ вліянія на развитіе раскола. Главный недостатокъ нашей древней духовной литературы, какъ мы уже прежде замѣтили, составляетъ почти совершенное отсутствіе богословскаго догматическаго изложенія ученія христіанскаго и народо-поучительныхъ, катихизическихъ книгъ, въ то время особенно необходимыхъ для сельскаго духовенства и народа. Ученіе о церкви, о таинствахъ, о священствѣ, составляющее камень преткновенія для раскола, народу почти совершенно было неизвѣстно и никогда не было преподаваемо въ церквахъ. Народъ крайне нуждался въ назидательныхъ книгахъ. «Мнози отъ благочестивыхъ, говорилъ Варлаамъ Ясинскій, съ воздыханіемъ желаху, дабы когда сподобитися такихъ книгъ свойственнымъ съ славяно-россійскимъ языкомъ православно и достовѣрно изданныхъ дождати» [2]). Чрезвычайно мало было въ Великороссіи даже самыхъ главныхъ книгъ духовнаго христіанскаго просвѣщенія — книгъ священнаго писанія; между тѣмъ, по словамъ Епифанія Славеницкаго, «были въ Велицѣй Россіи имущіи и хотящіи имѣти я» [3]). Творенія св. отцовъ, которыя могли бы въ достаточной мѣрѣ сообщать народу истины христіанскія, въ XVII вѣкѣ, какъ мы видѣли выше, священниками не читались въ церквахъ, хотя и положены были уставныя чтенія изъ нихъ. Московскій книгопечатный дворъ при п. Іосифѣ сталъ-было издавать и распространять учительныя книги по церквамъ, какъ напр. малый катихизисъ, кириллову книгу и другія. Но эти книги изданы были расколо-учителями, искажены были ихъ заблужденіями, и, вмѣстѣ съ истиннымъ ученіемъ церкви, распространили ученіе

---

[1]) П. С. З. т. X, № 7663. Такъ было въ Сибири, въ тобольской епархіи. См. ст. свящ. Сулоцкаго во Времен. кн. XX о Филофеѣ Лещинскомъ, митр. сибир. и тобольск.

[2]) Предисл. къ библіи 1663 г. въ Солов. библ. № 197.

[3]) Описан. книгъ Царскаго стр.

аскольническое. Во второй половинѣ XVII вѣка, когда расколъ вынуждалъ пастырей церкви обращать особенное вниманіе на народное ученіе, и необходимость поученія народа глубже сознана была, пастыри церкви начали издавать полемическія сочиненія противъ раскола. Но горячіе споры, почти одинаково раздражительные съ той и другой стороны, только раздражали фанатическія головы расколоучителей. Спокойнаго, тихаго увѣщанія, поученія, убѣжденія, прямого, положительнаго изложенія истины, съ незнанія которой и проистекали ложныя религіозныя убѣжденія расколоучителей, — такого изложенія истины, которое бы, не раздражая расколоучителей за мелочныя ихъ убѣжденія и понятія, въ самомъ корнѣ подрывало ихъ убѣжденія, не было. Не было у народа твердыхъ, вѣрныхъ руководствъ для познанія истины, и не было систематическаго, церковноправительственнаго изданія и распространенія общепоучительныхъ духовныхъ книгъ. Рѣдко, и то случайно, попадались дѣльныя, поучительныя книги въ нѣкоторыя церкви и къ нѣкоторымъ частнымъ лицамъ. Такъ во 2-й половинѣ XVII вѣка проповѣди Симеона Полоцкаго и учительное Евангеліе Кирилла Транквилліона попались пермскому священнику въ городѣ Орлѣ, и онъ сталъ, по словамъ его, «многотрудіемъ составляти на каждо недѣльная Евангелія бесѣды съ нравоученіемъ, ово въ мысли награждалъ, ово же писалъ на малыя тетрадки и на свитки, вельми прилѣжно въ книзѣ Кирилла Транквелліона, много же словеса отъ поученій его устно навыкъ и зѣло любезно читалъ; и нѣцыи жители, — прибавляетъ онъ, — въ дому ея имѣша читающе». Но такія книги были даже еще и не по понятіямъ народа. «Обѣдъ душевный и вечеря душевная любоструднаго и мудраго мужа отца Симіона Полоцкаго слогъ, говоритъ тотъ же священникъ, и тая простѣйшимъ людемъ за высоту словесъ тяжка бысть слышати и грубымъ разумомъ невнимательна, а Божественнаго Златоуста бесѣды его и нравоученіе на Евангеліе и на Павлова посланія и на дѣянія святыхъ апостолъ зѣло неразумительно, не точію слышащимъ, но и чтущимъ, вельми бо препрости страны сея жители, въ ней же мы обитати, не точію отъ мірянъ, но и отъ священникъ, иностраннымъ языкомъ та Златоустаго писанія нарицаху»[1]. Очевидно, простому народу нужно было простое, удобопоятное катихизическое изложеніе истинъ вѣры и нравственности. За отсутствіемъ такихъ книгъ, народные грамотники, книжники только и читали старые рукописные сборники. И эти сборники всего болѣе были распространены въ народѣ. Но что заключалось въ нихъ? — За исключеніемъ немногихъ отрывковъ изъ твореній святыхъ отцовъ, и то большею частію въ искаженномъ переводѣ, и разныхъ церковно-историческихъ статей, также не всегда вѣрныхъ, въ рукописныхъ сборникахъ XVI и XVII вѣка большею частію заключались такія статьи, которыя или благопріятствовали развитію раскола, или цѣликомъ впослѣдствіи вошли въ составъ ученія его. При совершенномъ отсутствіи богословскаго, догматическаго ученія, рукописные сборники XVI и XVII вѣковъ во первыхъ наполнены были статейками обрядоваго содержанія, въ которыхъ ревность

[1]) Описан. Рум. Муз. стр. 632.

объ обрядахъ доходитъ до мелочности, даже въ ущербъ истинной вѣрѣ и христіанской мысли. Наприм. мы весьма часто встрѣчаемъ въ сборникахъ XVI и XVII вѣка статейки въ родѣ слѣдующихъ: 1., подробныя правила о томъ, что ѣсть въ тотъ или другой день того или другого поста; 2., наставленіе о томъ, чтобъ св. воду Богоявленія соблюдати честнѣе самыхъ пречистыхъ св. таинъ, чтобы если уканетъ или пролієтся, — мѣсто то изжещи угліемъ горящимъ, или истесать и въ воду вметать, или, если на ризу уканетъ, ризу изрѣзать [1]) и проч.; 3., или причту о кадилѣ, еже како подобаетъ кадити предъ Богомъ [2]), и разныя мелочныя обрядовыя истолкованія. При постоянномъ чтеніи такихъ статеекъ, естественно, должна была развиваться въ Русскихъ людяхъ XVI и XVII вѣка такая неразсудительная, мелочная ревность объ обрядахъ, какая выразилась въ расколѣ. Да и самыя мнѣнія раскольническія, еще за долго до открытія раскола уже изучались, усвоялись русскими людьми, какъ догматы вѣры: потому что они занесены были уже въ сборники того времени [3]). Кромѣ обрядовыхъ статеекъ рукописная, народная литература особенно наводнена была такъ называемыми «отреченными книгами». Не имѣя истинныхъ книгъ, грамотные люди брались за эти книги. Эти книги еще болѣе отчуждали понятія и духъ простыхъ грамотниковъ отъ истиннаго ученія. Вотъ какія ложныя, апокрифическія книги тога распространялись въ народѣ, по сборнику Соловецкой библіотеки XVII вѣка: «съставленіи мирстіи псалмы грядите вси вѣрніи, другіе грядите кресту твоему въ друждешуся на земли Адамъ, о Еносѣ, что былъ на пятомъ небеси, и исписалъ 300 книгъ, Ламеховы книгы, патріарси, Сиѳова молитва, Адамль завѣтъ, Моисіевъ завѣтъ Асенеѳь, Елдадъ, Молдадъ, Соломани псалмы, Ильино обавленіе, Исаіино видѣніе, Іаковля повѣсть, апостольстіи обходи, что приходили къ граду обрѣтоша человѣка орюща волы и просиша хлѣба, онъ же иде въ градъ хлѣба ради, апостоли же безъ него взоравше ниву и насѣявше, и пріиде съ хлѣбы и обрѣте пшеницу зрѣлу; Варнавино посланіе, Петрово обавленіе, Павлово дѣяніе лжею складено, Павлово обавленіе, Евангеліе отъ Варнавы, Евангеліе отъ Ѳомы, Иорахманехъ, Зосимохожение, паралипомена что орла слали въ Вавилонъ съ грамотою къ Еремию пророку. Суть же и ина многа отъ лжесловесникъ сложена, еже есть сіе, Івана Богослова въспросы еже на Елеонстѣй горѣ, Авраама праотца въспросы, тогоже Івана богослова въспросы къ Господу, еже рече къ нему Господь: слыши праведный Иване Варѳоломѣевы вспросы къ Богородицы, како роди Христа Епистолья о недѣле, О дрѣве крестнемъ лжею списано, что Христа въ попы ставили, и что Христосъ плугомъ оралъ, еже Еремия попъ болгарскій изолгалъ, былъ въ навѣхъ навѣрзилошкому; Петрово житіе въ пустыни 52 лѣта, и хожение Петрово по вознесении Господни, что Христа отрочатемъ продавалъ и архистратиха Михаила крести, и что рабы по суху ходилъ; Дѣтьство Христово, хождение Богородици по мукамъ; о Адамове лбѣ что

[1]) Сборн. Сол. библ. № 813, л. 542.
[2]) Опис. Рум. Муз. стр. 521.
[3]) См. напр. опис. Рум. Муз. стр. 521, 569, 707.

..мь церкв въ немъ седѣло; Павлово хожение по мукамъ, имена ангеломъ, ..лужбе таинъ Христовъ что опоздятъ служити обѣдню, врата небесная ..воряются, и ангели попа кленутъ; и еже съ Христомъ діаволе прѣние, ..устынницѣ о Макаріе римъстемъ, что три черньци нашли его, что два..ять поприщъ отъ него рай; о Соломанѣ цари и о китоврасе притчи, ..ни и кощуны, все лгано, не бывалъ китоврсъ на земли, но еллиньстіи ..ософи ввели; Авгарево посланіе на шеи носятъ неразумніи; о двоюна..яти іаковличахъ глаголемая лѣствица. Суть же и о мученицехъ словеса ..во складена, а не тако, яко же истинна ихъ писанна въ чтениехъ и минѣяхъ и въ пролозѣхъ,—Георгіево мученіе, рекше отъ Дадіана царя ..ченъ, Никитино мучение, нарицающе его сына Максимъ—янова царева, ..е бѣ самъ мучилъ, все же то лгано, вся же суть та прилогъ обличаетъ; Евпатиево мучение, что седьмыжди умре и оживе, Климента анкирьскаго ..чение, и инѣхъ многихъ; единою убо вси святіи спасени умроша, помно..ъ мукахъ, ли мечемъ посѣчени, ли копиемъ прободени, ли ножемъ за..ани, ли огнемъ сожжени, ту конецъ прияша; многажъ и иная сложена ..ния ложная, Давидови пѣсни, Софониино обавленіе, о Василіе кесарій..мъ, и о Иване златоусте, і о Григоріе богосълове, въспросы и отвѣты ..семъ лгано; о всей твари чтеніе, куръ стоитъ въ мори, 300 ангелъ солнце ..отятъ; о двоюнадесяти пятницахъ споръ Тарсѣя жидовина съ Елферіемъ; ..во Мефодія епископа паторимъскаго, отъ начатка и до кончины, въ ..ъ же писанъ Мунтъ сынъ Ноевъ, и три лѣта земли горѣти, что запе..ани цари Александромъ царемъ Макидонскымъ: Гогъ и Магогъ, и Исакъ ..ъ видѣ столпъ посреди двора, архангелъ Михаилъ Авраама возносилъ небо, и далъ ему видѣти что дѣютъ и судилъ имъ, но лгано суть не ..вало того; и кануновъ много лживыхъ, и молитвы составливая лживыя ..ь трясавицы, Еремия попа болгарскаго басни, глаголетъ бо окаанный, ..ящу святому отцу Сисѣнию на горѣ синайстѣй, и видѣ седмь жонъ исхо..щи отъ моря и ангела Сихаила именуетъ, и иная изыдоша седмь ангелъ, ..мь свѣщь деръжаще, седмь ножевъ острящи; карастар о (70) имянъ Богу ..то еретици списали. Суть же между божественными писании ложная ..ѣена отъ еретикъ, на пакость невѣждамъ, попомъ и диякономъ лстивые ..орники сельскыи, худыи манаканунци по молитвенникомъ у неразсудныхъ ..овъ; лживыя молитвы о трясавицахъ, о нежитехъ и о недузехъ, и гра..ты трясавъскыя пишутъ на просфирахъ и на яблоцехъ болѣсти ради, все ..то невѣжди дѣютъ, и деръжатъ у себя отъ отецъ и прадѣдъ, и въ томъ ..умніи гинутъ. А се есть мудрованіе тѣхъ, ими же себѣ отлучаютъ о Бога, ..приводятъ къ бѣсовомъ въ пагубу и погибаютъ: книга Мартолой рекше ..рологъ, остроумія, землемѣрія, чаровникъ въ нихъ же суть, 12, вся гла..вны стихи двоюнадесяти опромѣтныхъ лицъ звѣринъ и птичь, еже есть ..ло свое хранитъ мертво, и лѣтаетъ орломъ, и ястребомъ, и враномъ, и ..ломъ, и совою, рыщутъ лютымъ звѣремъ, и вепремъ дикимъ, и волкомъ, ..аетъ змиемъ, рысью и медвѣдемъ, есть громникъ, молъникъ, мъсяць ..ужится, колядникъ, метания, мысленикъ, сонникъ, волховникъ, волхо..ще птицами, и звѣрьми, еже есть се, стѣнотрѣскъ, ухозвонъ, вранограй, ..окликъ, окомигъ, огнь-бучитъ, песъ-выетъ, мышепискъ, мышь порты-

изгрызетъ, жаба вокоче, кошка вокоче, мышца подражатъ, сонъ страшенъ слѣпца-стряцетъ, изгоритъ нѣчто, огнь пищитъ, искра изъ огня, кошка мявкаетъ, падетъ человѣкъ, свѣща угаснетъ, конь ржетъ, валъ на валъ, птичникъ различныхъ птицъ, пчела, рыбы, трава шумитъ, дрѣво, съ дрѣва листъ шумитъ, сорока пощекочетъ, дятелъ, жона, волкъ выетъ, гость пріѣдетъ, стѣнощелкъ, полатничикъ, волхвованія разноличная,—путникъ книги и въ нихъ же есть писано о стрѣчахъ и коби всяческая еретическая о часѣхъ о злыхъ и о добрыхъ, еже есть Богомъ отречено, днехъ о лунныхъ, что въ первый день луны небеснаго мѣсяца Адамъ созданъ бысть еретики написано, а не въ первый день луны сотвори Господь Богъ Адама: понеже сотвори Богъ солнце и мѣсяць и звѣзды небесныа. Адама сотвори Богъ въ пятый день; како хощеши навѣгласе въ единъ день рожденіе адамле съ луною исповѣдати, почто неразумне вѣруеши еретическымъ лжамъ, а оставя Божіе писание, на лжу убо писаше всю, дній луны. Такожъ и прочая коби, еже суть книги еретическая, звѣздочтецъ, звѣздъ, и другій звѣздочтецъ, ему же имя стоднецъ, въ нихъ же безумніи людие вѣрующе волхвуютъ, ищуще дніи рожденій своихъ, саномъ полученія, урока-житія, и бѣдныхъ напастей, и различныхъ смертей, и казней, и въ службахъ и въ купляхъ и въ ремеслѣхъ, ищутъ своимъ безумиемъ, а оставя Божию помощь, и призыватъ бѣсовъ на помощъ, а невѣдуще Божіихъ судебъ»[1]. Одно перечисленіе этихъ книгъ, которыя распространялись въ народѣ въ XVI и XVII в. въ толстыхъ сборникахъ, уже достаточно показываетъ, какой мракъ невѣжества, суевѣрій и заблужденій распространялся въ нашемъ народѣ въ то время. Для примѣра выпишемъ еще нѣсколько строкъ изъ апокрифической «бесѣды трехъ святителей Григорія Богослова, Ивана Златоуста и Василія Великаго»: «Григорій рече; кто первѣе Бога нарече—Иванъ рече: сатана, иже сверженъ бысть съ небеси, преже созданія адама за гордость наречеся сатана дьяволъ. Василій рече: что есть высота небесная, широта земная, глубина морская? И, рече: Петръ приникъ видѣ ризы едины лежаща и сударь иже бѣ на главѣ его, не съ ризами лежитъ, но особь свитъ на единомъ мѣстѣ. Г. рече: сударь бѣ два плата служебныя на блюдѣ, а ризы его верхніе небо и преисподняя, вездѣ стоитъ яко ризы, стихарь шестаго нёба его, а поясъ—желѣзное столпіе около великаго моря, на немъ же земля плаваетъ, а патрахиль входъ и исходъ, а подъ поясомъ земля: толстота ея яко отъ востока и до запада, и повелѣ его Господь ангелъ согнати пену морскую и сотворити землю на трехъ китехъ великихъ, на тридцати малыхъ китѣхъ заляжетъ тридцать околъ морскихъ, а дуютъ ихъ третія часть райскія воня, идутъ рыбы на ту воню и тѣмъ сыты бываютъ, а глубина жь того моря великаго 5 ротогъ, толщина какъ земля толста, дно же подъ тѣмъ моремъ великимъ ровно къ желѣзному столпію, того же моря дно стоитъ на семи тысящехъ столпехъ: туто же есть и адово жилище, туто жь и антихристъ связанъ... того моря столпіе стоитъ на огни не угасимомъ, подъ тѣмъ огнемъ тутожь есть денница, яже прежь солнца сотворена, и ту есть людіе крилаты, летаютъ яко паутина мыслію, а смерти

[1]) Сборн. Солов. библ. № 913.

…ту имъ: то же иного ничего, но воздухъ Божій и свѣтъ держить, то ти …ть звѣзда яко риза. В. рече: гдѣ первѣе Богъ бысть, иже не бѣ свѣта? … рече: три комары на небесѣхъ, въ тѣхъ комарехъ агнецемъ туто есть …дарь, а свѣту нѣтъ конца. Г. Протолкуй ми Троицу. И. рече: въ тѣхъ …марехъ Отецъ и Сынъ и Святый Духъ свѣтъ есть, а другій свѣтъ огнь …ь. В. рече: отъ чего суть ангели сотворени? Г. рече: отъ Духа Господня, … свѣта и отъ огня. И. рече: отъ чего солнце сотворено есть? В. рече: отъ …тренія ризы Господни. Г. рече: отъ чего луна сотворена бысть? В. рече: …ъ аера и отъ Престола Господня и отъ воздуха. В. рече: еста ангела …омная еленскии (sic) старецъ Перунъ. Нахоръ есть жидовинъ; а два еста …гела молниина... В. рече: посла Господь ангела и взя единою на востоцѣ … на западе *д*, на сѣверѣ *а*, на юзѣ *м*: то есть адамъ», и проч. [1]). Такія …гматическія и космогоническія понятія распространялись въ нашемъ на…дѣ изъ ложныхъ книгъ. Замѣтимъ, что большую часть такихъ понятій …вящаетъ расколъ, и въ простомъ народѣ и донынѣ передаются такія ска…нія—о происхожденіи міра и человѣка. Вообще, читая въ сборникахъ …VI и XVII вѣка разные разсказы и толкованія русскихъ грамотниковъ …арой Россіи, читая напр. эти апокрифическія повѣсти о томъ, какъ из…анная изъ рая Евва по случаю впаденія Адама въ чревную болѣзнь, …зсказываетъ предъ 6000 домочадцевъ о паденіи своемъ и о похожденi…ъ, по изгнаніи изъ рая, или «разговоры Адама со Христомъ,» или …риста съ Іосифомъ благообразнымъ», или Іоанна Ѳеолога съ Авраамомъ … кончинѣ лѣта и живота», или эти «толкованія о Исусѣхъ, и повѣсти …12 пятницахъ» и т. п., или эти мистическія загадки и «притчи толко…нныя», въ формѣ которыхъ большею частію излагается вся сумма знаній …евнихъ нашихъ грамотниковъ, эти чрезвычайно-произвольныя мистиче…ія толкованія библейскихъ текстовъ, событій и даже лицъ [2]), мы выно…мъ изъ всего этого самую грустную мысль: какъ скудно, даже во мно…хъ отношеніяхъ невѣрно было христіанское умственное развитіе нашего …остого народа въ древней Россіи, какъ мало онъ зналъ истинное ученіе …истіанства, и подлинныя сказанія св. писанія, и какъ между тѣмъ …ого усвоилъ понятій ложныхъ, превратныхъ. Напримѣръ, въ сборникахъ …VII вѣка почти постоянно встрѣчаемъ толкованія въ родѣ слѣдующихъ: …опросъ: что есть милоть Иліина? Толкъ: не пощадѣ Авраамъ сына …оего Исаака, хотя заклати Богу на жертву, и136 вземъ ножъ отъ Авраама … сына его Исаака и вдаде ему овенъ мѣсто сына его Исаака: то есть …лоть Иліина. Вопросъ: что есть внукъ рече бабе положи мя у себѣ, и …че ему баба, како тя положу у себе, ты ми отецъ. Толкъ: внукъ есть …ристосъ, а баба земля» [3]). Или еще вопросъ: «егда распятся Господь, и …сифъ снемъ со Креста тѣло Христово и ко гробу несоша, что ему гла…лаше Христосъ? Толкъ: Христосъ рече: Іосифу, пой Святый Боже» [4]).

[1]) Сборн. Солов. библ. № 925.
[2]) Сборн. Сол. библ. №№ 861, 889, 923 и др.
[3]) Сборн. Солов. библ. № 925, л. 169.
[4]) Сборн. № 923.

Въ этихъ толкованныхъ притчахъ, которыми исполнены Сборники X
вѣка, часто встрѣчаются самыя нелѣпыя мысли, напр. въ родѣ сл
ющей: «Афродита Пирсянина богородицино подобіе и т. п. [1]). Множе
было вопросовъ самыхъ пустыхъ, мелочныхъ, которые излагались
тогдашней народной письменности. Напримѣръ, силы ума испыты
такими загадками: «аще творишися мудръ, скажи ми слову сему с
неродивыйся умре, а родивыйся не умре, умершій не истлѣ, Моусей
торзѣ, Павелъ въ Делвахъ, Соломонъ на войну пошелъ, Давидъ ся жен
Адамъ въ сватѣхъ; рѣка среди моря течетъ, животъ во огни скачетъ,
отъ смерти погиблъ, а смерть отъ дьявола, а дьяволъ безъ вести по
бысть; рѣка подъ землею, среди моря крестъ, верху горы градъ, в
солнце, на горѣ мертвіи возсташа, а живи падоша, ядоми отъ ядом
Или: «тѣло ли есть въ образѣ, или образъ въ тѣлѣ? Толкъ: образ
тѣлѣ. Паки: премудрость ли есть въ челѣ, или душа въ мудрости. Т.
рость есть въ души» и т. п. [2]). Не говоримъ уже объ особомъ разрядѣ
вѣрныхъ статей въ древне-русской народной литературѣ: это цѣлый ц
произведеній, въ родѣ чародѣйскаго травника или зелейника и т. п.
бимая форма загадки, вопросовъ, въ которыхъ русскіе книжники
няго времени большею частью излагали свои богословскія понятія,
какъ-бы еще самый первый, младенческій лепетъ въ богословско-хрис
скомъ ученіи, выраженіе той умственной жажды, той пытливости
какою они искали, желали духовнаго просвѣщенія полнаго, разум
всесторонняго, истиннаго знанія. И, не находя его истинныхъ источни
творили свой міръ идей, почерпая часто ихъ изъ ложныхъ книгъ. И
вительно ли, что при такомъ наплывѣ въ умственной жизни нашег
рода въ XVII в. всѣхъ суевѣрій и заблужденій, какими наводняли Р
эти ложныя книги; удивительно ли, что вся эта мгла, весь этотъ
суевѣрій и заблужденій, когда началъ озарять Россію первый лучъ

---

[1]) Сборн. Сол. библ. № 925, л. 105.

[2]) Тамъ же. За то,—замѣтимъ мимоходомъ,—часто встрѣчаются въ сборн
и XVII в. „притчи толкованныя", нелишенныя поэзіи. Напр. слѣдующія: „Стоит
на дву холмѣхъ, среди горы кладязь глубокъ, на верху горы лежатъ два камен
цвѣтные, а надъ ними два лютые льва. Толкъ: Гора—человѣкъ на двухъ ногахъ с
а каменіе очи ясныя, а львы лютые—брови черныя, а кладязь гортань и чрево". В
итъ древо злато, а на немъ листвие златое, подъ тѣмъ древомъ стоитъ лоханя; прил
голубь, листвиціе щиплетъ, да мечетъ въ лоханю: лоханя не полна и листвие не у
етъ. Т. древо злато—небо, а листвіе люди, а голубь—смерть, а лоханя земля. „С
градъ, а въ градѣ гора стоитъ на четырехъ холмѣхъ, а верху горы поле чистое
полѣ цвѣты прекрасные, а около ихъ пчелы ярые. Толкъ: Градъ—изба, а гора—
а поле—скатерть, а цвѣты—яди различные, а пчелы—люди". Или: „въ тепломъ ца
стоитъ пещера каменная, а въ пещерѣ лютый змій лежитъ, а какъ бываетъ въ ца
томъ стужа, змій роскручинится, и начнетъ у него и зо рта пламень огненны
дити, и изъ ушей—кудрявъ дымъ метатися, а изъ очей—искры сыплются. Толк
лое царство изба, а пещера каменная печь кирпичная, а земля—дрова горятъ
до вечера. Вопросъ: Сѣятели два, десять жителей, угобзися нива и сотвор
коблы. Толкъ: 4 Евангелиста, 12 Апостолъ, три коблы—Троица, Отецъ и Сынъ
тый Духъ". Или еще: „рябъ попищитъ, зоветъ дѣти, ихъ же не родилъ. Тол
второе Христово пришествіе вострубятъ ангели, и возстанутъ мертвіи отъ гр
(Сборн. Сол. библ. № 923.)

щенія, скопились въ одну темную массу и выразились въ расколѣ? Въ мъ всецѣло сохранился и утвердился тотъ ложно-библейскій, или частне, ложно-апокалипсическій мистицизмъ, который господствовалъ въ рукосной духовной литературѣ русской XVII в., особенно въ статьяхъ апофическихъ. Мысль объ антихристѣ, о кончинѣ міра, о страшномъ судѣ сборникахъ XVII вѣка почти также часто встрѣчается, какъ и въ сонеліяхъ раскольническихъ, и большею частію почти совершенно въ комъ же видѣ, какъ и у раскольниковъ. Расколъ только довелъ ее до ончательнаго развитія, и далъ ей особенное направленіе, первоначальй источникъ котораго, какъ мы видѣли, также заключался въ релизномъ духѣ XVI и XVII в. Русскіе книжники XVII в., также какъ и скольники, находили эту мысль въ такихъ мѣстахъ св. писанія, гдѣ а вовсе не заключалась. Напр. въ сборникѣ начала XVII вѣка читаемъ кое толкованіе текстовъ: «вопросъ: престолъ его на земли поверженъ, умалилъ еси дни времени его, и облиялъ еси его студомъ. Толкъ: егда детъ антихристово царство три лѣта, а три лѣта яко три мѣсяцы, а и мѣсяцы аки три недѣли, а три недѣли аки три дни, а три дни аки и часа... Вопросъ: окропиши мя уссопомъ и очищуся, омыеши мя и че снѣга убѣлюся. Толкъ: егда земля начнетъ горѣти и выгоритъ 1000 котъ въ глубину, и не будетъ горъ, и будутъ четыре вѣтры сошлетъ огъ: востокъ, сѣверъ, югъ, западъ, и развѣютъ всю скверну на земли, и детъ земля чиста, яко дѣвица нескверная, и убѣлится яко трапеза и зоніетъ земля къ Богу» и проч.[1]). Подобныя толкованія текстовъ и мыя мысли точь-въ-точь повторяются въ раскольническихъ рукописяхъ. ъ другомъ сборникѣ находимъ длинное мистико-пророчественное изображеніе послѣднихъ временъ и царства антихристова. Здѣсь сначала предсказываются различныя беззаконныя царствованія предъ пришествіемъ тихриста, въ томъ числѣ царствованіе жены блудницы, при которой будетъ господствовать развратъ въ высшей степени, богохульство, иконорство и всѣ грѣхи; потомъ предсказывается явленіе отъ Бога архистраига Михаила, который «посѣчетъ эту львицу серпомъ, обернетъ аки жерзвомъ, ударитъ скипетромъ и тако погрузитъ ее въ глубину морскую». а тѣмъ родится антихристъ отъ черницы: «черница дѣвою сѣдѣ въ келліи воей, услыша потку (птицу) поющу во градѣ своемъ тако, яко ни умъ еловѣчь не иметъ, не смыслитъ: она жъ уклонитъ оконца, хощетъ узѣти потки тоя, потважь возлетѣвъ зашибется въ лицѣ черницы тоя, въ омъ часѣ зачнется сынъ пагубы, антисотона». «Тогда царь Михаилъ возвигнетъ руки на небо, и воздастъ царство христіанское Богу и Отцу...: огда обличится сынъ погибели, родивыйся отъ племени Данова, по прочеству Іакова патріарха, иже рече: видѣхъ змія, имающа коня за пяту, дѣ конь на ногу заднюю... Что есть конь? Послѣдній день... тогда тихристъ начнетъ храпти... сядетъ въ церкви, яко Богъ, человѣкъ сый ъ колѣна Данова: будетъ же царства ему три лѣта, а три лѣта аки три

[1]) Сборн. Сол. библ. № 913.

мѣсяцы, а три мѣсяцы аки три недѣли» и проч.[1]). Подобныя мисти апокалипсическія толкованія о послѣднихъ временахъ міра, о пришес и царствѣ антихриста, часто встрѣчающіяся въ сборникахъ соловецк XVI и XVII в., читавшіяся тогда съ живымъ увлеченіемъ, съ трепетн ожиданіемъ предсказываемыхъ послѣднихъ временъ, безъ сомнѣнія, мало благопріятствовали развитію раскольнической мысли объ антихри развитію того ложно-апокалипсическаго направленія, или мистическ символизма, который лежитъ въ основаніи раскольническаго міровоззрѣ Наконецъ, въ рукописной литературѣ XVII вѣка, задолго до п леніи раскола, распространялись и другія суевѣрныя понятія раск наприм. «о бѣсовской и проклятой табакѣ». Такъ въ сборникѣ Соловец библіотеки подъ № 925 расказывается нѣсколько чудесъ, случивш будто бы въ 1641 году, какъ самъ Всемилостивый Спасъ и Пречи Богородица явились разнымъ сѣверно-поморскимъ сельскимъ жен намъ и велѣли «росписи росписывать и разсылать и по всѣмъ г дамъ и по погостамъ и по волостямъ, чтобы православные христіане нюдь табаки не пили; а будетъ станутъ пить табаку, за ихъ непо шаніе будетъ на землю каменіе много испущено огненное» и проч.[2]).

Такимъ образомъ въ самой рукописной литературѣ русской X вѣка, которая всего болѣе была доступна народу, заключались элеме для развитія раскола. Отчужденность, отрѣшенность народной духо литературы отъ живого, истиннаго ученія церкви, отсутствіе богос скаго, догматико-теологическаго элемента, преобладаніе обрядовыхъ росовъ, и наконецъ развитіе раскольническихъ идей, вотъ недост рукописной, народной литературы XVI и XVII вѣка, благопріятствова развитію раскола!

Въ XVIII вѣкѣ, когда ясно обнаружились недостатки старой цер ной литературы и односторонность чисто внѣшне-обрядоваго направл христіанской жизни народа, глубоко сознана была необходимость изд поучительныхъ, нравственно-догматическихъ книгъ для распростран въ народѣ возвышенныхъ, нравственныхъ и догматическихъ истинъ стіанства. Въ Духовномъ Регламентѣ положено было слѣдующее: «По мало есть, противо толикаго Россійскія церкве многонародія, таков пресвитерей, которые бы наизустъ могли проповѣдать догматы и зак Священнаго Писанія: то всеконечная нужда есть имѣти нѣкія кратк простымъ человѣкамъ уразумительныя и ясныя книжицы, въ котор заключится все, что къ народному наставленію довольно есть; и тыя жицы прочитовать по частямъ въ недѣльные и праздничные дни церкви предъ народомъ. А хотя и есть таковыхъ книгъ довольное ч сія есть, Омологія или Исповѣданіе Православное, также и нѣкіихъ ликихъ учителей святыхъ толковательныя бесѣды и слова нравоучи ныя; обаче се есть неудобное всему, наипаче простому народу ученіе. книга Исповѣданія Православнаго не малая есть, и для того въ па

---

[1]) Сборн. Сол. библ. № 889.
[2]) Сборн. Сол. библ. № 925, гл. 35—45.

…остыхъ человѣкъ неудобь вмѣщаема и писано не просторѣчно, и для …го простымъ не вельми внятна. Такожъ и книги великихъ учителей, …атоустаго, Θеофилакта и прочихъ писаны суть еллинскимъ языкомъ, и … томъ токмо языкѣ внятны суть, а переводъ ихъ славянскій сталъ те…нъ и сь трудностію разумѣется отъ человѣкъ и обученныхъ, а простымъ …вѣжамъ отнюдь непостизаемый есть. И сверхъ того толковательныя бе…ды учительскія много имѣютъ высокихъ богословскихъ таинъ; тако же …не мало сказуютъ, что тогда сказовать подобало по приклонности раз…ыхъ народовъ, и по обстоятельству оныхъ временъ, чего нынѣ невѣжли…ый человѣкъ къ пользѣ своей употребить не умѣетъ. А простому народу …ушать часто подобаетъ то, что самое есть всѣмъ обще, и всякому соб…венно, по своему званію должное... И таковое приходитъ разсужденіе, …це бы вѣдали вси самыя главнѣйшія вѣры нашея догматы, и кое есть …троенное отъ Бога спасенія нашего смотрѣнія; и аще бы вѣдали запо…ди Божія, еже уклонитися отъ зла и творити благое: то довольное бы …ъ было наставленіе. (А если бы кто и при таковомъ вѣдѣніи развращенъ …ебылъ)... И того ради нужно есть сочинить три книжицы небольшія. …рвую о главнѣйшихъ спасительныхъ догматахъ Вѣры нашея, тако жъ … о заповѣдяхъ Божіихъ, въ Десятословіи заключенныхъ. Вторую о соб…венныхъ всякаго чина должностяхъ. Третію таковую, къ которой со…анныя будутъ съ разныхъ святыхъ учителей ясныя проповѣди, какъ о …авнѣйшихъ догматахъ, такъ и наипаче о грѣхахъ и добродѣтеляхъ и …бственно о должностяхъ всякаго чина. Первая и вторая книжица имѣть …детъ доводы своя отъ самаго священнаго писанія, но внятныя всѣмъ и …раткія. Третія жъ отъ святыхъ отецъ то сежъ, что въ первой и во вто…ой поучающая. Чтеніе же книжицъ оныхъ таковымъ порядкомъ пойдетъ …зрядно. Въ день воскресный или праздничный на утрени прочесть часть …алую отъ первой, а въ другой рядъ часть отъ второй книжицы, а въ …тъ же день по обѣдни прочесть слово отъ третей книжицы о томъ же са…омъ о чемъ чтеніе было и на утрени. И такое единое и тоеже ученіе, слы…анное на утрени и подтвержденное на обѣдни можетъ лучше въ памяти …лышащихъ затвердиться. А такъ вся оныя чтомыя части раздѣлить, …тобъ всѣ три книжицы могли быть прочтены въ четверть года. Ибо тако …слышитъ народъ вся нужная своя наставленія четырежды въ годъ, и …зможетъ слышанная добрѣ памятовать» [1]). Къ сожалѣнію, духовная ли…ратура русская XVIII вѣка, чуждая живого, яснаго, общенароднаго из…оженія христіанскаго ученія, пропитанная схоластицизмомъ, облеченная въ …рубыя и тяжелыя формы латини, особенно нетерпимой нашимъ народомъ, …собенно старообрядцами, была почти нисколько недоступна для народа. … потому онъ оставался съ преданіями своей завѣтной, старинной руко…исной литературы.

[1]) П. С. 3, т. VI, стр. 321—322.

V. Гражданское состояніе Россіи во время появленія и р пространенія раскола.

Гражданское состояніе Россіи во второй половинѣ XVII и въ пер половинѣ XVIII вѣка, не менѣе церковнаго состоянія ея, заключало себѣ элементовъ, благопріятствовавшихъ развитію раскола. И въ госуд ствѣ Московскомъ, въ ту переходную эпоху, когда оно преобразовывал въ *Имперію Всероссійскую*, совершалась борьба разрозненныхъ силъ— чалъ старой и новой Россіи. Въ народномъ бытѣ, въ гражданск устройствѣ русскаго общества много было внутреннихъ противорѣчій, р розненности, разлада, питавшихъ разъединеніе въ духѣ народномъ. Со нительная, централизующая сила государства стремится сосредоточи примирить разрозненные народные элементы въ государственномъ ед ствѣ, въ крѣпости общественной, въ единствѣ законодательства и упр ленія, уничтожаетъ старую подвижность, расходчивость, расплывчиво народонаселенія, укрѣпляетъ его къ государственной землѣ, короче—ст мится *собрать разсыпанныя храмины*, по выраженію Великаго Петр большинство народа, масса, движимая еще средневѣковыми стремлені къ разобщенію, не сознающая государственныхъ идей правительства, покоряется этой соединительной силѣ государства, упруго стремится у жать старое положеніе, или по характеристическому выраженію акт *бредетъ врознь*. Правительство, укрѣпивъ народонаселеніе, стремится д ему надлежащее государственное разграниченіе, распредѣленіе, стрем раздѣлить смѣшанныя, соединить разрозненныя однородныя части н донаселенія; изъ прежнихъ, исключительно поземельныхъ, раздроблен хаотическихъ общинъ, неимѣвшихъ ни внутренней крѣпости и общинн союзнаго единства, ни юридической опредѣленности общинныхъ прав общинной дѣятельности, образуетъ общины сословныя, союзныя, осно ныя уже не на поземельномъ или земскомъ тяглѣ только, а на юри ческихъ началахъ общинныхъ правъ и обязанностей, на государствен разграниченіи общественной дѣятельности, на развитіи государстве союзнаго духа. Между тѣмъ разные члены русскихъ общинъ XVII в привыкшіе жить въ общинахъ только до поры до времени, отъ Юр да до Юрьева дня, привыкшіе жить особняками, своими особенными роженными участками, во многихъ мѣстахъ даже совершенно отдѣльн дворами, удаленными отъ другихъ дворовъ, привыкшіе «брести врозн люди русскихъ общинъ XVII вѣка были еще, по самому характеру сво чужды этого союзнаго духа; вѣковое внѣшнее поземельное разобщеніе тало, развивало въ немъ и разобщеніе, разъединеніе внутреннее, нра венное; въ самыхъ сословныхъ общинахъ, уже разграниченныхъ, об ченныхъ правительствомъ, нѣтъ еще внутренняго согласія, союзнаго д раздоръ часто раздѣляетъ членовъ сословныхъ общинъ, еще не с шихся внутренно, послѣ вѣковой разрозненности и хаотической запу ности общинныхъ интересовъ и стремленій, послѣ вѣкового отсут

юзнаго духа [1]). Разграничивая сословія, образуя стройные государствен-
ые союзы въ народонаселеніи, правительство, далѣе, обращаетъ строгое
ниманіе на наличныя рабочія, производительныя силы народонаселенія:
ля этого, вмѣсто прежней писцовой переписи земли и дворовъ, вводитъ
ерепись подушную, ревизію душъ, и государственное тягло и государст-
енную службу переноситъ съ земли на лицо, каждому назначаетъ службу,
аботу въ своемъ опредѣленномъ общинномъ кругѣ, съ каждаго требуетъ
акже опредѣленной подушной подати: такимъ образомъ каждый членъ
ой или другой сословной общины строго, окончательно подчиняется,
крѣпляется къ государству. Тяжкимъ казалось большей части народа,
оспитаннаго въ средневѣковой вольности, это строгое личное подчиненіе
службa государству, эта личная, подушная зависимость отъ него. И вотъ
ножество было недовольныхъ этимъ, такъ сказать, личнымъ тяготѣніемъ
ъ государству, личнымъ укрѣпленіемъ къ общинамъ, невозможностію по
режнему исключиться изъ списка податныхъ и служилыхъ. Наконецъ, пра-
ительство, ясно сознавшее потребность государственнаго благоустройства и
правленія народонаселенія, издаетъ новые законы для водворенія обще-
твеннаго порядка, полагаетъ предѣлъ старому беззаконію и своеволію,
ничтожаетъ жалованныя грамоты, исключенія, изъятія изъ общаго пра-
ила и издаетъ общіе указы и законы, проводитъ въ жизнь народа за-
онъ, какъ зиждительное и благоустроительное начало государственнаго
орядка. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича открываетъ собой періодъ
оваго законодательства, составляетъ введеніе уже въ кодексъ новыхъ
аконовъ, которые суть «органическое порожденіе уложенія» [2]). 28 регла-
ентовъ, уставовъ и инструкцій Петра Великаго и извѣстные намъ 2902
каза его съ 1700 по 1725 годъ суть зиждительное начало новой Россіи,
ыраженіе той творческой идеи Петра, по которой онъ созидалъ евро-
ейское устройство Россіи. Но понималъ ли народъ эти законы? Отсталые
юди, привыкшіе жить не по законамъ, а по жалованнымъ и т. п. грамо-
амъ, по старинѣ, по земскимъ обычаямъ, упорно противятся новымъ за-
онамъ: многіе законы не исполняются, какъ часто жаловался самъ Петръ
еликій. Это неисполненіе и постоянное нарушеніе новыхъ законовъ, осо-
енно законовъ Петра Великаго, было не частнымъ, случайнымъ исклю-
еніемъ, какое всегда бываетъ въ большой или меньшей степени и въ
лагоустроенныхъ государствахъ, но рѣшительное упорство народнаго духа,
епримиреніе съ новыми законами народнаго умопредставленія, разладъ
ародныхъ понятій и стремленій съ законодательными идеями Петра Ве-
икаго. «Се бо нынѣ,—говоритъ Посошковъ, колико новыхъ статей из-
ано, а не много въ нихъ дѣйства: ибо всѣхъ ихъ *древностная неправда*
одолѣваетъ» [3]). При такомъ гражданскомъ состояніи Россіи, во второй по-
овинѣ XVII вѣка и въ первой половинѣ XVIII, при этомъ хаосѣ ста-

---

[1]) Напримѣръ, о купечествѣ Посошковъ говоритъ: „купечество у насъ... между
бою *союзства* ни малаго не имѣетъ, другъ друга ѣдятъ". О скудости и богатствѣ.

[2]) По выраженію извѣстнаго юриста—Морошкина.

[3]) Сочин. Посошкова, стр. 96.

рыхъ и новыхъ началъ и стремленій, понятно, какъ много было б
пріятнаго для развитія раскола. Расколъ жилъ, развивался подъ влія
стараго духа, старыхъ началъ, и былъ главной, самой сильной оппоз
народнаго духа противъ новаго порядка и устройства Россіи. Онъ отк
и развился въ самый разгаръ борьбы старой и новой Россіи, и воз
противъ самыхъ коренныхъ началъ новаго устройства. Уложеніе
Алексѣя Михайловича расколъ призналъ и до нынѣ признаетъ п
нымъ вѣрѣ Христовой. До 160 человѣкъ, недовольныхъ Уложеніем
сланы были въ Соловецкій монастырь, и тамъ, вмѣстѣ съ государ
ными мятежниками—донскими казаками, произвели раскольническій
Расколъ отвергъ также законы и регламенты Петра Великаго: противъ
каго Преобразователя раскольники XVIII вѣка съ злобой вопіяли за т
онъ «новыя законоположенія полагая *по духовному и по гражданскому р*
женію, состави многіе регламенты, разосла многіе указы съ великимъ у
ніемъ о непремѣнномъ исполненіи оныхъ, устави сенатъ» и проч. Н
щади кремлевской, гдѣ окончательно рѣшался въ концѣ XVII в.
между древней и новой Россіей, между государствомъ и полугра
скимъ бытомъ древней Россіи, между государями, твердо рѣшивш
на реформу государственную, и мужиками горланами, кричавшими
храненіи старины и народной вольности, между истинными паст
церкви и бѣглыми попами,—на кремлевской площади, во главѣ ст
каго бунта, стояли раскольники и громогласно, окончательно выск
свое противогосударственное направленіе. И съ тѣхъ поръ расколъ
зовалъ противогосударственную общину, въ которой скоплялись в
довольные въ какомъ-либо отношеніи правительствомъ. Въ антипаті
кола правительству, въ оппозиціи его противъ новаго государстве
порядка и устройства Россіи сходились всѣ частныя противогосудар
ныя и демократическія антипатіи и стремленія: и недовольство дес
момъ власти и преобладаніемъ сильныхъ, и недовольство крѣпост
состояніемъ, и недовольство областными управителями и чиновника
стѣсненіе свободы и своеволія законами, и тягость податного сост
и проч. Демократическая раскольническая община всѣмъ открыва
давала убѣжище и чрезъ то сама росла. И нужно сказать, что
вѣкъ, особенно первая половина его, эта тяжкая година народнаг
нанія отъ податей и повинностей, година преобладанія сильныхъ ино
цевъ-тирановъ и варварства публичныхъ казней, эпоха взяточнич
живыми душами, развитія аристократическаго барства въ ущербъ др
сословіямъ и проч.,—это было время едва ли не самое тяжкое для н
народа, особенно для его низшихъ классовъ. «Когда мысленно воз
на минувшее время—говорили въ 1767 г. депутаты, избранные отъ
народа, для сочиненія новаго уложенія, въ рѣчи Императрицѣ Екат
Великой,—духъ въ насъ еще трепещетъ, и паденіе Имперіи живо пре
ляется воображенію. Видѣли мы православную нашу вѣру, свящ
источникъ всѣхъ благъ, союзъ общаго блаженства, единомыслія и
нравія, подверженную презрѣнію и ругательству, яснымъ двумъ пр
менованіямъ ея истребленія. Видѣли мы законы, общее житіе утвержд

сохраняющіе, приведенные въ замѣшательство, противорѣчіе и неисполненіе, правосудіе изнемогшее съ паденіемъ законовъ, съ правосудіемъ истребленную честь и добронравіе. Не столпы только правленія колебались, но и самое его основаніе потряслося. Государственные доходы истощились, потеряна была довѣренность и угнетена торговля. Грабительство, лакомство, корысть, насильство и прочіе пороки, покровительствомъ многихъ людей ободренные, возрастали съ гибелью для народа и усугубляли бѣдствія отечества нашего и наконецъ, вездѣ неустройства торжествовали, гдѣ слѣдовало царствовать порядку»[1]). При такихъ обстоятельствахъ, понятно, почему много народа присоединялось къ демократической партіи раскольниковъ.

Во-первыхъ, раскольническая община принимала всѣхъ тѣхъ, кто одержимъ былъ еще старымъ противо-государственнымъ духомъ противленія гражданской власти, личнаго произвола и необузданной свободы. А такихъ людей въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII было много. Какъ строгій, систематическій государственный порядокъ въ XVII вѣкѣ не проникъ еще весь многосложный организмъ, все устройство Московскаго государства, такъ и идея государственнаго порядка далеко не проникла еще въ сознаніе народное, во всѣ части народонаселенія. Какъ въ государственномъ устройствѣ повсюду были еще исключенія изъ общаго правила, рядомъ съ чисто-государственными правительственными учрежденіями господствовало еще мѣстное, земское самоуправленіе, гдѣ члены общины жили и управлялись по средневѣковому, *«межи себя»*, а не правительственными, государственными органами и законами: такъ и въ духѣ народномъ сильно, глубоко коренились еще противо-государственныя стремленія къ исключенію изъ общаго, госудаственнаго порядка, къ освобожденію отъ строгаго подчиненія единой государственной власти, къ своеволію и самоустройству. Самая идея верховной власти, самодержавія, достигшая своего полнаго развитія въ Имперіи, не проникла еще во всю массу народную. Народъ сколько благоговѣлъ предъ своимъ царемъ, сколько любилъ его, столько же любовь эта въ большей части народонаселенія была непостоянна, нетверда. Не даромъ возможно было появленіе 14 самозванцевъ въ XVII вѣкѣ и въ томъ числѣ 4 въ одно царствованіе Алексѣя Михайловича. Не даромъ они являлись и въ XVIII вѣкѣ. Въ народѣ много было такихъ людей, которые дотолѣ только были послушны и преданы царю, пока онъ жаловалъ ихъ, снисходилъ ихъ желаніямъ и прихотямъ, не касался ихъ внутренняго быта. Но если онъ являлся строгимъ, дѣлалъ что-либо не по нраву народному, издавалъ новые, ощутительно касавшіеся вольности и старыхъ обычаевъ народныхъ, законы; то тотчасъ же поднимали ропотъ, даже бунтъ, и «чинились непослушны государеву указу». Царь Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, пока благодѣтельствовалъ народу и не касался его внутренняго быта, былъ любимъ; но когда сталъ вводить новые порядки и обычаи, то, по словамъ Авраамія Палицына, «въ ненависть бысть всему міру ради таковыхъ нововводныхъ

[1]) П. С. З. т. XVIII. № 12,978.

дѣлъ». Когда царь издавалъ какое-либо распоряженіе или указъ не по нраву черни, то чернь возмущалась, бунтовала, не понимая благихъ намѣреній правительства. Напр., царь Алексѣй Михайловичъ предписалъ—въ Псковѣ закупать хлѣбъ для Швеціи: псковитяне взбунтовались, «государеву указу и повелѣнію учинились противны, и преступя его крестное государево цѣлованіе, про него Великаго Государя износили непристойныя рѣчи, чего и помыслить страшно, и его государевъ указъ ни въ чемъ не слушали»[1]. Въ актахъ историческихъ весьма часто говорится о томъ, какъ многіе «чинились сильны и непослушны государеву указу»[2]. Чернь съ буйнымъ неистовствомъ требовала у царя, чего хотѣла, и Государь долженъ былъ иногда уступать ея своеволію, чтобы избѣжать мятежа и кровопролитія[3]. Духъ мятежа до такой степени овладѣлъ чернью, что каждая безпокойная, буйная голова способна была взбунтовать народъ, всякій нелѣпый толкъ о правительствѣ разъярялъ чернь. Это показали бунты, многократно бывшіе въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и другихъ городахъ[4]). Послѣ этого понятно, какъ возмутительные толки и письма раскольниковъ о правительствѣ сильны были къ возмущенію народа противъ правительства. Тѣ же самые люди, которые до 1666 года были преданы царю, называли его «христолюбивымъ и благочестивымъ царемъ, самимъ Христосомъ почетнымъ и превознесеннымъ, паче же и соблюдаемымъ, управляющимъ царство свое благочестіемъ и правдою», которые въ своихъ челобитныхъ, испрашивая у царя позволенія сдѣлать по своему, а не по опредѣленію всей русской церкви и царя, клонившемуся ко благу всего государства, льстиво говорили царю: «егда изволи Господь Богъ воспріяти тебѣ царствіе, и церковь воспріять свою лѣпоту и единогласное пѣніе и всякое благочиніе строящеся тобою—Государемъ» и проч.,—эти же самые люди, не получивъ отвѣта на свои челобитныя, возстали противъ царя, и распространили въ народѣ клевету, «яко царь Алексѣй Михайловичъ отступи отъ церкви и бысть врагъ Божій». И суевѣрная чернь повѣрила и взбунтовалась.

Но особенно развитію раскола благопріятствовалъ духъ противо-государственной вольности и самоуправства, господствовавшій въ стрѣльцахъ

---

[1]) Дополн. къ А. И. т. III, № 74; стр. 271.

[2]) А. И. т. IV, № 171. А. А. Э. т. IV, № 202, № 206 и друг.

[3]) Дворцовые разряды: т. III, стр. 93: „7156 (1648) мѣсяца Мая въ 26 день грѣхъ ради нашихъ учинилося междусобство отъ земскихъ людей, просили у государя земскаго приказа судью Леонтья Степанова сына Плещеева, и Государь указалъ имъ Леонтья Плещеева по ихъ по прошенію отдать, и они межусобствомъ учинились быть въ непослушаньѣ, а Леонтья Плещеева убили, и посольскаго приказа думнаго дьяка Назарья чистаго убили, и домы ихъ разграбили, и иные многіе боярскіе домы и стольниковъ и гостиные разграбили. И назавтрея Мая въ день учинилась большая смута, и учали всею землею просить у государя убить окольничаго Петра Траханіотова. И Петра Траханіотова велѣлъ Государь имъ отдать, и они на площади Петра казнили". См. также у Кошихина. VII, стр. 81. Собран. госуд. грам. IV, 76.

[4]) Кошихинъ, VII, стр. 79—82. А. А. Э. т. III. № 43: „въ нынѣшнемъ во 156 г. Іюня во 2 день учинилась на Москвѣ и по городамъ брань междуусобная и до нынѣ по городамъ мятежъ". Доп. къ А. И. т. III. № 74: О псковскомъ бунтѣ. Собр. Госуд. грам. и договор. ч. IV, стр. 76: О коломенскомъ бунтѣ.

казакахъ, преимущественно по украйнамъ Россіи. Стрѣльцы по городамъ были главными зачинщиками мятежей[1]). Солдаты и особенно казаки, жившіе безъ строгаго надзора, также необузданно предавались своеволію и буйству, по уѣздамъ опустошали и раззоряли храмы, мучили, сожигали и убивали народъ и причиняли вредъ государству, задерживая государственную казну[2]). Извѣстно, что донскіе казаки, которыхъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича считалось до 20.000 ч., въ расколѣ принимали дѣятельное участіе. А объ нихъ вотъ что говоритъ Кошихинъ: «люди они породой Москвичи и иныхъ городовъ и новокрещенные Татары, и запорожскіе казаки, и Поляки и Ляхи, и многіе изъ нихъ московскихъ бояръ, и торговые люди и крестьяне, которые приговорены были къ казни въ разбойныхъ и въ татиныхъ и въ иныхъ дѣлахъ, и покрадчи и пограбя бояръ своихъ уходятъ на Донъ, и бывъ на Дону, хотя одну недѣлю или мѣсяцъ, а лучится имъ съ чѣмъ-нибудь пріѣхать къ Москвѣ, и до нихъ впредь дѣла никакого ни въ чемъ не бываетъ никому, что кто ни своровалъ, потому что Дономъ отъ всякихъ бѣдъ освобождаются. И дана имъ на Дону жить воля своя»[3]). Эти-то Донцы избрали себѣ въ атаманы государственнаго мятежника Стеньку Разина, и подъ его предводительствомъ волновали всю юго-восточную Россію. «И стало у казаковъ непостоянство большое и Великаго Государя указу учинились непослушны»[4]). Бунтъ Стеньки Разина, бунтъ Булавина и другихъ мятежниковъ, тысячи буйныхъ казаковъ и всякой вольницы, разбойничавшихъ вмѣстѣ съ ними на Дону и Волгѣ, это было буйное проявленіе всѣхъ старыхъ анархическихъ, противогосударственныхъ элементовъ, къ концу XVII в. все болѣе и болѣе вытѣснявшихся изъ средины Россіи, скопившихся на Украйнѣ, куда еще не проникли благоустроительныя начала государства, и подъ конецъ древней Россіи, такъ сказать, всплывшихъ наверхъ, для того, чтобы показать весь хаосъ старыхъ, отжившихъ, противогосударственныхъ началъ и всю необходимость государственнаго возрожденія и обновленія Россіи. Тутъ были и бѣглые дворяне, оставившіе службу, и бѣглые попы и монахи, которыхъ преслѣдовала церковь за порочную жизнь, тутъ были и приказные, писавшіе переметныя письма измѣнникамъ для своей корысти, тутъ были и боярскіе люди и холопы, и крестьяне, нехотѣвшіе служить своимъ по-

---

[1]) Дополн. къ А. И., т. III, стр. 274; также № 16. А. И., т. IV, стр. 200 Дополн. къ А. И. т. IV, № 74.

[2]) А. А. Э., т. III, № 44. Въ хронографѣ начала XVII в., находящемся въ сборникѣ соловецкой библ. подъ № 878, читаемъ о казакахъ: „казацкаго чина тогда бысть воинство многочисленное, и впадоша въ прелесть велику, вдавшеся блуду, питію и зерни, пропивше же и проигравше вся своя имѣнія, и насилующе въ воинствѣ многимъ, паче же православному христіанству, исходяще изъ царствующаго града во вся грады, села и деревни на пути грабяще и мучаще немилостивно сугубѣйше перваго десятерицею ... И бысть во всей Россіи мятежъ великъ и нестроеніе злѣйшее. Бояре же и воеводы невѣдуще, что сотворити, зане зѣло ихъ множество бѣ и самовольны быша и блядяху паче нечестивыхъ.

[3]) Кошихинъ IX, 7.

[4]) А. И., т. IV., стр. 393.

мѣщикамъ; и всякаго рода люди, одержимые противогосударственны духомъ, бѣжали туда, къ взбунтовавшимся донскимъ казакамъ. И во среди этой-то толпы противогосударственныхъ людей расколъ наше подкрѣпленіе, и они, подъ его знаменіемъ, ратовали противъ Государст Всѣ бунты донскихъ казаковъ въ концѣ XVII вѣка были вмѣстѣ и б тами раскольниковъ. Съ Дону буйные казаки—раскольники откликал на мятежный зовъ поморскихъ раскольниковъ и шли возмущать со вецкихъ монаховъ противъ Правительства. Такъ пишетъ м. Тобольс Игнатій въ своемъ 3-мъ посланіи о соловецкихъ мятежникахъ: «при гоша въ тую же обитель донского казака и атамана Стеньки Раз съ помощники воры изъ Астрахани; и егда въ обитель внидоша, то бо уже и братству, инокомъ и бѣльцемъ волю всю отъяша, и постав себѣ начальникомъ Ѳадейка Кожевника да Ивашка Сарафанова, и нач быти во всемъ противны, не только св. церкви хулами, но и бл честиваго царя не восхотѣша себѣ въ Государя имѣти. Тіи же ступницы, донскіе казаки подтверждаху ихъ, льстиво глагол постойте, братіе, за истинную вѣру, и не креститеся тремя пер то есть, рѣкоша, печать антихристова» [1]). И тутъ вполнѣ высказ противогосударственный духъ раскола: «воры сотники съ товарищи, таемъ въ дѣлѣ о соловецкомъ бунтѣ, про Великаго Государя говорил кія слова, что не только написать но и помыслить страшно» [2]). Стрѣл нехотѣвшіе разстаться съ своимъ старымъ полугражданскимъ бытомъ, с подъ знамя Никиты Пустосвята также не изъ-за сугубой аллилуіа за двуперстный крестъ: «се явно, говоритъ п. Іоакимъ, что ради возмущ противъ Государя сія сотвориша». Движимые противо-государственн замыслами Хованскаго и другихъ расколоводителей,—они замышл основать старообрядческое государство или раскольническую демократі Петръ Великій казнилъ и разсѣялъ большую часть этихъ мятежн стрѣльцовъ и донскихъ казаковъ, подымавшихъ буйныя головы подъ менемъ раскола; но никакою силою, никакими мѣрами онъ не искорен гнѣздившихся въ народѣ демократическихъ движеній. Даже Посошк помышлялъ о *народо-совѣтіи*. Но раскольники шли далѣе въ своихъ д кратическихъ замыслахъ: они при Петрѣ Великомъ неоднократно под дывали пасквили противъ монархической власти Петра. По поводу так писемъ въ 1722 году издана была особая книга: «Правда воли монарш которою утверждалась Имперія и Монархическая власть въ Россіи. Несмо на то, вскорѣ послѣ смерти Петра Великаго опять появились демокр ческія подметныя письма, направленныя противъ Верховной власти и Им ріи [4]). И раскольники въ теченіе всего XVII вѣка упорно стояли на сво и съ злобнымъ ропотомъ вопіяли противъ того, что Петръ Великій «Им раторъ наречеся»; «Устави Сенатъ, говорили они, и тако нача той гла

---

[1]) 3-е посланіе Игнатія, стр. 139, 140.
[2]) А. И., т. IV, стр. 532, 533.
[3]) Записки Медвѣева у Сахарова, стр. 21.
[4]) П. С. З. т. VII, № 4870.

ый богъ паче мѣры возвышатися, Императоръ или Монархъ наречеся
ѣчь единоначальникъ или единовластитель, и паки именовася божествомъ
и, якоже свидѣтельствуетъ книжка кабинетъ Петра: онъ богъ твой,
богъ твой, о Россія». Опираясь на этотъ основный пунктъ своего противо-
дарственнаго ученія, расколъ возсталъ противъ всѣхъ законовъ, указовъ
еобразованій Петра Великаго, особенно относившихся къ народному
. Тягость обременительной на первый разъ для народа реформы Петра
каго, смуты общества отъ рѣзкихъ мѣръ, отъ крутого переворота,—
болѣе способствовали усиленію народно-демократической оппозиціи,
ола.

Петръ I, великій строитель государственнаго порядка Россіи, призванъ
Провидѣніемъ дать европейское значеніе Россіи, довершить оконча-
ю, въ одно свое царствованіе то, что отчасти начато было прежде,
ко созидалось медленно, вѣками, перестроить, преобразовать то, что
въ древней Россіи внутренно неустроено, нетвердо, или совершенно
авильно, несостоятельно само въ себѣ, вновь построить, создать то,
вовсо не было въ древней Россіи. Слѣдователоно ему нужны были великія
ія силы и огромныя матеріальныя средства. И вотъ, онъ исчисляетъ
дъ, чтобы узнать рабочія производительныя и вспомогательныя силы
дарства, въ видахъ подушной подати и образованія войскъ, предпри-
ются точныя народныя переписи, подушныя, вмѣсто прежнихъ писцо-
или посошныхъ и подворныхъ переписей, производившихся чрезъ дол-
ремя и не дававшихъ точныхъ свѣдѣній о количествѣ дѣятельныхъ и
ныхъ въ государствѣ силъ. Напередъ исчислены были всѣ чиновники:
, окольничіе, думные, ближніе люди, стольники, стряпчіе, дворяне и
Въ 1710 г. (6 марта) Петръ Великій велѣлъ по губерніямъ переписать
дворянъ, и которые окажутся негодными въ драгунскую и солдат-
службу, тѣхъ обложить денежными окладами [1]). Въ 1718 г. ноября
шелъ именный указъ: 1) «взять сказки у всѣхъ (дать на годъ сроку),
правдивыя принесли, сколько у кого въ которой деревнѣ душъ му-
аго пола, объявя имъ о томъ, что кто что утаитъ, то отдано будетъ
кто объявитъ о томъ; 2) росписать, на сколько душъ солдатъ рядо-
ъ долею на него роты и полковаго штаба, положа средній окладъ,
его болѣе невозможно и чего меньше не надлежитъ» [2]). Въ слѣдую-
1719 году именнымъ указомъ отъ 22 Генваря, наряжена была цѣлая
диція, подъ начальствомъ бригадира Зотова, которой поручено было
расположенія полковъ армейскихъ на крестьянъ всего государства,
во всѣхъ губерніяхъ сказки съ такимъ опредѣленіемъ о дворцовыхъ
чихъ государевыхъ, патріаршихъ, архіерейскихъ, монастырскихъ, цер-
ыхъ и вотчинниковыхъ селахъ и деревняхъ, такожъ однодворцамъ, та-
ъ и ясачнымъ, безъ всякой утайки, не взирая ни на какія старыя и
о дворовомъ числѣ и поголовныя переписки, но учиня самимъ пе-
ки правдивыя, сколько гдѣ, въ которой волости, въ селѣ или деревнѣ

[1]) П. С. З., т. IV, № 2257.
[2]) П. С. З., т. V, № 3245.

крестьянъ, бобылей и дѣловыхъ людей (которые имѣютъ свою пашню) по именамъ есть мужеска пола, всѣхъ, необходя отъ стараго до малаго послѣдняго младенца, съ лѣтами ихъ, и подавать тѣ сказки въ губерніяхъ»[1]. Въ то же время земскимъ камерирамъ въ губерніяхъ и провинціяхъ данъ былъ «наказъ», которымъ предписывалось «исправливать и свидѣтельствовать *переписную книгу*»: «и якоже, сказано по сему случаю въ указѣ, вѣрная и исправная переписная книга всѣмъ деревнямъ, дворамъ и въ нихъ людямъ, такожъ землямъ и надлежащимъ угодьямъ, съ которыхъ государевы подати берутся, въ началѣ главнѣйшее есть основаніе, на которое всѣхъ земскихъ коммисаровъ счеты и потомъ земская книга основатися имать: того ради повиненъ впредь земскій камериръ по вся годы переписную такую книгу, купно съ земскою же своею книгою въ Камеръ-Коллегіумъ отдавать, на крѣпко усматривая, чтобъ ничего того, съ чего податямъ быть надлежитъ проронено изъ оной переписной книги не было, но всѣхъ, какого бы званія оные ни были, въ оную книгу вносить, и такимъ образомъ вышеписанную переписную книгу и съ подлиннымъ извѣстіемъ вѣрно учинить, понеже оную держать вмѣсто основанія, на которую всѣ коммиссарскіе счеты и всѣ предыдущіе окладные и не окладные сборы и подати впредь основатися имѣютъ»[2]. Такимъ образомъ, Великій Строитель государства Русскаго, Петръ полагалъ предѣлъ прежнему укрывательству отъ государственной службы, податей и повинностей старинными жалованными грамотами и привиллегіями и разными другими способами. Въ переписныя книги записано было поименно до 6,000,000 душъ мужескаго пола податного сословія; неподатныхъ состояній считалось до 2 милліоновъ душъ м. п., въ томъ числѣ до 500 тысячъ дворянъ, а всего съ женскимъ поломъ около 20,000,000. Не понравилось большой части русскаго народа это строгое, точное государственное расписаніе народонаселенія, какого доселѣ не бывало. Люди, помышлявшіе о государственныхъ и народно-экономическихъ интересахъ, объ умноженіи народнаго богатства и благосостоянія, съ этой точки зрѣнія возставали противъ ревизіи душъ. Такъ Посошковъ пишетъ: «во исчисленіи душевномъ не чаю жь я проку быть; душа вещь неосязаемая и умомъ непостижимая, и цѣны не имущая: надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя. Въ душевномъ слѣдованіи труда много подъято, а казны, чаю тысячь десятка два-три истощилось, обаче чаю я, что она вся пропала»[3]. Крестьяне, никогда доселѣ не подвергавшіеся подушной переписи, еще совершенно неотвыкшіе переходить съ мѣста на мѣсто, привыкшіе къ описи пахатной и сѣнокосной земли и жилыхъ дворовъ, а не къ ревизіи душъ, привыкшіе къ личной свободѣ во время господства поземельнаго устройства сельскихъ общинъ, — крестьяне изъ опасенія новыхъ государственныхъ налоговъ и повинностей устрашились переписной книги: цѣлыми десятками

---

[1]) П. С. З., т. V, № 3287.

[2]) П. С. З., т. V, № 3296, п. 3, о переписной книгѣ.

[3]) Посошковъ, стр. 185. Волынскій, въ инструкціи данной крестьянамъ 1724, также возстаетъ противъ „поголовщины“, отстаивая систему писцовыхъ, окладныхъ книгъ.

сячъ укрывались, убѣгали или откупались отъ подушной переписи. Цѣ-
ле разряды людей, доселѣ привиллегированные изъятые отъ общаго госу-
р. тягла и службы, также недовольны были подушною переписью, отнятіемъ
ежнихъ жалованныхъ, исключительныхъ правъ, и причисленіемъ къ по-
тнымъ или служебнымъ классамъ населенія. Дѣти духовнаго чина, ко-
рыхъ было чрезвычайное множество, привыкли жить въ праздности,
зъ ученія, безъ службы и дѣла, — и также уклонялись отъ переписи,
дтвержденной указами Святѣйшаго Сѵнода. Такимъ образомъ, множество
ло недовольныхъ подушною переписью или ревизіею душъ. И вотъ это
довольство въ низшихъ классахъ народа выразилось въ расколѣ. Расколъ
явилъ подушную перепись, ревизію душъ «антихристіанскою», и училъ
родъ не записываться въ переписныя книги. «Егда той Императоръ или
онархъ, сирѣчь единоначальникъ или единовластитель, — говорили рас-
льники XVIII вѣка, — *народное описаніе учини,* называя то *ревизіею или*
численіемъ душъ человѣческихъ, которыя приняли его за Императора и за
иновластнаго Правителя, мы отъ Христа Спаса научихомся законъ и за-
вѣди его сохраняти и вѣру святую блюсти, и таковому лжехристу въ по-
ушество отдатися нехощемъ и въ книги его законопреступныя писатися
нечестивыми никогда не будемъ, да и хотящимъ спастися никому
совѣтуемъ: творите съ нами что хотите: ибо есьмы христіане единаго
повѣданія вселенскихъ соборовъ св. отецъ и св. страдальцевъ Соловецкой
ители, пострадавшихъ за древнее благочестіе: того исповѣданія и мы
ржимся, и въ книги ваши законопреступныя гражданскія, въ силу указа
шего Императора и его законоположенія о ревизіи не пишемся; ибо мы
ъ крещенія записаны есьмы въ книги животныя у царя небеснаго; по-
же видимъ во святомъ писаніи, яко прежде бывшіи въ Руссіи благо-
стиви цари Иванъ Васильевичь, Ѳедоръ Ивановичь и Михаилъ Ѳеодоро-
чь и Алексѣй Михайловичь, бывшій въ благочестіи до Никона патріарха,
о сіи вси народнаго исчисленія отъ мала до велика, мужеска пола и
енска, живыхъ и мертвыхъ и всего обще человѣчества не творили и ос-
вляли то въ судьбу Правительства Всемогущаго Бога. Зрите, человѣцы,
вонмите и разсмотрите по святому писанію, въ кіихъ лѣтѣхъ житель-
вуемъ, и кто нынѣ обладаетъ вами»! И народъ съ радостію внималъ
ому ученію раскола, и во множествѣ бѣжалъ отъ переписи въ скиты рас-
льническіе, въ лѣса, гдѣ избавлялись отъ всякой переписи.

Подушная перепись введена была Петромъ Великимъ главнымъ обра-
мъ съ тою цѣлію, чтобы вѣрнѣе получать государственныя подати, необ-
димыя для устройства арміи и флота. До Петра Великаго въ Россіи
имались подати поземельныя и подворныя, и платились большею частію
щинной раскладкой: извѣстная община платила за все количество земли
дворовъ, принадлежащихъ ея округу, хотя бы много земли было неза-
ятой, много дворовъ, было пустыхъ. Это было весьма тягостно для об-
инъ; потому что, при чрезвычайной подвижности, расходчивости народо-
селенія, поземельная община весьма часто должна была раздѣлываться
датями и повинностями за множество пустыхъ участковъ и дворовъ.
лѣе, подати были чрезвычайно неравномѣрно разлагаемы на народона-

селеніе: цѣлые разряды людей, цѣлыя общины жалованными грамо
вобождены были отъ платежа весьма многихъ, или даже всѣхъ по
повинностей. И послѣ того, какъ государственными указами и,
тельно, Уложеніемъ крестьяне укрѣплены были къ землѣ, и вмѣ
земельной, введена была подворная податная система, народъ по п
продолжалъ уклоняться и отъ этой дворовой подати, умножились
бездомовые люди,—и весьма многіе, чтобы не платить податей, уходил
общины, которыя, по привиллегіямъ, ихъ не платили, уходили в
стыри и на монастырскую службу и въ вотчины церковныя. Оттог
стыри наполнены были монахами изъ крестьянъ «тунеядцами, ка
рилъ Петръ Великій, бѣжавшими отъ тройной дани: т. е. дому
Государству и помѣщику»[1]). Въ концѣ XVII в. въ нѣкоторыя це
вотчины, въ нѣкоторые приписные архіерейскіе и другіе монастыр
переписныхъ книгъ 186 (1678 г.) и 187 годовъ по 194 годъ, вновь
4.179 дворовъ, въ томъ числѣ за одними монастырями зачислило
дворовъ:[2]) и всѣ эти пришлые люди, проживая въ вотчинахъ патрі
архіерейскихъ и монастырскихъ дворами, не платили подворной пода
зуясь жалованными грамотами, данными этимъ вотчинамъ. Точн
многіе купцы, торговые и промысленные люди, чернослободцы и
изъ городовъ, живя въ слободахъ и у бѣломѣстцевъ, податей ника
платили[3]). Уже царь Алексѣй Михайловичъ сознавалъ всю несовмѣ
несообразность съ государственной системой такой старинной, с
ковой особности, исключительности цѣлыхъ общинъ и разрядовъ
датного состоянія, во вредъ или въ тягость другимъ общинамъ.
Великій окончательно полагалъ предѣлъ этому исключенію, изъятію
части народонаселенія изъ податного состоянія. Въ 1705 г. онъ
повелѣлъ, «смотря по состоянію», брать личную пошлину съ то
людей, большихъ и малыхъ, доселѣ укрывавшихся отъ общихъ по
Въ 1722 году онъ установилъ всенародную подушную подать на со
войска съ дворовыхъ людей и крестьянъ казенныхъ, дворцовых
стырскихъ и помѣщичьихъ, по 8 гривенъ съ души, съ посадски
линную подать по 40 алтынъ съ души. Въ 1723 году, Петръ Велик
писалъ для сбора съ крестьянъ подушныхъ денегъ выбирать каж
земскихъ коммиссаровъ изъ лучшихъ помѣщиковъ самимъ помѣ
на общемъ съѣздѣ[5]). Этимъ же земскимъ коммиссарамъ предписа
сбирать недоимки, росписавъ по частямъ на 4 года, такъ чтобы
домъ году при платежѣ подушныхъ денегъ платили опредѣленну
и изъ недоимки[6]). Когда началась, въ слѣдъ за переписью душъ, ра
подушныхъ податей и повинностей, народъ, сильно тяготившійся и
особенно въ царствованіе Михаила Өедоровича и Алексѣя Михай

[1]) П. С. З., т. VII, № 4450, стр. 230.
[2]) П. С. З., т. II, № 1206.
[3]) П. С. З., т. III, № 1697.
[4]) Тамъ же, т. IV, № 2084.
[5]) Тамъ же, т. VII, № 4224.
[6]) П. С. З., т. VII, № 4339.

гочисленными и разнообразными сборами, устрашился новой податной темы, тѣмъ болѣе, что при ней труднѣе было уклоняться отъ уплаты атей, чѣмъ прежде при подвижности народонаселенія. Петръ Великій ѣлъ это, а также предвидѣлъ и то, что тягость податей еще болѣе личится отъ злоупотребленій сборщиковъ, еще неотвыкшихъ отъ корм-ія. Потому указы о сборѣ подушной подати, раздѣленной по третямъ, писалъ публиковать въ городахъ и уѣздахъ и разсылать по селамъ щенникамъ для прочтенія ихъ «во всенародное свѣдѣніе священни-ъ по церквамъ, чтобъ всякъ о томъ сборѣ подлинно былъ свѣдомъ, и ому бы нельзя было ничего прибавить, или убавить»[1]). Потомъ поло-ъ, по крайней необходимости, въ 1723 году, пока не окончена была пись въ подушной окладъ, собирать на содержаніе армейскихъ и гар-нныхъ полковъ подушныя деньги за двѣ трети, вдругъ со всѣхъ ь, которые уже положены были въ подушный окладъ, и кромѣ еще собрать къ провіантному и фуражному сбору по 35 к. съ и — въ то же время, для успокоенія народа, велѣлъ «печатными указами иковать въ народъ, что въ слѣдующемъ 1724 году, возмется съ кресть- еще только послѣдняя треть въ Октябрѣ и Ноябрѣ мѣсяцахъ, а кромѣ другихъ никакихъ сборовъ съ нихъ брать и въ лѣтнее время, чтобы работѣ помѣшательства не было, посылать къ нимъ не будутъ, а если тся переплата, и тѣ переплатныя деньги зачтены будутъ имъ на по-днюю треть того 724 года неотмѣнно»[2]). Такъ отечески старался ве-й отецъ отечества, по возможности, соразмѣрять и уменьшать обре-тельные народные налоги. Но не такъ, къ сожалѣнію, дѣлали испол-ли его воли. Злоупотребленія и притѣсненія народа при сборѣ пода-были чрезвычайны, особенно послѣ смерти Великаго Петра. Еще въ году онъ писалъ въ именномъ указѣ Сенату: «господа Сенатъ! понеже, ь я слышу по стороннимъ вѣдомостямъ, что въ губерніяхъ несносныя ежа чинятся, въ чемъ мнѣ за такою дальностію, а въ своемъ госу-твѣ будучи, за настоящею тяжкою войною, усмотрѣть не можно, отъ неточію разореніе Государству, но отъ Бога не безъ гнѣва»[3]). Не такъ ршался самый сборъ подушныхъ податей, какъ хотѣлъ Петръ. Пол-ики, штабъ-офицеры и гренадеры, приставленные къ земскимъ ком-сарамъ, какъ сказано въ указѣ, «токмо для новости дѣла», разъѣзжали, акожъ, своевольно по селамъ и деревнямъ и сильно правили съ кре-янъ подушныя деньги»[4]). Земскіе коммиссары и подъячіе часто болѣе рали на себя, чѣмъ въ казну. Такъ, напримѣръ, было въ тѣхъ мѣстахъ, особенно народъ бѣжалъ изъ селъ въ раскольническіе скиты и лѣса. Обонежской, напримѣръ, пятинѣ, въ 1724 году коммиссары Арцыба-въ и Баровъ и подъячій Волоцкій, у сбору денежной казны, какъ ска-но въ сенатскомъ указѣ 1725 г. (Генваря 24), «явились въ презрѣніи

[1]) Тамъ же, т. VII. № 4311.
[2]) П. С. З. т. VII. № 4390.
[3]) Тамъ же т. V. № 3080.
[4]) Тамъ же т. VII. № 4720.

указовъ и въ похищеніи казны и въ излишнихъ сборахъ и во взятк
имъ велѣно было брать на первыя двѣ трети 1724 года по 38 к. съ д
а они брали по 54 коп. Такимъ образомъ коммиссаръ Арцыбашевъ набр
себѣ подушныхъ денегъ 2,039 рублей съ лишнимъ, другой коммисс
Баровъ 607 руб. 43 коп., подъячій Волоцкій 132 руб. 42 коп.: это въ о
обонежской пятинѣ. Кромѣ того, они насильно брали у крестьянъ под
для разъѣзду по селамъ и деревнямъ»[1]). Въ 1719 г. Петръ писалъ
инструкціи или наказѣ земскимъ камерирамъ: «понеже его подданные,
долговременной сей войнѣ (съ Швеціей и Турціей), тяжкія по се в
многія тягости носили, которыя еще многимъ тягчае стали отъ того,
нѣкоторые подданные, изыскивая себѣ прибыль, подарками и подло
себя отъ общихъ тягостей весьма или отчасти освобождали, и тако
шія отягощенія на другихъ свою братію неправдиво налагали, также
отъ того, что обрѣтались многіе невѣрные сборщики и управители»[2]).
великій отецъ и попечитель отечества, самъ для него работавшій,
вникавшій въ сборъ податей, жаловался на притѣсненія народа сбо
ками: то послѣ него еще болѣе было такихъ притѣсненій. «Партику
ные люди, какъ жаловалась Императрица Екатерина I, государственн
деньгами корыстовались, а бѣдное крестьянство и народъ за нихъ
терпѣвали»[3]). Особенно жестокими экзекуціями истязались недоимк
податямъ. Недоимокъ этихъ было множество; уже по смерти Петра,
считалось болѣе милліона. При Императрицѣ Екатеринѣ I учреждена
особая доимочная канцелярія, завѣдывавшая взысканіями недоборовъ.
лостивая Императрица сострадала тягостямъ народнымъ, и была сн
дительна къ подушнымъ недоборамъ, запрещала строго взыскивать
Не смотря на то, воеводы и камериры посылали въ уѣзды солдатъ
правежа недоимокъ, и солдаты часто поступали съ крестьянами чре
чайно грубо, и заставляли бѣжать ихъ изъ селъ[4]). Но особенно жес
взыскивались недоимки при временщикѣ Биронѣ. Въ началѣ царствов
Анны, казна считала въ недоимкѣ до 7 милліоновъ тогдашнихъ, ил
40 милліоновъ по нынѣшнему. При Биронѣ учрежденъ Доимочный
казъ, и всѣ эти недоимки взыскивались безчеловѣчно,—потому чт
взысканіи, всѣ они обращались въ пользу временщика, хотя и выста
лись въ расходъ на содержаніе двора. Если воеводы неуспѣшно взы
вали недоимки, то посылались гвардейскіе офицеры, которые заковы
воеводъ въ кандалы, ставили крестьянъ голыми ногами на снѣгъ,
ихъ палками по пятамъ и т. под. пытками истязали ихъ; помѣщико
старостъ ихъ держали въ городахъ подъ стражею по нѣскольку мѣся
такъ что многіе умирали съ голода и отъ тѣсноты въ жилищахъ. Т
жестокое взысканіе недоимокъ еще болѣе отягощало народъ. Послѣ
понятно, съ какою радостью многіе изъ людей податного состоянія у

[1]) П. С. З. т. VII, № 4826.
[2]) Тамъ же т. V, № 3296 п. 4.
[3]) П. С. З. т. VII, № 5017.
[4]) Тамъ же — № 4674.

али возгласы раскола противъ податей, и бѣжали въ лѣса, гдѣ укрыва-
сь раскольники. Фанатики расколоучители не замедлили распространить
 народѣ превратное, фанатическое толкованіе о подушной подати, и
носили хулы на установителя ее. Раскольники XVIII вѣка, сказавъ въ
оей исторіи Петра Великаго или «челобитной» о переписи душъ, далѣе
обно отзываются и о податяхъ: «Петръ, говорятъ они, исчисляя вся
жеска пола и женска, старыхъ и младенцевъ, живыхъ и мертвыхъ, и
лагая ихъ даньми веліими, не точію на живыхъ, но и на мертвыхъ, тако
ранство учини, и съ мертвыхъ дани востребова... Говоритъ: отдай по-
шное съ новаго года, и еще нѣтъ ли иныхъ недоимокъ: ибо на моей
млѣ живешъ. О яма глубока погибели рода человѣча! удалятися и бѣгати
мъ подобаетъ во антихристово время». И вотъ тысячи народа, слушая
о ученіе, бѣжали отъ податей при Петрѣ Великомъ, и послѣ него, осо-
нно по причинѣ жестокосердаго взысканія податей и недоимокъ при
ронѣ. Множество народа бѣжало въ Польшу, Молдавію и Валахію: отъ
чительства Биронова, какъ полагаетъ Болтинъ, бѣжало за границу не
нѣе 250,000 душъ мужеска пола. По всей вѣроятности, тогда-то особен-
 и умножалось число раскольниковъ въ Польшѣ, Молдавіи и Валахіи.

Много нужно было великому благоустроителю Россіи средствъ, много
жно было рабочихъ силъ, чтобы устроить ее. Для того, чтобы образо-
ать регулярное войско во 180,000, какое оставилъ Петръ, нужно было до
180,770 рублей на содержаніе его; чтобы создать флотъ изъ 32 линейныхъ
раблей и 800 мелкихъ военныхъ судовъ, кромѣ галернаго флота, нужно
ыло по крайней мѣрѣ около $1^1/_2$ милліона. Далѣе нужно было устроить
 200 фабрикъ и заводовъ, которые съ самаго начала большею частію и
держались также казной[1]). Нужно было построить крѣпости Кронштадт-
кую, Азовскую и др.; нужно было соединить Балтійское море съ Каспій-
кимъ посредствомъ вышневолоцкой системы и провести ладожскій каналъ.
а все нужны были рабочія силы и средства. И вотъ Петръ Великій за-
тавилъ, такъ сказать, весь народъ работать и налагалъ различные сборы.
ародомъ совершались, во-первыхъ всѣ государственныя работы. Для по-
тройки Петербурга приходили ежегодно, въ теченіе многихъ лѣтъ сряду,
зъ самыхъ дальнихъ областей до 40,000 работниковъ, изъ коихъ многіе
огибали отъ трудовъ и болѣзней[2]). Для постройки крѣпости на островѣ
отлинѣ также тысячи народа вызывались изъ губерній: указомъ Ген-
аря 16, 1712 года требовалось 3,000 работниковъ[3]); въ 1714 году требо-
алось въ Петербургъ и на островъ Котлинъ «къ городовымъ дѣламъ» со
сѣхъ губерній 34,000 человѣкъ[4]). Вызывались каменщики въ Азовъ изъ
амыхъ отдаленыхъ, противоположныхъ краевъ, напр. изъ архангелогород-
кой, сибирской и другихъ губерній[5]). Въ 1719 году вышелъ указъ о на-

---

[1]) П. С. З. т. V, №3294, п 9.
[2]) П. С. З. т. IV, № 2488.
[3]) Тамъ же, № 2467, п. 13, № 2479.
[4]) Тамъ же, т. V, № 2744.
[5]) Тамъ же, т. IV, № 2380.

чатіи прорытія ладожскаго канала на 104 версты, и собрались работ
со всего Государства, даже съ своимъ провіантомъ и съ своими орудія
Однимъ словомъ отъ русскаго народа Петръ требовалъ такой раб
какой прежде сего онъ никогда не испытывалъ и не представлялъ.
Россія представлялась тогда, скажемъ словами одного иностранца, как
однимъ заводомъ; повсюду извлекались изъ нѣдръ земныхъ сокрыты
того сокровища; повсюду слышны были стуки молотовъ и сѣкиръ, к
шихъ мечи, якори и всякія орудія и сооружались корабли военные и
каго рода морскія и рѣчныя суда; повсюду лились пушки, морт
бомбы, ядра; повсюду ткались сукна, всякаго рода полотна, и при в
такихъ работахъ видѣнъ былъ самъ Монархъ, какъ мастеръ и указат
Воззваніе къ такому всеобщему труду, къ работѣ для Государства у
шило большую часть русскаго народа, привыкшаго жить или въ с
шенной лѣности и праздношатательствѣ, или нести трудъ самый ум
ный, обезпечивавшій только насущное пропитаніе. Оставлять невольн
требованію Начальства, домы, семейства, и идти за нѣсколько сотъ или
тысячъ верстъ на казенную работу, куда-нибудь на островъ Котлинъ
подъ Азовъ, и при томъ безъ надежды возвратиться домой,—это
ужасно для русскихъ крестьянъ, привыкшихъ сидѣть дома и обработ
только свою пашню. Другіе, которые не ходили на работу, тягот
частыми сборами на государственныя потребности. Кромѣ подушной по
съ народа собирался провіантъ для содержанія войска [2]), лошад
образованія конной милиціи и фуражъ [3]), деньги на изготовленіе
ниціи; по домамъ крестьянскимъ размѣщались полки во всѣхъ губер
и крестьяне должны были ихъ продовольствовать дровами и проч. [4]). Г
скіе обыватели также были обложены разными сборами. Всѣ эти сборы,
бы ни были они часты при Петрѣ Великомъ, были бы, можетъ быть
слишкомъ тягостны для народа, еслибы они правильно налагались и
рались. Но та бѣда, что сборщики и областные управители злоупотреб
сборами и тѣмъ сильно отягощали народъ. Иногда они неровно ра
дывали налоги по дворамъ по прежнимъ переписнымъ книгамъ, взы
вая сборныя доли за опустѣвшіе дворы, съ жилыхъ дворовъ, и прим
вая еще кромѣ того другія доли [5]). Сборы часто налагались неравном
съ состояніемъ: на богатыхъ меньше, на бѣдныхъ больше. Самъ П
Великій писалъ въ 1706 году надзирателямъ и бурмистрамъ посадск

[1]) П. С. З. т. V, №№ 3228, 3233, 3235.

[2]) П. С. З. т. IV, № 2376 и 2465, т. V, № 2631.

[3]) Тамъ же, т. V, № 2634 и 2707.

[4]) — т. VII, № 4299.

[5]) Такъ напр. въ нижегородской губерніи, какъ сказано въ указѣ 1717 года
отдѣленіи и по росписке отъ казанской губерніи доль, учинено противъ онаго нер
ство такое, что по переписи 1710 года явилась въ той губерніи противъ старыхъ
писныхъ 186 года книгъ не малая пустота: а въ доли не только одно дворовое
русскихъ положено по тѣмъ переписнымъ книгамъ, а не по новымъ, но еще къ
и ясачныхъ иновѣрцевъ, ясаки въ тѣхъ доли приложены, и отъ такого неравнаго
положенія оная нижегородская губернія противъ казанской во всемъ многія по
трудности, излишнія съ отягощеніемъ“. П. С. З. т. V, № 3106.

вѣдомо ему Великому Государю учинилось, что едва не во всѣхъ городахъ, въ окладныхъ тяглахъ и въ случающихся неокладныхъ и на мірскіе расходы поборахъ, налагаютъ пожиточные, пользуя себя, на убогихъ (безъ всякаго скудости ихъ убогихъ разсмотрѣнія), платежи тяжкіе, яко бы забывъ его Государевы приказы, которые указы повелѣваютъ имъ всегдашнее во всякихъ поборахъ съ размотрѣніемъ промысловъ и торговъ и пожитковъ имѣти равненіе: въ иныхъ же городахъ то объявленное въ указахъ по разсмотрѣнію пожитковъ предлагаютъ они пожиточные (чиня тѣмъ указамъ противленіе) въ новое убогимъ же тягчайшее уравненіе, именно оставя имущество пожитковъ, равняютъ въ равныя съ собою подати числомъ дворовымъ а такія числами дворовъ къ нимъ убогимъ явныя обиды случаются имъ чинить и во времена солдатъ у работниковъ и подводныхъ поборовъ» [1]). Эта обременительность, неравномѣрность и тягость сборовъ часто, особенно до подушной раскладки податей и повинностей, проистекала отъ укрывательства многихъ отъ сборовъ и налоговъ. «Которые слободскіе и посадскіе люди, не хотя въ слободахъ жить и съ посадскими службу служить и податей платить, вышли изъ слободъ и написались въ приказъ артиллеріи въ извощики, въ кузнецы и въ другія службы и въ села Покровское, Артемское, Измайлово и другія мѣста, подобныя тому, такъ же за архіереи и высшихъ и низшихъ всякихъ чиновъ за людей, вымысломъ своимъ, о чемъ значитъ въ доношеніи изъ Московской губерніи, яко бы за долги, во крестьянство, а иные и просто въ закладчики, и живутъ въ помянутыхъ селахъ, а иные и въ прежнихъ слободахъ, и живучи съ слободскими людьми, никакихъ податей не платили и нынѣ не платятъ, отъ чего на оставшихъ слободскихъ людяхъ умножились положенныхъ окладныхъ и неокладныхъ сборовъ многія доимки» [2]). Но всего болѣе обременительность, тягость сборовъ увеличивалась грабительствомъ и неправдами приставленныхъ къ нимъ чиновниковъ и выборныхъ. Эти отягощенія были «въ сборахъ и отпускахъ рекрутскихъ, въ пріемѣ бѣглыхъ солдатъ и рекрутъ, въ сборахъ провіантскихъ, въ сборахъ денежныхъ съ Государства, съ дворовъ купецкихъ людей и иныхъ чиновъ и крестьянъ, въ сборахъ таможенныхъ и кабацкихъ и во всякихъ откупахъ; въ сборахъ лошадиныхъ и фуражныхъ, въ сборахъ и наймѣ подводъ и на учрежденіе ратей и на строеніе мундирное» и проч. Въ именномъ указѣ 25 Августа 1713 года о пресѣченіи грабительствъ въ народныхъ сборахъ читаемъ: «Великій Государь, милосердуя о народахъ государствъ своихъ, ревнуя искоренить неправедныя, бѣдственныя, всенародныя тягости и похищенія лукавыя государственныя казны, понеже извѣстно Ему Великому Государю учинилось, что возрастаютъ на тягость всенародную и умножаются для лукавыхъ пріобрѣтеній и похищеній государственныхъ интересовъ великія неправды и грабительство; а тѣмъ многіе всякихъ чиновъ людей, а наипаче крестьяне приходятъ въ разореніе и бѣдность» [3]). Множество было сборовъ

---

1) П. С. З. т. IV. №. 2127.
2) Тамъ же. т. V. № 2812.
3) П. С. З. т. V. № 2707.

незаконныхъ, вымышленныхъ. «Нынѣ многіе вымышленники, жал
Посошковъ, хотя сборы пополнить, вымыслили поземельныя, поду
хомутейныя, прикольныя съ судовъ водяныхъ, посаженныя, мост
пчельныя, банныя, кожныя, покосовшинныя и съ подводчиковъ дес
и называютъ то собраніе мелочными сборы: обаче ни тѣми поторж
сборы наполниться казна можетъ, только людямъ трубацыя великая.
отъ такихъ многихъ сборовъ люди приходятъ въ оскудѣніе; потом
колико разныхъ сборовъ есть, толико и бурмистровъ, а у всякаго б
стра цѣловальники и ходоки особливые; и кои люди въ службу выб
тѣ уже отъ промысловъ своихъ отбыли, и кормятся тѣми же госу
выми деньгами. И того ради никакіе сборы и неспоры, а люди всѣ
ютъ» [1]). Если при Петрѣ Великомъ, который самъ во все вникалъ и с
каралъ неправду и грабительство, такъ тягостно было положеніе посад
людей и крестьянъ: то еще тягостнѣе было оно, когда, по смерти I
многіе законы его не исполнялись, даже отмѣнялись. По указамъ Петра
по крайней мѣрѣ строго расчислено было по душамъ размѣщеніе и прод
ствіе полковъ въ губерніяхъ на крестьянскихъ квартирахъ. И тутъ,
кожъ, солдаты съ своими офицерами часто притѣсняли крестьянъ.
квартирахъ солдаты и драгуны, говоритъ Посошковъ, такъ несмирно с
и обиды страшныя чинятъ, что исчислить ихъ не можно, а гдѣ офи
ихъ стоятъ, такъ того горше чинятъ... И того ради многіе и домамъ с
не рады, а во обидахъ ихъ суда никакъ сыскать негдѣ: военный
аще и жестокъ учиненъ, да и жестоко доступать его: понеже далек
отъ простыхъ людей» [2]). А при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, во
жестокаго господства Бирона, полки напущены были на села безъ вс
правилъ и инструкцій; каждому изъ нихъ назначена была деревня,
доставлено было самимъ править себѣ съ крестьянъ продовольствіе,
даты брали что хотѣли и могли. Такимъ образомъ очень естественн
отъ такого отягощенія и разорѣнія множество народу бѣжало изъ
и деревень. Повергаемые въ нищету частыми и разнообразными сбо
обремененные недоимками, угрожаемые безпощадными наказаніям
недодачу податей и повинностей, притѣсняемые солдатами, многі
словамъ сочиненія: Das veränderte Russland, въ отчаяніи оставляли
дома и уходили въ лѣса, гдѣ приставали къ раскольникамъ, а
кольники своимъ ропотомъ противъ «даней многихъ» еще болѣе пр
кали такихъ обремененныхъ множествомъ и тягостію сборовъ л
Императрица Анна въ одномъ своимъ указѣ писала: «купечество и
стьянство великіе тягости несутъ, а именно: все войско на своемъ
содержатъ, работниковъ и подводы ставятъ, а сверхъ того и своих
ственныхъ господъ довольствуютъ» [3]). Неудивительно поэтому, чт
купечества и крестьянства всего болѣе было людей, — съ ропото
Правительство, оставлявшихъ православное общество и записав

[1]) Соч. Посошкова, стр. 219, 221.
[2]) Соч. Посошкова гл. II о воинскихъ дѣлахъ
[3]) П. С. З. т. X, № 7364.

раскольническую общину [1]): весьма многіе купцы и крестьяне бѣжали ке къ раскольникамъ въ стародубскія слободы, въ Польшу и Литву. ъ, свободные отъ податей и поборовъ, они разживались и богатѣли. ые раскольники тамъ живутъ въ 14 слободахъ,—сказано въ Сенатскомъ зѣ 1761 г. о стародубскихъ раскольникахъ, — и тѣ слободы разселены, ъ превеликіе города, гдѣ премногое число изъ разныхъ городовъ бѣглые атые купцы, называя себя раскольниками, укрываются отъ положенъ на нихъ податей и рекрутскихъ поборовъ» [2]).

Наконецъ, Петръ Великій—учитель и просвѣтитель народа русскаго, бовалъ отъ него ученія и службы. Для ученія дворянъ, духовенства всякаго чина людей заведены были школы въ обѣихъ столицахъ, провинціальныхъ городахъ, при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ. Петербургъ и Москву постоянно набирались дворянскія дѣти и вызыись люди всякаго чина для изученія наукъ и искусствъ. Въ 1714 году ръ объявилъ Сенату именнымъ указомъ: «во всѣхъ губерніяхъ дворянъ и приказнаго чина, дьячихъ и подьячихъ дѣтей отъ 10 до 15 лѣтъ, ичь однодворцевъ, учить цифири и нѣкоторой части геометріи, и для того нья послать математическихъ школъ учениковъ по нѣскольку человѣкъ въ рніи къ архіереямъ и въ знатные монастыри, и въ архіерейскихъ домахъ онастыряхъ отвесть имъ школы» [3]). Этотъ указъ неоднократно былъ тверждаемъ [4]). Въ 1715 году Петръ указомъ предписалъ: «которые въ Россіи знатныхъ особъ дѣти, тѣхъ всѣхъ отъ 10 лѣтъ и выше лать въ школу въ Санктпетербургъ, и чтобы оные недоросли высланы и нынѣшнею зимою» [5]). Въ 1713 году велѣно было набрать учениковъ инженерную школу [6]). «Въ 1720 году предписано было выслать изъ одовъ приказно-служительскихъ дѣтей для ученія ариѳметикѣ и георіи [7]). Въ тоже время, Петръ Великій однихъ вызывалъ въ школы, тихъ посылалъ учиться за границу. Въ 1716 году велѣно было выс- ъ молодыхъ подъячихъ въ Кенигсбергъ для наученія нѣмецкому ику [8]). Другихъ дворянскихъ дѣтей посылалъ въ Венецію, Францію, глію для изученія морской службы [9]) и проч. Такъ великій учитель ода русскаго заботился о просвѣщеніи его, призывалъ русское юноство къ изученію необходимыхъ въ гражданской жизни наукъ. Но тно ли шли учиться русскіе люди, по зову своего великаго учителя— сударя? Нѣтъ. Они по прежнимъ, стариннымъ своимъ предубѣжденіямъ, старой привязанности къ беззаботному, праздному невѣжеству, боялись освѣщенія и бѣжали отъ наукъ. Кантеміръ оставилъ намъ въ своихъ

[1]) П. С. З. т. X, № 7702, XI, № 8845.
[2]) Тамъ же, т. XV, № 11.205, 11.179.
[3]) П. С. З. т. V, № 2778.
[4]) Тамъ же, № 2971.
[5]) Тамъ же, № 2968.
[6]) Тамъ же, № 9739.
[7]) Тамъ же, т. IV, № 3703.
[8]) Тамъ же, т. V, № 2997.
[9]) Тамъ же, № 2999.

сатирахъ самую мрачную, но вѣрную характеристику тѣхъ старых скихъ невѣждъ времени Петра Великаго, которые непоколебимо уб ны были, что «сѣмя наукъ вредно». Старые русскіе дворяне сочу вали болѣе суевѣріямъ раскола, чѣмъ свѣту наукъ. И не удивит послѣ этого, что при Петрѣ Великомъ не мало дворянъ бѣжало от моты къ раскольникамъ и скрывались въ скитахъ нижегородских морскихъ и слободахъ стародубскихъ. Люди, которые, кромѣ часо ничему не учились и твердо убѣждены были, что ѣхать за гр учиться—значитъ погублять свою душу и лишаться вѣчнаго сп что математика и геометрія, которымъ предписывалъ учиться Пе суть книги «отрѣченныя», ложныя, — такіе люди никакъ не могли мириться съ свѣтомъ распространяемаго Петромъ Великимъ учен вотъ бѣжали туда, гдѣ какой-либо Капитонъ, фанатикъ-расколоуч «съ чотками въ рукахъ» читалъ часословъ и «ворчалъ и кричал сѣмя наукъ вредно».

Заставляя однихъ учиться, отъ другихъ Петръ Великій треб дѣятельной службы государству. Онъ требовалъ службы во первых дворянъ. Въ старину, дворяне и ихъ дѣти привыкли уклонятьс службы: дѣти, братья, племянники и другіе родственники стольн стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ, достигши полнаго возраста, преспо жили у своихъ отцовъ и родственниковъ, «а государевой службы н жили, родители ихъ укрывали, въ чины не приписывали и въ пол службу не писали» [1]). Петръ потребовалъ ихъ всѣхъ на смотръ в тербургъ, чтобы, смотря по способностямъ, опредѣлить въ военну гражданскую службу; указъ за указомъ выходилъ о высылкѣ въ I бургъ недорослей, дворянскихъ дѣтей на смотръ или на службу. Д не упорствовали: какъ сами часто не являлись на службу, по дамъ «лѣнью и огурствомъ» [2]), такъ и дѣтей своихъ укрывали, уб имъ лѣта, только бы избавить ихъ отъ службы [3]). Напрасно царь жалъ отписывать у нихъ въ казну вотчины и помѣстья [4]); они у уклонялись отъ службы [5]), не являлись на смотръ [6]). «Се, гов Посошковъ, колико послано указовъ во всѣ городы о недоросляхъ лодыхъ дворянскихъ дѣтяхъ; и хотя коего дворянина и на имя ук выслать, то и того не скоро высылаютъ. И въ такомъ ослушаніи и зовъ Царскаго Величества въ презрѣніи иные дворяне уже состар въ деревняхъ живучи, а на службѣ одною ногою не бывали. Въ ус комъ стану есть дворянинъ Ѳедоръ Мокеевъ, сынъ Пустошкинъ, уж старѣлся, а на службѣ никакой и одною ногою не бывалъ; и как сылки по него жестокія не бывали, никто взять его не могъ: овых рами угобзитъ, то притворитъ себѣ тяжкую болѣзнь, или возложи

[1]) П. С. З. т. I, № 297, т. II, № 747.
[2]) П. С. З. т. III, № 1555.
[3]) Тамъ же, т. III, № 1702, т. IV, № 1960.
[4]) Тамъ же, т. IV № 1960.
[5]) Тамъ же, IV, № 2497.
[6]) Тамъ же, т. V, № 2652.

бя юродство и въ озерѣ по бородѣ попустить; а домой пріѣхавъ, яко въ рыкаетъ! И не сей токмо Пустошкинъ, но многое множество двонъ такъ вѣкъ проживаютъ» [1]). При осмотрѣ явившихся на службу двонъ, множество оказывалось «нѣтчиковъ», и тѣ, которые являлись на отръ, часто убѣгали изъ Москвы или Петербурга [2]). Купцы также тятились службой, въ какую ихъ выбирали. До 1714 г. они выбирались счетчики въ канцеляріяхъ и въ губерніяхъ при пріемѣ и расходахъ якихъ государственныхъ податей и доходовъ. Это особенно тяготило ъ; потому что «какъ отъ выбору въ счетчики, такъ и отъ многихъ дочетовъ» они терпѣли большіе убытки [3]). Началъ Петръ Великій строять регулярное войско, и 20 Февраля 1705 г. издалъ первый указъ наборѣ рекрутъ съ 20 дворовъ по человѣку [4]), и встрѣтилъ въ народѣ це болѣе сильное, непреклонное упорство. Правда, при Петрѣ Великомъ сьма часты и обременительны были для народа рекрутскіе наборы: всѣхъ ъ, мѣстныхъ и общихъ наборовъ, если не ошибаемся, было до 40, въ томъ слѣ однихъ общихъ со всего Государства 5. Но главная причина, почему круты и солдаты постоянно уклонялись отъ службы, заключалась олько въ народномъ предубѣжденіи противъ войны и солдатчины, стольже и въ дурномъ обращеніи командировъ и военныхъ начальниковъ рекрутами и солдатами. Вотъ что напр. читаемъ въ указѣ, данномъ ъ Военной Коллегіи 20 Октября 1719 года: «Его Царскаго Величества казы (въ 1711 и 1716 году данные) по большой части не исполняются какъ въ сборахъ по губерніямъ, такъ и во отправленіи и въ приводѣ крутъ всякіе непорядки и понынѣ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ продолкаются, отъ чего происходитъ немалое Государству раззореніе и въ полахъ неисправность, а именно: первое, когда въ губерніяхъ рекрутъ сбетъ, то сначала изъ домовъ ихъ ведутъ скованныхъ, а приведчи въ гобдъ, держатъ въ великой тѣснотѣ и по тюрьмамъ и острогамъ не помалу ремени, и такимъ образомъ еще на мѣстѣ изнуривъ, и потомъ отправятъ, е разсуждая по числу людей и по далекости пути, съ однимъ и то недныимъ офицеромъ или дворяниномъ, хотя бы тысяча человѣкъ была, съ нужнымъ пропитаніемъ, къ томужъ поведетъ, упуская удобное вреи, жестокою распутицею, отъ чего въ дорогѣ приключаются многія бозни, и помираютъ безвременно, а всего злѣе, что многіе безъ покаянія, ругіе же, не стерпя такой великой нужды, бѣгутъ, и боясь явиться въ махъ, пристаютъ къ воровскимъ компаніямъ... Отъ чего такія великія ъ государствѣ умножились воровскія вооруженныя компаніи, что не отъ акихъ бѣглецовъ. Другіе, хотя бъ и съ охотою хотѣли въ службу идти, о видя сначала такой надъ своею братіею непорядокъ, въ великой страхъ риходятъ» [5]). По такимъ причинамъ оказалось множество бѣглыхъ, уклоившихся отъ рекрутчины. Никакія строгія мѣры не могли прекратить

[1]) Сочин. Посошкова, стр. 90.
[2]) П. С. З. т. V, № 2805.
[3]) Тамъ же, т. V. № 2652.
[4]) Тамъ же, т. IV, № 2036.
[5]) П. С. З. т. V, № 3443.

бѣгство отъ рекрутскаго набора и солдатской службы. Пойманныхъ лыхъ рекрутъ и солдатъ жестоко наказывали, въ примѣръ другимъ, полкахъ вѣшали, били кнутомъ нещадно и ссылали въ вѣчную каторг бѣглымъ рекрутамъ накалывали на лѣвой рукѣ крестъ съ порохом обязывали взятыхъ въ рекруты круговой порукой въ томъ, чтобы ни изъ нихъ не бѣгать, взыскивали за побѣгъ одного со всѣхъ прочих Въ 1710 году выбраны были нарочные сотскіе, пятидесятскіе и десят для наблюденія, чтобы бѣглые солдаты и всякіе пришлые люди и н росли нигдѣ не укрывались, и сыщикамъ этимъ велѣно было брать у повъ приходскихъ церквей за руками сказки помѣсячно, что въ пр дахъ ихъ такихъ бѣглыхъ солдатъ и недорослей нѣтъ [4]). Никакъ не м удержать отъ бѣгства и переловить бѣглыхъ солдатъ, рекрутъ, матро и недорослей. Они бѣжали къ украйнамъ Россіи и за границу: вн Россіи они присоединялись къ шайкамъ воровъ и разбойниковъ: «по гимъ мѣстамъ, какъ сказано въ указѣ 1719 года, явились многолюд и вооруженныя станицы бѣглыхъ драгунъ, солдатъ, матросовъ и рек которые разбойничали вмѣстѣ съ ворами и разбойниками и съ отпра ными противъ нихъ полевыхъ и гарнизонныхъ командъ офицерами пали въ бой» [5]). Милостивый Царь пытался и кроткими мѣрами влечь къ службѣ бѣглыхъ солдатъ и рекрутъ. Съ 1711 по 1719 каждогодно назначались сроки для добровольной явки бѣглыхъ всякаго опасенія казни, съ полнымъ обѣщаніемъ прощенія. Ничто дѣйствовало: явились весьма немногіе. Наконецъ, Царь принужденъ б явить всю строгость, далъ чрезъ Военную Коллегію Окт. 30, 1719 указъ, которымъ предписывалось «отправить во всѣ губерніи знат партіи для искорененія всѣхъ бѣглыхъ драгунъ и солдатъ, матросов рекрутъ, яко злодѣевъ отечеству, и гдѣ пойманы будутъ, въ томъ м казнить ихъ разными казнями безъ всякаго милосердія» [6]). «Понеже Царское Величество, какъ сказано въ указѣ, милосердуя о народѣ сво многими своими милостивыми указами въ предшедшихъ годахъ въ на публикованными, отечески призывалъ къ обращенію всѣхъ бѣглыхъ гунъ, солдатъ, матросовъ и рекрутъ съ такимъ обнадеживаніемъ, д только обратились и вины свои принесли, то во всемъ будутъ прощ безъ всякаго наказанія, что и прямымъ дѣломъ показано (надъ тѣми, торые явились)... Другіе же, не смотря на такое Его Царскаго Величе отеческое милосердіе, паче же не ужасаяся прещенія Божія, тѣмъ Царскаго Величества милостивымъ указомъ весьма непослушны чиня но еще того злѣе чинятъ, бояся являться въ домахъ своихъ, вѣдая, гдѣ ни будутъ пойманы, яко злодѣи будутъ перевѣшаны, вящшее зло ножаютъ, приставая къ воровскимъ и разбойническимъ компаніямъ, и вм

---

[1]) П. С. З. т. IV, № 2079.
[2]) Тамъ же, т. IV, № 2467, п. 8.
[3]) — № 2281.
[4]) — № 2271.
[5]) — № 3477.
[6]) П. С. З. т. V, № 3445.

стнаго солдатскаго званія, съ охотою пріемлютъ на себя воровское имя, тѣмъ чинятся, вмѣсто Его Царскаго Величества вѣрныхъ подданныхъ честныхъ солдатъ, злодѣи своему Государству и отечеству, и кроются такихъ же себѣ подобныхъ воровъ» и проч. [1]). При такомъ множествѣ орныхъ противниковъ государственной службы, бѣглыхъ недорослей, пцовъ, уклонявшихся отъ городовой службы, солдатъ, матросовъ и крутъ, можно себѣ представить, сколько новыхъ послѣдователей съ ждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ должно было присоединиться къ щинѣ раскольнической! И гдѣ всего лучше было укрываться этой рковно-государственной вольницѣ, какъ не въ противогосударственной щинѣ раскольнической? И вотъ многіе бѣглые солдаты, рекруты, недосли и купцы, нехотѣвшіе нести городовую службу, укрывались въ лѣхъ, гдѣ жили раскольники, и въ скитахъ, монастыряхъ и слободахъ скольническихъ [2]). Этотъ духъ раскольническаго противленія Правительству еще болѣе поддерживали въ бѣглыхъ рекрутахъ и солдатахъ братые стрѣльцы, съ злобой въ сердцѣ во множествѣ разбѣжавшіеся, какъ вѣстно, по разнымъ мѣстамъ Россіи послѣ стрѣлецкихъ бунтовъ. Изъ глыхъ солдатъ являлись даже расколоучители. Такъ бѣглый солдатъ илиппъ основалъ особую секту филипповщину въ то самое время, когда чались первые рекрутскіе наборы, и училъ главнымъ образомъ тому, обы противиться Государю и не молиться за него. Нѣтъ сомнѣнія, что ъ его сектѣ присовокупилось много другихъ бѣглыхъ стрѣльцовъ, солтъ и рекрутовъ. Бѣглые солдаты и рекруты, движимые духомъ раскольческой оппозиціи противъ православныхъ церквей, также вмѣстѣ съ скольниками и по ихъ наущенію нападали на православныя церкви. Ибо чрезъ многіе случаи явилось,—сказано въ указѣ 30 Октября 1719 го о поимкѣ бѣглыхъ солдатъ и рекрутъ,—что отъ нихъ нетокмо чинятся якія разорѣнія и смертныя тиранскія или мучительскія убійства, но и ятыя церкви въ ничто обращаются безстрашнымъ, наглымъ воровскимъ паденіемъ, не токмо обнаженіемъ всего церковнаго сокровища, но и устыя стѣны не оставляются». Бѣглыхъ солдатъ и рекрутъ было чрезычайно много на Вѣткѣ, въ нижегородскихъ лѣсахъ, въ стародубскихъ ободахъ и другихъ раскольническихъ пристанищахъ. «Живущіе въ стародубскихъ слободахъ раскольники, доносилъ въ 1761 г. тамошній управиль Халкидонскій,—яко при самой Польской границѣ, не имѣя, (за отдаіемъ волостнаго правленія) никакого страха, Россійскихъ бѣглыхъ рагунъ, солдатъ и другихъ всякаго званія людей и крестьянъ цѣлыми мьями проводятъ потаеннымъ образомъ за границу въ Польшу: эти ѣглые солдаты, живши тамъ малое время, возвращаются къ границѣ въ скольническія слободы, называясь раскольники» [3]).

---

[1]) П. С. З. т. V, № 3445.

[2]) П. С. З. т. VII, № 3701, п. 3. Т. X, № 7702: „многіе купцы и крестьяне въ раськольническія жилища бѣгутъ и къ ихъ собраніямъ пристаютъ для того, что ихъ туда въ городовую службу и въ рекруты не возьмутъ“.

[3]) П. С. З. XV, стр. 651.

Видя въ подданныхъ своихъ упорное уклоненіе и бѣгство отъ
душной переписи и податей, отъ государственной службы, работы и уче
и желая дать русскому обществу болѣе правильную и крѣпкую госу
ственную организацію, Петръ Великій всемѣрно заботился искоренить
русскомъ народѣ бродяжничество—остатокъ древняго быта народ
Въ 1719 г. онъ издалъ указъ, чтобы всѣмъ отлучающимся изъ город
городъ и изъ села въ село имѣть отъ начальниковъ своихъ паспорты
проѣзжія письма [1]). Воеводамъ данъ былъ наказъ, чтобъ гуляющихъ л
безъ проѣзжихъ писемъ по провинціямъ не пропускать [2]). Въ пл
(1724 г. іюня 26) предписано было неиначе отпускать крестьянъ на р
въ другіе уѣзды, какъ съ выдачей паспортовъ отъ помѣщиковъ за р
приходскихъ священниковъ, и отъ земскихъ коммиссаровъ и полковн
и при томъ отпускать крестьянъ съ такими паспортами не далѣе, ка
30 верстъ отъ ихъ мѣста [3]). Между тѣмъ склонность, страсть къ пер
изстари глубоко вкоренилась въ духѣ русскаго народа, по характер
роднаго хозяйственнаго быта въ древней Россіи и по другимъ важ
историческимъ причинамъ. Не смотря на то, что переходъ крестьян
одного мѣста жительства въ другое при Борисѣ Ѳеодоровичѣ Годун
Василіѣ Ивановичѣ Шуйскомъ рѣшительно былъ воспрещенъ, и они
чательно были закрѣплены за землевладѣльцами,—склонность къ пер
къ бродяжничеству господствовала въ народѣ въ высшей степени
время распространенія раскола. Пересматривая государственныя гр
и указы второй половины XVII в., мы весьма часто встрѣчаемъ м
ними царскія грамоты городскимъ воеводамъ и общіе наказы вс
чиновъ людямъ, то о наказаніи за пріемъ и передержательство бѣ
людей и крестьянъ [4]), то о сыскѣ бѣглыхъ людей и крестьянъ [5]), то
сылкѣ дворянъ для сыску бѣглыхъ и о повелѣніи бирючамъ клика
уѣздамъ и торгамъ, по многіе дни, о крестьянскихъ приходцахъ бѣ
людяхъ [6]), то о поимкѣ бѣжавшихъ со службы [7]). Склонность къ бр
ничеству до того была сильна въ русскомъ народѣ во время распр
ненія раскола, что по всей Россіи было чрезвычайное множество вс
рода бродягъ бѣглыхъ, вольныхъ и гулящихъ людей. Крестьяне и ра
даточные люди, не хотя платить тягла и податей, своевольно переб
изъ одного помѣстья въ другое, переходили изъ вотчины въ вотчину
бродились врозь [8]). Боярскіе холопы, обокравши своихъ господъ, уб

---

[1]) П. С. З. т. VII, № 3445 и 3477 п. 8.

[2]) Тамъ же, т. V, № 3294 Воен. Инстр. п. 19.

[3]) Тамъ же, т. VII, № 3533, отд. I, о полков. п. 12, 13, 14, 16, № 4827.

[4]) Тамъ же, т. I, стр. 556.

[5]) Дополн. къ Акт. Ист. т. III, № 82, 1651—1654, Акты о сыскѣ и выво
прежніе участки бѣглыхъ крестьянъ заонежск. и лопскихъ погостовъ. П. С. З
№ 333, стр. 577, т. II, № 997 и др.

[6]) П. С. З. т. I, стр. 551.

[7]) Тамъ же, стр. 593.

[8]) А. А. Э. т. IV, № 158. А. И. т. IV, стр. 66 и 67, т. V, № 60, стр. 155
Дополн. къ Акт. Ист. т. III, № 32, стр. 113, № 65, стр. 238. Выраженіе „раз

ъ нихъ и скитались по разнымъ мѣстамъ [1]); иногда разомъ сбѣгало холо-й съ боярскаго двора человѣкъ 20 или 30 [2]). И въ XVII вѣкѣ, также къ и при Петрѣ Великомъ, весьма многіе убѣгали отъ службы, особен- отъ военной, и потомъ бродили по городамъ и по селамъ, занимаясь ровствомъ и грабежемъ [3]). Съ Дону въ 1645 или 1646 г. много бѣжало жилыхъ и вольныхъ людей польскихъ и украинскихъ городовъ въ за-ежскіе погосты [4]). Въ 1660 году бѣглые солдаты укрывались въ пого-ахъ: никольскомъ шуйскомъ, въ спасскомъ кижскомъ, въ никольскомъ нскомъ, въ спасскомъ выгозерскомъ, въ главномъ притонѣ безпоповщин-аго раскола [5]). Кромѣ того по разнымъ мѣстамъ Россіи бродили такъ назы-емые офени или ходебщики, мелочные торговцы, преимущественно изъ естьянъ Владимірской губерніи Вязниковскаго, Ковровскаго и частію уйскаго уѣздовъ, люди гулящіе, нетяглые, составлявшіе также особое зва-е, бобыли или бездомные, неосѣдлые крестьяне. Кромѣ своевольныхъ бѣглыхъ бродягъ, многіе перебѣгали съ одного мѣста на другое, вынуждаемые фи-ческими бѣдствіями [6]). При господствѣ празднаго бродяжничества, мно-ество скиталось повсюду нищихъ. Однихъ московскихъ нищихъ бродило міру, по словамъ англичанина Флетчера, *неисчетное множество*: въ концѣ VII в. ихъ насчитывается отъ 500 до 1000 [7]). Такимъ образомъ, въ то емя, когда въ Россіи распространялся расколъ, почти во всѣхъ концахъ , среди коренного туземнаго народонаселенія, находилось множество одей пришлыхъ, бѣглыхъ, гулящихъ. Особенно много было такихъ людей съверной области Россіи, въ пятинахъ и погостахъ новгородскихъ, гдѣ ъ преимущественно распространился. Въ новгородской области и въ нѣко-рыхъ псковскихъ уѣздахъ по сыску, произведенному въ 1651 — 1654 г., азалось до 690 семействъ бѣглыхъ или сошлыхъ изъ однихъ онежскихъ и лопскихъ погостовъ [8]). Въ 1664 году дана была грамота Новгород-

---

езъ" сдѣлалось какъ бы техническимъ терминомъ въ актахъ. О сыскѣ даточныхъ одей царск. грам. 1661. А. А. Э. т. IV, № 128

[1]) А. А. Э. т. IV, № 70. П. С. З. т. I, стр. 340, 359.

[2]) П. С. З. т. I, стр. 360.

[3]) А. И. т. V, № 36, стр. 56, т. IV. № 6, стр. 30. А. А. Э. т. IV, № 10. Доп. къ Э. И. т. III, № 21, IV, № 160.

[4]) Такъ въ 1646 в. донесено было царю: „что вольные люди, которые посланы ли на Донъ, и на дорогу получили казенное денежное жалованье, начали убѣгать Дону, а вольные люди прибору ключника Василія Угрюмова побѣжали мало не всѣ за тѣхъ бѣглецовъ смотря бѣгутъ и иные вольные люди разныхъ городовъ без-естанно.... да съ Дону же побѣжали шацкіе и танбовскіе новоприборные люди съ пиками и съ товарищами, а сговорясь между собою, поднявъ знамена, съ Дону ъ войска пошли". (Допол. къ Акт. Ист. т. № IV, № 90).

[5]) П. С. З. т. I, стр. 487. А. А. Э. т. IV, № 106. А. И. т. IV, № 6.

[6]) Допол. къ А. И. т. III, № 67, стр. 247 т. IV, № 34. А. И. т. V, № 60, стр. 166.

[7]) И. Г. Росс. т. X, 283 „Истор. Царст. Өеодора Алексѣевича", Берха. Спб. 1835, 86 и дал.

[8]) Роспись сошлыхъ Заонежскихъ Лопскихъ Государевыхъ крестьянъ: въ Нов-родѣ и въ новгородскомъ уѣздѣ ихъ было 267 сем. въ Старорусѣ и въ старорус-омъ уѣздѣ 50 сем.; въ Городецкомъ уѣздѣ и въ Бѣжецкомъ Верху 22 сем., Осташковѣ 2 сем., въ Псковѣ и Гдовѣ 5 сем.. на Устюжки желѣзномъ, за дѣви-

скому воеводѣ князю Рѣпнину о посылкѣ дворянъ въ Новгородскія пят
для сыску бѣглыхъ людей и крестьянъ [1]). Въ Соловецкихъ «солян
промыслахъ, въ служкахъ и служебникахъ, и во всякихъ монастырск
трудникахъ жили люди всѣ пришлые Государевы державы со всея зе
разныхъ городовъ» [2]). Много также было людей въ средней Рос
въ Московскомъ, Нижегородскомъ и Казанскомъ уѣздахъ. Въ Мос
въ дворцовыхъ, черныхъ и ямскихъ слободахъ, въ харчевняхъ, квас
и торговыхъ баняхъ жили пришлые и гулящіе люди безъ порукъ и
поручныхъ записей [3]). Изъ Московскихъ предѣловъ множество бѣ
народу въ понизовые города и въ заволжье. Такъ въ 1658 году
Алексѣй Михайловичъ писалъ воеводѣ нижегородскому Бутурлину,
«Замосковныхъ разныхъ городовъ дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и вся
служилыхъ людей люди и ихъ крестьяне разоряютъ, животы ихъ гра
и ихъ домы пожигаютъ, а иныхъ и самихъ, и женъ и дѣтей до см
побиваютъ, а разоря помѣщиковъ своихъ и вотчинниковъ, бѣга
и живутъ въ бѣгахъ въ Нижнемъ и въ Арзамасѣ, и на Курмышѣ
Алаторѣ, также и Нижегородцовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ люди
крестьяне разоряютъ, и отбѣгая отъ нихъ живутъ въ Казани и въ ин
понизовыхъ городахъ за всякихъ чиновъ людьми» [4]). Поэтому [5]) съ 165
1661 годъ дано было нѣсколько наказовъ сыщику Плещееву о сы
бѣглыхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и нижегородскомъ и балахнинс
уѣздахъ [6]), гдѣ, какъ извѣстно, образовалось изъ этихъ бѣглыхъ сил
гнѣздо раскольниковъ. Изъ сенатскаго указа 1723 года видно, что «въ ка
скомъ уѣздѣ явилось сходцевъ изъ разныхъ городовъ и уѣздовъ по
скихъ и дворцовыхъ и синодальнаго вѣдѣнія и помѣщиковыхъ крест
и бобылей и гулящихъ 954 двора» [7]). Наконецъ, множество бѣглыхъ
въ Сибири, въ третьей мѣстности особеннаго сосредоточенія и размнож
раскольниковъ [8]). Изъ поморскихъ городовъ переходили въ сибир
слободы многіе тяглые и крѣпостные люди, вольные и гулящіе

чьимъ монастыремъ, что на Тихвинѣ, 2 сем., въ Бѣлоозерскомъ уѣздѣ 23
въ Вологод. уѣздѣ 14 сем., въ Каргополѣ и въ каргопол. уѣздѣ 28 сем., въ Сумс
и Комскомъ острогахъ и въ Усольяхъ 13 сем., въ Углицкомъ уѣздѣ 1 крестья
въ Олонецкомъ уѣздѣ въ разныхъ заонежскихъ погостахъ 26 сем. Всего заонеж
государственныхъ сошлыхъ крестьянъ въ разныхъ городахъ, которые въ писц
книгахъ написаны, опричь еще безвѣстныхъ крестьянъ, которые сошли безвѣ
580 семействъ. Да Лопскихъ бѣглыхъ государственныхъ крестьянъ, которые бѣ
изъ Лопскихъ погостовъ въ разныя другія мѣста, 110 семействъ. Такимъ обра
выходитъ всего 690 сем., не считая еще тѣхъ, которые безвѣстно сошли и неизвѣ
куда дѣвались. Дополн. къ Акт. Ист. т. III, № 82, стр. 291, № 67.

[1]) П. С. З. т. I, стр. 593.

[2]) Дополн. къ Акт. Ист. т. III, № 33, стр. 114.

[3]) А. А. Э. т. IV, № 307.

[4]) П. С. З. т. I стр. 445. А надобно замѣтить, что въ нижегородской и казан
области расколъ также чрезвычайно распространялся и размножался.

[5]) Дополн. къ Акт. Ист. т. IV, № 48.

[6]) Акт. Ист. т. V, № 271.

[7]) П. С. З. т. VII, № 4307; смотр. также № 4162, п. 2.

[8]) Акт. Ист. т. IV, № 3, стр. 19.

…арскаго указу, безъ подлиннаго сыску [1]). Хотя Петръ Великій строго предписалъ досматривать у гулящихъ и пришлыхъ людей паспорты, однако множество было бродягъ безпаспортныхъ и съ «ложными паспортами, писанными гулящими же людьми» [2]). Вотъ въ какомъ броженіи находилось русское народонаселеніе въ то время, когда по Россіи распространялся расколъ! При такомъ бродяжничествѣ, трудно ли было распространиться ему? Удивительно ли, что сначала расколъ, прикрываясь именемъ пустынничества, самъ принялъ характеръ бродяжничества, потворствовалъ склонности и страсти къ бродяжничеству. Поучая, что паспортъ есть печать антихристова, раскольники отрекаются отъ принадлежности своей обществу, говоря: «града настоящаго неимамы, но грядущаго взыскуемъ». По ихъ преданію, слова эти въ первый разъ сказаны были будто бы какими то бродягами Петромъ и Евдокимомъ еще царю Алексѣю Михайловичу. Слова эти повторяются и въ сочиненіяхъ Аввакума: «отвѣты заключеннаго отъ старцевъ архіереевъ новаго израиля за имя Исусъ Христово». Можно себѣ представить, какъ нравилось такое ученіе тѣмъ русскимъ людямъ, которые любили бродить по бѣлому свѣту, и которыхъ было такое множество въ періодъ самаго сильнаго распространенія раскола. Въ половинѣ XVIII вѣка возникла въ расколѣ, какъ извѣстно, даже особая секта *странниковъ*, которая бродяжничество признавала спасительнымъ подвигомъ и учила, что паспортъ есть печать антихристова.

Доселѣ мы разсматривали, какъ развились главныя народно-демократическія и противогосударственныя начала раскола въ противоположность государственнымъ началамъ, и въ особенности государственнымъ идеямъ и учрежденіямъ Петра Великаго. Теперь посмотримъ, не было ли чего благопріятствовавшаго развитію раскола въ самомъ новоустроенномъ государствѣ русскомъ, въ самыхъ гражданскихъ отношеніяхъ общества, и укажемъ коротко только главныя черты.

Какъ оппозиція чисто народная, демократическая, расколъ возставалъ и противъ самаго устройства и состоянія государственнаго управленія, начиная съ Сената и до областного начальства, вездѣ въ управленіи указывалъ стороны, противныя благу народа, и неустройствами, какія примѣчалъ въ областяхъ, пользовался для своего подкрѣпленія и распространенія. Таковы были: злоупотребленія гражданскаго начальства, притѣсненія народа помѣщиками, слабый надзоръ и корысное потворство областного начальства, помѣщиковъ, фаярикантовъ и частныхъ лицъ и т. п. Гражданское начальство Россіи въ періодъ распространенія раскола во второй половинѣ XVII и первой половинѣ XVIII в., въ нѣкоторомъ отношеніи само было причиною усиленія народной, раскольнической оппозиціи противъ правительства и начальства. Ибо гражданскіе правители большею частью не столько заботились о благѣ народа, сколько угнетали его. Во первыхъ народъ часто не находилъ правды на судѣ, и страдалъ невинно. «Хотя на посулы положено наказаніе, говорилъ еще Кошихинъ, и судьи (бояре, окольничіе, стольники,

[1]) А. А. Э. т. IV, № 159.
[2]) П. С. З. т. VII, № 4827.

дворяне и дьяки) чинятъ о тѣхъ посулахъ крестное цѣлованіе съ ж
кимъ проклинательствомъ, что посуловъ неимати и дѣлати въ п
по царскому указу и по уложенію: ни во что ихъ вѣра и заклинател
и наказанія не страшатся, отъ прелести очей своихъ и мысли соде
не могутъ и руки свои скоро допущаютъ, хотя не сами собою, о
по задней лѣстницѣ чрезъ жену, или дочерь, или чрезъ сына и
и человѣка, и не ставятъ того себѣ во взятые посулы, будто про т
вѣдаютъ. Однако чрезъ такую ихъ прелесть приводитъ душа ихъ, з
ніемъ, въ пучину огня негасимаго, и токмо враждаютъ своими ду
но и царскою, взявъ посулы облыгаютъ другихъ людей злыми сл
и не стыдятся того дѣлати потому: кто можетъ всегда приходити къ
и видѣти часто отъ простыхъ людей?» [1]). Умный крестьянинъ Посо
хорошо знавшій бытъ и положеніе своей братіи — крестьянъ, также
рилъ: «до судьи дойти худосильному (челобитчику) немочи... Наса
колодниковъ множество, а рѣшенія имъ нечинятъ, да перековавъ, расп
по улицамъ милостыню просить... Безъ взятокъ нельзя ничего сд
и за гривенное дѣло полтину берутъ» [2])... «Не велико, кажется, ч
города въ уѣзды посылаютъ солдатъ по дворянъ и по иныхъ вс
чиновъ людей, и дѣла прямого еще и на алтынъ нѣтъ, а по кого пош
то самое легкое дѣло, что рубли два-три убытку сдѣлаютъ, а
и рублевъ десять учинятъ убытку, и тѣмъ людей божіихъ весьма убы
Хотя малая какая справка приказная, но нехотятъ подождать до
времени, но какъ сдумаютъ, такъ и посылаютъ безсрочно; и того о
не чинятъ, чтобъ послать о томъ, еже взять письменное вѣдѣні
о чемъ надлежитъ взять на письмѣ исповѣдь; но только то у прика
людей вытвержено, что поволоки со всякою отповѣдью въ городъ. И
кто живетъ отъ города въ верстахъ во стѣ другомъ, то и путь руб
два-три убытку будетъ; а въ распутную пору, то будетъ рублевъ и
шесть истраты. А кто сотъ въ пяти-шести случится, то и съ де
рублями врядъ изняться. А приказные люди людскихъ убытковъ не
сляютъ: они только свою тягость исчисляютъ, а людская ни в
А если въ дѣловую пору пришлютъ, то и безъ хлѣба сдѣлаютъ;
таковыхъ посылокъ весьма много и людямъ пакости чинится, а
о семъ попеченія ни мало не имѣютъ, чтобы имъ людей Государ
въ чемъ поберечь и до убытка какого недопустить. А и сіе з
ли господа судьи разуждаютъ, еже изъ-за Санктпетербурга изъ г
ской канцеляріи по три и по четыре присылки были жестоки
Новгородскихъ служителей, кои были въ бурмистрахъ и въ
вальникахъ у денежныхъ сборовъ, чтобы ѣхать по отчетъ; и ѣздил
по три и по четыре и больше. А пріѣхавъ, да тамъ поживутъ н
десятокъ, и денегъ десятка по два-три всякой изсоритъ, да и и
И кои лѣтъ пять-шесть ѣздили, то я вѣдаю, что рублевъ по сотниц
ѣздили кромѣ гостинцевъ. А съ гостинцами будетъ и по другому сту.

[1]) Кошихинъ стр. 93.
[2]) Соч. Посошкова гл. 3: о правосудіи.

того людемъ чинится великое разореніе и народное оскудѣніе... Въ нѣмецкихъ земляхъ вельми людей берегутъ, а наипаче купецкихъ людей; и того ради у нихъ купеческіе люди и богаты зѣло. А наши судьи нимало людей небрегутъ, и тѣмъ небреженіемъ все царство въ скудость приводятъ: ибо въ коемъ царствѣ люди будутъ богаты, то царство то богато; въ коемъ царствѣ люди будутъ убоги, то и царству тому не можно слыть богатому. Я сего не могу познать, что то у нашихъ людей за разумъ, что ничего въ прокъ государству непрочатъ, только прочатъ имѣніе себѣ, и то на часъ, а государству такъ они прочатъ, что ни за что многія тысячи рублевъ теряютъ» и проч. Горькія жалобы народа на притѣсненія областного начальства раздавались во все время первоначальнаго сильнаго распространенія раскола. И жалобы эти такъ многочисленны и разнообразны, что мы затрудняемся даже, которыя изъ нихъ выбрать для примѣра. Такъ напр. крестьяне Сумерской волости жаловались въ 1649 году на прикащика Димитрія Мякинина, который бралъ съ нихъ кормы. «Да онъ же Димитрій посылалъ по нихъ крестьянъ съ приставы людей своихъ, а иные люди его для своей корысти ѣздятъ по нихъ и безъ приставовъ и ихъ крестьянъ грабятъ, ходятъ во дворехъ ихъ по клѣтямъ и емлютъ насильствомъ платья и иное, что попадетъ, и какъ они въ томъ насильствѣ на людей его ему Димитрію били челомъ о управѣ, и онъ ихъ за то челобитье сажалъ въ тюрьму и держалъ въ тюрьмѣ денъ по пяти и по шести и по недѣли, и они изъ тюрьмы выкупались; да въ прошломъ де 157 году послѣ Ильина дни, Димитрій ѣздилъ съ людьми своими для своей корысти по деревнямъ, и ихъ крестьянъ билъ и мучилъ и по дворомъ и по лѣсомъ за ними гонялся, и вымучилъ на нихъ немѣрною мукою на человѣкѣ рублевъ по пяти и больши; да онъ же де Димитрій звалъ ихъ къ себѣ на пиръ, и которые крестьяне у него на пиру были, и онъ съ тѣхъ поклонно взялъ, сажалъ въ тюрьму, и они изъ тюрьмы у него выкупались, и давали рубли по два и больши, а которые у него на пиру не были, для того, что люди не достаточные поклоннаго дати нечего, и онъ по тѣхъ посылалъ съ пристава людей своихъ и правили на нихъ поклоннаго съ человѣка по два алтына по двѣ деньги и по гривнѣ и больши, да онъ же Димитрій умысля и стакався съ совѣтники своими, а съ ихъ горланы и съ ябедники, въ дѣловую работную пору, для своей корысти, загнавъ ихъ къ себѣ на дворъ просилъ у нихъ поровенной — и они ему били челомъ, чтобы онъ далъ имъ сроку, покамѣсть дѣловая пора минется, и какъ дѣловая пора минется, и они межъ себя поровняются и поровенную къ ниму принесутъ, и Димитрій доправилъ на нихъ отъ поровенной 15 р.; да онъ же де Димитрій старосту Аникейка Семенова билъ ослопомъ до полусмерти, и въ тюрьмѣ держалъ и морилъ голодомъ и доправилъ съ него [illegible] рублевъ; и отъ того де Димитріева насильства они Сумерскіе волости крестьяне въ конецъ погибаютъ и совсѣмъ до основанія разорены, бредутъ розно и у многихъ изъ нихъ пашня залегла» [1]. Въ 1676 году крестьяне

[1] Дополн. къ Акт. Ист. т. III, № 65, стр. 237, А. А. Э. т IV № 94.

Вѣницкаго погоста, разоренные Шведами и обремененные налогами, жаловались Царю на начальныхъ людей и подъячихъ: «что для Великаго Государя данныхъ о оброчныхъ денегъ и хлѣбныхъ запасовъ пріѣзжаютъ къ нимъ въ погосты съ Олонца начальные люди и подъячіе, со многими стрѣльцами, на многихъ подводахъ, и ихъ достальныхъ бѣдныхъ сиротъ бьютъ смертнымъ боемъ, многими правежи и мукою мучатъ... И для тѣхъ лишнихъ окладовъ и кабацкихъ и таможенныхъ новыхъ сборовъ и олонецкихъ расходовъ, и праветчиковъ, начальныхъ людей и подъячихъ, многіе деревенскіе участки запустѣли... и отъ тѣхъ обидъ и многихъ сборовъ мы сироты и достальные, въ конецъ разорилися и деревенскихъ своихъ участковъ отбыли». Посадскіе люди и купцы также со стороны гражданскаго начальства чрезвычайно много терпѣли притѣсненій и несправедливостей. Еще на Азовскомъ соборѣ въ 1642 году купцы говорили: «а въ городѣхъ всякіе люди обнищали и оскудали до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ, а торговые людишки, которые ѣздятъ по городамъ для своего торговаго промыслишка, отъ ихъ же воеводскаго задержанія и насильства въ проѣздахъ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди судилися сами промежъ себя, а воеводъ въ городѣхъ не было [1]). А между тѣмъ, Государевы дьяки и подъячіе, какъ сказали на томъ же соборѣ дворяне и дѣти боярскія разныхъ городовъ,—обогатѣвъ многимъ богатствомъ неправеднымъ своимъ мздоимствомъ и покупили многія вотчины и домы свои состроили многіе, палаты каменныя такія, что неудобь сказаемыя». Въ 1662 году жители г. Шуи жаловались на воеводу Трегубова, что онъ «имъ чинитъ тѣсноту и налогу большую, стакався съ подговорщиками и ябедниками, и примѣтывается къ старостамъ и къ выборнымъ и ко всякимъ посадскимъ людямъ для своей бездѣльной корысти и бьетъ насъ сиротъ твоихъ и посадскихъ людей и продаетъ напрасно» [2]). Въ 1665 году они же жаловались на воеводу Боркова: «будучи онъ воевода началъ намъ сиротамъ твоимъ посацкимъ людямъ чинить тѣсноту и налогу большую и напрасные продажи и убытки; бьетъ насъ, сиротъ твоихъ посацкихъ людей безъ сыску и безъ вины, и сажаетъ въ тюрьму для своей корысти; и вымая изъ тюрьмы бьетъ батогами до полусмерти безъ дѣла и безъ вины, и въ прошломъ въ 172 году убилъ онъ воевода, заперши у себя на дворѣ, таможеннаго ларешнаго цѣловальника Володьку Селиванова до полусмерти. Многихъ пріѣзжихъ торговыхъ людей,—соляныхъ и рыбныхъ промышленниковъ примѣшивается къ нимъ для своихъ корыстей, убытчалъ и разорилъ, и въ тюрьму сажалъ; и многихъ пріѣзжихъ торговыхъ людей разогналъ и торги разбилъ; а насъ сиротъ твоихъ, выборныхъ людей, въ конецъ погубилъ своею великою тѣснотою и налогою и продажей и убойствомъ, и въ нынѣшнемъ, Государь, во 173 году онъ же воевода убилъ, заперши у себя на дворѣ, выборнаго посацкаго человѣка до полусмерти, и нынѣ тотъ ге-

---

[1]) Собр. госуд. грам. т. III, № 113. Какъ воеводскіе люди поступали въ уѣздахъ послѣ Петра Великаго въ первой половинѣ XVIII вѣка см. Записки маіора артиллеріи М. В. Данилова, стр. 45.

[2]) Описаніе Шуи, № 35.

ова отъ его воевоцкихъ побой изувѣченъ», и проч. [1]). А Енисейскій воевода Голохвастовъ, какъ видно изъ челобитной, поданной на него въ 665 году, не только грабилъ, мучилъ и въ тюрьму сажалъ посадскихъ людей, «да онъ же для своихъ пожитковъ отдавалъ на откупъ помѣсячно рнь и корчму и безмужныхъ женъ на блудъ, и отъ того бралъ себѣ отпу рублевъ по 100 и больши, и тѣмъ блуднымъ женкамъ велѣлъ наговаривать на проѣзжихъ торговыхъ и промышленныхъ людей напрасно, для ятки.., а которыхъ служилыхъ и посадскихъ людей оставались въ дохъ жоны, во время отъѣзда мужей, воевода, свѣдавъ ихъ пожитки, онъ ихъ бралъ въ застѣнокъ ночью, и пыталъ и спрашивалъ серебряныхъ денегъ, и тѣмъ примѣтами и мученіемъ разорялъ ихъ до конца» [2]). лучше было посадскимъ, торговымъ и промышленнымъ людямъ отъ иказныхъ чиновниковъ и при Петрѣ Великомъ. «Вѣдомы они гости и пецкіе, и промышленные люди, читаемъ въ именномъ указѣ Генваря 30, 99 года, и купецкими расправными и всякими дѣлами и Его Величества сударя окладными доходами и иными сборами въ разныхъ приказахъ, извѣстно Ему Вел. Государю учинилось, что имъ гостямъ и гостиныя тни и всѣмъ посацкимъ и купецкимъ и промышленнымъ людямъ во югихъ ихъ приказныхъ волокитахъ, и отъ приказныхъ и разныхъ чивъ отъ людей въ торгахъ ихъ и во всякихъ промыслахъ чинятся имъ льшіе убытки и разореніе, и иные отъ того торговъ и промысловъ своихъ были и оскудали» [3]). Не прекратились притѣсненія посадскихъ людей купцовъ чиновниками и послѣ того, какъ въ 1699 году учреждена была обая бурмистрская палата для самостоятельнаго вѣдомства всякихъ расавныхъ дѣлъ между купецкими и посадскими людьми, и во всѣхъ гоцахъ учреждены были для нихъ земскія избы «по причинѣ многихъ къ мъ воеводскихъ и приказныхъ людей обидъ и налоговъ и поборовъ и итокъ». Напр. въ 1716 г. Двинскіе посадскіе люди приносили жалобу рю: «у архангельскаго города канцелярскіе и таможенные подъячіе, торые есть не изъ тамошнихъ жителей, стоятъ на посадскихъ дворахъ ъ найма и займуютъ подъ себя многія особыя избы, и дрова берутъ скаго съ земскаго двора, въ чемъ есть посадскимъ людямъ тѣснота и малое разореніе, а мочно тѣмъ подъячимъ купить свои домы, или нанить повольно, понеже канцелярскіе опредѣлены Вашимъ Царскаго Вечества жалованіемъ, а таможенные берутъ съ купецкихъ людей за рагу денегъ немалое число» [4]). Въ Уставѣ Главнаго Магистрата [5]) читаемъ: отя судныя дѣла во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ въ смотрѣніи и вѣдѣніи подлежатъ въ Юстицъ Коллегіи, однакожъ понеже купецкіе и месленные тяглые люди во всѣхъ городахъ обрѣтаются нетокмо въ комъ призрѣніи, но паче отъ всякихъ обидъ, нападокъ и отягощеній неышанныхъ едва не всѣ разорены, отъ чего оныхъ весьма умалилось, и

[1]) Тамъ же. № 39.
[2]) А. И. т. IV, № 182.
[3]) П. С. З. т. III, № 1674.
[4]) П. С. З. т. V, № 3037.
[5]) 1721 г. Генв. 16.

уже то есть не безъ важнаго государственнаго вреда» [1]). Губернаторы первой половины XVII в., какъ видно изъ жалобъ Петра Великаго, были не лучше воеводъ и приказныхъ XVII вѣка [2]). Были изъ нихъ даже такіе, которые только издѣвались надъ народомъ. Напр. въ 1728 г. митрополитъ Казанскій Сильверстъ въ своей длинной запискѣ о дѣйствіяхъ Казанскаго губернатора Волынскаго, писалъ между прочимъ: «оный губернаторъ, ѣхавъ изъ Москвы въ Казань Волгою рѣкою, и пріѣхавъ въ городъ Чебоксары и вышедъ изъ струговъ своихъ на берегъ, и по согласію съ чебоксарскимъ воеводою Алексѣемъ Заборовскимъ велѣли изъ пушекъ палить и въ то время отъ потѣхъ ихъ пушку разорвало и побило мужеска и женска пола человѣкъ съ пятнадцать... Оной же губернаторъ лѣтомъ и зимою со псовою охотою многолюдствомъ ѣздитъ по полямъ и сѣннымъ покосамъ, и посѣянной яровой и озимой хлѣбъ архіерейскаго дома и монастырскій лошадьми и собаками и людьми своими толочетъ необычно, и въ деревняхъ съ боемъ и неволею съ крестьянъ архіерейскихъ и монастырскихъ берутъ конямъ сѣна и овса и про людей всякой живности и хлѣба, сколько похотятъ, и тѣмъ несносную крестьянамъ обиду чинятъ напрасно.... Священники, діаконы, пѣвчіе и церковные причетники и градскіе жители, богатые и нищіе, всѣ безъ исключенія принуждены по улицамъ со излишнимъ отягченіемъ чрезъ 4 сажени поставить столбъ и ель, и въ день Василія Великаго и Богоявленія Господня и въ прочія церемоніи не по указу, но по прихотямъ его губернаторскимъ, во всякое праздненство, по три дня сряду на каждый столбъ навѣшивали по три фонаря въ которыхъ свѣчи горятъ зимою по 8 часовъ ночи непремѣнно, а непротивъ московскаго дѣйствія чрезъ 10 саженъ столбъ учиненъ, и на немъ только по одному фонарю: нѣкоторые люди отъ посланныхъ чрезъ нестерпимые побои, занимая въ долги, по тому размѣру ставили фонари и столбы. И оттого священнослужителямъ и неимущимъ великое разореніе нанесъ. Да въ прошломъ 729 году, по приказу его Волынскаго, ходили со многимъ людствомъ солдаты съ дубьемъ не малое время по дворамъ служителей нашихъ и прочихъ казанскихъ жителей, и ловили баграми собакъ дворныхъ и побивали многихъ до смерти, а хозяевамъ велѣно тѣхъ мертвыхъ собакъ за городъ возить, невѣдая для чего», и т. д. исчисляются разные тиранническіе поступки и потѣхи губернатора Волынскаго въ Казани [3]). Весьма тяжко также обходились для уѣздныхъ жителей проѣзды и постои чиновниковъ. «Извѣстно Правительствующему Сенату учинилось, такъ читаемъ напр. въ указѣ 1716 года (Іюня 1), что въ губерніяхъ ландраты, которые опредѣлены въ доли, ѣздятъ по уѣздамъ, и ставятся въ селахъ и деревняхъ на крестьянскихъ дворахъ, и берутъ подводы, также и себѣ и при нихъ общимъ людямъ кормъ, а лошадямъ фуражъ, и живутъ въ тѣхъ селахъ и деревняхъ по недѣлѣ и больше, отъ чего крестьянамъ чинится

---

[1]) П. С. З. т. IV, стр. 296.

[2]) Тамъ же, т. IV, №№ 2483, 2493, 2467, т. V, № 3078.

[3]) Донош. митр. Сильвестра Св. Синоду въ рукопис. Казан. Духов. Акад.

зореніе и убытки великіе» [1]). При такомъ отношеніи къ народу граждан-каго начальства, понятно, какъ много должна была усилиться народная ппозиція, поднятая расколомъ противъ правительства. Не даромъ чернь того озлоблена была противъ бояръ, окольничихъ и другихъ чиновни-овъ, что въ царствованіе Алексѣя Михайловича неоднократно поднимала нты противъ нихъ и неистово требовала у царя позволенія избивать иновниковъ народныхъ бѣдствій. Не даромъ тотъ же неистовый вопль здавался въ бунтѣ стрѣлецкомъ, въ бунтѣ Стеньки Разина, въ бунтахъ онскихъ казаковъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, раскольники принимали мое дѣятельное участіе. Наконецъ, не безъ причинъ раскольники доселѣ итаютъ злобную вражду къ начальству, чиновникамъ, и нападаютъ даже внѣшніе знаки, отличающіе чиновника отъ другихъ разрядовъ людей. ъ раскольническихъ стихахъ и сочиненіяхъ не рѣдко встрѣчаются жа-бы на неправду судей, на притѣсненія, причиняемыя народу чиновни-ами, какъ на прямые знаки господства антихристова. Купцы и крестьяне его болѣе страдали отъ чиновниковъ въ періодъ распространенія раскола: тому въ купцахъ и крестьянахъ всего болѣе замѣтна донынѣ расколь-ическая злоба противъ начальства. Поэтому основателей раскольни-скихъ сектъ, послѣ бѣглыхъ поповъ, діаконовъ и дьячковъ, всего болѣе ыло изъ купцовъ и поселянъ. Такъ и на Вѣткѣ между раскольниками ѣхъ болѣе было купцовъ и посадскихъ.

Бѣдные крестьяне страдали не отъ одного областнаго управленія, но акже и отъ крѣпостного состоянія. Ревизіями первой половины XVII вѣ-крестьяне окончательно укрѣплены были за помѣщиками. И это крѣ-стное положеніе ихъ было самое тяжкое. Кромѣ подушныхъ податей, крутчины и разныхъ указныхъ сборовъ, они должны были платить рокъ помѣщикамъ и отправлять разныя работы, при чемъ требованія мѣщиковъ часто не имѣли никакихъ границъ и контроля [2]). При худомъ тройствѣ и неразвитости сельскаго хозяйства, помѣщичьи крестьяне дствовали и во множествѣ скитались по міру, особенно въ неурожайные ды. Хотя помѣщикамъ неоднократно предписывалось указами вспомо-ествовать бѣднымъ крестьянамъ и прокармливать ихъ во время хлѣбна-недорода, но они большею частію объ этомъ нимало не заботились. ашни крестьянскія оставались незасѣянными, за неимѣніемъ сѣмянъ, и несссудою ими отъ помѣщиковъ, крестьяне бродили по міру [3]). Много радали помѣщичьи крестьяне еще отъ слишкомъ дробнаго раздѣленія ѣній отцами дѣтямъ; ибо, по разсужденію Петра, на мелкія имѣнія па-ли большія подати и оброки, и отъ такого раздѣленія, какъ говорилъ тръ, казнѣ государственной великій есть вредъ, а людямъ простымъ зореніе [4]). Но всего болѣе страдали крестьяне отъ несправедливости и

[1]) П. С. З. т. V, № 3025.
[2]) П. С. З. т. VII, № 4566. Т. IX, № 6453 XV, № 11,205.
[3]) Тамъ же, т. IX, №№ 6570. 6653, 6682.
[4]) П. С. З. т. V, № 2789. То же говоритъ Посошковъ. См. гл. VIII: о дворянѣхъ, рестьянѣхъ и о земляныхъ дѣлахъ.

угнетенія помѣщиковъ. Когда напр. предписывалось помѣщикамъ плат извѣстную сумму въ казну изъ своихъ пожитковъ—они, хотя имѣли ную возможность заплатить эти деньги, однакожъ брали ихъ съ кре янъ своихъ [1]). «Есть нѣкоторые непотребные люди, жаловался Петръ ликій на помѣщиковъ, которые своимъ деревнямъ сами безпутные раз тели суть, что ради пьянства, или иного какого непостояннаго жи вотчины свои не токмо не снабдѣваютъ и не защищаютъ ни въ чемъ разоряютъ, налагая на крестьянъ всякія несносныя тягости, и въ т ихъ бьютъ и мучатъ, и отъ того крестьяне, покинувъ тягла свои, бѣга и чинится отъ того пустота, а въ государевыхъ податяхъ умножа доимка» [2]). «А и сіе не весьма право зрится, говоритъ Посошковъ, что мѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена неудобьносимая: ибо такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не даютъ крес намъ своимъ единаго дня, чтобы ему на себя что сработать. И тако хатную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у нихъ; или что налож на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, и то положенное забр и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излишествомъ кре янство въ нищету повергаютъ; и который крестьянинъ начинаетъ м мало посытѣе быть, то на него и подати прибавятъ. И за такимъ ихъ рядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатитися не мож и многіе дворяне говорятъ: крестьянину де не давай обрости, но стр его яко овцу до года. И тако творя, царство пустошатъ; понеже такъ пустошатъ, что у инаго и козы не оставляютъ. Отъ таковыя нуж крестьяне домы свои оставляютъ и бѣгутъ иные въ Понизовыя мѣ иныя жъ и въ Украйнныя, а иныя — и Зарубежныя; тако чу страны населяютъ, а свою пусту оставляютъ. Крестьянамъ помѣ ки невѣковые владѣльцы; того ради они не весьма ихъ и берег а прямый ихъ владѣтель Всероссійскій Самодержецъ, а они владѣютъ менно». Не говоримъ уже о томъ, какъ часто совершенно безчеловѣ обращались помѣщики съ крестьянами, какъ напр., по словамъ Кошихи «надъ подданными своими крестьянскими женами и дочерьми твор блудныя дѣла, или у женки выбивали ребенка [3]), или какъ по слов Посошкова, помѣщики, не хотя возвратить, кому слѣдуетъ пришлыхъ дей, «потопляли ихъ въ водѣ, или инако какимъ случаемъ умерщвляли или какъ отдавали крестьянъ, какъ цѣнную вещь, чиновникамъ въ п рокъ, или вмѣсто взятки, и т. п. [5]). При такомъ положеніи крестьянъ мѣщичьихъ, очень естественно, что многіе изъ нихъ недовольны были мѣщиками, ожесточались противъ нихъ, поднимали бунты или бѣжали нихъ. Такъ въ 1713 году взбунтовались противъ своихъ помѣщик крестьяне Царя Арчила Вахтангеевича, нижегородскаго уѣзда села Лы

---

[1]) Тамъ же, т. II, №№ 750 и 799.
[2]) Тамъ же, т. V, № 3294. Посошкова гл. VII о крестьянствѣ, стр. 182—183.
[3]) Кошихинъ стр. 114.
[4]) Посошкова о скудости и богатствѣ стр. 85.
[5]) Записки артиллеріи маіора М. В. Данилова, Москва. 1842 г. стр. 34.

Ростовскаго архіерея ростовскаго уѣзда села Порѣчья, иноземца Вах-
[illegible]ея Меллера верейскаго уѣзда Вышгородской волости, и бобыли села
[illegible]несенскаго воскресенскаго монастыря, что на Истрѣ,—«учинились,
[illegible]ъ сказано въ именномъ указѣ вышеписаннымъ владѣльцамъ своимъ
[illegible]ушны, и отъ нихъ отложились»[1]. Выходя изъ терпѣнія крестьяне
[illegible]то нападали на домы помѣщиковъ, разоряли ихъ имѣнья, и убѣгали[2].
[illegible]е въ самомъ началѣ появленія раскола, именно въ 1658 г. Царь Алексѣй
[illegible]хайловичъ жаловался, какъ мы выше видѣли, что многіе крестьяне
[illegible]осковныхъ дворянъ—помѣщиковъ, ограбя ихъ имѣнья, сожигая ихъ
[illegible]ы и не рѣдко самихъ помѣщиковъ своихъ съ семействами убивая, убѣ-
[illegible]и въ понизовые, приволжскіе и заволжскіе города и села[3]. При Петрѣ
[illegible]икомъ, бѣглые крѣпостные люди, соединяясь съ другими бѣглыми—
[illegible]стьянами, рекрутами и солдатами, цѣлыми вооруженными станицами
[illegible]адали на имѣнія помѣщиковъ. «Нынѣ по всѣмъ вѣдомостямъ и доно-
[illegible]іямъ въ Коллегію Юстиціи, читаемъ въ Сенатскомъ указѣ 1712 года
[illegible]уста 12, изъ Новгородскаго, изъ Можайскаго и Мещевскаго уѣздовъ
[illegible]азбойникахъ тѣхъ показано, что они по 100 и по 200 человѣкъ и
[illegible]ьши верхами, вооруженною рукою, съ порядкомъ регулярнымъ, не токмо
[illegible]тѣхъ вышеозначенныхъ уѣздахъ, но и у многихъ помѣщиковъ и у вот-
[illegible]никовъ многолюдныя деревни разграбили пріѣздомъ своимъ деннымъ и все
[illegible]конца пожгли и людей и крестьянъ вырубили»[4]. Вслѣдствіе такихъ не-
[illegible]ройствъ и было между помѣщичьими крестьянами много такихъ, которые
[illegible]учи недовольны своими помѣщиками и тяготясь крѣпостнымъ состояніемъ,
[illegible]тно присоединялись къ раскольническимъ общинамъ, и увеличивали ихъ со-
[illegible]въ и усиливали оппозицію. Расколъ открывалъ убѣжище всѣмъ недоволь
[illegible]ъ крѣпостнымъ состояніемъ. Оттого въ старообрядческихъ селеніяхъ, лѣс-
[illegible]ъ скитахъ и обителяхъ, раскольники большею частію были «пришлые
[illegible]ровые, сунодальные и помѣщичьи крестьяне»[5]. Такъ и на Вѣткѣ много
[illegible]о помѣщичьихъ крестьянъ, какъ видно изъ Высочайше утвержденнаго
[illegible]лада Сената 1735 г. 4 Сент.[6]. Такъ въ Стародубскихъ слободахъ, по
[illegible]есенію управителя черниговскаго полка Халкидонскаго, крестьяне,
[illegible]когда раскольниками не бывшіе, только для единой вольности, укры-
[illegible]сь отъ помѣщиковъ, въ раскольническія слободы записывались». Такъ
[illegible]Выгорѣцкихъ лѣсахъ — средоточіи безпоповщинскихъ скитовъ весьма
[illegible]го было бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ[7]. А въ бунтахъ Разина и
[illegible]гачева, какъ извѣстно, раскольники изъ помѣщичьихъ крестьянъ чрез-
[illegible]чайно свирѣпствовали противъ помѣщиковъ, не своихъ только, но и
[illegible]ѣхъ вообще.

---

[1] П. С. З. т. V, № 2668, п. 24.
[2] Тамъ же, т. IV, № 1820, п 11, 12, 19, 20, № 2310, т V, № 3414.
[3] Тамъ же, т. I, стр. 445.
[4] П. С. З. т. XV, № 205.
[5] П. С. З. т. V, № 3415, п. 1.
[6] Тамъ же, т. VII, № 4162.
[7] Тамъ же, т. IX, № 6802.

Если, съ одной стороны, гражданскіе начальники и помѣщик ими притѣсненіями отталкивали народъ отъ православнаго общес невольно заставляли его уклоняться въ расколъ, то, съ другой сто многіе гражданскіе начальники и помѣщики изъ-за корыстныхъ в потворствовали расколу, и тѣмъ способствовали его распространені первыхъ, расколу часто потворствовали разныя начальствующія особенно въ областяхъ. Почти во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, куда укрыв раскольники, преслѣдуемые церковнымъ и гражданскимъ правительст они, къ сожалѣнію, находили между неблагонамѣренными мѣст управителями и чиновниками покровителей и помощниковъ, особен украйнамъ Россіи, напримѣръ въ Сѣверномъ Поморьѣ, въ Сибири, в волжскомъ краю, гдѣ вообще слабъ былъ надзоръ начальства. Так примѣръ, когда расколоучитель попъ Козма бѣжалъ изъ Москвы 1667 года съ 20 единомышленниками въ Стародубскій край: «бяш на той часъ, — какъ говоритъ исторіографъ поповщинской секты І Алексѣевъ, — стародубскій полковникъ зѣло знаемъ и другъ Га Ивановичь, его же въ нѣкіихъ напастѣхъ укрываше. Полковникъ, в Козму попа, любовное пріятство всѣмъ сущимъ съ нимъ показа, прошенія ихъ написа листъ, посла ихъ ко атаману Курковскому Лал повелѣвая листомъ онымъ отвести имъ на жительство мѣсто, нариц Понуровку, и тамо вси пришедшіе съ Козмою числомъ 20 поселишас рѣкѣ Ревкѣ въ лѣто 7173» [1]). Пользуясь такимъ покровительствомъ с друга — полковника, попъ Козма положилъ основаніе знаменитым исторіи раскола 17 Стародубскимъ слободамъ, тѣмъ самымъ проложилт раскольникамъ на Вѣтку. Были и послѣ покровители Стародубскихт кольниковъ между гражданскими начальниками. Напр. въ 1737 году скій архимандритъ Иларіонъ приносилъ жалобу, что Стародубскіе рас ники, поселившись на монастырской землѣ въ двухъ слободахъ, оби и грабили прочихъ монастырскихъ крестьянъ. Маіору Хрипунову в было произвести слѣдствіе, и онъ окончилъ дѣло въ свою пользу пользу раскольниковъ. Въ Олонецкомъ краю, въ первое время распр ненія раскола, ему покровительствовали и воеводы и земскіе стар Извѣстные уже намъ страннопріимцы и покровители бѣглыхъ раско ковъ нѣкто Іероѳей и супруга его Евдокія своею услужливостію умѣли задобрить всѣхъ мѣстныхъ гражданскихъ начальниковъ, что н наконецъ потребованы были къ суду за поддержаніе и распростра раскола, то, по словамъ Денисова, «вси градожители, простіи и сл начальницы и подначальніи ходатайствовали за нихъ предъ воевод воевода уступилъ многонародному прошенію» [2]). Равнымъ образомъ, въ 1693 году раскольники, въ числѣ болѣе 209 человѣкъ, подъ рук ствомъ какого-то чернеца, силою распространяли свое ученіе въ Об ской пятинѣ, нападая на священниковъ пудожскаго погоста, — то зе

[1]) Исторія о бѣгствующемъ священствѣ. Л. 1. об.
[2]) Виноградъ Россійскій: о Іерофеѣ и Евдокіи.

роста пудожскаго погоста Семенъ Леонтьевъ Журавицкій «отъ такихъ вовъ и раскольниковъ никакой обороны и помощи не учинилъ, и прямо азалъ имъ, когда они просили у него защиты; а онъ староста Семенъ ними раскольниками былъ вмѣстѣ въ томъ же расколѣ»[1]). Какъ иносильно и многозначительно было корыстное потворство и покровительо раскольникамъ со стороны областного начальства, особенно можно дить по жалобамъ нижегородскаго епископа Питирима, извѣстнаго поника противъ раскола въ первой четверти XVIII вѣка. Въ то время, къ Питиримъ ревностно подвизался въ обращеніи къ православію нигородскихъ раскольниковъ, губернскіе управители, городскіе начальни- волостные прикащики и старосты, подкупленные раскольниками, жали сторону послѣднихъ: начали преслѣдовать самого Питирима и ылаемыхъ отъ него для увѣщанія заблуждающихъ православныхъ свянниковъ; запрещали ему входъ въ домы раскольниковъ, а православмъ священникамъ возбраняли учить раскольниковъ правовѣрію. Вотъ къ доносилъ объ этомъ епископъ Питиримъ Петру Великому: «Вашего личества по указу и по благословенію Преосвященнаго Стефана, митролита Рязанскаго и Муромскаго съ прошлаго 1707 года въ Балахонскомъ Юрьевецкомъ уѣздахъ велѣно мнѣ богомольцу Вашему обращать и въ единеніе ко святѣй церкви приводить раскольниковъ. И помощію Божіею прошлой 1714 годъ духовнаго и мірскаго чина обоихъ половъ изъ скола обратились и пришли въ соединеніе ко святѣй церкви болѣе 00 человѣкъ. А нынѣ тѣ вышеозначенные города и съ уѣзды опредѣны правленіемъ въ нижегородскую губернію; и отъ градскихъ началькова и отъ волостныхъ прикащиковъ и отъ старостъ тому обращенію ало быть препятіе и остановка крайняя, что уже къ тѣмъ раскольнимъ въ кельи и въ домы и входъ мой тѣ начальники отняли, да и свянникамъ учить возбраняютъ, и тѣмъ вмѣсто благія помощи учинили скольникомъ и пущее къ развращенію дерзновеніе безстрашное. Отъ чего замерзѣлые раскольщики, видя себѣ такое попущеніе, въ душепагубную ою глупую прелесть души простыхъ людей отъ согласія св. церкви отргиваютъ непрестанно; и тѣмъ, по закоснѣлому своему безстрашію, жду простымъ народомъ чинятъ великій развратъ. И такіе противники ки множатся, которыхъ и такъ зѣло много [2])». Послѣ этого не удивильно, что въ нижегородской епархіи въ 1719 году раскольниковъ считлось до 86,000; и въ однѣхъ Чернораменскихъ скитахъ до 40,000 душъ, гда умноженію ихъ такъ содѣйствовало само мѣстное гражданское нальство. На поблажку раскольникамъ начальниковъ въ нижегородскомъ раю жаловался и самъ Петръ Великій. Въ именномъ указѣ, данномъ въ ктябрѣ 1718 года, читаемъ, что капитанъ поручикъ гвардіи Ржевскій, торому поручено было переписать и положить въ окладъ раскольниковъ ижегородской губерніи (Керженской, Друковской и друг. волостей), съ ѣми людьми, которые за знатными людьми жили, поступалъ слабо, чего

[1]) А. И. т. V, № 223.

[2]) Исторія нижегородской іерархіи — архимандрита Макарія стр. 46—47.

ему велѣно было беречься и дѣлать прямо по указу [1]). Въ казанск
берніи раскольникамъ потворствовалъ губернаторъ Волынскій. Так
трополитъ казанскій Сильвестръ въ 1730 г. доносилъ Святѣйшему С
«Въ прошломъ 1729 году въ казанской губернской канцеляріи симбир
уѣзда, вотчины князя Василья Петрова сына Хованскаго села Ве
крестьянка раскольница Ѳедосья Евдокимова дочь на допросѣ пок
вѣдаетъ де она въ казанской губерніи въ разныхъ лѣсахъ со мн
мужеска и женска пола людьми три скита, въ которыхъ и она съ
общежительство и равновѣрство имѣла, а именно: первый въ... (въ
писи пропущено) поповщинскій; второй въ симбирскомъ уѣздѣ по
Терсѣ въ лѣсу; третій въ лѣсу же въ вотчинѣ Богородицкаго мона
въ свіяжскомъ уѣздѣ близь деревни Харины. И живучи де въ тѣхъ
тахъ Св. Таинъ, какъ Восточная церковь по преданію св. Апостол
годухновенныхъ отецъ повелѣваетъ, не пріобщалась, а причащалась
молитву творила, живучи въ тѣхъ скитахъ по ихъ раскольническом
нію, о которыхъ ея къ церкви святѣй и прочихъ въ тѣхъ скитахъ
щихъ противностяхъ оный Волынскій не слѣдовалъ, и о всемъ за
умолчалъ, въ духовную команду къ намъ по указу, для подлинна
раскола направленія и вышесказанныхъ скитовъ изысканія, ту же
прислалъ, отъ котораго его губернаторскаго попущенія и пущую ра
никамъ свободу подаетъ, на что взирая и болѣе такихъ суевѣровъ
товъ умножаться будетъ, понеже за ними раскольники въ скиты по
не было и уничтожено все за знаемо» [2]). При такомъ потворствѣ ра
никамъ областныхъ правителей въ началѣ распространенія раско
чего и говорить, какъ успѣшно долженъ былъ распространяться ра
Разумѣется, не нужно было и преслѣдовать, притѣснять раскольн
но не слѣдовало и потворствовать распространенію суевѣрія.

Весьма много также способствовало распространенію раскола к
ное потворство раскольникамъ помѣщиковъ, промышленниковъ на
дахъ и ихъ управляющихъ и прикащиковъ. Раскольники, чтобы
свободно въ помѣстьяхъ, старались угождать помѣщикамъ. Зажит
крестьяне — раскольники исправно выплачивали оброкъ, а богаты
кольники охотно платили даже лишняго оброку, лишь бы имъ жит
льготно, свободно въ помѣстьяхъ ихъ господъ. Потому помѣщикам
годно было имѣть въ своихъ владѣніяхъ такихъ раскольниковъ, и
они потворствовали имъ, а иногда и сами придерживались раскола.
ликій грѣхъ есть и нетерпящій молчанія духовныхъ, читаемъ въ Д
номъ Регламентѣ, — что нѣціи мірстіи господа, въ своихъ обла
вѣдая раскольщиковъ, покрываютъ для мзды, имъ подаемой». И та
лали не только свѣтскіе помѣщики, но и духовные вотчинники [3]). Го
эти, какъ сказано въ Регламентѣ, сильно не допускали священнико
приходамъ тѣмъ, гдѣ были раскольники, или и посланныхъ архіере

1) П. С. З. т. V, № 3232.
2) Доношеніе Сильвестра — въ спискѣ чин. въ библіот. Каз. Д. Академіи.
3) П. С. З. т. VI, стр. 342.

скивать и обличать раскольниковъ, въ вотчинѣ ихъ пребывающихъ»[1]). ользуясь такимъ покровительствомъ помѣщиковъ, раскольники, не стѣсняясь, умножали свою общину за вѣдомо отъ своихъ помѣщиковъ, прищиковъ, старостъ сельскихъ. Управители помѣщичьи, посадскіе бурстры и прикащики, кажется, еще больше помѣщиковъ потворствовали скольникамъ. Бурмистры даже были иногда предводителями раскольковъ, а иногда и сами раскольники выбирались въ бурмистры. «Хотя именному Его Царскаго Величества указу, Февраля 17 числа 1718 года стоявшемся, — читаемъ въ докладѣ Святѣйшаго Сѵнода, поданномъ рю въ 1721 году (Ноября 19), — какъ въ городѣхъ, такъ и въ селахъ, бурмистры и во всякія службы повсягодно исповѣдающихся, и со свительствомъ отцевъ ихъ духовныхъ, выбирать велѣно, а неисповѣдающихся запрещено; однакожъ въ нѣкоихъ мѣстахъ обывательми такое чрезъ ховниковъ свидѣтельство, до архіерейскихъ приказовъ надлежащее, и е требуется, и реэстры выбираемымъ во службу людямъ, къ такому идѣтельству во оные приказы не присылаютъ; отъ чего дается сумнѣніе, употребляются ль въ оные службы и неисповѣдающіеся; а наипаче не ваютъ ли и въ расколѣ подозрительные, ибо обрѣтаются въ разныхъ ужбахъ многіе съ бородами, что не малымъ есть къ расколу подозрѣніемъ»[2]). Но всего болѣе раскольники пользовались потворствомъ и содѣйствіемъ со стороны тѣхъ помѣщиковъ, которые были сами раскольники. А такихъ въ первое время распространенія раскола было не мало. Напр. въ нижегородской губерніи весьма многіе помѣщики были раскольники, и потому въ 1718 г. капитанъ-поручикъ гвардіи Ржевскій спрашивалъ у Государя, какъ поступать съ раскольниками — помѣщиками, и Государь въ своемъ именномъ указѣ повелѣлъ ему всѣхъ раскольниковъ, кто бы какого званія ни былъ, переписать и положить въ окладъ[3]). Промышленники также держали на своихъ заводахъ раскольниковъ. Имъ нужны были рабочіе, и вотъ они принимали всякаго рода бѣглыхъ и пришлыхъ, въ томъ числѣ и раскольниковъ. Скопище раскольниковъ на заводахъ много увеличивалось еще отъ того, что старосты и управляющіе на нихъ часто сами были раскольники. Такимъ образомъ раскольниками наполнены были особенно заводы уральскіе и сибирскіе, казенные и частные, какъ это мы уже видѣли въ другихъ мѣстахъ нашего изслѣдованія.

Вообще, надобно замѣтить, что все разсматриваемое нами время распространенія раскола, въ помощникахъ и покровителяхъ раскольниковъ не было недостатка во всѣхъ сословіяхъ православныхъ. «Мнози суть, — жаловался преосвященный Питиримъ нижегородскій, обращаясь съ бесѣдою къ раскольникамъ, — мнози суть, иже вами противниками прельщеніи въ домы своя васъ пріемлютъ и радоватися вамъ глаголютъ и тако всѣмъ вашимъ злымъ дѣломъ пріобщаются. Иніи же не разсужіи неточію въ

1) Тамъ же, т. VI, стр. 342.
2) П. С. З. т. V, стр. 458.
3) Тамъ же, № 3232.

домы своя пріемлютъ и радоватися глаголютъ, но и укрываютъ и с
ваютъ отъ имѣній своихъ. Не диво убо сіе о онѣхъ, тако творящих
вашему злому ученію неразумнѣ вняша и послѣдуютъ: но сіе н
насъ удивляетъ, яко иже суть сынове святыя Восточныя и Вели
сійскія Церкве ученію вашему злому не вникаютъ и вамъ не послѣд
но точію сквернаго ради своего прибытка помогаютъ вамъ, защища
укрываютъ васъ безумнѣ: и весьма таковы объюродѣвше (ихъ же
очеси ослѣпишася златомъ, сребромъ и различныхъ вещей дароноше
спомогатели безумніи сообщаются всѣмъ вашимъ дѣломъ злымъ [1]). М
«всякихъ чиновъ люди, какъ видно изъ указныхъ статей о раскольни
держали у себя раскольниковъ, творя къ нимъ милость, а сами пр
наго ихъ ученія не держались, а вѣдая про нихъ не извѣщали, и ви
нихъ раскольство и церковную противность, не поимали и не приво
или отъ того съ нихъ имали взятки какіе, или нѣкоторые приходил
нихъ провѣдывать или приносить питье или яству, или приносил
кого какія либо письма подсылкою, а по розыску въ томъ, что они
прелестнаго ученія не держались, очищались» [2]). При такомъ укрыва
ствѣ и потворствѣ, какимъ пользовались раскольники отъ самихъ п
славныхъ, очевидно, расколъ по необходимости долженъ былъ весьма
литься и умножиться.

Говоря о корыстномъ потворствѣ раскольникамъ областнаго на
ства и помѣщиковъ, не можемъ умолчать и о томъ, какъ часто укры
раскольниковъ переписчики при производствѣ народныхъ переп
Тутъ помѣщики и областные управители также участвовали. Не гово
уже о подворныхъ переписяхъ второй половины XVII вѣка, какъ тогд
мѣщики и писцы, подкупаемые ими, утаивали при переписяхъ
жество народа въ томъ числѣ и раскольниковъ [3]). При Петрѣ Велик
когда введена была правильная система переписей, ревизія душъ,
женствовавшая сообщать Правительству подробныя и точныя свѣд
о числѣ и движеніи народонаселенія, и при Петрѣ Великомъ народ
переписи производились, однакожъ, въ высшей степени неисправно. Во-
выхъ, производились онѣ чрезвычайно медленно, такъ что много на
могло уклоняться отъ переписи въ самый промежутокъ времени, к
производилась перепись. Далѣе, ревизскія сказки долго не представля
правительству. «Указныхъ сказокъ о душахъ мужескаго пола, жал
лось правительство въ 1719 году,—не токмо по первосостоявшемуся п
ному Его Царскаго Величества и печатными листами еще въ Ген
сего настоящаго года публикованному во всѣхъ губерніяхъ указу
потомъ и по третямъ въ Апрѣлѣ, въ Сентябрѣ и Ноябрѣ мѣсяцахъ пос
нымъ въ подтвержденіе указамъ (въ которыхъ, а именно въ двухъ по
днихъ, это съ такимъ прещеніемъ объявлено, ежели вскорѣ оныя въ Са
петербургъ не будутъ присланы съ подъячими или особо съ тѣми, на

1) Пращица. л. 9, печ. 1725. Спб.
2) П. С. З. т. II, стр. 650.
3) См. напр. А. Э. IV. № 14, 21. П. С. З. т. II. № 847, 1073, 1175 и др.

дѣло положено, которыхъ велѣно выслать и за карауломъ, то взыскано детъ яко на преступникахъ жестоко, по Его Царскаго Величества указу), накожъ и за такимъ прещеніемъ ни откуда присылки нѣтъ и по сіе емя, кромѣ что изъ немногихъ мѣстъ присланы, и то явились больше исправные; а въ такое великое время, котораго отъ Генваря по нынѣній Декабрь мѣсяцъ прошло уже 10 мѣсяцевъ и взятіемъ, присылкою отдачею помянутыхъ сказокъ въ Санктпетербургъ бригадиру Зотову, вно уже бы исправитися было можно каждой губерніи, заблаговременно, того во оныхъ не сдѣлано, и толикое время отъ управителей губернихъ упущено, оставя въ презрѣніи Царскіе указы» [1]). И тѣ вѣдомости, акія на первый разъ были представлены, оказались весьма неполными, ь большими пропусками и утайкой. Именнымъ указомъ 1720 г. въ Февралѣ ѣсяцѣ предписано было собрать дополнительные сказки и выслать ь Санктпетербургъ къ бригадиру Зотову къ 20 Іюля того же года, о чемъ о срока еще неоднократно было подтверждаемо: въ то же время велѣно ыло къ тѣмъ пополнительнымъ сказкамъ присовокупить особыя росписки попахъ и діаконахъ. «А по поданнымъ въ сенатъ онаго бригадира Зотова оношеніямъ явилось, что тѣхъ пополнительныхъ уѣздныхъ и градскихъ азокъ изъ многихъ городовъ и понынѣ не прислано, а именно градскихъ» [2]). ереписчики брали взятки, и большое число людей исключили изъ перееси. Такъ напр. читаемъ въ именномъ указѣ, объявленномъ отъ Сената тября 16, 1720 года о розыскѣ по дѣламъ объ утайкѣ душъ въ ревизихъ сказкахъ: «понеже Его Царскаго Величества публикованными народѣ въ прошломъ 1719 и въ нынѣшнемъ 1720 годахъ указами повено, въ губерніяхъ и провинціяхъ брать сказки о дворцовыхъ, патріарихъ и архіерейскихъ и монастырскихъ и помѣщиковыхъ и вотчиникохъ крестьянахъ и о всѣхъ подданныхъ ихъ, которые живутъ въ деревкъ, и о прочихъ, безъ всякой утайки, съ такимъ подтвержденіемъ, что ели отъ кого въ томъ какая утайка явится: то за тое утайку учинена детъ прикащикамъ и старостамъ и выборнымъ смертная казнь, и отнятіе го, что утаено будетъ, а прочіе жестокіе штрафы... однакожъ, не смотря помянутыя сказанныя казни и штрафы, чрезъ нѣкоторыя доношенія лась въ тѣхъ сказкахъ утайка» [3]). «Нынѣ, — сказано въ докладныхъ ктахъ генералъ-маіора Чернышева, поданныхъ Царю въ Генварѣ 1723 а.—нынѣ при свидѣтельствѣ являются изъ гражданскихъ чиновъ такіе, орые посланы были изъ городовъ отъ воеводъ для взятія пополнительхъ о душахъ мужескаго пола доношеній, и по согласіи въ вотчинахъ попами и старостами, утайку чинить велѣли сами, и за то брали взятки, чемъ по разспросамъ и винились» [4]). Особенно помѣщики скрывали отъ еписи многихъ своихъ крестьянъ [5]). Въ именномъ указѣ 1723 года

[1]) П. С. З. т. V, № 3460.
[2]) П. С. З. т. IV, № 3707.
[3]) П. С. З. т. VI, № 3660.
[4]) Тамъ же, т. VI, №№ 4145 и 4520.
[5]) — т. VII, № 4267.

Ноября 5 сказано, что въ прежнихъ сказкахъ оказались «многія приписн
и утаенныя души, которыя помѣщики умышленно сами таили и прика
камъ и старостамъ своимъ велѣли утаивать, и неточію такихъ прописн
и утаенныхъ и на указные сроки не объявляли, но и отъ нынѣшняго
генералитета и штабъ-офицеровъ свидѣтельства укрывали» [1]). Въ Ниж
родской губерніи помѣщики «сказки сами сочиня, подавали, и въ т
сказкахъ своихъ и свойственниковъ крестьянъ таили, а подателями пис
заочно, тѣхъ свойственниковъ своихъ и съ крестьянъ, а не сами с
и не своихъ крестьянъ» [2]). Вообще, утайка душъ при переписяхъ прои
дилась въ огромныхъ размѣрахъ. Изъ указа 15 Марта 1721 года ви
что число прописныхъ превышало 20,000 душъ.—При такомъ укрыват
ствѣ, допускавшемся производителями народной переписи, очевидно, р
кольники весьма легко могли укрываться отъ взоровъ правительс
и въ тайнѣ все болѣе и болѣе умножались. И они всѣхъ болѣе подкуп
переписчиковъ, чтобы совершенно выключиться изъ списка православн
и избѣжать подушной переписи и податей. Не даромъ переписчики, ко
рымъ правительство поручило переписывать въ разныхъ мѣстахъ раск
никовъ, весьма долго не представляли переписныхъ вѣдомостей о раск
никахъ, или если представляли, то съ большими пропусками и утайк
Такъ напр. въ 1715 г. Петръ Великій жаловался на переписчиковъ, ко
рымъ поручено было переписать раскольниковъ, какъ свѣтскихъ, т
и чернецовъ и черницъ: «въ прошломъ 1714 году, въ Февралѣ мѣс
посланъ къ вамъ указъ, дабы раскольщиковъ, какъ мужеска пола, т
и женска, переписать, и переписавъ положить на нихъ окладъ прот
настоящего платежа (почему купечество съ посадовъ, а крестьяне съ тягл
своихъ жеребьевъ платятъ); вдвое а которые по описи явятся вд
а прежде сего податей никакихъ не платили, тѣхъ обложить примѣня
къ тому жъ, а женска пола вдвое и дѣвокъ противъ онаго вполы, а
по тому указу учинено, о томъ не пишете» [3]). Въ половинѣ XVIII в
по донесенію поручика Халкидонскаго, — «управитель стародубскихъ р
кольническихъ слободъ, ассессоръ Морозовъ, находясь 8 лѣтъ въ раск
ническихъ слободахъ, въ ревизіи не написалъ многое множество раск
никовъ, для своего собственнаго прибытка» [4]). По причинѣ утайки с
рообрядцевъ при переписяхъ, много было раскольниковъ потаенныхъ, о
божденныхъ отъ платежа податей и вовсе невѣдомыхъ раскольничес
конторѣ [5]). Такіе раскольники, вовсе невѣдомые Правительству, въ та
распространяли свое ученіе.

Въ заключеніе замѣтимъ, что самыя гражданскія мѣры прот
раскола, какія употреблялись во второй половинѣ XVII и въ первой п
винѣ XVIII вѣка, не столько уничтожали расколъ, сколько иногда

---

1) П. С. З. т. VI, № 4343.
2) — № 4707.
3) П. С. З. т. V, № 2996.
4) П. С. З. т. XV, № 11,205.
5) Тамъ же, т. VIII, № 6149, п. II.

болѣе способствовали его усиленію и распространенію. Жестокія преслѣдованія и гоненія только вынуждали раскольниковъ на самосожженіе. Такъ напр. въ 1760 г. въ оренбургской губерніи, въ исетскомъ острогѣ, въ деревнѣ Кузиной сгорѣло ихъ 150 душъ. А почему? Предъ самосожженіемъ раскольники прямо говорили: «что де предаютъ себя сгорѣнію отъ присылаемыхъ командъ грабительства и разорѣнія, для того, что де многіе между раскольниками безвинные взяты въ Тобольскъ, и въ заключеніи претерпѣваютъ голодъ и мученіе, и никому де свободы нѣтъ, при которомъ де сгорѣніи собравшись многіе обыватели и во многихъ мѣстахъ сгорѣнію себя приведутъ; а между тѣмъ де дошло извѣстіе, что изъ Тобольска паки слѣдуетъ команда не малая, человѣкъ до 100, и ежели де паче чаянія какая команда туда пришлется, то де и спору, чтобъ въ руки не даться, учинить не кѣмъ, ибо де крестьяне и разночинцы всѣ стоятъ въ великомъ страхѣ и многіе домы учинились послѣ того сгорѣнія пустые» и проч. [1]). Не говоря о жестокихъ гражданскихъ казняхъ, которымъ подвергали раскольниковъ, и которыя только сильнѣе раздражали, озлобляли, ожесточали ихъ, и тѣмъ еще болѣе усиливали оппозицію раскола,—самая ссылка раскольниковъ не мало способствовала распространенію раскола. Въ самомъ началѣ, какъ только открылся расколъ, Царь Алексѣй Михайловичъ «многихъ раскольниковъ послалъ во оземствованіе и въ темницы заточи» [2]). Многіе изъ этихъ сосланныхъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, въ мѣстахъ ссылки и заточенія, какъ извѣстно, были первыми расколоучителями. Многіе раскольники ссылаемы и заточаемы были въ монастыри: и здѣсь они, какъ сказано въ актахъ, притворствомъ и лукавымъ ухищреніемъ выманивались, и уходя изъ монастырей въ иныя мѣста, чинили противность горше перваго [3]). Въ 1683, въ 1702 году сосланы были зараженные расколомъ стрѣльцы въ Южную Россію и на Яикъ: отъ нихъ здѣсь заразились расколомъ донскіе и яицкіе казаки [4]). А ссылка раскольниковъ въ Сибирь такъ много способствовала распространенію раскола въ этой странѣ, что въ 1722 году Петръ Великій по этому поводу и по ходатайству епископа нижегородскаго Питирима, издалъ указъ о прекращеніи ссылки раскольниковъ въ Сибирь и о посылкѣ ихъ, вмѣсто Сибири, въ Рогервикъ на вѣчную работу [5]). По силѣ этого указа, тогда же назадъ возвращены были отправленные въ Сибирь съ капитаномъ Сверчковымъ раскольники, между которыми находился тогда «злой раскольникъ и учитель» Василій Власовъ. «И впредь, сказано было въ указѣ, раскольниковъ въ Сибирь не посылать: ибо тамъ и безъ нихъ раскольниковъ много, а велите ихъ посылать въ Рогервикъ, гдѣ дѣлаютъ новый гаванъ». По той же причинѣ Правительство признало неумѣстною ссылку или переселеніе въ южнорусскую Украйну. «На Украйнѣ при украинской линіи раскольниковъ

[1]) П С. З. т. XV. № 11,277.
[2]) Предислов. къ увѣщ: дух. л. 360 об.
[3]) А. И. т. IV, № 284.
[4]) Чтен. моск. общ. истор. кн. 4, стр. 81.
[5]) П. С. З. т. VI, № 4109.

селить не разсуждается, — сказано въ Высочайше утвержденномъ доклад
Сената (1737), — для того, что около тѣхъ мѣстъ находятся казаки дон-
скихъ городковъ, изъ которыхъ многіе склонны къ расколу, отъ чего
опасно, дабы тѣ вновь поселившіеся раскольники не могли тыхъ казаков
паче въ расколъ привести, или и за границу перейти, сему явной примѣръ,
что многіе изъ раскола великимъ числомъ людей ушедъ въ турецку
границу, живутъ тамъ и понынѣ другимъ въ пристанище служатъ» [1].

[1] П. С. З. т. IX, № 6802, стр. 574.

Земство и расколъ [1]

I

Земская рознь великорусскихъ областныхъ общинъ, въ смутное время, согласію всѣхъ мѣстныхъ земскихъ совѣтовъ, кончилась общимъ рѣше-емъ ихъ — *быть въ любви, въ совѣтѣ и въ соединеніи*; кончилась, слѣдова-льно, земско-областной федераціей. Результатомъ федераціи областей и аимнаго согласія всѣхъ областныхъ земскихъ совѣтовъ былъ *сборъ всей мли, сходъ всѣхъ городовъ* подъ Москву. Вѣнцомъ, результатомъ общаго гласія всѣхъ областныхъ земскихъ совѣтовъ, схода всѣхъ городовъ, ора всей земли подъ Москву, былъ *совѣтъ всей земли, земскій соборъ* 13 года. На этомъ соборѣ избранъ былъ царь *всею землею, по записи, кова уложена была по совѣту всей земли*. «И возрадовались — по словамъ сударственной книги о земскомъ соборѣ 1613 года — и возрадовались якихъ чиновъ люди московскаго государства, и выборные, и не выбор-ые, всѣ земскіе люди, отъ мала до велика, что у всѣхъ Богъ вложилъ сердца одну мысль».

Къ прискорбію народному, недолго продолжалась эта радость земская. резъ пять лѣтъ обнаружилась *скорбь конечная*. Общинно-областной чело-тный голосъ народный скоро дошелъ до слуха новоизбраннаго царя и будилъ его, въ 1619 году, созвать соборъ для обсужденія различныхъ просовъ *о земскомъ устроеньи и о многихъ статьяхъ, чтобъ въ государствѣ огія статьи поправить къ покою и къ строенью людямъ*. На этомъ соборѣ мъ царь изобразилъ печальное состояніе народа въ такомъ видѣ: «Судь-ми божіими, а за грѣхъ всего православнаго крестьянства, московское сударство разорилось и запустѣло; а подати всякія и подмоги ямскимъ отникамъ берутъ съ однихъ по писцовымъ книгамъ: однимъ тяжело, а угимъ легко; а дозорщики, которые послѣ московскаго разоренья по-аны были по городамъ, дозирали и писали по дружбѣ, за иными легко, за другими, по недружбѣ, тяжело. *И отъ того всякимъ людямъ москов-го государства скорбь конечная*... Изъ нѣкоторыхъ заукрайныхъ городовъ

[1] Напечатано отдѣльною брошюрой подъ такимъ же заглавіемъ. Спб. 1862, in-16, 162. Цензурное дозволеніе отъ 10 октября 1862 г.

посадскіе и всякіе люди бьютъ челомъ о льготѣ; а иные многі
бьютъ челомъ на бояръ и всякихъ чиновъ людей въ насильств
обидахъ, чтобъ ихъ пожаловать велѣть отъ сильныхъ людей обор
Такимъ образомъ, тяглые земскіе люди, на первой же порѣ, послѣ
нія царя, почувствовали скорбь и тяготу отъ тягла *государевой казн*
злоупотребленій государевыхъ чиновниковъ, писцовъ и дозорщиков
насилія бояръ. На первой же порѣ они подали и голосъ свой объ
Мощь, энергія юной, кипучей, свободной жизни народа не терпѣла
лія, произвола и сдержки. А избраніе царя волей народа, всею земл
записи совѣта всей земли, жизненная народная потребность новаı
диненно-областнаго *земскаго строенья*, на свободныхъ, излюбленны
мымъ народомъ началахъ любви, совѣта и соединенія, естест
жизнью народною требуемое и выработанное, право на мѣстные
совѣты и на общіе земскіе соборы, наконецъ изстаринное, жизнен
родное право общинно-областной земской челобитной гласности
правительствомъ — все это, естественно, неотъемлемо уполномо
областныя общины смѣло вопіять къ избранному народомъ царю,
стовать противъ произвола, насилія и стѣсненій; представлять разл
интересы и потребности мѣстной областной жизни; сообщать мѣс
ластные, жизненно-народные матеріалы для законодательства; по
мѣстно-областные совѣты общему земскому совѣту и царю; требов
живые, свободные, прямые вопросы жизни прямыхъ, свободныхъ, ж
отвѣтовъ царя, правительства.

И вотъ, областныя общины, втеченіи всего XVII столѣтія, неу
и смѣло вопіяли къ царю въ своихъ общинныхъ, земскихъ челоби
Смѣло и неумолчно высказывали онѣ всѣ разнообразныя, земско-обл
неустройства, разладицы свободы земства съ приказнымъ произв
свободы земскихъ *животовъ и промысловъ съ запросами и прибылью*
ревой казны, льготы съ тягломъ, свободы торговли съ таможенны
рами и заставами, и проч. Всѣ великорусскія областныя общины
старинному, выработанному общинною жизнью принципу земско-обл
общинной гласности и требовательности, смѣло и откровенно выска
въ своихъ земскихъ, общинныхъ челобитныхъ всѣ неудовольствія
данія, протестаціи, нужды и просьбы, сообщали правительству
жизненные матеріалы для земскаго строенія. По временамъ, голо
ства смѣло раздавался и на земскихъ соборахъ.

При обиліи и разнообразіи вопросовъ новаго соединенно-обл
земскаго строенія, и самыя земско-областныя челобитныя были
безчисленны и повсемѣстны, и вопросы, ими поднимаемые, чрезв
разнообразны, какъ разнообразны были мѣстныя особенности и ин
областныхъ общинъ. Повсюду, въ областяхъ, волостные и городскіе
тогда еще жившіе земско-общинною жизнію, по изстаринной ко
ціонной связи, по нераздѣльности и свободной выборности городско
сельскаго поселенія и промысла, по общинности и тожественности
интересовъ — повсюду, говоримъ, въ областяхъ, городскіе и вол
люди, посадскіе и крестьяне, вмѣстѣ сходились на земскіе совѣ

а. Здѣсь они составляли общинно-областныя челобитныя, выбирали ленныхъ, довѣренныхъ ходоковъ *во всѣхъ мѣсто*, и посылали ихъ съ итными въ Москву, къ царю. Акты XVII вѣка наполнены этими нно-областными челобитными, такъ же, какъ ими наполнены были вскіе приказы и въ особенности, нарочно для того устроенный въ вѣкѣ *Челобитный Приказъ*. И сколько въ этихъ земскихъ челобит- высказалось энергіи народной жизни, смѣлой протестаціи и требо- ьности, жизненной правды и прямоты народной думы, наконецъ, тической способности областныхъ общинъ къ представительству ъ мѣстныхъ нуждъ и интересовъ, къ подачѣ практическихъ, жиз- ыхъ совѣтовъ правительству въ дѣлѣ земскаго устроенія. Вотъ, на- ѣръ, ямскіе охотники, поселившіеся отъ Перми до Верхотурья, для вленія государственной ямской гоньбы, для перевозки припасовъ, нистовъ и приказныхъ людей въ Сибирь, безпрестанно шлютъ къ челобитныя *во всѣхъ мѣсто*. Они сильно протестуютъ противъ не- льнаго распредѣленія ямовъ, пространства ямскихъ разгоновъ, про- несообразности ихъ съ мѣстными топографическими условіями, венно выставляютъ правительству на видъ его несообразительность ѣстными областными условіями и даже совершенное незнаніе этихъ ныхъ особенностей; раскрываютъ правительству, какъ лучше, удобнѣе, азнѣе съ мѣстностью устроить отправленіе ямской гоньбы; чрезвы- изобразительно описываютъ неисправность, неудобства дорогъ и въ, жалуются на крайнюю обременительность и разорительность для ямской гоньбы, вопіютъ, что она «не въ мочь имъ и ихъ лошадямъ, ыя на дорогахъ издыхаютъ», что просто, имъ остается только *брести* . Вотъ, земскіе люди древней вольной новгородской колоніи, земли кой, шлютъ въ Москву съ земско-областной челобитной мірскихъ льщиковъ *«во всѣхъ вѣжанъ* — шенкурской, кокшенской, подвинской и важской чети — *крестьянъ мѣсто»*. Жалуются, протестуютъ они про- того, что царскіе приказчики и ихъ тіуны завели у нихъ на Вагѣ да небывалую прежде пошлину, не даютъ имъ свободно ѣздить въ огоры съ хлѣбомъ, сермяжными сукнами, съ овчинами и съ масломъ, адъ не даютъ свободнаго проѣзда съ солью, — берутъ съ нихъ, съ съ скотины и со всѣхъ товаровъ пошлину на Вагѣ, во всѣхъ ртяхъ и по волостямъ, и оттого-де у нихъ и промыслы стали; никто, ъ, ни откуда, ни съ какими товарами къ нимъ не ѣдетъ, и имъ тся только всѣмъ *брести врозь*. А тамъ, другія областныя общины ъ къ царю челобитныя на воеводъ и приказныхъ людей, прямо про- отъ противъ приказнаго управленія, во имя земскаго самоуправленія осуда. Они, сожалѣя о старинномъ правѣ излюбленнаго самоуправле- ребуя возстановить его, пишутъ царю, что у нихъ, въ областяхъ, сковскаго разоренья, приказныхъ людей не бывало, а судили ихъ е выборные судьи, и жалуются, что съ тѣхъ поръ, какъ стали у быть приказные люди, имъ отъ тѣхъ приказчиковъ причиняются е налоги, убытки, въ посулахъ и кормахъ продажи страшныя — и ѣхъ посуловъ, налоговъ и насильствъ отъ приказныхъ людей они,

посадскіе и крестьяне, оскудѣли, не имѣютъ чѣмъ платить царски
датей и *хотятъ брести врозь*. Областныя общины готовы были еж
платить казнѣ откупу отъ приказныхъ властей рублей по 1,000 и
только требовали, чтобъ царь освободилъ ихъ отъ приказнаго нача
и предоставилъ имъ право излюбленнаго мірскаго выборнаго самоуп
нія и самосуда. А вотъ еще областныя общины шлютъ челобитны
царю, протестуютъ противъ приказно-правительственной писцовой о
или приписи одной мѣстной общины къ другой, для совокупнаго
вленія государственныхъ податей и повинностей, требуютъ земско
риторіальной и мірской, общинной особности и самораспорядитель
мірскими розметами и розрубами; выставляютъ правительству на
мѣстную географическую несообразность, неестественность, неудо
писцовой отписи или приписи; жалуются, что такая насильственна
пись или отпись нарушала изстаринный, естественно-историческій
ненно-народный колонизаціонный строй областной общины, и т.
безчисленное множество подобныхъ общинно-областныхъ челоби
оглашало слухъ царя въ XVII вѣкѣ. Всего же чаще, общинныя обла
челобитныя были протестаціей земства противъ воеводъ и другихъ
казныхъ властей, и воплемъ мѣстныхъ хозяйственныхъ интересовъ и
противъ централизующей, всепоглощающей прибыли государевой
Вопіяли, вопіяли такимъ образомъ земскія общины, и въ концѣ к
своей челобитной, какъ-бы стращая государя, прибавляли: «и оттог
скіе люди *обнищали и оскудали до конца, домы свои бросаютъ и б
врознь»*.

Вопія разнообразными областными челобитными, земскія общи
временамъ,—какъ мы сказали,—выражали свои протестаціи и треб
на земскихъ соборахъ. Такъ на земскомъ соборѣ 1642 года, выборны
нихъ громко, сильно вопіяли противъ приказныхъ царскихъ дьяков
богатѣвшихъ на счетъ посуловъ, взятокъ съ народа, построивши
счетъ жалованныхъ имъ земель и деревень «палаты каменныя таки
неудобь сказаемыя»; вопіяли противъ *лежачей домовой казны* патріа
митрополитовъ, архіереевъ и монастырей; вопіяли противъ царскихъ
ровыхъ приказчиковъ, разбогатѣвшихъ, въ ущербъ тяглымъ людям
жалованныхъ вотчинъ, отъ приказныхъ службъ, отъ разныхъ по
съ народа; вопіяли противъ всѣхъ привилегированныхъ чиновъ, ра
тѣвшихъ и *отяжелѣвшихъ* отъ богатства, на счетъ жалованныхъ и
мель и крестьянскихъ деревень. Вопіяли общинно-областные выборн
земскомъ соборѣ противъ всѣхъ этихъ жалованныхъ привилегирова
властей и чиновъ, и требовали, чтобы и на нихъ на всѣхъ нало
были государственные сборы, наравнѣ съ тяглымъ земствомъ.
земскіе выборные вопіяли на соборѣ и противъ безпрестанныхъ и ра
приказныхъ службъ городовыхъ, отвлекавшихъ торговыхъ и промы
ныхъ людей отъ торговъ и промысловъ; вопіяли противъ разныхъ
менительныхъ сборовъ и повинностей, противъ разныхъ казенныхъ
и дѣлъ, и почти отказывались отъ новыхъ ратныхъ сборовъ; вопія
тивъ безотчетнаго употребленія и расточенія на мѣстѣ народныхъ н

сборовъ, и требовали мѣстнаго контроля надъ казной выборными отъ тяглыхъ земскихъ людей.

Наконецъ, особенно сильно вопіяли на соборѣ гости всѣхъ сотень и торговые люди всѣхъ городовъ противъ воеводскаго управленія въ городахъ, противъ ихъ вреднаго вмѣшательства въ дѣла торговли и промысловъ; прямо говорили царю: «а въ городахъ всякіе люди обнищали и оскудали до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ; а торговые люди, которые ѣздятъ по городамъ для своихъ торговыхъ промысловъ, отъ ихъ же воеводскаго задержанья и насильства въ проѣздахъ, торговъ своихъ отбыли». Протестуя противъ воеводъ, выборные отъ городовъ напоминали царю про свое прежнее городовое право самоуправленія и самосуда, говорили: «а при прежнихъ государяхъ, въ городахъ вѣдали губные старосты; а посадскіе люди судилися сами промежъ себя, а воеводъ въ городахъ не было». Вопіяли, вопіяли такимъ образомъ на земскомъ соборѣ тяглые земскіе люди, и въ заключеніе своихъ рѣчей, опять говорили вслухъ царя: «и отъ тѣхъ твоихъ государевыхъ безпрестанныхъ службъ и сборовъ всякіе тяглые люди *оскудѣли и обнищали* до конца, и отъ той большой бѣдности многіе тяглые люди *разбрелися розно, и дворишки свои бросаютъ*». И дѣйствительно, во второй половинѣ XVII вѣка, бѣглыхъ, гулящихъ людей, избылыхъ отъ тягла, бродившихъ врознь, обнищалыхъ, оскудѣлыхъ до конца въ великорусской землѣ стало множество. Акты этого времени наполнены грамотами *о сыскѣ бѣглыхъ*, также какъ ими наполнены были и Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ и Приказъ Разбойный.

На земскомъ соборѣ 1648 года выборные отъ областныхъ общинъ еще разъ подали царю земскую челобитную. Въ челобитной этой они сильно протестовали противъ экономическаго неравенства, розни между тяглыми и льготными классами земства; требовали равенства государственно-экономическихъ правъ для всего земства; требовали, чтобъ «всякіе торговые и промышленные люди — и владычни, и боярскіе, и княженецкіе, и кабацкіе откупщики — всѣ были въ тяглѣ и въ свободахъ или льготахъ *вмѣстѣ равно* съ тяглыми черными общинами, — чтобъ *во всемъ народѣ мятежа и розни не было*.

На вопль земскихъ общинно-областныхъ челобитныхъ, на голосъ земскихъ соборовъ вторили тоже и частные люди, помышлявшіе о земскомъ устроеніи, о недостаткахъ и потребностяхъ земства. И они заступались за права и потребности массы народной. Такъ напр., въ *Словѣ о правдѣ*, приписываемомъ духовнику царя Алексѣя Михайловича, протопопу Стефану Вонифатьеву, читаемъ: «Если царь нашъ - вѣрою правъ, то онъ долженъ тщательно изыскивать и разсматривать все, что относится къ общему благополучію всѣхъ его подданныхъ. Не о благѣ однихъ вельможъ пещись, но и о всѣхъ до самаго послѣдняго. *Ибо вельможи нужны; но они никогда не удовольствуются одними своими трудами. Прежде же всего нужны земледѣльцы:* отъ ихъ трудовъ производится хлѣбъ; *а хлѣбъ главизна всѣхъ благъ.* Земледѣльцы безпрестанно переносятъ различныя работныя бремена: то платятъ денежные оброки, то ямскіе сборы, то другое что-либо. А эти люди (вельможи), если когда бываютъ посланы за царскими сборами, то сверхъ

царскаго указа и себѣ много собираютъ съ земледѣльцевъ; также и тѣ, которые посылаются для прокорма коней; *на ямскіе расходы много серебра выходитъ*. Много также обиды бываетъ земледѣльцамъ и отъ того, что когда царскіе землемѣры-писаря ѣздятъ по своему землемѣрному дѣлу, то *отмѣриваютъ царскимъ воинамъ землю и всякому полагаютъ землю врозь*, и отъ того много медлятъ и много корму у крестьянъ съѣдаютъ. О многихъ царствахъ мы читали, а такого злоупотребленія не знаемъ. *Ямской порядокъ должно устроить весь подробно по росписанію — отъ города до города. И тѣмъ, которые въ городахъ торгуютъ, скупаюшъ и прикупами богатѣютъ, и имъ должно носить этотъ яремъ между всѣми городами*; ибо владѣютъ бо́льшими прибытками. *Кромѣ же этого ярма, никакимъ другимъ лишеніямъ да не подвергаются, но пусть во всѣхъ городахъ безъ всякихъ воздаяній покупаютъ и продаютъ*. Такимъ образомъ всякій *мятежъ земскій* умалится и *писаря уменьшатся, сборы сократятся и взятокъ не будетъ*» [1]). Извѣстно также, въ какомъ поучительномъ видѣ изобразилъ состояніе Московскаго государства Котошихинъ. Извѣстно, равнымъ образомъ, и замѣчательное политико-экономическое сочиненіе «О Московскомъ государствѣ» Юрія Крыжанича, въ которомъ онъ подробно изобразилъ недостатки и потребности всего земства — торговцевъ, посадскихъ и крестьянъ; смѣло говоритъ, между прочимъ, о *поправленіи тиранства и злаго владѣнія*; указываетъ средства для этого въ политической свободѣ, или, какъ онъ выражается, *въ слободинахъ*, то-есть въ льготахъ и вольностяхъ народныхъ; сильно нападаетъ на *лакомость* или *людодерство* приказнаго начальства, жившаго, — по его словамъ, — *отъ продаванія правды*, и проч.

И дѣйствительно, нельзя было не вопіять земскимъ людямъ въ XVII вѣкѣ, особенно со второй половины этого столѣтія. Московская централизація начинала сильно поглощать, сдавливать, стягивать областную жизнь. Повсюду въ областяхъ введено было воеводское управленіе, вмѣсто прежняго выборнаго самоуправленія и самосуда. Вольнонародная колонизація и свободное самоустройство городскихъ и сельскихъ общинъ окончательно замѣнились приказно-правительственной, преимущественно военно-стратегической колонизаціей, казеннымъ *городовымъ дѣломъ, указнымъ* устройствомъ городовъ, остроговъ, и т. п. Равноправное, свободное экономическое саморазвитіе земства сильно подрывалось несправедливымъ, вопіющимъ разъединеніемъ земства на тяглыя и льготныя общины; неравныя государственныя условія экономическаго состоянія общинъ и частныхъ людей порождали вопіющее экономическое неравенство въ народѣ: порождали множество *голутвенныхъ, обнищалыхъ, оскудѣлыхъ до конца людей* рядомъ съ *отяжелѣвшими* отъ богатства привилегированными людьми. Экономическіе интересы земства поглощались интересами и прибылью государевой казны; доходы народные стягивались тягломъ, податями, или тяглыми и разными сборами въ государеву казну. Сильно развивалась монополія казны, напр. въ кабацкихъ откупахъ, во многихъ промыслахъ, особенно

---

[1]) Та же цитата приведена въ рѣчи „Голосъ древней русской церкви“
В. С—въ.

ирскихъ и поморскихъ. Господствующимъ мотивомъ, принципомъ казны распоряженіи земскими доходами стало правило: *какъ бы государевой нѣ было прибыльнѣе.* Истязательность, запросливость казны доходила такого воззванія къ земскимъ людямъ: «хотя нынѣ промысловъ своихъ авьте, да дайте денегъ казнѣ». Народъ, недовольный кабацкими откуми и сборами въ пользу казны, переставалъ иногда пить царское вино, къ что кабацкіе головы и цѣловальники, по причинѣ малыхъ кабацхъ сборовъ, доносили царю: «а въ твоихъ, государь, царскихъ кабакахъ пуховъ мало»; а царь строго упрекалъ воеводъ за недостатокъ кабацкихъ оровъ въ такомъ, напримѣръ, тонѣ: «вамъ бы гдѣ искать передъ прежмъ прибыли, а вы кабаки хотите отставить, чего прежде не бывало». Началсь, дальше, сословно-записная, или сословно-разъединительная систематиція и разсортировка земства. Вольныя народоправныя *черныя волости*, къ нцу XVII вѣка, окончательно раздѣлены были на классы крестьянъ—помѣчьихъ, казенныхъ и дворовыхъ. Систематически совершалось сословное и зяйственно-бытовое раздѣленіе; различіе между горожанами и поселянами, жду городами и селами, между городскимъ торгово-ремесленнымъ и сельмъ земледѣльческимъ трудомъ. Крестьяне окончательно прикрѣплялись сельской государевой и помѣщичьей землѣ, посадскіе — къ посадской, одской землѣ. Крестьянамъ запрещалось имѣть осѣдлость въ городахъ, на адахъ, устраивать, покупать и нанимать лавки въ рядахъ, и позволяь только *наѣздомъ* продавать свои товары, съ возовъ и струговъ, на гиномъ дворѣ. Крестьянъ, свободно, самовольно селившихся въ городѣ, посадѣ, для промысла или торга, велѣно *свозить* въ деревни; посадхъ, свободно, самохотно селившихся въ селахъ и деревняхъ, велѣно *нить на посады*, кто гдѣ жилъ. Вмѣстѣ съ начаткомъ постояннаго, регунаго войска, начало организоваться и военное сословіе, солдатство. ѣдствіе признанія преступленіемъ прежняго свободнаго поставленія въ ы и дьяконы земскихъ людей, крестьянъ и даже рабовъ, вслѣдствіе огихъ указовъ ѳ ставленникахъ и «записныхъ книгъ новоставленнымъ амъ и дьяконамъ» совершалось сословное прикрѣпленіе духовенства церкви, систематическое отдѣленіе, обособленіе его отъ земства, какъ бой сословной касты. Вслѣдствіе раздѣленія земскаго и церковнаго иента духовенство теряло нравственную силу и вліяніе на земство, ственно падало; земство отдѣлялось, обособлялось отъ духовенства, давалось больше умственному и религіозному вліянію своихъ народъ грамотниковъ, чѣмъ попамъ [1]) и монахамъ. Наконецъ, образовалось бое сословіе служилаго и приказнаго городоваго дворянства. Бояре, и боярскіе и приказные люди въ приказныхъ службахъ и въ помѣхъ владычествовали надъ народомъ, обогащались на счетъ народа; рство стремилось пріобрѣсти перевѣсъ надъ земствомъ. Московскіе гные бояре дѣлались временщиками при дворѣ царя. «Царь молодой —

---

[1]) Срв. въ рѣчи „Голосъ древней русской церкви" замѣчаніе объ упадкѣ нравнаго вліянія духовенства XVIII вѣка. *В. С—въ.*

говорили тогда нѣкоторые земскіе люди — смотрѣлъ все изо рта б
Морозова и Милославскаго». Такимъ образомъ, *земское устроенье къ н
людямъ*, обѣщанное царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ на соборѣ 1619 г
не ладилось, или ладилось большею частью не въ духѣ земства. Про
шло даже раздѣленіе между *государевымъ*, *царственнымъ* и народнымъ,
скимъ дѣломъ,— раздѣленіе офиціальное, высказанное самимъ царемъ А
сѣемъ Михайловичемъ. Этотъ царь не далъ и той записи, какова учин
была по совѣту всей земли на земскомъ соборѣ 1613 года; по слов
Котошихина, «государство свое правилъ по своей волѣ, и того ради писа
самодержцемъ; въ его волѣ, чего хотѣлъ, то и могъ сдѣлать». Изд
«Уложеніе», онъ дозволилъ выборнымъ земскимъ, въ числѣ 315 челов
только выслушать его, да подписать. Въ «Уложеніи» (скажемъ слов
графа Завадовскаго) написаны были законы не для свободныхъ гражд
а для рабовъ; кнутъ, избранное орудіе во исправленіе судей и тяжущ
и ко извлеченію по дѣламъ истины, полагаемъ, былъ дѣйствительнѣй
принадлежностью суда. Для поддержанія суевѣрія установлены тамъ нелѣ
предписанія, и для праздныхъ людей и обитающихъ въ печальныхъ изу
ства убѣжищахъ, узаконены за учиненную ими самомалѣйшую обиду п
часто приводившія въ нищету неимущихъ и обогатившія отрекшихся
міра». Неудивительно послѣ этого, что до 160-ти человѣкъ протестов
противъ «Уложенія» и заточены были въ Соловецкій монастырь.

Вмѣсто *земскаго строенья*, въ духѣ народномъ, по волѣ, по общин
областнымъ, земскимъ челобитнымъ народнымъ, царь Алексѣй Михай
вичъ *всякія дѣла, великія и малыя* — по словамъ Котошихина, — *по с
мысли учинялъ, какъ хотѣлъ*; первый, больше всѣхъ своихъ предшеств
никовъ — московскихъ государей, сталъ вводить, какъ тогда говори
*иноземскія измѣненія, нѣмецкіе обычаи и поступки; нѣмецкіе чины ино
новны, нѣмцевъ и прочіе языки, яко благодѣевъ, принималъ и честію ве
почиталъ*. Это *учиненіе по мысли и волѣ* царя Алексѣя Михайловича, б
совѣта съ земскими думными людьми, вопреки естественно-историческ
жизненно - народнымъ, изстариннымъ началамъ *земскаго строенья*, —
учиненіе чиновъ и судовъ и обычаевъ иночиновныхъ, нѣмецкихъ, сил
возмущало земскихъ людей. Они не были врагами собственно-иностр
цевъ, европейцевъ; напротивъ, гости, торговые русскіе люди сами ѣзди
въ XVII вѣкѣ за границу, въ Голландію и Англію; немного спустя, да
между расколо-учителями были ученые иноземцы, хорошо знавшіе *люте
скую вѣру*, французскій и нѣмецкій языки. Но русскіе земскіе люди воз
щались этимъ *нѣмецкимъ учиненіемъ* русскаго *земскаго строенья*, не со
чинявшагося отвлеченно, а создававшагося жизнью всего народа, цѣлаго з
ства, своеобразно развивавшагося изъ духа народнаго. Вотъ почему,
по словамъ одного хронографа, — въ 1665 г. къ царю Алексѣю Михай
вичу приходилъ какой-то *мужъ мудрый* и совѣтовалъ ему «не вводить,
учинять въ гражданствѣ иноземскіе обычаи, чины и суды иночиновны»
«Что будетъ въ гражданствѣ?» спросилъ его царь. «Въ гражданствѣ,
отвѣчалъ *мужъ мудрый*: — будутъ тайныя похищенія скипетровъ люд
вельможныхъ будетъ постигать, какъ естественная, такъ и напрасная смер

Затѣмъ послѣдуютъ великія молвы, смущенія и *различныя постановленія уряду городскаго, послѣдуютъ ненавистныя, въ поношеніе и укоризну учиненныя, законоположенія, добрыхъ обычаевъ смущенія и мерзкихъ прозябенія.* А изъ-за этого, будутъ великія скопища, сходы многонародные *чувствительные.* Богъ да избавитъ, чтобъ не выскочило оттуда какое-нибудь зло опредѣленное. Тогда вельможамъ, боярамъ, начальникамъ пагубно будетъ; гдѣ будетъ судъ и правда, тамъ и бранямъ не будетъ конца! Подданные возстанутъ противъ правителей *за то, что сердца ихъ сильно опечалены и тоскою наполнены.* Хотя нѣкоторые вельможи и помыслятъ объ упокоеніи уставительномъ, и всяку жилу натянутъ, чѣмъ бы колеблимый народъ могъ успокоиться, но мало помогутъ. Притомъ, будутъ сборища, казна истощится, и мучители, которые сильно возсвирѣпѣютъ, погибнутъ».

Наконецъ, въ добавокъ къ общимъ мотивамъ недовольства, простой народъ отягощенъ и раздраженъ былъ, въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, повышеніемъ акцизной пошлины на самую жизненную потребность — на соль. Безсовѣстные чиновники, въ родѣ главнаго судьи въ Земскомъ приказѣ, Плещеева, и управляющаго Пушкарскимъ приказомъ, Траханіотова, страшно обижали и притѣсняли простой народъ до крайняго разоренья. Бояре задерживали народныя челобитныя. Въ приказахъ судныхъ не было правосудія, а къ царю простой народъ не допускали.

Все это вызывало громкій челобитный вопль земства, а за воплемъ — недовольство, раздраженіе и возстанія. Вопіяли, вопіяли, такимъ образомъ, земскіе люди и на земскихъ соборахъ, и въ общинно-областныхъ, земскихъ, и въ частныхъ челобитныхъ. Не услышали они жалованнаго слова; не получили успокоительнаго отвѣта на свои челобитныя; не получили правильнаго, цѣльнаго и прочнаго земскаго строенья. И вотъ, вслѣдствіе разъединенія, раздѣленія *государева и земскаго* дѣла, вслѣдствіе нестройности, неладности земскаго устроенья, — въ земствѣ произошелъ разладъ и расколъ. Начались народныя движенія, бунты, ознаменовавшіе царствованіе Алексѣя Михайловича и почти всю вторую половину XVII-го столѣтія. Весьма многіе земскіе люди съ этого времени часто «государеву указу и повелѣнію учинялись противны, и, преступя его крестное государево цѣлованье, про него, великаго государя, износили непристойныя рѣчи, чего и помыслить страшно, и его государевъ указъ ни въ чемъ не слушали...» А тамъ, далѣе, ужъ глухо слышалось страшное слово: «Антихристъ!»

Взбунтовались сначала въ Москвѣ земскіе люди *всею землею.* «1648 года мѣсяца мая въ 25-й день—сказано въ дворцовыхъ разрядахъ, — грѣхъ ради нашихъ учинилося междоусобство отъ земскихъ людей: просили у государя Земскаго приказа судью Леонтья Степановна сына Плещеева, и государь указалъ имъ Леонтья Плещеева по ихъ по прошенью отдать, и они междоусобствомъ учинялись быть въ непослушаньѣ, а Леонтья Плещеева убили, и Посольскаго приказа думнаго дьяка Назарья Чистаго убили, и домы ихъ разграбили, и иные многіе боярскіе домы, и стольниковъ, и гостиные разграбили. И на завтрея, мая въ 26-й день учинилась большая смута, и учали *всею землею* просить у государя убить окольничаго Петра Траханіотова. И Петра Траханіотова велѣлъ государь имъ отдать, и они на пло-

щади Петра казнили.» Разъяренный народъ останавливалъ самого государя на поѣздѣ, схватывалъ за узду его лошадь, держалъ царя за пуговицы, и кричалъ: «На кого же намъ надѣяться, какъ не на тебя, царь!» Отъ разъяренности массы, — по словамъ Котошихина, — «и царица, и царевичи, и царевны запершися сидѣли въ хоромѣхъ въ великомъ страху и боязни».

Вслѣдъ за московскимъ бунтомъ — бунтъ коломенскій, бунтъ въ Псковской землѣ, бунтъ въ Новгородской землѣ, бунтъ въ Устюгѣ, бунтъ въ Сольвычегодскѣ... Словомъ, *міръ весь закачался*, — какъ говорилъ тогда одинъ изъ бунтовщиковъ. Бунты произошли во многихъ городахъ. По словамъ одного акта, «учинилась на Москвѣ *и по городамъ* брань междоусобная, и донынѣ *по городамъ* мятежъ».

По географической раздѣльности областей, по разрозненности мотивовъ, разрозненные мѣстные бунты не могли объединиться въ одну общую оппозицію недовольнаго земства. Потому они скоро, одинъ за другимъ, были прекращены ... И, казалось, настало безмятежное, мирное время.

Въ это время, въ тиши, на московскомъ книгопечатномъ дворѣ, возникаетъ первый толкъ, первое согласье *раскола*.

Никто тогда не думалъ, не гадалъ, что это будетъ могучая, страшная общинная оппозиція податнаго земства, массы народной противъ всего государственнаго строя — церковнаго и гражданскаго. Никто тогда не думалъ, что этотъ расколъ возникъ для объединенія, для обобщенія всѣхъ бывшихъ дотолѣ и будущихъ разрозненныхъ мѣстно-областныхъ народныхъ движеній въ одно общее оппозиціонное согласіе недовольнаго земства, для обобщенія всѣхъ неудовлетворенныхъ, челобитныхъ воплей, желаній, стремленій, недовольствъ, антипатій, протестацій и вѣрованій массы народной въ одну оппозиціонную, *общинно-согласную*, церковно- и гражданско-народную доктрину, съ подраздѣленіемъ только на разные частные толки и согласія. Тогда многіе недовольны были только тѣмъ, что, напримѣръ, Никонъ исправилъ по *греческимъ* церковнымъ книгамъ своеобразныя *великорусскія* мѣстно-областныя разногласія, особенности въ славяно-русскихъ церковныхъ книгахъ и въ старинныхъ народныхъ религіозныхъ обычаяхъ. Равнымъ образомъ, многіе негодовали на то, что царь Алексѣй Михайловичъ вводитъ въ старинное великорусское земское строеніе — *иноземное, нѣмецкое учиненье, нѣмецкіе обычаи и чины*. Но никто тогда не зналъ, что съ тѣхъ поръ, со времени патріарха Никона и царя Алексѣя Михайловича, расколъ будетъ вѣковымъ отрицаньемъ греко-восточной, *никоніанской* церкви и государства, или имперіи Всероссійской, съ ея иноземскими нѣмецкими чинами и установленіями. Наконецъ, никто тогда не думалъ и не зналъ, что со времени раздѣленія *государева* и *земскаго дѣла*, расколъ возьметъ на себя *земское дѣло* продолжать, развивать, по мѣрѣ возможности, помимо *государева дѣла*, великорусское *земское строенье* новыхъ общинъ, согласій, сходовъ, совѣтовъ, соборовъ, по изстариннымъ своенароднымъ началамъ, путемъ новой колонизаціи, путемъ новой религіозной пропаганды.

А изъ малаго зерна началось развитіе раскола. Сначала небольшое согласье *великорусскихъ, московскихъ* протопоповъ и поповъ возбудило клерикально-іерархическое, *поповщинское* движеніе противъ *греко-кіевскаго* испра-

вленія старыхъ *великорусскихъ* церковныхъ книгъ и противъ суроваго, строгаго патріаршества Никона. Многіе попы, дьяконы, дьячки, особенно такъ называемые *тяглые*, съ радостью приняли новое *поповщинское* ученіе.

Вопросъ о старыхъ церковныхъ книгахъ, по которымъ народъ издревле учился грамотѣ въ своихъ земскихъ училищахъ, которыя предки завѣщевали дѣтямъ, скоро сталъ вопросомъ народнымъ, земскимъ. Это тѣмъ скорѣе, что изстари вопросы и дѣла церковныя на Руси считались столько же земскимъ дѣломъ, сколько и церковнымъ. Областныя общины, какъ, напримѣръ, въ смутное время, сами собою, по согласію своихъ земскихъ совѣтовъ, дѣлали религіозныя распоряженія, постановленія. Даже сельскія общины, *по мірскому уложенью,* сами собою устанавляли для себя религіозныя *заповѣди,* узаконенія; новгородско-поморскія общины, вмѣстѣ съ псковскою, особенно отличались этимъ общиннымъ земскимъ вмѣшательствомъ въ церковныя дѣла. На этомъ основаніи, и вопросъ, поднятый расколомъ, сталъ вопросомъ земскимъ. И тѣмъ болѣе онъ получилъ земское значеніе, что расколъ скоро представилъ передъ народомъ царя Алексѣя Михайловича—Антихристомъ; отвергъ «Уложеніе», по многимъ узаконеніямъ тяжкое для земства, и сталъ за изстаринные великорусскіе земскіе обычаи противъ иноземскихъ, нѣмецкихъ нововведеній. При томъ же, одинъ изъ сильныхъ расколоначальниковъ, духовникъ царя, протопопъ Стефанъ Вонифатьевъ,—какъ мы видѣли,—заступался за массу земства, за крестьянъ, защищалъ ихъ отъ вельможей, бояръ, писцовъ, ямскихъ сборовъ и расходовъ.

Проникнувъ въ массу земства, вопросъ, поднятый расколомъ, глубоко затронулъ грамотниковъ народныхъ. Начались *толки* грамотниковъ и стали появляться разные *толки* раскола, комбинируясь, обобщаясь въ согласья. Грамотниковъ этихъ, какъ своихъ народныхъ учителей, съ полной вѣрой слушалъ весь простой народъ: слушали земскіе люди, гости, купецкіе и посадскіе люди, крестьяне, стрѣльцы, казаки, и обращались въ согласія раскола. И сталъ расколъ, такимъ образомъ, *ученьемъ, толкомъ, согласіемъ* земскимъ, народнымъ, жизнью и исторіей массы народной. *Старина* религіозная и мірская, гражданская, была основой этого ученья.

Изъ Москвы, изъ столицы древняго *московскаго государства, царства,* расколъ быстро распространился по всѣмъ великорусскимъ областямъ и сталъ принимать *областное* направленіе и устройство. Онъ сталъ осѣдаться, установляться, путемъ новой колонизаціи пустынныхъ мѣстъ, лѣсовъ—въ новые областные скиты, общины *поморскія: стародубскія, донскія, керженскія, казанскія, сибирскія, саратовскія,* и т. д. по изстаринному обычаю, называя московскую раскольничью общину *Москвою.* Главнымъ центромъ и исходнымъ пунктомъ децентрализаціи, областности, мѣстнаго земско-общиннаго, религіознаго и гражданскаго саморазвитія раскола, была *Поморская область*— древняя колонія вольнаго Великаго-Новгорода, боярскихъ фамилій, боровшихся съ Москвою за областную свободу, колонія вольныхъ казаковъ и бобылей, средоточіе народоправныхъ *черныхъ волостей.* Въ ней возникло демократическое ученье — *не молиться за московскаго государя-царя.* Въ поэзіи поморскаго раскола изображается борьба Поморья съ Москвой.

Изъ московской клерикально-iерархической *поповщины*, прони въ массы земства, въ городскія и сельскія общины, сдѣлавшись, п поповъ, *безъ поповъ*, толкомъ грамотниковъ народныхъ, расколъ скоро *безпоповщиной*. И это направленіе онъ выразилъ опять прежде всего же, на сѣверѣ, въ Новгородско-поморской области, гдѣ давно стал являться безпоповщинскія ученія; гдѣ земскіе люди изстари привыкли *безъ поповъ*, ограничиваясь мірскою *часовенною* религіозностью; поче писцовыхъ книгахъ XVI и XVII вѣка постоянно означались *дворы* *пусты*. Притомъ, поморскія черныя волости изстари имѣли псковск городскую привычку къ мірскому общинному самораспоряженію ц ными дѣлами, и кромѣ того, съ XVI-го вѣка находились подъ влі протестантскихъ идей, шведскихъ перебѣжчиковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, лавшись великорусскимъ народнымъ ученьемъ, расколъ сталъ отрица *грецизма*, или того, что называется *византизмомъ*. Это потому, ч XV-го вѣка, со времени паденія Византіи, въ Великороссіи стали видѣть, гнать грековъ. Извѣстна печальная участь ученыхъ грековъ чиная отъ Максима Грека и до Арсенія Грека, противъ котораго моск расколоначальники особенно вооружились, такъ же, какъ и противъ *россійскихъ* кіевскихъ ученыхъ, такъ что въ имени Арсенія Грека, в съ именами Никона и царя Алексѣя Михайловича, находили число христово—666. По словамъ одного раскольничьяго сочиненія, про г въ половинѣ XVII-го вѣка даже простой народъ съ насмѣшкою гово что имъ же нужно учиться у русскихъ, а не учить русскихъ.

Съ того момента, какъ расколъ сталъ толкомъ, ученьемъ масс родной, во всѣхъ классахъ ея появились расколоучители. Богатые купецкіе и посадскіе люди, не только сами распространяли расколъ, своими капиталами поддерживали, усиливали и устроивали раскольн общины, согласья. Таковъ, напримѣръ, былъ великолуцкій купецъ И Дементьевъ, ученикъ главнаго расколоучителя псковскаго и новгород протопопа Варлаама. Разъѣзжая по торговымъ дѣламъ по Новгород краю, купецъ этотъ,—по словамъ Денисова,—«всебогатый, преизоби плодъ усугубилъ не въ тридесять токмо и шестьдесятъ, но и во ст зябаемый, яко и во градѣ, и въ селахъ, и въ весяхъ, и во предѣлахъ новгородскихъ нелѣпостно слово простираше. Откуду уб богато показа подвизаніе свое. Колики убо утверди въ древне-прав номъ стояти благочестіи! Колики научи новопреданныхъ блюстися до И не простіи токмо люди, но и честныя и благородныя персоны, и фа ныя и славныя лица въ древнемъ благочестіи всекрѣпко утверди б Таковъ точно былъ новгородскій купецъ Лаврентій, «иже—по сл Денисова—харчевыми припасами куплю дѣяше: аще и неученъ бяше гамъ, но книги въ дому имѣя, отовсюду собираше человѣки на к чтеніе и спасительныя о словесѣхъ божіихъ бесѣды». Таковъ же бы Олонцѣ богатый купецъ Александръ Гуттоевъ, «имѣніемъ—по сл Денисова—изобильный и многихъ утвердившій въ благочестіи, о слава о ревности онаго происхождаше». И множество, во всѣхъ гор явилось подобныхъ купецкихъ и посадскихъ людей-расколоучителей.

рестьяне, въ родѣ восхваляемыхъ Андреемъ Денисовымъ, Василья ына, изъ села Крестецкаго, Евсевія Простаго, каргопольскаго Леонтья ихъ, также «свободнымъ языкомъ похваляли древнюю вѣру, аще въ къ, аще на торжищахъ, во градѣ, въ селахъ, или гдѣ случалось, азглагольствовали, и прочихъ сосѣдовъ и окрестножителей всежела- и братолюбно, доброревностно научали новинъ и Никоновыхъ ново- ній весьма отбѣгать».

ошло до сельскихъ грамотниковъ сильно распространившееся тогда «яко бы по тысящѣ лѣтъ Римъ отпаде, яко же книга о вѣрѣ гла- а по 600 лѣтѣхъ Малая Русь отступи къ Риму, а по 60 лѣтѣхъ и я Русь превратися въ разныя нечестія и пестроты многи; послѣд- ступленіе третіяго Рима при Никонѣ подвижеся». И вотъ сельскіе, нскіе грамотники по своему взяли это мнѣніе въ толкъ, будто отпадала триста лѣтъ и, наконецъ, въ ихъ время, отпала». И стали мышлять свою, новую, русскую *крестьянскую* вѣру, такъ какъ и кая вѣра прежде въ актахъ часто называлась *крестьянскою вѣрою.* анства, въ его подлинномъ, полномъ ученіи, въ греко-восточныхъ іяхъ, крестьяне большею частью не знали, да и знать не могли, что они,—по словамъ псковскаго архіепископа Маркелла,—какъ зѣло простые», отъ временъ Владиміра и до XVII вѣка научились именамъ: Христосъ, Богородица, въ молитвахъ своихъ только и осили эти имена, и молились всякъ по своему разумѣнью, «елико умѣюще». Притомъ, самая большая часть великорусскаго народа е что иное, какъ крещеная, обрусѣлая Чудь, Финны; слѣдовательно, ловина крестьянскаго населенія еще менѣе могла познакомиться съ нствомъ по греко-россійскимъ церковнымъ книгамъ. По этимъ амъ, нѣкоторые изъ раскольниковъ при допросахъ на судѣ прямо лись: «прямаго-де христіанскаго ученья, какъ проповѣдуетъ восточ- ркові, и отъ рожденья своего они не слыхали». И вотъ, зная только иста, да слыша изъ апокрифическихъ народныхъ сказаній, будто съ иногда ходитъ по землѣ, является людямъ даже на поляхъ, рые крестьяне стали искать Христа, чтобъ онъ показалъ имъ себя

Сіяла вѣра много лѣтъ
И стала вѣра отпадать
И отпадала триста лѣтъ.
И изъ тѣхъ людей—были люди умные.
И, соединясь между собою тѣсно,
Послали людей на святое мѣсто.
И пришли тѣ люди
Подымать стали руки на небо,
Сзывать Бога съ неба на землю:
„Господи, Господи, явися намъ,
Въ крестѣ или въ образѣ
Было бъ чему намъ молиться и вѣрити“.
И бысть имъ гласъ изъ-за облака:
„Послушайте, вѣрные мои:
Сойду я къ вамъ, Богъ, съ неба на землю,

Изберу я плоть пречистую и облекусь въ нее,
Буду я по плоти человѣкъ, а по духу Богъ.
Приму я распятый крестъ,
Въ рученьки и въ ноженьки гвоздильницы желѣзныя,
Пролью слезы горючія.
Станете ли ко мнѣ въ темницы приходить,
И узы съ меня снимать,
Десятую денежку подавать?"

И вотъ, какъ легко въ XVII вѣкѣ демократизмъ массы *разыгрыв* *игрой* въ самозванцы-цари, такъ точно, простой крестьянинъ Владимір губерніи, Муромскаго уѣзда, Стародубской волости, Иванъ Тимоѳ Сусловъ, явился религіознымъ самозванцемъ, антропоморфически наз себя Господомъ-Христомъ. И съ тѣхъ поръ самозванцевъ-Христовъ яви нѣсколько.

Сошелъ Господь съ неба на землю
И рожденье ему было въ стародубской сторонѣ,
А житіе его было въ бѣлокаменной Москвѣ,
Спознали про него Іудеи на землѣ,
Предали его на муку, на страданье [1].

Нельзя видѣть въ этомъ религіозномъ самозванцѣ грубаго богох ства. Скорѣе тутъ выразился миѳологическій антропоморфизмъ. Въ время, когда вмѣстѣ съ прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ помѣщик и съ появленіемъ *иночиновныхъ званій, отличій и чиновъ*, съ усилен вельможества, *боярства*, личность крестьянина теряла свободу и стари юридическое равенство съ высшими городскими классами земс какое неотъемлемо принадлежало свободнымъ крестьянамъ до XV вѣка,—въ то время расколъ, во имя религіознаго и гражданскаго ха тера своего, возвышалъ личность крестьянъ. Расколъ прославлялъ, во личивалъ *простыхъ поселянъ, невѣждъ въ поселянахъ*, въ родѣ Ев Простаго; возводилъ ихъ въ святые, такъ же, какъ до XVII вѣка, крестьянъ, наравнѣ съ дѣтьми князей и бояръ, достигали самаго высо почета, прославлялись святыми, чего съ XVII, и особенно съ XVIII лѣтія, крестьяне не сподоблялись. Только расколъ возводилъ личн крестьянъ до апотеозы. Впослѣдствіи, когда личность крестьянская сп была подавлена, порабощена крѣпостнымъ правомъ, окончательно шено было старинное юридическое равенство крестьянъ съ высшими родскими классами земства; когда народныя ученія назывались *дурац* *расколомъ*, слово *мужикъ* и *дуракъ* стали синонимическими и образова поговорка: *мужикъ-дуракъ*; когда, вообще, простой народъ назывался *лымъ народомъ*—тогда это религіозное самозванство *христами-искупите* такъ называемыя *христовщины*, выражали не что иное, какъ миѳичес религіозно-антропоморфическую персонификацію крестьянскаго народо стія, миѳическое возвышеніе нравственнаго человѣческаго достоин

---

[1]) Сусловъ былъ пойманъ, для разспросовъ и пытокъ приведенъ въ Моск патріарху Никону и князю Одоевскому, и посаженъ въ тюрьму.

ьянской личности, миѳическое возведеніе ея до апотеозы. Эта мысль кена въ слѣдующемъ народномъ стихѣ:

Дураки вы, дураки,
Деревенски мужики.
Какъ и эти дураки,
Словно съ медомъ бураки;
Какъ и въ этихъ дуракахъ
Самъ Господь Богъ пребываетъ.

Расколъ затронулъ, возбудилъ своебразную, русскую простонародную зію и мыслительность. Вездѣ, по городамъ, селамъ и деревнямъ, на хъ, на торжищахъ, въ хоромахъ купецкихъ, въ избахъ крестьянскихъ толки *о послѣднемъ времени*. Словно наступала новая эпоха въ жизни, дьбѣ массъ. Сходились на пиръ, на бесѣду, и здѣсь толковали о днемъ времени. И было, впрочемъ, о чемъ толковать, когда началось ное гоненіе на расколъ.

Какъ у насъ было на семъ свѣту—во святой Руси,
Во славной матушкѣ—каменной Москвѣ,
Во мѣщанской третьей улицѣ,
Не два солнышка сокатилися—
Тутъ два гостя ликовалися:
Гость Данило Филиповичъ,
Гость Иванъ, сударь, Тимоѳеевичъ.
Въ одно они мѣсто съединилися,
Другъ другу они поклонилися.
Поклоняется Иванъ Тимоѳеевичъ
Дорогому гостю богатому,
Данилѣ Филиповичу:
„Ты добро, сударь, пожаловать
Въ мою царскую палатушку!
У меня все, сударь, приготовлено,
И столы, сударь, разставлены,
На столахъ скатерти накрытыя,
Изготовлены яствы сахарныя
Со пивами со медвяными.
Добро, сударь, пожаловать,
Хлѣба съ солью покушати!
И я радъ твоихъ глаголовъ слушати
Про твое время послѣднее
И про твой божій престрашный судъ“.

Начались гоненія на расколъ. Стали раскольниковъ вездѣ отъискиъ ловить.

И когда то времячко пришло,
То до праведныхъ дошло.
Стали праведныхъ ловить,
Въ города возить стали и ковать,
Вязать, въ земляны тюрьмы сажать,
Караулы приставлять.

Богатые гости, купцы не щадили денегъ на выкупъ своихъ е
мышленниковъ изъ тюремъ и изъ темницъ.

Ужъ какъ по морю, по морю, по синему морю,
По Хвалынскому и житейскому,
Плыли, выплывали гости корабельщики,
Изъ дальнихъ городовъ—израильскихъ родовъ.
Приплывали гости
Къ Ерусалиму граду—каменной Москвѣ,
Приходили они къ земляной тюрьмѣ:
„Ай вы, гой еси, караульщики!
Что это у васъ за темницы стоятъ?
Что въ темницахъ за невольники сидятъ?
Про что вы ихъ бьете, про что мучаете?
Что на нихъ пытаете, чего спрашиваете?“
Тутъ отвѣтъ держатъ караульщики:
„Ахъ вы, братцы, корабельщики!
Ихъ про вѣру бьютъ божью истинную,
На нихъ спрашиваютъ самого Бога Христа.“
Стали гости между собою оглядываться,
Выкупать стали, выручать,
И на волю выпущать.

Между тѣмъ, какъ въ земствѣ усиливался расколъ, то-есть отп
земскихъ людей, какъ тогда говорилось, *отъ государева московскаго го
ства,* и началась энергическая, рѣшительная борьба раскола съ силой
вительственной, на югѣ, въ степяхъ Донской Украйны, на Волгѣ, со
лись народные борцы—казаки и всѣ недовольные царствованіемъ Ал
Михайловича. Собирались всѣ тѣ *обнищалые, оскудѣлые до конца и р
дившіеся врознь люди,* которые такъ долго, неумолчно и напрасно во
въ своихъ земскихъ общинно-областныхъ челобитныхъ; противъ го
ственно-экономическаго неравенства земскихъ общинъ и людей. Собир
тѣ голутвенные, обнищалые люди, которые протестовали противъ и
чительной привилегированности и льготы отъ тягла однихъ богачей,
гатѣвшихъ отъ жалованныхъ имъ вотчинъ, на счетъ тяглаго зем
отяжелѣвшихъ богатствомъ многимъ отъ лежачей домовой казны,
строившихъ на посулы, на счетъ жалованныхъ крестьянскихъ дер
на счетъ служебнаго приказнаго кормленья, *каменныя палаты, так
неудобь сказаемыя.* Собрались всѣ эти *голутвенные люди* на Донскую Укр
выбрали атаманомъ Стеньку Разина, и пошли съ этимъ могучимъ пр
дителемъ вверхъ по Волгѣ, противъ Москвы. И стали они избивать кн
бояръ, воеводъ, всѣхъ приказныхъ людей, всѣхъ богачей, разжившихъ
счетъ льготъ и привилегій. Стенька Разинъ объявилъ массамъ: «Я не
быть царемъ, а иду только избить всѣхъ князей, бояръ, воеводъ и
казныхъ людей, и хочу сдѣлать васъ всѣхъ равными!»

Тутъ, въ бунтѣ Стеньки Разина, расколъ явился ужъ объедини
силой, душой движенія. Бунтъ Стеньки Разина былъ уже вмѣстѣ и
томъ раскола, первымъ явнымъ народнымъ движеніемъ его, такъ
донское казачество тогда уже обратилось въ раскольничью общину и

лю даже свои казачьи *рады*, *круги* до религіозной санкціи въ образѣ гіозныхъ *радъ* или *радѣній* и *святыхъ круговъ*. Въ честь своего вождя-ободителя отъ князей, бояръ, воеводъ и приказныхъ людей донскіе аки въ своемъ кругу воспѣвали пѣснь:

Ай у насъ на Дону
Самъ Спаситель во дому.
Ходитъ съ нами
Во святомъ онъ во кругу.

Взбранный воевода, нашъ сударь, батюшка!
Плыветъ по Сладимъ-рѣкѣ да царскій корабль,
Вокругъ царскаго корабля легки лодочки,
Во лодочкахъ вѣрны царски дѣтушки,
Пловцы, бѣльцы, стрѣльцы, донскіе казаки!

Древнее астраханское царство Стенька Разинъ хотѣлъ сдѣлать, въ тивоположность Москвѣ, московскому государству, царствомъ каза-тва и раскола, къ чему и послѣ, со второй половины XVIII столѣтія, емились раскольники, особенно *бѣгуны*. Въ религіозно-общинномъ ра-льничьемъ духѣ, Стенька Разинъ свирѣпо убилъ астраханскаго архіе-кова и также покушался поступить и съ астраханскимъ воеводой.

Изъ Украйны Донской, изъ царства казачества, роскоґо-казачье дви-ніе отозвалось въ Сѣверно-Поморской области, въ средоточіи религіознаго гражданскаго раскола. Тамъ казаки-раскольники, вмѣстѣ съ монахами ловецкими,—по словамъ митрополита тобольскаго Игнатія—«начали быть всемъ противны не только хулами св. церкви, но и благочестиваго царя захотѣли признать своимъ государемъ». «Воры-сотники—читаемъ далѣе, дѣлѣ о соловецкомъ бунтѣ,—про великаго государя говорили такія ова, что не только написать, но и мыслить страшно». Соловецкій нтъ былъ раскольничьимъ протестомъ, антагонизмомъ Поморской обла-и противъ Москвы. Потому онъ и изображается въ одномъ раскольничьемъ стихѣ, какъ борьба Поморья съ Москвою, съ московскимъ госу-рствомъ.

Бунтъ Стеньки Разина, бунтъ соловецкій, также какъ и поморскія дожскія движенія Емельяна Иванова, Власки «лихаго вора» и другихъ, ли прекращены... Но расколъ остался и живучъ и силенъ. Въ бою ка-чьемъ, въ бунтахъ народныхъ онъ еще больше укрѣпился, закалился, къ-сказать, слился съ кровью массъ.

Между тѣмъ горе народное скоплялось все больше и больше. «Сердца родныя были сильно опечалены и тоскою наполнены». Недаромъ къ VII столѣтію относятъ многознаменательную народную повѣсть *о горѣ-лочастьѣ*. Съ XVII столѣтія, въ одно время съ умноженіемъ голытьбы бацкой, простой народъ особенно позналъ горе-злочастье и выразилъ о въ своихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ челобитныхъ. Ото всего ъ разбродился врознь, убѣгалъ, но отъ горя-злочастья, по словамъ пѣсни, могъ укрыться «ни въ чистомъ полѣ, ни въ лѣсахъ темныхъ, ни въ немъ морѣ».

«Въ лѣто 1682—читаемъ въ хронографѣ—во время зимнее, начали
сильно тужить по причинѣ неправдъ и нестерпимыхъ обидъ. Осо
начали злобиться на временщиковъ, главныхъ судей, за то, что они
имствомъ ослѣпили себѣ очи. Повсюду тогда, не только между мужчи
но и между женщинами, шли рѣчи объ обидахъ, о неправомъ рѣшеніи
А тѣ, ближніе предстатели царя, только вымышляли мниморазумное
собой, а не на совѣтѣ многихъ людей, презирая людей искусныхъ, мудр
старцевъ, покусились вводить въ государствѣ всякія новыя дѣла, въ г
данствѣ—чины для дарованія чести и суды иночиновные, подражая
чаямъ иноземскимъ. Забыли они писанное, что отнюдь не слѣдуетъ в
вводить вновь иностранные обычаи, чины предсѣдательства, от
почести, званія, неслыханныя въ своемъ государствѣ, также перемѣн
одеждахъ, въ обувяхъ, въ пищѣ и питьѣ, и—въ совѣтъ о государ
ныхъ дѣлахъ не пущать иноземцевъ, потому что отъ перемѣнъ и не
ныхъ дѣлъ въ государствѣ бываютъ большія и страшныя смуты... Н
того не слѣдуетъ принимать иноземцевъ въ думу или въ совѣтъ,
отнимать у нихъ честь, или чтобъ ихъ ненавидѣть, но для того,
по совѣту иноземцевъ не произошли въ государствѣ перемѣны по обыч
и дѣламъ ихъ страны, перемѣны несогласныя съ нуждами государ
Больше же всего надобно беречься того, чтобъ отъ обычаевъ инозем
не произошли въ житьѣ народномъ, т. е. въ яствахъ и платьѣ, пр
и убытки. Ибо если какое дѣло скоро входитъ въ государство, и
дѣло примутся люди, то уже большое происходитъ зло, а затѣмъ слѣд
страшныя ненависти, является жадность къ чужому имѣнью. А ког
жадность дотронется до чужихъ животовъ, тогда не будетъ едино
и любви между житейскими людьми. Тутъ ужъ происходитъ въ гос
ствѣ смута и мятежъ».

«Вотъ и въ это время—продолжаетъ хронографъ—голосъ народа
раздавался: какъ можетъ быть въ мірѣ многое множество людей,
въ судахъ нѣтъ правосудія, и, если правосудія не будетъ, то, конечн
государствѣ предстоитъ переворотъ... Ибо вотъ уже, въ царствую
городѣ началъ возгораться гнѣвъ Божій отъ налоговъ начальническ
неправедныхъ судовъ, а отъ того и мысли у людей начали возмуща
Огонь ярости на начальниковъ, на обиды, налоги, притѣсненія и не
судіе больше и больше умножался, и гнѣвъ, и свирѣпства воспалили

Такъ было до 15 мая 1682 года.

Мрачный и бурный былъ этотъ день въ Москвѣ. Сильный вѣте
дулъ съ страшнымъ воемъ и визгомъ. Все небо подернулось тем
тучами. Загремѣла гроза... И, въ это время, раздался ударъ въ бо
кремлевскій колоколъ. Забили въ набаты и барабаны. Стрѣльцы взб
вались. Поднялись полки всѣхъ приказовъ, вмѣстѣ съ бутырскими
тами, и двинулись въ Кремль, «воинскимъ строемъ», съ знаменами и
банами, съ мушкетами, съ бердышами и съ копьями и даже съ нѣ
кими пушками, сбивши съ Ивановской площади боярскія кареты в
съ лошадьми... Начались стрѣлецкіе бунты, ознаменовавшіе конецъ м
скаго государства и начало всероссійской имперіи.

Расколъ и тутъ поднялъ свое знамя. Онъ воодушевлялъ, возбуждалъ ѣ стрѣлецкіе бунты. Стрѣльцы, какъ и казаки, большею частью были скольники. «Тогда объявились въ стрѣльцахъ—пишетъ Матвѣевъ въ оихъ запискахъ—многіе раскольники, и, получа своему зломыслію удоб-е время, начали совѣтовать, какъ бы имъ расколъ свой вновь утвердить противную имъ православную церковь разорить. Для того избрали они бѣ предводителемъ Никиту-роспопа, прозваньемъ Пустосвята». Въ Гра-витой Палатѣ, гдѣ нѣкогда бывали и земскіе соборы, въ присутствіи авительницы Софьи, на соборѣ высшей и низшей іерархіи церковной, его царскаго синклита, бояръ, окольничихъ, думныхъ дьяковъ, столь-ковъ, дворянъ и выборныхъ людей изъ всѣхъ полковъ, расколъ, воору-нный силою стрѣльцовъ, въ послѣдній разъ торжественно объявилъ рьбу и споръ съ верховною властью и съ архіереями грекороссійской ркви. Въ послѣдній разъ, въ челобитной своей на соборѣ, онъ торже-венно провозгласилъ свой догматъ, съ тѣхъ поръ неизмѣнный: «цари немогоша, архіереи падоша!» Далѣе, стрѣльцы, подобно казакамъ, возстали. дъ знаменемъ раскола, во имя равенства, противъ князей, бояръ и началь-ыхъ людей. По собственнымъ словамъ ихъ, они шли казнить бояръ и льможъ, уничтожать чины, званія и отличія. Раскольничьи попы съ разами ободряли имъ въ этомъ движеніи. Наконецъ стрѣльцы, вмѣстѣ расколомъ, возстали противъ нѣмцевъ и нѣмецкихъ нововведеній: они и взять слободу нѣмецкую, истребить ее до тла, передушить и пере-зать иностранцевъ. Всѣ эти движенія стрѣлецкія расколъ сдѣлалъ дви-ніями народными. По словамъ Крекшина и Матвѣева, раскольники, идя стрѣлецкое смущеніе въ государствѣ, начали простой народъ возму-ть, подговорили въ свой совѣтъ много народу, купцовъ, посадскихъ дей, промышленниковъ и чернь, и возжегся едва не весь народъ»...

И стрѣлецкіе бунты, наконецъ, были подавлены, и самые даже рѣльцы были уничтожены. Но расколъ остался живучъ и силенъ, и лъ еще сильнѣе.

Въ то время, когда въ Москвѣ совершалась надъ стрѣльцами страш-я казнь въ восьмидневныхъ кровавыхъ актахъ мучительнѣйшихъ побоищъ, ъ 10-го до 31-го октября 1698 года... въ то время въ Сѣверномъ Поморьѣ, области древняго вольнаго Новгорода, собирается новое народное согла-раскола. Оно возводитъ въ догматъ: «не молиться за царя и быть ѣмъ равными». Это—согласіе поморское, выгорѣцкое, даниловское. Съ хъ поръ на вопросъ: «Кто вы?» послѣдователи этого согласья даютъ вѣтъ вопрошающимъ: «Мы христіане евангельскаго проповѣданья... свя-нства не имѣемъ и бѣглыхъ поповъ не пріемлемъ... За царя Бога не лимъ... всѣ равны и особенныхъ наставниковъ не имѣемъ... единаго же гласія Данилова поморскаго».

Какъ живучъ былъ въ стрѣльцахъ, до послѣдней капли крови, духъ станія, какъ въ кустахъ обезглавленныхъ тѣлъ стрѣлецкихъ на крем-ской площади,—по словамъ очевидца Корба,—долго трепеталась жизнь ужаснѣйшей агоніи, такъ живучъ былъ жизнью раскола стрѣлецкій ъ демократическаго антагонизма. Онъ пережилъ самихъ стрѣльцовъ.

Бѣглый стрѣлецъ Филиппъ основалъ новое религіозное и гражда
согласье, доселѣ живущее. Это согласье, гораздо упорнѣе, рѣшите
Даниловцевъ, возвѣстило догматъ—не молиться за царя, отрицать всѣ
лѣнія и установленія власти; лучше сожигаться, чѣмъ покоряться
христовой волѣ. Изъ-за этого собственно догмата стрѣлецъ Фили
основалъ свое особое согласье.

Такимъ образомъ, изумительно, загадочно и многознаменательно,
«непостоянство большое», по выраженію русскихъ людей XVII вѣка, с
шилось въ образѣ мыслей большей части массы народной, въ Моск
по всѣмъ областямъ, послѣ всенароднаго согласья на земскомъ с
1613 года. Во второе десятилѣтіе XVII вѣка избранъ былъ царь по с
сію всей земли, а съ послѣдняго десятилѣтія XVII вѣка стали возн
и сильно распространяться въ массѣ народной противоположныя соглас
началось непризнаніе, отрицаніе царя...

Такъ кончилась древняя Россія. «Здѣ бо бысть послѣдняя Русь
бо, отъ сего часа, на горшая измѣненія будетъ превосходити Русь ц
неблагочестивыми». Съ такой печальной, панихидной рѣчью расколъ
за старою Россіею, на кровавыхъ похоронахъ ея, совершавшихся Пе
Первымъ.

Непрерывнымъ рядомъ народныхъ бунтовъ ознаменовался к
старой московской и земско-областной народной Россіи. Ужасами кро
народной борьбы отмѣтилось въ лѣтописи народной введеніе старой нар
Россіи во Всероссійскую имперію. Первому новоизбранному всею зе
царю народъ мирно, громогласно высказалъ въ своихъ общинно-област
челобитныхъ всю свою правду, всѣ вопросы жизни; далъ всѣ жизненно-
ные, общинно-областные матеріалы для земскаго строенья, для реф
Громко сталъ высказывать онъ то же и второму царю новоизбранной ди
Но когда царь Алексѣй Михайловичъ не далъ записи, какова учинена
по совѣту всей земли на земскомъ соборѣ 1613 года; когда рѣшен
просовъ народной жизни и земское строенье пошло по *его одной во*
какъ говоритъ Котошихинъ,—и по иночиновному учиненью, а не по
нымъ земско-областнымъ челобитнымъ; когда *сердца народныя были*
опечалены и тоскою наполнены, когда появилось *горе-злочастье,* тогда в
нули бунты городовые, особно-областные, угрожавшіе было новою р
областей, и земскіе люди учинились сильны и непослушны госу
явился Стенька Разинъ и пошелъ противъ царя Алексѣя Михайло
и противъ князей, бояръ, воеводъ и всѣхъ приказныхъ людей—я
расколъ и возопилъ: «Антихристъ!..» Кровь старой народной Россіи
лась рѣкою... Расколъ все недовольство народное, все *горе-злочастье* [1],
элементы бунтовъ народныхъ, возвелъ въ вѣковой народный заговор
согласья, въ доктрину. Духъ Стеньки Разина, духъ стрѣльцовъ, в
тился въ живучую, неумирающую, вѣковую оппозицію раскола.

---

[1] Потому поэзія раскольничья исполнена стихами о горѣ-злочастьѣ: любим
постоянный мотивъ ея вдохновенія—*горе, грусть, плачъ, рыданіе.*

И чѣмъ такъ изумительно-живуча, могуча, энергична была старая одная Россія, когда богатырски, героически умирала въ Москвѣ Стенькой Разинымъ, когда была вѣшана, рѣзана, изрубляема, сжигаема, пинаема... въ эту адскую годину стрѣлецкихъ побоищъ, и все-таки алась живою въ расколѣ? Что хотѣла завѣщать намъ, воспитанникамъ вой, петровской Россіи, старая народная Россія, когда послала по ѣмъ концамъ, по всѣмъ областямъ свою могучую, живучую пропаганду игіозныхъ и граждански-народныхъ согласій? Какое добро или зло а завѣщала низшимъ массамъ земства — крестьянству, мѣщанству, купетву, солдатству, когда завѣщала расколу уловлять въ свои согласія и массы народа и, по началамъ изстариннаго земскаго строенья, развить въ согласіяхъ братство, совѣты, сходы, соборы, выборное самоуправеніе, принципъ сводныхъ браковъ, общиннаго употребленія капиталовъ проч.? Что дорогаго, святаго было для огромной массы народа въ стай Россіи, когда она въ расколѣ возвела до святыни, до апотеозы стану, и, подъ знаменемъ раскола, подняла вѣковую народную оппозицію, рань съ Антихристомъ»?

Теперь намъ не рѣшить всѣхъ этихъ вопросовъ, пока расколъ самъ раскроетъ свою таинственную, заколдованную, мистико-апокалипсискую тайну, завѣсу, которою прикрыто его полножизненное, горькомное, горько-слезное прошедшее и невѣдомое будущее. А если бы разть могилы — архивы старой народной Россіи; еслибы разгадать, чего тѣлъ, что закладывалъ, слагалъ въ своемъ свободномъ земскомъ строеи въ былыя вѣчевыя времена, что пережилъ и что дважды хоронилъ подъ конецъ съ горемъ-злочастьемъ схоронилъ земскій великорусскій ръ—народъ въ своей старой народной земско-областной Россіи, то, бытьжетъ, поняли бы мы отчасти эту могучесть, энергію и жизненность рьбы народной, выразившейся въ расколѣ. Видно, много ужъ неволи горя прожилъ народъ, когда онъ читалъ въ XVII вѣкѣ повѣсть о горѣочастьѣ, когда сталъ обращаться въ расколъ. Сначала онъ лишился мородныхъ принциповъ, зачатковъ особно-областной свободы и федеравнаго устройства, мірскаго и вѣчеваго самоуправленія и саморазвитія, слѣ вѣковаго богатырскаго труда колонизаціоннаго самоустройства среди уди, *Лопи дикой*, среди черныхъ *дикихъ лѣсовъ*. Потомъ лишился онъ чатковъ свободнаго, соединенно-областнаго, федеративнаго саморазвитія самоуправленія *въ любви и въ совѣтѣ*, лишился свободныхъ мірскихъ одовъ по селамъ и волостямъ, свободныхъ людскихъ собраній или сховъ на думы по городамъ, свободныхъ сходовъ городскихъ волостныхъ юдей вмѣстѣ или областныхъ земскихъ совѣтовъ и земскихъ соборовъ — лишился всего этого онъ въ самой первооснов, закладкѣ — въ эпоху оявленія постоянныхъ указовъ, въ эпоху учрежденія до 100 приказовъ, о 40 воеводствъ, а тамъ—въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія— губерній. Наконецъ, лишился онъ, ни за что, многихъ талантливыхъ, удалыхъ и добрыхъ молодцовъ, сложившихъ головы за народное, земское дѣло... И вотъ, позналъ онъ въ XVII вѣкѣ горе-злочастье, и пошелъ о *голытьбою со кабацкою* за Стенькой Разинымъ, а со стариной народной—

въ расколъ... И съ тѣхъ поръ великорусскій расколъ также плакалъ и плачетъ о *мірскомъ смущеніи*, или о разстройствѣ великорусскаго земства, міра, о великорусской старинѣ, о старинныхъ уставныхъ правахъ городскихъ, и старинныхъ соборахъ, какъ Украйна плакала надъ своей «розрытой могилой» исторической. Расколъ, вспоминая старину, вопіялъ и вопіетъ:

Не могу быть безъ рыданья.
Страхъ Антихристовъ *міръ* устрашилъ,
Милость съ лестію въ міръ пометалъ,
Законы градскіе вся истребилъ,
Временны соборы въ конецъ низложилъ...
Вѣрныхъ соборы истреблены.
Сонмы мерзостей умножены.
Неокентавры завладѣли нами.
Въ сластолюбіи которые, — тѣхъ почтили всѣхъ,
На сѣдалищахъ первыми учинили,
А соборъ нищихъ возненавидѣли...
Лихоимцы всѣ грады содержатъ,
Немилосердые — въ городахъ первые.
На мѣстахъ злые приставники...
Ко обычаямъ странъ поганыхъ всѣ преклонилися...
Взирай, душе, къ горамъ, равно облакамъ.
Постизай *соборъ малъ оставшихъ христіанъ...*

Какъ бы ни была дорога большей части народа старая Россія, прошла и она, похоронена Петромъ Первымъ. Но расколъ остался, и живучъ и силенъ, и по своему встрѣчалъ XVIII столѣтіе.

II

Непривѣтлива, безотрадна была для большей части народа встрѣча новаго столѣтія. На площадяхъ и улицахъ Москвы еще свѣжи были слѣды крови народной. Ужасные стрѣлецкіе розыски, аресты, тюрьмы, допросы, пытки, дыбы, костры, висѣлицы, кнуты, клещи, колеса, плахи, кучи смрадныхъ труповъ... Повсюду, по городамъ, по селамъ, въ домахъ, на улицахъ, въ кабакахъ, въ харчевняхъ, въ монастыряхъ, даже въ далекихъ, темныхъ лѣсахъ, страшное, постыдное — *слово и дѣло*! И все новыя и новыя жертвы Преображенскаго приказа и Тайной Розыскныхъ дѣлъ Канцеляріи; безпрестанныя жертвы застѣнковъ, пытокъ и казней... Таковы были знаменія реформы Московскаго государства во Всероссійскую имперію. «Пытки и казни — выразимся словами Карамзина — служили средствами нашего славнаго преобразованія государственнаго».

Мрачно и грустно встрѣчали новый 1700-й годъ въ самой Москвѣ и по городамъ купецкіе люди, посадскіе, оставшіеся въ живыхъ и разосланные по провинціямъ стрѣльцы, старожилы-старики и всѣ, кто любилъ русскую старину. Съ самаго начала 1700 года разнеслась молва, будто съ новаго года «настали лѣта сатанины, «Антихристово время», будто Москва—падшій Вавилонъ!» Весь тотъ годъ ходили въ низшихъ слояхъ народа какіе-то недобрые, зловѣщіе, мрачные, мистическіе слухи про царя

ра Алексѣевича. Въ іюнѣ мѣсяцѣ въ народѣ стала ходить молва акихъ-то бунтовскихъ листахъ и тетрадкахъ. Разыскивали винока...

Въ одной изъ глухихъ улицъ Москвы, на Кисловкѣ, въ бѣдныхъ омахъ, почти постоянно сидѣлъ въ это время у стола мрачно-задумчи- *книгописецъ*. Передъ нимъ на столѣ лежали «бытейскія и пророческія ги» и какіе-то листы, столбцы и тетрадки. На другомъ концѣ стола ѣлъ его племянникъ и переписывалъ ему «Письма о послѣднемъ вре- и объ Антихристѣ». Взялъ онъ бытейскія книги, лѣтописи и хронофы, и по нимъ «считалъ московскихъ царей». И что же? По его счету одило, что «государь Петръ Алексѣевичъ осьмой царь и Антихристъ!..» ердившись въ этомъ убѣжденіи, книгописецъ сталъ писать на столб- и тетрадкахъ письма: «Настало-де нынѣ послѣднее время, и Антитъ въ миръ пришелъ, а Антихристомъ, — въ томъ письмѣ, ругаясь, — лъ великаго государя, также и иныя многія статьи ему, государю, коризну писалъ, и народамъ отъ него, государя, отступить велѣлъ ушать его, государя, не велѣлъ, а велѣлъ взыскать князя Михаила, ъ котораго хочетъ быть народу нѣчто учинить доброе... А князьайлово имя въ томъ своемъ письмѣ писалъ онъ для того: которые-де льцы разосланы по городамъ, и какъ государь пойдетъ изъ Москвы ойну, и они стрѣльцы собрався будутъ въ Москвѣ, чтобъ они выбрали равительство боярина князя Михаила Алегуковича Черкасскаго, для что онъ человѣкъ добрый».

Написавъ эти письма «въ тетрадкахъ и столбцахъ», книгописецъ ъ читать и раздавать своимъ друзьямъ и знакомымъ, и распространять народѣ «для возмущенія бунту». Жадно ихъ у него покупали, списы-, читали и слушали. На домъ къ нему приходили слушать эти бун-кіе листы и тетрадки люди всякаго званія — и попы, и роспопы, ьяконы, и пономари, и посадскіе — кожевники, иконники, садовники, ностные люди и прочіе. Онъ самъ хаживалъ съ своими тетрадками толбцами ко всѣмъ этимъ людямъ, и къ монахамъ въ Чудовъ монарь, въ мѣщанскую слободу, за курскія ворота, къ иконнику Ивашкѣ ину, къ садовникамъ, къ портнымъ мастерамъ, и проч. Вездѣ онъ лъ свои письма и тетрадки о исчисленіи лѣтъ и о послѣднемъ вѣцѣ, бъ Антихристѣ, и въ разговорѣ говорилъ: «нынѣ-де послѣднее время шло, и Антихристъ народился, а приводомъ называлъ государя Антистомъ, а сказывалъ отъ бытейскихъ и пророческихъ книгъ: «въ апоипсисѣ-де Іоанна-Богослова въ 17-й главѣ написано: «Антихристъ етъ осьмой царь,» и считалъ московскихъ царей, и говорилъ: «а по ему-де счету осьмой царь онъ, государь, и Антихристомъ его, государя, ывалъ». Въ хоромахъ у книгописца жили стояльцы—подьячій патріар- площади съ женой. Подьячій этотъ сказывалъ про книгописца: ышалъ-де отъ него про государя всякія непристойныя слова, чего лышать невозможно, да онъ же рѣжетъ невѣдомо какія доски, а вырѣ- хочетъ печатать тетради, а напечатавъ бросать въ народъ. И уже ѣзалъ онъ двѣ доски, а на тѣхъ доскахъ сталъ печатать листы... тѣ

листы сталъ раздавать народу безмездно». Но тутъ его схватили въ
браженскій приказъ...

Это тотъ виновникъ подметныхъ бунтовскихъ листовъ, которагo
кивали въ Москвѣ въ 20-хъ числахъ іюня 1700 года. Это былъ
ный раскольникъ, Григорій Талицкій. Онъ, какъ было сказано, вы
въ апокалипсисѣ, что восьмой царь будетъ Антихристъ. Потомъ онъ
русскія лѣтописи, и по нимъ *считалъ московскихъ царей*, начиная съ
III-го и съ сына его, Василья Ивановича, который, — по словамъ л
си, — первый повелѣлъ писать себя *самодержцемъ* и въ польскихъ
тахъ и *въ исторіяхъ*, и принялъ на себя *областные титла*. Талицкій
свой счетъ московскихъ царей съ тѣхъ страницъ областныхъ лѣто
гдѣ изображается трагическая, кровавая борьба областей съ Мо
съ московскими царями, за земскую самобытность и вѣчевую свобо
этихъ грустно-трогательныхъ страницахъ областные лѣтописцы сам
трѣли на московскихъ царей, завоевателей, централизаторовъ об
съ такою же злобою и антипатіей, и съ той же точки зрѣнія, какъ
менники Талицкаго, раскольники, смотрѣли на императора всеросс
Петра Перваго, устроителя новой политико-географической, петерб
губернской централизаціи областей. Въ Псковской лѣтописи, выра
энергическій протестъ противъ московскаго завоеванія, Талицкій
разсказъ о завоеваніи Пскова московскимъ царемъ, читалъ трогате
плачъ Пскова о лишеніи вѣчевой свободы, и за нимъ, — слѣдующу
калипсическую жалобу псковскаго лѣтописца: «Занеже писано въ
липсисѣ, глава 54: пять бо царей минуло, а шестый есть, но не
пришелъ; шестое бо царство именуетъ въ Руси скиѳскаго острова;
именуетъ шестый, а седьмый потомъ еще, *а осьмый Антихристъ*.
приде на ны зима. Сему бо царству расширитися, и злодѣйству у
тися. Охъ, увы!» Прочитавши такое предсказаніе въ великору
областной, народной лѣтописи, что восьмой царь изъ московскихъ
рей будетъ Антихристъ, Талицкій пересчиталъ по московскимъ л
сямъ московскихъ царей и убѣдился, что государь Петръ Алексѣ
какъ восьмой царь, по его счету, Антихристъ. И вотъ, онъ хотѣл
нять разосланныхъ по областнымъ городамъ стрѣльцовъ противъ М
какъ противъ царства Антихристова. И для этого,—какъ сказано въ
указѣ 1701 года,—«ради возмущенія людей, писалъ онъ письма о
ствіи Антихристовѣ съ великою злобою и бунтовскимъ коварствомъ,
вому его ученію многіе послѣдовали». Съ этого времени, ученіе р
объ Антихристѣ окончательно получило историко-политическій смысл
всей полнотѣ выразилось въ раскольничьемъ сочиненіи «Объ Ан
стѣ, еже есть Петръ І-й». Такимъ образомъ, какъ въ первыхъ моско
царяхъ, централизаторахъ, завоевателяхъ, собирателяхъ великору
земель, областей, царствъ и государствъ, разрушителяхъ особно-обла
земскаго строенья и общинновѣчеваго самоуправленія великору
областей, областныя общины, особенно сильныя сознаніемъ вѣчевой
бытности, свободы, видѣли предшественниковъ государя-Антихриста
точно въ Петрѣ Первомъ, разрушителѣ, уничтожителѣ созданной

ными общинами въ смутное время на мѣстныхъ земскихъ совѣтахъ и на общемъ земскомъ соборѣ 1613 года соединенно-областной федераціи и земскихъ соборовъ, уничтожителѣ общинно-областной челобитной совѣщательности, гласности передъ правительствомъ, нововводителѣ губернскаго и провинціальнаго росписанія областей, великомъ централизаторѣ земско-областной администраціи, экономіи мѣстныхъ рабочихъ силъ, и проч. — въ Петрѣ Первомъ расколъ призналъ давно предсказаннаго областными лѣтописями московскаго государя-Антихриста.

Согласно съ Талицкимъ, всѣ земскіе люди, недовольные реформами Петра, утвердились въ томъ убѣжденіи, что съ 1700 года окончательно утвердился въ Великороссіи, въ лицѣ Петра I-го, Антихристъ; что Москва стала падшимъ Вавилономъ; что нужно бѣжать въ пустыни, въ лѣса изъ царства Антихристова и основывать свои новыя согласья и общины. Вездѣ— въ Москвѣ, въ областныхъ городахъ, въ селахъ, въ домахъ, на улицахъ, на торжищахъ, въ лавкахъ, въ кабакахъ, по дорогамъ, въ далекихъ дремучихъ лѣсахъ, вездѣ шелъ говоръ, что царь Петръ Алексѣевичъ—Антихристъ. Вотъ, въ Москвѣ, идетъ солдатъ Розстригинъ съ званымъ гостемъ, служилымъ человѣкомъ Левинымъ, домой и дорогой говоритъ о Петрѣ: Я не знаю что дѣлать, хочу бѣжать изъ полка; я не признаю, что онъ у насъ государь: онъ Антихристъ».—«Я давно знаю,—отвѣчаетъ Левинъ:— что онъ не прямой царь, а Антихристъ». Вотъ духовникъ князя Меньшикова, крестовый попъ, прозваньемъ Лебедка, того же убѣжденія, о томъ же ведетъ разговоръ съ Левинымъ и другими знакомыми: «Петръ — Антихристъ, онъ и сына своего не пощадилъ, билъ его, и царевичъ не просто умеръ: знамо, что государь его убилъ»... Солдаты говорили Левину, что привезены изъ-за моря клеймы, чѣмъ людей клеймить Антихристовымъ клеймомъ, и самъ государь по нихъ ѣздилъ и привезены въ Котлинъ» Особенно самъ этотъ Левинъ, до болѣзненной экзальтаціи и энтузіазма, до умопомѣшательства убѣжденъ былъ и вездѣ и всѣмъ проповѣдывалъ, что Петръ—Антихристъ. Въ Пензѣ, въ церкви, онъ кричалъ народу: «Послушайте, православные христіане! Слушайте! Нынѣ у насъ преставленіе свѣта скоро будетъ!.. Государь нынѣ загналъ весь народъ въ Москву и весь его погубитъ!.. будетъ пятнать ихъ и станутъ они въ его вѣровать!» Въ пустынѣ Жадовской игумену онъ говорилъ тоже: «Нынче послѣднее время, Антихристово пришествіе... Привезены въ Санктпетербургъ печати... хотятъ людей печатать... Государь—Антихристъ!» На базарѣ, толпѣ народной, онъ кричалъ: «Послушайте, христіане, послушайте!.. Въ Москву пріѣхалъ царь Петръ Алексѣевичъ... Онъ не царь Петръ Алексѣевичъ, а Антихристъ!.. Антихристъ!.. И весь народъ мужеска и женска пола онъ будетъ печатать... Бойтесь этихъ печатей, православные! бѣгите, скройтесь куда-нибудь!.. Послѣднее время... Антихристъ пришелъ!.. Антихристъ!..» Тамъ, далеко, въ лѣсахъ керженскихъ, тоже шелъ разговоръ о Петрѣ-Антихристѣ. «Куда-де какую притчу сказываешь ты про Петра?» — говорилъ насмѣшливо раскольникъ Кузьма Павловъ на рѣчи казака Левшутина: — «въ книгахъ писано, что онъ, Антихристъ, лукавъ... А чолъ ты тетрадь учителя Кузьмы Андреева? Лихо на него Петра въ тетрадкѣ по-

казано». Раскольникъ Никита Никифоровъ привелъ на это доказат-
ство:—«Нынче былъ у насъ съ Починокъ человѣкъ, былъ въ Петербу-
сказывалъ про тамошнія чудеса: собралъ-де онъ, Петръ, бѣглыхъ сол-
человѣкъ съ двѣсти, и поставя на колѣни, велѣлъ побить до смерти
пушки. Эко стало нынѣ христіанамъ поругательство! Да что, полно го-
рить; страшно: называемъ его Антихристомъ, а нѣтъ ли его здѣсь, въ л-
Видите вы и сами, какое смятеніе и между нами». Тутъ перебилъ р-
другой: «Что мотаться! Антихристъ онъ, да и все тутъ!» и т. д. шли р-
говоры. Такъ говорили многіе, и весьма многіе, во всѣхъ концахъ Рос-
и поминали Талицкаго...

И вотъ, многочисленныя массы земства, движимыя убѣжденіемъ, ч-
въ Великороссійскомъ государствѣ, въ губерніяхъ и провинціяхъ, вн-
росписанныхъ по указу, изъ «ближней канцеляріи, изъ кабинета царск-
величества», царствуетъ богоборный Антихристъ-Петръ, отшатнулись о-
имперіи и пошли во *оземствованіе*, въ пустыни, въ горы, въ лѣса, устро-
для себя новыя, свободныя отъ власти Антихриста, области. На основа-
убѣжденія, что православныя городскія и сельскія общины, росписан-
Петромъ на губерніи, провинціи и уѣзды, повинующіеся Антихристу и пр-
ставникамъ его,—губернаторамъ и прочимъ властямъ,—суть области ц-
ства Антихристова, расколъ сталъ развивать, на новыхъ мѣстахъ, св-
народныя общины, не раздѣляя ихъ на города и села. По общинному з-
ченію ихъ, расколъ называлъ ихъ *согласіями*, сообразно съ сельскими *м-*
скими согласіями, какъ назывались крестьянскіе *мірскіе сходы* (напримѣ-
писалось въ первой половинѣ XVIII вѣка: *по описи по мірскому согл-*
отдали и т. п.). Какъ демократизмъ донскихъ казаковъ возводилъ до р-
лигіознаго значенія, освященія, казачьи *рады, круги*, такъ великорусс-
расколъ, расколъ массы земства облекъ въ религіозно-демократическ-
форму крестьянскія *мірскія согласія*. По мѣрѣ развитія раскола, согла-
разнообразились и умножались. Такъ, при Петрѣ, пастухъ или скотн-
даниловскаго согласія, при Андреѣ Денисовѣ, основалъ *пастухово или о-*
мантово согласіе, которое учило, что воцарившійся Антихристъ даетъ св-
печать наипаче въ паспортахъ, посему должно отрицать паспорты, — п-
крѣпленность къ мѣсту или къ согласію. Это ученіе приняли всѣ согла-
раскола, такъ какъ всѣ они отрицали припись, прикрѣпленность къ Ан-
христову мѣсту или къ сословію. Всѣ они уже при Петрѣ-Первомъ, н-
смотря на страшныя препятствія и полную гражданскую безправнос-
стали стремиться къ выходу изъ Антихристовыхъ областей и къ нов-
свободному территоріальному, земскому, колонизаціонному устройст-
Каждое согласіе стремилось основать свою область или федерацію, сою-
нѣсколькихъ мѣстныхъ общинъ. Такъ въ общихъ чертахъ началось ко-
низаціонное общинно-областное самоустройство раскола во время гон-
и бѣгства старовѣровъ изъ Антихристова царства въ лѣса, пустыни и го-

На сѣверѣ, въ Новгородско-Поморской области, въ 1705 году воз-
каетъ новое согласіе—ѳедосѣевское—и также учитъ, что царь Петръ А-
ксѣевичъ—Антихристъ, что отнюдь не должно признавать его власти на-
собой. Вслѣдствіе такого ученія,—по свидѣтельству раскольничьей Вы-

й Лѣтописи,—постоянно собирались въ Поморье отъ гоненья Антихри-
ва староверы, отовсюду приходили всякаго рода люди, и поморскій
коль стремился къ завладѣнію всею древнею *Поморскою областію*, или
верным ъ Поморьемъ, къ самостоятельному, общинно-областному само-
ройству, экономическому и народному саморазвитію и къ общинному
борному самоуправленію. Въ царствованіе Петра, въ Сѣверномъ Поморьѣ
разовалась уже федерація изъ 13-ти скитовъ, или становъ, общинъ, на-
добіе старинныхъ посадовъ, или селъ, гдѣ селились мужчины и жен-
ины, и свободно занимались торгомъ, пашнею, рыболовствомъ и разными
омыслами. Колонизаціонная связь и совокупность всѣхъ поморскихъ
итовъ и примыкавшихъ къ выгорѣцкому общежительству по рѣчной
стемѣ Выга и по расколу погостовъ, образовала одно цѣлое федератив-
е или союзное согласіе, наподобіе одной волости или области. Расколь-
чья колонизація Поморья была сильная: отовсюду бѣжали туда крестьяне,
садскіе, бобыли, солдаты, казаки и всякихъ чиновъ люди. Тамъ искали
асенія отъ Антихриста. Къ 1729 году поморскій расколъ завладѣлъ боль-
ю частью олонецкихъ волостей, которыя встарину были новгородскими
оными, народоправными. Въ этомъ году число поморско-олонецкихъ рас-
льниковъ дошло до 12,448 человѣкъ.

Въ то же время, въ Псковско-Новгородской области распространилось
еніе, что Антихристъ пришелъ въ міръ уже въ 1688 году и живетъ онъ
уховнѣ по дѣйству» въ Велико-Россіи. Въ связи съ новгородско-помор-
ою раскольничьею областью и псковскія, и новгородскія общины выра-
ли свою мѣстную религіозную автономію, антагонизмъ Москвѣ, какъ
рству Антихристову. Въ царствованіе Петра, новгородско-поморскіе рас-
льничьи исторіографы, въ укоризну Москвѣ и наперекоръ московскому
бору 1667 года, внесли въ свою исторію сѣвернаго, псковско-новгородско-
морскаго раскола извѣстную, любимую раскольничью, повѣсть «*О новго-
дскомъ бѣломъ клобукѣ*», и въ историческомъ сборникѣ своемъ поставили
на ряду съ «Исторіею объ отцѣхъ и страдальцѣхъ Соловецкихъ», въ
слѣ которыхъ были псковскіе и новгородскіе страдальцы, и вмѣстѣ съ
аменитою «Соловецкою челобитною». Достойно также замѣчанія, въ
омъ отношеніи, что въ 1722 г. посланный отъ синода монахъ Неофитъ,
я разглагольствія съ выговцами о церковномъ несогласіи и устроеніи,
ратилъ вниманіе на древнюю самобытную жизнь Сѣверно-Поморской
ласти, до покоренія ея Москвѣ, до XVI вѣка, когда Сѣверное Поморье
ло независимо отъ Москвы, московской епархіи и московскаго право-
авія, когда св. Софія Новгорода и Соловецкій монастырь, независимо отъ
осквы, распространяли тамъ христіанство и когда Сѣверно-Поморская
ласть отличалась своеобразнымъ, преимущественно мірскимъ, часовен-
ымъ религіознымъ устройствомъ. Неофитъ спрашивалъ поморцевъ: «До
ря Ивана Васильича православную ли имѣли вѣру?»—«Всѣ православные
оссіяне, — отвѣчали поморцы: — отъ начала крещенія и до царя Ивана
асильича, яко же о семъ многія исторіи засвидѣтельствуютъ».

Изъ Поморской области, а отчасти изъ московско-волжскихъ городовъ,
лигіозно-гражданское ученіе объ Антихристѣ распространилось въ *Низо-*

вомъ краю, въ Поволжьѣ. Тамъ въ темной, дремучей глуши лѣсовъ кер скихъ, за трясинами и болотами, въ скитахъ и починкахъ лѣсныхъ, о 1713 года, училъ новопришельцевъ мужичокъ Кузьма Андреевъ. Онъ пр вѣдывалъ, что «царь Петръ Алексѣичъ—Антихристъ, отъ гданова кол архіереи—еретики, а господа всѣ, которые при милости государево Антихристовы слуги!»... Утверждая такое вѣрованіе, Кузьма Андр заботился о распространеніи новой раскольничьей области въ керженск лѣсахъ, въ противоположность Антихристовымъ населеннымъ мѣстност въ губерніяхъ и провинціяхъ, учрежденныхъ Петромъ. Онъ увлек жителей изъ окрестныхъ городовъ и селъ и увѣщевалъ новопришельц оставаться у нихъ въ лѣсной общинѣ, гдѣ ужъ много было всякихъ чи людей. «Внѣ лѣсовъ — говорилъ онъ — нынѣ царство Антихристово... шлюся на божественное писаніе. Слушайте! Нынче уже въ мірѣ Антихри есть, и никто души своей не спасетъ, аще не придетъ къ намъ, хри намъ, а которые нынче живутъ въ мірѣ, помрутъ!»... И дѣйствител при Петрѣ была сильная раскольничья колонизація Нижегородской лѣ области — лѣсовъ керженскихъ, поломскихъ, каменскихъ, салавирск лысковскихъ, дорогучинскихъ, гнилицкихъ и другихъ. Въ этихъ лѣс уже тогда насчитывалось до 94-хъ скитовъ, которые съ починками о зовали федерацію, союзъ разсѣянныхъ въ лѣсахъ дворовъ и келій. началѣ XVIII-го столѣтія въ трехъ только уѣздахъ: Балахнинск Семеновскомъ и Макарьевскомъ, считалось около 30,000 раскольниковъ. составляло гораздо больше трети тогдашняго общаго населенія тѣхъ довъ. Въ 1719 году раскольниковъ въ Нижегородскомъ краю счита уже 86,000 обоего пола, такъ что на каждую тысячу жителей приходи 283 раскольника.

Въ древнемъ Астраханскомъ царствѣ, уже послѣ 1698 года, рас странилось раскольничье ученіе о Петрѣ, какъ объ Антихристѣ. З Петра называли «Антихристомъ», «неочесливымъ» и не желали ему ровья. Стрѣльцы и казаки, подъ знаменемъ раскола, снова замышляли противъ Москвы. Атаманъ Носовъ, заводчикъ астраханскаго бунта, раск никъ, говорилъ посадскому Бородулину и его товарищамъ: «Идите и у вляйтесь съ князьями и боярами, а въ городахъ съ воеводами; а на в и мы къ вамъ будемъ». Астраханская раскольничья пропаганда находи въ связи съ донскою.

Точно также, ученіе о пришествіи и воцареніи въ Великороссіи А христа въ лицѣ Петра I-го распространилось въ лѣсахъ стародубск въ Оренбургскомъ краю, по всей Уральской области и за Ураломъ въ бири. И въ эти области бѣжали тысячи вѣрившихъ ученію о Петрѣ-А христѣ, бѣжали изъ царства Антихриста, и основывали, въ лѣсахъ горахъ, новыя общины, согласія; стремились собраться, сосредоточи въ новыя вольнонародныя, религіозно-гражданскія областныя общи «Когда въ Великороссіи, — читаемъ въ исторіи о бѣгствующемъ свя ствѣ, — что̀ день, то умножались гоненія на старовѣрцевъ, тогда м народы, оставляя свои природныя мѣста, сродниковъ и друзей, текл Стародубскую область и тамъ населяли пустыни: такъ населился Бѣ

адязь, Синій-Кладязь, Замшнево, Шеломы Слободы. Такъ населили они тъ богатыхъ, промышленныхъ слободъ, образовавшихъ особую, въ XVIII-мъ кѣ, хорошо-устроенную раскольничью федерацію. «И тѣ слободы, по овамъ одного указа, расселены, какъ превеликіе города, гдѣ премногое сло бѣглыхъ изъ разныхъ городовъ богатыхъ купцовъ». На Уралѣ, около стныхъ заводовъ, въ лѣсахъ, собирались Олончане, Туляне, Нижегородцы другіе великорусскіе люди; устроялись въ пустыни, и мало-по-малу завладѣвали уральскими заводами и мануфактурами—жестяной, проволочной, альной, укладной и прочими. Богатые промышленные раскольники на водахъ уральскихъ, пермскихъ и оренбургскихъ нарочно дорого платили бочимъ изъ раскольниковъ, чтобъ перезвать отовсюду какъ можно больше вверженцевъ своихъ согласій, общинъ для колонизаціи Уральской области, я независимаго, самобытнаго территоріальнаго общинно-областнаго самоустройства и самоуправленія. И вольные охочіе люди изъ дальнихъ мѣстъ иходили къ нимъ. Въ Сибири тысячами душъ выѣзжалъ народъ изъ авительственныхъ городовъ и изъ тяглыхъ слободъ въ пустыни, оставляя оры, животы, скотъ и хлѣбъ; устроялся въ новыхъ, вольныхъ слодахъ, въ родѣ Утяцкой слободы, и стремился устроить новую, самостоельную, свободную область по рѣкѣ Тоболу съ притоками, устроить ое общинное самоуправленіе и свободное общинное экономическое самоазвитіе.

Короче сказать, мысль о воцареніи Антихриста въ Великороссіи со емени Петра, мысль о мірскомъ смущеніи отъ *страха Антихристова* такъ ыла нестерпима для большей части народа, такъ мутила духъ народный, о многочисленныя массы земства забывали всѣ свои страдальческіе, вѣвые историческіе труды, работы въ великомъ дѣлѣ первоначальной древй колонизаціи, обстройкѣ Россіи городской и сельской; оставляли свои рода и села, и шли въ лѣса, въ горы, въ пустыни, снова устроять, конизовать свою любимую Россію по плану стараго земскаго строенія. овно рай потерянный искали они свою *старую Россію въ пустыняхъ, въ лѣсахъ.* Недаромъ съ XVIII-го вѣка любимѣйшими стихами раскольниковъ ыли стихи о прекрасныхъ пустыняхъ, о скитахъ и общинахъ въ лѣсахъ, а крутыхъ горахъ, и т. п. А сколько труда положилъ, какую богатырскую, традальческую, или именно, какъ говорили наши предки, *страдомую* раэту совершилъ нашъ простой народъ въ древней Россіи, когда шелъ, проргался черезъ всѣ лѣса и рѣки Великорусской земли съ своимъ топоромъ, осой и сохой; поставлялъ, путемъ торга, такіе цвѣтущіе встарину города, акъ Славно-Торгъ или Великій-Новгородъ, Новый-Торгъ и Торжокъ, Вологда и Холмогоры; поставлялъ, путемъ гостьбы въ Чуди, въ Лопи, погосты; осажалъ на черномъ дикомъ лѣсу починки, деревни, села и черныя, народоправныя общины; путемъ этихъ безчисленныхъ *ивашковыхъ починковъ, ѣнькиныхъ сѣдѣній,* и потомъ, въ-добавокъ, несъ на себѣ, въ XVI и XVII толѣтіяхъ, до народогубительной постройки Петербурга, тяжелую повинность *городоваго дѣла.* Древнія писцовыя книги, всѣ изукрашенныя, испещренныя, наполненныя именами мужичковъ-колонизаторовъ, строителей, ульторовъ Русской земли, служатъ нагляднымъ памятникомъ этой вели-

кой исторической работы и заслуги древне-русскихъ гостей, купцов
садскихъ и особенно крестьянства. И теперь всѣ эти труженики, стро
древней Россіи, городской и сельской, считая грѣхомъ быть записан
не въ писцовыя старыя книги, а въ подушную *переписную книгу* Петра
въ книгу ревизіи душъ, притяженія, прикрѣпленія личности, души
отвлеченной идеѣ государства, оставляютъ свое старое земское стр
подвергаются доброхотно *оземствованію*, бѣгутъ въ лѣса, въ горы и в
стыни, чтобъ спасти души отъ Антихриста и вновь колонизовать об
устроить посады, слободы вольныя, свободныя, на началахъ свобо
общиннаго самоустройства и общиннаго самоуправленія. По собствен
словамъ ихъ, *страхъ Антихристовъ возвѣялъ на міръ*, произвелъ *мірское*
щенье, побуждалъ ихъ бѣжать изъ міра въ пустыни. И вотъ почему
стыня, въ Антихристовы лѣта гоненья, была для гонимыхъ старов
прекрасною матерью, любезною дружиною. Вотъ одинъ изъ любимѣй
ихъ стиховъ:

Прекрасная мати пустыня,
Любезная моя дружина!
Пришелъ язъ тебя соглядати.
Потщися мя воспріяти,
И буди мнѣ яко мати,
Отъ смутнаго міра пріими мя,
Со усердіемъ въ тя убѣгаю.
Пойду по лѣсамъ, по болотамъ,
Пойду по горамъ, по вертепамъ,
Да гдѣ бы въ тебѣ водвориться.
Поставлю въ тебѣ малую хижу,
Полезное въ ней азъ увижу.
Кокушка въ тебѣ воскокуетъ,
Умильный гласъ испущаетъ,
И та мене поучаетъ.
Пойду язъ въ лѣса разгуляться,
Плодовитыя древа соглядати,
И тѣ мнѣ пользу показуютъ,
Труды любить прообразуютъ.
На которомъ деревѣ плода нѣту,
И тѣ мене поучаютъ.
Прекрасная мати пустыня!
Отъ смутнаго міра прими мя,
Аще изъ тебя и погонятъ,
Прекрасная мати пустыня,
Любезная, не изжени мя.
Не знаю себѣ, что̀ и быти,
Да гдѣ мнѣ главу подклонити,
Понеже Антихристовы дѣти
Всюду простираютъ на насъ сѣти,
Хотятъ они насъ уловити,
Антихристу покорити,
А вѣру Христову перемѣнити.
Прекрасная мати пустыня!
Отъ сего лукаваго изми мя,
Потщахся въ тебе убѣжати.

И такъ одинъ за другимъ сбѣгались старовѣры въ пустыни, и мало-
лу заселяли ихъ. По собственнымъ словамъ, стекались они въ пустыни.
овыя мѣста, «изволяюще странствіе, оземствованіе паче утѣшенія сво-
жѣстами, отъ которыхъ отступались, и сицевыми народами пустыя
а и звѣропаственныя населяхуся, и вмѣсто деревъ, людей умноженіе
зася, трава и терніи растущія въ вертограды и садовія обратишася,
и вторіи показашася населеніемъ человѣкъ». И все это стремленіе ихъ
овому колонизаціонному, общинно-экономическому самоустройству про-
кало изъ одного убѣжденія, что въ прежде населенныхъ городахъ и
хъ великорусскихъ, въ имперіи, водворился «Антихристъ, иже есть
ъ I-й». Это внутреннее, непреодолимое убѣжденіе твердило имъ, вопіяло
ихъ: «Удалятися и бѣгати намъ подобаетъ во Антихристово время отъ
ческихъ жертвъ, понеже въ откровеніи Іоанна-Богослова, въ главѣ
писано, яко церковь побѣжитъ въ пустыню, вѣрніи христіане, истин-
рабы Христовы, побѣжатъ въ горы и вертепы, и спасутся. Понеже
ъ нача гонити и льстити и искореняти останокъ Русіи, своя новыя
злы уставляя... Господь чрезъ Іеремію пророка взываетъ: изыдите
ите люди моя изъ Вавилона!»

Что жъ, однако, какая магическая сила увлеченія была въ этомъ
деніи раскола? Ужели тутъ мотивировало массы одно отвлеченно-ре-
зное, религіозно-фантастическое или мистико-апокалипсическое вѣро-
е? Нѣтъ, не думаемъ, да и нельзя думать такъ. Народъ русскій до того
тиченъ, до того склоненъ къ реализму, къ положительности, до того
особенъ оторваться отъ *земли* за облака, что *землю* взялъ за основу
о своего общиннаго устройства, соціальную гражданственность назвалъ
кимъ строеньемъ, людей называлъ *земскими людьми*, ихъ собранія и думы
кими совѣтами, земскими соборами, статистическія таблицы *земляныиъ*
мъ; единицы измѣренія и исчисленія у него были непосредственно-на-
льныя, напримѣръ: стрѣляніе лука, выть, обжа, вода и т. п. Естествен-
ть воззрѣнія до такой степени была въ духѣ народномъ, что, вотъ,
ько-что возникшее новое *согласье* раскола—*пастухово*, учитъ, что должно
ить по простой землѣ, а не по мостовой каменной: мостовая-де камен-
Антихристова выдумка. Такъ точно и всѣ массы раскола, крѣпко дер-
сь, по старинѣ, за *землю*, за *земство*, за *земское устроенье* и, подвергшись,
Антихристово время, *оземствованію*, пошли на новыя земли, въ лѣса и
ы, искать новаго колонизаціоннаго и матеріально-хозяйственнаго сво-
наго земскаго устроенья. Если тутъ есть что-нибудь мистико-идеали-
ческое, такъ это только идеальное умосозерцаніе и исканіе свободнаго
іальнаго, народоправнаго самоустройства, саморазвитія и самоуправленія,
реальной идеѣ крестьянскаго *міра, мірскаго согласья, мірскаго сходa* и
стьянской общины.

Какіе же, однако, были эти реальные, практическіе, положительные,
осредственно-жизненные мотивы эмиграціи, *оземствованія* раскола
тремленія къ новому самостоятельному, независимому земскому устро-
? Поищемъ, спросимъ, не скажетъ ли намъ объ этомъ кто-нибудь изъ
ихъ раскольниковъ или изъ современниковъ Петра, а потомъ и всѣ

согласія раскола петровской эпохи. Поищемъ въ архивахъ собствен раскольничьихъ сочиненій, ихъ историческихъ сказаній о состояні рода во времена Петра. Въ то же время письменность раскольничь лучала широкіе размѣры и самое либеральное направленіе. У раско ковъ же были талантливые писатели, въ родѣ исторіографовъ Денисов У нихъ были свои библіотеки, и даже ужъ возникали первыя въ Р книжныя лавки. «Въ Москвѣ—читаемъ еще въ соборномъ актѣ 1681 го всякихъ чиновъ люди пишутъ въ тетрадяхъ, и на листахъ и въ столб выписки, именуя отъ книгъ божественнаго писанія и продаютъ у С скихъ воротъ и въ иныхъ мѣстахъ, и въ тѣхъ письмахъ на предан святой церкви книги является многая ложь; а простолюдины, не в истиннаго писанія, пріемлютъ себѣ за истину, и выростаетъ оттог святую церковь противленіе». Мысль, ученіе раскола такъ были жизне полны вопросовъ, что и слово его изливалось обильно. Въ царствов Петра раскольничья литература сильно распространилась и получил только противоцерковный, но и гражданско-демократическій смы Многое бы можно было узнать изъ этой раскольничьей письменности ровскаго времени, еслибъ перечитать ее. Къ сожалѣнію, гоненія, т воздвигнутыя на раскольничьи книги и рукописи, истребили ихъ. П Первый, указомъ 1701 года января 31, запретилъ монахамъ держат кельямъ чернила и бумагу. А съ 1720 года, октября 5-го, является у *цензура*, или предварительный просмотръ рукописей, по слѣдующему воду: «Содѣлалось извѣстнымъ — говоритъ указъ — что въ типограф черниговской и свято-троицкой-ильинской и въ кіево-печерской печата *со многою противностью* восточной церкви, напримѣръ, въ первой изъ напечатанъ *учебный часословъ* съ ересью *раскольническою и книга богомы* гдѣ явилась многая лютеранская противность. Вслѣдствіе того, ука не печатать въ этихъ типографіяхъ ни одной книги *безъ дозволенія д ной коллегіи*». Затѣмъ слѣдовалъ указъ 1721 г. марта 20, которымъ прещалось продавать въ Москвѣ изображенія духовнаго содержанія и ги писанныя и печатныя *безъ дозволенія, подъ страхомъ жестокаго от и безпощаднаго штрафованія*. Затѣмъ, въ 1724 г., указомъ Синода пре сано было духовнымъ управителямъ объявлять раскольничьи рукопис книги. Такимъ образомъ, выходятъ справедливыми слѣдующія слова давно вышедшей раскольничьей «Церковной Исторіи»: «Старовѣры г рятъ, кому неизвѣстенъ духъ Петра І-го, какой былъ ненавистникъ д ности. Все, со временъ Алексѣя Михайловича, памятники истреб при Петрѣ! Впрочемъ, хотя многіе современные памятники вѣчному бвенію преданы, и старообрядцамъ въ Россіи, подъ строгимъ наказані отъ лѣтъ Никона, да и до нынѣ совершенно уста заключены писа церковныхъ перемѣнахъ; но, однако, у старовѣровъ малыя нѣкія тетрад изъ рукъ въ руки переписки влекутся».

Воспользуемся и мы этими «тетрадными переписками», какія подъ руками, для того, чтобъ хоть сколько-нибудь уяснить тайные, со венные мотивы земскихъ стремленій раскола съ XVIII-го столѣтія. напередъ, попытаемся, не найдемъ ли какое-нибудь *подметное письмо*

ронниковъ земства и раскола противъ Петра и его нововведеній. Под-
ныхъ же писемъ, послѣ Талицкаго, являлось множество. Самъ Петръ
алъ въ именномъ указѣ 1715 года января 25: «Многія являются под-
ныя письма, въ которыхъ большая часть воровскихъ и раскольниче-
хъ вымышленій, которыми подъ видомъ добродѣтели ядъ свой изли-
отъ». Въ этомъ же, 1715 году, въ Петербургѣ, у симеоновской церкви,
инъ старикъ подкинулъ противное Петру письмо, «не для чего иного,
лько соболѣзнуя о народѣ, *къ народной пользѣ, чтобъ какъ было легче отъ
датей*». Потомъ, въ Москвѣ, приходскій попъ Авраамъ бралъ у того же
рика какія-то «сочиненныя имъ воровскія о возмущеніи народа противъ
ескаго величества тетради, бралъ ихъ на домъ, читалъ и держалъ
льше недѣли». Потомъ, возвращая эти письма старику, попъ говорилъ,
о то онъ дѣлаетъ хорошо». Что это за «воровскія письма въ *возмущеніи
рода* противъ его величествія писанныя *къ народной пользѣ, чтобъ какъ
о легче отъ податей?*» Не найдется ли въ нихъ чего-нибудь для объ-
ненія раскольничьяго ученія о *послѣднемъ времени* и объ *Антихристѣ,
есть Петръ I-й,* для объясненія этого неудержимаго бѣгства много-
сленныхъ массъ народа, вслѣдъ за расколомъ, въ лѣсныя согласія, отъ
ней многихъ и новшествъ» Петра? И кто сочинялъ и подкидывалъ всѣ
письма? Поищемъ и разсмотримъ.

На первой недѣлѣ великаго поста, въ 1718 г., въ одной изъ отда-
нныхъ улицъ Москвы, недалеко отъ Сухаревой башни, въ деревянномъ
мѣ, въ бѣдной палатѣ своей, сидѣлъ съ листомъ въ рукѣ, старикъ,
убоко задумавшись. Передъ нимъ на столѣ разбросана была кипа тетра-
й. Въ одной тетрадкѣ, въ четвертую долю, на 18 страницахъ, «выпи-
о вкратцѣ изъ книги св. отца Григорія Богослова, *ко признанію мужа
рактира, дѣло гражданина,* при смѣшеніи судіи и законоположника: по-
лѣдняго чиномъ, перваго же дѣломъ таинственнаго измета ученіе». Въ
нцѣ этой тетрадки — приписка старика о *характерѣ, о дѣлѣ гражданина,*
намекомъ на характеръ Петра I-го: «а той образъ такой же внезапу
йде на насъ» приписалъ старикъ, сказавши «о злыхъ и горькихъ мно-
хъ видахъ того характера». Возлѣ лежали выписки изъ *апокалипсиса,*
ь псалмовъ Давида, изъ другихъ библейскихъ книгъ и изъ твореній
игорія Богослова и Григорія Назіанзина. Далѣе, въ четвертой тетрадкѣ,
омѣ выписокъ изъ Григорія Богослова, приписано самимъ старикомъ
началѣ какое-то «моленіе къ велицимъ господіемъ, сопрестольніимъ
ціямъ и вождямъ», а въ концѣ — «къ архипастыріемъ всея вселенныя,
икія Россіи учителіемъ». Въ концѣ такая, между прочимъ, приписка
рика: «написалъ сіе мнѣніемъ своимъ или чьимъ свыше повелѣніемъ
ь *многой туги и скорби своей видѣлъ озлобленіе и преткновеніе израилевыхъ
дей,* за ревность и жалость дому святаго и душъ христіанскихъ непо-
нно влекущихъ, но молю стократно вашу святыню... у земнаго царя
лежно упросите, чтобъ онъ *за великимъ страхомъ своимъ* не повелѣлъ вамъ
предати духовной казни». И много другихъ бумагъ лежало на столѣ.

Старикъ держалъ въ рукѣ письмо, которое начиналось текстомъ такъ:
жественное писаніе глаголетъ, слушателіе православные; что есть че-

ловѣкъ, яко помниши его... Славою и честію вѣнчалъ еси его, пост
еси его надъ дѣлы руку твоею, вся покорилъ еси подъ нозѣ его,
же остави ему непокорена, покорена ему суть всяческая, сотвори его
по образу и по подобію своему и самовластну повелѣно быти». Подл
столѣ, лежалъ особый листъ, на которомъ написанъ былъ отдѣльно это
текстъ. На глубокія и вмѣстѣ грустныя думы наводилъ старика
стихъ, которымъ начиналось письмо. Онъ думалъ о высокомъ достои
человѣка, о его естественномъ правѣ на личную свободу, на полн
моуправленіе, даже на покореніе себѣ природы. И потомъ, вдругъ
этой думы, старческій лобъ его нахмуривался, напрягался глуб
морщинами, какъ бы нависая надъ глазами, а глаза нѣсколько вка
лись, впадали въ глубь подлобья. И мрачная туга, скорбь, грустная
отражались въ эту минуту на лбу старика. Отъ идеала текста мысл
переносилась къ мрачной, грустной дѣйствительности въ судьбѣ рус
человѣка. Отъ высокаго идеала текста старикъ перенесся къ печал
состоянію всего русскаго народа, въ то тяжелое время казни стрѣл
жестокихъ рекрутскихъ наборовъ, безпрерывнаго увеличенія налог
сборовъ съ міру, безчеловѣчныхъ правежей, гибели посылаемаго н
тысячами въ Петербургъ, жестокаго гоненія раскола, и проч. Отъ и
текста дума старика пронеслась по всей широкой землѣ Великору
по всѣмъ городамъ и селамъ, по всѣмъ хижинамъ горя-злочастья, и
по лѣсамъ заповѣднымъ... И вдругъ, морщины на лбу у него сглад
глаза сверкнули огнемъ, и тяжелая туга души, боль сердца облегч
восторженной, твердой рѣшимостью... И пятидесятисеми-лѣтній ст
бывшій подьячій въ Артиллерійскомъ Приказѣ, старообрядецъ Докукин
шился прибить въ Петербургѣ, на площади у Троицкой церкви, возлѣ д
Петра, сочиненное имъ возмутительное письмо, которое онъ держа
рукахъ. Изъ этого-то письма мы узнаёмъ, что тогда, кромѣ м
другаго, мутило, *раскалывало* пополамъ земство, не только ра
няло, расщепляло его на сословія, но и отторгало, отщепляло
него огромную массу народа въ расколъ. Какъ многочисленныя
земства бѣжали, вслѣдъ за расколомъ, въ лѣса и пустыни,
кались отъ государства по тому убѣжденію, что настало посл
время Антихристово, такъ и Докукинъ хотѣлъ взбунтовать н
также «признавая, яко бы *нынѣшнее послѣднее время*».Съ этой
зрѣнія онъ раскрылъ намъ многія жизненныя причины, побужд
народъ бѣжать въ лѣса и пустыни, для новаго самоустройства и т
промышленнаго обзаведенія. Вотъ то письмо, которое Докукинъ х
прибить у Троицкой церкви:

«Божественное писаніе глаголетъ, слушателіе православные: чт
человѣкъ, яко помниши его, или сынъ человѣческій, яко посѣщаеш
умалилъ еси его малымъ чѣмъ отъ ангелъ, славою, честію вѣнча
его и поставилъ еси его надъ дѣлы руку твоею, вся покорилъ е
подъ нозѣ его, ничто же остави ему не покорено, покорена же су
всяческая, но сотвори его Богъ по образу и по подобію своему
властну ему повелѣно быти.

«Что смѣемъ отвѣщать противу слова сего, мы, отъ новаго Израиля Іерусалима, живущіе во Христовѣ вѣрѣ царствующаго града Москвы и очихъ россійскихъ градовъ жительствующіе? речемъ ли что противу лы онаго божественнаго писанія, или оставимъ? Если *нынѣ* вѣрно намъ ово сіе, или *ни отвѣщаемъ ли что, или положимъ устомъ своимъ хранило, неже стако противу рожна прати...*

«Но зрите, о правовѣрные христіанскіе роды, како мы... здѣсь жи-щіе на землѣ, отъ онаго божественнаго дара многіе отрѣзаеми и свобод-й жизни лишаеми, гоними изъ дому въ домъ, изъ мѣста въ мѣсто, изъ ада во градъ, оскорбляемы, озлобляемы, домовъ и торговъ, земледѣль-ва, такожде и рукодѣльства, и всѣхъ своихъ прежнихъ промысловъ... всякаго во благочестіи живущихъ состоянія, и градскихъ и древле тавленныхъ законовъ лишились; о суетныхъ своихъ дѣлахъ и въ лест-ыхъ ученіихъ обычай свой измѣнили, слова и званія нашего славянскаго ыка и платья перемѣнили, главы и брады обрили и персоны свои руга-льски обезчестили; нѣсть въ насъ вида и доброты разнствія съ иновѣр-ми языки... послѣдуемъ ихъ нравамъ и законамъ... Смѣшашася языкомъ дѣломъ ихъ навыкоша, а свои христіанскіе обѣты опровергоша... и пра-ый путь у насъ исчезоша, страннымъ и невѣдомымъ путемъ пойдоша... и неу-обной и стремнинной путь себѣ многими трудами и потами пріобрѣтоша, ободныя власти и чести отпадоша, по оному божественному писанію мъ дарованныя, видимъ дѣломъ совершаемо, а не письму сему послѣ-емъ. Древеса самыя нужныя въ дѣлахъ нашихъ повсюду заповѣданы ша, рыбныя ловли и торговые и завоцкіе промыслы отняты многіе и здѣ бѣдами погружаемы, на правежехъ стоя отъ великихъ и несносныхъ датей и не... оброковъ налагаемыхъ, гладомъ истаеваеми и многіе отъ го умерщвляеми, домы и приходы запустѣли, святыя церкви обетшали, еводѣлей и каменосѣтцевъ отгнали, плинѳы на созиданія церквей и до-овъ дѣлать заказали, на воздухъ пути намъ къ жизни не указали и сами ебѣ тамошняго пути не сыскали, а пришельцевъ иновѣрныхъ языковъ едро и благоутробно за сыновленіе себѣ восприняли и всѣми благами хъ наградили, а христіанъ бѣдныхъ бьючи на правежахъ и съ податей воихъ гладомъ поморили и до основанія всѣхъ разорили и отечество аше пресловущіе грады... опустошили. И что̀ иное рѣщи! И писанія не-добно изнести: удобнѣе устномъ своимъ ограду положить. Но вельми ердце ми болитъ, видя опустошенія новаго Іерусалима и людъ въ бѣдахъ звленъ нестерпимыми язвами»...

Вотъ какіе горькіе мотивы, между прочимъ, двинули многочисленную ассу земства въ расколъ, въ лѣса... Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ подумаемъ...

Люди старой вѣры, вмѣстѣ съ Докукинымъ, вопіяли при Петрѣ, во-ервыхъ, противъ *лишенія свободной жизни*, и многіе отъ того бѣжали въ асколъ. Этотъ вопль былъ не только выраженіемъ естественнаго права ароднаго, но и проистекалъ изъ историческихъ, изстаринныхъ воспоми-аній приверженнаго къ старинѣ народа. Встарину всѣ земскіе люди, сти посадскіе и крестьяне, пользовались полнымъ правомъ житейской

свободы, жили *на всей своей волѣ*. Горожане назывались *вольными муж*
крестьяне тоже—*вольными, охочими людьми*. Свобода была основой земс
территоріальнаго устройства народной жизни. Принципомъ свободнаго
хода земскихъ людей было правило: *вольнымъ воля*. Въ самомъ наз
усадьбы, осѣдлости, ассоціаціи вольнаго, свободнаго труда выразилась
свободы: свободное торгово-промышленное поселеніе называлось *слобод*
отъ слова *свобода*; писалось: *ослободилъ слободу поставить*. Вслѣдствіе с
ной, несдержимой, полной воли развился въ народѣ могучій колон
ціонный духъ, широкій разгулъ, просторъ воли. Новгородскій *ушкуйн*
волжскій *бѣгунъ, бѣглецъ* древней Россіи—вотъ типы этой воли и свобод
колонизаціоннаго духа. Вслѣдствіе исконной, естественной свободы жи
земскіе люди привыкли къ свободному выбору поселенія—на посадѣ, ил
селѣ, или въ лѣсномъ починкѣ; привыкли къ свободному выбору труда—т
промысла, ремесла или земледѣлія: не знали какихъ-нибудь ратушныхъ
снительныхъ ограниченій и условій, кому торговать и промышлять пр
кихъ условіяхъ; не знали паспортовъ—прикрѣпленности къ мѣсту или со
вію, цеховой корпоративной замкнутости и крѣпостности, и т. п. И в
когда появилось первое ограниченіе воли, прикрѣпленіе къ мѣсту, вм
съ государственнымъ тягломъ; когда настало прикрѣпленіе крестьян
сельской землѣ, посадскихъ къ посадской—земскіе люди постоянно
вали отъ тягла, стремились *жить на льготѣ, на волѣ, не хотя быть въ т*
чинились сильны и государеву указу непослушны, бѣжали на волю, самох
селились въ льготныя, свободныя торгово-промышленныя слободы. Въ X
вѣкѣ образовался такимъ образомъ огромный классъ народонаселенія
называемыхъ *вольныхъ гулящихъ людей* и *избылыхъ отъ тягла*. Эти *вол*
гулящіе люди саможизненно, фактически выразили реакцію, протестацію
тивъ правительственнаго *лишенія* народа *свободной жизни*. Точно также, вс
ствіе естественнаго стремленія земства, вольныхъ, охочихъ людей къ
бодному колонизаціонному и экономическому самоустройству, въ XVI
столѣтіи, во всѣхъ областяхъ, около всѣхъ городовъ, заселились бол
богатыя торгово-промышленныя *слободы*. Развиваясь на льготѣ, на своб
эти слободы легко богатѣли, процвѣтали торговлей и промышленнос
тогда какъ рядомъ съ ними тяглыя, несвободныя общины посто
бѣднѣли, оскудали и разорялись. «Нынѣ (читаемъ въ актахъ про свобод
слободы) на Москвѣ и около Москвы и по городамъ, на посадахъ и о
посадовъ, заведены слободы... а въ тѣхъ слободахъ живутъ многіе т
вые и ремесленные люди и дворники торговые крестьяне, и всякими
мыслами и торгами большими на Москвѣ и въ городахъ торгуютъ и пр
шляютъ, и многими лавками и амбарами и соляными варницами посадс
владѣютъ... а живутъ они всегда во льготѣ». Это свободное, колониза
ное, самоустройство слободъ выразило жизненно-народную реакцію про
указно-правительственной колонизаціи, противъ лишенія свободной ж
въ казенныхъ, тяглыхъ общинахъ; выразило естественное стремленіе на
къ свободному общинному самоустройству. А это живое экономиче
процвѣтаніе свободныхъ торгово-промышленныхъ слободъ, въ проти
ложность *обѣднѣнію, обнищанію* несвободныхъ тяглыхъ общинъ, выр

естественный результатъ, законъ свободнаго экономическаго развитія, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляло живой, фактическій протестъ противъ всякаго стѣсненія народной торгово-промышленной жизни. Отсюда видно, что сама жизнь народа естественно просилась къ свободному территоріальному самораспредѣленію и экономическому саморазвитію. А какъ во второй половинѣ XVII-го вѣка и въ царствованіе Петра, съ развитіемъ всеобщей, всенародной крѣпостности и повинности государству, и свободныя торгово-промышленныя слободы дѣлались *государевыми*, казенными, и классъ вольныхъ гулящихъ людей уничтожался, то, естественно, это должно было вызвать реакцію со стороны всѣхъ этихъ вольныхъ гулящихъ людей и свободныхъ слободъ. Вольные *слободскіе люди*, привыкшіе жить въ своихъ слободахъ на льготѣ, на свободѣ, несмотря на всѣ запретительные указы съ 1648 по 1710 годъ, упорно продолжали жить въ слободахъ, не платя тягла. А когда Петръ сталъ ихъ сильно преслѣдовать и принуждать нести тягло и службы вмѣстѣ съ тяглыми посадскими людьми, многіе изъ нихъ бѣжали въ лѣса, къ раскольникамъ, въ Малороссію, въ Сибирь, и тамъ заселяли и основывали новыя *раскольничьи слободы*. Къ нимъ туда съ охотой бѣжали и изъ тяглыхъ посадовъ купцы и посадскіе, жаждавшіе свободной жизни. Точно также поступали и вольные гулящіе люди. Петръ Первый указомъ 1 іюня 1722 года рѣшительно уничтожалъ классъ свободныхъ, вольныхъ гулящихъ людей: они должны были идти въ солдаты, а если въ военную службу не годятся, то искать другихъ службъ, или поступать въ полные холопы къ частнымъ лицамъ; они уже не могли оставаться безъ службы, или, въ противномъ случаѣ, ссылались, какъ праздношатающіеся, на галерную работу. Несмотря на этотъ указъ, вольные гулящіе люди оставались и послѣ Петра. А при немъ отъ военной службы, отъ холопства и отъ галерной работы они бѣжали въ расколъ. Пока не было еще согласія *бѣгуновъ*, они приставали ко всякой странствующей пропагандѣ раскола, и въ расколѣ, по старинѣ, оставались вольными гулящими людьми, привольно бродили отъ Польши до тобольскихъ раскольничьихъ слободъ, отъ поморскихъ скитовъ до керженскихъ лѣсовъ.

При Петрѣ всѣ лишались свободной жизни. Ревизія 1719 года каждую душу отъискивала, записывала въ «переписную книгу», дѣлала крѣпостною государству. Паспортъ прикрѣплялъ къ мѣсту или сословію. Фискалы на каждомъ шагу слѣдили за гражданами, тайно подслушивали подъ окнами ихъ домовъ, привязывались къ зажиточнымъ крестьянамъ и посадскимъ, къ богатымъ купцамъ. Каждый, дворянинъ ли, крестьянинъ ли, купецъ ли, долженъ былъ то-и-дѣло ждать «жестокой приказной присылки» изъ Губернской Канцеляріи, изъ Губернскаго Приказа. Вдругъ наѣзжали солдаты, сковывали и «за пустую справку приказную» отрывали отъ семьи, отъ работы, волокли со всякою отповѣдью въ городъ, за 500, за 600 верстъ, недѣль на 10. Молодой крестьянскій парень только-что женился, а тутъ вдругъ наѣзжали офицеры съ командой, сковывали его, въ цѣпяхъ, въ страшную распутицу, вели въ городъ забрить въ рекруты и сажали въ тюрьму или въ острогъ. А крестьяне, въ силу крѣпостнаго состоянія, лишались даже и права жениться безъ дозволенія помѣщика.

Плачется, напримѣръ, и «бьетъ челомъ государю своему Ивану Прок
вичу крестьянишко его Панька Кузминъ: волею Божіею женишка у
умерла, а послѣ ее остались трое робятъ; и я, сирота твой, другой го
женатъ, а въ чужихъ барщинахъ не даютъ, за выводъ прошаютъ
по три за дѣвку; и ты пожалуй меня крестьяниномъ по старому, ес
твоемъ государевомъ помѣстьѣ, въ деревнѣ Полутицѣ, дѣвка у М
Абрамьева; и ты пожалуй меня, сироту твоего, Иванъ Прокофь
ослободи меня на той дѣвкѣ жениться. А Мишка Абрамьевъ жеребей
свой совсѣмъ покинулъ, могуты его пахать не стало, а онъ, Мишка
дѣвкою хочетъ брести изъ твоего государева помѣстья прочь».
также и посадскимъ людямъ запрещено было жениться на волос
дѣвкахъ и выдавать замужъ дочерей своихъ безъ увольнительныхъ в
Такіе безправные, даже и въ семейномъ отношеніи, посадскіе и кре
охотно бѣжали въ скиты раскола, гдѣ и браковъ вовсе не было, а
«любовь Христова», женщины были эманципированы расколомъ, или
основывался только на взаимномъ согласіи, на любви, да много-что и
на благословеніи родителей. Крестьяне, признавая несвободный брак
союзъ мужчины съ женщиной, не истиннымъ, сами отправляли д
своихъ въ раскольничьи скиты, какъ напр. говорилъ одинъ пом
крестьянинъ: «нынѣ-де истиннаго брака нѣтъ; а нынѣ-де онъ бо
дочь свезъ въ Выгорѣцкое общежительство, да и младшую дочь
туда же отдать». Равнымъ образомъ туда же, въ мірскія согласья ра
бѣжали и крестьяне, которыхъ тогда,—по словамъ указа Петра, 15 а
1721 года,—*продавали какъ скотовъ, врознь*! Бѣжалъ въ расколъ всякі
тяготился угнетенностью, порабощенностью личности, желалъ своб
исхода, свободной жизни. Расколъ всѣхъ принималъ. Онъ возвыш
своихъ ученіяхъ нравственное, человѣческое достоинство простыхъ
возводилъ ихъ въ почетныя выборныя должности, въ бородѣ видѣлъ
и подобіе Божіе, знакъ естественнаго равенства всѣхъ людей. Ра
хотя и самъ подвергался при Петрѣ жесточайшимъ гоненіямъ, н
оппозиціей за свободу жизни и равенство правъ. Это направленіе ос
бенно обозначится со второй половины XVIII столѣтія.

Далѣе, Докукинъ въ листѣ своемъ вопіялъ: «Гоними изъ до
домъ, изъ мѣста въ мѣсто, изъ града во градъ, домовъ и торговъ,
дѣльства, такожде и рукодѣльства, и всѣхъ своихъ прежнихъ пром
лишились... Рыбныя ловли и торговые и заводскіе промыслы от
Дѣйствительно, если только вспомнить, какъ въ царствованіе А
Михайловича и въ царствованіе Петра крестьянъ и посадскихъ пос
свозили, вывозили, перевозили съ мѣста на мѣсто, съ посада на посад
деревни въ деревню, или изъ селъ на посады, съ посадовъ въ села,
за нѣсколько сотъ, даже тысячъ верстъ, то можно себѣ представит
крестьяне и посадскіе, въ самомъ дѣлѣ въ этой постоянной вознѣ и
движкѣ лишались торговъ и промысловъ, земледѣлія и рукодѣлій.
скіе и крестьяне, по естественному стремленію къ благосостоян
старинному праву свободнаго перехода, искали себѣ мѣстъ, гдѣ был
льготнѣе, свободнѣе, промышлять или торговать выгоднѣе. И тол

оренялись они въ такихъ мѣстахъ, обзаводились торгами или промыс-
ми, начинали на льготѣ разживаться, какъ наѣзжали сыщики, воеводы
солдатами и вывозили ихъ на прежнія, покинутыя ими, мѣста; или
ивъ кнутомъ нещадно по торгамъ, ихъ ссылали въ Сибирь на Лену»,
корнемъ разоряли. Между тѣмъ крестьяне и посадскіе, естественно,
лая жить, торговать, промышлять свободно, не имѣя *могуты* или *не хотя*
атить государевыхъ доходовъ, и *презрѣвъ всѣ прежніе великихъ государей*
азы, опять неудержимо бѣжали. Въ 1682 г. всѣ помѣщики и вотчинники
общей челобитной своей жаловались царямъ Іоанну и Петру, что *«ихъ*
естьяне,—подымаючи ихъ на дальнія службы и платя великаго государя
якія подати,—отъ нихъ многіе разбѣжались». Опять жестокіе сыски,
ревозы крестьянъ съ мѣста на мѣсто. Тѣ же сыски, отвозы да
ревозы крестьянъ, по указамъ 1683, 1698, 1706 и 1707 годовъ—и
стоянно крестьяне лишались торговъ и промысловъ. Лишая крестьянъ
ободно-выбранныхъ ими мѣстъ жительства, пахотныхъ земель, рыбныхъ
другихъ промысловъ, не давали имъ и въ городахъ свободно жить и
рговать. Указомъ 1700 года 11-го марта предписано было: крестьянъ,
ившихъ въ городахъ и платившихъ тягло, *взять* въ посады; а которые
ъ нихъ въ посады не хотѣли, тѣмъ запрещалось вовсе и жить въ горо-
хъ и торговать: запечатывали и конфисковали ихъ лавки, кожевенные
другіе заводы, и продавали. Князь Щербатовъ, хотя рѣзко, но справед-
во выразился о такихъ поступкахъ съ крестьянскими промыслами, что
удо поступили съ крестьянами, когда вдругъ лишали ихъ промысловъ
родскихъ». Далѣе, указомъ 29 октября 1707 года, крестьяне были лишены
ава брать на откупъ таможенные и кабацкіе сборы потому только, что
и вѣдались не въ ратушѣ и изъ нихъ, въ это время, набирались въ
агуны, солдаты и рекруты. Между тѣмъ многіе промыслы, прежде при-
длежавшіе крестьянамъ, теперь отдавались на откупъ заводамъ и другимъ
нополистамъ, напримѣръ, рыбныя ловли въ Архангельской губерніи.
рестьяне уходили артелями на заработки, наприм. въ низовые города и въ
угіе—кормиться красильнымъ промысломъ или другимъ какимъ-либо,
рговать, и ихъ по причинѣ правежей съ міра тягла, отрывали отъ зара-
тковъ и промысловъ, тащили на тѣ мѣста, гдѣ они были приписаны.
плакатѣ 1724 года іюня 26 предписано было отпускать крестьянъ на
боту съ паспортами не далѣе какъ на 30 верстъ отъ ихъ мѣстожитель-
ва. Между тѣмъ сколько народу сгоняли на казенныя работы и промыслы
тысячи верстъ!! Для постройки Петербурга пригоняли ежегодно, вте-
ніи многихъ лѣтъ сряду, изъ самыхъ дальнихъ областей, до 40,000 ра-
тниковъ! Для постройки крѣпости на островѣ Котлинѣ также тысячи
рода вызывались изъ губерній: указомъ 16-го января 1712 года требова-
сь 3,000 работниковъ; въ 1714 году требовалось въ Петербургъ и на
тлинъ—«къ городовымъ дѣламъ»—34,000 человѣкъ! Тысячи народа
нялись въ Азовъ; для прорытія Ладожскаго канала на 104 версты, на
зенные заводы. Устроивъ болѣе 200 фабрикъ и заводовъ, Петръ припи-
тъ къ нимъ тысячи крестьянъ! Смотрители заводскіе наживались, въ
ербъ самой коронной казнѣ, а крестьяне изнурялись отъ заводской

работы, безъ домашняго хозяйства. Всѣ эти работы, очевидно, отрывали народъ отъ торговъ, ремеслъ, заводскихъ и другихъ промысловъ. Докукинъ жалуется, что *древодѣлей и каменосѣчцовъ отгнали*. И точно, съ 1712 года по 1718 постоянно переводили, сгоняли въ Ингерманландію каменьщиковъ, кирпичниковъ, мастеровыхъ людей и ямщиковъ, и такимъ образомъ лишали крестьянскія волости нужныхъ людей; плотники изъ дворцовыхъ волостей были наряжаемы въ 1716—18 годахъ для заведенія русскихъ слободъ около мызы Сари. Въ 1702 году даже изъ Кунгура,—по указу правительства,—высылали плотниковъ для строенія города Затона, а кузнецовъ на Таганъ-Рогъ! Такія казенныя отлучки и работы естественно отрывали крестьянъ отъ заработковъ, промысловъ и ремеслъ, да и крестьянскія волости лишали хорошихъ каменьщиковъ, кирпичниковъ, плотниковъ и другихъ мастеровыхъ людей. Затѣмъ Докукинъ жаловался, что земскіе люди «на правежѣхъ стоя отъ великихъ и несносныхъ податей и оброковъ, съ голоду помирали и до основанія разорялись; что на правежѣхъ ихъ били нещадно». Все это вопіющая истина, которую изображалъ Посошковъ, въ которой сознавался самъ Петръ во многихъ своихъ указахъ. Въ именномъ указѣ сенату въ 1717 году онъ самъ писалъ: «Господа Сенатъ! Я слышу по сторроннимъ вѣдомостямъ, что въ губерніяхъ несносные правежи чинятся». Правежи тиранили народъ, подати и безчисленные и разнообразные поборы не только поземельные и подушные, но и хомутейные, прикольные, посаженные, мостовые, пчельные, банные, кожные, покосовшинные, съ подводчиковъ десятые и тому подобные вымышленные сборы просто разоряли народъ, или причиняли *людямъ трубацію великую*,—какъ выразился Посошковъ. Оттого расколъ и возсталъ противъ *даней многихъ*.

Какъ крестьянъ, такъ и торговыхъ людей отрывали отъ торговли. Напримѣръ, изъ городовъ Европейской Россіи посылали купцовъ на службу, въ головы и цѣловальники, въ отдаленные сибирскіе города. Кромѣ того, многіе гости всѣхъ сотень, купецкіе, посадскіе и промышленные люди всѣхъ черныхъ сотень, *отъ волокитъ и притѣсненій приказныхъ людей вовсе отбыли своихъ торговъ и промысловъ*,—какъ писалъ самъ Петръ въ указѣ 30 января 1699 года. Далѣе, Берг-Коллегія и Мануфактуръ-Коллегія, централизуя въ казенное вѣдомство мѣстнообластные естественные матеріалы и условія народной промышленности и раздавая привилегіи бо́льшею частью однимъ иностранцамъ, лишали тысячи народа вольныхъ ремеслъ, заводскихъ и рукодѣльныхъ промысловъ! Между тѣмъ и для видовъ самого правительства, Мануфактуръ-Коллегія—по словамъ Щербатова—«разными злоупотребленіями не только полезна, но и вредна учинилась». Затѣмъ, были цѣлые разряды людей, напримѣръ, служилые, которымъ рѣшительно воспрещались какіе бы то ни было торговые промыслы. Наконецъ, за одно брадобритіе, за старую вѣру, лишали права на подряды, отрывали отъ домовъ, отъ торговъ и промысловъ, везли въ застѣнки Преображенскаго приказа и Тайной Канцеляріи, ссылали въ Рогервикъ, въ Сибирь. Отрывая отъ собственныхъ промысловъ, гнали ихъ на работу въ казенные заводы. Отъ этого гоненія старообрядцы оставляли свои домы и промыслы и разсѣевались по лѣсамъ. Такъ было, напр., послѣ 1702 года.

да выговцевъ заставили работать на желѣзныхъ заводахъ повѣнецкихъ. отъ того времени—говоритъ лѣтописецъ ихъ—Выговская пустынь быти а подъ игомъ работы у повѣнецкихъ заводовъ, а вѣдома на петровскомъ одѣ. И начаша людіе съ разныхъ городовъ,—старовѣрства ради,—отъ енія собиратися и поселятися по блатамъ, по лѣсамъ, между горами и тепами и между озерами, въ непроходимыхъ мѣстахъ скитами и собенно келіями, гдѣ возможно». Во внутреннихъ великорусскахъ облахъ, старовѣры скитались изъ дома въ домъ, изъ города въ городъ, изъ а въ село, чтобъ только укрыться отъ гоненія. «Многіе раскольники—таемъ въ сенатскомъ указѣ 1722 года—не хотя себя объявить, кроются, еходя живутъ по городамъ, селамъ и деревнямъ, гдѣ имъ сколько тѣмъ рывательствомъ прожить возможно. И для того укрывательства наймуютъ мли, дворы и прочія жилища, дабы познаваемы не были». Безпрестанные носы и строгіе розыски также заставляли старообрядцевъ скитаться изъ ста въ мѣсто. Напримѣръ, когда въ Поморьи попъ Космозерскаго села несъ отпиской въ Олонецъ, что «изъ Выговской пустыни соловецкіе рцы для ученія народа ходятъ по волостямъ и изъ оныхъ старцевъ ного, именемъ Питирима, поймали и послали за карауломъ въ Олонецъ», происшествіе возбудило дѣятельные и строгіе розыски. «И бысть въ время всѣмъ старовѣрамъ страхъ велій и въ Суземскѣ бысть страхъ ѣмъ боящимся гонителей, и всякому жителю пустынному бѣжащу отъ ихъ келій»—говоритъ «Исторія Выговской пустыни». Даніилъ Викуъ, за которымъ послана «погоня и сыскъ», принужденъ былъ скитаться пустыннымъ мѣстамъ, по островамъ въ Онежской Комсогубѣ, скрываясь шалашахъ у рыбаковъ. На Саро-озерѣ раскольникъ Харитонъ сжегъ ню «того ради, дабы слухъ прошелъ, яко бы людіе гонимін сгорѣша». па испуганныхъ раскольниковъ скиталась всю весну въ чащахъ лѣсхъ. Точно такъ было въ стародубскихъ лѣсахъ, когда стародубскому ковнику приказано было тамошнихъ раскольниковъ обращать въ правіе. «Таковому указу разгласившуся—повѣствуетъ историкъ бѣглоовщинскій—ревнители древнихъ преданій бѣгу яшася, по разнымъ тамъ разліяшася; гоненію въ Великороссіи на старовѣрцы належащу, зи оставляюще своя отечества, течаху во оная на Вѣткѣ прославляемая та, изволяюще странствіе, оземствованіе паче утѣшенія своихъ мѣстъ». Дону то же было при Петрѣ. Казачій атаманъ Некрасовъ, съ товарими своими: Гавриломъ Чернецомъ, Иваномъ Дранымъ, Козьмою и вельемъ Вориновыми, набралъ на Дону кружокъ людей, и, разграбя енія около Царицына, Дмитріевска и Саратова, ушелъ съ ними на бань, отдавшись въ подданство крымское, въ 1708 году. Къ нему туда шами побѣжали гонимые въ Россіи раскольники, оставляя домы и мыслы, побѣжали казаки съ Дону, изъ Голубинской, Чирской и угихъ станицъ. Тамъ всѣ эти бѣглые раскольники поселились цѣлыми бодами между станицъ казачьихъ.

Вслѣдствіе такихъ гоненій, по причинѣ разоренія многихъ купечехъ, посадскихъ и крестьянскихъ домовъ, торговъ, сельскаго хозяйства, еслъ и заводскихъ промысловъ, естественно многочисленныя массы

должны были искать новыя, свободныя отъ гоненій и запрещеній, м
поселенія, вновь заводить торги и промыслы. И вотъ, раскольничьи ск
и слободы, несмотря на всѣ гоненія, уже при Петрѣ мало-по-малу обст
вались въ лѣсахъ новыми *починками*, расчищали изъ-подъ лѣсовъ па
и огороды, обзаводились торгами и промыслами. Съ *починковъ* начина
раскольничья колонизація въ лѣсахъ, какъ и въ древней Россіи было,
первоначальной колонизаціонной расчисткѣ и обстройкѣ Великорусс
Земли. Такъ въ керженскихъ лѣсахъ *починками* назывались первонача
ныя раскольничьи поселенія, состоявшія изъ одного двора или
одной кельи. Какъ въ древней Россіи,—по словамъ одного памятн
XIV вѣка,—земледѣлецъ *паче дому любилъ пустыню*, сначала одинъ з
рался въ темный, дремучій лѣсъ, и *посажалъ починокъ на лѣсу*, потомъ
нему приходили другіе вольные, охочіе люди и ставили новые почи
такъ и при Петрѣ, одинокій старецъ углублялся въ лѣса, ставилъ *к*
или келью, «пахалъ пашню кочерюгою и сѣялъ подъ гарью». Потомъ
нему приселялись другіе, третьи и т. д. Лѣсная скитская колонизаці
культура раскольничья совершалась точно также, такъ въ древней Ро
шла колонизація и культура, подъ вліяніемъ монастырей и пустынь. В
напримѣръ, пришелъ въ Сѣверное Поморье, около 1691 года, старецъ К
нилій, сынъ земледѣльца изъ Тотьмы. Долго скитался онъ изъ пуст
въ пустыню; наконецъ, поселился на рѣкѣ Выгѣ, въ особомъ скитѣ,
верховскихъ лѣсахъ. Около него приселился скитникъ, старецъ Сергій,
молодою дѣвушкою, сестрою своею, и помогалъ въ работахъ старцу К
нилію. Слухи объ отшельникѣ старцѣ-Корнилiѣ распространились въ
морьѣ.

«И начали людіе—говоритъ «Исторія Выговской пустыни» — къ
Корнилію приходити отъ градовъ и волостей отъ гоненія; онъ же
учаше древле-церковное благочестіе хранити, а отъ Никоновыхъ нов
бѣгати и удалятися». И вотъ стали къ нему собираться выходцы
онежскихъ погостовъ, изъ нижегородскихъ лѣсовъ, изъ Москвы и
другихъ мѣстностей Россіи, гонимые преслѣдованіемъ старой вѣры,
лились по р. Выгѣ, на рѣчкѣ Ковжѣ, у Таго-озера, около погоста Масе
у Воло-озера, у Тамбичь-озера, у Кодо-озера, у Викмозера. Пришелъ въ пу
ню Выговскую и знаменитый въ исторіи раскола Андрей Денисовъ, изъ
вѣнца, и поселился съ товарищемъ своимъ Иваномъ Бѣлоутовымъ, ме
озерами Таго и Бѣлое. «Въ чащехъ лѣса скитающеся—такъ разсказыв
«Исторія Выговской пустыни» о первоначальномъ поселеніи Андрея Д
сова—богородное оное и самоизлюбленное начинаютъ житіе: ни ст
ни покрова отъ зимнія студени имуще, огненнѣй точію пресѣдяще н
и отъ принесенныхъ съ собою потребъ мало вкушающе. Зимнему же
шедшу времени и весеннимъ солнцемъ озаряемымъ днемъ начи
щимся, келію себѣ малу соградиша, между двѣма езерами, ею же е
Тагозеро именуется, другое же Бѣлое нарекается. На таковомъ пус
вселившеся мѣстѣ, гору точію сожительницу и ручей себѣ сосѣда избра
Потомъ, соединившись въ одинъ скитъ съ Даниломъ Викулинымъ, Ан
Денисовъ съѣздилъ домой, увезъ отъ отца своего «вещь честну же и тя

у, сестру свою любезнѣйшую дѣвицу Соломонію». Начались въ кружкѣ вшейся братіи новые труды: постройка жилищъ, расчистка лѣса подъ ю. Услышалъ объ этомъ неподалеку жившій скитникъ Захарій Стевъ и явился къ нимъ на лыжахъ приглашать къ себѣ. Этотъ скит- удалился съ отцомъ своимъ, матерью и сестрами въ пустыню «отъ тельнаго мученія и мірскаго смущенія» еще въ 1691 году. Онъ былъ ль прежде Толвуйской волости. Мѣсто на р. Выгѣ, гдѣ поселился рій, было покрыто густо лѣсомъ: сосною и ельникомъ по обѣимъ гамъ рѣки. Весною они обрубили сучья у деревьевъ по берегу на значльное разстояніе и зажгли; время было сухое, лѣсъ разгорѣлся, деревповалились, и новые жители на огневищѣ начали хлѣбъ сѣять, мѣшая ь съ ячменемъ. Захарій перезвалъ къ себѣ все общество Данилы Викул. «И собрашася всѣ на мѣсто—говоритъ Выговская Лѣтопись,—и помоиеся Богу и пѣша молебенъ на мѣстѣ и начаша бревенъ сѣщи валь-, около того мѣста». Началась въ широкихъ размѣрахъ обстройка овскаго общежительства. Данила Викулинъ былъ «собиратель брат-». «И поживши зиму и лѣто—продолжаетъ та же лѣтопись—трудил и на осень начаша бревны сѣщи... И начаша къ нимъ люди прихоі изъ разныхъ мѣстъ и градовъ и оные же отцы Даніилъ и Андрей имающе ихъ съ любовью и учаше... Но въ то время еще весьма дно живуще, нужнымъ и скуднымъ пустыннымъ житіемъ... и съ волоі къ нимъ въ пустыню тогда еще не было дорогъ,—на лыжахъ съ кереи хождаху. И потомъ пріидоша два мужа съ Москвы вѣдущая писанія: нъ именемъ Прокопій Макарьевъ, другій Василій, иже послѣди въ инокомъ чину Варлаамъ наречеся и изъ другихъ мѣстъ иныя многія... ша къ нимъ людіе приходити и умножатися, и пашни пахати по камъ и по лѣсамъ, суки сѣщи и палы прятати и хлѣбы не одни по камъ имающе и кормящеся съ великою скудостью и нуждою пашнею ю, и начаша скотъ держати и дворы скотскіе поставили: конской ъ на братской сторонѣ, а коровей на другой сторонѣ у сестеръ... ысть въ то время гладъ и хлѣбный недородъ и частыя зябели и годы ные не соспѣвали, и бысть у нихъ велія хлѣбная скудость и гладъ. оставиша на Выгу мельницу, отъ монастыря за шесть поприщъ вверхъ і, мелею и толчею, и начаша солому ржаную сѣщи и толочь на муку, ачаша хлѣбы соломянные ясти, точію растворъ ржаной, а замѣсь весь мянной муки; хлѣбы въ кучи не держалися, помеломъ изъ печи пахали тяжные бураки и коробки, и начаша такой хлѣбъ ясти, и такова дость бысть тогда, что днемъ обѣдаютъ, а ужинать и не вѣдаютъ многажды и безъ ужина жили. И бысть велія скудость и нужда. ради и обрали тогда у всѣхъ въ братствѣ, что у кого съ собою изъ принесено было, деньги и серебряныя мonисты и платья, и послаша рея Денисіева и съ нимъ своихъ людей, для промыслу хлѣбнаго Нижній, по Волгѣ, понеже въ то время тамо вельми хлѣбъ дешевъ ъ,—четверть въ двѣ гривны, тамо промышляюще хлѣбъ чрезъ добрыхъ ей въ милостыню просили и водою привезоша въ Бадоги, изъ Бадогъ везоша на Вытегру, а съ Вытегры въ Пигматку лѣтомъ на суднѣ,

і будетъ рѣчь. А теперь обратимся къ тому, на что еще
ой вѣры при Петрѣ.
ихъ торговъ и промысловъ въ городахъ и селахъ, народъ
и многихъ естественныхъ матеріаловъ для промы-
е строительство имперіи развивало казенную монополію
ственными произведеніями. Такъ Докукинъ вопіетъ
самыя нужныя въ дѣлахъ народныхъ повсюду заповѣ-
емскихъ людей противъ лѣсныхъ законовъ Петра.
вѣстно, называя государство «своимъ, великаго
смотрѣлъ на лѣсъ, какъ на матеріалъ для «сво-
преимущественно для кораблестроенія. Отсюда
вы лѣса, и все вниманіе Петра обращено было
хъ лѣсовъ. Отсюда появилась строгая запре-
основанъ цѣлый рядъ указовъ о лѣсахъ.
ѣхъ городахъ и уѣздахъ описать лѣса,
50 верстъ, а отъ малыхъ, сплавныхъ,
верстъ. И вышло, такимъ образомъ,
Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ,
совъ опредѣлить въ натурѣ, то, по
едва ли находилось мѣсто, гдѣ
кленъ, ильмъ, вязъ, карачагъ,
е запрещено рубить всѣмъ безъ
во, кромѣ дуба, опредѣленъ
даже за одно дерево, и за большую
заповѣдныхъ деревъ, назначена смертная казнь.
бразомъ, самыхъ нужныхъ въ хозяйствѣ деревъ, народъ
недоволенъ указомъ Петра, потому что онъ не былъ
нъ съ хозяйственными потребностями и обычаями
случаяхъ народъ не могъ обходиться безъ дуба и дру-
деревъ; крестьянину нужны на телѣги, сани, оси, поло-
ьшимъ чанамъ — дубъ, кленъ, вязъ, карачагъ, листве-
дъ рубилъ эти лѣса, несмотря на то, что они были
смертныя казни, кнуты, вырыванія ноздрей, и проч.
закона ясно показывало, что законъ шелъ въ разрѣзъ
йственными потребностями народа. Но законъ о лѣсахъ
Наконецъ, издана была Петромъ подробная вальдмей-
а, въ которой сведены всѣ прежніе указы о заповѣд-
дѣлены и заклеймены заповѣдныя породы деревъ, опять
хозяйства народнаго, распредѣлены для храненія запо-
альдмейстеры по рѣчнымъ системамъ; заповѣдные лѣса
я, къ нимъ приставлены драгуны и солдаты, а если
нялись крестьяне для стороженья заповѣдныхъ лѣсовъ,
мъ всего этого были стѣсненіе и недовольство народа.
лѣса стояли безъ всякаго употребленія корабельнымъ
а народу строго запрещено было ими пользоваться.
хъ подчиненные, получая жалованье изъ штрафныхъ

а изъ Пигматки начаша оный хлѣбъ въ крошняхъ на себѣ носити въ стырь и носящіе рожь пареную ядяху. И бысть въ то время въ мона велія скудость и нужда хлѣбная и всякихъ потребъ, а братство убо жашеся уже числомъ, до полуторыхъ сотъ человѣкъ и больше было ска пола и женска и малыхъ ребятъ, съ отцами и съ матерьми из приведенныхъ». Такъ сначала Выговская община была бѣдна и неуст а потомъ все болѣе и болѣе устроялась. Она называлась *монастырє* старинному обычаю, когда *монастырями* назывались и погосты нов скіе, какъ извѣстно изъ писцовыхъ книгъ». Въ существѣ же, Выг община имѣла характеръ чисто-мірскаго согласія, похожа была н кольничьи *слободы* — стародубскія, сибирскія и другія. Обитатели ея словамъ Выговской Исторіи—*житейскимъ житіемъ* жили. И дѣйствит уже въ началѣ XVIII-го столѣтія весь матеріальный бытъ общины мірское житейско-хозяйственное устройство. Въ Выговской обители особыя кельи или строенія для «работныхъ людей», особое мѣсто «лучину щепати и дровни дѣлати», особая «келья чеботная шва особыя больницы — «немощнымъ людямъ и старымъ», особая нымъ швалямъ швальня», особое помѣщеніе для мастеровыхъ мѣдниковъ. Было скотоводство, и конскіе скотные дворы. Были к ные заводы. Женскій скитъ, устроенный въ 26-ти верстахъ отъ выгорѣ на рѣкѣ Лексѣ, хотя былъ «съ Выгорѣцкимъ общежительствомъ въ о питомствѣ», но имѣлъ и свое хозяйство, свои пашенныя и лу поля, своихъ работниковъ человѣкъ съ 30. Чѣмъ дальше, тѣмъ б устроялась Выговская община въ экономическомъ быту. Въ гол годы, въ случаѣ хлѣбнаго недорода, Выговцы, какъ древніе Новго и Поморцы, съ общаго совѣта, посылали надежныхъ людей на Низ другія мѣстности промышлять хлѣбъ и деньги. Андрей Денисовъ съ бр поѣхали въ Нижній и въ Москву, другіе поѣхали въ Новгородъ, въ П въ низовые города, въ Архангельскъ, другіе поѣхали на Мурманскій на рыбный промыселъ, закортомили выгорѣцкія рыбныя ловли и в гихъ озерахъ... Въ Каргопольскомъ уѣздѣ, на рѣчкѣ Чаженкѣ, въ оброкъ пашенную землю, мѣрою шестнадцать верстъ во всѣ сто Промышленность развилась, и Выговцы стали богатѣть. У нихъ не не было недостатка въ хлѣбѣ, но они стали продавать его. Андрей совъ неутомимо путешествовалъ по дѣламъ торговымъ, пріобрѣлъ кр занималъ «на торгъ» деньги, закупалъ хлѣбъ и отсылалъ для пр въ Петербургъ. На петровскихъ заводахъ и на Вытегрѣ Выговцы свои постоялые дворы и амбары и «своихъ людей держаша для и пріѣзду всѣхъ».

Такъ уже въ первое десятилѣтіе XVIII-го вѣка, несмотря на гоненія и невзгоды пустыня стала богатѣть. Такъ точно и другія кольничьи общины, скиты и слободы, мало по малу получали экономич благоустройство. Но цвѣтущее саморазвитіе ихъ начинается собст съ 80-хъ годовъ XVIII столѣтія, когда капиталы и торговопромышл процвѣтаніе раскольничьихъ общинъ пріобрѣтаютъ даже перевѣсъ экономическимъ благосостояніемъ многихъ православныхъ общинъ.

мъ въ свое время будетъ рѣчь. А теперь обратимся къ тому, на что еще тали люди старой вѣры при Петрѣ.

Лишаясь многихъ торговъ и промысловъ въ городахъ и селахъ, народъ шался при Петрѣ и многихъ естественныхъ матеріаловъ для промыенности. Казенное строительство имперіи развивало казенную монополію пользованіи естественными произведеніями. Такъ Докукинъ вопіетъ народу, что *древеса самыя нужныя въ дѣлахъ народныхъ повсюду заповѣны быша.* Это вопль земскихъ людей противъ лѣсныхъ законовъ Петра. етръ Первый, какъ извѣстно, называя государство «своимъ, великаго сударя, государствомъ», смотрѣлъ на лѣсъ, какъ на матеріалъ для «своъ государевыхъ дѣлъ» и преимущественно для кораблестроенія. Отсюда явились *заповѣдныя* государевы лѣса, и все вниманіе Петра обращено было сбереженіе этихъ заповѣдныхъ лѣсовъ. Отсюда появилась строгая запретельная система, на которой основанъ цѣлый рядъ указовъ о лѣсахъ. ь 1703 году Петръ велѣлъ во всѣхъ городахъ и уѣздахъ описать лѣса, ъ большихъ рѣкъ въ сторону на 50 верстъ, а отъ малыхъ, сплавныхъ, адающихъ въ большія рѣки, на 20 верстъ. И вышло, такимъ образомъ, акъ найдено было по смерти Петра Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, о если пространство заповѣдныхъ лѣсовъ опредѣлить въ натурѣ, то, по изкому разстоянію рѣкъ между собою, едва ли находилось мѣсто, гдѣ не было заповѣдныхъ лѣсовъ. Дубъ, кленъ, ильмъ, вязъ, карачагъ, иственицу, сосну въ 12 вершковъ и больше запрещено рубить всѣмъ безъ сключенія и за всякое вырубленное дерево, кромѣ дуба, опредѣленъ трафъ въ 10 рублей. За дубъ же, даже за одно дерево, и за большую рубку остальныхъ заповѣдныхъ деревъ, назначена смертная казнь. ишаясь, такимъ образомъ, самыхъ нужныхъ въ хозяйствѣ деревъ, народъ стественно былъ недоволенъ указомъ Петра, потому что онъ не былъ сколько сообразенъ съ хозяйственными потребностями и обычаями арода; во многихъ случаяхъ народъ не могъ обходиться безъ дуба и друихъ заповѣдныхъ деревъ; крестьянину нужны на телѣги, сани, оси, полоя, обручи къ большимъ чанамъ — дубъ, кленъ, вязъ, карачагъ, листвеица. И вотъ народъ рубилъ эти лѣса, несмотря на то, что они были аповѣдные. Зато — смертныя казни, кнуты, вырыванія ноздрей, и проч. порное нарушеніе закона ясно показывало, что законъ шелъ въ разрѣзъ жизненными хозяйственными потребностями народа. Но законъ о лѣсахъ елъ-таки дальше. Наконецъ, издана была Петромъ подробная вальдмейерская инструкція, въ которой сведены всѣ прежніе указы о заповѣдихъ лѣсахъ, опредѣлены и заклеймены заповѣдныя породы деревъ, опять мыя нужныя для хозяйства народнаго, распредѣлены для храненія запоdныхъ лѣсовъ вальдмейстеры по рѣчнымъ системамъ; заповѣдные лѣса дѣлены на звенья, къ нимъ приставлены драгуны и солдаты, а если ь не было, пригонялись крестьяне для стороженья заповѣдныхъ лѣсовъ, роч. Результатомъ всего этого были стѣсненіе и недовольство народа. огіе заповѣдные лѣса стояли безъ всякаго употребленія корабельнымъ иралтействомъ, а народу строго запрещено было ими пользоваться. льдмейстеры и ихъ подчиненные, получая жалованье изъ штрафныхъ

денегъ, бравшихся за порубку заповѣдныхъ лѣсовъ, притѣсняли народъ и назначали часто большіе штрафы за такія порубки, за которыя по инструкціи вовсе не слѣдовало взыскивать. Самое запрещеніе рубить лѣса безъ разрѣшенія вальдмейстеровъ, вело къ притѣсненіямъ народа, потому что крестьяне, въ случаѣ нужды въ лѣсѣ, должны были бросать свои работы и ѣхать къ вальдмейстерамъ; а вальдмейстеры своими проволочками вводили крестьянъ только въ убытки. Вотъ почему и люди старой вѣры, люди народа, горько жаловались на то, что деревья самыя нужныя въ хозяйственныхъ постройкахъ и дѣлахъ повсюду были заповѣданы. Старовѣрамъ просторъ дремучихъ, темныхъ лѣсовъ и свободный входъ въ нихъ тѣмъ болѣе былъ нуженъ, что ихъ въ то время гнали, имъ нужно было снова, какъ было встарину, идти въ лѣса съ топоромъ, косой и сохой, снова сажать, «поставлять починки на лѣсѣхъ».

Лишаясь свободной матеріальной жизни, земство съ XVII вѣка, и окончательно при Петрѣ, лишалось свободнаго земскаго самоуправленія— городскаго и сельскаго. На это указывалъ Докукинъ народу, когда писалъ, что *издревле уставленныхъ градскихъ законовъ лишилисъ, свободныя власти и чести отпадоша*. Это вопль о тѣхъ старыхъ временахъ, когда областныя общины, дѣлясь, на колонизаціонномъ основаніи, по городамъ жили и развивались, вмѣстѣ съ волостями, *на всей своей волѣ*, напримѣръ, *нравы свои отеческіе и законы и обычаи новгородскіе сохраняли*, когда—по словамъ лѣтописи — *Новгородцы изначала, и Смольняне, и Кіевляне, и Полочане и вся власти, яко же на думу, на вѣча сходились*, когда *вѣчевыя записи и грамоты, мірскія уложенья и заповѣди* были народными законами. Далѣе, вопль Докукина, вопль народный о *свободныхъ властяхъ* — это грустное воспоминаніе о свободныхъ выборныхъ земскихъ властяхъ, о выборныхъ посадникахъ, объ излюбленныхъ головахъ и старостахъ, о выборныхъ земскихъ судьяхъ. Наконецъ, вопль объ *издревле установленныхъ градскихъ законахъ* есть, въ частности, вопль о тѣхъ *уставныхъ грамотахъ*, какія въ XVI-мъ вѣкѣ выпросили себѣ областныя общины, по которымъ онѣ свободно управлялись и *судились межъ себя* своими выборными головами, старостами и судьями, «кого сами межь себя излюбили и выбирали», управлялись такъ, какъ *люба была справа всей ихъ землѣ*. Съ тѣхъ поръ какъ не стало этихъ уставныхъ грамотъ въ городахъ, а повсюду управляли воеводы, съ тѣхъ поръ торговые и посадскіе люди съ сожалѣніемъ вспоминали про прежнюю свободу городскаго самоуправленія. Говорили самому царю: «Прежде въ городахъ твоихъ государевыхъ воеводъ не бывало, а посадскіе люди судилися сами межъ себя». Въ концѣ XVII-го вѣка и въ началѣ XVIII-го торговые, и посадскіе люди еще больше должны были вспоминать о древнихъ уставныхъ грамотахъ, потому что съ умноженіемъ приказовъ они терпѣли много бѣдъ и убытковъ отъ разныхъ приказныхъ властей и вѣдомствъ. Самъ Петръ писалъ въ указѣ 1699 года января 30-го, учреждая Бурмистрскую Палату: «Вѣдомы они, гости и купецкіе и промышленные люди, купецкими расправными всякими дѣлами, и его, великаго государя, окладными доходами и иными сборами въ разныхъ приказахъ, и извѣстно великому государю учинилось, что имъ, гостямъ и гостиной сотни и всѣмъ посадскимъ и купецкимъ

омышленнымъ людямъ, во многихъ ихъ приказныхъ волокитахъ ь приказныхъ разныхъ чиновъ, отъ людей въ торгахъ ихъ и во вся- промыслахъ чинятся имъ большіе убытки и разореніе, а иные оттого исловъ своихъ отбыли и оскудали». При такихъ страданіяхъ отъ при- ихъ властей и учрежденій купецкіе и посадскіе люди поневолѣ ны были сожалѣть о старыхъ уставныхъ грамотахъ городскихъ, о сво- вободныхъ выборныхъ властяхъ. И вотъ почему расколъ, устроя і мірскія, общинныя согласья, слободы и скиты, по стариннымъ нымъ обычаямъ, по образцу сельскихъ мірскихъ согласій и сходовъ, изовалъ у себя свободное, выборное самоуправленіе и самосудъ. гласіяхъ раскольничьихъ были «по выбору старосты и выборные ремѣною ежегодно», выборные излюбленные наставники, выборные олжностныя лица, были сходы, на которыхъ всѣмъ согласіемъ «сду- межь собою», установляли что-нибудь. Въ важныхъ случаяхъ, въ льничьихъ согласіяхъ были общіе *соборы* или *общіе совѣты*. Все это еннее устройство самоуправленія уже слагалось при Петрѣ Первомъ первой половинѣ XVIII-го столѣтія, несмотря на то, что въ это раскольничьи общины подвергались часто разореніямъ. Для примѣра шаемъ разсказъ выговскаго лѣтописца о выговскомъ раскольничьемъ ѣ, бывшемъ въ 1738 году по случаю самаринской коммиссіи: «И соста- совѣтъ между собою... и собрашася со всего Суземска лучшіе люди цежительство, начаша думати, что сотворити, овію и ко страданію аша готовитися... огню предаватися, а которые не хотятъ страдати, разбѣжатися, а въ руки имъ (слѣдователямъ) не даватися, кои еще у пожити, а овію лучшіе людіе о семъ начаша отъ писанія раз- ти и препятствовати, что страдати не за что, и начаша въ писаніи ра- ивати, и розыскивати, и читати всѣмъ вслухъ... и уговаривати, чтобъ словесно страдати и упрямствовати, а въ чемъ можно отвѣтствовати азати о своемъ житіи ясно, какъ кое мощно оправдатися, чтобъ не ги на себя и на прочихъ старовѣрцевъ безсловеснаго отъ ея импера- аго величества и напраснаго гнѣва прежде времени, и начаша думати овишася всѣ лучшіе старцы Ѳеодосій, Варлаамъ и Іосифъ грамотные анія вѣдущіе Симеонъ Діонисіевъ, Трифонъ Петровъ и проч., зовцы Иванъ Ивановъ, иконникъ Алексѣй, Ѳедоръ Семеновъ и проч., топорожскіе Ефремовы, Ѳедоръ Леванидовъ, Ѳедоръ Петербурхской, ч., и боровскіе жители Иванъ Давыдовъ, Венедиктъ Петровъ, Васи- аниловъ и проч., и салатозерскіе... и Ладожскаго скита Наумъ астьянъ и прочіе многіе выборные и десятскіе, и изъ простыхъ гра- е и неграмотные жители, и положиша, что и въ тропаряхъ и въ сти- какъ гдѣ напечатано въ книгахъ ея императорское величество помя- ю нынѣшнему обыкновенію, хотя у первыхъ отцовъ се просто было, томъ нужды не было до сего времени, и о томъ не спрашивалось ь кого, а въ нынѣшнее время нужда позвала, о семъ по клеветамъ иваютъ и истязуютъ, что тѣми клеветами хотятъ всѣхъ старовѣр- искоренити, того ради и писанія искати и почитати и творити, дабы і не вредити и на христіанъ на всѣхъ не навести напраснаго и без-

словеснаго гнѣва и конечнаго всѣмъ разоренія и искорененія, и гони
ства, и мучительства... И положиша у всѣхъ, что написати къ ея и
раторскому величеству челобитная, и отписати все свое житіе, как
сей пустыни первые отцы завелися жити... дабы было за что и стра
Тое всѣмъ пустыннымъ жителямъ было любо». На совѣтѣ этомъ всѣ
говцы общимъ приговоромъ *заповѣдаша* постъ и молебны всѣмъ жите
также какъ встарину бывало, *староста и всей волости крестьяне*, на
скомъ сходѣ, *обговорися сами промежь собою, учиняли заповѣдь*, напри
три года въ воскресенье «не дѣлать никакого дѣла чернаго, ни у
въ воскресенье не угадовати, ни бѣлки не лѣсовати», и т. п.

Наконецъ, Докукинъ въ письмѣ своемъ къ народу жалуется н
что *слова и званія нашего славянскаго языка измѣнили*, и упрекаетъ с
менное, петровское поколѣніе, въ *лестныхъ ученіяхъ*. Это прежде
нападки на иностранныя, нѣмецкія названія чиновъ при Петрѣ, а по
и вообще на тогдашнюю порчу русскаго языка нѣмецкими и латинс
словами и оборотами. На русскій слухъ, въ самомъ дѣлѣ, дико зву
всѣ эти бергъ-коллегіи, мануфактуръ-коллегіи, ратгаузы, магист
регламенты, табели о рангахъ, губерніи съ провинціями и губернато
ланд-гевдинги, оберкоменданты, оберланд-рихтеры, камергеры, ланд
ланд-секретари, бухгалтеры, вальдмейстеры, ланд-рентмейстеръ,
и обер-фискалы, ланд-мейцы, профоссы, ланд-шрейберы, кирхшпильф
и т. д. Кромѣ того, самый языкъ указовъ Петра—словно копія или
водъ съ нѣмецкаго—тяжелъ, теменъ, совершенно отличенъ отъ язы
только живаго народнаго, но и отъ языка грамотъ и указовъ XVI и
столѣтій: то былъ языкъ точный, выразительный. Не даромъ при I
и авторъ «Тріязычнаго Лексикона», Поликарповъ, жаловался на при
къ славяно-русскому языку множества иностранныхъ словъ.

А что касается до вопля Докукина противъ *лестныхъ ученій*, т
нападки на то ученіе, къ которому Петръ Первый принуждалъ нѣкот
классы народа. Это нападки не одного Докукина, а большей части на
Отъ ученья при Петрѣ и дворяне многіе бѣжали въ расколъ. В
важно, однакожъ, узнать причины, почему народъ не сочувствовалъ са
главному благу, какое хотѣлъ ему дать Петръ — ученію, просвѣщ
Народу, кромѣ свободныхъ правъ ничто такъ не нужно было, какъ у
просвѣщенье. По причинѣ отсутствія науки, просвѣщенія, разумной
тельности въ древней Россіи, и многіе жизненнонародные, плодотво
зиждительные зачатки земскаго строенья не получали раціональной,
дѣленной организаціи, просвѣщенной, сознательной осмысленности,
ясненности и выражались въ грубыхъ формахъ. Таковы, напри
принципы вѣчей, мірскихъ сходовъ, земскихъ совѣтовъ, земскихъ собо
земскихъ училищъ, земскаго значенія вопросовъ религіозныхъ, обла
автономіи и федераціи, общинно-областной гласности, писцовой окл
системы, излюбленнаго выборнаго самоуправленія и самосуда, кру
поруки, суда въ присутствіи *судныхъ мужей* и выборныхъ отъ міра,
Выразивши такой самородно-зиждительный архитектоническій так
земскомъ строеньи, земскій міръ, народъ—нуждался въ научномъ и

ій и осмысленіи своего непосредственно-натуральнаго жизненнаго творва. А вотъ онъ бѣжитъ въ расколъ отъ науки Петра. Почему же, ко? Взглянемъ, хоть бѣгло, на школы Петра.

Петръ Великій, какъ геніальный государь, основатель имперіи, трѣлъ на науки чисто съ государственно-устроительной точки зрѣнія, ь на средство для уясненія, распространенія и осуществленія его идей имперіи, о разныхъ его нововведеніяхъ и учрежденіяхъ для имперіи. не заботился собственно объ образованіи народа, земства для его ной и общественной жизни, а заботился объ образованіи искусныхъ ъ имперіи, исполнителей его идей. Онъ не заботился о просвѣщеніи, зованіи русскаго *человѣка*, а ему нужно было образовать себѣ изъ каго прежде всего *служилаго* человѣка, напр. инженера, морехода, ера, дьяка, служащаго церковника, медика, счетчика, и т. д. — всѣхъ службы. Съ этою цѣлью имъ основаны были всѣ элементарныя школы: *вныя*—для образованія церковниковъ *въ надежду священства*, для *службы* ховной; *инженерная школа*, основанная въ 1712 г. въ С.-Петербургѣ для зованія изъ дворянскихъ дѣтей инженеровъ; *цифирныя школы* для енія «цифири и нѣкоторой части геометріи дворянскихъ и приказнаго дьячихъ и подьячихъ дѣтей отъ 10 до 15 лѣтъ, опричь однодворцовъ», образованія служилыхъ счетчиковъ, бухгалтеровъ и чиновниковъ; *гаціонныя школы*—для образованія моряковъ; *медицинскія и хирурги-я школы*—для образованія медиковъ, преимущественно военныхъ, полыхъ. Для изученія этихъ же наукъ, и съ тѣми же служебными госутвенными цѣлями, Петръ посылалъ молодыхъ людей за границу.

Утѣшаясь строительствомъ кораблей на Балтійскомъ морѣ и пироемъ въ нѣмецкихъ платьяхъ, Петръ мечталъ о будущемъ переселеніи ъ наукъ въ Россію. «Кто бы могъ подумать, братцы — говорилъ онъ 714 году въ Ригѣ, осушая чару вина на новоспущенномъ кораблѣ — бы могъ думать назадъ тому 30 лѣтъ, что вы, русскіе, будете со мною ь, на Балтійскомъ морѣ, строить корабли и пировать въ нѣмецкихъ тьяхъ? Историки — прибавилъ онъ — полагаютъ древнее сѣдалище къ въ Греціи: оттуда перешли онѣ въ Италію и распространились по ъ землямъ Европы. Но необразованность нашихъ предковъ помѣшала проникнуть дальше Польши, хотя и поляки находились прежде въ мъ же мракѣ, въ какомъ сперва были и всѣ нѣмцы, и въ какомъ мы емъ до сихъ поръ... Это движеніе наукъ на землѣ сравниваю я съ щеніемъ крови въ человѣкѣ: и мнѣ вѣрится, что онѣ опять когда-ни покинутъ свое мѣстопребываніе въ Англіи, Франціи и Германіи и йдутъ къ намъ на нѣсколько столѣтій, чтобы потомъ снова возвра-ся на свою родину, въ Грецію».

Между тѣмъ какъ Петръ мечталъ о далекомъ, несбыточномъ будущемъ, вое время, для образованія русскаго народа, собственно массы народной, о правду сказать, онъ ничего не сдѣлалъ. Учредивъ школы по гомъ, и то не по всѣмъ, для образованія только церковниковъ въ нау священства, для образованія касты духовной, да дворянъ и дьяковъ образованія касты дворянской, военно-служилой, чиновничей. Петръ

не основалъ школъ по селамъ или волостямъ, не основалъ школъ
ности народной, школъ для разсѣянія въ народѣ мифологич
суевѣрій, византійско-восточныхъ понятій семейныхъ и обществе
для распространенія въ массѣ народной элементарныхъ, общечеловѣч
естественныхъ и гуманныхъ понятій. Умственная жизнь массы на
прошла черезъ всю петровскую эпоху совершенно тою же, какою
XVII вѣкѣ. Европейски-просвѣтительное вліяніе Петра нискол
существовало и не существуетъ для огромной массы крестьянства,
ства и даже бо̀льшей части купечества. Въ этомъ отношеніи впол
ведливы слѣдующія слова Тургенева о Петрѣ: «Il fit peu pour l'ins
populaire, et l'on ne voit pas qu'il se soit beaucoup occupé d'etablir de
de differents degrés destinées à l'enseignement des masses».

Вслѣдствіе этого, и народъ не сочувствовалъ школьному ученію
Главныя причины этому были двѣ. Во-первыхъ, не давши народу
ныхъ правъ матеріальнаго обезпеченія, отрывая его отъ торговъ
мысловъ на казенныя работы и службы, обременяя податями и р
сборами, Петръ хотѣлъ силой заставить учиться цифири, нѣкоторо
геометріи, и т. п. Онъ велѣлъ брать въ школы дѣтей отъ 10 до 15-т
безъ всякаго согласія родителей, черезъ военный приказъ. Если р
противились, то ихъ сажали подъ караулъ, либо въ тюрьмы, зако
въ кандалы, а дѣтей съ солдатами отправляли въ школы. Положи
при грубомъ невѣжествѣ народа, эти слишкомъ крутыя мѣры при
могли казаться неизбѣжными. Однакожъ, справедливость требует
сказать, что жизнь народная была правѣе Петра: родители часто
давали своихъ дѣтей въ школы просто по естественной невозмо
по крайней бѣдности. Крестьянинъ Посошковъ въ своемъ прек
сочиненіи «О скудости и богатствѣ» начерталъ намъ печальную
тогдашней бѣдности народа, когда громадныя реформы Петра пог
у него и доходы и рабочія силы. Самъ Петръ во многихъ своихъ
изображалъ въ самомъ жалкомъ видѣ экономическій бытъ народа, о
при тогдашнемъ ненасытимомъ корыстолюбіи и грабительствѣ при
начальства. При бѣдности народной, естественно, не всегда-то снос
родителямъ лишаться лишнихъ рабочихъ силъ, отдавая дѣтей безъ
въ школы. Вотъ почему, напримѣръ, въ 1720 г. посадскіе люди В
Устюга, Каргополя, Калуги и многихъ другихъ мѣстъ предс
Сенату, что отбираніе дѣтей изъ круга семейнаго подрываетъ то
останавливаетъ успѣхи въ промышленности и разрушаетъ благос
домовъ дотолѣ богатыхъ и цвѣтущихъ, а бѣдныхъ лишаетъ и посл
силъ добывать содержаніе семействъ.

Другая причина безплодности петровскихъ школъ для народа
система ученія въ нихъ была отвлеченна отъ жизни, отъ живыхъ,
ныхъ потребностей народныхъ. Главное: ученіе въ нихъ было вое
чиновничье; если и преподавались «нужныя механическія хитрости
преподавались не для собственно-хозяйственной жизни народа, а гл
образомъ для видовъ государства, правительства. Казенность пр
ственнаго школьнаго образованія отталкивала отъ него земскихъ

Казенная корпоративная раздѣльность, замкнутость и отвлеченность школъ отъ жизни, тоже не располагали къ нимъ народъ. Потомъ, во всѣхъ этихъ училищахъ преподавался съ особеннымъ предпочтеніемъ латинскій языкъ, *какъ языкъ единоначальствія, lingua Imperii*, по словамъ Поликарпова. Между тѣмъ, до 1721 года, въ школахъ петровскихъ не было грамматики не только русскаго народнаго языка, но и славянскаго; значитъ, непочему было и грамотѣ учиться. Только въ 20-ыхъ годахъ Петръ велѣлъ издать, хотя старую, славянскую грамматику Мелетія Смотрицкаго. Издатель ея, Поликарповъ, такъ говорилъ въ предисловіи о причинахъ неуспѣховъ народнаго обученія: «Оставляя премудрымъ о пользѣ, силѣ и дѣйствѣ грамматическаго художества витійствовати, нынѣ вины отъ многихъ пѣнія сего новопечатнаго грамматическаго изданія вкратцѣ простымъ словомъ изъявляю вашему любомудрію. Первая, понеже непостижимымъ промысломъ Создателя нашего Бога, изволился любомудрѣйшему всероссійскому нашему монарху Петру, того имене и высокихъ дѣлъ первому, чрезъ неусыпное его царскаго величества тщаніе, преславное и православное свое государство, якоже и *иными военными* высокими науками и всякими нужными механическими хитростями украсити и обогатити, тако и *седьми свободныхъ наукъ еллиногреческа и латинска* діалектовъ училищами наполнити. *А славянская грамматика* въ тѣхъ училищахъ *не преподаяшеся* за оскудѣніемъ сихъ книгъ, и отъ сего нужда зависитъ учащимся не малая. Вторая: яко любомудрыхъ россійскихъ отроковъ мнози нынѣ различныхъ ученій цвѣты, изъ нихъ же бы могли себѣ и прочимъ оныхъ желателямъ на словенскомъ діалектѣ отъ, переводомъ своимъ отъ различныхъ языковъ, представити, но основательнаго къ переводу орудія (грамматики) лишающеся, и *сами множицею того не получаютъ* и иныхъ не удостоятъ оныхъ наукъ доброту и силу видѣти» и проч. Изъ этихъ немногихъ словъ издателя грамматики при Петрѣ можно судить и о томъ, почему народъ, съ своимъ простымъ, богатымъ, естественнымъ, живымъ языкомъ, не могъ вовсе и грамотѣ учиться по такимъ обветшалымъ, ненароднымъ, славянскимъ грамматикамъ, какъ Смотрицкаго, и притомъ въ такомъ тяжеломъ, варварскомъ по языку изданіи Поликарпова.

Народъ сочувствовалъ своему, народному. Не сочувствуя казеннымъ, правительственнымъ школамъ Петра, народъ сочувствовалъ ученью живому, своимъ однокровнымъ, доморощеннымъ грамотникамъ. Расколъ былъ живымъ народнымъ ученьемъ, и многочисленныя массы народа отъ всего сердца предавались ему. Въ то время какъ Петръ основывалъ школы только для духовенства, да для дворянства, расколъ сталъ живымъ, повсемѣстнымъ училищемъ для огромной массы простаго народа — для крестьянства, мѣщанства, купечества и солдатства, взялъ на себя миссію, пропаганду учительства народнаго. И путь ученья, избранный расколомъ, самый естественный, прямо направленный и какъ нельзя болѣе споспѣшествующій цѣли — путь странствующей миссіи учительства, разсылка наставниковъ по всѣмъ областямъ, по городамъ и селамъ. И эти странствующіе грамотники, наставники раскола, несравненно съ бо̀льшимъ успѣхомъ распространяли въ массѣ народной и грамотность, и свое ученье, чѣмъ пра-

вительственные учители казенныхъ, замкнутыхъ, корпоративныхъ школъ, потому что они сами выходили изъ того же самаго народа, который учили, были плоть отъ плоти, кровь отъ крови. Потомъ ученье ихъ было прямо жизненно, симпатично для массы народной, говорило прямо въ пользу ея. Оно вводило въ доктрину не отвлеченно-нѣмецкія идеи, а горькія данныя, опыты современной народной жизни и участи подъ гнетомъ реформъ. Оно хотя въ то же время поддерживало суевѣрія, занимало народъ пустыми религіозно-обрядовыми вопросами, но все это въ ученьи раскола получало своеобразную народную переработку. Расколъ развивалъ свою догматику, допускалъ полную свободу мнѣній, толковъ, согласій. Онъ не чуждался и западно-европейскихъ идей и ученій: у него были расколоучители иноземные. Таковъ, напримѣръ, нѣкто Вавило, о которомъ Денисовъ писалъ: «бысть родомъ иноземецъ, вѣры лютерскія, глаголати и писати учися довольновремено въ славнѣй парижстѣй академіи, искусенъ бысть въ реторикѣ, логикѣ, философіи и богословіи; зналъ языки латинскій, греческій, еврейскій и славянскій». Расколъ будилъ, вызывалъ своеобразную народную мыслительность. Въ то время какъ въ православныхъ общинахъ весьма мало было грамотныхъ, въ раскольничьихъ общинахъ рѣдкій былъ неграмотный. Много было грамотныхъ женщинъ и дѣвицъ. Въ то время какъ православный мужичокъ мало думалъ, почти ничего не зналъ, не писалъ, не сочинялъ, мужички-раскольники работали мыслью, учили, писали, сочиняли, хоть что бы тамъ ни было на первый разъ. Въ высшей степени многозначительный фактъ въ народной исторіи, что расколъ возвышалъ, поднималъ нравственное человѣческое достоинство мужичковъ нашихъ; возводилъ ихъ на степень учителей, наставниковъ, писателей въ то время, когда у нихъ отнимали прежнія права, продавали поодиночкѣ, отрывая отъ семействъ. Точно такъ же и женщинъ расколъ возводилъ, равноправно съ мужчинами, въ достоинство *наставницъ.* Расколъ далъ имъ знать, въ лицѣ многихъ своихъ наставниковъ, что богатыя, могучія дарованія, таланты, или, какъ говоритъ народъ, *самородки* нашего крестьянства и всего простаго народа просились къ проявленію своихъ силъ, и нигдѣ не находили простора, исхода, кромѣ раскола, и что вообще въ массахъ нашихъ въ XVIII-мъ вѣкѣ, въ глуши, въ захолустьяхъ широкой имперіи, подъ гнетомъ житейскимъ и государственнымъ, гибло множество Посошковыхъ, Ломоносовыхъ, которые только въ расколѣ и находили себѣ хоть какую нибудь дѣятельность: недаромъ и самъ Ломоносовъ, преобразователь умственной жизни Россіи, создатель русской науки и литературы, «родитель» перваго русскаго университета — московскаго, борецъ съ Нѣмцами въ россійской академіи, и Ломоносовъ съ молода былъ въ расколѣ.

Взявъ на себя миссію учительства народнаго, раскольничьи согласія, по возможности, учреждали у себя и школы. Напримѣръ, въ «Исторіи Выговской Пустыни» читаемъ: «И начаша къ нимъ люди приходити съ разныхъ мѣстъ и городовъ, а оные же отцы Даніилъ (Викулинъ) и Андрей (Денисовъ) принимающе ихъ съ любовію, и учаще, и наказующе… *малдыхъ и дѣтей обоего пола учаху грамотѣ*». Въ Выговской же пустынѣ была школа искусныхъ писцовъ для списыванія и распространенія раскольничьихъ

книгъ, школа пѣвцовъ для снабженія ими раскольничьихъ часовень и молитвенныхъ домовъ, школа искусныхъ живописцевъ и богатое собраніе старыхъ, письменныхъ и печатныхъ, учительныхъ и историческихъ, книгъ, лѣтописей, сборниковъ, и т. п. Всѣ эти способы ученія—библіотеки и разныя школы — особенно стали развиваться у раскольниковъ со второй половины XVIII-го и въ первой половинѣ XIX-го столѣтій. Въ согласіяхъ, скитахъ, слободахъ раскольничьихъ на первой же порѣ появилось много людей *искусныхъ писанью*, весьма даровитыхъ, начитанныхъ, самородныхъ, своеобразныхъ народныхъ писателей. Были свои богословы, какъ напримѣръ, протопопъ Аввакумъ, смѣло и своеобразно разсуждавшій о Троицѣ, народнымъ, крестьянскимъ языкомъ писавшій свои догматическія письма. Были свои полемики, какъ московскій архимандритъ Спиридонъ (ск. 1655 г.), попы Лазарь и Никита, соловецкій келарь Азарій и черный попъ Геронтій и другіе. Были свои историки, какъ Андрей и Семенъ Денисовы, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были и богословами и полемиками; Иванъ Филипповъ—авторъ «Исторіи Выговской Пустыни». Были даже свои поэты. И нужно сказать, что въ XVIII-мъ столѣтіи народная поэзія только у однихъ раскольниковъ почти и развивалась. И послѣ пѣсень казачьихъ и разбойничьихъ, въ которыхъ тоже есть старовѣрскіе элементы, пѣсни раскольничьи — самыя поэтическія пѣсни. У меня подъ руками есть нѣсколько раскольничьихъ стиховъ, которые современемъ будутъ [1]) напечатаны. Съ 1655 года до Петра Перваго и даже до половины XVIII-го вѣка, въ раскольничьей письменности преобладаетъ религіозно-полемическое направленіе, вмѣстѣ съ историческимъ-повѣствовательнымъ. Со второй же половины XVIII-го столѣтія, когда раскольничьи согласія получаютъ территоріальную сосредоточенность, осѣдлость, начинаютъ немного свободную гражданскую жизнь, и ученіе раскола становится на жизненно-народную почву, изъ нея развивается и получаетъ жизненныя данныя и силы; отвлеченно-религіозный элементъ ослабѣваетъ, и вырабатывается чисто-политическое направленіе, только подъ формами религіозно-символическими. *Но объ этомъ послѣ.* А теперь, для характеристики раскольничьихъ писателей первой половины XVIII столѣтія, петровскаго времени, приведемъ слова выговскаго лѣтописца, Ивана Филиппова, о заслугахъ и достоинствахъ Андрея Денисова: «Все житіе свое въ сей пустынѣ препроводя въ добродѣтеляхъ богоугодно, изучивъ божественнаго писанія, прошедъ философское и риторское ученіе, и велій сказатель бысть словесъ божіихъ безъ книги изъ устъ, свободнымъ уча гласомъ всю братію: и толь сладостно бѣ ученіе его, яко всѣ послушающе прилежно внимаху. На праздники же всѣ по совершеніи всенощныхъ пѣній, простираше праздничная златоструйная словеса ученія, яко хитрориторски преизобильно украшаше и все богатно свѣтлыми словесы и дивными обогащаше. Все ученіе его достойно было бы писанію предати. Егда же о праздницѣхъ краснослав-

---

[1]) Срв. выше обѣщаніе автора говорить о перевѣсѣ съ 80-ыхъ гг. XVIII в. многихъ раскольничьихъ общинъ надъ экономическимъ благосостояніемъ общинъ православныхъ. *В. С—въ.*

ная и пресладкая сотворши бесѣды: тогда наконецъ прилагаше нравоученіе преизрядное... Ими же всякій умъ жестокій, всякую нечувственную и каменную душу къ Богу возводя, тѣмъ же и языкъ его пресладкій чуднѣйшій орѳеовы баснословляемыя цѣвницы показася, небо, горы и каменіе привлачаше къ себѣ, но каменно-сердечные человѣки отъ земли на небо славно влечаше: воспоминаше бо въ нравоученіяхъ своихъ вся страсти человѣческія и учаше, какъ подобаетъ праздновати и каковымъ быти христіанамъ, яко не именемъ именоватися точію достоитъ, но и житіемъ украшатися добродѣтельнымъ, отъ грѣховъ и страстей удалятися, отъ грѣхопадныхъ мѣстъ отпадати, покаяніемъ же себѣ очищати и чисто и цѣломудренно жити, блуда бѣгати, скверни плотскихъ удалятися, и тако ученіемъ своимъ всѣхъ слушающихъ въ плачъ приводя и въ умиленіе влагая и на покаяніе согрѣшающіе понуждая: толико бо хитръ и сладостенъ бѣ словомъ, яко никто инъ таковъ обрѣтается въ нынѣшнихъ христіанѣхъ... яко и впредь не чается таковъ быти... Въ юности же своей, егда ѣздяше въ Москву и въ Санктпитербурхъ и въ Кіевъ, тогда тамо изучися добрѣ грамматическому и риторскому ученію, также и прочихъ учаше, брата своего Симеона и Трифона Петрова и иконника Даніила и Никифора Симеонова и прочихъ, иже изучишася отъ него тому же художеству, кійждо по силѣ своей, чтобъ право писати и добрѣ глаголати, знати силу святаго писанія и догматы церковные и укрѣпляти и прочихъ и братію въ православной христіанской вѣрѣ... Того (Андрея) всѣ сладцѣ славяху и дивляхуся и гражданскія персоны и отъ внѣшнихъ славніи мужи ритори похваляху и въ славѣ словесъ прелюбезно восхваляху и бесѣдовати съ нимъ желаху: и нѣкогда въ бесѣдѣ высокія персоны другъ съ другомъ послѣ смерти Андреевой бесѣдоваша объ немъ и восхваляюще и вопрошающе у прилучившагося ту общежителя Андреевой киновіи: «Еще ли у васъ другой Андрей остался таковъ, въ разумѣ и въ книжной премудрости и въ ученьи? И сами другъ другу отглаголаша: негдѣ взять и не сыскать и во всѣхъ старовѣрцахъ, и нѣтъ и впредь не будетъ!»

Земство и расколъ

II

Бѣгуны [1])

Формы имперіи, какія далъ народному и государственному складу ссіи Петръ великій, радикально измѣняли на все послѣдующее время утренній, историческій, созданный свободнымъ бытомъ народнымъ составъ строй русскаго земства. При Петрѣ возвелось до апотеозы московское инодержавіе. «Росписаніе Россіи на губерніи и провинціи изъ ближней нцеляріи, изъ кабинета Петра великаго», разрушило естественную, колозаціонную, историко-этнографическую основу федеральнаго областного скаго строенія и дѣленія. Учрежденіе высшихъ центральныхъ правильственныхъ вѣдомствъ окончательно уничтожало гражданскую и дуэвную юридическую самобытность областей, слабые признаки которой е сохранялись отчасти и въ XVII вѣкѣ. Изданіе регламентовъ, инструкі и уставовъ сглаживало все разнообразіе и стѣсняло, исключало всяю свободу естественнаго, юридическаго, экономическаго, умственнаго и авственнаго саморазвитія областного земства, установляя для него, зъ всякаго отношенія къ разнообразію мѣстныхъ условій, однѣ общія рмы или регулы. Ревизія душъ была завершительнымъ актомъ разлоенія исторической организаціи земскаго міра и сословнаго, бюрократискаго, централизаціоннаго строя государства, въ формѣ имперіи всеросйской. Она, во-первыхъ, каждую личность прикрѣпляла къ имперіи, засывая каждую душу въ государственную «переписную книгу»; во-втоыхъ, раскалывала такъ сказать цѣльный общинный составъ, организмъ мства на сословныя касты, крѣпостныя, служилыя и податныя, военнохвовно-гражданскія. Вотъ главныя начала, которыя по волѣ Петра велиго, въ самыхъ основахъ преобразовывали земство на разныя сословія

---

[1]) Напечатано въ журналѣ „Время“ за 1862 г. № 10, стр. 319—363 и № 11, стр. 1—297 (цензурное дозволеніе на выпускъ въ свѣтъ означенныхъ книжекъ: № 10-го—отъ окт., за № 11-го—отъ 12 ноября того же года; редакція М. Достоевскаго). Статьи о бѣгухъ, какъ и нѣкоторыя другія работы Щапова, появились въ искаженномъ цензурою дѣ, въ каковомъ перепечатываются и въ настоящемъ изданіи за неимѣніемъ рукоснаго оригинала. *В. С—въ.*

имперіи, и которыя потому во многихъ отношеніяхъ болѣзненно
лись въ земствѣ на все послѣдующее время. И вотъ причины,
общинно-демократическія согласія раскола, поднявши народную опп
противъ реформъ Петра великаго, оппозицію недовольнаго земства п
шведско-нѣмецкихъ формъ тогдашней имперіи, съ самаго начала во
и доселѣ возстаютъ главнымъ образомъ противъ всѣхъ указанны
чалъ государственности. И съ тѣхъ поръ и донынѣ свою историко-
тическую полемику они ведутъ обыкновенно со времени Петра I
что каждое историко-обличительное сочиненіе федосѣевцевъ, бѣг
начинается или все наполняется обыкновенно бранью «антихрист
есть Петра I» и отрицаніемъ всѣхъ его государственныхъ учреж
сената, синода, регламентовъ, ревизіи душъ, подушной подати, разд
человѣкъ на чины или табели о рангахъ и т. д. Изъ этихъ осно
началъ народно-бытовой оппозиціи демократическія общины раскола
вали все свое историко-оппозиціонное ученіе.

Ревизія душъ была камнемъ преткновенія или главнымъ разъе
ющимъ началомъ для земства, и потому сопровождалась особенным
витіемъ раскола въ земствѣ. Эпоха первыхъ двухъ ревизій, 1718 и 1742
характеризующаяся тяжолой для народа постройкой имперіи, была
немъ самаго болѣзненнаго и напряженнаго хаотическаго движенія
ныхъ, служилыхъ и крѣпостныхъ массъ народа. Въ это время въ
сильно развивался духъ отрицанья, и выражался хаотическимъ, безп
нымъ броженіемъ и бѣгствомъ отъ службы, отъ податей, отъ крѣ
ного рабства, бѣгствомъ изъ самой имперіи, заграницу. Эпоха слѣдую
двухъ ревизій, 1762 и 1782 годовъ, когда начался поворотъ къ устан
къ образованію русскаго сословно-разъединеннаго общества, ознаме
лась въ исторіи массъ народныхъ сильными, энергическими агита
крѣпостного, служилаго и податного земства. Въ этихъ агитаціяхъ
мущественно выразился тотъ духъ недовольства, который наболѣ
сердцахъ податныхъ и крѣпостныхъ массъ народа въ первой пол
XVIII столѣтія и который тогда выражался бѣгствомъ и разбойничест
Основной мотивъ всѣхъ этихъ движеній и физическихъ и нравствен
силъ податного, крѣпостного и служилаго народа составляла — ме
угнетенье и жажда воли. Въ это время, подъ знаменемъ раскола, г
пугачевщина. Въ это время пророкъ людей божіихъ, освободитель и
питель душъ крестьянскихъ, съ мистическимъ предчувствіемъ, въ
ческихъ образахъ, возвѣщалъ идею свободы, освобожденія, искупленія
народныхъ, возвѣщалъ «отъ странъ иркутскихъ до сѣверной стран
терской». Въ это же время, подъ знаменемъ безпоповщинскаго ра
явились бѣгуны. Въ бѣгунахъ преимущественно выразилось отри
ревизской, военно-служилой и податной прикрѣпленности душъ, личн
къ имперіи и великороссійской церкви и порабощенности ихъ власт
учрежденіямъ той и другой.

Въ настоящемъ очеркѣ мы хотимъ сказать главнымъ образомъ
исхожденіи и значеніи въ народной исторіи согласья бѣгуновъ, к
впрочемъ отчасти и прочихъ согласій раскола.

I

Съ тридцатыхъ годовъ XVIII столѣтія до пугачевщины почти не
шно, не видно на сценѣ исторіи огромныхъ массъ провинціальнаго
ода. А горемычные, — онѣ тогда страшно стонали. Но отдаленный
нъ народный, по словамъ Щербатова, не былъ внушаемъ и слышенъ
ди роскошей столичныхъ. Тогдашнее правительство не знало народа,
ъ которымъ держало строгую, деспотическую опеку. Народъ не зналъ
вительства и только испытывалъ кругомъ вопіющія злоупотребленія
министраціи и судопроизводства, крѣпостного права и проч. «Россія,
оритъ тотъ же историкъ и публицистъ екатерининскаго времени, —
сія не какъ другія страны, гдѣ правительство тщится обнаружить
и операціи передъ народомъ, но о самыхъ вещахъ, касающихся непо-
дственно до народа, въ совершенной тайнѣ сіе содержитъ. Что я гово-
о народѣ? Самыя таковыя дѣла главному правительству неизвѣстны,
наетъ ихъ токмо тотъ, кому они препоручены. А посему правительство
ой повѣренной особѣ сопротивляться не можетъ; самыя операціи его
исятъ отъ хотѣнія того; народъ пребываетъ въ невѣдѣніи и неудоволь-
іи, иногда и понапрасну. Желающіе научиться способу не имѣютъ. Раз-
шленія остановлены. Ошибки или злоупотребленія неисправляемы оста-
ся, и ошибка ошибкою и зло зломъ, якобы для исправленія, умножаютъ».
половинѣ XVIII столѣтія правительство было въ самомъ печальномъ
ѣдѣніи народа, а народъ передъ нимъ былъ самый жалкій, peuple des
laves, по выраженію англійскаго посланника того времени, Сирлея.
иператрица Екатерина II такъ описывала, въ какомъ положеніи нашла
нерію, когда вступила на престолъ: «Я нашла сухопутную армію въ
уссіи, за двѣ - трети жалованья неполучившую. Въ статсъ-конторѣ
енные указы на выдачу 17,000,000 рублей не выполненные. Монетный
оръ со времени царя Алексѣя Михайловича считалъ денегъ въ обра-
ніи 100 мильоновъ, изъ которыхъ 40,000,000 почитали вышедшими изъ
періи вонъ и натурою отправленными, понеже тогда вексельнаго обо-
а либо вовсе не знали, либо мало употребляли. Почти всѣ отрасли тор-
ли были отданы частнымъ лицамъ въ монополію. Таможни всей импе-
сенатомъ даны были на откупъ за два мильона. 60,000,000, кои оста-
ь въ имперіи, были 12 разныхъ вѣсовъ серебряныя деньги отъ 82 про-
но 63, мѣдныя отъ 40 до 32 рублей въ пудѣ. Внутри имперіи завод-
е и монастырскіе крестьяне почти всѣ были въ явномъ непослушаніи
стей, и къ нимъ начали присоединяться мѣстами и помѣщичьи. Пра-
ельствующій сенатъ тогда составлялъ одинъ департаментъ. Сей слу-
ъ апеляціонныя дѣла не экстрактами, но самое дѣло со всѣми обсто-
льствами, и чтеніе дѣла о выгонѣ города Масальска занимало при
упленіи моемъ на престолъ первыя шесть недѣль засѣданія сената.
губерніяхъ такъ худо исполняли приказаніе сената, что въ пословицу
ло говорить: ждутъ третьяго указа, понеже по первому и второму не
олняли. Каждая губернія была раздѣлена на провинціи, а къ каждой
винціи были приписаны окружные города, въ коихъ находились вое-

воды и воеводскія канцеляріи. Оныя не получали жалованья, и дозволено имъ было кормиться отъ дѣла, хотя взятки строго запрещены были. Сенатъ опредѣлялъ воеводъ, но числа городовъ въ имперіи не зналъ. Когда я требовала реестры городамъ, то признались въ невѣдѣніи оныхъ, даже карты всей имперіи сенатъ отъ основанія своего не имѣлъ. Я, бывъ въ сенатѣ, послала пять рублей въ академію наукъ, чрезъ рѣку отъ сената, и купленный тамъ кириловскій печатный атласъ въ тотъ же часъ подарила правительствующему сенату. По восшествіи моемъ на престолъ, сенатъ подалъ мнѣ реестръ доходамъ имперіи, по которому явствовало, что оныхъ считали 16,000,000. По прошествіи двухъ лѣтъ, я посадила князя Вяземскаго и тайнаго дѣйствительнаго совѣтника Мельгунова считать доходы. Они нѣсколько лѣтъ считали, переписывались разъ по семи съ каждымъ воеводой, наконецъ сочли 28 мильоновъ. При коронаціи моей было у меня три секретаря, у каждаго изъ нихъ было по 300 прошеній, итого 900... Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1763 года поѣхала я въ сенатъ. Слушали дѣло о новой ревизіи, которой двадцатилѣтній срокъ настоялъ, и требовали отъ меня повелѣніе нарядить ревизоровъ по всей имперіи и безчетныя воинскія команды; считали, что менѣе 800,000 рублей ревизія не станетъ. Сенаторы въ разговорахъ между собою упоминали о безчисленныхъ слѣдственныхъ дѣлахъ, которыя ревизія за собою повлечетъ, о побѣгахъ въ Польшу и за границу ревизскихъ душъ, объ ущербѣ имперіи отъ всякой ревизіи, почитая однакожъ всѣ ревизію за нужную вещь. Я слушала весьма долго все, что говорили господа сенатъ, наконецъ уставъ говорить замолчали. Тогда я спросила, на что таковой нарядъ войскъ и тягостныя суммы для казны. Нельзя ли инако? Мнѣ сказали: такъ дѣлывалось прежде. Я на сіе отвѣтствовала: а мнѣ кажется вотъ такъ, — публикуйте по всей имперіи, чтобы каждое селеніе послало о наличномъ числѣ душъ реестръ въ свою воеводскую канцелярію, чтобы канцеляріи прислали въ губерніи, а губерніи въ сенатъ. Человѣка четыре сенаторовъ встали, представляли мнѣ, что прописныхъ будетъ безъ числа. Я имъ сказала: поставьте штрафъ на прописныхъ. Паки представляли, что за всѣми уже положенными жестокими наказаніями многое множество прописныхъ есть. Тогда я имъ говорила: — простите всѣхъ доднесь прописныхъ по моей просьбѣ и велите селеніямъ прописныхъ донынѣ внести въ нынѣшнія ревизіонныя сказки. (Далѣе разсказываетъ Екатерина о томъ, какъ сенаторы стали было горячиться, и едва конченъ былъ разговоръ о ревизіи, по мысли императрицы). Заводскихъ крестьянъ непослушаніе унимали посланные генералъ-майоры князь Александръ Алексѣичъ Вяземскій и Александръ Ильичъ Бибиковъ, разсмотря на мѣстѣ жалобы на заводосодержателей, но не единожды принуждены были употребить противу нихъ оружіе и даже до пушекъ, и не унялось возстаніе сихъ людей, дондеже гороблагодатскіе заводы за двумильонный казнѣ долгъ графа Петра Шувалова возвращены въ коронное управленіе, также воронцовскіе, чернышовскіе, ягужинскіе и нѣкоторые иные заводы по таковымъ же причинамъ паки въ казенное поступили вѣдомство. Весь вредъ сей произошолъ отъ самовластной раздачи сенатомъ

одовъ сихъ со приписными къ онымъ крестьянами. Щедрость сената да доходила до того, что мѣднаго банка трехмильонный капиталъ ти весь розданъ заводчикамъ, кои умножая заводскихъ крестьянъ ра-ы, платили имъ либо безпорядочно, либо вовсе ничего, проматывая взя- отъ казны деньги въ столицѣ».

При такомъ правительствѣ каково было жить горемычнымъ подат-мъ, крѣпостнымъ, рабочимъ, служилымъ массамъ народа?.. Въ глуши овинцій, невѣдомо для правительства, стонали они подъ игомъ губерн-ихъ и воеводскихъ канцелярій, подъ игомъ начальниковъ губерній, въ дѣ Тутолминыхъ, Гудовичей, Трескиныхъ, подъ игомъ ландратовъ, дрихтеровъ, ландкомиссаровъ, комендантовъ, оберъ-комендантовъ оберъ-дрихтеровъ, исправниковъ, засѣдателей, становыхъ. И вѣковымъ путемъ кко-прожитыхъ опытовъ стали они невольно доходить мало-помалу до о фактическаго, болѣзненно-прочувствованнаго отрицанья, какое не-ержимо и однажды навсегда выразилось въ демократически-отрицатель- оппозиціи всѣхъ федосѣевскихъ согласій раскола и въ особенности въ ласіи бѣгуновъ. Всѣ массы земства тяжко испытывали горько-жизнен- недовольство, и вотъ, во всѣхъ слояхъ его, недовольные доходили до кого отрицанья... Взглянемъ хоть бѣгло, въ частности, на бытъ подат-го, крѣпостного и служилаго народа, на бытъ купечества, мѣщанства, естьянства и солдатства, въ эпоху появленія и распространенія согласія гуновъ и передъ ней.

Былинный эпосъ и пѣсни народныя воспѣваютъ богатство и веселый, рокій разгулъ гостей новгородскихъ и купцовъ богатыхъ. Не то совсѣмъ едставляетъ историческая, грустная дѣйствительность. Рабская заби-ть, крайній недостатокъ духа иниціативы, предпріимчивости, недоста-къ просвѣщенной раціональности при здравомъ, практическомъ русскомъ ыслѣ, вотъ печальные результаты историческаго воспитанія нашего печества и вообще торгово-промышленнаго класса. По происхожденію дное крестьянству, неохотно и медленно отрываясь отъ коренныхъ исто-ческихъ обычаевъ селъ, наше купечество туго поддается и европейскимъ нятіямъ и формамъ быта, указаннымъ Петромъ великимъ. Оно образуетъ кую-то соціально-оппозиціонную реакцію, могучую, плотную, сдерживаю-ю силу, посредствующую между сельскимъ крестьянствомъ и город-имъ дворянствомъ, крѣпко, свято, самоупорно охраняющую коренныя чала самобытнаго, народно-крестьянскаго историческаго творчества. тъ, въ этой бытовой, тяжко-прожитой самовыдержанности не все са-дурная рутина, а нельзя не обратить вниманія на эту вѣковую, истори-ски-развившуюся и окрѣпшую силу воли, самостоятельность быта. Боль-я часть купечества и посадства или мѣщанства, вмѣстѣ съ крестья-ми, со временъ царя Алексѣя Михайловича и императора Петра I, шла въ старообрядство, въ расколъ, и доселѣ упорствуетъ въ немъ. Тутъ, этомъ расколѣ не все застой, а есть жизнь, движеніе, поддерживается оспитывается духъ народнаго самоѳразвитія, свободной самодѣятельности, мораспорядительности, самостоятельности, самоустройства, самоупра-нія. Доказательство на это представляютъ между прочимъ московскія

и петербургскія старообрядскія народныя собранія XIX вѣка. Не
римъ покуда о политической письменности старообрядческой. Со вре
Петра великаго большая часть купечества и посадства признала лучі
устроить, на основѣ старообрядства, свое, хоть и крѣпко замкнуто
самобытное, безсословное, братское, богатое общество, съ соборно-об
нымъ и выборнымъ самоуправленіемъ, чѣмъ соединиться, слиться
православнымъ обществомъ, разъединеннымъ кастально-сословнымъ
гонизмомъ, управляемымъ какъ машина не своими общественными си
Къ тому невольно вела купцовъ и посадскихъ историческая обстан
политическій, общественный бытъ и положеніе ихъ.

На земскомъ соборѣ 1642 года посадскіе, торговые и промышле
люди, во имя стариннаго обычая, излюбленнаго общиннаго самоуправл
выразили протестъ противъ воеводскаго самоуправства и желаніе собст
наго суда посредствомъ своихъ выборныхъ. Голосъ ихъ не былъ ува
Недовольство торгово-промышленныхъ городскихъ классовъ, также ка
крестьянское, излилось бунтами по всѣмъ городамъ. Но приказно-г
дарственная сила воспреобладала надъ земскими стремленіями. И въ
вятидесятыхъ годахъ XVII вѣка, гости, купецкіе и промышленные л
были уже безгласными жертвами приказнаго произвола. Самъ Петръ
ликій, сожалѣя объ *оскудѣніи и разореніи торговыхъ и посадскихъ людей*,
томъ, что «его великаго государя съ нихъ окладные многіе доходы
нились въ недоимкѣ, а пошлиннымъ сборамъ и инымъ поборамъ бол
недоборы»; самъ Петръ писалъ: «что имъ гостямъ и гостиной и сукон
сотни и всѣмъ посадскимъ, купецкимъ и промышленнымъ людямъ, во м
гихъ ихъ приказныхъ волокитахъ, и отъ приказныхъ разныхъ чиновъ
людей въ торгахъ ихъ и во всякихъ промыслахъ чинятся имъ боль
убытки и разоренье, а иные оттого промысловъ своихъ отбыли и о
дали». Ни комерцъ-колегіи и мануфактуръ-колегіи, ни учрежденіе
мистрской палаты, московской ратуши и городовыхъ земскихъ избъ, съ
приказно-купеческимъ чиновничествомъ, съ президентами ратушей, об
инспекторами и инспекторами крѣпостныхъ дѣлъ, подъячими, надсмотр
ками, сборщиками и расходчиками, купецкими фискалами, — ни одно
этихъ учрежденій не улучшило торговли и промышленности купцо
посадскихъ, не замѣнило для нихъ самоуправляемой, самосудной сво
торга и промысла. Напротивъ, инструкціями всѣхъ этихъ учрежденій,
говыми и ремесленными уставами до крайности стѣснено было свобо
торгово-промышленное развитіе. Купцы и ремесленники попрежнему
рабы и жертвы казны, бурмистровъ ратушныхъ, бурмистровъ таможенн
кабацкихъ и проч., да воеводъ, дьяковъ и подьячихъ. Не охранялъ
отъ безправія, грабежа и обидъ и верховный контроль надъ правосу
юстицъ-колегіи. Въ уставѣ главнаго магистрата такъ показано ихъ
женіе: «хотя судныя дѣла во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ въ смотр
и въ вѣдѣніи подлежатъ въ юстицъ-колегіи, однакожъ, понеже купец
ремесленные тяглые люди во всѣхъ городахъ обрѣтаются не токмо в
комъ презрѣніи, но паче отъ всякихъ обидъ, нападокъ и отягощені
слыханныхъ едва не всѣ разорены, отчего ихъ весьма умалилось, и

есть не безъ вящшаго государственнаго вреда». Точно также мало благо-
роивали быть купцовъ и ремесленниковъ главный магистратъ съ его
ламентомъ и городовые магистраты, учрежденные съ цѣлью предоста-
ть купцамъ нѣкоторыя права самосуда и самоуправленія, чтобъ обезпе-
ть ихъ доходы для обезпеченія доходовъ казны. Вмѣсто предоставленія
печеству и ремесленнымъ классамъ свободнаго торгово-промышленнаго
оразвитія тогдашнее правительство по нѣмецкому образцу дѣлило да
раздѣляло ихъ на гильдіи и цунфты или цехи, подчиняло опекѣ аль-
рменовъ, старостъ. Какъ матерьяльно и нравственно вредны гильдіи, объ
омъ будетъ рѣчь дальше. Вмѣсто свободнаго выбора промысла, прави-
льство подробно опредѣляло самые стѣснительные, кастально-корпора-
вные способы пріобрѣтенія регулярнаго гражданства, торговаго и ре-
сленнаго состоянія. Напримѣръ, въ родѣ такихъ правилъ: «тотъ изъ масте-
выхъ людей, кто не запишется въ цехъ, лишается права на свободное
правленіе ремесла; безъ предъявленія цеховому альдермену и безъ клейма,
месленникъ не имѣетъ права продавать свое издѣліе», и т. п. Такой при-
азно-магистратскій, корпоративно-крѣпостной или замкнуто-сословный
ядъ самоуправленія былъ нисколько не легче и не лучше приказно-адми-
истративнаго управленія. Да и тотъ былъ уничтоженъ при преемникахъ
етра. Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ главнаго магистрата въ Петербургѣ горо-
вые ратуши и магистраты подчинены были губернаторамъ и воеводамъ.
послѣ, когда были возстановлены, не выходили изъ-подъ контроля гу-
рнаторовъ и секретарей. Какъ деспотствовали надъ купечествомъ началь-
ки губерній и разныя присутственныя мѣста, желающихъ знать это
сылаемъ къ «Запискамъ Державина» и къ «Запискѣ о Сибири», напе-
танной въ «Чтеніи общества исторіи и древностей россійскихъ» за 1859 г.
лѣдствіе этого и самыя выборныя общественныя учрежденія—магистраты,
послѣ и думы не имѣли почти никакой самостоятельности, самораспоря-
тельности, по причинѣ преобладанія губернскихъ бюрократическихъ кан-
лярій и властей. Равнымъ образомъ и выборныя должностныя лица, пре-
денты магистратовъ, головы думъ и проч., вслѣдствіе преобладанія
иказнаго элемента надъ земскими интересами, становились истыми чи-
вниками-деспотами. Ужасно читать, какіе были во второй половинѣ
VIII столѣтія президенты городовыхъ магистратовъ, избиравшіеся иногда
зъ военныхъ. Напримѣръ, московскій генералъ-губернаторъ графъ Салты-
въ доносилъ отъ 17 ноября 1763 года: «Орловскаго магистрата прези-
нтъ Дмитрій Дубровинъ купечеству дѣлалъ великія притѣсненія, грабежи
смертоубійства, также и казнѣ похищенія, за что главнымъ магистратомъ
былъ отрѣшенъ отъ присутствія; но несмотря на то правилъ ту долж-
стъ своевольно. Во время сего нахальнаго правленія фабрика купца
знецова товарищами его разграблена и разорена, а бывшіе на оной ра-
тники отчасти разогнаны, избиты и переувѣчены, и просилъ онъ, Кузне-
въ, въ сенатской конторѣ, отъ которой и посланъ указъ къ находяще-
ся тамъ кирасирскаго полка полковнику Давыдову, коимъ велѣно ему,
це съ орловскимъ воеводой и съ опредѣленнымъ отъ главнаго магистрата
путатомъ, все по самой справедливости изслѣдовать, а Дубровина съ со-

общниками взять подъ караулъ, для пресѣченія непорядковъ и для возс вленія тишины разставить въ городѣ частые пикеты, почему онъ, Д винъ, и взятъ подъ караулъ. А какъ между тѣмъ кирасирскій полк походъ выступилъ, то мятежники ходятъ и понынѣ такъ, какъ и пре въ великомъ множествѣ съ заряженными ружьями и дубьемъ, бьютъ сме и увѣчатъ всѣхъ тѣхъ, которые съ ними не согласны» (и такъ далѣе и разсказомъ о дѣяніяхъ президента магистрата и его сына). И не то провинціальные, городовые магистраты, но и петербургскій главный гистратъ во второй половинѣ XVIII столѣтія былъ страшно неустро Онъ больше притѣснялъ торговыхъ людей, особенно торгующихъ кресть чѣмъ заботился о безпрепятственномъ развитіи торговли; больше гра купцовъ, чѣмъ поощрялъ и облегчалъ народную торгово-промышлен производительность. Щербатовъ въ «Статистикѣ въ разсужденіи Рос писалъ о главномъ магистратѣ: «Сіе мѣсто, долженствующее бы быть щитою и подпорою купечества и мѣщанства, учинилося вертепъ разбо ковъ, гдѣ ихъ грабятъ и утѣсняютъ другихъ подданныхъ. Сему я н торые примѣры предложу. Повелѣно, чтобъ всѣ мастеровые были запис въ цехи; а состояніе россійскаго государства требуетъ, чтобъ благород имѣли въ домахъ своихъ мастеровыхъ (при существованіи крѣпост права) изъ собственныхъ своихъ людей, которыхъ нельзя удержать, нельзя имъ запретить, дабы они и на другихъ не работали, а нужна сходственнаго съ симъ обстоятельствомъ учрежденія нѣтъ. Запрещ крестьянамъ торговать, а великая часть купцовъ ихъ деньгами торгу или прибыль отъ нихъ получаютъ; исключить ихъ изъ торговли, тѣмъ теряется великое число денегъ, которыя нынѣ въ обращеніи и въ то а не исключить, то купечество разоряется; законы старые пребываютъ, вые печатаются, другіе невѣдомые указы именные магистрату о с даются. Не лучше ли бы порядочно сіе разсмотрѣть, и чего можно запретить, то съ нѣкоторыми выгодами для купцовъ позво (и крестьянамъ торговать). Въ магистратѣ судятся вексельныя и дѣла о банкрутахъ, а полнаго вексельнаго уставу нѣтъ, а крутскаго и не бывало; два или три были сочинены, всѣми мѣс апробованы, на конфирмацію поданы, но безъ конфирмаціи остал Послѣдній былъ сочиненъ комиссіей о комерціи, по долгомъ леж пересматриванъ сенатомъ, то-есть мѣстомъ, ненавидящимъ комисс комерціи; ибо князь Вяземскій, генералъ-прокуроръ, сіе мѣсто нен дитъ за то, что оно часто сопротивляется его несходственнымъ съ вилами торговли предпріятіямъ, какъ поелику онъ имѣетъ наблю и о доходахъ государственныхъ. Самъ сенатъ учиня токмо малыя реправки, сей уставъ о банкротахъ апробовалъ за подписаніемъ св и комиссіи о комерціи императрицѣ въ 1774 году подалъ. Но как въ кабинетѣ своемъ хочетъ на всѣ случаи сдѣлать новое простран шее уложеніе, то сего уставу не апробовала, а между тѣмъ време государство и торговля терпитъ».

Въ нравственно-юридическомъ отношеніи купцы и мѣщане терпѣли обидъ въ судахъ отъ присутственныхъ мѣстъ.

Они много зла терпѣли отъ бюрократическаго канцеляризма, несмотря ослабленіе его во второй половинѣ XVIII вѣка. «И нынѣ—жаловались цы во второй половинѣ прошлаго столѣтія—и нынѣ тоже всѣми тѣми архами (Петромъ, также Анною и Елисаветою, возстановившими учреенія петровы) купечество отъ канцеляріевъ почти несовсѣмъ отрѣшено, акоже великое претерпѣваетъ отъ оныхъ притѣсненіе и обиды, котохъ избѣгнуть никакъ не можно, кольми же наче когда совсѣмъ канцеріямъ отдано подъ власть будетъ; тогда купцамъ останется дѣлать только , чтобъ никуда отъ домовъ не отлучаясь, оберегать домы и домашнихъ оихъ, всѣхъ торговъ лишиться и придти въ отчаяніе». По чрезмѣрной чно-придирчивой, корыстолюбивой истязательности, чиновники чрезвыйно медленно вели купеческія дѣла, пока не получали взятки, или запували и рѣшали неправильно. На судъ таскали купцовъ и мѣщанъ нально, безъ всякихъ предварительныхъ повѣстокъ. Лукавые судьи форльными допросами запутывали ихъ на судѣ. Военнослужащіе купечеству чиняли обиды и побои; за забранные товары не отдавали денегъ. Двонство съ презрѣніемъ смотрѣло на купеческихъ дѣтей, какъ «въ грубости жденныхъ», за то, что они попадали въ дворянство. «Чрезъ это—по слоамъ князя Щербатова—*чины уподлялись*, а служащій *корпусъ дворянскій эрчался*». Словомъ, купечество, по словамъ его депутатовъ комиссіи 1767 да, находилось «въ крайнемъ презрѣніи», такъ же какъ и мѣщанство. Неромъ поэтому представители купечества и мѣщанства въ этой комиссіи, званной для сочиненія проекта новаго уложенія, представляли между очимъ: 1) о выборѣ изъ купечества особливыхъ депутатовъ и о дозвоніи онымъ входить во всѣ присутственныя мѣста по дѣламъ купеческимъ; о нечиненіи военно-служащимъ людямъ купечеству никакихъ обидъ и обоевъ и о платежѣ имъ за забранные у купцовъ товары денегъ; 3) о авосудіи и скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ просьбамъ отъ купечества; 4) объ уменьшеніи судовъ и о штрафѣ судей; о незабираніи насильно изъ суда въ присутственныя мѣста градскихъ ителей безъ учиненныхъ повѣстокъ; 6) объ избавленіи купечества отъ ужбы при сборѣ казенномъ, отъ ежегодныхъ выборовъ къ откупщикамъ я пріема и отдачи вина, такъ какъ это купечество считало самою болью «конфузіей для себя», и т. п.

Въ коммерческомъ отношеніи купечество и вообще торгово-промышленй классъ страдалъ отъ монополіи казны. Уже въ XVII вѣкѣ, особенно царствованіе Алексѣя Михайловича, стало государственно-экономическимъ инципомъ: «какъ бы государевой казнѣ было прибыльнѣе». Петръ велиі, перестроивавшій московское государство въ имперію, неусыпно хлоталъ о доходахъ и прибыли казны, и потому о «денежныхъ сборахъ» рался особенно «присматриваться», такъ что все, даже и самыя губерніи еждалъ главнымъ образомъ съ финансовою цѣлью. При немъ впрочемъ енная монополія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, напримѣръ, въ отношекъ фабричной и заводской промышленности и производительности, ла поучительнымъ для народа примѣромъ или образцомъ. Но правительо и послѣ Петра великаго не только не ослабляло, а еще годъ отъ году

усиливало систему казеннаго монополизма, такъ что къ концу X
къ началу XIX столѣтія монополія возрасла до крайности и стала о
тяжелымъ стѣсненіемъ для торговли и промышленности. Морд
признавалъ въ этомъ одну изъ главныхъ причинъ разстройства ф
совъ въ Россіи и обѣдненія торговаго класса. «Казна присвоила
единоторжіе, писалъ онъ: а) Чрезъ отстраненіе торговаго класса
отъ казенныхъ поставокъ. Симъ отстраненіемъ и посылкою, въ з
того, во всѣ мѣста казенныхъ чиновниковъ для закупки вещей из
выхъ рукъ, ослаблена необходимая для общественнаго благосостоян
имная связь между производителями, торгующими и потребителями; б)
ослабленіе въ торговцахъ охоты вступать въ подряды и поставки
ныя. При маломъ числѣ подрядовъ и поставокъ, предоставляемыхъ к
торговому классу людей, самое даже производство на оныя торг
безмѣрности затруднено, какъ обрядами самаго производства ихъ, т
мѣрами обезпечивающими исправность поставокъ: ибо требуются з
(не беззатруднительные обыкновенно для торгующихъ) нетолько
кимъ обязательствамъ, кои для выполненія своего требуютъ дово
времени, но даже и на работу, которая съ перваго дня начатія ея
по себѣ составляетъ уже залогъ. Къ сему присовокупить должно и
леніе самой охоты въ торговыхъ людяхъ вступать въ обязательст
казною, во-первыхъ чрезъ разнообразныя имъ чинимыя притѣсне
именно: чрезъ неточное соблюденіе казною контрактовъ, съ ними з
ченныхъ, чрезъ медленный платежъ денегъ, чрезъ тягостное продол
расчетовъ съ ними и т. п.; и во-вторыхъ чрезъ примѣры появлені
гихъ казенныхъ поставщиковъ въ разоренномъ и самомъ нищен
состояніи». Таковъ былъ экономическій гнетъ казны надъ торго
сословіемъ.

Въ экономическомъ отношеніи осебенно жалко было положені
земельныхъ мѣщанъ. Указомъ отъ 14 марта 1746 года окончательно
шено всенародное, всесословное значеніе земли, или землевладѣніе.
цамъ и цеховымъ ремесленникамъ — пасадскимъ, мѣщанамъ запре
наравнѣ съ дворянами, покупать земли нетолько съ деревнями, но и
деревень. Такимъ образомъ привилегировано было на крѣпостное земл
дѣніе одно дворянство, а купечество и мѣщанство, такъ же какъ и
стьянство, лишено свободнаго права на землю. Отсюда послѣдовало нет
юридическое, но и поземельное разъединеніе земства, нарушена поземел
общность, связь, и свободная, взаимная, обоюдная переходность изъ
ческаго и мѣщанскаго состоянія въ сельское, земледѣльческое, и обр
Лишеніе земли особенно вредно стало для мѣщанства. Неся всѣ крес
скія повинности и подушныя подати, не имѣя правъ свободнаго пром
мѣщане лишены были и главнаго источника обезпеченія и дохода—з
Оттого большая часть изъ нихъ стала представлять самыхъ несчаст
тружениковъ, бобылей, нищихъ, чернорабочихъ, прислужниковъ и
Недаромъ въ XVIII вѣкѣ села, по указамъ, весьма неохотно обращ
въ города, и крестьяне, не желая быть безземельными мѣщанами,
ромъ упорно отстаивали свои старинныя земли.

Такимъ образомъ и торговый, и ремесленный классъ, и купцы и щане терпѣли несносныя стѣсненія и лишенія въ самыхъ насущныхъ точникахъ жизни. «Всѣ знаменитѣйшіе народы древнихъ и настоящихъ еменъ,—скажемъ словами Мордвинова,—содѣлались богаты отъ торговли промысловъ. Одна Россія, занимающая половину Европы, сковывала селѣ свою торговлю и свою промышленность, и правительство ея, ожи-я отъ народа великихъ доходовъ, само поражало то, отъ чего и народъ казначейство могли бы стяжать великія богатства». Оттого и города Россіи не процвѣтали. Щербатовъ въ свое время замѣтилъ: «города токмо въ лучшее состояніе приходятъ, но паче ослабѣваютъ за недо-аткомъ купечества, а которое остается, то вящшую тягость должно сти». И удивительно ли послѣ этого, если какой-нибудь безземельный щанинъ, труженикъ горемычный, не находя въ городѣ ни работы хоро-й, обезпечивающей житье-бытье, ни покою, а только одно горько-слез-е горе-злосчастье, оставлялъ городъ и шелъ куда-нибудь въ бѣгуны, устно утѣшаясь словами ихъ ученья: «града настоящаго не имамы, но дущаго взыскуемъ...» У бѣгуновъ же была по крайней мѣрѣ надежда, ло стремленье основать гдѣ-нибудь на русской же землѣ свой городъ, ою область.

Изъ города пойдемъ по селамъ. Вотъ средневолжскія села. Въ XI и I вѣкахъ, когда была вольнымъ воля на великорусской землѣ, они боль-ю частью только еще устроялись, заселялись вновь, путемъ доброволь-го свободнаго перехода вольныхъ охочихъ людей, крестьянъ, путемъ рной земледѣльческой культуры, куда ходилъ топоръ, коса и соха, слѣдамъ мирныхъ хозяйственныхъ *путей, ухожаевъ и становъ*. Тутъ всюду перезывались и сами приходили добровольные *приходцы*. Тутъ ли мирные *жилецкіе люди*—крестьяне. До половины или до конца XVI ка тутъ не было бѣгства, бродяжничества: только *калики перехожіе* дили по монастырямъ, да по православному міру съ духовными стихами. конца XVI или до начала XVII столѣтій тутъ, какъ и по всей сель-й Руси, былъ въ обычаѣ добровольный, свободный переходъ... Но вотъ чтоженъ мало-по-малу, съ тяжкимъ вѣковымъ трудомъ, свободный пере-дъ крестьянскій. Вслѣдствіе вѣкового систематическаго прикрѣпленія стьянъ къ сельской, землевладѣльческой и казенной землѣ, а посадскихъ дей—къ городамъ, къ посадамъ, — началось повсюду, по всей землѣ икорусской, вмѣсто свободнаго перехода, неудержимое, непрерывное, ковое бѣгство и бродяжничество крестьянъ и посадскихъ. Стало и здѣсь, этихъ средневолжскихъ селахъ такое же бѣгство, бродяжничество. Вте-ніе полутораста лѣтъ, правительство энергически преслѣдовало бѣглыхъ бродягъ: во второй половинѣ XVIII столѣтія бѣгство стало униматься, не останавливалось. И вотъ въ этихъ средневолжскихъ селахъ ярослав-ой, владимірской и костромской губерніи, вмѣсто свободнаго перехода и ѣсто бѣгства и бродяжничества, являются *бѣгуны, странники*, особое общин--демократическое оппозиціонное согласіе, которое принципъ бѣгства воз-дитъ въ догматъ, бѣгству придаетъ религіозную санкцію, въ бѣгствѣ азываетъ *путь спасеный*. Исходный пунктъ его—село Сопѣлки, хотя осно-

ватель его былъ солдатъ изъ мѣщанъ. Такимъ образомъ, вмѣсто ста ныхъ хозяйственныхъ путей и ухожаевъ средневолжскихъ областей, бѣгуны указываютъ народу путь бѣгства, и составляютъ свои марш путевые указатели, куда нужно бѣжать. Эти маршруты будутъ да приведены. Вмѣсто старинныхъ осѣдлыхъ *старожиловъ* и *жилецких мірскихъ людей* являются такъ называемые *жиловые* или *мірскіе бѣ* т.-е. осѣдлые и пристанодержатели, укрыватели странствующихъ бѣгу Вмѣсто старинныхъ *становъ* и *мѣстъ дворовыхъ* являются и у бѣгу свои пристанища, которыя также называются *станомъ* и *мѣстами*. историческій переворотъ произошолъ въ одной области селъ! И изъ средневолжской области бѣгуны быстро распространились по селамъ во всѣхъ великорусскихъ губерніяхъ и въ Сибири. Основанное бѣг солдатомъ изъ мѣщанъ, согласье бѣгуновъ скоро охватило большую крестьянства. Что-же за причины, отчего крестьяне стали обращать только въ согласіе филиповцевъ, федосѣевцевъ, поморцевъ, но и въ сіе бѣгуновъ? Вѣрно, что-нибудь да тяготило ихъ и побуждало, к бѣгства, къ бѣгунству и странничеству...

Или: тамъ, въ понизовомъ заволжьи, пролегала въ первой пол XVIII столѣтія, черезъ степь саратовскую, къ Уралу путь — тропа, рую преданіе называетъ *сиротскою дорогою*. Чрезъ все XVIII столѣ ней шли, пробирались въ саратовскія степи, въ юговосточное приу и за Уралъ гонимые старовѣры. Между ними большая часть была б солдаты и крестьяне, преимущественно крѣпостные. На пути этомъ из нихъ селились на хлѣбородныхъ земляхъ саратовской губерніи концѣ XVIII столѣтія основали вновь нѣсколько селъ, каковы, межд чимъ, Березовую-луку, Острую-луку, Красный-яръ, Ивантѣевку, Х стянку и многія другія, а также весьма значительно заселили г Хвалынскъ, Волгскъ, Кузнецкъ, Балашевъ, Аткаръ, Сердобъ и самый товъ, и пробирались далѣе за Яикъ и за Уралъ... Куда шли эти б крестьяне? Что гнало ихъ съ родного мѣста-жительства? Чего и они—воли или земли?

Не доходимъ до Урала. Тамъ, въ половинѣ XVIII столѣтія, гались, забунтовали заводскіе крестьяне. Что-то и ихъ тяготило!.. Да бы путникъ XVIII столѣтія ни пошелъ по Великороссіи, по селамъ, что-то было неладно въ крестьянскомъ міру. Съ 1729 года по 177 вплоть до пугачевщины почти не утихали бунты: то здѣсь, то тамъ хивали взрывами, предвѣщавшими страшное вулканическое движе пугачевщину. Прошла гроза пугачевская. Въ 1797 г. опять начались к янскія движенія... Что же возмущало крестьянъ? чѣмъ они были вольны? Чего хотѣли? Посмотримъ хоть бѣгло на тогдашнее поло крестьянъ.

Страшное, тяжелое было время для крестьянъ въ 1718—1725 г., происходила первая формальная поголовная перепись или ревизія По указу 1719 года января 22 повсюду разъѣзжали по Россіи раз щики и офицеры съ командами для отобранія сказокъ. О кресть дворцовыхъ, патріаршихъ, монастырскихъ, однимъ словомъ, не пом

ыхъ, они отбирали сказки отъ того, кто ихъ вѣдаетъ: отъ приказчиковъ, старостъ, выборныхъ, за ихъ руками; о помѣщичьихъ крестьянахъ сказки бирались отъ владѣльцевъ и старостъ, также за руками. Послѣ того оисходила повѣрка сказокъ, и гдѣ оказывался излишекъ въ душахъ отивъ сказокъ, тамъ этотъ излишекъ въ душахъ, съ причитающеюся на хъ землей, обращался въ пользу открывателя, или доносчика. И помѣики, и крестьянскія общины, въ лицѣ представителей, строго наказылись за утайку душъ. «Смертныя казни, безъ всякой пощады», конфисціи, цѣпи, «розыски» или слѣдствія съ пытками—вотъ что принесла съ бой первая ревизія. Сколько земли отошло къ росписчикамъ, офицерамъ, носчикамъ, за открытіе утайки душъ! Сколько тысячъ крестьянъ должны ли перемѣнить владѣльцевъ, и вышедши изъ-подъ власти законныхъ, старинныхъ, природныхъ, попасть въ руки новыхъ, нежданныхъ владѣлей! И несмотря на такую строгость, крестьяне упорно утаивались отъ визіи, и ревизія втеченіи восьми лѣтъ не была кончена. Такъ страшнолюба, противна была народу поголовная перепись! Многіе переходили въ сколъ изъ-за ревизіи, говоря: «творите съ нами что хотите, но въ книги конопреступныя писаться не будемъ, и другимъ не совѣтуемъ, ибо мы писаны въ книги животныя небеснаго царя» и т. п. Многіе бѣжали, и рывались въ лѣсахъ.

Крестьяне привыкши къ прежнимъ общиннымъ, мірскимъ подворнымъ реписямъ, въ которыхъ они и посадскіе разсматривались какъ люди ободные, съ перваго разу увидѣли, что новая ревизія совершалась помимо естьянъ, помимо міровъ, помимо ихъ выборныхъ. Они хорошо поняли, о ревизіей ихъ хотѣли прикрѣпить къ волѣ помѣщика, безъ собственнаго лноправнаго владѣнія землею. Крестьяне почувствовали, что правительво посредствомъ ревизіи передаетъ ихъ во власть помѣщиковъ, отъ лица годарства, и на томъ же правѣ безграничнаго господства, на которомъ государво владѣло крестьянами, какъ своими подданными. Изъ помѣстья, въ котомъ записаны крестьяне, они также не могутъ выходить свободно, какъ дданные изъ предѣловъ государства; отъ власти помѣщика такъ же не гутъ освободиться своею волей, какъ жители страны отъ правительства. основаніи ревизіи помѣщикъ получилъ право, обезпеченное силой закона, спрещать крестьянамъ и выходъ изъ его помѣстья, и свободный выборъ омысла, и вступленіе въ бракъ, или избраніе холостой жизни. Въ этомъ смыслѣ, первая ревизія составляетъ истинное начало крѣпостного права, явившись разъ, это право не могло не отразить своего вліянія на всѣхъ оронахъ народнаго быта. Какую власть получили помѣщики относильно своихъ крестьянъ, такую же власть должны были пріобрѣсть естьянскія общины относительно своихъ сочленовъ. Отвѣчая за ихъ стоятельность въ исполненіи повинностей, стали и онѣ воспрещать какъ ободный выходъ изъ общины, такъ и выборъ занятія: то и другое стало висѣть отъ паспортовъ, отъ разныхъ обезпеченій на случай рекрутства т. д. (1). Эта сдержанность, прикрѣпленность крестьянъ и къ имперіи въ

(1) Имуществ. и личн. права, по указамъ Петра В., г. Лешкова „Русск. Вѣстн.“ к. 1861 г.

качествѣ подданныхъ, и къ помѣщикамъ въ качествѣ крѣпостныхъ, и
общинамъ по паспортамъ и т. п., страшно тяготила крестьянъ, и мног
выводило изъ терпѣнія. И вотъ, бѣгуны возвѣстили свободу отъ реві
и бѣгство изъ имперіи, или отъ правительства, бѣгство изъ крѣпост
состоянія, бѣгство изъ общины, даже бѣгство изъ семьи и т. д.

Прикрѣпивши крестьянъ къ власти помѣщиковъ, ревизія предала
всѣмъ злоупотребленіямъ крѣпостного права. Помѣщики стали наси
прикрѣплять себѣ и свободныхъ людей, какъ свидѣтельствуетъ на
щаяся у насъ подъ руками рукописная челобитная одного заслужен
служилаго человѣка времени Петра. Уже при Петрѣ по всей силѣ об
жился произволъ помѣщиковъ. Въ одномъ указѣ самъ онъ писалъ: «
нѣкоторые непотребные люди, которые своимъ деревнямъ сами безп
разорители суть, что ради пьянства, или иного какого непостоя
житья, вотчины свои нетокмо не снабдѣваютъ и не защищаютъ ни въ
но разоряютъ, налагая на крестьянъ всякія несносныя тягости, и въ
ихъ бьютъ и мучатъ, и оттого крестьяне, покинувъ тягла свои, бѣг
и чинится отъ того пустота, а въ государевыхъ податяхъ умнож
доимка.» Сплошь и рядомъ были такіе помѣщики, которые не давал
стьянамъ на себя работать, и просто грабили ихъ. Крестьянинъ Посо
видѣлъ положеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ свое время, и между пр
вотъ что писалъ: «есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ раб
пору не даютъ крестьянамъ одного дня, чтобы имъ на себя что сраб
Такъ пахатную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у нихъ; или что
жено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, то полож
заберутъ, да и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ из
ствомъ крестьянство въ нищету повергаютъ; и который кресть
начинаетъ мало-по-малу посытѣе быть, то на него и подати приб
И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого пом
обогатиться не можетъ. И такъ крестьянъ пустошатъ, что у иного и
не оставляютъ. Отъ таковой нужды крестьяне домы свои оставля
бѣгутъ иные въ понизовыя мѣста, иные же и въ украинныя, а иные
зарубежныя: такъ чужія страны населяютъ, а свою пусту оставля
Такимъ образомъ и крѣпостное право вынуждало къ бѣгству, воспит
въ народѣ склонность къ бѣгству, и слѣдовательно задолго пригото
къ бѣгунству.

Въ эпоху второй ревизіи, 1742 года, еще болѣе усилилось бѣ
крестьянъ. Въ это время, по словамъ бѣгуновъ, погибла церковь, и
нялась только въ бѣжавшихъ отъ ревизіи. Послѣ второй ревизіи увелич
и тягость крѣпостного права. Теперь и свободный бѣднякъ-крестья
по закону, долженъ былъ ужъ самъ искать себѣ господина, долженъ
просить, какъ милости, чтобы кто-либо изъ привилегированныхъ удос
его принять въ число крѣпостныхъ, съ обязанностью платить за
подушную подать. Помѣщики уполномочены были закономъ — по с
произволу ссылать крестьянъ въ Сибирь, или куда угодно, отдава
солдаты, торговать ими, какъ товаромъ, продавать въ рекруты, если
дили выгодныхъ покупщиковъ, отдѣляя дѣтей отъ родителей. Крѣпо

стьяне постепенно теряли право собственности. Указомъ 14 февраля
61 года крестьянамъ запрещено обязываться векселями и вступать въ
ручительство, да и подъ заемныя письма имъ дозволялось брать неиначе,
къ съ удостовѣрительнымъ дозволеніемъ отъ помѣщиковъ. Крестьянамъ
прещалось прежнее свободное право торга въ селѣ ли, или на посадѣ.
же въ указѣ Петра отъ 27 сент. 1723 г. было постановленіе: «которые
стьяне не похотятъ въ посады, и имъ никакими торгами не торговать,
промысловъ никакихъ держать, и въ лавкахъ не сидѣть.» Помѣщичьи
стьяне неиначе могли отправиться для своихъ нуждъ въ ближніе торги,
ъ съ дозволенія приказчика и подъ надзоромъ десятскаго или выбор-
о. Крестьяне не могли, по прежнему свободному праву, вступить въ купече-
о безъ увольнительнаго письма помѣщика. Указомъ 3 января 1762 г.
елѣно главному магистрату и его конторѣ «накрѣпко подтвердить,
бы оныя мѣста дворцовыхъ, синодальныхъ, архіерейскихъ, монастыр-
къ и помѣщичьихъ крестьянъ безъ указныхъ отпускныхъ и увольни-
ныхъ отъ властей и помѣщиковъ писемъ въ купечество отнюдь не
сывали.» Понятно, какъ все это было стѣснительно для торгующихъ кре-
нъ. Помѣщикъ, вродѣ даже Татищева, при своемъ несносно-отеческомъ
унствѣ, лишалъ крестьянъ всякой воли и домашней самораспоряди-
ности, морилъ крестьянина трехдневнымъ голодомъ за то, что онъ
лился продать лишніе или ненужные ему курицу или поросенка; помѣ-
ъ требовалъ, чтобъ у крестьянина на дворѣ было столько-то коровъ,
адей, овецъ, оловяныхъ ложекъ и т. п.; а въ противномъ случаѣ отда-
ь его въ батраки, безъ платежа денегъ за работу. Не говоримъ уже о
ъ варварскихъ ужасахъ крѣпостного права въ XVIII столѣтіи, про
рые едва вѣрится въ эпоху освобожденія крестьянъ. Подобное крѣ-
ное состояніе крестьянъ хуже было военной, солдатской службы.
ему крѣпостные дворовые люди и крестьяне, въ началѣ царствованія
заветы Петровны, уходили отъ помѣщиковъ и сами добровольно проси-
ь въ солдатскую службу, «согласясь немалымъ собраніемъ и порознь»,
вали самой императрицѣ челобитныя о запискѣ ихъ въ военную службу
что бѣднягамъ, по словамъ указа 2 іюня 1742 г., «учинено имъ на
щади съ публикою жестокое наказаніе, а именно: которые подавали
битныя немалымъ собраніемъ, тѣ биты кнутомъ, а изъ нихъ пущіе къ
у заводчики сосланы въ Сибирь на казенные заводы въ работу вѣчно»,
роч.

Говорить ли о жалкомъ, угнетенномъ положеніи заводскихъ крестьянъ?
гъ особый классъ несчастныхъ, безхозяйственныхъ работниковъ, рабовъ
ричныхъ и заводскихъ, создалъ Петръ I, указомъ 18 января 1721 года,
крѣпивъ крестьянъ къ заводамъ и фабрикамъ. А потомъ ужъ сами
авители заводовъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, напримѣръ въ оренбургской,
своему произволу приписывали крестьянъ къ заводамъ. «Изъ чего про-
шло, — замѣчаетъ кн. Щербатовъ, — что когда большая часть волостей
а приписана къ заводамъ, работники часто должны были ходить рабо-
ь отъ близкаго завода къ другому по 700 верстъ, и крестьяне были
ными пронырствами заводчиковъ разоряемы, такъ что при началѣ цар-

ствованія императрицы Екатерины повсюду бунты и неудовольствія
крестьянъ оказались.» Потомъ сенатъ, какъ мы видѣли изъ словъ Ека
рины, самовластно и щедро раздавалъ крестьянъ заводчикамъ, «кои, ум
жая заводскихъ крестьянъ работы, платили имъ либо безпорядочно, л
вовсе ничего, проматывая взятыя изъ казны деньги въ столицѣ.» Вс
ствіе такого злоупотребленія крестьяне въ половинѣ XVIII столѣтія ст
бунтовать на заводахъ гороблагодатскихъ графа Шувалова, на ворон
скихъ, чернышевскихъ, ягужинскихъ и многихъ другихъ. Крестьянъ у
мали оружіемъ и даже пушками.

При такомъ безправіи крестьяне естественно должны были выход
изъ терпѣнія и не на заводахъ только. Съ 1719 по 1773 г. въ разн
мѣстахъ они начинали уже волноваться. Таковы напримѣръ были
стьянскія движенія: въ февралѣ 1729 года по поводу распущеннаго
народѣ небывалаго указа о волѣ отъ 19 февраля 1728 г., движенія
и 1742 г., когда обнаружилось стремленіе крестьянъ *записываться въ*
ницу, движенія въ 1758 г. въ тамбовскомъ и козловскомъ уѣздахъ, въ Ц
цынѣ и по Волгѣ, когда обнаружилось стремленіе крестьянъ къ воль
самоустройству на новыхъ, ими самими выбранныхъ мѣстахъ; движ
въ 1760 г. въ арзамазскомъ уѣздѣ и въ галицкой провинціи и т. п.
щаніе крѣпостного права крестьяне попрежнему выражали бѣгст
исканіемъ вольнаго поселенія. Въ указѣ отъ 13 января 1758 г. чит
«Сенату отъ 13 ноября 1757 года донесено по жалобамъ помѣщиковъ
тамбовскаго и козловскаго уѣздовъ, что крестьяне, забирая свои пож
и лошадей, бѣгутъ, а другіе чинятъ разглашеніе, якобы оные бѣ
собравшись въ Царицынѣ и переправясь чрезъ Волгу и порывъ земл
живутъ и принимать будутъ впредь всякихъ прихожихъ людей. А
торые крестьяне явнымъ образомъ бѣгутъ же, объявляя при томъ по
что они идутъ на поселеніе въ Царицынъ и Камышенку къ шелк
казенному заводу, гдѣ для принятія ихъ якобы опредѣленъ майоръ
беръ». Военныя команды, отправлявшіяся для усмиренія крестьянъ,
ствовали съ непростительною неосторожностью, безчеловѣчно. Отпр
лась военная команда съ офицеромъ и съ пушками, сама путемъ н
куда, въ которую деревню, начинала экзекуцію, несмотря ни на
представленія отъ крестьянъ, что они вовсе не того помѣщика, что
послушны своему владѣльцу и онъ на нихъ никогда не жаловался;
ляла и рубила несчастныхъ крестьянъ и не слушала никакихъ убѣжд
а послѣ оказывалось, что крестьяне дѣйствительно правы, что ком
должна была идти въ другую деревню, а вовсе не въ ту, которую
рила и опустошила. Манифестъ императора Петра III о вольности
рянства, изданный 18 февраля 1762 года, окончательно обратилъ крес
въ полную собственность помѣщиковъ. Услышавъ о дворянской гра
крѣпостные люди и особенно крестьяне ждали и себѣ воли отъ сл
помѣщикамъ. Они убѣждены были, что помѣщики ихъ временные вла
цы. Еще крестьянинъ Посошковъ говорилъ: «Крестьянамъ помѣщи
вѣковые владѣльцы, они владѣютъ ими временно». Такъ думали
крестьяне. И вотъ, услышавъ о дворянской грамотѣ, крестьяне думали

ни тогда же получать свободу. Носились слухи, будто новый государь, овавшій свободу отъ службы дворянамъ и повелѣвшій на фабрикахъ аводахъ производить работу вольнонаемными людьми, готовилъ указъ вободѣ крестьянъ и вообще всѣхъ крѣпостныхъ людей. Слухи эти тотъ повели ужъ и къ тому, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ крестьяне явно азались повиноваться помѣщикамъ, ссылаясь на эти слухи (Манифестъ юня 1762 г. П. С. З., № 11,577).

Такъ словно тучи передъ грозой скоплялись элементы крестьянскаго овольства и повременамъ глухо ужъ взрывались движеніями, предвозкая страшный громовой грохотъ пугачевщины. И ложные указы о волѣ пророчили про манифестъ Пугачева, обѣщавшій надѣлить народъ волей, и землей, и рѣкой, и травами, и морями, и провіантомъ, и порокъ, и свинцомъ...»

Между тѣмъ и крѣпостное право самой черной, градобойной тучей одило по землѣ русской, по сердцамъ народнымъ чрезъ все XVIII стоѣ и глубоко отмѣтился слѣдъ его, даже на новыхъ генераціяхъ. Оно много ло, подавило умственныхъ силъ въ народѣ, много причинило деморациіи энергическому, твердому, богатырскому характеру, широкой, кипубогатой натурѣ русскаго народа, буйной, размашистой, сбойчатой волѣ много испортило крови въ немъ. Оно выразилось вредно не только рьяльно, въ хозяйственномъ и общественномъ быту народномъ, но авственно. Оно отмѣтилось не только въ исторіи народной, нетолько китейскихъ общественныхъ и домашнихъ обычаяхъ, понятіяхъ, фамильь преданіяхъ и народныхъ легендахъ, но и въ языкѣ русскомъ, въ ѣ народной...

Не лучше было положеніе и вольныхъ казенныхъ крестьянъ. Во-перь, правительство въ XVIII вѣкѣ, щедро раздавая земли вельможамъ ноземцамъ, своихъ государственныхъ крестьянъ обдѣляло землей. ожныхъ, напримѣръ, областяхъ удобныя земли оставались во власти роны, многія лежали впустѣ, а другія отдавались въ наемъ для паствы, а какъ тысячи государственныхъ крестьянъ не имѣли и по осьминѣ аботника высѣять. Казенные крестьяне были тѣ же крѣпостные рабы ы и сельскихъ управъ. Въ первой половинѣ XVIII столѣтія ими авляли больше десяти разныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновни-. Начальство это было тогда не въ мочь тягостно для крестьянъ, докладывали императрицѣ Екатеринѣ I Меньшиковъ, Остерманъ, аровъ и Волковъ: «Нынѣ надъ крестьянами — писали они въ своемъ емъ мнѣніи — развѣ десять и больше командировъ находится вмѣсто , что прежде былъ одинъ, а именно изъ воинскихъ, начиная отъ солдо штапа и до генералитета, а изъ гражданскихъ отъ фискаловъ, иссаровъ, вальдмейстеровъ и прочихъ до воеводъ, изъ которыхъ иные астырями, но волками, въ стадо ворвавшимися, назваться могутъ... икамъ бѣднымъ страшенъ одинъ въѣздъ и проѣздъ офицеровъ и сол-, комиссаровъ и однихъ командировъ, кольми же паче страшны праь и экзекуція, о которыхъ уже и такъ доносятъ, что крестьянскихъ итковъ въ платежъ тѣхъ податей недостаетъ, и что крестьяне не только

скотъ и пожитки продаютъ, но и дѣтей своихъ закладываютъ, а иные и врознь бѣгутъ». Самые выборные крестьянскіе головы, старосты, сотскіе и т. п., невольно усвояя подъ вліяніемъ приказнаго, капральскаго значенія всякой службы, стали больше міроѣдами, придирчивыми приказными притѣснителями крестьянъ, чѣмъ ихъ излюбленными общинными попечителями. Новое раздѣленіе сельскихъ общинъ при Екатеринѣ II на волости, почти съ одинаковымъ для всѣхъ волостей, арифметически опредѣленнымъ числомъ жителей, введеніе въ сельское управленіе исправниковъ, засѣдателей, становыхъ, писарей — все это были новые, нестолько благоустроительныя, сколько стѣснительныя и даже вредныя для крестьянства мѣры администраціи. Скоро волостныя начальства—исправники, засѣдатели, становые, секретари сильно надоѣли крестьянамъ и возбуждали между ними ропотъ. Негодованіе, раздраженіе противъ сельскаго чиновничества и судовъ до того накипѣло въ сердцѣ крестьянъ со второй половины прошлаго столѣтія, что стало изливаться въ письменности простонародной вопіющими, раздражительными сатирами. Особенно раскольники любили составлять такія сатиры. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ крестьянской сатирической «просьбы на исправника», находящейся въ старообрядческихъ сборникахъ:

Всепресвѣтлѣйшій и милостивый творецъ,
Создатель небесныхъ и словесныхъ овецъ!
Просимъ мы слезно, нижайшія твари,
Однодворцы и экономическіе крестьяне,

О чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

1) Не было въ сердцахъ нашихъ болѣсти,
Когда нераздѣлены были мы на волости,
И всякому крестьянину была свобода;
Когда управлялъ нами воевода,
Тогда съ каждаго жила
По копѣйкѣ съ души выходило,
2) А какъ извѣстно всему свѣту,
Что отъ исправника и секретаря житья нѣту.
По наукѣ ихъ головы и сотскіе воры
Поминутно дѣлаютъ поборы,
Поступаютъ съ нами безчеловѣчно,
Чего не слыхать было вѣчно...
Прежде тиранили, ненавидя христовой вѣры,
А сіи мучатъ, какъ не дашь денегъ или овса мѣры.
Всѣ наши прибытки и доходы
Потребляютъ земскому суду на расходы.
3) Суди насъ, владыко, по человѣчеству;
Какіе же слуги будемъ мы отечеству?
До крайности дошли, что нечѣмъ и одѣться,
Въ большіе праздники и разговѣться.
Работаемъ, трудимся до поту лица,
А не съѣдимъ въ христовъ-день куринаго яйца;
Ядимъ мякину, обще съ лошадьми...
А какъ придетъ весна,
То жены наши начнутъ ткать кросна

Исправнику, секретарю и приказнымъ,
Чтобъ не быть бабамъ нашимъ празднымъ,
Съ каждаго домишку
Берутъ по полупуду льнишку,
И сверхъ того для своей чести
Сбираютъ по полуфунту овечьей шерсти;
Даже со двора по мотку и нитокъ,
Каковъ бы ни былъ нашъ пожитокъ.
И какъ они взъѣзжаютъ,
То плутъ-десятской съ сотскимъ изъ дому всѣхъ выгоняютъ,
А тѣхъ только оставляютъ, которые помоложе,
Да ужъ и говорить о томъ не пригоже!
Пріѣзды ихъ весьма для насъ обидны,
Тебѣ, владыко нашъ, самому очень видны.
Просимъ мы тебя слезно, простирая руки —
Какъ нынѣ страждутъ адамовы внуки,
Отъ властителей такихъ велика намъ бѣда;
Избавь насъ, господи, отъ земскаго суда.

Въ исходѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія казенное …стьянство находилось въ самомъ жалкомъ состояніи. Мордвиновъ такъ …бразилъ «крайнее обиженіе земледѣльческаго сословія» въ это время: … Россіи 18 мильоновъ мужескаго пола душъ сѣютъ хлѣбъ, чтобъ про…мить 2 или 3 мильона остальныхъ затѣмъ жителей… Дабы при такихъ …чныхъ обстоятельствахъ, земледѣльческое наше сословіе (каково почти … всѣхъ государствахъ есть самое бѣднѣйшее) могло какъ ни есть раз…аться, то долженствовали бы по крайней мѣрѣ облегчать оное вся…и въ казенныхъ поборахъ; напротивъ того, сословіе сіе обремененное …съ болѣе другихъ, и казенными налогами, и личными повинностями, …крутскими наборами, и дальне-срочнымъ служеніемъ въ полкахъ. Что …адлежитъ въ особенности до казенныхъ поселянъ, то великая площадь, …маемая въ россійскомъ государствѣ 12 мильонами сихъ мужскаго и …скаго пола людей, при настоящемъ положеніи у насъ сельскаго хозяй…, не можетъ не оставаться надолго въ дикомъ и скудномъ состояніи. …ъ, гдѣ сохою скребутъ землю не глубже, какъ на 4 пальца, гдѣ рабо…ъ скотъ малосильный, всегда тощій, гдѣ паренина существуетъ, гдѣ …каи даютъ отъ 3 до 4 зеренъ, гдѣ и на десятинѣ накашиваютъ 30 или …го 50 пудъ сѣна, гдѣ коровы питаются соломою, а люди ѣдятъ хлѣбъ …инный, конечно, владыкѣ сихъ 12 мильоновъ душъ достаточнаго стя…ія отъ нихъ ожидать не можно. Нѣтъ на семъ великомъ удѣлѣ, соста…ющемъ 4-ю почти часть пространнаго россійскаго государства и могу…ъ вмѣстить нѣсколько европейскихъ королевствъ, нѣтъ ни благоуст…нныхъ усадьбъ, ни богатыхъ на нивахъ урожаевъ, ни добрыхъ коней, …удобныхъ къ обработкѣ земли орудій, ни рукодѣльныхъ заведеній, ни …ащающихъ народъ промысловъ, ни сословія иного, кромѣ крестьянскаго, *…лицъ, могущихъ управлять, ни лицъ, могущихъ просвѣщать, нѣтъ и началь… даже учрежденій къ возрожденію впредь благоустройства.* Какое *нелѣпо…ное* великой части имперіи состояніе. Но въ сей дикости она и на … остаться должна будетъ, если населяющіе ее 12 мильоновъ пахарей и

пастуховъ, живя среди мховъ и дебрей, въ грубыхъ деревенскихъ хи- нахъ, *оставляемы будутъ* безъ всякаго урядства и просвѣщенія ихъ всемъ, что потребно къ благоденствію народному». Таково было полож крестьянства въ течении всего XVIII столѣтія. Въ началѣ XVIII стол именно въ 1713 году, самъ Петръ Великій сознавался: «что возраста на тягость всенародную и умножаются для лукавыхъ приобрѣтеній похищеній государственныхъ интересовъ великія неправды и грабит ство, а тѣмъ многіе всякихъ чиновъ люди, а *наипаче крестьяне приход въ разоренье и бѣдность.»* Въ началѣ XIX столѣтія Мордвиновъ изобра въ такомъ же видѣ «крайнее обѣдненіе земледѣльческаго сословія». статьѣ о *налогахъ*, онъ тоже замѣчалъ: «въ Россіи земледѣльческое и щанское, сіи два величайшія сословія, на коихъ лежатъ подати, соста ющія главныя статьи государственнаго дохода, наиболѣе прочихъ сосл стѣснены и лишены способовъ къ обогащенію». При такомъ уровнѣ ности, при этой равной изобиженности, безправности крестьянъ и мѣщ очень естественно равенство ихъ и въ понятіяхъ и въ стремлені Крестьянинъ и солдатъ изъ мѣщанъ, мѣщанинъ и солдатъ изъ крестья это братья-близнецы, которые сразу поймутъ другъ друга и равно спосо на одну и ту же инициативу. Удивительно ли послѣ этого, если ка нибудь солдатъ изъ мѣщанъ переяславскихъ и крестьянинъ пошехон идутъ вмѣстѣ по костромскимъ лѣсамъ, думаютъ одну думу, живутъ одной кельѣ, и вмѣстѣ основываютъ и распространяютъ одно согл бѣгуновъ, и въ ихъ согласье бѣгутъ толпы братій ихъ, и крестьян мѣщанъ, и солдатъ, и всѣ равно увлекаются новымъ ученіемъ! Стал всѣхъ на сердцѣ что-то одно...

Плоть отъ плоти, кровь отъ крови крестьянства,—солдатство, менѣе крѣпостного народа. тяготилось своимъ крѣпостнымъ положен въ службѣ царской! [1]) Теперь народъ уже попривыкъ къ рекрутчинѣ. и то, надобно быть въ отдаленной деревнѣ, въ наборъ, чтобъ слышат въ домахъ только, а по всѣмъ улицамъ раздающійся плачъ и рыд надъ живымъ погребаемымъ молодцомъ... Что же было въ ту пору, к въ первый разъ вышелъ страшный указъ о рекрутскомъ наборѣ, у 20 февраля 1705 года о наборѣ съ двадцати дворовъ по рекруту, к народная семейная жизнь была еще замкнутѣе, самоуглубленнѣе, патріарх нѣе, чѣмъ теперь? Легко представить этотъ стонъ, вопли, рыданія и проклятія, какія изливались въ слезныхъ причитаньяхъ надъ рекру на учредителя рекрутчины. И тѣмъ болѣе народъ раздражался тогда рутскими наборами, что они были слишкомъ часты и разорительны семействъ крестьянскихъ и посадскихъ, и поглощали самое лучшее, м дое, здоровое, могучее рабочее поколѣніе земства, продерживая его солдатствѣ подъ палочной дисциплиной, въ казарменной удушливой с лѣтъ двадцать пять и болѣе. Если не ошибаемся, при Петрѣ ужъ

[1]) По выраженію Меншикова, Остермана, Макарова и Волкова, „солдат крестьяниномъ связанъ какъ душа съ тѣломъ, и когда крестьянина не будетъ, не будетъ и солдата“.

всѣхъ наборовъ, мѣстныхъ и общихъ, до сорока, въ томъ числѣ однихъ повсемѣстныхъ—до пяти. Тутъ поглощено было народу, по крайней мѣрѣ, до 180,000 человѣкъ на одно регулярное войско, что́ очень немаловажно по тогдашнему числу всего народонаселенія. Только съ 1719 г. по 1725, втеченіи шести лѣтъ, взято въ рекруты болѣе 70,000 человѣкъ. А съ 1718 года, втеченіи слѣдующихъ пятидесяти лѣтъ, рекрутчина поглотила въ одной великой-Россіи до 1,132,000 рекрутъ, т.-е. шесть человѣкъ изъ положенныхъ въ подушный окладъ. Потомъ, въ какія-нибудь первыя пять лѣтъ царствованія Екатерины II, въ семь наборовъ, рекрутчина забрала до 327,044 человѣка, кромѣ церковныхъ причетниковъ. А какъ набирали рекрутовъ и везли въ полки! «А именно, читаемъ въ указѣ, данномъ изъ военной колегіи 20 октября 1719 года: первое, когда въ губерніяхъ рекрутъ берутъ, то сначала изъ домовъ ихъ ведутъ скованныхъ, а приведчи въ городъ, держатъ въ великой тѣснотѣ и по тюрьмамъ и острогамъ не по малу времени, и такимъ образомъ еще на мѣстѣ изнуривъ, и потомъ отправятъ, не разсуждая по числу людей и по далекости пути, съ однимъ офицеромъ или дворяниномъ, хотя бы тысяча человѣкъ была, и съ нужнымъ пропитаніемъ, къ тому-жъ поведутъ, упуская удобное время, жестокою распутицею, отчего въ дорогѣ приключаются многія болѣзни, и помираютъ безвременно, а всего злѣе, что многія безъ покаянія; другіе же, не стерпя такой великой нужды, бѣгутъ, и боясь явиться въ домахъ, пристаютъ къ воровскимъ компаніямъ... Отчего такія великія въ государствѣ умножились воровскія вооруженныя компаніи, что не отъ такихъ бѣглецовъ. Другіе, хотя бы и съ охотою хотѣли въ службу идти, но видя сначала такой надъ своею братіею непорядокъ, въ великой страхъ приходятъ.» Послѣ Петра, и даже во второй половинѣ прошлаго столѣтія такъ же дурно обращались съ рекрутами. Вмѣсто того, чтобы этихъ бѣднягъ, и безъ того безутѣшно изобиженныхъ разлукой съ роднымъ семействомъ и проч., утѣшать человѣколюбивымъ обхожденіемъ съ ними, ихъ еще обирали отягостными корыстными приметками и употребляли въ партикулярныя работы». Во время набора, до подготовки квартиръ, забритые рекруты въ большомъ множествѣ стояли зимой, въ стужу, на дворѣ, а ночь проводили въ торговыхъ баняхъ въ жару, и т. п. Отрадно ли было родителямъ видѣть въ такомъ положеніи своихъ дѣтей, братьямъ—братьевъ? Пріятно ли, сносно ли было несчастнымъ рекрутамъ, еще до службы царской, претерпѣвать такое мученье? Да, не даромъ вѣрно, въ народномъ эпосѣ сложились особыя молодецкія рекрутскія пѣсни, какъ сложились они и про все, что только тяжко пострадалъ народъ нашъ на своемъ историческомъ вѣку. Вотъ, напримѣръ, одна изъ старыхъ рекрутскихъ пѣсенъ:

„Попила, головушка, пила, погуляла,
За батюшкины, за матушкины, буйны-головы,
За братьины и за невѣстины легкія работы.
Со радости, со весельица кудерюшки вьются,
Со печали русыя сѣкутся,
Послышали кудерюшки надъ собой невзгоды:
Невзгоды, мои кудерюшки, большое солдатство,

Вечоръ-то меня, молодца, вечоръ поймали,
Рѣзвы ноженьки во желѣзы сковали,
Бѣлы рученьки назадъ завязали,
Посадили добраго молодца въ легкія сани,
Повезли-то меня, добраго молодца, по большой дорогѣ,
По большой дорогѣ въ симбирскую губернію,
Поставили добраго молодца на мірскую фатеру,
Поутру добраго молодца рано поднимали,
Повели-то добраго молодца меня ко пріему,
Поставили подъ казенную мѣру.
Я подъ мѣрушку добрый молодецъ не вышелъ,
И только вышелъ русыми кудрями, черными бровями".

Служба солдатская нелегче была въ прошломъ столѣтіи рекрутс набора. Но при Петрѣ великомъ солдаты ясно понимали свои подвиг заслуги въ походахъ Петра, и въ то же время такъ смотрѣли на мн его учрежденія, какъ только сама горькая жизнь, практика народ взвѣшивала ихъ, какъ прочувствовали, прострадали, перенесли рефо Петра на плечахъ своихъ податныя, крѣпостныя, рабочія и служи массы народа, и какъ должна объ нихъ сказать правдивая, чисто-народ исторія, оцѣнивая ихъ неотвлеченно, не по предзанятымъ идеямъ, чувствамъ, по страданіямъ перенесшаго ихъ на себѣ народа, современ Петру. Приводимъ здѣсь цѣликомъ замѣчательное «подметное пись солдатъ петровскаго времени, напечатанное въ «Чтеніяхъ общ. исто древн. росс.» за 1860 г. во II книгѣ:

«Уже тому пятнадцать лѣтъ, какъ началась война со шведомъ, н мы худо не сдѣлали и кровь свою не желѣючи проливали, а и понынѣ не видимъ покою, чтобъ отдохнуть годъ или другой, жонъ и дѣтей видимъ, насъ какъ нарочно мучатъ, кругомъ обводятъ Москву, что ч Москву ближе было итътить въ Питербурхъ нежели чрезъ Псковъ. Сравн насъ съ посохою; уже пришелъ изъ конъпани, изъ лѣсу дрова на себѣ но день и ночь упокою намъ нѣтъ; и деньги, старой окладъ, отнимаютъ, и в намъ добра ждать нечего; хоть кого и отъ службы отставятъ, однак не покой, тажъ служба. И въ Питербурхѣ: уже мы вѣдаемъ, то неод говорено, что дамъ отдохнуть, а именно послѣ турецкой акци и по ской батали, а правды нѣтъ. Вить, мы не аньгели, что пятьнадцать л служи безъ отдыху. Мы на службѣ грѣшимъ, а жоны наши дома и уже замужъ вышли. Будетъ то, какъ насъ, гдѣ ни есть, въ мори потоп или гдѣ взойдетъ чрезъ воды и всѣхъ поберутъ. Уже вить двѣ прич было въ перьво нарьвенскомъ походѣ, въ другой — въ турецкую ак смотри и третей причины, либо полонъ дворъ, либо корень вонъ; чрезъ мѣру лѣто и осень ходилъ по морю, чево неслыхано въ свѣтѣ, а также упокою нѣтъ на корабельной работѣ, а иные на камняхъ зиму съ голоду и съ холоду помираютъ. А государство свое все разорилъ, уже въ иныхъ мѣстахъ не сыщешь у мужика овцы. Чево больши Бога хотѣлъ, что въ Помераніи и славу велію показали, тако-жъ в другихъ мѣстахъ завоевали; потомъ было отдохнуть и Богу благода

ъ, и царство свое управить, развести всякія неправды, утолить ъ нашихъ, въ томъ бы угодно Богу и слава во всѣ страны произошла; хотя и была фортуна на пятьнадцать лѣтъ, а иногда сдѣлается въ адцать минутъ худо и слава вся пройдетъ: въ одной фортунѣ челоне можетъ жизнь свою изжить. Уже починъ есть: сдѣлаемъ мы такъ: имся человѣкъ 1000 или 2000; хотя и не похотятъ которые дворян- а иные есть на нашу руку, а въ другихъ полкахъ мы со многими вали, всѣ готовы, такожъ и черный народъ, и они такожъ говорятъ; акова распорятъку и чрезмѣрной такой войны быть намъ въ великой сти: по такихъ-де, щастливыхъ побѣдахъ, не далъ отдохнуть; таперь , и невѣдамо докуль, одно воевать только и вытвержено. А хотя, де нами нещастье будетъ, то мы и пошли прямо въ швецкія войска: е, онъ неумѣетъ нами владѣть, что уже и мы видимъ, какъ гдѣ ть и муку терпятъ, а надъ нами уже такъ дѣлаютъ, что не можно ку вытерпить. Вить мы не какъ стрѣльцы, не придемъ съ повин- римутъ насъ вездѣ съ ружьемъ служить. Какъ такъ, что пятнадцать и уже отдыху нѣтъ! Вить мы не постриглись въ монастырь! Что тъ: «умная голова, умная голова!» Коли-бъ умная голова, могъ бы человѣческую нужду разсудить: какъ такъ долго служить, и безъ прожить, и что будетъ на томъ свѣтѣ за такой грѣхъ отвѣчать. приводитъ, чтобы изъ нашихъ душъ не было ни малаго христіанства. о полюбился Питербурхъ, развѣ тово ждать, какъ въ тюрьму по- ь? Уже въ Питербурхѣ поморилъ всякихъ чиновъ людей, напрасною ю, человѣкъ больше мильону. Вотъ смотри, такъ сдѣлаетъ надъ нами: шведъ зашолъ въ руки и все свое потерялъ, такъ и насъ гдѣ-нибудь тъ, либо въ морѣ потопитъ, или заведчи гдѣ въ камнехъ съ голоду итъ; а ужь намъ Котлинъ адъ злой? Во гдѣ мы мудрость ево всю ъ? Выдалъ штуку въ грацкихъ правахъ, учинилъ сенатъ. Что при- ? Только жалованья берутъ много. Спросилъ бы хоть у одного чело- ка, рѣшили-ль хоть одному безволокитнò, прямо, да сыскавъ за такое лушаніе, хоть одному штрафъ учинилъ, въ кампаніе ты-бъ ихъ не- », и проч.

И послѣ Петра великаго втеченіи всей первой половины XVIII сто- , да нѣсколько и позднѣе, все горька, тяжела была для рекрутъ и тъ служба. Да съ чего-нибудь да сложились же эти горемычныя тскія пѣсни, которыя пѣлись особенно бѣглыми солдатами...

Бѣглые солдаты и въ наше время есть у насъ какъ и вездѣ. Намъ илось читать одно въ высшей степени любопытное современное дѣло ломъ солдатѣ-раскольникѣ. Доводилось и слышать многое о бѣглыхъ тахъ. Но никогда бѣглыхъ солдатъ не было столько, сколько ихъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, особенно при Петрѣ великомъ, увидимъ дальше. Главной причиной ихъ бѣгства очевидно было е положеніе солдатства.

Таково было въ общихъ чертахъ положеніе податныхъ, крѣпостныхъ килыхъ массъ народа, со времени реформъ Петра великаго и въ развитія, происхожденія и распространенія согласія бѣгуновъ. Все

мутило ихъ, возбуждало недовольство и располагало къ бѣгству — ед
ственному спасенію въ безвыходно-тяжеломъ, стѣсненномъ, крѣпостн
положеніи. И бѣгство въ XVIII вѣкѣ было непрерывное, неудержим
повсемѣстное, особенно на юговостокѣ и на западной границѣ. Бѣж
тогда было какою-то роковой необходимостью для податныхъ, крѣпостны
и служилыхъ сословій. Бѣгство составляло путь спасенія, единственн
способъ совершеннаго и рѣшительнаго отрицанія всего, что не нравил
что тяготило въ мірѣ. Только и оставалось явиться учителю-бѣгуну, чт
возвести бѣгство въ доктрину, въ догматъ, назвать спасенымъ путе
Бѣгство вдохновляло пѣсню народную и выразилось особымъ цикл
пѣсней, въ молодецкомъ, разбойничьемъ и солдатскомъ народномъ эпо
И какой-то широкій, необъятный, неудержимый, богатырскій разгу
просторъ воли выразился въ этихъ пѣсняхъ. Жажда гулялъная, нес
жимое стремленіе куда-нибудь въ степь саратовскую, въ степь моздокск
жажда летать соколомъ, жажда все съ кѣмъ-то сразиться въ чист
полѣ — вотъ что выливается въ молодецкой, разгульной пѣснѣ. Изъ Сиб
добрый молодецъ рвется въ великую Россію, поетъ:

Не пора-то ли мнѣ доброму молодцу
Ѣхать во Росѣюшку гулять...

И здѣсь попадается въ тюрьму. Въ тюрьмѣ онъ поетъ пѣсню «
сокола во поимани».

Съ молоду закалялась въ крови молодецкая жажда гулянья, скл
ность къ бѣгству. Про мальчугу пѣсня поетъ:

Вотъ отколь, отколь мальчуга!
Онъ изъ родины бѣжалъ,
Онъ оставилъ мать-старуху
И отца-старика.

Давно рвались, бѣжали удалые буйные молодцы, вольные, гуля
люди всякаго чина, внизъ по Волгѣ, на тихій Донъ казачій, въ степь
ратовскую, на Яикъ и въ Приуралье. Горькое, злобное недовольс
Москвой, государствомъ гнало ихъ туда въ XVII вѣкѣ. Пронеслась к
вавая борьба съ Москвой буйнаго Стеньки Разина и утихла; только ти
Донъ оглашался съ тѣхъ поръ богатырскимъ, вѣковѣчнымъ народны
эпосомъ про Степана-свѣта Тимофѣевича, и пѣсни эти вторились на тыс
голосовъ, на разнообластныя варіаціи и мотивы черезъ все XVIII столѣ
и въ тяжолую петровщину, и въ страшно-кровавую бироновщину, и
буйную, могучую, страшно-грозную пугачевщину. Только вмѣсто сп
вижниковъ Стеньки Разина — казаковъ, эти разгульныя пѣсни прилагал
къ бѣглымъ солдатамъ, къ бѣглымъ рекрутамъ, буйнымъ молодцамъ,
къ разбойникамъ. Затихъ казачій тихій Донъ послѣ Стеньки Разина.
сквозь всѣ сдержки, положенныя Петромъ, молодецкая, разгульная, буй
удаль все прорывалась и на тихій Донъ, и въ степь саратовскую, и
оренбургское Приуралье. Какъ ни преслѣдовали Петръ великій и его п
емники стародавнихъ *вольныхъ гулящихъ людей*, а они все-таки разгулив
по чисту полю южно-волжскому. И пѣсня недаромъ слагалась про бѣглы
молодцовъ, зашагавшихся, загулявшихся и съ грудью прострѣленною.

Не былинушки въ чистомъ полѣ зашаталися,
Зашатался, загулялся доброй молодецъ
На своемъ ли на добромъ конѣ богатырскіимъ.
Его бѣла грудь прострѣлена,
Миткалиная рубашечка вся кровью забрызгана.
Прикачнулся добрый молодецъ, привольнулся,
Привольнулся къ тиху Дону и проч.

Рекруты, по словамъ Петра великаго, бѣжали изъ полковъ, и боязь ься домой, шли въ «воровскія компаніи». А другіе буйные, удалые дцы бѣжали въ южныя степи, куда въ XVIII вѣкѣ обыкновенно сбѣсь всякаго рода бѣглые люди. И не рекрутчина только могла гнать XVIII вѣкѣ въ дикую степь. Мало ли могло быть горечи житейской, йной, когда бытъ народа вообще былъ жалокъ, бѣдственъ, печаленъ. омоносовъ въ то время оставилъ свою родную избушку, отца, мать, и ился въ путь-дорогу далекую, невѣдомую, — и еслибы не обозъ, тоже бы гдѣ-нибудь замерзнуть зимой, или погибнуть какъ-нибудь. И стало много погибало молодцовъ въ дикой степи, когда про нихъ сложи- особыя, народныя пѣсни. Напримѣръ, вотъ пѣсня «про смерть мо- а въ степи».

Не пыль-то въ полѣ запылилася,
Не туманъ-то съ моря подымается:
Подымалися гуси, лебеди,
Гуси, лебеди, утки, сѣрыя.
Не сами собою они подымалися,
Яснаго сокола они испужалися,
За ёмъ летитъ старъ сизой орелъ,
Закричалъ онъ, возгаркнулъ
Своимъ громкіимъ голосомъ:
Ужъ ты стой, постой младъ ясенъ соколъ!
Я не бить лечу, я спросить хочу:
Ужъ и гдѣ ты былъ, гдѣ погуливалъ?
Я гулялъ-погулялъ во дикой степѣ,
Во дикой степѣ во саратовской;
Налетали мы на диковинку,
Тамъ диковинка не малая:
Лежитъ тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое, молодецкое.
Не убитъ лежитъ онъ, неизрѣзанный,
Вострымъ копьецемъ онъ весь исколотый.
Кругъ его вьются три ласточки:
Первая ластушка — родной батюшка,
А вторая ластушка — родная матушка,
А третья ластушка — молодая жена.
Гдѣ отецъ плачетъ, тутъ ключи текутъ,
А гдѣ мать плачетъ — Волга матушка прошла,
А гдѣ жена плачетъ — роса утренняя;
Солнышко взойдетъ, вся роса спадетъ.

Послѣ къ бѣгунамъ бѣжали и такіе молодцы, бѣжали сыновья и до- отъ отцовъ и матерей. Пристанодержатели бѣгуновъ скрывали ихъ я также гостепріимно, какъ и разбойниковъ. Разбойники—это особый,

многознаменательный въ народной исторіи типъ бѣглыхъ. Отъ мифическихъ богатырей, не чуждыхъ тѣни разбойничества, отъ новгородскихъ ушкуйниковъ, соединявшихъ въ себѣ съ разбойничьимъ характеромъ типическое новгородское отличіе, пролагателей путей колонизаціи, торговли и промышленности, отъ Стеньки Разина и его сподвижниковъ казаковъ, которые называли себя не ворами, не разбойниками, а Стеньки Разина помощниками — до разбойничества XVIII столѣтія и до пугачевщины много перемѣнъ совершилось въ духѣ народномъ, также какъ много перемѣнъ произошло въ бытѣ народномъ, отъ вѣчевой воли до государственной сдержанности, до ревизской, паспортной и т. п. крѣпостности. Разбойничество XVIII столѣтія было уже новымъ, своеобразнымъ характеристическимъ явленіемъ въ народной исторіи. Оно истекало изъ историческаго положенія крѣпостныхъ, служилыхъ и чернорабочихъ массъ народныхъ въ XVIII вѣкѣ. Особенно порождали его солдатчина, крѣпостное право и деспотизмъ областного начальства. Разбойничество XVIII столѣтія было какимъ-то злобнымъ, свирѣпымъ мщеньемъ, большею частью направленнымъ на богачей, на дворянъ-помѣщиковъ, на начальниковъ. Часто оно было и какимъ-то дикимъ, безразборнымъ разгуломъ могучей физической силы, жаждавшей простора, кипѣвшей какимъ-то неопредѣленнымъ, несознаннымъ злобнымъ чувствомъ мщенія. Но и оно заключало въ себѣ тѣ элементы, которые послѣ вызвали согласье бѣгуновъ и пугачевщину. Въ разбойничествѣ первой половины XVIII столѣтія выражалась какая-то свирѣпо-мстительная народная реакція, такимъ звѣрскимъ явленіемъ, какъ, напримѣръ, бироновщина. И разбойничество отчасти тоже было грубымъ, дикимъ отрицаніемъ противо-свободныхъ, противо-народныхъ элементовъ въ государствѣ. Оно было, такъ сказать, дикимъ, лѣснымъ бѣгунствомъ. «Воровскія разбойничьи компаніи» первой половины XVIII столѣтія, — это лѣсныя согласія бѣгуновъ, основанныя не на ученіи, не на доктринѣ, а просто проникнутые разгуломъ, разбойническимъ мщеніемъ и грабежомъ. Оттого послѣ и пристанодержатели бѣгуновъ были въ согласіи съ разбойниками, держали ихъ въ своихъ «пристаняхъ» или «мѣстахъ».

Вообще въ XVIII столѣтіи, во внутреннемъ состояніи земства, много было мотивовъ къ бѣгству всякаго рода. Ревизія душъ, раздѣливъ земство поголовною переписью на военно и гражданско-служилыхъ дворянъ, на духовно-служилыхъ церковниковъ, обязанныхъ учиться «въ надежду священства», на гильдейско-цеховыхъ торговоремесленныхъ людей, на помѣщичьихъ крѣпостныхъ и на казенно и дворцово-крѣпостныхъ людей и крестьянъ, вмѣстѣ съ табелью о рангахъ, съ казеннымъ чиновно-служебнымъ раздѣленіемъ школъ, окончательно произвело сословное раздѣленіе земства. Отсюда уже неизбѣжно развивался сословный антагонизмъ, дошедшій въ половинѣ XVIII столѣтія до полнаго развитія, до открытой непріязненности сословій. Вслѣдствіе кастально-сословнаго разъединенія земства, вслѣдствіе отнятія молодыхъ, здоровыхъ, мощныхъ, лучшихъ рабочихъ силъ земства, крестьянства и мѣщанства, отъ мирнаго производительнаго труда, отъ своей земли и общины, для службы отвлеченнымъ общимъ, непонятнымъ для массы народной интересамъ имперіи, казны, —

ественно пришли въ хаотическое смущеніе и броженіе земскія общины.
ковымъ сочиненіемъ и постояннымъ измѣненіемъ табелей губерній, вѣ-
ой перестановкой, перепиской областныхъ общинъ изъ одной провинціи
другую, изъ уѣзда въ уѣздъ, черезполосно, нарушена была самая фе-
ативно-территоріальная областная стройность, цѣльность, естественно-
орическая привычная расположенность земства, данная всѣмъ вѣко-
ъ бытомъ, свободнымъ колонизаціонно-хозяйственнымъ земскимъ са-
стройствомъ и самораспредѣленіемъ народа, опредѣленная физико-гео-
фическими, мѣстнобытовыми и этнографическими условіями. Вѣковымъ
ствованіемъ, ссылками, переселеніями, гоненіями перемѣшанъ сложив-
ся на исторической почвѣ строй и составъ общинъ, міровъ, произве-
насильственная хаотическая смѣсь въ составѣ ихъ населенія. Однимъ
зомъ, въ земствѣ происходилъ *расколъ*, и кастально-сословный, и поли-
о-географическій или земско-областной, и даже этнографическій. Вслѣд-
е этого раскола, разобщенія разрозненія въ земствѣ, и расколъ старо-
дства, расколъ церковно и земско-демократическій развивался еще
ьнѣе, и возсталъ противъ раздѣленія человѣкъ на чины или на со-
ія, противъ ревизіи душъ, противъ самой перепутаницы земли русской,
алъ питать пуризмъ этнографическій, антагонизмъ къ иновѣрцамъ и
православнымъ мірянамъ, убѣгалъ *изъ міра*, боялся *оміріщенія*. Вслѣд-
е того же раскола, разобщенія, разрозненія въ земствѣ неизбѣжно
исходила эта расплывчивость, расходчивость въ земствѣ. Такимъ обра-
ь произошло въ земствѣ бродяжничество и бѣгство. Бѣжали земскіе
и отъ міра, изъ земской общины, потому что, по выраженію расколь-
овъ, духъ антихристовъ возвѣялъ на міръ, помутилъ міръ, согласье,
ознилъ членовъ общинъ, сдѣлалъ общины съ ихъ выборными предста-
елями служебными орудіями имперіи. Бѣжали земскіе люди отъ ре-
тчины, потому что она убивала лучшія производительныя рабочія силы,
самой свѣжей ихъ мощи и жизненности, отрывала отъ труда, ма-
ьяльно, существенно полезнаго и для дома и для другихъ, отрывала
семьи родной, для войнъ, пользы которыхъ на себѣ вовсе не испыты-
ь народъ, а только несъ одинъ ущербъ. Бѣжали земскіе люди отъ на-
овъ, отъ податей и повинностей, потому что они въ первой половинѣ
II вѣка были особенно несносны, притомъ подрывали частное благо-
ояніе земства, земское экономическое самоустройство и самораспоря-
іе. Бѣжали далѣе земскіе люди отъ крѣпостного ига, потому что не
мочи жить подъ помѣщичьимъ деспотизмомъ. Бѣжали отовсюду, изъ
довъ, изъ селъ, изъ казармъ, даже изъ школъ. Бѣжали горемычныя
овническія дѣти изъ бурсъ семинарскихъ, потому что больно-тяжело
о ихъ, по выраженію духовнаго регламента «жестокостное, инокамъ
обное житіе». Бѣжали и потому еще, что безвыходно было положеніе
и по окончаніи курса; напримѣръ, горемычные студенты александро-
кой семинаріи, въ 1747 году, такъ вопіяли о своемъ безвыходномъ
оженіи по выходѣ изъ бурсы, по случаю вышедшаго въ то время указа
оставленіи въ священники никакъ не ранѣе тридцати лѣтъ: «Гдѣ
ь нижайшимъ правильныхъ лѣтъ дожидаться? У родителей или сро-

дниковъ? Но тѣхъ большое насъ число не имѣетъ. Рукодѣліемъ кормит
Но того не обучались. Куплями ли промышлять? Но и на двѣ л
почти у всѣхъ насъ не наберется. А хотя у одного и другого изъ на
родитель сыщется, но и самъ онъ на силу пропитаніе имѣетъ: какъ
кормить толь возрастнаго сына, отъ котораго и самъ себѣ въ такія
надѣется помощи, станетъ. При семинаріи уже ни сякъ ни такъ остава
и тридесяти лѣтъ дожидаться вовсе немочно. Ибо и такъ уже бѣдстве
школьническое житіе паче мѣры наскучило, внѣ котораго можетъ
давно уже иные честное себѣ заслужили прокормленіе. Итакъ мы,
жайшіе, вмѣсто чаямаго за труды дванадесятилѣтніе награжденія,
вѣсть, съ какою надеждою остаемся. Въ монахи постриженія нѣтъ;
священники, безъ всякаго изъятія, по тридесяти лѣтъ требуется; въ
коны желаемаго прихожаны голосу недостаетъ; въ дьячки же и поно
стыдно и весьма обидно, и кромѣ посмѣянія отъ всѣхъ, и наипаче
тѣхъ, которые за тупостію къ ученію или другимъ коимъ недостатк
отставлены отъ семинаріи, и давно по мѣстамъ таковымъ опредѣлен
живутъ себѣ благополучно, въ совершенномъ житья станѣ, больше н
чего надѣяться. Отчего и тѣмъ, которые въ классахъ обучаются, уп
тельно, что охота къ ученію крайне ослабѣетъ». При такомъ полож
духовныхъ бурсаковъ, удивительно ли что въ XVIII столѣтіи множе
изъ нихъ предавалось бѣгству изъ бурсъ. Въ учительскихъ катало
первой половины прошлаго столѣтія часто отмѣчалось: semper fugiti
Если и въ наше время еще сильно было въ обычаѣ такъ называемое
классическихъ журналахъ «нахожденіе въ бѣгахъ», то можно себѣ п
ставить, что было въ прошломъ столѣтіи. Неудивительно также и то,
во второй четверти XVIII столѣтія церковники, вмѣстѣ съ крѣпостн
людьми, поднимали бунты за то, что и ихъ прикрѣпляли къ помѣщик
или отдавали въ солдаты.

Короче скажемъ, бѣжали и бѣгали по бѣлу свѣту всякихъ чи
люди, но всѣхъ болѣе податные, крѣпостные и служилые. И собира
эти бѣглые въ разныя компаніи, согласья, скопища. Одни, могучіе ф
ческими силами, собирались въ «воровскія и разбойничьи компаніи б
шія», и чинились по словамъ Петра великаго, вмѣсто его царскаго вел
ства подданныхъ, злодѣи всему государству, сбирались больше полу
лѣтія, чтобъ произвести наконецъ *пугачевщину*. Другіе, обладая нравств
ными силами, движимые религіозно-политическими ученіями, бѣжали
лѣса, въ горы, въ степи, тайно отъ правительства, основывали свои в
но-народныя колоніи, общины, въ противоположность приказно-госу
ственной, преимущественно военной колонизаціи XVIII столѣтія, соб
лись въ свои мирныя общины, въ *согласья*, стремились къ особно-обл
ному самоустройству и самоуправленію. Первые, во имя Стенекъ Р
ныхъ, во имя Пугачевыхъ, собираясь въ *воровскія и разбойничьи компа*
или въ *многолюдныя и вооруженныя станицы бѣглыхъ драгунъ, солдатъ,*
крутъ и казаковъ, и соединяясь съ бѣглыми крѣпостными и разно
цами, домогались, въ пугачевщину, поколебать существующій поряд
Вторые во имя стараго вольнонароднаго земскаго устроенія, подъ зн

немъ религіозно-обрядовой старины, стремились наибольше путемъ мирной пропаганды основать вездѣ по областямъ свои общины, согласья, привести ихъ всѣ, по выраженію федосѣевскаго собора 1751 года, *въ любовь и соединенье*, и образовать изъ всѣхъ согласій общій совѣтъ или соборъ. Во второй половинѣ прошлаго и въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, зачатки федераціи старообрядческихъ общинъ, зачатки мѣстныхъ и общихъ совѣтовъ или собраній уже обнаруживали значительное развитіе.

Въ первой же половинѣ XVIII столѣтія расколъ только охранялся, спасался и пропагандировался путемъ бѣгства. Жестокое преслѣдованіе бѣглыхъ и разбойниковъ, жестокое гоненіе раскола, бироновщина усиливали бѣгство и разбойничество, ускоряли появленіе пугачевщины, озлобляли и усиливали расколъ. Крѣпкія тюрьмы, желѣзныя оковы не исправляли разбойниковъ, не вырывали изъ сердецъ ихъ накипѣвшей закоснѣлой злобы. Они и въ тюрьмѣ пѣли о лѣсахъ и станахъ своихъ, какъ гласитъ старинная пѣсня:

Вы лѣса ли наши, лѣсочки, лѣса наши темные,
Вы кусты ли наши, кусточки, кусты наши великіе,
Вы станы ли наши, станочки, станы наши теплые,
Вы друзья ли наши, братцы, товарищи!
Лѣса наши всѣ порублены,
А кусты наши всѣ поломаны,
Всѣ станы наши разорены,
Всѣ друзья наши товарищи переловлены.
Во крѣпкія тюрьмы наши товарищи посажены,
Рѣзвы ихъ ноженьки въ кандалахъ заклепаны.
У воротъ-то стоятъ грозные сторожи,
Грозные сторожи, бравые солдатушки,
Никуды-то намъ, добрымъ молодцамъ, ни ходу, ни выпуску,
Ни ходу, ни выпуску изъ крѣпкой тюрьмы.
Ты возмой, возмой туча грозная,
Ты разбей-ко, разбей земляны тюрьмы,
Чтобы разбойнички-друзья разбѣжалися.

Точно также не искоренялся, а только закалялся и крѣпъ расколъ отъ гоненій. Лѣтописи старообрядческія ужасными чертами изображаютъ страшное время бироновщины. Въ раскольничьей книгѣ, недавно вышедшей заграницей, подъ заглавіемъ «церковная исторія», читаемъ, напримѣръ, такое сказаніе «о мучительствѣ въ станицахъ донскихъ казаковъ».

«Въ царствованіе россійской императрицы Анны Іоанновны, посланный полномочный чиновникъ, прибывъ въ станицы донскихъ казаковъ для приведенія ихъ всѣхъ безъ изъятія къ новопреданнымъ церковнымъ догматамъ, и когда отнюдь не находилъ въ нихъ склонности, принялъ самыя жестокія мѣры, начиналъ отъ верхнихъ станицъ, перебирая по единому каждое семейство разными мучительными пытками, и ничтоже успѣвъ, наконецъ каждому семейству повелѣлъ выходить на брегъ Дона и избирать изъ двухъ едино—или присягать къ принятію новопечатныхъ книгъ въ соединеніе съ великороссійскою церковію, или на висѣлицѣ умирать,

и всѣ согласились умереть. Неизъяснимымъ ужасомъ преисполнено было зрѣлище, когда изъ каждаго дома отецъ съ матерью и дѣтьми, съ неизъяснимымъ воплемъ и рыданьемъ на брегъ Дона торжественно шли за вѣру умирать, и другъ друга объемлюще, отецъ сына, а мать дщерь, утопали въ слезахъ. Мучитель подавалъ лишь знакъ,—и вдругъ вздергивались на висѣлицу и умирали, а по умертвіи мучитель повелѣвалъ тѣла бросать въ рѣку, да тѣмъ пловущими мертвецами возвѣстить и прочимъ нижнимъ станицамъ, какова постигнетъ и тѣхъ година. Сіе дѣялось первѣе ближе съ пріѣзда объ одной сторонѣ Дона, а между тѣмъ прочія станицы, подъ командою мудраго и къ преданіямъ святоотеческимъ всеревностнаго атамана Игнатія Некрасова съ елико-возможною поспѣшностью и легкостью, въ одну ночь свелись и *поднялись въ бѣгство всего 40,000* самыхъ домохозяевъ съ женами и дѣтьми, оставя на мѣстѣ все свое домовое заведеніе и прочее тяжелое имущество, хотя у многихъ отняты были и самые конскіе табуны; но и изъ нихъ многія семейства только съ тѣломъ и душой присовокупились. Тако сей благочестивый народъ, подъ предводительствомъ своего богомудраго атамана Некрасова, единственно направлялся промысломъ божіимъ съ немалымъ препятствіемъ, однако наконецъ благополучно перешелъ Дунай въ турецкіе предѣлы. О таковомъ жалостномъ послѣдствіи, сверхъ рукописныхъ исторій, между рукъ старовѣрцевъ находящихся, свидѣтельствуютъ со стороны даже самихъ гонителей подлинныя слова изъ печатнаго изданія, подъ названіемъ историческій, политическій и литературный журналъ Сынъ Отечества».

Вслѣдствіе такихъ гоненій, отъ мучительства биронова, по словамъ Болтина, бѣжало заграницу не менѣе 250,000 д. муж. пола. Въ той же старообрядческой «церковной исторіи» сказано:

«Здѣсь по крайней мѣрѣ возведемъ окрестъ мысленныя очи свои и пробѣжимъ общимъ взглядомъ нетокмо по россійскимъ предѣламъ, но и по всей Европѣ, а частью и Азіи для чувствительнаго понятія, како изъ той божественной ограды столь разгнаны были словесныя овцы, что наполнились ими горы и холмы и непроходимыя дебри. Населились отъ вѣковъ ненаселяемыя отдаленныя сибирскія и кавказскія горы. Умножились россійскимъ народомъ области: малороссійская, бѣлорусская, польская и бессарабская. Надѣлились тѣмъ же удѣломъ въ значительномъ числѣ цѣлыхъ обществъ многія державы: Турція, европейская и азіятская, Валахія, Молдавія, Австрія и Пруссія. И все таковое безчисленное множество россійскаго народа, единственно по причинѣ невозможности внутрь Россіи содержать древне-церковныхъ чиновъ и уставовъ подъ жестокимъ притѣсненіемъ и казнью, вынуждено было оставить всю приверженность свою къ отечественной природѣ и искать прибѣжища и свободы вѣры въ чужихъ предѣлахъ».

И въ началѣ второй половины XVIII вѣка бѣглыхъ было множество. И причинъ къ бѣгству было также много. Въ первые годы царствованія Екатерины II графъ Петръ Ив. Панинъ исчислялъ слѣдующія причины побѣговъ въ Польшу: «Обстоятельства, дѣлающія донынѣ поползновеніе къ побѣгамъ изъ Россіи въ Польшу, примѣчаются быть слѣдующія: 1) стро-

ость духовенства и разные какъ отъ оныхъ, такъ и отъ свѣтскихъ корыстныя градоначальническія приметы къ затвердѣвшимся людямъ въ расколъничьемъ суевѣріи; 2) поборы въ рекруты изъ ближнихъ къ границамъ имѣній, причемъ и заведшее поползновеніе въ нѣкоторыхъ помѣщикахъ продавать въ рекруты отъ цѣлыхъ семей за посторонніл, а не за свои уже деревни, и безъ всякаго въ томъ уваженія, какъ огорченія, такъ и разоренія остающимся ихъ семьямъ, въ которыхъ отдачу въ рекруты почитаютъ жоны мужей, а отцы дѣтей своихъ за взятье на убійство и на всегдашнее отъ нихъ отлученіе. 3) Весьма худое и нетолько нерачительное содержаніе рекрутъ до отправленія въ полки, но и случающіяся къ нимъ, какъ по многимъ слѣдствіямъ извѣстно, тягостныя корыстныя приметки, такъ что вмѣсто чтобъ имъ, огорченнымъ людямъ чрезъ отлучку отъ семейства своего, дѣлать всякое къ службѣ приласканіе, нестрашились приметками ихъ обирать и употреблять въ партикулярныя работы, да и въ самыхъ резиденціяхъ зимою прежде рекрутъ набирывали, нежели имъ квартиры приуготовляли, слѣдуя обыкновенному порядку полиціи, чтобъ напередъ именной списокъ при доношеніи въ нее вступилъ, а потомъ опредѣленіе и билеты на асигнаціи квартиръ послѣдовали, между тѣмъ же ежедневно въ множествѣ набираемые рекруты принуждены были зимою на дворѣ въ стужѣ, а ночью въ торговыхъ баняхъ въ жару къ новой службѣ приласканіе получать; остающемуся же ихъ семейству было горестнѣйшимъ то зрѣлищемъ и примѣромъ на будущіе для дѣтей ихъ поборы. 4) Ничѣмъ неограниченная помѣщичья власть съ выступленіемъ въ роскоши изъ всей умѣренности, къ сборамъ съ подданныхъ своихъ собственныхъ податей и употребленіемъ оныхъ въ работы, не только превосходятъ примѣры ближнихъ заграничныхъ жителей, но частенько у многихъ выступающія и изъ сносности человѣческой. 5) Возвышеніе цѣнъ безъ уваженія ближняго заграничнаго примѣру соли, безъ коей никто питаться не можетъ, и вину, къ которому подлый русскій народъ неотвращенную уже привычку имѣетъ; а при продажѣ первой большія для поселянъ трудности, распространяющіяся до взятокъ; а строгость во взысканіи вольной винной продажи, употребляемая безъ уваженія же близости границъ, гдѣ въ томъ всякой свободную волю имѣетъ. 6) Донынѣ по великому несчастію распространившееся, особенно въ отдаленныхъ губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ, отъ зловреднаго вкоренившагося лихоимства неправосудіе и нерадѣніе безъ корысти никакимъ общимъ дѣламъ и попеченіямъ. 7) Бывшее употребленіе въ выборѣ городскихъ начальниковъ для пользы посылаемыхъ туда персонъ, а не для пользы поручаемыхъ имъ градоначальствъ и дѣлъ».

По такимъ причинамъ много народу бѣжало въ Польшу, въ Австрію и даже въ Турцію. Въ Польшу старообрядцы малороссійскихъ стародубскихъ слободъ часто переводили бѣглыхъ крестьянъ, солдатъ, казаковъ. Вслѣдствіе указа 14 декабря 1762 года, дозволявшаго всѣмъ бѣглымъ заграницу безпрепятственно возвращаться на мѣста, отведенныя въ Сибири и на юго-востокѣ Великороссіи,—многіе изъ бѣглыхъ, и въ томъ числѣ старообрядцы, выходили изъ Польши и снова пускались въ странствованіе, въ южное заволжье.

вообще, какъ тогда, въ эпоху появленія бѣгуновъ, бѣглые ...лу-свѣту. Но этотъ бѣглецъ былъ особенно загадоченъ. ...ода, его видѣли съ раскольникомъ мечетной слободы Се... ...ъяицкомъ городкѣ, въ домѣ отставного казака Дениса ...нъ спросилъ его, по поводу ходившаго на Яикѣ слуха: ...Царицынѣ явился государь Петръ Федоровичъ! ... особенно-утвердительнымъ тономъ отвѣчалъ: ...линный царь Петръ Федоровичъ, и хотя ...ъ ушелъ, а вмѣсто его замучили другого. ...! Вѣдь Петръ Федоровичъ умеръ! съ

...онъ также спасся и въ Петербургѣ

...захотѣлъ дальше любопытствовать, и ... очень заинтересованъ разговоромъ, и послѣ ...лчанія, самъ завелъ такой разговоръ:

...ъ, яицкимъ казакамъ, не стыдно, что вы терпите такое ... въ вашихъ привилегіяхъ!

— Чтожъ дѣлать-то? отвѣчалъ Пьянковъ:—такъ видно тому и быть.

— Да не лучше ли вамъ выйти съ Яику, заговорилъ бѣглецъ: — выйти ...Яику въ турецкую область, на Лобу рѣку, а на выходъ я вамъ даю ...негъ, на каждую семью по двѣнадцати рублей.

При этомъ бѣглецъ прихвастнулъ, что будто у него на границѣ оста...ено до 200 тысячъ рублей, да на 70 тысячъ товару.

— Если же, прибавилъ онъ: — яицкое войско согласится бѣжать, то ...ъ своихъ денегъ буду оное коштовать.

Пьянковъ съ сомнѣніемъ возразилъ на это:

— Да гдѣ ты таки деньги возьмешь, и что ты подлинно за человѣкъ?

— Я, отвѣчалъ бѣглецъ: — я заграничный торговый! и сталъ дальше ...ворить на ту же тему:

— Когда вы выйдете заграницу, то всѣхъ васъ съ радостью встрѣтитъ ...рецкій паша: онъ, ежели будетъ нужда въ деньгахъ войску на проходъ, ... дастъ еще хоть и до пяти мильоновъ рублей.

Пьянковъ не сталъ дальше слушать, и велѣлъ ему больше не говорить ...кихъ рѣчей. Отъ Пьянкова бѣглецъ каждый день ходилъ на базаръ, и все ...лковалъ что-то съ народомъ.

Потомъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1773 года, видѣли этого таинственнаго бѣг...ца, какъ пробирался онъ ужъ изъ тюрьмы казанской на Узени, въ Ка...ышъ-Самору. Мѣсто это тогда было непроходимое: кругомъ лѣсъ, а въ ...ѣсу трясины и болота. Тутъ скрывались бѣглецы. Тутъ и вокругъ незна...маго бѣглеца собралось человѣкъ семь бѣглыхъ казаковъ, да семь же чело...вѣкъ раскольничьихъ старцевъ. Тутъ они держали совѣтъ, склонить на свою ...рону яицкихъ казаковъ, во время плавки рыбы, и съ помощью ихъ взять ...цкій городокъ, побить всѣхъ старшинъ и потомъ идти на Оренбургъ...

Затѣмъ видѣли незнакомаго бѣглеца въ половинѣ іюля: онъ ѣхалъ ...Жаловицкій уметъ, отстоящій отъ яицкаго городка въ 50-ти или 60-ти

Въ августѣ 1772 года пробирался между толпой бѣглыхъ, изъ-за польской границы бѣглый казакъ, раскольникъ, средняго росту, долголицый, сухощавый; волосы на головѣ русые, борода черная съ просѣдью, глаза каріе, выразительные; на лѣвомъ вискѣ отъ золотухи шрамъ. На вопросъ: кто? онъ назвался раскольникомъ и бывшимъ прежде пензенскимъ купцомъ Емельяномъ Ивановымъ. На пограничномъ форпостѣ онъ заявилъ желаніе идти на Иргизъ: ему дали паспортъ и велѣли явиться въ симбирской провинціальной канцеляріи, въ вѣдомствѣ которой находился Иргизъ. Казакъ прошелъ прямо. Тамъ,—гласитъ старообрядческая пѣсня:

Монастырь верхней издавна стоитъ на крутой горѣ
Во прекрасной ли во пустынюшкѣ, во зеленой во дубравушкѣ,
Какъ прекрасенъ садъ, при рѣкѣ древа,
При древахъ этихъ мелки пташечки.
Они райскія поютъ пѣсенки,
Утѣшаютъ же они иноковъ монастырскіихъ и всѣхъ трудниковъ.
Что возговоритъ имъ игуменъ рѣчь,
Наставляя всѣхъ ко спасенію:
Вы отцы святыи соборныи
Вы послушайте моего гласу,
Что и надо намъ признаватися,
Какъ мы жизнь истеряли
Всю и во многомъ во смятеніи.
Возведемъ очи свои къ вышнему,
Поліемъ слезы, какъ источники,
Мы просить будемъ самого творца,
Чтобъ наставилъ насъ ко спасенію,
Онъ управилъ бы жизнь полезную.
Вы пѣвцы мои златострунные,
Воспѣвайте пѣсни пресладкія какъ архангелы.
Воспѣвайте, аки громъ гремитъ въ удареніяхъ...
Мы игумену покоряемся,
Какъ древа вси преклоняемся.
А мы вышли вси во долинушку,
Во зеленую во дубравушку.
А мы смотримъ вси во зеленой садъ,
Какъ при той ли, да при пустынушкѣ, при долинушкѣ,
Протекла рѣка пребогатая;
Отъ нея же мы всѣ питаемся,
Рыболовствомъ всѣ занимаемся.
Какъ при той же, да при рѣчушкѣ,
Молодые всѣ вышли иноки,
И при правныхъ всѣ при лодочкахъ,
Рыболовшички всѣ держатъ неводы.

Это былъ монастырь иргизскій. Бѣдный путникъ въ немъ остановился, и былъ принятъ ласково игуменомъ Филаретомъ, который не преминулъ дать ему наставленіе въ духѣ старообрядства.

Гостя въ монастырѣ иргизскомъ,
селамъ; особенно часто ходилъ въ меч
сти, гдѣ крестьяне были раскольники, и
иргизскій и не зналъ, какъ и куда по

Любопытно вообще, какъ тогда, въ эпоху появленія бѣгуновъ, бѣглые хаживали по бѣлу-свѣту. Но этотъ бѣглецъ былъ особенно загадоченъ.

Въ ноябрѣ 1772 года, его видѣли съ раскольникомъ мечетной слободы Семомъ Филипповымъ, въ яицкомъ городкѣ, въ домѣ отставного казака Дениса янкова. Тутъ разъ хозяинъ спросилъ его, по поводу ходившаго на Яикѣ слуха:

— Что будто бы въ Царицынѣ явился государь Петръ Федоровичъ!

Бѣглый незнакомецъ съ особенно-утвердительнымъ тономъ отвѣчалъ:

— Это правда, и онъ подлинный царь Петръ Федоровичъ, и хотя въ Царицынѣ поймали, да онъ ушелъ, а вмѣсто его замучили другого.

— Какъ этому можно статься! Вѣдь Петръ Федоровичъ умеръ! съ мнѣніемъ возразилъ Пьянковъ.

— Неправда, отвѣчалъ бѣглецъ: — онъ также спасся и въ Петербургѣ ъ смерти, какъ и въ Царицынѣ.

Пьянковъ, опасаясь бѣды, не захотѣлъ дальше любопытствовать, и молчалъ. Но бѣглецъ былъ очень заинтересованъ разговоромъ, и послѣ продолжительнаго молчанія, самъ завелъ такой разговоръ:

— Какъ вамъ, яицкимъ казакамъ, не стыдно, что вы терпите такое итѣсненіе въ вашихъ привилегіяхъ!

— Чтожъ дѣлать-то? отвѣчалъ Пьянковъ:—такъ видно тому и быть.

— Да не лучше ли вамъ выйти съ Яику, заговорилъ бѣглецъ: — выйти Яику въ турецкую область, на Лобу рѣку, а на выходъ я вамъ даю негъ, на каждую семью по двѣнадцати рублей.

При этомъ бѣглецъ прихвастнулъ, что будто у него на границѣ остаено до 200 тысячъ рублей, да на 70 тысячъ товару.

— Если же, прибавилъ онъ: — яицкое войско согласится бѣжать, то ъ своихъ денегъ буду оное коштовать.

Пьянковъ съ сомнѣніемъ возразилъ на это:

— Да гдѣ ты таки деньги возьмешь, и что ты подлинно за человѣкъ?

— Я, отвѣчалъ бѣглецъ: — я заграничный торговый! и сталъ дальше ворить на ту же тему:

— Когда вы выйдете заграницу, то всѣхъ васъ съ радостью встрѣтитъ рецкій паша: онъ, ежели будетъ нужда въ деньгахъ войску на проходъ, дастъ еще хоть и до пяти мильоновъ рублей.

Пьянковъ не сталъ дальше слушать, и велѣлъ ему больше не говорить кихъ рѣчей. Отъ Пьянкова бѣглецъ каждый день ходилъ на базаръ, и все иковалъ что-то съ народомъ.

Потомъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1773 года, видѣли этого таинственнаго бѣга, какъ пробирался онъ ужъ изъ тюрьмы казанской на Узени, въ Кашъ-Самору. Мѣсто это тогда было непроходимое: кругомъ лѣсъ, а въ у трясины и болота. Тутъ скрывались бѣглецы. Тутъ и вокругъ незнааго бѣглеца собралось человѣкъ семь бѣглыхъ казаковъ, да семь же челоъ раскольничьихъ старцевъ. Тут они держали совѣтъ, склонить на свою
ки рыбы, и съ помощью ихъ взять
ь и потомъ идти на Оренбургъ...
въ половинѣ іюля: онъ ѣхалъ
го городка въ 50-ти или 60-ти

верстахъ, ѣхалъ одинъ въ кибиткѣ, запряженной парой лошадей, в
жичьемъ платьѣ; при немъ было ружье, котелъ мѣдный и мѣшече
сдобными лепешками. По прiѣздѣ въ уметъ, содержателю его, пахэ
солдату симбирскаго уѣзда, Степану Максимову Оболяеву, по наро
прозванью—Ереминой-курицѣ, онъ сказался пензенскимъ купцомъ Ив
Ивановымъ: «былъ де онъ въ яицкомъ городкѣ за покупкой рыбы, и
оставя свой обозъ, велѣлъ оному за собой ѣхать, а самъ напередъ по
было въ Пензу, но на дорогѣ лошади, взбѣсясь, разбили телѣгу»; а и
и просилъ уметчика пробыть у него, пока дождется свой обозъ, обѣща
за то заплатить. Уметчикъ пустилъ пожить. Бѣглый незнакомецъ при
за промыселъ: сталъ стрѣлять по степи сайгановъ, и ими самъ пита
кормилъ уметчика. Уметчикъ былъ радъ жильцу промышленному, осо
когда увидѣлъ, что жилецъ старообрядецъ,—крестится двуперстным
менiемъ. Такъ недѣлю пробылъ бѣглый незнакомецъ у уметчика, в
тривалъ, да выпытывалъ его, не переметчикъ ли. Черезъ недѣлю он
конецъ рѣшился откровеннѣе заговорить съ нимъ:

— Что ты, Степанъ Максимычъ, знаешь: вѣдь я тебя обманул
сказался пензенскимъ купцомъ, а я вѣдь не купецъ, но дубовскiй ка
и не Иваномъ меня зовутъ, а Петромъ Ивановымъ.

Уметчикъ Еремина-курица почти и не обратилъ вниманiя на эти
жильца, а заботился главнымъ образомъ объ обозѣ, разсчитывая вѣр
поживиться отъ него.

— Такъ поэтому ты и объ обозѣ-то солгалъ? только и
силъ онъ.

Ловкiй бѣглецъ, смекнувъ тотчасъ корыстолюбiе уметчика, и не
вдругъ оказаться обманщикомъ, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, это я не солгалъ, а правда: я на сихъ дняхъ его
ожидаю.

Уметчикъ Еремина-курица этому и повѣрилъ, и обходился съ
цомъ дружно. А этотъ, узнавши простоту его и снисходительнос
бѣглецамъ, рѣшился наконецъ открыть ему свой замыселъ. Черезъ д
дѣли, по прiѣздѣ, былъ онъ въ банѣ съ хозяиномъ, и послѣ бани,
разговоръ стороной, спросилъ уметчика:

— Что, Степанъ Максимычъ, давича ты былъ со мной въ банѣ
мѣтилъ ли ты на мнѣ царскiе знаки?

А уметчикъ съ усмѣшкой и равнодушно отвѣчалъ:

— Какiе знаки? я ихъ отроду не только не видывалъ, да
слыхивалъ.

Бѣглецъ теперь совсѣмъ убѣдился, что простотѣ-уметчику мож
говорить.

— Этакая ты простая курица, сказалъ онъ:—ужъ царскихъ зн
не слыхивалъ! я тебѣ ихъ когда-нибудь при яицкихъ казакахъ пока

— Что же это, Петръ Иванычъ, спросилъ тутъ уметчикъ, затро
нѣсколько любопытствомъ:—къ чему ты это говоришь? какимъ на тебѣ
царскимъ знакамъ?

— Эдакой ты безумный, отвѣчалъ бѣглецъ:—ужъ того-то не дога

чему я это говорю! Вѣдь я не купецъ и не казакъ, такъ какъ тебѣ ска-лся, а государь знать Петръ Федоровичъ!

Тутъ уметчикъ Еремина-курица испугался, что онъ принималъ жильца простого человѣка, однакожъ, осмѣлился еще спросить:

— Да какъ же это я слышалъ, что государь померъ?

— Врешь, сказалъ бѣглецъ:—Петръ Федоровичъ живъ, а не умеръ; смотри на меня такъ, какъ на него. Я былъ за моремъ и пріѣхалъ въ ссію прошедшаго года. И услыша, что яицкіе казаки приведены всѣ въ зоренье, такъ нарочно для нихъ я сюда на выручку пріѣхалъ, и хочу, ли Богъ допуститъ, опять вступить на царство.

Уметчикъ тутъ сталъ кланяться и просить прощенья, что обращался нимъ попросту. Спустя нѣсколько дней, къ уметчику пріѣхалъ знако-ый казакъ, Закладновъ, попросить лошади. Когда Закладновъ сѣдлалъ за етнемъ лошадь, уметчикъ подошелъ къ нему, и указывая на бѣглеца, торый выдвигался изъ сарая, спросилъ полушепотомъ:

— Что, Гриша, какъ ты думаешь объ этомъ человѣкѣ? какой онъ ловѣкъ?

— Почему я могу знать, что онъ за человѣкъ, отвѣчалъ Закладновъ.

— Вишь, объяснялъ дальше уметчикъ съ какою-то таинственною ржественностью:—вишь это государь Петръ Федоровичъ. Онъ говоритъ, о имѣетъ на себѣ царскіе знаки и нарочно сюда на выручку къ вамъ ѣхалъ. Онъ приказалъ тебѣ сказать, чтобъ ты открывалъ о немъ войско-ой руки надежнымъ казакамъ.

Закладновъ содрогнулся. Тутъ бѣглецъ-самозванецъ вышелъ изъ са-я и сказалъ самъ уже Закладнову:

— Что, Гриша, слышалъ ты отъ Ереминой-курицы обо мнѣ?

— Слышалъ, государь! поклонясь отвѣчалъ Закладновъ.

— Ну смотри же, Гриша, говорилъ бѣглый самозванецъ:—разсказывай о мнѣ дома надежнымъ людямъ войсковой руки, да смотри объясняй по йности, такъ чтобы и жены ваши не знали, и берегитесь старшинской ки, чтобы какъ не провѣдали обо мнѣ. Пришли ко мнѣ сюда отъ войска ловѣкъ двухъ нарочитыхъ людей: я съ ними поговорю и скажу имъ, что до сдѣлать.

Накормя Закладнова на дорогу завтракомъ, самозванецъ еще разъ овожая его сказалъ:

— Смотри же, Гриша, не забудь, пришли ко мнѣ казаковъ, и самъ ними пріѣзжай. Да проворь скорѣе!

— Хорошо, сударь, слышу! отвѣчалъ Закладновъ, и взялся за про-ганду пугачевщины.

Такіе между прочимъ бѣглецы скрывались въ прошломъ вѣкѣ въ массѣ глыхъ, и потомъ мало-по-малу выдвигались на отчаянные подвиги или мозванства, или разбойничества, или религіозно-политической пропа-ды. И вотъ выдвинулся изъ толпы такихъ бѣглецовъ, прошелъ черезъ ты старообрядческіе знаменитый бѣглый казакъ зимовейской станицы, кольникъ вѣтковской и иргизской, *Емельянъ Ивановъ Пугачевъ*. И съ ка-ъ демократическимъ тактомъ началъ онъ свое отчаянное дѣло! Изъ

Польши, откуда вышелъ и первый самозванецъ, идетъ онъ прямо въ уральское заволжье, въ этотъ необъятный, вѣковой притонъ, омутъ сб наго народа, куда стекались въ XVIII вѣкѣ самые отчаянные бѣг послѣднiе вольные, гулящiе и голутвенные люди цикла и закалу Сте Разина, гдѣ скоплялись всѣ элементы, вся накипь, наболь народнаго в вольства, и раскольничьяго, и крѣпостного, и заводскаго, и проч. Бѣгл съ могучей натурой идетъ къ своимъ же сроднымъ бѣглецамъ, къ я кимъ казакамъ, въ которыхъ тоже еще не охладѣлъ закалъ Стеньки Раз закалъ, поддерживаемый теперь еще расколомъ. Давно эти сброді удалые, буйные молодцы старой повольничьей, ушкуйничьей породы жались на Яикъ. Сначала они тоже, подобно вольницамъ, дружин Ермака Тимофѣича или Степана Разина, удальствомъ и разбоями мышляли по Каспiйскому морю и по Волгѣ. Потомъ, натѣшившись воль удалыми разбоями, въ волю нагулявшись по широкому раздолью ст саратовской, по Волгѣ и морю, рѣшились наконецъ основать воль осѣдлую общину: «собрався учинили совѣтъ» и предались подъ вл Россiи при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ. Имъ дана была «жалованная гра на рѣку Яикъ съ сущими при ней рѣки и притоки и со всякими уг отъ вершинъ той рѣки до устья». Они набрались бѣглыми всякаго р вольными, гулящими людьми и образовали военно-демократическую общ Демократическая воля въ нихъ до того была сильна, необуздана, съ 1721 года, когда они подчинены были вѣдѣнiю военной колегiи, 1770 года, они непрерывно вели открытую, неуступную борьбу съ огр чительными притязанiями начальства. Борьба эта достигла высшей сте разгара, когда въ яицкiй городокъ пришелъ Пугачевъ. Казаки разд лись тогда на двѣ партiи: на *несогласныхъ*, или казаковъ *войсковой р* и на *согласныхъ*, т.-е. сторонниковъ старшинъ и правительства, или *ст шинной руки*. Пугачевъ сразу понялъ силу и значенiе первой чисто-д кратической партiи, и съ нею-то пошелъ въ походъ. И зашевелился, двигался весь юго-восточный край имперiи, зашевелились русскiе и н родцы, затряслось все южное приволжье и заволжье, затряслись ураль заводы и зауральская Сибирь. Полетѣли возмутительные листы, ма фесты, не многоглаголиво-краснорѣчивые, а затрогивающiе самое сер и всѣ вѣковые помыслы, желанiя и ожиданiя народа: «дарю волей и зем и рѣкой, и травами, и морями, и хлѣбнымъ провiантомъ, и крестомъ, и б дою, и свинцомъ, и порохомъ». И слова эти, какъ самая горючая, пламен искра, просто производили пожаръ въ сердцахъ народныхъ. И пламя пу чевщины пылало. Крѣпостныя, тяжко-податныя, рабски-служебныя, тяж чернорабочiя основы имперiи заколебались. А буйные, давшiе волю физи ской силѣ казаки говорили»: то ли еще будетъ, такъ ли еще тряхн Москвой», т.-е. государствомъ. И ужаснулось правительство. «Богъ зна чѣмъ все это кончится!» говорила Екатерина. «Зло превелико, ужас писалъ ей Бибиковъ: «ухъ, дурно!.. Не Пугачевъ важенъ и не воры казак *важно общее негодованiе»*.

Въ самый разгаръ пугачевщины разъ стоялъ въ Москвѣ часахъ молодой солдатъ и пѣлъ такую пѣсню:

Охъ ты, батюшка, Ленбурхъ городъ!
Про тебя, Ленбурхъ, идетъ славушка,
Слава добрая, нарѣчье хорошее,
Будто ты, Ленбурхъ, на красѣ стоишь, на крутой горѣ,
На крутой горѣ, на жолтымъ пескѣ,
На жолтымъ пескѣ, разсыпчатымъ,
На трехъ рѣчушкахъ, да на устьицахъ.
Да первая рѣчушка течетъ Самарушка,
Другая рѣчушка — Яикъ рѣка,
Третья рѣчушка — Уралъ рѣка.
По Уралѣ рѣкѣ живутъ казаченьки,
По Самарушкѣ живутъ татарушки,
По Уралу гулялъ генералъ-Пугачъ.
Какъ во матушкѣ было во каменной Москвѣ,
Молодой-то солдатъ на часахъ стоитъ,
На часахъ стоитъ, себѣ рѣчи говоритъ:
„Не даютъ-то мнѣ, доброму молодцу,
Волюшку во Ленбурхъ сходить,
Во Ленбурхъ сходить, *Пугача убить*".

Но въ то время, какъ этотъ солдатъ, вѣрный царю и отечеству до
 крови, или просто жаждавшій только дать волюшку, разгулъ моло-
й силѣ, удали, съ такимъ порывомъ зарился Пугача убить, въ то
 время толпы солдатъ убѣгали съ часовой службы, изъ полковъ,
 изъ крѣпкихъ тюремъ. Издавна, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ нача-
въ Россіи рекрутчина, скиты и слободы старообрядческія, глухія
нціальныя захолустья, даже помѣщичьи имѣнья наполнены были
ыми солдатами и рекрутами. Полное собраніе законовъ первой поло-
 и особенно первой четверти XVIII вѣка наполнено указами о бѣглыхъ
тахъ и рекрутахъ. Въ первой четверти прошлаго столѣтія изъ бѣглыхъ
тъ, драгунъ и рекрутъ образовались многочисленныя «вооружонныя
нія», къ которымъ приставали бѣглые и крѣпостные люди. Солдатъ
, по двѣсти и больше, верхами, съ ружьями, въ регулярномъ порядкѣ
зжали по многимъ уѣздамъ и грабили помѣщичьи имѣнья. Лѣса напол-
были большими скопищами бѣглыхъ солдатъ, гдѣ они приставали иногда
«разбойничьимъ компаніямъ». Тамъ, въ темной чащѣ лѣсовъ, свѣти-
по ночамъ огни: вкругъ нихъ сидѣли солдаты бѣглые, безпашпортные.
обирались они, «сходилися на полянушку, на широкую». И старая,
ная, завѣщанная бойцами Стеньки Разина пѣсня раздавалась по
ь:

Ты взойди-ко, взойди солнце красное,
Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодцевъ,
Солдатъ бѣглыхъ, безпашпортныихъ".

II

ъ началѣ осьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка пробирались по
имъ лѣсамъ Костромской губерніи трое бѣглыхъ: солдатъ съ кресть-
и крестьянинъ. Идя по лѣсу, они толковали что-то о пришествіи

и царствѣ антихриста, о гоненіи на христіанъ, о новой ревизіи 1782
о *спасеномъ пути*, о бѣгствѣ отъ антихриста. Солдатъ говорилъ, а спут
больше слушали и тяжело вздыхали да крестились.

Крестьянинъ былъ бѣглый изъ пошехонскаго уѣзда. Его звали Его
Егоровымъ. Но откуда и зачѣмъ шелъ въ лѣсъ этотъ солдатъ бѣ
что за спутница съ нимъ шла и чему онъ наставлялъ бѣглыхъ стр
ковъ? спросимъ старожиловъ-старовѣровъ, и они скажутъ намъ.

То былъ основатель согласья *бѣгуновъ*, Евфимій, бѣглый солдатъ
переяславскихъ мѣщанъ.

Тогда во всѣхъ волжско-камскихъ и сѣверо-поморскихъ горо
мѣщанамъ, посадскимъ, какъ мы отчасти видѣли, житье было ху
трудное. Безземелье, рекрутчина и подать, цеховая замкнутость и стѣс
ность труда — все это сильно, горько тяготило мѣщанство. Не имѣя
переносить это горе, негодуя на свое жалкое, податное и цеховое уст
ство, мѣщане, вмѣстѣ съ крестьянами и купцами, тоже по большей ч
происхожденцами изъ мѣщанства и крестьянства, мѣщане, говорю я,
неволѣ уклонялись въ расколъ, составляли помимо цеховъ свои свобод
трудовыя, общинныя согласья. Дѣти ихъ съ раннихъ лѣтъ воспитыва
такимъ образомъ ужъ въ духѣ раскола, тѣмъ болѣе, что при отсутс
правительственныхъ училищъ и учителей для простого народа старооб
ческіе граматники, наставники были почти единственными учителями
лодыхъ податныхъ поколѣній, ближе всѣхъ стояли къ умственнымъ
требностямъ и понятіямъ массы народной. Вотъ и Евфимій, сынъ переяс
скаго мѣщанина, съ раннихъ лѣтъ научился безпоповщинскому толку
федосѣевскихъ наставниковъ. Разъ возбужденная, затронутая грамо
ученьемъ, душа Евфимія ужъ не могла успокоиться на начаткахъ мы
знанія; жаждала больше, рвалась дальше. Евфимій чувствовалъ нео
одолимое влеченіе бѣжать. Такова участь большой части русскихъ кре
янскихъ и мѣщанскихъ самородковъ, начиная отъ Ломоносова до К
цова. Недаромъ и старообрядческій стихъ выражаетъ эту жажду удо
творенія умственныхъ потребностей:

> Душа своей пищи дожидается,
> Душѣ надо жажду утолить.
> Потщися душу свою гладну не оставить.

Вотъ и Евфимій съ жаждой уясненія затронутыхъ въ душѣ во
совъ, въ порывѣ пытливости, любознательности, въ молодомъ увлеч
и экзальтаціи религіознаго энтузіазма, бѣжитъ изъ дома отеческаго,
Переяславля Залѣсскаго, приходитъ въ Москву и скрывается у стар
филипповскаго согласья, въ то время только-что появившагося въ Мос
Старцы его вновь окрестили и назвали Евстафіемъ, научили его не
литься за государей, не повиноваться никакимъ властямъ, ни граж
скимъ, ни воинскимъ, ни духовнымъ, отвергать всякую, какъ граж
скую, такъ особенно солдатскую службу и проч. Въ Москвѣ Евф
поймали и отправили назадъ въ Переяславль. Мѣщанское общество от
его въ солдаты. Но солдатская служба была не только тягостна

фимія, но и противна его совѣсти. Онъ зналъ, какъ тысячи въ его время онялись отъ рекрутчины, бѣжали отъ солдатской службы. Онъ зналъ ученье такого раскольничьяго согласья, которое основано было бѣглымъ лдатомъ, зналъ ученье филиповскаго толка, что солдатская служба — ть служба антихристу. И вотъ, Евфимій бѣжалъ изъ солдатской службы, нять пришелъ къ своимъ въ Москву. Федосѣевская община преображенкаго кладбища въ то время составляла центръ управленія для самой льшой части областныхъ, мѣстныхъ безпоповщинскихъ общинъ, управлялась своими выборными попечителями; развивала, устраивала, чрезъ воихъ агентовъ-наставниковъ, областныя, мѣстныя общины. Въ этой бщинѣ Евфимій нашелъ пріютъ, постригся въ иноки и скоро назначенъ лъ наставникомъ въ поморской скитъ филиповскаго согласья. Здѣсь-то, Москвѣ онъ взялъ съ собою послѣдовательницу филиповскаго же толка, глую крестьянку Тверской губерніи, Ирину Федорову. И вотъ она-то ла его спутницей повсюду. Съ ней Евфимій прибылъ въ поморскій скитъ. ѣсь въ то время настоятелемъ былъ бѣглый сержантъ, нѣкто Адріанъ. Въ тность свою въ Ярославлѣ, онъ взятъ былъ полиціей, какъ безпаштный, и лишенъ монашеской одежды; но потомъ какъ-то увернулся полиціи и пришелъ въ поморской скитъ. Евфимій съ нимъ не полаъ и разсорился за то, что онъ скрывалъ отъ братіи бывшій съ нимъ Москвѣ случай. Ссора дошла до того, что Евфимій написалъ на Адріана лобу старцамъ московскаго согласья. Тѣ приказали ему повиноваться ріану, какъ настоятелю поморскаго согласья. Тогда огорченный Евфимій елъ съ своей Ириной изъ поморскаго скита опять въ Москву для личнаго ъясненія съ старцами преображенской общины. Наконецъ, когда и здѣсь нашелъ согласья съ своимъ мнѣніемъ объ Адріанѣ, крайне огорчился отправился съ Ириной Федоровой въ Ярославскую губернію. Въ это-то емя, послѣ всѣхъ страннических переходовъ, въ душѣ Евфимія оконтельно созрѣла мысль — начать въ народѣ свое ученіе, устроить свою опаганду странствующихъ наставниковъ, основать новое согласье бѣгвующихъ, странниковъ, бѣгуновъ. Онъ сталъ проповѣдывать, сначала въ момъ городѣ Ярославлѣ, а потомъ и переходя изъ села въ село, что со емени патріарха Никона и царя Алексѣя Михайловича зародился въ ликороссійской земли антихристовъ порядокъ, что Петръ I есть главный, слѣдній рогъ двурожнаго звѣря, главный нововводитель антихристова рядка: ревизіи душъ, раздѣленія людей на чины и сословія, неравнорнаго раздѣленія земли между людьми и проч., что съ 1742 года, со орой ревизіи истинная христіанская община сохранилась только въ бѣгихъ отъ ревизіи; что воинскія и гражданскія власти образы звѣря, облающіе человѣческими душами и т. д. «Бѣгство, странство, выводилъ отда Евфимій, — вотъ одинъ спасеный путь отъ звѣря-антихриста, отъ его астей, отъ всего его царства. Бѣжать и бѣжать остается христіанамъ только отъ всякой службы, отъ податей, отъ ревизской записи въ списокъ дданныхъ антихриста, но и отъ отцовъ, матерей, братьевъ, сестеръ и одниковъ! Такія начала религіозно-политическаго отрицанія, сѣмена нового согласья, посѣялъ Евфимій въ городѣ Ярославлѣ, въ деревнѣ Малы-

и царствѣ антихриста, о гоненіи на христіанъ, о новой ревизіи 1782 г., о *спасеномъ пути*, о бѣгствѣ отъ антихриста. Солдатъ говорилъ, а спут больше слушали и тяжело вздыхали да крестились.

Крестьянинъ былъ бѣглый изъ пошехонскаго уѣзда. Его звали Его Егоровымъ. Но откуда и зачѣмъ шелъ въ лѣсъ этотъ солдатъ бѣг что за спутница съ нимъ шла и чему онъ наставлялъ бѣглыхъ стра ковъ? спросимъ старожиловъ-старовѣровъ, и они скажутъ намъ.

То былъ основатель согласья *бѣгуновъ*, Евфимій, бѣглый солдатъ переяславскихъ мѣщанъ.

Тогда во всѣхъ волжско-камскихъ и сѣверо-поморскихъ горо мѣщанамъ, посадскимъ, какъ мы отчасти видѣли, житье было ху трудное. Безземелье, рекрутчина и подать, цеховая замкнутость и стѣс ность труда — все это сильно, горько тяготило мѣщанство. Не имѣя переносить это горе, негодуя на свое жалкое, податное и цеховое уст ство, мѣщане, вмѣстѣ съ крестьянами и купцами, тоже по большей ч происхожденцами изъ мѣщанства и крестьянства, мѣщане, говорю я, неволѣ уклонялись въ расколъ, составляли помимо цеховъ свои свобод трудовыя, общинныя согласья. Дѣти ихъ съ раннихъ лѣтъ воспитыва такимъ образомъ ужъ въ духѣ раскола, тѣмъ болѣе, что при отсут правительственныхъ училищъ и учителей для простого народа старооб ческіе граматники, наставники были почти единственными учителям лодыхъ податныхъ поколѣній, ближе всѣхъ стояли къ умственнымъ требностямъ и понятіямъ массы народной. Вотъ и Евфимій, сынъ переяс скаго мѣщанина, съ раннихъ лѣтъ научился безпоповщинскому толку федосѣевскихъ наставниковъ. Разъ возбужденная, затронутая грам ученьемъ, душа Евфимія ужъ не могла успокоиться на начаткахъ мы знанія; жаждала больше, рвалась дальше. Евфимій чувствовалъ не одолимое влеченіе бѣжать. Такова участь большой части русскихъ кр янскихъ и мѣщанскихъ самородковъ, начиная отъ Ломоносова до К цова. Недаромъ и старообрядческій стихъ выражаетъ эту жажду уд творенія умственныхъ потребностей:

> Душа своей пищи дожидается,
> Душѣ надо жажду утолить.
> Потщися душу свою гладну не оставить.

Вотъ и Евфимій съ жаждой уясненія затронутыхъ въ душѣ во совъ, въ порывѣ пытливости, любознательности, въ молодомъ увлеч и экзальтаціи религіознаго энтузіазма, бѣжитъ изъ дома отеческаго, Переяславля Залѣсскаго, приходитъ въ Москву и скрывается у стар филиповскаго согласья, въ то время только-что появившагося въ Мос Старцы его вновь окрестили и назвали Евстафіемъ, научили его не литься за государей, не повиноваться никакимъ властямъ, ни граж скимъ, ни воинскимъ, ни духовнымъ, отвергать всякую, какъ граж скую, такъ особенно солдатскую службу и проч. Въ Москвѣ Евфи поймали и отправили назадъ въ Переяславль. Мѣщанское общество от его въ солдаты. Но солдатская служба была не только тягостна

имія, но и противна его совѣсти. Онъ зналъ, какъ тысячи въ его время
нялись отъ рекрутчины, бѣжали отъ солдатской службы. Онъ зналъ
енье такого раскольничьяго согласья, которое основано было бѣглымъ
датомъ, зналъ ученье филиповскаго толка, что солдатская служба —
служба антихристу. И вотъ, Евфимій бѣжалъ изъ солдатской службы,
ъ пришелъ къ своимъ въ Москву. Федосѣевская община преображен-
о кладбища въ то время составляла центръ управленія для самой
шой части областныхъ, мѣстныхъ безпоповщинскихъ общинъ, упра-
лась своими выборными попечителями; развивала, устраивала, чрезъ
хъ агентовъ-наставниковъ, областныя, мѣстныя общины. Въ этой
инѣ Евфимій нашелъ пріютъ, постригся въ иноки и скоро назначенъ
ъ наставникомъ въ поморской скитъ филиповскаго согласья. Здѣсь-то,
Москвѣ онъ взялъ съ собою послѣдовательницу филиповскаго же толка,
ую крестьянку Тверской губерніи, Ирину Федорову. И вотъ она-то
а его спутницей повсюду. Съ ней Евфимій прибылъ въ поморскій скитъ.
съ въ то время настоятелемъ былъ бѣглый сержантъ, нѣкто Адріанъ. Въ
ность свою въ Ярославлѣ, онъ взятъ былъ полиціей, какъ безпаш-
тный, и лишенъ монашеской одежды; но потомъ какъ-то увернулся
полиціи и пришелъ въ поморской скитъ. Евфимій съ нимъ не пола-
ъ и разсорился за то, что онъ скрывалъ отъ братіи бывшій съ нимъ
Москвѣ случай. Ссора дошла до того, что Евфимій написалъ на Адріана
обу старцамъ московскаго согласья. Тѣ приказали ему повиноваться
іану, какъ настоятелю поморскаго согласья. Тогда огорченный Евфимій
лъ съ своей Ириной изъ поморскаго скита опять въ Москву для личнаго
сненія съ старцами преображенской общины. Наконецъ, когда и здѣсь
нашелъ согласья съ своимъ мнѣніемъ объ Адріанѣ, крайне огорчился
тправился съ Ириной Федоровой въ Ярославскую губернію. Въ это-то
мя, послѣ всѣхъ страннических переходовъ, въ душѣ Евфимія окон-
ельно созрѣла мысль — начать въ народѣ свое ученіе, устроить свою
паганду странствующихъ наставниковъ, основать новое согласье бѣг-
ующихъ, странниковъ, бѣгуновъ. Онъ сталъ проповѣдывать, сначала въ
омъ городѣ Ярославлѣ, а потомъ и переходя изъ села въ село, что со
мени патріарха Никона и царя Алексѣя Михайловича зародился въ
икороссійской земли антихристовъ порядокъ, что Петръ I есть главный,
лѣдній рогъ двурожнаго звѣря, главный нововводитель антихристова
ядка: ревизіи душъ, раздѣленія людей на чины и сословія, неравно-
рнаго раздѣленія земли между людьми и проч., что съ 1742 года, со
рой ревизіи истинная христіанская община сохранилась только въ бѣг-
хъ отъ ревизіи; что воинскія и гражданскія власти образы звѣря, обла-
ющіе человѣческими душами и т. д. «Бѣгство, странство, выводилъ от-
ца Евфимій, — вотъ одинъ спасеный путь отъ звѣря-антихриста, отъ его
стей, отъ всего его царства. Бѣжать и бѣжать остается христіанамъ
только отъ всякой службы, отъ податей, отъ ревизской записи въ списокъ
данныхъ антихриста, но и отъ отцовъ, матерей, братьевъ, сестеръ и
дниковъ! Такія начала религіозно-политическаго отрицанія, сѣмена но-
о согласья, посѣялъ Евфимій въ городѣ Ярославлѣ, въ деревнѣ Малы-

шевой Ярославскаго уѣзда, и особенно въ селѣ Сопѣлкахъ, въ четы
верстахъ отъ деревни Малышева. Такимъ образомъ положилъ начало
паганды бѣгуновъ, пріобрѣлъ нѣсколько странствующихъ наставников
самъ, съ крестьянкой Ириной Федоровой и съ крестьяниномъ Егор
Егоровымъ, пошелъ показать на дѣлѣ примѣръ бѣгунства, странства.

Вотъ кто былъ тотъ бѣглый солдатъ, что съ двумя спутниками
бирался по галицкимъ лѣсамъ Костромской губерніи. Онъ шелъ съ ст
ницей Ириной Федоровой, и съ пошехонскимъ крестьяниномъ въ гали
лѣса для того, чтобы тамъ основать скитъ, убѣжище для новаго согла
и буде можно, положить начало прочному устройству общины бѣгу
Тамъ они расчистили изъ-подъ лѣса мѣсто, поставили общую кел
поселились въ ней. Тамъ въ тиши Евфимій обдумывалъ основныя м
своего «лицевого апокалипсиса» и «цвѣтника».

Такъ тихо, невѣдомо для правительства, для вельможества ека
нинскаго времени, для архипастырей, желавшихъ уничтожить рас
для полиціи, жестоко и обирательно преслѣдовавшей его, такъ несль
невидимо возникали новыя и еще болѣе, чѣмъ прежде, демократич
оппозиціонныя согласія раскола. Въ глуши провинціальныхъ захолуст
въ глуши лѣсовъ, бѣглые солдаты и крестьяне думали свою думу, по м
по кругозору своего практическаго и религіознаго смысла. Такъ возни
и согласье бѣгуновъ. Сейчасъ мы изложимъ основныя начала у
Евфимія, а затѣмъ — и всѣхъ бѣгуновъ. Но пока Евфимій пребывает
лѣсу и обдумываетъ свой «цвѣтникъ», дума наша невольно остан
вается и углубляется въ общій смыслъ народныхъ событій, озна
вавшихъ семидесятые и восьмидесятые годы прошлаго столѣтія.

Въ то время какъ въ высшемъ, образованномъ классѣ народа
вѣдомо для крѣпостныхъ и податныхъ массъ, замышлялась аристок
ческая попытка Панина и Дашковой, и подготовлялась или начина
уже борьба мистико-идеалистическаго направленія Новикова и его о
ства съ матерьяльно-отрицательнымъ направленіемъ, въ то время в
массахъ простого, податнаго народа видимъ тоже двоякаго рода
женія. Одно движеніе, могучей физической силы, вышедшей изъ терп
непосредственно-натуральное буйное движеніе накипѣвшаго, наболѣв
въ сердцахъ народныхъ антагонизма и недовольства, — это просто ры
сбойчатый, мятежный порывъ несносно-сдержанныхъ могучихъ сил
рода къ выходу изъ-подъ вѣкового гнета; это пугачевщина. Другое дви
тихое, духовно-нравственное, мистико-идеалистическое. Это болѣзне
выраженіе угнетеннаго, наболѣвшаго сердца, духа народнаго, выра
страдальческихъ чувствъ народа крѣпостного, порабощеннаго, остав
наго самому себѣ, безъ просвѣщенія, безъ цивилизаціи; экзальтація
ныхъ сердецъ, мечтанія и грезы больныхъ, разгоряченныхъ, экзаль
ванныхъ фантазій. Это общество *людей божіихъ*, *селивановщина*, и во
всѣ такъ-называемыя мистическія *пророчествующія* секты.

Въ Петрѣ III, какъ мы уже сказали, крѣпостные крестьяне ж
почему-то своего искупителя, освободителя отъ крѣпостного ига. Р
сялись въ то время даже толки, будто Петръ III ужъ и далъ ук

ободѣ, да его скрываютъ отъ народа, и что народъ самъ долженъ на-тъ дѣло освобожденія, и тогда указъ будетъ объявленъ. Движенія и чались въ 1762 году. Но ничѣмъ и кончились. Послѣ Петра III всту-ла на престолъ Екатерина II, а манифеста о свободѣ крѣпостного на-да не бывало. Вмѣсто того вышла при Екатеринѣ жалованная грамота лько о вольности одного дворянства. Надежды массъ народныхъ на етра III, на свободу и льготы жестоко обманулись...

Но угнетенныя, крѣпостныя массы народа не отчаялись въ своихъ деждахъ и мечтаніяхъ. Скоро явились между ними, подъ именемъ Петра III, свои, самозванные провозвѣстники свободы. Одни мечемъ воз-ѣстили о народномъ ожиданіи воли и льготъ; другіе мистико-идеалисти-еской пропагандой пророчили про искупленіе, освобожденіе народныхъ душъ. Пугачевъ, назвавшись Петромъ III, поднялъ общее движеніе подат-ныхъ, крѣпостныхъ и служилыхъ массъ народныхъ. А рядомъ съ пуга-евщиной, подъ тѣмъ же знаменемъ, совершалось другое движеніе къ искомой, вожделѣнной свободѣ, движеніе духовнонравственное. Кондратій Селивановъ, или по другимъ извѣстіямъ, Ивановъ, крестьянинъ Орловской губерніи, также подъ именемъ Петра III шелъ за свободу, но не съ ме-чемъ, а съ пророчественной проповѣдью объ *искупленіи, освобожденіи душъ* народныхъ. Онъ не обѣщалъ народу матерьяльныхъ благъ, земель, водъ и т. д., не давалъ въ руки, какъ Пугачевъ, «пороху и свинцу», но призы-валъ къ открытому возстанію. Отрицая церковно-библейскій буквализмъ и православно-восточную обрядность, онъ, сообразно съ естественно-миѳоло-гическою настроенностью народнаго міросозерцанія, шелъ путемъ миѳи-ческой мистико-идеалистической пропаганды, въ символическихъ обра-захъ возвѣщалъ свободу духа, совѣсти, человѣка, народа. Проповѣдуя о *воскресеніи душъ*, онъ ободрялъ духъ народный, забитый, деморализиро-ванный, — будущимъ оживленіемъ его во времена свободы, внушалъ вѣру въ это оживленье, ожиданіе его, стремленіе къ нему. Возвѣщая *искупленіе, освобожденіе душъ*, Селивановъ внушалъ вѣру въ свободу, которая рано или поздно должна настать для рабскаго народа, возбуждалъ стремленіе къ ней. Вмѣсто вооруженной силы, вмѣсто «конныхъ и пѣшихъ полковъ», онъ собиралъ по всѣмъ странамъ *кавалерію духовную*, общество его послѣ-дователей, готовившихся къ будущей свободѣ, воодушевлявшихся мистико-идеалистической экзальтаціей въ коммунистическихъ собраніяхъ, безотчет-ными, беззаботными, даже веселыми пророчественными пѣснями объ искупленіи, освобожденіи и воскресеніи душъ. Самъ онъ считался *пол-ковникомъ* этой духовной кавалеріи, которая иначе называлась *кораблемъ духовнымъ*, въ которомъ онъ былъ *кормчимъ*. Въ миѳическомъ образѣ бо-гатыря или полковника силы духовной представляетъ Селиванова пѣсня людей божіихъ:

У насъ было на сырой землѣ
Претворилися такія чудеса:
Растворилися седьмыя небеса,
Сокатилися златыя колеса,
Золотыя, еще огненныя.
Ужъ на той колесницѣ огненной

Надъ пророками пророкъ сударь гремитъ,
Нашъ батюшка покатываетъ,
Утверждаетъ онъ святой божій законъ.
Подъ нимъ бѣлый храбрый конь,
Хорошо его конь убранъ
Золотыми подковами подкованъ.
Ужъ и этотъ конь не простъ:
У добра коня жемчужный хвостъ.
А гривушка позолоченая,
Крупнымъ жемчугомъ унизанная.
Во очахъ его камень маргаритъ,
Изо-устъ его огонь-пламя горитъ.
Ужь на томъ ли на храбромъ на конѣ
Искупитель нашъ покатываетъ.
Онъ катаетъ со златыми ключами
По всѣмъ четыремъ сторонушкамъ,
По инымъ землямъ французскіимъ,
Французскіимъ и иркутскіимъ,
Набиралъ полки премудрые--
Кавалерію духовную.
А теперь то, други милые,
Прикатилось красно солнышко,
Во сѣверну сторонушку,
Во сѣверну, во питерскую.
При батюшкѣ искупителѣ,
При второмъ спасителѣ
Душамъ нашимъ воскресеніе.
Ужъ сталъ нашъ батюшка родной
Государь нашъ полковникъ дорогой
Своими полками полковать, и проч.
. . . .
Спѣшитъ батюшка, катаетъ
Онъ со страшнымъ судомъ,
Со рѣшеньемъ и прощеньемъ,
Со златыми со трубами
Съ богатырскими конями.
. . . .
Не помогутъ мои други
Сего свѣту вамъ князья,
И цари-то всѣ земные
Пойдутъ они подъ землю,
И накроетъ ихъ земля,
Что горючія каменья
За ихъ къ вѣрнымъ нерадѣнье.
Ваша воля, ваша власть,
Что угодно, то устрой.

Глубоко задумаешься, и разгадать не можешь, что за тайна рус народа, судьбы народной высказалась въ этихъ странныхъ историче метаморфозахъ или персонофикаціяхъ народнаго духа. *Снизу, изъ народныхъ*, выходили, цѣлыя полтора столѣтія, *самозванцы-цари*, по х теристическому выраженію лѣтописи XVII вѣка, *играли царемъ*, и в свободы, льготъ матерьяльныхъ, житейскихъ, магически увлекали м громко заявляли о массѣ народной передъ всей Россіей, будили, п

къ, сильно занимали царей и правительство; податныя, крѣпостныя, жилыя массы крестьянства, которыхъ почти вовсе невидно, не слышно о въ исторіи со временъ Стеньки Разина, вдругъ и громко выступаютъ сцену исторіи, ворочаютъ цѣлымъ краемъ имперіи, идутъ съ своимъ озваннымъ царемъ — бѣглымъ казакомъ-раскольникомъ, и ужасаютъ вительство! Съ другой стороны, опять почти цѣлое столѣтіе, являются тіе самозванцы—христы, пророки, искупители, освободители, пастыри, тели и проч., и отрицая многія библейскія книги, византійскія или вославно-восточныя преданія, отрицая великороссійскую церковь съ ея рхіей, священниками, съ таинствами, проповѣдуютъ свои свободныя игіозныя мнѣнія, распространяютъ демократизмъ и религіозный и граанскій, подъ знаменемъ религіи христовой, православной и также силь- затрогиваютъ церковь православную и духовное правительство! Да, -нибудь да значатъ въ исторіи народной, въ развитіи духа и міросоцанія, стремленій и идеаловъ народныхъ что-нибудь значатъ такія овищныя явленія, какъ пугачевщина, христовщина, селивановщина, озванство политическое и самозванство религіозное...

Въ то время какъ массы находились въ такомъ хаотическомъ двиіи, когда и пугачевщина не завоевала имъ воли, и мистико-идеалическая, миѳически-пророчественная селивановщина не облегчала земной, дневной, деннонощной, злой неволи, — въ это время возникло согласье уновъ. Оно не заносилось, какъ селивановщина, за седьмыя небеса, носилось на колесницахъ огненныхъ по облакамъ, не мечтало о таственномъ воскресеніи и искупленіи душъ, какъ мистическія, пророственныя секты. Оно прямо и твердо стало на землю, даже говорило о *дѣніи землями, рѣками и усадьбами* — въ пользу народа. Оно указывало атнымъ, крѣпостнымъ и служилымъ массамъ путь спасенія не отвленый, не мистическій, а чисто *земной*, и притомъ ужъ указанный нанной исторіей путь *бѣгства, странничества, скрытія*. Бѣгство и скрытіе о уже фактическимъ, дѣйствительнымъ самоосвобожденіемъ отъ всякъ сдержекъ и тягостей житейскихъ и политическихъ, домашнихъ и ественныхъ; было не словеснымъ и не мистико-созерцательнымъ, а льнымъ, практически-жизненнымъ, дѣятельнымъ, демократическиозиціоннымъ отрицаніемъ всякой крѣпостности и помѣщичества, и изской и казенно-податной и церковной; было фактическимъ, дѣйствиьнымъ самоисключеніемъ изъ списка подданныхъ крѣпостныхъ, податъ и служилыхъ рабовъ имперіи и сыновъ церкви. Равнымъ образомъ, надѣясь, подобно пугачевщинѣ, разомъ тряхнуть Москвой, ниспроверть неправившійся политическій и церковный порядокъ, согласье бѣгуъ возвѣстило принципъ постепеннаго и постояннаго, личнаго и общеаснаго отрицанія этого порядка бѣгствомъ отъ него, принципъ постеной подготовки простого народа къ политической борьбѣ, посредствомъ анствующей пропаганды, странствующихъ наставниковъ массъ народъ. «Браться подобаетъ съ антихристомъ, говорили бѣгуны, но до врей открытой брани съ нимъ браться нельзя, а подобаетъ только браться тивленіемъ его волѣ и неисполненіемъ его законовъ; а когда придетъ

время открытой брани, тогда всякъ, иже убіенъ будетъ, получитъ вѣне какой не получалъ никто изъ мучениковъ». Таковы главныя, общія с мленія бѣгуновъ.

Съ такимъ ученіемъ выступилъ на путь пропаганды и самъ Евфим основатель согласья бѣгуновъ. Своими сочиненіями онъ первый положи основаніе и догматикѣ ихъ. Черезъ два года Евфимій съ Ириной Фе ровой возвратился изъ костромскихъ лѣсовъ въ Ярославль, и снова н чалъ распространять и утверждать свое ученіе и согласіе. Въ то же вре для руководства, изложилъ основные пункты своего ученія въ письме ныхъ сочиненіяхъ. Въ 1784 г. онъ издалъ *лицевой апокалипсисъ* съ карт нами и съ своими толкованіями. Въ картинахъ этихъ онъ наглядно д простого народа изобразилъ свое ученіе: *антихристъ съ короной* у н означалъ верховную власть, *лжепророки антихристовы*, изображенные лицахъ, означали духовную и гражданскую власть, служащую антихрис Незадолго передъ смертью Евфимій написалъ *Цвѣтникъ*. Здѣсь онъ д вольно подробно изложилъ свое ученіе—сущность и основаніе соглас бѣгуновъ. Въ 1792 году Евфимій умеръ въ Ярославлѣ, въ домѣ купч Пастуховой, и похороненъ былъ по странническому обычаю, въ ямско лѣсу. Съ тѣхъ поръ послѣдователи согласья бѣгуновъ каждый годъ, день смерти Евфимія, служатъ панихиду за упокой его души.

Изложимъ теперь сущность ученія Евфимія, на основаніи его «Цвѣ ника».

Съ 1666 года, училъ Евфимій, настало въ россійскомъ государст царство антихриста. Патріархъ Никонъ лжепророкъ антихриста, имя е Никита, или по гречески *Никитос* (50, 8, 20, 8, 300, 10, 70, 200=666) означаетъ число звѣрино 666, знаменующее имя антихриста. Съ 1666 го священнослужители суть демоны, демонскія тѣлеса, уста звѣрины; д ховная власть служитъ антихристу; новопечатныя книги, какъ-то пс тырь, евангеліе, соборное дѣяніе, жезлъ, скрижаль, увѣтъ, пращица другія, суть ученіе дьявольское.

«Царь Алексѣй Михайловичъ, говоритъ далѣе Евфимій, былъ п вымъ рогомъ двурожнаго звѣря, послѣднимъ же рогомъ былъ сынъ е Петръ I». На Петра I Евфимій, какъ и всѣ другіе расколо-учители фе сѣевскіе, филиповскіе и другіе, излилъ всю горечь своего недовольства ученья. «Петръ I, пишетъ онъ, воцарился антихристомъ въ россійско государствѣ. На римскомъ языкѣ *императоръ* пишется *иператоръ* и закл чаетъ въ себѣ число звѣрино. Въ семъ гордостномъ князѣ міра сего ключается быть первый тейтанъ, презлѣйшій и преисподній бѣсъ. Всѣ винующіеся императору антихристу заклеймены его печатью, отрицают Христа и предаются дьяволу. Петръ I есть чувственный антихристъ. В его повелѣнія ложны, законопреступны и богопротивны. Обложивъ дене нымъ окладомъ православныхъ, онъ записалъ ихъ въ еретики. Чу ственные бѣсы, посланные антихристы учинили народную перепись, н вали православныхъ раскольниками и обложили ихъ двойнымъ денежны

---

[1]) Вычислено по славянскому численному значенію буквъ.

кладомъ [1]). Бѣсовскіе полки воинскія и гражданскія власти исполнили царскіе указы отъ 8 февраля 1716 и 2 марта 1718 годовъ».

Особенно достойны вниманія нападки Евфимія на слѣдующія реформы и нововведенія Петра I. «Онъ, говоритъ Евфимій, уничтожилъ до конца древніе остатки благочестивыхъ обычаевъ, возобновилъ, на мѣсто ихъ, языческіе поганскихъ вѣръ обычаи, какъ-то: бритье бороды, народныя переписи, раздѣленіе человѣкъ на разные чины, размежеваніе земель, рѣкъ и усадьбъ, завѣщая каждому наблюдать свою часть, а другому не давъ ничего; учрежденіе цеховъ и гильдій и введеніе разныхъ богопротивныхъ изъ латынскихъ и нѣмецкихъ странъ установленій, чѣмъ возстановилъ онъ междоусобную брань, сваръ и бой.

Со времени Петра I, училъ далѣе Евфимій, царская власть—икона сатаны; всѣ, повинующіеся царской власти, кланяются иконѣ сатаны. Воинскія и гражданскія власти антихриста нынѣшняго времени суть образъ звѣря, чувственные бѣсы, иконы сатаны, обладающія душами человѣческими, принуждающія въ погибельную ересь, укрѣпляемую царями и князьями вѣка сего».

Изъ всего этого взгляда и ученія Евфимій выводитъ свой основной главный догматъ о необходимости спасаться бѣгствомъ отъ антихриста и всѣхъ его властей и порядковъ. Проклятіями грозилъ онъ тому, кто не будетъ противиться власти антихриста и спасаться отъ нея бѣгствомъ.

Малосодержательно, голословно и даже пустословно ученіе бѣгуна Евфимія, но и оно послужило плодотворнымъ сѣменемъ для послѣдующаго развитія историко-демократической догматики бѣгуновъ. Съ тѣхъ поръ оно породило нѣсколько религіозно-политическихъ сочиненій бѣгуновъ, которыя дальше будутъ разсмотрѣны по порядку. Какъ ни пустословно было ученіе Евфимія, но для массы народной оно было вполнѣ достаточно, убѣдительно. Умы и сердца народныя оно за живое затрогивало. Массѣ не нужно было многословное изложеніе близкихъ ея сердцу и опыту предметовъ, ненуженъ равнымъ-образомъ и тонкій, отвлеченно-теоретическій анализъ. Массѣ, въ насущныхъ вопросахъ въ жизни, нужны только положенія, указанія. Нужно только задѣть, указать, выставить на видъ тѣ вопросы или факты, которые народъ на себѣ испыталъ, тяжко прочувствовалъ, пространалъ, — и этого достаточно, чтобъ увлечь массу народную. Таково было и ученіе Евфимія бѣгуна. Однимъ основнымъ догматомъ о бѣгствѣ отъ всего тяготящаго въ государствѣ, объ отреченіи отъ всѣхъ властей и ихъ предписаній и требованій, о самоисключеніи, самоосвобожденіи посредствомъ бѣгства изъ списка подданныхъ, крѣпостныхъ, податныхъ, служилыхъ имперіи, — однимъ этимъ всеобъемлющимъ догматомъ Евфимій магически увлекалъ народъ, и безъ того склонный къ бѣгству отъ разныхъ тяготящихъ условій, замыкающихъ, удушливо-тѣснящихъ обстановокъ горемычнаго быта.

Услышавъ такое, за-живое затрогивающее ученіе, крестьяне, мѣщане, купцы, солдаты, недовольные своимъ бѣдственнымъ угнетеннымъ

[1]) Указъ 1715, 16 и 18 гг. п. с. з. т. V, №№ 2889, 2991, 2996 и 3232.

положеніемъ, толпами устремились въ бѣгство, въ согласье бѣгун Горько-думная житейская искушенность, горько прочувствованныя, го прожитыя тяготы, горе жизни, несвободнаго труда, труднаго семей прокормленія, подати, рекрутчины, фабричной и заводской безхозяйствен замкнутости, помѣщичьяго ига, чиновничьихъ нападокъ, обидъ и гр тельствъ, цеховой и гильдейской закрѣпленности, безземельнаго тяже пріобрѣтанья средствъ жизни и казенныхъ уплатъ, — все это разомъ тронуто было ученіемъ Евфимія и согласья бѣгуновъ. Все это и пре такъ и наводило само собою на мысль, что бѣгство, отрицаніе на д всего того, что тяготитъ жизнь,—единственный путь спасенья и свобо Крестьянинъ, съ котораго вымучивали подушную подать, или котор тѣснилъ помѣщикъ, становой, — шелъ въ бѣгуны. Сынъ крестьянина, лодой, работящій парень, только-что хотѣвшій жениться или ужъ и нившійся, только-что обзаведшійся избушкой, хозяйствомъ, и вдругъ, ѣздомъ военной команды, отторгнутый отъ дома, забритый въ рекру бѣжалъ въ бѣгуны. Мѣщанинъ, записной замкнутый рабъ цеха, едва к мившійся своимъ кругомъ стѣсненнымъ ремесломъ, только-что е смогшій уплатить выдавленную подушную подать, и ждавшій рекр чины, бѣжалъ въ бѣгуны. Купецъ, своимъ потовымъ трудомъ нажив капиталецъ, изъ крестьянъ записавшійся въ купцы, въ гильдію, круг испытывавшій придирчивое обирательство, сверхъ пошлинъ, придирчи насильственное закрытіе лавокъ, торга, безгласный въ шестиглас думѣ, рабъ гильдіи и чиновничества, до освобожденія купечества отъ крутства долженствовавшій за себя поставить рекрута, терпѣвшій отъ чальниковъ и военнослужащихъ чиновъ ругательства, побои и проч., пецъ этотъ записывался въ бѣгуны *мірскіе жиловые* и становился с покровителемъ, *пристанодержателемъ* странствующихъ бѣгуновъ, помош комъ ихъ пропаганды. Солдатъ, оторванный отъ родины, отъ жены дѣтей, изъ далекой губерніи, солдатъ бѣжалъ въ бѣгуны. Однимъ слово согласье бѣгуновъ возвѣстило, открыло широкій, просторный путь всѣхъ угнетенныхъ, крѣпостныхъ, податныхъ, чернорабочихъ и слу лыхъ классовъ народа.

А какой просторъ открыло согласье бѣгуновъ молодымъ кипуч натурамъ, удалымъ буйнымъ молодцамъ! Все, что сдерживало жизнь, вило широкую грудь молодца — все бѣгунство сбрасывало. Изъ душ мастерской или фабричной онъ бѣжалъ бѣгуномъ въ лѣсъ отдохнуть жимъ воздухомъ.

Я сокроюсь въ лѣсахъ темныхъ,
Водворюся со звѣрями,
Тамъ я стану жить...
Тамъ пріятный — воздухъ чистъ,
И услышу птичій свистъ.
Нѣжны вѣтры тамо дышутъ
И токи водъ журчатъ.

Крушило горе, давила кручина молодца, — онъ бѣжалъ бѣгуном пустыню.

Съ горя, со кручины,
Я пойду же разгуляюсь,
Во прекрасной во пустынѣ.
Моя матушка вторая,
Ты прекрасная пустыня!
Пріими меня пустыня
Со премногими грѣхами,
Со горячими слезами...
Принимаетъ же пустыня
На свои-то бѣлы руки,
Яко мати свое чадо...
И отвѣщаетъ мать-пустыня
Архангельскимъ своимъ гласомъ:
И охъ ты, гой еси, младой юношь!
Тебѣ въ кельѣ не сожити,
Черна платья не сносити.
У меня же во пустынѣ
Нѣту сладкіе-то пищи,
У меня же во пустынѣ
Нѣту питія медвина,
У меня ли во пустынѣ
Нѣту свѣтнаго-то платья.
У меня ли во пустынѣ
Нѣту свѣтлыя палаты,
У меня ли во пустынѣ
Тебѣ не съ кѣмъ слова молвить,
У меня ли во пустынѣ
Тебѣ не съ кѣмъ разгуляться.
Что возговоритъ младый юношь:
Охъ ты матушка вторая,
Ты прекрасная пустыня!
Примй меня къ себѣ жити
Мнѣ-ка сладкая-то пища
Мнѣ гнилая-то колода,
Мнѣ-ка питія медвина
Мнѣ горька вода болотная,
Мнѣ-ка цвѣтное-то платье
Эта черна схима,
Мнѣ-ка свѣтлая палата
Эта мала хата,
Мнѣ-ка слово-то промолвить
Съ тобою же пустыня.
Я пойду же, разгуляюсь
По зеленой по дубравѣ.
Отвѣщаетъ мать-пустыня
И архангельскимъ своимъ гласомъ:
Ой, ты юношь, какъ стоскуешься, младой,
Придетъ тогда весна красна,
Налетятъ тогда съ моря пташки,
Горемычныя кукушки.
И онѣ станутъ куковати,
Жалобы станутъ причитати,
А ты станешь слезно плакать...

Не утѣшила юношу пустыня. Тяжело, несносно было молодому юно
сидѣть въ темной, душной кельѣ монастырской. Тяжелъ, противенъ б
монашескій, послушничій подрясникъ. Несносенъ былъ отеческій де
тизмъ игумена. Молодой инокъ сбрасывалъ черный подрясникъ, и бѣж
бѣгуномъ изъ монастыря.

Една сосенка стоитъ,
А подъ сосенкой при той
Молодой инокъ лежитъ,
Ничего не говоритъ.
Токмо плачетъ какъ рѣка,
Что пришла къ нему бѣда, бѣда не малая,
Что игуменъ гнѣвъ имѣлъ,
И соборомъ онъ смирялъ...
Не нечаянно пришла
Нестерпимая бѣда.
Куда же мнѣ и дѣтися,
Ой лучше разгулятися.
Какъ, идти мнѣ въ монастырь?
И прощенія просить?
Не хочу я у нихъ жить...
Пріѣзжали къ судьямъ,
Объявили мой побѣгъ,
Что я тайно у нихъ убѣгъ.
Вы прощайте, мои други,
Пѣвцы славны-крылошане.
Не хочу я у васъ жить.
Со всѣми съ вами я прощусь
И на вѣки разлучусь.
Прощай, славный монастырь,
Не хочу я въ тебѣ жить!..

Находился человѣкъ въ состояніи мистической экзальтаціи, муч
его страхъ смерти и отвѣтственности за грѣхи: онъ бѣгуномъ предава
подвигу странства. Онъ пѣлъ:

„Ничто же можетъ воспретити,
Отъ странства мя отлучити.
Пищи тако не алкаю,
Странствоваться понуждаюсь.
Не такъ жаждою смущаюсь,
Скитатися понуждаюсь.
Всему міру въ смѣхъ явлюся,
Токмо странства не минуся.
Бѣжи, душа, Вавилона,
Постигай спѣшно Сіона,
Тецы путемъ къ горню граду.
Плачи, душе, о томъ времѣ,
О грѣховномъ своемъ бремѣ,
Како будешь отвѣщаты,
На судѣ страшномъ предстати.
Уже часъ дне сокращается,
Смертный часъ приближается...“

И не только давало исходъ всѣмъ недовольнымъ согласье бѣгуновъ, о и возводило въ демократическій догматъ горьковатые выводы народной оремычной жизни и вѣковой искушенности и практики. Подданныя, рѣпостныя, служилыя массы народа, горькимъ опытомъ своимъ, путемъ воей вѣковой жизненной практики невольно сами собой доходили до ѣхъ жизненныхъ выводовъ и ученій, до какихъ и лучшіе, просвѣщен-ѣйшіе умы того времени доходили путемъ науки, теоріи, раціональныхъ ображеній и идей. Такимъ практическимъ, саможизненнымъ путемъ, по епосредственному опыту, массы дознавали многія политико-экономиче-кія истины, и саможизненно, фактически, страдальческимъ исповѣдниче-твомъ, путемъ горькихъ протестацій, выразили эти истины, основали обыя согласія, пропаганды для уясненія, дальнѣйшаго развитія и рас-остраненія этихъ истинъ. Ихъ самородки-наставники, даровитые начи-нные грамотники, только откликнулись на горько-жизненный вопль и онъ податныхъ, крѣпостныхъ, рабочихъ и служилыхъ массъ, и пошли оповѣдниками многихъ такихъ идей, которыя въ то время зрѣли и въ укѣ, и въ лучшихъ государственныхъ умахъ. Укажемъ для примѣра ѣ-три такихъ идеи Евфимія бѣгуна.

Вотъ, напримѣръ, Евфимій возсталъ противъ *учрежденія цеховъ и гильдій.* кто изъ образованныхъ людей не знаетъ, что противъ цеховъ вооруился и такой знаменитый государственный человѣкъ, какъ Тюрго! А у съ не вооружался ли противъ цеховъ и гильдій знаменитый Мордви-въ. Вотъ что онъ писалъ объ этомъ: «Узаконяемое гдѣ-либо отъ прави-льства раздѣленіе упражненій человѣческихъ во всѣ времена и отъ всѣхъ родовъ, опытами дознаваемо было за главнѣйшую препону къ народ-у обогащенію, да и въ самомъ дѣлѣ дозволять одному промышлять ъ, другому другимъ, не есть ли тоже самое, что предписывать предѣлы и дѣятельности человѣческой: учреждать частную каждаго пользу, одному могущую быть извѣстною, тѣснясь волею, обстоятельствами ѣняемую и зависящую отъ обладаемыхъ каждымъ способомъ дѣйствія, ѣлывать постоянными частныя упражненія, когда все вокругъ чело-а измѣняется и не удерживается въ постоянствѣ ни естественнымъ омъ вещей, ни правительственными законоусиліями? Не есть ли тоже ое, что дозволять одному употреблять ноги свои, другому руки, третьему и подвергать наказанію за малѣйшее отступленіе отъ узаконеннаго яда, сколько бы онъ ни стѣснителенъ былъ для личныхъ каждаго зъ. Въ Россіи раздѣленіе на гильдіи учрежденно было между-прочимъ амѣреніемъ извлечь изъ того казенный доходъ; но какъ по приведен-здѣсь основаніямъ, всякое раздѣленіе останавливаетъ успѣхи народ-обогащенія, то можно утвердительно сказать, что доколѣ у насъ тор-и внутренняя промышленость не получатъ совершенной свободы съ ставленіемъ заниматься оными всѣмъ сословіямъ народа, безъ вся-азличія и безъ всякаго со стороны правительства участія и притя-до тѣхъ поръ Россія не достигнетъ цвѣтущаго состоянія» и т. д. иновъ доказываетъ вредъ для торговли, промышлености раздѣленія и гильдіи торговцевъ и ремесленниковъ. Въ статистикѣ Кольба

тоже справедливо сказано о нашихъ цехахъ и гильдіяхъ: «Цеховыя учреж-денія въ Россіи обратились прямо въ стѣсненія для промысловъ... Реме-сленныя управы для усиленія ремесленныхъ сборовъ простирали свои тре-бованія о запискѣ въ цехи не только на домашнія заведенія или малыя фабрики, содержатели которыхъ вовсе освобождены отъ взятія гильдей-скихъ свидѣтельствъ, но и на фабричныя и заводскія заведенія, сна-женныя льготными свидѣтельствами и даже непризнанныя фабрики, подъ тѣмъ предлогомъ, что на нихъ работа производится ручнымъ способомъ, и что есть цехи одинаковаго съ ними названія. Онѣ произвольно размно-жали число цеховъ и безъ разбора примѣняли къ нимъ нисколько не-сходныя производства [1]) не только ремесленныя, но и фабричныя, ста-раясь включить въ кругъ своего вѣдѣнія всю мелкую фабричную и завод-скую промышленность. Мелкій фабрикантъ, попавшій однажды въ цехъ, съ трудомъ уже можетъ выбраться изъ него и поступить на фабричное положеніе, расширивъ производство, тѣмъ болѣе, что полученіе свидѣтель-ства на званіе фабриканта или заводчика сопряжено съ сложными фор-мальностями и потерею времени. Притомъ цеховыя формальности, отвлекая рабочихъ отъ дѣла, затрудняя хозяевъ, служатъ поводомъ къ явнымъ не-удовольствіямъ и спорамъ... Гильдіи имѣютъ не только матерьяльно, но и нравственно вредное вліяніе на торговлю и на торговцевъ. Ограничивая размѣрами объявленнаго капитала дѣятельность каждаго торговца, опре-дѣляя ими ихъ право и значеніе, онѣ, во-первыхъ, удаляютъ многихъ чест-ныхъ и способныхъ людей съ торговаго поприща, закрывая, напримѣръ для нихъ заграничную торговлю; во-вторыхъ, пріучаютъ купца смотрѣть на свое ремесло только какъ на средство добывать всѣми возможными пу-тями деньги; подрываютъ всякія нравственныя основы въ этомъ сословіи и всякую сословную гордость и честь; дѣлаютъ изъ купца, по выраженію «Вѣстника промышленности», «мѣшокъ съ золотомъ», которому воздаются почести до тѣхъ поръ, пока на немъ есть ярлыкъ, свидѣтельствующій о богатствѣ этого мѣшка; притомъ почести, сообразныя съ цифрою, выста-вленною на ярлыкѣ. Наконецъ, гильдіи, по крайней неравномѣрности на-лога, стѣсняютъ чрезмѣрно мелкихъ торговцевъ и чрезмѣрно облегчаютъ большихъ ко вреду малыхъ. Отсюда происходитъ неравномѣрность: купецъ, торгующій по 3 гильдіи съ капиталомъ 3,000 р. и получающій на него 20% (600 р.), отдаетъ ¼ или 25% своего дохода; тогда какъ купецъ 1 гильдіи, торгующій на 300,000 р. и получающій дохода 10% или 30,000 р. с., платитъ съ него только 2%.

Далѣе бѣгунъ Евфимій возстаетъ противъ *раздѣленія человѣкъ на разные чины*. Это нападки на *табель о рангахъ* или на чиновную іерархі-

---

1) Въ 1850 г. въ числѣ 35 цеховъ, состоявшихъ при с.-петербургской ремесленной управѣ, между-прочимъ, поименованъ цехъ ситцепечатный, съ причисленіемъ къ нему производствъ: шпалернаго, клеенoчнаго и резиновыхъ вещей; въ цехъ малярный внесены табачное и сургучное производства; въ цехъ колбасный, помадное, горчичное и ваксильное производства; въ цехъ шорный, ватное и прядильное. Подобное же при-численіе самыхъ разнородныхъ производствъ къ разнороднымъ цехамъ было въ Москвѣ, въ числѣ 24 цеховъ.

скую градацію и раздѣленность народа, и вообще на *сословное разъединеніе земства*. Если въ наше время начала гуманности и реформы уничтожили безконтрольность и самовластіе, то не такъ было въ то смутное время. Податныя, крѣпостныя и вообще простыя массы такъ называвшаяся въ прошломъ столѣтіи *подлаго народа*, испытали весь гнетъ, все стѣснительное преобладаніе надъ собой высшихъ сословій—военнаго офицерства и генералитета, духовнаго сословія — церковной іерархіи и чиновничества. Печальный результатъ сословнаго устройства — антагонизмъ сословный, въ эпоху Евфимія-бѣгуна, выразился болѣзненно и страшно въ пугачевщинѣ.

При Екатеринѣ II, въ то время когда жилъ бѣгунъ Евфимій, началось и генеральное размежеваніе земель, но производилось дурно и чрезвычайно медленно. Народу, не терпѣвшему въ то время ревизіи душъ, народнаго описанія, и межеваніе, росписаніе русской земли казалось нарушеніемъ его изстаринныхъ земскихъ правъ.

Въ ревизіи душъ народъ сразу понялъ нарушеніе права общинъ въ дѣлѣ народныхъ переписей, прикрѣпленіе свободныхъ крестьянъ и общинъ не только къ государству, но и къ личности помѣщиковъ, понялъ лишеніе крестьянъ воли [1]). Въ старой Россіи, право землевладѣнія было общенародное, общинное и личное. Не только крестьяне и сельскія общины, служилые люди, но и гости или купцы и посадскіе, монастыри, церкви, владыки, священно и церковно-служители, всѣ имѣли право владѣть землею. Съ XVIII вѣка, когда земля окончательно обращена была въ крѣпостную собственность имперіи, короны и дворянства, для прочихъ классовъ народа чрезвычайно затруднено и даже невозможно стало землевладѣніе. И купить земли не всѣ имѣли право. Отсюда произошли разные безземельные классы народа: мѣщане, литераторы, художники, ученые и т. п. Если они не принадлежали къ высшему дворянству и были безъ средствъ и связей,— имъ крайне трудно и даже невозможно было пріобрѣсти землю, хотя бы они тоже были личные дворяне. Отсюда большая часть городскихъ жителей, не имѣя постояннаго, вѣрнаго источника жизненныхъ средствъ, съ трудомъ могла пріобрѣтать насущное обезпеченіе. Въ особенности, какъ мы видѣли, мѣщане страдали и донынѣ страдаютъ отъ безземелья. Понятно послѣ этого, почему именно бѣглый мѣщанинъ Евфимій возсталъ противъ лишенія земли.

III

Основанное Евфиміемъ согласье бѣгуновъ быстро распространилось почти по всѣмъ великорусскимъ губерніямъ и въ Сибири. Оно открыло податнымъ, крѣпостнымъ и служилымъ массамъ народа новый, широкій путь противо-церковной и противо-правительственной оппозиціи, стало своеобразнымъ и сложнымъ наростомъ и скопленьемъ новыхъ, народныхъ

---

[1]) Бѣгунъ Евфимій въ своемъ „Цвѣтникѣ" отрицалъ и поголовныя народныя переписи или ревизію душъ, такъ же какъ отрицаютъ и другіе старообрядцы. Объ немъ будетъ рѣчь дальше, при разборѣ другихъ сочиненій бѣгуновъ.

оппозиціонныхъ элементовъ. Перечисляя первыхъ послѣдователей согла
бѣгуновъ, мы видимъ въ немъ, какъ и во всѣхъ прочихъ согласьяхъ
кола, опять все крестьянъ, мѣщанъ, купцовъ, преимущественно прои
дившихъ изъ крестьянъ, или бывшихъ съ ними въ родственныхъ,
торговыхъ связяхъ, и солдатъ-дезертировъ.

Исходными пунктами согласья бѣгуновъ были—село Сопелки, на бе
Волги, въ пятнадцати верстахъ отъ г. Ярославля [1]), и деревня Малы
въ четырехъ верстахъ отъ Сопелокъ. По смерти старца Евфимія, учен
его Ирина Федоровна поселилась въ Сопелкахъ, у крестьянина Петра С
нова Крайнева, и вмѣстѣ съ нимъ продолжала дѣло Евфимія. Сначал
окрестила въ странническое согласье самого Крайнева, переименовавъ
Севастьяномъ, и родственника его ярославскаго купца Полетаева, прои
дившаго изъ крестьянъ села Сопелокъ и женившагося на дочери К
нева. Потомъ окрещены были Ириной Федоровой жители села Сопело
крестьянинъ Яковъ Яковлевъ и купецъ Филиппъ Курочкинъ съ матер
женой, проживавшій въ селѣ Сопелкахъ. Въ 1812 году бѣжалъ изъ
славля, по наученію Крайнева, мѣщанинъ Михайло Федоровъ Чагр
поселился въ селѣ Сопелкахъ у Крайнева и былъ имъ перекрещен
согласье бѣгуновъ, подъ именемъ Мокея. Этотъ Чагринъ странство
впродолженіи двадцати-пяти лѣтъ, въ 1836 году былъ пойманъ въ дер
Исакова, въ вотчинѣ графа Киселева, и по суду приговоренъ къ ссылк
Закавказскій край за непризнаніе царя, за дерзкія выраженія про
церкви и правительства и за бродяжничество. Но обманомъ выверн
изъ острога, и снова сдѣлался ревностнымъ проповѣдникомъ ученія Е
мія. Онъ, Егоръ Егоровъ, ученикъ Евфимія, и Севастьянъ Крайневъ
главными распространителями толка бѣгуновъ въ Ярославской губе
Скоро явилось и много другихъ наставниковъ по обѣимъ сторо
Волги.

Подъ вліяніемъ этихъ и другихъ учителей страннический толкъ ра
странился въ самой большой части ярославскихъ селъ. Напримѣр
приходѣ села Сопелокъ это ученіе принято было въ деревнѣ *Ярцевъ*-
чинѣ Кокошкина и въ деревнѣ *Алексѣевой*—Арнаутова. Изъ Сопелок
правой сторонѣ Волги, ученіе бѣгуновъ распространилось преимуществ
въ слѣдующихъ селеніяхъ: въ вотчинѣ Мятлевой, что въ восьми вер
отъ села Сопелокъ, въ деревняхъ: *Голенищевъ*, *Кочаевъ*, *Тимохинъ*, *Бор*
и *Телищевъ*, гдѣ оно смѣшалось съ федосѣевскою сектою, во всемъ

---

[1]) Село Сопелки прежде принадлежало помѣщику фонъ-Мертенсъ. Теперь ж
его свободные хлѣбопашцы и управляются выборными изъ своихъ крестьянъ.
мышленностью особенной они никакой не занимаются: только семейства Пав
Гурьяна Степанова и нѣкоторыхъ другихъ имѣютъ свои суда и торгуютъ хлѣ
лѣсомъ. Несмотря на то, всѣ крестьяне села Сопелокъ зажиточны. Двое изъ крес
Курочкинъ и Полетаевъ, записались въ купечество и очень богаты. Жители Со
всѣ безъ исключенія придерживаются страннического согласья, и всѣ заним
пристанодержательствомъ. До 1850 года, т.-е. до начала дѣйствій слѣдственной
сіи о бѣгунахъ, скрывалось, въ Сопелкахъ до ста человѣкъ бѣглыхъ раскольн
и въ томъ числѣ до двадцати военныхъ дезертировъ.

сельскомъ приходѣ, въ которомъ господствующая секта—филиповщина. то Красное находится близъ границъ Костромского и Нерехтскаго уѣздовъ, сорока-пяти верстахъ отъ г. Ярославля. Въ приходѣ этомъ появились гуны въ слѣдующихъ селеніяхъ: въ вотчинѣ графа Киселева—*въ селѣ асномъ*, въ деревняхъ: *Исаковѣ*, *Лобастовѣ* и *Усковѣ*, въ вотчинѣ графа монова—въ деревняхъ: *Юрьевской*, *Петраковѣ*, *Гридинѣ*, *Мигачевѣ*; въ тчинѣ Хомутова и Лукьянскаго, въ деревняхъ: *Ченцовѣ*, *Кстовѣ*, *Иванов-*ѣ, въ вотчинѣ Толбучина, въ деревнѣ *Мячковѣ*, въ приходѣ села Новаго, вотчинѣ Ольхиной, въ деревняхъ: *Гашкахъ*, *Дубкахъ*, *Борисовѣ*, *Тимоновѣ*, ъ приходѣ села *Туношны*—въ вотчинѣ графа Воронцова. Группа дере-нь, находящихся на правой сторонѣ отъ дороги изъ села Туношны въ одъ Нерехту, и составляющихъ приходы селъ *Высоцкаго*, *Сеславина* и *хайловскаго*, представляютъ особый пунктъ сопелковской пропаганды бѣ-ювъ. Въ этой мѣстности странническое ученіе особенно распространено вотчинѣ генерала Кокошкина, въ деревнѣ *Торговцовой* и князя Юсупова, деревнѣ *Облезцовѣ*, въ которыхъ всѣ жители занимаются пристанодержа-ьствомъ; точно также въ деревнѣ *Измайловой*, вотчинѣ того же князя упова, въ деревнѣ *Федоровой*—вотчинѣ Кокошкина, въ деревняхъ *Пого-*кѣ и *Мутовкѣ*, вотчинѣ Сорохтина, въ деревнѣ *Скородумкѣ*, вотчинѣ мутова, въ деревнѣ *Шарупиной*, вотчинѣ Осокина, въ селѣ *Сеславинѣ*, маровскаго, въ селѣ *Бурмакинѣ* и въ деревнѣ *Щипцовѣ*, вотчинѣ Ворон-а. Наконецъ, по той же линіи, ученіе Евфимія распространилось въ казен-й кобыльской волости, преимущественно въ деревняхъ: *Дудкинѣ*, *Харловѣ*, *укинѣ*, *Жилинѣ*, *Рыковѣ*, въ селѣ *Вышеславскомъ*, въ деревнѣ *Прошенинѣ* др.—По лѣвой сторонѣ Волги ученіе сопелковской секты распространи-ь въ Ярославскомъ уѣздѣ до самыхъ границъ Даниловскаго и Романо-исоглѣбскаго уѣздовъ, въ деревняхъ прусовскаго прихода, находящихся тивъ села Сопелокъ, на противоположномъ берегу Волги—въ деревнѣ *имоновѣ*, вотчинѣ Перепелкина, въ деревнѣ *Терентьевской*, вотчинѣ Пат-ѣева и *Семеновой*, вотчинѣ Ханыкова, въ вотчинахъ Васильева и Вла-вой, въ деревняхъ прихода Городицъ: *Боркахъ*, *Невѣровѣ*, *Ивановской* и *етниковѣ*, въ вотчинѣ Кутайсовой, въ приходѣ села Печелокъ, особенно деревняхъ *Вахрушевѣ* и *Игнашинѣ*, наконецъ, въ деревняхъ казенной горьевской волости и въ вотчинѣ графа де-сантъ-Антуанъ-Обрѣзкова, имущественно въ деревняхъ *Дудкинѣ*, *Скоморохвовѣ*, *Бычковѣ*, *Островкахъ*, *афенинѣ*, въ селѣ *Гавшинкахъ*, въ дер. *Юркинѣ* и другихъ.

Такъ въ одномъ Ярославскомъ уѣздѣ, въ первомъ станѣ до восьми-ти-трехъ селъ и деревень стали пріютомъ согласья бѣгуновъ. Судя по му, можно отчасти представить степень распространенія его и въ другихъ дахъ и станахъ Ярославской губерніи.

Изъ того же села Сопелокъ ученіе бѣгуновъ проникло въ Костром-ю губернію. Начатки его тамъ посѣяны были уже отчасти самимъ иміемъ. Потомъ около 1812 г. прибыли въ село Сопелки изъ села снаго, Костромского уѣзда, вотчины князя Вяземскаго, бѣглые расколь-и филиповской секты—Родіонъ Михайловъ съ отцомъ своимъ Михай-ь Тихоновымъ, и были крещены и приняты въ согласье бѣгуновъ

Мокѣемъ Федоровымъ. Въ 1824 г. прибылъ въ Сопелки изъ Костромской губерніи крестьянинъ села Сидоровскаго, Кинешемскаго уѣзда, по отцѣ Андріановъ, былъ крещенъ наставникомъ Родіономъ Михайловымъ и по начитанности скоро самъ сдѣлался наставникомъ. Спустя нѣсколько времени туда же прибыли изъ костромского села Краснаго двѣ женщины Авдотья и Анна, для узнанія ученія Евфимія. Послѣ бесѣды и совѣщанія съ сопелковскими старцами онѣ пригласили къ себѣ въ Костромскую губернію наставника Михайла Андреева. При помощи этого учителя, въ короткое время, онѣ увлекли въ странническое согласье много селеній около села Краснаго, что въ тридцати-пяти верстахъ отъ Костромы, и около заштатнаго города Плеса: цѣлыя семейства, поголовно, сманивали онѣ въ въ новое согласье. Такимъ образомъ, ученіе Евфимія быстро распространилось по уѣздамъ Костромскому, Нерехтскому и Кинешемскому.

Изъ Нерехтскаго уѣзда согласье бѣгуновъ проложило себѣ дорогу во Владимірскую губернію. Здѣсь оно преимущественно распространилось въ Шуйскомъ уѣздѣ и дошло до знаменитаго села Иванова. Далѣе, ученіе Евфимія простерлось внизъ по Волгѣ, въ Нижегородскую губернію, въ Балахнинскій уѣздъ, въ Казань, въ Симбирскъ. Есть извѣстія, что сопелковская пропаганда пріобрѣла послѣдователей въ Алатырскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи, въ селѣ Іевлевомъ, въ которомъ расколъ въ высшей степени развитъ; въ селѣ удѣльнаго вѣдомства — Кладбищѣ, въ жигулевскихъ горахъ Сызранскаго уѣзда. Далѣе ученіе бѣгуновъ простерлось въ Самару и въ Саратовъ. Усердный приверженецъ его, сопелковскій купецъ Курочкинъ и одинъ изъ сыновей купца Полетаева часто проживалъ въ городѣ Самарѣ; другой же сынъ Полетаева — на пристани села Майны. Купцы эти, крестьянинъ Гурьянъ Степановъ и другіе изъ жителей села Сопелокъ ежегодно отправляли свои суда въ тѣ губерніи за хлѣбомъ, и на этихъ судахъ, особенно на коноводныхъ машинахъ, перевозили бѣглыхъ раскольниковъ. Въ Саратовъ, впрочемъ, ученіе бѣгуновъ проникло еще до двадцатыхъ годовъ. Въ 1815 г. прибылъ изъ Саратова крестьянинъ Ярославскаго уѣзда, деревни Симоновской, нѣкто Симеонъ Шубникъ. Познакомившись съ сопелковскими бѣгунами, онъ сталъ имъ описывать всѣ удобства жизни въ Саратовѣ, возможность укрывательства въ садахъ, и предложилъ Иринѣ Федоровой, Доминикѣ Андреевой, дочери ярославскаго мѣщанина Душина, перекрещенной еще самимъ Евфиміемъ, Родіону Михайлову и его отцу Сергѣю Тихонову перейти на жительство въ саратовскіе сады. Тѣ согласились и ушли. Ирина Федорова и Доминика нашли пристанище въ саду купца Григорья Яковлева Крюкова, а Родіонъ Михайловъ и отецъ его скрывались въ буеракахъ у филиповцевъ. Тамъ они скрывались восемь лѣтъ. Наконецъ, Ирина Федорова и Родіонъ Михайловъ рѣшились возвратиться въ Ярославль и вновь явились въ Сопелки; Доминика же и Симеонъ отправились изъ Саратова въ Астраханскую губернію, гдѣ поселились въ камышахъ на берегу Каспійскаго моря. Тамъ они были пойманы: Симеонъ сосланъ въ Закавказскій край, а Доминика въ Сибирь на поселенье, гдѣ, по освобожденіи изъ тобольскаго острога, долго бродяжничала и, наконецъ, поселилась на жительство въ кельѣ, въ кійской волости,

Томской губерніи. Всѣ эти бѣгуны занесли ученіе Евфимія въ понизовый, ...каспійскій край.

Въ области верхней Волги, въ Тверской губерніи ученіе Евфимія-бѣ...а распространилось преимущественно съ 1835 года. Первымъ пропо...дникомъ его здѣсь былъ бѣглый раскольникъ изъ крестьянъ Кочевскаго ...зда, деревни Завражья, вотчины Васильчиковой, Степанъ, по перекре...ньи Иванъ Кононовъ. Онъ, по возвращеніи изъ Ярославской губерніи, ...оповѣдывалъ сопелковское ученіе въ казенныхъ деревняхъ Калязинскаго ...зда: Лебзинѣ, Клетинѣ, Костинѣ, селѣ Кимрѣ, деревнѣ Луканинѣ, Бобакиной ...ругихъ. Кононову помогалъ въ распространеніи ученія крестьянинъ казен... деревни Клетина Осипъ Федоровъ. Въ 1842 году тверскіе бѣгуны, ...стьяне Корчевскаго уѣзда, нарочно съѣздили въ Сопелки и пригласили ... себѣ въ наставники Ермогена Кузьмина, жившаго въ то время въ ...ославскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Кетовѣ, у крестьянина Якова Батыева. ...могенъ Кузьминъ, сдѣлавшись наставникомъ тверской паствы, сталъ ... дѣйствовать систематически, пріобрѣлъ много пристаней или *мѣстъ*, ... выраженію бѣгуновъ, въ Корчевскомъ и Калязинскомъ уѣздахъ. Въ то ... время онъ распространялъ сопелковское согласье и въ Московской ...ерніи. Сюда онъ приглашенъ былъ богатымъ крестьяниномъ Дмитров...го уѣзда, села Рогачева, Прохоромъ Григорьевымъ, который построилъ ... на свой счетъ двѣ кельи: одну въ своемъ домѣ, а другую въ деревнѣ ...менкахъ у знакомой женщины.

Въ Москвѣ евфимово или сопелковское ученіе распространилось съ ...аго начала его появленія въ Ярославской губерніи. Въ Москвѣ пре...щественно усвоили его тѣ купцы и мѣщане, которые происходили изъ ...стьянъ Ярославской губерніи, или были въ родственныхъ связяхъ съ ...славскими сектаторами. Вліятельныхъ пропагандистовъ согласья бѣгу...ъ до 1850 г. въ Москвѣ было до двѣнадцати человѣкъ.

Въ области сѣверной рѣчной системы ученіе бѣгуновъ проникло въ ...вые годы настоящаго столѣтія, а быть можетъ и ранѣе, еще при Евфимiѣ. ... Новгородской губерніи оно распространилось въ самомъ началѣ ...нѣшняго столѣтія до 1808 года, и послѣ. Тамъ бѣгуны основали свою ...вую общину въ колотиловскомъ лѣсу, Устюжскаго уѣзда. Наставни...ъ ихъ былъ старецъ шестидесяти лѣтъ, нѣкто Яковъ Яковлевъ, не ...являвшій своего рода. Отсюда они выходили на пропаганду по окрест...тямъ. Въ ноябрѣ 1808 г. поймано было въ колотиловскомъ лѣсу двадцать ...ять человѣкъ, скрывавшихся въ кельяхъ. Исключая шести покаявшихся ...рощенныхъ, всѣ прочіе вмѣстѣ съ наставникомъ Яковомъ Яковлевымъ, ...лѣ заточенія въ устюжскомъ острогѣ, наказаны были кнутомъ и сосланы ... Нерчинскъ на каторжную работу. Изъ Устюжскаго уѣзда ученіе бѣгу...ъ распространилось въ чаромскую волость Череповецкаго уѣзда, въ ...евню Назарово.

Около 1813 года бѣглый раскольникъ филиповскаго согласья, изъ ... Краснаго, Костромского уѣзда, Василій Петровъ, перекрестивъ самъ ... и переименовавшись Иваномъ, пошелъ съ проповѣдью ученія о бѣг...ѣ и странствѣ въ Вологодскій уѣздъ. Здѣсь онъ успѣлъ основать

общину бѣгуновъ въ домшинской волости. Именитый учитель бѣгуновъ Никита Семеновъ, изъ помѣщичьихъ крестьянъ Ярославской губерніи, не только утвердилъ и умножилъ общину домшинскую, но и распространилъ сопелковское ученіе по всей окрестной вологодской сторонѣ. Преимущественно оно укоренилось здѣсь въ двухъ деревняхъ казенной устиновской волости — Вахрушевой и Елданкахъ, и въ четырехъ деревняхъ домшинской волости, въ Вотеркахъ, Черневой, Матьковой и Микулинѣ.

Вслѣдствіе странствованія и проповѣди Никиты Семенова ученіе евфиміево или сопелковское перешло изъ Вологодской губерніи въ Олонецкую, въ Каргопольскій уѣздъ, и въ архангельскіе предѣлы. Сюда это ученіе занесено было кѣмъ-то еще прежде. Потому-что самъ Никита Семеновъ впервые усвоилъ его въ пустынѣ Архангельской губерніи, на Тонъозерѣ, гдѣ досталъ «цвѣтникъ» Евфимія и самъ себя окрестилъ въ странство. Теперь, прибывши въ сѣверное поморье въ другой разъ, Никита Семеновъ самъ посѣялъ здѣсь новыя сѣмена согласья бѣгуновъ.

Въ Сибирь евфиміево ученіе внесено было ссыльными: новгородскимъ наставникомъ Яковомъ Яковлевымъ, ученицей Евфимія, ярославской мѣщанкой Доминикой Душиной и другими послѣдователями этого ученія. По водвореніи на поселеніе ссыльные бѣгуны обыкновенно опять уходили въ странство, клейма вытравливали разными средствами, иногда высасывали ртомъ, и съ фальшивыми видами ходили по западной Сибири. Иногда еще на пути въ Сибирь бѣгуны имѣли возможность разсѣивать свой толкъ, какъ, напримѣръ, Яковъ Яковлевъ, который дорогой видѣлся и бесѣдовалъ съ ярославскими вождями согласья — Мокѣемъ Федоровымъ и Ириной Федоровой. Кромѣ того, многіе бѣгуны и сами бѣжали въ привольную Сибирь и на дорогѣ устрояли пристани. Такимъ образомъ они посѣяли ученіе Евфимія и устроили пристани, напримѣръ, въ Курганѣ, Пермской губерніи, въ Кунгурѣ и особенно въ Тюмени, Тобольской губерніи, также на златоустовскихъ и топлинскихъ заводахъ. Тюмень стала даже исходнымъ пунктомъ и средоточіемъ мѣстной, сибирской пропаганды согласья бѣгуновъ. Далѣе, въ западной Сибири, бѣгуны преимущественно распространялись въ Томской губерніи, въ кійской, боготольской и дмитріевской волостяхъ. Здѣсь они строили кельи въ горахъ по рѣкѣ Кіѣ, иногда въ глухихъ лѣсахъ или тайгахъ, и селились. Есть извѣстія, что бѣгуны сибирскіе даже со всѣми удобствами устраиваютъ свои кельи въ лѣсу: имѣютъ свои поля, огороды, лошадей, однимъ словомъ, полное хозяйство. Странствующіе бѣгуны кормились и кормятся подаяніями богатыхъ поселенцевъ сосѣднихъ селъ и деревень, а лѣтомъ уходятъ на золотые пріиски. По недостатку наставниковъ сибирскіе странники часто перекрещиваются сами, почему въ народѣ называются *самокреванцами* или *скрытными*, по главному догмату согласья, повелѣвающему скрываться.

Такъ изъ исходнаго пункта—села Сопелокъ, путемъ бѣгства и странства распространилось евфиміево или сопелковское согласье бѣгуновъ по большей части великорусскихъ губерній и въ Сибири. Сообразно съ такимъ географическимъ распространеніемъ и съ основнымъ догматомъ согласья бѣгуновъ, развивалось его внутреннее устройство и опредѣлился внутренній составъ.

Существенный догматъ согласья бѣгуновъ—бѣгство, странство и ытіе. Это по ихъ ученію единственный путь спасенія отъ антихриста, нственный путь рѣшительнаго, фактическаго, дѣятельнаго и всежизнаго, всецѣлаго отрицанья всякой государственной крѣпостности, крѣпости правительственной, ревизской, паспортной, подушно-податной, жебной, помѣщичьей и церковно-іерархической. Отсюда первая обязанть всѣхъ пропагандистовъ, наставниковъ согласья бѣгуновъ, ходить, анствовать по Россіи и научать прежде всего бѣгству, странству и ытію. Первая обязанность каждаго вступающаго въ согласье бѣгуновъ и странниковъ — обречься на странство. Эта обязанность такъ важна въ ніи бѣгуновъ, что въ 1812—1813 г. между ними шли жаркіе споры о мъ, крестить ли вступающихъ въ ихъ согласье до выхода ихъ въ странво. Ревностные послѣдователи Евфимія упорно настаивали на томъ, что выхода въ странство не должно крестить. При такой строгой обязаьности странства и необходимости его для распространенія ученія бѣгувъ, также обязательно и необходимо было, съ другой стороны, и скрытіе анствующихъ бѣгуновъ. Отсюда неминуемо вытекала необходимость ѣжищъ, пристаней для укрывательства странниковъ. И вотъ согласье анниковъ или бѣгуновъ раздѣлилось на два равно необходимые разряда: странниковъ или бѣгуновъ *жиловыхъ, мірскихъ*, пристанодержателей, и бѣгуновъ *странствующихъ*, бѣгствующихъ. Первые преимущественно выняли обязанность *скрытія*, укрывательства и покровительства, вторые—язанность *странства* и странствующей миссіи, пропаганды согласья гуновъ.

Бѣгуны *мірскіе* или *жиловые*, большею частію богатые купцы и зажиные мѣщане и крестьяне, живутъ въ городахъ и селахъ, вмѣстѣ съ правоавными въ своихъ домахъ. Для исполненія завѣтнаго догмата евфиміева странствѣ они или только съ самаго начала, до перекрещенія въ анническое согласіе, предаются недолговременному и недалекому анству, или на старости лѣтъ передъ смертью просто только переселяся изъ дома въ домъ. Странство, бродяжничество для нихъ — одна лько формальность. Главную же, священную обязанность ихъ составетъ скрытіе и пристанодержательство. Почти всѣ жиловые или міріе бѣгуны—пристанодержатели странствующихъ бѣгуновъ, или бѣглыхъ анниковъ. Поэтому они особенно строятъ свои дома, приспособительно пристанодержательству. Сохраняя во всей наружности домовъ общій и аринный архитектурный типъ русскихъ построекъ, пристанодержатели гуновъ обыкновенно устраиваютъ въ подизбицахъ, въ подпольяхъ, въ дклѣтяхъ или подгорницахъ, подъ сѣнями, иногда на чердакѣ особыя льи и клѣти, въ которыхъ и проживаютъ бѣглые раскольники, странвующіе бѣгуны. Для удобства укрывательства ихъ въ домахъ сдѣлано сколько тайныхъ входовъ, выходовъ, отверстій, лазеекъ, такъ что во емя самаго обыска бѣгунъ можетъ незамѣтно увернуться, либо быстро ребѣгая изъ клѣти въ клѣть черезъ сокровенныя дверки въ заборахъ и ѣнахъ, либо живо приподнимая половицу и спускаясь подъ полъ. Иногклѣти устраиваются на дворѣ или въ огородѣ, или въ садахъ, какъ,

напримѣръ, въ саратовскомъ и астраханскомъ краю, а иногда и въ
Усердные и богатые пристанодержатели, занимающіе удобную, прост
усадьбу, настраиваютъ иногда по нѣскольку клѣтей въ своихъ д
или около нихъ. По старинному писцово-крестьянскому обычаю клѣ
называются *мѣстами*. Если странники говорятъ, что въ такомъ-то селен
мѣсто, это значитъ незанятая келья или клѣть. Тѣ мѣстности, селенія и
рода, гдѣ жили извѣстные постоянные пристанодержатели, гдѣ наход
средоточія мѣстъ, называются *пристанями* или станами. Такихъ прис
и пристанодержателей много на всѣхъ путяхъ странствованія бѣгу
Мы могли бы исчислить большую часть и селъ и городовъ, гдѣ до 1852
были пристани бѣгуновъ, могли бы исчислить много и купцовъ, м
щанъ, и крестьянъ пристанодержателей, но считаемъ это излишни
утомительнымъ для читателя. Укажемъ общими цифрами число прист
и пристанодержателей въ разныхъ мѣстахъ до 1852 года. Въ Ярославс
уѣздѣ, въ 1-мъ станѣ, въ 83 селахъ и деревняхъ считалось до этого
248 пристанодержателей; во 2-мъ станѣ, въ норскомъ посадѣ, въ 5 д
вняхъ 9 пристанодержателей; въ г. Ярославлѣ 27; всего въ 89 поселе
въ Ярославскомъ уѣздѣ, въ обоихъ станахъ 284 пристанодержател
Романо-борисоглѣбскомъ уѣздѣ, въ 29 деревняхъ 72 пристанодержате
въ самомъ городѣ Романовѣ 2. Въ пошехонскомъ уѣздѣ, въ 40 дере
74 пристанодержателя, да въ городѣ Пошехоньѣ 3. Въ Даниловс
уѣздѣ, въ 9 деревняхъ 17 пристанодержателей и 1 въ г. Даниловѣ
Рыбинскомъ уѣздѣ, въ г. Рыбинскѣ 3, въ одной деревнѣ (Кишки
Въ г. Угличѣ 2, да въ селѣ Заозерьи 3 пристанодержателя. Въ Ро
скомъ уѣздѣ, въ селѣ Угодичи 1 крестьянинъ. Въ *Костромской губ*
въ 96 поселеніяхъ 122 пристанодержателя. Именно: въ Костромскомъ у
въ 16 деревняхъ 20 пристанодержателей; въ Кинешемскомъ уѣздѣ,
деревнѣ 30 пристанодержателей; въ Нерехтскомъ уѣздѣ, въ Плес
штатномъ городѣ, 14 пристанодержателей, да въ 48 селахъ и деревня
въ Юрьевецкомъ уѣздѣ, въ ячменской казенной волости 1 извѣс
Во *Владимірской губерніи*, въ Шуйскомъ уѣздѣ, въ селѣ Ивановѣ, изв
было до 1852 года 10 пристанодержателей. Въ *Нижегородской губерн*
Балахнинскомъ уѣздѣ, въ 3 селахъ 7 пристанодержателей. Въ *Моск*
губерніи, въ самой Москвѣ извѣстно было 12 пристанодержателей —
цовъ и мѣщанъ; въ Дмитровскомъ уѣздѣ, въ 8 деревняхъ 17 прис
держателей. Въ *Тверской губерніи*, въ Корчевскомъ уѣздѣ, въ 17 дере
25 пристанодержателей. Въ *Вологодской губерніи*, въ Вологодскомъ у
въ 2 деревняхъ казенной устиновской волости—Вахрушевой и Елда
7 пристанодержателей; въ домшинской волости того же уѣзда, въ
ревняхъ до 5 пристанодержателей. Въ деревнѣ Вахрушевой главная
станъ Никиты Симеонова. Въ *Тобольской губерніи*, въ Тюмени 4 прис
держателя: у купца Якова Михайлова Опрокидникова, нынѣ умер
мѣсто для странниковъ устроено было при мыльномъ заводѣ, а др
купца за городомъ въ полѣ выстроенъ особый флигель исключительн
странниковъ. Далѣе, въ западной Сибири пристанодержатели наход
въ Томскѣ, въ бывшемъ селѣ Кій (нынѣ городъ), гдѣ пристанодер

мъ былъ донской казакъ, тамошній поселенецъ; около села Кій по р. Кіѣ са и въ нихъ кельи бѣгуновъ. Наконецъ, есть пристанодержатели: 1) въ митровской волости; 2) около златоустовскихъ заводовъ; 3) топлинскихъ водовъ; 4) въ г. Красноярскѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ. На Алйскихъ горахъ, на Камнѣ издавна селились бѣгуны всякаго рода и занія, извѣстные подъ названіемъ *каменьщиковъ*. Столько намъ извѣстно пристанодержателяхъ до 1852 года; разумѣется, остается множество еизвѣстныхъ.

Бѣгствующіе странники, или бѣгуны-бродяги имѣли свѣдѣнія о сѣхъ этихъ пристаняхъ и пристанодержателяхъ. У нихъ были свои маршруты или путники. Приведемъ для образца одинъ маршрутъ по Сибири, ъ какую-то азіятскую, невѣдомую страну, и при маршрутѣ пригласительое письмо [1]): «На Екатенбурхъ, на Томскъ, на Барнаулъ, вверхъ по рѣкѣ Катурнѣ на красной Яръ, деревня Ака, тутъ часовня и деревня Устба. о Устбѣ спросить странноприимца Петра Кирилова, зайти на фатеру. утъ еще множество фатеръ. Снѣговыя горы: оныя горы на 300 верстъ, ъ Алама стоятъ во всемъ видѣ. За горами Дамасская деревня; въ той еревнѣ часовня; настоятель схимникъ инокъ Іоаннъ. Отъ той обители тъ ходъ 40 дней съ роздыхомъ, чрезъ Кижискую землю, потомъ четыре ни ходу къ Татанію, тамъ восѣонское государство; живутъ въ губѣ кеяна моря: мѣсто называемое бѣловодіе и озеромъ Ловѣ, а на немъ 0 острововъ, а одинъ островъ есть . . . верстъ, а на нихъ горы, а въ рахъ живутъ о Христѣ подражатели христовой церкве, православные ристіане. И съ тѣмъ прошу желающихъ православныхъ христіанъ; прямъ образомъ, безъ всякой лести васъ увѣряемъ всѣхъ православныхъ ристіанъ, желающихъ послѣдовать стопамъ христовымъ. А тамъ не моетъ быть антихристъ, и не будетъ. И во ономъ мѣстѣ лѣса темные, ры высокія, расѣдлины каменны; а тамъ народъ именно, варварствъ какихъ нѣсть и не будетъ, а ежели бы всѣ китайцы были христіане, бъ и ни едина душа не погибла... Любители христовы, градите вышеначенною стезею!.. Отъ пана гоними изъ своея земли, отлучилися пять тъ лѣтъ и приискивали имъ мѣсто два старца, церквей сирскихъ (асирихъ) . . . сущихъ христіанскихъ... Россійскихъ церквей 44, и христіаніе у нихъ митрополиты занялись отъ сирскаго патріарха, и отлучилися

---

[1]) Напередъ замѣтимъ, что этотъ маршрутъ какой-то странный, и указываетъ ъ дорогу въ какую-то мифическую, баснословную страну. Между тѣмъ у раскольковъ есть маршруты другого рода, съ вѣрными топографическими указаніями, точнымъ названіемъ городовъ и мѣстностей, съ подробнымъ адресомъ купцовъ, щанъ, крестьянъ, живущихъ на дорогѣ, у которыхъ путникъ можетъ просить ночга или пріюта. Таковъ, напримѣръ, находящійся у меня подробный маршрутъ, катся. бѣглопоповщинскій — дорога отъ г. Хвалынска (Сарат. губ.) чрезъ Москву, езъ Черниговскую губернію и т. д., чрезъ Днѣстръ, въ Молдавію, къ Некрасовцамъ. бопытно какъ въ Россіи, въ эпоху распространенія и развитія раскола, образоваъ у старообрядцевъ свои особыя пути-дороги, помимо трактовыхъ, общихъ, въ ъ дорогъ, указанныхъ въ расколньичьихъ маршрутахъ, или въ родѣ такъ-назымой *сиротской дороги*, проложенной въ XVIII вѣкѣ бѣглыми гонимыми старовѣрами саратовской степи къ Уралу.

отъ своихъ мѣстъ отъ численія Никона патріарха, а приходъ б
Зосимы и Савватія, святыхъ соловецкихъ чудотворцевъ, кораблям
ледовое море. И такимъ образомъ, отцы посылаеми, проискива
Изосимы и Савватія. Сей же памятникъ писалъ самъ, тамо былъ
салъ имъ свое многогрѣшное иное Михаилъ своею рукою, и о Хри
братіею своею писалъ вамъ».

Запасаясь на дорогу такими маршрутами, бѣгуны иногда запа
и фальшивыми, самодѣльными паспортами. Нѣкоторые пристанодер
спеціально занимались составленіемъ поддѣльныхъ, своеобразныхъ
скихъ паспортовъ. Паспорты эти имѣютъ различныя формы, иногд
исполнены фантастическаго и юмористическаго содержанія. Нѣк
бѣгуны имѣютъ паспорты, начинающіеся такъ: «Господь покрови
спаситель мой, кого ся убою? Данъ сей паспортъ изъ града бога вы
изъ сіонскаго правленія, изъ вольной полиціи» и т. д. Бѣгуны собс
отрицаютъ паспорты и всякій письменный видъ, считая ихъ п
антихристовою, но свои поддѣльные паспорты, составленные въ ду
ученія, считаютъ необходимыми для безопасности странствованія, и
показанія земской полиціи въ случаѣ поимки, что они ее и ея пасп
и знать не хотятъ, а знаютъ только *вольную полицію сіонскаго прав
паспорты изъ града бога вышняго*, т.-е. въ сущности никакой пол
никакихъ паспортовъ не признаютъ. Точно также для охраненія се
всякихъ напастей на далекомъ пути-дорогѣ, бѣгуны иногда берутъ
бой въ рукописныхъ тетрадкахъ, или заучиваютъ наизусть, по пр
родному обычаю, особые народные заговоры или молитвы *въ путь и
и назадъ идущимъ*. Молитвы эти употребительны и у раскольнико
православныхъ. За неимѣніемъ подъ руками мифическихъ путевых
воровъ, приведемъ для примѣра двѣ молитвы. Молитва *въ путь ид*
«Господи Боже нашъ, въ путь шествовати угоднику своему Якову
его, рабу своему (имя рекъ) сопутствуй, раба своего владыко из
искушенія, разбойника, разбойства, всякаго навѣта, и въ ширѣ и
пространства. Устави прежде всякаго творища промыслъ по запо
твоимъ, исполни житіе небесныхъ благъ, бывши тамо, возвратит
говоли: яко твое есть царство, сила и слава, отца и сына и святаг
Аминь». *Молитва назадъ идущимъ:* «Господи владыко, Боже отецъ н
тя просимъ, тебя съ милосердіемъ, якоже бѣ изволилъ самъ взыти со у
комъ твоимъ Моисеемъ во свѣтѣ. Люди твоя избра, израильтяне
въ земли чуждой, такожде и нынѣ самъ иди съ рабомъ твоимъ, (имя
самъ, своихъ сохрани, ихъ день и нощь, якоже укрѣпилъ Іисуса Н
образомъ и крестомъ съ молитвою»...

Сообразно съ географическимъ распространеніемъ ученія бѣ
и съ топографическимъ распредѣленіемъ ихъ главныхъ при
развивалось внутреннее своеобычное, юридическое самоустройств
согласья. Село Сопелки, какъ исходный пунктъ развитія всѣхъ о
ныхъ, мѣстныхъ пристаней бѣгуновъ, какъ средоточіе наибольшаго
ническаго населенія, естественно образовало центръ, средоточіе всего
или согласья великорусскихъ и сибирскихъ пристаней. А совоку

› этихъ областныхъ, мѣстныхъ общинъ, или пристаней, великорусскихъ
бирскихъ, образовала федерацію, или цѣлый союзъ согласья бѣгуновъ,
ентрированный около села Сопелокъ. Вслѣдствіе такого союзнаго
ойства, каждая областная пристань составляла самобытную, само-
вляемую паству или общину, имѣла свой *совѣтъ* и *судъ*. Такъ, напри-
ъ, особыя мѣстныя пристани представляли Москва, заштатный городъ
ъ въ Костромской губерніи, деревня Вахрушева для вологодскаго
овья бѣгуновъ, Тюмень — для западно-сибирскихъ бѣгуновъ, и т. д.
вмѣстѣ областныя или мѣстныя пристани бѣгуновъ *тянули* судомъ
вѣтомъ къ своему исходному пункту и центру — къ селу Сопелкамъ,
› какъ изъ него онѣ были насаждены. Здѣсь былъ, въ случаяхъ нуж-
ъ, общій главный сходъ, совѣтъ и судъ бѣгуновъ. Сюда сходились
кновенно изъ всѣхъ мѣстныхъ пристаней для изученія подлиннаго
ія Евфимія и для перекрещенія. Здѣсь былъ общій судъ бѣгуновъ,
а кто-либо провинялся въ какомъ-нибудь важномъ проступкѣ противъ
го согласья. Сюда же стекались изъ разныхъ великорусскихъ и сибир-
ъ пристаней главные наставники мѣстныхъ общинъ, для рѣшенія
овъ догматическихъ. Таковъ, напримѣръ, былъ сходъ и совѣтъ въ селѣ
лкахъ въ 1842 году, на который стеклось до пятнадцати мѣстныхъ,
ныхъ учителей, и въ томъ числѣ изъ Тюмени. Не только такія ближнія
вы бѣгуновъ, какъ, напримѣръ, костромская или московская, но и отда-
ая тюменская паства находилась въ непосредственныхъ и довольно
ыхъ сношеніяхъ съ селомъ Сопелками. Наставники ея, вродѣ бѣглаго
ка Овчинникова и Дементьяна Михайлова, ѣздили въ Сопелки для
щанія съ здѣшними старцами, вывозили съ собой много книгъ,
омъ числѣ, для украшенія согласья и связи съ сопелковцами, брали
хъ для руководства своей паствѣ *цвѣтникъ* Евфимія.

Каждая областная группа пристаней или отдѣльная мѣстная паства
новъ имѣла своихъ выборныхъ наставниковъ и управителей. Такъ,
лковскою общиною управляли, до слѣдственной комиссіи 1850 года,
ующіе наставники: 1) Иванъ Степановъ, изъ крестьянъ Мышкинскаго
а; 2) Михайло Андреевъ Кувшиновъ, ярославскій мѣщанинъ, съ фабрики
влевыхъ; 3) Семенъ Григорьевъ, бѣглый солдатъ, родомъ Ярославскаго
а, деревни Семеновой; 4) Яковъ, по перекрещеніи Фока Максимовъ,
ый солдатъ, родомъ Борисоглѣбскаго уѣзда, деревни Ивановской.
мѣ этихъ наставниковъ принимали участіе въ судѣ и въ совѣтѣ, въ каче-
› главнѣйшихъ сектаторовъ: 1) Иванъ, по перекрещенью Федоръ Ивановъ
вой, бѣглый кантонистъ, родомъ Костромского уѣзда, деревни Шел-
; 2) Алексѣй, по перекрещенью Василій Петровъ Горбунчикъ, изъ
тьянъ Ярославскаго уѣзда, деревни Когаева, и еще девять человѣкъ,
которыхъ шесть были бѣглые солдаты, одинъ отставной унтеръ-офи-
ъ и два крестьянина. Сѣверною группою пристаней или паствъ управ-
ъ главный наставникъ, наиболѣе почитаемый между учителями и упра-
телями бѣгуновъ, Никита Семеновъ. Въ паствахъ Пошехонскаго, Романо-
исоглѣбскаго и Даниловскаго уѣздовъ наставниками были: 1) Димитрій
оровъ, въ странствѣ Василій Яковлевъ, бѣглый солдатъ, родомъ Дани-

ловскаго уѣзда, изъ дворовыхъ людей; 2) Марко Яковлевъ Большой,
крестьянъ Ярославской губерніи; 3) Петръ Тимофѣевъ Чумакъ, изъ
щичьихъ крестьянъ Пошехонскаго уѣзда, деревни Скрылева, и еще д
одинъ изъ крестьянъ, другой неизвѣстнаго происхожденія. Точно т
имѣли своихъ выборныхъ и управителей паствы и пристани:
стромская, тверская, олонецкая, тюменская и другія.

Согласіе бѣгуновъ, какъ и нѣкоторыя другія безпоповщинскія общ
эманципировали простонародную женщину изъ рабскаго, замкнутаго, ис
чительно рабочаго положенія. Бѣгуны уважали женщинъ начитанн
и возводили ихъ, наравнѣ съ мужчинами, въ достоинство настав
Такъ изъ начитанныхъ странницъ сопелковскаго согласія слѣду
женщины были болѣе уважаемы и около 1850 года выбраны для служені
малыхъ собраніяхъ: 1) Татьяна, по перекрещенью Марья Васильева,
стьянка Ярославскаго уѣзда, деревни Вахрушевой; 2) Елизавета А
сѣева, крестьянка изъ деревни Борковъ, Ярославскаго уѣзда; 3)
терина, по перекрещенью Фіонія Львова, крестьянка изъ деревни Дудк
Ярославскаго уѣзда; 4) Александра Ильина, Ярославскаго уѣзда, дер
Голенищева; 5) Марія Ильина, изъ деревни Нещерки, Ярославс
уѣзда; 6) Елизавета, по перекрещенью Лукерья Васильева, изъ
постныхъ крестьянокъ Романо-борисоглѣбскаго уѣзда; 7) Авдотья
трова, Пошехонскаго уѣзда, деревни Рыжково; 8) Афанасія Фо
дочь наставника Фоки Максимова, Романо-борисоглѣбскаго уѣзда, д
ни Ивановской; 9) Варвара, по перекрещенью Меланья Васильева,
деревни Ивашева.

Изъ сочинителей и грамотниковъ-мужчинъ, болѣе начитанныхъ, з
мавшихся перепиской книгъ, духовныхъ стиховъ и проч., были б
извѣстны, до слѣдственной комиссіи 1850 года: 1) Михаилъ Анд
Кувшиновъ, ярославскій мѣщанинъ съ фабрики Яковлевыхъ, бы
однимъ изъ самыхъ ревностныхъ дѣятелей быстраго развитія сопе
скаго согласія, увлекшій въ него, кромѣ множества постороннихъ,
семейство—мать, пять братьевъ, сестру и двухъ дочерей; 2) Василій Пет
Горбунчикъ, крестьянинъ изъ деревни Когаева, Ярославскаго уѣзда
начитанности, этотъ наставникъ постоянно считался членомъ гла
совѣта старцевъ сопелковскаго согласья. Онъ имѣлъ постоянную
стань и занимался книгами въ селѣ Сопелкахъ у крестьянина Ф
Иванова Савелова, у котораго при обыскѣ лѣтомъ 1852 года най
въ тайникахъ всѣ книги Василія Петрова, между прочимъ, в
любопытныя рукописи, и въ числѣ ихъ подлинныя сочиненія основ
согласья бѣгуновъ Евфимія; 3) Никита Семеновъ, изъ крестьянъ, Яро
ской губерніи, вотчины графа Мамонова. Сначала онъ обучался въ Мо
портному мастерству, но потомъ бросилъ это занятіе. Будучи еще то
шестнадцати лѣтъ, онъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Ларіономъ И
вымъ бѣжалъ и поселился въ пустынѣ Архангельской губерніи, на
озерѣ. Тамъ Никита досталъ «цвѣтникъ» Евфимія, основателя толка
новъ, рѣшился послѣдовать его ученію, самъ себя окрестилъ въ с
ство и, прибывъ въ село Сопелки, для знакомства и бесѣды съ яро

ми старцами, былъ принятъ ими въ согласье. Потомъ онъ удалился въ ано-борисоглѣбскій уѣздъ и, поселившись въ деревнѣ Голубенкахъ, люнѣевй волости, у послѣдовательницы согласья бѣгуновъ, дѣвицы Варвары итріевой, далъ ходъ своимъ дарованіямъ. Отселѣ съ необыкновеннымъ ѣхомъ сталъ онъ проповѣдывать сопелковское ученіе и писать въ пользу . Своими дарованіями, начитанностію, даромъ преподаванія и сочинитела онъ почти затмилъ память объ Евфиміѣ. Весьма замѣчательно его иненіе: «*На тридцать ересей*». Въ немъ Никита Семеновъ обличаетъ ѣ старообрядческія согласія, особенно поповщинскую общину, за тѣ тупки, какія она сдѣлала православной церкви и православному правиьству, поучаетъ ихъ строгой выдержанности религіозной и гражданской позиціи, увѣщеваетъ всѣ согласія раскола къ примиренію для дружнаго, вокупнаго противодѣйствія православной церкви и православному пра-тельству. Кромѣ исчисленныхъ нами сочинителей и наставниковъ гунскихъ, еще извѣстны были до 1852 года: Федоръ Ивановъ Кривой, асилій Яковлевъ, Кузьма Абрамовъ Бурловъ, Афанасій Григорьевъ, Меррій Григорьевъ, Иванъ Васильевъ Грозный изъ московскихъ мѣщанъ; ванъ Васильевъ Шумиловъ изъ крестьянъ Ярославскаго уѣзда, села русова; Агафонъ, по перекрещенью Савва, Степановъ, изъ крестьянъ, Пошенскаго уѣзда, деревни Телешина; Семенъ Григорьевъ, изъ крестьянъ Яроавскаго уѣзда, деревни Терентьевской; Емельянъ Григорьевъ, по переещенью Мефодій изъ крестьянъ Романо-борисоглѣбскаго уѣзда, деревни иселева; Филиппъ Никифоровъ изъ дворовыхъ людей, Московской губерніи, онницкаго уѣзда.

Подъ вліяніемъ такихъ наставниковъ ученіе Евфимія развивалось послѣ него. Въ существенныхъ догматахъ оно совершенно согласовалось общей безпоповщинской догматикой, особенно федосѣевской, и потому ходило въ ней много готовыхъ, развитыхъ началъ. Попрежнему камнемъ еткновенія для старообрядческаго общества были реформы Петра велиго, до самой сердцевины коснувшіяся стариннаго, естественно-историскаго земскаго народнаго строенья. Потому, со второй половины XVIII вѣка, письменности старообрядческой, особенно въ безпоповщинской, усились историко-политическая протестація противъ преобразованій Петра, обенно тяжко налегавшихъ на бытъ народной массы. Такъ во второй ловинѣ XVIII вѣка разносилась по городамъ и селамъ тетрадка, подъ главіемъ: «*челобитная объ антихристѣ еже есть Петръ I*». Это всенадная, окружная протестація раскола противъ реформъ Петра I. *Челобитная* сочинена какъ бы въ ироническій укоръ Петру великому, который рвый не сталъ лично принимать и слушать народныя челобитныя; уничтолъ, вмѣстѣ съ челобитнымъ приказомъ, самый принципъ земской, щинно-областной, челобитной гласности и представительности народа предъ авительствомъ, какая была въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Вотъ отрывокъ ь этой челобитной: «Мы смотряюще недремательнымъ окомъ познаваемъ, о отъ лѣтъ по числу 1666 конецъ пріяша пророчествія, а совершенное вся злобы исполненіе исполнися на Петрѣ, егда исполнися число звѣря 66 лѣтъ, въ то лѣто царь Алексѣй Михайловичъ съ Никономъ отступи

отъ святой православной вѣры, а послѣ его въ третьихъ восцарствов
престолѣ всея Русіи сынъ его первородный Петръ и нача превознос
паче всѣхъ глаголемыхъ боговъ, сиречь помазаниковъ, и нача вел
тися и славитися предъ всѣми, гоня и муча православныхъ христ
и распространяя свою новую вѣру, и церковь по всей Россіи
1700 году возобнови, уничтожи патріаршество, дабы ему единому
ствовати, не имѣя равнаго себѣ, дабы кромѣ его никакихъ д
не творили, но имѣли бы его единою превысочайшею главою, су
всей церкви, пріялъ на себя титлу патріаршескую, и именовася о
отечества и глава церкве россійскія и бысть самовластенъ, не имѣя ни
себѣ въ равенствѣ, восхитивъ на себя не точію царскую, но и патріар
власть, и нача себя величати и славити, возвышаяся на всяка возобно
нія: въ 1700 году собра весь свой поганый синклитъ въ 1 день ян
мѣсяца и постави храмъ идолу ветхоримскому Янусу, и предъ всѣмъ н
домъ нача творити чудеса, подъ видомъ фавмазіи, и вси воскли
ему единогласно: виватъ, виватъ новый годъ! Отъ того дни разосла
указы во всю Русію, повелѣ праздновати новое лѣто, разрушая зако
св. отецъ клятву, иже на первомъ вселенскомъ соборѣ положенную п
новати новое лѣто въ 1 день сентября мѣсяца, разрушая сію законную кл
и при томъ своемъ янусовскомъ собраніи поздравленіе пріятъ за имп
тора августѣйшаго, сиречь надъ всѣми обладателя. Оле, благоразу
чада, вонмите здѣ, коему ежегодно празднуете новый годъ? Всѣ го
нія лѣта истреблени, а сатанины извѣщены: воистинну исполнися з
тайнозрительное откровеніе и власть перваго звѣря всю творити п
нимъ, и творяше землю и вся живущая на ней, да поклонятся ему. У
тися и бѣгати подобаетъ намъ во антихристово время отъ еретичес
жертвъ, понеже въ откровеніи Іоанна богослова во главѣ 12 писано
церковь побѣжитъ въ пустыню, вѣрніи христіане, истиніи раби хри
побѣжатъ въ горы и вертепы, и спасутся. Понеже Петръ нача гон
льстити и искореняти останокъ въ Русіи православную вѣру, своя н
умыслы уставляя, нова законоположенія полагая, по духовному и по гра
скому расположенію состави многіе регламенты и разосла многіе у
во всю Русію съ великимъ угроженіемъ о непремѣнномъ исполненіи о
и устави сенатъ, и самъ бысть надъ ними главою и судьею главнѣй
тако нача той глаголемый богъ паче мѣры возвышатися, учини оп
народное, исчисляя вся мужеска пола и женска старыхъ и младен
живыхъ и мертвыхъ, и облагая ихъ данми велими, не точію на живых
и на мертвыхъ таково тиранство учини, съ мертвыхъ дани востр
Егда же той императоръ или монархъ, сиречь единоначальникъ или
новластитель народное описаніе учини, называя то ревизіею или исч
ніемъ душъ человѣческихъ, которыя приняли его за императора и са
новластнаго правителя, мы отъ Христа спаса научихомся законъ и запо
его сохраняти и вѣру святую блюсти, и таковому лже-Христу въ пос
ство отдатися не хощемъ и въ книги его законопреступныя писати
нечестивыми никогда не будемъ, да и хотящимъ спастися нико
совѣтуемъ: творите съ нами, что хотите, ибо есьмы христіане ед

повѣданія у вселенскихъ соборовъ св. отецъ и св. страдальцевъ соловец-
й обители, пострадавшихъ за древнее благочестіе; того исповѣданія и
ı держимся, и въ книги ваши законопреступныя гражданскія, въ силу
каза вашего императора и его законоположеній ревизіи, не пишемся: ибо
ı отъ крещенія записаны есьмы въ книги животныя у царя небеснаго,
неже видимъ во святомъ писаніи, яко прежде бывшіи въ Русіи благо-
честивые цари Иванъ Васильевичъ, Федоръ Ивановичъ и Михаилъ Федо-
вичъ и Алексѣй Михайловичъ, бывшій въ благочестіи до Никона па-
іарха, яко сіи вси народнаго исчисленія отъ мала до велика мужеска
ла и женска, живыхъ и мертвыхъ и всего общечеловѣчества не творили
оставляли то въ судьбу правительства всемогущаго Бога. Зрите чело-
ьцы, и воньмите, и разсмотрите по святому писанію, въ кіихъ лѣтахъ
тельствуемъ, и кто нынѣ обладаетъ вами, ибо духъ петровъ царствуетъ
всѣхъ до скончанія вѣка, якоже свидѣтельствуетъ книга: «кабинетъ
етра великаго», ибо духъ государей русскихъ есть духъ Петра великаго.
етръ великій, восхищая на себя славу сына превысочайшаго, именовася
етръ I, и прочіи по немъ такожде именуются, и паки именовася боже-
вомъ Русіи, яко свидѣтельствуетъ книжка, «кабинетъ Петра»: онъ богъ
ой, онъ богъ твой, о Россія! Тамъ же православнымъ христіанамъ подо-
етъ всеусердно держатися отеческаго наказанія. Подобаетъ намъ жизнь
епровождати въ безмолвіи и въ пустыняхъ, яко господь чрезъ Іеремію
орока взываетъ: изыдите, изыдите, люди моя изъ Вавилона».

По всѣмъ мыслямъ, и особенно по взгляду на бѣгство, какъ на спа-
тельный путь, это сочиненіе *«объ антихристѣ, еже есть Петръ I»*, едвали
можетъ быть приписано бѣгунамъ. Во всякомъ случаѣ, въ немъ вполнѣ
разилось основное ученіе бѣгуновъ. Поэтому мы разсмотримъ его здѣсь.
ля того чтобы понять взгляды всѣхъ безпоповцевъ и въ особенности
гуновъ на учрежденія Петра, нужно разсматривать ихъ съ народно-исто-
ческой точки зрѣнія, такъ какъ расколъ держится между прочимъ на
аринѣ народной.

Бѣгуны и вообще безпоповцы протестуютъ, во-первыхъ, противъ того,
о Петръ I *«императоръ наречеся*, сиречь *монархъ* или единовластитель,
*имѣя равнаго себѣ, дабы кромѣ его никакихъ дѣлъ не творили, но имѣли
его себѣ превысочайшею главою»*. Въ этомъ протестѣ ихъ выразилось изста-
инное русское народное воззрѣніе на единодержавную власть царя. Во-
осъ *о самодержцѣ* сталъ сильно занимать мыслящихъ русскихъ людей съ
го времени, когда московскіе цари стали называться *самодержцами*, т.-е.
XVI столѣтія, когда «великій государь царь и великій князь Василій
вановичъ (отецъ Грознаго) *повелѣлъ* писать себя *самодержцемъ* и въ посоль-
ихъ грамотахъ и въ исторіяхъ». Лѣтопись отмѣтила это, какъ фактъ,
аменательный въ народной исторіи. И вотъ, вслѣдствіе историческаго
звитія такого образа мыслей о самодержавіи, когда Петръ I не только
признавалъ народосовѣтія, но и *наречеся императоръ* и издалъ *правду воли
наршей*, расколъ грянулъ проклятіемъ: «антихристъ!» И съ тѣхъ поръ
ало развиваться въ расколѣ, и у бѣгуновъ достигло высшаго развитія
торико-демократическое ученіе объ антихристѣ, еже есть Петръ I. Съ

тѣхъ поръ многія безпоповщинскія согласія, и въ томъ числѣ бѣг
стали вовсе отрицать и отрицаютъ императорскую власть, находя въ
мыхъ именахъ императоровъ со времени Петра I звѣрино число 666. Н
торые, впрочемъ, царей благовѣрныхъ признаютъ, а императоровъ не
знаютъ. Напримѣръ, одна безпоповщинская раскольница-странница въ п
занiи своемъ говорила: «за благовѣрнаго царя, который дѣлаетъ благія д
Богу, молюсь, но за императора и весь императорскій домъ Богу не молю
въ молитвахъ своихъ не упоминаю». Другіе бѣгуны въ показаніяхъ свои
какъ увидимъ далѣе, вовсе отрицаютъ и царскую и императорскую влас
Мало того, они возстаютъ и противъ всѣхъ тѣхъ, кто молится за царя, «со
раются, говорятъ бѣгуны, въ свое богомерзкое собраніе, за него Бога моля
и молятъ за богоотступника, антихриста молебны и читаютъ тропа
«Господи, спаси державнаго царя нашего, и подаждь ему побѣду на сопр
тивныя». Зрите, богоотчужденные! о какой побѣдѣ молитесь!.. На тѣ
кои, по св. писанію, кроются въ горахъ, въ вертепахъ и земляныхъ про
стяхъ отъ лица его, *и нейдутъ къ нему подъ присягу*, и не даютъ ему *с
души и душевный окладъ* и оброкъ въ смущенную, жидовскую церковь
нихъ вы и молитеся, чтобы ихъ побѣдилъ, плѣнилъ и въ свою обла
присовокупилъ къ вашему богоотчужденному собранію». (Разглагольство
ніе тюменскаго странника, и объ антихристѣ еже есть Петръ I).

Далѣе бѣгуны и всѣ раскольники протестуютъ противъ того, ч
Петръ *«устави сенатъ и синодъ»*. Это протестъ противъ централизаціи нар
ныхъ дѣлъ, гражданскихъ и церковныхъ. Русскіе земскіе люди, изст
привыкшіе *жить на всей своей прежней волѣ, по старинѣ и по пошл*
вѣрные отеческимъ преданіямъ старины, хотѣли мѣстнаго, земскаго са
управленія и *самосуда межъ себя*, какъ въ дѣлахъ гражданскихъ, так
въ религіозныхъ. Старожилы, коренные, *прироженные* русскіе люди, прив
женцы отчей и дѣдней старины, старообрядцы помнили, по преданія
отцовъ и дѣдовъ, и читали въ старыхъ лѣтописяхъ про старинные ю
дическіе земскіе обычаи, *про мірскіе сходы* и согласья въ волостяхъ,
городскія *людскія собранья* или *сходы на думу на вѣча*, про сохранивші
еще въ первой половинѣ XVII вѣка *областные земскіе сходы и собо*
наконецъ, про московскіе *земскіе соборы*. Помнили и въ старыхъ лѣто
сяхъ читали они, какъ предки ихъ, или старинныя городовыя вѣча, нап
мѣръ, псковское и новгородское, и сельскіе мірскіе сходы сами рѣша
даже дѣла церковныя, религіозныя. Помнили они, какъ прежде посад
и крестьяне *судилися сами межъ себя*. И вотъ, когда въ Петербургѣ устро
были сенатъ и синодъ, когда часто стали тянуть ихъ сюда по разнь
дѣламъ, они возопили противъ Петра за то, что *устави сенатъ и син*
Тяжкія истязанія, какія претерпѣвали старообрядцы въ сенатѣ и сино
по дѣламъ старовѣрства и по дѣламъ житейскимъ, особенно укрѣпили
нихъ предубѣжденіе и протестацію противъ обоихъ высшихъ, центральн
правительствующихъ вѣдомствъ. Недаромъ даже солдаты при Петрѣ в
комъ протестовали противъ сената и его злоупотребленій. «Выдалъ шт
въ грацкихъ правахъ,—роптали они въ своемъ подметномъ письмѣ,—учин
сенатъ. Что прибыли? Только жалованья берутъ много. Спросилъ бы у

дного челобитчика, рѣшили-ль хоть одному безволокитно, прямо, да кавъ за такое непослушаніе, хоть одному штрафъ учинилъ». Безпо-дки, какіе господствовали во внутреннемъ устройствѣ и дѣлопроизводствѣ ата и синода въ XVIII вѣкѣ, также усиливали въ расколѣ чувство оппо-іи противъ нихъ. Недостатки эти громко высказывались просвѣщен-ми людьми второй половины XVIII и первой четверти XIX столѣтія. примѣръ, кн. Щербатовъ о сенатѣ писалъ: «почтеніе къ сенату упадаетъ, и подлинно пристрастія и пороки въ сенаторахъ есть, но недовольно, о ихъ охулятъ за оное, надлежало бы проникнуть ихъ начало. Сенаторы, въ уже люди чиновные, бывъ въ столь узкихъ границахъ, властью нералъ-прокурорскою стѣснены, теряютъ нужную бодрость, для государ-веннаго управленія надлежащую. Симъ самымъ показуется, что сіе выс-е правительство не все такъ исполняетъ, какъ надлежитъ; сенаторы дають въ пристрастія и неправосудіе, и тако можно сказать, что сена-ры повреждаютъ сенатъ, а сенатъ повреждаетъ сенаторовъ». О синодѣ VIII вѣка Щербатовъ писалъ: «равное сенату правительство есть синодъ я духовныхъ дѣлъ. Но разсмотримъ и сіе самое, такъ ли учреждено, къ бы надлежало для достиженія до желаемаго конца? Архіереи и дру-духовныя особы, присутствующія въ синодѣ, суть люди почтенные ихъ номъ, а часто и пронырствомъ, сочиняющіе корпусъ между собою, яко зпрестанно борющійся для пріобрѣтенія себѣ больше силы, а въ сопро-вленіе имъ посаженъ одинъ оберъ-прокуроръ, человѣкъ небольшого чина по большей части не случайный при государѣ, то можетъ ли онъ единой лѣ ихъ сана, пронырствамъ и соединенію противиться?» Точно также ператрица Екатерина II, а при Александрѣ I Сперанскій, Мордвиновъ графъ А. Воронцовъ, изображали неустройство и безпорядки сената. слѣдній даже пришелъ къ такому заключенію о сенатѣ: «ежели сенатъ тавить такъ, какъ онъ есть, сдѣлавшись ничтожнымъ, то кажется пона-асну и имѣть оный, и чинить на него издержки». (Прим. на нѣк. ст. с. до Россіи). Если государственные умы, по своимъ просвѣщеннымъ ридическимъ и административнымъ идеямъ и наблюденіямъ, сознавали достатки высшихъ, центральныхъ правительственныхъ учрежденій, то остые люди, старообрядцы доходили до предубѣжденія противъ сената синода путемъ горькаго опыта и разорительно-страдальческаго дѣло-жденія.

Потомъ безпоповцы и бѣгуны возстаютъ противъ новыхъ законопо-женій Петра, противъ составленія «*многихъ регламентовъ*» по духовному по гражданскому расположенію, и противъ многихъ указовъ, разослан-ыхъ по всей Россіи, «съ великимъ угроженіемъ о непремѣнномъ испол-ніи оныхъ». Это прежде всего протестъ народный противъ строгой обя-тельности и санкціи самодержавныхъ императорскихъ указовъ. Встарину, уложенія 1649 года, не разсылались вдругъ по всей Россіи общіе, рого-обязательные нововводительные законы, указы и уставы, а отдава-сь только царскіе указы и грамоты мѣстныя, по мѣстнымъ нуждамъ. притомъ эти указы и грамоты не навязывались областнымъ общинамъ сильно, противъ воли народа, а всегда издавались и присылались въ

области, вслѣдствіе мѣстныхъ, общинно - областныхъ народныхъ чело
ныхъ. Народъ такимъ образомъ посредствомъ общинно - областного ч
битнаго представленія своихъ мѣстныхъ нуждъ и потребностей какъ
участвовалъ въ изданіи указовъ и грамотъ. Это участіе особенно замѣ
было въ изданіи, напримѣръ, уставныхъ грамотъ объ излюбленномъ са
управленіи. Теперь же, при Петрѣ, было совершенно иначе. Вдругъ и стр
предписываются народу до 28 регламентовъ, уставовъ и инструкцій, бо
2,900 указовъ съ 1700 по 1725 годъ. И всѣ эти регламенты и указы вдр
радикально измѣняютъ на совершенно новый, искуственно - чуждый л
все естественно - историческое, вольно-народное земское строенье, в
вѣковой, самобытный, обычный складъ народной жизни. И система рег
ментаціи потомъ ростетъ до чрезмѣрности, до крайняго стѣсненія нар
ной дѣятельности и производительности многосложными кодексами регу
Въ XVIII вѣкѣ только старообрядцы протестовали противъ регламента
Петра Великаго. А въ первой четверти XIX столѣтія и такой просвѣщ
ный и знаменитый государственный человѣкъ, какъ Мордвиновъ, таки
образомъ писалъ объ излишествѣ регламентаціи: «Еще въ правительс
нашемъ съ нѣкотораго времени до излишества воздѣйствовалъ духъ п
разсужденія, *что можно частную пользу управлять регламентами*
уставами. Но по уставу самой природы никакой торгъ, никакое реме
ни художество не могутъ процвѣтать безъ свободы въ дѣйствіяхъ сво
и свобода единственное есть достовѣрное и надежное руководство къ у
хамъ дѣятельности народной. Уставы, нерѣдко содержа въ себѣ проти
рѣчія и недоразумѣнія, требуютъ многихъ толкованій и поясненій, ко
и самое основаніе учрежденія часто совсѣмъ ниспровергается; вообще
они множествомъ и обширностью своею служатъ не къ сокраще
а къ умноженію поводовъ къ злоупотребленіямъ. Правительство не дол
ни въ какомъ случаѣ принимать на себя управленій занятіями и пр
водствами частныхъ людей, ибо сіе значило бы тоже, что и принимат
себя учреждать необъятность видовъ частной пользы», и проч. (О при
разстр. финанс. въ Россіи).

Еще бѣгуны и другіе безпоповцы протестуютъ противъ поголов
народнаго описанія или *ревизіи душъ*. Народъ сразу и очень хорошо по
значеніе нововведенной Петромъ подушной переписи. Онъ искони не лю
поголовнаго *числа*, какъ знака дани. При главномъ, преобладающемъ
ченіи въ древнемъ быту народномъ *земли*, *земскаго строенья*, при всена
ной и общинной принадлежности земли, какъ самаго перваго и общ
естественнаго даннаго источника *животовъ* и *промысловъ*, въ старой,
петровской Россіи народъ выработалъ поземельную писцовую пере
и окладную систему, и привыкъ къ поземельной цѣнности и дани. По
онъ привыкъ и къ подворной переписи, все-таки не касавшейся собств
личности и не нарушавшей общины. Но когда Петръ I ввелъ поду
перепись, народъ возопилъ. Онъ возсталъ противъ ревизіи душъ, во
выхъ, потому, что она, внося каждую душу, каждую личность въ «
писную книгу», прикрѣпляла такимъ образомъ каждую душу, каждую
ность къ государству; во-вторыхъ, на земляхъ служило-вотчинныхъ

ѣпляла каждую душу, каждую личность къ власти помѣщика, и такимъ разомъ завязывала крѣпкій узелъ крѣпостного права; въ-третьихъ, росписывая души или личности по родамъ ихъ службы и занятій, систематически дробила народъ на сословія и закрѣпляла ихъ внутреннюю, корпоративную, или кастальную раздѣльность подушнымъ, поголовнымъ росписаніямъ. Притомъ ревизія душъ производилась не общинами, не выборными отъ народа, а исключительно приказными чиновниками съ военными командами. Наконецъ, подушная перепись или ревизія душъ несогласна была съ народнымъ понятіемъ потому, что брала критеріумомъ податной оцѣнки и сбора душу, неподлежащую цѣнѣ. Вотъ причины, по которымъ не только старообрядцы, но и нестарообрядцы протестовали противъ ревизіи душъ. Такъ Посошковъ писалъ: «во исчисленіи душевномъ не чаю язъ прибытку быть; душа — вещь неосязаемая, и умомъ непостижимая, и цѣны не имущая: надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя. Въ душевномъ слѣдованіи труда много подъято, а казны чаю тысячъ десятка два-три истощилось; обаче чаю я, что она вся пропала». Волынскій, въ инструкціи, данной крестьянамъ въ 1724 году, также возстаетъ противъ *поголовщины*, отстаивая систему писцовыхъ, окладныхъ книгъ. Бѣгуны возстаютъ противъ подушной переписи, какъ знака приписи или прикрѣпленности къ государству или «къ смущенной жидовской церкви антихриста», какъ они выражаются.

Точно въ такомъ же смыслѣ бѣгуны и другіе безпоповцы возставали и возстаютъ противъ *подушной подати и даней многихъ*. Разумѣется, одною изъ главныхъ причинъ этого протеста была тягость для податного народа подушныхъ податей и сборовъ, особенно при Петрѣ и въ XVIII вѣкѣ. И теперь, сплошь и рядомъ, можно слышать вопль о тягости податей и разныхъ земскихъ сборовъ, особенно отъ бѣдныхъ крестьянъ и безземельныхъ мѣщанъ. Но бѣгуны главнымъ образомъ возстаютъ противъ подушной подати опять, какъ противъ явнаго знака подданства, порабощенія душъ антихристу. «Антихристъ души людей подушнымъ окладомъ себѣ подчиняетъ», говорятъ они. Ропотъ ихъ на то, что и *съ мертвыхъ дани истребова*, намекаетъ, кажется, на существующій и доселѣ платежъ подати живыми членами податного семейства за умершихъ, до новой ревизіи.

Около двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія сочинено бѣгуномъ Василіемъ Москвинымъ «Разглагольствіе тюменскаго странника». Въ этомъ сочиненіи изложены тѣже основные догматы, что и въ «Цвѣтникѣ» Евфимія и въ рукописи «Объ антихристѣ, еже есть Петръ I». Весь міръ, по ученію тюменскаго странника, раздѣляется на два царства: на *міръ божій* и *міръ сатанинъ* или *титановъ*. Въ первомъ господствуетъ духъ божій, истинный, животворящій, во второмъ — духъ ложный, противный и убивательный. Въ мірѣ божіемъ находится градъ небесный, Сіонъ, гдѣ пребываютъ бѣгуны; въ мірѣ сатанином — великій градъ темный Вавилонъ, гдѣ обрѣтаются невѣрные, злочинные, пустопопы, кони сатанины; въ первомъ праздники божественные, во второмъ праздники табельные, табачные.

Въ «Вавилонѣ (т.-е. въ Россіи), по личному мнѣнію тюменскаго странника, управляетъ всѣми людьми антихристъ, который господствуетъ не

духовно, а тѣлесно и видимо, а именно съ 1666 года, когда испол
число имени его, или 666. Воплотился антихристъ въ началѣ въ
беззаконной троицы: царя Алексѣя Михайловича, и Никона, и спра
книгъ Арсенія Грека. Послѣ того антихристъ постоянно обновляет
верховныхъ властяхъ. Русское правительство, по ученію тюменскаго
ника, есть собраніе слугъ антихриста, который въ первомъ своемъ
вленіи (въ лицѣ Петра I) устроилъ *иносказательный духовный*
и въ немъ поставилъ «богоотчужденное нѣкое зерцало», а въ зе
написалъ богопротивный человѣкъ, сирѣчь Петръ I, ихъ законов
и пастырь, и новый Христосъ, сирѣчь антихристъ». «Во всѣхъ пр
ственныхъ мѣстахъ, — говоритъ тюменскій странникъ, — *судятъ и*
ряжаютъ по своей похоти, по злату и сребру, по мѣшкамъ и по што
и между судей пребываетъ и распоряжается противникъ божій, отец
дьяволъ».

Русскіе законы тюменскій странникъ называетъ *кривосказател*
книгами [1]), святѣйшій синодъ — *жидовскимъ синедріономъ*, правительству
сенатъ — *антихристовымъ совѣтомъ*. Въ словѣ *сенаторы* бѣгуны у
ваются отыскать число звѣрино 666, почему пишутъ не сенаторы, а *се*
и такъ вычисляютъ: $с = 200 + е = 5 + н = 50 + а = 1 + т = 300 + р =$
$+ і = 10 = 666$.

Все ученіе бѣгуновъ есть всецѣлое, рѣшительное, дѣятельное
фактическое отрицанье всѣхъ основныхъ началъ и учрежденій им
всей государственной системы. Такъ тюменскій странникъ, какъ
бѣгуны, отрицаетъ *присягу*, отвергаетъ *ревизію душъ*, отвергаетъ *п*
и оброки: «ибо антихристъ души людей подушнымъ окладомъ себѣ п
няетъ». Укоряя раскольниковъ другихъ толковъ, платящихъ государ
ныя подати, тюменскій странникъ пишетъ: «мнятся службу приносити
а сами не зрятъ, кое время достигли, у кого во области находятся,
себѣ въ область предаша, клятвою и присягою обложишася и душ
отдаша, сирѣчь душевный окладъ и оброкъ въ смущенную жидо
церковь: овъ тридесять рублей, овъ 60 рублей, овъ 100 рублей». Пр
присяги бѣгуны и вообще непризнающіе верховной власти раскол
тѣмъ болѣе протестовали, что ихъ часто насильно принуждали прис
Такая присяга сама себя уничтожала, не имѣя нравственнаго осн
въ совѣсти, въ убѣжденіяхъ присягавшаго принужденно. *Паспорты* и
письменный видъ странникъ считаетъ печатью антихриста, толкуя по с
слова апокалипсиса: «дастъ имъ начертаніе на деснѣй руцѣ ихъ и
челахъ ихъ, да никтоже возможетъ ни купити, ни продати, токм
имать начертаніе, или имя звѣря, или число имене его» (апок. XII
17). Подъ числомъ имени его бѣгуны разумѣютъ императорскій ти
употребляемый въ плакатныхъ паспортахъ; начертаніе видятъ въ го

---

[1]) Это сознавала сама великая законодательница Екатерина II, когда, изоб
вообще недостатки законовъ XVIII вѣка, между прочимъ, замѣтила въ нак
1766 года: *„страстные толки часто затмѣвали прямой разумъ законовъ"* и проч. Щ
товъ также *охулялъ* законы (Оправд. моихъ мыслей и проч. Библіогр. Зап. за 1859 г.

венномъ гербѣ. Изображеніе государственнаго герба, въ видѣ двуглаваго ла съ распущенными крыльями и лавровыми вѣнками въ лапахъ, толкуютъ къ: «Орелъ отъ тяжкихъ людскихъ беззаконій крылья свои опустилъ, и ржитъ онъ не скипетръ и державу, крестами увѣнчанные, какъ прежде, времена благочестія, а змѣй антихристовыхъ». Апокалипсическое вы-женіе, что безъ начертанія никто не возможетъ ни купить, ни продать, ранникъ понимаетъ въ томъ смыслѣ, что безъ купеческаго свидѣтельства, зъ свидѣтельствъ гильдейскаго и цехового и безъ паспорта нельзя тор-вать, ни продавать, ни покупать [1]). Стѣснительность паспортной системы, равно и гильдейско-цеховыхъ свидѣтельствъ теперь чувствуется всѣми. трицая всѣ аттрибуты или условія государственнаго вѣрноподданства, странникъ отвергаетъ и рекрутскую повинность, и военную службу. Въ щиту бѣгства изъ солдатской службы странникъ приводитъ слова писанія: на немъ же аще мѣстѣ воя соберутъ, не иди тамо, уклонися же и измѣни, е уснутъ бо аще зла не сотворятъ; отъимется сонъ отъ нихъ, и не спятъ» проч. (Притч. IV, 15—17). Поэтому бѣгуны охотно принимали въ свое бщество бѣглыхъ солдатъ, да и согласье ихъ основано бѣглымъ солда-омъ, и между наставниками ихъ много бѣглыхъ солдатъ. Рекрутскій на-оръ тюменскій странникъ также отвергаетъ. Укоряя раскольниковъ дру-ихъ согласій, онъ говоритъ: «дѣтей ему своихъ въ полки бѣсовскіе про-ожаютъ и снаряжаютъ, какъ и прежде языки, незнающіе Бога». И практи-ескимъ путемъ горькаго опыта податный народъ дознавалъ, ощущалъ, ягостно переносилъ зло рекрутскаго набора.

Наконецъ, тюменскій странникъ, согласно съ Евфиміемъ, говоритъ, то слѣдуетъ или брань творить съ антихристомъ (апок. XII, 7), или бѣ-ать въ горы и пустыни отъ него (Матѳ. XXIV, 16; апок. XII, 14), и про-учитъ про открытую борьбу съ антихристомъ. «Браться съ антихристомъ ткрытою силою, — говоритъ [2]) странникъ, — до времени нельзя; но когда ридетъ время, тогда всякой, записанный въ книги животныя, долженъ олчиться на антихриста, и если кто въ этой борьбѣ будетъ убитъ, тотъ олучитъ такой мученическій вѣнецъ, какого еще никто изъ христовыхъ учениковъ не получалъ». Въ ожиданіи этой борьбы бѣгуны утверждаютъ, то скоро спаситель придетъ съ неба *на бѣломъ конѣ*, сотворитъ брань съ нтихристомъ, что тогда всѣ бѣгуны будутъ въ рядахъ воинства его, и отѣмъ наступитъ царство ихъ, откроется для нихъ давно искомый или рядущій городъ, новый Іерусалимъ при Каспійскомъ морѣ. Оттого-то бѣ-уны туда, въ Астраханскую губернію и другія прикаспійскія мѣста и тремились преимущественно.

Таковы существенные, общіе догматы бѣгуновъ. Кромѣ этихъ основ-ыхъ началъ проявлялись и проявляются нѣкоторые оттѣнки и особен-ости въ ученіи частныхъ наставниковъ. Напримѣръ, Василій, по перекре-

[1]) Въ этомъ образѣ мыслей бѣгуны тѣмъ болѣе утверждались, что начальство, собенно въ прошломъ столѣтіи, часто притѣсняло купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ въ ыдачѣ имъ паспортовъ на отпускъ для торговли и промысловъ. (См., напр., донесеніе Державина, въ Архивѣ Калачова, 1859 г. кн. 2, XIV, 21—22).

[2]) Срв. подобную цитату выше. *В. С—въ.*

щеньи Иванъ Петровъ, крестьянинъ изъ села Краснаго, Костромского уѣзда, учившій въ домшинской волости Вологодскаго уѣзда и въ Пошехонскомъ уѣздѣ, проповѣдывалъ своеобразный соціализмъ: воспрещалъ собственность и обращалъ личное имущество странниковъ въ пользу всей общины. Кромѣ того, онъ запрещалъ принятіе денегъ, какъ заклейменныхъ антихристовою печатью. Другіе учителя нападали на греко-россійскую вѣру. Напримѣръ, очень даровитый и начитанный ярославскій мѣщанинъ Мокей Федоровъ говорилъ: «Греко-россійская вѣра есть вѣра гражданская, мірская, не на правомъ, искреннемъ убѣжденіи основанная, но служащая правительству для поддержанія порядка и богопочтенія къ земной власти».

Нравственный характеръ и бытъ бѣгуновъ вполнѣ сообразенъ съ ихъ ученіемъ. Основной догматъ ихъ о спасительности странства, бѣгства совершенно расторгаетъ между ними семейную замкнутость, возвѣщаетъ эманципацію членовъ семейства и свободный выходъ изъ дома на всѣ четыре стороны. Тогда какъ въ православномъ купечествѣ, напримѣръ, по домостроевскимъ понятіямъ и обычаямъ, господствуетъ крѣпкая семейная заключенность, и дѣти находятся почти въ крѣпостной зависимости отъ деспотической власти отцовъ, у бѣгуновъ, напротивъ, свободно расторгается семья: не только сынъ, но и дочь уходитъ съ любимымъ бѣгуномъ куда угодно. Примѣры бѣгства дочерей изъ отеческихъ домовъ съ бѣгунами-любовниками въ исторіи странниковъ повторялись нерѣдко. Напримѣръ, съ бѣгуномъ сибирскимъ, бѣглымъ казакомъ Овчинниковымъ, находилась въ странствѣ дочь тюменскаго купца Опрокидникова, Надежда Яковлева. Въ него же влюбилась и съ нимъ странствовала дочь сопелковскаго крестьянина Ивана Егорова Панова, Марья. Вообще, рѣдкій наставникъ бродяжничалъ безъ любовницы. Намъ доводилось читать любопытную исповѣдь одного наставника бѣгуновъ, какъ онъ съ своей любовницей наслаждался поэзіей любви въ лѣсахъ, подъ тѣнью деревъ и проч. Иногда эти любовницы проявляли рыцарскій героизмъ. Напримѣръ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ извѣстный наставникъ бѣгуновъ, Василій Горбунчикъ, былъ пойманъ въ Ярославлѣ и по судебному рѣшенью сосланъ въ закавказскій край. Любовница его, странница Марья Васильева, съ соучастіемъ бѣглаго раскольника Афанасія Григорьева, освободила его съ неимовѣрною смѣлостью. На парѣ лошадей она догнала этапъ, въ которомъ шелъ Василій Петровъ Горбунчикъ, близъ Переяславля. Марья Васильева пѣшкомъ провожала Горбунчика. Они отстали отъ этапа, оставаясь подъ надзоромъ одного конвойнаго, не подозрѣвавшаго злонамѣренности со стороны добродушныхъ, повидимому сострадательныхъ людей. Марья Васильева и Афанасій Григорьевъ воспользовались безпечностью конвойнаго, выхватили у него ружье, бѣглецы съ арестантомъ бросились въ телѣгу, и хотя за ними погнались верховые, но смѣлые раскольники успѣли ускакать и спрятаться въ лѣсу. Тамъ они переодѣлись и, бросивъ лошадей, возвратились къ своимъ пристанодержателямъ.

Многое можно бы сказать о замѣчательныхъ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ избранныхъ бѣгуновъ. Это необыкновенная смѣлость, энергія, удаль, нерѣдко богатырская, эта хитрая, ловкая вывертливость

находчивость въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, эта изумительная ...ѣтливость, изобрѣтательность и удаль, съ какою бѣгуны освобождаются ...ъ остроговъ и тюремъ, эти похожденія, исполненныя борьбы и разно...бразныхъ приключеній: все это могло бы составить сборникъ любопыт...ѣйшихъ и характеристическихъ былинъ и народно-физіологическихъ ...черковъ. Но для этого нужны особыя изысканія и очерки. Въ настоя...щемъ очеркѣ мы отмѣтимъ два-три факта, изображающихъ нравственный ...арактеръ бѣгуновъ. Въ высшей степени поразительна эта закаленная, ...вердая, упорная выдержанность отрицанья, какую обнаруживали бѣгуны ...а судѣ. Напримѣръ, бѣгунъ крестьянинъ Емельянъ, по перекрещенью ...Мефодій, Герасимовъ, на допросѣ передъ слѣдователями, такъ смѣло ... прямо говорилъ въ своемъ показаніи: «Отъ лѣтъ Никона патріарха цари ...а благочестивые не почитаю, а за богоотступники, сопротивники, анти...ристы; гражданская власть — такожде антихриста слуги; духовная власть — ...ожные пророки и еретики; за царя я Бога не молю и молить не буду, ... власть его надъ собою не почитаю, но токмо надъ собою къ душевному ...пасенью власть признаю царя небеснаго; а церковь великороссійскую за ...святую не признаю и у еретиковъ на духу отъ роду не бывалъ, потому ... не почитаю за святое». Содержавшійся въ корчевскомъ тюремномъ замкѣ ...ъ 1840 году бѣгунъ, крестьянинъ Тверской губерніи, Корчевскаго уѣзда, ...еревни Завражья, Стефанъ, по перекрещеньи Иванъ Кононовъ, по мани...фесту, состоявшемуся въ 1841 году, былъ освобожденъ; потомъ, послѣ ...вторичнаго побѣга, опять былъ пойманъ, и при слѣдствіи объявилъ, что ...нъ христіанскаго исповѣданія, государя и всѣ установленныя имъ вла...сти считаетъ раскольниками, что хотя онъ освобожденъ по манифесту, ...о манифестъ этотъ за милость не признаетъ, потому что благодѣяніе ...дано государемъ не по душѣ, а по плоти». Въ 1841 году былъ пойманъ ...ъ Нижнемъ-Новгородѣ бѣгунъ, крестьянинъ Кинешемскаго уѣзда, села ...Вичуги, Прокофій Васильевъ Царевъ. При допросѣ онъ объявилъ, что ...государя императора, учрежденныхъ имъ властей, законовъ духовныхъ ... гражданскихъ, судебныхъ мѣстъ и самыхъ помѣщиковъ не признаетъ ... не повинуется имъ, объясняя при этомъ, что на небеси есть царь цар...ствующихъ, а на землѣ онъ самъ себѣ царь и іерей». Бѣгунъ Дементій ...Петровъ, выдерживая твердость подобныхъ отвѣтовъ передъ судомъ, отвер...галъ всякую пищу, довелъ себя до чахотки и умеръ. А вотъ показаніе ...женщины, бѣгунши, хотя и не отличающееся рѣзкостью отрицанья, но ...также достойно вниманія по прямотѣ отвѣта и для дополненія характери...стики женщинъ-странницъ или бѣгуншъ: «Матрена (а по христіанскому наи...менованію Улита) Тимофеева Ширяева, отъ роду имѣю сорокъ лѣтъ, гра...мотна, христіанка; на исповѣди и у святого причастія не бывала, что такое ...значитъ исповѣдь и святое причастіе — понятія не имѣю; церковь божію ...признаю за истинную, православную, но молиться въ оную не хожу, ...потому что служители ея крестное знаменіе творятъ щепетью, не соблюдая ...святой троицы, и богослуженіе производятъ противъ солнца; за благовѣр...наго царя, который дѣлаетъ благія дѣла, Богу молюсь; но за императора ... весь императорскій домъ Богу не молюсь и въ молитвахъ своихъ не

упоминаю; мощи святыхъ угодниковъ не признаю; что такое имен мощами — не знаю: нигдѣ о таковыхъ въ книгахъ исповѣдываемой христіанской вѣры не читывала; христіанкою себя именую по тому, Христосъ пострадалъ за родъ человѣческій и умеръ на крестѣ... На тому лѣтъ двѣнадцать была судима за семилѣтній побѣгъ изъ мѣст тельства своего для богомолья въ лѣса и уклоненіе въ поморскую с но по данной правительству подпискѣ быть попрежнему въ правовѣр оставлена отъ дѣла свободною. Послѣ освобожденія изъ кунгурскаго ремнаго за́мка за первый побѣгъ я проживала семь лѣтъ въ домѣ р телей своихъ, ходила въ православную церковь молиться Богу; но свят таинъ не приобщалась и побуждаема къ тому не была, а какъ зная, истинная христіанская вѣра соблюдается въ лѣсахъ, и исполнители отъ міра бѣжатъ, то назадъ тому три года, передъ праздникомъ I пророка, изъ дому отца своего скрылась вторично; скитаясь по л пришла на ключъ, впадающій въ рѣку Березовку, и отыскавши удо мѣсто, основала земляную келью... куда пришла ко мнѣ дѣвица Ма Маракулина; по окончаніи кельи мы именовали себя христіанскими нами: я называлась Улитой, а дѣвица Марфа — Анной... Обрати попрежнему въ православіе не желаю, потому что, совращаясь дважды расколъ, не смѣю надѣяться болѣе на покровительство закона. На данные мнѣ вопросы отвѣтствую по чистой совѣсти, справедливо, въ собственноручно и подписуюсь. Къ симъ отвѣтамъ крестьянская д Матрена Ширяева по упрямству своему руки не приложила и прило таковую никому не довѣрила».

Въ заключеніе, для дополненія характеристики ученія и религі политическаго характера бѣгуновъ, приведемъ *полемическое сочиненіе тивъ странниковъ*, неизвѣстно кѣмъ написанное — православнымъ бѣглопоповцемъ. Сочинитель пишетъ: «Можетъ быть скажетъ намъ ст никъ, что отъ царей тогда такъ (христіанами странники) названы б однако сего утвердить не можно, чтобы и сами такъ никогда не ца цались... Мы не дерзаемъ возставлять крамолу на властей, якоже ст ники... Отъ того, еже злорѣчится нынѣ христіаномъ раскольниками, отъ небывалаго нѣкоего и внезапнаго клича ужаснены будучи стран нарушили всякое благочиніе и вѣчный законъ христовой церкви поставя сіе довольною причиною не точію непокоренія властемъ, но ственною виною погибели христовой церкви, и составили новый ст ническій сонмъ, все растерзали и попрали въ церкви. Сія ихъ зость второкрещенья и верхъ всякаго ихъ законоположенія соверш ихъ отчуждали отъ всякаго вѣрныхъ присвоенія... Я не знаю, терпѣвала ли когда церковь отъ хулителей своихъ такія хулы и ризны, каковыя сѣмя ея терпитъ нынѣ отъ сихъ христіано-хулител странниковъ. Не вѣмъ, тщился ли кто такъ отъ еретиковъ разс свою прелесть, какъ сіи. Они праздны будучи и бездѣльны и нево нуты никакими законами, успѣшно исполняютъ, какъ мнятъ, дѣло повѣданія истины. И въ малое, какъ извѣстно намъ, время, отъ 7332, аки вины преткновенія ихъ, день отъ дня вяще и вяще

ся въ количествѣ. Яко болѣе 500 нынѣ быти числу ихъ какъ сами ваютъ...

Странники не только что отвергаютъ *повиновеніе свѣтской власти, но хъ оной повинующихся,* аще и въ тѣлесныхъ, *облагаютъ судомъ отступства и погибелью*... Вопроси странника: кто основалъ вашу церковь? лжны ли будутъ рещи, яко отецъ Евфимій? Странники церкви и истин крещенію ругаются, перекрещиваются, ибо прежде начальникъ ихъ имій крещенъ былъ истиннымъ крещеніемъ, но потомъ наругался самокрещеніемъ и прочимъ показалъ примѣръ». Далѣе обличитель ваетъ странниковъ разбойниками: «разбойники суть, понеже виновны ютъ погибели не только душевной, но и тѣлесной, за непризнаніе собою человѣческой власти и за непокорство въ тѣлесныхъ; краники суть, понеже крамолу на властей выдвизаютъ; отступники суть, же отступили отъ православной христовой церкви, и не хотятъ выдавласти даней, уроковъ, чести и страха, якоже и ересеначальникъ ибо не только странники удаляются, отступаютъ мѣста отечества ихъ, о отеческаго права, ибо во всѣ времена никто не узаконивалъ, чтобъ ъ бѣгать и удаляться домовъ своихъ... Развѣ токмо самая празд учитъ ихъ обходить всюду грады и веси и всѣхъ развращать своимъ іемъ. Самъ Христосъ нижайшее состояніе рабства себѣ избра: отъ го рожденія своего вписанъ рабъ быти и данникъ Кесаря; власти ря и Пилата ни въ чемъ не противился. Развѣ только скажутъ на гранники, что не своею волею Христосъ въ рабѣхъ кесаревыхъ напи- а по силѣ повелѣнія, но и сіе мнѣніе несогласно евангелію... Наши зумленные странники обвиняютъ насъ и всю церковь, которая во гонительныя времена не отверглась ярма рабства, даней и властей ихъ... Какой извѣтъ непослушанія своего дадутъ странники? Если утъ, что власти тогда были не таковы, какъ нынѣ; но властей въ то і, когда апостолы поучали повиноваться властямъ предержащимъ, емъ мірѣ не бѣ православныхъ, но вси идолослужители, даже до тантина великаго... «По ученію странническому нигдѣ же нѣсть въ неодолѣемой церкви, повсюду то ересями, то гоненіями есть одолѣна, и въ самой Россіи, отъ временъ Петра I и бывшей отъ него второй зіи и записанія ради въ расколъ одолена и погибла, якоже увѣряютъ насъ въ томъ своими тетрадями; наипаче же и самымъ дѣломъ дока- то начальникъ ихъ Евфимій: основалъ на себѣ новую бѣгствующую овь. И если о себѣ скажутъ, что они потомки древнихъ россійскихъ тіанъ, не писавшихся въ ревизіи, то и сіе лжа есть, ибо Евфимій ѣ не нашелъ незаписанныхъ въ расколъ по 2-й и по 3-й ревизіи; и же кто и былъ отъ укрывающихся, то отъ записанныхъ не раскались. Бѣгуны говорятъ, что погибла церковь во вторую ревизію, ую въ 1744 году, и что до 1782 года, въ теченіи 38 лѣтъ, отъ второй іи до самокрещенія евфиміева, церковь укрывалась гдѣ нибудь».

Умственныя направленія русскаго раскола [1]

Въ то время когда наше мыслящее меньшинство начинаетъ заду ваться, по примѣру европейскихъ умовъ, надъ будущностью рабочихъ родныхъ силъ, надъ этимъ великимъ вопросомъ, стоящимъ теперь, по х идей и по логикѣ событій, на очереди историческаго рѣшенія, — дума ли хоть какую нибудь думушку о своемъ рабочемъ житьѣ-бытьѣ огром масса нашего простого, рабочаго народа? Масса, чернь, — говорятъ о ревнители новаго будущагѡ,—это тяжелый, несворотимый тормазъ на п прогресса, это страшная, темная сила, враждебная меньшинству лучши новыхъ генерацій, враждебная наукѣ и развитію. Масса, народъ, — го рятъ другіе, — это свѣжая, непочатая почва для цвѣтущаго разви вѣчный родникъ новыхъ, свѣжихъ, самостоятельныхъ силъ національн прогресса, источникъ своеобразныхъ коренныхъ началъ и основъ само ной, національной гражданственности. Что же такое, въ самомъ дѣ масса простого, рабочаго народа въ дѣлѣ прогресса? Есть-ли въ ней са хоть какіе-нибудь зачатки движенія? Заглянемъ въ индустріальную и ственную лабораторію нашего простого, рабочаго народа, въ область работы и мысли, и посмотримъ, есть ли тамъ хоть какое-нибудь интел туальное движеніе.

Въ промышленной и рабочей лабораторіи нашего народа, въ сферѣ труда мы мало замѣчаемъ признаковъ умственнаго движенія. Раб вопросъ, такъ разносторонне и глубоко разработанный на западѣ и звавшій тамъ уже разнообразныя и могучія ассоціаціи народнаго труд самообразованія, — этотъ вопросъ нимало не занимаетъ умы нашего р чаго народа, нисколько не возбуждаетъ его мысли. У насъ еще кр мало развитъ, даже въ численномъ отношеніи, тотъ промышленный кл народа, въ которомъ обыкновенно прежде и болѣе всего, чѣмъ въ ост

---

[1] Напечатано въ журналѣ „Дѣло" за 1867 г. № 10, стр. 319—348, № 11, 138—168 и № 12, стр. 170—200 (цензурныя дозволенія на выпускъ въ свѣтъ озн ныхъ книжекъ отъ 12 октября, 16 ноября и 19 декабря 1867 г.; редакція Н. Шуль Примѣчаніе духовнаго цензора на стр. 331 журнала здѣсь пропущено за его добностью; оно попало въ свое время въ статью Щапова, надо полагать, ради с сенія отъ крайностей изуродованія текста. *В. С—въ.*

массѣ народа, пробуждается интеллектуальная жизнь,—именно классъ
ично-заводскій и ремесленный. У насъ еще только 1 фабричный рабочій
одится на 112 человѣкъ жителей, тогда какъ во всей Европѣ прихо-
я, среднимъ числомъ, на 30,5 чел. жителей, а, въ частности, въ Англіи
бричный приходится на 8,3 чел. жителей, въ королевствѣ саксон-
ъ на 14,4, въ Швейцаріи на 15,8, въ Бельгіи на 17 чел.; жителей,
Франціи на 25, въ Пруссіи на 26, въ Нидерландахъ на 32, въ Австріи
3, въ Италіи на 61 чел.; даже Испанія и та въ этомъ отношеніи
етъ посоперничать съ нами, у ней 1 фабричный рабочій приходится
9 чел. жителей. Такъ же мало у насъ простыхъ ремесленниковъ
тношенію къ общей цифрѣ населенія. По приблизительнымъ вычисле-
ъ Гауснера, 1 ремесленникъ приходится, среднимъ числомъ, для всей
опы, на 23 чел. жителей; въ Англіи, Франціи, Бельгіи, Пруссіи,
ерландахъ, Баваріи, Саксоніи и др. 1 ремесленникъ приходится почти
5 чел. жителей; въ Швейцаріи, Австріи, Германіи, Даніи, Испаніи
39 и менѣе, въ Португаліи на 50 чел., въ Норвегіи и Греціи —
ги на 60 чел., — а въ Россіи на 75 чел., т.-е. число ремеслен-
овъ почти въ 4 раза меньше средняго числа ремесленниковъ для всей
опы, и въ 5 разъ меньше общаго числа ремесленниковъ въ Англіи,
нціи, Бельгіи и т. п. [1]). При такой неразвитости промышленныхъ силъ
сіи вопросъ труда и общественнаго его значенія для рабочаго класса
ется вопросомъ темнымъ; а это отражается и на застоѣ нашей такъ
ываемой черни; потому что вездѣ и всегда городскіе фабрично-реме-
нные классы стояли во главѣ умственнаго движенія простого народа.
родскія, промышленныя общины, говоритъ Риль, суть сила соціальнаго
женія, а земледѣльческія общины — сила соціальной инерціи, застоя.
тѣхъ проявляется самосознаніе, а въ этихъ дѣйствуетъ больше инстин-
вность. Старыя легенды, старыя суевѣрія у нихъ сохраняются дольше». [2])
рода, — говоритъ Туккеръ, — менѣе благопріятны для здоровья, но болѣе
ютъ средствъ для обезпеченія здоровья; они расширяютъ поле для добро-
ели и порока; они споспѣшествуютъ всякаго рода нововведеніямъ, какъ
рымъ, такъ и худымъ. Любовь къ свободѣ въ земледѣльческой массѣ
ьнѣе и крѣпче, но за то между городскими классами она раціональнѣе,
ѣе и энергичнѣе» и проч. [3]). И у насъ, наибольшее интеллектуальное
витіе, и притомъ между самыми суевѣрными классами народа, замѣ-
тся только въ тѣхъ городахъ, гдѣ наиболѣе развиты промышленность
емесленность, тогда какъ рядомъ въ земледѣльческихъ уѣздахъ господ-
етъ во всемъ упорствѣ суевѣріе. Такъ, напр., въ Казани, городскіе
кольники, промышленники и ремесленники, вѣрятъ въ медицину и въ
ѣзняхъ призываютъ докторовъ, а раскольники — не городскіе медицину
таютъ какою-то чертовщиною, даже избѣгаютъ прививать оспу, не смотря

[1]) Дѣло, № 3-й: Производительныя силы Россіи, 117—118 стр.

[2]) Riehl's, Bürgerliche Gesellschaft s. 39. Его-же Land und Leute s. 144: Land und
t-gemeinden entsprechen dem Doppelzug in der Bürgerlichen Gesellschaft der Mäch-
les „socialen Beharrens" und der „socialen Bewegung".

[3]) Ibid. § 54.

на страшныя и явныя послѣдствія такого упорства; городская, торгово-промышленная раскольничья молодежь почитываетъ ужъ и книги свѣтскаго содержанія, а уѣздные сельскіе раскольники обучаютъ свое юношество еще попрежнему—только по своимъ старымъ церковнымъ книгамъ; городскіе, и именно казанскіе раскольники — купцы и жены ихъ, — не только носятъ европейскій костюмъ, но и бываютъ въ театрѣ, дочери ихъ учатся иностраннымъ языкамъ и музыкѣ, а сельскіе раскольники все это считаютъ бѣсовскою выдумкою, антихристовымъ новшествомъ [1]). Раскольники посада Клинцы, Черниговской губерніи, владѣя многочисленными фабриками, заводами и мастерскими, — всего до 150, — не довольствуясь первоначальнымъ обученіемъ, заявляютъ потребность учредить у себя реальное, техническое училище, гдѣ бы преподавались физика, химія, механика и географія. А уѣздная земледѣльческая масса черниговскихъ раскольниковъ училища считаетъ негоднымъ новшествомъ [2]). Притомъ у насъ и въ мануфактурно-промышленныхъ рабочихъ классахъ, даже въ городахъ, съ восточнымъ тщеславіемъ выставляющихся торгово-промышленными центрами, промышленная интеллигенція, по большей части, до того жалка, что какое-нибудь допотопное, рутинное, патріархальное домашнее хозяйство и самые безъискусственные промыслы еще вполнѣ преобладаютъ надъ всякою ремесленностью, ведущею къ умственному прогрессу и требующею болѣе или менѣе развитой мысли и знанія. Напр., въ Иркутскѣ, который, въ памятной книжкѣ на 1865 г., съ такимъ восточнымъ самохвальствомъ выставленъ умственно-прогрессивнымъ городомъ, до сопоставленія даже съ Петербургомъ,—въ Иркутскѣ изъ числа 69,6% лицъ, занимающихся частною дѣятельностью, приходится на занимающихся торговлею 5,9%, ремеслами 11,7%, *домашнимъ хозяйствомъ*—28,2%, на прислугу, *денщиковъ и чернорабочихъ*—15,7%, на занимающихся частными умственными занятіями—8,2% [3]). Такимъ образомъ изстаринное патріархальное, восточно-обрядовое домашнее хозяйство въ Иркутскѣ, состоящее въ допотопно-рутинномъ, строго-обрядовомъ выполненіи, въ урочное время года, мѣсяца и дня, обычныхъ домашнихъ привычекъ, въ родѣ такъ называемыхъ капустокъ, или въ родѣ обряда суевѣрнаго окуриванія хозяйками съ лихими бабами вѣдуньями отелившихся и нездоровыхъ коровъ и т. п.,— такое домашнее хозяйство занимаетъ въ иркутскомъ промышленномъ обществѣ самое наибольшее число умовъ и рукъ, преобладаетъ надъ всѣми другими экономическими занятіями—ремесленными, фабрично-заводскими, народо-образовательными и т. п., и даже исключаетъ возможность развитія многихъ ремеслъ и въ большинствѣ подавляетъ всякіе умственные, мыслительные интересы. Или въ томъ же Иркутскѣ, отличающемся несравненно больше восточно-купеческою чванною роскошью, чѣмъ умственными интересами, какихъ нибудь каретниковъ больше 200 (рабочихъ 200, мастеровъ 13, учениковъ 44), или извозщиковъ до 130,

[1]) Казанская губ., 472—473.
[2]) Журналъ мин. нар. прос. 1864 г. ч. CXXI, отд. III, стр. 86—87.
[3]) Памятная кн. на 1865 г. ст. 19.

нописцевъ до 20; а слесарей только 6, ткачей, мастеровъ ка-
нныхъ дѣлъ и т. п. — ни одного [1]). Вообще, крайняя малочисленность
шихъ рабочихъ классовъ, ихъ взаимная разрозненность, изолирован-
сть, поодиночность и грубая эгоистическая взаимная нетерпимость,
ключающая раціональную конкуренцію, цеховая, гильдейская и регла-
нтарная стѣсненность и подавленность, вотъ главныя причины мало-
звитости, неподвижности нашихъ рабочихъ классовъ. Занимаясь обыкно-
нно разными ремеслами и промыслами по наслѣдству отъ прадѣдовъ,
довъ и отцовъ, а не по наученію и руководству науки, — наши рабочіе
ассы большею частію не знаютъ никакого выхода изъ этого заколдо-
ннаго круга рутинной промышленной наслѣдственности и традиціи.
и крайней умственной неразвитости они не въ состояніи не только
обрѣтать и развивать, на основаніи естествознанія, новые виды и отрасли
уда, но и не могутъ сознательно дѣйствовать, опознаться въ рутинной
ерѣ старыхъ промысловъ, додуматься до того, какъ выйти изъ этой
етущей рутины. Слышится иногда изъ среды нашихъ рабочихъ классовъ
ухой ропотъ и вопль противъ тяготы, невыгодныхъ условій и разносто-
нней эксплуатаціи труда. Но ропотъ этотъ вызывается вовсе не созна-
мъ лучшаго положенія при другихъ условіяхъ труда, а механическимъ
ѣсненіемъ силъ, даромъ истрачиваемыхъ на рутинные пріемы производ-
ва. Такъ, напр., плавая въ прошлое лѣто на пароходѣ «Енисей» въ ту-
ханскій край, мы слышали, на задней баржѣ парохода, такую жалобу
бочихъ—енисейскихъ мѣщанъ: «совсѣмъ безпользительна и не лучше ка-
ржной наша работа. Впередъ вытаскали на себѣ изъ баржей тысячъ до
пудовъ, да назадъ перетаскали на баржи до 25,000 пудовъ. А дрова-то
скаешь? Но надо идти далеко, сажень съ 200, съ полверсты и болѣе надо
дниматься въ гору, на яръ, лѣзть въ чащу-трущобу такую, что едва
рѣла пройдетъ. Тащишь вдвоемъ-то на своихъ плечахъ пудовъ 10 или 12
ровъ, плечи веревкой изрѣжешь да изотрешь, руки измозолишь да исца-
паешь. И сколько возни-то съ дровами: кладешь ихъ изъ полѣнницъ на
силки, съ носилокъ сбрасываешь въ шитикъ, въ шитикѣ укладываешь,
томъ сбрасываешь съ шитика на баржу, на баржѣ складываешь въ по-
ѣнницы, потомъ опять съ баржи въ шитикъ и на пароходъ. И изъ-за чего
я эта каторжная работа? Все лѣто убьешь, и 50 рублей не заробишь.
у, жалованья 15 рублей, въ 3 мѣсяца, значитъ, 45 рублей, да еще за
дней—всего выходитъ 50 рублей. Да всѣ они давно забраны. «Я за-
алъ, напр., 57 рублей, говорилъ одинъ: значитъ, не только ничего не за-
обилъ, не унесу домой, а еще долженъ хозяину 7 рублей». Другой гово-
итъ: «я остался долженъ рубля 3», третій: «я — 10 рублей» и т. д. Нѣтъ,
го и говоритъ: совсѣмъ безпользительна эта наша плавка. А отъ хозяина
акая милость? «Э, работаютъ», — говоритъ онъ, лежа на боку. А кор-
итъ-то какъ? Въ контрактѣ было ряжено, чтобы каша была 2 раза въ
едѣлю—въ четвергъ и воскресенье, а мы ее и въ глаза вовсе не видимъ;
вядины было ряжено 1½ фунта на человѣка, а даютъ только по 1 фунту

1) См. ту же „Памятн. книжку Иркутск. губ."

говядина такая, что за 2, за 3 сажени нельзя подойти къ ней, а поѣшь ее, такъ отъ тебя заходомъ пахнетъ; теперь и получше говядина, такъ даютъ только по 1 фунту, по полфунту крадутъ, вѣрно наши-то крохи копятъ своимъ дѣтямъ. Въ первые годы былъ чай, а нынѣ только когда отправились изъ Енисейска, раза 2 дали чаю, а теперь его вовсе не видимъ. По всему этому, невольно, въ дорогу-то заберешься, у него же и издержишься кое на пищу, кое на чаишко и на одежу. Онъ же намъ продаетъ, насупротивъ прочихъ, дороже: какія-нибудь рукавицы въ 1 руб. 50 коп. намъ ставитъ въ 2 рубля, сапоги въ $1^1/_2$ и 2 рубля отдаетъ рабочимъ за 4 руб. 20 коп. И рукавицы-то тутъ же, на его жъ работѣ издырявишь, и сапоги-то тутъ же износишь. Въ первые годы хоть съ прикладомъ ходили: насаливали себѣ рыбы пудовъ 10, икры пуда 2 или около. А теперь изъ 50 рабочихъ человѣкъ 15 или 16 только везутъ немного рыбки-то, кто пудъ, кто $1^1/_2$, кто 2 пудика. Остальные—ни фунта, ни косточки не вывезутъ». [1]). И эти же енисейскіе граждане, рабочіе, на слѣдующее лѣто, опять наймутся къ тому же хозяину, забравши у него въ зиму по 3, по 5, по 16 руб. и т. д., рублей до 50 и больше. Нѣкоторые изъ нихъ уходятъ на пріиски, въ тайгу енисейскую. И оттуда выходятъ потомъ съ такимъ же глухимъ ропотомъ. Такъ, напр., на маклаковской станціи, въ 85 верстахъ отъ Красноярска,одинъ выходецъ съ пріисковъ енисейскихъ намъ разсказывалъ: «на пріискахъ народъ хуже скота живетъ, вольная каторга. Казармы—съ землянымъ поломъ; печка въ нихъ въ родѣ котла, испаряетъ вонючую, удушливую прѣль; нары полны грязи. Завалитъ рабочаго землей, — пишутъ: померъ божіею волею. Болѣзни—цынга, водянка и проч. валятъ рабочихъ. Рабочіе — все народъ сердитый. Ну, какъ и не быть сердитымъ? Не выспятся, не наѣдятся хорошенько. Утромъ рано, въ 2 часа, звонокъ будитъ ихъ на работу, и работаютъ они до 8 часовъ. Ѣдятъ одни щи изъ соленой говядины, по 1 фунту говядины въ день. Потомъ—народъ все сбродный изъ разныхъ мѣстъ, разнокалиберный, оттого ссорятся и дерутся между собою и проч. И по выходѣ изъ этой «вольной каторги», весной, рабочіе опять идутъ и нанимаются на пароходъ, а многіе опять и на слѣдующее лѣто идутъ на ту же «вольную каторгу». Такъ бьются наши рабочіе, какъ рыба объ ледъ, вслѣдствіе своей умственной неразвитости, ненаходчивости и недодумчивости. Когда мы сказали рабочимъ на баржѣ: «вы бы подумали, нельзя ли вамъ, путемъ сбереженія, составить складчину и артель и самимъ на судахъ плавать на низъ Енисея за рыбой и пушниной?» «Гдѣ?» сказали рабочіе въ одинъ голосъ: «никакъ не приходится намъ это дѣло; первое, намъ нечѣмъ начать, нечѣмъ заводъ завести, а второе, ты видишь, между нами нѣтъ никакого согласія, видишь, какъ мы то и дѣло ссоримся, да бранимся изъ-за пустяковъ». И дѣйствительно, рабочіе на баржѣ частенько ссорились и ругались между собой. Вообще все сознаніе нашихъ здѣшнихъ рабочихъ, вся ихъ дума о невыгодномъ и неблагодарномъ трудѣ, о рутинной сжа-

[1]) Изъ моихъ путевыхъ записокъ.

и его, о горемычной безъисходности рабочаго житья-бытья ограничи-
ся тупымъ, безсознательнымъ недовольствомъ и ропотомъ.

Итакъ, *въ области нашего промышленнаго труда, рутина и разрозненъ сил составляютъ отличительныя черты застоя.* Заглянемъ же те- въ сферу его умственной жизни.

Здѣсь прежде всего замѣтно какое-то темное броженіе, замкнутое въ у старыхъ, унаслѣдованныхъ съ вѣками понятій и вѣрованій. Въ ѣ простого, рабочаго народа безпрерывно развиваются разнообразныя ія и составляются все новыя и разнообразныя умственно-общинныя асія. Каждое ученіе, каждое согласіе имѣетъ свой отличительный, видуальный умственный типъ и выражаетъ одно какое-нибудь умо-роеніе простого, рабочаго народа. И всѣ они, въ совокупности, пови-му, доискиваются одного какого-то умственнаго и соціальнаго идеала, го для всѣхъ ремесленныхъ рабочихъ общинъ, всѣ болѣе или менѣе лнены «общаго упованія», ожиданій, надеждъ на свое новое, лучшее щее. Загадочны и весьма любопытны эти умственныя блужданія, ки, идеалы и стремленія раскольничьихъ рабочихъ согласій.

Вотъ, напр., такъ называемое «Общее Ученіе» и рабочее согласіе или ство «Общихъ», возникшее въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ товской губ. и особенно распространившееся въ Закавказьѣ, осно-ое молоканами Евсигнеевымъ, Яковлевымъ и Михаиломъ Акинфіе-ъ Поповымъ. Въ этомъ «Общемъ ученіи», изложенномъ въ «Уставѣ анія общаго ученія» Михаила Акинфіева Попова, и въ этомъ рабо-, союзѣ или согласіи «Общихъ» выразился замѣчательный, свое-зный, общинно-устроительный умственный тактъ нашего простого, чаго народа. Здѣсь мы укажемъ только на основныя черты этого щаго ученія», отлагая подробности до особаго очерка секты «Общихъ». дая слобода, по этому ученію, есть особая община. Каждая партія, на рую подраздѣляется союзъ «Общихъ», или каждый домъ составляетъ ь бы домашнюю церковь. Дома для жительства каждой партіи строятся мъ единомышленниковъ одной свободы. Имѣнья, движимыя и недви-ыя, и доходы съ нихъ, принадлежатъ братскому общему союзу, по вненіи каждаго, не разбирая, кто, гдѣ, въ какой странѣ или деревнѣ дится; личной же собственности, ни движимой, ни недвижимой, ни у нѣтъ. Дома, скотъ, земледѣльческія орудія, телѣги, все домашнее хо-тво, земли, сады, огороды, мельницы, пчельники, кожевни, однимъ сло-ъ—все сельское хозяйство и промышленность находятся въ распоряженіи ій, принадлежатъ цѣлой слободѣ, въ которой партіи находятся, и доходы сего этого имущества составляютъ общую сумму общины. У «Общихъ» каждой слободѣ одна общая денежная касса, одно общее стадо, одно общее бопашество и полеводство. Изъ общей кассы, также изъ общаго имуще-а, отпускаются части въ партіи поголовно, на число душъ, по изравненію. кимъ образомъ распредѣляются по партіямъ скотъ, всѣ хозяйственныя ребности, одежда, обувь и проч. А въ каждой партіи выбирается до-шній или земскій распорядитель, сохраняющій все мужское верхнее тье и обувь партіи, домашняя или земская распорядительница, распо-

ряжающаяся женщинами партіи; распорядительница надъ пищею обя
смотрѣть, чтобъ хлѣбъ былъ хорошо испеченъ, пища хорошо сварен
раздавать хлѣбъ и пищу, уравнивая ихъ; наконецъ, всеобщая распор
тельница завѣдуетъ принадлежащимъ партіи всѣмъ бѣльемъ, холстом
рядами, женскими сарафанами, платками, занавѣсками, холодника
проч. Слободы управляются также выборными чинами—судьею, глав
учителемъ и наблюдателемъ общины, жертвенникомъ, распорядите
видѣтелемъ, молитвенникомъ, словесникомъ, членомъ, тайникомъ, мы
никомъ. Всѣ работы, полевыя и домашнія, производятся общими тру
по наряду общинныхъ чиновъ и домашнихъ распорядителей. Въ ка
слободѣ учреждены общія училища, въ которыя обязаны отдавать с
дѣтей всѣ родители «Общаго упованія»: книги и бумаги, потребныя
школъ, покупаются на общественную сумму. «Ученіе Общее» всѣмъ
чимъ проповѣдуетъ братство, символомъ котораго служитъ общее вза
лобызаніе — *соборное*, на общихъ соборныхъ сходахъ всей слободы
машнее—между членами каждой партіи и *единотѣльное*, при входѣ
къ другу въ дома. Бракъ у общихъ не почитается таинствомъ и
шается по одному взаимному согласію молодой четы, и по засвид
ствованію предъ народомъ. Таковы главныя, основныя начала «О
ученія».

Или вотъ другое, не менѣе оригинальное ученіе, возникшее въ
простого народа, именно такъ называемое ученіе *немоляцкое*, распр
ненное, въ 30-хъ годахъ, донскимъ казакомъ Гавриломъ Зиминымъ
этомъ ученіи преимущественно выразилось своеобразное умонастрое
шего простого, рабочаго народа — и, въ частности, размашистое в
думство казачьихъ умовъ. Такъ какъ въ этнологическій составъ дон
казачьяго войска вошло много родовъ калмыцкихъ, татарскихъ и т
кихъ,—то и неудивительно, что на этой этнологической почвѣ воз
такое хладнокровное отрицаніе всѣхъ церковныхъ и гражданскихъ у
деній въ Россіи, какое представляетъ ученіе «немоляковъ». Внѣшнее
ковное богослужебное моленіе, по ученію немоляковъ, съ 1666 года
бы прекратилось, и теперь настало время «умнаго поученія и ума дѣл
церкви или храмы православные — суть простые дома. Посты, а т
праздники, немоляки совершенно отвергаютъ; пищу употребляютъ во в
время, какую хотятъ, не различая постныхъ и скоромныхъ дней. Бра
союзъ заключается у немоляковъ безъ всякихъ чиноположеній и мол
а по одному только обоюдному согласію жениха съ невѣстою и родит
другъ друга же, безъ всякихъ причинъ, нарушающихъ вѣрность суп
ства, оставлять не должны. Умершихъ немоляки погребаютъ безъ вся
пѣній и молитвословій, но какъ можно въ самомъ простѣйшемъ
толкуя, что умершій есть трупъ, земля, и потому поминовенія объ
шихъ никакого не дѣлаютъ. Второе пришествіе Христово и страшный
а также царство небесное, рай и адъ немоляки тоже отрицаютъ.
нецъ, немоляки судятъ, что всѣ власти и учрежденія, какъ основа
яко бы на незнаніи о временахъ вѣка, не могутъ быть дѣйствитель
почему и уклоняются отъ надлежащаго повиновенія имъ. Будучи про

акими понятіями, немоляки и всякую присягу отвергаютъ. Вслѣд-
акихъ убѣжденій немоляки уклоняются отъ точнаго исполненія
нскихъ законовъ, толкуютъ такъ: въ службу государственную, ка-
ы рода она ни была, хотя и можно поступать, но только при неиз-
хъ обстоятельствахъ, именно, если правительство опредѣлитъ пону-
ными мѣрами; но если бы случилось имъ (немолякамъ) стать про-
епріятеля съ оружіемъ, то, по ихъ ученію, отнюдь не должно во-
ься.

ли вотъ, еще странное общество рабочихъ, — такъ называемыхъ
божіихъ и скопцовъ»—общество «*плотничковъ и купцовъ русскихъ*»,
оспѣваютъ себя въ пѣсняхъ скопцы. Въ этомъ обществѣ ориги-
выразился преимущественно восточный умственный складъ вели-
каго рабочаго народа. На «сборищахъ» этого общества рабочіе люди,
ички и работнички божіи» ищутъ прежде всего разгадки и познанія
общей и частной судьбы», посредствомъ восточнаго финско-русскаго
ства, облеченнаго въ форму восточнаго *лжепророчества*. Просто-
е рабочіе люди божіи отъ души вѣрятъ, что самъ

Милосердый ихъ отецъ,
Всѣхъ пророковъ избираетъ,
На святой кругъ поставляетъ,
Духа въ нихъ вселяетъ,
Судить судьбу благословляетъ.

гнетенные, подавленные вѣковымъ крѣпостнымъ рабствомъ, — «пло-
», по своему восточному умонастроенію, съ востока ждутъ своего
теля и рѣшенія «общей судьбы».

Красно солнышко засвѣтитъ,
Теплой воздухъ разольется,
То нашъ батюшка страдатель,
По сырой землѣ катаетъ,
Своихъ вѣрныхъ собираетъ
Изъ всѣхъ четырехъ странъ,
Не убоясь черныхъ вранъ,
Тюрьмы, остроги отворяетъ
На себѣ все вподымаетъ,—
Всѣ печали и труды.

а сходбищахъ рабочаго согласія людей божіихъ и скопцовъ,—соби-
все больше простые рабочіе—«*плотнички*», и думаютъ думу.

Сидятъ *плотнички* московскіе,
Московскіе, петербургскіе.
Они думу думаютъ за едино:
Ужъ какъ намъ быть,
По синю морю плыть
Супротивъ волны . . .

ѣснѣ доревенской, простонародной, какую поетъ рабочій людъ на
и по праздникамъ, на веселыхъ игрищахъ и сборищахъ, пѣснямъ и

хороводнымъ плаекамъ «дѣвицъ»,—рабочее согласіе людей божіихъ и
цовъ даетъ религіозную санкцію.

Добрымъ молодцамъ лжепророчица, какъ ворожея, предсказыв

Будешь батюшкинъ пѣвецъ,
Будешь на разные голоса распѣвать...

Обремененные повседневною необходимостію—въ потѣ лица выраб
вать хлѣбъ, и, наконецъ, лишенные такихъ общественныхъ удовольс
какими наслаждается и экзальтируется высшее, не рабочее общест
«плотнички», рабочіе люди божіи ищутъ въ своихъ собраніяхъ духов
утѣшенія и увеселенія. Собравшись вмѣстѣ съ «дѣвицами» и сплет
въ дружный хороводный кругъ,—они все поютъ и поютъ, да пляш
вдохновляясь надеждою узрѣть какого-то своего батюшку искупител

Но эта странная, экзальтированная, шаманско-лжепророчествую
секта нашего простого народа въ то же время преисполнена, какъ сей
увидимъ, самыми мрачными заблужденіями, порожденными восточн
вліяніемъ.

А что это еще за круги мужчинъ и женщинъ въ поляхъ, подъ от
тымъ небомъ, среди зелени, цвѣтовъ и лѣса? Это—собраніе духоборче
И тутъ все одни рабочіе, и преимущественно земледѣльцы и садовод
Отрицая храмы и всю церковную внѣшность, они поютъ псалмы и п
духовныя въ полѣ, подъ открытымъ небомъ, въ храмѣ природы. Дух
ческая община, также какъ и согласье «общихъ» — это община рабо
людей [2]). Въ запискѣ о духоборцахъ, подъ заглавіемъ: «Нѣкоторыя ч
объ обществѣ духоборцевъ», написанной, вѣроятно, Лопухинымъ въ 18
такъ изложена сущность ученія и внутренняго устройства духоборче
общины на Молочныхъ водахъ: «наиболѣе уважаемая, по ученію и въ ж
духоборцевъ, добродѣтель, есть братолюбіе. У нихъ нѣтъ между собою
ственности, но каждый имѣніе свое почитаетъ общимъ. По переселені
на Молочныя воды, они доказали это и на самомъ дѣлѣ: ибо они
жили тамъ всѣ свои пожитки въ одно мѣсто, такъ что теперь у
тамъ одна общая денежная касса, одно общее стадо и въ двухъ селен
два общихъ хлѣбныхъ магазина; каждый братъ беретъ изъ общаго им
все, что ему ни понадобится.

«Въ обществѣ ихъ нѣтъ никакихъ старшинъ, которые бы управ
и распоряжали обществомъ; но общество управляетъ всѣмъ и кажд
Письменныхъ постановленій и правилъ также нѣтъ у нихъ никак
Судя по обыкновенному духу простого народа, въ обществѣ духобор
должно бы, кажется, быть разногласіе и безпорядокъ; однакожъ та
безпорядка никогда еще у нихъ не замѣчено. На Молочныхъ водахъ

---

[1]) Поселенные на Молочныхъ водахъ, духоборцы преимущественно занима
земледѣліемъ: они особенно любятъ его.

[2]) „Общіе“ и „духоборцы“ основываютъ свою общину на ученіи, заключаюш
въ Дѣяніи гл. 2 ст. 44 и 45: „и имяху вся обща, и стяжанія и имѣнія продаях
... всѣмъ, его аще кто требоваше“.

хъ и даже до пяти многолюдныхъ семействъ, уживаются въ одной ьшой избѣ. Духоборцы общительны и дружелюбны между собой. і дѣлаютъ у себя собранія, приглашая къ себѣ собратій. И если ое собраніе дѣлаетъ недостаточный, который не имѣетъ чѣмъ стить собравшихся къ нему, то прочіе доставляютъ ему нужную ужину пищу, или иногда приносятъ ее съ собой. Пришедши въ собра- они привѣтствуютъ другъ друга—мужчины мужчинъ, а женщины нщинъ, взявшись другъ съ другомъ правыми руками, дѣлая другъ другу поклона и цѣлуясь троекратно: рука за руку берутъ въ знакъ союза бви, благовѣщанія и познанія разума. Страннопріимство также не по- дняя между ними добродѣтель: съ проѣзжающихъ чрезъ ихъ селенія не берутъ ничего — ни за постой, ни за пищу. Для проѣзжающихъ у хъ на Молочныхъ водахъ построенъ былъ особый общественный домъ. ближнему духоборцы сострадательны: само мѣстное начальство, при хъ взводимыхъ на нихъ обвиненіяхъ, не одинъ разъ засвидѣтельство- о предъ высшимъ начальствомъ, что они въ нуждахъ оказываютъ жнимъ пособіе и великія благотворенія; они жалостливы даже къ до- шнему скоту: ибо почти никогда не бьютъ его. Наказаній между братьи нѣтъ никакихъ, кромѣ исключенья изъ общества, и это исключенье ваетъ за самыя явныя преступленія. Бракъ они не почитаютъ таин- омъ, и совершается онъ у нихъ по одному взаимному согласію молодой ы. Такъ какъ между духоборцами нѣтъ никакого предпочтенія по бо- ству и по знатности фамилій, то родители у нихъ вовсе не вмѣшиваются браки. Церемоній и обрядовъ при томъ также никакихъ не бываетъ: таточно для брака согласія молодыхъ супруговъ и обѣщанія жить вмѣстѣ: тогда объявляютъ они родителямъ и братіи, и живутъ вмѣстѣ. къ скоро мужчина познаетъ дѣвицу, будетъ съ нею въ тайномъ союзѣ,— онъ уже не можетъ отказаться имѣть ее и своей женой: въ про- вномъ случаѣ онъ исключается изъ общества. Этому же наказанію двергаются и прелюбодѣи, если бы они случились между ними. Разводъ, намѣреніи вступить въ новый бракъ, у нихъ никогда не бываетъ: ибо считается уже прелюбодѣйствомъ. Но если бы обѣ стороны пожелали знать другъ друга для чистоты, то это конечно зависитъ отъ нихъ нихъ. Женщины у нихъ призваны на учительство: ибо, говорятъ они, и нщины имѣютъ разумъ, *а свѣтъ въ разумъ* [1]). Относительно ученія ду- борцевъ, Лопухинъ, въ выпискѣ своей о духоборцахъ, составленной имъ и первомъ его донесеніи императору Александру I изъ Харькова отъ января 1801 года, между прочимъ, сообщаетъ: «Царское достоинство иписываютъ единому токмо Богу, впрочемъ разумнѣйшіе изъ нихъ при- ютъ за нужное для развращенныхъ людей на землѣ власть верховную, отличая оной отъ прочихъ человѣковъ, и государю дотолѣ токмо пови- ваться должно, доколѣ повелѣнія его согласны съ истиною и съ волею всочайшаго Существа; почему и всѣ духовныя ихъ пѣсни составлены изъ

---

[1]) Лѣт. Литер. 1859 г. отд. III стр. 5—19; нѣкоторыя черты объ общинѣ духобор- цъ—записка 1805 г.

псалмовъ, болѣе относящихся къ единству Бога и къ верховно[
правительству надъ вселенною. Подать давать и защищаться отъ н[
теля считаютъ за должное; но всякое нападеніе, хотя бы то было п[
велѣнію начальниковъ, отвергаютъ» [1]).

И много еще есть другихъ, не менѣе оригинальныхъ умстве[
оттѣнковъ въ разныхъ отрасляхъ русскаго раскола. Въ настояще[
время расколъ представляетъ два основныхъ корня, изъ которыхъ [
лись и развиваются всѣ новыя умственныя направленія и оттѣнки [
образной раскольничьей мыслительности. Безпоповщинское, поморск[
гласіе представляетъ основной корень, изъ котораго развиваются гла[
образомъ секты отрицанія, секты, которыя и теоретически, учені[
фактически, въ жизни, отрицаютъ общепринятый существующій пор[
Таковы, напр., секты — нѣтовщина, бѣгуны, немоляки и т. п. Молока[
духоборческое ученіе, возникшее отчасти подъ вліяніемъ западны[
стико-соціальныхъ идей, характеризуется главнымъ образомъ полож[
нымъ, общинно-устроительнымъ умственнымъ направленіемъ, и п[
служитъ источникомъ сектъ и ученій общинно-устроительныхъ.
изъ этого ученія развилось «Общее ученіе» и «Согласье общихъ».

Вообще же, умственное движеніе русскаго раскола предста[
четыре главныя характеристическія направленія. Во-первыхъ, *азіат[*
ликорусское, шаманско-пророческое умонастроеніе, господствующее въ
такъ называемыхъ людей божіихъ и скопцовъ; во-вторыхъ, *западно[*
корусское, или духовно-общинное направленіе, выразившееся въ с[
духоборческихъ и особенно въ такъ называемой сектѣ «Общаго у[
или «Общихъ»; въ-третьихъ, *византійско-великорусское*, церковно-гра[
ческое умонастроеніе, преобладающее въ поповщинѣ и во многихъ с[
безпоповскихъ, особенно въ поморской; и, наконецъ, въ *мистико-с[*
ческій образъ мыслей, проявившійся, напр., въ сектѣ «немоляковъ». [
стоящемъ очеркѣ мы разсмотримъ историческое развитіе и умств[
складъ общества людей божіихъ и скопцовъ.

Секта людей божіихъ и скопцовъ

I

Историческое развитіе восточно-великорусскаго, шаманско-пр[
скаго міросозерцанія русскаго раскола представляетъ два періода: п[
собственно *кудеснической* и *шаманскій*, продолжавшійся до появленія во[
расколо-учителей (до конца XVII вѣка), и періодъ *пророческій*, нача[
со времени появленія пророковъ людей божіихъ — этихъ новыхъ *в[*
волхвовъ, какъ называлъ ихъ православный народъ.

Въ первый періодъ финско-славянское кудесничество и шам[
подготовило изъ восточно-азіатскихъ элементовъ обильную почву д[
витія шаманско-пророческой секты людей божіихъ.

[1]) Чт. Общ. Выписка о духоборцахъ стр. 47—48.

лавяне, распространивши свою колонизацію по всему финскому сѣ-
)стоку, среди разныхъ чудскихъ племенъ, повсюду здѣсь встрѣтили
-развитое финское кудесничество. По всему финскому сѣверо-во-
славились своимъ обаятельнымъ владычествомъ надъ народными
финскіе волшебники, кудесники, кебуны, арбуи, въ родѣ просла-
ихъ доселѣ въ лапландскихъ легендахъ волшебниковъ Пэйвіэ
), Торагаса (Toragas), Каркіаса (Karkias), и т. п. [1]) Славяне, вслѣд-
колонизаціоннаго, сожительно-бытового и, наконецъ, физіологи-
о смѣшенія съ финскими племенами, мало-по-малу неизбѣжно
ились умственному обаянію этихъ могучихъ финскихъ волшебни-
И такимъ образомъ, какъ путемъ физіологическаго смѣшенія сла-
го племени съ чудскими племенами слагался физико-этническій
русскій типъ, такъ, вслѣдствіе умственнаго смѣшенія славянскихъ
скихъ суевѣрій съ суевѣріемъ финскихъ кудесниковъ, развивался смѣ-
й, азіатско-великорусскій финско-славянскій умственный типъ, и
алось смѣшанное чудско-славянское, волшебно-кудесническое міро-
аніе. Финско-славянскіе волхвы, кудесники стали во главѣ умствен-
изни огромной массы великорусскаго народа. Они были единствен-
вѣдунами, знахарями всѣхъ тайнъ природы, вѣдунами всѣхъ тайнъ
а минеральнаго, растительнаго и животнаго.

ервоначально, появленіе вѣдунства, въ историческомъ развитіи пер-
ааго младенческаго міросозерцанія финскихъ и славянскихъ племенъ,
тря на его большею частью мрачный, вредный, умственно-омрачи-
й характеръ, все-таки представляло,—скажемъ словами Кастрена,—
ritt in sich Protest gegen die blinde Gewalt der Naturmächte über den
en Geist, хотя протестъ этотъ еще вовсе не могъ имѣть въ основѣ
й высшей идеи, какая свойственна уже современному, европейскому,
оиспытующему генію [2]). «Тогда какъ въ настоящее время, — гово-
Розенкранцъ, — человѣкъ сознаетъ свою свободу, въ противополож-
внѣшнему міру, — въ религіи естественной — это чувство свободы,
тивоположность внѣшней природѣ, проявляется преимущественно,
олшебство, какъ Lauberei. Народы, живущіе въ естественной рели-
авда, отчасти превозмогаютъ природу, но только настолько, на-
о ихъ побуждаетъ къ тому поддержаніе собственнаго бытія. Они
ются звѣроловствомъ, рыболовствомъ, пасутъ стада, воздѣлываютъ

На финскомъ сѣверѣ, въ Эстляндіи, Финляндіи и особенно въ Лапландіи и
большая часть народныхъ легендъ состоитъ изъ разсказовъ о древнихъ
хъ финскихъ волшебникахъ и шаманахъ. Die meisten Erzählungen, — говоритъ
ъ, enthielten eine Schilderung von Thaten ausgezeichneter Schamanen, und in
isten Erzählungen wurde besonders die Eigenschaft bei den Schamanen der
gepriesen, dass sie sich in jede beliebige Gestalt verwandeln konnten. Der Glaube
solche Kraft bei den Schamanen ist ehemals weit verbreit gewesen, so wohl in
l als auch insbesondere in Lappland, und noch heut zu Tage ist dieser Aber-
nicht vollkommen bei den Lappen ausgerottet etc. Castren's Reiseerinnerungen
44. s. 29. Самое слово волхвъ, по словамъ финологовъ, сродно съ финскимъ

Kastren's, Reiseerinnerungen s. 1, 4.

землю, но въ этихъ занятіяхъ своихъ они впервые сосредоточиваю самихъ себя, впервые приходятъ къ сознанію своей субъективной с только тогда, когда природа противопоставляетъ ихъ стремленіямъ лямъ такія рѣзкія, рѣшительныя противодѣйствія, что обыкновенна тельность становится недостаточною. Тогда, если небо отказывае дождѣ, если бурный, стремительный потокъ волнъ разрушительно мляется противъ человѣка, если стада подвергаются мору, если в рающемъ жизнь уступаетъ смерти,—тогда затронутое въ человѣкѣ ч собственнаго индивидуальнаго существованія возмущается, приходи волненіе, и выражается въ заговорѣ, въ заклинаніи природы. Он создана. Онъ ея господинъ и владыка, его *слово* можетъ заставить ее стать въ тѣ границы, въ какія онъ хочетъ поставить ее. Облака д излить задержанныя воды, наводненія опять должны возвратиться в прежніе источники, моръ долженъ прекратиться, смерть исчезнуть,- какъ онъ этого хочетъ. Такъ чувство свободы есть источникъ в волшебства» [1]).

Вслѣдствіе такого необычайнаго и важнаго значенія волхвовъ, новъ въ историческомъ развитіи первобытнаго народнаго міросозерц самое рожденіе ихъ, также какъ впослѣдствіи и рожденіе первыхъ, ныхъ пророковъ людей божіихъ, — сопровождалось, по народному м зерцанію, знаменьями и чудесами — потрясеніемъ и движеніемъ все роды. Когда подъ вліяніемъ финскихъ кудесниковъ у славяно-рус племенъ усилилось господство волхвовъ, вѣдуновъ, когда въ Кіевѣ р вѣщій Волхвъ Всеславьевичъ,—тогда во всей природѣ произошло в движеніе:

А и на небѣ просвѣтя свѣтелъ мѣсяцъ,
А въ Кіевѣ родился могучъ богатырь,
Какъ бы молодой Волхвъ Всеславьевичъ:
Подрожала сыра земля,
Сотряслося славно царство индѣйское,
А и синее море сколебалось
Для ради рожденья богатырскаго,
Молода Волхва Всеславьича:
Рыба пошла въ морску глубину,
Птица полетѣла высоко въ небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащицамъ,
А волки, медвѣди по ельникамъ,
Соболи куницы по островамъ [2]).

Развившись подъ вліяніемъ финскаго кудесничества, вслѣдств зіологическаго и умственнаго объединенія славянскаго племени и ч чудско-славянское кудесничество стало во главѣ умственной огромной массы сѣверо-восточнаго, великорусскаго народонаселен первыхъ, кудесники, какъ главные вѣдуны и представители финс

[1]) Rosenkranz: Naturreligion, die Wissenschaft der slawisch. Mythus s. 451
[2]) Древн. рус. стих. стр. 45.

скаго, народнаго міросозерцанія, всегда поддерживали въ народѣ естеенную національно-языческую антипатію къ церковно-византійскому стіанскому ученію. До XIII вѣка они, какъ извѣстно, на сѣверостокѣ русской земли производили открытыя народныя возстанія противъ оповѣдниковъ церковно-византійскаго міросозерцанія. А по украйнамъ, ѣ чудь преобладала надъ русскимъ населеніемъ, чудскіе кебуны и куники возставали противъ проповѣдниковъ христіанства и въ XVI вѣкѣ, послѣ. Когда Стефанъ пермскій пришелъ просвѣщать финскія племена рмяковъ и зырянъ, — то противъ него возсталъ главный кудесникъ рмской земли, начальникъ всѣхъ тамошнихъ волхвовъ, старѣйшина ѣхъ чародѣевъ, волшебствомъ своимъ управлявшій всею пермскою земю [1]). Онъ говорилъ новокрещеннымъ пермякамъ: «люди и братья Перне! Почто оставляете своихъ отеческихъ боговъ и вѣру? Зачѣмъ переете приносить богамъ жертвы, какъ приносили отцы ваши? Кого слуете: человѣка ли изъ Москвы пришедшаго? Можетъ ли намъ изъ Москвы ть какое добро, и женамъ нашимъ, и дѣтямъ нашимъ? Не оттуда ли мъ были тяготы многія и насильство безмѣрное, тіуны частые, доводки и приставы? Тяжко, братья, житье наше будетъ». Въ преніи съ Стеномъ пермскій кудесникъ, между прочимъ, говорилъ: «вѣра наша мномъ лучше вашей — христіанской вѣры, потому что у васъ христіанъ инъ Богъ, а у насъ много боговъ и много помощниковъ: они даютъ мъ ловлю, все, что въ водахъ—рыбы, въ воздухѣ—птицъ, и все, что въ лотахъ, борахъ, лугахъ, въ поросляхъ, въ чащахъ, въ березникахъ, ельникахъ, въ соснягѣ и въ раменьи и въ прочихъ лѣсахъ — бѣлокъ, болей, куницъ, рысей, и прочая ловля наша отъ нихъ, отъ боговъ нахъ и до васъ доходитъ: нынѣ нашею ловлею и ваши князья и бояре огощаются и одѣваются, ходятъ и гордятся опушками на подолахъ оихъ шубъ» и проч. [2]). Извѣстно также, какія страданія претерпѣлъ ифонъ печенгскій, просвѣтитель кольскихъ лопарей, въ борьбѣ съ ихъ бунами-кудесниками: «народъ, омраченный невѣдѣніемъ, — говоритъ изнеописатель Трифона, — а паче кебуны ихъ спорили съ нимъ, и ярись какъ звѣри, за волосы его терзали, о землю метали, били и пихали, зывая его незнаемымъ странникомъ и юродомъ, кричали на него: «если ъ не выйдетъ изъ ихъ страны, то горькою мукою и самою смертію рожали ему, и говорили между собой: пойдемъ, убьемъ его, ибо понотъ насъ паденіемъ въ беззаконіе» [3]). И послѣ такой открытой оппозиціи

[1]) „Пріиде, — говоритъ жизнеописатель Стефана пермскаго, — нѣкто волхвъ, родѣйный старецъ и мечетникъ, нарочитъ кудесникъ, волхвомъ начальникъ, обаникамъ старѣйшина, отравникамъ большій, иже въ волшебной хитрости всегда ражняясь, кудесному чарованію теплый помощникъ былъ: имя ему Памъ. Сего же евніе пермяне некрещеніи имяху паче всѣхъ чаровниковъ, наставника и правителя нарицающе себѣ, и глаголаху о немъ, яко того волшебствомъ управленѣ быти рмстѣй землѣ, и яко того утвержденіемъ утверждается идольская вѣра“.—Памятн. рин. русск. литер. вып. IV, стр. 138.

[2]) Пам. стар. рус. лит. вып. IV, с. 138: Прѣніе волхва. Лепехина, путешест. 402.

[3]) Житіе Триф. Почениск. ркп. Солов. библ. № 172.

противъ христіанскихъ учителей,—кудесники и волхвы постоянно
лись отвлекать массу народную отъ усвоенія христіанской вѣры и
обращали ихъ къ языческому идолослуженію. Великій пермскій во
чародѣй Памъ, по словамъ жизнеописателя Стефана пермскаго, «не
вѣры христіанскія и не любя христіанъ, некрещеннымъ пермякамъ
ляше креститися, хотящимъ же вѣровати возбраняше, запрещаше;
вавшихъ же и крестившихся снова развращаше своимъ ветхи
ніемъ» [1]. Между прочимъ, особенно усердно поддерживалось куд
ское вліяніе въ той чудской странѣ, гдѣ впослѣдствіи особенно при
секта людей божіихъ и скопцовъ, именно въ Вотской пятинѣ, въ
лахъ нынѣшней с.-петербургской губерніи. Новгородскій архіеп
Макарій писалъ въ 1532 г. духовенству Вотской пятины: «въ ваши
тахъ многіе христіане съ женами и дѣтьми своими заблудились о
стіанской православной вѣры, въ церкви не ходятъ, а молятся по
мольбищамъ, древесамъ и каменьямъ... а на кануны свои призы
арбуевъ (волхвовъ, кудесниковъ), и тѣ арбуи смущаютъ христіанство
нечестіемъ, и по ученію ихъ тѣ христіане заблудивъ, многія злочи
рятъ и до сего дне» [2]. Для большей части народа волхвы и ку
замѣняли православныхъ священниковъ. «Многіе люди,—читаемъ,
мѣръ, въ одномъ указѣ Алексѣя Михайловича,—забывъ Бога и
славную вѣру, въ городахъ и уѣздахъ бываютъ со многимъ чародѣ
и волхвованіемъ: волхвовъ, чародѣевъ и богомерзкихъ бабъ въ д
себѣ призываютъ и къ малымъ дѣтямъ, и тѣ волхвы надъ боль
надъ младенцами чинятъ всякое бѣсовское волхвованіе и отъ пра
всѣхъ православныхъ христіанъ отлучаютъ» [3]. Такимъ образомъ по
ніемъ волхвовъ и кудесниковъ, въ большей части народа, а особе
украйнамъ, гдѣ преобладало населеніе обрусѣлое изъ новокрещенн
хонцевъ, лопарей, чувашъ, черемисъ, мордвы вотяковъ, и т. п. до
появленія сектъ пророчествующихъ,—поддерживалась старая, язы
антипатія и холодность къ православной церкви и богослуженію [4]
того: древнерусскіе, чудско-славянскіе, волхвы и кудесники поддер
въ массѣ народной даже и тѣ элементы языческаго богослуженія
потомъ вошли въ составъ моленій и радѣній людей божіихъ. Имен
поддерживали такъ называемыя церковными учителями-ригор
«идольскія сборища», «зарекали соборы», т.-е. сзывали старыя рел

---

1) Паш. стар. р. лит., в. IV, 138.
2) Дополн. къ А. И. т. I, № 28.
3) А. И. IV № 35, стр. 124 и 125. А. А. Э. т. III № 264.
4) Акты XVII вѣка исполнены жалобами духовенства на эту холоднос
къ церкви—уклоненіе отъ богослуженія и предпочтеніе „ему" бѣсовскихъ сб
игрищъ,—неуваженія къ священникамъ и преданность волхвамъ и проч. Смот
А. А. Э. III, № 264. IV, № 188 и 321. А. И. IV, № 151-й V, № 152-й. Доп. у
стр. 115, 117, 413, 461, 468 и др. П. С. З. Т. I. стр. 246. Уже вслѣдствіе од
холодности къ православной церкви и богослуженію весьма возмож
возникновеніе полуязыческаго, кудесническаго, пророческаго богослужені
божіихъ.

ительныя собранія народныя. На этихъ сборищахъ идольскихъ, по ъ тѣхъ же духовныхъ писателей, быша «*радость*» бѣсовская, проли плесканія и плясанія мужчинъ и женщинъ, жены и дѣвы пѣли бѣсовскія, мірскія и пріязныя», плескали и плясали и главами , кликали коледы, овсеня и плуга, и тутъ же ѣли (жраху) обѣды нные и, наконецъ, «тутъ же совершалось мужамъ и отрокамъ ве прельщеніе и паденіе, женамъ замужнымъ беззаконное оскверненіе мъ растлѣніе» [1]). Такимъ образомъ въ массѣ народной искони подвалась привычка къ сборищамъ и къ оргіямъ, къ сборищамъ, сокдавшимся пѣснями, хороводными плясками, мірскими обѣдами или ими складчинами и пиршествами и даже «свальнымъ грѣхомъ». Сектѣ божіихъ оставалось только дать всѣмъ этимъ религіозно-языческимъ дамъ догматическую форму и санкцію своихъ моленныхъ сборовъ и й.

о-вторыхъ, волхвы и кудесники, считавшіеся единственными вѣдузнахарями всѣхъ тайнъ природы, всѣхъ тайнъ царствъ минеральрастительнаго и животнаго, являлись предъ народомъ единственными ами его судебъ, физическихъ и нравственныхъ; вѣдунами, наклика, заклинателями и прорицателями физическаго и нравственнаго и зла. И здѣсь сначала надобно замѣтить, что въ древней Россіи , знахари были отчасти единственными доморощенными распрострами самыхъ первыхъ, младенческихъ зачатковъ естествознанія. Дознасвоему и для своихъ цѣлей природу,—знахари иногда дѣлали кое-какія скія открытія. Такъ знахарь бобыль Калина Артемьевъ, державшій разные волшебные предметы, открылъ въ Олонецкомъ уѣздѣ рѣку, орой водился жемчугъ [2]). Травники, составлявшіеся знахарями и ми и переходившіе изъ рукъ въ руки въ спискахъ, были первыми щенными зародышами ботаническихъ знаній на Руси. Во второй по XVII в., когда въ Москвѣ заводились уже нѣмецкія аптеки и понадофармакологическое знаніе травъ и кореньевъ,—самъ царь Алексѣй ловичъ обратился къ русскимъ знахарямъ. Въ 1674 г., по его указу, было въ Якутскѣ «всякихъ людей спрашивать, кто знаетъ о леенныхъ травахъ, которыя бы пригодились къ болѣзнямъ, въ лекарство камъ». Знахарь, служилый человѣкъ, Сенька Екимовъ взялся «сыь въ поляхъ лекарственныя травы». «И я, холопъ твой,—писалъ онъ обитной своей къ царю,—не вдалекѣ отъ Якутска въ поляхъ, котоаю лекарственные травы и коренья и сѣмена, сыскалъ, и водки хъ травъ сидѣлъ, и отъ какихъ болѣзней человѣческихъ тѣ травы и годны, и какъ тѣмъ травамъ и кореньямъ имена,—о томъ писано й росписи... А около, государь, Якутска лекарственныя травы роне по вся годы, а родятся лекарственныя травы: бронецъ чернокрасоронецъ, изгоны, излюдень, жабные и разные травы по Ленѣ не и по стороннимъ рѣкамъ, на Собачьей рѣкѣ, у моря многія; а такихъ

Доп. къ А. И. I, № 22, № 28. А. Э. III, № 264. А. И. III, № 96. IV, № 35.
Доп. VIII, № 29.

лекарственныхъ травъ, которые ростутъ по тѣмъ мѣстамъ, въ русск городахъ нѣтъ». Въ травникѣ своемъ этотъ знахарь описалъ 21 видъ карственныхъ травъ и кореньевъ, съ обозначеніемъ ихъ отличительны характеристическихъ признаковъ лекарственнаго употребленія и то графическаго распредѣленія или мѣстонахожденія, при водахъ, при озера промежъ горъ въ ручьяхъ, въ лугахъ и проч. [1]). Для характеристики з харскихъ ботаническихъ изысканій и свѣдѣній мы выпишемъ изъ «роспис знахаря Екимова описанія нѣкоторыхъ травъ и кореньевъ. «Трава, и ей — колунъ, цвѣтъ на ней бѣлъ, горковата, растетъ при водахъ не всѣхъ мѣстахъ, и сѣмя той травы красно; а годна та трава: будетъ мужскаго пола или у женскаго нутряная застойная болѣзнь, перело моча нейдетъ... Трава, имя ей—елкій, растетъ при озерахъ не во всяки мѣстахъ, а родится въ той травѣ сѣмя, цвѣтомъ коричное, что какъ р ской макъ; а годно то сѣмя къ лекарству: будетъ у мужескаго пола у женскаго бываетъ внутри порча, грыжа, или иная какая нутряная лѣзнь; и то сѣмя положить въ скляницу, и налить добраго горячаго в или ренскаго и дать стоять дней 11 или 13, а что стоитъ то сѣмя в тѣмъ питьемъ долѣ, то и лучше; и послѣ тѣхъ урочныхъ дней—вел тому больному человѣку принимать не ѣдчи, не по одно время, чарки двѣ, и сухое то сѣмя ѣсть велѣть, а малому въ ростѣ, дѣтямъ, давать сѣмя въ коровьемъ молокѣ, отъ тѣхъ же грыжныхъ болѣзней; и то с грыжное и иныя болѣзни исцѣляетъ и гортань очищаетъ; а травы из той 26 золотниковъ»... Описавши много другихъ травъ, знахарь заключа «да онъ же знаетъ около Якутскаго въ озерахъ, не во всякомъ оз родится масло ростомъ круто, что яблоко большое и малое, ходитъ ж а живетъ въ глубокихъ озерахъ... (далѣе описывается его лекарствен употребленіе), а ловятъ то масло объ одну пору осенью, по льду невод и куюрствомъ» [2]). Многія знахарскія описанія травъ дышутъ неподдѣлы свѣжестью воззрѣній на природу. Напримѣръ: «трава вездѣ ростетъ пожнямъ и по межникамъ и по потокамъ; листье разстилается по зем кругомъ листковъ рубежка, а изъ нея на серединѣ стволикъ тощій красенъ, а цвѣтъ у него жолтъ, и какъ отцвѣтетъ, то пухъ станетъ почкой, а какъ пухъ сойдетъ со стволиковъ, то станутъ плѣшки, а корнѣ и въ листу и въ стволикѣ, какъ сорвешь, бѣленько. Есть с трава, ростетъ по лугамъ, при лугахъ, при холмахъ, и ростетъ какъ гр ка, а цвѣтъ какъ у щавеля, а ростетъ въ колѣно и ниже, а столп коленьями, межъ коленцами брюшки, а листъ у ней какъ зогзицынъ кушкинъ цвѣтъ, трава долга, а въ ночи стоитъ вяла, листъ виснетъ, к солнце сядетъ, а какъ солнце взойдетъ, листъ стоитъ, а сама трава черна Но такое практическое, реальное познаніе и описаніе природы далеко составляло общую для всѣхъ знахарей точку міросозерцанія. Напроти общій взглядъ на природу все-таки былъ таинственный, мистико-пан

[1]) Доп. къ А. Истор. VI, № 117, стр. 361—364.
[2]) Доп. къ А. И. VI, № 117, стр. 361—364.
[3]) Бусл. о нар. слов. 37—38.

гическій и пневматологическій. Незнаніе силъ и законовъ природы, а ображеніе вмѣсто нихъ и волшебствомъ вопрошаемые духи открывали дунамъ и чародѣямъ—тайны природы, тайны благотворныхъ и злотворныхъ силъ и дѣйствій въ физическомъ и нравственномъ мірѣ. Въ томъ царствѣ растительномъ, къ тому или другому растенію и корню чадѣй приступалъ не смѣло, не съ раціональнымъ знаніемъ ихъ химикозіологическихъ свойствъ, а съ суевѣрнымъ страхомъ и благоговѣніемъ, обы не оскорбить пребывающаго въ травахъ и кореньяхъ демона, и езъ то не лишить ихъ чародѣйской силы,—и приступалъ не во всякое емя, а ждалъ урочнаго дня и часа. «Траву *детлевину* — учатъ волхвы, ародѣи,—надобно рвать между купальницею и петровымъ днемъ, какъ ать ее, очертись кругомъ куста, и говори: «есть тутъ матка травамъ, нѣ надобѣ». А брать траву *полотая нива*, надобно кинуть золотую или ребряную деньгу, а чтобъ желѣзнаго у тебя ничего не было, а какъ будешь рвать ее, и ты пади на колѣно, да читай молитвы, да стой на колѣнѣ, хватай траву ту, обвертѣвъ ее въ тафту, въ червчатую или бѣлую: беречь ту траву отъ смертнаго часу; а хочешь идти на судъ или на бой, кто тебя не переможетъ» [1]). Вода, такъ же какъ и растительность, въ истико-пантеистическомъ міросозерцаніи вѣдуновъ-волхвовъ, преисполнена ла чародѣйныхъ волшебныхъ тайнъ. Извѣстно, что славянскія и финскія емена боготворили воду. У русскихъ славянъ были особенныя «*моленія ѣчныя и кладязныя*», религіозныя сборища и умыканье дѣвицъ совершались «*у воды*» [2]). Совершая у воды «кладезныя и рѣчныя моленья»,—водѣ подслушивали таинственные, вѣщіе голоса, прорицанія о удьбѣ, надъ водой гадали; *нося ее въ рѣшетѣ*, надъ водой волховали, аговаривали, взывали къ ней такимъ, напр., молебнымъ образомъ: «Матушка вода! обмываешь ты круты берега, желты пески, бѣлъ горючъ камень своей быстрой и золотой струей: обмой-ка ты, съ раба божьяго всѣ итки и притки, уроки и призоры, щипоты и ломоты, злу худобу... Будьте ои слова крѣпки и лѣпки» [3]). Волхвы въ особенности обладали тайнами оды, такъ же какъ и растительности. По суевѣрію народному, они чародѣйствовали не только надъ водой, но и въ рѣкахъ. Грамотные предки аши даже въ XVII в. разсказывали съ полной вѣрой — старую легенду, акъ будто бы старшій сынъ миѳическаго Словена назывался *Волхомъ*, ародѣйствовалъ въ р. Волховѣ, и залегалъ водный путь тѣмъ, которые му не поклонялись [4]). Далѣе, волхвы могли приводить въ движеніе воздухъ, давать волшебное, чародѣйское направленіе вѣтрамъ, *вѣдунствомъ воимъ по вѣтру лихо насылали*, и однимъ дуновеніемъ своимъ производили азныя сверхъестественныя дѣйства — исцѣляли больныхъ, приводили въ

[1]) Бусл. II, 37.

[2]) Слово о постѣ въ Прав. Собес. 1858 г. январь стр. 165—166. О поклоненіи водѣ финскихъ племенъ см. подробности у Кастрена: Wassergottheiten vorleiunger über die innische Mithologie s. 68—85.

[3]) Рум. сб. 1754 г. Бусл. I,482. Архивъ 1853, VI, 51. Пам. стар. р. лит. III, 167.

[4]) Бусл. II, 8.

сознанiе *обмерших*, и т. п. [1]). Насылка по вѣтру состояла въ том
лихой колдунъ, знавшiй искусство возбуждать вѣтры и направлят
куда-угодно своими заговорами, производилъ вѣтеръ, потомъ броса
вѣтру пыль и примолвлялъ, чтобъ такъ по вѣтру понесло пыль на т
то человѣка, чтобы его корчило, мяло, раздувало, сушило, и проч. и пр
Даже цари московскiе боялись этого волшебнаго напуска по вѣтр
подкрестныхъ запискахъ на вѣрность царю вѣрноподданный прися
«чтобъ вѣдуновъ и вѣдуней недобывати, ни вѣдомствомъ по вѣтру
кихъ лихъ не насылати» [3]). На сѣверѣ особенно страшны были св
вѣдунствомъ—*дуновенiями и насылками* по вѣтру финскiе кудесники.
конецъ, волхвы обладали миѳической тайной урожаевъ и неурожаевъ,
билiя или недостатка рыбныхъ, звѣриныхъ и другихъ промысловъ. Поэт
когда случался голодъ, они выступали на сцену, истолковывали, сообр
съ старыми языческими понятiями, причины голода и указывали сред
къ прекращенiю его. Такъ въ 1024 г., по разсказу лѣтописца, въ сузд
ской области народъ умиралъ съ голода, волновался и производилъ мят
И вотъ встаютъ, говоритъ лѣтопись, волхвы или кудесники въ Суз
и раздуваютъ пламя. Они ходятъ съ мѣста на мѣсто и доказываютъ,
виноваты въ голодѣ извѣстные имъ люди, а именно: «*старыя женщ
безполезная старая прислуга*», *чадь или челедь*, яко си держатъ гобино

Въ 1070 г., разсказываетъ лѣтописецъ, «бывшей, единою, скудост
ростовской области, вста два волхва отъ Ярославля, глаголюще: мы зн
кто обилье держитъ,—и пойдоша по Волгѣ. Гдѣ придутъ въ погост
же нарицаху лучшiя женщины, глаголюще, яко си жито держатъ, си
а си медъ, — а си скору. И привожаху къ нимъ сестры своя, мат
жены своя: они же, въ мечтѣ, прорѣзавше за плечомъ, вынимали
жита, либо рыбы, и убивали многи жены, а имѣнье ихъ отымали се
Усвояя себѣ власть надъ естественной экономiей жизненныхъ сре
человѣка, волхвы, по общей вѣрѣ народной, умѣли заколдовывать
промыслы, такъ что кому заколдуютъ, тотъ не добудетъ ничего. «1661
сентября 24 дня, на Тюмени, въ съѣзжей избѣ кречатый помощникъ
трiй Головинъ сказалъ словесно воеводѣ: «въ прошломъ году онъ, М
не добылъ кречета потому, что на него *хвалили* кречатьи помощники
Онохинъ съ братомъ съ Иваномъ меньшимъ, и говорили ему, «что т
добыть кречета» и надъ нимъ Миткою Ѳедка съ братiею *вѣдовали*;
подлѣ нихъ и рыбу ловитъ, и тотъ ничего не добудетъ» [6]). Поэтому
мышленные и торговые русскiе люди, отправляясь на промыслы и т

---

[1]) Въ муромской легендѣ о князѣ Петрѣ и супругѣ его Февронiи сказа
Февронiя, когда была еще вѣщей дѣвой въ рязанскихъ предѣлахъ, однимъ д
нiемъ своимъ на кисляждь или нѣкое квасно дѣлала цѣлебными эти жид
Бусл. 1,290.

[2]) Костомар. 191.

[3]) А. А. Э. II, 58. Костомар. 191.

[4]) Лавр. лѣт. 63, 64. Лешкова, рус. народъ и госуд. 453.

[5]) Лавр. 75.

[6]) Архивъ 1852 г. стр. 57.

обно самоѣдамъ, остякамъ и др. финскимъ племенамъ, просили напередъ хвовъ пошаманить: «въ ловы идуще или на куплю отходяще, чародѣя-мъ и кобми ходили сихъ искати» [1]). Наконецъ, волхвы усвояли себѣ ерхъестественное вѣдѣніе судебъ людскихъ. Матери призывали чародѣевъ, они волхвовали надъ младенцами, узнавали и опредѣляли ихъ судьбу [2]). взрослымъ также они предсказывали судьбу. Въ одномъ сборникѣ VIII в., гдѣ сохранилось длинное исчисленіе разныхъ суевѣрій и пред-разсудковъ, какіе омрачали умственную жизнь нашихъ предковъ въ XVI, VII и даже XVIII в., между прочимъ сказано, что многіе волхвы и бабы-десницы волшебствуютъ и ложное вѣщаютъ, а народъ имъ вѣритъ. И ороки людей божіихъ также ложное вѣщали, и народъ имъ вѣрилъ. Во-це всѣ указанныя здѣсь волшебныя свойства кудесниковъ и чародѣевъ, къ увидимъ далѣе, почти всецѣло унаслѣдованы были потомъ и лже-роками людей божіихъ.

Съ распространеніемъ церковной грамотности въ народѣ, въ XVI и обенно въ XVII вѣкѣ, велико-русское, чудско-славянское кудесничество шаманство стало все болѣе и болѣе преобразовываться въ секту вол-бно-расколоучительную, шаманско-пророческую. Церковно-книжное уче-заметно усилилось въ народѣ въ XVI и особенно въ XVII вѣкѣ, такъ духовные ревнители церковно-византійскаго ученія не разъ издавали исокъ «*книгъ истинныхъ, чести преданныхъ, ихъ же подобаетъ чести, и жныхъ, отреченныхъ, ихъ же не внимати, ни чести не подобаетъ*». Въ это емя и между знахарями и волхвами появилось не мало грамотниковъ, торые читали и *преданныя* для чтенія церковныя книги, но еще болѣе отреченныя. Нѣкоторые волхвы и знахари поступали даже въ мона-ство, чтобы своему колдовству и ворожбѣ придать высшую религіозную кцію. Одинъ земледѣлецъ, по разсказу житія Никиты переяславскаго, мышлялъ въ своемъ селѣ ворожбою: потомъ постригся въ монахи въ настырѣ св. Никиты и былъ сдѣланъ пономаремъ. Но и въ этомъ по-ъ званіи не оставилъ своего прежняго обычая и тайно продолжалъ довать. Изъ города и деревень многіе съ больными приходили въ мо-тырь, чтобы получить исцѣленіе; этотъ же чернецъ-волхвъ говорилъ : «что понапрасну тратитесь?» Приходите лучше ко мнѣ. Когда я еще міру жилъ, многія болѣзни врачевалъ, нечистыхъ духовъ своимъ вол-бствомъ прогонялъ, не только человѣкамъ, но и скотамъ помогалъ» [3]).

Лихія бабы-кудесницы, знавшія колдовство чудскихъ арбуевъ, посту-ли въ просфирни и, по просьбѣ суевѣрныхъ христіанъ, «надъ просфорами, надъ кутьями, и надъ свѣщами, также и надъ богоявленской водой, хвовали и приговаривали, *яко же арбуи въ Чюди* [4]). Подъ вліяніемъ рковно-книжнаго и чернокнижнаго ученія, подъ вліяніемъ *истинныхъ и жныхъ* или *отреченныхъ книгъ* грамотные книжные волхвы и знахари

[1]) Буслаевъ 11, 44 о народной поэзіи.
[2]) Костомар. 186.
[3]) Бусл. 11 51.
[4]) Стоглавъ, 11 вопр. глава 5.

стали сами сочинять новыя, двоевѣрныя, христіанско-миѳологичесќ
нія, книги и обряды. Такъ они сочинили, напр., отреченныя книги
ховникъ,—о волхвованіи птицами и звѣрями, о таинственной, миѳич
предзнаменательности разныхъ примѣтъ; *Чаровникъ*, въ нихъ же
12 главизнъ—стихи двоенадесяти опрометныхъ лицъ звѣриныхъ и
Волхвовніе различное Путникъ — книга, въ ней же есть писано о ст
и коби всякія еретическія; *Звѣздочтецъ*, ему же имя Стоднецъ,—«въ
же безумніе люди вѣрующе волхвуютъ ищуще дней рожденій своихъ,
жизни и бѣдныхъ напастей, и различныхъ смертей и казней, и въ
бахъ, и въ купляхъ, и въ ремеслахъ призываютъ бѣсовъ на помо
вѣдуще Божіихъ судебъ» [1]). Старое, языческое, финско-кудесническое
созерцаніе, грамотные волхвы и чародѣи облекали въ формы цер
книжнаго ученія. Такъ, своимъ волшебнымъ, кудесническимъ загов
и заклятіямъ они придавали формы церковныхъ молитвъ, и сочин
словамъ списка истинныхъ и отреченныхъ книгъ, «на пакость невѣ
попамъ и дьяконамъ» льстивые сельскіе сборники, худые номокану
молитвенникамъ у неразсудныхъ поповъ, лживыя молитвы о тр
цахъ,—о нежитехъ и о недузѣхъ» [2]). Языческую, финско-славянску
могонію они, въ видѣ апокрифическихъ разсказовъ, вносили въ хр
ское, народное міросозерцаніе и въ такія апокрифическія произв
какъ стихъ о голубиной книгѣ, бесѣда трехъ святителей и т. п. И
масса народная пробавляется ихъ космогоническими преданіями. В
даніяхъ этихъ сильно отразился финскій элементъ.

Наконецъ, когда сталъ возникать расколъ, волхвы и чародѣи, ш
и кудесники стали обращаться въ пророковъ и расколоучителей. Так
повсюду въ великорусскихъ областяхъ и селахъ населеніе большею
было смѣшанное, чудско-славянское, состояло изъ обрусѣлой и кр
чуди, веси, мери, мордвы, чухонцевъ, чувашъ, черемисъ, зырянъ
гихъ финскихъ племенъ, крайне преданныхъ шаманству, то пов
этихъ волостяхъ и селахъ чудско-славянскіе волхвы, шаманы, куде
кудесницы, подъ вліяніемъ церковно-книжнаго ученія, прикрыва
шаманство и кудесничество христіанскимъ обличьемъ пророковъ и
чицъ и старому кудесническому шаманству придавали видъ христ
пророческій. «По погостамъ, и по селамъ, и въ волостяхъ, — какъ
тельствовалъ еще Стоглавъ, — лживые пророки и пророчицы, му
женки, и дѣвки, старыя бабы тряслись, падали, коверкались, би
сказывали о разныхъ явленіяхъ, пророчили будущее». «По случа
вого повѣтрія, свирѣпствовавшаго въ Россіи въ 1656 году, во врем
вленія церковныхъ книгъ, также явилось много пророковъ, знахар
бенно между расколоначальниками, которые, подобно кудесникамъ Х
«повинныхъ творили моровому повѣтрію, овъ сего, овъ инаго, лживо

[1]) Сборн. Солов. библ. № 913. Щапова, рус. старообрядчество, стр. 415—
слаевъ, очерки I, 485—486.

[2]) Сборн. Сол. биб. № 913. Щапова р. стар. стр. 451—452. Буслаевъ, оч
485—486.

юдямъ: видѣхъ сонъ, видѣхъ сонъ, и извѣщая: се и сіе пріяхъ отъ , и ложная пророчествовали» [1]).

Въ концѣ XVII в., по единогласному свидѣтельству Игнатія митро-та тобольскаго и Дмитрія ростовскаго, «въ пути нѣкоемъ отъ града гды, въ Каргополѣ, къ морю явился, аки бы учитель нѣкій, *волхвъ родѣй* и примысли себѣ имя пустынника, и многіе поселяне послѣдо- за нимъ, имуща его себѣ учителя и наставника». Этотъ волхвъ и дѣй, сверхъ разныхъ чудесъ и волшебствъ, училъ, между прочимъ, ащать въ расколъ посредствомъ порошка, сдѣланнаго изъ высушен- и истолченнаго сердца новорожденнаго младенца. «И аще васъ по-шаютъ или не послушаютъ, — говорилъ этотъ волхвъ-расколоучитель имъ ученикамъ,—вы отъ сего даннаго истолченія младенческаго сердца, по влагайте имъ въ брашно или въ питіе или въ сосудъ, гдѣ у нихъ аетъ вода въ дому, или въ кладязь: егда отъ того вкусятъ, тогда къ ъ обратятся и имутъ вѣру словесамъ вашимъ» [2]). Другіе расколоучи-, по словамъ Дмитрія ростовскаго, совращали православныхъ въ рас-ъ «волшебнымъ причастіемъ, давая ягоды дѣланныя изъ нѣкія муки, бныя клюквѣ» и т. п. [3]).

Такъ, чудско-славянское кудесничество заключало въ себѣ всѣ эле-ты для развитія кудесническо-пророческой секты людей божіихъ, и, вліяніемъ двоевѣрнаго, христіанско-миѳологическаго книжнаго ученія, епенно, само собою преобразовывалось въ чародѣйно-расколоучительную лшебно-пророческую секту. Отъ волхвовъ-пророковъ и чародѣевъ-раско-ителей и черницъ и дѣвокъ-раскольницъ, кудеснически бившихся о о до галлюцинаціоннаго видѣнія отверстыхъ небесъ и т. п., оставался ъ шагъ до христіанство-шаманствующихъ пророковъ и пророчицъ лю-божіихъ и до *«великаго волхва и пророка надъ пророками»*, Селиванова. тъ въ концѣ же XVII и въ началѣ XVIII в. Данило Филиповъ и ъ Тимофѣевъ Сусловъ положили начало сектѣ людей божіихъ, а во й половинѣ XVIII столѣтія Селивановъ возродилъ ее въ секту скоп- и довелъ до высшаго развитія. Не вдаваясь здѣсь въ хронологиче- исторію секты людей божіихъ [4]), которая исполнена миѳологическихъ словъ и басней, особенно до пророка Прокопія Лупкина († 1732 г.),— скроемъ, изъ какихъ именно элементовъ чудско-славянскаго, языческо-ническаго міросозерцанія, сложилась секта людей божіихъ, что прив- въ нее изъ эпоса и міросозерцанія славянскаго и изъ обрядовъ и суевѣрій кихъ, чѣмъ водоизмѣнилась или дополнилась она изъ другихъ этноло-кихъ источниковъ, и какимъ образомъ, наконецъ, получила восточно-ве-русскій, шаманско-пророческій типъ, преобразившись въ секту скопцовъ.

---

1) Окружное посл. патр. Никона по случаю моровой язвы: см. начертаніе жизни вовой—Аполлоса стр. 129—132.

2) Розыскъ ч. III, гл. 12. Посланія Игнатія м. тоб. въ 2 части Православнаго ѣдника за 1855 г. посл. III.

3) Розыскъ ч. III, гл. 12.

4) Объ истор. происхожд. и развитіи секты людей божіихъ, см. Прав. Соб. 1858 г. стр. 334—364.

Изложеніе всѣхъ этихъ вопросовъ покажетъ намъ, сколько всякаго мрака въ умственной жизни нашего темнаго народа, и какъ безотлагательно необходимо скорѣйшее, всеобщее, всенародное естественно-научное просвѣщеніе его.

II

Приступая къ анализу составныхъ элементовъ, изъ которыхъ сложилась секта людей божіихъ, мы намѣрены раскрыть эти элементы во всѣй ихъ подробности. Во-первыхъ, самыя свойства дѣйствія лже-пророковъ и лже-пророчицъ людей божіихъ, наиболѣе характеризующія ихъ пророческое самозванство, суть ничто иное, какъ только высшее проявленіе главныхъ аттрибутовъ чудско-славянскихъ волхвовъ, кудесниковъ и шамановъ. Не даромъ, православный народъ русскій, очень хорошо знавшій волхвовъ и кудесниковъ, главныхъ пророковъ людей божіихъ называлъ *волхвами*. Такъ родоначальниковъ людей божіихъ, Данилу Филипова и Селиванова, народъ положительно признавалъ «*великими волхвами*». «Взяли меня, — говоритъ Селивановъ въ своемъ посланіи, — и великій допросъ чинили, и ротъ мнѣ драли, и въ ушахъ и подъ носомъ смотрѣли и говорили: глядите вездѣ! у него есть гдѣ нибудь отрава; глядите тутъ и тутъ! Дѣлали великія пытки и допросы и *великимъ волхвомъ* меня называли, и отданъ былъ строгій приказъ,—чтобъ близко ко мнѣ не ходили и кушанье близко не подносили, хлѣбъ подавали на шестѣ, а кушанье на длинной ложкѣ, сдѣланной аршина въ полтора, и говорили: кормите его, да бойтесь; подавайте, а сами прочь отворачивайтесь, чтобы ни на кого *не дунулъ* и не *взглянулъ!* Вѣдь *онъ великій волхвъ* и прелестникъ, чтобъ не прельстилъ и насъ къ себѣ не привратилъ: онъ хоть кого прельститъ; онъ и царя можетъ прельстить, а не только насъ; и *называли великимъ волхвомъ*, такъ какъ и Господа прежде называли» [1]. И дѣйствительно, всѣ мнимо-чудотворныя и пророческія обаянія «великихъ волхвовъ»—пророковъ людей божіихъ отличались чертами чародѣйными, волшебными и шаманскими. Какъ въ языческой древности появленіе волхвовъ и вѣдуновъ ознаменовывалось потрясеніями во всей физической природѣ, такъ и появленіе новыхъ великихъ волхвовъ—лже-пророковъ людей божіихъ обставляется въ ихъ пѣсняхъ знаменьями и чудесами. Селивановъ говоритъ о себѣ: «а рожденія и появленія сына божія, по пророчеству, давно ожидали, о чемъ и было возвѣщено: какъ народится сынъ божій и приметъ крещеніе чистоты, *въ то время явится звѣзда съ хвостомъ*, и тогда послѣдуютъ за нимъ многія тысячи всякаго колѣна людей... И когда онъ облекся въ чистоту сына божія, то дѣйствительно *тогда же явилась на небѣ звѣзда съ хвостомъ*, міръ тому не мало дивился» [2]. И въ пѣсняхъ своихъ люди божіи поютъ про появленіе Селиванова:

---

[1]) Посл. въ Чт. 81.
[2]) Посланіе стр. 89.

У насъ было на сырой землѣ
Претворилися такія чудеса:
Растворилися седьмыя небеса,
Сокатилися златыя колеса,
Золотыя, еще огненныя.
Ужъ на той колесницѣ огненной
Надъ пророками пророкъ сударь гремитъ,
Нашъ батюшка покатываетъ,
Утверждаетъ онъ святой, божій законъ.
Подъ нимъ бѣлый, храбрый конь,
Хорошо его конь убранъ,
Золотыми подковами подкованъ.
Ужъ и этотъ конь не простъ:
У добра коня жемчужный хвостъ,
А гривушка позолоченная,
Крупнымъ жемчугомъ унизанная,
Въ очахъ его камень маргаритъ,
Изо-устъ его огонь-пламя горитъ.
Ужъ на томъ ли на храбромъ, на конѣ
Селивановъ нашъ покатываетъ,
Онъ катаетъ со златыми ключами
По всѣмъ четыремъ сторонушкамъ;
По инымъ землямъ французскімъ,
Французскімъ и иркутскімъ...
Набираетъ онъ полки премудрые,
Кавалерію духовную...
. . . .
Спѣшитъ батюшка, катаетъ
Онъ со страшнымъ судомъ,
Со рѣшеньемъ и прощеньемъ,
Со златыми, со трубами,
Съ богатырскими конями [1]).

Какъ волхвы и чародѣи знали разныя *приворотныя* средства, чтобы лложить и привлечь къ себѣ чье-либо сердце, довѣріе, любовь и проч.,— и пророки и пророчицы людей божіихъ «подносятъ иногда пришед- къ нимъ людямъ какого-то волшебнаго настоя, въ видѣ краснаго послѣ чего выпившій чувствуетъ, говорятъ, какое-то непонятное, нное влеченіе къ ихъ сектѣ» [2]).

Далѣе, какъ волхвы и кудесники однимъ дуновеніемъ своимъ могли рочить и возстановить человѣка, а заговорами своими избавлялись отъ и ружья, свергали желѣзныя оковы, отпирали замки и выходили изъ ицъ,— такъ и «великіе волхвы» — пророки людей божіихъ будто бы дали всѣми этими чародѣйными силами. Тотъ же Селивановъ о себѣ ритъ: «въ одно время были мы на бесѣдушкѣ, и одна дѣвица проро- по ненависти, стала съ камнемъ у дверей, поднявши руку, и какъ яла камень, такъ и окаменѣла у нея рука... А еще братъ ея хотѣлъ

[1]) Срв. выше, въ статьѣ „Земство и расколъ—бѣгуны". *В. С—въ.*
[2]) Замѣтки о скопцахъ свящ. А. Георгіевскаго, въ запискахъ И. Рус. Географи- го общества, по отдѣлу этнографіи т. I, стр. 536.

меня застрѣлить изъ ружья, когда я ходилъ на праздникъ изъ се
Тулу: то каждый праздникъ, когда я приду, онъ выходилъ въ лѣ
ружьемъ и стрѣлялъ по мнѣ шесть разъ; но ружье, по промыслу бож
не выстрѣлило ни одного разу... Въ одно время, первая и главная
чица въ кораблѣ матушки моей, Акулины Ивановны, Анна Рома
взявши меня въ особую горницу, сказала, что я давно съ тобою хо
бесѣдовать: садись возлѣ меня! И посадя, схватила крестъ и хотѣл
вести меня, и говорила: приложись ко кресту! А я взялъ отъ нея
залъ: Дай-ко, я приведу тебя снова самую!.. И тутъ *накатилъ на н
духъ*, и она, сдѣлавшись безъ чувствъ, упала на полъ... Взялъ я, *по
на нее своимъ духомъ*, и она какъ отъ сна пробудилась, встала и, пе
стившись, сказала: «О, Господи! что такое случилось? О, куды твой
великъ!..» Приведши меня въ Тулу, посадили на стулѣ, подпоясал
сомъ желѣзнымъ, фунтовъ пятнадцать, и приковали меня къ стѣн
шею, за руки и за ноги: на часахъ стояли четыре драгуна... *Возже
сойти со креста, и только-что сіе подумалъ*, то все желѣзо съ шеи, с
и съ ногъ свалилось, а драгуны тогда всѣ заснули, и я вышелъ
гулялъ по двору» и проч. Про чародѣйныя и волшебническія дѣ
Данилы Филипова и Ивана Тимоѳеева Суслова у людей божіихъ
няются подобныя же легенды и миѳы. Далѣе, мнимо-сверхъестеств
даръ таинственнаго предвѣденія и предсказанія урожаевъ или неуро
удачи и неудачи разныхъ промысловъ и мнимо-сверхъестественная
однимъ даровать изобиліе и урожай,—а другихъ—лишать, все это аттр
завѣщанные великимъ волхвамъ и волшебницамъ—пророкамъ и пр
цамъ людей божіихъ финско-славянскимъ кудесничествомъ. Мы в
какъ въ древней Россіи, «въ ловы идуще или на куплю отходяще—
дѣяніемъ и кобми ходили сихъ искати». Видѣли также, какъ д
чудско-славянскіе кудесники истолковывали причины неурожаевъ. Изв
также, что всѣ финскія племена — самоѣды, мордва, чуваши, чере
вотяки, остяки и проч. и доселѣ предъ началомъ всякихъ промы
прибѣгаютъ къ шаманству, и шаманы — самоѣдскіе тадибеи, чере
корты, вотяцкіе тоны и вѣдины или вѣдуны и проч., вопрошая с
боговъ и духовъ, предсказываютъ, по вдохновенію ихъ, объ изобилі
недостаткѣ урожаевъ, меда, рыбы, звѣрей, скота и проч. Такъ то
пророки и пророчицы людей божіихъ, подобно древне-русскимъ вол
и финскимъ шаманамъ, присвояли себѣ сверхъ-естественную власть—
ряжаться жизненными произведеніями природы: «Пророчица Анна
новна,—говоритъ Селивановъ,—узнавала въ морѣ и рѣкахъ, когда б
рыбы ловъ, и въ поляхъ хлѣбу урожай, почему и по явности она п
вилась: и знавши это, многіе изъ міру къ ней приходили и спраши
сѣять ли нынѣшній годъ хлѣбъ? а также о рыбѣ: ѣздить ли ловит
нѣтъ? И если она кому велитъ сѣять хлѣбъ или ловить рыбы, то
въ тотъ годъ хлѣба уродится и рыбы поймаютъ; а въ который го
прикажетъ, то ничего не поймаютъ и не уродится хлѣбъ [1]). Самая

[1]) Списокъ отреч. книгъ въ моей книгѣ о раск. стр. 451.

твенность и строгая замкнутость традиціоннаго, преемственнаго обученія айнамъ пророчества вполнѣ соотвѣтствуетъ столь же сокровенной и въ ѣсномъ кругу замкнутой наслѣдственной передачѣ тайнъ кудесничества шаманства. Извѣстно, что въ старину чудско-славянскіе волхвы и кудесники и бабы кудесницы подъ строгимъ секретомъ передавали своимъ одственникамъ или самымъ ближайшимъ людямъ свои завѣтныя тайны, вое знахарское искусство—колдовское и пророческое. «*Невѣжды* держали себя лживыя молитвы, заговоры и заклинанія, волховники и чаровники отъ отецъ и прадѣдъ» [1]). И доселѣ знахари обыкновенно передаютъ свое заніе только въ глубокой старости, или при смерти, близкимъ своимъ одственникамъ, *какъ наслѣдство*. Шаманы или кудесники финскихъ пленъ также строго соблюдаютъ таинственную наслѣдственную передачу оего шаманскаго искусства. «Преимущество свое предъ простымъ народмъ, говоритъ, напр., Лепехинъ о самоѣдскихъ шаманахъ—тадибеяхъ,—и зпрерывное преемство своего художества опредѣляютъ и заключаютъ дибеи единственно въ своемъ родѣ; потому всегда отъ восходящей линіи едковъ переходитъ къ нисходящимъ потомкамъ знаніе и отправленіе ихъ на, въ которомъ непосредственное обученіе, по мнѣнію самоѣдовъ, отъ михъ тадебціевъ невидимо пріемлютъ, съ помощію однакожъ старыхъ дибеевъ, которые молодымъ своимъ братьямъ споспѣшествуютъ своими вѣтами подобающимъ образомъ обходиться съ тадебціями» [2]). Точно также у пророковъ и пророчицъ людей божіихъ всегда былъ самый тѣсный и инственный кругъ наслѣдственной или традиціонной преемственнои ихъ шаманско-пророческихъ секретовъ. У людей божіихъ обыкновенно наслѣдуютъ званіе пророческое дѣти, рожденныя отъ свальнаго ѣха пророка и пророчицы и всего корабля мужчинъ и женщинъ. Такія ти воспитываются обыкновенно и учатся тайнамъ шаманскаго пророчева: мужескій полъ у пророковъ, а женскій у пророчицъ, и впослѣдствіи ступаютъ ихъ мѣсто въ обществѣ людей божіихъ [3]). Въ 1828 году старя пророчица людей божіихъ, Анна Скочкова, крестьянка Саратовской берніи, при допросѣ раскрыла тайну выбора пророковъ и пророчицъ у ыстовъ. «Въ Турціи, говорила она, среди бѣжавшихъ туда гребенскихъ запорожскихъ казаковъ, хлысты имѣютъ главнаго настоятеля своей кты, отъ него получаютъ всѣ нужныя книги. Тамъ были строго испываемы и утверждаемы пророки и пророчицы хлыстовъ. Оттуда выдавась имъ въ даръ книжка, похожая на молитвенникъ; книга эта была напечатана русскими красными словами, но разобрать и понять ее было невозможно. Только пророки и пророчицы могутъ ее читать очень скоро, отъ вой руки къ правой. Главная пророчица обязана была двухъ или трехъ ѣвочекъ, по усмотрѣнію, предварительно познакомить съ сею грамотою, аророкъ столько же мальчиковъ, но не иначе какъ секретно, дабы, въ лучаѣ ихъ смерти, изъ оныхъ дѣвочекъ и мальчиковъ могли быть избраны

---

[1]) Этногр. сбор. вып. V, бытъ крестьянъ Курской губ. стр. 87.
[2]) Путешеств. Лепехина изд. 1772 г. ч. VI стр. 221—222, также 203.
[3]) Православный собесѣдникъ 1858 г. іюнь стр. 401.

пророчица и пророкъ. Прочимъ же сей грамотѣ учиться не дозволяется
По мнѣнію симбирскихъ, алтырскихъ скопцовъ, для того чтобы сдѣла
пророкомъ, даже скопецъ *«большой печати»*, т.-е. вполнѣ оскопившійс
приведшій въ скопчество 12 учениковъ, долженъ быть хоть разъ при см
одного изъ скопческихъ пророковъ—*воспріять въ себя душу пророка* [2]).
конецъ, подобно всѣмъ кудесникамъ и шаманамъ, пророки и пророч
людей божіихъ пользовались простотою необразованнаго и суевѣрнаг
рода для наживы. Сусловъ обогатился на счетъ «золотой казны» су
ныхъ «гостей-корабельщиковъ», завелъ свой домъ въ Москвѣ и спок
прожилъ въ немъ 30 лѣтъ подъ именемъ *темнаго богатины* Ивана Т
феевича Суслова. Въ 1735 г., когда сборище людей божіихъ было от
въ Москвѣ правительствомъ, по доносу разбойника Караулова, и въ П
бургѣ наряжена была слѣдственная комиссія для изслѣдованія ихъ у
и дѣйствій,—пророки и пророчицы людей божіихъ прямо сознавали
редъ комиссіей, что они простотою и безусловнымъ повиновеніемъ гр
невѣждъ пользовались къ своему обогащенію [3]). Въ разсказахъ Сели
про лже-пророчицу Акулину Ивановну говорится, что она была «ве
милліонщица». И самъ Селивановъ, кажется, тоже былъ не прочь
вать богатство. «Явное богатство,—говоритъ онъ,—не вредитъ умно
ловѣку». Людямъ божіимъ предсказывалъ онъ обогащеніе, если о
дутъ соблюдать чистоту. Когда онъ былъ на соборѣ лже-пророчицы
Романовны, «она велѣла выдвинуть на средину собора какой-то су
и, сѣвши на него крѣпко вмѣстѣ съ Селивановымъ, сказала ем
одинъ откупишь всѣхъ иностранныхъ земель товары». Самъ Сели
говоритъ о себѣ: «когда я пошелъ въ Иркутскъ, у меня было
только за одною печатью, а какъ пришелъ изъ Иркутска въ Ро
тогда вынесъ товару за тремя печатьми» [4]).

Во-вторыхъ, богослуженіе людей божіихъ есть ничто иное, какъ
библейско-христіанской санкціи съ финско-славянскими языческим
рищами и моленіями и славянско-финскимъ шаманствомъ. Древне-
скія, чудско-славянскія, такъ называемыя церковными іерархами «
скія сборища и мольбища», преобразовались въ сектѣ людей бож
скопцовъ въ такъ называемые *божьи соборы и моленья*. Такъ переиме
ихъ Селивановъ: «именуйте, писалъ онъ, свои собранія *божьими со*
первый — есть соборъ отца вашего искупителя, другой — матушки
Акулины Ивановны, а третій соборъ—возлюбленнаго моего сыночк
ксандра Ивановича, четвертый же соборъ всѣхъ вѣрныхъ праведны
Всѣ существенные аттрибуты старыхъ чудско-славянскихъ идольских
рищъ, какъ-то: хороводы, пляски, скаканья, плесканья и т. п., пѣсн
скія, даже самый свальный грѣхъ—«великое прельщеніе и паденье му

---

[1]) Запис. свящ. саратов. тюремн. замка Н. Вазерскимъ. Прав. Соб. 362–36
[2]) О скопцахъ Симбирской губ. въ Зап. Геогр. Общ. по отд. этнографіи т. 1. с
[3]) П. С. З. т. IX, № 6613.
[4]) Посл. 68, 76, 80.
[5]) Посл. 90.

камъ», женамъ замужнимъ беззаконное оскверненіе и дѣвамъ растлѣ-
се это существенно вошло въ составъ радѣній и бесѣдъ людей бо-
и только приняло въ нихъ новую, сектаторскую форму. Вообще,
твіе вѣкового физіологическаго и умственно-бытоваго смѣшенія сла-
го племени съ разными финскими племенами,—и въ мнимо-богослу-
хъ соборахъ и радѣньяхъ людей божіихъ выразилась смѣсь славян-
и финскихъ элементовъ. Въ первой половинѣ радѣній преобладаетъ
тъ славяно-русскій, а во второй—финско-шаманскій. Такъ называемое
ое, хороводное радѣнье, въ которомъ мужчины и женщины, присут-
щіе на соборѣ божьемъ, становятся въ круги, подобно какъ въ обыкно-
хъ простонародныхъ русскихъ хороводахъ, очевидно, есть религіозная
я древне-русскихъ языческихъ хороводовъ, которые въ XIV в. отно-
къ числу отреченныхъ суевѣрій и бѣсовскихъ радостей. Всѣ бого-
бныя пѣсни людей божіихъ суть ничто иное, какъ передѣлка рус-
простонародныхъ пѣсенъ въ духѣ мистическаго ученія людей божіихъ.
напѣвъ ихъ религіозныхъ пѣсней есть напѣвъ простонародныхъ рус-
пѣсенъ—протяжно-заунывныхъ, хороводныхъ и плясовыхъ. Кромѣ того,
авъ богослужебныхъ пѣсней людей божіихъ вошли и нѣкоторые древне-
духовные стихи, какъ, напр., стихи объ Іоасафѣ царевичѣ, объ Іосифѣ
сномъ, стихъ о Голубиной книгѣ и др. [1]). Самъ Селивановъ въ одно
былъ калѣкой перехожимъ, по собственнымъ словамъ его, «въ ни-
омъ образѣ ходилъ по ярмаркамъ и пѣлъ стихи» [2]). Наконецъ, мо-
людей божіихъ передъ чаномъ, наполненнымъ свѣжей водой, и га-
ное слушаніе изъ-подъ чана таинственныхъ, предвѣщательныхъ го-
и т. п., это моленье предъ водой есть ничто иное, какъ остатокъ
-языческаго моленья и гаданья нашихъ предковъ у воды, или такъ
вшагося тогда моленья «рѣчнаго и кладязнаго». Съ другой стороны,
тавѣ богослужебныхъ радѣній людей божіихъ, особенно въ обрядѣ
ества, весьма замѣтно отразилось не только славяно-русское куде-
тво, но и финское шаманство. Секта людей божіихъ особенно распро-
лась въ предѣлахъ рѣчной системы Волги и Оки, тамъ, гдѣ пре-
ственно сосредоточено финское населеніе, гдѣ сплошь и рядомъ въ
ъ деревняхъ и даже волостяхъ живутъ крещеные и обрусѣлые чу-
черемисы, мордва, вотяки и проч., и гдѣ русское населеніе, большею
, представляетъ сплошную смѣсь славянскаго элемента съ финскимъ.
кта также распространилась среди чухонцевъ С.-Петербугской гу-
—племени тоже финскаго. Возникши въ такой этнографической
среди крещеныхъ и некрещеныхъ, обрусѣлыхъ и полуобрусѣлыхъ
ихъ племенъ, секта людей божіихъ очень естественно многое отъ
аимствовала. Та огромная масса русскаго православнаго народа, ко-
была ничто иное, какъ давно обрусѣлая чудь, меря, мордва, или со-
изъ обрусѣлыхъ чухонцевъ, чувашъ, черемисъ, вотяковъ и пр., въ
и въ XVIII в. далеко не вся отстала отъ стараго финскаго шаман-

[1]) Прав. Собесѣд. 376. Посл. Селив. 78.
[2]) Посл. 74.

ства. И вотъ вышедшіе изъ этой массы или появившіеся среди ея ные и учительные люди, въ родѣ Данилы Филипова, Суслова и Се нова, внесли въ основанную ими секту финскій шаманизмъ, прида наружно-христіанскій видъ пророчества. Въ сущности же, и подъ в этого пророчества, во всей ясности проглядываютъ всѣ существе черты финскаго шаманства. Мы проведемъ здѣсь поподробнѣе пара между финскимъ шаманствомъ и пророчествомъ людей божіихъ, дл чтобы показать, какъ глубоко напечатлѣлся въ массѣ русскаго наро сточный, финскій и, притомъ, самый грубый, шаманскій умственный ск и какъ онъ, въ XVIII в., въ этотъ великій вѣкъ разума и фило отвлекалъ и доселѣ отвлекаетъ нашъ бѣдный, темный народъ отъ въ самый мрачный заколдованный кругъ восточно-финскаго изсту и суевѣрія. Главнымъ образомъ финское шаманство глубоко отпечатл на пророчествѣ людей божіихъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно досел бенно сохраняется у самоѣдскихъ племенъ. У мезенскихъ самоѣдовъ, свидѣтельствуетъ миссіонеръ отецъ Веніаминъ, тадибей или шама вечера возвѣщаетъ, что на другой день будетъ производиться самбад *битье кудесъ*, въ такомъ-то чумѣ. По-утру изъ всѣхъ окрестныхъ ч собирается народъ. Мужчины садятся по правую, а женщины по л сторону. За ними входитъ тадибей и начинаетъ шаманить. Когда та ударитъ въ пензеръ, — самоѣды, подъ звуки его, сперва припѣваю химъ голосомъ, а потомъ громко кричатъ: гой! гой! гой! Этимъ одно нымъ распѣвомъ и крикомъ они выражаютъ внутреннее желаніе, что дебціи услышали воззванія и молитвы тадибея. Къ концу самбадав дибей является изступленнымъ, восторженнымъ и восклицаетъ: «Ня пришли товарищи, тадебціи!» Впавъ въ изступленіе, тадибей начи разговаривать съ духами и пророчествовать. Именно, онъ предсказы или объ излеченіи отъ болѣзни того, по просьбѣ котораго бьетъ ку или объ отогнаніи волковъ отъ стада оленей, или объ успѣхахъ пром на который сбираются самоѣды, или о напущеніи и отвращеніи к либо несчастія и т. п. [1]). Сибирскіе самоѣды, именно тазовскіе осамо шіеся остяки, точно также, по назначенію тотеба или шамана, собир въ одинъ чумъ, а зимой въ землянку, и при этомъ закрываютъ войл всѣ отверстія въ чуму и ледяныя окна въ зимнихъ землянкахъ. По усѣвшись въ кругъ,—мужчины на правой, а женщины на лѣвой ст начинаютъ пѣть. Шаманъ-тотебъ запѣваетъ и за нимъ всѣ самоѣды-о поютъ громко: экы-хонъ, эки-хонъ, эки-хонъ, и т. п. Иногда во время п а иногда по окончаніи, находитъ на тодэба и даже на остяковъ духъ божій, и начинаетъ по-очередно каждому остяку предсказыват про что спрашиваетъ: кому про удачу или неудачу промысла звѣр или рыбнаго, кому про болѣзнь, кому про благополучіе или несчаст кое-нибудь и т. п. Не тоже ли, въ сущности, бываетъ и въ пророче людей божіихъ и скопцовъ? Совершенно также люди божіи и скопц

[1]) Вѣстникъ Географическаго общества 1855 г. ч. XIV отд. I, 118—119. IV, 220—221.

раются въ одинъ домъ, и также всегда по предварительному извѣщенію ророка и пророчицы, и въ молельной комнатѣ закрываютъ всѣ окна. Мужины также садятся по правую сторону, а женщины по лѣвую. Затѣмъ, огда пророкъ и пророчица и всѣ люди божіи или скопцы, подобно черемисскимъ молельщикамъ, одѣнутся въ бѣлыя рубашки и зажгутъ восковыя вѣчи,—начинается общее пѣнье. Сначала, подобно самоѣдамъ, поютъ тимъ, протяжно-плачевнымъ голосомъ: «сошли намъ, Господи, духа свяго» и пр. Потомъ начинаютъ пѣть скорымъ голосомъ, напоминая самоѣдкое *гой*: «гой духъ святый — духъ, гой духъ — святый духъ». Къ концу ѣнія пророкъ, подобно крику самоѣдскаго тадибея: «нясъ-то»,—вдругъ воснцаетъ: «вотъ катитъ! вотъ катитъ! духъ святой катитъ! накатилъ, натилъ!» Это значитъ, что, подобно самоѣдскому лусу или тадебцію, на ророка сошелъ *духъ*. Тогда начинается пророчество, какъ у финской чуди аманство. Какъ у всѣхъ финскихъ племенъ шаманы, во время пророчествъ, быкновенно всячески кривляются, бьютъ себя въ грудь, и забалтываютъ кричатъ до изступленія, бѣшенства и обморока, такъ и у людей божіихъ скопцовъ пророкъ, во время своего пророческаго шаманства, всячески ривляется и мечется, бьетъ себя въ грудь кулакомъ и по лядвеямъ ладонью, болтаетъ и кричитъ до изступленія: отъ изступленія и болтовни нъ утомляется до того, что почти всегда у рта его появляется пѣна и ерѣдко онъ падаетъ въ обморокъ [1]). Подобно тому, какъ у самоѣдовъ адебціи или лусы возвѣщаютъ предсказанія о погодѣ, о разливахъ водъ, объ уловѣ рыбы и звѣря, о болѣзняхъ и т. п.,—и у скопцовъ, по ихъ выаженію, «духи поютъ черезъ пророковъ», или «духъ въ кругѣ возвѣщаетъ резъ пророчески уста» также о воздушныхъ перемѣнахъ, о дождѣ, о радѣ, объ урожаяхъ, о болѣзняхъ и т. п. [2]). Какъ для самоѣдовъ, остяковъ, черемисъ, послѣ вопроса о здоровьѣ или болѣзни и смерти, первыми насущными вопросами были вопросы о средствахъ жизни, объ урожаяхъ и неурожаяхъ хлѣба, объ изобиліи или неудачѣ промысловъ рыбныхъ, звѣриныхъ, пчеловодныхъ и другихъ, и они, съ этими животрепещущими вопросами, прибѣгали къ шаманству тадибеевъ, кортовъ и т. д.: такъ и русскій простой народъ, мучительно тревожась жизненнымъ вопросомъ объ урожаѣ или неурожаѣ хлѣба въ предстоящемъ году, о благополучіи или неудачѣ рыбнаго и всякаго другого промысла, тоже невольно шелъ къ пророку, какъ своему шаману, чтобъ тотъ попророчествовалъ или пошаманилъ ему на столь животрепещущіе вопросы жизни. Когда разнеслась молва, что пророчица Анна Романовна хорошо пророчила про урожаи и неурожаи и про другіе промыслы, то, по словамъ Селиванова, «многіе изъ міру къ ней приходили и спрашивали: сѣять ли нынѣшній годъ хлѣбъ? а также объ рыбѣ: ѣздить ли ловить или нѣтъ? И она, созывая свой соборъ, состоявшій изъ 80 человѣкъ, «ходила въ словѣ» и пророчествовала, въ какой годъ и у кого уродится много хлѣба, и рыбы изловятъ много, и въ какой годъ будетъ неурожай и неуловъ рыбы и проч.

[1]) Православный собесѣдникъ 375, 395.

[2]) О скопцахъ—св. Георгіевскаго въ зап. Геогр. общества 531.

Знать такія жизненныя тайны для народа бѣднаго, въ хозяйствѣ св
всецѣло зависящаго отъ физическихъ силъ естественной экономіи,—
такія насущныя, животрепещущія тайны — для него было такою
тельно-тревожною потребностью, что ему какъ будто необходимы
пророки или пророчицы, на подобіе самоѣдскихъ тадибеевъ, и т. п.
ихъ не было, а были близко финскіе шаманы, то многіе правосл
мужики и бабы не прочь были сходить и къ этимъ шаманамъ и
сить ихъ пошаманить, какъ уродится нынѣшній годъ хлѣбецъ,—ц
будетъ въ лѣто скотъ отъ звѣря, какой будетъ въ немъ приплодъ,
хвораетъ ли кто изъ ихъ семьи и т. п. На низу Енисея одинъ
крестьянинъ въ 1863 г. даже самъ шаманилъ вмѣстѣ съ юрацки
маномъ, и въ своемъ шаманскомъ изступленіи они порѣшили живою з
въ землю 8-лѣтнюю дѣвушку. Но вотъ, на мѣсто финскихъ шаман
угоду насущнымъ потребностямъ темнаго народа, явились пророки
рочицы людей божіихъ и скопцовъ,—и вотъ масса народа устреми
нимъ на соборы послушать ихъ лже-пророческаго шаманства о
житьѣ-бытьѣ. И тѣмъ охотнѣе народъ собирался на моленья и п
ства людей божіихъ, особенно народъ обрусѣлый изъ вотяковъ, ч
черемисъ, мордвы и т. п., въ моленьяхъ людей божіихъ онъ во м
видѣлъ возстановленіе и освященіе своихъ прежнихъ, отцовскихъ
дѣдовскихъ моленій и обрядовъ. Напримѣръ, православному обру
вотяку или происхожденцу изъ вотяковъ сродно было самое н
люди божіи, потому что вотяки и сами въ язычествѣ называ
удъ-мортами—людьми божіими; близки, сродны были его сердцу и
молельные дома «людей божіихъ», потому что и вотяки-язычники
для моленья такіе же «моленные дома» — *будшинъ-коалы*, моленны
гдѣ тона или утиссъ-шаманъ молитъ инмара «послать имъ теплы
дикъ, урожай хлѣба, надѣлить ихъ дѣтками, скотомъ, медомъ, сча
добрыми людьми, кротостью и прогнать отъ скота ихъ хищныхъ звѣ
наконецъ, православному, обрусѣлому изъ вотяковъ, знакома и эт
ственная коробка людей божіихъ, хранящаяся въ ихъ мол
домѣ, потому что и у вотяковъ въ срединѣ избной стѣны, гдѣ с
лось моленье, хранилась точно такая же общественная коробка с
гами и другими приношеніями и называлась *вордъ-шудъ* [2]). Точно т
православный, происшедшій отъ предковъ-черемисъ, и особенно
крещеный и обрусѣлый черемисянинъ тѣмъ болѣе сроднялся и с
съ сектой людей божіихъ, что на моленьяхъ ихъ духъ, воспѣвае
пѣсняхъ людей божіихъ, живо, наглядно напоминалъ ему его пр
праотеческаго набольшаго бога Юма; въ воспѣваемой людьми б
Божіей матери онъ видѣлъ живое воплощеніе своей языческой
матери Юмани-аба (божья матерь); а бѣлыя рубашки, какія над
люди божіи предъ своими моленьями, и восковыя свѣчи, какія

[1]) Георгіевскій, I, 55—56.

[2]) Вѣстникъ Географ. общ. 1859 г. ч. XXVI, II, стран. 100; опис. в
уѣзда.

ягаютъ въ началѣ радѣнья, — въ употребленіи и у некрещеныхъ черемисъ ихъ моленьяхъ, особенно, въ праздникъ новаго хлѣба (наремъ у кинянъ), или наканунѣ новаго года [1]).

Наконецъ крещеные, православные чуваши и мордва могли привнести ъ богослуженіе людей божіихъ и свою долю молельныхъ обычаевъ; поому что и у тѣхъ, и у другихъ есть опять сходство въ моленьяхъ. Напр., звѣстно, что люди божіи, собравшись по обычаю въ одинъ домъ челоѣкъ до 50 или болѣе, приносятъ съ собою хлѣбъ, чай, сахаръ, медъ, асти или съѣстные припасы, изъ которыхъ варятъ обѣдъ, если моленье ываетъ утромъ, или ужинъ. Потомъ зажегши восковыя свѣчи, начинаютъ вое моленье. Наконецъ, послѣ заключительной молитвы о благополучномъ звращеніи по домамъ, всѣ садятся за столъ по мѣстамъ и угощаются ѣдомъ или ужиномъ.

Точно также бываетъ и у чувашъ и мордвы. Лепехинъ говоритъ: ногіе изъ крещеныхъ чувашъ и мордвы и понынѣ не оставляютъ нѣторый родъ своихъ богомольныхъ обрядовъ. Они, собравшись въ проанный домъ, вносятъ въ избу нарочно сдѣланный для того новый столъ, авятъ на него хлѣбъ, соль, говядину, пиво, медъ и, засвѣтивъ передъ разомъ свѣчки, совершаютъ свое моленье. Старшій изъ сборища или зе—шаманъ, отошедъ къ дверямъ, кланяется и читаетъ свои молитвы; томъ, подошедши къ столу, указываетъ рукою на все, что на столѣ поавлено, порознь. Повторивъ сей обрядъ разъ съ шесть, затворяютъ двери, дятся за столъ и ѣдятъ оную пищу» [2]). Какъ у людей божіихъ въ проческое званіе избираются лица обоего пола, и потому бываютъ пророки пророчицы,—такъ и у мордвы и у чувашъ—іомзя или ихъ пророки-шаны тоже бываютъ обоего пола.

Наконецъ, въ мистико-пантеистическомъ міросозерцаніи людей божіихъ скопцовъ весьма ясно отразился фетишизмъ финско-славянскаго язычева, прикрытый только церковно-византійскимъ спиритуализмомъ. Скопцы едставляютъ всю природу одухотворенною: къ небу, солнцу, звѣздамъ, нѣ, землѣ, горамъ, рѣкамъ, озерамъ, лѣсамъ, звѣрямъ, и даже къ змѣямъ червямъ, они также обращаются съ покаянной молитвой, какъ и къ геламъ, архангеламъ, херувимамъ, серафимамъ и всей небесной силѣ. ждый новообращенный въ скопчество долженъ произносить на скопчеомъ соборѣ, по наученію скопца-пророка, такое молитвенное заклинаніе: Прости меня, Господи, пресвятая Богородица, ангелы, архангелы, херумы, серафимы, и вся небесная сила; *прости небо, земля, солнце, луна, ѣзды, озера, рѣки, горы и всѣ стихіи небесныя и земныя»* [3]). Или: «прости ня, батюшка родимый, на кругѣ катающійся, *прости солнце и луна, небо звѣзды, и матушка сырая земля, и пески и рѣки, и звѣри и лѣса, и змѣи*

[1]) Вѣстникъ Геогр. общ. 1856 г. кн. IV, отд. I, стр. 282—289: о религіи некрещ. рем. Каз. губ. протоіерея Вишневскаго.

[2]) Дневн. зап. Леп. изд. 1793 г. ч. I, стр. 165; см. Пр. Саб. 1858 г. іюль, стр. 375—396.

[3]) О скопцахъ Симбир. губ. г. Крыжина. Зап. Имп. р. Геогр. общ. по отд. этногр. I, стр. 507.

и черви» [1]). Такое отношеніе къ природѣ есть живой остатокъ языческаго финско-славянскаго міросозерцанія. Всѣ финскія племена также относятся къ физическому міру. Общее всѣмъ альпійскимъ народамъ вѣрованіе,—говоритъ Кастренъ,—рисуетъ себѣ силы природы, какъ существа жизнью и душою одаренныя; почти каждый предметъ, каждое явленіе въ природѣ оживлены такимъ существомъ. Духи деревъ, камней, гладкаго озера и тихаго ручья внемлютъ его молитвамъ и принимаютъ отъ него жертвы. Коли удастся ему расположить къ себѣ змѣю, медвѣдя, волка, лебедя, то и въ нихъ онъ имѣетъ вѣрныхъ хранителей, ибо въ нихъ сокрыты сильные духи. И есть много людей, особенно въ сѣверной Сибири, которые молятся предметамъ природы, въ ихъ матеріальномъ видѣ, и поклоняются имъ такъ же, какъ солнцу, небу, огню, водѣ и другимъ силамъ природы. Шаманы финскіе основываютъ все свое ученіе на томъ вѣрованіи, что вся природа населена духами, которые имѣютъ и доброе и злое вліяніе на всѣ людскія предпріятія [2]). Такое же воззрѣніе на природу господствовало и у славянъ-язычниковъ: перуны, хорсы, дажбоги, русалки, дивы и проч. наполняли и одушевляли небо, солнце, мѣсяцъ и звѣзды, землю, воду, лѣса, и т. п. Даже въ христіанскія времена, какъ видно, напр., изъ «слова отъ видѣнія Павла» солнце, мѣсяцъ и звѣзды, море и рѣки, земля и вообще вся природа представляются живыми существами, наблюдающими за нравственностью людей и угрожающими имъ за беззаконный блудъ, давленіе дѣтей, разбой, татьбу и всякія неправды [3]). И вотъ это-то финско-славянское воззрѣніе на природу отразилось въ міросозерцаніи скопцовъ. Они повсюду въ природѣ видятъ живаго Бога, Духа Божія. «Батюшка царь небесный,—говорилъ намъ одинъ туруханскій скопецъ,—не велѣлъ намъ даже козявки раздавить: онъ вездѣ живой Богъ». Отсюда проистекаютъ всѣ эти мистико-пантеистическіе символизмы, которыми характеризуются всѣ пѣсни людей божіихъ, воспѣвающихъ, напр., сизыхъ голубей—скопцовъ, солнце красное-Селиванова и т. п. Въ частности, воззрѣніе скопцовъ на солнце, какъ на могучую, животворную, а для грѣшниковъ—грозную мать небесную, и на землю, какъ на такую же могучую мать землю, есть также остатокъ древне-языческаго, финско-славянскаго міровоззрѣнія. Новообращенный въ скопчество долженъ давать слѣдующее заклятіе, которое у скопцовъ называется присягою: «про сіе дѣло святое никому не провѣдывать ни отцу, ни матери, ни роду, ни племени; а буде провѣдаю, *не подержи меня, матушка сырая земля, не дай матушка-красное солнышко свету бѣлаго»* [4]). Такое скопческое заклятіе солнцемъ и землею, очевидно, заимствовано изъ языческаго, финско-славянскаго міросозерцанія. Славяне, въ язычествѣ, поклонялись солнцу, сначала какъ существу женскаго пола, какъ богинѣ, а потомъ какъ богу—хорсу, дажбогу, боготворили также и

---

[1]) Записки о скопцахъ Калужск. губ. св. А. Георгіевскаго, стр. 529.

[2]) Vorlesung über die Finnische Mytholog. s. 197—198: Götterbilder und heilige Naturgegenstände.

[3]) Буслаев. II, 127—128.

[4]) Ibid, стр. 529.

млю, олицетворяя, называли ее *матерью сырой землею.* Землѣ, какъ каялись и исповѣдывались. Въ одномъ духовномъ раскольничьемъ тся:

Ужъ какъ *каялся молодецъ сырой землѣ:*
„Ты покай, покай, матушка сыра земля!
Есть на душѣ три тяжки грѣха,
Да три тяжкіе грѣха, три великіе...“
Какъ спроговоритъ матушка сыра земля;
„Въ первомъ грѣхѣ тебя Богъ проститъ,
Хоть бросилъ отца съ родной матерью,
Втоды глупой былъ, да неразумный сынъ.
И въ другомъ грѣхѣ тебя Богъ проститъ,
Хоть и жилъ со кумой со хрестовой,
Хоть прижили отрока младого,—
Втоды холостъ былъ, да неженатый человѣкъ.
А въ третьемъ-то грѣхѣ не могу простить,
Какъ убилъ въ полѣ братенку хрестоваго,
Порубилъ цѣлованьица хрестоваго“ [1]).

финскія племена также боготворили и большею частію доселѣ тъ солнце и землю: финны поклонялись солнцу, подъ именемъ значитъ солнце и богъ солнца [2]). Въ частности «мордва и чу-оритъ Лепехинъ, солнце и луну не только за божества почитаютъ, осятъ жертву солнцу, въ началѣ весны, когда хлѣбъ сѣютъ, а овомѣсячье; мордва молилась солнцу: вышнее солнце свѣтитъ рство, свѣти и намъ и на нашъ міръ». Енисейскіе остяки не готворятъ солнце, но и подобно скопцамъ, представляютъ его су-женскаго пола, матерью людей, или дѣвицей, раздѣляющей съ небеснымъ богомъ, Ессомъ, управленіе міромъ. Точно нскія племена боготворили, и боготворятъ большею частью доселѣ,

жавъ такое языческое, финско-славянское вѣрованье въ *святую ю землю*, скопцы, подобно древне-русскимъ стригольникамъ, испо-землѣ и вѣрятъ, что мать сыра земля можетъ передавать тайны. ъ говоритъ: «отъ нѣкоторыхъ дѣтушекъ слезы доходили ко мнѣ *лью* въ Иркутскъ и обжигали мои ноги; я ихъ спрашивалъ, и они , чьи онѣ» [3]). Только тайны скопчества нельзя было исповѣ-ырой землѣ. Новопришедшій въ скопчество давалъ клятву: «Дай огонь и пламя, и кнутъ и Сибирь претерпѣть, сіе дѣло не отло-бы ни кому, ни роду, ни племени, *ни сырой землѣ* не сказать» [4]). ванье въ исповѣдь землѣ было и у славянъ, напр., у сербовъ и Такъ, въ сербской сказкѣ о Троянѣ совѣтуется одному мальчику, тайну про Трояна: «ступай за-городъ въ поле, вырой яму,

---

рникъ дух. стих. сост. Варенцовымъ, стр. 161.
. Mytholog. s. 53 и слѣд.
сл. 85.
скопцахъ А. Георгіевскаго, 529.

уткни въ нее голову и трижды исповѣдуй свою тайну землѣ и по
закопай яму» [1]).

Самая апотеоза пророковъ, идея самозванства ихъ христами, бог
саваоѳами, проистекала изъ восточно-азіятскаго, чувственно-образнаго
настроенія темной массы народа и была совершенно въ духѣ восточ
финско-славянскаго міросозерцанія. Во-первыхъ, антропоморфическая
теоза людей, особенно *вѣщихъ*, каковы волхвы и богатыри, весьма обы
венна какъ въ славянской, такъ въ особенности въ финской и даже
части въ татарской миѳологіи. По языческому вѣрованію восточныхъ
вянъ, вѣрившихъ въ оборотней всякаго рода, всякій великій волхвъ м
«сѣсть въ боги», и невѣгласи, т.-е. невѣжды съ полной вѣрой басно
вили даже въ XVII вѣкѣ, будто старшій сынъ миѳическаго Словена
въ боги, сталъ богомъ — громомъ, перуномъ. Еще сильнѣе была в
въ вочеловѣченіе боговъ у восточныхъ, финскихъ племенъ, которые,
стясь и русѣя, вносили съ собой эту вѣру и въ массу православнаго
скаго народа. Всѣ боги финской Калевалы, въ позднѣйшихъ народн
представленіяхъ, сходятъ на землю и принимаютъ образъ человѣчес
Не чужда идея вочеловѣченія боговъ и тюрко-татарскимъ племенамъ
крайней мѣрѣ, сибирскимъ татарамъ. Такъ, по представленію послѣдн
ихъ божественный духъ айна (Aina) часто принимаетъ на себя образъ
ловѣка [2]). Словомъ, вочеловѣченіе боговъ и обоготвореніе людей са
обыкновенная идея въ восточной миѳологіи [3]). И вотъ, когда восточ
финскія племена стали мало-по-малу принимать христіанскую вѣру и
темъ постепеннаго физіологическаго смѣшенія входить въ составъ слав
русской народности, — они внесли эту антропоморфическую идею воч
вѣченія боговъ и обоготворенія людей и въ свое новое міросозерцаніе. П
вліяніемъ церковно-византійскаго книжнаго ученія, финско-славян
идея миѳической апотеозы выдававшихся надъ толпой вліяніемъ и по
гами людей получила новое, высшее развитіе. Народный стихъ о Ег
храбромъ, прикрытый канвой церковно-византійскаго сказанія о Гео
побѣдоносцѣ, въ различныхъ варіантахъ, является постепеннымъ истор
литературнымъ развитіемъ и выраженіемъ той идеи, какая потомъ в
зилась, въ своемъ окончательномъ проявленіи, въ духовныхъ стихах
пѣсняхъ людей божіихъ и скопцовъ о «пророкѣ надъ пророками» — С
вановѣ. Въ одномъ варіантѣ, представляющемъ самую древнюю, языче
формацію народнаго міросозерцанія, стихъ о Егоріѣ храбромъ, подъ о
комъ христіанскаго святаго Георгія побѣдоносца, воспѣваетъ, миѳичес
божественнаго богатыря, творца міра, устроителя финско-русской зе
подобнаго финскому вѣщему Вейнемейнену. Какъ финскій Вейнемейн
по изображенію рунъ Калевалы, передѣлываетъ природу своими чар

[1]) Бусл. 1, 386.
[2]) Кастренъ, 303.
[3]) Ibidem 307—300. Nichts ist auch—замѣчаетъ Кастренъ,—in den heidnisch
Religionsformen gewöhnlicher, als dass die Götter so umgestaltet und Menschen werd
Noch mehr Beweise für das Menschwerden der Götter liefert uns der Orient.

Егорій храбрый устроялъ финско-русскую землю силою своихъ вѣ-словъ:

Вы лѣсы, лѣсы дремучіе!
Зараститеся вы, лѣсы,
По всей землѣ свѣтло-русской...
Ой—вы—еси, рѣки быстрыя,
Рѣки быстрыя, текучія!
Потеките вы, рѣки, по всей землѣ,
По всей землѣ свѣтло-русской,
По крутымъ горамъ, по высокимъ,
По темнымъ лѣсамъ, по дремучіимъ...

о второмъ варіантѣ, стихъ о Егоріѣ храбромъ изображаетъ этого нскаго героя въ образѣ просвѣтителя финско-русской земли и иску- ея отъ татарскаго ига и такимъ образомъ представляетъ уже го- созрѣвшею ту идею апотеозы, какая потомъ выразилась въ апотеозѣ нова. Егорій храбрый говоритъ:

Ой—все вы лѣсы, лѣсы темные!
Полноте-ка врагу вѣровать,
Вѣруйте-ко въ Господа распятаго,
Самаго Егорья-свѣта-храбраго!
Пріѣхалъ Егорій свѣтъ-храбрый,
Пріѣхалъ къ горамъ высокіимъ:
Полноте-ко, горы, врагу вѣровать,
Вѣруйте-ко въ Господа распятаго,
Самаго Егорья-свѣта храбраго...
Охъ ты, птица, птица, лети въ чисто поле,
Хватай поганыхъ татаровей...
Охъ ты, мечъ, мечъ самосѣкъ,
Сѣки буйну голову у татаровей.

аконецъ, въ третьемъ варіантѣ, Егорій храбрый изображется уже въ какъ Селивановъ, искупителемъ женщинъ отъ ига татарскаго га- очистителемъ отатарившихся русскихъ женщинъ. И надобно замѣ- то этотъ варіантъ стиха записанъ г. Максимовымъ въ Орловской и, близъ того села, гдѣ, по нѣкоторымъ сказаніямъ, была родина нова. Въ этомъ стихѣ Егорій говоритъ:

Пойду я къ бусурманищу,
Да стану за вѣру христіанскую.
Тамъ стада пасли красныя дѣвицы,
Краснымъ дѣвицамъ Егорій проглаголуетъ:
Вы сойдитесь-ко на Кіянъ-море,
Вы обмойте шерсть басурманскую,
На васъ станутъ тѣла христіанскія,
А вѣруйте самому Христу, Царю небесному,
Еще матери Богородицѣ.

Селивановъ пошелъ, какъ увидимъ дальше, на востокъ и даже къ ъ и татарамъ—пошелъ проповѣдывать свою *чистоту*.

Далѣе при восточномъ, чувственно-образномъ умонастроеніи, вс
ствіе тысячелѣтняго непосредственно-натуральнаго воспитанія однихъ вн
нихъ чувствъ, безъ всякаго развитія высшей, теоретической мысли
ности,—финско-русскій умъ никакъ не могъ возвыситься до отвлеченно
тафизической идеи божества, безъ непосредственно-натуральнаго, чувс
наго видѣнія его лицомъ къ лицу, или въ какомъ-либо видимомъ, ос
момъ, чувственномъ образѣ. «Самоѣды и другіе алтайскіе, финскіе на
говоритъ Кастренъ, считаютъ даже безполезнымъ возсылать молитв
небеснымъ и другимъ могущественнымъ богамъ потому, что они да
далеко живутъ отъ людей, невидимы, неосязаемы и неприступны. По
они обыкновенно просятъ шамановъ—воплотить, изобразить имъ не
маго, отвлеченнаго небеснаго Бога въ какомъ-либо видимомъ, осязае
чувственномъ образѣ, сдѣланномъ изъ дерева или камня, большею ч
въ антропоморфической формѣ, на подобіе фигуры человѣка. Шаман
свою очередь, вопрошаютъ боговъ или духовъ небесныхъ, въ какой ф
имъ угодно народное богопочитаніе, изъ какого дерева долженъ быт
ланъ антропоморфическій образъ ихъ, изъ какой кожи должна быть
на нихъ одежда и проч. Боги или духи вселяются въ шамана и
щаютъ ему, въ какой формѣ или въ какомъ образѣ угодно имъ вопло
и принимать народное моленіе [1]). Этого мало: по представленію фин
племенъ, когда люди не знаютъ никакой вѣры, Богъ самъ долженъ я
имъ въ какомъ-нибудь видимомъ и осязаемомъ образѣ, чтобы имъ наг
во-очію *увидѣть*, кому имъ молиться, и отъ собственнаго голоса
услышать, какъ или какія совершать ему моленья, обряды и жерт
одной черемисской легендѣ, когда умножились люди на землѣ, ра
лись на племена и не знали, кому и какъ имъ молиться,—то родон
ники племенъ собрались на одно мѣсто, и передъ ними явился въ
момъ образѣ юма—*сѣдой богъ* или *набольшій* и лично роздалъ разны
показавъ, какому племени какъ вѣровать и молиться юмѣ. Родо
никъ черемисскаго племени опоздалъ явиться за вѣрой на мѣсто с
своихъ собратій и мучился вопросомъ: кому же ему вѣровать? Встр
ему родоначальникъ другого племени и возвѣстилъ, что юма уже п
и роздалъ вѣры. «Такъ какой же мнѣ держаться вѣры?» спросилъ
мленіемъ родоначальникъ черемисскій. Тогда явился ему въ чистом
въ видѣ селезня, слетѣвшаго съ березы, кереметь, меньшій брат
«Мнѣ кланяйся! Самъ юма велѣлъ тебѣ кланяться мнѣ», — такъ
кереметь родоначальнику черемисъ. И съ тѣхъ поръ черемисы
керемету, въ чистыхъ мѣстахъ, въ рощахъ, у деревъ, приносятъ въ
утокъ и гусей, и береза, у которой явился кереметь, имѣетъ свя
употребленіе при жертвоприношеніяхъ [2]). Вотъ точно также возник
финско-русской массѣ нашего народа вѣра въ высшихъ духовъ лю

[1]) Kastren's Finnisch. Mytholog. III, s. 193—236: Götterbilder und Heilige
genstände. Здѣсь Кастренъ подробно раскрываетъ это восточное, чувственно-
умонастроеніе финскихъ племенъ. Смот. особ. s. 193—196, 215, 227, 229 и други
[2]) Вѣстникъ Географ. общества 1848 г. ч. XVII, от. I, стр. 283.

Когда расколъ возвѣстилъ, что истинная вѣра погибла на землѣ и, вшись въ сотнѣ толковъ, дошелъ до нѣтовщины, до отчаянія и неія, какъ найти истинную вѣру, когда было, по выраженію одного аго писателя,—«что мужикъ — то вѣра, что баба,—то толкъ», тогда ной, неразвитой, двоевѣрной финско-русской массѣ православнаго русскаго народа, по старому преданью, многимъ стала приходить въ мысль — молить чрезъ лучшихъ выборныхъ людей самого Бога, онъ, подобно тому, какъ Юма явился родоначальникамъ разныхъ хъ племенъ для показанія вѣръ, также явился имъ видимымъ обра- показалъ во-очію, наглядно, кому и какъ вѣровать и молиться. И дѣйствительно, «изъ тѣхъ людей нашлись люди умные», и стали объ молить Бога.

вотъ, пользуясь такимъ чувственно-образнымъ и легковѣрнымъ троеніемъ темной, полуязыческой массы народной, какой-нибудь олюбивый расколоучитель—волхвъ и чародѣй объявлялъ себя мессіей, никомъ свыше. И полуязыческая финско-русская масса православ- раскольничьяго населенія легкомысленно и простодушно вѣрила, йствительно Богъ внялъ моленью «умныхъ людей» и явилъ себя, креста или образа, въ живомъ, видимомъ и осязаемомъ образѣ че- . И тѣмъ легче эта темная масса могла поддаться такому антропому, что для нея еще не кончился миѳологическій періодъ міросоя. Въ славяно-русскомъ язычествѣ антропоморфизмъ только-что наазвиваться, и выразился въ поклоненіи идоламъ, потомъ незамѣтно ися съ полу-христіанскими вѣрованіями. По грубому, чувственному умонастроенію,не только чувашину или мордвину, а и многимъ ымъ русскимъ православнымъ людямъ казалось лучше и удобнѣе ть свои религіозныя понятія въ живыхъ лицахъ и образахъ, чѣмъ ть ихъ въ отвлеченномъ богомысліи и вѣрованіи. При вѣковомъ ніи однихъ внѣшнихъ чувствъ, подъ вліяніемъ непосредственныхъ тныхъ впечатлѣній природы, при крайней неразвитости отвлеченнаго тическаго мышленія, это міровоззрѣніе имѣло глубокое вліяніе на венное воспитаніе сектъ. Достаточно было самаго нелѣпаго и изуго ученія, обставленнаго чувственными представленіями, возбуждавдикое воображеніе массы, чтобы увлечь ее на путь сектаторской проы. Вслѣдствіе этого вѣкового воспитанія народа и въ сектѣ людей ь и скопцовъ этотъ восточный умственный складъ до того отпеся, что и они все невидимое, небесное стали воплощать въ видимыя, формы, или, какъ они выражаются, *показывать въ натурѣ*.

надобно замѣтить, что вся внѣшняя, чувственно-образная обстаи обаятельность скопческихъ радѣній невольно увлекала и экзальа массу. Радѣнья скопческія, хороводныя и круговыя, скорѣе поыли на торжественныя народныя игрища, или на театральныя на- представленія, чѣмъ на богослуженіе. Представьте, напр., соборное е, какое бывало до 50-хъ годовъ въ г. Алатырѣ, въ домѣ тамошнихъ итыхъ пропагандистовъ и меценатовъ скопчества, мѣщанъ Милюхъ. За заставой города, среди огромнаго и густого сада, за высо-

кимъ и глухимъ заборомъ, въ большомъ молельномъ домѣ собирались, напр., въ ночь на первый день пасхи или сошествія св. Духа болѣе 100 мужчинъ и женщинъ. Чинно, благоговѣйно собравшись въ сборную моленную, тихо, молчаливо разсаживались люди божіи по диванамъ, по обѣимъ сторонамъ молельной комнаты. Всѣ они въ бѣлой одеждѣ: мужчины въ бѣлыхъ длинныхъ рубашкахъ садились съ одной стороны, а съ другой стороны садились женщины въ бѣлыхъ носкахъ, въ ситцевыхъ платьяхъ или сарафанахъ и бѣлыхъ рукавахъ, покрываясь большимъ бѣлымъ платкомъ. Наконецъ, когда всѣ усаживались и водворялась благоговѣйная тишина,— торжественно входилъ на соборъ самъ Милютинскій съ дочерью, а на другихъ скопческихъ соборахъ—пророкъ. Расположившись въ переднемъ углу, на высокомъ подмосткѣ, на креслѣ,—Милютинскій привѣтствовалъ наклоненіемъ головы все собраніе скопцовъ, которые вставъ съ своихъ мѣстъ и обращаясь лицомъ къ Милютинскому, низко кланялись ему. Спустя нѣсколько минутъ, по знаку Милютинскаго, все собраніе скопцовъ начинало пѣть: «Богоотецъ убо Давидъ предъ сѣннымъ ковчегомъ скакаше играя, людіе же божіи святіи образовъ сбытіе зряще, веселимся божественнѣ, яко воскресе Христосъ, яко всесиленъ». Послѣ этого общій хоръ заунывно тянулъ начальную скопческую пѣсню:

От бѣлой зари, съ утра ранняго,
Отъ востока, отъ Иркутскова,
Выкатало къ намъ наше солнышко,
Красно солнышко, сударь батюшко,
Сударь-батюшко, Кондратій-свѣтъ!.. и т. д.

Заунывный, но торжественный напѣвъ этой пѣсни приводилъ сборище въ восторженное состояніе; начинались пляски, и пѣсни хоровыя не умолкали, и т. д. [1]).

Возникши главнымъ образомъ на почвѣ народной финско-славянской, а не церковно-византійской, какъ поповщина и безпоповщина поморская, ѳедосѣевская и проч., община людей божіихъ приняла въ себя и нѣкоторыя другія этнологическія вліянія и оттѣнки, кромѣ великорусско-славянскаго и финскаго. Кромѣ финскихъ племенъ, славяно-русское племя смѣшивалось еще мало-по-малу съ тюрко-татарскими племенами. Татары не только наполняли казанское и астраханское поволожье, Крымъ, большую часть восточнаго Приуралья и пр., но и входили въ составъ населенія многихъ великорусскихъ городовъ и уѣздовъ, особенно въ области рѣчной системы Оки, Волги, Дона и Камы [2]). Множество мурзъ и «рядовыхъ татаръ» находилось въ русской

---

[1]) См. подробности въ статьѣ г. Крыжина о симбирск. скопцахъ и въ Пр. Собесѣд. объ обществѣ людей божіихъ.

[2]) Наприм., въ 1678—1681 г. въ Касимовскомъ уѣздѣ было „за новокрещеными и за мурзами и за татарами 350 дворовъ; въ Шацкомъ уѣздѣ за новокрещеными 49 дворовъ, за мурзами и татарами 385 дворовъ; въ Инсарскомъ уѣздѣ за мурзами и татарами 76 дворовъ; въ Арзамасскомъ уѣздѣ за мурзами и князьями татарскими 229 дворовъ; въ Керенскомъ уѣздѣ за мурзами и татарами 177 дворовъ; въ Кадомскомъ уѣздѣ за мещеряками и новокрещеными 46, за мурзами и татарами 642 дв.; въ

ужбѣ: татарами наполнены были полки солдатъ и стрѣльцовъ [1]). Татары ли у русскихъ въ рабахъ [2]). Не мало находилось среди русскаго населенія турокъ. Военно-плѣнные турки водворялись цѣлыми колоніями, какъ, пр., въ 1788—1791 и 1809—1812 годахъ существовала колонія турецкихъ енно-плѣнныхъ между Дмитріевскомъ и Христофоровкою въ Херсонской берніи [3]). Съ другой стороны, русскіе селились между татарами, въ таркихъ деревняхъ, какъ, напр., въ Свіяжскомъ уѣздѣ въ с. Багаево, асланово, Б. Мемп и многихъ другихъ [4]). Вслѣдствіе такого сближенія сскаго народа съ тюрко-татарскимъ племенемъ происходили между ними взаимная физіологическая помѣсь и умственное общеніе. Въ Сибири сскіе служилые и жилецкіе люди, сжившись съ татарами, забывали прала православной вѣры, во всемъ сообщались съ татарами и съ некреенными татарками жили, какъ съ законными женами [5]). Особенно въ жно-русскомъ казачествѣ много было примѣси татарской и турецкой рови. О донскихъ казакахъ еще Котошихинъ замѣтилъ: «люди они подой москвичи и новокрещеные татары» [6]). «Донскіе казаки доставали ебѣ женъ,—говоритъ Георгій,—по татарскому обычаю, увозомъ отъ своихъ осѣдей-татаръ, смѣшивались съ послѣдними и составили одно общество. ольшая часть донскихъ казаковъ имѣютъ видъ смѣшанный съ русскимъ татарскимъ, безъ сомнѣнія отъ матерей или праматерей татарокъ» [7]). мѣшиваясь такимъ образомъ съ славяно-русскимъ племенемъ, турки и тары принимали православную христіанскую вѣру и русѣли [8]). Съ другой ороны, и многіе русскіе, смѣшиваясь съ турками и татарами, прилимагометанскую вѣру. Въ восточныхъ провинціяхъ московскаго госурства нѣкоторые русскіе, живя въ наймахъ у татаръ, соблазнялись увѣніями своихъ хозяевъ и принимали татарскую вѣру [9]). Многіе, по таскому обычаю, увлекались многоженствомъ, имѣли по двѣ жены или овь женились при жизни первыхъ женъ, держали наложницъ [10]). А каскіе раскольники, живущіе среди татаръ и невольно подвергающіеся ь вліянію, заводили у себя даже татарскіе или турецкіе гаремы: «У засточныхъ раскольниковъ,—говоритъ г. Лаптевъ въ описаніи Казанской губніи,—на задахъ избъ, на дворахъ или огородахъ, ставятся особыя кельи я сбора женщинъ и молодыхъ дѣвицъ, изъ которыхъ грамотныя читаютъ

мниковскомъ уѣздѣ за мещеряками и новокрещеными 34 дв.; за мурзами и татами 1061 дворъ; въ Саранскомъ уѣздѣ за новокрещ. мурзами и татарами 42 дв. Доп. А. И. VIII стр. 129—130.

[1]) Ibidem стр. 32.

[2]) Коллинсъ 11.

[3]) Вѣстн. Геогр. Общ. 1859 г. ч. 26, ст. V, стр. 59.

[4]) Казанской губ. 476.

[5]) Собр. Гос. Грам. III, № 60.

[6]) Котошихинъ, IX, 7.

[7]) Опис. народ. 1799, и IV, 200—201.

[8]) Доп. VIII, № 89; акты, относ. до обращен. въ христ. вѣру татаръ.

[9]) А. Э. 1, 438.

[10]) Р. Дост. 91, А. И. III, 43. А. А. Э. IV, ст. 62, 146, 492, 498. П. С. З. 1, стр. 254. рам. и акты Рязан. губ., стр. 131. Древн. Россійск. Вивіоѳ. ч. XV, стр. 384—386.

въ праздники духовныя книги. У очень зажиточныхъ раскольниковъ изъ такихъ келій *образуются просто гаремы*, гдѣ происходятъ часто оргіи, куда зазываютъ народъ для кутежа и совращенія въ расколъ. У поморцевъ въ Казани предводитель секты имѣлъ молельную въ зданіи бывшаго стекольнаго завода. Тутъ у него содержалось много молодыхъ дѣвицъ, подъ названіемъ келейницъ, и здѣсь же творились раскольничьи оргіи, напр. мужчины и женщины собирались въ одной общей темной банѣ и въ потьмахъ, не разбирая кровнаго родства, братъ сходился съ сестрой, отецъ съ дочерью... Заведеніе это закрыто, но, по всей вѣроятности, тайно существуютъ другія, имѣющія подобный характеръ» [1]). Множество раскольниковъ, особенно гребенскихъ и запорожскихъ казаковъ бѣжали въ Турцію. «Многіе изъ раскольниковъ,—какъ гласитъ докладъ сената 1737 года,—великимъ числомъ людей ушедъ въ турецкую границу, живутъ тамъ, и понынѣ другимъ въ пристанище служатъ» [2]). И вотъ изъ этихъ-то тюрко-татарскихъ родовъ русскаго населенія, или изъ отуречившихся русскихъ раскольниковъ, выходили «*турчанины родомъ*» и, пользуясь, для своего обогащенія, простотой и невѣжествомъ необразованнаго народа, особенно той массы православнаго народа, которая представляла новокрещеную смѣсь тюрко-татарскаго и финскаго племени, они еще объявляли себя пророками, на подобіе Магомета, пророками-саваоѳами и христами. Если не о первомъ, то объ одномъ изъ самыхъ первыхъ пророковъ-христовъ людей божіихъ св. Димитрій Ростовскій замѣчаетъ: «*сказуютъ того лжехриста родомъ быти турчанина*» [3]). И есть другое достовѣрное свидѣтельство, что русско-турецкіе раскольники изъ гребенскихъ или запорожскихъ казаковъ, проживающіе въ турецкихъ владѣніяхъ, имѣли большое вліяніе на секту людей божіихъ и хлыстовъ. Именно, въ показаніи одной лжебогородицы людей божіихъ, Анны Ѳедоровой Скочковой, крестьянки Николаевскаго уѣзда, Самарской губерніи, записанномъ въ 1828 г. священникомъ саратовскаго тюремнаго замка Вазерскимъ, сказано: «секта хлыстовъ происходитъ отъ гребенскихъ или запорожскихъ казаковъ, жившихъ въ Россіи и послѣ бѣжавшихъ въ турецкія владѣнія. Тамъ они имѣютъ главнаго настоятеля сей секты въ видѣ христа, отъ него получаютъ себѣ всѣ нужныя книги. Когда нужно имъ избрать богородицу и пророка-богомольщика, то они, утвердивъ избраніе своеручнымъ подписаніемъ, посылаютъ съ нимъ помощника къ настоятелю. Тамъ пророкъ живетъ годъ и болѣе для узнанія обрядовъ, дознанія въ поведеніи и твердости въ вѣрѣ. Послѣ настоятель, утвердивъ сей приговоръ, посылаетъ съ помощникомъ предписаніе, а богородицѣ-богомольницѣ сорочку и вербу... Потомъ, избравъ другую, которая навсегда должна быть дѣва непорочная, благообразной наружности и лучшаго ума, опять тѣмъ же порядкомъ посылаютъ предписанія, сорочку и вербу. Сія Анна Ѳедоровна отъ настоятеля турецкаго имѣла предписаніе, сорочку и вербу. Сверхъ сего ей была послана отъ него въ даръ книжка, похожая на молитвенникъ,

---

[1]) Матеріалы для стаст. и географ. Каз. губ. стр. 471.

[2]) П. С. З. т. IX, № 6802, стр. 574.

[3]) Розыскъ ч. III, гл. XVIII въ ст. о христовщинѣ.

анная отъ правой руки къ лѣвой, красными буквами» [1]). Подъ вліятакихъ-то *«турчаниновъ родомъ»* или турецкихъ раскольниковъ, грехъ и запорожскихъ казаковъ,—секта людей божіихъ и хлыстовъ, въ й и юговосточной украйнѣ Россіи, получила сначала довольно явствен- тюрко-татарско-казачій оттѣнокъ. Въ составъ ея общества вошло ло турецкихъ и татарскихъ родовъ казаковъ запорожскихъ и дон-; потому что эти казаки, изъ среды которыхъ вышли и турецкіе ы, были большею частію турецкаго и татарскаго происхожденія. «Чер- или запорожцы,—говоритъ Коллинсъ,—татарскаго племени» [2]). «Въ ой казачій родъ,—говоритъ г. Котельниковъ въ историч. запискѣ о ярской станицѣ,—вошли нѣкоторыя калмыцкія, *татарскія*, греческія *ецкія* племена и чрезъ смѣшеніе измѣнились въ русскій родъ». На тюрко-татарской этнологической почвѣ казачества, легко было съ нымъ успѣхомъ привиться сектѣ турецкихъ раскольниковъ—бѣглыхъ племенниковъ запорожскихъ, гребенскихъ и донскихъ казаковъ.

Вслѣдствіе такого развитія, на тюрко-татарской этнологической почвѣ ества, въ сектѣ людей божіихъ и хлыстовъ сначала весьма замѣтно лся оттѣнокъ запорожско-казачьихъ привычекъ и восточнаго гарема. ожскіе казаки, по свидѣтельству Коллинса, страстно преданы были амъ, колдовству, которымъ занимались у нихъ и женщины высшаго вія, и управлялись избранными имъ самими полковниками.

И вотъ все это перенесено было ими и въ секту людей божіихъ и говъ,—а званіе полковниковъ усвоено предводителямъ-пророкамъ й божіихъ; какъ видно, напр., изъ словъ пѣсни людей божіихъ: «какъ лъ онъ *полковникъ* полковой, *красныхъ дѣвушекъ полкомъ полковать»*. ьи роды и круги обратились въ религіозно-коммунистическіе гаремы— уги и радѣнья людей божіихъ. Вообще, возникши отъ «турчаниновъ ъ» и отъ турецкихъ раскольниковъ татарскаго, запорожскаго и греаго рода, секта людей божіихъ до Селиванова вовсе не имѣла печати ества, а напротивъ скорѣе была религіозной пропагандой восточной, ной общины. До Селиванова она вполнѣ представляла религіозноескій, восточный, гаремный коммунизмъ. Самъ первый лжепророкъ анинъ родомъ», по словамъ св. Димитрія Ростовскаго, «водилъ съ дѣвицу краснолицу, родомъ русскую», и 12 учениковъ ходили по ъ и деревнямъ и преимущественно увлекали въ его сборище бабъ [3]). онесеніи петербургской слѣдственной комиссіи 1734 года, по поводу тія гаремныхъ сборищъ людей божіихъ, сказано: «послѣ богослужеб- собраній, гдѣ происходили пляски, еретики рѣдко расходились по ъ домамъ, обыкновенно же ночевали въ домахъ этихъ собраній, въ ыхъ устроено было множество кроватей для приходившихъ на моленье: мужчины и женщины предавались гнусному разврату» [4]). По словамъ

[1]) Прав. соб. 1858 г. марта 362—363.
[2]) Коллинсъ 12.
[3]) Розыскъ ч. III гл. XVIII, стр. 599.
[4]) П. С. З. IX, № 6613.

Селиванова, родоначальника скопцовъ, до него люди божіи страст[illegible]
мались *женскою лѣпостью*, т.-е. увлекались женской красотой. «Ходи[illegible]
говоритъ онъ,—по всѣмъ кораблямъ и поглядѣлъ, но всѣ женскою лѣ[illegible]
перевязаны, то и наровятъ только, чтобы съ сестрой въ одномъ [illegible]
посидѣть» [1]). Какъ всѣ татарскія стихотворенія, мюрребы или четырех[illegible]
всѣ татарскія пѣсни имѣютъ темой женщинъ и любовь, такъ и
пѣсни людей божіихъ дышутъ подобными мотивами.

И послѣ, когда Селивановъ возсталъ противъ гаремныхъ со[illegible]
людей божіихъ и, по словамъ скопческой пѣсни, самъ сталъ онъ «[illegible]
никъ полковой красныхъ дѣвушекъ полкомъ полковать»,—старый,
татарско-казачій гаремный отпечатокъ все-таки сохранился на собо[illegible]
радѣньяхъ людей божіихъ и скопцовъ. Такъ называемый свальный [illegible]
по общему сознанію самихъ людей божіихъ, совершался почти на [illegible]
радѣньяхъ; въ нѣкоторыхъ корабляхъ свальный грѣхъ бываетъ по[illegible]
каждомъ чрезвычайномъ собраніи [2]). Всякій разъ какъ людямъ б[illegible]
удается обратить въ свою секту, напр., 15 или 16-лѣтнюю дѣвушку[illegible]
бываетъ на радѣньи и свальный грѣхъ. Дѣвицу сажаютъ на возвы[illegible]
мѣсто, для нея особенно устроенное, и все собраніе пускается [illegible]
около нея, припѣвая: «поплясохомъ, покатохомъ на сіонскую гору». [illegible]
дѣлается живѣе и живѣе и скоро переходитъ въ истое бѣшенство; [illegible]
свѣчи гаснутъ, и начинается та сцена, которая называется сваль[illegible]
грѣхомъ. Именно, послѣ бѣшеной пляски люди божіи, погасивши свѣ[illegible]
валятся на полъ и любодѣйствуютъ, не разбирая ни возраста, ни родств[illegible]
или, по словамъ одной пѣсни скопцовъ, «отъ страстей на бокъ валят[illegible]
Пѣсни строгихъ селивановцевъ-скопцовъ исполнены жалобъ на то, что лю[illegible]
божіи и послѣ Селиванова сильно предавались «женской лѣпости». На[illegible]
въ одной пѣснѣ поется:

У насъ батюшки не стало
И теплота у насъ отстала.
А духъ на кругѣ возвѣщаетъ
Чрезъ пророчески уста:
Избранныя мои дѣти...
Приказъ мой не исполнили
И чистоту свою замарали,
Слабость, *лѣпость* возлюбили,
Вы во внѣшности всегда жили,
И плотямъ своимъ уважали, и проч.

И кромѣ гаремнаго разврата, въ сектѣ людей божіихъ и хлыст[illegible]
подъ вліяніемъ учителей ея, «турчаниновъ родомъ» и турецкихъ вы[illegible]
цевъ запорожскихъ казаковъ,—выразились и другіе тюрко-татарскіе отт[illegible]
Основные догматы Корáна: *вѣра въ пророковъ*, которыхъ у могомет[illegible]
считается болѣе 100,000, и *вѣра въ предопредѣленіе, въ судьбу* вполнѣ согл[illegible]

---

[1]) Посл. 79.
[2]) Объ обществѣ людей божіихъ въ Правосл. Собесѣдн. стр. 405.
[3]) Объ обществѣ людей божіихъ. Прав. Собесѣдн. стр. 405—406.

и съ вѣрой людей божіихъ и скопцовъ въ своихъ пророковъ
акъ называемую *общую и частную судьбу*. Какъ у магометанъ
судьбу создала болѣе 100,000 пророковъ,—такъ и у людей божіихъ
рокъ, желаніе знать общую и частную судьбу вызвали сотни
ъ и пророчицъ. «Што рокъ — то пророкъ», — такъ гласитъ
лорусская пословица. Далѣе, до Селиванова, люди божіи на
соборахъ, по его словамъ, по татарски—*«не ходили»*. Наконецъ,
идея скопчества, эта дикая, варварская, анти-физіологическая
едная вездѣ, а тѣмъ болѣе въ холодномъ сѣверномъ климатѣ,—эта
несена въ Россію и заронена въ голову людей, подобныхъ Селива-
востока, изъ Турціи. Природная родина скопчества тамъ, на во-
дѣ и родина полигаміи, многоженства. Скопчество и на востокѣ
какъ фанатическая реакція, оппозиція противъ восточнаго любо-
, многоженства и наложничества. Подъ вліяніемъ востока и въ
Римѣ, во времена язычества, въ противоположность апотеозѣ
и поклоненію венерѣ, возникло восточно-евнушеское служеніе бо-
беллѣ. Въ Греціи и Болгаріи, въ противоположность турецкому
нству и гарему, скопчество особенно стало развиваться съ XIV в.,
дно изъ житія Ѳеодосія терновскаго, писаннаго константинополь-
атріархомъ Каллистомъ [1]). Изъ Турціи и Греціи идея религіознаго
ва занесена въ Россію главнымъ образомъ отуречившимися или
нами родомъ»—запорожскими и гребенскими казаками, жившими
и. И она привилась тѣмъ легче, что, по восточному умонастроенію
русскаго народа требовалось, какъ мы видѣли, чтобъ *все было по-
натурѣ*,—чтобъ для нравственнаго самоусовершенствованія отсѣ-
хъ, такъ сказать, *въ натурѣ же*, нагляднымъ и ощутительнымъ
, вмѣсто того чтобы вдаваться въ отвлеченныя толкованія о
ржeніи, самовоздержаніи и пр. И вотъ, когда одинъ изъ первыхъ
оковъ, и «турчанинъ родомъ», и многіе турецкіе расколоучители
рожскихъ или гребенскихъ казаковъ водворили на соборахъ людей
восточно-турецкій гаремъ, — тогда, напротивъ, Кондратій Селива-
естьянинъ Орловской губерніи, пошелъ распространять въ людяхъ
восточно-турецкое евнушество, скопчество. И Селивановъ, поэтому,
преобразователемъ, обновителемъ секты людей божіихъ и хлы-
нъ возсталъ противъ «женской лѣпости» — противъ тюрко-татар-
ремнаго любострастія и основалъ новую скопческую секту. Скоп-
такимъ образомъ, является какъ бы реакціей или оппозиціей про-
рко-татарскаго гаремнаго характера, какой приняли было соборы
жіихъ до Селиванова. И Селивановъ покушался распространить
олько въ русскомъ народѣ, но и по всему востоку и между тата-
тарское многоженство онъ постоянно называлъ *зміемъ лютымъ*,
тому, какъ въ одной древне-русской богатырской былинѣ и вся
я орда изображалась подъ образомъ *змѣя Тугарина* [2]). Селивановъ

54—1364 г. Чт. М. общ. исторіи 1860 г. 1, матеріал. глав. 1—12.
усл. I, II.

далъ себѣ задачей, идучи въ Иркутскъ, «побѣдить на востокѣ змѣя лютова, поѣдающа всѣхъ на пути идущихъ на востокъ людей божіихъ и стать во главѣ разныхъ народовъ и племенъ» [1]). И дѣйствительно, послѣдователи Селиванова успѣли распространить скопчество и между нѣкоторыми татарами. Поэтому, когда Селивановъ, на пути въ Сибирь, сталъ было раскаяваться въ томъ, что оскопилъ многихъ, и въ томъ числѣ татаръ,—одинъ сибирскій татаринъ или турокъ сильно озлобился на него за то, что онъ скопилъ и ихъ татаръ, и турокъ. «Ѣхавши я дорогою,—говоритъ Селивановъ, — и помыслилъ: напрасно я людей скоплялъ, оскопилъ бы я самъ себя, и спасалъ бы душу! Гдѣ ни взялся турка, схватилъ съ моей головы престолъ и внесъ въ канаву, я за нимъ гнаться и говорю: «Отдай, турка, да отдай же! а если не отдашь, то *разорю всю лѣпость на* землѣ, и мѣста ей нигдѣ не дамъ, и голову срублю. Тогда турка взялъ, самъ на голову мою надѣлъ и сказалъ: на вотъ, *только насъ не трогай»* [2]). Но всего болѣе Селивановъ старался искоренить турко-татарскій гаремъ и «женскую лѣпость на соборахъ и корабляхъ людей божіихъ». Такое возстаніе Селиванова противъ *лѣпости женской* и противъ *старыхъ учителей и пророковъ* сначала сильно вооружило противъ него всѣхъ людей божіихъ. Въ темныхъ массахъ народа зашевелилось чувство недовѣрія къ нововводителю, и затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ гоненій, которыя въ концѣ концовъ придали Селиванову значеніе гонимаго учителя. Но о гоненіяхъ Селиванова мы поговоримъ въ слѣдующей статьѣ.

---

[1]) Посл. 86.
[2]) Посл. 82.

III

Селивановъ въ продолженіе своей дѣятельности не разъ встрѣчалъ про-
одѣйствіе въ средѣ своихъ послѣдователей. Они даже неоднократно по-
пались убить его. Такъ одна дѣвица лже-пророчица хотѣла убить его
немъ, а братъ ея до 6 разъ стрѣлялъ въ него ружьемъ, но не могъ за-
ѣлить. «А послѣ онаго, — пишетъ Селивановъ, — возстали на меня всѣ
ьи люди, *возненавидѣли чистоту* мою, и жаловались учителю своему,
року Филимону, который ходилъ въ словѣ бойко, и онъ про чистоту
въ духѣ пѣлъ, а такъ *ненавидѣлъ*, и, призвавши меня, говорилъ: «*на
я всѣ жалуются, что ты людей отъ меня отвращаешь*»; а я ничего не го-
илъ и все молча былъ, но онъ сказалъ: «вишь какой ты, даромъ, что
чишь; смотри опасайся!» А мнѣ въ то время пристать было негдѣ, по-
у *что всѣ меня погнали. А на крестъ меня отдали іудеямъ божіи люди*» [1]).
несмотря на такія гоненія, Селивановъ мало-по-малу одержалъ верхъ
ь всѣми лже-пророками и лже-пророчицами, и всѣхъ *привелъ* къ себѣ,
своему ученію, и такимъ образомъ восточный гаремъ людей божіихъ
бразовался въ восточную, турецко-евнушескую секту скопцовъ. Вотъ
ь онъ самъ описываетъ, какъ онъ ходилъ по всѣмъ соборамъ и кора-
іъ людей божіихъ и *приводилъ* ихъ въ свою скопческую секту: «По
ой землѣ странствуя ходилъ я, и чистоту свою всѣмъ явилъ, на коло-
ьню всходилъ, и одной рукой во всѣ колокола звонилъ, а другой
анныхъ своихъ дѣтушекъ манилъ, въ трубушку трубилъ, и имъ гово-
ь: Пойдите мои вѣрные, изобранные со всѣхъ четырехъ сторонушекъ,
те на звонъ и на жалостный гласъ мой трубный, выходите изъ тем-
лѣса, отъ лютыхъ звѣрей и отъ ядовитыхъ змѣй, бѣгите отъ своихъ
въ и матерей, отъ женъ и отъ дѣтей, возьмите съ собою только однѣ
и, плачущіяся въ тѣлѣ вашемъ! На сей мой жалостный гласъ и на
окольный звонъ нѣкоторые стали отъ сна пробуждаться, и головы изъ
бовъ поднимать, и изъ моря на верхъ выплывать, и изъ лѣсу ко мнѣ
ходить; а я тогда имѣлъ нужду по всѣмъ городамъ ходить, потому что
огъ нигдѣ головушки своей приклонить, ходилъ въ нищенскомъ образѣ
асто перемѣнялъ платья на себѣ. Однажды, не пивши и не ѣвши, си-
ь трое сутокъ въ ямѣ, гдѣ бросали всякую падаль; да во ржи былъ я
ть сутокъ, отчего, очень утомившись, легъ и заснулъ; а проснулся,
видѣлъ, что возлѣ меня лежитъ волкъ, и на меня глядитъ; но я ска-
: поди въ свое мѣсто! и онъ послушался меня и пошелъ. А потомъ я
ивалъ въ соломѣ двѣнадцать сутокъ, и пища была со мною только

[1]) Т. е. они выдали его въ руки полиціи. Посл 75.

одинъ маленькій кувшинчикъ водицы, которую употреблялъ я по лож
въ сутки. Но послѣ онаго перешелъ я къ божьему человѣку, но и тут
меня доказали, и пришли за мною съ обыскомъ; меня же тогда спрята
и завязали въ пеньковый снопъ; а которые искали, сказали хозяину: ч
у тебя энто какой большой снопъ? А я велѣлъ хозяину пробѣжать поз
двора, въ полѣ лечь. Послѣ того еще меня искали, а я былъ въ друго
мѣстѣ, тожь у божьяго человѣка; мнѣ дѣваться было некуда, велѣлъ
крыть себя свинымъ корытомъ; и тутъ меня отецъ мой покрылъ, и
нашли. И еще когда я ходилъ въ Тулѣ въ нищенскомъ образѣ, и взду
лось мнѣ итить въ село Тифинь, на ярмарку, и стихи пѣть, а братъ м
Мартинушка, меня не пущалъ, и говорилъ Мартинушка: смотри, бра
встрѣчай меня! И пришелъ я на ярмарку, а на оной стоялъ полкъ с
датъ, и у меня было три сумки: двѣ я набралъ, да хотѣлъ набрать
третью, а самъ себѣ думаю: тутъ-то меня братъ мой встрѣтитъ съ бо
шою добычею; и пошелъ къ солдатамъ просить милостыни: но они м
схватили, и подъ палатку къ себѣ взяли, и за телѣгу меня привязали
крѣпко караулили, а начальникъ имъ говорилъ: не вѣрьте, онъ уйдетъ
остригите ему половину головы! Тутъ солдаты остригли мнѣ половину г
ловушки! Наступила ночь, и солдаты всѣ полегли вокругъ меня, а
шибко захрапѣлъ, будто бы уснулъ, а солдаты промежду себя и говорят
Этакъ старичокъ намаялся, тотчасъ уснулъ; потомъ и они всѣ заснули,
я, взявши, головушку свою тряпочкой обвязалъ, и чрезъ нихъ перепры
нувши, и ушелъ въ рожь, а они меня хватились и закричали: Бѣжал
бѣжалъ! да и негдѣ взять; только, однако, было: гдѣ я бѣжалъ, тамъ ро
шаталась, а они и говорятъ: если пѣшкомъ бѣжать, не догонишь, а н
лошади ѣхать, то всю рожь поломаешь; а бѣжалъ я двадцать пять верст
все рожью да рѣчками, и еслибы я вышелъ на большую дорогу, то мен
бы тамъ схватили, потому что у меня полголовы было острижено; и та
я стороною бѣжалъ къ братцу своему, Мартинушкѣ, и постучался по
окошкомъ, а онъ выскочилъ, обнялъ меня крѣпко и сказалъ: о, братец
братецъ, говорилъ я тебѣ, чтобы ты не ходилъ! А я ему сказалъ: о, что ж
я славу Богу!—А гдѣ же тебѣ полголовы остригли? Но я ему отвѣчалъ
тебѣ сказалъ, что прійду, а волосы выростутъ, объ этомъ не тужи. Н
онъ меня весьма крѣпко любилъ и во всемъ берегъ, я былъ молчаливъ
несмѣлъ: такъ куды мы съ нимъ пойдемъ, и гдѣ намъ дадутъ блинков
то онъ меня все кормилъ, и подкладалъ, и говорилъ: На, ѣшь, да ѣшь ж
а я молчалъ, кушалъ, и мы съ нимъ ходили по божьимъ людямъ. В
одно время были мы на бесѣдушкѣ, и одна дѣвица пророчица, по нен
висти, стала съ камнемъ у дверей, поднявши руку, и какъ подняла, та
и окаменѣла у нея рука; а я пошелъ и легъ въ ясли, и лежалъ въ оны
трое сутокъ, и не пилъ и не ѣлъ, а крѣпко плакалъ и просилъ Отца Не-
беснаго: о, Отецъ мой Небесный! заступись за меня сироту, и поддер
подъ своимъ покровомъ! И Отецъ мой за меня вступился, и она вид
во снѣ, что ее ангелы наказывали жезлами, и всю ее избили, и велѣли проси
у меня прощенья, и сказали: если онъ тебя не проститъ, то все будетъ теб
такое мученіе. Тогда она у меня просила прощенья, и говорила: прости мен

я дерзнула поднять на тебя камень, и видѣла я во снѣ, что меня ангелъ
ломъ наказывалъ, и всѣ кости у мěня изломаны и болятъ, и онъ велѣлъ
у васъ просить прощенія; если вами прощена не буду, то все такое мученіе
нимать стану; тутъ я ее простилъ. А еще братъ ея хотѣлъ меня застрѣ-
ь изъ ружья, когда я ходилъ на праздникъ изъ села въ Тулу; въ
дый праздникъ, когда я прійду, то онъ выходилъ въ лѣсъ съ ружьемъ
грѣлялъ по мнѣ шесть разъ, но ружье, по промыслу Божію, не вы-
ѣлило ни одного разу. А послѣ онаго возстали на меня всѣ люди
ьи... Тогда я пошелъ стороною, лѣсомъ, къ божьему человѣку, Аверь-
, и, пришедши къ нему, говорилъ: любезный Аверьянушка! не оставь
я, сироту, призри и утай отъ семейства и отъ посестры своей; чтобъ
то не зналъ; пусти меня въ житницу, за что тебя Богъ не оставитъ;
нъ меня призрѣлъ и ходилъ ко мнѣ тихонько отъ своихъ, и я ему
явилъ о чистотѣ; но онъ сказалъ: боюсь, чтобъ не умереть. Но я ему
орилъ: Не бойся, не умрешь, а паче воскресишь душу свою, и будетъ
ѣ легко и радостно, и станешь какъ на крыльяхъ летать, духъ къ
ѣ преселится, и душа твоя обновится; пойди къ учителю своему, про-
у Филимону, и онъ тебѣ то же пропоетъ и скажетъ, что въ твоемъ
ѣ тайно самъ богъ живетъ, и никто объ ономъ не знаетъ, кромѣ тебя;
орый и пропѣлъ ему все то самое, что я ему говорилъ. И тутъ онъ
ѣ повѣрилъ, пришелъ и поклонился, и принялъ мою чистоту, и, по
казанію моему, объявилъ посестрѣ своей, что я у нихъ живу, и ска-
ь ей, какъ учитель ихъ обо мнѣ въ словѣ провѣстилъ, что самъ богъ
ветъ у насъ въ домѣ тайно, и я его принялъ. Еще въ одно время былъ
ь кораблѣ у матушки своей, Акулины Ивановны, у которой было вольныхъ
дей тысячу человѣкъ; у нея была первая и главная пророчица, Анна Рома-
на; она узнавала въ морѣ и рѣкахъ, когда будетъ рыбы ловъ, и въ
яхъ хлѣбу урожай, почему и по явности она прославилась; и знавши
ономъ, многіе изъ міру къ ней приходили и спрашивали: сѣять ли
нѣшній годъ? а также объ рыбѣ: ѣздить ли ловить, или нѣтъ? И если
у она велитъ сѣять хлѣбъ, или ловить рыбу, то много въ тотъ годъ
дится хлѣба и рыбы поймаютъ; а въ который годъ не прикажетъ, то
его не поймаютъ, не уродится хлѣбъ. А какъ я вступилъ въ соборъ,
она тогда ходила въ словѣ, и людей было восемьдесятъ человѣкъ:
угъ вся встрепенулась и, оборотясь ко мнѣ, говорила: самъ богъ при-
ъ; теперь твой конь бѣлъ и смиренъ. Взявши крестъ, ходила по по-
ку по всѣмъ въ соборѣ людямъ, давала каждому въ руки, дошла до
я послѣдняго, потому что я садился завсегда у самаго порогу и за
огомъ, былъ нѣмъ и не слышенъ, и никогда не отверзалъ устъ своихъ,
тдала мнѣ, и говорила потомъ пророкамъ: Ступайте на округу, и уга-
те, у кого богъ живетъ! Тогда пророки пошли и искали по себѣ и по
тимъ богатымъ, и у первыхъ людей ни у кого не нашли, а на меня
е подумали. Тогда Анна Романовна сказала: для чего-жъ вы меня,
а, не нашли, гдѣ я пребываю? Взяла у меня крестъ и показала всѣмъ:
ъ гдѣ богъ живетъ! и всѣмъ оное сдѣлалось противно и злобно. По-
ъ велѣла она выдвинуть на середину собора сундукъ, и сѣла на оный

крѣпко, и меня возлѣ себя посадила и говорила: ты одинъ отк
всѣхъ иностранныхъ земель товары, и будутъ у тебя оные спраш
но ты никому не давай и не показывай, и сиди крѣпко на своем
дукѣ, а теперь же тебя хотятъ всѣ предать; но хотя ты будешь и с
далеко, и наложатъ на тебя оковы на руки и на ноги, но, по прете
великихъ нуждъ, возвратишься въ Россію, и потребуешь всѣхъ про
къ себѣ на лицо, и станешь судить ихъ своимъ судомъ. Тогда тебѣ
дутъ великую честь, и пойдутъ къ тебѣ полки полками. Но в
время, взявши она меня въ особую горницу и сказала: Что, я да
тобою хочу побесѣдовать: садись возлѣ меня! и посидя, схватила
и хотѣла привести меня, и говорила: приложись ко кресту! А я
отъ нея и сказалъ: дай-ко я приведу тебя снова самое! Но она, н
шавши отъ меня словъ, удивясь оному, сказала: ахъ, и ты гов
Что мы никогда не слыхивали, чтобы ты съ кѣмъ говорилъ? И ту
катилъ на нее мой духъ, и она, сдѣлавшись безъ чувствъ, упала н
и я испугался, будто бы богъ мой ничего не знаетъ; взялъ, поду
нее своимъ духомъ, и она, какъ отъ сна, пробудилась, встала и, п
стившись, сказала: О, Господи! что такое съ мною случилось? О
твой богъ великъ! Прости меня! взяла и приложилась ко кресту
рила: Ахъ, какъ, что я про тебя видѣла! А я сказалъ: что такое в
Скажи, такъ и я тебѣ скажу! И тогда она мнѣ стала разсказыва
отъ меня птица полетѣла по всей вселенной всѣмъ провѣстить,
богъ надъ богами, пророкъ надъ пророками. Тутъ я ей сказа
правда; смотри же, никому объ ономъ не говори, а то плоть тебя
Но всего моего похожденія, и страдовъ не можно перомъ описать,
вамъ о возлюбленномъ сыночкѣ Александрѣ Ивановичѣ, который
мнѣ вѣрный другъ и великій помощникъ, что нѣтъ мнѣ нынѣ
помощника, и нигдѣ не могу избрать, ни въ Питерѣ, ни въ Москв
въ другихъ городахъ; много есть у меня добрыхъ людей, но вс
такого, каковъ былъ онъ; онъ, по благословенію моему, пошелъ въ но
рить тьму темничнымъ заключеніемъ и страданіемъ; а я, по благосл
Отца своего Небеснаго, пошелъ на востокъ, освѣтить всю вселен
истребить въ божьихъ людяхъ всю лѣпость, и побѣдить змѣя л
поядающа всѣхъ на пути идущихъ моихъ дѣтушекъ. И когда я п
въ Иркутскъ, тогда у меня было товару только за одною печатью;
пришелъ изъ Иркутска въ Россію, тогда вынесъ товару за тремя печ
И тутъ мнѣ стали говорить и просить: Покажи намъ товаръ свой
имъ отвѣчалъ, что не покажу, сами догадывайтесь! Я товаръ свой
валъ все трудами своими, свѣчи мнѣ становили по плечамъ и по
все дубинками, а свѣтильники у нихъ были воловыя жилы, а на
меня отдали іудеямъ божьи люди, а я жилъ тогда у жены грѣ
Ѳедосьи Іевлевны, въ домѣ; она меня приняла, а свои люди не пр
и доказали и привели въ домъ ея солдатъ; однако она не оробѣла;
ходили къ ней два раза, и не нашли меня, а я уже былъ спрят
подполье; а послѣ этого мои людишки и сказали солдатамъ и оф
пойдемте въ третій разъ и найдемте его, и отдадимъ вамъ въ ру

.и; и, приведши ихъ, говорили: берите! онъ здѣсь, въ подпольѣ; которые выломали полъ и вытащили меня за волосы. И тутъ меня били всѣ, чѣмъ попало, безъ всякой пощады, поясокъ и крестъ съ меня сняли, уки назадъ связали, и назадъ гири привязали, и повели меня съ веимъ конвоемъ, шпаги обнаживши, и со всѣхъ сторонъ ружьями мкнувши, однимъ ружьемъ въ грудь, другимъ сзади и съ обоихъ боковъ, ъ что чуть не закололи; привезши въ Тулу, и посадили меня на стулѣ, поясали поясомъ желѣзнымъ, фунтовъ пятнадцать, и приковали меня стѣнамъ за шею, за руки и за ноги, и хотѣли меня уморить; на чаъ стояли четыре драгуна, а въ другой комнатѣ сидѣли мои дѣтушки е, которые на меня доказали, и которыхъ поутру хотѣли бить тьми», и т. д.

Такъ мраченъ этотъ восточно-азіатскій лабиринтъ, гдѣ заблуждалась осель заблуждается темная масса такъ называемыхъ людей божіихъ, стовъ и скопцовъ, а съ ними и большая часть народа. И пусть бы ько простой народъ вступалъ въ это дикое общество, но въ немъ приали участіе и лица высшаго сословія, получившіе образованіе въ дпихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ напр., въ началѣ нынѣшняго стоія, по слѣдствію открылось, что въ обществѣ симбирскихъ скопцовъ ствовали, между прочимъ, статскій совѣтникъ Еланскій, маіоръ Ефиъ, капитаны Самойловъ и Степановъ, штабсъ-капитаны Сазоновичъ и ѣровъ и многіе другіе. Тьма непроглядная обступала это общество, неоткуда было пробиться въ его среду ни одному свѣтлому лучу ума.

Отвсюду съ востока, и отъ финскихъ племенъ, и отъ тюрко-татарскихъ одовъ, и изъ Византіи, нахлынула мгла суевѣрій и заблужденій на ъ бѣдный, темный народъ. Не съ запада, а съ востока онъ ожидалъ та жизни...

Селивановъ пошелъ на востокъ—обратить въ скопчество разныя плеа и народы. И скопцы вѣрятъ и теперь, что родоначальникъ ихъ приъ съ востока, съ иркутскихъ горъ въ Россію, расположится въ Москвѣ, мощной силѣ, на бѣломъ, духовно-разсуждающемъ конѣ, *въ главѣ разъ народовъ и племенъ скопцовъ*, и пойдетъ распространять скопчество е на западѣ, по всѣмъ землямъ французскіимъ» [1]). И чего же дождутся темные люди съ востока? И кто же и когда же обратитъ ихъ къ ту запада? Наша неподвижная исторія, вѣроятно, еще долго не отвѣъ на этотъ вопросъ. Но прошедшая исторія нашего народа давно ясно азала, отчего онъ такъ страшно заблуждался, чего онъ искалъ, ищетъ е можетъ найдти, и заблуждается въ мрачномъ восточно-азіатскомъ лаинтѣ, и гдѣ его искомое, и въ чемъ оно состоитъ.

Во-первыхъ, исторія ясно доказала, что народу нужно знаніе оновъ природы, нуженъ ключъ къ естественной экономіи. Для этого-то и нужны были сначала вѣдуны, волхвы, знахари, которые бы знали

---

[1]) О великорусскихъ безпоповщ. раскол. въ закавк. соч. В. С. Толстова въ Чт. . Ист. ст. 52

и открывали ему всѣ тайны природы и жизни. Прежде всего народу особенно нужно было знаніе метеорологическихъ условій русской земли, такъ какъ онъ почти исключительно занимался земледѣліемъ, повсюду водворялъ земледѣльческую колонизацію, «куда, по его словамъ, ходилъ топоръ, ходилъ плугъ, ходила коса и соха». Многовѣковая, часто горькая, *страдальческая* практика земледѣлія показала ему, что значитъ природа въ дѣлѣ земледѣлія. И монахъ тревожно отмѣчалъ въ лѣтописяхъ русской исторіи тѣ метеорологическія явленія, которыя особенно ощутительно отзывались въ народномъ хозяйствѣ. До XVI вѣка лѣтописцы, по случаю неурожаевъ, записали въ лѣтописяхъ до семи страшныхъ засухъ, когда, по ихъ словамъ, «было ведро вельми, изгарала земля, многіе боры изгарались сами, ключи и болоты высыхали», до тринадцати несвоевременныхъ морозовъ и снѣговъ въ лѣтнее время; до четырехъ случаевъ необыкновенныхъ проливныхъ дождей, лившихъ въ теченіе цѣлаго лѣта, когда крестьяне «ржей не сѣяли, и хлѣбъ въ поляхъ и трава сгнивала»; нѣсколько страшныхъ бурь, срывавшихъ хоромы и деревья съ кореньевъ, и даже будто бы уносившихъ людей и животныхъ; нѣсколько градобитій большихъ и обширныхъ. Были годы поразительные въ метеорологическомъ отношеніи. Напримѣръ, въ 1303 году «зима,—говоритъ лѣтописецъ—была тепла, не было снѣга во всю зиму, и не добыли люди хлѣба». «Въ лѣто 1485 года, говоритъ лѣтописецъ,—съ осени палъ снѣгъ на талую землю, и потомъ были морозы, и зима вся бяше тала, и по мхамъ и по болотамъ грязи люты, и подъ снѣгомъ подпрѣлъ корень ржаной, и по велицѣ дни (послѣ Пасхи) было ведро и солнечно, а потомъ студенно и мокро, слякоть съ морозомъ, и померзе вышедшій ржаной корень, и бысть черна земля, и потомъ не бысть дождя до Петрова заговѣнья» [1]). Какъ же народу земледѣльческому не дорого было знать всѣ эти метеорологическія условія русской земли? Отъ нихъ приходилось общимъ числомъ по 14 большихъ неурожаевъ на каждое столѣтіе, считая лишь только записанные въ лѣтописяхъ неурожаи. А темный народъ, между тѣмъ, не зналъ этихъ метеорологическихъ тайнъ природы,— и вотъ ему нужны были вѣдуны, знахари, которые обманомъ своимъ замѣняли для него научное знаніе и морочили его предсказаніемъ тѣхъ или другихъ, важныхъ въ земледѣльческомъ отношеніи, атмосферическихъ перемѣнъ—дождя, засухи, града, ранняго или поздняго инея, урожая или неурожая хлѣба и т. п.

Во-вторыхъ, народу крайне нужно было знаніе природы человѣческой, знаніе условій здоровья и болѣзней. Практически, жизненно необходимы были всѣ существенныя знанія физіологическія, анатомическія, гигіеническія, медицинскія и проч., потому что его часто одолѣвали, мучили и губили разныя болѣзни. Моровыя повѣтрія, эпидеміи страшно опустошали уѣзды и волости: изъ 200 дворовъ совершенно вымирали жители 90 и 100 дворовъ. Часто страдалъ народъ отъ болѣзней гемороидальныхъ, упоминаемыхъ въ старину подъ разными наименованіями: головной боли, теченія крови, запоровъ, боли въ спинѣ и т. п. Нерѣдки были нервныя

[1]) Исторія Гос. Рос. Карамзина IV, 200, прим. 158, 159.

ѣзни—эпилептическія, каталептическія, истерическіе припадки, которые писывались большею частію порчѣ и вліянію таинственныхъ силъ, и или разныя народныя имена, какъ напримѣръ: камчюгъ, френьчугъ, ѣзнь умомъ, бѣснованіе, разслабленіе, трясеніе, икота и т. п. Какъ осоые болѣзненные случаи упоминаются въ старину: каменная болѣзнь, ка, сухотка, грыжа, зубная боль, глухота, нѣмота, слѣпота, шелуди и ч. [1]). Какъ же, опять, народу не дорого было знаніе свойствъ всѣхъ хъ болѣзней, способовъ ихъ леченія, знаніе силы травъ, кореньевъ и гихъ лекарственныхъ произведеній природы, которыми бы онъ могъ ечиваться отъ своихъ губительныхъ недуговъ. А онъ не имѣлъ этихъ ненныхъ знаній,—и вотъ ему нужны были знахари, вѣдуны, нужны были зелейники, травники, лечебники, заговоры и заклятія. Словомъ, оду крайне нужно было знаніе законовъ природы внѣшней и законовъ роды человѣческой. А у него и тѣни этихъ знаній не было. И вотъ вѣрилъ вѣдунамъ, знахарямъ, и даже финскимъ кудесникамъ: у ь искалъ онъ разрѣшенія мучившихъ его вопросовъ жизни и роды. Но не удовлетворили и вѣдуны, знахари — этого инстинкнаго умственнаго запроса народной пытливости. Народъ сталъ даже мѣчать обманъ и шарлатанство въ ихъ предсказаніяхъ, сталъ иногда вѣрить имъ, потому что они не раскрывали ему тѣхъ таинственныхъ ь и законовъ, которые такъ могущественно владычествовали надъ его нью и смертью и надъ его скуднымъ хозяйствомъ. Тайна воздуха, дя, града, снѣга, инея, засухи, мороза, урожая и неурожая для него режнему оставалась тайной. Голодъ отъ неурожаевъ по прежнему гуь народъ. Въ XVIII вѣкѣ и въ первой половинѣ XIX столѣтія, по кнему, часто бывали убійственныя засухи, и въ томъ числѣ 6 или 7 заь было необыкновенныхъ, почти повсемѣстныхъ. Градъ по-прежу непредвидѣнно опустошалъ поля. Въ 1843 году, начиная съ мая яца и до сентября, было 326 градобитій въ 250 уѣздахъ разныхъ гуній. Въ 1844 году опять случилось 215 градобитій, которые уничтожили оды, посѣвы и самую солому хлѣбовъ на пространствѣ 181,035 десяъ. Въ 1845 году опять былъ градъ въ 34 губерніяхъ и истребилъ въ еніе мая, іюня, іюля и августа почти всѣ произраставшіе злаки и раній на пространствѣ 118,222 десятинъ. Въ 1851 году градъ въ 16 губерхъ обратилъ въ безплодную пустыню пространство въ 40,000 десятинъ, ѣянныхъ хлѣбомъ. И страшныя для народа извѣстія о неурожаяхъ въ III и XIX столѣтіяхъ были чаще, чѣмъ прежде. Наприм. въ XV стоіи насчитывается до 18 неурожаевъ, въ XVI—до 11, въ XVII—до неурожаевъ, а въ XVIII столѣтіи до 34; въ XIX столѣтіи, въ одну первую ловину, было до 39 неурожаевъ. Такъ, благодаря газетамъ, страшныя для ода извѣст.я о неурожаяхъ увеличивались и быстро распространялись, а ніе окружавшей его природы и естественныхъ явленій по прежнему остаось недоступнымъ для народа [2]).

[1]) Костомаровъ о великор. народѣ. 101.

[2]) Историч. и статистич. обозрѣніе неурожаевъ въ Россіи, въ трудахъ Географ. кн. III, стран. 465—496.

Болѣзни также, по прежнему, одолѣвали народъ. Появлялись даже новыя, страшныя и опустошительныя болѣзни, какъ наприм. сифилитическія [1]). Въ XVIII столѣтіи сифилитическая зараза—какъ говоритъ императрица Екатерина въ своемъ «Наказѣ»,—заражала и опустошала цѣлыя деревни и волости. Однимъ словомъ, природа такъ непредвидѣнно и жестоко карала темный народъ почти на каждомъ шагу его жизни и хозяйства, что ему нужна была особенная раціональная предусмотрительность, необходимо было предварительное естествоиспытательное предузнаніе всего того, что можетъ быть и что будетъ въ природѣ; необходимо было также знаніе физическихъ силъ и законовъ, на основаніи котораго онъ могъ бы математически вычислять и предузнавать всѣ неизбѣжныя явленія въ природѣ, такъ ощутительно и ежедневно отзывающіяся на его здоровьи и благосостояніи. А такое знаніе и немыслимо было для народа. И вотъ ему нужны стали пророки или пророчицы, новые вѣдуны, знахари тайнъ природы. Не нашелъ онъ въ прежнихъ языческихъ вѣдунахъ и знахаряхъ инстинктивно искомаго знанія, разувѣрился въ ихъ способности предвидѣть, предсказывать и предотвращать разныя физическія бѣдствія и, въ частности, матеорологическія условія урожаевъ или неурожаевъ, физическія причины удачи или неудачи промысловъ, болѣзней и т. п.—и пошелъ къ новымъ, христіанскимъ волхвамъ, вѣдунамъ и шаманамъ,—къ пророкамъ людей божіихъ и скопцовъ; онъ думалъ у нихъ найти этотъ даръ метеорологическаго всевѣдѣнія, даръ пророчественнаго естествознанія. И пророки людей божіихъ и скопцовъ—эти новые «великіе волхвы», также обманываютъ темный народъ, какъ и прежніе вѣдуны, волхвы и знахари, также морочатъ его, предсказывая ему, когда будетъ засуха, дождь, градъ, снѣгъ, иней, морозъ, родится или нѣтъ хлѣбъ, здоровый ли будетъ годъ для скота и для людей, и не будетъ ли какого морового повѣтрія и болѣзни и т. п.

Въ частности народу крайне необходимо было знаніе, какъ физіологіи человѣческой природы вообще, такъ въ особенности физіологіи брака, гигіены половыхъ отношеній и т. п. Незнаніе физіолого-гигіеническихъ законовъ половыхъ отношеній было причиною того, что въ народѣ нашемъ искони господствовала, и доселѣ большею частію господствуетъ вопіющая неправильность въ отношеніяхъ мужчинъ и женщинъ, и развратъ часто принималъ самыя противоестественныя формы и проявленія. Напримѣръ, сплошь и рядомъ бываютъ браки самые негигіеническіе: больные разными заразительными и наслѣдственными болѣзнями, въ родѣ сифилиса, золотухи, чахотки, съумасшествія, и т. п., вступаютъ въ бракъ, заражаютъ другъ друга, и порождаютъ болѣзненное, чахлое, гнилое, идіотическое поколѣніе. А прежде, при восточномъ затворничествѣ невѣстъ до брака, какъ часто заключались браки между лицами съ разными физическими недостатками и уродливостями. Передъ появленіемъ секты людей божіихъ и скопцовъ, въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII столѣтія, да и послѣ,—половыя отношенія сплошь и рядомъ были до возмутительности ве-

[1]) Съ XIX вѣка.

естественныя и антигигіеничныя, даже помимо разнообразныхъ проявленій
омства, онанизма: женились, напримѣръ, весьма рано, на 12 и 13 году,
нились въ близкихъ степеняхъ родства [1]), или, по словамъ московскаго
ріарха Филарета, «поимали за себя въ жены въ сродствѣ, сестры свои
ныя и двоюродныя, а иныя и на матери своя и на дочери блудомъ
гали, и женились на дочеряхъ и на сестрахъ» [2]). Невѣжество причи-
о женщинамъ страшный вредъ при самомъ дѣторожденіи, и тѣмъ мно-
ъ изъ нихъ отталкивало отъ замужества и заставляло предпочитать
пчество. Напримѣръ, одинъ казанскій городской врачъ говоритъ: «по-
альная бабушка, или грязное, отвратительное корыстолюбіе — одно и
же». И въ самомъ дѣлѣ, чтобы напиться чаю или съѣсть чужой обѣдъ,
ушка не посовѣстится изуродовать женщину и ожидаемаго младенца,
ыть можетъ и все поколѣніе, могущее быть въ послѣдствіи; обыкно-
но, эксплоатація, особенно перворождающей, начинается съ того, что
ушка послѣ перваго изслѣдованія дѣтородныхъ органовъ говоритъ, что
ка не на мѣстѣ, слѣдовательно является необходимость ее править и
нная перспектива жить на чужой счетъ и за свою вредную работу по-
ить еще сверхъ того вознагражденіе. Вслѣдствіе частаго правленья
быми мозолистыми руками обыкновенно бываютъ преждевременные
ы. Но это еще ничего не значитъ въ сравненіи съ варварскими опера-
ми во время самыхъ родовъ. Въ числѣ операцій, наиболѣе замѣчатель-
хъ и наиболѣе употребляемыхъ въ этомъ родѣ, извѣстны двѣ: 1) бабка
новится на животъ роженицы и мнетъ его ногами; 2) когда это не по-
жетъ, то бабка беретъ роженицу за ноги, кладетъ ихъ себѣ на плечи, и
инаетъ трясти бѣдную женщину внизъ головою, чтобы такимъ обра-
ъ высвободить младенца. Обыкновенныя послѣдствія такого обращенія
екутъ за собою болѣзни половой сферы и часто безплодіе послѣ первыхъ
довъ. Что подобные случаи не рѣдкость, не несчастная случайность,
статочно сказать, что въ теченіе 8 мѣсяцевъ пять такихъ случаевъ были
вѣстны городовому врачу небольшаго города въ Казанской губерніи [3]).
лѣе, вслѣдствіе физіологической аномаліи въ половой сферѣ и въ по-
выхъ отношеніяхъ, господствовали въ нихъ и нравственная неправиль-
сть и крайняя недостаточность, неразвитость умственнаго самообладанія
половыхъ влеченіяхъ. До Петра Великаго браки заключались, обыкно-
нно, безъ взаимнаго согласія жениха и невѣсты, по деспотическому
изволу родителей и нерѣдко даже по приказанію начальства и выс-
хъ чиновъ,—и оттого въ семействахъ происходили разладъ, развратъ и
нравственность. Въ 1693 г. патріархъ Адріанъ свидѣтельствовалъ, что
ки заключаются безъ согласія вступающихъ въ бракъ, «отъ чего житіе
бываетъ бѣдно, другъ другу навѣтно и дѣтей безприжитно». Церковные
воучители, начиная съ XI вѣка, и осебенно въ XVII столѣтіи, вопіяли

[1]) Древн. росс. Вивліоѳика ч. XV, стр. 384—386. Грам. и акты Ряз. кр. 131. А. Э. стр. 62 и др.

[2]) Собр. Госуд. Грам. ч. III, № 60.

[3]) Казан. губ. стр. 189.

безпрерывно и громко, что по праздникамъ происходилъ особенно во
тительный и грязный развратъ, на игрищахъ совершалось обыкновен
мужамъ и отрокамъ великое прельщеніе, женамъ замужнимъ беззако
оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе»[1]). Мужчины и женщины не стыди
ходить публично нагими, а женщины нахально дотрогивались до м
дежи и возбуждали ихъ страсть словами самыми пошлыми, сальн
грязными[2]). Все это не могло не возмущать естественнаго и нравс
наго чувства и въ самомъ простомъ народѣ. И вотъ, удивительно ли
многіе, вслѣдстіе того, пустились въ другую, столь же неестествен
безнравственную крайность — въ скопчество. Ересь скопческая, въ э
отношеніи, является уродливой, неестественной, антифизіологической
ціей противъ уродливыхъ, неестественныхъ, антигигіеничныхъ и безнравс
ныхъ отношеній мужчинъ и женщинъ. Она проповѣдуетъ удаленіе м
скаго пола отъ женскаго, и даже уничтоженіе, истребленіе самой ф
логической способности взаимнаго влеченія, совокупленія и плодо
обоихъ половъ. Когда мы спросили въ Туруханскѣ одного сосланнаго
довольно начитаннаго скопца, родомъ новгородца: «для чего скопцы
пятся?» онъ отвѣчалъ: «а скопимся мы потому, что дѣти грѣха ум
лись, что мужья и жены, мужчины и женщины находятся въ непра
ныхъ отношеніяхъ между собою. Мужъ съ женой не знаютъ одного,
дѣленнаго времени для совокупленія, тогда какъ и у животныхъ ес
этомъ случаѣ опредѣленность. При недостаткахъ происходитъ между
разладъ, ссоры, и т. п. Похоть плоти, во взаимныхъ отношеніяхъ муж
и женщинъ, порождаетъ нравственный хаосъ. Молодость отъ нея вѣт
нисколько не владѣетъ собой. Сѣмяистеченіе порождаетъ нечистоту
конецъ, венерическая болѣзнь съѣдаетъ свѣжую молодость, порож
болѣзненное, гнилое потомство, возбуждаетъ отвращеніе. При оско
ничего этого не бываетъ, и человѣкъ къ труду прилежнѣе и въ
не разсѣянъ. При скопцахъ и женщинамъ легче. При евнухахъ т
кихъ,—женамъ турецкихъ шаховъ и хановъ легче. При оскопленіи со
чиста, не обуреваютъ страсти, труда больше». Откуда проистекаетъ
противо-естественный, анти-физіологическій взглядъ на половыя отно
Очевидно, главнымъ образомъ отъ незнанія физіологіи и гигіены
отношеній. Не зная физіологіи зачатія и рожденія человѣка, скопц
мають, что человѣкъ есть плодъ самыхъ нечистыхъ, грязныхъ вещ
Селивановъ говоритъ: «душа человѣка взята отъ сердецъ самаго Бо
ваофа, а взятъ человѣкъ изъ самаго гнуснаго сѣмени и непрохо
грязи»[3]). Такія мысли внушали народнымъ грамотникамъ и древні
ковныя поученія. Напримѣръ, въ одномъ древне-русскомъ словѣ о
и составѣ человѣческаго тѣла сказано: «то помыслите и разгадайте,

---

[1]) А. А. Э. III, № 264 и мн. др.

[2]) Олеарій говоритъ: Nous avons vû a Moscou des hommes et des femmes des etuves publiques tout nuds de s'aprrocher de notre feunesse, et exciter leur p par des mots sales et lascifs... Voyages p. 214, Кошихинъ стр. 44. 92.

[3]) Посл. 87.

ашемъ тѣлѣ нѣтъ—огнь, зима, глисты, черви и проч.» [1]). Не зная ве-
го закона естественнаго подбора, не безъ цѣли создающаго и женскую
ту, и по словамъ Дарвина, даже въ животномъ царствѣ обусловли-
щаго половой подборъ, половыя симпатіи къ тѣмъ или другимъ физи-
имъ качествамъ или своеобразнымъ формамъ половой красоты, не зная
логическихъ законовъ и условій усовершенствованія и вырожденія
вѣческаго рода,—скопцы въ женской красотѣ видятъ нечистую, сата-
кую силу, а не существенный аттрибутъ и служебную силу естествен-
подбора природы и физическаго усовершенствованія человѣческаго
низма. Селивановъ училъ людей божіихъ: «ненавидитъ душа моя *жен-
лѣпости*, какъ лютаго змѣя. Храните дѣвство и чистоту, а чистота
прежде всего удаленіе отъ женской лѣпости. Удаляйтесь *злой лѣпости*
имѣйте братья съ сестрами, а сестры съ братьями, праздныхъ разго-
ъ и смѣховъ, отчего происходитъ уже лѣпость: ибо оная, какъ ка-
магнитъ, имѣющій свойство привлекать къ себѣ близь находящееся
зо, такъ и женская лѣпость, по врожденному свойству своему, кажд-
близко обращающагося брата съ сестрою, привлекаетъ къ себѣ и
имѣтно вкрадывается въ сердца человѣческія, и яко моль точитъ и
етъ всю добродѣтель» [2]). Вслѣдствіе такого понятія, въ закавказ-
ъ краѣ скопцы для богомолья сходятся отдѣльно отъ скопчихъ, считая
омъ самомалѣйшее прикосновеніе, даже нечаянное, скопца къ скопчихѣ,
что если скопецъ обращается за-просто съ своею женою, съ другою
пихою, или съ постороннею женщиною, то подвергается упреку, выра-
ому словомъ «*лѣпость*». Въ подтвержденіе обязанности удаленія скоп-
отъ скопчихъ приводятъ изъ священнаго писанія стихъ: «*стоять бу-
на Сіонѣ горѣ 144 тысячи, иже съ женами не осквернишася*» [3]). На
бу пояснить слова писанія «плодитеся, множитеся и наполняйте
о»,—скопцы говорятъ, что подъ словомъ «плодитеся» подразумѣвается
пляйтеся», а «множитеся и наполняйте землю» значитъ, чтобы скопцы
жались до того, чтобъ могли наполнить землю. О пресѣченіи рода че-
ческаго скопчествомъ, скопцы полагаютъ, что люди, рожденные отъ
, не могутъ принять всѣ скопчество, а одни предназначенные, из-
ные самимъ Богомъ; поэтому родъ человѣческій никогда не можетъ
ечься, потому что мало кому дано быть скопцемъ [4]). Наконецъ, не
мая той простой истины, что весь корень зла и неправильности поло-
отношеніи лежитъ вовсе не въ половой сферѣ человѣческой, а въ
звитости головного мозга, въ неразвитости мозговой, умственной силы
ственнаго самообладанія,—скопцы фанатически смотрятъ на самую
вую сферу человѣка, какъ на органы сатанинскіе, нечистые. Отсюда
проистекаетъ этотъ ужасный, фанатическій, противо-естественный
скопленія, или, какъ скопцы говорятъ, *обѣленія*, которое у нихъ

[1]) Прав. собесѣд. 1858 г. январь ст. 154.
[2]) Посл. 67—69.
[3]) Толстова, въ Чт. 58—59.
[4]) Ibidem 64—65.

иногда совершается дважды и бываетъ полное и неполное,—по ихъ выраженію, *большая и малая печать* [1]). И какая варварская дичь, какое сумасбродство и сумашествіе въ этомъ фанатическомъ обрядѣ скопцевъ! Представьте, напримѣръ, ночное собраніе скопцовъ и скопчихъ, въ бѣлыхъ рубахахъ, съ зажжеными свѣчами, хоть одно изъ тѣхъ собраній, которыя бывали до 50-тыхъ годовъ въ г. Алатырѣ, въ домѣ мѣщанина Милютинскаго. При дико-вдохновенномъ, восторженномъ пѣніи, вводятъ на соборное моленье новобранца—*израиля*, и затѣмъ, когда радѣнія скопцовъ доходятъ до изступленія, когда самъ *израиль* приходитъ въ ненормальное, патологическое состояніе, его выводятъ, среди скачки скопцовъ и заунывнаго пѣнья, въ сосѣднюю комнату и тамъ совершаетъ оскопленіе какой-то старикъ. Затѣмъ кладутъ оскопленнаго на кровать среди комнаты и скопцы и скопчихи, цѣлуясь съ нимъ, привѣтствуютъ его: Христосъ воскресе. Многіе не выносили этой операціи, совершенной ножемъ или бритвою, умирали вскорѣ послѣ оскопленія, а служившіе у Милютинскаго хоронили трупы за садомъ, въ полѣ. Еще болѣе отвратителенъ этотъ уже чисто каннибальскій, антропофагическій обрядъ оскопленія 15 или 16 лѣтнихъ дѣвушекъ, у которыхъ отрѣзанныя груди даже съѣдались на радѣньи [2]). И сколько есть еще нелѣпаго, противоестественнаго въ скопчествѣ. Вотъ, напримѣръ, чтобы мужчинѣ сдѣлаться пророкомъ, онъ долженъ, между прочимъ, *съѣсть высушенное сердце умершаго пророка*, а чтобы скопчихѣ заслужить званіе *мироносицы*, она должна обмыть умершаго пророка, *этою же водою обмыться сама и выпить остатки воды* [3]).

Дикая, антифизіологическая секта скопцовъ какъ нельзя болѣе ясно свидѣтельствуетъ, до чего можетъ заблуждаться темная масса, удаляясь отъ природы, нарушая физическіе законы, въ непроходимой дали отъ свѣта естествознанія, и какъ вообще опасно, вредно лишать молодыя простонародныя поколѣнія свѣта естественнаго ученія. Изувѣрская эта секта свидѣтельствуетъ о страшномъ извращеніи человѣческой природы въ приверженцахъ турецко-евнушеской кастраціи. Вообще, всѣ мистико-идеалистическія доктрины суть ничто иное, какъ патологическія, болѣзненныя проявленія нервной системы человѣка. А эта дикая, противоественная восточно-евнушеская секта есть уже рѣшительное умопомѣшательство. Недаромъ скопцы физически наказываются за свой тяжкій грѣхъ противъ природы. Посмотрите на скопца—это жалкій мертвецъ. Цвѣтъ лица его блѣдный, или желто-синеватый, подъ глазами синія пятна, кожа на тѣлѣ морщинистая, все тѣло вялое, дряблое. Въ тѣлѣ скопцовъ недостаетъ надлежащаго количества теплоты, и они чрезвычайно зябки даже лѣтомъ. Голосовой аппаратъ у скопцовъ недоразвитъ или изуродованъ, вокализація ихъ какая-то уродливо-женственная, характеризующаяся высокими нотами, какъ обыкновенно бываетъ у кастратовъ. Вообще, этотъ уродливый, анти-

---

[1]) О первомъ и второмъ оскопленіи, о самомъ процессѣ скопленія, о леченіи ранъ при скопленіи, а также о лицахъ производящихъ оскопленіе, см. у Толстова въ Чт. общ. ист. 60—62.

[2]) См. въ Правосл. Собесѣдникѣ объ общ. людей божіихъ.

[3]) Крыжина, о скопцахъ Симбир. губ. стр. 509—512.

іологическій типъ людей служитъ урокомъ, что уклоняться отъ прим безнаказанно нельзя. Иногда подумаешь, дикарь сибирской тайги и дры безмѣрно превосходитъ ихъ по развитію естественнаго чувства—ства природы. Когда мы были въ Турханскѣ, къ намъ сошлись разъ е скопцовъ и пятеро тунгусовъ. Какъ типично, наглядно представился да намъ рѣзкій контрастъ дѣтей природы, лѣсовъ и горъ тунгузскаго ѣта и этихъ враговъ природы—исчадій турецкаго лже-аскетизма. Тунсы простодушно говорили намъ своимъ отъ природы мягкимъ, плавнымъ лосомъ, съ легкими жестами рукъ, раскрывая свои думы о природѣ,ои вѣрованія въ нее.

Когда тунгусы, со свойственнымъ имъ дѣтскимъ простодушіемъ, скрывали намъ свои думы о природѣ,—одинъ скопецъ всталъ, прервалъ ь рѣчь, и заговорилъ гордымъ, напыщенно-догматическимъ тономъ: здь они идолопоклонники, а по нашему надо блюсти—нести чистоту въ есную высоту». «Пойдемъ, братъ»,—сказалъ другой скопецъ, и оба *олонь* повернувшись, вышли. Когда они ушли, тунгусы, переглянувшись гъ съ другомъ, улыбнулись, и самымъ простосердечнымъ, естественнъ юморомъ смѣялись надъ скопцами. «Какой это народъ,—говорили ,—прежде ихъ не было здѣсь. Мы боимся ихъ, какъ бы насъ не стали сть (скопить). Если бы такой народъ пришелъ на наши чумы,—бѣда бы а». Такъ и дикимъ дѣтямъ дикой сибирской породы кажется смѣшъ, дикимъ и страннымъ такое мрачное явленіе въ жизни русскаго ода—цивилизатора азіатскихъ дикарей, какъ велико-русское скопчество. и съ свѣтомъ-то естествознанія, кажется, легче подойти къ этимъ имъ дѣтямъ природы, чѣмъ къ какимъ-нибудь скопцамъ. Потому что гораздо ближе къ природѣ, обращаются въ непосредственной ея сферѣ, вутъ прямо по внушеніямъ природы, вѣруютъ въ природу, благоговѣютъ едъ природою. Солнце, каменный утесъ, гигантская сибирская рѣка—ъ предметы ихъ благоговѣнія, а не скопцы-христы и лже-пророки людей іихъ. Слѣдовательно, съ дикимъ сыномъ сибирской природы придется мо толковать о природѣ, о солнцѣ, о каменномъ утесѣ, о рѣкѣ, о звѣъ и т. п., а скопецъ заговоритъ съ вами текстами и непремѣнно вступъ въ догматическій туманный споръ.

Но ужели же все въ скопчествѣ мрачно и дико? Ужели не живитъ его одно естественное, человѣческое чувство? Да, чуть, чуть только проглядытъ въ немъ тусклая идея свободы и лучшей соціальной жизни. Массѣ одной столько же нужно было и улучшеніе ея гражданской, сольно-экономической участи, сколько и знаніе тайнъ природы. Не одна рода подавляла, угнетала народъ своими физическими бѣдствіями—ухами, градобитіями, неурожаями, моровыми повѣтріями, и т. п. Надъ іъ гнетущимъ образомъ тяготѣла и его крѣпостная забитость. А потому, въ соціальномъ отношеніи, ему нужны были свои демагогическіе прои-искупители, которые бы раскрыли ему его горемычную долю, *судьбу*. XVIII вѣкѣ, когда крѣпостное рабство достигло крайняго предѣла и оизволъ грубой силы дошелъ до забвенія всякихъ человѣческихъ отноній,—масса крѣпостнаго народа судорожно волновалась то тамъ, то

здѣсь, и чаяла искупленія. И вотъ, когда Петръ III-й далъ дворян грамоту о вольности, и крѣпостной народъ ждалъ и себѣ такой же моты о вольности, и когда уже ходили въ народѣ слухи, будто Петръ I начерталъ эту грамату о вольности,—тогда явился, въ одно время съ гачевымъ, и также подъ именемъ Петра III-го, Селивановъ. Масса наково пошла за тѣмъ и другимъ, чая отъ обоихъ искупленія. «Пов меня въ Сибирь,—говоритъ Селивановъ, въ то самое время, какъ и П чева везли, и онъ мнѣ встрѣтился на дорогѣ: его провожали полки ками, и также везли подъ великимъ конвоемъ, а меня везли вдвое больше, и весьма строго, и тутъ которые его провожали, за мной по и которые меня везли, за нимъ пошли» [1]). Селивановъ былъ не т проповѣдникомъ скопчества, но выдавалъ себя за покровителя ни братьи. По словамъ его, онъ избралъ себѣ самаго низкаго рода убо подъ свою руку, и возвелъ ихъ на высокую степень, а себя облек нищее одѣяніе и былъ яко убогій человѣкъ [2]). Онъ училъ: «я всѣхъ почитаю, какъ богатаго, такъ и нищаго, и нищій да Бога сыщет Бѣднымъ классамъ народа онъ обѣщалъ обогащеніе, «тогда мои дѣтуш говорилъ онъ, были люди бѣдные, но я имъ сказалъ: только хранит чистоту, то всѣмъ будете довольны, тайнымъ и явнымъ (богатствомъ), в васъ Отецъ мой небесный наградитъ» [4]). Вообще секта людей божі скопцовъ, хотя въ странной, мистико-фантастической формѣ, но от выразила на себѣ отпечатокъ тѣхъ грезъ и чаяній, какія въ XVIII волновали крѣпостное крестьянство. Самозванство простыхъ мужи христами-искупителями, а бабъ богородицами есть повидимому иное, какъ мистическая апотеоза или религіозно-мистическое выра надеждъ униженнаго крѣпостного сельскаго населенія, крестьяни сельской бабы-крестьянки, грубое, дикое, своебразное признаніе их ловѣческаго достоинства и гражданскихъ правъ. Эту мысль такъ жаетъ одна пѣсня скопцовъ:

„Дураки вы, дураки,
Деревенскіе мужики!
А и эти дураки
Словно съ медомъ бураки,
А и въ этихъ мужикахъ
Самъ Господь Богъ пребываетъ."

Такъ часто и картинно изображаемый въ пѣсняхъ скопцовъ суд который будто бы явится Селивановъ судить,—судъ этотъ есть иное какъ созданіе грезъ и мечтаній несвободнаго народа о щемъ рѣшеніи и улучшеніи его участи. Такъ мечталъ и грезилъ т крѣпостной народъ, когда ему было особенно тяжко и жутко. Тогда нужны были свои лже-христы-искупители. Наконецъ, послѣ вѣковой

[1]) Посланіе 83.
[2]) Посланіе 69.
[3]) Посланіе 71.
[4]) Посл. 82.

стной деморализаціи, послѣ тяжкой *страдомой* работы, крѣпостнымъ ра-чимъ людямъ нужно было хоть по временамъ вздохнуть свободно, ожи-ться, возбудиться хоть какой-нибудь моральной надеждой. Англійскія бочія ассоціаціи съумѣли устроить для своего оживленія и развлеченія убы, ассамблеи вечернія. А нашъ рабочій народъ ничего этого не зналъ. вотъ онъ искалъ моральнаго оживленія и возбужденія въ соборныхъ дѣньяхъ людей божіихъ и скопцовъ. Здѣсь, въ многолюдныхъ собраніяхъ жчинъ и женщинъ, въ торжественныхъ оргіяхъ на ихъ радѣньяхъ, въ роводныхъ плясках и пѣсняхъ, въ успокоительныхъ пророчествахъ уха-утѣшителя чрезъ пророчески уста»,—во всемъ этомъ сектаторы кали себѣ самое возбудительное моральное оживленіе, или, какъ гово-тъ скопцы, *душамъ своимъ воскресеніе и веселіе*. Стало быть, было же что соблазнительное и привлекательное въ этихъ скопческихъ собраніяхъ, гда въ нихъ вступали и полковники, и капитаны и штабсъ-капитаны. ногихъ, конечно, завлекали на вечернія и ночныя собранія людей божіихъ скопцовъ эти веселыя гаремныя оргіи, часто кончавшіяся «свальнымъ ѣхомъ», несмотря на скопческій ригоризмъ и пуризмъ Селиванова. *Жен-ія лѣпость* брала верхъ надъ *чистотой* Селиванова.

Такимъ образомъ мы разсмотрѣли по возможности со всѣхъ сторонъ ну изъ самыхъ мрачныхъ сектъ въ Россіи, по преимуществу выразив-ю восточный умственный складъ русскаго народа. Какой же выводъ ь всего этого? Одинъ только,—именно тотъ, что изолированное, безпомощ-е умственное состояніе темной массы народа, при восточномъ умственномъ ладѣ ея, при возбужденной расколомъ предразсудочной народной мысли-льности, доводитъ темный народъ до дикаго восточнаго шаманизма и тропоморфическаго идолопоклонства, до анти-физіологическаго ту-дко-евнушевскаго кастратства. Съ другой стороны, въ самыхъ мрач-ихъ заблужденіяхъ темной массы, порожденныхъ вліяніемъ восточ-го шаманства и пророчества, въ этихъ шаманско-пророческихъ вѣща-іхъ о физико-метеорологическихъ и патологическихъ вліяніяхъ на жизнь дскую, о такихъ явленіяхъ природы, какъ морозъ, тепло, засуха, дождь, адъ, снѣгъ, иней, здоровье, болѣзнь, урожай или неурожай, изобиліе или достатокъ звѣрей, рыбы, разныхъ минеральныхъ продуктовъ и т. п.; въ ихъ громкихъ, восторженныхъ скопческихъ вызываніяхъ пророческаго ха истины,—высказалось инстинктивное стремленіе знать тайны или коны природы, и судьбы или законы жизни; высказалась насущная, зненная потребность разъясненія тѣхъ силъ и законовъ природы, кото-е управляютъ народнымъ хозяйствомъ, здоровьемъ и благосостояніемъ. ачитъ что же нужно? Нужно, во-первыхъ, чтобы вмѣсто шаманско-про-ческихъ собраній народныхъ, скорѣе заводились народо-образовательныя ебныя собранія—реальныя училища; и вмѣсто шаманствующихъ проро-ковъ и учителей народныхъ, скорѣе выходили бы въ эти народныя ебныя собранія люди раціональнаго естествознанія и естествоиспытанія, торые бы скорѣе разъясняли народу тѣ силы и законы природы, которые йствуютъ на народное хозяйство, здоровье и благосостояніе и своею инственностью вызываютъ въ народѣ шаманизмъ. Нужно, чтобы вмѣсто

лечебниковъ, травниковъ, громовниковъ и молниковъ, сочиненныхъ
народными знахарями, скорѣе издавались раціональные, естественно
ные народные громовники—популярныя физико-метеорологическія
приспособленныя въ особенности къ сельскому народному хозяйству;
нальные, естественно-научные народные травники—популярныя бо
скія и агрономическія сочиненія, преимущественно о полезныхъ въ
ствѣ и культурныхъ растеніяхъ; раціональные естественно-научные
ники—популярныя гигіеническія и медицинскія руководства; и
книги о природѣ, наиболѣе приспособленныя къ физіологическим
ственнымъ и хозяйственнымъ потребностямъ народа. Въ такихъ
ныхъ заблужденіяхъ нашего простого, рабочаго народа, какъ забл
скопческія, развивается много элементовъ вредныхъ, противо-ест
ныхъ, анти-физіологическихъ, враждебныхъ природѣ, враждебныхъ
вому физіологическому развитію и совершенствованію человѣческо
роды, враждебныхъ самому соціальному принципу. И тѣмъ, значитъ,
нужно спасать молодыя рабочія поколѣнья отъ этихъ опасныхъ
ныхъ заблужденій, тѣмъ болѣе, что въ секту, напримѣръ, скопцов
видно изъ слѣдственныхъ и другихъ дѣлъ объ нихъ, всего болѣе по
молодыхъ, неопытныхъ крестьянскихъ и мѣщанскихъ сыновей и д
и послѣ они раскаяваются, но уже поздно. Въ восточномъ умств
складѣ нашего народа слишкомъ много раскольничьей наклонно
умственному отщепенству отъ просвѣщенія, къ удаленію и уклоне
свѣта добрыхъ идей, знаній и открытій. И тѣмъ, значитъ, настоя
необходимость—скорѣе воспитывать въ молодыхъ рабочихъ поко
новый, высшій, европейскій интеллектуальный типъ, воспитывать
ственное доброе направленіе, какое вырабатывается въ рабочихъ
ціяхъ труда и самообразованія. Иначе, большая часть темной ма
грязнетъ или въ восточномъ шаманизмѣ и турецкомъ евнушеств
скопцы, или въ буддизмѣ, какъ немоляки, или въ мертво-обрядов
танзмѣ, какъ бѣгло-поповщина. И тогда она можетъ стать впосл
опаснымъ тормазомъ и сильной массивной реакціей противъ юны
ковъ русско-европейской мысли, противъ всѣхъ лучшихъ стремленій
мыслящаго меньшинства. Надобно скорѣе, дружнымъ голосомъ и д
помощью всѣхъ образованныхъ классовъ, отвѣчать крестьянамъ, н
щимъ заявлять на земскихъ собраніяхъ потребность гимназическа
зованія крестьянскихъ дѣтей. И земскимъ собраніямъ, въ этомъ от
предстоитъ великая и насущная задача реальнаго, естественно-н
просвѣщенія рабочаго земства и чрезъ то естественно-научнаго
лизированія народнаго хозяйства и возвышенія народнаго благосо
Наконецъ, подъ вліяніемъ раскола, возбудилась народная мыслите
но мыслительность большею частію предразсудочная, суевѣрная, м
фантастическая,—и расколъ все болѣе и болѣе эксплоатируетъ е
каетъ отъ заблужденія къ заблужденію, и большею частію сове
отдаляетъ ее отъ знанія дѣйствительной народной жизни. Нужно, з
скорѣе дать новую, лучшую, настоящую пищу возбужденной ра
народной мыслительности, оторвать ее отъ восточныхъ мистико-фа

мудрствованій, дать ей реальное направленіе, ввести ее въ область
и естествознанія, дать ей въ руководство книгу о природѣ и
номъ общежитіи и т. под.
ще, чтобы избавить народъ отъ всякихъ мрачныхъ, противо-есте-
ь вымысловъ, чтобы освободить его отъ обмана и лжи шаман-
ъ пророковъ и расколоучителей,—скорѣе нужно дать молодымъ
поколѣніямъ реальное, положительное образованіе—естественно-
соціально-экономическое. Въ сектахъ пророчествующихъ, такъ
и вообще въ сектахъ раскольничьихъ, грамотность наиболѣе рас-
на, чѣмъ въ православной массѣ народа. Но у нихъ только одна
чтенія—библія. И они ее читаютъ и перечитываютъ отъ доски до
ь книги бытія и до апокалипсиса, и не будучи приготовлены къ
му ея пониманію, теряются въ объясненіи сущности дѣлъ, и
до умопомѣшательства, не имѣя твердой, положительной основы
. Чтобы отвлечь, спасти молодыя рабочія поколѣнія отъ подоб-
ужденій,—имъ скорѣе нужно дать въ руки народную, популяр-
у о природѣ, человѣкѣ и обществѣ, такую книгу, которая бы
тно разъясняла, раскрывала народу, при помощи живописныхъ
, окружающую ихъ жизнь. Но у народа доселѣ не было и нѣтъ
ги о природѣ, которою бы онъ увлекся такъ же, какъ своими
и и лечебниками;—и вотъ онъ, за неимѣніемъ подъ руками жи-
книги о природѣ, пробавлялся и пробавляется одной *старинкой—
убиной*, гдѣ вмѣщена вся его космологическая дума, все его
аніе. И въ эту миѳическую книгу голубиную доселѣ вѣрятъ не
кіе темные люди, какъ скопцы, но и духоборцы. Когда извѣст-
цъ—инженеръ Ал. Ив. Шиловъ вошелъ на соборъ скопческой
дицы Акулины Ивановны,—то пророкъ этого собора привѣт-
его такимъ завѣщаніемъ: «поди-ка, братъ, молодецъ, я давно
далъ: ты мнѣ, богу и духу святому надобенъ. Вотъ тебѣ отъ
на божія мечъ, и много будешь грѣхи сѣчь, и дается тебѣ *книга*
тъ божія сына, и отъ васъ много народу народится, знать опять
хочетъ явиться» [1]). И что же темный народъ почерпалъ изъ этой
й книги? Вся мудрость, заключающаяся въ ней, резюмируется
голубиной книгѣ такимъ образомъ:

У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ суда Божія,
Солнце красное отъ лица Божія,
Младъ свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей его,
Звѣзды частыя отъ ризъ божіихъ,
Ночи темныя отъ думъ Господніихъ,
Зори утренни отъ очей Господніихъ,
Вѣтры буйные отъ свята Духа...
Наши помыслы отъ облакъ небесныхъ,
У насъ міръ—народъ отъ Адамія,
Кости крѣпкія отъ камени,
Тѣлеса наши отъ сырой земли,

———

ан. 78.

Кровь-руда наша отъ черна-моря...
Китъ рыба всѣмъ рыбамъ мати...
На трехъ китахъ земля основана.
Какъ китъ рыба потронется,
Вся земля восколеблется и пр.

Вотъ и все міросозерцаніе книги голубиной. Между тѣмъ, и скопца, несмотря на все его извращеніе, не довольствуется этой т старинoй—книгой голубиной. И онъ невольно, инстинктивно порыв иногда къ самосостоятельной реальной мыслительности. Безъ книги родѣ онъ пускается въ самостоятельныя умствованія о природѣ. Такъ, упомянутый туруханскій скопецъ-новгородецъ высказалъ намъ такое умствованіе о движеніи нашей планеты: «я представляю землю,—гов онъ,—огромной овальной равниной, дѣлающей, отъ нажима или волосяно-слоистыхъ массъ воздуха, кругъ въ 365 разъ—малыхъ, ныхъ оборотовъ,—по 180 круговъ въ каждой половинѣ линіи или своего годоваго круга или хода, по 90 круговъ въ каждой четверти хода. По мѣрѣ приближенія къ югу, къ солнцу,—бываетъ тепло и л по мѣрѣ удаленія къ сѣверу, отъ солнца—холодъ и зима. Воздухъ з ляетъ землю кругообразно двигаться по горизонтально-круговой Воздухъ состоитъ изъ незамѣтныхъ для нашего глаза тончайшихъ сяныхъ слоевъ, и онъ постоянно движется и заставляетъ землю дви въ опредѣленномъ кругѣ, стѣсняя ее со всѣхъ сторонъ. Что такое димое небо, пространство небесное съ солнцемъ и звѣздами—это все Объясняя вращеніе земли около своей оси, скопецъ въ то же время на показывалъ его, дѣлая посолонь большой кругъ, изображавшій у не довой ходъ планеты, и въ то же время оборачиваясь ступнями, тоже лонь, 365 разъ, или дѣлая ногами малые круги, обозначавшіе у не точное обращеніе земли. О громѣ скопецъ умствовалъ тоже по крайнему разумѣнію: «громъ,—говоритъ онъ,—это дѣйствіе солнечн лоты на земную испарину, подымающуюся вверхъ: въ воздухѣ, от нечной теплоты и земной мокроты, происходитъ нѣчто въ родѣ чихо взрывъ паровъ». «Такъ я думаю,—замѣтилъ при этомъ скопецъ,—д своимъ умомъ, своимъ размышленіемъ, безъ всякихъ книгъ». И такъ,- малъ я,—заблуждается народный умъ, внѣ свѣта раціональнаго естество без руководящей книги о природѣ. Выслушавши физическія умств скопца, я невольно вспомнилъ слѣдующій, весьма справедливый отзыв изъ глубокомысленнѣйшихъ и наиболѣе наблюдательныхъ западных шественниковъ по Россіи, Ермана, объ умственныхъ наклонностяхъ простого, рабочаго народа. «Все интеллектуальное образованіе торго промышленныхъ классовъ русскаго народа,—говоритъ Ерманъ,—огр вается тѣмъ, что они издавна выражаютъ греческимъ словомъ: «грамо или «грамоту знаетъ». Это знаніе, пріобрѣтаемое большею частію ственно собственнымъ усердіемъ, безъ всякаго школьнаго ученія и танія, служитъ потомъ имъ къ ревностному и внимательному изу священныхъ книгъ, въ чемъ они полагаютъ все достоинство своего

тическаго благочестія. Къ этому побуждаетъ ихъ, особенно купцовъ, зъ жизни ихъ, беззаботный и въ то же время приводящій ихъ въ многосто- я столкновенія съ внѣшнимъ міромъ, а также частыя и нерѣдко ія путешествія, и потому эти промышленные люди почти всегда тъ большую наклонность къ чтенію. Но къ сожалѣнію, эта живая бность большею частію только случайно и мало удовлетворяется ой литературой, хотя и многосторонней, но еще ни въ какой от- ой отрасли послѣдовательно не развившейся. Тотъ русскій писатель бы по истинѣ пріобрѣсти себѣ безсмертную заслугу, который, вос- овавшись большею частію чрезвычайно прямымъ здравымъ смысломъ, ю легкодоступностью и богатымъ языкомъ этихъ классовъ народа, вилъ бы для нихъ цѣлесообразно-изложенную *энциклопедію*, и такимъ омъ быстро поднялъ бы и поставилъ ихъ на прямую и непрерывную нь къ дальнѣйшему образованію. Со стороны религіознаго отчужденія высшаго образованія, нельзя ждать препятствія такому предпріятію спѣшествованію въ дѣлѣ народнаго образованія, какъ можно было е думать. Напротивъ, видно, что, несмотря на природную привя- сть къ догматизму, эти народные классы постоянно склонны хотя и еобразованному, неразвитому, но самостоятельному, творческому енію, какъ это доказываетъ большое многоразличіе существующихъ у ними религіозныхъ сектъ» [1]).

Съ реальнымъ образованіемъ, съ книгой о природѣ, обществѣ и эко- народной надобно подходить къ массѣ реальнымъ же, практиче- ь путемъ. Какъ ни уносятся раскольничьи массы въ свой заоблачный мистическихъ бредней, какъ ни заняты они, по выраженію одного льничьяго писателя, Павла Любопытнаго, «горячимъ догматизмомъ», и такъ же горячо, если еще не болѣе, любятъ пріобрѣтать богатство и ны промышленности и торговлѣ. Раскольники весьма усердно устраи- ь у себя фабрики и заводы, и мало-по-малу вводятъ въ свои операціи и паровыя машины. Въ XVIII столѣтіи раскольники явились едва ли лавными основателями уральскихъ желѣзныхъ заводовъ, или, по ней мѣрѣ, дали имъ главную массу рабочихъ силъ. Въ 1736 году Та- въ доносилъ правительству: «что раскольниковъ въ тѣхъ мѣстахъ жилось, а наипаче на партикулярныхъ заводахъ Демидовыхъ и Осо- хъ; прикащики едва не всѣ, да и сами промышленники нѣкоторые— ольники, и ежели оныхъ выслать, то и заводы держать некѣмъ и въ ахъ казенныхъ будетъ не безъ вреда; ибо тамъ, при многихъ ману- урахъ, яко жестяной, проволочной, стальной, укладной, и почитай арчами и потребностями торгуютъ олончане, туляне и керженцы— аскольники» [2]). Московскія и подмосковныя фабрики были, какъ стно, даже училищами и разсадниками раскола. Поморскіе, данилов- скиты имѣли заводы кирпичный, кожевенный, лѣсопильный [3]). Въ

---

[1]) Adolph Erman's Reise 1, 95—96.
[2]) П. С. З., т. X, № 7663.
[3]) Опис. Олон. губ. Бергштрессера 49.

Нижегородской губерніи раскольники, занявъ по обѣимъ сторонамъ берег
Волги, на пространствѣ 265 верстъ, и берега Оки, на пространствѣ 1
верстъ, въ числѣ болѣе 46,000 душъ,—завладѣли не только судоходство
по этимъ рѣкамъ, но и всею торговлею и издѣльною мѣстною промышле
ностью,—каковы: судостроеніе, дѣланье посуды, пряденье льна, метал
ческое производство и проч. Они были главными промышленными дѣя
лями въ такихъ важнѣйшихъ пунктахъ нижегородской торговли и промы
ленности, каковы: Городецъ, въ Балахнинскомъ уѣздѣ, Горбатовъ—тор
вый уѣздный городъ съ прядильными заводами, знаменитыя торговыя
промышленныя села—Павлово, Лысково и др. Жители великорусски
старообрядческихъ селъ Мглинскаго, Новозыбковскаго и Стародубск
уѣздовъ Черниговской губерніи также извѣстны своею промышленност
и торговлею. Они завели у себя на посадѣ въ Клинцахъ до 150 маст
скихъ, до 22 суконныхъ, шерстяныхъ и льняныхъ фабрикъ, изъ которы
семь дѣйствуютъ парами. Даже скопцы, повидимому, больше другихъ с
тантовъ уносящіеся въ мистико-фантастическій міръ,—даже и они нар
промышленный и ремесленный. Богатство и промышленность были, кажет
идеаломъ самого Селиванова, о которомъ пророки людей божіихъ пророчи
«и отдадутся ему всѣ иностранные товары, и дастся образъ спасительны
вилы, цепъ и пила»—орудія земледѣльческой и плотничьей работы.
пѣсняхъ скопческихъ воспѣваются «все скопцы-купцы русскіе, милл
щики знаменитые», да «плотнички московскіе и петербургскіе». Въ С
бирской губерніи, по словамъ г. Крыжина, между совратившимися
скопчество крестьянами становилось замѣтно улучшеніе въ ихъ хо
ственномъ быту; они перестроивали дома въ болѣе обширномъ видѣ,
вались чище, жили опрятнѣе своихъ односельцевъ, и нѣкоторые начин
вести мелочную торговлю. Многіе и въ скопчество поступали изъ-за од
потребности обогащенія, тѣмъ болѣе, что скопческія пророчицы пред
зывали каждому: «будешь золотомъ владѣть и за батюшкою пѣть». У г
наго скопца симбирскаго, алатырскаго мѣщанина Милютинскаго, на п
ной фабрикѣ, говорятъ, обезпечены были работой до 200 женщинъ и дѣв
Даже на крайнемъ сѣверѣ, въ туруханскомъ краю, скопцы вмѣстѣ съ д
борцами были главными распространителями ремесленности: они, ме
прочимъ, ввели тамъ въ употребленіе незнаемую дотолѣ пилу продольн
и поперечную, самопрялку, которую потомъ усвоили и остяки, улучш
лодочное мастерство, были лучшими кузнецами и снабжали своими куз
ными издѣліями жителей на пространствѣ болѣе 300 верстъ. На ста
Костинскомъ, въ 70 верстахъ отъ Туруханска, гдѣ всего 4 д
семь скопцовъ живутъ, подъ именемъ братьевъ по Богѣ, въ одн
большомъ, хорошо устроенномъ домѣ: у нихъ устроена особая ло
ная мастерская, особая кузница и слесарная, особая плотничья и
лярная комната, и между ними есть даже часовой мастеръ. Всѣ
чрезвычайно трудолюбивы. Однимъ словомъ, раскольники всѣхъ се
весьма любятъ заниматься ремесленностью и устраивать фабрики и зав
поэтому они и богаче православныхъ. Они сами съ гордостью говор
«держащіеся старой вѣры живутъ гораздо богаче держащихся н

ѣры» [1]). При такой наклонности раскольничьихъ сектъ къ ремесленности, ъ фабрикамъ и заводамъ, естественно, къ нимъ или къ дѣтямъ ихъ учше всего подходить съ реальнымъ образованіемъ чрезъ ихъ мастерскія, резъ ихъ фабрики и заводы. По религіознымъ убѣжденіямъ своимъ, больею частью упорно отвергая европейскія знанія, какъ новшество и колвство,—по фабрично-заводскимъ дѣламъ своимъ раскольники начинаютъ онимать важность и пользу реальныхъ знаній. Такъ, недавно раскольники, ители посада Клинцы, Черниговской губерніи, владѣя многочисленными абриками, заводами и мастерскими, всего до 150, и въ томъ числѣ до 3 суконныхъ фабрикъ,—не довольствуясь первоначальнымъ обученіемъ, аявили потребность болѣе серьезнаго, реальнаго образованія для своихъ ѣтей. Общество выразило желаніе открыть училище, необходимое въ торовомъ и промышленномъ быту, не называя его ни уѣзднымъ, ни приходкимъ, и дозволивъ ученикамъ носить такую одежду, какую хотятъ родиели, а не форменную. Желаніе общества, въ лицѣ нѣкоторыхъ членовъ, ормулировано въ оффиціальномъ представленіи такимъ образомъ, чтобъ строить трехклассное училище, въ которомъ преподавались бы: русскій зыкъ, ариѳметика, географія, исторія, и, послѣ того, въ первомъ классѣ: раткія физико-химическія понятія, необходимыя въ примѣненіи къ ремесамъ и производствамъ; а во второмъ и третьемъ классахъ совмѣстно: раткій обзоръ механическихъ производствъ—суконнаго, чулочнаго и т. д. еханическихъ фабрикацій: мыловаренной, свеклосахарной, стекляной и ругихъ. [2]) Практическіе уроки, наглядные примѣры, представляемые орошо устроенными на европейскій манеръ фабриками и заводами, учше всякихъ назиданій искореняютъ старовѣрскія предубѣжденія расольниковъ и невольно просвѣтляютъ умственный взглядъ ихъ на вещи, евольно заставляютъ ихъ усвоять и осуществлять новыя понятія и знанія. акъ, раскольникамъ Кемскаго поморья, рыбопромышленникамъ, правительтво предложило въ 1866 г. производить лекарственный тресковый жиръ норежскимъ способомъ. Предложеніе правительства сначала вовсе не нашло ежду промышленниками желающихъ устроить заводы для такого произодства; тутъ старовѣры-промышленники стали въ тупикъ передъ словомъ: машинное» производство, какимъ оно извѣстно между ними въ Норвегіи. идя, что никто не берется за машинное производство лекарственнаго кира,—г. Шатковъ рѣшился попробовать построить такой заводъ въ одномъ зъ становищъ мурманскаго берега. «И что же,—говоритъ онъ,—я долженъ ылъ производить постройку среди дикаго любопытства и насмѣшекъ проышленниковъ. Окончивъ незатѣйливую постройку, я приступилъ къ опыту роизводства жира; но и тутъ встрѣтилъ столь же непріятное равнодушіе. Іе смотря на то, я имѣлъ въ виду одну цѣль: утвердить значеніе завода остояннымъ производствомъ жира, чтобы доказать моимъ недоброжелатеямъ ошибочность ихъ мнѣній. Въ нынѣшнемъ году я производилъ жиръ

[1]) Истин.-древн. цер. I, 277.

[2]) Ж. М. Н. Просв. 1864 г. ч. CXXI. отд. III, стр. 87. Училища народн. образ. въ Черниговской губ.

для медицинскаго департамента военнаго министерства, и это не толь замкнуло рты моимъ противникамъ, но нѣкоторые изъ нихъ просили д волить имъ грѣть жиръ въ моихъ аппаратахъ, и я дозволилъ, не упоми о прежнихъ ихъ преслѣдованiяхъ. Они, разумѣется, остались очень доволь результатами своего нагрѣванiя, и какъ чистый жиръ довольно цѣни въ сравненiи съ отстойнымъ, называемымъ сыроткомъ, то одни выраз желанiе и впередъ грѣть этимъ способомъ, а другiе просили или уступ имъ заводъ, или помочь своими наставленiями въ постройкѣ нов Заводъ мой, возбуждавшiй постоянные толки между промышленник имѣлъ и болѣе хорошiя послѣдствiя: въ нынѣшнемъ году, по прим моему, доказавшему возможность существованiя заводовъ, выстроенъ тако заводъ однимъ изъ торгующихъ лицъ, въ другомъ отъ меня концѣ мур скаго берега»[1]). Такъ наглядное, практическое приложенiе новыхъ ути тарныхъ знанiй переламываетъ и самыя упорныя старовѣрскiя предубѣжде Тамъ же въ кемскомъ поморьи чувствовалась особенная потребность уче рукодѣльнаго образованiя женщинъ, такъ какъ женщины въ помо имѣютъ преобладающее влiянiе въ семейной жизни,—и пока не было скаго училища въ г. Кеми, дочерей раскольничьихъ учили грамотѣ ста старовѣрки. Но вотъ увидѣли раскольники на опытѣ, что въ Кем новооткрытомъ (въ 1864 г.) женскомъ училищѣ хорошо обучаютъ дѣ элементарнымъ наукамъ и рукодѣльямъ,—они съ большой охотой полнымъ довѣрiемъ стали отдавать туда своихъ дочерей. «Въ э училищѣ, говоритъ г. Шатковъ, дѣвочки въ одинъ учебный годъ д гаютъ въ наукѣ такихъ успѣховъ, какихъ ученики кемскаго уѣзд училища достигаютъ только въ два, три года. Зато жители Кеми являютъ учительницѣ, г-жѣ Никитиной, живѣйшую признательност полное довѣрiе, которое особенно выразилось въ томъ, что, несмотр новость такого явленiя, какъ женское училище, и на отвергающiй новое духъ старообрядчества, въ которомъ состоятъ всѣ жители, въ пе же годъ открытiя училища поступило въ него въ разное время до 30 вочекъ, а въ началѣ второго года ихъ было уже 56»[2]). Наконецъ, ч прiохотить кемскихъ раскольниковъ къ интеллектуальному научному развитiю и разсѣять въ нихъ предубѣжденiе противъ наукъ, г. Шат справедливо признаетъ необходимымъ примѣнить преподаванiе въ кем шкиперскомъ училищѣ къ мѣстнымъ практическимъ нуждамъ промыш никовъ-раскольниковъ, именно обучать ихъ дѣтей практическому мор ству и товаровѣдѣнiю. «Для дальнѣйшаго образованiя,—говоритъ он не иначе какъ только въ интересахъ края, небходимо расширить преподаванiя въ шкиперскомъ училищѣ съ введенiемъ краткаго курс варовѣдѣнiя. Тогда смѣло можно надѣяться, что окончившiе и неокон шiе курсъ ученiя при постоянномъ занятiи необходимѣйшими въ ихъ ж предметами кораблевожденiя и товаровѣдѣнiя, неизбѣжно и незамѣтн

---

[1]) Учено-литерат. прибавл. къ Бирж. Вѣдомостямъ, дек. 1866 г.: Поморье скаго уѣзда; промышл. и торг. его на мурманск. берегу съ Норвегiей, стр. 12.
[2]) Ibidem стр. 16.

малисъ бы и другими предметами, способствующими развитію умствен-
ыхъ способностей; а какъ вся масса народа, усвоивъ одинаковыя начала
разованія, имѣла бы одинаковое направленіе мнѣній, то питаемое нынѣ
шкиперскимъ ученикамъ отчужденіе не имѣло бы мѣста, и образованіе
оро и прочно утвердилось бы въ народѣ, изъ котораго, не какъ изъ
раниченнаго числа учениковъ, скорѣе явились бы ученые шкиперы, какъ
вно торговля и промышленность скорѣе вышли бы изъ настоящаго дур-
го состоянія уже потому только, что образованный народъ правильнѣе
жетъ смотрѣть на пользы свои и общественныя, и скорѣе съумѣлъ бы
ратить на разныя нужды вниманіе правительства, которому не всегда
зможно видѣть несообразности положеній, направленныхъ къ этимъ поль-
мъ и приносящихъ вмѣсто того вредъ. Я говорю объ этомъ съ такою увѣ-
нностью потому, что уже и теперь ученики шкиперскаго училища, по
ончаніи курса, выходятъ съ образовавшимся характеромъ и съ сознаніемъ
мостоятельнаго труда, отличаясь вѣрностью взгляда и понятій, словомъ,
воивъ тѣ образовательныя начала, при которыхъ дальнѣйшее совершен-
вованіе въ наукѣ переходитъ въ потребность; ученики же кемскаго
здняго училища остаются совершенно безграмотными» [1]). Такъ и рас-
льничьи дѣти, и даже сами отцы ихъ могутъ мало-по-малу полюбить, и
ке начинаютъ понемногу любить свѣтъ западной науки,—лишь бы только
ѣть раскрывать имъ этотъ свѣтъ въ его прямомъ, практическомъ и пло-
творномъ приложеніи къ пользамъ и потребностямъ народной жизни,
роднаго труда и благосостоянія.

---

[1]) Ibidem, стр. 15.

Великорусскія области и смутное время [1]

(1606—1613 г.)

Въ настоящее время, кажется, ужъ утвердилось убѣжденіе, ч
исторіи главный факторъ есть самъ народъ, духъ народный, тво
исторію, что сущность и содержаніе исторіи есть жизнь народна
идею начали ужъ проводить и въ наукѣ русской исторіи. Но вотъ д
начало, на которое еще не обращено должнаго вниманія въ нашей и
ческой наукѣ: начало провинціализма, *областности*, если можно так
разиться. У насъ доселѣ господствовала въ изложеніи русской и
идея централизаціи; развилось даже какое-то чрезмѣрное стремле
обобщенію, къ систематизаціи разнообразной областной исторіи. Вс
бенности, направленія и факты областной исторической жизни под
лись подъ одну идею правительственно-государственнаго, централиз
наго развитія. Съ эпохи утвержденія московской централизаціи, н
шихъ исторіяхъ все общѣе и общѣе говорится о внутреннемъ бытѣ прові
но не раскрываются въ частности разнообразныя историко-этногра
скія, экономическія, юридическія, вообще бытовыя особенности ка
отдѣльной области или группы однородныхъ территоріальныхъ окру
мѣстныхъ общинъ; не изображаются въ надлежащей мѣрѣ мѣстныя,
тическія, моральныя и физико-географическія условія ихъ внутре
развитія и быта. Мѣстное саморазвитіе, внутренняя жизнь областей
вляются въ сторонѣ, или ставятся на второмъ планѣ; а, вмѣсто то
первомъ планѣ рисуется политическая дѣятельность правительства, ра
централизаціоннаго устройства и быта Россіи, біографіи царей и
Между тѣмъ, намъ кажется, ни въ одной европейской исторіи так
свойственно, неприложимо подобное изложеніе, какъ въ исторіи о
нѣйшаго въ свѣтѣ государства русскаго. Русская исторія, въ самой о
своей, есть по преимуществу исторія областей, разнообразныхъ ассо
провинціальныхъ массъ народа—до централизаціи и послѣ централи
Съ этой точки зрѣнія, даже вся русская исторія представляетъ н

---

[1] Напечатано въ журналѣ „Отечественныя записки" за 1861 г. № 10, стр.
616 и № 11, стр. 79—118 (цензурныя дозволенія на выпускъ въ свѣтъ означе
книжекъ отъ 20 окт. и 20 ноября того же года; редакторы-издатели А. Краевс
С. Дудышкинъ).

ое, какъ историческое развитіе и видоизмѣненіе разнообразныхъ об-
стныхъ общинъ въ двухъ послѣдовательно-преемственныхъ формахъ.

Первичная, древняя форма — *особно-областная.* Характеристическія
ты ея областности очевидны: первоначальное, вольно-народное,
лонизаціонное самоустройство каждой областной общины на особой
дной системѣ или на отдѣльномъ волокѣ; общее стремленіе областныхъ
щинъ къ особности, къ локализаціи; мѣстное, большею частію разнопле-
нное историко-этнографическое самообразованіе каждой областной массы
селенія; мѣстное вѣчевое самоуправленіе, *земско-совѣтіе*; самобытно-
стное, федеративное взаимодѣйствіе и мѣстно-удѣльная междоусобная
ьба областныхъ общинъ. Эта основная историческая форма земско-об-
стной жизни естественно сложилась вслѣдствіе колонизаціонно-террито-
льнаго стремленія всѣхъ областныхъ общинъ быть *особно.* Тутъ до эпохи
иранія, централизаціи русской земли, исторія необходимо должна гово-
ть главнымъ образомъ о внутреннемъ, мѣстномъ самоустройствѣ и са-
развитіи каждой областной общины въ особенности, и потомъ о феде-
льномъ взаимно-отношеніи всѣхъ мѣстныхъ общинъ.

Вторая историческая форма—*соединенно-областная.* Установленіе этой
зой формы историческаго строя областныхъ общинъ также было мѣстно-
ластное. Оно окончательно совершилось послѣ великой *розни* областныхъ
щинъ и совокупнаго рѣшенія ихъ въ смутное время на мѣстныхъ зем-
ихъ совѣтахъ — *быть въ соединеньи.* Областной элементъ положенъ былъ
основу и этой соединенно-областной формы; областныя общины, обо-
ляясь по старымъ удѣльно-областнымъ городамъ, порѣшили на своихъ
стныхъ земскихъ совѣтахъ *быть въ любви, въ совѣтѣ и въ соединеньи,*
ѣдовательно—въ значеніи земско-областной федераціи.

Потомъ мѣстно-областное начало жизненно выражалось, въ теченіе
го XVII вѣка, въ многочисленныхъ и разнообразныхъ общинно-област-
ихъ челобитныхъ, подававшихся обыкновенно областными выборными
юками «во всѣхъ мѣсто», т.-е. отъ цѣлыхъ областныхъ общинъ. Въ
ихъ общинно-областныхъ челобитныхъ выражалась общинно-областная
ѣщательность и инициатива, общинно-областная протестація противъ
ластныхъ приказныхъ властей и учрежденій, наконецъ мѣстно-областное
яніе посредствомъ этихъ почти повсемѣстныхъ челобитныхъ на раз-
тіе общаго законодательства, такъ какъ царскіе указы и грамоты, све-
нные послѣ въ Уложеніи, были прямымъ отвѣтомъ на общинно-област-
я челобитныя.

Далѣе, областная жизнь выражалась еще въ XVII вѣкѣ въ участіи
стныхъ общинъ на земскихъ соборахъ. Принципъ прежней территорі-
ьной или земской цѣлости и разграниченности провинцій удерживался
старинномъ дѣленіи областей, воеводствъ и даже многихъ централь-
ихъ, московскихъ приказовъ по древнимъ главнымъ удѣльно-областнымъ
родамъ. Точно также попрежнему области назывались *землями, государ-
ствами, царствами,* и т. п. Равнымъ образомъ о живости стариннаго особно-
ластнаго начала въ сознаніи самого московскаго правительства XVII в.
дѣтельствуетъ предположеніе царя Θедора Алексѣевича снова раздѣ-

лить русскую землю въ церковно-епархіальномъ отношеніи по старин
удѣльнымъ княжествамъ и областямъ. Затѣмъ, мѣстная, особная о
ная жизнь выражалась въ XVII в. въ такъ-называемомъ въ актахъ
городовъ и въ прежнемъ стремленіи многихъ областныхъ общинъ к
нансовой, тягловой особности, самораспорядительности. Наконецъ,
ненность областныхъ народныхъ силъ, антипатій и стремленій мн
чительно проявилась во второй половинѣ XVII столѣтія въ разн
ныхъ мѣстныхъ, областныхъ событіяхъ, народныхъ и инородче
Слѣдовательно, до XVIII столѣтія, исторія должна слѣдить, въ
соединенно-областной формѣ историческаго быта общинъ, за проявл
всѣхъ исчисленныхъ нами и другихъ подобныхъ областныхъ нач
каждой земской общинѣ, за самодѣятельностью областныхъ общинъ вн
и внѣ круга воеводствъ и центральныхъ приказовъ московскаго госуд

Съ XVIII вѣка соединенныя областныя общины преобразовы
въ однобразную форму губерній и провинцій. Мѣстная самодѣятел
и самоуправительность ихъ окончательно подчиняется центрально
вительству и губернскимъ учрежденіямъ. Несмотря на то, и съ это
мени, исторія все-таки не должна терять изъ вида основоположит
канвы исторической — областности. Централизація — пришедшій
элементъ для внѣшняго устройства, для обобщенія областности, а
ность — коренное, непреходящее, только внутренно-видоизмѣняюще
чало народнаго историко-географическаго самораспредѣленія и
общиннаго саморазвитія. Со времени учрежденія губерній, исторія
слѣдить за внутреннею, мѣстною жизнію областныхъ массъ въ губе
Она должна раскрывать, во-первыхъ, мѣстные народно-жизненные
таты предписаннаго «изъ ближней канцеляріи, изъ кабинета» Пе
ликаго росписанія Россіи на губерніи и провинціи, раскрывать влі
мѣстномъ народномъ быту, длившееся чрезъ все XVIII столѣтіе, п
зованія разнообразныхъ областныхъ общинъ въ однообразную по
географическую и военно-административную форму губерній. Да
торія должна слѣдить *единственно* за внутреннимъ поземельным
устройствомъ, за экономическимъ, общественно-юридическимъ, н
образовательнымъ, этнографическимъ и духовно-нравственнымъ с
витіемъ или застоемъ самихъ провинціальныхъ народныхъ массъ,
можности, въ каждой губерніи или провинціи въ частности, тольк
формами губернскихъ учрежденій и политико-географической, адми
тивной, законодательной, экономической и народно-образовательн
трализаціи. Если, въ эпоху централизаціи, областныя общины не
живали энергической, прогрессивной самодѣятельности и жизнен
моразвитія, то исторія должна слѣдить за постепеннымъ историко-
гическимъ процессомъ разнообразнаго мѣстнаго измѣненія самод
наго духа, жизненныхъ силъ областныхъ общинъ. Исторія должна
вать общія и мѣстныя причины упадка или неразвитія въ обла
общинахъ духа мѣстной инициативы, самодѣятельности, и разв
нихъ, вмѣсто того, привычки во всемъ полагаться на инициативу,
ливость и опеку центральнаго правительства.

Въ частности, по областно-историческому принципу, предметами исто-
ѣскаго изслѣдованія должны быть, напримѣръ, слѣдующія явленія
стной жизни: областная колонизація и ея мѣстныя физико-географи-
кія, этнографическія, административныя условія, средства и ходъ въ
дой колонизующейся провинціи; напримѣръ, въ XVIII вѣкѣ, въ Казан-
, Оренбургской, Саратовской и Сибирскихъ губерніяхъ, въ каждой
льно. Этнографическая характеристика, жалобы, безпорядки, внутрен-
состояніе подъ русскимъ владычествомъ каждаго провинціальнаго
одческаго племени въ частности. Напримѣръ, страданія татаръ въ
ой половинѣ XVIII вѣка отъ военныхъ командъ, въ родѣ изобража-
ъ въ находящейся у насъ рукописи 1741 года, подъ заглавіемъ:
тракть объ обидахъ новокрещенымъ», или волненія въ первой поло-
XVIII вѣка башкирцевъ, тептерей, калмыковъ въ Оренбургской гу-
іи, или нападенія бурятъ на первыя русскія колоніи по Ленѣ и т. д.
ѣхи или задержки внутренняго саморазвитія и благоустройства област-
ь общинъ въ той или другой губерніи въ частности, при томъ или
омъ губернаторѣ, напримѣръ, въ Сибири—при Чичеринѣ, при Трескинѣ,
лонецкой губерніи — при намѣстникѣ Тутолминѣ, въ Тамбовской —
Гудовичѣ, въ Калужской—при Лопухинѣ и т. д. Общественныя за-
и или злоупотребленія выборныхъ должностныхъ лицъ въ провинціяхъ,
шенія ихъ къ губернскому начальству; напримѣръ, протестаціи ихъ
ивъ распоряженій губернскихъ властей, въ родѣ протестаціи въ 1827
саратовскаго градскаго головы Петра Матова, отъ лица городского
ства, противъ неудобнаго для общества распоряженія саратовскаго
рнскаго правленія объ исключительныхъ выборахъ въ головы думы
ихъ православныхъ, съ желаніемъ равноправности въ городскихъ вы-
хъ всѣхъ капиталистовъ безъ различія вѣроисповѣданій—и православ-
ъ, и старообрядцевъ, и католиковъ, и лютеранъ, и мухаммеданъ, для
гченія общественной городовой служебной повинности. Взаимныя от-
енія сословій въ той или другой провинціи; въ частности мѣстный
ъ дворянства, духовенства, купечества, мѣщанства и крестьянства
каждой провинціи, экономическій быть и промышленныя особенности
дой провинціи и мѣстности; состояніе и движеніе народнаго образо-
я въ каждой провинціи. Происхожденіе и развитіе мѣстныхъ, област-
ъ типовъ и особенностей; развитіе областной народной словесности
бластныхъ нарѣчій (напримѣръ, разнообразныя областныя легенды
кія, легенды инородческія — зырянскія, лопарскія и вообще фин-
, и проч.), мѣстные варіанты однѣхъ и тѣхъ же русскихъ ле-
дъ въ Сибири, въ разныхъ великорусскихъ губерніяхъ, мѣстныя пѣсни
кія, татарскія, финскія и т. д. Мѣстное происхожденіе и распростра-
іе въ той или другой области раскольничьихъ ученій, мѣстное видо-
ѣненіе и вліяніе ихъ въ той или другой областной общинѣ, развитіе въ
стныхъ городахъ раскольническихъ общинъ, согласій, мѣстно-истори-
кія причины отличій областныхъ раскольничьихъ партій, напримѣръ,
рскихъ, московскихъ, донскихъ, сибирскихъ. Стремленіе областныхъ
ольническихъ общинъ къ особно-областному самоустройству, напри-

мѣръ, въ Астраханской губерніи, около Каспійскаго моря, въ Сибири къ общинному самоуправленію, въ родѣ, напримѣръ, попытки старо ческихъ обществъ, въ 1818 году, въ пермской, екатеринбургской, тобол и другихъ сосѣднихъ сибирскихъ мѣстностяхъ, основать свое общ самоуправленіе изъ выборныхъ попечителей и т. п. Разнообразный вз областныхъ общинъ на областныя преобразованія правительства; напри взглядъ сибиряковъ на брадобритіе при Петрѣ Великомъ, или малоро на крѣпостное право, или въ родѣ того, какъ, по поводу обращені императрицѣ Екатеринѣ II болѣе 200 селъ въ города, жители Ус сольска возстали противъ распоряженія объ устройствѣ изъ села Ус сольскаго города, а жители города Владиміра по случаю обраще владимірское намѣстничество, въ 1788 году, многихъ селъ и слобо города, выразили восторгъ въ прологѣ «Торжествующій градъ Влади и проч. Такимъ образомъ, и въ самую эпоху централизаціоннаго у ства Россіи, предметомъ исторіи будетъ не развитіе централизаціонн сударственности, а разнообразіе областной, мѣстно-общинной историч жизни русскаго народа и сожительствующихъ съ нимъ инородче племенъ.

Русская исторія, основанная на одной идеѣ централизаціи, и чающая идею областности, есть то же, что отрицаніе существеннаго, неннаго значенія областныхъ общинъ, какъ разнообразныхъ органов составѣ и развитіи цѣлаго политическаго организма всего народа. не знаетъ, что безъ знанія устройства и отправленій отдѣльныхъ орг тѣла нельзя понять жизни и отправленій цѣлаго организма? Такъ и безъ знанія разнообразной историко-этнографической организаціи, х тера, понятій, воззрѣній, вѣрованій, сочувствій и антипатій областныхъ народныхъ въ теченіе ихъ мѣстной исторіи невозможно полное и ливо-ясное пониманіе исторіи всего русскаго народа. Невозможно тѣмъ что слишкомъ многосложенъ и разнообразенъ историко-этнографич строй нашихъ многочисленныхъ и обширныхъ областей. Не будемъ гов о разноплеменномъ составѣ многихъ провинцій, о сплошныхъ массах родческихъ, пестрѣющихъ на этнографической картѣ Россіи. Все ли между одноплеменными провинціями, напр., между малороссійскимъ, русскимъ и сибирскимъ народонаселеніемъ? Много ли общаго между сой, Камчаткой и Кавказомъ, архангельской областью и казанскимъ и т. д.? А разнообразныя областныя нарѣчія, изъ которыхъ соста особый цѣлый словарь? А эти юмористическія присловья, кот такъ мѣтко и согласно съ исторіей характеризуютъ у насъ жители области жителей другой? А областныя пѣсни про разныя обла мѣстности, напр., про Ярославль, про Ленбурхъ-городъ или Орен про саратовскій край, про нижегородскія села Павлово, Лысково, кино, про донскихъ казаковъ и проч.? А существованіе территоріал округовъ, совершенно независимыхъ отъ округовъ административ отличныхъ нравами жителей, языкомъ, промыслами и т. д.? Все это выразительно, такъ рельефно рисуетъ нашу обширную Россію во историко-этнографическомъ разнообразіи ея многочисленныхъ област

наукѣ русской исторіи доселѣ не было обстоятельно, исторически объ-
лемо, отчего образовались такія типическія областныя особенности,
ое онѣ имѣли значеніе въ исторіи, какое значеніе онѣ имѣли или не
ли, или могутъ имѣть въ примѣненіи къ законодательству, къ адми-
траціи, къ народному матеріальному и нравственному развитію, и т. д.
въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, лучшіе государственные
и, какъ Мордвиновъ, графъ Воронцовъ, сознавали и оффиціально выска-
али то убѣжденіе, что *должно обращать полное вниманіе на совокупныя права*
ихъ и великихъ областей, составляющихъ обширную Россійскую Имперію,
законодательство должно вполнѣ соотвѣтствовать *всѣмъ выгодамъ мѣст-*
положенія различныхъ областей и главному характеру народовъ, населяю-
ъ эти области, что самое учрежденіе о губерніяхъ *нейдетъ къ многимъ,*
тиво къ вновь-присоединеннымъ и завоеваннымъ нами провинціямъ, кои
ли у себя болѣе устройства, нежели внутри Россіи, или къ азіатскимъ,
ространству земель ихъ и по образу жизни и нравовъ тамошнихъ жителей.
Если когда, то особенно въ наше время, наукѣ русской исторіи не-
димо уяснять исторію, духъ, характеръ и этнографическія особенности
стныхъ массъ народныхъ. Въ высшей степени желательно, чтобъ у
ь, по возможности, въ каждой провинціи возникала своя историческая,
опознательная литература, и обогащалась областными сборниками, въ
ѣ «Пермскаго», историко-статистическими описаніями губерній и про-
цій, въ родѣ, напр., описанія оренбургскаго края Черемшанскаго, и под.,
аніемъ областныхъ памятниковъ и актовъ, въ родѣ изданія актовъ мало-
сійскихъ, казанскихъ, воронежскихъ, рязанскихъ, владимірскихъ и др.,
аніемъ областныхъ журналовъ, въ родѣ южно-русской «Основы». Об-
тные сборники, историко-этнографическія и статистическія описанія
винцій могутъ служить не только руководствами нашего областного
опознанія, но и органами возбужденія въ провинціальныхъ массахъ идеи
итическаго самосознанія и саморазвитія въ составѣ цѣлаго государствен-
о союза.

Въ настоящее время одинъ изъ самыхъ отрадныхъ результатовъ ве-
каго вопроса освобожденія крѣпостного народа представляетъ начинаю-
ся сознаніе необходимости пробудить провинціальную жизнь къ мѣстной
одѣятельности, къ мѣстному саморазвитію. Теперь и въ провинціяхъ
допускается мѣстная инициатива. Первые, отрадные зародыши, при-
ки провинціальной инициативы и самодѣятельности видимъ мы въ от-
тіи воскресныхъ школъ почти во всѣхъ провинціяхъ, въ образованіи
стныхъ обществъ распространенія грамотности, въ дѣятельности про-
ціальнаго дворянства по устройству областныхъ земскихъ банковъ, и
. Для возбужденія въ провинціяхъ общественнаго, нравственнаго, юри-
скаго, экономическаго и умственнаго самосознанія, для наиболѣе энер-
ской и просвѣщенной инициативы и самодѣятельности, необходимо
тороннее самопознаніе. Слѣдовательно, необходимо и мѣстно-областное
рическое самопознаніе.

Съ мыслью о важномъ значеніи провинціализма, областного начала
исторической и современной жизни русскаго народа, предлагаю чита-

телямъ «Отечественныхъ Записокъ» на первый разъ общій очеркъ по
ческой самодѣятельности великорусскихъ областныхъ общинъ въ см
время (1606—1613 г.). Потомъ намѣренъ я сообщить историческіе о
областной жизни въ теченіе всего XVII вѣка и эпизоды изъ исторі
торыхъ провинцій въ XVIII столѣтіи. Предварительно считаю нуж
сказать объ историческомъ значеніи и устройствѣ областныхъ общ
смутнаго времени.

I

До образованія московскаго государства, обширная русская
представляла многосложную федерацію областей, разнообразную въ
рическомъ и этнографическомъ отношеніи. Форма общественной
славяно-русскаго народа и различныхъ инородческихъ племенъ, ч
слившихся съ нимъ, частію примыкавшихъ къ нему по географиче
единству земли, форма *земскаго устроенья,* до развитія государств
политико-географической централизаціи, была, какъ мы уже ск
особно-областная. Главный характеристическій признакъ ея—стре
областей волжско-камской федераціи къ удѣльной особности, а облас
общинъ новгородской или полярно-балтійской федераціи къ общин
чевой, или народоправной особности, съ сохраненіемъ колонизаціонно
ративной связи.

Всѣ великорусскія области первоначально образовались путем
вяно-русской колонизаціи преимущественно по рѣчнымъ системамъ
локамъ, частью среди дремучихъ *черныхъ лѣсовъ,* частью среди ра
финскихъ и тюрко-татарскихъ народностей. Эта колонизаціонная, г
фическая и этнографическая основа областей была первоначальною,
ственно-историческою основою, закладкою всего областного строя Ве
Россіи. Славяно-русскія колоніи усѣдались, распредѣлялись въ такі
риторіальные округи, какіе условливало географическое очертаніе,
разграниченіе и этнографическая связь, или взаимное племенное тя
и сосредоточеніе народныхъ элементовъ. По рѣчнымъ системамъ и вол
областныя общины группировались въ формѣ земско-областныхъ фед
объединяясь географическою и колонизаціонною связью.

Вотъ полярно-балтійская озерно-рѣчная система очерчивается,
ляется отъ волжско-камскаго бассейна естественною раздѣлите
чертою—сѣверными увалами. Увалы эти, какъ извѣстно, длинной
простираются, то возвышаясь, то склоняясь, отъ Урала до валда
возвышенностей, и здѣсь смыкаются съ олонецкими горными отры
Скандинавскаго хребта. Отсюда всѣ воды текутъ на сѣверъ, образу
бую цѣльную гидрографическую область, озерно-рѣчную. Отсюда
нается территорія, замѣтно отличающаяся отъ территоріи, лежащей
сторону уваловъ, отъ территоріи волжско-камской. Начинается об
область, характеризующаяся особеннымъ обиліемъ озеръ, рѣкъ, рѣч
стоячихъ водъ, особымъ климатомъ, влажнымъ и къ сѣверу пост
холоднымъ, или, какъ говорили древніе новгородцы, «морознымъ и

ымъ», отъ сѣверныхъ вѣтровъ и по причинѣ влажнаго и болотнаго грунта, юбой почвой, нехлѣбородной, большею частью болотистой, каменистой и счаной. По всему этому широкому полярно-балтійскому бассейну, до ихода славянъ, обитали финскія племена: собственно *чудь*, съ одной стоны по рѣкѣ Лугѣ до Чудскаго озера, съ другой—отъ Ильменя по Мстѣ по всему сухоно-двинскому заволочью, *водь* и *ижоряне* (ingrikot) между аровой и Волховомъ до Финскаго залива, Невы и Ладожскаго озера, *пь* или *лопари* вокругъ Онежскаго озера и на сѣверѣ вмѣстѣ съ *карелами* всему поморью. Земля, заселенная этими финскими племенами, простиющаяся отъ рѣчной системы Чудскаго озера, Финскаго залива, Ильменя, олхова и Ладожскаго озера до системы Сѣверной Двины, съ юга отдѣющаяся волокомъ и увалами отъ рѣчной системы Волги и на сѣверѣ мкнутая моремъ, эта земля, съ своею озерно-рѣчною системою, предстаяла естественно-цѣльную, связную, округленную географическую область, я образованія одной, цѣльной, колонизаціонно-федеративной земской щины. И вотъ колонизаціонно-территоріальное устройство поселившагося ѣсь между финскими народцами славянскаго племени отлилось въ эту ографическую форму, въ означенныхъ территоріальныхъ очертаніяхъ. акимъ образомъ, говоря языкомъ историческихъ актовъ, *по землѣ и по дѣ*, путемъ постепенной славянской колонизаціи, основалась область новродская, и по единству, по цѣльности земли, называлась *землею новгодскою*, а по народно-вѣчевому, политическому самовластію—*государствомъ вгородскимъ*. Это, по лѣтописямъ новгородскимъ, *земля святой Софіи и овгорода*, т.-е. территорія, которая естественно, по землѣ и по водѣ, по язности озерно-рѣчной системы, вслѣдствіе церковной колонизаціи св. офіи и вольно-народной колонизаціи земскихъ людей Новгорода, неотторимо тянула къ Новгороду.

Образуя, по географической цѣльности и связности, и по колониціонному взаимно-дѣйственному саморазвитію, одно цѣлое, новгородская бластная община, какъ единый цѣлый историко-политическій организмъ, ъ своемъ дальнѣйшемъ послѣдовательномъ историко-географическомъ самосширеніи путемъ колонизаціи, естественно развѣтвилась на нѣсколько дѣльныхъ мѣстныхъ общинъ. Первоначальная область *пятинъ* или пяти *ядовъ*, послѣдовательно колонизовавшаяся сначала изъ *Славно-Торга*, починка еликаго Новгорода, путемъ торгово-промышленныхъ, *гостиныхъ становъ* и оселеній—*погостовъ* и *рядковъ*, *въ чуди*, *въ лопи*, *межи родовъ карельскихъ* и роч., по озерно-рѣчной, ильменской, ладожской и онежской системамъ, отомъ колонизовавшаяся изъ постепенно-образовавшихся пяти концовъ овгорода, изъ Словенскаго конца, изъ Неревскаго конца и такъ далѣе, утемъ вольной, земской колонизаціи пяти-конечныхъ жителей Новорода и церковной колонизаціи св. Софіи—эта область пятинъ естевенно тянула къ пяти концамъ Новгорода, такъ что и всѣ погощане, *оземщики*, по словамъ писцовыхъ книгъ, *тянули* въ какой-либо изъ пяти онцовъ, напримѣръ, *въ Неревскій конецъ*, *въ Словенскій конецъ*, и такъ алѣе. Такимъ образомъ, область пятинъ составляла особую, цѣльную федеацію погостскихъ округовъ или общинъ, колонизаціонною и озерно-рѣч-

ною связью внутренно-сплоченныхъ и соединенныхъ непосредственно
Новгородомъ [1]). Рядомъ и въ федеративной связи съ областью пяти
образовались, путемъ колонизаціонно-территоріальнаго подраздѣленія, дру
внутренно-самобытныя мѣстныя федераціи. И тутъ опять основа под
дѣленія была естественная, географическая и этнографическая. Какъ
географическая площадь новгородской земли, смыкаясь рѣчными систем
въ одно географическое цѣлое, подраздѣлялась на болѣе или менѣе ме
географическіе округи по отдѣльнымъ, побочнымъ рѣчнымъ систем
такъ и колоніи Новгорода—отдѣльныя мѣстныя общины колонизовали
распадались по отдѣльнымъ, побочнымъ рѣчнымъ водораздѣламъ и в
камъ, и также назывались *землями*. Такъ, напримѣръ, по рѣкѣ Двинѣ
мелкимъ притокамъ колонизовались гостями, промышленниками, бояр
боярскими рабами, монастырскими поселеніями и разными *повольникам*
сбойчатыми людьми такъ-называемая въ актахъ и лѣтописяхъ *Земля Д*
ская, состоявшая изъ пяти городовъ; иначе эта областная община по р
называлась просто *Двиною*. По рѣкѣ Вагѣ, впадающей въ Двину и о
зующей съ своими притоками особую рѣчную систему, основана б
среди чуди, область *Вага*, или иначе *Земля Важская*, колонизованная
городцами, преимущественно бывшими новгородскими посадниками С
земцовыми, разными переселенцами-боярами, заселившими по рѣкѣ В
до тринадцати волостей-*боярщинъ*, и разными промышленниками—вы
цами новгородскими, онежскими и заволоцкими. Область эта простира
до *ростовскихъ межъ* и состояла изъ пяти становъ: Шенкурскаго, Под
скаго, Ровдинскаго, Вельскаго, Верховажскаго, Ледцкаго, Паденги, В
шенги, Слободы Великой. По рѣкѣ Вычегдѣ и ея притокамъ, Вым
Сысолѣ съ Ужгою, среди зырянъ, колонизовались города Соль-вычегод
Вымь, Устьсысольскъ и волость Ужгинская или Ужга, частію изъ Н
города, но ближайшимъ образомъ изъ Двины, Вологды и Устюга, и о
зовали особую территоріальную группу или область, называвшуюся *В*
годскою и Вымскою Землею: основаніе поземельной, территоріальной о
ности и взаимной связи этихъ общинъ—рѣчная система Вычегды и к
низаціонное единство. Федеративная связь ихъ выражалась во взаим
общинно-областной помощи. Въ грамотѣ 1636 года связь эта характ
зуется такъ: «*Соли вычегодской* посадскимъ же и уѣзднымъ людямъ *п*
гаютъ вымичи и *сысольцы*, и во всемъ межъ себя считаются». Въ сѣвер
обонежской оконечности Новгородской Земли, всѣ рѣки, какъ извѣс
впадаютъ въ Бѣлое море, совпадая истоками своими съ истоками р
впадающихъ въ Онежское и Ладожское озера. Эта черезполосность, о
ность сѣверо-поморской рѣчной системы была естественной основой и т
риторіальной особности бѣломорскихъ новгородскихъ колоній. Посел
эти, первоначально составлявшія такъ-называемыя *страдомыя дере*
колоніи *боярскихъ насельниковъ рабовъ*, потомъ умножившіяся заселені
соловецкаго монастыря и разныхъ новгородскихъ выходцевъ, бобыле

[1]) О колонизаціи новгородской земли, также какъ и волжско-камской мы н
рены въ скоромъ времени представить особое изслѣдованіе.

аковъ, располагались по поморью, по озерамъ, по рѣкамъ, вытекающимъ озеръ и впадающимъ въ море, и отчасти по волокамъ, и назывались по рѣкамъ и озерамъ. Совокупность всѣхъ этихъ поморскихъ, околорныхъ и рѣчныхъ поселеній, связуясь въ одно цѣлое озерно-рѣчною поэскою системою, естественно образовала особую федеративную ассоціацію, ывавшуюся *Поморскою Областью* или *Сѣвернымъ Поморьемъ*. Въ актахъ ке XVII вѣка Сѣверное Поморье часто представляется какъ бы совернно особою отъ московскаго государства землею, въ родѣ особаго госурства. Географическое, территоріальное очертаніе Поморской Области въ тахъ обозначалось такимъ выраженіемъ: *все Поморье до Холмогоръ*.

Всѣ поименованныя и другія мѣстно-областныя, территоріальныя цины, первоначально образовавшіяся путемъ новгородской колонизаціи, томъ окончательно установившіяся, опредѣлившіяся путемъ мѣстнаго, юстоятельнаго колонизаціоннаго самоустройства, каждая на особой чной системѣ, составляли самобытныя, свободныя земли. А такъ какъ эти земщины первоначально все-таки были колоніи Новгорода, оснонись на землѣ св. Софіи и Новгорода, въ географической чертѣ одной зерной рѣчной системы, связывавшей въ одно цѣлое всю Новгородскую илю, то всѣ онѣ были соединены органическою, федеративною связью съ вгородомъ, назывались *волостями и пригородами святой Софіи и Новгоа*. Конфедеративное взаимодѣйствіе ихъ съ Новгородомъ выражалось во ѣй новгородской исторіи до эпохи московской централизаціи. По причинѣ кого федерально-колонизаціоннаго единства, во всѣхъ этихъ областяхъ кла одна жизнь и кровь новгородская, развивался новгородскій духъ родной воли, общиннаго самоуправленія, практической дѣятельности и омышленной предпріимчивости, отважнаго *повольничества* и порывчатой, *ѣчатой* стремительности, устойчивости, самовыдержанности. По причинѣ нфедеративнаго союза Новгорода съ его мѣстными общинами, разнообразми по естественнымъ богатствамъ волостями и пригородами, вслѣдствіе деральнаго обобщенія мѣстныхъ силъ и богатствъ, Новгородъ былъ, въ дніе вѣка, и могучъ, и богатъ, былъ другъ западной Ганзы, daraus, по вамъ ганзейскихъ купцовъ, wie aus einem Brunquell alle andere Contors flossen, und auf derselben Handlung gleichsam fundiret und gegründet—го не удостоилась Москва съ своимъ особеннымъ общеніемъ и склаимъ. По причинѣ федеративной связи Новгорода съ колоніями—съ ргическою мощью и жизненностью возбуждался, потрясался весь ганизмъ вольной новгородской общины, при малѣйшемъ покушеніи сковскихъ князей порвать федеративную связь Новгорода съ его волоеми. Чуть отторгалась отъ метрополіи какая-нибудь часть, напримѣръ, ина, сейчасъ новгородцы, бояре и черные люди, богатые и убогіе, отъ ла до велика сбирались на вѣче и порѣшали: «пойдемъ или головы свои южимъ за землю св. Софіи и Новгорода, или найдемъ волости и приоды св. Софіи и Новгороду».

При всемъ стремленіи Новгорода прикрѣпить къ себѣ прочною связью и колоніи, мѣстныя самобытныя земщины—стремленіи, особенно обнакившемся въ XIV вѣкѣ, въ эпоху колоніальныхъ войнъ съ Москвой за

сухоно-двинскія волости, федерализмъ новгородскій, однакожъ, нисколько не заключалъ въ себѣ элементовъ противоестественной централизаціи. Напротивъ, вслѣдствіе свободнаго, естественно-историческаго, федеративно-колонизаціоннаго самоустройства каждой отдѣльной земщины, вслѣдствіе начала рѣчной и вообще географической систематизаціи, сгруппировки областныхъ общинъ, мѣстныя, особно-рѣчныя земщины постоянно стремились къ территоріальной самостоятельности и къ мѣстному экономическому общинному самоустройству. И вольный Новгородъ, простирая свои колоніи все дальше и дальше, не силился нарушать свободнаго развитія мѣстныхъ общинъ на особыхъ рѣчныхъ системахъ. И въ самихъ мѣстныхъ общинахъ стремленіе къ территоріальной самобытности и къ мѣстному хозяйственному самоустройству такъ было обычно и живуче, что онѣ и послѣ, въ эпоху московской централизаціи, долго отстаивали свою мѣстную самобытность. Такъ, Кеврола и Мезень основались на особой рѣчной системѣ, отдѣльной отъ рѣки Двины, но подъ вліяніемъ новгородско-двинской колонизаціи. По единству колонизаціи и смежности, Двинская Земля не прерывала федеративной связи съ Кеврольскимъ и Мезенскимъ станами; федеративное единство этихъ становъ съ своею землею двиняне выражали такъ: «та земля Кеврола и Мезень *одна съ нами*... Кеврола и Мезень съ Двиною *одна земля*». Но по особности, отдѣльности рѣчной системы и по независимости дальнѣйшаго колонизаціоннаго самоустройства, Кеврола и Мезень стремились къ мѣстной самобытности, къ свободному общинному самораспоряженію, противились государственно-экономической писцовой приписи къ Двинѣ, отбивались отъ стрѣлецкихъ сотниковъ, отъ городоваго дѣла вмѣстѣ съ двинянами и просили царя «быть особно». Это стремленіе мѣстныхъ общинъ къ особности было непрерывное. Тѣ же станы, Кевроль-скій и Мезенскій, въ совокупности съ пинежанами Большой Пѣнеги и Малой Пѣнежки, съ Закольской и Пильегорской волостями, въ 1607 г. просились на особицу отъ Двины, отъ Холмогоръ, на томъ основаніи, что они живутъ отъ холмогорскаго города за 300 и за 400 и за 500 верстъ и больше, и счету имъ съ двинянами и холмогорцами ни въ чемъ не бывало, а считались они *опроче, межъ себя всѣми своими волостями*. Въ области новгородскихъ пятинъ, также еще въ XVII вѣкѣ обнаруживалось искони-ринное стремленіе волостей, *выставокъ*, или погостскихъ колоній, къ особности и мѣстному хозяйственному самоуправленію. Такъ, напримѣръ, въ Обонежской пятинѣ, еще въ первой четверти XVII-го столѣтія, Оштинскаго погоста выставка, волость Шимоозера съ своими выставками—выселками просилась распоряжаться своими *мірскими розметами особно, опричь Оштинскаго погоста*, «для того, что та волостка отъ Оштинскаго погоста 50 верстъ, а выставки за 70 и больше, и стали за мхами и за болотами, да имъ же Оштинскаго погоста отъ старостъ и отъ цѣловальниковъ и отъ праветчиковъ въ податяхъ и въ мірскихъ розметахъ продажи великія». Точно также Важенскаго погоста выставка—волость Святозерская хлопотала о томъ, чтобъ относиться въ казну въ Великій Новгородъ *особь одною своею волосткою, а въ Важенскій погостъ не тянуть* и отписаться отъ него «для того, что та волостка отъ Важенскаго погоста 120 верстъ и

ла за мхами и за болотами, да имъ же отъ старостъ и отъ цѣловаль-ковъ Важенскаго погоста продажи великія». Такимъ образомъ, новго-скія волости-выставки, постепенно колонизуясь, расширяясь посред-омъ своихъ выселковъ, новыхъ выставокъ, стремились къ самобытной зни, къ дальнѣйшему территоріальному саморазвитію посредствомъ ко-изаціи и къ самостоятельному земскому самоустройству. Это стре-ніе волостей и большихъ выставокъ новгородскихъ погостовъ къ само-ятельности, къ обособленію, изстари прежде всего утверждалось на риторіальной, географической, колонизаціонной основѣ, и потомъ на ественномъ стремленіи мѣстныхъ общинъ къ земскому самоуправленію хозяйственному самоустройству. Обширность мѣстной территоріи, отдѣль-ть, особность рѣчной системы, черезполосность и другія топографиче-я причины, наконецъ взаимная неурядица и разладъ были естествен-ми и главными побужденіями къ отдѣленію одной мѣстной общины другой—напримѣръ, большихъ выставокъ, колоній отъ погостовъ, рополій ихъ.

Области пріуральскія, хотя также первоначальную основу получили Новгорода, но по совершенной отдѣльности рѣчной системы и по бенности племенного состава и историко-этнографическаго самообразо-ія, рано обособились отъ новгородскаго федеративнаго союза. Здѣсь вная рѣчная система, какъ извѣстно, вятско-камская. Главныя финскія мена, здѣсь обитавшія, пермяки, зыряне, вогуличи, вотяки, черемисы, проч., составляли особую отличительную отъ чудскихъ племенъ новго-ской земли группу, съ примѣсью болгарскихъ и тюрко-татарскихъ эле-нтовъ. Слитіе ихъ съ новгородскою, ростовско-суздальскою или москов-ю, вообще славяно-русскою народностью естественно развивало особый графическій типъ великорусской народности. Вслѣдствіе такихъ гео-фическихъ и этнографическихъ особенностей, общины, устроившіяся рѣчныхъ системахъ Камы и Вятки, естественно образовали двѣ особыя асти—*Пермскую Землю* и *Вятскую Землю*. Пермская Земля, по причинѣ обности своей обширной камской системы, отдѣленной отъ сѣверо-двин-ой системы увалами, по причинѣ особности, отдѣльности обширной прі-льской территоріи, естественно обособилась отъ новгородской земли темъ постепенной колонизаціи изъ разныхъ мѣстностей новгородскихъ, хоно-двинскихъ, вычегодскихъ и ростовско-суздальскихъ или волжскихъ, дѣдствіе своеобразной историко-этнографической организаціи населенія смѣси туземной своеобразной зырянско-пермякской и отчасти вогуль-ой стихіи съ разнообластными славяно-русскими колонистами. Изста-нная земская самобытность пермской области выражалась въ собствен-мъ туземномъ управленіи. Въ Пермской Землѣ, до окончательнаго при-единенія ея къ московскому государству, были свои туземные князья, роятно, изъ пермскаго племени, которыхъ лѣтопись насчитываетъ до надцати. Воспоминаніе о самобытности Пермской Земли такъ было звуче въ нѣкоторыхъ пермскихъ поколѣніяхъ, что еще во второй поло-нѣ XVII-го вѣка выразилось въ появленіи самозванца, подъ именемъ лико-пермскаго князя. Вятская Земля, древняя колонія Новгорода, еще

въ XII вѣкѣ образовала особую область, по рѣчной системѣ Вятки и
ствіе своеобразнаго колонизаціонно-этнографическаго склада изъ
новгородско-двинскаго, *ушкуйничьяго*, *повольничьяго* населенія съ ту
черемисско-вятскою народностью. О земскомъ обособленіи и общи
самоуправленіи Вятской Земли въ хлыновской лѣтописи такъ ск
«начали вятчане общежительствовать, самовластвуя, управлялись
дѣлись своими жителями, и нравы свои отеческіе и законы и о
новгородскіе сохраняли много лѣтъ, до обладанія великихъ
русскихъ, и прозвались вятчане по рѣкѣ Вяткѣ. Самовластны
278 лѣтъ».

Такъ какъ вятско-камская рѣчная система и пріуральская тер
сѣверными увалами совершенно отдѣлялась отъ сѣверо-двинской си
и отъ всей новгородско-поморской территоріи, то Земля Пермская и
Вятская, естественно, образовали новую, отдѣльную отъ новгородск
деративной системы, пріуральскую областную федерацію. Этотъ сою
выражался во взаимной общинно-областной помощи. Въ вышеупом
грамотѣ 1636 года онъ изображается такъ: «Въ иныхъ городахъ в
скахъ городъ городу помогаютъ: *Соли Камской* посадскимъ и уѣз
людямъ помогаютъ *чердынцы*, *да кайгородцы*, *да къ Соли же Камской*
на ямъ въ подмогу *вятчане* по 500 рублевъ на годъ». Но при этомъ
ративномъ взаимодѣйствіи, и въ пріуральской федераціи, такъ же
въ новгородской, отдѣльныя, мѣстныя общины стремились къособ
къ самостоятельности. Каждая индивидуальная, мѣстная община и в
этой федераціи имѣла свой самобытный кругъ общинной дѣятел
на основаніи поземельной обособленности одною рѣчною системо
такомъ случаѣ, общины или группировались по нѣскольку вмѣст
каждая считалась особно. Такъ Обвинскій и Иньвинскій станы, и
тянувшіе къ Перми, вслѣдствіе обилія «пашней великихъ и земел
мыхъ, хлѣбу, и меду, и хмѣлю, и мѣстъ теплыхъ» отовсюду привле
много поселенцевъ, стремились къ особности отъ Перми и Черды
причинѣ особнаго положенія по рр. Обвѣ и Иньвѣ.

Средняя полоса Великой Россіи, колонизовавшаяся на системѣ в
и средней Волги, путемъ ростовско-суздальской колонизаціи естес
исторически образовала особую область, или особую федерацію горо
и сельскихъ общинъ. Тутъ первоначально обитало одно финское
меря. Вслѣдствіе новгородской и преимущественно южно и запад
ской колонизаціи, оно отчасти обрусѣло, но большею частью отт
было въ общее сѣверо-восточное убѣжище финскихъ племенъ, въ Пе
зырянскую Украйну и на юго-востокъ. Послѣ того, какъ въ этой
рядомъ съ финскимъ городомъ Ростовомъ, основаны были предкам
Долгорукаго первые славянскіе города Суздаль, Ярославль и Владим
Клязьмѣ, Юрій Долгорукій, неутомимый устроитель *польской и за*
московско-суздальской земли, основалъ почти всѣ прочіе города,
щіеся нынѣ на этой полосѣ, начиная отъ Москвы и Коснятина (
ховьи Волги) и оканчивая Костромой. Дѣти и внуки его только дос
крайніе города въ пограничныхъ предѣлахъ ростовско-суздальской

зации и территоріальныхъ владѣній Юрьева рода: Всеволодъ III—Тверь . 1182 году, Юрій Всеволодовичъ—Нижній Новгородъ въ 1221 году. Изъ ѣхъ этихъ верхне и средне-волжскихъ городовъ князья, бояре, владыки монастыри выводили по *бортнымъ*, *пашеннымъ*, *рыболовлимъ*, *сокольчьимъ*, *солянымъ* и другимъ хозяйственнымъ *путямъ*, *ухожаямъ и станъ* свои *починки*, *села и волости бортничьи*, *рыболовли*, *сокольничьи*, *пашные*, или, какъ иначе они назывались, *хлѣбные*, и т. д., по своимъ *уѣздамъ*, *по кое мѣсто чей былъ уѣздъ*, по выраженію актовъ. Совокупность оло городовъ всѣхъ колонизаціонно-хозяйственныхъ городовыхъ путей, ожаевъ и становъ съ селеніями при нихъ, въ тѣхъ предѣлахъ, *по кое мѣсто были эти* обще-городовые хозяйственные *уѣзды*, совокупность эта разовала территорію городовъ—общіе городовые *уѣзды и станы*, которые рвоначально имѣли хозяйственно-промышленное значеніе, и впослѣдствіи се получили правительственный характеръ. Рядомъ съ городовыми, млевладѣльческими, хозяйственными колоніями, въ уѣздахъ и станахъ родовыхъ, вольные, *охочіе* люди, *садясь на черномъ лѣсу*, *посажая*, *поставя починки и деревни на лѣсѣхъ* и ширясь по мѣрѣ того, *куды ходилъ топоръ*, *коса и соха*, постепенно, цѣлыми общинами, *поговоря со всѣмъ міромъ*, селяли *черныя волости*. Совокупность всѣхъ верхне и средне-волжскихъ родовъ съ ихъ уѣздами, станами и волостями составляла одну, нераздѣльную областную федерацію общинъ, по причинѣ основанія всѣхъ этихъ родовъ однимъ княжескимъ родомъ, вслѣдствіе федеральности, общинности колонизаціи, по которой колонисты свободно переходили изъ одной ласти въ другую, постоянно перезывались въ каждое княжество *изъ ыхъ княженій и волостей*, и, наконецъ, вслѣдствіе распространенія по ей системѣ верхней и средней Волги одной, соединительной колонизаи—московско-суздальской: княжеской, боярской, владычней и монастырской. Кромѣ того, область всѣхъ этихъ городовъ съ ихъ уѣздами и волостями, область ростовско-суздальскаго колонизаціоннаго строительства Юрьева цикла, естественно смыкала и опредѣляла рѣчная система верхней средней Волги до впаденія въ нее Оки, или до Нижняго Новгорода ключительно. На западѣ границей ея были притоки Москвы-рѣки, на сѣверѣ—верховье Волги, на востокѣ—верховья Шексны, Костромы, Унжи Ветлуги, на югѣ—южные притоки Оки. При Юріи Долгорукомъ, вся а средняя полоса Великой Россіи, по рѣчной системѣ и по единству лонизаціи, естественно представляла нераздѣльное цѣлое и образовала собую новую областную федерацію мѣстныхъ общинъ, въ формѣ *Ростовско-суздальскаго княжества*, или иначе, *Ростовской и Суздальской Земли*. А потомъ, особенно послѣ Всеволода III или Великаго, вслѣдствіе общаго едневѣковаго стремленія городскихъ и даже сельскихъ общинъ къ особности, къ дробленію, а княжескихъ земель къ удѣльности, почти всѣ рода ростовско-суздальской федераціи обратились въ удѣльные. Но и тъ федеративная связь между ними нисколько не прерывалась, напровъ, крѣпко поддерживалась, сплочалась географическою связью, единствомъ рода удѣльныхъ князей, колонизаціонною общинностью и, въ частности, обще-соединительною сѣтью церковной московско-суздальской ко-

лонизаціи, охватившей всю область верхней и средней Волги
токами и стягивавшей ее къ Ростову, Суздалю, Владиміру и
образомъ къ Москвѣ. Вслѣдствіе этой-то колонизаціонно-геог
связи, между прочимъ, и успѣли московскіе князья положить
сударственной централизаціи прежде всего въ средней полосѣ
ской земли и такимъ образомъ нарушилось историческое разви
тивнаго устройства Россіи. Земская территоріальная особность М
области, въ собственномъ, тѣсномъ значеніи средневѣковой *Мо*
ноправность и равнозначительность ея съ прочими областями
лико-русской федераціи, до образованія Московскаго государств
ранія русской земли», выражалась въ собственномъ, индиви
названіи ея *Московскою Землею*—названіи, равнозначительномъ т
областнымъ наименованіямъ: Земля Новгородская, Земля Двинс
Пермская, и т. д. Древнее начало децентрализаціи, земской
такъ крѣпко вкоренилось въ историческую основу всего велик
областнаго строя, что еще въ XVII вѣкѣ Московская область об
въ своихъ первоначально-составныхъ, особныхъ территоріальных
дѣлилась на *государство Володимірское и государство Московско*
какъ и всѣ другія русскія и инородческія области представл
дѣльными *царствами* и *государствами*; писалось, напримѣръ: «Цар
ское, Царство Астраханское, Государство Новгородское, Государс
ское, и всѣ великія царства и государства великаго Московскаго

Наконецъ, о земско-исторической особности Юго-восточной
присоединенной къ общей велико-русской землѣ уже въ эпоху
централизаціи, нечего и говорить. Она естественно образова
область или федерацію городскихъ и сельскихъ общинъ, и по
этнографическимъ и по географическимъ условіямъ. Юго-вос
волжское и за-камское Приуралье составляетъ особый гео
округъ, и рѣкою Камою и ея притокомъ Чусовой естественно
отъ сѣверо-восточнаго пермскаго Приуралья, образовавшаго
вятской системѣ особую область, а начиная отъ рѣки Свіяги
фически совершенно обособляется отъ древне-московской земли. С
на этомъ пространствѣ основалось особое царство татарское,
изъ отличительныхъ, инородческихъ національностей—финских
татарскихъ. Эти народности до XVI вѣка имѣли свою самобыт
рію, сами собой организовали и въ теченіе всей древней исторі
всей цѣлости сохраняли свою національность. Изстаринная коре
ская особность Юго-восточной Украйны и на офиціальномъ мо
языкѣ до конца XVII столѣтія выражалась старымъ отличи
названіемъ юго-восточнаго татарскаго края *Казанскимъ Царство*
дарствомъ. Весь край въ правительственно-географическомъ
дѣлился по туземнымъ *дорогамъ*, напримѣръ, *по зюрейской дорогѣ*,
ской дорогѣ, и т. д. Однимъ словомъ, *татарщина* всецѣло преоб
этомъ пространствѣ или краѣ.

Такимъ образомъ, всѣ велико-русскія области представляли
ъ, самостоятельныхъ, федеративныхъ группъ, образовавш

онизаціоннаго самоустройства, большею частію по рѣчнымъ систе-
іждая федерація, и въ ней каждая мѣстная община стремились
иторіальной особности, не прерывая федеративной связи между
:нованной на колонизаціонной общности, союзности. Вслѣдствіе
альнаго земскаго самообразованія путемъ колонизаціи на отдѣль-
чныхъ системахъ, областныя общины стремились къ земско-народ-
бытности, къ дальнѣйшему территоріальному саморасширенію, къ
общественному самоустройству и самоуправленію. Каждая область
ала сама-собой дальнѣйшую колонизацію своей территоріи, путемъ
енья, посаженья новыхъ починковъ и деревень на лѣсѣхъ», путемъ
ываемыхъ *выставокъ* или выселковъ изъ большихъ старыхъ посе-
принципу поземельной общинности, всѣ члены областныхъ об-
вали земли *всѣмъ міромъ*, или *поговоря съ своею братьею и съ всею
съ сусѣдами съ волостными*. Народъ въ областяхъ до XV вѣка
лся полнымъ земскимъ самоуправленіемъ, выражавшимся въ формѣ
мскихъ совѣтовъ, сельскихъ *мірскихъ сходовъ*, остатки которыхъ со-
ь еще въ XVI и отчасти XVII столѣтіяхъ. Общинный, народный
и полноправность областного вѣча выражались, напримѣръ, въ
ормулѣ: «и владыка новгородской, и посадникъ, и тысяцкой, и
житейскіе люди, и купцы, и весь господинъ Великій Новгородъ
моту жалованную на вѣчѣ, на Ярославлѣ дворѣ». Всякое важное
дѣло совершалось по совѣту *со всей землей*. Вятчане, напримѣръ,
лѣдній часъ земско-областной свободы, когда ужъ принуждены
,000-ю ратью московскою цѣловать крестъ великому князю, и
е отвѣчали на требованіе московскихъ воеводъ—выдать измѣнни-
крамольниковъ: «дайте намъ, господа, сроку до завтра; мы это
во *скажемъ всей землѣ вятской*». Живя самобытною жизнію въ
вномъ взаимно-отношеніи, почти всѣ главныя великорусскія
имѣли свои лѣтописи, въ которыхъ выражалась ихъ самостоя-
мѣстная жизнь, въ связи съ другими соприкасавшимися съ ними
и. Такъ, напримѣръ, велись лѣтописи псковскія, лѣтописи новго-
лѣтопись суздальская, лѣтопись двинская, лѣтопись поморская,
ь кожеезерская, лѣтопись хлыновская.

лѣдствіе образованія путемъ славяно-русской колонизаціи среди
хъ и другихъ инородческихъ племенъ, и вслѣдствіе вѣковаго стре-
къ земской особности и самобытности, областныя общины есте-
получали разнообразную этнографическую организацію и состав-
Въ этомъ отношеніи основная идея всей физіологической исторіи
русскаго народа есть идея послѣдовательнаго историко-этнографиче-
областного самообразованія, разнообразной мѣстной организаціи,
ннаго нарожденія, наростанія велико-русской народности, посред-
принятія въ составъ ея, въ различныхъ областяхъ, разныхъ ино-
ихъ элементовъ — финскихъ, тюрко-татарскихъ, монгольскихъ и
вслѣдствіе постепенной славянской колонизаціи среди этихъ
ыхъ народностей. Тогда какъ съ XVI вѣка, со времени направленія
сской колонизаціи въ казанское и сибирское царства, этотъ исто-

рико-этнографическій процессъ нарожденія, наростанія великорусской на-родности совершался въ этихъ странахъ, претворяя въ массу ея тюрко-татарскія и монгольскія народности—до XVI столѣтія, онъ совершался почти исключительно на сѣверо-востокѣ, въ финскихъ областяхъ. Вслѣдствіе такого, историко-этнографическаго процесса, великорусская народность въ бо́льшей части этихъ областей не представляетъ чистый славянскій элементъ, а организовалась изъ слиянія славянскаго элемента съ финскими народностями, изъ претворенія ихъ въ русскую народность. Обитавшія въ IX вѣкѣ, въ Восточной Россіи, разныя финскія племена не исчезли, какъ обыкновенно говорится, а переродились въ русскихъ, обрусѣли, и такимъ образомъ въ разныхъ областяхъ привносили въ составъ велико-русской народности элементы областныхъ особенностей. Процессъ слиянія ихъ съ велико-русскимъ народомъ, перерожденія въ русскихъ совершался обыкновенно путемъ колонизаціи, поселенія среди нихъ русскихъ, посредствомъ взаимныхъ торговыхъ, промышленныхъ, общежительныхъ сношеній и браковъ, посредствомъ принятія финскими племенами русской вѣры, русскихъ костюмовъ, нравовъ и обычаевъ, и, наконецъ, посредствомъ усвоенія русскаго языка. Земско-городовыя и церковныя власти, бояре и другіе землевладѣльцы, пріобрѣтая власть, или *волость* надъ разными инородцами, такимъ образомъ основывали свои *волости*. Потомъ инородцевъ крестили въ русскую вѣру. А это обращеніе инородцевъ, посредствомъ крещенія въ *христіанъ*, или по тогдашнему словоупотребленію въ *крестьянъ*, на тогдашнемъ языкѣ было тождественно съ обращеніемъ ихъ въ *крестьянъ*. Такъ, напримѣръ, въ сѣверномъ поморьѣ, лопари сначала пріобрѣтались въ вотчинное владѣніе подъ собственнымъ именемъ: напримѣръ, волость Кемь отдавалась съ лѣшими озерами и съ *лопари*. Потомъ эти лопари, по словамъ игумена соловецкаго, Досиѳея, *быша христіане*. А въ слѣдующихъ грамотахъ, грамотахъ конца XVI вѣка, эти же самые лопари уже называются *крестьянами*. Такъ было вездѣ. Браки съ русскими довершали обрусѣніе инородческихъ генерацій. Почему во многихъ областяхъ прозвища крестьянскія были инородческія, заимствовались отъ отцовъ и дѣдовъ—инородцевъ. Только неподчинявшіяся славяно-русскому вліянію чудскія племена вытѣснены были натискомъ славянской колонизаціи на Украйны, и тамъ, однакожъ, не избѣжали общей участи, постепенно русѣли. А остатки ихъ въ разныхъ украинныхъ сѣверо-восточныхъ и юго-восточныхъ областяхъ и донынѣ мало-по-малу русѣютъ. Напримѣръ, въ области поморской, новгородская колонизація распространялась главнымъ образомъ между двумя финскими племенами—лопарями и карелами, подраздѣлявшимися, въ XV вѣкѣ, на нѣсколько родовъ, каковы, напримѣръ, карельскіе роды: курольцы, ровкульцы, вымольцы, тиврульцы, валдеинскій родъ и другіе. Куда дѣвалась большая часть этихъ древнихъ жителей бѣломорскаго прибрежья? Извѣстный финологъ Кастренъ, хорошо изслѣдовавшій историческія судьбы финновъ, говоритъ, что финская народность по берегамъ Бѣлаго моря слилась съ русскою, претворилась въ русскую національность. «Что русскіе поселились здѣсь мирно (прибавляетъ онъ), приняли въ себя народность финскую, а не искореняли ее, то доказывается и нечистотою языка архан-

югородцевъ, наполненнаго финницизмомъ, и финскимъ обличіемъ, безрывно попадающимся подъ русскою шляпою». Да и на памяти исторіи, къ бѣломорскіе инородцы, мало-по-малу русѣя и обращаясь въ русскихъ естьянъ, постепенно и медленно усвояли русскій языкъ. Въ концѣ XV или начале XVI столѣтія, игуменъ соловецкій Досиѳей объ нихъ писалъ: амъ, близъ моря и вокругъ острова Соловецкаго живущіе народы—*чудь, пь и ижера—мало свѣдующіе россійскаго языка*». Потому и въ купчихъ и нныхъ грамотахъ соловецкихъ XV и XVI вѣка языкъ русскій чрезвыйно нечистый, исковерканный непонятными словами и неправильными и своебразными оборотами и сочетаніями словъ, чуждыми языку новродскихъ лѣтописей и актовъ. Въ Вотской пятинѣ обитавшія нѣкогда нскія племена водь, лопь и ижора также не исчезли, а мало-по-малу ивались съ новгородцами. Новгородцы жили съ ними мирно съ тѣхъ ръ, какъ подчинили ихъ своей власти, допускали туземцевъ финскихъ общинные старосты, и такимъ довѣріемъ привлекали ихъ къ своей родности. Вотскіе инородцы, однакожъ, долго, до XVI и даже XVII столѣтія сохраняли свой типъ, свои племенныя вѣрованія и обычаи: поклались, какъ и всѣ финны, деревьямъ и камнямъ, приносили имъ въ ртву пищу и питье; мертвыхъ клали въ лѣсахъ по курганамъ, арбуи вали младенцамъ имена финскія, почему въ писцовыхъ книгахъ часто рѣчаются между жителями имена все не-русскія, чудскія. Погосты новодскіе, и по писцовымъ книгамъ XVI вѣка, числились *въ чуди*; села и евни были еще сплошь и рядомъ населены чудью. По лѣсамъ всюду одились чудскіе священные камни и деревья: отъ финскихъ *сейдъ* поилъ названіе и погостъ *Сейдовскій*. Точно также въ областяхъ, населенхъ преимущественно новгородцами, среди *Веси Бѣловодской* на Бѣлоозерѣ уди, жившей на рѣкахъ Вологдѣ, Сухонѣ и Югѣ, долго сохранялись ѣнки финской народности, особенно идіотизмы языка. Такъ, еще въ I вѣкѣ, Герберштейнъ писалъ о жителяхъ Бѣлозерской области, гдѣ скій элементъ смѣшался съ Чудскою Весью: «Hujus loci indigenae proim habent idioma, quamvis nunc ferme omnes ruthenice loquantur». То же ь замѣчаетъ о жителяхъ области Вологодско-устюжской: «idioma proprium, amvis ruthenico magis utuntur». Недаромъ и въ присловьяхъ народныхъ области доселѣ называются *Чудью бѣлоглазою*. Новгородско-русское еленіе каргопольской мѣстности также образовалось изъ сліянія съ стными чудскими племенами, которыя назывались въ древнихъ памяткахъ *сыроѣдцами*; почему въ присловьяхъ областныхъ доселѣ говорится: аргопольцы сыроѣды—чудь бѣлоглазая». Въ Закубеньи, въ Заволочьи, ѣ были *чудь-сыроѣдцы*, еще въ XVII в. вся мѣстность называлась *сыроѣжина земля*. Въ Тверской Кареліи, гдѣ и геогностико-археологическій рактеръ края сохраняетъ много слѣдовъ отдаленнаго финскаго быта, смотря на вѣковое сильное вліяніе славянскаго населенія—тверскаго, новродскаго, ростовско-суздальскаго и отчасти литовско-русскаго, и нынѣ е сохраняется между русскимъ населеніемъ финскій народецъ—карелы. ь составляетъ или отрывокъ отъ онежско-бѣломорскаго племени карелъ, оттѣсненный въ Весьегонскій и Бѣжецкій уѣзды первоначальнымъ

движеніемъ новгородской колонизаціи, или колонію Соловецкаго м
стыря изъ Поморской Кареліи, такъ какъ у этого монастыря были кол
и между Поморской Кареліей и въ Бѣжецкомъ уѣздѣ. Этотъ твер
народецъ карелы весьма туго подвергается обрусѣнію, доселѣ отлича
многими своебразными нравами, ни въ чемъ непохожими на русскіе;
и нынѣ есть селенія, въ которыхъ не всякая женщина умѣетъ гово
по-русски, въ которыхъ верхомъ оскорбительной брани считается «рус
Не говоримъ уже объ этнографической сложности, составности и физ
мической и лингвистической особенности русскаго населенія въ Вят
и Пермской областяхъ—въ этихъ новгородскихъ колоніяхъ среди финск
зырянъ, пермяковъ, вогуличей, вотяковъ и черемисъ, остатки котор
донынѣ еще существуютъ въ этихъ областяхъ и постепенно русѣютъ.
никоновской лѣтописи области Двинская, Вычегодская, Пермская и
ская въ концѣ XIV в. еще назывались «*иноязычными странами и земля*
Слѣды иноязычности ихъ, привносившей здѣсь въ великорусскую на
ность свою долю областной своебразности, долго были цѣлы и явстве
Напримѣръ, подслѣповатые жители Вычегодской области, обитающі
рѣкѣ Вычегдѣ, которые, по преданію, со времени Стефана Пермскаг
доселѣ называются *слѣпыми*, суть не что иное, какъ обрусѣлые зыр
Въ Пермской Землѣ еще въ началѣ XVI вѣка туземцы далеко не о
сѣли вполнѣ, не усвоили себѣ обычаевъ славяно-русской народности, ж
по своенародному, или, какъ писалъ московскій митрополитъ Симонъ,
ветхому и по татарскому обычаю». Даже въ XVII в. пермскіе крест
плохо говорили по-русски. Въ наказной памяти 1643 года торговому ч
вѣку гостиной сотни Онофрѣеву о нихъ замѣчено: «деревенскіе пашен
крестьяне пермяки *иные мало* и *порусски говорятъ*» (А. Э. III, № 320).
Вятской Землѣ было то же, какъ можно видѣть изъ посланія московс
митрополита Іоны: здѣсь также и въ XVII вѣкѣ русскіе постоянно б
даже еще не въ ладу съ инородцами, особенно съ черемисами.

Не входя въ дальнѣйшія историко-этнографическія подробности,
мѣтимъ вообще относительно этнографической организаціи велико-русс
народности въ разныхъ областяхъ, что въ этомъ отношеніи особенно рѣ
различаются между собой массы населенія сѣверо-восточныхъ и сред
волжскихъ областей. Не говоримъ уже объ этнографическомъ характ
юго-восточнаго края. Сѣверные увалы, раздѣляющіе рѣчныя систе
сѣверо-двинскую и волжско-камскую и составлявшіе въ древней нац
исторіи разграничительную черту въ ходѣ и направленіи новгородской
московской колонизаціи—сѣверные увалы образовали, вмѣстѣ съ тѣмъ,
этнографическую границу областей. Къ сѣверу за ними еще и нынѣ яс
видны были слѣды финскаго населенія. Финское племя, нѣкогда госпо
ствовавшее за увалами, не осталось безслѣднымъ въ историко-этнограф
ческой организаціи русскаго населенія этихъ областей: рыжіе во
маленькіе глаза, широкія лица говорятъ ясно, что финны состав
когда-то главное населеніе Заволочья, и, утративъ свой языкъ, свои обы
сохранили физическія особенности и наложили ихъ даже на славянъ-гос
въ этой сторонѣ. Но по сю сторону уваловъ, въ областяхъ верхне-во

начинаетъ преобладать болѣе или менѣе чистый славянскій типъ, ю въ женскихъ физіономіяхъ. Впрочемъ, и въ самой Ростовско-ской области не вдругъ исчезъ древній *чудско-мерьскій* элементъ. I столѣтія, ростовцы, какъ видно изъ житія Аврамія Ростовскаго, *чудски*, и Ростовъ, по племенному и религіозному антагонизму, я на два конца: *Славянскій* и *Чудскій*. Слѣды чудско-мерьскаго об-не вдругъ, конечно, изгладились и въ городѣ Галичѣ-Мерьскомъ, ахъ московскихъ, называвшихся по имени *мери*, и въ тѣхъ много-ныхъ селеніяхъ Московской, Ярославской, Владимірской, Костром-другихъ губерній, въ которыхъ нѣкогда господствовалъ народъ й, и которыя отъ него сохранили названія: Чудь, Чудины, Чудскія, во, и т. д. Независимо отъ финской стихіи, Московское Государ-ь XVI вѣка представляло смѣсь, амальгаму всякихъ другихъ народ-Въ смутное время, новгородцы въ своей стокгольмской грамотѣ апримѣръ, характеризовали его этнографическую разносоставность: вскаго Государства всякихъ чиновъ люди, царевичи разныхъ госу-ь, князи и мурзы, атаманы и казаки, новокрещеные и татарове, и и нѣмцы», и проч. Населеніе Рязанской Земли представляло смѣсь о-русскаго населенія съ мордовскою и мещерскою стихіею. Нѣко-погосты Рязанскаго Княжества еще въ XIV вѣкѣ удерживали е этнографическое названіе—мордовское и мещерское; напримѣръ, *югосты мордовскіе*, *станы мещерскіе*. Въ числѣ бояръ рязанскихъ, въ ѣкѣ, были люди инородческаго происхожденія, въ родѣ Софонія Ал-чевича.

ромѣ историко-этнографическаго разнообразія и особенности, разно-юсти, велико-русскія областныя общины имѣли нѣкоторыя отличи-я особенности въ духовно-нравственномъ и матеріально-бытовомъ рѣ народонаселенія. Напримѣръ, населеніе Рязанской, украинской і, сложившееся изъ бѣглыхъ и добровольныхъ выходцевъ изъ раз-усскихъ областей, жаждавшихъ степнаго простора и битвы съ «по-», какъ тогда говорили, закаленныхъ въ постоянномъ бою сперва овцами, потомъ съ татарами, мордвою, крымцами, ногаями и съ ю, населеніе рязанское отличалось суровымъ, храбрымъ, воинствен-отважнымъ характеромъ: по выраженію Герберштейна, было «gens sima, bellicosissimaque». Напротивъ, жители сосѣдней Московской , боровшейся съ Рязанью, собранные въ Московскую область боль-стью силою великихъ князей и находившіеся въ ихъ сильной волѣ, собранные подъ сѣнію московскихъ монастырей и церковныхъ вла-ители Московской области, по свидѣтельству лѣтописи, отличались емъ и упованіемъ на Бога. Эти отличительныя черты рязанскаго и каго населенія лѣтопись XIV вѣка отмѣтила такъ: «рязанцы люди свирѣпы, высокоумны, горды, отважны, людища, какъ чудища, ь другъ другу: не берите съ собой ни доспѣховъ, ни щитовъ, ни ни сабель, ни стрѣлъ, а берите только съ собой одни веревки, да ужища и станемъ вязать москвичей. А москвичи смиреніемъ ханіемъ уповали на Господа Бога, и Господь увидѣлъ смиреніе

москвичей, и вознесъ ихъ». Мѣста около Оки и за Окой, гдѣ въ 156
построенъ былъ городъ Орловъ при впаденіи рѣки Орлика въ О
давна были притономъ для разбойниковъ и *воровскихъ людей.* И вотъ
цевъ изстари прозвали «проломленные головы», или по другой ста
поговоркѣ: «Орловъ да Кромы — старинные воры; Ливны, всѣмъ
дивны; Елецъ—всѣмъ ворамъ отецъ». Жители Ростовской области
XII вѣкѣ, во время борьбы стараго, финскаго города Ростова съ н
младшимъ, чисто-славянскимъ городомъ Владиміромъ, называли ж
Владимірской области *каменьщиками и древодѣлями*, черты, котор
доселѣ характеризуются владимірцы. Въ Ярославскомъ уѣздѣ, во м
селахъ жили все «хамовники и дѣловцы, промышлявшіе *скатерт*
убруснымъ дѣломъ» (А. Э. III, № 280). Новгородцы, по нехлѣборо
своей земли и по обилію лѣса, по привычкѣ къ плаванію по рѣ
озерамъ, съ самаго начала поселенія своего на Сѣверѣ, стали зан
дѣланьемъ лодокъ, которыя сбывали на Югъ, и вообще плотниче
въ самомъ Новгородѣ былъ особый *Плотничій конецъ*; въ Вотской
по берегу Волхова у нихъ было нѣсколько деревень, которыя назы
плотничими. Въ Вотской же пятинѣ, въ Корельскомъ уѣздѣ, въ б
части погостовъ, жили плотники, которые ходили «*для промыслу п*
наго дѣлу въ Москву, въ Новгородъ, въ Вологду, на Бѣло-Озер
другіе города, артелями человѣкъ отъ 10 до 200» (А. Э. III, № 1
этой чертѣ, жителей новгородской области еще въ X и XI столѣті
рактеристически называли *плотниками.* Жители псковской области,
дившіеся подъ вліяніемъ западныхъ началъ, отличались бо́льшею мяг
нравовъ, бо́льшею гуманностью (humanioribus, по отзыву Герберштейна)
москвичи, которыхъ областныя лѣтописи, напр., ростовская и псковская,
обличаютъ въ «*насиліи*». Только въ эпоху московской централизаціи, съ
ніемъ московскаго вліянія въ областяхъ, псковскіе нравы утратили сво
чительную особенность, воспринявъ многія черты московскихъ нравовъ:
factum, говоритъ Герберштейнъ, ut pro *cultivioribus* atque adeo *human*
plescoviensium moribus corruptiones in omnibus fereribus moscoviensium
sint introducti». Какъ новгородцы, смѣлые, предпріимчивые искат
мель, колонизаторы, образовали особый типъ *ушкуйниковъ, молодцо*
чатыхъ людей, такъ жители Двинской приморской земли, изстари
дѣло съ моремъ, занимаясь ловлей морскихъ звѣрей, *веснованьемъ,* в
тали особый промышленный типъ — *юровщиковъ, весновальниковъ,* ти
торый характеристически изображается въ разнообразныхъ помор
легендахъ о мѣстныхъ святыхъ XVII вѣка. Такъ точно и другія обла
общины чѣмъ-нибудь да отличались одна отъ другой [1]). Предпола
особыхъ «Очеркахъ исторіи народнаго просвѣщенія и міросозерцанія
жить подробную историческую характеристику отличительныхъ осо

---

[1]) Даже предметы производства имѣли мѣстныя особенности, различа
мѣстамъ работы, напримѣръ, были особыя *сани клязепскія* и сани *владимірск*
щели *устюжскаго дѣла,* безмѣны *костромскіе,* мыло костромское, братинки *кор*
блюдья и братинки *колужскія,* и т. д. (А. Э. III. № 241, 291. А. И. 1, № 158).

областнаго міросозерцанія, областныхъ легендъ, нарѣчій и проч., здѣсь отмѣтимъ только еще одну черту — религіозную, также характеризую- въ нѣкоторой степени мѣстную особность, раздѣльность, отличитель- ь моральной жизни областей. Почти каждая область имѣла своего наго святого, одного или нѣсколькихъ, и признавала ихъ особенными тниками, патронами, *стражами* своей мѣстности и своего населенія, тая въ то же время святыхъ всей русской церкви. Въ одной руко- XVI вѣка объ этомъ читаемъ такое свидѣтельство: «Кіевъ блажитъ нія и Θеодосія печерскихъ чудотворцевъ; московское царство блажитъ а, Алексѣя и Іону и Максима; Псковъ же и Великій Новгородъ бла- ь Варлаама и Михаила юродиваго Христа ради; Смоленскъ блажитъ я Θеодора; Ростовъ блажитъ Леонтія, Игнатія, Исаію, Вассіана и ема; Вологда блажитъ преподобнаго Димитрія. *Каждая область своихъ итъ.* И мы, устюжане, блажимъ Прокопія Устюжскаго; сѣверная на по Двинѣ-рѣкѣ, Вага-рѣка, на которой городъ Сенкурія (Шен- къ)—и тѣ блажатъ Георгія юродиваго Христа ради, Соловецкій же овъ и все поморіе блажатъ Савватія и Зосиму. Мы, устюжане, Про- имѣемъ у себя стражемъ и хранителемъ отчизны нашей, Устюга». о такъ и всѣ другія великорусскія мѣстныя общины чтили своихъ мныхъ патроновъ, стражей-святыхъ, напр., Пермь—Стефана Пермскаго, а — Николая Великорѣцкаго, волость Сійская — Антонія Сійскаго, и . Въ смутное время, когда области разрознились, каждая область въ пискѣ съ другими областями напоминала о своемъ святомъ. Напри- ь, вологжане писали къ своимъ сосѣдямъ вычегодцамъ: «а у насъ я на Вологдѣ преподобный Димитрій (вологодскій) милость свою ъ, обѣщался съ нами на враговъ стоять»; казанцы уповали и въ пе- скахъ своихъ ссылались на своихъ мѣстныхъ святыхъ—Гурія, Варса- и Германа казанскихъ, а москвичи — на Петра, Алексія и Іону мо- скихъ чудотворцевъ, и т. д. Подобно мѣстнымъ святымъ, въ каждой сти были мѣстные патрональные храмы, напр., въ Новгородѣ—св. Со- въ Псковѣ—св. Троица, въ Твери—св. Спасъ, во Владимірѣ—Успен- Богородица владимірская, въ Поморьи—*домъ* св. Спаса и Зосимы и атія соловецкихъ чудотворцевъ [1]). Такая церковно-религіозная лока- ція была какъ бы освященіемъ начала областности, общаго стремленія стей къ нѣкоторой особности. Наконецъ, отмѣтимъ еще одну областную енность, характеризующую духовно-нравственное различіе населенія стей московскихъ отъ населенія областей новгородскихъ, сѣверо-помор- ъ. Въ новгородско-поморской области—средоточіи *черныхъ волостей*, доправныхъ общинъ, которыя до XV вѣка не были оброчными воло- и великихъ князей московскихъ, а были вольными общинами, въ ніи новгородскихъ боярскихъ фамилій, боровшихся съ московскими ми за вѣчевую свободу, напр., Марѳы Посадницы, въ колоніи вольныхъ

[1]) Въ иконописи также отразилась областность: были областные, мѣстные ьы, напр., новгородскій, устюжскій, пермскій или строгоновскій, суздальскій и овскій.

казаковъ, бобылей и всякихъ охочихъ выходцевъ—въ новгородско-
ской области населеніе отличалось духомъ вольнымъ, упорнымъ:
разгуливавшіе, переходившіе изъ волости въ волость, поддерживали
духъ независимости, народной вольности. По причинѣ слабаго распр
ненія въ поморьи приверженности къ церковной обрядности, по иск
тельному господству во многихъ мѣстахъ мірской *часовенной* религіоз
наконецъ—по новгородско-псковской привычкѣ къ мірскому общинному
распоряженію церковными дѣлами, въ новгородско-поморскомъ нас
развивался и духъ церковной особности, который отчасти поддерж
и шведскими перебѣжчиками-протестантами. Напротивъ, въ моск
волжскихъ областяхъ, гдѣ сосредоточивался духъ греко-восточной
гдѣ монастыри, исходя изъ Москвы, изъ Сергіевой лавры, распрос
лись по всѣмъ московско-волжскимъ областямъ и вмѣстѣ съ своим
чинными колоніями вездѣ распространили свое церковно-грековос
вліяніе, въ московско-волжскихъ областяхъ населеніе отличалось,
можно такъ выразиться, своеобразнымъ *московско-грековосточнымъ*
церковнымъ обрядолюбіемъ, духомъ приверженности къ іерархизм
такомъ историческомъ направленіи и различіи духовно-нравственн
рактера населенія московско-волжскихъ и новгородско-поморскихъ
стей понятно, почему въ первыхъ во второй половинѣ XVII вѣка в
расколъ *поповщинскій*, клерикально-іерархическій и просто *старообря*
а въ новгородско-поморскихъ областяхъ—*безпоповщинскій*, расколъ
и гражданско-демократическій. Далѣе, жители новгородско-поморских
стей, при всемъ обиліи своеобразныхъ миѳологическихъ суевѣрій, с
были *собственнымъ умомъ*, *мыслью* уразумѣвать многія истины, с
были къ простому натурально-религіозному міросозерцанію. «Вотъ по
(читаемъ въ одной соловецкой рукописи XVI вѣка о яренгскихъ чуд
цахъ): вотъ поселяне, то-есть живущіе тутъ въ веси Яренгѣ, *смысло*
учаются мудрости: видятъ солнце, познаютъ присносущный свѣтъ;
небеса, разумѣваютъ творчую славу: землю разсматриваютъ, вни
владычнему величеству; море видятъ, познаютъ силу владѣющаг
мѣчая доброчинное измѣненіе временъ, чудятся лѣпотѣ строящаг
смотря звѣздное теченіе и лико-учиненіе, возносятся къ добротѣ
вающаго то; смотря на луну, удивляются сіянію положившаго ее».
ромъ стригольники, это своеобразное порожденіе псковско-новгоро
духа, отрицая внѣшнюю церковность, проповѣдывали какой-то нат
стическій, или, частнѣе, ураническій деизмъ, созерцали будто бы
маго Бога въ видимомъ небѣ. Напротивъ того, жители московско
скихъ областей болѣе жили *вѣрою* въ положительныя преданія и
созерцаніемъ; по характеристическому выраженію царя Ивана Гр
«подобнѣ царстѣй власти церковью и гробницею и покровомъ почита
Московскій митрополитъ Фотій, представитель и выразитель право
грекороссійскаго духа, обличая стригольниковъ, писалъ къ псков
«тіи стригольницы, отпадающе отъ Бога, *на небо взирали тамо от*
рицаютъ; а понеже бо самыхъ тѣхъ истинныхъ евангельскихъ
стій и преданій апостольскихъ и отеческихъ невѣрующе, то как

отъ земли къ воздуху зряще, Бога Отца себѣ нарицающе, и како убо ъ отца себѣ нарицати?.. Тіи стригольницы *къ Божіимъ церквамъ, къ ду земному* не имутъ быти прибѣгающе».

Такимъ образомъ, кромѣ колонизаціанно-географической, мѣстнотной особности, великорусскія области много имѣли разнообразія ико-этнографическаго и особенностей духовно-нравственныхъ. Вслѣд- такого историко-географическаго и этнографическаго разнообразія, дствіе вѣковой особности, раздѣльности, разрозненности великорусь областей, понятно, что онѣ не вдругъ могли поддаться ценізаціи и образовать одно политическое тѣло. И дѣйствительно, ѣйшая исторія областныхъ общинъ, какъ Восточной, такъ и Зай Россіи, большею частію показала именно такія явленія и реаты.

Въ Великой Россіи всѣ самостоятельныя области долго боролись съ вою, упорно противодѣйствовали московской централизаціи. Борьба сѣмъ извѣстна изъ русской исторіи. Областныя лѣтописи, памятники тоятельной жизни, мѣстнаго саморазвитія областей, органы областной, нной, земско-народной думы, областныя лѣтописи, и отдѣльно, и въ вскихъ сборникахъ или сводахъ, подробно передали намъ исторію ы областныхъ общинъ съ московскою централизаціею. Борьба эта сь почти съ половины XIII вѣка и до половины XV или даже до столѣтія. Области верхней и средней Волги, связанныя съ Москвою айшею колонизаціонно-федеративною, удѣльно-родовою, церковною и ическою связью, эти области большею частію легко были присоеди- къ Москвѣ; но и онѣ иногда сожалѣли о своей земской самобыт-. Напримѣръ, лѣтопись передаетъ намъ въ такихъ чертахъ поло- Ростовской земли, прежде другихъ областей присоединенной къ вѣ, и такъ изображаетъ при этомъ жалобы: «Когда настало насиліе ое, то-есть великое московское княженіе досталось великому князю у Даниловичу, вмѣстѣ съ тѣмъ и ростовское княженіе Москвѣ. Увы! тогда городу Ростову, особенно же князьямъ его! Отнялись отъ нихъ ь и княженье, и имѣнье, и честь, и слава, и все прочее. И потянули ъ Москвѣ, вышло повелѣніе великаго князя Ивана Даниловича, и нъ былъ изъ Москвы въ Ростовъ какъ воевода-какой одинъ вель-, именемъ Василій, по прозванью Кочевъ, и съ нимъ Миней. Когда въ городъ Ростовъ, то причинили большую нужду городу и всѣмъ лямъ его и большое гоненіе умножили на него. И многіе ростовцы ждены были отдавать свое имѣніе москвичамъ, а сами, кромѣ того, оризнами претерпѣли раны на тѣлѣ... И что много говорить! столько ія сдѣлали надъ Ростовомъ, что и самаго епарха городского, старѣй- боярина ростовскаго, именемъ Аверкія, стремглавъ повѣсили, возло- на него свои руки и чуть живого оставили. И былъ страхъ большой ѣхъ слышащихъ. Это было не только въ городѣ Ростовѣ, но и во ь его предѣлахъ, и въ волостяхъ и въ селахъ». Области Рязанская и кая составляли крайнія, болѣе отдаленныя вѣтви московской феде-, имѣли больше колонизаціонно-территоріальной самостоятельности и

этнографической своеобразности, особности, и вотъ борьба ихъ съ Моск за областную самобытность, всѣмъ извѣстная изъ удѣльной русской ис ріи, была особенно упорна и продолжительна. Потомъ, когда московс князья, охвативъ уже почти всю колонизаціонно-федеративную сист областей верхней и средней Волги, стали простирать централизацію предѣлы сѣверо-двинской новгородской колонизаціонно-территоріаль федераціи областей, начались вѣковыя, кровавыя колоніальныя вой Новгорода съ Москвой. Съ какимъ единодушіемъ возстали новгород когда услышали, что московскій князь обольстилъ ихъ колонію, Дв отложиться къ Москвѣ, обѣщая ей областную земскую самобытность. « брались новгородцы (говоритъ лѣтописецъ новгородскій), и пошли къ дыкѣ своему Ивану: *не можемъ такого насилія терпѣть* отъ великаго кн Василія Димитріевича, что отнялъ у св. Софіи и Великаго Новгорода г городы и волости, наши отчины и дѣдины, что пошло изначала, и господине, хотимъ поискать св. Софіи пригородовъ и волостей, отч своей и дѣдины. И цѣловали крестъ заедино, какъ имъ св. Софія и Ве кому Новгороду пригородовъ и волостей поискать [1]). И били чел владыкѣ посадники, и бояре, и дѣти боярскіе, и житейскіе люд купцы, и всѣ вои новгородскіе, и говорили: «Благослови, господинъ дыко, поискать намъ св. Софіи пригородовъ и волостей, *да или найд свою отчину къ св. Софіи и къ Великому Новгороду, или головы свои полож за св. Софію и за Великій Новгородъ* [2]). И собрался весь Великій Новгор отъ мала и до велика, отъ богатыхъ, убогихъ и нищихъ» — пошли мстить за свои волости и, на этотъ разъ, еще спасли на недолгое вр волости и пригороды св. Софіи и Великаго Новгорода отъ московс централизаціи. А разсказъ псковскаго лѣтописца «О псковскомъ взя како взялъ его великій князь Василій Ивановичъ» дышитъ самымъ си нымъ, энергическимъ чувствомъ областной гражданской свободы и са бытности. Сначала онъ вспоминаетъ минувшую общинно-вѣчевую своб псковской области: «отъ начала русской земли симъ городомъ Псков никто изъ русскихъ князей не владѣлъ, но на своей волѣ жили обита въ немъ люди. Прежнія удѣльныя княжества взялъ князь великій моск скій подъ свою область ратью, не въ одно время, но порознь, какъ лѣ писная книга пишетъ: сперва суздальскаго князя Симеона покорилъ се потомъ Новгородъ, потомъ Тверь взялъ и прочія области. Псковъ гор твердъ стѣнами, а потому не нашелъ на нихъ (псковитянъ) ратью, боя

---

[1]) Населеніе тверской области, кромѣ ростовско-суздальскаго, новгородска чудско-карельскаго элемента, заключало въ себѣ еще примѣсь литовско-русс были цѣлыя селенія, населенныя литовцами. Въ славяно-русскомъ населенія ра ской земли была примѣсь элементовъ татарскаго, мещерскаго и мордовскаго. Т другое населеніе отличалось большею, противъ москвичей, свободою духа.

[2]) Замѣтимъ здѣсь кстати, что полный демократическій составъ древняго н городскаго вѣча точнѣе, чѣмъ въ вышеприведенной нами формулѣ, опредѣляе такъ: „посадникъ степенный Вел. Новгорода и старые посадники, тысяцкой-степен и старые тысяцкіе, и бояре, и житьи люди, и купцы, и черные люди, и весь Вели Новгородъ, вольные мужи".

ъ не отступили въ Литву, и потому *льстилъ имъ лукавствомъ злымъ*, и
ь держалъ съ псковичами, и псковичи крестъ ему цѣловали. Князь же ве-
й посылалъ къ нимъ князей своихъ, *по ихъ прошенію: кого восхотятъ, того
илетъ*. И когда посылалъ своихъ намѣстниковъ въ Псковъ по своей волѣ,
захочетъ, а не по ихъ волѣ, и тѣ намѣстники насиловали, и грабили, и
авали ихъ поклепами и судами неправедными. А жители города Пскова и
ородовъ посылали къ великому князю посадниковъ своихъ жаловаться
намѣстниковъ. И такъ было много разъ». Потомъ лѣтописецъ въ слѣ-
щихъ энергическихъ словахъ разсказываетъ о взятіи Пскова: «Пріѣхалъ
Псковъ Великій князь Василій Ивановичъ и обычай псковскій пере-
илъ, и старину нарушилъ, забывъ слова и жалованья и крестныя цѣ-
шья къ псковичамъ отца своего и дѣдовъ, да уставилъ свои обычаи
ошлины. Отчины отнялъ у псковичей, и два намѣстника уставилъ и
а Мисюря, и 300 семей псковичъ въ Москву свелъ, и въ то мѣсто
вѣлъ своихъ людей, да изъ стараго застѣнья вывелъ псковичей, да
велѣлъ жить приведеннымъ гостямъ, а въ застѣньѣ было 6,500 дво-
. И былъ въ Псковѣ плачъ и скорбь великая, разлученья ради. Да и
Новгородѣ изымалъ и засадилъ жалобщиковъ 300 человѣкъ псковичей
А все писалъ Пскову мягко: «я-де и князь великій Василій Ивано-
ичъ отчину свою хочу жаловать по старинѣ, а хочу только побывать
Троицы, управу вамъ хочу учинить». А все то за наше согрѣшенье,
Богъ повелѣлъ быть. Вотъ и Христосъ въ Евангеліи сказалъ: да не
ъ бѣгство ваше въ зимѣ, ни въ субботу. Вотъ уже пришла на насъ
. Ибо это царство расширится, и злодѣйства умножатся. Охъ! Увы!..:
спустили вѣчевой колоколъ, и начали псковичи, на колоколъ смотря,
ать по своей старинѣ и по своей волѣ. И тогда отнялась слава псков-
и былъ онъ плѣненъ не иновѣрными, а своими единовѣрными
ми. И кто объ этомъ не восплачетъ и не возрыдаетъ? О, славнѣйшій
дъ Псковъ Великій! почто сѣтуешь и плачешь? И отвѣчалъ прекрасный
дъ Псковъ: какъ мнѣ не сѣтовать, какъ мнѣ не плакать и не скор-
о своемъ опустѣніи? *Прилетѣлъ на меня многокрылый орелъ, испол-
ый крылъ, львовыхъ ногтей*, и взялъ отъ меня три кедра ливанова, и
оту мою и богатство и чадъ моихъ восхитилъ... И землю нашу опу-
или, и городъ нашъ разорили, и людей моихъ плѣнили, и торжища
раскопали, а иныя торжища конскимъ каломъ заметали, и отцевъ и
й нашихъ развели», и проч.

Съ такимъ воплемъ, съ такой упорной борьбой подчинялись иныя
корусскія области московскому государству. Только вѣковая взаим-
разрозненность ихъ при изстаринномъ и постоянномъ стремленіи къ
ому, мѣстному земскому самоустройству, племенной антагонизмъ во
ихъ областяхъ, при разнообразной этнографической составности ихъ,
овременность, разъединенность, поодиночность ихъ борьбы съ Москвой—
главныя внутреннія причины, почему области не выдержали вѣковой
бы съ московской централизаціей и не отстояли своей самобытности.
ругой стороны, постепенная и энергическая централизаціонная поли-
московскихъ князей, безпощадное употребленіе силы, постепенное

скопленіе, отбираніе изъ областей въ руки московскихъ князей
матеріальныхъ средствъ, фаворитство и содѣйствіе орды, наконец
нравственно-соединительное и колонизаціонно-географическое це
ціонное содѣйствіе московскимъ князьямъ (за вотчины и льготы
ской іерархіи и всѣхъ московскихъ, подмосковныхъ, приволжски
волжскихъ монастырей во всѣхъ областяхъ волжско-камской с
вотъ главныя внѣшнія причины, почему великорусскія области поб
были завоеваны и присоединены великими князьями и царям
сковскому государству. И вотъ, съ тѣхъ поръ въ титулѣ царско
зилось символически торжество централизаціи надъ вѣковою зем
мобытностью и самоуправленіемъ отдѣльныхъ областей. Народная
отмѣтила первоначальное происхожденіе областныхъ титлъ ца
фактъ, существенно-ощутительный и знаменательный для областно
Въ одномъ рукописномъ хронографѣ, за сообщеніе котораго счи
гомъ изъявить благодарность В. И. Григоровичу, читаемъ: «Вели
дарь царь и великій князь Василій Іоанновичъ (отецъ Грознаго)
писать себя *самодержцемъ* и въ посольскихъ грамотахъ и *въ исторія*
ніемъ симъ, *таковымъ самодержательствомъ никто отъ роду не*
какъ сей самодержецъ. Титла же его *областныя* такія: Божіею милос
и великій князь Василій Іоанновичъ владимірскій, московскій,
скій и псковскій, казанскій, государь тверской и ростовскій, яро
и вологодской, пермской и вятской, черниговской и рязанской, и

Такимъ образомъ, всѣ великорусскія области, мало-по-ма
собраны, централизованы въ одно московское государство. Но
что послѣ вѣковой привычки областныхъ общинъ къ земской о
самобытности, къ земскому самоустройству и самоуправленію, по
вой ожесточенной борьбы съ московской гегемоніей, не скоро мог
нуть въ областныхъ массахъ средневѣковое стремленіе къ земско
торіальной особности, къ быту *на всей своей волѣ и по старинѣ*,
могла возникнуть, развиться и окрѣпнуть внутренняя органическ
областей съ Москвою. Такъ, дѣйствительно, и было. И въ давно п
ненныхъ къ Москвѣ удѣльныхъ областяхъ не скоро единодержа
ковскихъ царей укоренилось прочно, спокойно, не вдругъ примири
духомъ удѣльнымъ, областнымъ. Его то-и-дѣло колебали въ обл
разные «безлѣпичные рѣчи и слухи». Оно было опасливо, подозрит
Въ XVI вѣкѣ часто шли дѣла и распросныя рѣчи на-счетъ безлѣпи
рѣчей про государя. Въ то время, какъ великій князь Василій
вичъ мало-по-малу старыхъ удѣльныхъ князей «слугъ своихъ поукр
себѣ гораздо» и первый принимаетъ *областныя титла самодерж*
время и отживающій удѣльный князь еще съ злобой говоритъ:
ликаго князя Василія Ивановича уморю, или самъ отъ государя
гнѣву буду, а одному-де и тому быти ужъ такъ». Удѣльность не
изъ головы московскихъ вельможъ и бояръ, потомковъ удѣльны
до конца смутнаго времени.

Въ самихъ областныхъ массахъ, особенно въ областяхъ
морской, полярно-балтійской системы, новгородской колониза

и, видимъ внутренній разладъ съ Москвой. На первой же порѣ, актъ, всякое тягло, всякое учрежденіе московскаго, центральнаго тельства встрѣчали въ областныхъ массахъ народныхъ протестъ, тивленіе и даже открытую оппозицію. Напримѣръ, по старой при- къ свободной земской локализаціи и особности, областныя общины нно протестовали противъ приказной административно-финансовой вой приписи или отписи своихъ земель, когда она нарушала ихъ венное, географическое положеніе, напримѣръ, не по землѣ и не по приписывала одну общину къ другой, когда между ними *земля и были въ раздѣлѣ* и они изстари *считались съ своими волостями особно*. Изстаринная привычка областныхъ общинъ къ самоуправленію была живуча, что онѣ, при первомъ же усиленіи правительственнаго а въ областяхъ, обнаружили открытую оппозицію противъ приказ- областного начальства и приказно-правительственнаго элемента и стремленіе къ самоуправленію. Это особенно обнаружилось въ обла- полярно-балтійской, новгородской федераціи, гдѣ болѣе былъ раз- и живучъ псковско-новгородскій духъ общиннаго самоуправленія. ичи первые, почти тотчасъ же по уничтоженіи у нихъ вѣча, вытре- и себѣ право общиннаго самораспоряженія и самосуда по дѣламъ губнымъ, татинымъ и разбойнымъ. При Грозномъ вытребовали себѣ леннаго выборнаго самоуправленія: нѣсколько сельскихъ общинъ ерскаго уѣзда, въ 1549 году, Важская Земля въ 1552 году, посадъ лобода переяславскихъ рыболововъ въ 1555 году, Усецкія и Заецкія ги Устюжскаго уѣзда въ томъ же году, Двинская Земля въ 1556 году. щинно-областныхъ челобитныхъ своихъ, областныя общины едино- изображали въ самыхъ мрачныхъ чертахъ царскихъ намѣстниковъ, телей и тіуновъ, высказали противъ нихъ свою оппозицію, доходившую пощаднаго убійства ихъ, и просили у царя права «отставить на- иковъ, волостелей и тіуновъ и на мѣсто ихъ выбрать самимъ изъ посадскихъ и волостныхъ лучшихъ людей старостъ и головъ, *межъ себя излюбятъ и выберутъ*». Царь Иванъ Грозный безпреко- уступалъ такое право самоуправленія областнымъ общинамъ. По постоянныхъ жалобъ областныхъ общинъ, городскихъ и волостныхъ на намѣстниковъ, волостелей и правѣтчиковъ, онъ издалъ даже ю грамоту о повсемѣстной замѣнѣ приказно-правительственнаго иго управленія общиннымъ, земскимъ выборнымъ «излюбленнымъ» вленіемъ. Въ этой грамотѣ, какъ бы давая отчетъ всему област- ству, онъ писалъ: «что напередъ сего, мы жаловали бояръ, князей боярскихъ, города и волости давали имъ въ кормленіе, и намъ гьянъ челобитья великія и докука была безпрестанная, что на- наши и волостели и ихъ пошлинные люди, сверхъ нашего жа- казу, причиняютъ имъ продажя и убытки большіе; а отъ на- ъ и волостелей и отъ ихъ пошлинныхъ людей намъ много до- юбитья, - что посадскіе и волостные люди имъ подъ судъ и на даются, бьютъ ихъ, и оттого между ними поклепы и тяжбы И мы, жалуя крестьянство, намѣстниковъ, волостелей и правет-

чиковъ отъ городовъ и отъ волостей отставили. А для того, чтобы стьянству продажъ и убытковъ не было, и намъ бы отъ посадск волостныхъ людей челобитья и докуки не было на намѣстниковъ и стелей и праветчиковъ, мы велѣли во всѣхъ городахъ и волостяхъ уч старостъ излюбленныхъ, кому межъ крестьянъ управу чинить, кот себѣ крестьяне межъ себя излюбятъ и выберутъ всею землею». Так вучъ, силенъ, неугомоненъ былъ въ областныхъ общинахъ духъ про ціи своенравной требовательности, духъ антагонизма, оппозиціи пр приказно-московской системы областнаго управленія, что онѣ самоуп не давались подъ судъ царскимъ намѣстникамъ, волостелямъ и ті безпощадно били ихъ, и своими *безпрестанными докуками* самого Гр царя вынуждали отвязываться отъ нихъ, дѣлать имъ полныя ус Кромѣ того, въ Псковѣ и Новгородѣ еще такъ былъ живучъ с духъ вѣчевой вольности, что не только въ XVI, но и въ XVII вѣ нихъ долго не проходило «старое дурно», какъ выражались намѣст

Между тѣмъ, московское государство еще завоевывало новыя об Во второй половинѣ XVI столѣтія къ нему силой присоединены обширнѣйшія иноплеменныя земли: Царство Казанское, Царство А ханское, Царство Сибирское, населенныя преимущественно тюрко-скими, монгольскими и, отчасти, финскими племенами. Народонас въ Россіи было такъ мало (не болѣе 10 мильоновъ), что новозавоев царства не́кѣмъ было заселять, и славяно-русская колонизація в XVI и XVII вѣкахъ была самая слабая, незначительная. Иноплем народности, особенно татарскія племена Казанскаго и Астраха Царствъ, не могли забыть временъ Золотой Орды и недавней пол географической особности и совершенной національной самобыт своего татарскаго царства, готовы были возстать противъ моско правительства и русской народности при первомъ удобномъ случ даромъ московскіе цари сводили татарскихъ и сибирскихъ царевич Москву, татарскихъ и мещерскихъ князей, мурзъ, сейтовъ, улан новокрещеновъ испомѣщали вдали отъ Казанскаго Царства, въ нов ской землѣ. Равнымъ образомъ, они, по необходимости, должны бы лонизовать юго-восточный край стрѣльцами, пушкарями и затинщ и обводить засѣками, острогами, военно-стратегическими сторож линіями. И не только въ Казанскомъ Царствѣ, но и въ Пермской инородцы, движимые духомъ недовольства русскимъ правительство готившіеся русской колонизаціей, выходили изъ повиновенія, возмущ противъ русскаго правительства и противъ русскихъ колоній. Во половинѣ XVI вѣка разные юго-восточные инородцы — черемисы, о вотяки, вогуличи и ногаи еще слишкомъ были некрѣпки моско государству, то-и-дѣло бунтовали и нападали на новоустроенныя р колоніи. Царь Грозный велитъ поселенцамъ пограничныхъ областей съ великимъ береженьемъ, бережно и усторожливо». Въ 1572 году мисы, остяки, башкирцы и буинды приходили войною на Каму и пермичей, торговыхъ людей и ватащиковъ. Чусовскіе вогуличи м гановымъ распространять колоніи по р. Чусовой. Въ 1580 г. он

ли съ пелымскимъ княземъ войною на ихъ поселенія и остроги, ги и повоевали слободки и деревни на Колинѣ, а крестьянъ съ же- и дѣтьми въ полонъ поймали». По собственнымъ словамъ царя а Грознаго: «черемиса, остяки, вотяки и ногаи ему измѣнили, отъ отложились». Онъ опасался даже измѣны со стороны Строгановыхъ, енитыхъ колонизаторовъ пермской, пріуральской земли, подозрѣвалъ въ замыслѣ воспользоваться измѣной инородцевъ и «задоромъ сибир- о султана для отдѣленія отъ московскаго государства пермской земли». тября въ 1 день 1580 года (писалъ Грозный Строгановымъ), собрався ынскій князь съ сибирскими людьми и съ Вогуличами, проходилъ ою на наши пермскія мѣста, и къ городу Чердыни и къ острогу тупалъ, и нашихъ людей побили, и многіе убытки нашимъ людямъ нили, и то сдѣлалось вашею измѣною: вы Вогуличь и Вотяковъ и ынцовъ отъ нашего жалованья отвели, и ихъ задирали, и войною ихъ приходили, да тѣмъ задоромъ съ сибирскимъ салтаномъ ссорили , а волжскихъ атамановъ къ себѣ призвавъ, воровъ, наняли въ свои оги безъ нашего указу; а тѣ атаманы и казаки прежъ того ссорили съ ногайскою ордою», и проч. Однимъ словомъ, въ концѣ XVI началѣ XVII вѣка между юго-восточными инородцами, по словамъ въ, была *шатость великая*.

Такимъ образомъ, связь старыхъ и новыхъ великорусскихъ областей московскимъ государствомъ долго оставалась ненадежною, *чисто- нею*. При первомъ удобномъ случаѣ, она могла порваться, и области ознится. Поводъ этотъ и представился, когда въ московскомъ госу- твѣ прекратились Рюрикова династія «собирателей русской земли»—въ квѣ не стало царя. И вотъ въ смутное время произошла *рознь* всѣхъ стей. Не вдаваясь въ описаніе всѣхъ событій смутнаго времени, мы лѣдующей статьѣ изобразимъ только эту рознь великорусскихъ област- ь общинъ.

II

Было страшное время для Россіи въ 1603 году. Казалось, сама при- напередъ пророчила что-то печальное, бѣдственное для народа. За передъ смутнымъ временемъ, въ одной Москвѣ погребено было болѣе 000 человѣкъ, погибшихъ отъ страшнаго голода и мора. Люди, тер- ые голодомъ, валяясь на улицахъ, подобно скотинѣ, лѣтомъ щипали у, а зимой ѣли сѣно. Отцы и матери душили, рѣзали и варили своихъ й, дѣти—своихъ родителей, хозяева—гостей; мясо человѣческое про- лось на рынкахъ за говяжье; путешественники страшились остана- ваться въ гостиницахъ. Они видѣли въ Москвѣ бѣдныхъ, истомленныхъ домъ женщинъ, которыя, проходя по улицѣ, схватывали зубами соб- нныхъ дѣтей, бывшихъ у нихъ на рукахъ, и пожирали. Народъ едва ю могъ отнять младенцевъ и спасти [1]). Еще не успѣли убрать съ улицъ

[1]) Сказанія эти заимствуемъ у иностранныхъ писателей—Петрея, Буссова и др. ихъ, конечно, есть преувеличеніе.

всѣхъ труповъ человѣческихъ, какъ начались страшныя знаменія, явле
По ночамъ видѣли огненные столбы на небѣ, которые свѣтили подо
мѣсяцу и, сталкиваясь другъ-съ-другомъ, представляли сраженіе войс
Иногда, казалось, всходили двѣ и три луны, два и три солнца вмѣс
Выли страшныя бури и низвергали городскія башни и колокольни. Ж
щины и животныя производили на свѣтъ множество уродовъ. Рыбы п
зали въ водѣ, птицы въ воздухѣ, дичь въ лѣсахъ. Волки и псы стра
выли въ той сторонѣ, которая примыкала къ Москвѣ съ запада, и стад
рыскали по полямъ, такъ что опасно было выходить на дорогу безъ м
гихъ провожатыхъ. Въ самой Москвѣ появилось безчисленное множес
лисицъ, такъ что ихъ руками ловили, и никто не могъ придумать, откуда
брались. Люди находились въ страшномъ смущеніи. Въ 1604 году, во
рое воскресенье послѣ Троицы, въ самый полдень, явилась на небѣ ком
Народъ смотрѣлъ на нее съ ужасомъ. Царь Борисъ Годуновъ, смущен
явленіемъ кометы, призвалъ къ себѣ одного старика, незадолго пер
тѣмъ пріѣхавшаго изъ Германіи, и спрашивалъ: «къ-чему явилась н
звѣзда?»—«Богъ посылаетъ такія знаменія (отвѣчалъ старикъ) въ пр
стереженіе великихъ государей: тамъ, гдѣ эти знаменія случаются, об
новенно бываютъ великіе перевороты». Потомъ старикъ, вздохнувъ,
рочески сказалъ царю: «тебѣ грозитъ великая опасность». Зловѣщія с
его сбылись. Въ сентябрѣ того же года собралось на русской границ
6,000 казаковъ. Съ ними быстро, стремительно подвигался къ Мо
первый самозванецъ; городъ за городомъ ему сдавался. Годунову все н
няло: пораженный отчаяніемъ, Борисъ 13 апрѣля 1605 года скончі
Пронесся слухъ, будто онъ принялъ яду.

Въ маѣ и въ началѣ іюня, въ Москвѣ все было страшно-трево
безпокойно. Всѣ ждали чего-то необычайнаго, переворота ужаснаго.
рики говорили, что не къ добру явилась еще въ прошломъ году я
комета, въ полдень, во второе воскресенье послѣ Троицы. Страшные
и бури, поднимаясь по-временамъ, сламывали крыши у домовъ и ку
у колоколенъ. Народъ говорилъ: «быть бѣдѣ!» Въ домахъ бояръ, *на
чальниковъ*, что-то было особенно таинственно, молчаливо, загадочно
Москвѣ начиналось уже смятеніе. Народъ замутился отъ пронесшаго
всей Россіи слуха, будто царевичъ Дмитрій Углицкій живъ и идетъ
Польши въ Москву. Доносили уже, что въ отдаленныхъ сѣверскихъ
стяхъ разсылаются грамоты царевича, въ которыхъ онъ обѣщается
въ Москвѣ «какъ на деревѣ станетъ листъ разлиствываться». Надъ Мо
повисла грозная туча.

Въ это время, въ царскихъ дворцовыхъ палатахъ, въ одномъ верх
отдаленномъ теремѣ, не разъ показывалась у косящатаго окна молод
ревна страшно-печальная. Ей было не болѣе 16 лѣтъ. Росту она
средняго. Черты лица чрезвычайно красивыя, выразительныя. Возвыше
лобъ выражалъ природныя умственныя дарованія. Черные, довольно бол
выразительные глаза, пріятно окаймленные черными бровями, по от
современниковъ, какъ-бы блистали ясностію, свѣтлостію природнаго
Г[illegible] черные волосы кудрявыми прядями волновались по пле

вся организація ея физіономіи и стана была стройна и гармонична. была блѣдна, и на лицѣ ея выражалась глубокая грусть, тоска. царевна Ксенія Борисовна, прелестная дочь Годунова. Бурныя утнаго времени, забушевавшія уже съ 1605 г. и сломившія крѣпкую, натуру отца прекрасной Ксеніи, готовы были унести и ее, «не- агницу», какъ называли ее современники. Послѣ смерти отца, дума постоянно навѣвала на грудь Ксеніи какую-то мрачную А тутъ, зловѣщее предчувствіе особенно крушило ея нѣжное, вос- ое, обильное чувствительностью сердце. Передъ воображеніемъ ея лся зловѣщій мрачный образъ *Ростриги* и темной кельи. Все су- я содрогалось. На этотъ разъ она не могла даже стоять у окна и о терему, сѣла у стола, гдѣ лежали ноты духовныхъ стиховъ, она обыкновенно любила пѣть. Тутъ и стихъ духовный ей не утѣшалъ ея впечатлительной, воспріимчивой души. Она сама ыла вся воодушевлена элегической настроенностью. Сердце ея полнилось грусти, и живыя струи заунывной, плачевной пѣсни ь къ изліянію. На глазахъ ея блеснула слеза. Кто изъ современ- видѣлъ ее когда-либо плачущею, тому она въ это время казалась красоты. «Когда въ жалости слезы изъ очей испущала (говоритъ временникъ), тогда она особенно чудною блистала свѣтлостью». на была и теперь. Вотъ заунывная, жалобная пѣсня, въ которой сь грусть Ксеніи по отцѣ и мрачное предчувствіе злой судьбы званца:

Сплачется мала птичка,
Бѣлая пелепелка:
Охте мнѣ молоды горевати!
Хотятъ сырой дубъ зажигати,
Мое гнѣздышко разорити,
Мои малыя дѣти побити,
Меня пелепелку поймати.
Сплачется на Москвѣ царевна,
Борисова дочь Годунова.
Охти мнѣ молоды горевати!
Что идетъ къ Москвѣ измѣнникъ
Ино Гриша Отрепьевъ рострига,
Что хочетъ меня полонити,
А полонивъ меня, хочетъ постритчи,
Чернеческой чинъ наложити.
А мнѣ пострптчися не хочетъ,
Чернеческаго чина не сдержати;
Отворити будетъ темна келья,
На добрыхъ молодцовъ посмотрити.
Ино, охъ, милыи наши переходы!
А кому будетъ по васъ да ходити,
Послѣ царскаго нашего житья
И послѣ свѣта Бориса Годунова!
Ахъ милыи наши теремы,
А кому будетъ въ васъ да сидѣти,
Послѣ царскаго нашего житья
И послѣ Бориса Годунова.

Въ то время, когда въ царскихъ дворцовыхъ палатахъ происх
такая трагическая сцена, на улицахъ Москвы начинались ужъ нар
движенія смутнаго времени—начиналась *игра царемъ.* Москвичи
перваго самозванца. Буйная толпа вторглась въ палаты царскія; по
казанію самозванца, все семейство Бориса Годунова отведено бы
прежній боярскій домъ его. Прекрасный, умный сынъ Годунова,
Борисовичъ, только-что вступившій на престолъ и подававшій б
надежды, былъ безчеловѣчно умерщвленъ вмѣстѣ съ матерью, а
сохранена до прибытія... самозванца въ жертву его любострастію и
для заключенія въ темной келіи. Вотъ и онъ—Лжедимитрій I,
ственно вступаетъ въ Москву. Какъ только въѣхалъ онъ на п
черезъ Московскій мостъ и Водяныя Ворота, поднялся такой стр
вихрь, что всадники и кони едва не попадали; пыль взвилась стол
всѣхъ ослѣпила. Москвичи перепугались и, сотворивъ крестное зн
говорили другъ другу: «Господи, спаси насъ! Быть бѣдѣ и несчаст

И точно, бѣда для московскаго государства была неминуема:
росли и росли. Не къ добру что-то удалые добрые молодцы, стрѣл
казаки, давно уже, съ самаго начала весны, рвались на весновую с
на широкую Волгу. Давно въ Москвѣ раздавалась пѣсня:

Бережечекъ зыблетца
Да песочекъ сыплетца,
Ледочикъ ломитца,
Добры кони тонутъ,
Молодцы томятся.
Ино Боже, Боже,
Сотвори же, Боже,
Весновую службу.
Не давай ты, Боже,
Зимовыя службы:
Зимовая служба —
Молодцамъ кручинно,
Да сердцу надсадно.
Ино дай же, Боже,
Весновую службу;
Весновая служба —
Молодцамъ веселье,
Сердцу утѣха.
И емлите, братцы,
Яровы весельца,
А садимся, братцы,
Въ ветляны стружечки,
Да грѣнемъ же, братцы,
Въ яровы весельца!

На Волгѣ ужъ собирались демократическіе борцы—казаки; готов
замутиться и юго-восточные инородцы, какъ въ самой Москвѣ всп
мятежъ. Москвичи скоро не взлюбили самозванца за его пристрас
полякамъ, къ католицизму и иноземнымъ обычаямъ вообще—прис
преувеличенное недовольными, во главѣ которыхъ стоялъ князь В
Шуйскій. Пѣсня народная отмѣтила эту нелюбовь къ самозванцу:

Владыко Царю Вседержителю!
Да за что ты на насъ, Господи, прогнѣвился?
Послалъ намъ, Господи, прелестника,
Тово ли Гришку Отрепьева!
Онъ прельстилъ, собака, цѣлы три орды:
Перва ȯрда — проклята Литвѣ,
А друга ȯрда — хана крымскова,
Третья ȯрда — басурманы запорожскіе.
Онъ взмутилъ, собака, православну Русь:
Не успѣлъ онъ, собака, воцаритися,
Захотѣлъ собака женитися;
Не у насъ-то онъ, братцы, беретъ въ каменной Москвѣ,
Онъ беретъ же, братцы, въ проклятой Литвѣ,
У тово ли у Юрія пана Сендофорсково,
Ту ли Маринку дочь Юрову.
Онъ и дѣлатъ свадьбу не въ удобной день —
На тотъ ли на праздникъ на Николинъ день.
Всѣ князья, бояре къ заутрени пошли,
А Гришка съ Маринкой въ баню пошолъ;
Всѣ князья, бояря отъ заутрени идутъ,
А Гришка съ Маринкой изъ бани идетъ.
На Гришкѣ одежа чернова соболя,
На Маринкѣ одежа рытово бархата.
Онъ восходитъ, собака, на красенъ крылецъ,
Онъ вскрикнетъ, собака, громкимъ голосомъ:
Ишша если у меня кухури и повары?
Стряпали бы постно и скоромное;
Пріѣдетъ ко мнѣ незваной гость,
Незваной гость любимой тесть.
Всѣ князья и бояре испужалиса,
Во чудовъ монастырь побросалиса
Къ той ли нашой государынѣ:
Ужь ты, матушка наша государыня,
Православная Олена Михайловна!
Твой-атъ сынъ на царство сѣлъ,
А ведетъ сея не по царскому.
Тутъ заплакала государыня горючи слезы:
Ужь вы, глупые бояря неразумные,
Мой-атъ сынъ на Угличѣ убитъ:
Лежатъ ево мошши въ каменной Москвѣ,
Въ тѣмъ ли соборѣ Михаила Арханьела.

мая 1606 г. вспыхнулъ сильный народный мятежъ въ Москвѣ, и нецъ, черезъ 11 мѣсяцевъ своего царствованія, лишился и короны и. Вмѣсто него, *помимо земскаго собора*, провозглашенъ былъ царемъ й—и съ этой-то минуты собственно настало во всемъ разгарѣ время.

вѣстно, что на смутное время у насъ историки смотрѣли различно. инъ краснорѣчиво разсказалъ трагедію самозванства и междуцар- . Устряловъ съ приторнымъ патріотизмомъ изображалъ торжество авія и единодержавія, и восхищался мнимою, корыстною любовью къ царю. Г. Соловьевъ систематически слѣдитъ въ смутное время

окончательную борьбу государственнаго наряда съ родовымъ, противо-государственнымъ началомъ, выставляетъ на первомъ планѣ торжество государственной централизаціи надъ родовою Русью и спасеніе, очищеніе московскаго государства, во имя православія. Не знаю, какъ смотрятъ на смутное время гг. Костомаровъ и Погодинъ. Осмѣливаюсь выразить свой взглядъ на это замѣчательное въ исторіи великорусскихъ областей время. Я смотрю на него какъ на раздѣлительную грань между древней особно-областной и новой соединенно-областной, централизаціонной Россіей. Въ смутное время, областность, разнообразная областная жизнь народа, еще разъ выразила реакцію противъ централизаціи; еще разъ вскрылась, обнаружилась старая, естественно-историческая особность, рознь областныхъ общинъ. Обнаружилась рознь этнографическая: возстали и забунтовали области инородческія, юго-восточныя—поднялись татары, чуваши, черемисы и другіе инородцы. Обнаружилась рознь юридическая: во всѣхъ областяхъ открылось мѣстное народосовѣтіе, открылись разрозненные областные *земскіе совѣты*. Обнаружилась рознь моральная, нравственная: области были недовѣрчивы одна къ другой, долго не давали одна другой помощи; жители одной области порицали, упрекали, бранили жителей другой. Наконецъ, обнаружилась и рознь земская, географическая: обозначилась территоріальная, колонизаціонная особность областей. Словомъ, смутное время, какъ нельзя болѣе, характеристично названо въ актахъ историческихъ самими современниками: *рознь всѣхъ великихъ царствъ и государствъ великаго московскаго царствія.*

Ближайшимъ мотивомъ къ мятежу и разрозненію областныхъ общинъ была недовѣрчивость ихъ къ Москвѣ и ненависть къ боярской олигархіи. Областныя общины протестовали противъ исключительныхъ указовъ Москвы и противъ исключительныхъ притязаній боярства. Народъ, жившій въ разныхъ областяхъ, разрознился, забунтовалъ, потому что Шуйскаго избрали царемъ одною Москвою, безъ совѣта съ прочими областными городами. Въ этомъ состояла сущность главнаго спора областнаго народа съ московскими приверженцами централизаціи. Областныя общины стояли за свое земское право участія въ устройствѣ правленія и въ выборѣ царя, потому что это дѣло касалось интересовъ всего земства и всѣхъ областныхъ общинъ, а не одной Москвы и не однихъ московскихъ бояръ. Главнымъ образомъ духовенство, этотъ исконный, часто льстивый другъ византійскаго единодержавія, духовенство поддерживало принципъ московской централизаціи и, во имя византійской апотеозы самодержавія, обличало народное возстаніе противъ царя Шуйскаго. «На царя-то возстаніе таково было (взывалъ патріархъ Гермогенъ ко всему русскому народу, увѣщевая его присягнуть царю Шуйскому): начали читать грамоту, писанную *ко всему міру* изъ литовскихъ полковъ *отъ русскихъ людей; князя-де Василія Шуйскаго одною Москвою выбрали на царство, а другіе-де города того не вѣдаютъ*, и князь Василій-де Шуйскій *намъ на царствѣ не любъ*. И мы (Гермогенъ) противъ того имъ говорили: *дотолѣ Москвѣ ни Новгородъ, ни Казань, ни Астрахань, ни Псковъ и ни которые городи не указывали, а указывала Москва всѣмъ городамъ*». Итакъ, отсюда ясно, что въ смутное время

вопросъ и шла рѣчь о равенствѣ земскихъ избирательныхъ правъ ь областныхъ городовъ съ Москвой, о правѣ контроля областныхъ довъ указамъ Москвы, что отвергали приверженцы московской цен-изаціи.

Сколько ни стояли приверженцы московскаго «собиранія русской » за первопрестольное право и значеніе Москвы, имъ ужъ не утушить вспыхнувшей розни областей. Какъ причины розни заключались въ й историко-этнографической организаціи областныхъ общинъ, такъ и а ихъ новаго возсоединенія должны были органически развиться три ихъ самихъ, а не по указу Москвы. И этотъ тяжелый, болѣз-ый процессъ новой конфедераціи не могъ совершиться дотолѣ, пока рганизаціи и взаимнодѣйствіи различныхъ областныхъ общинъ не тся, не успокоятся всѣ разрознившіеся областные элементы розни и ы. А этихъ началъ розни было слишкомъ много. Старая, особно-тная Русь еще разъ заявила борьбу съ новою централизаціонною ею. Для насъ не важенъ исходъ этой борьбы, не важно то, что тныя общины снова соединились съ Москвой. Но для насъ важенъ й фактъ разрозненія областей. Многозначительно то, что областныя ны, и въ эпоху централизаціи, громко заявили права своей самобыт-, внутренней самоопредѣляемости и самодѣятельности. Грубо, дико, , хаотически сказался въ смутное время областной элементъ—но лся, заявилъ свое историческое значеніе и въ новой государственно-ной Россіи. Посмотримъ, какъ онъ проявился въ смутное время.

Въ первой четверти XVII в., въ Москвѣ сложилась и пѣлась такая я, записанная въ путевыхъ запискахъ англичанина Джемса въ году:

«А не сильная туча затучилася; а не сильніи громы грянули: куда ь собака крымской царь? А ко сильному царству московскому. А ны-мы поѣдемъ къ каменной Москвѣ, а назадъ мы пойдемъ, Рѣзань лемъ. А какъ будутъ они у Оки-рѣки, а тутъ они станутъ бѣлы шатры авливать. А думайте вы думу съ цѣла ума: кому *у насъ сидѣть въ нной Москвѣ*, а кому *у насъ въ Володимерѣ*, а кому *у насъ сидѣть въ лѣ*, а кому *у насъ держать Рѣзань старая*, а кому у насъ въ *Звѣни-ѣ*, а кому у насъ сидѣть въ *Новѣ-Городѣ*. Выходитъ Диви-Мурзы сынъ овичъ. А еси государь нашъ крымской царь! А тебѣ, государь, у насъ ть въ каменной Москвѣ, а сыну твоему въ Володимерѣ, а племян-твоему въ Суздалѣ, а сродичу въ Звѣнигородѣ, а боярину коню-держать Рѣзань старая, а меня государь пожалуй Новымъ-Горо-: у меня лежатъ тамъ свѣтъ добры дни батюшко Диви-Мурза сынъ овичъ».

Чрезвычайно-характеристично выразилась въ этой исторической пѣснѣ шка доселѣ скрытаго, но живучаго татарскаго антагонизма къ рус-народности и старой татарской притязательности. Ясно выразилась е и старая удѣльно-областная рознь городовъ и народностей въ ное время. Въ это время, не только обнаружилась старая земско-тная разрозненность прежнихъ главныхъ удѣльно-областныхъ горо-

довъ, но и татары еще разъ покушались снова раздѣлить велико-русскую землю на удѣлы, и между кѣмъ же? Между своими татарскими князьями— мурзами! Такъ татарское національное право еще сильно боролось съ славяно-русскимъ, московскимъ преобладаньемъ. При этой жизненности татарскаго элемента и непрочности федеративной связи юго-восточныхъ и сибирскихъ инородческихъ провинцій съ Москвой, понятно, почему въ смутное время зашевелились, забунтовали почти всѣ инородцы и юго-восточные, казанскіе и сибирскіе. Шерть или присяга, которую дали московскому царю инородцы казанскіе и сибирскіе, въ смутное время рушилась. «И тѣ люди (читаемъ въ актахъ историческихъ), которые въ московскомъ государствѣ, и татары, и черемисы, и ногаи, и чуваши, и вотяки, и мордва, и сибирцы, и остяки и многіе невѣрные народы и дальнія государства, которыя въ царской державѣ Василія Ивановича Шуйскаго, нынѣ, забывъ страхъ Божій, отложились, скопясь разбойнически, сговорясь съ ворами казаками, нашли на Рязанскую землю и на прочіе города». Въ Ярославской области возмутились переведенцы татары, насильно поселенные московскими царями въ Романовѣ. Солигаличане извѣщали тотмичей и устюжанъ: «черемисы у насъ луговой пришло въ Галичъ 5,000, а горная сбирается головами». На югѣ, въ казанскомъ краю, въ горной сторонѣ и въ понизовыхъ городахъ, возмутились горные чуваши, мордва и черемисы, а съ ними вмѣстѣ и всякіе сборные люди. *Черемисскіе городки отложились* отъ Москвы. Въ Козмодемьянскомъ, Санчурскомъ, Яранскомъ, Царевококшайскомъ, Чебоксарскомъ, словомъ, во всѣхъ уѣздахъ казанскихъ инородцы взбунтовались противъ русскаго господства и громили восточныя великорусскія области. Въ ноябрѣ и декабрѣ 1609 г. луговые черемисы громили Вятскую область, распространяли въ ней между инородцами бунтовскіе листы, безпощадно воевали города и волости, оскверняли и разоряли церкви, обдирали окладные образа и колокола, мужчинъ били, а женъ и дѣтей позорили. Русскіе поселенцы восточныхъ областей были въ страшномъ смущеніи, то-и-дѣло ждали нападенія взбунтовавшихся инородцевъ. Между тѣмъ, инородцы все болѣе и болѣе скопляли силы для разгрома городовъ и волостей московскаго государства. Объ этомъ жители великорусскихъ восточныхъ областей съ тревожнымъ безпокойствомъ переписывались. Въ августѣ 1610 г. пермичи, по отпискѣ казанцевъ, писали къ вятчанамъ: «пришли-де на заставу въ Кушумору волость выходцы черемисы, а въ распросѣ имъ сказали: «собралось-де въ Санчурскомъ уѣздѣ въ Юшь-волости воровъ, санчурскихъ черемисъ, тысячи съ двѣ, а головаде у нихъ черемиской сотникъ Юшской волости Елпай Токшейковъ; а въ Царевогородскомъ уѣздѣ, въ Хозяковой волости, собралось воровъ черемисъ царегородскихъ съ 1000 человѣкъ, а подъ воровскихъ казаковъ собрали 1000 подводъ; а изъ Козмодемьянскаго-де пришелъ черемисской сотникъ Ветлужской волости Аникѣй Кошаковъ, а съ нимъ козмодемьянскихъ черемисъ 700 человѣкъ, а сходиться-де сговорились всѣ воры въ Царевогородскомъ уѣздѣ въ Хозяковой волости, а на какія волости хотятъ идти, то невѣдомо; а скоро нужно ждать ихъ прихода на Вятскую Землю». За Ураломъ забунтовали сибирскіе инородцы: остяки и вогуличи отказа-

лись отъ шерти московскому царю Шуйскому; вогуличи замыслили возстановить сибирское царство Кучумово, а инородцы Восточной Сибири не хотѣли и знать, кто въ Москвѣ царемъ.

Такимъ образомъ, весь инородческій міръ въ смутное время находился въ хаотическомъ движеніи. Главной причиной возмущенія инородческихъ племенъ, кромѣ памяти о недавнемъ насильственномъ присоединеніи къ московскому государству, была тягость московскаго владычества. Правительство московское, какъ было сказано, насильно переводило татаръ и ихъ мурзъ на новыя поселенія, въ центральныя и сѣверныя области, обращало татаръ и черемисъ въ служилыхъ людей—въ *вожей*, пушкарей, затинщиковъ и т. п., неудовлетворительно испомѣщало ихъ за службу, отбирало татарскія, черемисскія и чувашскія земли, поселяло тамъ русскихъ воеводъ, стрѣльцовъ, пушкарей и затинщиковъ, обременяло инородцевъ налогами, оброками и повинностями. Потомъ, царскіе воеводы, русскіе родовые служилые люди и русскіе вотчинники съ инородцами обращались большею частью безчеловѣчно; наконецъ, духовенство насильно обращало ихъ въ свою православную вѣру. Все это вооружало татаръ и черемисъ противъ московскаго правительства, противъ русскихъ пришельцевъ-колонистовъ и противъ сосѣднихъ великорусскихъ областей. Долго не умретъ въ инородцахъ этотъ національный антагонизмъ къ русскому господству. Онъ еще разъ отзовется въ XVII в. въ бунтѣ Стеньки Разина, въ XVIII в. въ бунтахъ башкирскихъ и въ движеніяхъ пугачевщины, когда въ духѣ инородцевъ подъ гнётомъ государственной силы, снова накипитъ чувство вражды къ русскому правительству и воспрянетъ духъ національной оппозиціи.

Между тѣмъ, какъ въ областяхъ юго-восточныхъ поднялись въ смутное время бунты инородческіе, что̀ происходило въ самыхъ великорусскихъ провинціяхъ? Полная демократія и рознь! Передъ вами не рисуется теперь, на исторической сценѣ, на первомъ планѣ первопрестольная Москва со всѣмъ ея чиннымъ, чваннымъ, византійско-государственнымъ этикетомъ: передъ вами на первомъ планѣ являются дѣйствующими, въ разрозненной отдѣльности, однѣ областныя общины, сами между собой. Вы видите въ это время на сценѣ исторической дѣятельности пермяковъ, вятчанъ, устюжанъ, вологодцевъ, костромичей, ярославцевъ, рязанцевъ, Государство Владимірское, Государство Новгородское, Государство Псковское, польскихъ и литовскихъ людей, малороссійскихъ казаковъ—словомъ, всю земско-областную Русь. Не слышно царскихъ указовъ изъ Москвы — слышенъ только шумъ по областямъ, на площадяхъ главныхъ городовъ. Вся распорядительная власть теперь сосредоточивалась въ самыхъ областныхъ общинахъ. Онѣ ясно выражаютъ свое мѣстное *господство*, или автономію, и взаимное *братство*, или равенство. Онѣ сами пишутъ грамоты другъ другу, какъ равныя къ равнымъ, называя другъ друга *господами-братьями*.

Любопытное, характеристическое зрѣлище представляли великорусскія области въ эту эпоху разрозненности и самодѣятельности. Областныя массы народныя, послѣ развитія московской централизаціи, послѣ такъ-

называемаго собранія русской земли, никогда не проявили столько эн
гической, напряженной политической самодѣятельности, какъ въ смут
безгосударное время. И было въ нихъ столько внутренняго моралы
самообладанія и столько сознанія необходимости общественнаго поряд
устройства, что въ страшную эпоху всеобщей розни, шатости и разор
онѣ сами собой и въ самихъ себѣ нашли силы и средства взаимной, с
ной политической дѣятельности. Многознаменательны въ исторіи наш
провинцій, въ лѣтописяхъ народной общинной думы и политической с
дѣятельности областей, эти мѣстные *земскіе совѣты*, происходившіе
смутное время, отъ 1606 по 1613 годъ. По всей великорусской землѣ
площадяхъ главныхъ областныхъ городовъ, собирались земскіе люди, г
жане и волостные крестьяне со всего уѣзда, *всею своею землею*, и ду
думу земскую, объ интересахъ своей области. Повсюду гнались гонцы,
ходоки и приставы съ областными отписками, съ вѣстью, что гдѣ д
лось, что думала и предпринимала та или другая область. Одна облас
община, порѣшивъ на своемъ мѣстномъ земскомъ совѣтѣ, посылал
писку другой областной общинѣ—извѣщала о своемъ состояніи, о св
намѣреніяхъ, объ отпискахъ изъ другихъ областей, и спрашивала:
ваша мысль? хотите ли съ нами держать совѣтъ крѣпкой?» и т. п.
ѣзжіе люди и гонцы привозили отвѣтныя отписки другихъ област
общинъ, и отписки эти читались всенародно, на площади, гдѣ происхо
земскіе совѣты. Выслушавъ вѣсти изъ какого-либо города, каждый об
ной земскій совѣтъ посылалъ объ нихъ отписку другой сосѣдней обл
извѣщалъ *о здоровьѣ* жителей своей области, спрашивалъ у сосѣдне
ласти совѣта: «что ея мысль», или спрашивалъ о томъ, *за кѣмъ моск
государство стоитъ*. И въ этомъ-то областномъ земскомъ народосо
сказались, во-первыхъ, полное равнодушіе, некрѣпость областей къ мо
скому государству; во-вторыхъ—рознь областей между собою.

Было уже около полутора столѣтія, какъ всѣ области собраны
въ одну державу. Не судомъ только, но и тяжкимъ тягломъ тянули
къ Москвѣ въ эти полтора столѣтія—писцовыми приписями прикрѣ
были къ землѣ московскаго государства; воеводами и разными приказ
государевыми людьми принуждаемы были служить царю москов
приписаны были къ приказамъ московскимъ; словомъ, централизаці
кими узами и тяглами стягивала области къ Москвѣ. Казалось б
полтора столѣтія должна была окрѣпнуть связь областей съ Мос
механическое, насильственное притяженіе ихъ къ Москвѣ должно
закрѣпиться тяжелыми оковами, цѣпями централизаціи. Не то бы
дѣйствительности. При появленіи первыхъ двухъ самозванцевъ,
области отпали отъ московскаго государства, цѣловали крестъ самоз
другія оставались равнодушными, кто бы ни сидѣлъ тамъ на москов
престолѣ. Внѣшнее собираніе областей, прикрѣпленіе ихъ къ Москв
рвалось, по недостатку внутренней органической связи съ нею и вслѣ
вѣковаго стремленія областныхъ общинъ къ земскому самоустройс
самоуправленію. Украйныя—сѣверскія, южныя и крайнія вост
области не признавали царемъ Шуйскаго, избраннаго одною Мос

скій прибѣгаетъ къ ласкательствамъ передъ народомъ, предоставляетъ тямъ право *«всѣмъ вмѣстѣ совѣтовать, смотря по тамошнему дѣлу»*, вается привлечь къ себѣ областныя общины «жалованнымъ словомъ» щаніемъ большихъ милостей и льготъ, *какъ имъ прежъ того и на умъ ходило*, разсылаетъ похвальныя грамоты тѣмъ областямъ, которыя шались цѣловать крестъ ему. Въ грамотахъ этихъ истощается все орѣчіе для того, чтобы какъ можно трогательнѣе изобразить бѣды и ости, какія угрожали русской землѣ, «крестьянской» вѣрѣ и домаш- семейному благосостоянію всѣхъ русскихъ людей отъ смутъ само- тва, отъ польскихъ, литовскихъ и всякихъ воровскихъ людей. «И вы бращается онъ къ отпавшимъ отъ Москвы областнымъ общинамъ), и однолично, безъ всякаго сумнѣнія, собрались со всѣми людьми и ъ намъ къ Москвѣ, и службу бы свою и радѣнье совершили; а мы пожалуемъ нашимъ великимъ жалованьемъ: васъ, помѣщиковъ и боярскихъ, пожалуемъ большою денежною и помѣстною придачею, ъ васъ испомѣстить и наше жалованье дать; а васъ, посадскихъ и ыхъ людей, пожалуемъ льготою на многія лѣта, торговать велимъ безпошлинно, и во всемъ велимъ васъ отарханить; да и сверхъ-того уемъ нашимъ великимъ жалованьемъ, чего у васъ и на разумѣ нѣтъ, кія ваши разоренія и нужды велимъ пополнить и службу всѣхъ васъ мъ во вѣки памятну». Немногія областныя общины сдавались на эти зыя обѣщанія. Большая же часть преравнодушно выслушивала ихъ. орыя изъ нихъ соглашались лучше присягнуть тушинскому само- , заявлявшему себя царемъ *снизу, изъ массъ народныхъ*, чѣмъ Шуй- , провозглашенному царемъ одной Москвой и притомъ изъ родовъ кихъ и *одними боярами*. Въ 1606 г. Вятская Область и Пермская измѣнили Шуйскому—не дали ратныхъ людей для спасенія Москвы; е люди ихъ произвели мятежъ; вятчане—какъ сказано въ историче- актахъ—стали говорить *измѣнное слово* и *царское имя поносить*, и *величать вора*, который назывался Димитріемъ царевичемъ *за то, ъ Москву взялъ, и въ кабакъ за него чаши пили* новгородцы, со всѣми ами и пригородами, казанцы и всѣ южныя и восточныя областныя ы рѣшительно измѣнили Шуйскому, считавшемуся законнымъ ца- цѣловали крестъ тушинскому самозванцу и обослались между собой цѣловальными записями въ пользу самозванца.

ъ то время, какъ однѣ областныя общины, не желая видѣть на лѣ Шуйскаго изъ рода бояръ, вообще ненавистныхъ народу, прися- амозванцу, въ то время другія областныя общины, повидимому, не хотѣли признавать никакого царя, и если присягали самозванцу, ѣшительно. Многія области оставались упорно-равнодушными къ іямъ московскаго государства, не слушались ни указовъ Шуйскаго, рительныхъ увѣщаній другихъ областей, стоявшихъ за Шуйскаго. шла самая разногласная переписка между областными общинами. этой-то перепискѣ высказалась чрезвычайно-характеристично рознь ей. Одна областная община увѣщеваетъ, укоряетъ, обличаетъ другую. мѣръ, въ 1609 г., сольвычегодцы отписывали пермичамъ о посылкѣ

ратныхъ людей и военныхъ снарядовъ въ Ярославль, съ приложені двухъ отписокъ ярославцевъ и устюжанъ о приходѣ къ Ярославлю товскихъ людей, и съ упрекомъ увѣщевали ихъ: «Вамъ бы, господа, п у Бога милости, государю царю и великому князю Василью Иванов всея Русіи порадѣть и ратныхъ людей тотчасъ собрать, и всякаго довaго наряду, и зелья, и селитры и свинцу государю на помощь въ славль къ государевымъ воеводамъ съ ратными людьми тотчасъ однол послать. А прежде сего мы къ вамъ много разъ писали о томъ госу вомъ ратномъ дѣлѣ... И вы Бога не боитесь, и *государя не слушаете*, то дѣлаете не гораздо, *государевымъ ратнымъ дѣломъ не радѣете*, и то отъ Бога и отъ государя не пробудетъ». Несмотря на всѣ эти уг пермичи не хотѣли дать помощи московскому государству. Они такъ упорны, что другимъ областнымъ общинамъ стоило много хлопотъ и писокъ, чтобы убѣдить ихъ въ интересахъ своихъ, мѣстныхъ, дать мо скому царю ратныхъ людей для очищенія великорусскихъ областей общихъ враговъ—польскихъ и литовскихъ людей. Въ августѣ 1609 г. жане пишутъ къ пермичамъ о немедленной присылкѣ денежнаго сбо сохъ на помощь ратнымъ людямъ: «И вамъ бы, господа, однолично дѣла въ оплошку не поставить: государевы деньги и съ сохъ въ при отпустить тотчасъ, незамѣшкавъ: да и то, господа, вамъ помнить дуетъ, только отъ васъ къ государю и службы, что всего 80 человѣк Ярославлѣ; а потому, если только нынѣ вы къ нему государю его даревой казны не отпустите и въ прибавку денегъ сбирать не стане ратныхъ людей не прибавите, и вамъ отъ государя впередъ какой ми ждать? Вся русская земля, грѣхъ ради всего православнаго крестьян съ государемъ страждетъ. И вамъ бы, господа, помня Бога и свои и крестное цѣлованье, на чемъ государю души дали, однолично о го ревомъ и о земскомъ дѣлѣ порадѣть». И тѣ областныя общины, кот опасаясь нападенія польскихъ и литовскихъ людей на свои мѣста, дали сосѣднія области дать помощь и силы для спасенія московска сударства отъ общихъ враговъ, и эти областныя общины сами пе дали, куда вѣсы потянутъ, вели между собой двусмысленную переп и находились такимъ образомъ въ колебательномъ положеніи. Устю увѣдомляя вычегодцевъ о присылкѣ въ Устюгъ изъ Вологды кресто вальной записи на вѣрность Лжедимитрію, въ отпискѣ своей отъ 30 н 1608 года, между прочимъ, спрашивали совѣта сольвычегодцевъ, уп ихъ за упорное молчаніе: «А мы пишемъ къ вамъ всякія вѣсти и с свой о всякомъ государевомъ дѣлѣ и земскомъ, а вы къ намъ ничег вѣту своего не пишете. *Да и то-бъ вамъ помыслить*... буде услышим что Богъ пошлетъ гнѣвъ свой праведный на всю русскую землю, *и до насъ далеко, успѣемъ съ повинной послать*... Пожалуйте, *помысли міромъ* крѣпко, и *не спѣшите креста цѣловать: не угадать на чемъ шится*».

Такимъ образомъ, чрезвычайно медленно шли земскіе совѣты во великорусскихъ областяхъ въ пользу московскаго государства. Гла интересъ областей, въ безгосударное время, съ 1607 по 1611 годъ, сост

столько въ радѣньи о государевомъ дѣлѣ, сколько о земскомъ, мѣст-
ъ. Защита *своихъ мѣстъ*—вотъ что сначала составляло главный пред-
ъ переписокъ областныхъ общинъ, вопросы областныхъ земскихъ совѣ-
ь. Области, какъ видно изъ ихъ отписокъ, главнымъ образомъ совѣ-
тся *объ обереганьи своихъ мѣстъ*. Каждая область, когда угрожала ей
ность отъ воровскихъ людей, обращалась за совѣтомъ къ сосѣднимъ
стямъ, большею частію къ тѣмъ, которыя были одного происхожденія
ею—образовались однимъ путемъ колонизаціи. Вологжане, напримѣръ,
чивъ вѣсть изъ Новгорода, отписываютъ устюжанамъ или вычегод-
. Устюжане, выслушавъ на совѣтѣ, при всемъ народѣ, вологодскія
другія вѣсти о томъ, что дѣлается въ Москвѣ и въ сосѣднихъ съ
городахъ, отписываютъ къ сольвычегодцамъ, своимъ однопоселен-
, испрашивая у нихъ *отвѣстья и совѣту*: «помыслить имъ *у Соли Вы-
кой со всею Усольскою Землею: что ихъ мысль?* хотятъ ли они съ устю-
ми стоять крѣпко заодно, и *совѣтъ съ ними крѣпкой держать ли?* И
тъ послать выборныхъ для совѣту». Сольвычегодцы, въ свою очередь,
тъ къ соликамцамъ и къ пермичамъ. Всѣ переписывались о взаим-
, совокупномъ обереганьи своихъ мѣстъ. И въ этомъ отношеніи, въ
ъ мѣстныхъ интересахъ области также невполнѣ сходились, долго
знивались. Напримѣръ, вологжане, въ январѣ 1609 года, пишутъ къ
годцамъ, между прочимъ увѣдомляя ихъ о томъ, что Новгородъ со
и пятинами и пригородами цѣловалъ крестъ самозванцу: «да здѣсь
сходитъ смута большая отъ тотмичей и пишутъ къ Вологдѣ и къ вое-
тъ съ бранью на раздоръ, а не на единомысліе. И вамъ бы, господа,
ясь съ устюжанами, отписать къ тотмичамъ, чтобъ они на смуту и
здоръ къ Вологдѣ не писали бездѣльно». Къ устюжанамъ вологжане
тъ также съ упрекомъ: «а намъ, господа, въ томъ сумнѣнье, что вы
мъ *о совѣтѣ* не пишете». Вычегодцы, января 20-го 1609 года, отпи-
отъ упорнымъ пермичамъ съ упрекомъ: «И вы къ намъ пишете сло-
что вы стоять съ нами заодно единомысленно рады во всемъ, а дѣ-
съ нами ничего не дѣлаете; а слухомъ мы слыхали, что въ верховьѣ
ые города, Переяславль, Ростовъ и Ярославль, и рязанскіе города, и
рская Украйна *межъ собой не совѣтовались и другъ за друга не стояли,*
ъ они сами въ разореньѣ стали». Потому они побуждаютъ пермичей
дать свой мѣстный земскій интересъ, чтобъ литовскіе люди и рус-
воры не прошли черезъ Галичъ и мимо Вологды на Сухону и въ ихъ
одскія и въ пермскія мѣста, и чтобъ, прибавляли вычегодцы, «всѣмъ
господа, своею оплошкою также отъ воровъ въ разореньѣ не быть,
и верховскіе городы». Рознь, особность областей въ смутное время
дила иногда до смѣшной перебранки. Сколько разъ бѣдные вятчане,
авшіе отъ нападеній черемисъ съ казаками, ни писали къ упорнымъ
чамъ о скорѣйшей помощи, тѣ не слушались ихъ просьбъ и упре-
напротивъ, еще совѣтовали имъ дѣйствовать заодно съ государе-
измѣнниками, взбунтовавшимися инородцами и волжскими казаками.
нецъ вятчане вышли изъ терпѣнія и въ декабрѣ 1609 года такъ отпи-
ли къ пермичамъ: «Писали мы къ вамъ много разъ, чтобъ вамъ при-

слать къ намъ на Вятку ратныхъ людей, для того, что государевы из
ники, волгскіе казаки и разныхъ городовъ стрѣльцы и черемиса въ
тельничѣ многихъ людей до основанья разорили, а въ Яранскомъ у
воровъ большое собранье, а вы къ намъ нынѣ писали самою глупо
а не только что глупостью, пьянствомъ: видите надъ нами отъ ворон
зоренье великое и у васъ ратные люди въ сборѣ есть, а къ Вяткѣ н
пришлете, а которыхъ было ратныхъ людей къ Вяткѣ и послали, и
ихъ съ дороги воротили, а къ намъ пишете, велите ссылаться съ го
ревыми измѣнниками. И мы на вашу глупость не смотримъ, съ измѣ
ками не ссылаемся, а надъ ворами промышляемъ и противъ воровъ ст
какъ насъ милосердый Богъ вразумитъ и сколько помочи подастъ.
надъ собою милость Божію и пречистой Богородицы и государево ц
крестное цѣлованье и его государево жалованье забыли, рады крес
скому кровопролитью и разоренью: Вятскую Землю ворамъ въ разо
напрасно предаете, ратныхъ людей къ намъ не пришлете и съ нам
воровъ не стоите, и вы сами себѣ предатели, и по своей вамъ глу
погибнуть. И напередъ сего къ вамъ посланы были два государев
мѣнника, а велѣно ихъ вамъ казнить смертью: и вы надъ тѣми н
не сдѣлали. Смотрите на то, какъ служатъ и прямятъ государю ца
великому князю Василью Ивановичу всея Русіи устюжане и Соль В
годская: прислали къ намъ для обереганья ратныхъ многихъ людей,
лѣно имъ быть на Вяткѣ по та мѣста, какъ и Яранскъ очистит
вы-бъ, господа, глупость свою покинули: одноличнo-бъ къ намъ для
реганья прислали ратныхъ многихъ людей тотчасъ, чтобы Вятской З
помочь и ворамъ не выдать, да и самимъ бы вамъ отъ враговъ не
въ разореньѣ. А что вамъ сказывалъ Василій Тырковъ, и вы тому
танью вѣрите, а нашему письму ничему не вѣрите: и вамъ бы самим
ковымъ пьянымъ всегда быть, каковъ пьянъ былъ на Вяткѣ Ва
Тырковъ». Пермичи, въ отпискѣ своей вятчанамъ, въ отвѣтъ на ихъ
безцости, отпираются отъ своего невниманья къ Вяткѣ, складываютъ
на воеводъ, будто они не велѣли присылать въ Вятку ратныхъ л
воротили ихъ съ дороги: «и та, господине, смута учинилась отъ к
Михаила Охтомскаго, да Василья Иванова, и у насъ тѣ ратные люд
отпискѣ князя Михаила и Василья, были роспущены».

III

Когда рознь великорусскихъ областей, недостаточность, неразви
въ нихъ союзности навлекала общую опасность русской землѣ, угр
ла, вмѣсто московской, польско-литовской централизаціей, когда вы
лась наружу вся нестройность внутренней организаціи областных
щинъ, тогда началось въ областномъ народосовѣтіи новое, лучше
правленіе. Открылась необходимость наибольшаго усиленія въ област
общинахъ союзнаго духа, или, какъ говорили сами русскіе люди в
время, необходимость *любви, союза, совѣта и соединенья*, какъ внутри ка
областной общины, такъ и во взаимныхъ отношеніяхъ всѣхъ област

знана была необходимость расширенія круга областнаго народосовѣтія. земскія общины начали въ этомъ союзномъ духѣ взаимную переписку распространеніи сферы областныхъ совѣтовъ, о собраньи, соединеньи ѣхъ областныхъ земщинъ на общій, *единомысленный* земско-областной вѣтъ. Поворотнымъ мотивомъ къ такому областному общинному согласію ла именно сейчасъ указанная нами общая земская опасность, угрожавшая всѣмъ великорусскимъ областямъ со стороны польско-литовскаго оеванья. Первый призывъ къ соединенью, къ соглашенью областныхъ мскихъ совѣтовъ подали области центральныя, особенно московская и жегородская. Теперь, въ эпоху междуцарствія, когда не было царя, сква ужъ не указывала, не предписывала областнымъ городамъ царимъ, повелительнымъ тономъ, не предписывала собрать, соединить обстныя силы для спасенія московскаго государства. Теперь она братскимъ званіемъ призывала, умоляла областныя общины, во имя всенароднаго сенья и спокойствія дать ей свой *добрый совѣтъ*, показать къ ней братую любовь и собрать силы для освобожденія ея отъ польско-литовскаго а, одинаково угрожавшаго всѣмъ областямъ. Внѣшнее, механическое, наьственное собраніе, прикрѣпленіе, тяготѣніе областей къ Москвѣ теперь азалось совершенно недостаточнымъ, несостоятельнымъ. Москва, смиренія, наказанная отпаденіемъ отъ нея разрознившихся областей, призывала перь ихъ къ новому органическому, братскому союзу съ нею, во имя дувно-нравственнаго единства. Признавая мѣстное *господство* или автономію ластей и федеральное равенство или *братство* ихъ съ собой, она назыла всѣ прочіе областные города *господами братьями* своими: «Господамъ атьямъ нашимъ всего московскаго государства (такъ взывали москвичи областнымъ общинамъ), братья мы и сродники, пишемъ мы къ вамъ авославнымъ крестьянамъ, общимъ всѣмъ народамъ московскаго госурства. Пишутъ къ намъ братья наши, разоренные плѣнные, которые цовъ, матерей, женъ и дѣтей своихъ лишились, до послѣдняго оскудѣ дошли и не имѣютъ, гдѣ главы подклонить, пишутъ, какъ намъ, ему крестьянскому народу, такъ и вамъ, не для чего иного, только для инаго Бога всемогущаго, видя наконецъ погибель, постигшую всѣхъ съ, *утвердить совѣтъ*, какъ бы намъ, всѣмъ православнымъ крестьянамъ погибнуть отъ враговъ всего православнаго крестьянства, литовскихъ дей. Что къ намъ писали братья, и мы ту грамоту къ вамъ послали. мы не слухомъ только слышимъ, до насъ самихъ въ Москвѣ конечная гибель доходитъ. Бога ради, не презрите бѣднаго и слезнаго нашего даньяя: будьте *съ нами обще, заодно*, противъ враговъ нашихъ и вашихъ щихъ, *помяните одно: только коренью основаніе крѣпко, то и древо неподвижно; ко коренья не будетъ, къ чему прилѣпиться?* Здѣсь образъ Божіей Матери, ной заступницы христіанской, Богородицы, которую евангелистъ Лука алъ, и великіе свѣтильники и хранители Петръ и Алексѣй и Іона творцы. Ужели вы, православные христіане, то ни во что поставите? этомъ говорить и писать страшно. Только, если не будете съ нами ца заедино страдать, сколько силы, сколько милосердый Богъ помощи тъ и Богородица и великіе чудотворцы помогутъ: никто не думай и

не вѣруй никакому льстивому и соблазнительному слову, чтобы быть по щаженнымъ. Писали къ намъ истину братья наши. И нынѣ мы сами видимъ вѣру христіанскую перемѣнену въ латынство, и церквамъ Божіимъ разореніе; а о своихъ головахъ что и писать вамъ много! Сами прав знаете, что во всѣхъ тѣхъ городахъ сдѣлалось, гдѣ литовскіе люди вл дѣютъ св. церквами и надъ иконами образа Божія: не вездѣ ли разоре и поругано? И вы, ни одинъ не думайте, что вамъ не будетъ того ж Пощадите насъ бѣдныхъ, къ концу погибели пришедшихъ душами и го ловами, станьте съ нами обще противъ враговъ креста Христова», и проч Такъ смиренно и слезно, и во имя всѣхъ своихъ византійско-право славныхъ святынь, Москва призывала всѣ великорусскія области къ сою и соединенью на помощь ей!

Замѣчательно, что теперь, въ критическомъ положеніи своемъ, Москва отказывается отъ усиленной, централизаціонной иниціативы въ новой фе дераціи областныхъ общинъ, и предоставляетъ эту иниціативу областном народосовѣтію, суду и волѣ областныхъ массъ народа. Кто въ самой осно изучалъ русскую исторію, для того вполнѣ ясно, почему Москва избра для всеобщаго земскаго соединенья и народосовѣтія три совершенно раз единенные, областные города: Новгородъ-Великій, Вологду и Нижній-Нов городъ. Извѣстно, что всѣ великорусскіе города, на основаніи колони ціонной сгруппировки, дѣлились на три разряда: на города верховые, п низовые и поморскіе. Новгородъ-Великій, Вологда и Нижній-Новгород были главными и древнѣйшими средоточіями колонизаціи всѣхъ этихъ г родовъ, съ ихъ уѣздами и волостями, колоніями ихъ. Вотъ почему Москв вѣрная старинѣ, предоставляетъ этимъ тремъ городамъ, какъ посредству щимъ органамъ, иниціативу въ организаціи предварительныхъ областны земскихъ совѣтовъ о новомъ возсоединеніи, о новой федераціи областны общинъ въ одинъ великій политическій союзъ. Въ нихъ должны был предварительно сосредоточиться народно-совѣщательные голоса, или, п выраженію историческихъ актовъ, *договоры и добрые совѣты*, для составле всеобщаго земскаго совѣта. Новгородъ-Великій, Вологда и Нижній-Нов родъ—центральные и исходные пункты верховыхъ, понизовыхъ и сѣвер ныхъ поморскихъ городовъ, должны были собрать народно-совѣщательны голоса, земскіе совѣты всѣхъ областныхъ общинъ, каждый городъ в своемъ краю, въ группѣ городовъ и волостей своего *разряда* или *чети*[1]. Здѣсь, какъ въ средней областной инстанціи великаго земскаго народо вѣтія, должны были собраться, приготовиться элементы для всеобща земскаго совѣта, должны были организоваться и сосредоточиться мѣстны земскіе совѣты для окончательнаго развитія и составленія всенародна земскаго собора, или совѣта, въ Москвѣ. «Бога ради положите (взыва Москва ко всѣмъ областнымъ общинамъ—господамъ братьямъ свои всего московскаго государства), Бога ради положите крѣпкій совѣтъ меж собой: пошлите въ Новгородъ и въ Вологду и въ Нижній нашу грам

[1] Извѣстно, что, на историко-колонизаціонномъ основаніи, ассоціаціи или груп довъ великорусскихъ и сибирскихъ дѣлились на *разряды* и *чети*.

савъ, и свой совѣтъ къ нимъ отпишите, чтобъ всѣмъ было вѣдомо всею пею—обще стать, покамѣстъ еще свободны, а не въ рабствѣ и въ плѣнъ разведены».

Такимъ образомъ, Москва должна была сзывать и соединять на сборъ а совѣтъ города околомосковные, поволжскіе и залѣсскіе, города, левшіе на системѣ верхней и средней Волги, въ области ростовско-сузьской колонизаціи, или въ предѣлахъ древняго московскаго княжества. вгородъ-Великій долженъ былъ собирать города и волости въ области оей территоріи и колонизаціи, во всѣхъ пятинахъ, съ присовокупленіемъ нимъ брата Пскова. Вологда, старшая колонія Новгорода въ Чуди Залоцкой, свободная, самобытная и самая цвѣтущая въ торговомъ отноніи въ средніе вѣка изъ всѣхъ новгородскихъ колоній на сухонодвиной системѣ, средоточный средне-вѣковой пунктъ столкновенія и борьбы вгородской и московской колонизаціи, исходный пунктъ колонизаціи льшей части сухонодвинской, угольской или вычегодской, вятской и рмской земли, Вологда должна была созывать для совѣту и соединенья рода сѣверо-двинскаго поморья и вятской и пермской земли. Нижній-вгородъ, старшая московская колонія въ низовой землѣ, въ южномъ волжьѣ, переходный пунктъ юго-восточной, понизовой колонизаціи, жній долженъ былъ собирать для земскаго совѣту и сединенья всѣ -восточные и понизовые города съ ихъ волостями и уѣздами. Такимъ азомъ областной земскій совѣтъ, развѣтвляясь на три главные центра, бразно съ земско-исторической, колонизаціонной основой дѣленія велиусской земли, естественно и удобно долженъ былъ охватить всѣ велиусскія области, и потомъ черезъ «выборныхъ добрыхъ людей» изъ хъ чиновъ, изъ всѣхъ областей, выразить свое окончательное рѣшенье, ю всенародную волю, думу, *совѣтъ и договоръ*, на всенародномъ земскомъ ѣтѣ въ Москвѣ.

И въ такомъ дѣйствительно порядкѣ началась новая областная перека о всеобщемъ земскомъ совѣтѣ и соединеньи. Теперь главнымъ и ьнымъ внутреннимъ мотивомъ великаго земскаго народно-областнаго женья были два главныя начала: во-первыхъ, сознаніе всенароднаго ва на земскій совѣтъ, сознаніе равноправности всѣхъ областныхъ горо-ъ, какъ *господъ братій*, въ дѣлѣ возстановленія московскаго государ-а; во-вторыхъ, сознаніе земскаго народнаго единства, сознаніе федераннаго единства и общности всей исторической жизни народной и всей ской земли, при всей географической и этнографической розни обтей. Движимыя этими двумя началами, великорусскія областныя дины, хотя и медленно, но мало-по-малу сговорились въ своихъ земхъ перепискахъ *стоять заодно, быть въ любви, въ союзѣ, въ совѣтѣ въ соединеньи.* Сознаніе всенародности права на земскій совѣтъ, пообность всеобщаго земскаго народосовѣтія побудили областныхъ земхъ людей идти на всенародный земскій совѣтъ противъ исклюельныхъ притязаній и затѣй боярства. Прокопій Ляпуновъ, нашій національное движеніе въ Рязанской области, въ сѣверскихъ и краинныхъ городахъ, гдѣ началось и антицентрализаціонное противо-

государственное движеніе, Ляпуновъ отъ имени всей Рязанской и С
ской Украйны взывалъ въ «преименитый Новгородъ Нижній всему
стіанскому народу: Мы, господа, про то знаемъ подлинно, что на М
всему христоименитому народу гоненье и тѣснота большая *отъ бояръ*
польскихъ и литовскихъ людей. И мы боярамъ московскимъ давно
зали, и къ нимъ о томъ писали, что они, прельстясь на славу вѣка
приложилися къ западнымъ и жестокосердымъ, на своихъ людей (
обратились. И на томъ, господа, мы, сославшись съ калуженскими и съ
скими и съ михайловскими и всѣхъ сѣверскихъ и украинныхъ городо
всякими людьми, давно крестъ цѣловали, чтобъ намъ за московское
дарство съ ними и со всею землею стоять всѣмъ за одинъ и съ литовс
людьми биться до смерти... *Да бояре*, господа, *пишутъ изъ Моск*
Тулу, *чтобъ туляне къ намъ не приставали*, а къ намъ на Рязань
(бояре) шлютъ войною пана Сапѣгу да Струса со многими людьми л
скими, и *туляне боярамъ*, господа, *потому же отказали и ту боярскую*
моту къ намъ прислали. А Володимеръ, господа, и другіе города съ
одномысленны. И мы, господа, послали къ вамъ для всякаго договору и
добраго совѣту стряпчаго Ивана Иванова Биркина, да дьяка Сте
Пустынника, съ дворянами и всякихъ чиновъ людьми». Далѣе, Ляпу
отъ лица всего рязанскаго и сѣверскаго народа, проситъ преимен
Нижній-Новгородъ дать свой совѣтъ и отписать во всѣ понизовые го
а также въ Вологду и во всѣ поморскіе города. На это возваніе р
скаго и украинскаго народа всѣ областныя общины отозвались единогл
отказывать боярамъ, противъ *бояръ всѣмъ стоять другъ за друга*.

Если сознаніе всеобщности земскаго народно-областнаго права
ждало областныя общины противодѣйствовать исключительной, олига
ческой притязательности бояръ московскихъ, то, съ другой стороны,
знаніе земскаго и нравственнаго единства, сознаніе единства и цѣ
ности русской земли и исторіи побуждало областныя общины поду
всею землею объ очищеніи русской земли отъ польскихъ и литовс
людей, о конфедераціи разрознившихся областей и объ устройствѣ
землею всеобщаго, верховнаго правительства, въ которомъ бы объедин
и находили контроль разнообразные интересы всѣхъ областныхъ общ
Смутное время было для русскаго народа горниломъ искушенія, очищ
Во время пятилѣтней или шестилѣтней розни областей, русскіе люди
увидѣли, чего недоставало для полнаго, всецѣлаго единства русскаго на
для органическаго союза областныхъ общинъ, для правильной организ
народосовѣтія: недоставало *любви, совѣта и соединенья*. Земскія общ
сами говорили, что онѣ наказались *за свой земскій грѣхъ, за недоста*
любви, совѣта и соединенья. И вотъ, во вторую половину смутнаго
мени, особенно съ 1611 года, всѣ земскіе люди заговорили о любви
историческихъ актахъ смутнаго времени, среди областныхъ перепи
находимъ, между прочимъ, длинную грамоту, въ которой, какъ въ с
поучительномъ, читаемъ пространное поученіе *о любви*, на основані
щеннаго писанія. Слово это было разослано по всѣмъ областямъ и
отозвалось въ сердцахъ народа. Началась многознаменательная переп

бластныхъ общинъ о любви, совѣтѣ и соединеньи. Не насильственной осковской централизаціи хотѣли областныя массы народа—нѣтъ, вся ущность, весь смыслъ, все историческое значеніе смутнаго времени, розни бластей, именно и заключается въ энергически-жизненной, хотя и инстинтивной реакціи областнаго начала противъ московской централизаціи. Не ъ централизаціонному союзу, а къ полюбовной, излюбленной земской оюзности, къ федераціи стремились областныя общины. Онѣ полагали ачала такой федераціи, которая бы не нарушала ихъ географической, ерриторіальной и этнографической цѣлостности и самобытности, а основывалась единственно *на совѣтѣ и любви*, такой федераціи, въ которой бы тдѣльныя части, находясь въ федеративной связи, въ составѣ цѣлаго олитическаго организма всеобластнаго союза, свободно совершали всѣ вои внутреннія, жизненныя, органическія дѣйствія, сообразно съ мѣстными еографическими, этнографическими и другими условіями. Въ такомъ смыслѣ бластныя общины начали свою замѣчательную переписку «*о любви, союзѣ, овѣтѣ и соединеніи*», о сборѣ земско-областныхъ народносовѣщательныхъ ратныхъ силъ въ Москву, для организаціи всеобщаго великаго всенароднаго, всерусскаго земскаго совѣта.

Областные города или общины, находившіеся около Москвы, образовавшіеся въ одно время съ нею и однимъ и тѣмъ же путемъ колонизаціи, аньше другихъ привыкшіе къ союзу съ Москвой, по причинѣ ранняго рисоединенья къ ней — эти средневолжскіе города первые отозвались на атскій призывный голосъ Москвы и согласились быть съ нею въ любви, овѣтѣ и соединеньи. Затѣмъ, другіе волжскіе города—Нижній-Новгородъ, остpoма, Ярославль, Владиміръ, Суздаль, вслѣдъ за Москвою, пишутъ ъ сѣверо-восточнымъ украиннымъ городамъ о добромъ совѣтѣ и соединеньи.

Если центральныя областныя общины, лежавшія около Москвы въ ерхнихъ и среднихъ частяхъ волжской системы, скоро и легко согласились быть въ союзѣ и въ совѣтѣ съ Москвою, по причинѣ ихъ земской, колонизаціонной связи и внутренней однородности, зато не скоро, не вдругъ могли согласиться на совѣтъ, союзъ, любовь и соединенье ъ Москвою украинныя областныя общины, особенно государство новгородское съ сухоно-двинскими областями, Казанское царство и Пермская Земля.

Прежде всего сѣверно-поморскія области, находящіяся на особой, северно-балтійской рѣчной системѣ, образовавшіяся путемъ особой новгородской колонизаціи, жившія много вѣковъ особною, отдѣльною жизнію, бласти, лежащія за сѣверными увалами, не вдругъ могли согласиться а любовный союзъ съ Москвою и съ верховскими и низовыми городами, ежащими на противоположной волжско-каспійской системѣ и образовавшимися путемъ другой, ростовско-московской колонизаціи. Тамъ, въ сѣверныхъ новгородскихъ областяхъ, весь строй городовъ и волостныхъ бщинъ напоминалъ средневѣковую, общинную свободу, мѣстное самоустройство и народоправленіе. Еще незадолго до смутнаго времени, во торой половинѣ XVI вѣка, какъ мы видѣли, всѣ сухоно-двинскія общины

вытребовали себѣ право общиннаго земскаго самоуправленія. Здѣс
въ областяхъ волжской системы, все проникнуто было началами мо
ской централизаціи и московскаго византизма: меньше было внутр
общинной самодѣятельности. По причинѣ такой противоположност
графической и земско-бытовой, средневолжскимъ городамъ стоило
потъ и переписокъ, чтобъ убѣдить сѣверо-двинскія областныя общи
союзу и совѣту съ ними и съ Москвою. Чтобъ склонить всѣ сѣверо
скіе города къ союзу съ волжскими городами, нужно было скл
главный сѣверо-двинскій городъ — Вологду. И нижегородцы, костр
и ярославцы писали вологжанамъ нѣсколько грамотъ о любви, сов
соединеньи. Въ февралѣ 1611 года нижегородцы пишутъ «о согл
соединеньи» въ Вологду, извѣщаютъ вологжанъ о союзномъ дви
всѣхъ низовыхъ и окольныхъ городовъ къ Москвѣ, для освобожде
отъ польскихъ и литовскихъ людей, общихъ враговъ всѣхъ великору
областей, и просятъ немедленно прислать ратныхъ людей во Вла
для соединенія съ княземъ Рѣпнинымъ, который шелъ изъ Нижн
ополченіемъ низовыхъ и всѣхъ окольныхъ городовъ. Въ ф
же 1611 года, костромичи, по поводу только-что полученной ими
городской призывной грамоты о любви и совѣтѣ, отписывали
къ вологжанамъ о немедленной присылкѣ довѣренныхъ лицъ, д
людей всякихъ чиновъ для совѣта. Всѣ костромичи били челом
подамъ вологжанамъ, всѣмъ посадскимъ и уѣзднымъ людямъ: «
къ намъ, въ Кострому, изъ Нижняго-Новгорода, февраля въ 7-й
добромъ совѣтѣ, и къ вамъ, въ Вологду и въ Вологодскій уѣздъ,
такія же грамоты о добромъ совѣтѣ, чтобъ намъ стоять за домъ
стой Богородицы, за чудотворцовы мощи и за святыя Божіи церкв
православную крестьянскую вѣру. И вы, господа, къ намъ, на Кос
для добраго совѣту не присылывали. А изъ Галича къ намъ, на Кос
для добраго совѣту прислали дворяне и дѣти боярскія дворянина З
Перфирьева, а отъ посадскихъ людей посадскаго человѣка, Поліев
вамъ бы, господа, по нашему совѣту съ нами стоять и въ одномъ
быть. Да къ намъ же, господа, въ Кострому, писалъ изъ Суздаля
Захарьевичъ Просовецкій о добромъ же совѣтѣ, и мы съ той сузда
грамоты списавъ списокъ слово-въ-слово и подклѣя подъ сію от
послали къ вамъ... И вамъ бы также отъ себя писать на Бѣло-озер
другіе города, а вамъ бы насъ не выдавать, стоять вмѣстѣ за
Въ тотъ же годъ и мѣсяцъ, ярославцы писали къ вологжанамъ, уб
ихъ стоять въ одномъ совѣтѣ съ ними и со всею землею, очисти
скую землю отъ польскихъ и литовскихъ людей, увѣдомляли ихъ
ныхъ дѣйствіяхъ Ляпунова, о разбитіи литовскихъ людей Просов
при Владимірѣ, и проч. При отпискѣ своей, ярославцы приложили
цѣловальную запись о единодушномъ рѣшеніи: креста не цѣловат
скому и литовскому королю, противъ польскихъ и литовскихъ людей
заодно, не дѣлать никакихъ скоповъ и заговоровъ, которые бы мо
рушить спокойствіе всѣхъ областныхъ общинъ и разстроить всена
земскій совѣтъ. «А кого намъ (прибавляли ярославцы) на москов

тво и во всѣ города и во всѣ государства россійскаго царства
дастъ государя, и намъ ему, государю, служить, прямить и добра
во всемъ въ правду. А буде по кого пошлютъ изъ Москвы бояре,
тъ, поймавъ, привести въ Москву, или по какимъ-нибудь городамъ
ать, или какую-либо пеню и казнь велятъ учинить, и намъ за тѣхъ
стоять другъ за друга всѣмъ единомысленно и ихъ не выдавать,
эстъ Богъ намъ дастъ на московское государство государя».
ь мартѣ 1611 года солигаличане писали къ тотмичамъ: «Въ нынѣш-
оду писали мы къ вамъ о добромъ совѣтѣ и о ратныхъ людяхъ
разъ, и какія грамоты къ намъ приходили, мы къ вамъ посылали
ъ списки, а вы къ намъ ни о чемъ не отписывали и своего со-
ъ намъ не присылывали... И вы-бъ, господа, послали-бъ тотчасъ
ъ людей, которые у васъ есть въ сборѣ, подъ Москву къ
амъ; а какія грамоты присланы въ Галичъ, мы съ тѣхъ грамотъ
въ списки, послали къ вамъ въ Тотьму; а вы-бъ, господа, съ тѣхъ
ь списавъ же списки, и послали бы ихъ на Устюгъ, и въ помор-
рода, и къ Вологдѣ, и въ Новгородъ-Великій, и къ намъ бы пожа-
отписать тотъ же часъ про свой совѣтъ подлинно, и мы вашъ со-
тпишемъ къ воеводамъ».
гу грамоту солигаличанъ тотмичи отправили къ устюжанамъ, а
ане, съ приложеніемъ своихъ и другихъ областныхъ отписокъ, от-
и къ пермичамъ, сообщая имъ свою мысль и свой совѣтъ.
ь волжско-камской системѣ областей не скоро согласились быть въ
совѣтѣ и союзѣ съ прочими областными общинами и съ Москвой
кое Царство и Пермь-Великая. И очень естественно.
ыше было сказано, какъ въ первую минуту смутнаго времени Ка-
Царство взбунтовалось противъ московскаго государства, по при-
вѣковой исторической и этнографической особенности, какъ татары,
, черемисы и мордва поднялись противъ русскихъ. Понятно, что
тнографическій, національный духъ антагонизма къ Москвѣ не могъ
еремѣниться въ тотъ духъ любви, совѣта и соединенья, о которомъ
твердили всѣ великорусскія областныя общины. Притомъ, крайнія
сточныя области казанскаго государства такъ были далеки отъ
, а главное, такъ неорганически были присоединены къ ней, что
енно не сочувствовали ея сердцебіенію и страданіямъ. Нужны были
ствующіе соединительные органы — болѣе близкія области, черезъ
я могли бы отозваться въ дальныхъ украинныхъ областяхъ бо-
ныя, кровавыя страданія московскаго государства. Ярославцы, ко-
чи, владимірцы и нижегородцы, такъ много убѣждавшіе отдаленныя
-поморскія областныя общины къ любви, совѣту и соединенью, и
-востокѣ явились посредниками московскихъ областей въ отно-
къ казанскому государству. Ярославцы пишутъ въ *царствующій
ный градъ* Казань ко всѣмъ людямъ *казанскаго государства*: «Казан-
народу ничего того невѣдомо, что здѣсь, подъ Москвою, дѣлается,
что Казань отъ Москвы мѣсто дальнее», и извѣщаютъ казанцевъ,
яре прельстились для удѣловъ, хотятъ раздѣлить русскую землю на

удѣлы и воцарить польскаго короля въ Москвѣ, и что Москва и ок
московскіе города ужъ всѣ между собой согласились и учинили сов
пошли къ Москвѣ освободить московское государство отъ польских
литовскихъ людей, и избавить народъ, областныя общины отъ ига б
ской удѣльности. Костромичи побуждали казанцевъ къ общему сов
любви и соединенью также этимъ общимъ союзомъ городовъ Нижн
Владиміра, Мурома, Суздаля, рязанскихъ и украинскихъ городовъ и сво
собственнымъ совѣтомъ и соединеньемъ съ городами Галичемъ, Яро
влемъ, Романовымъ и со всѣми подмосковными городами, единомысл
согласившимися въ своемъ совѣтѣ со всѣми собравшимися подъ Мос
городами. Прокопій Ляпуновъ, отъ лица всего собравшагося подъ Мос
областнаго народа, писалъ жителямъ Казанскаго Царства: «И вамъ
всѣмъ, *обще со всею землею*, попещись о земскомъ дѣлѣ, чтобъ со вс
нами въ общемъ единомысліи и совѣтѣ быть... А какой, господа, у
о земскомъ дѣлѣ совѣтъ будетъ, и вы бы, господа, тотчасъ отписа
Наконецъ, особенно сильно и возбудительно было воззваніе Авраамія П
цына. Описавъ бѣдствія самозванства, междоусобія и междуцарствія, П
цынъ призывалъ, во имя земскаго единства, къ любви, совѣту и союзу
разноплеменныхъ и разновѣрныхъ жителей казанскаго государства и
пригородовъ. Во время розни областей ясно сказалось, что въ так
дальнихъ отъ Москвы провинціяхъ и такъ разноплеменныхъ по населе
какъ Казанское Царство, много было, по выраженію актовъ, *недоволовъ*
есть недовольства и антипатіи къ Москвѣ. Палицынъ, намекая на
писалъ къ казанцамъ, князьямъ, мурзамъ, служилымъ татарамъ и ч
шамъ и черемисамъ и вотякамъ, такъ же, какъ и всѣмъ русскимъ п
ленцамъ казанскаго края: «Сами знаете, что всякому дѣлу одно вр
бываетъ, безвременное же начало всякаго дѣла пусто и бездѣльно быва
хотя буде и есть въ вашихъ предѣлахъ которые *недоволы*, Бога ради,
ложите то на время, чтобъ объ одномъ всѣмъ вамъ съ нами положить
вигъ свой... Смилуйтесь и умилитесь, не медля сдѣлайте это дѣло: о т
много и слезно всѣмъ народомъ вамъ челомъ бьемъ».

Получивъ столько призывныхъ, увѣщательныхъ грамотъ объ общ
совѣтѣ и соединеньи, казанцы, наконецъ, послушались, порѣшили
своемъ земскомъ совѣтѣ присоединиться къ общему союзу и совѣту.
іюнѣ 1611 года они ужъ отъ себя писали въ Пермь-Великую о томъ, ч
пермичи были съ ними въ любви, совѣтѣ и соединеньи.

Пермь-Великая также долго не соглашалась на областный совѣт
союзъ въ пользу московскаго государства, по причинѣ этнографичес
разнообразія и особаго колонизаціоннаго самообразованія. Въ Перм
Землѣ также, по словамъ историческихъ актовъ, *были недоволы*. По
пермичи могли согласиться только на призывъ своей братьи, област
общинъ, а отнюдь не на призывъ Москвы. Казанцы, отъ имени в
людей всего казанскаго государства, били челомъ пермичамъ: «Во всѣхъ гр
тахъ изъ-подъ Москвы, изъ полковъ и изъ городовъ пишутъ, чтобъ намъ
со всею землею въ любви, и въ совѣтѣ и соединеньи и, собравъ казанс
ратныхъ людей, идти подъ Москву, въ сходъ къ боярамъ и *ко всей з*

щищать московское государство отъ враговъ, отъ польскихъ и литовскихъ людей. И мы, господа, всею землею казанскаго государства цѣловали крестъ по записи, которая къ намъ прислана изъ полковъ отъ всей земли, чтобъ намъ быть со всею землею въ любви, въ совѣтѣ и соединенiи ... Да и въ Свiяжскѣ и въ Чебоксарахъ и въ понизовыхъ городахъ по той же записи крестъ цѣловали, чтобъ и имъ съ нами быть въ любви, въ совѣтѣ и въ соединеньи и идти на земскую службу подъ Москву, ко всей землѣ. А по которой, господа, записи мы и вся земля казанскаго государства, и въ Свiяжскомъ и въ Чебоксарахъ и во всѣхъ понизовыхъ городахъ крестъ цѣловали, и мы съ той записи прислали къ вамъ списокъ подъ сею грамотою; да и съ володимiрской, и съ ярославской, и съ костромской грамотъ, которыя къ намъ прислали бояре изъ полковъ и вся земля, списавъ списки, послали къ вамъ въ Пермь съ сею отпискою вмѣстѣ, запечатавъ въ листъ печатью Царства Казанскаго. И вамъ бы, господа, по той записи, по которой мы въ казанскомъ государствѣ всею землею крестъ цѣловали и къ вамъ послали, крестъ цѣловать, буде вы по ся мѣста крестъ не цѣловали, и быть бы вамъ съ нами въ любви, въ совѣтѣ и въ соединеньи». Въ крестоцѣловальной записи своей казанцы-мурзы, служилые-новокрещены, и татары, и чуваши, и черемисы, и вотяки и всѣ люди казанскаго государства, между прочимъ, обязывались стоять въ своемъ совѣтѣ всѣ заодно противъ бояръ.

Пермичи согласились на эту увѣщательную грамоту и на крестоцѣловальную запись казанцевъ, и, въ свою очередь, отписали къ своимъ сосѣдямъ, вычегодцамъ, извѣщали ихъ о своемъ согласiи быть, вмѣстѣ съ казанцами, въ общемъ совѣтѣ и союзѣ, на общемъ земскомъ совѣтѣ и сборѣ, и спрашивали совѣта у вычегодцевъ. Слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что въ смутное время областныя общины такъ стояли за общiе, всенародные, земскiе интересы, за интересы *всей земли*, что не только не терпѣли исключительныхъ олигархическихъ замысловъ боярства, какъ было сказано выше, но и единодушно шли противъ исключительныхъ демократическихъ притязанiй казачества. Напримѣръ, казанцы, 30 августа 1611 года, согласно съ отпиской нижегородцевъ, писали къ пермичамъ, съ приложенiемъ грамоты Ермогена о непризнанiи сына Марины Мнишекъ государемъ: «И мы, господа, выслушавъ съ патрiаршей грамоты списокъ, приговорили... со всею землею казанскаго государства, что отнюдь не хотѣть на царство проклятаго панкина, маринкина сына; а *буде казаки станутъ выбирать на московское государство того маринкина сына, или другаго кого, по своему произволу, не согласясь со всею землею, и намъ того государя на московское государство не хотѣть, и противъ него стоять всѣмъ казанскимъ государствомъ единодушно*: а выбрать бы намъ на московское государство государя, *согласившись со всею землею*... И вамъ бы, господа, быть съ нами въ совѣтѣ и въ соединеньи и въ любви, и стоять бы намъ за такое великое дѣло... всѣмъ заодно, а по казачью выбору того проклятаго панкина маринкина сына на государство не хотѣть».

Наконецъ, исходилъ уже 1611-й годъ. Города понизовые, сѣверскiе, украинные и большая часть верховыхъ городовъ, находившихся въ системѣ верхней Волги, мало-по-малу сговорились «на любовь, совѣтъ и

соединенье». Только сѣверные и поморскіе города, принадлежавшіе къ сухоно-двинской и полярно-балтійской системѣ, къ системѣ новгородской колонизаціи, еще не совсѣмъ согласны были съ понизовыми и около-московскими городами на совѣтъ и соединенье. Въ псковскомъ и новгородскомъ государствахъ обнаруживалось даже стремленіе отдѣлиться отъ Москвы, образовать особыя государства, избрать своихъ царей; въ Псковѣ явился новый самозванецъ, Сидорко, называясь Дмитріемъ царевичемъ, и многіе ему цѣловали крестъ. Въ то время, какъ Дмитрій Пожарскій собиралъ представителей городовъ на земскій совѣтъ въ Ярославль, и призывалъ, въ томъ числѣ, полномочныхъ посланниковъ отъ Новгорода, новгородцы вели переговоры съ шведскимъ королемъ, Карломъ IX. Они, по словамъ актовъ, «всѣ соединясь, приговорили и избрали на новгородское государство одного изъ двухъ сыновей Карла шведскаго, который любъ— королевича-принца Густава-Адольфа, или принца Карла-Филиппа». Наконецъ, выборные представители Новгорода прибыли на общій земскій совѣтъ въ Ярославль. Здѣсь, на совѣтѣ и договорѣ съ воеводами собравшагося въ Ярославлѣ земскаго ополченія, выборные посланники новгородскіе, между прочимъ, ясно высказали первоначальную причину розни областей, особенно рязанскихъ, сѣверскихъ и украинныхъ городовъ, говорили, что смуты самозванства въ областяхъ были выраженіемъ областного протеста противъ выбора на престолъ Шуйскаго немногими городами, а не всею землею: «На московскомъ государствѣ учинился государемъ царемъ великій князь Василій Ивановичъ Шуйскій всея Русіи *по избранію немногихъ городовъ, а иные многіе украинные города его себѣ государемъ не хотѣли и въ послушаньи быть не почали*, а учали себѣ избирать воровскихъ царевичей, Петрушку и иныхъ, и тѣми именами московскому государству много зла учинили». Потомъ, выборные новгородскіе на ярославскомъ земскомъ совѣтѣ, отъ лица всего Новгорода, призывали земское ополченіе быть съ ними «въ совѣтѣ, и въ любви и въ согласіи» относительно избранія королевича шведскаго. Новгородцы не только не хотѣли присоединиться къ Москвѣ, но и Москву со всѣми прочими областями хотѣли присоединить къ новгородскому совѣту, и такимъ образомъ устроить новгородское государство. «И Великій-Новгородъ весь, преосвященнный митрополитъ Исидоръ, и бояре, и воеводы, и всякихъ чиновъ люди служилые и земскіе, по вашей присылкѣ и по доброму совѣту, прислали насъ къ вамъ (договариваться) о томъ, чтобъ вы всѣ между собой договоръ учинили, похотѣли быть съ Великимъ-Новгородомъ въ общей любви и въ добромъ совѣтѣ, и похотѣли бы всѣ на государство московское и на всѣ государства россійскаго царствія государя нашего, пресвѣтлѣйшаго и великаго князя Карла-Филиппа Карловича: и вѣдомо вамъ самимъ, что Великій-Новгородъ отъ московскаго государства никогда отлученъ не былъ, ни въ какое время, и нынѣ бы вамъ также, общій совѣтъ учиня, быть съ нами въ любви и въ соединеньи подъ рукою одного государя». Представители московско-ярославскаго земскаго совѣта не соглашались съ послами новгородскими призывать на новгородское государство шведскаго королевича и подтверждали ту мысль, что «искони», какъ учали быть государи на россійскомъ

осударствѣ, Великій-Новгородъ отъ россійскаго государства отлученъ не ывалъ; и нѣчто бы и нынѣ то видѣть, чтобъ Новгородъ съ россійскимъ осударствомъ былъ попрежнему; только уже мы въ томъ искусились: не акъ бы нынѣ учинилось, какъ при выборѣ польскаго и литовскаго короля». Такимъ образомъ, представители московскаго земскаго сбора и совѣта выражали опасеніе, чтобъ въ россійскомъ государствѣ не произошелъ *расколъ*, Новгородъ не отпалъ бы отъ Москвы, избравъ себѣ королемъ шведскаго ринца, и потому настаивали на томъ, чтобъ не избирать его не только ъ московское государство, но и въ новгородское. Послы новгородскіе, днакожъ, продолжали настаивать на своемъ, говорили, что послѣ смерти Карла шведскаго, супруга его—мать королевича, и братъ его уже отпустили ъ Новгородъ Карла-Филиппа, что новгородцы уже со-дня-на-день ждутъ го прибытія, и что «той статьи, какъ учинилъ надъ московскимъ государствомъ литовскій король, новгородцы не чаютъ отъ свѣйскаго королевича». Стольникъ и воевода князь Пожарскій, представитель московскаго осударства и земскаго московскаго ополченія, говорилъ въ отвѣтъ новгородскимъ посламъ: «Мы всѣ единомысленно у милосердаго, въ Троицѣ лавимаго Бога нашего, милости просимъ и хотимъ того, чтобъ какъ всѣмъ юдямъ россійскаго государства въ соединеньи быть, и обрѣсть бы на осковское государство государя царя и великаго князя, государскаго ына, только бы былъ въ православной крестьянской вѣрѣ греческаго акона, а не въ иной которой. А какъ королевичъ придетъ въ Новгородъ будетъ въ нашей православной крестьянской вѣрѣ греческаго закона, и мы тотчасъ отъ всего россійскаго государства съ радостью выравъ честныхъ людей, которые къ тому великому дѣлу будутъ годны, дадимъ имъ полномочный наказъ о государевыхъ и о земскихъ добыхъ дѣлахъ говорить и установлять, *какъ государствамъ быть въ соединеньи*».

Такимъ образомъ, новгородскіе выборные выражали готовность Новорода образовать отдѣльное новгородское государство и разсуждали, соласно съ приговоромъ и полномочными грамотами всего Новгорода, о томъ, *на какихъ мѣрахъ* шведскому королевичу *быть государемъ на новгородскомъ осударствѣ* и всякія дѣла править, и какъ Новгороду быть съ Свѣйскимъ Королевствомъ»; а Пожарскій, представитель московскаго государства, осковскаго земскаго совѣта, все-таки стоялъ за общій союзъ, шелъ противъ отдѣленія, отлученія Новговода отъ московскаго государства, поднималъ вопросъ для обсужденія на земскомъ совѣтѣ, «*какъ государствамъ оссійскаго царства быть въ соединеньи*». Слѣдовательно, новгородскіе послы, ыразители общаго земскаго совѣта вольнаго Новгорода, разошлись въ нѣніяхъ и рѣчахъ съ Пожарскимъ и его товарищами, представителями емскаго совѣта, и сошлись только въ одномъ, «чтобъ за истинную христіанскую вѣру стоять, а не-греческой вѣры государя на государство не отѣть». Однакожъ, и москвичи, и новгородцы *наплакались* за эту долговременную рознь. Шведскіе нѣмцы, сѣтовавшіе о неудачѣ своихъ переговоровъ, надоѣли и новгородцамъ. Одна историческая пѣсня смутнаго времени такъ отмѣтила это:

Ино что у насъ въ Москвѣ учинилося:
Съ полуночи у насъ въ колоколъ звонили.
А росплачютца гости москвичи:
А тепере наши головы загибли,
Что нестало у насъ воеводы,
Васильевича князя Михаила.
А съѣжалися князи, бояре супротиво къ нимъ,
Мьстиславской князь, Воротынской,
И межу собою онѣ слово говорили,
А говорили слово усмѣхнулися.
Высоко соколъ поднялся
И о сыру матеру землю ушибся.
А росплачютца свѣцкие нѣмцы,
Что не стало у насъ воеводы,
Васильевича князя Михаила.
Побѣжали нѣмцы въ Новъ-городъ,
И въ Новѣ-городѣ заперлися,
И многой міръ народъ погубили.
И въ латынскую землю превратили.

Кромѣ новгородцевъ, еще мѣшкали присоединиться къ общему союзу московско-волжскихъ городовъ, понизовыхъ и верховыхъ сухоно-двинскіе и поморскіе города, и во главѣ ихъ Вологда. Нижегородцы настоятельно призывали и эти города быть въ любви, совѣтѣ и соединеньи съ московскими городами. Они писали къ вологжанамъ: «Всѣ города московскаго государства, сослався межъ себя, утвердились на томъ крестнымъ цѣлованіемъ, что быть намъ всѣмъ православнымъ христіанамъ въ любви и въ соединеньи и прежняго междоусобія не зачинать, и московское государство отъ враговъ польскихъ и литовскихъ людей очищать неослабно, до смерти своей, и грабежей нашему православному христіанству отнюдь не причинять, и своимъ произволомъ на московское государство государя, безъ совѣту всей земли, не обирать... И вамъ бы, господа, вологжанамъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, и стрѣльцамъ и всякимъ ратнымъ людямъ помнить *общее свое*, на чемъ мы всѣ совѣтуя крестъ цѣловали... Будетъ, господа, вы опасаетесь отъ казаковъ какого налогу, или другихъ какихъ воровскихъ людей, и вамъ бы однолично того не опасаться, какъ будемъ *всѣ, верховые и понизовые города, въ сходу*, и мы *всею землею* о томъ *совѣтъ учинимъ* и дурна никакого ворамъ дѣлать не дадимъ... А однолично-бъ *вамъ съ нами быть въ одномъ совѣтѣ*... и учинимъ совѣтъ о всякомъ земскомъ дѣлѣ, утвердимъ крестнымъ цѣлованіемъ... Да и *во всѣ бы вамъ поморскіе города отъ себя писать* о утвержденіи и о совѣтѣ, чтобъ по всѣмъ городамъ всякіе люди отъ нашего совѣту не отставали... а какъ будемъ всѣ понизовые и верховые города въ сходѣ вмѣстѣ, и мы всею землею выберемъ на московское государство государя, кого намъ Богъ дастъ». Вслѣдствіе такихъ увѣщательныхъ грамотъ, наконецъ, согласились на общій союзъ и совѣтъ и поморскіе города.

Послѣ такихъ продолжительныхъ договоровъ и переписокъ, наконецъ всѣ областныя общины согласились быть въ любви, въ совѣтѣ и въ соединеньи, и послали своихъ выборныхъ отъ всякихъ чиновъ на великій

жовскій и *земскій соборъ* или совѣтъ 1613 года. Всѣ города, по выраженію овъ, явились *въ сходъ подъ Москву* и составили *земскій соборъ* или *совѣтъ о землею.*

Мы разсмотрѣли далеко еще не всѣ областныя переписки. Но здѣсь ановимся, и сообразимъ общія историческія начала второй половины тнаго времени. Невольно рождаются вопросы: что выразилъ духъ на- дный въ этомъ всеобщемъ требованіи областными общинами *любви, со- а и соединенья?* Почему областныя общины, во время этой семилѣтней, итической самодѣятельности, не организовали постоянныхъ, народно- вительственныхъ учрежденій, институцій народосовѣтія и народопра- нія изъ своихъ областныхъ земскихъ совѣтовъ и изъ всеобщаго, всена- наго, центрально-федеративнаго московскаго земскаго совѣта? Нако- ъ, почему и въ какомъ смыслѣ избрали областныя общины царя всею лею, на всенародномъ земскомъ соборѣ?

Прежде всего повторимъ тотъ выводъ нашъ изъ подлинныхъ ска- ій русскаго народа въ смутное время, что вовсе не централизаціи ѣли областныя общины, когда переписывались между собою о любви, ѣтѣ и соединеньи. Напротивъ, онѣ инстинктивно выразили этимъ есте- енную потребность самостоятельно-выработаннаго союза, *соединенья,* и бодной земско-областной, общинной самодѣятельности, мѣстнаго общин- о саморазвитія, самоустройства, *во взаимной любви, въ совѣтѣ и въ соеди- ьи,* то-есть въ федеративномъ союзѣ. Эту естественную потребность свою они разили, говоримъ, безсознательно, инстинктивно, въ самой жизни и дѣятель- ти своей во время междуцарствія, во всѣхъ своихъ перепискахъ «о любви, ѣтѣ и соединеньи». Областныя общины, въ самой колонизаціонной основѣ емской общинной организаціи своей заключавшія естественно-истори- кія начала мѣстной самобытности, внутренно, существенно не согласо- ись съ насильственно-собирательной, московской централизаціей [1]. Весь рико-географическій и этнографическій строй ихъ внутренно не гар- ировалъ съ завоевательной московской централизаціей XV и XVI сто- ій и съ той уничтожительной для областной жизни централизаціей, ая окончательно развилась до того времени. И великая рознь областей смутное время была, такъ—сказать, земско-областнымъ переворотомъ вней Россіи, была естественной, послѣдовательно-исторической, необхо- ой реакціей областныхъ общинъ противъ насильственной централи- и, и вмѣстѣ съ тѣмъ, выраженіемъ потребности добровольной, самимъ одомъ созданной союзности, федераціи областныхъ общинъ, основанной *оговорѣ, на любви, совѣтѣ и соединеньи.* Жизненную, естественную по- ность и принципъ мѣстной, земско-областной, общинной самодѣятель- и и совѣщательности, мѣстнаго самоуправленія и самоустройства об- ныя общины ясно выразили въ своихъ *областныхъ земскихъ совѣтахъ,*

---

[1] Объ организаціи нашихъ общинъ мы будемъ говорить въ „Отеч. Запискахъ" обно въ одной изъ слѣдующихъ статей. *Прим. автора.*

несмотря на всю первоначальную нестройность ихъ организаціи. П
ность соединительнаго начала, федераціи, союзности, общинности,
земской совѣщательности—провинціальныя общины выразили въ *вел*
всенародномъ земскомъ совѣтѣ московскомъ. Естественно, послѣдовате
изъ самой жизни и потребностей областныхъ общинъ, изъ ихъ сем
нихъ мѣстныхъ совѣтовъ о любви, совѣтѣ и соединеньи развивалась
организація и форма ихъ союзности. Прослѣдите переписку област
смутное время отъ первоначальной розни ихъ до такъ называема
актахъ *схода всѣхъ городовъ* подъ Москву: вы примѣтите послѣдовател
процессъ развитія общаго, всенароднаго земскаго совѣта изъ разрознен
мѣстныхъ, областныхъ земскихъ совѣтовъ, примѣтите жизненно-пр
ческій процессъ организаціи великаго земскаго собора 1613 года.
земскаго народосовѣтія постепенно расширялась посредствомъ взаим
договоровъ и взаимнаго соединенія, соглашенія разрознившихся мѣст
совѣтовъ. Изъ малыхъ круговъ мѣстныхъ совѣтовъ постепенно шир
увеличивалось пространство областнаго народнаго совѣта и въ о
предметовъ и въ степени общинной союзности, совѣщательности. Св
союзный духъ областныхъ общинъ комбинировалъ земскія, мѣстны
средствующія инстанціи всенароднаго совѣта, обобщая мѣстные общ
интересы. Потомъ, отъ мѣстныхъ, областныхъ, частныхъ интересовъ
областнаго народосовѣтія расширилась до взаимныхъ, общихъ интер
всѣхъ областныхъ общинъ, и, наконецъ, въ исходѣ 1612 года, возрас
интересовъ всенародныхъ, всерусскихъ, до выраженія земскаго еди
Такимъ образомъ, сначала каждая область, на своихъ мѣстныхъ сов
какъ мы видѣли, заботилась только о своихъ интересахъ, или, по
женію историческихъ актовъ, только *своихъ мѣстъ оберегала*. Потом
ластныя общины стали между собою совѣщаться, спрашивать одна др
«что ея мысль, какой ея совѣтъ, будетъ ли та или другая област
жать съ нею одинъ крѣпкій совѣтъ». Въ это время областнаго нар
вѣтія, мы видѣли, во-первыхъ, земскіе совѣты, исключительно мѣстны
предѣлахъ каждой области, производившіеся городскими и уѣздным
телями; во-вторыхъ, земскіе совѣты, составлявшіеся изъ выборныхъ,
лаемыхъ или вызываемыхъ одною областною общиною въ другую.
нецъ, результатомъ областныхъ общинныхъ совѣтовъ, результатомъ в
наго, постепеннаго соглашенія всѣхъ областныхъ общинъ между собою
въ любви, совѣтѣ и соединеньи—было сознаніе необходимости такъ х
теристично названнаго въ актахъ *схода всѣхъ городовъ, сбора всей земли*.
чательнымъ результатомъ, выводомъ мѣстныхъ земскихъ совѣтовъ и
схода городовъ подъ Москву—былъ *великій московскій земскій совѣтъ* 1613

Какъ ни смутно было бурное, хаотическое броженіе земскихъ эл
товъ народосовѣтія въ замутившихся и разрознившихся областяхъ,
въ этомъ хаосѣ, повторяемъ, нельзя не замѣтить естественнаго, инстин
наго стремленія областныхъ общинъ къ земскому народосовѣтію, н
не замѣтить естественной закладки, естественнаго самообразованія об
ныхъ земскихъ началъ народосовѣтія. Хоть и не стройна, груба была
низація, нескладна форма мѣстныхъ совѣтовъ и развившагося изъ

о федеративнаго земскаго совѣта, какъ и все въ древней Россіи, грубо; но эта организація мѣстнаго, областнаго и общаго, конфеденаго совѣта проистекала изъ духа народнаго, изъ естественной жизни ребностей областныхъ массъ народа. Она такъ была естественна, зала сама въ себѣ столько благоустроительной силы, что мирила, сола, уравновѣшивала самые нестройные, хаотическіе, разрозненные нты и силы областныхъ общинъ, останавливала ихъ взаимную борьбу, ряла порядокъ внутри области въ самое смутное время. Въ эпоху царствія, пока областныя общины еще не согласились всѣ избрать всею землею, въ нихъ господствовало полное самоуправленіе и самоельная общинно-административная распорядительность. Вся иниціавъ дѣлахъ и предпріятіяхъ земско-областныхъ, все обсужденіе мѣствопросовъ, интересовъ, способовъ и направленія областной дѣятельпринадлежала мѣстнымъ земскимъ совѣтамъ. Только въ вопросахъ, шихся всей русской земли, какъ вопросъ объ изгнаніи поляковъ и цевъ, или объ избраніи царя—въ такихъ вопросахъ распорядительная ь каждаго земско-областнаго совѣта основывалась на федеративномъ даніи съ другими областными общинами, взаимно согласившимися въ любви, совѣтѣ и соединеньи. Земскій совѣтъ поморской области имѣлъ самостоятельныя сношенія съ шведскимъ королемъ Карломъ IX, тоятельно и *единомышленно* рѣшилъ въ 1611 году не избирать на вскій престолъ шведскаго королевича, а избрать кого-нибудь изъ *жденныхъ* бояръ. Въ Новгородѣ, во время междуцарствія, земской сательности и мѣстнаго самоустройства, земское правительство самоельно заботилось о колонизаціи новгородской области, начертывало ы мѣстнымъ властямъ. Такъ, напримѣръ, въ 1612 году, правитель*новгородскаго государства*, въ наказѣ приказчику Нехорошему-Вельястаростамъ и цѣловальникамъ, предписывало: «На Олонцѣ и въ заоихъ погостахъ крестьянъ на пустыя выти называть и погосты пола буде которые крестьяне, отъ отцевъ дѣти и отъ братьи братья и ядь племянники и бобыли, и иные какіе вольные люди похотятъ пустые выти въ жило и на льготу: и Нехорошему тѣхъ людей на я выти, на пашню, въ жило и на льготу сажать, а льготу имъ дана годъ и на два, и на три, смотря по пустотѣ и по землѣ, и по о; брать на тѣхъ крестьянахъ въ дворовомъ поставленьи и въ земроспашкѣ крѣпкія поруки съ записьми; а старыхъ крестьянъ изъ погостовъ никуда не выпущать и возить ихъ никому не давать, а ударя (если онъ будетъ выбранъ) въ тѣ погосты крестьянъ ни изъ-за не возить же, опричь вольныхъ людей» и проч. Даже въ такія тныя общины, которыя представляли самую хаотическую, безсвязную націю разнородныхъ этнографическихъ элементовъ, въ такія общины, овершалась рознь и борьба племенныхъ интересовъ — мѣстные обые земскіе совѣты вносили нѣкоторыя начала общественнаго единпорядка. Вотъ, напримѣръ, казанская грамота къ пермичамъ, въ ой выражается дѣятельность или распорядительность разно-составказанскаго земскаго совѣта:

«Мы, всякіе люди, *вся земля казанскаго государства*, и князья, и м
и татары, и чуваши, и черемиса, и вотяки, сослалися съ Нижнимъ-Н
родомъ и со всѣми городами повольскими, и горными, и луговыми
рами, и съ луговою черемисою, *положили* на томъ, что намъ быть
въ совѣтѣ и въ соединеньи, и за московское, и за казанское государство с
и другъ друга не побивать и не грабить, дурна ни надъ кѣмъ не дѣлать
до вины дойдетъ, и ему указъ учинить съ приговору, смотря по ви
воеводъ, и дьяковъ, и головъ, и всякихъ приказныхъ людей въ гор
пущать, и прежнихъ не перемѣнять, быть всѣмъ попрежнему; и каз
въ городъ не пущать, и стоять на томъ крѣпко до тѣхъ мѣстъ, ког
дастъ Богъ на московское государство государя, а выбрать бы на
московское государство государя всею землею россійской державы,
казаки начнутъ выбирать государя по своему изволенью, не сосла
со всею землею, и намъ того государя на государство не хотѣть.
господа, ваша мысль, и что̀ у васъ какихъ вѣстей будетъ, изъ Новг
Великаго, и съ Вологды, и съ Устюга, или изъ иныхъ какихъ город
и вамъ бы насъ безъ вѣсти не держать, писать намъ о томъ поча
что̀ у насъ про московское государство какихъ вѣстей будетъ, и мы
будемъ къ вамъ писать потому же». Такъ и мурзы, и татары, и чер
и вотяки, и русскіе, всѣ, на казанскомъ земскомъ совѣтѣ уладились
собой и положили одни общія начала политическаго дѣйствованія.

Почему же, однако, областныя общины не удержали за собою
мѣстнаго народосовѣтія послѣ избранія царя, и не видно мѣстных
скихъ совѣтовъ послѣ 1613 года? Нельзя сказать рѣшительно, чтобъ
смутнаго времени въ областяхъ вовсе не было земскихъ совѣтовъ.
ихъ замѣтны почти до самаго XVIII-го вѣка. Всѣ эти многочисле
областныя челобитныя XVII-го вѣка, подававшіяся царямъ отъ имен
лыхъ областныхъ общинъ, *во всѣхъ мѣсто*, по обычному выраженію
то-есть отъ лица всѣхъ жителей области—всѣ эти областныя челоби
что̀ такое были, какъ не результаты и рѣшенія мѣстныхъ, облас
земскихъ совѣтовъ? Въ нихъ многозначительно выразились эле
областнаго народосовѣтія, принципы мѣстныхъ земскихъ совѣтовъ: э
подробно раскроемъ въ другой статьѣ. Потомъ, видимъ въ облас
общинахъ *мірскіе сходы*, распоряженія *всѣмъ міромъ*.

Иной вопросъ: почему областные земскіе совѣты, въ эпоху по
ческой самодѣятельности областныхъ общинъ, въ эпоху междуцарст
получили такой крѣпкой организаціи, такой прочной, опредѣленной ф
постоянной, юридической и административной институціи въ облас
чтобъ навсегда заявить право на свое земское значеніе и неприкос
ность, чтобъ потомъ государственная централизація не могла разру
ихъ формъ? Причина этому была не одна. Первая причина та, ч
областныхъ общинахъ не развито было юридическое сознаніе. Форма
скихъ совѣтовъ естественно вылилась, какъ мы сказали, изъ непо
ственно-натуральныхъ, инстинктивныхъ потребностей областной общи
жизни. Но, что вызываетъ, создаетъ естественная жизнь, исторія на
то требуетъ, по закону общественной цивилизаціи, осмысленія, разу

нательнаго, раціональнаго благоустройства, улучшенія, требуетъ гармо-
іеской, стройной, правильной организаціи. А въ нашихъ областныхъ
щинахъ XVII-го вѣка не было такого раціональнаго, юридическаго смысла,
та, сознанія, чтобъ данной непосредственною жизнію формѣ земскихъ
ѣтовъ дать стройную, прочную, раціонально-юридическую организацію
тоянной институціи... Русскіе люди первой половины XVII-го вѣка еще
знали началъ европейской, юридической жизни, руководились непо-
дственностью. Другая причина слабаго развитія областныхъ земскихъ
ѣтовъ и неустойки ихъ противъ централизаціонныхъ учрежденій заклю-
ась въ недостаткѣ нравственнаго единства между членами областныхъ
щинъ. Иностранцы Маржеретъ, Буссовъ, русскій писатель Палицынъ,
ы смутнаго времени и лѣтопись о мятежахъ изобразили намъ самыми
чными красками тотъ раздоръ, тѣ несогласія, ту страшную своекорыст-
ть и недовѣрчивость брата къ брату, какія господствовали въ велико-
скихъ общинахъ въ эпоху смутнаго времени. Недостатокъ союзнаго
а между членами областныхъ общинъ еще болѣе увеличился отъ того
ада и борьбы городского и сельскаго элемента, начавшихся со вре-
и присоединенія крестьянъ къ сельской землѣ, посадскихъ—къ посад-
й, отъ того хаотическаго смѣшенія и броженія народонаселенія, какое
изошло вслѣдствіе взаимнаго разлада и розни тяглыхъ и нетяглыхъ
щинъ, тяглыхъ и *избылыхъ* людей, вслѣдствіе неравенства правъ и со-
янія. Вся эта недостаточность общинной союзности и моральнаго един-
а между членами областныхъ общинъ, естественно, препятствовала пол-
у, цѣльному и гармоническому строю и развитію областныхъ земскихъ
ѣтовъ, даже разлагала ихъ въ самой основѣ. Наконецъ, нечего и гово-
ь о томъ, какъ мало гармонировала съ цѣльностью и стройностью
астныхъ земскихъ совѣтовъ безсвязная смѣсь и рознь этнографиче-
хъ, племенныхъ элементовъ, славяно-русскаго и инородческихъ, осо-
но въ южныхъ, восточныхъ и сѣверо-восточныхъ областныхъ общи-
ъ. Тутъ и племенной антагонизмъ вносилъ въ областные земскіе со-
ы начала несогласія, безсовѣтія—слѣдовательно, непрочность и разладъ.

Остается послѣдній вопросъ: почему и въ какомъ смыслѣ областныя
щины избрали царя, и избрали по совѣту всей земли на всенародномъ
скомъ соборѣ 1613 года? Во-первыхъ, потому же, почему не признали
емъ Шуйскаго. Областныя общины, какъ мы знаемъ уже изъ ихъ пе-
исокъ, не терпѣли никакихъ исключительныхъ, избирательныхъ правъ,
ѣпко держались начала всеобщаго земскаго выбора, всенародной воли.
инципъ выборнаго земскаго начала, принципъ *излюбленнаго* выбора, былъ
имъ священнымъ закономъ воли народной, что народъ простиралъ его
самого царя... Шуйскаго признали царемъ немногіе города, и всѣ прочія
астныя общины, недовольныя притомъ усиленіемъ при немъ власти
ръ, не цѣловали ему креста, отвергли его. Бояре, крамольничавшіе и
ждовавшіе между собой, во время междуцарствія, домогались захва-
ь въ свои руки верховную власть и раздѣлить Россію на удѣлы:
астныя общины, особенно нетерпѣвшія боярской олигархіи, возстали
тивъ ихъ исключительной притязательности, и въ областныхъ

перепискахъ своихъ о взаимномъ совѣтѣ писали: «а бояръ намъ не хот
противъ бояръ стоять намъ вмѣстѣ за-одинъ». Казаки покушались
ставить, въ свою пользу, своего самозванца-царя: областныя общины
стали и противъ казаковъ, и переписались между собой: «а буде кого
заки станутъ выбирать на московское государство, по своему изволе
не сославшись со всею землею, и того государя намъ не хотѣть». Д
по словамъ одного сыскного дѣла первой четверти XVII-го вѣка, м
воцаривались и большими деньгами подкупали народъ, чтобъ собрат
лоса о признаніи кого-либо изъ нихъ царемъ. И для устраненія этихъ
тязаній необходимо было избраніе царя всею землею, по совѣту всей зе
Наконецъ, юному государству русскому все-таки угрожала опасност
ваго распаденія на части. Не только инородческія провинціи, но и м
старыя области могли еще отпасть отъ общаго союза. Притомъ же
ляки, литовцы и шведы угрожали разорвать Россію на многія части.
это побуждало областныя общины, сильныя сознаніемъ любви, совѣ
соединенья, образовать прочный союзъ, или союзное государство, и
общаго посредничества и контроля избрать одного общаго царя. И в
на великомъ земскомъ совѣтѣ 1613 года избранъ былъ *всею землею*
Михаилъ Θедоровичъ — избранъ на полномъ земскомъ выборномъ пр
всего народа. Въ государственной книгѣ объ этомъ *земскомъ соборѣ*
таемъ: «Лѣта 1613, московскаго государства бояре, воеводы и всякихъ
новъ всякіе люди, которые въ то время были въ Москвѣ, писали во
города всего великаго россійскаго государства къ митрополитамъ, ар
пископамъ, епископамъ, архимандритамъ, игуменамъ и ко всему освящ
ному собору, и къ боярамъ, и къ воеводамъ, и къ дворянамъ, и къ
стямъ, и къ посадскимъ, и ко всякимъ служилымъ и жилецкимъ люд
чтобъ изо всѣхъ городовъ всего великаго россійскаго царства, изо всяк
чиновъ, послали въ Москву, для земскаго совѣта и для избранія госуд
лучшихъ и разумныхъ людей, и съ ихъ бы земскаго совѣта выбрать
сударя, кого Богъ дастъ, на владимірское, на московское и на новгор
ское государства и на Царства Казанское, Астраханское и Сибирск
на всѣ великія россійскія государства. И изъ всѣхъ городовъ всего в
каго россійскаго государства въ царствующій городъ Москву на сов
съѣхались власти и всякой іерейскій чинъ соборнѣ, и государскія д
цари и царевичи и мурзы разныхъ земель, которые служатъ въ мос
скомъ государствѣ, и бояре, и окольничіе, и дворяне, и дѣти боярск
гости, и всякіе служилые, и посадскіе, и уѣздные люди. И тѣ выбор
лучшіе люди къ Москвѣ съѣхалися, договорясь въ городахъ накрѣп
взявъ у всякихъ людей полныя грамоты». Выборные земскіе люди
знали необходимымъ избрать царя для поддержанія между областн
общинами федеративной связи или *любви, совѣта и соединенья*, на чем
рѣшено было на областныхъ земскихъ совѣтахъ, для устраненія искл
тельныхъ удѣльно-олигархическихъ притязаній боярства и военно-дем
тическихъ стремленій казачества, для сохраненія русской земли отъ
паденія на части. «Безъ государя (говорили выборные земскіе люди
сковскому государству быть не можно; безъ государя московское госу

во не строится и воровскими заводами на многія части распадается». збравъ царя, выборные земскіе люди дали ему *запись, какая уложена ла по совѣту всей земли.* Запись эта, по всей вѣроятности, опредѣляла амодержавіе и была обычная со временъ Грознаго до Алексѣя Михайлочча. Котошихинъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: «Вопросъ: для чего пиется *самодержецъ*? Отвѣтъ: какъ прежніе цари, послѣ царя Ивана Васильевича, обираны на царство: и на нихъ были иманы письма, чтобъ имъ ыть нежестокимъ и неопальчивымъ, безъ суда и безъ вины никого не азнить ни за что, и мыслить о всякихъ дѣлахъ съ боярами и съ думыми людьми собча, а безъ вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлать. А нынѣшняго царя (Алексѣя Михайловича) выбрали на царство, а письма онъ на себя не далъ никакого, что прежніе цари давывали, и не спрашивали, потому что разумѣли его гораздо тихимъ, и потому онъ высочайше пишется: *самодержцемъ*, и государство свое правитъ *по своей ли*; и съ кѣмъ похочетъ учинить войну и покой, и по миру что кому по ружбѣ отдать, или какую помочь чинить, или иныя всякія дѣла великія малыя похочетъ по своей мысли учинить, то съ боярами и съ думными одьми спрашивается о томъ мало; въ его волѣ, что хочетъ, то и можетъ дѣлать. А отецъ его, царь Михайло Ѳедоровичъ, хотя самодержцемъ исался, однако, безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлать ничего». И не олько безъ боярскаго совѣта, но и безъ земскаго собора, новоизбранный арь Михаилъ Ѳедоровичъ не могъ ни начать войны, ни назначить сбора ратныхъ людей, и т. п. Выборные земскіе люди, избравъ царя *всею млею, по совѣту всей земли,* удержали за народомъ право на земскіе соры и на общинно-областную челобитную гласность и представительность редъ правительствомъ. Великій земскій совѣтъ 1613 года удерживалъ за бою значеніе всенароднаго земскаго правительства около четырехъ съ оловиною мѣсяцевъ, пользовался полною государственно-распорядительною ластью съ февраля до половины іюня...

О земскихъ соборахъ и объ общинныхъ или земскихъ областныхъ чебитныхъ XVII-го вѣка скажемъ въ слѣдующихъ статьяхъ.

Земскіе соборы въ XVII столѣтіи

Соборъ 1642 года*)

Въ смутное время областныя общины наши выразили три вел
принципа областной народной жизни. Во-первыхъ, выразили при
федеративной союзности: по собственному ихъ выраженію онѣ зах
быть между собою *въ любви, въ совѣтѣ и въ соединеньи*. Во-вторыхъ, обла
общины выразили во время своей розни принципъ мѣстной областн
вѣщательности. Это начало проявилось въ *областныхъ земскихъ сов*
какіе составлялись тогда въ главныхъ областныхъ городахъ изъ
скихъ и уѣздныхъ жителей, изъ городовыхъ и волостныхъ сходовъ
конецъ,—народъ нашъ въ смутное время выразилъ, хотя инстинк
потребность всеобщаго, земскаго *народосовѣтія* черезъ *выборныхъ до*
лучшихъ и разумныхъ людей, потребность *земскихъ соборовъ*. Результ
областныхъ, мѣстныхъ земскихъ совѣтовъ, результатомъ совѣщател
рѣшенія областныхъ общинъ быть между собою въ любви, въ совѣт
соединеньи—былъ великій московскій земскій соборъ 1613 года, кото
кончается рознь областей въ смутное время. Царь избранъ былъ по
ничительной *записи, какова была по совѣту всей земли*, блюстителемъ
ныхъ правъ и интересовъ всѣхъ вообще областныхъ общинъ Вѣрныя
земской думѣ, областныя общины начали, послѣ смутнаго времен
своимъ принципамъ, новую государственно-союзную жизнь. Не пре
федеративной связи, онѣ смѣло заявляли, во-первыхъ, свое право
ственнаго земскаго народосовѣтія и областной челобитной гласности
вторыхъ, избранному всею землею царю предлежало думать о народ
земско-областныхъ дѣлахъ и интересахъ, не только съ боярами и съ
ными людьми, но и созывать земскіе соборы, созывать выборныхъ
всѣхъ областныхъ общинъ и изъ всѣхъ чиновъ, какіе въ то время

Великій московскій земскій совѣтъ 1613 года удерживалъ за
значеніе всенароднаго земскаго правительства около 4-хъ съ полов
мѣсяцевъ, пользовался полною государственно-распорядительною вл
съ февраля до половины іюня. Послѣ него, еще не разъ собирались

---

*) Напечатано въ газетѣ „Вѣкъ" за 1862 г. въ № 11 (цензурное дозволен
18 марта того же года; редакторъ-издатель Г. З. Елисеевъ).

соборы. По изданному собранію государственныхъ грамотъ и догово-
ъ, хранящихся въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ,—намъ
ѣстны 6 земскихъ соборовъ, изъ которыхъ 4 были въ царствованіе
хаила Ѳедоровича и 2 въ царствованіе Алексѣя Михайловича. 4 зем-
хъ собора созваны были по дѣламъ военнымъ и дипломатическимъ,
сключительно по дѣламъ земскаго устройства. Я считаю лишнимъ го-
ить подробно о каждомъ изъ этихъ соборовъ, а обращу вниманіе чита-
ей только на важнѣйшіе изъ нихъ. Сначала нужно раскрыть общую
анизацію земскихъ соборовъ XVII вѣка.

Московскіе земскіе соборы созывались обыкновенно или по личному
зу царя, или вслѣдствіе предварительнаго совѣта его съ духовными и
тскими чинами московскими, съ патріархомъ, съ низшимъ духовен-
омъ, съ боярами всѣхъ степеней, съ гостями и черными людьми мо-
вскими. Въ первомъ случаѣ иниціатива и форма выборной организаці
ского собора въ актахъ выражалась такимъ образомъ: «и государь, царь
еликій князь всея Русіи *указалъ быть собору*, а на соборѣ быть па-
рху, митрополиту такому-то, архимандритамъ, игуменамъ и всему свя-
ному собору, и боярамъ, и окольничимъ, и думнымъ людямъ, и столь-
амъ, и стряпчимъ, и дворянамъ, и дьякамъ, и головамъ и сотникамъ
ѣлецкимъ, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ *изъ городовъ*, и гостямъ, и
тиныя и суконныя сотни и черныхъ сотенъ торговымъ и *всякимъ* слу-
ымъ и жилецкимъ людямъ, и сказать всякимъ людямъ, для чего со-
ается соборъ: и они бы выбрали изъ всякихъ чиновъ, изъ лучшихъ,
середнихъ и изъ молодчихъ людей, добрыхъ и умныхъ людей, съ кѣмъ
омъ дѣлѣ (предметѣ совѣщанія) говорить; а кого выберутъ, тѣхъ людей
исать имена». Такъ составлялся земскій соборъ по царскому указу. Но
ъ случай въ началѣ царствованія Михаила, что и самый земскій со-
ъ созывался не по личному указу царя, а по предварительному совѣту
скихъ людей московскихъ—духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ. Это было
орѣ послѣ смутнаго времени, спустя 5 лѣтъ послѣ великаго москов-
го земскаго совѣта 1613 года. Печально было тогда состояніе народа.
смутное время онъ чрезвычайно разорился и обѣднѣлъ, частію отъ
стошительныхъ грабежей казачьихъ, польскихъ и литовскихъ, частью
внутреннихъ междуусобій, частію отъ большихъ поборовъ на общее
ское дѣло—на очищеніе московскаго государства отъ враговъ. Вслѣд-
е крайняго обѣднѣнія, народъ уклонялся отъ государственныхъ побо-
ъ; для избѣжанія податей многіе посадскіе и уѣздные люди *закладыва-*
въ закладчики за бояръ и за всякихъ людей. Къ царю слались ото-
ду изъ областей челобитныя, отъ цѣлыхъ областныхъ общинъ и отъ
тныхъ лицъ, то съ жалобою на писцовъ, на неравномѣрную роспись и
ладку податей, то съ жалобой на обиды и насильства со стороны
ъ, то съ просьбой льготъ. И вотъ, вслѣдствіе такого бѣдственнаго по-
енія народа, въ 1619 году составленъ былъ въ присутствіи царя со-
ъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ. Собраны были бояре и духовные
овскіе. На этомъ московскомъ думномъ совѣтѣ говорено было *о зем-*
ъ устроеніи и о многихъ статьяхъ, чтобъ въ государствѣ многія статьи

поправить къ покою и строенью людямъ. Но частный соборъ, изъ од
московскихъ духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ, не могъ дознать и обсу
всѣ интересы и нужды земскихъ и областныхъ общинъ. Интересы и
бованія земско-областныхъ общинъ и частныхъ лицъ такъ были много
ленны, разнообразны и многосложны, что нуженъ былъ непремѣнно
скій соборъ, для обсужденія опредѣленій частнаго московскаго совѣта
сударя съ духовенствомъ и боярами. И въ началѣ іюля 1619 года
слана была царская окружная грамота по всѣмъ областямъ о прис
въ Москву *выборныхъ*, для совѣта и составленія вновь окладныхъ кн
уравненія податей и повинностей, съ отчетомъ объ опредѣленіяхъ мо
скаго государева совѣта съ духовенствомъ и боярами. Вотъ, напр., окру
грамота, какая послана была 5 іюля въ Новгородъ, о присылкѣ въ М
выборныхъ на земскій совѣтъ. «Судьбами Божіими, а за грѣхъ всего
вославнаго крестьянства, московское государство разорилось и запус
а подати всякія и подмоги ямскимъ охотникамъ берутъ съ однихъ
писцовымъ книгамъ: однимъ тяжело, а другимъ легко; а дозорщики
торые послѣ московскаго разоренія посланы были по городамъ, доз
и писали по дружбѣ за иными легко, а за иными, по недружбѣ, тя
и отъ того московскаго государства всякимъ людямъ скорбь конечн
изъ замосковныхъ и изъ украинныхъ городовъ посадскіе многіе
льготя себѣ, чтобъ имъ въ городахъ податей никакихъ не платить,
хали въ Москву, живутъ на Москвѣ и по городамъ у племени и у д
а по городамъ, гдѣ кто жилъ напередъ сего, ѣхать не хотятъ; а изъ
украинныхъ и разоренныхъ городовъ посадскіе и всякіе люди бьют
ломъ о льготѣ, чтобъ имъ, для разоренья, во всякихъ податѣхъ
льготы, а иные посадскіе и уѣздные люди заложились въ закладчи
бояръ и за всякихъ людей, а податей никакихъ съ своею братьею,
садскими и уѣздными людьми, не платятъ, а живутъ себѣ въ по
иные многіе люди намъ бьютъ челомъ, на бояръ и всякихъ чиновъ
въ насильствѣ и въ обидахъ, чтобъ ихъ пожаловали велѣти отъ сил
людей оборонить. И мы, великій государь, царь и великій князь М
Ѳедоровичъ всея Русіи, съ отцомъ своимъ и богомольцемъ, святѣйши
тріархомъ Филаретомъ Никитичемъ московскимъ и всея Русіи, и
трополиты, и съ архіепископы, и съ епископы, и со всѣмъ освящен
соборомъ, и съ бояры, и съ окольничими, и съ думными людьми
всѣми людьми московскаго государства, учиня соборъ, о всѣхъ ст
говорили, какъ бы то исправить и землю устроить? И усовѣт
мы, великій государь, съ отцемъ нашимъ и съ богомольцемъ
тѣйшимъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ московскимъ
Русіи, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры, и съ
ничими и со всѣми людьми московскаго государства, приговорил
городовъ изо всѣхъ, вѣдомости и устроенья, указали есмя
къ Москвѣ, выбравъ изъ всякаго города изъ духовныхъ людей п
вѣку, да изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ по два человѣка, добр
разумныхъ, да по два человѣка посадскихъ людей, которые бы
разсказать обиды, и насильства, и разоренье, и чѣмъ московскому

тву полниться и ратныхъ людей пожаловать, и устроить бы москов- государство, чтобъ пришло все въ достоинство. И какъ къ вамъ ся грамота придетъ, и вы-бъ велѣли быти въ соборной церкви Софіи удрости Божіей архимандритамъ, и игуменамъ и всему освященному у, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и гостямъ, и посадскимъ, и нымъ, и всякимъ людямъ новгородскаго государства; а какъ сойдутся, -бъ сю нашу грамоту велѣли прочесть всѣмъ людямъ вслухъ; а про- и сю нашу грамоту, велѣли-бъ естя духовнымъ людямъ, и дворянамъ, тямъ боярскимъ, и посадскимъ и всякимъ людямъ выбрати изъ всѣхъ въ людей добрыхъ и разумныхъ, изъ духовнаго чину человѣка или ъ, а изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ, изъ пятины по два человѣка, ъ гостей и изъ посадскихъ людей по два человѣка, и выборные на списки дали за руками, и отпустили-бъ ихъ къ намъ къ Москвѣ, ъ намъ и отцу нашему и богомольцу Филарету Никитичу, Божіею стію патріарху московскому и всея Русіи, всякія ихъ нужи, и тѣсно- разоренья, и всякіе недостатки были вѣдомы: а мы, великій госу- съ отцемъ своимъ и богомольцемъ, святѣйшимъ патріархомъ съ Фи- омъ Никитичемъ московскимъ и всея Русіи совѣтовавъ, по ихъ че- тью, прося у Бога милости, учнемъ о московскомъ государствѣ промыш- , чтобъ во всемъ поправити, какъ лучше.

А выборныхъ бы естя людей, которыхъ выберутъ, отпустили-бъ къ намъ Москвѣ не мѣшкая, чтобъ намъ и отцу нашему и богомольцу о всемъ ородскомъ разореньи было вѣдомо, и выслушавъ отъ нихъ челобитья, и-бъ есмя, прося у Бога милости, говорити и промышляти объ нихъ сему добру, чтобъ всѣ люди нашего государства, по Божіей милости шимъ царскимъ призрѣніемъ, жили въ покоѣ и въ радости».

Такимъ образомъ, по личному ли царскому указу, или по предвари- юму совѣту царя съ московскимъ духовенствомъ, съ боярами и дум- и людьми, окружными грамотами вызывались изъ всѣхъ областей въ ву выборные, добрые и разумные люди изъ всѣхъ чиновъ, по чело- , по два и болѣе изъ каждаго чина.

Число выборныхъ на земскихъ соборахъ было неопредѣленное и неодина- е. Напримѣръ, на земскомъ соборѣ 1642 года всѣхъ выборныхъ было 182 че- въ томъ числѣ стольниковъ 10, дворянъ 22, 4 стрѣлецкихъ головы, 12 жиль- , 115 дворянъ и дѣтей боярскихъ, выборныхъ изъ 42 областныхъ го- въ, и, наконецъ, 29 торговыхъ людей. А на Земскомъ Соборѣ 1648 года, нномъ по поводу изданія уложенія, выборныхъ всѣхъ чиновъ, прило- ихъ руки за себя и за другихъ, было до 315 человѣкъ. Когда област- выборные, земскіе представители съѣзжались въ Москву, тогда откры- и земскій соборъ, или въ золотой большой грановитой палатѣ, или головой избѣ, или въ отвѣтной палатѣ, или въ другой какой-нибудь ной царской палатѣ. Засѣданіе открывалось иногда рѣчью самого о предметѣ земскаго соборнаго народосовѣтія; или же думный дьякъ атникъ говорилъ или читалъ за царя рѣчь о предметѣ земско-собор- сужденія. Это было нѣчто въ родѣ тронной рѣчи. Списокъ съ нея вался выборнымъ людямъ всякихъ чиновъ при боярахъ, для подлин-

наго вѣдома и, вѣроятно, для предварительнаго обсужденія. Затѣмъ, по порядку чиновъ, говорили на Соборѣ земскіе выборные, излагали свои мнѣнія. Выборные земскіе люди одного чина или разряда, согласясь между собой предварительно, высказывали свои мнѣнія или требованія, сообразно съ своими интересами, всѣ сообща, общимъ голосомъ, черезъ одного какого-нибудь выборнаго гласнаго, заключая свою рѣчь обыкновенно такими словами: «то наша, разныхъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, мысль и сказка»; или: «то за нами гостишками и гостиной и суконной сотенъ людишекъ рѣчи», и т. п. У каждаго чина или однороднаго класса выборныхъ былъ дьякъ, и записывалъ ихъ мнѣнія, сказки, мысли и рѣчи. Иногда, одинъ членъ какого-либо разряда или чина выборныхъ, не довольствуясь объясненіемъ своей братіи, самъ отъ себя говорилъ исправительную или дополнительную рѣчь,—и его сказка принималась къ свѣдѣнію и записывалась. Изъ всѣхъ мнѣній, высказанныхъ разными земско-соборными выборными отъ общинъ, выводился общій результатъ, принималось общее рѣшеніе, заключеніе земскаго собора.—Такова общая формальная организація и значеніе земскихъ соборовъ XVII вѣка.

Такимъ образомъ мы видимъ, что земскіе соборы XVII в. созывались, хотя и по указу царя или по призыву частнаго московскаго собора, но, въ то же время, и вслѣдствіе мѣстнаго, самостоятельнаго рѣшенія *областныхъ земскихъ сходовъ, или совѣтовъ*. Выборные на московскіе земскіе соборы выбирались на мѣстахъ областными земскими совѣтами. «И какъ къ вамъ ся наша грамота (о выборныхъ на земскій соборъ) придетъ,—пишетъ царь въ окружной грамотѣ о присылкѣ выборныхъ въ Москву, — и вы-бъ велѣли быть въ *Соборной* церкви Софіи архимандритамъ, игуменамъ и всему священному Собору, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и гостямъ, и *посадскимъ, и уѣзднымъ* и всякимъ людямъ *Новгородскаго государства*, а какъ сойдутся,—и вы-бъ, прочетши сію грамоту всѣмъ людямъ въ слухъ, велѣли-бъ духовнымъ людямъ, и дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, и посадскимъ, и всякимъ людямъ выбрать изъ всѣхъ чиновъ людей добрыхъ и разумныхъ», и проч. Пусть эти областные земскіе совѣты, или сходы, и обще-союзные московскіе земскіе соборы были грубы, какъ всякое установленіе, непосредственно-натурально развивающееся изъ жизни народной. Но они были созданы жизнію самаго народа. Они требовали свободнаго развитія, просвѣщенно-юридическаго осмысленія, облагороженія, усовершенствованія.

И въ формахъ XVII столѣтія, земскіе соборы были вовсе не такъ грубы, какъ можно представить съ современной точки зрѣнія. Только мужиковаты были рѣчи, не имѣли современнаго образованнаго литературнаго колорита, но зато онѣ были кратки, точны, полномысленны и полножизненны. Здѣсь важенъ не столько принципъ земскихъ соборовъ, а эта живая, откровенная, правдивая выразительность и требовательность практическаго смысла и сознанія народнаго. Даже въ такой вѣкъ, какъ вѣкъ XVII, вѣкъ грубаго невѣжества и суевѣрія, народъ нашъ, наши земско-областныя общины практически способны были давать самые разумные и жизненно практическіе совѣты. Какъ практиче-

кій духъ народа, на основаніи земскаго устройства областныхъ общинъ, а основаніи многовѣковаго опыта жизненной исторической практики, самъ обой создалъ принципъ земскаго народосовѣтія и выразилъ его въ формахъ областныхъ земскихъ совѣтовъ и московскихъ земскихъ соборовъ,—акъ этотъ же практическій смыслъ народа заключалъ въ себѣ природную пособность къ земскому народосовѣтію. Вспомнимъ, напр., какъ высказывали правду земскіе люди, представители областей и разныхъ чиновъ, а Азовскомъ соборѣ 1642 года, и какіе умные давали совѣты. Дворяне дѣти боярскіе, собранные изъ 16 городовъ говорили: «Твои государевы ьяки и подъячіе пожалованы твоимъ государскимъ денежнымъ жалованьемъ, помѣстьями, и вотчинами, и будучи безпрестанно у твоихъ государевыхъ ѣлъ и обогатѣвъ многимъ богатствомъ, неправеднымъ своимъ мздоимтвомъ, покупили многія вотчины и построили себѣ много домовъ, палаты аменныя такія, что неудобосказаемыя; при прежнихъ государяхъ и у еликородныхъ людей такихъ домовъ не бывало, кому было и достойно ъ такихъ домахъ жить: вели, государь, съ ихъ вотчинъ и помѣстій взять атныхъ конныхъ и пѣшихъ людей, а противъ ихъ домовъ и пожитковъ, ели съ нихъ взять денегъ ратныхъ своимъ государевымъ людямъ на жаованье... А которые, государь, наша братія, не хотя тебѣ, государю, лужить, отбываючи твоей государевой службы, писались по московскому писку и въ иные твои государевы чины, и будучи въ твоихъ государеыхъ городахъ, у твоихъ государевыхъ дѣлъ, отяжелѣли и обогатѣли ольшимъ богатствомъ, а иные твоимъ государевымъ жалованьемъ, помѣтьями и вотчинами большими, и на то богатство накупили многія вотины: вели, государь, съ тѣхъ ихъ помѣстій и вотчинъ взять даточныхъ онныхъ и пѣшихъ людей; а съ ихъ пожитковъ вели, государь, обложить хъ деньгами на жалованье ратнымъ людямъ. А дворовые твои государевы всякихъ чиновъ люди у тебя, государь, пожалованы помѣстьями вотчинами, да имъ же ежегодное твое государево денежное жалованье, а они же бываютъ черезъ годъ и черезъ два на приказахъ въ твоихъ осударевыхъ дворцовыхъ великихъ селахъ, и наживаютъ большіе пожитки, твоей государевой полковой службы не служатъ; а коли они бываютъ на Москвѣ, то бываютъ у твоихъ же государевыхъ дѣлъ, и тѣхъ своихъ ожитковъ нигдѣ не проживаютъ: вели, государь, и съ нихъ въ счетъ даточыхъ конныхъ и пѣшихъ людей, и съ ихъ помѣстьевъ вели, государь, взять енегъ въ твою государеву казну.... А буде тебѣ, государь, казны надобно удетъ скоро, сверхъ твоей государевой казны и того сбора, вели, государь, взять патріархову казну и у митрополитовъ, и у архіепископовъ, и епископовъ, въ монастыряхъ *лежачую домовую казну*, для такой же скорой твоей государевой лужбы». Наконецъ, дворяне и дѣти боярскіе совѣтовали царю счесть приказыхъ людей, дьяковъ, подьячихъ и таможенныхъ чиновъ, по приходнымъ книамъ, чтобъ государева казна безъ вѣдомости не терялась, и представить боръ государевой казны гостямъ и земскимъ людямъ. Еще прямѣе высказывали свои мысли, и даже рѣшительно протестовали противъ ратныхъ овинностей и противъ воеводскаго управленія, «гости и гостиной и суконной сотенъ торговые люди». «Объ устройствѣ ратныхъ людей,—говорили

они,—и о записяхъ, о томъ, какъ тебя, государь, Богъ извѣститъ; а то дѣло служивыхъ людей, за которыми твое государево жалованье, вотчины многія и помѣстья есть; а мы, холопы твои, гостишки и гостиныя и суконныя сотни торговые людишки городовые, питаемся въ городахъ своими промыслишками, а помѣстій и вотчинъ за нами нѣтъ никакихъ, а службы твои государевы служимъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ всякой годъ, безпрестанно, и отъ тѣхъ твоихъ государевыхъ безпрестанныхъ службъ и отъ пятинной деньги, что мы, холопы твои, давали тебѣ, государю, въ смоленскую службу, ратнымъ и всякимъ служилымъ людямъ на подмогу, многіе люди оскудѣли и обнищали до конца. А будучи мы, холопы твои, на твоихъ государевыхъ службахъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, сбираемъ твою государеву казну, за крестнымъ цѣлованьемъ, съ великою прибылью; гдѣ сбирались при прежнихъ государяхъ и при тебѣ, государь, въ прежніе годы сотъ по пяти и по шести, а нынѣ, государь, сбирается съ насъ и со всей земли нами же, холопами твоими, тысячъ по пяти и по шести и больше; а торжишки, государь, у насъ, холопей твоихъ, противъ прежнихъ годовъ стали гораздо хуже... А въ городахъ всякіе люди обнищали и оскудѣли до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ, а торговые людишки, которые ѣздятъ по городамъ для своего торговаго промыслишка, отъ ихъ же воеводскаго задержанья и насильства въ проѣздахъ торговъ своихъ отбыли. А при прежнихъ государяхъ, въ городахъ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди судилися сами промежъ себя, а воеводъ въ городахъ не было». Наконецъ, сотскіе и старосты черныхъ сотенъ и слободъ, и всѣ тяглые люди говорили на земскомъ соборѣ: «что касается до устройства ратныхъ людей и до запасовъ, о томъ, какъ тебя, государь, Богъ извѣститъ: а мы, сироты твои, черныхъ сотенъ и слободъ сотскіе и старостишки, и всѣ тяглые люди, нынѣ, по грѣхамъ своимъ, оскудѣли и обнищали отъ большихъ пожаровъ, отъ пятинныхъ денегъ и отъ даточныхъ людей, отъ подводъ, что мы, сироты твои, давали тебѣ, государю, въ смоленскую службу, и отъ поворотныхъ денегъ, и отъ городоваго земляного дѣла, и отъ твоихъ государевыхъ великихъ податей, и отъ многихъ цѣловальничьихъ службъ, которыя мы, сироты твои, въ твоихъ государевыхъ ратныхъ службахъ въ Москвѣ служили съ гостями и опричь гостей; а служитъ съ насъ, сиротъ твоихъ, въ государевыхъ разныхъ приказахъ всякій годъ по 145 человѣкъ цѣловальниковъ, да съ насъ же, сиротъ твоихъ, стоятъ на земскомъ дворѣ безпрестанно и безъ съѣзду 75 человѣкъ, ярыжныхъ, да извощики съ лошадьми, для ради грѣховнаго пожарнаго времени, и платимъ тѣмъ цѣловальникамъ, ярыжнымъ и извощикамъ ежемѣсячно кормовыя подможныя деньги большія, и отъ той большой бѣдности многіе тяглые людишки изъ сотенъ и изъ слободъ разбрелись розно и дворишки свои бросаютъ».

Вотъ какъ выражался духъ народный на земскихъ соборахъ. Лицемъ къ лицу передъ единодержавіемъ, народъ являлся двоедушнымъ двусмысленнымъ, а въ сущности и тутъ оказывался онъ по натурѣ вѣрнымъ самому себѣ, демократомъ. Земскіе люди униженно называютъ себя холопами царя, людишками, гостишками, и т. п.; свои страдальческія занятія

вают промыслишками, торжишками и т. п.; то и дѣло повторяють
воей рѣчи, чуть не за каждымъ словомъ: «государь, твои государевы
ы» и проч. А въ то же время напрямикъ отказываются служить
амъ и запросамъ государевой казны, въ ущербъ своихъ нуждъ и
есовъ, хотя на словахъ и выражаютъ свою готовность сослужить
бу царскую. О службѣ царской народъ говоритъ государю: «о томъ,
тебя, государя, Богъ извѣститъ; а мы не можемъ, обнищали и оску-
отъ убыли своихъ промыслишковъ и торжишковъ, отъ твоихъ
аревыхъ воеводъ, и хотимъ брести врознь». Контрастъ этотъ ясно
ваетъ, что духомъ народнымъ руководили не отвлеченность, а жизнь
ктика. Выводы, начала, мысли, высказанные земскими выборными
овскомъ соборѣ, были выводами, началами народными, жизненными.
ставители земства, во-первыхъ, совершенно основательно, по вну-
опыта, требовали справедливаго равенства въ раскладкѣ зем-
податей и повинностей, требовали писцовой поземельной си-
государственныхъ поборовъ, и экономической отчетливости въ
ряженіи народными доходами для нуждъ государства, совѣтовали
ить земскій, народный контроль надъ казенными сборами, контроль
кихъ людей добрыхъ, выборныхъ изо всѣхъ чиновъ человѣка по два
три, требовали, «чтобъ и неслуживые съ неслуживыми въ *равенствѣ*
, никто-бъ въ избылыхъ не былъ». Ни дьяки, построившіе на счетъ
а такія каменныя палаты, что неудобьсказаемыя,—накупившіе на
и богатѣйшія вотчины, да кромѣ того еще отъ царя пожалованные
инами и помѣстьями, ни патріархи, митрополиты, архіепископы и
стыри—съ ихъ *лежачей домовой казной*, ни *отяжелѣвшіе* богачи — вот-
ики, ни *дворовые царскіе* вотчинники;—никто, по мыслямъ народныхъ
рныхъ, не долженъ уклоняться отъ земскихъ податей и повинностей,
щербъ бѣднымъ тяглымъ людямъ, въ ущербъ торговымъ и промыш-
ымъ классамъ народа—самымъ главнымъ производительнымъ силамъ
арства. Гости и гостиной и суконной сотенъ торговые люди жизненно
увствовали, на опытѣ дознали, какъ вредно въ дѣлѣ свободной на-
ой промышленности и торговли вмѣшательство, опека и контроль
азнаго начальства, воеводъ,—и потому такъ рѣшительно протестовали
ивъ воеводскаго управленія, противъ уничтоженія стариннаго посад-
самоуправленія и самосуда. Наконецъ — люди черныхъ сотенъ и
дъ и всѣ тяглые люди сильно и громко протестовали противъ много-
енности и обременительности податей и повинностей, жаловались на
обнищаніе и оскудѣніе отъ податей и повинностей, говоря, что они
едутся врознь.

Земскій соборъ 1648—1649

и собраніе депутатовъ 1767 годовъ [1])

I

Извѣстно, что до московской централизаціи, въ эпоху земской
бытности областей, не было общаго положительнаго законодатель
только выработывались изъ жизни народной, земско-областной и и
предавались письмени мѣстные юридическіе обычаи. Въ общинны
родоправныхъ *черныхъ* волостяхъ выработывались изъ жизни кресть
мірской, неписанныя, но обычныя мірскія постановленія, или, такъ
ваемыя въ актахъ, *мірскія уложенія* (А. Юр. № 358). Въ вотчинных
стяхъ требовались волостными крестьянами и, по ихъ челобитью, с
разсуженья, составлялись вотчинныя *уставныя грамоты* (А. Э. 1,
258 и др.). Въ цѣлыхъ областяхъ выработывались земскою, мірскою ж
или съ конца XIV вѣка выдавались иногда князьями областныя *ус*
грамоты. Таковы, напримѣръ, псковская судная грамота, двинская
ная грамата. Принципъ мѣстной областной уставности, мѣстнаго
ческаго самоустройства такъ былъ обыченъ въ областныхъ общ
особенно въ сѣверныхъ, древне-новгородскихъ, что многія изъ них
примѣръ, важская земля, двинская земля, устьянскія волости, какъ
тели наши знаютъ уже, во второй половинѣ XVI вѣка вытебовал
мѣстныя уставныя граматы на право излюбленнаго самоуправленія
мосуда. Царь Грозный далъ имъ эти уставныя граматы не по своей
а по ихъ челобитью и сильной протестаціи противъ царскихъ намѣ
ковъ и волостелей. Въ самыхъ граматахъ царь только утвердилъ тѣ
начала излюбленнаго, общинно-выборнаго самоуправленія и самосуда,
опредѣлены были самими областными общинами. Дальнѣйшее ра
этихъ общихъ началъ, примѣненіе ихъ къ мѣстному теченію
предоставлено было самимъ областнымъ общинамъ, предоставлено
имъ самимъ управляться такъ, *чтобъ управа люба была всей ихъ зем*

---

1) Напечатано въ журналѣ „Отечественныя записки" за 1862 г., № 11, стр
(цензурное дозволеніе на выпускъ въ свѣтъ означенной книжки отъ 28 ноябр
же года; редакторы-издатели А. Краевскій и С. Дудышкинъ).

Но съ XVI вѣка все это были уже исключенія. Съ прекращеніемъ ской особности, самобытности областей, прекратилось и развитіе об- тной, мѣстной уставности. Только разнообразная мѣстная жизнь народ- , попрежнему, хранила и вновь выработывала свои юридическіе обычаи, получавшіе письменной опредѣленности и государственнаго значенія и ерждения. Съ тѣхъ поръ, какъ московское государство централизовало областныя общины, съ тѣхъ поръ начала развиваться юридическая трализація, систематическое обобщеніе юридическихъ началъ земско- астной жизни. Эта систематизація мѣстныхъ, земско-областныхъ, юри- ескихъ принциповъ — правъ и обязанностей выразилась въ развитіи онодательной кодификаціи. Уже при царѣ Иванѣ III, когда такъ-на- аемое *собираніе русской земли* совершилось почти окончательно, соста- нъ былъ первый судебникъ, сводъ частію мѣстныхъ областныхъ устав- ъ грамать, частію новыхъ царскихъ грамать и указовъ. При Иванѣ зномъ составленъ былъ второй судебникъ, на основаніи перваго, съ совокупленіемъ вновь изданныхъ царскихъ указовъ и грамать, съ со- аженіемъ новыхъ опытовъ и данныхъ народной земско-областной жизни развивавшемся государственномъ союзѣ. Въ первой половинѣ XVII а, сообразно съ новыми данными народной жизни и съ накопивши- я вновь указами и граматами, составлены были дополнительныя статьи судебнику. Царствованіе Михаила Ѳедоровича особенно обильно было скими граматами и указами; потому что областныя общины, согла- шись, послѣ розни своей въ смутное время, быть между собой въ любви, совѣтѣ и въ соединеньи по праву общинно-областной челобитной пред- вительности и гласности, не давали новоизбранному всею землею царю оя своими безпрестанными земско-общинными челобитными. Вслѣдствіе ъ народныхъ челобитныхъ, царскихъ указовъ и грамать еще больше пилось. Нужно было свести ихъ въ одну книгу, и обобщить юриди- ія начала народной земско-областной жизни согласно съ государ- нной централизаціей. И вотъ 16 іюля 1848 года, по указу царя Алексѣя айловича, созванъ былъ сначала соборъ изъ однихъ московскихъ ду- ыхъ и свѣтскихъ чиновъ. По приговору этого частнаго собора, рѣ- было собрать всѣ прежніе царскіе указы и боярскіе приговоры, а стающія статьи вновь составить. Далѣе, ужъ не этотъ частный со- , а самъ царь указалъ, кому заняться этимъ сводомъ прежнихъ за- въ и составленіемъ новыхъ. Дѣло поручено было пяти членамъ цар- о бюрократическаго правительства. Въ подлинной выпискѣ о бывшемъ Іосквѣ, по указу царя Алексѣя, соборѣ духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ сочиненія новаго собранія законовъ, сказано такъ:

«Въ лѣто 1648, іюля 16 дня государь, царь и великій князь Алексѣй айловичъ всея Русіи самодержецъ, совѣтовалъ съ отцемъ своимъ и мольцемъ, святѣйшимъ Іосифомъ, патріархомъ московскимъ и всея и, и съ митрополитами и съ архіепископами, и съ епископами и со- ъ освященнымъ соборомъ, и говорилъ съ своими государевыми боя- , и съ окольничими и съ думными людьми: которыя статьи написаны равилахъ св. апостолъ и св. отецъ, и въ градскихъ законахъ грече-

скихъ царей, а пристойны эти статьи къ государственнымъ и къ земскимъ дѣламъ, и тѣ бы статьи выписали, и чтобъ прежнихъ великихъ княз[ей] россійскихъ, и отца его государева блаженныя памяти, великаго государ[я] царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея Русіи указы и боярскіе приговоры *на всякія государственныя* и на *земскія* дѣла собрать, и тѣ государскіе указы и боярскіе приговоры *со* старыми судебниками справит[ь], а на которыя статьи въ прошлыхъ годахъ, въ судебникахъ прежних[ъ] государей указа не положено и боярскихъ приговоровъ на тѣ статьи не было, и тѣ *бы* статьи потому же написать и изложить по *его государеву* указу, *общим[ъ] совѣтомъ*, чтобъ московскаго государева всякихъ чиновъ людямъ, отъ большаго и до меньшаго чина, судъ и расправа были во всякихъ дѣлахъ всѣмъ ровно. И указомъ государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича все[я] Русіи, то все собрать и въ докладъ написать боярамъ князю Никит[ѣ] Ивановичу Одоевскому, да князю Семену Васильевичу Прозоровскому, д[а] окольничему князю Феодору Феодоровичу Волконскому, да дьякамъ Гаврил[ѣ] Леонтьеву, да Феодору Грибоѣдову». Замѣчательно, что въ этомъ акт[ѣ] дѣла дѣлятся на *государственныя* и на *земскія*. Подъ государственным[и] дѣлами разумѣется собственно государственное строительство, казенные и приказные порядки, и преимущественно интересы казны государевой, а подъ дѣлами земскими—всѣ дѣла собственно народныя, дѣла и интересы земскихъ областныхъ общинъ. Сообразно съ разграниченіемъ дѣлъ государственныхъ и земскихъ, и дѣйствовалъ государственный земскій соборъ 1648 года. По принципу государственнаго права и контроля, сборникъ законовъ составленъ, по указу царя, пятью членами правительственной бюрократіи. «И по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіи указу — сказано въ соборномъ актѣ — бояре князь Никита Ивановичъ Одоевскій съ товарищами, выписавъ изъ правилъ св. апостолъ и св. отецъ и изъ градскихъ законовъ греческихъ царей, и изъ старыхъ судебниковъ прежнихъ великихъ государей, и изъ указовъ великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея Русіи, и изъ боярскихъ приговоровъ, и которыхъ статей въ прежнихъ судебникахъ и въ указахъ прежнихъ государей и въ боярскихъ приговорахъ не написано, и изъ статьи написавъ вновь, къ государю принесли». По принципу земства, необходимъ былъ, въ дѣлѣ изданія уложенія, и земскій совѣтъ. Какъ не нарушала бюрократическая правительственная централизаці[я] принципъ земскаго народосовѣтія областныхъ общинъ, сколько ни присвоялъ царь Алексѣй Михайловичъ силы своей волѣ, своему указу и приказнымъ боярамъ, все же онъ еще не рѣшался, безъ земскаго совѣта, издать уложенія. Онъ признавалъ это дѣло сколько своимъ, *государевым[ъ] и царственнымъ*, столько же и *земскимъ великимъ дѣломъ*. Потому, указав[ъ] пяти лицамъ составить сводъ уложенія, царь рѣшилъ созвать земскій соборъ для дополненія его новыми статьями, для всенароднаго прочтенія и для земской скрѣпы. «А для того своего государева и земскаго вели[каго] царственнаго дѣла — читаемъ, далѣе, въ соборномъ актѣ — указалъ г[осу]дарь, по совѣту съ патріархомъ, и бояре приговорили: выбрать изъ ст[оль]никовъ, и изъ стряпчихъ, и изъ дворянъ московскихъ, и изъ жильц[овъ]

ину по два человѣка, также изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ овъ взять изъ большихъ городовъ, опричь Новгорода, по два чело- а изъ новгородцевъ съ пятины по человѣку, а изъ меньшихъ горо- по человѣку, а изъ гостей трехъ человѣкъ, а изъ гостиной и изъ су- й сотенъ по два человѣка, а изъ черныхъ сотенъ и изъ слободъ и ородовъ съ посадовъ по человѣку, добрыхъ и смышленныхъ людей, *государево* его *царственное* и *земское* дѣло съ тѣми со всѣми выбор- людьми утвердить и на мѣрѣ поставить, чтобъ всѣ тѣ великія дѣла, нѣшнему его государеву указу и соборному уложенію, впредь были ъ нерушимы».

Вслѣдствіе этого указа, выборные къ октябрю собрались въ Москву. по ихъ рукоприкладству въ спискѣ уложенія, всѣхъ выборныхъ было еловѣкъ, именно патріархъ Іосифъ, 2 митрополита, 3 архіепископа, скопъ, 5 архимандритовъ, игуменъ, 15 бояръ, 10 окольничихъ, казна- думный дворянинъ, печатникъ, думный дьякъ, благовѣщенскій про- ъ, духовникъ государя, 5 московскихъ дворянъ, 148 дворянъ горо- ъ, трое гостей, 12 выборныхъ отъ московскихъ сотенъ и слободъ, борныхъ посадскихъ изъ городовъ, и, наконецъ, 15 выборныхъ отъ осковскихъ стрѣлецкихъ приказовъ. Изъ этого перечня видно, что ъ былъ неполный: не было выборныхъ изъ крестьянъ.

Что же, какую роль играли, какое участіе принимали въ обсужденіи аго дѣла уложенія эти 315 наличныхъ выборныхъ?... По оффиціальному слушали «Уложеніе», да руки приложили къ нему грамотные за за безграмотныхъ. Именно, въ сохранившемся до насъ соборномъ Уложенія читаемъ: «Въ нынѣшнемъ въ 1648 г. октября съ 3-го числа арь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Русіи самодержецъ, цомъ своимъ и богомольцемъ святѣйшимъ Іосифомъ, патріархомъ вскимъ и всея Русіи, и съ митрополитами, и съ архіепископами иископами, также и съ *своими государевыми* боярами, и съ окольни- и съ думными людьми того собранія слушалъ, и *выборнымъ людямъ*, ые къ тому общему совѣту выбраны въ Москвѣ *и изъ городовъ, чтено*, то все Уложеніе впредь было прочно и неподвижно. И указалъ арь то все Уложеніе написать на списокъ, и закрѣпивъ тотъ спи- святѣйшему Іосифу, патріарху московскому и всея Русіи, и митропо- ъ, и архіепископамъ, и архимандритамъ, и игуменамъ, и всему освя- ому собору, и своимъ государевымъ боярамъ и окольничимъ и дум- людямъ, и *выборнымъ* дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и гостямъ, говымъ и посадскимъ людямъ московскаго государства и всѣхъ овъ россійскаго царства, а закрѣпя то Уложеніе руками, указалъ арь списать въ книгу и закрѣпить ту книгу дьякамъ Гаврилѣ Ле- еву да Ѳедору Грибоѣдову; а съ той книги для утвержденья, на ѣ во всѣ приказы и въ города напечатать многія книги, и всякія дѣлать по тому Уложенію». Какъ приказалъ царь, такъ было и но: всѣ выборные приложили къ уложенію свои руки. За выборными ій приставникъ—бояринъ наблюдалъ. «А какъ уложеніе—сказано въ соборнаго акта — по государеву цареву и великаго князя Алексѣя

Михайловича всея Русіи указу, чтено (было) выборнымъ людямъ, время въ отвѣтной палатѣ, по *государеву указу*, сидѣлъ бояринъ князь Алексѣевичъ Долгорукій, да съ нимъ выборные люди».

Если же, такимъ образомъ, по указу царя, составленіе уложе ручено было только пяти лицамъ; если, далѣе, по указу царя, сост ное пятью лицами уложеніе только читано было выборнымъ зем людямъ, подъ предсѣдательствомъ, или подъ наблюденіемъ приставл царемъ боярина-князя, то уже ли выборные земскіе люди были, какъ безгласны? Уже ли они ничего не говорили на соборѣ, а, какъ безг. рабы, только выслушивали въ уложеніи законы, написанные, по вы нію графа Воронцова, «не для свободныхъ гражданъ, а для рабовъ». этого нельзя сказать! Во-первыхъ, извѣстно, что земскіе выборные на соборѣ особыя челобитныя, вслѣдствіе которыхъ составлены были статьи и внесены въ уложеніе. Мы сейчасъ покажемъ, какого ро челобитныя. Потомъ, есть извѣстіе, что кн. Львовъ и съ нимъ до 1 ловѣкъ осмѣлились выразить свое недовольство уложеніемъ и за сланы были въ соловецкій монастырь, и тамъ, спустя нѣсколько подъ знаменемъ раскола, произвели бунтъ противъ царя. Къ сожа неизвѣстно, въ чемъ состояло ихъ недовольство уложеніемъ [1]). З недаромъ нѣкоторыя демократическія согласія раскола отвергали нынѣ отвергаютъ уложеніе царя Алексѣя Михайловича, называя ег гопротивною, антихристовою книгою». Это отрицаніе, вѣроятно, на вано ими отъ помянутыхъ оппонентовъ уложенія, возражавшихъ противъ него и за то пострадавшихъ. Если неизвѣстно, что возр противъ уложенія 120 человѣкъ, сосланныхъ въ соловецкій мона такъ зато сохранились двѣ челобитныя выборныхъ, слушавшихъ борѣ уложеніе. Эти челобитныя показываютъ, что хотя земскіе выб и мало обнаружили вліянія и участія въ редакціи уложенія, одна полномочно воспользовались земскимъ соборомъ для рѣшенія двухъ ныхъ вопросовъ XVII вѣка. Въ одной челобитной выборные предста объ отобраніи у патріарха, у монастырей и вообще у духовенства чинныхъ земель и объ употребленіи ихъ на жалованье безпомѣстны малопомѣстнымъ служилымъ людямъ. «Били намъ челомъ—читае актахъ—стольники и стряпчіе, и дворяне московскіе, и изъ городов ряне-жъ и дѣти боярскіе, и гости, и гостиныя гости и суконныя ныхъ сотенъ и слободъ, и изъ городовъ посадскіе и всѣ выборные ото всея земли, и въ челобитьѣ ихъ написано: чтобъ государь указ патріарха, и у властей, и у монастырей, и у поповъ вотчинныя взять на себя государя, которыя даваны съ восмьдесятъ осмаго послѣ указу и уложенья прежнихъ государей, блаженныя памяти гос царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи... государя и вел. князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи, и прежнихъ властей, ко съ ними государи въ то время были на соборѣ; а въ соборномъ

[1]) „Сборн. архіер. грам. соловецк. библ." № 19; „Расколъ, обличаемый исторіей", Муравьева.

женье написано, что съ тѣхъ мѣстъ въ монастыри вотчинныхъ земель юдь не давать, а власти-де къ тому приговору и руки свои приложили, имъ и впредь, кто по нихъ иныя власти будутъ, никакихъ земель въ астыри не имать; и велѣлъ бы тѣ земли, взявъ изъ монастырей, дать по разбору служивымъ людемъ, безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ рянамъ и дѣтемъ боярскимъ» (А. Э. IV, стр. 49).

Въ другой, особенно важной для русскихъ людей XVII вѣка, челоной, выборные земскаго собора 1648 — 1649 г. представляли о государнно-экономическомъ уравненіи всѣхъ людей, о небытіи льготныхъ юдъ около городовъ, въ ущербъ тяглымъ людямъ, и проч. Вотъ отры- изъ этой челобитной: «Гости и гостиныя, и суконныя и черныхъ нъ и слободъ, и городовые торговые и посадскіе выборные люди веому государю били челомъ, а въ челобитной ихъ написано: блаженныя-де яти при великомъ государѣ царѣ и вел. князѣ Иванѣ Васильевичѣ Русіи и при государѣ царѣ и великомъ князѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ Русіи, на Москвѣ и около Москвы по городамъ, на посадѣхъ и около довъ, патріаршихъ и митрополичихъ, и владычнихъ, и монастырскихъ, оярскихъ, и княженецкихъ, и думныхъ дворянъ, и столниковъ, и ковъ, и ближнихъ людей слободъ со крестьяны и съ закладчики съ овыми со всякими людми не бывало; а нынѣ-де на Москвѣ и около квы по городамъ на посадѣхъ дворы и около посадовъ заведены сло- патріарши, и митрополичи, и владычни, и монастырскія, и боярскія, няженецкія, и стольниковъ, и думныхъ и ближнихъ людей, а въ тѣхъ-де дѣхъ и въ слободахъ живутъ многіе торговые и ремесленные люди и ники торговые крестьяне, и всякими промыслы и торгами большими Москвѣ и въ городѣхъ торгуютъ и промышляютъ, и многими лавками нбары и соляными варницами посадскими владѣютъ, и во всякихъ ыслѣхъ ихъ такіе заступные и торговые люди затѣснили и изобидили гими обидами; а съ промысловъ-де они съ своихъ и съ вотчинъ госувыхъ податей не платятъ и службъ съ ними не платятъ, живутъ да во лготѣ, и на Москвѣ-де и въ городѣхъ отъ нихъ заступныхъ ей въ торгѣхъ и въ ихъ многихъ обидахъ чинится и межусобіе и ы болшіе. А на Москвѣ-де изстари за патріархомъ которыя слободки и, и въ тѣхъ-де слободкахъ жили патріарши бобыли и патріарша двора ожи, повары, конюхи и мастеровые люди патріарша-жъ двора; а нынѣ- на Москвѣ и около Москвы въ слободахъ живутъ многіе торговые мышленные люди и кабацкіе откупщики. А въ Нижнемъ-де Новѣгородѣ осадѣ въ одной Благовѣщенской слободѣ за патріархомъ торговыхъ и сленныхъ людей сверхъ писцовыхъ книгъ болши штисотъ человѣкъ, рые въ тое слободу сошлися изъ разныхъ городовъ и поселилися для го промыслу и легости. Да изстари-жъ-де, до московскаго и послѣ ковскаго разоренья, около Москвы, за Землянымъ городомъ, были жинные выпуски по всѣмъ дорогамъ, отъ города версты по три, и по ре, и по пяти, а въ городѣхъ около посадовъ были животинные вы- ки болшіе и въ лѣсы выѣзды по дрова; а ныне-де около Москвы и въ дѣхъ около посадовъ животинныхъ выпусковъ не стало, потому, изза-

няли бояре и ближніе люди и московскіе дворяне и дьяки подъ загород
дворы и огороды, а монастыри и ямщики тѣ животинные выпуски распа
въ пашню, и въ лѣсы-де выѣзду по дрова не стало. И великій госу
пожаловалъ бы ихъ гостей и торговыхъ посадскихъ людей всего мо
скаго государства: на Москвѣ и около Москвы и во всѣхъ городѣхъ
посадѣхъ и около посадовъ въ слободахъ никакимъ торговымъ и про
леннымъ людемъ за патріархомъ и за властьми, и за монастыри, и за бо
и за ближними и думными и всякихъ служилыхъ чиновъ людьми,
не велѣлъ; а велѣлъ бы великій государь на Москвѣ и около Москв
слободахъ, и во всѣхъ городѣхъ на посадѣхъ и около посадовъ по с
дамъ, всякимъ торговымъ и промышленнымъ людемъ быть за
великимъ государемъ въ тяглѣ и въ слободахъ съ ними вмѣстѣ
чтобъ-де никто въ избыли не былъ и чтобъ-де государскимъ милосер
воззрѣніемъ во всемъ народѣ мятежъ и ссоры и межусобія отъ тое
ни въ чемъ не было, и опричь бы великаго государя тѣ торговые и
мышленные люди ничьимъ имянемъ не назывались, и животинные
пуски около Москвы и въ городѣхъ около посадовъ и въ лѣсы для
выѣздъ указалъ бы великій государь устроить попрежнему. И 157
ноября въ 13 день, по тому челобитью столниковъ, и стряпчихъ, и дв
московскихъ, и городовыхъ дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и гостей,
стиныя и суконныя и иныхъ сотенъ и слободъ торговыхъ и городо
посадскихъ людей, докладывали великаго государя царя и великаго
Алексѣя Михайловича бояре князь Никита Ивановичъ Одоевскій, да
Семенъ Васильевичъ Прозоровской, окольничій князь Ѳедоръ Ѳедоро
Волконской, да дьяки Гаврила Леонтьевъ да Ѳедоръ Грибоѣдовъ» (
т. IV, № 32). Такую же челобитную подали всѣ выборные отъ дворян

Для того, чтобъ понять смыслъ этого представленія выборных
земскомъ соборѣ, нужно вникнуть въ государственно-экономическій с
и интересы земскихъ общинъ въ XVII вѣкѣ.

Государственная централизація, особенно экономическая, казе
начала розни, неурядицы вносила въ городскія и сельскія общины.
тральное правительство взяло на себя народную, земскую заботу о б
устройствѣ областныхъ общинъ и цѣлаго народа, на счетъ народа. В
ствіе крайняго разстройства государства послѣ смутнаго времени, по
чинѣ чрезвычайнаго разнообразія мѣстныхъ, земско-областныхъ н
потребностей и интересовъ, на централизованномъ правительствѣ ле
огромныя, чрезвычайно разнообразныя и трудныя задачи. Оно само, в
ствіе централизаціи, вслѣдствіе уничтоженія народной, земско-обла
самораспорядительности и инипіативы, взяло на себя эти народныя за
А средствъ и силъ, между тѣмъ, у него не было, внѣ народа. И
центральное правительство налегло на народъ, на земско-областныя
всею тяжестью государственныхъ запросовъ и обязательствъ. Нужно
государево тягло и невыносимый правежъ тягла, такъ что въ XVII
постоянно заказывалось недоплатившихъ или вовсе неплатившихъ
или какого-нибудь сбора, бить нещадно съ утра до вечера, а в
сажать въ тюрьму. Нужно стало, ради исправности и неупустител

ловыхъ повинностей, прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ помѣщиковъ, адскихъ—къ городскимъ тяглымъ посадамъ—прикрѣпленіе, доходившее XVII-мъ вѣкѣ до страшныхъ экзекуцій, сысковъ и переводовъ безконыхъ съ мѣста на мѣсто: народонаселеніе, словно карты, тасовалось. жно стало приказно-воеводское управленіе въ областяхъ, варварскиотическое и рѣшительно противное духу областныхъ общинъ; нужны ли сборы на ратныхъ людей, ямскіе сборы, стрѣлецкіе сборы, и т. п., ти безконечно разнообразные и безчисленные поборы. Все это стало жно не столько для истинныхъ потребностей благоденствія самого ода, сколько для прибыли и видовъ самого правительства, взявшаго себя опеку надъ народомъ. И вотъ, эти-то начала централизующаго ковскаго правительства были радикально противны анти-централизаному духу земско-областныхъ общинъ. Они-то и вносили въ земскоастныя общины начала розни, неравенства и разлада. Особенно рѣзкій ладъ производила въ земскихъ общинахъ государева казна — казенная гема. Она существенно противорѣчила народнымъ экономическимъ инесамъ, централизировала земско-областныя производительныя силы и цства. Земскіе люди отъ тягла и разныхъ повинностей государственныхъ бродились врознь, искали льготныхъ мѣстъ, а централизующее правиьство, по своимъ казеннымъ видамъ, передвигало ихъ изъ льготныхъ щинъ въ тяглыя. Въ этой передвижкѣ народонаселенія прошло все II-е столѣтіе. Вслѣдствіе этого разлада народныхъ экономическихъ ересовъ съ интересами государевой казны, вслѣдствіе стремленія народа свободному льготному самоустройству, вопреки тягловаго прикрѣпленія къ государственной службѣ и повинности, въ XVII-мъ вѣкѣ образолись цѣлые классы людей, такъ-называемыхъ *закладчиковъ за сильныхъ ей, избылыхъ отъ тягла, заступныхъ, вольныхъ гулящихъ людей* и т. п. бѣгая изъ тяглыхъ общинъ, эти люди селились на льготныхъ земляхъ ныхъ духовныхъ и свѣтскихъ вотчинниковъ. Такимъ образомъ, въ повинѣ XVII-го вѣка, около Москвы и около всѣхъ областныхъ городовъ, азовались цѣлыя свободно-промышленныя слободы, населившіяся задчиками и избылыми людьми. Образованіе такихъ вольнопромышленхъ слободскихъ общинъ, рядомъ съ государственно-тяглыми и служилыми щинами, съ одной стороны, выразило жизненный, фактическій протестъ одный противъ государственно-экономической разсортировки и централаціи народонаселенія; съ другой стороны—вносило въ городскія и селья общины начала экономическаго неравенства и розни. Массы рабочаго ода, еще не отвыкшія отъ средневѣковаго обычая—свободнаго перехода промысла, и не привыкшія къ московской системѣ государственно-экономической централизаціи—массы на опытѣ видѣли и дознавали все преущество вольнаго, льготнаго поселенія и свободнаго промышленнаго уда передъ тяглымъ, стѣсненнымъ государственно-податнымъ бытомъ. авительственная, государева экономія или казна постоянно руководась однимъ принципомъ: «какъ бы никого и нигдѣ не было въ былыхъ отъ тягла и повинностей, какъ бы государевой казнѣ было прибыльнѣе». Потому все вниманіе правительства, въ XVII-мъ вѣкѣ,

обращено было на удержаніе народонаселенія въ тяглыхъ общ
А промышленныя массы народа искали, гдѣ бы имъ было жить и пр
лять лучше, прибыльнѣе, и, выбывая изъ тяглыхъ общинъ, н
льготныя промышленныя слободы, гдѣ, дѣйствительно, по положите
свидѣтельству актовъ, на льготѣ, и промышляли прибыльнѣе и жили
Съ другой стороны, это сильное стремленіе тяглыхъ людей *къ зак
ству за сильныхъ, къ избыванью отъ тягла, изъ тяглыхъ общинъ въ ль
свободно-промышленныя слободы, доводило до крайняго разоренія
ненія тяглыя общины, о чемъ безпрестанно и громко вопіютъ обл
челобитныя XVII-го вѣка, потому что вся тягость казеннаго тягл
винности падала на однѣ тяглыя общины: при господствовавше
общинной раскладкѣ податей и повинностей, неизбылые тяглые люд
тягло и за избылыхъ, за закладчиковъ, за ихъ пустые дворы
Когда почти при всѣхъ городахъ, и въ льготныхъ вотчинахъ си
людей — духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ населились большія слоб
кладчиками и избылыми людьми, въ земскихъ общинахъ произошло
неравенство государственно-экономическое, торгово-промышленное
юридическое. Это-то несправедливое неравенство было источнико
ствій народа. Оно заключало въ себѣ, противное духу земства,
раздѣленія членовъ общинъ на крайне-бѣдныхъ и крайне-богатых
зывало борьбу этихъ двухъ, противоположныхъ элементовъ о
Вслѣдствіе государственно-экономическаго и юридическаго нера
появилось множество *обнищалыхъ, оскудѣлыхъ до конца, голутенных*
то-есть голыхъ бѣдняковъ. И съ ними-то, какъ извѣстно, Стенька
поднявши знамя противо-государственнаго бунта, въ то же царс
Алексѣя Михайловича, сталъ возвѣщать принципъ равенства и бе
наго грабежа богачей. Государственно-экономическое неравенство
и нетяглыхъ общинъ обрекало членовъ ихъ на вѣчную рознь и
Оно радикально нарушало органическую цѣльность и союзность з
общинъ, полюбовно согласившихся между собой жить и развива
любви, въ совѣтѣ и въ соединеньи. Оно мутило государственно-
духъ областныхъ земскихъ общинъ, предавало самую большую ча
въ жертву всепоглощающей государственной казны. Ужъ терпѣть
сударственнаго тягла, такъ терпѣть всѣмъ общинамъ сообща, не
принципа внутренняго и взаимнаго равенства, *чтобъ вездѣ было*
государство, чтобы всѣ были въ тяглѣ и въ свободахъ или
вмѣстѣ равно, чтобъ *во всемъ народѣ мятежа и розни не было*, ка
рили сами выборные въ своихъ челобитныхъ. Вотъ, во имя этого-
ципа государственно-экономическаго равенства земско-областныхъ
выборные земскіе, на соборѣ 1648 года, по поводу изданія улож
подали ту челобитную царю, отрывокъ изъ которой мы выписал
челобитной своей, народъ русскій, за 200 лѣтъ до нашего времени,
требованіе, чтобъ передъ государствомъ, передъ закономъ были всѣ
заявилъ принципъ уравненія государственныхъ условій для равно
и равноправнаго экономическаго развитія и благосостоянія всѣхъ
и людей.

II

Уложеніе 1649 года составляетъ окончательный, завершительный ›дъ всѣхъ правительственныхъ юридическихъ понятій, какія выработало ›сковское государство. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно представляетъ первый опытъ ›однаго законодательства — союзнаго, соединенно-областнаго, земскаго. › издано было на земскомъ соборѣ. Въ него внесены статьи, сочинен›я земскими выборными людьми. Наконецъ, оно чтено на земскомъ со›ѣ, передъ всѣми выборными и скрѣплено ихъ руками, чтобъ впредь ›по *прочно* и *неподвижно*. Потому оно и названо *соборнымъ* уложеніемъ, ›зданіе его — *великимъ земскимъ дѣломъ*. Какъ бы ни было ограничено ›одержавной волей царя и приказнымъ законничествомъ дьяковъ вліяніе ›борнаго земства на составъ и направленіе уложенія, какъ бы оно ни ›по несовершенно и стѣснительно для народа, но фактъ въ высшей ›пени многозначительный въ исторіи русскаго народа тотъ, что ›вое, болѣе полное государственное уложеніе было издано земскимъ ›оромъ, и для того, чтобъ было *прочно* и *неподвижно*, скрѣплено руками ›борныхъ изъ земства. Благодаря истинному принципу изданія — земско›орному, благодаря народной, земской скрѣпѣ, уложеніе и дѣйствительно ›ъ было *прочно* и *неподвижно*, что, несмотря на всю его внутреннюю не›статочность и постепенное историческое отживанье, все послѣдующее ›онодательство, по справедливому выраженію Морошкина, было не что ›е, какъ органическое нарожденіе уложенія; да и теперь еще оно не ›теряло силы. Благодаря первому, довольно удачному опыту земско-со›наго изданія уложенія, идея земскаго собора для сочиненія новаго уло›нія не умирала въ теченіе всего тяжелаго XVIII столѣтія, хотя въ ›вой половинѣ этого вѣка неудачно осуществлялась.

До учрежденія императрицею Екатериною II въ Москвѣ знаменитой ›миссіи или земскаго собора 1767 г., всѣ попытки издать новое уложе› и составить для этого земскій соборъ были неправильны, односторонни ›отому неудачны. Въ 1700 г. Петръ Великій указалъ однимъ только *›амъ*—въ своихъ государевыхъ палатахъ составить вновь уложеніе, ›олнивъ старое именными указами и новоуказными статьями, которыя ›гоялись послѣ и сверхъ уложенія. Вмѣстѣ съ радикальной перестройкой ›енныхъ основъ древне-русскаго земскаго міра и московскаго государства ›всероссійскую имперію по нѣмецко-шведскимъ формамъ, и самое право ›одное влагалось въ рамки шведскаго уложенія и отчасти эстляндскихъ ›ифляндскихъ правъ. Уже не выборные русскіе изъ всѣхъ русскихъ ›астей сообщали на земскомъ соборѣ живые вопросы и нужды разно›азной мѣстной жизни, настоящіе матеріалы и источники законовъ, не ›ъ народъ, на земскомъ соборѣ, составлялъ для самого себя, для своего ›гоустройства, такіе излюбленные законы, которые бы всѣми съ любовію ›олнялись и скорѣе вели къ правдѣ и добру всенародному. А юстицъ›легія, учрежденная тоже на манеръ шведскихъ коллегій, переводила ›едское уложеніе и учиняла сводъ россійскихъ законовъ съ шведскими.

Какъ вся жизнь русскаго народа теперь уже не развивалась изъ
самой, своими силами, по своимъ природнымъ дарованіямъ и стремлені
а *отвлеченно сочинялась* въ коллегіяхъ, и сочинялась не по европейск
общечеловѣческимъ принципамъ, а по формамъ шведско-нѣмецкимъ—
точно Петръ хотѣлъ сочинить и законы для русскаго народа. Но дѣл
удалось. Въ концѣ 1719 года былъ указъ сенату о начатіи засѣданій
слушанія переводнаго шведскаго уложенія, съ 7 янв. 1720 года: «слуш
оное, которые пункты покажутся несходны къ нашему народу, то про
оныхъ изъ стараго уложенія или новые пункты дѣлать. Тако-жъ, е
покажутся которые въ старомъ уложеньѣ важнѣе, нежели въ шведс
тѣ тако-жъ противу написать, и все то намъ къ слушанію изготовить.
помѣстныхъ дѣлъ взять права эстляндскія и лифляндскія, ибо оныя
нѣе и почитай однимъ манеромъ владѣніе имѣютъ, какъ у насъ». Э
слушаніемъ и сводомъ въ сенатѣ и вся попытка кончилась.

Достойно замѣчанія, ка́къ разсуждалъ при Петрѣ крестьянин
сошковъ о сочиненіи судебной книги, или законовъ, на земскомъ с
народосовѣтіемъ, или *общесовѣтіемъ*. «Къ сочиненію тоя судебныя
избрать человѣка два или три изъ духовнаго чина самыхъ разумн
ученыхъ людей, и въ божественномъ писаніи искусныхъ, и отъ гра
ства, кои въ судебныхъ и во иныхъ правительныхъ дѣлахъ искус
высокаго чина, кои не горды и ко всякимъ дѣламъ нисходитель
отъ иныхъ чиновъ, кои не высокоумны, и отъ приказныхъ людей,
дѣлахъ разумны и правдолюбны, и отъ купечества, кои во всяких
лахъ перебыли-бъ, кои и отъ солдатъ смышлены, и въ службахъ
нуждахъ натерлися и правдолюбивые, изъ людей боярскихъ, кои за
ходятъ, и изъ фискаловъ. А мнится мнѣ: не худо бы выбрать из
стьянъ, кои въ старостахъ и въ сотскихъ бывали, и во всякихъ ну
перебывали-бъ, и въ разумѣ смысленные. Я видалъ, что и въ морд
зумные люди есть, то какъ во крестьянехъ не быть людемъ разум

«И написавъ тыи новосочиненные пункты всѣмъ народомъ о
тельствовать самымъ вольнымъ голосомъ, а не подъ принужденіемъ,
въ томъ изложеніи какъ высокороднымъ, такъ и низкороднымъ,
богатымъ, такъ и убогимъ, и какъ высокочинцамъ, такъ и низкочи
и самымъ земледѣльцамъ, обиды бы и утѣсненія отъ недознанія ко
ихъ бытія въ томъ новоисправленномъ изложеніи не было.

«И сіе мое реченіе многіе вознепщуютъ, яко бы азъ его импе
скаго величества самодержавную власть народосовѣтіемъ снижаю;
снижаю его величества самодержавія, но ради самыя истинныя п
дабы всякой человѣкъ осмотрѣлъ въ своей бытности, нѣтъ ли к
тыихъ новоизложенныхъ статьяхъ каковыя непотребныя проти
иже правости противна. И аще кто узритъ каковую неправостную
то бы безъ всякаго сомнѣнія написалъ, что̀ въ ней неправость, и
не опасаяся подалъ бы ко исправленію тоя книги, понеже всяк
свою въ себѣ лучше чуетъ, нежели во иномъ комъ. И того ради н
всякимъ людямъ свои бытности выстеречи, дондеже книга не совер
а егда она совершится, то уже никто не можетъ помочи; того бо

свободность, дабы послѣди не жаловались на сочинителей тоя ново-
ченныя книги. Того-то ради надлежитъ ю вольнымъ голосомъ освидѣ-
тствовать, дабы всякая статья ни отъ кого порочена не была, но всякъ
ебя выстерегъ, и чтобы впредь никому спорить было не мочно, но въ
вѣковъ было бы ненарушимо оно.

«Правосудное установленіе самое есть дѣло высокое, и надлежитъ
акъ разсмотрительно состроити, чтобъ оно ни отъ какого чина не-
емо было. И того ради безъ многосовѣтія и безъ вольнаго голоса
ими дѣлы невозможно; понеже Богъ никому во всякомъ дѣлѣ
му совершеннаго разумія не далъ, но раздѣлилъ въ малыя дробинки,
ждо по силѣ его: овому далъ много, овому же менѣе. Обаче нѣсть
го человѣка, ему же бы не далъ Богъ ничего; и что далъ Богъ знать
смысленному, того не далъ знать многосмысленному; и того ради и
му премудрому человѣку не надлежитъ гордиться и умомъ своимъ
оситься; и малосмысленныхъ ничтожить не надлежитъ, коихъ въ со-
призывать надобно; понеже малосмысленными человѣки многащи
вѣщаетъ и того ради наипаче ничтожить ихъ душевредно есть; и
ради во установленіи правосудія вельми пристойно изслѣдовать мно-
роднымъ совѣтомъ.

«И аще и съ самымъ многотруднымъ многосовѣтіемъ учинена она
тъ, вскорѣ печатать ихъ не надлежитъ, но первѣе попробить на дѣлахъ;
де никакой вредности въ правленіи томъ не будетъ, то быть ему тако;
де въ какой статьѣ явится нѣкакая неисправность, то о ней надле-
поразсудить и поправить ее; и того ради не худо бы года два-три
дить по письменнымъ или по печатнымъ маленькимъ тетрадкамъ.
нележе тоя новосочиненная книга строится, многія бы статьи и опро-
сь». *(Соч. Посошкова, стр. 76—78).*

Послѣ Петра I, въ слѣдующія 4 царствованія, до Петра III, было
пытки созвать соборъ для сочиненія новаго уложенія, но всѣ были
чны. Правительство, во-первыхъ, не умѣло надлежащимъ образомъ
ься за дѣло. Оно, разсуждая главнымъ образомъ о томъ, дабы уложеніе
довольномъ числѣ членовъ сочинено было *съ поспѣшеніемъ*, только при-
вало наскоро выслать выборныхъ, а не наказало напередъ въ каждой
ніи выборнымъ отъ всѣхъ городовъ и волостей точно разузнать, сооб-
ть, обсудить свои мѣстныя нужды, собрать живые мѣстные матеріалы
общихъ законовъ, составить предварительно мѣстные, губернскіе, на-
ые наказы или постановленія для обсужденія ихъ въ общемъ собраніи
губернскихъ депутатовъ. Потомъ, выборныхъ правительство пред-
вало высылать только изъ офицеровъ, дворянъ, да иногда еще изъ
чества, всѣхъ за выборомъ отъ шляхетства. Притомъ выборные вызы-
сь не изъ всѣхъ провинцій: при Петрѣ II не допускались къ участію
очиненіи законовъ выборные изъ Лифляндіи, Эстляндіи и Сибири.
рателями были не сами областные жители, а губернаторы, «согласясь
съ дворянами». И выходило отсюда, что областные жители смотрѣли
ыборы для сочиненія уложенія, какъ на рабскую, приказную службу;
бные уклонялись отъ выборовъ, и выбирались самые неспособные.

Да еслибъ и захотѣли умные земскіе люди взяться, какъ слѣдуеть,
ставленіе законовъ, на основаніи разнообразныхъ мѣстныхъ народно-
выхъ данныхъ, такъ ихъ московскіе или петербургскіе бюрократы—и
или шляхтичи не допустили бы до этого. Они нарочно выбирали для
безсовѣстныхъ ябедниковъ. Татищевъ, въ своемъ «Напомнѣніи о выс
и нижнихъ, государственныхъ и земскихъ правительствахъ», так
этомъ писалъ: «Законы, какъ въ уложеніи людьми ни малаго просвѣ
ума науками не имѣющими, сочинено, такъ послѣдовавшими различ
ово въ дополненіе, ово въ исполненіе онаго изданными, въ наибо
смятеніе судей, а судящихся къ коварствамъ и ябедамъ привело
его императорское величество съ великимъ сожалѣніемъ видя, по
всѣ тѣ дополнительные указы собрать и вновь порядочное уложеніе со
и самъ почасту о томъ сенату изволилъ напоминать. Но какъ оное
которые обыкли съ большею ихъ пользою въ мутной водѣ рыбу л
было непріятно, и не имѣя инаго способа оному воспрепятствовать, и
къ тому людей болѣе безсовѣстныхъ ябедниковъ, которые ово за
женіемъ надъ потребность, ово за спорами время туне провождали,
ни единаго нетокмо въ законѣхъ, но ни въ граматикѣ ученаго опре
не было, такъ ихъ сочиненія противорѣчій и темностей, паче же н
ностей закону божію, избѣжать не могли, для котораго оное близъ
цати лѣтъ безъ всякаго плода и надежды тянется, хотя бы оное иску
въ годъ, а конечно не болѣе двухъ сочинить возможно».

Въ самомъ народѣ, въ половинѣ прошлаго столѣтія, господст
страшная запуганность и развивалось сильное недовѣріе къ правите
Построенное по шведско-нѣмецкимъ формамъ, находившееся въ
нѣмцевъ и шляхетства, правительство было ненародно, непонятн
массы земства, ни по духу распоряженій и узаконеній, ни по самому
указовъ. Народъ былъ отуманенъ, опѣшенъ этой длинной процедур
писанія областей на губерніи и провинціи, этой обстановкой област
раскольничьему выраженію, какъ сѣтями антихристовыми, губерн
провинціанальными и воеводскими канцеляріями, этимъ повсемѣс
наплывомъ чиновничества—губернаторовъ, вице-губернаторовъ, ком
товъ, ландратовъ, ландрихтеровъ и проч., этимъ повсемѣстнымъ, к
разорительнымъ и обременительнымъ расположеніемъ полковъ, солд
набраннаго изъ крестьянства, чего прежде народъ не зналъ, этими
мѣстными опустошительными и мучительными облавами военныхъ ко
разсылавшихся по областямъ губернскими, провинціальными и воевод
канцеляріями, постоянными рекрутскими наборами, жесточайшими в
ніями податей и недоимковъ, новой ревизіей душъ, и проч. и
Крестьяне, не терпя годъ отъ году усилившагося крѣпостного прав
сносныхъ поборовъ, рекрутчины, бунтовали въ разныхъ провинці
уѣздахъ. Тысячи народа бѣжали за границу. При Аннѣ Іоанновн
одинъ годъ двинулось разомъ 40,000 некрасовскихъ казаковъ, вслѣ
несноснаго мучительства за вѣрованія совѣсти. Отъ мучительства бир
бѣжало за границу не менѣе 250,000 душъ мужескаго пола, какъ пола
Болтинъ. Среди варварства и тиранніи второй четверти прошлаго стол

ъ народѣ невольно воспитывалось чувство глубокаго недовольства и недовѣрія къ правительству. Расколъ поддерживалъ, усиливалъ и распространялъ это недовѣріе, воспитывалъ въ массахъ злобный антагонизмъ къ нѣмецко-шляхетскому правительству. Духовенство въ своихъ проповѣдяхъ въ высокоторжественные дни то же недовѣріе внушало народу. Напр., архіерей новгородскій, Амвросій Юшкевичъ, въ словѣ въ день рожденія императрицы Елисаветы Петровны, 18 декабря 1741 года, указывалъ народу на вредный наплывъ въ Россію иностранцевъ, при Минихѣ, Остерманѣ и Биронѣ, когда дворъ, коллегія, академія наукъ, гвардія, армія, флотъ, были въ распоряженіи ихъ: «Сіи — вопіялъ онъ къ народу — сіи внутренніе и сокровенные враги Россіи, людей добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ и отечеству весьма нужныхъ и потребныхъ, подъ разными претекстами, губили и разоряли, все искореняли, а равныхъ себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей, казны государственной похитителей весьма любили, жаловали и награждали; только тѣнью, только тѣломъ здѣсь, а сердцемъ и душею внѣ Россіи пребывали, всѣ сокровища, всѣ богатства, въ Россіи неправдою нажитыя, изъ Россіи за море высылали» и проч. Точно также громогласно вопіялъ въ своихъ проповѣдяхъ въ церкви, въ высокоторжественные дни, передъ народомъ, другой проповѣдникъ, ректоръ славяно-греко-латинской академіи, архимандритъ Кириллъ Флоринскій, вопіялъ противъ коварныхъ иноземцевъ, захватившихъ въ свои руки правительство русское, противъ ихъ тираніи, противъ давленія русскихъ людей «какъ мушекъ», противъ постоянныхъ ссылокъ въ Охотскъ, въ Камчатку, въ Оренбургъ, и проч. Слушая такіе громогласные, торжественные вопли духовенства съ каѳедръ церковныхъ, народъ еще болѣе проникался недовѣріемъ къ тому правительству, которое такъ тиранически издѣвалось надъ нимъ во второй четверти прошлаго столѣтія.

И въ эти страшныя времена, изъ запуганнаго, изъ забитаго провинціальнаго народа, по указу, требовали и высылали выборныхъ въ сенатъ, чтобъ «сочинять и слушать въ сенатѣ всѣмъ собраніемъ» уложеніе. Да если народъ, въ провинціяхъ, въ провинціальныхъ, воеводскихъ канцеляріяхъ, боялся, какъ чумы, заразы, слишкомъ расплодившагося канцелярскаго чиновничества, бѣжалъ отъ него за границу, то можете представить, съ какой неохотой, съ какихъ страхомъ и трепетомъ ѣхали въ столицу, въ сенатъ, провинціальные выборные. Народъ по дѣламъ своимъ скоро дозналъ, что такое было тогда это центральное правительство. Недаромъ расколъ возсталъ какъ противъ того, что Петръ I «устави сенатъ», и послѣ, въ своихъ сочиненіяхъ, постоянно съ злобой отзывался о сенатѣ. Массы провинціальнаго народа слышали этотъ раскольничій отзывъ о сенатѣ. Горько-слезныя, горемычныя дѣла народныя, рѣшавшіяся въ сенатѣ, еще болѣе укрѣпляли народъ въ предубѣжденіи противъ него. Вѣдь недаромъ же, послѣ, начиная отъ Екатерины Великой до Сперанскаго, лучшіе государственные люди тоже нехорошо отзывались о сенатѣ. Поэтому понятно, что и земскія сословія первой половины прошлаго столѣтія уклонялись отъ выбора въ сенатъ, для засѣданія, вблизи неприступной, высшей начальственной бюро-

кратіи, зная, что они должны будутъ тамъ только сидѣть да слушать, какъ безгласные рабы, со страхомъ и трепетомъ.

И странное, своеобразное умопредставленіе развивалось въ массахъ нашего народа, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, да и послѣ, насчетъ чиновничества, и вообще присутственныхъ мѣстъ. Народъ вовсе не видѣлъ въ нихъ благоустроительныхъ, благопопечительныхъ учрежденій, а видѣлъ однѣ обирательныя заставы. Горькій, саможизненный опытъ горько-слезнаго, мучительнаго, разорительнаго дѣлохожденія по всѣмъ этимъ присутственнымъ мѣстамъ—по губернскимъ, провинціальнымъ, воеводскимъ канцеляріямъ бироновской эпохи непоколебимо укрѣплялъ народъ въ такомъ представленіи о присутственныхъ мѣстахъ. Доказательства и результаты ихъ бюрократической благоустроительной попечительности о земствѣ народъ не только ближе всѣхъ видѣлъ во всѣхъ областяхъ и мѣстечкахъ, но и саможизненно испытывалъ самъ на себѣ, на своихъ рабочихъ силахъ, на своемъ капиталѣ, на своемъ тѣлѣ... Правосудіе канцелярскихъ судовъ онъ измѣрилъ во всей глубинѣ, взвѣсилъ на вѣсахъ своихъ денежныхъ и натуральныхъ проторей и исторей, и позналъ весь ненасытный адъ и скрежетъ зубовный чиновничьяго лихоимства. И вотъ, долготерпѣливо предаваясь на волю судьбы, отплачиваясь съ кряхтячимъ терпѣньемъ—податями, повинностями и разными непредвидѣнными поборами, отдѣлываясь рекрутчиной, казенной работой и проч., онъ желалъ отъ присутственныхъ мѣстъ одного только благодѣянья, чтобъ лишній разъ, по крайней мѣрѣ, не вмѣшивались въ его дѣла. Въ старину онъ могъ откупаться отъ приказнаго начальства, а въ XVIII столѣтіи и этого не могъ сдѣлать. Теперь одно спасенье для него было—кряхтячее терпѣніе, расколъ и бѣгство. И первая половина XVIII столѣтія въ исторіи народа особенно отмѣтилась фактами бѣгства. Народъ бѣжалъ отъ чиновничьяго управительства. Недаромъ графъ Н. И. Панинъ, въ началѣ царствованія Екатерины, къ числу причинъ, побуждавшихъ народъ къ побѣгамъ, отнесъ именно дурное управленіе градоначальствами, крайнюю безпеченность и своекорыстность городскихъ начальниковъ, и вообще страшное лихоимство и неправосудіе чиновниковъ.

И народъ былъ правъ въ своемъ антагонизмѣ къ губернскимъ присутственнымъ мѣстамъ первой половины прошлаго столѣтія. Въ особой статьѣ «О губернскихъ учрежденіяхъ» мы разсмотримъ, что такое въ самомъ дѣлѣ были эти тогдашнія присутствія—губернскія и провинціальныя канцеляріи. А здѣсь приведемъ отзывъ о нихъ императрицы Екатерины II: «Входя вновь во всѣ подробности внутренняго управленія имперіи—писала она во введеніи къ своему Учрежденію—нашли мы, во-первыхъ, что по великой обширности нѣкоторыхъ губерній, онѣ недостаточно снабжены какъ правительствами, такъ и надобными для управленія людьми, что въ одномъ и томъ же мѣстѣ, гдѣ вѣдомо управленіе губерній, казенные доходы и счеты, обще съ благочиніемъ и полиціею, сверхъ того еще уголовныя дѣла и гражданскіе суды отправляются; что таковымъ же неудобствомъ тѣхъ же губерній въ провинціяхъ и уѣздахъ правленія не меньше подвержены, ибо въ одной воеводской канцеляріи совокуплены находятся дѣла всякаго рода и званія.

«Происходящее оттого неустройство весьма ощутительно: съ одной
[с]тороны, медленность, упущенія и волокита суть естественныя слѣдствія
[та]коваго неудобнаго и недостаточнаго положенія, гдѣ дѣло одно другое
[ос]танавливаетъ, и гдѣ опять невозможность исправить на единую воевод-
[ск]ую канцелярію множество различнаго существа возложенныхъ дѣлъ,
[сл]ужить можетъ иногда и долгою отговоркою, и покрывать неисправленіе
[до]лжности, и быть поводомъ страстному производству. Съ другой стороны,
[о]тъ медлительнаго производства возрастаютъ своевольство и ябеда обще
[со] многими пороками, ибо возмездіе за преступленіе и пороки производится
[не] съ таковою поспѣшностію, какъ бы надлежало для укрощенія и въ
[ст]рахъ продерзностнымъ. Въ иныхъ же мѣстахъ множество дозволенныхъ
[а]пеляцій немалую причиняютъ правосудію остановку, какъ-то, напримѣръ,
[по] торговымъ, купеческимъ и мѣщанскимъ дѣламъ, кто словеснаго суда
[р]ѣшеніемъ недоволенъ, тотъ можетъ съизнова просить въ городовомъ ма-
[ги]стратѣ, на сей отзыватся въ провинціальный магистратъ, изъ провин-
[ці]альнаго перенесть въ губернскій магистратъ, изъ губернскаго въ главный
[ма]гистратъ, а изъ онаго въ сенатъ» (Полн. Собр. Закон. № 14,392; Учрежд.
[дл]я управл. губ.).

Если само правительство, спустя уже полстолѣтія, сознало, нако-
[не]цъ, всю неудовлетворительность, тягость для народа прежнихъ губерн-
[ск]ихъ учрежденій, то каково было самому народу, въ теченіе этого полу-
[ст]олѣтія, пережить, переиспытать, перестрадать, перенести на себѣ всѣ
[т]и тяготы и недостатки губернскихъ учрежденій—и притомъ въ самую
[ст]рашную, тяжелую, мрачно-памятную эпоху бироновскую. Каково было
[пе]ренести, перестрадать народу все беззаконіе, весь произволъ провинціаль-
[н]ыхъ властей въ то время, когда существовавшіе законы представляли
[ар]сеналъ для ябедъ, страшный хаосъ противорѣчій и запутанностей, а
[н]овое уложеніе сочиняли цѣлое полустолѣтіе и не могли сочинить, когда
[н]равы были варварскіе. Жизнь народная все это терпѣливо перенесла,
[пе]речувствовала, а здравый смыслъ народа, и среди темнаго невѣжества
[по]стигавшій истину, все это взвѣсилъ, опредѣлилъ. На великомъ земскомъ
[со]браніи коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія, народные де-
[пу]таты произнесли справедливый судъ о первой половинѣ XVIII столѣтія:
[«К]огда мысленно воззримъ на минувшее время — говорили они въ рѣчи
[им]ператрицѣ Екатеринѣ Великой—духъ въ насъ еще трепещетъ и паденіе
[им]періи живо представляется воображенію. Видѣли мы нашу вѣру... союзъ
[об]щаго единомыслія и добронравія, подверженную презрѣнію и ругатель-
[ст]ву, ясными двумъ предзнаменованіямъ ея истребленія. Видѣли мы за-
[ко]ны, общее житіе утверждающіе и сохраняющіе, приведенные въ замѣ-
[ш]ательство, противорѣчіе и неисполненіе, правосудіе, изнемогшее съ па-
[д]еніемъ законовъ, съ правосудіемъ истребленную совѣсть и добронравіе.
[Н]е столпы только правленія колебались, но и самое онаго основаніе по-
[т]ряслося. Государственные доходы истощились, потеряна была довѣрен-
[н]ость и угнетена торговля. Грабительство, лакомство, корысть, насильство
[и] прочіе пороки, покровительствомъ многихъ людей ободренные, возрастали
[съ] гибелью для народа и усугубляли бѣдствія отечества нашего и нако-

нецъ, вездѣ неустройства торжествовали, гдѣ слѣдовало царствовать порядку» (П. С. З. т. XVIII, № 12,978).

Зато, само это великое земское собраніе 1767 г. представляетъ самое отрадное, самое многознаменательное явленіе изъ всей народной исторіи прошлаго тяжелаго столѣтія. Обратимся теперь къ нему, и разсмотримъ главные факты этого знаменитаго собранія [1]).

Въ собраніи депутатовъ 1767 г. мы видимъ примиреніе своенародныхъ, естественно-жизненныхъ принциповъ старыхъ земскихъ соборовъ съ новою, западно-европейскою идеею представительства. Недаромъ императрица Екатерина II вспомнила о земскомъ соборѣ 1648 г. и почтила особеннымъ увѣковѣченіемъ памятникъ того собора—уложеніе 1649 г. Земскіе соборы старой Россіи были созданіемъ естественно-исторической жизни народа. Они естественно сложились вслѣдствіе московскаго собранія всей земли, изъ обычаевъ, изъ починковъ старыхъ областныхъ земскихъ вѣчей и совѣтовъ. Въ XVII вѣкѣ они сохранялись еще, какъ обычай народный, невозведенный на степень опредѣленнаго юридическаго учрежденія, на степень систематической государственной институціи: они составлялись безъ всякихъ особыхъ письменныхъ правилъ, обрядовъ и формальностей, просто по призыву областныхъ земскихъ сходовъ по соборнымъ церквамъ, и вслѣдствіе избранія выборныхъ безъ всякихъ избирательныхъ околичностей. Такимъ образомъ, земскіе соборы XVII вѣка были, такъ сказать, актомъ непосредственно-натуральной жизни народной, который не былъ осмысленъ просвѣщеннымъ юридическимъ самосознаніемъ народа, европейскими юридическими началами представительныхъ собраній. Оттого и обрядовая организація и процессъ веденія ихъ были простые, незатѣйливые, и рѣчи выборныхъ тоже были простыя, мужиковатыя. Совсѣмъ другимъ характеромъ отличается земское собраніе, или коммиссія депутатовъ для сочиненія проекта новаго уложенія 1767 г. Здѣсь уже просвѣщенное юридическое сознаніе, европейская идея представительства руководили и организаціей, устройствомъ собранія, и выборнымъ, избирательнымъ началомъ, и всѣми обрядами собранія. И сфера предметовъ сужденія была шире: много привзошло потребностей общеевропейскихъ. И общій составъ собранія былъ правильнѣе, стройнѣе, потому что немало было депутатовъ съ европейскимъ, научнымъ, просвѣщеннымъ взглядомъ на вещи.

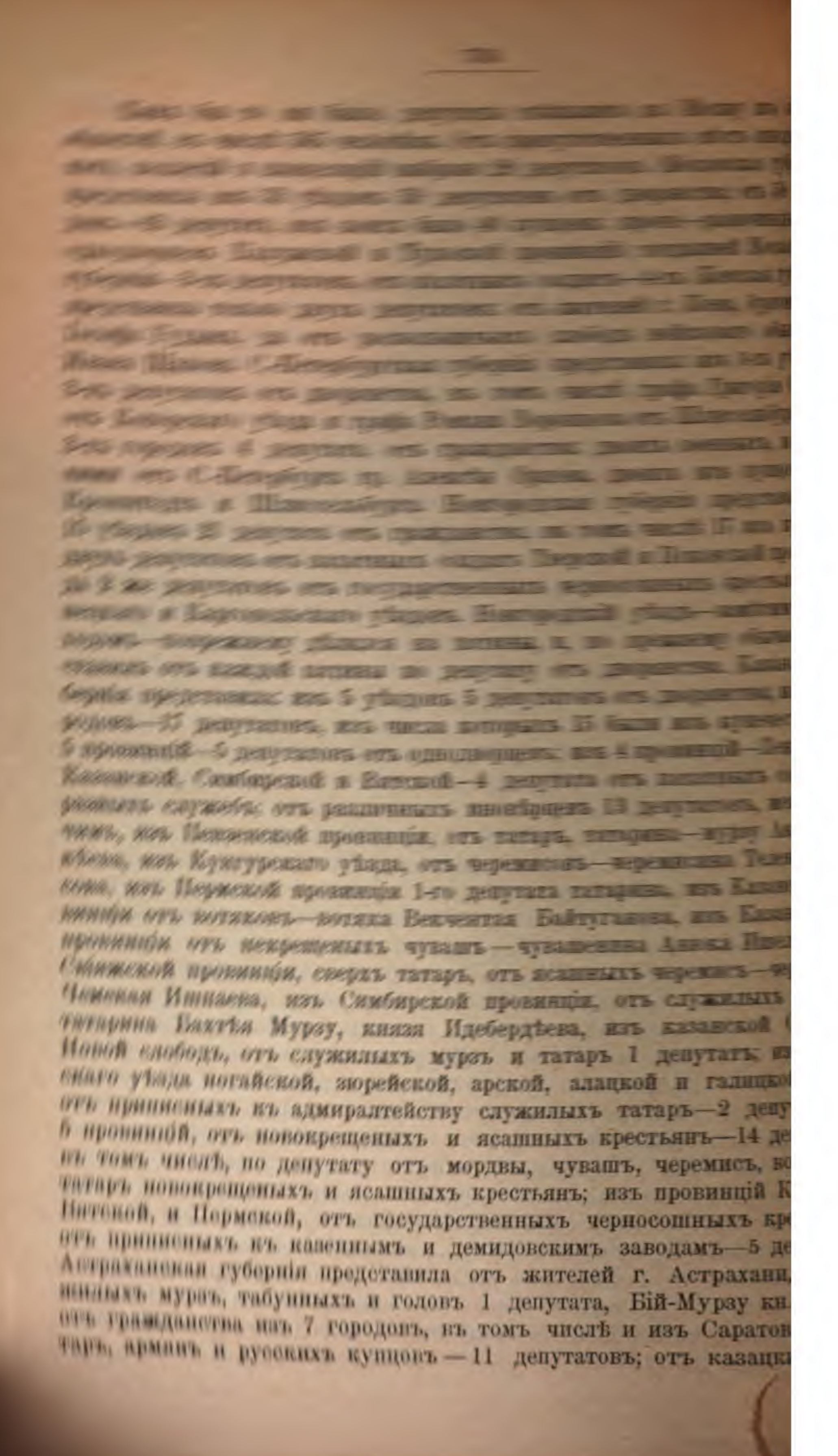
Вслѣдствіе манифеста 14 декабря 1766 г., депутатовъ въ коммиссію для сочиненія проекта новаго уложенія велѣно было выслать изъ сената, синода, всѣхъ коллегій и канцелярій по одному; отъ каждаго уѣзда, гдѣ есть дворянство, по одному дворянину; отъ жителей каждаго города—по одному; отъ пахатныхъ солдатъ и разныхъ служебъ служилыхъ людей и прочихъ, ландмилицію содержащихъ, отъ каждой провинціи по одному депутату; отъ государственныхъ крестьянъ изъ каждой провинціи по одному; отъ некочующихъ инородцевъ, какого бы они закона ни были, крещеныхъ или некрещеныхъ, отъ

---

[1]) См. прекрасный, богатый новыми матеріалами, разсказъ объ этомъ собраніи историка Соловьева, въ „Русск. Вѣстн." за 1861 г., № 10.

аго народа съ каждой провинціи по одному депутату; опредѣленіе числа атовъ отъ казацкихъ войскъ и отъ войска запорожскаго возложено на ихъ командировъ ихъ. Избраніе депутатовъ должно было производиться тировкою по большинству голосовъ. Каждый депутатъ получалъ отъ ь избирателей полномочіе и наказъ о нуждахъ и требованіяхъ ихъ тва, сочиненный, по выбору, пятью избирателями.

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, съ какимъ расположеніемъ принятъ манифестъ Екатерины II, о собраніи коммиссіи въ разныхъ провин- разными классами общества и разными инородцами. Г. Соловьевъ, ому доступны были архивные матеріалы для исторіи знаменитой ссіи 1767 года, въ своихъ «Разсказахъ изъ русской исторіи» сообщилъ извѣстіе изъ Малороссіи. Эти извѣстія характеризуютъ, какъ жи- были въ малороссійскомъ народѣ, особенно въ казачествѣ, по выра- Екатерины, «умоначертанія прежнихъ временъ», или историческія нія о вѣковыхъ героическихъ стремленіяхъ Украйны, Сѣчи Запорож- къ областной демократической автономіи и свободѣ. Генералъ-губер- ь малороссійскій отъ 2 марта 1767 г. писалъ императрицѣ: «Новый ъ уложенія не производитъ здѣсь во многихъ большихъ такого за и признанія вашего императорскаго величества благоволенія, не ѣненія наклонности ихъ, ни разсужденія. Многіе истинно вошли во своевольства до того, что имъ всякой законъ и указъ государскій кажет- ъ нарушеніемъ ихъ правъ и вольностей, отзывы же у всѣхъ одни: ъ бы намъ и тамъ быть? наши законы весьма хороши, а буде де- мъ быть конечно уже надобно, только развѣ-бъ искать правъ и легій подтвержденія». Термины обыкновеннаго ихъ совѣта, которые остому народу (который подлинно добръ), пользуясь его простотою, ютъ и всегда въ голову кладутъ, что о вольности и правахъ, какъ оначальномъ всѣмъ искать надлежитъ». Шляхетство нѣжинскаго и нскаго повѣтовъ подало челобитную: «повелѣть вольными голосами съ войскомъ Сѣчи Запорожской—избрать гетмана». «Тщеславились дѣсь много — доносилъ, между прочимъ, Румянцовъ—тѣмъ, что лиф- ы имъ единомѣрны въ удержаніи старыхъ своихъ правъ и вольно- Неизвѣстно — охотно ли, и скоро ли выбрали и послали депутатовъ миссію эти лифляндцы, а равно эстляндцы и финляндцы. Но всѣ роды дѣйствительно крѣпко придерживались за свои историческія ыя права. Напримѣръ, о лифляндскомъ народѣ кн. Щербатовъ пи- «Сей народъ пораженъ недовѣрчивостью на все то, что къ нимъ ссійскихъ правительствъ идетъ, и упорствуетъ во всемъ, что ихъ ими обычаями утверждено». Точно также, по словамъ Щербатова, ытные народы казанскаго царства — татары, чуваши, черемисы, и вотяки, равнымъ образомъ, инородцы сибирскіе — братскіе, или , самоѣды и проч. «въ разсужденіи политическаго состоянія не оброжелатели Россіи и не могли быть толико преданы россійской ѣ, якобы сіе желательно было». Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ ни- точныхъ свѣдѣній и обо всѣхъ этихъ инородцахъ, какъ они взгля- выборъ депутатовъ.


Казанской, Симбирской и Вятской—4 депутата отъ ...
рядныхъ службъ; отъ различныхъ иновѣрцевъ 13 депутатовъ, ...
числѣ, изъ Пензенской провинціи, отъ татаръ, татарина—мурзу ...
изъ Кунгурскаго уѣзда, отъ черемисовъ—черемисина Те...
кова, изъ Пермской провинціи 1-го депутата татарина, изъ Каз...
винціи отъ вотяковъ—вотяка Векчентая Байтуганова, изъ Каз...
провинціи отъ некрещеныхъ чувашъ—чувашенина ...
Свіяжской провинціи, сверхъ татаръ, отъ ясашныхъ черемисъ—че...
Чемекая Ишнаева, изъ Симбирской провинціи, отъ служилыхъ ...
татарина Бахтѣя Мурзу, князя Идебердѣева, изъ казанской ...
Новой слободѣ, отъ служилыхъ мурзъ и татаръ 1 депутатъ; из...
скаго уѣзда ногайской, зюрейской, арской, алацкой и галицко...
отъ приписныхъ къ адмиралтейству служилыхъ татаръ—2 депу...
6 провинцій, отъ новокрещеныхъ и ясашныхъ крестьянъ—14 де...
въ томъ числѣ, по депутату отъ мордвы, чувашъ, черемисъ, во...
татаръ новокрещеныхъ и ясашныхъ крестьянъ; изъ провинцій К...
Вятской, и Пермской, отъ государственныхъ черносошныхъ кр...
отъ приписныхъ къ казеннымъ и демидовскимъ заводамъ—5 де...
Астраханская губернія представила отъ жителей г. Астрахани, ...
ныхъ мурзъ, табунныхъ и головъ 1 депутата, Бій-Мурзу кн...
отъ гражданства изъ 7 городовъ, въ томъ числѣ и изъ Саратов...
таръ, армянъ и русскихъ купцовъ—11 депутатовъ; отъ казацк...

хъ войскъ—12 депутатовъ, въ томъ числѣ 4 казаковъ, 1 войсковаго
а, 4 походныхъ атамановъ; 1 крестьянина отъ черносошныхъ кре-
. Сибирская губернія представила 10 депутатовъ—купцовъ изъ го-
: Тары, Томска, Екатеринбурга, Туринска, Тюмени, Верхотурья, по-
менуемаго Барнаульскій Заводъ, изъ Красноярска, Енисейска, То-
ь, по 1 депутату изъ каждаго города; 2 депутатовъ отъ казацкихъ
, одного изъ кузнецкой и колыванской линіи, отъ крѣпостныхъ
нъ и казаковъ, другого изъ 4 линій — иртышской, новотарской,
кой и тобольской; 5 депутатовъ отъ иновѣрцевъ—бухарцевъ и та-
-хъ депутатовъ отъ государственныхъ крестьянъ. Иркутская гу-
редставила 9 депутатовъ отъ гражданства изъ 5 городовъ, именно:
кутска—купца Алексѣя Сибирякова-меньшаго, изъ кяхтинскаго фор-
-купца Антона Овсянникова, изъ Якутска—прапорщика Алексѣя Да-
, изъ Нерчинска — кн. Павла Гантимурова, изъ Селенгинска—купца
Фридриха; отъ нерчинскихъ хоринскихъ родовъ братскихъ, или бу-
Еренцея Аюшина, отъ селенгинскихъ братскихъ — Ламу Бандеда
отъ государственныхъ крестьянъ Иркутской провинціи—купца Ан-
лексѣева; отъ 5 подгородныхъ кочевныхъ якутскихъ улусовъ якут-
ѣдомства — князца Сафрона Сыранова. Изъ Смоленской губерніи
о 5 депутатовъ отъ уѣзднаго дворянства, 5 отъ гражданства и 1 отъ
рцевъ. Изъ Эстляндской губерніи, изъ 4 крейсовъ 4 депутата отъ
тва, да 2 депутата изъ двухъ городовъ, Нарвы и Ревеля. Изъ Лиф-
й губерніи, изъ 4 дистриктовъ выбрано было 5 депутатовъ отъ
тва, 4 отъ гражданства. Изъ Выборгской губерніи прибылъ 1 де-
отъ уѣзднаго дворянства, 5 депутатовъ отъ гражданства, 4 отъ го-
венныхъ крестьянъ. Нижегородская губернія представила 4 отъ
о дворянства, 7 депутатовъ отъ гражданства, изъ купцовъ разныхъ
ъ Нижегородской губерніи; 2 депутата отъ инородцевъ, 2 отъ па-
ъ солдатъ, 1 отъ черносошныхъ крестьянъ. Малороссійская губернія
вила 11 депутатовъ отъ шляхетства, изъ разныхъ повѣтовъ, пол-
мѣстечекъ, 10 депутатовъ отъ гражданства, 2 депутата отъ Запо-
й Сѣчи, 9 депутатовъ отъ казаковъ. Слободская Украинская гу-
прислала 5 депутатовъ отъ дворянства, 6 депутатовъ отъ граждан-
депутатовъ отъ войсковыхъ обывателей. Воронежская губернія
вила 19 депутатовъ отъ уѣзднаго дворянства, 16 депутатовъ отъ
нства, изъ купечества, 6 депутатовъ отъ однодворцевъ, 2 отъ ново-
ъ, 2 отъ иновѣрцевъ татаръ, 8 отъ казацкихъ войскъ. Бѣлогород-
бернія представила 19 депутатовъ, отъ дворянства—изъ 19 уѣздовъ,
татовъ отъ гражданства, все изъ купцовъ, исключая двухъ — гу-
го секретаря и полковаго писаря, 3 депутатовъ отъ однодворцевъ,
ахатныхъ солдатъ. Архангелогородская губернія, обнимавшая тогда
гду и Солигаличъ, представила 7 депутатовъ отъ уѣзднаго дворян-
3 депутатовъ отъ гражданства, 3 депутатовъ отъ самоѣдовъ—само-
Зиновья Ардѣева, Валембоя Водягова и лопаря Захара Петрова; 1
а отъ ясашныхъ крестьянъ, 2 отъ государственныхъ черносошныхъ
нъ. Оренбургская губернія представила 3 депутатовъ отъ дворян-

ства, 5 депутатовъ отъ гражданства, 11 депутатовъ отъ казацкихъ в
10 депутатовъ отъ иновѣрцевъ, отъ мещеряковъ, отъ татаръ, отъ ба
цевъ и тарханцовъ, отъ калмыкъ, 10 депутатовъ отъ новокрещенъ и
ныхъ. Новороссійская губернія представила 21 депутата отъ шляхе
Опекуны разныхъ иновѣрцевъ: тайный совѣтникъ, сенаторъ и ка
Адамъ Олсуфьевъ, камер-юнкеръ и лейбъ-гвардіи коннаго полка пор
Григорій Потемкинъ и прокуроръ князь Вяземскій.

Засѣданія коммиссіи, торжественно открывшіяся, были двоякаг
въ общемъ, или большомъ собраніи всѣхъ депутатовъ, и въ 19 час
коммиссіяхъ, учрежденныхъ большимъ собраніемъ. Занятія коммисс
чались чтеніемъ знаменитаго наказа императрицы Екатерины и п
вленіемъ наказовъ, данныхъ депутатамъ отъ избирателей. «Изъ
императрицы, они болѣе половины изъ того, что было писано ею, пом
и остался наказъ уложенія, яко оный напечатанъ». Взглянемъ же
на то, что представляли депутаты.

Въ наказахъ, какіе даны были депутатамъ отъ ихъ избирател
вольно ясно и характеристично высказались и нужды, и умонач
провинціальныхъ обществъ, и главныя общественныя болѣзни XVII
Не отличаются они ни особенно замѣчательными, широкими идея
особенною политическою требовательностью со стороны провинц
нихъ высказались провинціальныя общества, сословія, такъ какъ спр
были врасплохъ, неожиданно, вслѣдствіе манифеста 14 декабря 176
Наскоро, второпяхъ, провинціальные избиратели изложили въ наказ
путатамъ прежде всего и главнымъ образомъ тѣ непосредственные во
какіе больше всего наболѣли тогда въ жизни, въ сердцахъ, въ бы
рода, и высказали ихъ въ такихъ рамкахъ, формахъ, какія созда
вѣковая исторія, создало правительство.

Прежде всего, отмѣтимъ въ наказахъ депутатскихъ ненорма
выраженія провинціальной, народной жизни. Невольно бросается въ
въ представленіяхъ депутатовъ, во-первыхъ, эта исторически-обр
шаяся сословная раздѣльность, исключительность, сословный антаго
Собраніе депутатовъ не имѣло вполнѣ земскаго характера, вслѣдств
нишняго сословнаго разъединенія земства. Уже задолго до ре
Петра Великаго, первоначально цѣльное, безсословное земство русск
палось, разъединилось *на всякихъ чиновъ людей*. Эта разночинность
разилась и на земскихъ соборахъ XVII вѣка. Съ начала XVIII ст
вслѣдствіе ревизскихъ росписей народа по родамъ государственных
занностей службы, подати и повинности, вслѣдствіе раздѣленія шк
ховныхъ, военныхъ, гражданскихъ и проч. всякихъ чиновъ, земскіе
рѣшительно раздѣлялись на сословія, и постепенно замыкались въ
ныя касты. Въ тридцатыхъ годахъ, впрочемъ, еще былъ спорный в
о сословіяхъ. Татищевъ требовалъ точнаго, строгаго разграниченія
ственнаго шляхетства или дворянства отъ *подлаго* или простого нар
гражданства или купечества и посадства и отъ духовенства. Воль
желалъ уничтоженія, по крайней мѣрѣ, духовнаго сословія, какъ каст
вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ, ревизіями душъ, табелью о рангахъ,

ніемъ церковническихъ дѣтей въ особыхъ духовныхъ школахъ, только въ дежду священства, съ учрежденіемъ особыхъ артиллерійскихъ школъ и катскихъ корпусовъ, вмѣстѣ съ отдѣленіемъ дворянства отъ *подлаго* народа и языку и по образу жизни, вмѣстѣ съ усиленіемъ солдатства, военнаго сооекія, сословныя касты окрѣпли въ наслѣдственности своихъ генерацій, своеобразности понятій и нравовъ и проч. Въ половинѣ XVIII столѣтія, гда дворянской грамотой Петра III шляхетство или дворянство еще лѣе обособлялось своею исключительною привилегированностью отъ всѣхъ очихъ сословій, особенно отъ крѣпостного крестьянства, въ половинѣ VIII ст. сословное разъединеніе земства достигло высшаго развитія. наружилась уже сословная исключительность, замкнутость, разрозненсть, и сказался сословный антагонизмъ. И вотъ, это-то исторически-налѣвшее, развившееся зло неизбѣжно отразилось прежде всего на статьяхъ щественныхъ наказовъ, на представленіяхъ депутатовъ, составившихъ ммиссію 1767 года. Депутаты, раздѣлившись по сословіямъ, представили ъ лица своихъ сословій немало такихъ статей, въ которыхъ вполнѣ сказались ихъ исключительные, сословные интересы, ихъ сословная здѣльность. Такъ, дворянство, какъ особое привилегированное, постное сословіе, представляло о своихъ, исключительно-помѣщичьихъ тересахъ, въ духѣ крѣпостного права, напр. 1) о продажѣ дворянву экономическихъ деревень; 2) о дачѣ и продажѣ дворянамъ закъ, дикихъ степей и разныхъ службъ служилыхъ людей земель; 3) объ режденіи по городамъ школъ исключительно для дворянскаго юношества; о бытіи отданныхъ въ рекруты женамъ у помѣщиковъ въ послушаніи; о запрещеніи тѣмъ, коимъ дворянскимъ правомъ пользоваться не велѣно, ѣть хутора, хлѣбопашество, мельницы; 6) о постановленіи къ удержанію ѣпостныхъ женокъ и дѣвокъ отъ побѣговъ строжайшаго закона и т. п. очно также въ представленіи городскихъ жителей, и въ частности кучества, какъ особаго сословія, высказалась ихъ старинная нравственная рта—церковное обрядолюбіе, и также сословная исключительность, замутость. Они представляли, между прочимъ: 1) объ утвержденіи въ благочестіи христіанской вѣры; о предписаніи въ законѣ, какимъ образомъ хранять тайны божіи, когда церковь во время службы внезапно загося; о нечиненіи въ церкви божіей во время службы смятенія; 2) о поиженіи желающихъ въ монашескій чинъ; 3) о штрафѣ съ неисповѣвшихся; 4) о построеніи церквей божіихъ и о писаніи на всякія церковя вещи контрактовъ безъ всякія пошлины; 5) о пожалованіи въ пооенныя церкви на иконостасы и на украшенія оныхъ денежной суммы, проч. Впрочемъ, въ этихъ представленіяхъ выразился отчасти старинный ошій земскій обычай: дѣлать мірскія земскія заповѣди и узаконенія о едметахъ религіозныхъ, церковныхъ, не считая ихъ исключительною надлежностью церковной власти. При этой религіозно-обрядовой своечности, купечество, какъ замкнутое сословіе, представляло, между промъ, «чтобъ дворянству и другихъ званій людямъ торговать не дозволять, объ госпиталямъ, сиропитательнымъ домамъ и школамъ быть единственно одного купечества, а не для другого какого званія людей», и т. п.

ства, 5 депутатовъ отъ гражданства, 11 депутатовъ отъ казацкихъ
10 депутатовъ отъ иновѣрцевъ, отъ мещеряковъ, отъ татаръ, отъ б
цевъ и тарханцовъ, отъ калмыкъ, 10 депутатовъ отъ новокрещенъ
ныхъ. Новороссійская губернія представила 21 депутата отъ шлях
Опекуны разныхъ иновѣрцевъ: тайный совѣтникъ, сенаторъ и ка
Адамъ Олсуфьевъ, камер-юнкеръ и лейбъ-гвардіи коннаго полка по
Григорій Потемкинъ и прокуроръ князь Вяземскій.

Засѣданія коммиссіи, торжественно открывшіяся, были двояка
въ общемъ, или большомъ собраніи всѣхъ депутатовъ, и въ 19 ча
коммиссіяхъ, учрежденныхъ большимъ собраніемъ. Занятія коммис
чались чтеніемъ знаменитаго наказа императрицы Екатерины и п
вленіемъ наказовъ, данныхъ депутатамъ отъ избирателей. «Изъ
императрицы, они болѣе половины изъ того, что было писано ею, пом
и остался наказъ уложенія, яко оный напечатанъ». Взглянемъ же
на то, что представляли депутаты.

Въ наказахъ, какіе даны были депутатамъ отъ ихъ избирател
вольно ясно и характеристично высказались и нужды, и умонач
провинціальныхъ обществъ, и главныя общественныя болѣзни XVIII
Не отличаются они ни особенно замѣчательными, широкими идея
особенною политическою требовательностью со стороны провинц
нихъ высказались провинціальныя общества, сословія, такъ какъ спр
были врасплохъ, неожиданно, вслѣдствіе манифеста 14 декабря 176
Наскоро, второпяхъ, провинціальные избиратели изложили въ наказ
путатамъ прежде всего и главнымъ образомъ тѣ непосредственные во
какіе больше всего наболѣли тогда въ жизни, въ сердцахъ, въ бы
рода, и высказали ихъ въ такихъ рамкахъ, формахъ, какія создал
вѣковая исторія, создало правительство.

Прежде всего, отмѣтимъ въ наказахъ депутатскихъ ненорма
выраженія провинціальной, народной жизни. Невольно бросается въ
въ представленіяхъ депутатовъ, во-первыхъ, эта исторически-обра
шаяся сословная раздѣльность, исключительность, сословный антаго
Собраніе депутатовъ не имѣло вполнѣ земскаго характера, вслѣдстві
нишняго сословнаго разъединенія земства. Уже задолго до ре
Петра Великаго, первоначально цѣльное, безсословное земство русско
палось, разъединилось *на всякихъ чиновъ людей*. Эта разночиновнос
разилась и на земскихъ соборахъ XVII вѣка. Съ начала XVIII сто
вслѣдствіе ревизскихъ росписей народа по родамъ государственных
занностей службы, подати и повинности, вслѣдствіе раздѣленія шко
ховныхъ, военныхъ, гражданскихъ и проч. всякихъ чиновъ, земскіе
рѣшительно раздѣлялись на сословія, и постепенно замыкались въ с
ныя касты. Въ тридцатыхъ годахъ, впрочемъ, еще былъ спорный в
о сословіяхъ. Татищевъ требовалъ точнаго, строгаго разграниченія
ственнаго шляхетства или дворянства отъ *подлаго* или простого наро
гражданства или купечества и посадства и отъ духовенства. Вол
желалъ уничтоженія, по крайней мѣрѣ, духовнаго сословія, какъ каст
вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ, ревизіями душъ, табелью о рангахъ,

мъ церковническихъ дѣтей въ особыхъ духовныхъ школахъ, только въ кду священства, съ учрежденіемъ особыхъ артиллерійскихъ школъ и каихъ корпусовъ, вмѣстѣ съ отдѣленіемъ дворянства отъ *подлаго* народа и ыку и по образу жизни, вмѣстѣ съ усиленіемъ солдатства, военнаго со-я, сословныя касты окрѣпли въ наслѣдственности своихъ генерацій, воеобразности понятій и нравовъ и проч. Въ половинѣ XVIII столѣтія, дворянской грамотой Петра III шляхетство или дворянство еще обособлялось своею исключительною привилегированностью отъ всѣхъ ихъ сословій, особенно отъ крѣпостного крестьянства, въ половинѣ I ст. сословное разъединеніе земства достигло высшаго развитія. ружилась уже сословная исключительность, замкнутость, разрозненх, и сказался сословный антагонизмъ. И вотъ, это-то исторически-нашее, развившееся зло неизбѣжно отразилось прежде всего на статьяхъ твенныхъ наказовъ, на представленіяхъ депутатовъ, составившихъ иссію 1767 года. Депутаты, раздѣлившись по сословіямъ, представили лица своихъ сословій немало такихъ статей, въ которыхъ вполнѣ зались ихъ исключительные, сословные интересы, ихъ сословная льность. Такъ, дворянство, какъ особое привилегированное, поное сословіе, представляло о своихъ, исключительно-помѣщичьихъ есахъ, въ духѣ крѣпостного права, напр. 1) о продажѣ дворянэкономическихъ деревень; 2) о дачѣ и продажѣ дворянамъ задикихъ степей и разныхъ службъ служилыхъ людей земель; 3) объ кденіи по городамъ школъ исключительно для дворянскаго юношества; бытіи отданныхъ въ рекруты женамъ у помѣщиковъ въ послушаніи; запрещеніи тѣмъ, коимъ дворянскимъ правомъ пользоваться не велѣно, хутора, хлѣбопашество, мельницы; 6) о постановленія къ удержанію стныхъ женокъ и дѣвокъ отъ побѣговъ строжайшаго закона и т. п. также въ представленіи городскихъ жителей, и въ частности кутва, какъ особаго сословія, высказалась ихъ старинная нравственная —церковное обрядолюбіе, и также сословная исключительность, замость. Они представляли, между прочимъ: 1) объ утвержденіи въ благіи христіанской вѣры; о предписаніи въ законѣ, какимъ образомъ нять тайны божіи, когда церковь во время службы внезапно заго-; о нечиненіи въ церкви божіей во время службы смятенія; 2) о поженіи желающихъ въ монашескій чинъ; 3) о штрафѣ съ неисповѣихся; 4) о построеніи церквей божіихъ и о писаніи на всякія церковвещи контрактовъ безъ всякія пошлины; 5) о пожалованіи въ понныя церкви на иконостасы и на украшенія оныхъ денежной суммы, эч. Впрочемъ, въ этихъ представленіяхъ выразился отчасти старинный ній земскій обычай: дѣлать мірскія земскія заповѣди и узаконенія о етахъ религіозныхъ, церковныхъ, не считая ихъ исключительною длежностью церковной власти. При этой религіозно-обрядовой своености, купечество, какъ замкнутое сословіе, представляло, между про-, «чтобъ дворянству и другихъ званій людямъ торговать не дозволять, госпиталямъ, сиропитательнымъ домамъ и школамъ быть единственно дного купечества, а не для другого какого званія людей», и т. п.

Наконецъ, точно также, въ представленіи депутатовъ отъ присут-
ныхъ мѣстъ выразилась своеобычная особенность: чиновничья ук
мелочность, ревность къ установкѣ въ рамки положительнаго узако
такихъ случаевъ или явленій въ жизни, которые закономъ не произво
и не могутъ быть вложены въ опредѣленныя нормы какого-нибудь у
Напр., они представляли, между прочимъ: 1) «объ установленіи зако
приведенію разнаго званія народа въ содружество», хотя закономъ е
можно вынудить это содружество, безъ другихъ, болѣе существе
условій для этого, и прежде всего — закономъ не уничтоживши раз
няющихъ разные народы началъ; 2) о ревизіи и отличеніи граждан
родѣтельныхъ; 3) объ истребленіи женщинъ, ведущихъ жизнь распу
4) о неимѣніи форейторамъ и верховымъ кнутовъ и плетей и т. п.

При всей, однакожъ, сословной разрозненности, замкнутости и
чительности, во всѣхъ прочихъ представленіяхъ депутатовъ предъя
были правительству самыя живыя, насущныя, справедливыя нар
нужды и требованія. Представленія эти не отличаются особеннымъ р
политическимъ либерализмомъ, но въ нихъ вполнѣ высказалась нар
горько-опытная, жизненно-практическая критика самыхъ существе
правительственныхъ учрежденій, ясно высказались истинныя гр
скія права и интересы земскихъ сословій, выразилась живая потре
полнаго народнаго контроля надъ администраціей и судомъ — о
словомъ, высказался не слишкомъ либеральный, но здоровый пол
скій тактъ, смыслъ народа. Земскія сословія, какъ только при
были къ сочиненію новаго уложенія для себя, тотчасъ обнаружили
мленіе къ возстановленію своего вліянія въ дѣлахъ суда и расправы,
просахъ и дѣятельности присутственныхъ мѣстъ, въ устроеніи своего
мическаго быта, просвѣщенія, образа жизни. Во-первыхъ, всѣ клас
рода, не исключая и правительственныхъ депутатовъ, единодушно
ногласно высказали въ своихъ наказахъ живую потребность учені
свѣщенія, потребность училищъ, академій, университетовъ, потре
больницъ, сиропитательныхъ домовъ, аптекъ, лекарей и повивал
бабокъ. Весьма важно то, что разрозненныя сословія сходились въ
главномъ условіи ихъ будущаго сближенія — въ единогласной потре
просвѣщенія. Депутаты отъ правительственныхъ мѣстъ представлял
обученіи дѣтей катихизису, объ учрежееніи по городамъ училищ
юношества и о непринимаціи въ домы учителей и учительницъ не
тельствованныхъ». Дворянство представляло: 1) «объ имѣніи при це
ученыхъ священниковъ на жалованьѣ, и чтобъ причетники обуча
стьянскихъ дѣтей грамотѣ; 2) объ учрежденіи по городамъ для
скаго юношества школъ». Городскіе жители требовали еще больш
подали записку «объ учрежденіи въ городахъ академій, университе
школъ и объ обученіи въ оныхъ разнымъ языкамъ купеческихъ
ночинскихъ дѣтей и сиротъ». Въ частности, купечество предст
«магистратамъ накрѣпко подтвердить о добромъ содержаніи школ
же о воспитаніи дѣтей прилагать всевозможное стараніе, дабы о
чаемы были, сверхъ искуснаго понятія закона и письма, арием

хгалтеріи; кто же будетъ отъ онаго дѣтей своихъ укрывать и въ школы отдавать, таковыхъ отцовъ штрафовать, первой гильдіи по 50, второй 25 рублей». Наконецъ, и однодворцы и хлѣбопашцы требовали: «опредѣлить для наукъ и наставленія богоугодныхъ дѣлъ духовныхъ и для вержденія благосостоянія и знанія законовъ и добрыхъ поведеніевъ свѣтскихъ учителей».

Согласно съ общимъ желаніемъ народа, выраженнымъ въ наказахъ путатскихъ, въ числѣ 19 частныхъ коммиссій депутатскихъ, учреждена ла особая коммисія *объ училищахъ*. Она составила «Учрежденіе школъ жнихъ въ городахъ и мѣстечкахъ». Школы назначались при церквахъ по ъмъ приходамъ, именно какъ первая насущная потребность всѣхъ прихожанъ. ѣрены онѣ были надзору епархіальнаго начальства и градоначальниковъ, торые должны были каждую треть года давать объ нихъ отчетъ синоду особому главному опекуну земскихъ школъ. «Для сихъ школъ—сказано тѣе въ Учрежденіи коммиссіи объ училищахъ—св. синоду приложить раніе, чтобъ сочинены были слѣдующія книги: 1) азбука церковной и жданской печати; 2) краткій катихизисъ; 3) кратчайшее нравоученіе ь правилъ естественныхъ; 4) для утвержденія сего естественнаго прачченія и св. писанія заставлять дѣтей выучивать наизустъ книжку ноизданную подъ именемъ «Словеса св. писанія»; 5) академія сочинить ѣетъ самыя малыя двѣ книжки: первая содержала бы въ себѣ четыре сти простой ариѳметики съ дробями и тройными правилами, а вторая—казаніе глобуса земнаго съ четырьмя частями свѣта на особливыхъ ртахъ, приложа къ нимъ главнѣйшія государства. А въ сей географической книжкѣ означить столичные и знатнѣйшіе всѣхъ государствъ гоцы. Таковыя книги учители просмотря, сами для себя легко поймутъ и возможности своего понятія дѣтямъ объяснять будутъ. Ежели ученики вышепрописанное окончаютъ, тогда давать имъ читать новый завѣтъ, гражданскихъ же книгахъ Наказъ е. и. в. къ сочиненію уложенія, такде Роленеву древнюю исторію. Всякія тѣлесныя наказанія ученикамъ все запрещаются, а паче не бить по щекамъ, за волосы и за уши не тъ... За обученіе азбуки, часослова, псалтири и катихизиса, отцы давать ютъ учителю по рублю, за письмо по полтинѣ, за книжку исторіи и графіи по полтинѣ, за истолкованіе катихизиса и надзираніе священка по полтинѣ. Сверхъ-того, оставляется на волю родителей давать и ьше. При выпускѣ изъ школы долженъ родитель или въ чьей волѣ никъ состоитъ, давать въ кружку школьную по рублю, но исключаются того самые бѣдные, которые по бѣдности не имѣютъ платить чѣмъ телямъ, за тѣхъ выдавать изъ кружки половинную плату; но сіе неко, какъ съ согласія общаго, то-есть попечителя, священника, дьякона, чка и *лучшихъ прихожанъ*». Главный, верховный надзоръ надъ всѣми ходскими школами поручался «главному опекуну градскихъ школъ», орый долженъ былъ засѣдать въ совѣтѣ вмѣстѣ съ членами синодальи и рапортовать царю объ успѣхѣ земскихъ школъ.

Кромѣ училищъ, дворянство и городскіе жители требовали распроненія по гороъамъ сировоспитательныхъ домовъ, госпиталей, аптекъ и

лекарей. Дворяне требовали только аптекъ и лекарей, а городскіе жит
представляли: «объ учрежденіи на казенномъ содержаніи больницъ и
ропитательныхъ домовъ, объ умноженіи по городамъ апт
докторовъ, лекарей и повивальныхъ бабокъ». Въ частности, купечес
выразивши желаніе учредить исключительно для себя госпитали и с
питательные домы, независимые ни отъ какихъ правительствъ и влас
представляло: «лекарямъ быть въ каждомъ губернскомъ и провинціальн
большомъ городѣ, гдѣ купцы принять пожелаютъ, и пользовать куп
даромъ, довольствуясь жалованьемъ».

Самое тяжкое бремя для всѣхъ областныхъ жителей, какъ мы
знаемъ отчасти, составляли присутственныя мѣста съ присутст
щими въ нихъ, губернскія, провинціальныя и воеводскія канцел
военныя полицейскія команды и проч. Деспотическій произволъ,
піющее неправосудіе и мучительная и разорительная медленность с
производства и бумаговодства — вотъ главныя болѣзни облас
администраціи, гноившія тогда здоровое благосостояніе област
обществъ, тормозившія ихъ естественное, здоровое, правильное с
развитіе. Вотъ и противъ всѣхъ этихъ злоупотребленій присутствен
мѣстъ протестовали почти единогласно всѣ земскія сословія. Но такъ
главные производительные классы земства, городскіе жители, купцы,
щане и хлѣбопашцы, всѣхъ болѣе испытывали и тяжелѣе ощущал
себѣ весь гнетъ, всю безконтрольную, необузданную, деспотическую,
ную придирчивость присутственныхъ мѣстъ и присутствующихъ, вс
сносную стѣснительность и разорительность дѣлохожденія, то эти кл
народа всего болѣе и рѣшительнѣе требовали себѣ правъ надзора и
троля надъ присутственными мѣстами, надъ полиціей, надъ судами.
требовали представительства своихъ депутатовъ въ присутственных
стахъ, требовали собственнаго гражданскаго и уѣзднаго суда и
Именно городскіе жители представляли: 1) «объ учрежденіи вновь г
скаго суда; 2) о бытіи полиціи въ вѣдомствѣ магистратовъ и ратушъ
подтвержденіи магдебургскаго права; 4) о выборѣ изъ купечества ос
выхъ депутатовъ и о дозволеніи онымъ входить во всѣ присутстве
мѣста по дѣламъ купечества; 5) о нечиненіи военнослужащимъ лю
купечеству никакихъ обидъ и побой и о платежѣ имъ за забранн
купцовъ товары денегъ; 6) объ учрежденіи, вмѣсто формальныхъ,
кихъ словесныхъ, также и третейскихъ судовъ для всякихъ случающ
между купечествомъ съ разночинцами дѣлъ; 7) о правосудіи и ск
шемъ рѣшеніи дѣлъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ по просьбам
купечества; 8) о запрещеніи присутствующимъ слушанія и подписы
дѣлъ на домахъ; 9) объ уменьшеніи судовъ и о штрафѣ судей; 10)
забираніи насильно къ суду въ присутственныя мѣста градскихъ жит
безъ учиненныхъ повѣстокъ; 11) о небытіи въ городахъ особой сыскно
манды, а о препорученіи оной магистратамъ». Въ частности, купече
какъ сословіе, представляло: «купечеству между собою судимымъ бы
всѣхъ дѣлахъ, кромѣ великихъ государственныхъ, въ городскихъ маги
тахъ и ратушахъ». Такимъ образомъ, городскіе жители просили себѣ

нтроля надъ самыми тяжелыми для народа правительственными учреденіями прошлаго столѣтія. И по праву: потому что управленіе ихъ интесами, заботы объ ихъ бытѣ, хозяйствѣ, благополучіи, охраненіе ихъ добра, естественному праву, принадлежало и принадлежитъ имъ самимъ, а не кимъ другимъ, особенно непрошеннымъ приказнымъ опекунамъ. Точно кже однодворцы и хлѣбопашцы представили: 1) «о непосылкѣ въ уѣздъ ходящихся при городахъ служилыхъ людей съ указами, для публиконія оныхъ, а о разсылкѣ ихъ для того по церквамъ изъ духовныхъ авленій; 2) о выборѣ судей всѣмъ обществомъ всего уѣзда и объ опреленіи въ присутственныхъ мѣстахъ для скораго отправленія дѣлъ уѣздихъ жителей, особливыхъ членовъ; 3) о бытіи для дѣлъ со стороны сущихся депутатамъ въ засѣданіи, въ присутственныхъ мѣстахъ; 4) о неитѣсненіяхъ однодворцамъ и прочимъ народамъ отъ присутственныхъ стъ и отъ самихъ присутствующихъ; 5) о словесныхъ судахъ; объ опреленіи для разбирательства между обывателями дѣлъ, командировъ или аршинъ по выбору изъ нихъ же и о небытіи имъ ни по какимъ дѣламъ, омѣ подушнаго оклада, вѣдомымъ въ присутственныхъ мѣстахъ».

Мало-того. Многія провинціальныя общины и ихъ депутаты просили, объ въ Великороссіи и Сибири воеводы были выборные изъ самихъ проинціальныхъ жителей, или, по крайней мѣрѣ, по просьбѣ ихъ смѣняемы, въ Малороссіи избираемы были вольными голосами народа гетманъ и аршины, и чтобъ малороссійскіе чины были уравнены съ великороссійими и т. п. Такъ, однодворцы и хлѣбопашцы представляли, между промъ, «объ уменьшеніи пятилѣтняго срока воеводства и о перемѣнѣ воедъ и секретарей по просьбѣ уѣздныхъ жителей отъ губерній и о выводѣ ъ малороссійскихъ городовъ россійскихъ воеводъ». Городскіе жители проли «о выборѣ малороссійскому народу гетмана и старшинъ вольными голоми и о бытіи казакамъ судимымъ отъ оныхъ старшинъ». Дворянство предавляло: «о выборѣ воеводъ и товарищей баллотированіемъ изъ дворянъ оего уѣзда». Въ частности, депутатъ ярославскаго дворянства кн. Щертовъ подалъ въ коммиссію слѣдующее мнѣніе о выборѣ уѣздныхъ двонъ къ соучастію въ воеводскомъ управленіи: «великое пространство Россйской Имперіи, разныя правительства необходимо-нужныя, великое число одей, служащихъ въ военной службѣ и желающихъ еще и въ граждапой услуги показать, и многіе уже по истощеніи силъ своихъ вступаютъ гражданскую службу, яко въ нѣкое упокоеніе... Но по великому числу ковыхъ раздаваемыхъ мѣстъ не всегда обрѣталися право разумѣющіе коны и ихъ приложеніе, да и впредь сумнительно, чтобъ великое изоліе въ таковыхъ могло быть, чтобъ имѣя и ясный уже законъ, чрезъ юдей изъ дѣтскихъ лѣтъ прилежащихъ къ симъ дѣламъ, не могли сбиты обмануты быть, каковы есть многіе приказные служители; сверхъ того, расти, примѣшиваясь отъ сообщенія таковыхъ подлыхъ и привыкшихъ ъ душевредству и мздоимству людей, принуждаютъ вымышлять способы затмѣніе самой истины, такъ что мало-по-малу впадая въ преступленія, еводы утѣсняютъ народъ, находя себѣ защитниковъ, не скоро наказаны ваютъ, а пороки продолжая путь свой, яко ядовитая болѣзнь, болѣе

нравы заражаютъ. И для предупрежденія такихъ слѣдствій, не соблаго
лено-ль будетъ, чтобъ при воеводѣ были выбраны отъ уѣзду два или
депутата въ собраніи дворянства и опредѣлены безъ жалованья для
сѣданія съ нимъ вмѣстѣ. Воевода, яко начальникъ, имѣлъ бы особли
себя положенную должность, по всѣмъ государственнымъ дѣламъ, яко
рамъ и прочіи, по которымъ бы и къ отвѣту явиться долженъ былъ;
ряне же имѣли бы участіе во всѣхъ дѣлахъ, касающихся до земскаго
(хотя и по государственнымъ должныя вѣрныхъ подданныхъ предлож
воеводѣ имъ бы не запрещались)».

Относительно экономическаго быта и устройства провинцій, депу
ихъ высказали также нѣсколько существенно-необходимымъ и полез
требованій. При сильномъ и все болѣе и болѣе возраставшемъ раз
экономической централизаціи въ XVIII столѣтіи, казна поглощала зе
доходы, напримѣръ городскіе, употребляла ихъ безъ всякой отчет
предъ городскими жителями. По провинціальнымъ городамъ не
мѣстныхъ кредитныхъ учрежденій, не только частныхъ земскихъ бан
но и казенныхъ, государственныхъ. Коммерцъ-коллегія и мануфактуръ
легія только обременяли своею бюрократическою централизаціею своб
движеніе и развитіе торговли и промышленности по областямъ, а н
двигали ее впередъ. Вмѣсто локализаціи экономическихъ силъ и отправ
для наиболѣе свободнаго и равномѣрнаго распространенія и развитія
по мѣстнымъ экономическимъ, торгово-промышленнымъ путямъ и с
точіямъ, эти центральныя коллегіи централизировали и ослабляли,
няли свободное областное народно-экономическое саморазвитіе св
излишнимъ бюрократическимъ бумаговодствомъ. Въ торговлѣ и промыш
ности свирѣпствовала монополія, или, по выраженію Мордвинова, е
торжіе казны и казенныхъ откупщиковъ; въ подрядахъ также. На в
не могли не отозваться законными жалобами и требованіями прежде
главные торгово-промышленные классы, городскіе жители. И вотъ,
таты ихъ представили, между прочимъ, 1) «объ учрежденіи по горо
для купеческой коммерціи и размноженія торговъ государственнаго б
2) объ уничтоженіи въ Малороссіи пограничныхъ таможенъ; 3) о нео
въ монополію никакихъ промысловъ и товаровъ». Въ высшей степен
конно слѣдующее представленіе купечества: «чтобъ принадлежащіе
жданству доходы оставить всѣ въ гражданскую пользу, а въ казну
вать только по рублю пятидесяти копеекъ съ души». Равнымъ обра
вполнѣ сообразна съ требованіями всѣхъ податныхъ сословій просьб
печества о возстановленіи подворной ревизіи, вмѣсто подушной. Тогд
родъ сильно уклонялся и бѣжалъ отъ ревизіи душъ. Поэтому купцы
сили «объ уничтоженіи сочиняющейся нынѣ по душамъ ревизіи, а о
оной попрежнему по дворамъ». Дворянство, кромѣ нѣсколькихъ св
рыстныхъ помѣщичьихъ экономическихъ представленій, между проч
также хлопотало: 1) «объ учрежденіи по городамъ банковъ; 2) хлѣб
магазиновъ и фабрикъ». Относительно крестьянъ, достойно вниманія
ставленіе или ходатайство дворянства: 1) о позволеніи крестьянамъ в
родахъ торговать продуктами ихъ въ розницу; 2) о позволеніи кресть

подрядовъ; 3) о бытіи крестьянамъ у купцовъ повѣренными въ лавкахъ и въ питейныхъ домахъ въ одно зимнее время, а въ лѣтнее, чтобъ возвращались къ земледѣлію; 4) о несборѣ съ крестьянства подводъ, а вмѣсто того объ учрежденіи почтовыхъ становъ; 5) о ненаряженіи крестьянъ на караулы и работы; 6) о сборѣ въ однихъ мѣстахъ вмѣсто фуража деньгами, а въ другихъ, гдѣ будетъ потребно, вмѣсто подушныхъ денегъ, провіантомъ и фуражемъ; 7) о поселеніи по уѣздамъ и городамъ иностранныхъ колонистовъ, отъ коихъ бы крестьянство получило наставительный примѣръ къ лучшему домоустройству; 8) объ истребленіи, для соблюденія лѣсовъ, желѣзныхъ, стекольныхъ, жженія золы и прочихъ заводовъ».

Наконецъ, отмѣтимъ и остальные, болѣе или менѣе тоже дѣльные вопросы и представленія депутатовъ. Депутаты отъ присутственныхъ мѣстъ представили, между прочимъ: «о вступленіи всякимъ чинамъ въ духовные, и изъ духовныхъ въ свѣтскіе, и освобожденіи священниковъ отъ неприличныхъ работъ; о уменьшеніи свободныхъ дней отъ работъ; о учиненіи закона, какъ поступить въ случаѣ того, когда отъ побой помѣщиковъ случится людямъ смерть; о запрещеніи кулачныхъ боевъ; объ учиненіи монашескихъ недвижимыхъ имѣній коронными и объ установленіи къ пропитанію ихъ (то-есть монаховъ) и къ содержанію церквей—доходовъ; о пресѣченіи роскошей; о публикаціи отъ полиціи о всѣхъ происходящихъ новостяхъ; объ учрежденіи въ городахъ публичныхъ мѣстъ для увеселенія обывателей», и проч. Дворянство представило, въ числѣ другихъ пунктовъ: «о продажѣ церковныхъ земель; о заведеніи въ городахъ особыхъ слободъ для полковъ и о выводѣ ихъ изъ уѣздовъ; о запрещеніи на выгонныхъ городскихъ земляхъ сѣять хлѣбъ; объ умноженіи крестьянскаго безчестія (то-есть платы за безчестье) и объ умноженіи суммы оныхъ, кои пожелаютъ быть въ купечествѣ, и о незапискѣ въ посадъ по женамъ ихъ», и проч. Градскіе жители, между другими пунктами, подали: «о свободномъ отправленіи богослуженія другихъ законовъ людямъ; о содержаніи на пристойномъ основаніи церковнаго причта и объ опредѣленіи оному жалованья; о нетребованіи священникамъ, сверхъ указаннаго числа, за церковныя требы; о подтвержденіи казакамъ шляхетскаго права и объ оставленіи ихъ при прежней должности казачьей; о правѣ и преимуществѣ россійскаго купечества и о неназываніи онаго непристойными словами и дозволеніи первостатейнымъ носить шпаги; о пресѣченіи роскошей и о невыписываніи въ Россію никакихъ иностранныхъ вещей; о выключкѣ изъ подушнаго оклада дворянъ, дѣтей боярскихъ, купечества и разнаго званія людей и увольненіи отъ рекрутскаго набора; о снятіи съ подсусѣдковъ рублеваго оклада и о расположеніи онаго на тяглыхъ и земли имѣющихъ людей; объ учрежденіи цеховъ; объ учиненіи запрещенія, чтобъ никто не дерзалъ ругать иновѣрныхъ законовъ; о непринужденіи купечества къ бритію бородъ и ношенію нѣмецкаго платья; о позволеніи возвратившимся изъ Польши и Турціи раскольничьимъ попамъ, монахамъ и монахинямъ, въ часовняхъ и церквахъ отправлять по службы стариннымъ книгамъ». Однодворцы и хлѣбопашцы, между прочимъ, заявили «о постройкѣ для квартированія пол-

ковъ при городахъ штатныхъ дворовъ и свѣтлицъ; о защитѣ отъ дящихъ полковыхъ служителей».

Такія покуда извѣстны намъ свѣдѣнія о наказахъ, какіе даны народными избирателями депутатамъ знаменитой коммиссіи 1767 г. голосахъ, какіе подали черезъ нихъ почти всѣ провинціальныя общ Если такъ разнообразны были простыя, основныя данныя, вопросы рательныхъ классовъ Россіи, то уже по нимъ невольно предполаг какъ много, должно-быть, высказано было депутатами о разныхъ ріяхъ, во время самыхъ преній или разсужденій, на собраніяхъ общей мисіи и на сходахъ частныхъ 19-ти коммиссій. Что-нибудь да бы говорено и дѣлано въ общихъ собраніяхъ коммиссіи, которая существ съ лѣта 1767 г. и до 12 февраля 1769 г. Равнымъ образомъ что-нибу было же сказано и сдѣлано на собраніяхъ 19-ти частныхъ коммиссі торыя продолжали свою дѣятельность до 1774 г. Для нашего вр покуда это тайна. Но въ высшей степени многознаменательно ужъ что теперь извѣстно намъ изъ исторіи знаменитаго собранія депута Прочитавши только наказы, данные отъ областей депутатамъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что это знаменитое собраніе депутатовъ всего русскаго народа и отъ всѣхъ племенъ инородческихъ представл въ исторіи собственно народной, въ исторіи всѣхъ разнообразныхъ, родныхъ областныхъ массъ русской земли, самое великое, свѣтлое, отра міровое историческое событіе. Это было событіе исторически-движ передовое, просвѣтительное. Недаромъ Западная Европа, услыша собраніи депутатовъ въ Россіи, прославила Семирамиду Сѣвера похва философовъ, поэтовъ и всѣхъ знаменитостей того вѣка.

Великое народное собраніе 1767 г., во-первыхъ, подѣйствовало нар просвѣтительно на европейски-просвѣщенный умъ самой великой за дательницы. Екатерина вынесла такое убѣжденіе о коммиссіи народ депутатовъ, изъ ней же самой: «Коммиссія уложенія—говоритъ она— въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи, съ кѣмъ имѣемъ и о комъ пещись должно. Она всѣ части закона собрала и брала по матеріямъ, и болѣе того бы сдѣлала, ежели бы турецкая в не началась. Тогда распущены были депутаты и военные поѣхали въ а Наказъ коммиссіи ввелъ единство въ правила и въ разсужденія, н примѣръ болѣе прежняго. Стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, яко слѣпые о цвѣтахъ». Такимъ образомъ, собраніе депутатовъ оза просвѣтило отвлеченную идею государства, имперіи, идеей живого на Оно, послѣ темныхъ, тяжелыхъ, тираническихъ временъ первой полов XVIII-го столѣтія, послѣ почти совершеннаго забвенія народа среди стыхъ, бурныхъ государственныхъ переворотовъ, оно вдругъ дало св верховному правительству, верховной власти, съ кѣмъ она имѣетъ дѣл о комъ пещись должна, указало на народъ. Недаромъ съ этого тол времени и для самого правительства все болѣе и болѣе становятся пр метомъ и цѣлью реформъ и учрежденій, не государство, а общество, народ

Затѣмъ, собраніе коммиссіи 1767 г. съ могучей силой и разомъ по двинуло впередъ развитіе законодательныхъ идей, вдругъ повернуло госу

рство отъ застоя къ быстрому, живому и широкому историческому движенію, путемъ разнообразныхъ, всестороннихъ, радикальныхъ реформъ. ни данные, необработанные матеріалы для новаго уложенія, доставленные собранные коммиссіей 1767 года и 19-ю частными коммиссіями, подвинули полстолѣтія впередъ законодательную дѣятельность, и послужили къ данію всѣхъ тѣхъ учрежденій, которыми болѣе всего прославилось рствованіе Екатерины и ознаменовались въ Россіи семидесятые и осьдесятые года прошедшаго вѣка, до которыхъ при Екатеринѣ не явилось одного подобнаго памятника законодательства—и которые доселѣ совляютъ коренныя основы внутренняго устройства и мѣстнаго управленія имперіи. Таковы: учрежденіе для управленія губерній (6 ноября 1775 года), авъ благочинія (8 апрѣля 1782 г.), указъ объ учрежденіи народныхъ илищъ (7 сентября 1782 г.), городовое положеніе (21 апрѣля 1785 г.) и огіе другіе. Проекты всѣхъ этихъ законоположеній начертаны были ммиссіями депутатовъ. По окончаніи первой турецкой войны въ 1774 г., ѣ эти проекты были мало-по-малу извлекаемы изъ архива коммиссіи, и, подрженные пересмотру, дополненные, измѣненные, согласно съ видами тербургскаго правительства, уже подъ редакціей и прессомъ бюрократіи, иводились въ исполненіе. Главная же, существенная работа и заслуга составленіи всѣхъ этихъ законоположеній все-таки исключительно придлежитъ общей коммиссіи 1767 г. и частнымъ коммиссіямъ. Мало того. ногія идеи депутатской коммиссіи 1767 года стали насущными вопросами IX столѣтія, заняли лучшіе государственные умы. Напримѣръ, Мордвивъ всѣми доводами доказывалъ необходимость учрежденія по городамъ стныхъ банковъ, чего требовали и депутаты коммиссій, по наказамъ изрателей. Городскіе жители въ депутатскомъ наказѣ своемъ требовали иреждения университетовъ, академій по всѣмъ городамъ. Это вопросъ только нашего, но еще и будущаго времени. Наконецъ, депутатская ммиссія 1767 года затронула и такіе вопросы первой важности, какъ, примѣръ, о крѣпостномъ правѣ, которое тогда только еще достигало разра, о значеніи именныхъ указовъ, въ случаѣ изданія собраніемъ депутовъ новаго уложенія, и тому подобное. Основательно полагаютъ, что о-то именно поднятіе коммиссіею вопросовъ, признававшихся въ тотъ ѣкъ несвоевременными, и было главною причиною распущенія коммиссіи.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ вообще о значеніи земскихъ оборовъ въ исторіи народной. Оглядывая бѣглымъ взоромъ всю прошедшую сторію русской земли, начиная отъ рюриковской закладки государства и о екатерининской первоосновы, организаціи общества—мы видимъ, что емскія собранія народа представляютъ двигательныя, осново-положительныя ли земско-устроительныя явленія въ русской исторіи. Земскимъ собраіемъ и совѣтомъ начинается наша исторія, полагается закладка, первоснова государственнаго союза. Задолго до начала исторіи, по русской емлѣ бродили все инородческія—финскія, чудскія племена. Вотъ приходятъ лавяне, и изъ починка своего—Славно-Торга и изъ другого ростка своей сторіи—изъ чудскаго города Ростова, проводятъ, *по землѣ и по водѣ*, свою

гостиную или торгово-промышленную и земледѣльческую колониза
среди чудскихъ земель и племенъ, основываютъ славяно-русскія зем
общины, *области, земли, государства.* Не мечъ, а миръ, любовь, совѣт
союзъ принесли славяне инородцамъ. И вотъ, вступаютъ въ федератив
союзъ съ чудскими инородцами, и вмѣстѣ, дружно, единодушно начина
исторію земскимъ собраніемъ и совѣтомъ 862 года. «Возстали славян
кривичи, и чудь, и меря на варяги, и изгнали ихъ за море, и начали с
собою владѣть и города ставить». При разложеніи родовыхъ общинъ,
слабости, неокрѣпности племеннаго федеративнаго союза—племенное
ское самоуправленіе было нестройно и неблагоустроительно. Нужно б
связать племена, для организаціи одного народа, болѣе прочнымъ, со
нительнымъ началомъ. И вотъ, снова славяне, и кривичи, и чудь, и
сходятся на земскій совѣтъ, и призываютъ князей-собирателей, соед
телей племенъ въ одинъ народъ. Началась дальнѣйшая колонизаціо
обстройка областей, организація областныхъ земскихъ общинъ, въ фед
тивной связи—по землѣ и по водѣ. Стали возникать, путемъ вольно-на
наго, земско-областнаго самоустройства, починки областныхъ земск
совѣтовъ и вѣчей. Долго починки эти свободно росли и крѣпли,
корнѣ своемъ, откуда началось и федеративное соединеніе племенъ, и
бодное самоустройство и саморазвитіе областей—въ Великомъ Новгоро
въ вѣчѣ новгородскомъ начинали уже разцвѣтать въ многознаменат
ныхъ своебразныхъ формахъ. Но вотъ, по выраженію лѣтописи, наст
зима, настало насиліе *большое московское*, прилетѣлъ многокрылый ор
исполненный крылъ и львовыхъ когтей—и зачатки земско-областн
вѣчевыхъ міровъ были побиты. Только корень ихъ уцѣлѣлъ, неискорен
хранился въ почвѣ народной—въ обычаяхъ народныхъ, особенно въ
чаяхъ сельскихъ міровъ. Едва только кончилось собираніе областей
ской земли, какъ, въ силу внутреннихъ естественно-историческихъ и ро
этнографическихъ стремленій областей, произошла *великая рознь, вел*
шатость всѣхъ областей—и русскихъ и инородческихъ. Земля рус
зашаталась въ самомъ корнѣ, разрознилась въ составныхъ частяхъ
стало, по словамъ Москвы, самаго *корени, основанія крѣпкаго, чѣмъ*
неподвижно. Вмѣсто родовой и племенной розни IX вѣка, кончивш
земскимъ совѣтомъ славянъ и чуди 862 года, настала рознь госу
ственная, земско-областная. Вмѣсто племеннаго федеративнаго союза, ну
было возстановить, или, лучше сказать, создать вновь излюбленную
землею, всѣми областями государственную, земско-областную федера
И кто же совершилъ это великое земское дѣло? Опять новый, вел
земскій соборъ русскаго народа и представителей инородческаго
Областные земскіе народные собранія и совѣты переписались, согласи
быть между собою *въ любви, совѣтѣ и соединеньи*, то-есть въ земско-о
стной федераціи, созвали въ *сходъ всѣ города*, и на великомъ земск
соборѣ 1613 года, *по совѣту всей земли*, спасли Россію, создали госу
ственную, земско-областную федерацію, вручили общее храненіе ея
излюбленному головѣ всей земли—царю новой династіи. Послѣ перво
чальнаго племеннаго земскаго собранія и совѣта славянъ, и чуди, и м

ъ 862 году—великій земскій соборъ и совѣтъ всей земли 1613 года представляетъ въ нашей исторіи второе, и уже не союзно-племенное, а государственно-федеративное земское собраніе выборныхъ представителей какъ русскаго, такъ и инородческаго міра вмѣстѣ.

Такимъ образомъ росла и возрасла жизнь племенъ до формъ областныхъ земскихъ общинъ; росла, вмѣстѣ съ тѣмъ, и идея земскихъ собраній и совѣтовъ, и возрасла отъ формы племеннаго собранія и совѣта 862 года до принципа и формы государственнаго земскаго собора и совѣта. И съ тѣхъ поръ принципъ, идея государственныхъ земскихъ соборовъ не умирали въ нашей исторіи. Едва возстановилъ, устроилъ земскій соборъ 1613 года политическій федеративный союзъ областей, какъ новые земскіе соборы 1619 и 1642 года указывали правительству истинныя основы экономическаго *земскаго устроенья, къ покою людямъ, чтобы все пришло въ достоинство*. Оба эти земскіе собора полагали въ основу экономическаго быта и развитія народа принципъ равенства, принципъ уравненія всѣхъ въ земскихъ податяхъ и повинностяхъ въ отношеніи къ государственной казнѣ. А въ частности, земскій соборъ 1642 года указалъ правительству такія истинныя экономическія начала: 1) уничтоженіе непроизводительныхъ статей въ государствѣ, налегавшихъ только всею тяжестью оплаты и ущерба на земство—посредствомъ употребленія на казенныя, государственныя нужды лежачей домовой казны монастырей, архіереевъ, дьяковъ и царскихъ дворовыхъ прикащиковъ; 2) одинаковое, равное участіе въ покрытіи государственныхъ нуждъ со стороны всѣхъ, безъ исключенія, званій и чиновъ; 3) земскій, народный учетъ, контроль надъ казной, надъ народными взносами въ казну, посредствомъ выборныхъ изъ земства; 4) пресѣченіе произвола и насилій областнаго начальства—воеводъ, замѣной ихъ излюбленнымъ земскимъ самосудомъ; 5) облегченіе податнаго земства отъ бремени лишнихъ службъ, казенныхъ взносовъ и работъ, и тому подобное. Такіе экономическіе вопросы недаромъ поднимали земскіе соборы XVII вѣка. Недаромъ объ нихъ всего болѣе вопіяли, или болѣли въ тотъ вѣкъ и всѣ областныя земскія общины въ своихъ земскихъ челобитныхъ. Умноженіе въ народѣ бѣдности, *обнищалыхъ, оскудалыхъ до конца и разбродившихся врознь* голутвенныхъ людей не только было физически тягостно, несносно для народа и мѣшало его экономическому развитію, но оно мѣшало и умственному развитію народа. Далѣе, какъ земскій соборъ 1613 года окончательно собралъ въ государственный, политическій союзъ всѣ областныя земскія общины для федеративнаго, совокупнаго развитія ихъ въ любви, совѣтѣ и соединеньи, и какъ слѣдующіе земскіе соборы 1619 и 1642 года установляли, указывали начала экономическаго устройства и быта народа—такъ земскій соборъ 1648 года совершилъ важное земское юридическое дѣло—объединеніе всѣхъ правъ областныхъ общинъ, издалъ и утвердилъ уложеніе всей земли. Хоть и далеко несовершенно было это уложеніе, составленное въ уровень юридическимъ понятіямъ и потребностямъ своего вѣка, все же оно было, по скрѣпѣ земскаго собора, какъ мы уже сказали, *прочно* и *неподвижно* въ теченіе всего XVIII столѣтія, да и теперь еще не потеряло силы. Потомъ, по духу времени, въ высшей степени здраво,

истинно было требованіе земскаго собора 1648 года о государственно-экономическомъ уравненіи всѣхъ классовъ народа. Это существенно-необходимое условіе для возможно-равномѣрнаго экономическаго благосостоянія разныхъ разрядовъ народа.

Такимъ образомъ, хоть и грубъ, суевѣренъ, невѣжественъ былъ XVII вѣкъ, но и во тьмѣ его, на земскихъ соборахъ, видѣнъ и слышенъ былъ самъ народъ, на службу которому сложилось государство, правительство. И въ грубыхъ формахъ XVII столѣтія, на земскихъ соборахъ высказывалась природная, здравая способность народа къ народосовѣтію. Въ земско-соборныхъ требованіяхъ народа выразилось здоровое, истинное стремленіе къ прогрессу народной жизни, высказалось правильное постановленіе вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ народа и государства, народнаго труда и пріобрѣтенія и казеннаго налога и опеки надъ этимъ трудомъ, и проч. Если правительство не просвѣщалось, не руководилось этими жизненно-практическими уроками народа, и вообще мало и рѣдко прислушивалось къ народному голосу земскихъ соборовъ—это не народная вина, за которую московское государство и наказалось тяжко-народными бунтами и земскимъ расколомъ во второй половинѣ XVII вѣка. Но голосъ земскихъ соборовъ, какъ голосъ народа, все-таки остался въ исторіи народной поучительнымъ голосомъ исторически-искомой правды русской, народной. Оттого, слова народныя, сказанныя на земскомъ соборѣ XVII вѣка, въ грубыхъ формахъ понятій, требованій, обычаевъ и языка того времени— все-таки въ сущности, во внутреннемъ смыслѣ своемъ, являются истинными, живыми и дѣйственными и въ XIX вѣкѣ. И самыя земскія собранія и думы русскаго народа, въ эпоху его разгульной, неустановившейся юной, кипучей, жизни, какъ проявленія его природныхъ инстинктовъ и потребностей, какъ созданіе его своеобразной исторической идеи и такта—были, можно сказать, только тѣнью, прообразами его земскихъ собраній и думъ въ новомъ, зрѣломъ возрастѣ, когда массы его познаютъ просвѣщеніе.

Съ начала XVIII-го столѣтія и до 1767 года не слышенъ былъ больше голосъ народа, не было земскихъ соборовъ. Земля русская, означавшая на языкѣ народномъ міръ, народъ, земство, преобразовалась изъ московскаго государства во всероссійскую имперію. Въ формахъ губернскаго устройства не слышна, не видна стала жизнь областнаго земства—жизнь провинціальныхъ массъ. Ее заглушала, заслоняла исторія имперіи, двора и Петербурга, заглушали дурныя узурпаціи, перевороты и перемѣны, происходившія въ Петербургѣ. Противонародное, узурпаторское направленіе исторіи достигло высшаго проявленія въ *бироновщинѣ*. Вмѣстѣ съ преобразованіемъ земли русской—міра, народа въ имперію, земство окончательно распалось, раздробилось на имперски-служебныя, податныя и крѣпостныя сословныя касты. Въ немъ окончательно развился *расколъ*. Бироновщинѣ народъ отвѣчалъ бѣгствомъ за границу, особенно усилившимся въ царствованіе Анны Іоанновны и послѣ ревизіи 1741 года, отвѣчалъ крестьянскими бунтами въ разныхъ губерніяхъ, разбойничествомъ и, наконецъ, пугачевщиной. Въ умственномъ отношеніи, народъ спалъ крѣпкимъ сномъ невѣжества и суевѣрія XVI и XVII столѣтій, и во снѣ, отъ тяжкой натуг

горько-слезнаго быта, которою *сердца народныя давно уже были сильно опечалены и тоскою исполнены*—во снѣ народъ страшно стоналъ, вопилъ, и ему грезилось: «будто Россія вавилонская блудница, будто въ ней воцарился антихристъ отъ лѣтъ царя Алексѣя Михайловича и наипаче отъ лѣтъ сына его, Петра I». И «отдаленный стонъ народный, по выраженію князя Щербатова, не былъ вкушаемъ среди роскошей столичныхъ...» По всему этому можно бы подумать, что въ такія темныя, тяжелыя времена XVIII-го столѣтія, представлявшія, по выраженію Карамзина, les saturnales de despotisme, въ массахъ русскаго народа долженъ былъ окончательно отупѣть, омрачиться природный здравый смыслъ, должна была погаснуть, погибнуть и та способность народосовѣтія, какая обнаружилась на грубыхъ земскихъ соборахъ XVII вѣка.

Но вотъ созывается новый земскій соборъ—знаменитое собраніе депутатовъ 1767 года. Вызываются депутаты не только изъ всѣхъ русскихъ областей, но и отъ всѣхъ инородцевъ. И этотъ политическій союзъ вдругъ обнаруживаетъ всѣ признаки полножизненности и здоровой самосохранности—народосовѣтнаго такта областныхъ массъ народныхъ. Отъ имени ихъ, земское собраніе депутатовъ, первымъ словомъ, произноситъ судъ, приговоръ надъ минувшими страданіями народа, надъ первой половиной XVIII-го столѣтія, произноситъ судъ не на слухахъ, не на преданіяхъ основываясь, а на самоопытномъ *видѣніи* и прочувствованіи минувшихъ злостраданій народныхъ. Непросвѣщенные, полу-суевѣрные выборные отъ народа—городскіе жители, купцы, первымъ долгомъ заявляютъ о народной потребности просвѣщенія, требуютъ основанія университетовъ, академій и школъ не въ однѣхъ столицахъ, а по всѣмъ городамъ, требуютъ образованія духовенства для учительства, для образованія народнаго. Забитые, запуганные, деморализированные губернскими, провинціальными и воеводскими канцеляріями первой половины прошлаго вѣка, городскіе и сельскіе люди требуютъ чрезъ собраніе депутатовъ выборнаго, депутатскаго народнаго контроля надъ присутственными мѣстами и надъ присутствующими; требуютъ земству право выбирать воеводъ, и т. д. Въ эпоху разгара и варварства крѣпостного права, въ рядахъ депутатовъ слышится, на земскомъ собраніи, голосъ объ уничтоженіи крѣпостного права, почти за 100 лѣтъ до дѣйствительнаго уничтоженія его, и проч., и проч. И подобныя идеи простыхъ людей—данныя и выводы не просвѣщенія, не наукъ, а непосредственнаго жизненно-практическаго опыта, грубаго, невѣжественнаго, но горько-думнаго, горько-слезнаго вѣкового быта народнаго—дѣйствуютъ просвѣтительно, руководительно на цѣлую эпоху, движутъ исторію, даютъ тонъ и направленія ея, даютъ матеріалъ для разнообразныхъ реформъ, вызываютъ рядъ такихъ учрежденій, которыя, несмотря на всю несовершенную бюрократическую обработку ихъ, до сихъ поръ все-таки представляли лучшія институціи, чѣмъ учрежденія первой половины прошлаго вѣка. Собраніе народныхъ депутатовъ 1767 года открыло свѣтъ новой русской исторіи, въ лицѣ представителей русскаго и инородческаго міра, указало правительству на забытый принципъ народностей, ожидающихъ новой жизни, человѣчнаго вниманія и улучшенія быта. Наконецъ, простыя, не-

затѣйливыя идеи земскаго собранія дѣйствуютъ народно-просвѣтителы на европейски-просвѣщенный государственный умъ самой законодател ницы. Екатерина, выслушавши голосъ земскаго собранія депутатовъ, ста лицомъ къ лицу съ народомъ, познала всѣ русскія народности, позна то, что составляетъ живую сущность, самую жизнь государства, для че существуетъ правительство. Изъ земскаго собранія депутатовъ 1767 го геніальная государыня вынесла глубокое, многознаменательное убѣждеі «Коммиссія—изрекла она—дала мнѣ свѣтъ и свѣдѣнія объ имперіи, съ кѣ мы имѣемъ дѣло, о комъ пещись должны»...

Земство [1])

По старинному, народному принципу первоначальнаго *земскаго устроенья*
ликорусскихъ областныхъ общинъ, *земля* составляла основу всего народ-
го бытового строя. Области назывались *землями*, люди назывались *зем-*
ми людьми. Понятіе *земли* было тождественно съ понятіемъ *людства*,
ства, *міра*. Отсюда выраженія: *управа люба была люба всей земле*, *по со-*
ну всей земли, помыслить крѣпко *съ міромъ*, *всею землею* и т. п. При та-
мъ историческомъ земскомъ складѣ, при этой архитектонической на-
дной постройкѣ русской земли, и при этомъ народномъ земскомъ міро-
зрѣніи, земля, какъ общее, естественное, неотъемлемое достоянье для
дѣнья и *кормленья* всѣхъ и каждаго равно, была естественнымъ мѣри-
мъ или опредѣлителемъ равенства всѣхъ земскихъ людей, была объеди-
ющимъ началомъ, связывавшимъ и уравнивавшимъ ихъ, какъ *вервью*,
одинъ равноправный земскій міръ [2]). Отсюда все земство, по естественной
земельно-водной и общинно-колонизаціонной обязанности, по единству и
гласью работы въ дѣлѣ первоначальной, основоположительной колони-
ціи и культуры, представляло первооснову одного цѣлаго, нераздѣльнаго
зноправнаго *людскаго собранія*, *людства*, *міра*, братства, или, по выра-
нію лѣтописи, *братьи*. Не было сословнаго разъединенія, неестественной
писанной систематизаціи земства, а было только естественное раздѣ-
ліе труда, культуры и промышленности по свободному выбору земскихъ
цей. До призванія князей, на чудскомъ сѣверо-востокѣ были только
вяне, *старцы*, *лучшіе мужи*, то-есть, разумнѣйшіе и богатѣйшіе славян-
е люди, *гости*, ролейники или земледѣльцы, рыболовы, звѣроловы, по-
ьники, молодьцы, отроки, да чудь-финны безъ всякаго раздѣленія на
ловія. Были, слѣдовательно, только, *людье*, *міръ*, съ естественнымъ под-

---

[1]) Напечатано въ газетѣ „Вѣкъ“ за 1862 г. въ № 7—8 отъ 11 марта.

[2]) Не даромъ, и въ народныхъ сказаніяхъ, *землѣ* придается высокое значеніе.
сопоставляется такимъ, напримѣръ, образомъ: первая мати—мати божія, обща
на заступница о всѣхъ христіанахъ; другая мати—родившая всякаго человѣка,
тія мати питаная вѣрныхъ и невѣрныхъ—*общая мати наша земля*: отъ нея пи-
мся и одѣваемся и согрѣваемся. Слѣдовательно, всѣ земскіе люди, какъ дѣти
й *общей матери земли*, естественно, равны между собою въ земскомъ отношеніи и
ченіи.

раздѣленіемъ, по лѣтамъ и опытности, *на старцевъ, молодьцевъ* и *отроковъ*, да по родамъ труда, занятія, на *гостей, дѣлателей нивъ* и т. п. Съ появленіемъ варяжскаго наряда *нарубленья* и византійскихъ *чиновъ* и уставовъ, въ составъ земства привходятъ чуждые раздѣлительные элементы, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обозначаются въ земствѣ особые разряды и чины людей. Съ князьями пришли въ городскіе земскіе общины *мужи княжи, бояре*. У князей образовался *свой дворъ слугъ* — служилое сословіе или корпорація дружины, которая потомъ, кромѣ варяговъ, пополнялась выходцами изъ Венгріи, изъ Литвы, изъ Польши, изъ Мордвы, Мещеры, отъ половцевъ и другихъ инородцевъ. Съ этой дружиной, или, какъ чаще говорится въ лѣтописяхъ, *съ своими боярами* и слугами, *съ дворомъ своимъ*, князья ходили на войну (*на бой*). Отсюда дружинники, слуги князей стали называться *боярами* отъ слова *бой, дворянами*, какъ образовавшіе княжескій *дворъ*, и *слугами* или *служилыми людьми*. Точно также, съ церковью пришло духовенство (сначала частію византійское, частію болгарское) для службы церковной. Оно образовало духовный *чинъ* священно-церковно *служителей*. Вмѣстѣ съ тѣмъ привнесенъ былъ византійскій элементъ іерархизма, чиновности. До развитія московскихъ приказныхъ чиновъ, видимъ въ самобытно-областныхъ земскихъ общинахъ только *чинъ іерейскій*, да *чинъ монашескій* или *иноческій*. А послѣ, въ эпоху московскихъ приказныхъ *учиненій* или учрежденій, сообразно съ византійско-іерархическими церковно-служебными чинами, образовались чины и въ приказно-служилой московской іерархіи. И земство, вслѣдствіе того, раздѣлилось на *всякихъ чиновъ людей*. Въ сущности, впрочемъ, всѣ земскіе разряды населенія—гости или купцы, посадскіе и смерды или крестьяне разныхъ родовъ, какъ вотчинные, такъ и черные, по единству образа жизни, а большею частію и занятій, по общиннымъ отношеніямъ, по свободному переходу изъ одного состоянія въ другое, составляли еще одно цѣлое, нераздѣльное, равноправное земство, или *земское сословіе*, вплоть до окончательнаго опредѣленно-положительнаго образованія сословныхъ кастъ въ XVII столѣтіи. А два пришлыя, чуждыя славянамъ и чуди сословія—чинъ церковно-служилый и чинъ княжеско-служилый образовали чуждое, пришлое, особое отличительное сословіе *служилое*.

Несмотря, впрочемъ, на появленіе въ земствѣ этихъ чуждыхъ раздѣлительныхъ элементовъ, оно въ удѣльно-вѣчевую пору, въ эпоху свободнаго, естественно-жизненнаго земскаго строенія, могущественно превозмогало, побарало ихъ, даже отчасти претворяло въ свою плоть и кровь. Въ земствѣ столько было естественной своенародной самосохраняемости и энергіи, земской общинной объединительной силы, такъ могуче и саможизненно было стремленіе къ своеобразному земскому самоустройству и саморазвитію, что оно отчасти даже византійскіе чины и княжескихъ бояръ дѣлало *земскими* и своими. Такъ, напримѣръ, поповскій чинъ избирался изъ земства, *изъ земли*, изъ крестьянъ, даже изъ холоповъ, почти и въ XVI вѣкѣ ставленники изъ *мужиковъ* отговаривались въ своей приготовленности къ поповству, ссылаясь на свою *землю*: «*земля*, господи, такова, не можемъ добыть, кто бы грамотѣ умѣлъ: вотъ и обругалъ

будто нѣтъ человѣка *въ землѣ*, кого-бъ ставить въ священство».
іе попы, въ старину избиравшіеся обыкновенно міромъ, имѣли зем-
начепіе, участвовали на сельскихъ мірскихъ сходахъ, которые въ
рыхъ мѣстахъ, напр., въ погостахъ новгородскихъ, и собирались въ
ѣ церковной. Попы писали, утверждали церковными печатями разныя
записи и грамоты. Церковные дьяки были вмѣстѣ и *земскими дья-*
Земскія вѣча избирали владыкъ, такъ же какъ и земскихъ бояръ
ь избирали въ посадники. Въ Новгородѣ иногда даже *простая чадь*
а владыку изъ дому святой Софіи. Владыки въ вѣчевыхъ городахъ
земское значеніе, сходились вмѣстѣ съ земствомъ, на вѣча, рѣшать
ія дѣла. Земскіе люди ихъ посылали исправлять земскія службы.
, земскіе люди, напримѣръ, міры сельскіе, вѣча псковскія и новго-
ія, полноправно вмѣшивались въ церковныя дѣла, давали религіозныя
овленія, судили и наказывали іерейскій и иноческій чинъ. Нако-
сельскіе сборники и мірскія басни выработывали, въ формѣ апокрифи-
хъ или отреченныхъ книгъ, своеобразныя миѳологическія или эпи-
начала земскаго, народнаго міросозерцанія. Точно также и бояре
по-малу оземствовались, обращались въ составъ земства, были слу-
земства. Они, наравнѣ съ гостями и повольниками, получали земли
не отъ князей, то по дачѣ вѣча, міра, земства. Такъ, напримѣръ, вѣче
родское давало земли пришлымъ князьямъ, напр. во второй поло-
XIV вѣка князю Патрикѣеву, или утверждало земли и воды за боя-
посадниками на Двинѣ, на Вагѣ, въ Поморьи. По землѣ, по земству,
наравнѣ съ земскими людьми, стали *земскими боярами*, слугами зем-
главнымъ образомъ, въ боевой службѣ.
Изстаринное правило: *вольнымъ воля*, господствовавшее въ эпоху ко-
аціоннаго основанія областей до развитія великокняжеской гегемоніи
епень московскаго единодержавія, одинаково простиралось и на дру-
иковъ княжескихъ и на всѣхъ вольныхъ охочихъ людей древней
Вслѣдствіе этого правила, какъ вольный охочій человѣкъ, добро-
порядаясь во крестьянство или на посадъ, становился самъ, по
волѣ, крестьяниномъ или посадскимъ, такъ и дружинники-бояре
нно *отъѣзжали*, переходили отъ князя къ князю, изъ одного двора
скаго въ другой, изъ волости въ волость; у какого князя они поря-
ь служить, у того и земли получали въ жалованье; отъѣзжали отъ
-и земель лишались. Вслѣдствіе этой подвижности, неприкрѣпленности
нниковъ-бояръ къ землѣ, естественно, они не могли образовать
-осѣдлую, наслѣдственно-родовую землевладѣльческую аристократію,
же какъ вольные охочіе люди — крестьяне, свободно переходя отъ
землевладѣльца къ другому, или отъ землевладѣльца въ черную
ь и обратно, не могли тогда образовать и не составляли крѣпостное
іе. При свободномъ переходѣ, многіе роды дружинниковъ-бояръ не-
становились беземельными, изгоями своего рода, поступали въ
посадскихъ и крестьянъ. Такъ что не мало было такихъ земскихъ
, которые въ старину происходили изъ роду бояръ, дворянъ, а въ
вѣкѣ были простыми посадскими и крестьянами. Таковъ, напримѣръ,

родъ посадскихъ Семена и Андрея Денисовыхъ Вторушиныхъ, про
щихъ изъ княжескаго рода. На Вагѣ и Двинѣ, многія старинныя
родскія боярскія фамиліи, основавшія здѣсь свои колоніи -
щины, въ XVIII вѣкѣ вошли въ составъ и крестьянства. При от
особенныхъ гарантій и установленій для охраненія и развитія ро
наго, генеалогическаго начала аристократіи, у насъ и все шляхет
первой половинѣ XVIII столѣтія не имѣло никакой опредѣленно
жительной, привилегированной отличительности отъ земскихъ сосл
даромъ Татищевъ, сѣтуя на эту *неотмѣнность* шляхетства отъ по
писалъ въ своей статьѣ о чинахъ: «есть разность чиновъ времен
другая (разность) есть пребывающая и *наслѣдственная*, яко *шлях*
гражданство и *подлость*, а негдѣ четвертое счисляютъ духовенство,
въ «Уложеніи» *нѣколико шляхетство отъ прочихъ отмѣнено*, безъ ос
недостаточно и неясно... О пресѣченіи сего *великаго безпорядка и оск*
(шляхетства)—тѣмъ и преимущество государя—видится *забыто*».

Далѣе, исключительному развитію и земскому преобладанью б
родословной землевладѣльческой аристократіи препятствовало в
равнозначительное, равноправное въ древне-русскомъ земствѣ
личнаго поземельнаго владѣнія. Если во времена колонизаціонной по
земства, городскихъ и сельскихъ общинъ, въ эпоху *воли вольным*
путемъ колонизаціи своихъ *займищъ* на дикомъ черномъ лѣсу сами у
свои волости, вотчины, и передавали ихъ изъ рода въ родъ, или,
нясь въ волости одного князя, не переходя къ другому, постоян
рода въ родъ владѣли жалованными отъ князей вотчинами и зем
то и всѣ земскіе люди имѣли равное съ ними право, какъ общинна
и личнаго землевладѣнія, до тѣхъ поръ пока не водворилось госуда
ное правило, *чтобъ земля изъ службы не выходила*. Горожане, гости,
люди, купцы, посадскіе, своеземцы—всѣ, наравнѣ съ боярами, пріоб
и заселяли земли, имѣли свои *вотчины*. Изстаринное право горож
поземельное владѣніе естественно проистекало изъ ихъ первонача
хозяйственно-колонизаціоннаго самоустройства. Селясь въ городахъ,
на посады, они *уходили* или *уѣзжали* изъ городовъ, кто *по бортны*
тямъ, ухожаямъ и станамъ, кто *по пашеннымъ или хлѣбнымъ*, кто
боловлимъ, или *стольничу пути*, кто *по бобровымъ ухожаямъ и гонам*
ждый своеземецъ уѣзжалъ въ свое промышленное *займище, по какое*
чей былъ уѣздъ, или *куда ходилъ чей топоръ, коса и соха*, или *гдѣ*
ринныхъ ухожаѣхъ бобры ловили изстари чьи *дѣды* и *отцы*, или куда
чей *слѣдъ*, гдѣ чей былъ *бортный — ухожей* и т. п. Совокупность
этихъ хозяйственно-промышленныхъ займищъ, путей, ухожаевъ, земе
водъ составляла *городскую землю, вотчину и дѣдину* города, какъ Новгор
называлъ свои земли. Города у насъ изстари владѣли пахотными земля
такъ какъ они, до появленія приказно-правительственной системы у
наго городоваго дѣла по жизненно-народному, естественно-экономическ
принципу, и развивались изъ селъ, путемъ торговъ и промысловъ, имѣ
земледѣльческій характеръ. Еще в. к. Ольга говорила жителямъ древля
скаго города Коростеня: «вси *грады* ваши *дѣлаютъ нивы своя и земли*

дѣти бояръ, такъ, наравнѣ съ ними, и дѣти всѣхъ прочихъ горо- наслѣдовали отъ отцовъ и дѣдовъ *отчины и дѣдины, куда пошли ...рины, докуда пахали отцы и дѣды*, и проч. Въ частности, купцы имѣли вотчины, деревни. Рядомъ съ *боярскими селами и волостями*, видимъ -называемыя въ писцовыхъ книгахъ *отчины купцовъ, купецкія деревни, купецкія*. Посадскіе также имѣли равное съ боярами право владѣть ...ми. Они встарину имѣли пашни около городовъ. Въ Новгородѣ, у ...скихъ, поселившихся на славеньской сторонѣ, были свои села, которыя ...у и называются въ лѣтописи *Славеньскими селами*. Въ писцовыхъ ...хъ нерѣдко замѣчается о землепашцахъ: *пашетъ съ посаду*, или *у ...у*. Даже еще и въ XVII вѣкѣ былъ цѣлый разрядъ такъ-называемыхъ *...нныхъ городовъ*. Изъ актовъ города Шуи видимъ, что городскія общины ...новенно дѣлили, какъ полные хозяева, общественную землю по тяг-. Точно также, въ концѣ XV вѣка, напримѣръ, одинъ савво-сторожев- житель, по имени Семянко, на судѣ говорилъ: «далъ мнѣ, господине, *...кой и вся братія* селищо Суховерховско.... а язъ по старымъ межамъ *...кую землю* отведу, Суховерхова селища полосу. Да повелъ Семянко ...въ отъ рѣки доломъ, поперегъ хмѣльника, межи дву *овиновъ, по ...цу*, подлѣ болото; да пришедъ къ долу, къ орѣхову кусту ставъ Се- ...о передъ судьями, такъ рекъ: по тѣ, господине, мѣста *наша земля го- ...ая, моего двора вытъ*». (А. Ю. № 7).

Крестьяне также, наравнѣ съ боярами, имѣли право владѣть не только ...ями, но и вотчинами, населенными деревнями. И богатые крестьяне ...твительно имѣли села и деревни. Полное свидѣтельство объ этомъ ...ставляетъ, напримѣръ, слѣдующая духовная крестьянина Прокопья ...дкина, въ которой завѣщатель пишетъ: «Се азъ Прокопей Марковъ ...ь Бородкинъ, Луской Пермецы Лоемской волости крестьянинъ, пишу ...ебѣ сію изустную память.... А что *есть у меня Прокопья деревни и дворы*, ...оровые хоромы, и внѣ двора, и сѣнные покосы, пожни и рыбныя ...и, и всякія деревенскія угодья, чѣмъ прежъ мой отецъ Марко и послѣ азъ Прокопей владѣлъ по купчимъ и по закладнымъ и по вся- ...ь письменнымъ крѣпостямъ, и что есть у меня хлѣба сухаго въ ...рахъ, и скота и коней и коровъ и всякаго житейскаго заводу, и ... вышеписанными деревнями и дворовыми хоромами, сѣнными поко-, и рыбными ловлями и всякими деревенскими угодьи, по купчимъ и ...кладнымъ и по всякимъ письменнымъ крѣпостямъ, и скотомъ и жи- ...мъ и всякимъ житейскимъ заводомъ... и по кабаламъ на комъ взять, ...мъ всѣмъ азъ Прокопей при смертномъ своемъ часу благословилъ и ...пилъ сына своего Ѳедора Прокопьева съ женою своею Мариной» (Акт. ... юрид. б. ст. 66). Или вотъ еще свидѣтельство жалованной грамоты Василія Ивановича 1524 года о занятіи дикихъ мѣстъ въ собствен- гдѣ крестьянамъ предоставляется право на занятыя земли сажать ...янъ, устроять деревни и вообще хозяйничать какъ собственникамъ. пишетъ: «Пожаловалъ есми двинянъ Наумку, Кобеля, Савина сына, ...выдка Степанова сына.... Что ми били челомъ, а сказываютъ, что ...инскомъ уѣздѣ, за рѣкою за Двиною, нашли ключи соляные на

рѣчкѣ на Юрѣ, на лѣсу на черномъ.... И ожь будетъ такъ, какъ На
и его товарищи сказывали: и язъ князь великій пожаловалъ Наум
его товарищей, велѣлъ есми имъ на тѣхъ мѣстахъ ключи соляные чис
и лѣсъ сѣчи, и дворы ставить, и пашни пахать, и пожни чистить,
дей къ себѣ звать на тѣ мѣста, нетяглыхъ и неписьменныхъ, добры
не татей и не разбойниковъ». (А. Э. I. № 385). Отсюда видно такж
если князья жаловали бояръ землями и вотчинами, то точно такж
равнѣ съ боярами, они жаловали и крестьянъ такими же землями и
чинами.

Такимъ образомъ, по естественно-историческому праву, по жизн
бытовому обычаю народному, все земство имѣло право владѣть зе
Не одни бояре, или дворяне, а всякій земскій человѣкъ, всякій отец
мейства могъ имѣть свою поземельную отчину и передавать ее св
дѣтямъ, или кому хотѣлъ. Если же множество крестьянъ было безъ
ственной земли, если эти крестьяне жили не на своей, а на бояр
землѣ, то это зависѣло или единственно отъ ихъ доброй воли, какъ
ныхъ охочихъ людей, или отъ ихъ *немогуты*, отъ того, что они не и
средствъ, необходимаго *житейскаго завода*, чтобъ расчистить землю
изъ-подъ лѣсовъ и обзавестись хозяйствомъ, не имѣли денегъ купит
товыя, разработанныя земли, или населенныя вотчины. Тогда была
нымъ воля и въ выборѣ земли, мѣста поселенія — въ городѣ и въ се
въ выборѣ труда — торга ли, рыболовства ли, звѣроловства ли, земле
ли, или всѣхъ вмѣстѣ, смотря по способностямъ и достаткамъ, и,
нецъ, въ выборѣ самыхъ способовъ производства того или другого т
Лучшіе люди, вятьшіе житьи люди, то-есть, богатѣйшіе и разумнѣ
были ли то крестьяне, или купцы, наравнѣ съ боярами, расчища
покупали много земли, по своимъ животамъ и достаткамъ, засе
свои земли, и такимъ образомъ владѣли населенными вотчинами. *Ме*
люди, не такъ богатые, селились вмѣстѣ на особыхъ земляхъ,
чищая и заселяя ихъ по мѣрѣ того, куды ходилъ чей топоръ, ко
соха, всѣмъ міромъ владѣли землею, удѣляли новопришельцамъ-пос
цамъ участки, поговоря *съ братьею, со всѣмъ міромъ и съ сусѣдями* во
ными. Это—общинное землевладѣніе. Наконецъ, люди бѣдные, не имѣ
необходимаго житейскаго завода, скота, земледѣльческихъ орудій, де
на хозяйственное домоустройство и обзаведеніе, добровольно рядилис
крестьянство и селились на землю или личныхъ землевладѣльцевъ,
тѣйшихъ своеземцевъ, или переходили на общинную землю въ черны
лости; а когда разживались, дѣлались *житьими, житейскими*, богат
лучшими людьми, обзаводились всѣмъ *житейскимъ* заводомъ, въ родѣ
шеупомянутаго крестьянина Прокофья Бородкина, то и сами, наравнѣ
боярами и со всѣми лучшими людьми, дѣлались личными землевлад
цами, имѣли не только земли, но и деревни и множество дворовъ для
селенія вольныхъ охочихъ людей. Такимъ образомъ, по естественно-исто
ческому праву и жизненно-бытовому народному земскому міровоззрѣ
родовая, генеалогическая землевладѣльческая монополія несовмѣстна
свободной общенародной землевладѣльческой конкурренціей, съ земски

всеобщимъ правомъ или началомъ личнаго поземельнаго владѣнія. Доказательствомъ же принадлежности прежде земли всему народу, земству служитъ, между прочимъ, и тотъ историческій фактъ, что во второй половинѣ XVIII столѣтія, когда издана была дворянская грамота, многіе купцы устремились въ дворяне, стали, наравнѣ съ ними, пріобрѣтать земли, деревни. Въ то же время, нѣкоторые горожане, напримѣръ, купцы устюжскіе и устьсысольскіе, даже силою удерживали и отстаивали за собою свои старинныя земли.

Сельская община [1])

Великимъ крестьянскимъ вопросомъ нарушенъ былъ спячій квіети
нарушена была монотонность, апатія нашей жизни. Мысль возбудилас
политической работѣ. Мы лицомъ къ лицу обратились къ самой почв
шего саморазвитія, къ народу. Преобразованіе быта огромнѣйшей м
провинціальнаго народонаселенія—крестьянства нарушило вѣковой за
и въ самой провинціальной жизни, гдѣ онъ былъ еще сильнѣе. О
стремленіе къ дѣятельности кипитъ или по крайнѣй мѣрѣ проявляет
всюду. А между тѣмъ, когда присматриваемся, видимъ, что дѣла-то
ственно дѣлается вездѣ очень мало. Вездѣ больше словъ, больше т
никуда непригодныхъ. Вообще дѣлается большею частью или не то
не такъ. Это зависитъ отъ того, что мы не умѣемъ сблизиться съ
домъ, не умѣемъ въ чистомъ родникѣ народной жизни изучить
конныя требованія и стремленія и направить нашу дѣятельность сооб
этимъ вѣчно истиннымъ требованіямъ и стремленіямъ, а не произв
измышляемымъ нами теоріямъ и утопіямъ. Намъ нужно меньше увлек
отвлеченными отъ потребностей и характера русскаго народа теоріям
жихъ авторитетовъ, а прежде всего нужно всѣми силами литератур
зывать къ самодѣятельности, къ самооткровенію здравый практич
смыслъ, добрую волю и могучія силы самого русскаго народа. Можн
зать несомнѣнно, что 40 мильоновъ сельскаго народа и по крайней
4 мильона городского населенія не примутъ нашихъ теорій. Жизнь н
вообще самозаконна, самоопредѣляема. А жизнь русскаго народа,
того, самоупорна, своенравна, своеобразна. Нужно только дѣятельно
миться къ тому, чтобъ дать свободу самоопредѣленію и саморазви
а тамъ ужъ она сама выработаетъ такіе способы и такіе принципы
образованія и саморазвитія, какіе ей нужно по ея натурѣ, по ея пр
нымъ силамъ и дарованіямъ, да по внѣшнимъ физико-географичес
условіямъ. Надо только дѣятельно стремиться къ тому, чтобъ жизн
родная сама сказала устами самого, всего народа, что ей нужно,
природной организаціи. Въ жизни, въ натурѣ русскаго народа ес

[1]) Напечатано въ газетѣ „Вѣкъ" за 1862 г. въ №№ 1—6 (цензурное дозв
отъ 17 февр. того же года; редакція Г. З. Елисеева).

ыя, плодотворныя, жизненныя, истинныя начала, сѣмена, которыя гъ только свободнаго самовыраженія, свободнаго саморазвитія. Одно отличительныхъ свойствъ русскаго народа — это жизненно-практичея, непосредственно бытовая, общинная, мiровая выработка общихъ наъ, принциповъ житейской мудрости, общинно-народнаго саморазвитія. итературное дѣло, какъ дѣло народное, должно быть общинное, мiое, всецѣло жизненно-народное, а не отвлеченно-теоретическое. Литераѣ родна наука, родны университеты. Что же доселѣ они выработали русскаго народа? Великая заслуга нашихъ университетовъ уже та, они произвели такъ-называемый образованный классъ народа, образоное меньшинство. Главная же заслуга ихъ до сихъ поръ была чисточная, преимущественное, господствующее направленіе ихъ было ученое: работка и преподаваніе науки, какъ и теперь говорятъ многіе професра университетовъ. Между тѣмъ, жизнь народная, все больше и больше нуаясь въ руководительной помощи просвѣщенія, требовала живыхъ отвѣтовъ укъ на живые вопросы практическаго быта народнаго. По практичноі, по реальности русскаго ума, ему существенно-необходимо было приеніе выводовъ наукъ къ потребностямъ жизни. Этотъ именно путь ктическаго, реальнаго жизненно-народнаго развитія и примѣненія наукъ залъ русскому народу Ломоносовъ, первый родитель русскаго универгета, такой геніальный самородокъ народный, въ которомъ живьемъ вощался, можно сказать, тактъ, чутье, природный здравый смыслъ русго народа. Университеты, какъ голова, какъ разумъ въ организмѣ наномъ, должны были выработать за народъ всѣ основныя начала нанаго самосознанія и саморазвитія. Къ сожалѣнію, наши университеты сихъ поръ сами не имѣли вполнѣ свободнаго внутренняго саморазвитія, представляли казенныя, замкнутыя корпораціи, отвлеченныя отъ жизни родной, а не земскіе, народные храмы высшаго образованія. Профессора льшею частію были ничто иное, какъ чиновники, а не общественные ятели-просвѣтители. Мало было такихъ высокихъ, симпатичныхъ личстей, какъ Грановскій, Кудрявцевъ, Мейеръ... Не диво послѣ этого, что народъ до сихъ поръ недовѣрчиво смотрѣлъ на тѣхъ ученыхъ и професровъ, которые представляли абстрактно-ученые, нѣмецкіе типы. Про тахъ ученыхъ въ народѣ образовались даже особыя юмористическія приовья. Затѣмъ, наши университетскія корпораціи не только отвлеченны, олированны были отъ народа, но, къ сожалѣнію, разобщены и между бою. Между профессорами и студентами не было тѣсной, внутренней ганически-корпоративной связи, за рѣдкими исключеніями. Отсюда протекла эта внутренняя, корпоративная борьба студентовъ съ профессоми, сопровождавшаяся обыкновенно непріятными, грустными исторіями. сть и слава, однакожъ, нашему университетскому студенчеству: въ немъ егда неугасимо и горячо теплилась святая, благородная искра будущаго ссіи, и въ послѣднее время стало обнаруживаться энергическое рвеніе овести въ народъ идеи университетскаго просвѣщенія. Воскресныя школы, жно сказать, по преимуществу разсадники университетскаго студенчева. Преобразованіе университетовъ—плодъ ихъ энергической, благородной

жажды свободнаго образованія. Ждемъ умноженія университетовъ на русской землѣ, свободнаго открытія ихъ для всѣхъ классовъ народа, какъ храмовъ всеобщей, всенародной потребности—просвѣщенія, науки. И надѣемся, что скоро университѣты наши будутъ имѣть вполнѣ жизненно-народное значеніе, именно какъ головы, какъ разума въ организмѣ народномъ.

Старый, неумирающій, вѣковѣчный міръ крестьянскій, — твердыня всего русскаго міра, представляетъ первооснову и первообразъ для нашего саморазвитія. Въ давно-былыя времена вольнонароднаго самоустройства, народъ нашъ самъ собою, общими богатырскими силами построилъ земско-вѣчевой міръ, на общинно-народной основѣ земскаго народосовѣтія и народоправленія. Во времена этого самоустройства, онъ воспитался въ духѣ міра: міровой духъ сроднился съ его природой, проникъ весь его бытъ, сталъ жизненнымъ, зиждительнымъ прицииомъ, творческой силой всего народнаго саморазвитія. И вотъ почему міръ такъ живучъ, вѣковѣченъ. Корень, основа, архитектоническая закладка вольно-народнаго, мірско-вѣчевого земскаго самоустройства—міръ остался, уцѣлѣлъ черезъ всѣ буреломныя эпохи нашей исторіи. Городскіе магистраты, съ магистратскимъ регламентомъ Петра Великаго, городовое положеніе Екатерины II-й смутили, разстроили міръ городской, преобразовавъ города въ гильдейско-цеховыя и административныя корпораціи. Но корень вольнонароднаго, земсковѣчевого, самимъ народомъ созданнаго міра уцѣлѣлъ въ могучемъ крестьянскомъ мірѣ, въ сельской общинѣ. Народъ всячески охранялъ основу міра, какъ святыню, отъ всѣхъ буреломныхъ, сокрушительныхъ стихій. Когда, по раскольничьему ученью, настало мірское смущеніе, и страхъ антихристовъ возвѣялъ на міръ, помутилъ міръ, тогда народныя общины раскола, для наибольшаго охраненія и укрѣпленія въ духѣ народномъ принципа міра, возвели мірскія согласья до религіозной санкціи. А крестьянство свято, изъ родовъ въ роды, охраняло свой міръ не только во всемъ своемъ изстаринномъ коренномъ устройствѣ и бытѣ, но и во всѣхъ частныхъ, мелкихъ, житейскихъ обычаяхъ, въ пословицахъ, въ пѣсняхъ. Вторглись и въ эти частные обычаи не сродные, чуждые ему элементы, но не вытѣснили міра. Міръ и при нихъ былъ внутренно-самозаконнымъ, народоправнымъ хранителемъ завѣтныхъ національныхъ началъ русскаго народа. Въ одной свадебной пѣснѣ, напримѣръ, поется:

> Ѣдетъ нашъ новобрачный князь
> . . . .
> Сужену взять, ряжену взять
> По божьему велѣнью,
> По царскому уложенью,
> По господскому приказанью,
> По мірскому приговору.

Въ своихъ пословицахъ, въ этомъ кодексѣ нашего простонароднаго міросозерцанія и житейской мудрости, народъ нашъ такъ же запечатлѣлъ, выразилъ свое изстаринное, высокое юридически-соціальное представленіе о мірѣ. «Міра никто не судитъ», гласятъ пословицы: «міръ судитъ одинъ Богъ»; «міръ зинетъ, камень лопнетъ»; «на міру и смертъ красна», и т. п.

Сельскій міръ, какъ излюбленный народомъ, вѣковой самородный ко-
ь—отростокъ вольнонароднаго вѣчевого міра на землѣ русской, пред-
вляетъ намъ естественно-историческую, завѣтную народную первооснову,
точку отправленія для новаго вольнонароднаго самоустройства и са-
азвитія всего русскаго земскаго міра. Недаромъ исторія сохранила
нципъ міра до нашего времени. Недаромъ съ міра сельскаго и начи-
тся наше новое земское строенье. Какъ самъ народъ послѣдовательно,
ественно организовалъ, созидалъ земско-вѣчевой міръ, такъ точно мо-
ъ организоваться и новый земскій міръ, начинаясь сельскимъ міромъ
о его первообразу. Естественно-историческій процессъ вольно-народнаго
оустройства вѣчевого земскаго міра совершался въ такой послѣдова-
ьности. Рядомъ, на одной землѣ и водѣ, въ колонизаціонно-географи-
кой и общинно-бытовой связи, сами собою, безъ всякихъ указовъ,
роялись, путемъ вольно-народнаго земскаго самоустройства, два первич-
ъ міра, городской и сельскій, городъ и село. Именно: на черномъ ди-
ъ лѣсу, напримѣръ, посажался, поставлялся починокъ, разростался въ
о. Изъ него выселялись или къ нему приселялись новые починки, де-
ни на новѣ, новыя сельца, приселья и т. п., и всѣ въ совокупности
азовали уѣздъ или волость первоначальнаго села, почему въ актахъ пи-
ось, напримѣръ: село такое-то съ уѣздомъ. Какъ въ отдѣльности это
о и каждый его починокъ, каждая деревня составляли особые маленькіе
ы, такъ въ совокупности все село со всѣмъ уѣздомъ, со всею своею
остью образовало цѣлый волостный міръ. Почему въ актахъ говорилось
означительно: со всею волостью, со всѣмъ міромъ. Изъ первичныхъ,
рѣйшихъ селъ или починковъ, внѣ княжескихъ, военно-стратегическихъ
рожевыхъ линій и городовъ, на почвѣ вольно-народнаго земскаго
оенья, путемъ торга и промысла, постепенно развивались, устроялись
ады или торгово-промышленные города, и образовали посадскіе или
одскіе міры. Почему городскія общины такъ же назывались мірами, какъ
ельскія. Напримѣръ, о Новгородѣ, лѣтопись новгородская говоритъ,
сказавъ объ окончаніи одного вѣча: «и возрадовался весь міръ» (то-есть
городскій). Въ актахъ смутнаго времени, въ областныхъ отпискахъ всѣ
ода такъ же называются мірами: жители одного города просятъ жи-
ей другого города прочесть свои отписки всему міру. Въ Шуйскихъ
ахъ XVII вѣка, напечатанныхъ въ 3-й книгѣ Чтен. Москов. Истор.
щества за 1860 годъ, городъ Шуя называется міромъ, употребляются
ія выраженія: «Запись шуянамъ, посадскимъ людямъ, всему міру; въ
ѣ въ земской избѣ передъ міромъ». Даже въ эпоху начавшагося раз-
женія мірской организаціи городскихъ общинъ, во второй половинѣ
II вѣка, самъ царь Алексѣй Михайловичъ Москву называлъ міромъ,
да по въѣздѣ въ нее спрашивалъ о здоровьѣ міра. Одна старинная
ня называетъ московскій народъ міромъ.

Какъ возвели князя на срубъ высокъ
На его мѣсто показано,
Онъ молился спасу чудному образу,
Онъ на всѣ стороны кланялся:

Ахъ! прости, прости, міръ народъ божій,
Помолитеся за мои грѣхи,
За мои грѣхи тяжкіе.

Какъ села съ ихъ уѣздами, съ починками и деревнями, образуя сельскіе или волостные міры, имѣли свои мірскіе сходы, такъ и города, образуя точно такіе же міры, имѣли свои людскія собранія или мірскіе сходы на думу, на вѣча. Таковъ первый кругъ мірскаго земскаго строенія. Далѣе, устроившись въ колонизаціонно-федеративной связи, связанные одною землею и водою, волостные и городскіе міры, по землѣ и по водѣ, естественно составляли одну землю, одинъ земскій областной міръ, и въ актахъ такъ и назывались то землями, то мірами. Такъ, во многихъ областныхъ отпискахъ смутнаго времени городскіе и уѣздные или посадскіе и волостные люди вмѣстѣ называются мірами, мірскими людьми; отписки адресуются цѣлому міру, городскимъ и уѣзднымъ или посадскимъ и крестьянамъ, и всѣмъ земскимъ людямъ, которые всѣ вмѣстѣ и называются въ нихъ мірами, мірскими людьми. Земскіе люди городскихъ и уѣздныхъ, или посадскихъ и волостныхъ міровъ, въ важныхъ случаяхъ сходились вмѣстѣ и образовали областные мірскіе сходы, которые называются въ актахъ смутнаго времени земскими совѣтами. Во времена того же областнаго народосовѣтованія, въ междуцарствіе, областные міры, отписывая одинъ другому, совѣтывали, обыкновенно, городскимъ и уѣзднымъ, или посадскимъ или крестьянамъ волостнымъ всѣмъ вмѣстѣ помыслить крѣпко всею землею, чести грамоты всему міру, и отписать, куда нужно, свой земскій совѣтъ. Областные міры или земли и областные земскіе или мірскіе совѣты составляли второй кругъ въ сферѣ цѣлаго земскаго строенья въ объемѣ цѣлаго русскаго земскаго міра. Наконецъ, совокупность всѣхъ областныхъ общинъ или, по словоупотребленію актовъ, земель образовали всю землю русскую, цѣлый земскій міръ, или, какъ онъ названъ въ одномъ актѣ смутнаго времени, весь міръ. Изъ совокупности всѣхъ областныхъ мірскихъ сходовъ или земскихъ совѣтовъ организовались общіе земско-міровые сходы или съѣзды, земскіе соборы, которые составляли, по выраженію соборнаго акта 1613 года, сходъ всѣхъ городовъ, совѣтъ всей земли. Земскіе сборы не были указнымъ созданіемъ. Въ эпоху московской централизаціи, когда и областные вѣчевые колокола свозились въ Москву, вслѣдствіе собранья русской земли, земскіе соборы естественно выработались, сложились изъ собранныхъ, такъ-сказать, обломковъ-зачатковъ, принциповъ прежней земско-вѣчевой, народосовѣтной жизни. Въ эпоху собранія русской земли, они естественно отлились въ формѣ совѣта всей земли, въ формѣ земскихъ соборовъ, изъ прежнихъ, самимъ народомъ созданныхъ, разроненныхъ земскихъ, вѣчевыхъ и мірскихъ сходовъ и совѣтовъ. Что начала, принципы земскихъ соборовъ созданы самимъ народомъ—всею его прежнею земско-вѣчевою, народосовѣтною жизнью, что обычай земскихъ соборовъ истекалъ изъ потребностей самого духа народнаго, былъ естественнымъ результатомъ всего склада земскаго строенья народнаго,—очевидное доказательство на это представляетъ земскій соборъ 1613 года. Соборъ этотъ

къ извѣстно уже нашимъ читателямъ, естественно устроился, во время ждуцарствія, для избранія царя, самимъ народомъ, вслѣдствіе едино-сленнаго, какъ сказано въ актахъ, согласья, совѣта и соединенья всѣхъ застныхъ земскихъ совѣтовъ, вслѣдствіе самонароднаго сбора всей земли, да всѣхъ городовъ подъ Москву. Значитъ, въ духѣ народа былъ обычай скихъ соборовъ, когда самъ народъ собрался всею землею, и, вслѣдствіе го сбора всей земли, естественно составилъ земскій соборъ. Потому, не омъ самородокъ народный, крестьянинъ Посошковъ, помышлялъ о на-досовѣтованіи. Недаромъ также и народныя согласья раскола до послѣд-го времени совѣтывали объ упадкѣ временныхъ соборовъ. Все это пока-ваетъ, что земскіе совѣты, соборы составляли потребность духа народнаго, ли излюбленнымъ народнымъ обычаемъ.

Таковъ земско-устроительный принципъ міра, и таковъ полный циклъ ового народнаго самоустройства. Міръ, начинаясь съ малыхъ круговъ, утренно самобытныхъ и въ себѣ законченныхъ міровъ сельскихъ, зуя ихъ общиною, естественно-бытовою связью съ мірами городскими, же внутренно-самобытными и въ себѣ законченными, и смыкая тѣ и угіе, по землѣ и по водѣ, вмѣстѣ—въ самостоятельные земскіе областные ы, посредствомъ федеративной совокупности послѣднихъ, естественно растаетъ и расширяется, такимъ образомъ, во всенародный русскій скій міръ. Мірской сходъ, начинаясь также съ малыхъ круговъ, съ численныхъ сельскихъ и городскихъ мірскихъ сходовъ, внутренно само-рояемыхъ и самоопредѣляемыхъ, и сводя, соединяя тѣ и другіе,—сель-іе и городскіе мірскіе сходы, въ предѣлахъ ихъ областныхъ земскихъ овъ, вмѣстѣ—въ самодѣятельные, самораспорядительные областные сходы и земскіе совѣты, изъ совокупнаго выборнаго представительства послѣд-хъ, то-есть областныхъ земскихъ совѣтовъ, собирается или выростаетъ, конецъ, во всенародный земскій сборъ или совѣтъ. Хотя и грубы, не-ончены и не прочны были формы стараго русскаго мірового земскаго моустройства, саморазвитія и самоуправленія, какъ грубы и необразованны рмы сельскаго мірскаго сомоустройства и самоуправленія, но принципъ ъ былъ истинный, зародышъ ихъ былъ самый естественный и полно-зненный, такъ же, какъ полножизненъ и принципъ сельскаго мірового лада. Если намъ, русскимъ, любъ излюбленный нашимъ народомъ, освя-нный, оправданный вѣковымъ опытомъ народной жизни, сохраненный, къ святыня, народнымъ преданьемъ, принципъ міра и мірскаго схода и родосовѣтованія, мірскаго самоустройства, саморазвитія и самоуправленія, и любъ намъ излюбленный народомъ міръ, какъ излюбленна люба была овая управа въ прежнія времена всей землѣ: то, вотъ, передъ нами скресаетъ и всѣхъ насъ теперь зоветъ къ міровому сближенію, объеди-нію сельскій міръ съ его мірскимъ сходомъ, съ мірскимъ народосовѣ-мъ.

А ничто такъ не нужно намъ, какъ именно духъ мірового объединенія, иженія, примиренія, духъ мірской сходчивости и совѣщательности, духъ ской инціативы и мірской круговой поруки. Пора, пора! Вмѣсто стого разговорнаго, да журнальнаго изъявленія нашихъ сочувствій, къ

мужикамъ, къ великому крестьянскому вопросу, вмѣсто безплодныхъ с
ластическихъ исканій почвы и отвлеченно-теоритическихъ ра
жденій о разныхъ формахъ ассоціацій, мы, жители городовъ, дол
дружно изыскивать способы дѣйствительнаго, жизненнаго міро
объединенія между собою, учиться у сельскаго міра практическ
соціальнымъ принципамъ міра, усвоять себѣ и развивать, усили
усовершать духъ крестьянской мірской сходчивости и совѣщат
ности и мірской, дружной общинной инициативы. Что нужды, что
грубъ и невѣжественъ сельскій міръ? Зато онъ здоровъ и могучъ и ф
ческими и нравственными силами. Соціальный принципъ міра полножиз
и плодотворенъ. Намъ, разъединеннымъ сословными предразсудками и
навистями, разрозненнымъ отвлеченными теоріями, другъ друга боящи
подозрѣвающимъ въ двуличности, и физически и морально исхудал
исчахлымъ, въ заперти кружковъ военныхъ, чиновничьихъ, сословно-каст
ныхъ, учено-литературныхъ, и т. п., обращающимся въ смѣшные т
повѣстей и романовъ, намъ нуженъ освѣжительный, оживляющій, пр
ряющій духъ міра, мірской соціальной жизни, мірскаго соціализма
Намъ нуженъ крестьянскій мірскій тактъ, артельный духъ, мірскій
разумъ и умѣнье въ устройствѣ, дѣловодствѣ нашихъ ассоціацій. Са
аристократическій духъ, нисколько не оскорбляясь, долженъ примирят
даже сливаться съ сельскимъ мірскимъ духомъ, тѣмъ болѣе, что у
исторически не организовалась аристократія, и сельскій мірскій элеме
всегда преобладалъ надъ аристократическимъ началомъ. Въ Англіи
рически развилась аристократія, однакожъ, вступила въ союзъ съ с
скимъ духомъ. «Настоящимъ центромъ тяжести политическаго тѣла (г
ритъ Леонсъ де-Лавернь), закваской, проникающею все общество и пр
храняющею его отъ всякаго судорожнаго движенія, служитъ сельскій д
этотъ духъ, безъ сомнѣнія, очень благопріятенъ аристократіи, но онъ
составляетъ самой аристократіи; господство аристократіи возможно и
него, и, въ свою очередь, онъ можетъ существовать безъ нея. Британ
аристократія вступила въ союзъ съ сельскимъ духомъ, и создала с
силу, аристократія французская отъ него отдѣлилась, и это причинило
слабость». Купцы и мѣщане, со времени разложенія городскихъ мір
утратили духъ мірской союзности. Еще Посошковъ жаловался, что ме
купцами нѣтъ никакого союзства. Въ послѣднее время, намъ часто д
дилось слышать жалобы самихъ купцовъ и мѣщанъ на недостатокъ
нодушія между ними. Все это побуждаетъ купцовъ и мѣщанъ тѣмъ бо
воспитываться въ духѣ мірскаго единства, мірской сходчивости и сов
ливости, что они большею частью сами произошли изъ сельскихъ мір
и вообще представляютъ сословіе, самое ближайшее къ крестьянству и
степени образованія, и по нравамъ и обычаямъ, и по торгово-промышл
нымъ связямъ. Короче скажемъ: міровые посредники должны мирить
крестьянскимъ міромъ не однихъ помѣщиковъ, но и всѣхъ горожанъ-
новниковъ, ученыхъ, литераторовъ, купцовъ, мѣщанъ, и проч. Общее по
женіе о сельскихъ мірахъ и мірскихъ сходахъ должно и насъ, городск
жителей, побуждать къ духу мірской сходчивости и совѣщательности,

рый крайне нуженъ будетъ намъ... Потомъ, намъ особенно нужно учиться естьянской мірской гласности и круговой порукѣ, чтобъ между нами все не было, или, по крайней мѣрѣ, меньше было людей вредныхъ, двое- шныхъ, двуличныхъ, подлыхъ, чтобъ не упрекать русскій народъ въ конной, изстаринной склонности къ доносамъ, какъ упрекалъ г. Ще- льскій.

Только воспринявши въ свою общественную жизнь, въ свои нравы и ычаи начала міра, мірской сходчивости и совѣщательности, мірской кру- вой поруки, мірской общинной предпріимчивости, мы будемъ способны на кую единодушную, энергическую общественную инициативу, на всякій льный общественный сходъ и толкъ. Будемъ понимать другъ друга къ же легко и ясно, какъ мужички на мірскомъ сходѣ, въ кругу, огля- сь только межъ себя, понимаютъ другъ друга, а обговорясь межъ бя — ужъ поготово. Только, при мірскомъ единодушіи, при мірской одчивости и инициативѣ, мы способны будемъ цѣлымъ міромъ, лыми артелями или ассоціаціями, разомъ, дружно, смѣло и рѣши- льно предпринимать на дѣлѣ то, что задумали, не на словахъ только ъ пустого въ порожнее переливать, а ужъ встать и идти, на самое дѣло. ылъ же въ младенческія даже лѣта русскаго народа, въ грубыя вѣчевыя емена, такой духъ мірской сходчивости, мірской энергической инициа- вы, рѣшительности и предпріимчивости. Про новгородцевъ, напримѣръ, топись постоянно говоритъ: възвониша вѣче, въсташа и идоша... , намъ нужно снова возбудить, развить въ себѣ, посредствомъ мірской одчивости, совѣщательности и инициативы, тотъ энергическій, дѣятель- ый, живой духъ любви, совѣта и соединенья, съ которымъ, въ смутное емя междуцарствія, предки наши, живя міромъ, сходились же едино- шно, рѣшительно, энергически на мірскіе сходы, на областные земскіе вѣты—всѣ вмѣстѣ—и бояре, и гости или купцы, и посадскіе и волостные рскіе люди, крестьяне, и думали думу крѣпко всею своею землею, и шали земское дѣло. Намъ нужно снова такой же міровой духъ любви, вѣта и соединенья, съ какимъ тогда русскіе земскіе люди дружно, живо реписались между собою, сошлись на сходъ въ Москву, и составили мскій соборъ... Намъ нужно такіе же новые мірскіе сходы, земскіе вѣты, и такой же новый великій земскій соборъ...

Такіе соціальные принципы внушаетъ нашъ грубый, необразованный, могучій сельскій міръ, начинающій новое саморазвитіе.

Сельскій міръ и мірской сходъ [1])

Вслѣдствіе общиннаго поземельнаго самоустройства, городскі
сельскіе міры, естественно, полагали начала, развивали формы общин
«излюбленнаго» выборнаго самоуправленія и самосуда [2]). Въ волост
или сельскихъ общинахъ изстари устроялись *мірскіе сходы*, въ городс
общинахъ—*людскія собранія*, или *сходы на думу*, *на вѣча*. Изъ совокупн
тѣхъ и другихъ, по потребностямъ времени, устроялись обще облас
земскіе совѣты, когда нужно было *сказать слово всей землѣ*, т.-е. ц
областной общинѣ.

Міръ въ сельскихъ общинахъ, въ волостяхъ, былъ полноправный
дарь. Міръ, какъ законодатель, по словамъ актовъ, *чинилъ указы*,
валъ постановленія, *заповѣди*, или заповѣдныя грамоты, разнаго
записи. Постановленія міра назывались *мірскимъ уложеньемъ*. Міръ и
право вводить свои узаконенія, или заповѣди даже въ дѣлахъ религіозн
или церковныхъ, такъ какъ въ старину вопросы и дѣла религіоз
имѣли земское значеніе, принадлежали столько же суду земства, св
и духовному.

---

1) Напечатано въ журналѣ „Вѣкъ“ за 1862 г., № 13—14 отъ 1 апрѣля.

2) Для поясненія общиннаго, мірскаго самоустройства волостей, укажемъ
три факта. Каждая черная волость сама полноправно заботилась о своей дальн
обстройкѣ и о поземельномъ расширеніи. Она черезъ выборныхъ своихъ отв
пустопорожнія мірскія земли вольному новоприходцу на поселеніе и подъ
Такъ, напр., въ одной отводной грамотѣ сказано: „далъ ту землицу объѣздъ на
на 10 лѣтъ я, Васюкъ Ворошиловъ, *поговоря съ своею братьею и со всею волост*
ховскою“. Или вотъ другая льготная грамота на землю и на поселеніе, данная
по совѣту съ цѣлою волостною общиною: „се азъ Константинъ Симонской,
съ Фролкомъ сотникомъ, *да съ сусѣдами волостными* съ Гороховскими, пожал
Гаврилка съ братьею дубровою на рѣкѣ на Морткѣ, да съ лугомъ болоньею...
со всѣмъ тѣмъ что къ той дубровѣ изстари потягло, а далъ льготы на 10
Или въ одномъ судномъ спискѣ XV в., волостные крестьяне говорятъ передъ с
„а далъ намъ, господине, селище Драчково Аргуновской волости староста
Бердѣй и *всѣ крестьяне*“. Заботясь о приращеніи дворовъ и селъ, каждая вол
община отводила участокъ лѣса подъ новые дворы, какъ видно, напр., изъ
грамоты 1490 г., гдѣ крестьянинъ черной волости говоритъ: „мнѣ, господине,
тотъ *дала волость, староста съ крестьяны*, и я избу поставилъ“. (А. Ю. № 6).

Вотъ, напр., образчикъ, заповѣдной мірской грамоты: «се азъ староста ренской волости Антонъ Ивановъ сынъ, да Яковъ Ивановъ сынъ шевъ, да Василій Юрьевъ сынъ, кузнецъ.... и *всѣ крестьяне* Таврен- й волости, Ильинскаго приходу, *обговорились сами промежъ собою*, по гословенію отца своего духовнаго Ильинскаго священника Ефрема нова сына, и учинили заповѣдь на три годы... что намъ въ праздникъ кресенія Христова дѣла не дѣлати никакого чернаго, ни угодья въ кресенье Христово не уготовати, ни паснаго, ни силоваго, ни бѣлки не овати.... а въ пятницу ни толчи, ни молотити, ни каменья не течи, а водити съ чистотою и любовію; ни женамъ въ Воскресенье Христово шити, ни брати. И кто въ нашей Тавренской волости сію заповѣдь ушаетъ, и доведутъ его людьми добрыми, и на томъ заповѣди доправити кому, по мірскому уложенью, кто будетъ соцкой—въ Тавренской волости, эмъ алтынъ денегъ на церковное строенье». (А. Ю. № 358).

Міръ былъ полноправнымъ избирателемъ и судьею выборныхъ зем- хъ головъ, старостъ, судей и проч. Выборное полномочіе міра опре- ялось выраженіемъ: *нашъ мірской выборъ*, т. е. выборъ цѣлой волости, : въ томъ ему мы старосты и мірскіе люди *міромъ* и выборъ сей дали п. (А. отн. къ Юрид. 3. № 1—9).

Міръ, какъ мы уже сказали, распоряжался землями; участки *давали ъ міромъ*, или *поговоря со всѣмъ міромъ*. Пеня съ виновныхъ въ волости шась въ міръ. Крестьянинъ, поряжаясь въ волость на жребій земли, въ иси своей, между прочимъ, обязывался: «а покину я въ пустѣ землю гой деревнѣ, или въ волости, не насѣю и жильца не посажу, и на мнѣ, ей записи, взять старости въ *міръ* рубль». Міръ былъ полноправный инъ земскихъ денегъ, сборовъ, пеней и проч. Отсюда были особыя, ь называемыя, *мірскія сборныя деньги*. На міръ сбирались деньги съ остныхъ деревень, міръ и распоряжался этими сборами. Потому писа- ось тогда: «тянутъ всякіе подати съ *міромъ* вмѣстѣ, въ *чемъ* міръ *обло- мъ*, или: *по мірской верьвны*». И сборы потому назывались *мірскими* иетами, *мірскими* разрубами и т. п. Міръ зналъ, выбиралъ и назначалъ, какому дѣлу нужно мастера: «а намъ, говорили крестьяне, *міромъ* дать тера».

Міръ получилъ религіозную санкцію: у церкви строились *мірскія избы*, ь новгородской землѣ—на погостѣ, въ церковной палатѣ, бывали *мір- сходы*. Сельскій или волостной *міръ*,—въ черныхъ ли волостяхъ, или отчинныхъ,—имѣлъ право непосредственно сноситься съ правительствомъ. о правительство прямо относилось къ сельскимъ мірамъ, безъ посред- землевладѣльцевъ и волостей. И въ вотчинныхъ волостяхъ, такъ же ъ и въ черныхъ, міръ сельскій, или волостной дѣйствовалъ полноправно, остоятельно, независимо отъ землевладѣльцевъ; *свѣщался межъ себя*, ился съ разными волостями, съ городами, посылалъ свои мірскія иоты, въ тѣ городы къ тѣмъ дѣтямъ боярскимъ, которые въ тѣхъ горо- ь и волостяхъ учинены у того дѣла въ головахъ. (А. А. Э. № 194).

Органами мірскаго самоуправленія и самосуда были: *излюбленные* го- ы, старосты, судьи, цѣловальники и другіе выборные люди, *кого межъ*

себя излюбляли и выбирали земскіе люди всѣмъ міромъ и, во главѣ всѣ *мірскіе сходы*. Какъ *земля* была естественнымъ мѣриломъ и опредѣлите юридическаго равенства земскихъ людей и *общинности* мірскаго зем самоустройства, самоуправленія и самосуда: такъ *голова*, лучшій здр умъ, *старожилость*, *старѣйшинство*, естественно-житейская опытн были естественными мѣрилами и опредѣлителями *выборности* общин мірскаго самоуправленія и самосуда. Изъ этого естественнаго прин проистекалъ обычай выбирать излюбленныхъ *головъ* и *старостъ*, и на и даже на сходѣ давать большое значеніе *старожиламъ*. Съ тѣхъ какъ сложился сельскій міръ, основались *волости* вольно-общин или льготно-общинныя,—съ тѣхъ поръ въ нихъ появились общи выборные земскіе нарядники — *старосты*. Старосты эти были то излюбленные устроители земскихъ дѣлъ «во всѣхъ мѣсто» и со вс міромъ вмѣстѣ. Міръ ихъ наряжалъ выполнять свои земскія дѣла. М вмѣстѣ съ ними, и самъ дѣйствовалъ.

Со времени появленія князей на Руси и обычая давать волости кормленіе княжескимъ волостелямъ и тіунамъ, — волости, міры сельс въ противоположность княжескимъ властямъ, выбирали своихъ *стар* Во многихъ волостяхъ эти только старосты и были, безъ тіуновъ и во стелей приказныхъ. Такъ, въ Русской Правдѣ, дававшей законное знач и полноправность *верви*, *міру*, *людямъ* въ собирательномъ смыслѣ земств уже упоминаются *сельскіе старосты*, *ролейные*, или общинно-крестьянс *княжи* и *боярскіе*, или вотчинно-крестьянскіе. Въ псковской землѣ б *губскіе старосты*, т. е. выборные въ губахъ, или волостяхъ псковскихъ городовъ. Старосты эти имѣли право голоса, равное съ приставомъ кн и посадника. Въ случаѣ, напр., вопроса о продажѣ имѣнія, оставлен крестьяниномъ въ господской вотчинѣ, по псковской судной грамотѣ, сударь, т. е. вотчинникъ, долженъ былъ «у князя и у посадника к пристава, *да* и *старостъ губскихъ позвать*» для рѣшенія вопроса. Господ даже не могъ требовать своей покруты или ссуды иначе, какъ тольк *закличь*, т. е. публично, во всеуслышаніе міра. Въ XV и XVI вѣкахъ, домъ съ мірами, повсюду въ волостныхъ общинахъ видимъ выборн старостъ, не исключая и вотчинныхъ сельскихъ общинъ. Выборные (росты распоряжаются и управляютъ земскими дѣлами вмѣстѣ со вс волостными крестьянами.—По выраженію актовъ, распоряжается *«вол* *староста съ крестьяны»* или *староста и всѣ крестьяне*, *тяжутся* за (общій земскій интересъ тоже *староста и всѣ крестьяне*, и т. п.

Съ распространеніемъ власти московскихъ царей на всѣ област земли, въ волостяхъ началъ усиливаться приказно-правительствен элементъ.

Волостное мірское самоуправленіе и мірской самосудъ чрезъ из бленныхъ выборныхъ старостъ и судей стали все больше и больше огра чиваться вмѣшательствомъ волостелей и ихъ тіуновъ. Право уча цѣлаго міра, цѣлой волости со старостою на судѣ, или въ другомъ как либо земскомъ дѣлѣ уже ограничивалось присутствіемъ однихъ выборн старостъ, цѣловальниковъ, особыхъ *судныхъ* мужей и добрыхъ, или

людей, въ качествѣ *сидячихъ мужей* на *судахъ* у волостелей, посель-
ь и другихъ приказныхъ судей-кормленьщиковъ. Хотя царскими су-
ками не только возведено изъ обычая въ положительное установленіе—
рное волостное самоуправленіе, но и узаконено было, чтобъ и во всѣхъ
волостяхъ, гдѣ прежде не было старостъ и цѣловальниковъ, чтобъ
ъ непремѣнно были старосты и цѣловальники; однакожъ, вмѣстѣ съ
въ волостяхъ усиливались приказно-правительственныя власти, и
самыя выборныя земскія должности стали постепенно получать при-
й характеръ. А кормленьщики царскіе-намѣстники, волостели и ихъ
на первой же порѣ стали нарушать земское право мірскаго само-
и самораспоряженьемъ стали страшно обижать сельскія общины.
торыя общины жаловались, что «государевы даньщики и слободчики
ъ ихъ не по суду и земскимъ людямъ лучшимъ и середнимъ на судѣ
у себя не велятъ, да въ томъ чинятъ продажи великія». (А. Э. I,
6). Въ половинѣ XVI-го столѣтія, злоупотребленія намѣстниковъ,
телей и тіуновъ праветчиковъ и пошлинныхъ людей обнаружились
ей силѣ.

Зато, и въ областныхъ общинахъ и, въ частности, въ волостяхъ
ся общій вопль, противъ царскихъ намѣстниковъ, волостелей, тіуновъ
, проявился энергическій духъ протестаціи противъ нихъ. Многія
кія, волостныя общины, такъ же, какъ и городскія, при Грозномъ и
, требовали себѣ полнаго, излюбленнаго, выборнаго самоуправленія и
уда. Они сами, напередъ, «выбирали межъ себя излюбленныхъ старостъ,
зое и по одному на волость. Потомъ посылали съ выборными ходо-
«во всѣхъ мѣсто» въ Москву, къ царю, на утвержденіе земскую,
нно-волостную челобитную объ отмѣнѣ приказныхъ волостелей съ
ратіей и о замѣнѣ ихъ своими выбранными уже излюбленными старо-
, прилагая къ челобитной *излюбленные списки* именъ выборныхъ
стъ. Царь утверждалъ. Не излагая всѣхъ извѣстныхъ волостныхъ
ныхъ грамотъ объ излюбленномъ выборномъ самоуправленіи и само-
сельскихъ общинъ, для примѣра, считаю не лишнимъ привести здѣсь,
въ отрывкахъ, составившуюся такимъ образомъ въ 1555 г. уставную
ту для крестьянъ Усецкихъ и Заяцкихъ или Устьенскихъ волостей
жскаго уѣзда. По изначальному колонизаціонному принципу рѣчной
матизаціи и раздѣльности волостныхъ общинъ, села, деревни, починки
мища, сгруппировавшіяся по рѣкамъ — Усьи и Заячьи, естественно
овали одну связную, цѣльную общину, волость. Потому онѣ, по рѣкамъ,
ались: *Усьи и Заячьи рѣкъ волостные крестьяне.*

Всѣ 5 или 6 волостей Усьи и Заячьи рѣки, выбрали на своихъ мір-
сходахъ, каждая волость — по три излюбленныхъ, довѣренныхъ
а, и послали ихъ въ Москву, къ царю съ челобитной объ утвержденіи
ныхъ или излюбленныхъ старостъ вмѣсто приказныхъ, правительствен-
волостелей. Въ общинно-волостной челобитной своей, крестьяне
и: «Усьи и Заячей рѣки волостные крестьяне, лутчіе, середніе и
чіе люди и всѣ крестьяне межъ себя выбрали излюбленныхъ ста-
,—кому межъ себя управу чинить, и волостелины доходы сбирать, и

къ царю на срокъ привозить,—изъ Усьи же и изъ Заячей рѣки, изъ волостныхъ крестьянъ лутчихъ людей: изъ Усицкой волости дву челов… Василья Ильина сына Бестужева да Василья Онуфріева сына Бат… а изъ прочихъ 5 волостей по одному человѣку», которые тоже по… нованы.

Царь безпрекословно удовлетворилъ эту общинно-волостную чело… ную, утвердилъ ихъ излюбленныхъ старостъ и далъ имъ уставную … моту, согласно съ ихъ желаніемъ. Въ этой уставной грамотѣ царь не … зывалъ волостнымъ общинамъ какихъ-нибудь своихъ подробныхъ ст… тельныхъ для волостнаго самоуправленія и самосуда правилъ и полож… а начерталъ только общія начала самоуправленія и самосуда и то согл… съ самой же общинно-волостной челобитной, въ отвѣтъ на нее. Д… нѣйшее развитіе этихъ началъ, примѣненія ихъ къ мѣстнымъ услов… къ теченью мѣстной волостной жизни, предоставлялось уже самимъ … лостнымъ общинамъ, *межъ себя, кому и какъ у нихъ мочно, какъ ихъ з… управа ихъ будетъ люба* и проч. Дѣйствію этой мѣстной уставной грам… и другихъ мѣстныхъ *губныхъ уставныхъ грамотъ* предоставлено по… юридическое значеніе. Только, въ общихъ государственныхъ отношен… предписывалось судъ и управу чинить *по судебнику и по уставной грам… какъ уложена о судѣ во всей землѣ.*

Общія начала излюбленнаго земскаго самоуправленія и само… Усецкой и Заяцкой волостныхъ общинъ, въ ихъ уставной грамотѣ, и… жены такъ: «кто у нихъ въ волостяхъ, пріѣзжихъ людей изъ иныхъ г… довъ у волостного человѣка Усьи и Заечьи рѣки, или волостной чело… Усьи и Заечьи рѣки у народца, у пріѣзжаго человѣка, познаетъ полич… свое, лошадь, или платно, или иное что-нибуди, и имъ въ томъ на т… людей пристава давати и управа межъ ихъ чинити по судебнику-жъ … уставной грамотѣ, объискивая всю правду, по нашему крестному ц… ванію, чтобы тѣ дѣла были не безуправны; а другу имъ и роду своему … племяни въ судѣ не наровити, а недругу не мстити и посуловъ и пом… ковъ не имати ни у кого, ни отъ чего, нѣкоторыми дѣлы, и того … беречи и сыскивати накрѣпко, чтобъ у ищей поклепу и ябедничества … отвѣтчиковъ запиранья не было никоторыми дѣлы .... А въ разбойн… дѣлахъ волостныхъ людей судити и управляти губнымъ старостамъ, … ихъ губнымъ уставнымъ грамотамъ и по наказнымъ спискамъ. А цѣ… вальниковъ, кому у нихъ въ судѣ сидѣти и на розсылкѣ быти, и дія… земскихъ, кому у нихъ судныя дѣла писати, и въ доводчиковъ мѣ… кому у нихъ на поруки давати и на судѣ ставити, старостамъ Васи… Бестужаго, да Василью Батурѣ, да Власью Лосеву съ товарыщи, котор… въ сей грамотѣ писаны по волостямъ, и всѣмъ Усьи и Заечьи рѣки … лостнымъ крестьянамъ лутчимъ и середнимъ и молодчимъ людемъ, выбр… имъ у себя въ Усьѣ и въ Заечьѣ рѣкѣ въ волостяхъ, кого межъ себя … любятъ въ волостные люди, кому бы у нихъ лично съ выборными ст… стами въ тѣхъ волостяхъ на судѣ быти, изъ Усьи-жъ и изъ Заечьи р… изъ волостныхъ людей: въ цѣловальники по два человѣка въ волость … по дьяку земскому, да въ доводчиковъ мѣсто по одному человѣку, ко…

нихъ на поруки давати; да и къ цѣлованью ихъ у себя въ волостяхъ ивести по записи, какова имъ запись дана; а кого выберутъ въ цѣло-льники, и діаковъ земскихъ, и въ доводчиковъ мѣсто, кому у нихъ на руки давати и имъ тѣхъ людей имяна написати на списки, да къ тѣмъ ъ излюбленнымъ спискамъ руки свои приложити, а которые грамотѣ не ѣютъ и въ ихъ мѣсто отцемъ ихъ духовнымъ къ тѣмъ спискамъ руки и приложити, да тотъ имъ излюбленный списокъ прислати на Москву ку нашему къ Угриму Львову. А оброкъ есмя, за волостелины доходы за всѣхъ волостелиныхъ пошлинныхъ людей пошлины, опричь мыта каго, на Усью и Заечью рѣку на всѣхъ на волостныхъ людей, которые домъ и кормомъ даны были Усьи и Заечьи рѣки волостелемъ, велѣли ложити на годъ деньгами по триста по осминадцати рублевъ и по четыре гыны съ деньгою, да пошлины съ того оброку съ рубля по два алтына; платити имъ тотъ годовой оброкъ и съ пошлиною въ нашу казну, на сквѣ, діаку нашему Угриму Львову, въ годъ но одинъ срокъ, зимѣ на ѣтеньевъ день ....; а діаки наши тотъ оброкъ емлютъ у нихъ безпосулно съ Москвы ихъ отпущаютъ безволокитно. А сбирати имъ тотъ годовой рокъ со всего своего присуда, съ Усьи и Заечьи рѣки съ волостей, по ивотомъ и промысломъ, какъ иные тягли межъ себя разводятъ; а лишка ъ, въ разводѣ того тягла, на деревни ни на чьѣ оброковъ не прибавати никоторыми дѣлы .... А учнутъ тѣ выборные судьи судити и раву межъ крестьянства чинити прямо, по нашему уложенью по судебку и по уставной грамотѣ, безволокитно и безпосулно, и оброкъ за лостелины доходы собирати и къ намъ на срокъ привозити сполна, и редъ только намъ и землѣ управа ихъ будетъ люба, и мы съ ихъ дереиь, что за ними пашни, пошлинъ и податей всякихъ имати не велимъ, и сверхъ того ихъ пожалуемъ».

Такимъ образомъ пять волостныхъ народоправныхъ общинъ, сами бой, путемъ общинной мірской колонизаціи, устроившихся по одной стемѣ Усьи и Заячьей рѣки, и связанныхъ такимъ образомъ рѣчною и лонизаціонно-федеративной связью, *согласясь межъ себя*, на общемъ волостмъ сходѣ *выбрали излюбленныхъ старостъ, кому межъ ихъ управу чинить*, управлялись и судились сами межъ себя, по своей мѣстной уставной амотѣ. Слѣдовательно 5 или 6 отдѣльныхъ *волостныхъ міровъ* и *мірскихъ одовъ*, объединившись общимъ, союзнымъ, федеративнымъ сходомъ, или *ъстьемъ*, и общею уставною грамотой, образовали народоправную, федетивную волостную общину, земско-волостной міръ со своимъ излюбленымъ самоуправленіемъ и самосудомъ. Такая закладка, первооснова, оргазація волостныхъ міровъ и общинно-волостнаго самоуправленія и самода, посреди своихъ выборныхъ и излюбленныхъ старостъ, по своей мѣстной тавной грамотѣ и по своимъ мѣстнымъ губнымъ уставнымъ грамотамъ, убоко коренилась въ самомъ *земскомъ строеніи* всѣхъ вообще сельскихъ щинъ, была исконнымъ, естественно-историческимъ, жизненно-народнымъ ткомъ земскаго устройства всего нашего сельскаго міра. Вотъ почему, тавныя грамоты Усецкихъ и Заячьихъ волостей, утвержденныя послѣ ремъ Михаиломъ Θеодоровичемъ, стали общей нормой, образцемъ и ру-

ководствомъ для всѣхъ сельскихъ общинъ, гдѣ только было выбо
излюбленное самоуправленіе. Еще во второй половинѣ XVII столѣтія в
сти, въ родѣ Дмитровской, *выбравъ* и *полюбивъ* кого-нибудь въ *выбо*
земскіе судьи и въ выборные земскіе цѣловальники къ мірскимъ сборнымъ
гамъ, въ выборной записи своей обязывали, напр., излюбленнаго выбор
земскаго судью: «а судить ему судьѣ въ волости насъ крестьянъ по
битьямъ.... по соборному уложенью и *по государевымъ уставнымъ жал*
нымъ грамотамъ, каковы государевы уставныя жалованныя грамоты да
Устьянскія волости всѣмъ крестьянамъ, и по сему нашему мірскому выб

После того, какъ еще въ 1497 г. царскій судебникъ поставилъ н
мѣннымъ закономъ, чтобы во всѣхъ волостяхъ непремѣнно были выбо
старосты и цѣловальники,—мы видимъ въ областяхъ, кромѣ стар
различныхъ излюбленныхъ выборныхъ: судей, цѣловальниковъ ра
рода, сборщиковъ дани, сторожей тюремныхъ и пр. Волостныя об
постоянно недовольны были приказными начальствами, часто жалов
на нихъ, и излюбляли и выбирали своихъ головъ, старостъ, судей,
вальниковъ и проч. Въ актахъ юридическихъ напечатано нѣско
выборовъ, изъ которыхъ видно, что выборное право земства во вре
вольно-народнаго самоустройства получало широкую основу, самую е
ственную, правильную организацію, и глубоко коренилось въ привыч
сельскихъ общинъ. Каждая сельская община, каждый *міръ,* а въ
каждое земское, мірское дѣло, каждая земская служба, каждый зем
разрядъ людей, каждый мірской, земскій интересъ, имѣли своего вы
наго, исполнителя, нарядника. Для примѣра, приведемъ нѣсколько вы
ровъ. Вотъ напр., выборъ 1666 года Дмитревой волости въ земскіе су
и къ мірскимъ сборнымъ деньгамъ: «се азъ староста церковный Дмитр
ской волости Леонидъ Клементіевъ Ипатовъ, да прошлой земской цѣ
вальникъ Данило Нефедовъ Паршина (всего 20 человѣкъ) и во вс
крестьянъ мѣсто Дмитріевской волости, опроче Васка Романова Твертин
миропродавца, *выбрали есьми* и *полюбили* въ Дмитревской волости
выборные земскіе судьи Ивана Ефремова Кошелева, да Дмитріевской же волос
выбрали и полюбили *въ выборные земскіе цѣловальники* Ивана Инфантіева А
мовъ къ нему судьѣ, да въ земскіе соцкіе выбрали и полюбили къ нему су
Родіона Харитонова Рокотаго съ нынѣшняго 174 году Срѣтеньева дня Госпо
зимнего февраля 2 числа до 175 году до Срѣтеньева же дня февраля до 2 чис
А судити ему судьѣ на стану въ Дмитревской волости насъ крестьян
челобитьямъ, и по кабаламъ, и по духовнымъ, по всякимъ письменнымъ к
постямъ, управу межъ насъ крестьянъ чинить.... въ государевыхъ дѣла
и въ земскихъ по государеву указу, по сборному уложенію и по госуд
вымъ уставнымъ жаловальнымъ грамотамъ, каковы государевы устав
жалованныя грамоты даны въ Устьянскіе волости всѣмъ крестьянамъ
по сему нашему *мірскому выбору»,* и проч.. Далѣе, въ выборной зап
подробно обозначаются обязанности, какія міръ возлагалъ на выборн
земскаго судью съ товарищами, относительно ихъ частнаго и общаго, з
скаго сыска про татиныя, разбойныя и душегубныя дѣла, относител
отправки въ Москву 1000 рубл. *въ прикащиковъ доходъ* (т. е. откупъ за са

правленіе и самосудъ) съ посыльщики, кого изъ міру выберутъ, относительно тюремъ и сторожей, и проч. (Архивъ, изд. Калачевымъ, 1859, т. III, критик., сент. 45—47).

Въ вотчинныхъ волостяхъ, такъ же какъ и въ черныхъ, «крестьяне всѣхъ селъ, деревень и починковъ, по словамъ актовъ, *межъ себя свѣстясь за одно*, учиняли себѣ прикащика въ головахъ, въ своихъ селахъ, и въ деревняхъ и въ починкахъ, выбравъ старостъ, и сотскихъ десятскихъ лучшихъ людей, которые были собою добры». По изстаринному земскому значенію самыхъ религіозныхъ дѣлъ, даже священникъ выбирался сельскимъ, или волостнымъ міромъ. Вотъ, напр., выборъ попа: «се азъ Пошехонскому уѣзду, Козмодемьянской волости, села Козьмодемьянскаго прихожане, Гордей Кондратьевъ, Ермолъ Ананьевъ, Андрей Васильевъ... (всѣхъ 28 человѣкъ) и всѣ прихожане села Козмодемьянскаго.... *посовѣтовавъ межъ собой на мірскомъ сходѣ, выбрали есьми излюбили* священника Самсона Михайлова къ церкви Козмы и Дамьяна, и всѣмъ намъ приходскимъ людямъ, онъ священникъ Самсонъ Михайловъ, любъ, потому что онъ человѣкъ доброй и смирной, и ни за какимъ плутовствомъ не ходитъ, не пьяница, всякихъ недобрыхъ дѣлъ удаляется, и въ томъ мы мірскіе люди ему и выборъ дали». Въ другихъ выборахъ, мірской сходъ указывалъ выборному священнику его обязанности въ отношеніи къ міру. (А. отн. до юр. б. № 7).

Во второй половинѣ XVII-го вѣка, когда вслѣдствіе прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, усиленія казеннаго тягла и появленія солдатской службы,—въ священничество стало много уклоняться бѣглыхъ крестьянъ, солдатъ и рабовъ, п. Никонъ разослалъ по областямъ «указъ о ставленникахъ, чтобы посадскіе люди, или *въ волостяхъ волостные люди* приносили *выборы* и челобитье за руками, а выборы писали бы, что онъ грамотѣ умѣетъ и смиренъ и церковному правилу искусенъ и отъ божественныхъ книгъ сказателенъ, и не пьяница, и не зерникъ, и не тать, и креста на судѣ не цѣловалъ, и въ боярскомъ судѣ въ холопахъ и крестьянахъ не бывалъ, и женатъ первымъ бракомъ, по закону на дѣвицѣ съ вѣнчаньемъ, а лѣты былъ бы въ 30 лѣтъ, а дьяконъ въ 25 лѣтъ». Точно также мірскіе сходы выбирали церковныхъ дьячковъ, мірскихъ или земскихъ дьячковъ, которые часто вмѣстѣ съ тѣмъ выбирались и въ церковные дьячки, выбирали пономарей, старостъ церковныхъ и проч. (А. Ю. № 285—287).

Для мірской службы, мірскіе сходы выбирали губныхъ старостъ, сельскихъ старостъ и цѣловальниковъ, головныхъ старостъ, земскихъ приставовъ, подсудныхъ цѣловальниковъ, тюремныхъ цѣловальниковъ, тюремныхъ сторожей, ямскихъ охотниковъ и проч. Вообще, выборное начало какъ широко и правильно развито было естественно-бытовою жизнью нашего народа, что мы считаемъ полезнымъ и для нашего времени сказать о немъ особо въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ нашего журнала. А теперь докончимъ общія замѣтки о юридической самостоятельности міра и мірскаго схода.

Выборные волостные земскіе судьи имѣли мірское полномочіе контро-

лировать судъ приказныхъ, царскихъ судей, волостелей, кормленщиковъ. Мало того, міръ такъ дорожилъ своими мірскими, земскими людьми, что, кромѣ выборнаго земскаго судьи, на судъ кормленщиковъ—намѣстниковъ и волостелей посылалъ своихъ довѣренныхъ представителей — особыхъ *судныхъ мужей* и *добрыхъ*, или *лучшихъ* людей, въ качествѣ *сидячихъ* или *посажоныхъ и приговорныхъ мужей*. Судныя дѣла писалъ на судѣ намѣстниковъ, волостелей и тіуновъ тоже выборный отъ міра *земскій* дьякъ, а къ этимъ суднымъ спискамъ выборныя земскія власти—старосты и цѣловальники прикладывали свои руки. Въ волостяхъ землевладѣльческихъ также, на судѣ вотчинника, помѣщика, или ихъ прикащика, присутствовали выборные отъ міра старосты и лучшіе земскіе люди. Въ грамотахъ писалось, напр.: «судити прикащику, а съ нимъ быти въ судѣ священнику, да крестьянамъ пятма или шестма добрымъ и среднимъ» или: «у игумена и у соборныхъ старцевъ сидѣть въ судѣ *сельскимъ лучшимъ людямъ, кого сельчане излюбятъ*». Наконецъ—міръ контролировалъ своихъ собственныхъ выборныхъ судей, головъ, старостъ и цѣловальниковъ. Онъ и на судъ излюбленныхъ судей, такъ же какъ на судъ приказныхъ, правительственныхъ судей и землевладѣльцевъ, посылалъ волостныхъ лучшихъ крестьянъ. Міръ имѣлъ полное право *повелѣвать* своимъ излюбленнымъ судьямъ, прикащикамъ и, въ случаѣ вины, казнить ихъ. Такъ, напр., въ жалованной судной—грамотѣ, данной крестьянамъ Вохонской волости въ 1561 году сказано: «а учнутъ излюбленные судьи судити не прямо, по посуламъ, а доведутъ на нихъ то, и излюбленныхъ судей—въ томъ казнити смертною казнью, а животы ихъ велѣлъ имать, да отдавать тѣмъ людямъ, кто на нихъ доведетъ. А въ судѣ и у записки и у всякихъ дѣлъ у губныхъ и у излюбленныхъ судей—сидѣти волостнымъ лучшимъ крестьянамъ». (А. Э. I, № 257.). Міръ избиралъ излюбленныхъ судей, старостъ и головъ; міръ же имѣлъ полное право и свергать ихъ. По словамъ актовъ: «буде волостные крестьяне похотятъ своихъ судей перемѣнити,—и волостные крестьяне всѣ выбирали-бъ лучшихъ людей, кому ихъ судить и управа межъ ними чинить». Такимъ образомъ волостной міръ, чрезъ своихъ выборныхъ лучшихъ и добрыхъ людей, контролировалъ дѣйствія и суды и приказно-правительственныхъ властей—волостелей и другихъ, и землевладѣльцевъ, и своихъ собственныхъ *излюбленныхъ* головъ, старостъ, судей и проч. Волостной міръ, слѣдовательно, составлялъ верховное судилище. Его *разсужденью* подлежало обсужденіе всѣхъ дѣлъ земскихъ, мірскихъ людей. Міръ, называясь *волостью* и *землею*, имѣлъ власть, или *волость* надъ всѣми своими землями, волостными людьми. Потому, защита ихъ на судѣ, такъ же какъ и колонизаціонное, территоріальное, *земское устройство ихъ*, было его *земскимъ дѣломъ*.

Объединяясь единствомъ земли и колонизаціонно-территоріальнаго *земскаго устроенья* въ одно цѣлое, *въ обычину*, міръ, естественно долженъ былъ имѣть общее *земское дѣло*. Для того, чтобы *управа всей земли была люба*, необходимо было земское, мірское *разсужденье, совѣтъ всей волостной земли* объ общемъ *земскомъ дѣлѣ*. И вотъ—во всѣхъ волостяхъ—черныхъ и вотчинныхъ были естественнымъ, общинно-бытовымъ результатомъ-

ркіе сходы. Если волость была небольшая, сосредоточенная въ одной щинѣ, староста повѣщалъ *сусѣдей волостныхъ,* или *міръ-народъ.* Земскіе, юстные люди, міряне собирались, сходились или въ особую *мірскую избу,* торая тоже называлась *мірскою, земскою, съѣзжею избою, судною избою,* и въ *трапезу* церковную, на погостъ, какъ было въ области пятинъ и гостовъ новгородскихъ, или—просто на улицѣ, на полянѣ, въ кругѣ. ли мірской сходъ собирался, по зову старосты, то староста *говорилъ міру,* биравшимся *сусѣдямъ волостнымъ,* въ чемъ дѣло, или какое было челотье истца-ли, новоприходца-ли на поселенье въ волость. Безъ доклада ру, безъ *говоренья съ міромъ,* или *съ сусѣдями волостными,* староста не гъ рѣшить ни одного важнаго земскаго дѣла, касавшагося всей *земли,* ей волости, или міра. Потому въ актахъ всякое дѣйствіе міра, всякое споряженіе старосты, или образъ исполненія земскимъ старостою мірскаго иговора выражалися такимъ образомъ: «а язъ староста, *поговоря со всѣмъ ромъ,* или *поговоря съ сусѣдями волостными,* или, *посовѣтовавъ межъ собою мірскомъ сходѣ,* сдѣлали то-то».

Если волость состояла изъ нѣсколькихъ, раздѣленныхъ значительимъ разстояніемъ селъ, деревень и починковъ, то крестьяне, *межъ себя ѣстясь всѣ за одно,* сходились въ главное волостное село на мірскій сходъ. югда изъ главнаго волостнаго села *посылались биричи по деревнямъ,* съ вѣсткой на волостной мірской сходъ. Въ псковскихъ волостяхъ, на сходъ ывали мірскихъ людей *позовники,* на погостъ. Такимъ образомъ всѣ стные, сельскіе и деревенскіе мірскіе сходы сосредоточивались, смыкались одинъ общій волостный мірской сходъ.

Таковы главныя начала сельскихъ мірскихъ сходовъ вольно-народго устройства. Не будемъ распространяться о томъ, по какимъ дѣламъ одились волостные крестьяне на мірскіе сходы. Для насъ важно теперь лько сохраненіе извѣковѣчнаго, жизнію крестьянскою созданнаго принпа мірскихъ сходовъ, важно новое призваніе ихъ къ самодѣятельности, моуправленію и самосуду. Теперь у сельскихъ мірскихъ сходовъ много выхъ дѣлъ, новыхъ вопросовъ, много будущности. Намъ остается только лать, чтобы отнюдь не вторгались въ сельскіе міры бюрократическіе рядки, книги исходящихъ бумагъ и т. под., какъ неразумно пожелали которые мировые посредники. Это—горько-испытанныя міроѣдныя начала. апротивъ, сельскому міру и мірскому сходу нужно какъ можно болѣе вать юридической самоопредѣляемости, самораспорядительности. Ужъ и ежде выработанные жизнью крестьянъ юридическіе обычаи представляютъ исчерпаемый источникъ не только для крестьянскаго положенія и уставыхъ грамотъ, но и для всего нашего законодательства. Потому, на нихъ еные и стали нынѣ обращать вниманіе, чего они давно вполнѣ заслуживаютъ, и ждутъ только дѣльныхъ, понимающихъ крестьянскій міръ слѣдователей. Дайте только свободу юридической самодѣятельности льскаго міра: крестьянскіе міры и мірскіе сходы осмыслятъ, возведутъ юи юридическіе, жизненные, бытовые обычаи въ свои *мірскія уложенія,* кія ужъ и начинали было вырабатывать крестьяне во времена свободго самоустройства сельскихъ общинъ. Потомъ, новая мірская жизнь,

дальнѣйшее саморазвитіе міровъ и мірскихъ сходовъ создадутъ, выработаютъ новые юридическіе обычаи. И будутъ развиваться такимъ образомъ сельскія, *мірскія уложенія*, законы, или уставныя грамоты,—какъ угодно, назовите. Вмѣсто *книги исходящихъ бумагъ* явится книга сельскаго юридическаго самоустройства, самоуправленія и самосуда. Простые тоже люди—старообрядцы, тоже изъ крестьянъ, да изъ мѣщанъ и купцовъ, вовсе неученыхъ. А живя долгое время самобытно, своебразною жизнію, они также организовали у себя конторы выборныхъ попечителей, совѣты, сходы. А съ начала нынѣшняго столѣтія обнаружили даже нѣкоторыя попытки дать юридическую опредѣленность этимъ совѣтамъ и сходамъ своимъ, о чемъ будетъ сказано въ свое время. Такъ и крестьяне могутъ со временемъ кодифицировать, или сводить въ одно органическое цѣлое, въ *Мірское уложеніе* свои юридическіе обычаи и постановленія. Намъ остается, повторяемъ, желать, чтобы сельскіе міры и мірскіе сходы имѣли, какъ можно, больше простора свободы въ своей самодѣятельности, въ своемъ саморазвитіи.

Далѣе, для наиболѣе успѣшнаго саморазвитія сельскихъ міровъ, намъ нужно, чтобы крестьянамъ, какъ можно, больше предоставлялось правъ свободнаго пользованія естественными матеріалами и источниками народнаго богатства—землями, лѣсами и т. д. Крестьянамъ нужна земля такъ же, какъ и свобода труда, не только для улучшенія матеріальнаго быта ихъ, но и для наибольшей производительности нашей земли. Крестьяне, какъ только вполнѣ почувствуютъ себя хозяевами своей свободы и земли,—съумѣютъ и научатся надлежащимъ образомъ съ надлежащею производительностью пользоваться естественными данными. Тутъ они скорѣе призовутъ на помощь и науку. Вспомнимъ, сколько богатырской земско-устроительной силы, мощи, энергіи, проявило наше крестьянство, когда только что еще устрояло русскую землю, слагало земскій міръ, посажало, поставляло починки и деревни на лѣсахъ. Даже въ эпоху начинавшагося прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, въ эпоху водворенія московско-государственнаго принципа, *чтобъ земля изъ службы не выходила*, въ эпоху сильно обнаружившагося деспотизма служилаго сословія намѣстниковъ, волостелей, праветчиковъ, тіуновъ-бояръ и дѣтей боярскихъ,—даже и въ эту пору крестьяне твердо, бодро шли впередъ, всюду отыскивали все еще непочатыя, бездоходныя, непроизводительныя, но богатыя производительными силами земли, воды. А какъ въ XVI в., когда московскіе писцы и дозорщики уже привязывались къ крестьянамъ по пустякамъ, «своего добытка смотря», крестьяне не имѣли правъ безъ спросу московскаго правительства занять и заселить и никѣмъ не занятыя, и никому не нужныя пустопорожнія земли,—то не всюду еще расхаживавшіе тогда крестьяне, нашедши пустопорожнія, но хорошія земли, лѣса, воды, то-и-дѣло слали въ Москву къ царю челобитныя. Въ челобитныхъ этихъ они здраво, умно и прямо къ пользѣ для культуры русской заявляли царю, что напрасно по-пустому безъ надлежащихъ доходовъ и производительности лежатъ гдѣ-нибудь въ пустѣ—лѣсъ ли дикой черный, земля ли, вода ли, или даже болотныя мѣста,—и просили эти бездоходныя мѣста себѣ въ оброчное владѣніе, чтобы сдѣлать ихъ доходными. Вотъ, для примѣра первая, попавшая подъ глаза напечатанная

тахъ Юридическихъ оброчная крестьянину Первушки Иванову сыну тюкову Кускіе волости на дикой пустой лѣсъ, за рѣкой за Унжею, рхъ по Луху по Черному, отъ рѣчки отъ Побойшны и т. д.: «билъ онъ омъ государю и великому князю, а сказалъ, что деи тотъ лѣсъ стоитъ тъ и оброку де съ того дикаго лѣсу и съ угодья въ государеву казну даютъ ничего и не владѣетъ деи имъ никто, а лежитъ впустѣ; да и въ иску цѣловальникъ да двадцать человѣкъ крестьянъ сказали: по госуеву крестному цѣлованью, про лѣсъ, что за рѣкою за Унжею вверхъ рѣчкѣ по Луху по Черному отъ рѣчки отъ Побойшны да съ другую рону отъ рѣчки отъ Юрвала да по обѣ стороны вверхъ по Луху по рному по Луховскимъ верховинамъ, что того лѣсу верстъ на двадцеть тридцеть, а бывалъ деи тотъ лѣсъ искони вѣкъ Кускіе волости, а въ мѣстьи ни въ вотчинѣ деи не бывалъ ни за кѣмъ, и оброку съ того у въ государеву казну ни медомъ, ни хлѣбомъ, ни иными никакими оды нынѣ не даютъ ничего, а запустѣлъ деи тотъ лѣсъ лѣтъ съ сорокъ ъ пятдесятъ, и оброщиковъ деи старыхъ, кто тѣмъ лѣсомъ въ старину дѣлъ, побили въ старую войну Луговая Черемиса, а иные померли съ ѣтрія, а тѣмъ деи лѣсомъ не владѣетъ никто; и государю-бъ его Перику Митюкова пожаловать, велѣти ему тотъ дикой пустой лѣсъ дать оброкъ». Или вотъ другая челобитная къ царю троихъ крестьянъ Двинхъ: «били намъ челомъ (в. к. Вас. Иванов. въ 1524 г.), а сказываютъ, въ Двинскомъ уѣздѣ, за рѣчкою за Двиною, нашли ключи соляные рѣчкѣ на Юрѣ, на лѣсу на черномъ, да отъ Кривца вверхъ по обѣ роны рѣчки Юры и Смердево озерка; а дворы да и пашни на тѣхъ тѣхъ не бывали отъ вѣка, а отъ волости де тѣ мѣста за двадцать верстъ всѣхъ сторонъ и угодья де къ тѣмъ мѣстомъ не пришли никоторыхъ остей; и мнѣ бы Наумка и его товарыщовъ пожаловати, велѣти имъ тѣхъ мѣстѣхъ ключи соляные чистити, и лѣсы сѣчи, и дворы ставити, юдей къ себѣ звати, да и пашни пахати отъ Кривца по обѣ стороны ки Юры до рѣчки Смердьи и около Смердья озерка по рѣчкѣ по рдьѣ до устья, да отъ усть Хороги до Гостилова устья да до Залаа ручья, и пожни по тѣмъ мѣстомъ чистити. И ожъ будетъ такъ, какъ умко и его товарыщи сказывали, и язъ князь великій пожаловалъ умку и его товарищевъ, велѣлъ есми имъ на тѣхъ мѣстѣхъ ключи соые чистить, и лѣсъ сѣчи, и дворы ставити, и пашни пахати, и пожни тити, и людей къ себѣ звати на тѣ мѣста, ни тяглыхъ и неписменныхъ рыхъ, а не ябедниковъ, и не татей, и не разбойниковъ, а письменыхъ лыхъ да и лихихъ людей, татей или разбойниковъ, или ябедниковъ, орые изъ которыхъ городовъ и изъ волостей выбиты, и тѣмъ имъ къ ѣ не принимати».

И теперь крестьяне, особенно въ густонаселенныхъ губерніяхъ, жажъ только земли, луговъ, да лѣсовъ.

Затѣмъ крестьянскимъ мірамъ необходима полная свобода не только ьско-хозяйственнаго, но и торгово-промышленнаго саморазвитія, необимо, чтобы села сами собою, путемъ свободнаго экономическаго самовитія, выростали въ города, въ центры не только экономическаго, но

и умственнаго саморазвитія, самообразованія крестьянства. По есте-
ственно-историческому, народно-бытовому началу *земскаго устроенія*, из
починка сельскаго, изъ села, путемъ свободнаго торга и промысла, до
женъ былъ развиться и развивался городъ. Такъ, изъ *Славно-Тор*
перваго славянскаго починка-села на Волховѣ, развился могучій и богат
великій государь Новгородъ, или изъ трехъ торговыхъ починковъ на холмог
ской возвышенности, путемъ свободнаго торга и промысла, выросъ ц
тущій въ средніе вѣка торговый городъ Холмогоры, центръ Двинс
Области; или, тоже цвѣтущій въ средніе вѣка городъ Вологда, главн
новгородскій проводникъ сухоновычегодской колонизаціи и культу
также выросъ въ городъ «*на великомъ лѣсу на среднемъ посадѣ изъ ма*
торжка». *Село*, составлявшее колонизаціонную первооснову своей волос
имѣвшее *свой уѣздъ, посадъ* или славянорусское селеніе, *посаженное на л*
или среди Чуди и другихъ инородцевъ, для торга и промысла, *слобо*
ассоціація вольнонароднаго, льготнаго свободнаго труда торгово-пром
шленнаго — вотъ были коренные русскіе, жизненно-народные, естествен
историческіе починки, первоосновы для организаціи городовъ. Село,
темъ свободнаго торга и промысла, само собой опредѣлилось возрости
городъ, какъ, напримѣръ, въ XVI столѣтіи, изъ починка стало торго
промышленнымъ городомъ село Грязовецъ, или въ XVII в., стремили
путемъ торга, стать городами села Коврово, Рогачево, и многія другія.

Истаринный, жизненно-народный способъ образованія и разви
городовъ путемъ вольныхъ поселеній, торгово-промышленныхъ слободъ
посадовъ и донынѣ глубоко коренится въ житейскихъ правахъ въ т
гово-промышленныхъ стремленіяхъ нашего народа. Богатыя села и в
селки изъ нихъ, путемъ торговаго и промышленнаго развитія, постепен
возвышаются на степень городовъ, или посадовъ городскихъ. Напр.,
1844 году почетный гражданинъ Семенъ Лепешкинъ купилъ у наслѣдн
ковъ московскаго купца Грачева ненаселенную землю, находящуюся п
деревни Иконниковой и въ отхожихъ пустошахъ, именуемыхъ Михѣев
Минѣева. Землю эту Лепешкинъ распродалъ по участкамъ разны
купцамъ и мѣщанамъ, оставивъ впрочемъ и за собою нѣкоторую час
Въ 1845 г. владѣльцы сказанныхъ земель исходатайствовали разрѣшен
владимірскаго губернскаго правленія на устройство слободы, подъ наз
ніемъ Вознесенской. Черезъ 5 лѣтъ послѣ того, слобода заключала уже
себѣ церковь, 10 фабрикъ и 26 домовъ, принадлежащихъ купцамъ, 83 мѣщ
намъ, 2 казеннымъ крестьянамъ, всего 111 домовъ. Къ столь быстрому застро
нію Вознесенской слободы содѣйствовало, между прочимъ, слѣдующее обсто
тельство: слобода находилась въ смежности съ извѣстнымъ селомъ Ив
новымъ, принадлежащимъ графу Шереметьеву, который дозволилъ иного
роднимъ купцамъ и мѣщанамъ, построившимъ дома, фабрики и друг
зданія на принадлежащей ему землѣ, владѣть ими только до тѣхъ пор
пока эти лица сами проживаютъ въ селѣ. Съ переходомъ же въ друг
мѣста на жительство, всѣ строенія ихъ или поступаютъ въ пользу помѣ
щика, или должны быть проданы тамошнему крестьянину. Такое огр
ниченіе права собственности побудило купцовъ и мѣщанъ, проживающ

въ селѣ Ивановѣ, пріобрѣтать ненаселенныя земли у сосѣднихъ помѣщиковъ въ полную и безусловную собственность. Вслѣдствіе сего, въ смежности съ селомъ Ивановымъ, основаны были мало-по-малу, кромѣ Вознесенской, еще и другія слободы: Дмитровская съ пустошью Ковригиной, Ильинская, Троицкая и Березина. Всѣ эти слободы построены также на земляхъ, купленныхъ богатыми купцами отъ помѣщиковъ, и распроданныхъ послѣ промышленникамъ отдѣльными участками. Купцы и мѣщане, проживающіе въ означенныхъ слободахъ, просили объ образованіи изъ этихъ поселеній *посада*, съ учрежденіемъ въ немъ особаго полицейскаго, общественнаго и судебнаго управленія. 9 декабря 1853 г. посадъ учрежденъ. И теперь въ немъ: населенія 1220 душъ обоего пола, доходовъ *обыкновенныхъ* — 2854 р., расходовъ *текущихъ* — 1335 р. 5 коп., капитала запаснаго 3106 р. 90 коп. Такъ выкупъ земель отъ помѣщиковъ и сколько-нибудь свободная торговля и промышленность быстро могутъ незначительный выселокъ обратить въ посадъ, несравненно болѣе богатый, чѣмъ многіе мелкіе города, учрежденные по указу. Не говоря о многихъ, подобнымъ образомъ основавшихся, посадахъ, — укажемъ хоть на то же село Иваново. Жители этого села такъ рады выходу изъ крѣпостного состоянія, доселѣ еще стѣснявшаго ихъ торгово-промышленное развитіе, несмотря на льготы помѣщика графа Шереметьева, и такъ увѣрены въ возможности возвести свое село путемъ свободнаго труда на степень цвѣтущаго города, что въ благодарственномъ адресѣ своемъ 30 апрѣля 1861 г. съ полною справедливостью могли сказать слѣдующія слова: «фабрикація наша, обязанная своимъ постепеннымъ развитіемъ предпріимчивости жителей, нынѣ будетъ процвѣтать болѣе и болѣе и поставитъ село Иваново, мы въ томъ увѣрены, на степень одного изъ лучшихъ городовъ всего промышленнаго міра». Такіе результаты обѣщаетъ свободное, естественное саморазвитіе селъ. Напротивъ, искуственно-административное *указное* возведеніе села или слободы въ городъ, не основанное на свободномъ саморазвитіи ихъ, на дарованіи жителямъ правъ свободнаго торгово-промышленнаго труда и общиннаго самоуправленія, такое возведеніе села или слободы въ городъ нарушаетъ, даже подавляетъ естественное, экономическое и юридическое саморазвитіе ихъ въ настоящій городъ, дѣлаетъ даже бѣднѣе, жалче многихъ селъ, какъ показали примѣры многихъ городовъ, созданныхъ указами Екатерины II изъ селъ и слободъ. Не то при свободномъ саморазвитіи села, главнаго въ волости. При дарованіи жителямъ его правъ свободнаго труда — торга и промысла, село это естественно, само собой, возрастетъ въ городъ и станетъ въ цѣлой волости центромъ, какъ экономическаго или торгово-промышленнаго, такъ и умственнаго или народо-образовательнаго движенія, станетъ исходнымъ пунктомъ живого развитія для цѣлой волости. Потому, что оно будетъ не только центромъ сельско-волостнаго мірскаго схода, но и центромъ высшаго, волостнаго училища, центромъ сельской литературы, крестьянской словесности и письменности, центромъ сельско-волостной библіотеки. Воспринимая въ свою жизнь изъ окружающихъ его селъ и деревень здоровые, жизненные соки, оно, въ свою очередь, само отъ себя будетъ удѣ-

лять этимъ селамъ и деревнямъ выработанные имъ элементы сельской культуры, сельскаго развитія. Постепенно богатѣя плодами свободнаго труда и возрастая въ городъ, волостное село естественно будетъ обогащать и развивать и прилежащія къ нему окрестныя деревни. Недаромъ изстари въ русской землѣ была органическая земская связь главнаго волостнаго села съ его волостью, съ его уѣздомъ, такъ что постоянно говорилось и писалось тогда такъ: *село съ уѣздомъ, село съ волостью*, село съ всѣми сельцами, деревнями, починками и займищами и т. под. Какъ первоначальное колонизаціонное мірское самоустройство волостей совершалось въ органической земской связи съ колонизаціоннымъ вольно-крестьянскимъ самоустройствомъ главныхъ, первичныхъ селъ въ волостяхъ, — такъ и внутреннее-матеріальное, или торгово-промышленное, юридически-благоустроительное, моральное, умственное или народно-образовательное саморазвитіе сельскихъ міровъ или цѣлыхъ волостей должно идти рядомъ, въ органическомъ взаимодѣйствіи, согласіи и равноправности съ саморазвитіемъ главныхъ волостныхъ селъ на степень городовъ. Тутъ только, въ этомъ свободномъ саморазвитіи богатыхъ волостныхъ селъ до степени центровъ сельскаго экономическаго и умственнаго движенія и при органическомъ взаимно-развитіи этихъ селъ съ ихъ волостными деревнями — тутъ только будетъ заключаться полно-жизненный ростокъ, залогъ самаго полнаго, могучаго, живого прогресса и проявленія разнообразныхъ сельскихъ народныхъ силъ и дарованій. Тогда только взыщется въ захолустьяхъ русскихъ селъ и деревушекъ множество гибнущихъ теперь Посошковыхъ, Ломоносовыхъ, Кольцовыхъ и т. д., множество талантовъ, умирающихъ теперь въ глуши, отъ отсутствія училищъ и книгъ, талантовъ наукъ реальныхъ, практическихъ, и разнообразныхъ искусствъ и открытій.

Городскіе мірскіе сходы [1])

Естественная, свободно-бытовая исторія нашего народа представляетъ бственно одинъ путь происхожденія городовъ—путь вольно-народнаго, ободно-экономическаго самоустройства и саморазвитія ихъ изъ селъ, изъ ободъ, вслѣдствіе свободнаго торга и промысла. Это, и по времени, рвичная, естественно-архитектоническая, излюбленно-народная форма разованія городовъ. *Великій Новгородъ* былъ первообразомъ, первоосновой, главой, представителемъ этого вольно-народнаго, торгово-промышлен-го, земско-вѣчеваго самоустройства городовъ. Затѣмъ слѣдовалъ процессъ отно-вотчиннаго, преимущественно-княжескаго строительства, *рубленья, тавленья, созданья* городовъ. Прототипомъ и представителемъ этого раз-да формаціи городовъ является *Москва* со всѣми верхне- и средне-волж-ими городами, вплоть до Нижняго включительно, построенными Юріемъ лгорукимъ и его потомками. Эти города устрояли, рубили князья, даруя юдямъ и всѣмъ купцамъ *ослабу, свободу* и *льготу большую*» (Ник. IV. 38, . Ник. III, 139, 191—192, Ник. IV. 82, 287—288 и 295, V. 115). Всѣ эти рода были *удѣльно-вотчинные*, такъ что и самая Москва первоначально лго дѣлилась между велико-княжескими сыновьями, какъ вотчина, на тчинные участки. Наконецъ, послѣдній циклъ, или способъ строитель-ва, формаціи городовъ представляетъ система *указнаго городоваго дѣла*. этой системѣ, по указу, въ XVI и XVII в. обстроена была городами и трогами — военностратегическими ассоціаціями стрѣльцовъ, пушкарей, тинщиковъ и т. п. вся южная степная Украйна (Котошихинъ насчиты-етъ до 30 городовъ и пригородковъ). Окончательнымъ, самымъ полнымъ одомъ и представителемъ этой указной системы городоваго дѣла является тербургъ.

Между тѣмъ, извѣковѣчный, вольнонародный, естественный принципъ ргово-промышленнаго саморазвитія городовъ такъ глубоко и самосохранно ренился въ потребностяхъ естественной жизни народа, что пережилъ всю зрушительную московскую ломку земско-вѣчевыхъ городовъ. По нему воль-е охочіе люди, помимо указанной системы городоваго дѣла, помимо цар-ихъ городовъ, остроговъ, засѣкъ XVI и XVII вѣка, устрояли сами собою

---

[1]) Напечатано въ газетѣ „Вѣкъ“ за 1862 г., № 12 (цензурное дозволеніе отъ марта того же года; редакція Г. З. Елисеева).

новыя вольно-народныя городскія ассоціаціи. Изъ соборнаго акта 1649 года видимъ, что повсюду въ московскомъ государствѣ, около старыхъ городовъ и посадовъ, устроивались вольно-народныя, торгово-промышленныя *слободы*—богатые зачатки свободныхъ, народныхъ городовъ, самонародныя городскія ассоціаціи вольнаго торга и промысла. Между тѣмъ въ томъ же, напр., году, царь Алекс. Мих. *указываетъ* воеводѣ построить городъ Олонецъ: воевода доноситъ, что крестьяне нейдутъ на поселеніе въ городъ, упорно отказываются. Въ XVIII столѣтіи—та же исторія. Напр., въ 1734 г. указано было построить городъ Оренбургъ. Башкирцы взбунтовались. Прошло 30 лѣтъ—и городъ плохо заселялся: купцы не хотѣли селиться. Губернаторъ Рейнсдорфъ въ 1770 г. писалъ въ своемъ донесеніи: «пріѣзжіе купцы, смотря на утѣсненіе здѣшнихъ гражданъ, прибыточные свои торги хотя и возстановили попрежнему, но, чтобы не подвергнуть себя равномѣрнымъ съ здѣшними гражданами трудностямъ, на *поселеніе обще съ ними никто не поохотился*. Сіе есть сущею причиною малолюднаго и по большей части бѣднаго гражданства». Стали указами обращать села въ города: такимъ образомъ воздвигнуто при Екатеринѣ до 216 городовъ. Естественно-промышленная жизнь народная и тутъ выразила реакцію, сопротивленіе. Напр., въ Устьсысольскѣ, въ градской думѣ, какъ сказывалъ намъ казанскій собиратель актовъ и статистическихъ свѣдѣній С. Е. Мельниковъ, есть цѣлое дѣло о возстаніи тамошнихъ жителей противъ распоряженія Екатерины объ устройствѣ изъ села Усть-сысольскаго города, въ которомъ прежде большая часть жителей имѣла собственныя крѣпостныя земли. Два раза пріѣзжали для увѣщеванія и для усмиренія намѣстникъ вологодскій и архіерей. Многіе села и города, хотя и приняли торжественно Городовое Положеніе, но вскорѣ, другъ за другомъ, требовали уничтоженія городскихъ думъ, магистратовъ, сиротскихъ и словесныхъ судовъ, съ оставленіемъ только ратуши. Побудительными причинами къ закрытію новыхъ учрежденій городоваго положенія общества купеческія и мѣщанскія выставляли малолюдство и обременительность содержанія лишнихъ присутственныхъ мѣстъ (см. город. посел. въ Рос. Имп. Т. I). Вообще, до послѣдняго времени, народъ нашъ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на произвольное, насильное обращеніе земельныхъ селъ въ безземельные города. Такъ напр., было при преобразованіи въ 1836 г. слободы Царевки (нынѣ Астраханской губ.) въ городъ Царевъ. Жители Царевки, сознавая, что съ открытіемъ города, они должны будутъ обратиться въ безземельныхъ мѣщанъ и, волею или неволею, сдѣлаться торговцами и ремесленниками, въ чемъ они до того времени не имѣли никакой нужды, открыто стали сопротивляться учрежденію. Начальство не сочло нужнымъ входить въ ближайшее разсмотрѣніе причинъ народнаго несочувствія къ мѣрамъ правительства и объявило Царевку городомъ. Недовольные жители рѣшились на странную мѣру: не продавать чиновникамъ съѣстныхъ припасовъ и, такимъ образомъ голодомъ выжить непрошенныхъ гостей. Но ихъ признали бунтовщиками и посредствомъ военной команды заставили повиноваться.

Сопротивляясь, такимъ образомъ, указной системѣ городоваго устройства, народъ и въ послѣднія полтора столѣтія крѣпко держался принцип

вольно-народныхъ, жизненно-организующихся, свободныхъ ассоціацій земледѣльческаго или торгово-промышленнаго труда. Помимо городовъ онъ основывалъ свои богатыя, цвѣтущія *слободы*, которыя были тѣ же города, а и еще лучше и несравненно лучше многихъ указанныхъ городовъ. Такъ, ъ половинѣ XVIII в. 14 слободъ стародубскихъ раскольничьихъ, по словамъ сенатскаго указа 1761 г., «разселены были, какъ *превеликіе города*» П. С. З. XV. № 11, 205, 11,179), такъ же, какъ и въ старину, вслѣдствіе вольно-народнаго поселенія, торга и промысла, бывало «умножалися люди ъ слободахъ, и быша тамъ торги и мастера всякіе: и *быша... слободы, яко рады великіе*». (Ник. III, 78). «Сицевыми народы, т. е. старообрядцами—по ловамъ писателя исторіи о бѣгствующемъ священствѣ,—пустыя мѣста и вѣропаственныя населяхуся, и вмѣсто деревъ, людей умноженіе показася, рава и тернія въ вертограды и садовія обратишася, *гради вторіи показашася*». Такимъ образомъ, старообрядцы по старинному, вольно-народному ринципу поселенія, первые во второй половинѣ прошлаго столѣтія положили основу городамъ южной степной Украйны: Хвалынску, Волжску, Кузнецку, Николаевску, Балашеву, Сердобу, Актару,—и самый Саратовъ озвели на степень очень замѣчательнаго города,такъ, что и въ нынѣшнемъ толѣтіи, до послѣдняго времени, тамъ первые богачи, капиталисты, все ыли раскольники.

Какъ излюбленно-народный, естественно-жизненный принципъ образванія городовъ составляетъ свободное торгово-промышленное самоустройство и саморазвитіе ихъ, изъ селъ и слободъ безъ всякаго вмѣшательства равительственнаго: такъ и естественный, жизненно-народный принципъ родского управленія и суда составляетъ излюбленное общинно-выборное моуправленіе и самосудъ. До вмѣшательства чуждыхъ элементовъ—княжеской власти, служилаго сословія—кормленщиковъ и проч.,—сама естественная жизнь народа, какъ самобытный организмъ, развиваясь изъ себя самой, своими собственными внутренними силами и органами, вырабатывала, рганизовала, именно принципы излюбленнаго общиннаго самоуправленія самосуда. Какъ города, посады, слободы—починки городовъ, колонизолись, устроялись посредствомъ добровольнаго *собранія людей отовсюду*, акъ первоначальныя городскія общины сообща, всѣмъ міромъ отводили лѣдующимъ новопришельцамъ участки городскихъ земель и черныхъ дворовъ (А. Ю. № 159.); такъ и въ дѣлахъ внутренняго городскаго самоустройства и самораспоряженія, въ дѣлахъ общинныхъ городскихъ вопросовъ потребностей, такъ же естественно-общинная жизнь горожанъ необходимо создала и утвердила, своимъ извѣковѣчнымъ, жизненно-созданнымъ, общинно-бытовымъ обычаемъ, принципъ городскихъ *людскихъ собраній, или сходовъ на думу, на вѣча*. Естественный законъ общинной жизни, общинныхъ интересовъ, общинности земли, общинности правъ и пр., требовалъ въ мірахъ городскихъ, такъ же, какъ и въ сельскихъ, общинной сходчивости, совѣщательности. Происхожденіе этихъ городовъ изъ селъ, приливъ преобладаніе въ нихъ сельскаго, крестьянскаго, мірского элемента, тожество ихъ съ селами, служба крестьянъ въ городахъ,—тоже условливали въ городахъ такіе же мірскіе сходы, какіе были и въ сельскихъ мірахъ.

И вотъ до развитія княжескаго, и особенно московско-царскаго приказ элемента, кормленья, видимъ во всѣхъ городахъ людскія собранія, сходы думу, видимъ вѣча. «Новгородцы бо изначала, говоритъ Лѣтописецъ, и См няне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти (волости), якоже *на дум вѣча сходятся* (Лавр. лѣт. стр. 160). Нѣтъ нужды исчислять всѣ у наемыя въ лѣтописяхъ, подъ разными годами, въ разныхъ городахъ Замѣтимъ только, что въ 1261 г., по свидѣтельству новгородской писи, происходили *вѣча* на бесерменъ *по всѣмъ городамъ русскимъ*. (Нов стр. 39). Какъ принципъ естественно-жизненнаго, вольно-народнаго развитія городовъ полнѣе проявился въ области новгородской колониз такъ принципъ вѣчей получилъ болѣе полную, цѣльную организац многостороннѣе проявился въ Великомъ Новгородѣ. А затѣмъ уж младшемъ братѣ его—Псковѣ. Не вдаваясь въ подробное, спеціальное раженіе древне-русскихъ городовыхъ вѣчей, мы отмѣтимъ только существенныя начала, какія выразилъ въ нихъ духъ народный. Соста земско-бытовой обычай народный, не получившій даже опредѣленно- жительной письменной уставности, письменнаго уложенія,—вѣча не и постояннаго, единичнаго характера, твердой, однажды навсегда положе начертанной установленности. А какъ требовали событія общинной довой жизни, когда и какъ нужно было,—такъ и сзывались вѣча. полная демократическая свобода самовыраженія народной жизни. *вольные мужи* новгородцы и *добровольные мужи* псковичи жили *на всей волѣ*, такъ и вѣча сзывались, устроялись на всей же ихъ волѣ. Общій ставъ вѣча былъ земскій, всенародный. Полный общинно-демократиче составъ его опредѣлялся такъ: «посадникъ степенный великаго Новго и старые посадники, тысяцкой степенный и старые тысяцкіе, и бояр житьи люди и купцы и черные люди, и весь великій Новгородъ, воль мужи». Такимъ образомъ всѣ Новгородцы имѣли право быть на в и былъ на немъ всякій, кто могъ и хотѣлъ. Потому въ лѣтописи ин говорится: *сбрася весь градъ, людье*, шедше *весь народъ, вси Новгородцы* дали *со всѣмъ вѣчемъ* и т. п. (Нов. I стр. 12, 83—84); или: *весь Псковъ* лѣлъ намостити буевище (Псков. I, 202). Эти, конечно, гиперболиче выраженія показываютъ, что на вѣчѣ имѣли право сходиться всѣ зем люди Новгорода—и князь, и посадники, и бояре, и владыка, и игум и попы, и гости, или житьи люди и купецкіе дѣти, и всѣ *вятшіе л* и всѣ *меньшіе люди, простая чадь*. Въ этомъ полномъ составѣ своемъ называлось иначе *Людскимъ Собраніемъ* (Новг. I, 107—108). Никакое словіе, никакой чинъ на общемъ новгородскомъ вѣчѣ не выдаются дѣльно. Тутъ—*весь великій государь Новгородъ*. Тутъ государствуетъ *д гаданье, воля, хотѣніе* всего новгородскаго земства, самихъ новгород Въ лѣтописи обыкновенно говорится: «*Новгородцы*, съ княземъ Мстислав и съ игумены, и съ попы сдумавше, *изволиша* (19); паки *Новгородцы*, княземъ Ярославомъ, и съ игумены, и съ софяны, и съ попы, *гадаша межу себе* (21); и *сдумавше Новгородцы*, показаша путь князю Роману, сами послаша къ Андрееви по миръ *на всей волѣ своей* (15). *Новгор съзвониша вѣче* (61); *Новгородцы, съдумавъ* на Ярославлѣ дворѣ, и стали

вѣмъ у святой Софіи (106). *Нагадавшеся псковичи* съ изборяны, подъяша всю область псковскую противъ нѣмцевъ (I. Псков. стр. 187, 189) и т. п. Свято, законодательно было Слово Вѣчевое для всѣхъ и каждаго, какъ слово своего великаго государя Новгорода. Ему всецѣло покорны, повинны были князья, бояре, воеводы; князь говорилъ на Вѣчѣ всѣмъ собравшимся новгородцамъ: *вы вольны въ князѣхъ* (I, 32). Новгородское и Псковское *вѣчевое слово* имѣло власть и силу надъ боярами и воеводами по всей землѣ новгородской и псковской. Напримѣръ, въ 1398 г., по словамъ лѣтописи, «воеводы новгородскіе и вси вои, по *своего господина по новгородскому слову*, челобитье пріяша Двинянъ, а нелюбье имъ отъяша (Новг. I, 99. *Слово Псковское*: Пск. I. 186). *Новгородъ*, такъ же какъ и Псковъ, имѣлъ собирательное значеніе *міра*, всенароднаго собранія, и потому главнымъ о Вѣчевомъ рѣшеніи, или словѣ, употреблялся во множественномъ, собирательномъ числѣ. Опальные двинскіе бояре—воеводы Гересимъ и Родивонъ въ 1398 г. «добиша челомъ своей *господѣ* Великому Новгороду, и *Новгородъ даша* животъ» (100).

Главные предметы вѣдомства общаго Вѣча, или людского собранія были слѣдующіе. Во-первыхъ, Вѣче избирало, судило, свергало князя, а виновнаго даже отдавало подъ стражу. «Въ лѣто 1137, говоритъ лѣтопись, новгородцы призваша псковичей и ладожанъ, и *сѣдумавша*, яко изгонити князя своего Всеволода, и всадиша въ епископль дворъ, съ женою, и съ дѣтьми, и съ тещею, и стражы стрежаху день и ночь съ оружіемъ, 30 мужъ на день, и сѣдѣ 2 мѣсяца, и пустиша изъ города 1-го іюля въ 15 день. *А се вины его творяху*: 1) не блюдетъ смердъ (не берегъ крестьянъ и вообще простой народъ); 2) чему хотѣлъ еси сѣти въ Переяславлѣ; 3) ѣхалъ еси съ полку переди всѣхъ». (Нов. I, 7). Въ 1270 г. начали новгородцы изгонять князя Ярослава изъ города, *«съзвонили вѣче* на Ярославлѣ дворѣ... и къ князю послали на городище, *исписавши* на грамоту всю *вину* его: чему еси отъялъ Волховъ гогольными ловци, а поле отъялъ еси заячьими ловци? Чему взялъ еси Олескинъ дворъ Морткинича? Чему поималъ еси серебро на Микифорѣ Манускиничѣ и на Романѣ Болдышкевичѣ и на Варфоломеѣ? а иное, чему выводишь отъ насъ иноземцевъ, которые у насъ живутъ? А того много вины его: а нынѣ, княже, не можемъ терпѣть твоего насилья, поѣди отъ насъ, а мы собѣ князя промыслимъ». Князь же умолялъ на Вѣчѣ съ *поклономъ*: «всего этого я лишаюся, а крестъ цѣлую на всей волѣ вашей». Новгородцы же отвѣчали: «княже, поѣди прочь, не хотимъ тебе, или идемъ весь Новгородъ прогонить тебѣ» (61). И такъ часто новгородцы, по обычному выраженію лѣтописи: *показывали путь князьямъ на всей волѣ своей*. Такимъ образомъ въ Новгородѣ излюбленный выборный князь вовсе не былъ самодержавнымъ и даже единодержавнымъ государемъ, а *государь былъ весь Великій Новгородъ*. Князь цѣловалъ крестъ *на всей волѣ новгородской* (Новг. I, стр. 44). Въ Псковѣ — тоже было (Пск. I, стр. 190).

Точно также Вѣче избирало, судило и низводило посадниковъ. Лѣтопись постоянно говоритъ: «*даша посадницать* такому-то, *отъяша* посад-

ничество у одного и даша другому или *выгнаша изъ посадничества*. 1210 г., новгородцы, говоритъ лѣтопись, пришедши въ Новгородъ, *рили вѣче на посадника Дмитрія и на братію его*: потому что тѣ по брать съ новгородцевъ серебро, а съ волостей — брать куны, съ куп виру дикую и повозы возить . . . И цѣловали новгородцы крестъ собою: «не хочемъ у себя держать дѣтей Дмитровыхъ, и заточи вмѣстѣ съ отцемъ». Въ случаѣ вины, Вѣче и казнило посад (Нов. I, стр. 5—10, 12, 31, 55, 83, 87, 94 и мн. др.). Вообще, лѣ новгородскія и псковскія показываютъ, что вольно-вѣчевыя общи жали въ крѣпкихъ рукахъ своихъ посадниковъ. Выборные посад тысяцкіе были не болѣе, какъ излюбленные нарядники, исполни лѣній Міра, Людства, Народа и Вѣча, были слугами Земства. избранія посадника и тысяцкаго неотъемлемо принадлежало все городскому вѣчу, всему *народу*, *людству*, *міру*. Князь не имѣлъ п брать посадника вопреки волѣ народной: иначе ему самому по путь. Въ январѣ 1218 г., послѣ многократныхъ частныхъ вѣчей, шася братья въкупѣ однодушно на общее вѣче. Князь же Св призвалъ вои тысяцки на вѣче, и сказалъ: «не могу быть с славомъ, и отнимаю отъ него посадничество». А новгородцы какая вина его? Онъ отвѣчалъ: «безъ вины». Тогда Твердис залъ (обратившись къ Вѣчу): «тому радъ, что вины моей н *братья*, вольны въ *посадничествѣ* и въ *князьяхъ*». Новгородцы «княже, если нѣтъ вины его, а ты къ намъ крестъ цѣловалъ — безъ мужа не лишить; а тебѣ кланяемся, а онъ нашъ посадникъ, и въ себя не выдадимъ» (37).

Далѣе, Вѣче избирало и низлагало владыкъ, игуменовъ, и даже р шало религіозные, церковные вопросы (Новг. I, подъ 1193 г., стр. 21, I подъ 1299 г., стр. 45 и мн. др.). Иногда даже *простая чадь* своимъ вѣ чемъ свергала владыку, какъ, напр., въ 1228 г. архіеп. Арсенія. Избравъ вѣчемъ новаго архіепископа, старому новгородцы говорили: «пойди, гдѣ ти любо» (37). Въ 1348 г., Новгородцы на своемъ вѣчѣ рѣшали религіозный вопросъ, предложенный шведскимъ королемъ Магнусомъ: «Владыка Василій, посадникъ Ѳедоръ Даниловичъ и тысяцкій Аврамъ, и вси новгородци, *погадавше*, отвѣчали Магнусу: «аще хощеши увидѣти, коя вѣра лучше, наша-ли, ваша-ли, пошли въ Царь-градъ къ патріарху», такъ какъ мы отъ грековъ приняли вѣру, а съ тобою не будемъ препиратъся о вѣрѣ; а какъ будетъ обида между нами, о томъ шлемъ къ тебѣ на съѣздъ» (Новг. I, подъ 1348 г., стр. 83).

Вѣче принимало жалобы народныя на кого бы то ни было, защищало уѣздныхъ горожанъ и крестьянъ отъ насилія сильныхъ. Такъ, напр., въ 1384 г., «пріѣхали, говоритъ лѣтопись, городчане, орѣховцы и корѣльскіе съ жалобою къ Новгороду съ жалобою на князя Патрикія Наримонтовича, который прибылъ въ Новгородъ въ 1383 г., былъ ласково принятъ даже получилъ въ кормленье пригороды — Орѣховъ, Корѣлу, Полъ-Копорья городка и Луское село, но безсовѣстно сталъ притѣснять жителей этихъ городовъ и мѣстъ. Вотъ изобиженные горожане и жаловались на него

му господину Новгороду. Какъ ни старался крамольный князь кѣй поднять Славно въ Новгородѣ и созвать вѣче въ свою пользу, зано было другое вѣче у св. Софіи, и, по словамъ лѣтописи, *отъяша ты пригороды*» (Нов. I, 93).

ѣче распоряжалось землями своей области. Къ вѣчу обыкновенно лись колонисты, поселенцы, когда хотѣли занять какую-нибудь И вѣче давало жалованныя грамоты на землю. Въ вѣчевыхъ нныхъ грамотахъ это выражалось въ такой формулѣ: «и владыка дскій, и посадникъ, и тысяцкій, и бояре, и житейскіе люди, и и весь господинъ великій Новгородъ дали грамоту жалованную ѣ, на Ярославлѣ дворѣ». Вѣче завѣдывало общественными город-постройками (напр. Псков., стр. 192, 202 и мн. др.). Наконецъ, въ ѣ внѣшнихъ отношеній, вѣча собирались: 1) въ случаѣ прибытія бытія велико-княжескаго посольства; 2) въ случаѣ прибытія ино- посольства; 3) въ случаѣ объявленія войны, назначенія воеводы авленія рати въ походъ; 4) въ случаѣ заключенія мира съ непрія-

ъ исторіи древнихъ городовыхъ вѣчъ, и преимущественно въ исто- за новгородскаго, общинно-демократическаго, особенно замѣчательна земства съ боярствомъ, *меньшихъ людей* съ *вятшими*. Въ эпоху ачальнаго естественно-историческаго образованія, сложенія, устано- земства, міра, боярство, какъ чуждый пришлый княжеско-дружин- и притомъ большею частью иноплеменный элементъ, очевидно, не- неестественно улегалось въ составъ земства, мутило, нарушало ческую цѣлостность, единство, равенство міра, неестественно, из- со стороны налегало на земство тяжестью своей власти и кормленья. но ощутительна была вся неестественность вторженія въ земство непрошенныхъ гостей въ новгородской общинѣ, гдѣ наиболѣе за- внутренняя цѣльность, самобытность, самовыдержанность и мірская равность. Демократическая кровь новгородцевъ тотчасъ ощутила азъѣдающій народный организмъ, ядъ чуждаго, пришлаго боярскаго кратизма. Низшія массы земства, *черные люди*, съ перваго же сбли- съ боярами стали заклятыми врагами ихъ. Вражда эта усилива- о мѣрѣ того, какъ «бояре творяху собѣ легко, а меньшимъ *зло*». земства къ боярству уже въ XII вѣкѣ достигла высшаго развитія, и лѣтописецъ, говоря, напр., о татарскомъ числѣ въ Новгородѣ, за- ь: «навелъ Богъ изъ пустыни звѣри дикія ясти сильныхъ плоти и кровь боярскую» (Новг. I, 57). Этотъ-то неизбѣжный, естественный низмъ низшихъ массъ земства къ боярству и выражался на вѣчѣ юдскомъ постоянной борьбой меньшихъ людей съ вятшими. Тогда іе, черные люди еще не были безправны до такой степени, какъ послѣ, напр., въ XVIII столѣтіи. Въ нихъ кипѣла со всей пылкою юстью, свѣжестью мощь, энергія демократической крови. Они были льны, самовластны, самоуправны. Они имѣли равное съ князьями ами право участвовать на общемъ вѣчѣ, на великомъ людскомъ ьи. Мало того: они имѣли право созвать и часто сзывали свое

вѣче. При этой буйной волѣ, могучей силѣ, демократическая партія меньшихъ, черныхъ людей ни на шагъ не уступала аристократическимъ притязаніямъ боярства. Присутствіе и вліяніе, значеніе боярства въ новгородскомъ земствѣ было почти ничтожно. Демократизмъ массы всецѣло преобладалъ надъ аристократизмомъ боярства. И вотъ почему, всякій разъ, какъ случалась въ новгородскомъ вѣчѣ борьба меньшихъ и вятьшихъ людей, черни и боярства, — черные люди всегда выходили торжествующими, не смотря на то, что бояре часто поднимали противъ нихъ цѣлую сторону, хоть Софійскую. Уничтоженные, смиренные меньшими черными людьми, бояре называли ихъ *братьями* и, какъ у братьевъ, просили *мира*. Приведемъ хоть два примѣра борьбы меньшихъ, черныхъ людей — съ вятьшими. Въ 1255 г., новгородцы посадили у себя на княжескомъ столѣ Ярослава Ярославича, а Василья князя выгнали. Услышавъ объ этомъ, Александръ, отецъ Васильевъ, пошолъ ратью на Новгородъ. Новгородцы съзвонили вѣче и собрались *вятьшіе* на вѣче. *Меньшіе* съзвонили свое вѣче у св. Николы, и сказали на вѣчѣ: «братья, что, какъ скажетъ князь: выдайте моихъ враговъ? И цѣловали святую Богородицу меньшіе, какъ стать всѣмъ, либо животъ, либо смерть, *за правду новгородскую, за свою отчину*. И былъ въ *вятьшихъ совѣтъ золъ*, какъ бы побѣдить *меньшихъ*, а князя ввести на *своей волѣ*». Посадникъ Онанья былъ главнымъ коноводомъ и крамольникомъ въ этихъ замыслахъ вятьшихъ людей. *Меньшіе* хотѣли его свергнуть съ посадничества, и выбрать, вмѣсто него, Михаила Степановича. И какъ ни старался удержаться на посадничествѣ Онанья, — меньшіе одержали верхъ. Князь прислалъ на вѣче и требовалъ у вятьшихъ: «выдайте ми Онанью посадника, если не выдадите, я вамъ не князь, иду на городъ ратью». Князь твердо держался стороны меньшихъ. Вятьшіе люди послали къ князю владыку и Клима тысяцкаго: «поѣди, княже, на свой столъ, а злодѣевъ не слушай, а Онанья гнѣва отдай и всѣмъ мужамъ новгородскимъ». Князь не послушалъ ихъ мольбы, опять послалъ съ требованіемъ: «если Онанья лишится посадничества, я вамъ гнѣвъ отдамъ». «И лишился — заключаетъ лѣтопись, посадничества Онанья, и взяша миръ на всей волѣ новгородской, злодѣи омрачишася, зане хрестьянамъ радость, и весь міръ радости исполнися». Посадничество дано было, какъ желали черные люди, Михаилу Степановичу. (Новг. I, 56). Черные люди съ буйной энергіей заступались предъ Вѣчемъ за каждую личность, чѣмъ-нибудь выдававшуюся и дорогую для нихъ. Вспомнимъ, напр., какъ въ концѣ XIV вѣка встали въ Новгородѣ черные люди за удальца Луку Варфоломѣева, который, «не послушавъ благословенія владыки, и подобравъ съ собою сбойчатыхъ людей», ушелъ на Двину, и тамъ основалъ колонію — Орлецъ. Услышали черные люди, что на Двинѣ Луку убили. Тотчасъ, съзвонили вѣче, и потребовали отвѣта у посадниковъ и бояръ: «вы послали его убить!» Посадники отъ страху убѣжали изъ Новграда на сѣверъ Вотской пятины. Черные люди вытребовали ихъ оттуда и, при увѣщаніи владыки, едва были удовлетворены. Вообще, чувство взаимнаго заступничества отъ насилія бояръ, такъ было живо и сильно въ демократической общинѣ новгородской, что на

й рабъ, каждый угнетенный, даже самая слабая женщина — могли съ-
онить и собрать вѣче на свою защиту. Напр., въ 1417 г., говоритъ
топись, человѣкъ нѣкій Степанко, изымавши боярина Даніила Ивано-
ча Божина внука и держа его, вопіялъ къ людямъ: господа! Пособите
ѣ на злодѣя этого! Люди, услышавъ его вопль, повлекли боярина къ
роду, къ сонму людскому, на вѣче; «было и то дивно, добавляетъ
угой лѣтописецъ, — или на укореніе богатымъ, обижающимъ убогихъ:
на нѣкая, отвергши женскую немощь, взявши мужскую крѣпость, вы-
очивъ посреди сонмища, причинила ему, боярину, удары, укоряла его,
къ неистовая, вопіяла: «я изобижена имъ!» Народъ началъ звонить
че на Ярославлемъ дворѣ, — продолжаетъ лѣтописецъ, и собиралось
дей множество. Виновнаго боярина ринули съ моста, «яко разбойника
зло дѣюща людямъ много». Изъ-за него начался страшный судъ
орбленныхъ черныхъ, меньшихъ людей и надъ всѣми боярами. Чернь,
неистовствѣ грабя домы обидящихъ народъ бояръ, грабя съ народа же
бранное богатство, вопіяла: *здѣсь животы хрестьянскія* и *болярскія*». Въ
нь тотъ, замѣчаетъ лѣтописецъ, въ лютую ту брань, былъ громъ страш-
й, и молнія блистала, шелъ сильный дождь и градъ. «И отъ возму-
нья того великаго, встрясся весь градъ». Наконецъ явился владыка
своимъ съборомъ къ *людскому собранію*, дѣло разсужено было особыми
борными *нарочитыми мужами*, и удовлетворенные черные люди, и вять-
и всѣ разошлись мирно по домамъ. (Новг. I., стр. 107—108; Новг. II.,
. 137).

Своеобразна была жизнь вольнаго Новгорода, своеобразно было и его
е. Свобода и естественность—главныя черты вѣчевыхъ собраній. Не
о никакой регламентаціи, предписательности, заранѣе опредѣленныхъ
рмальностей и уставовъ вѣчевыхъ. Естественная жизнь только что
гала, организовала, развивала формы Вѣчей. До уставной, законополо-
тельной организаціи, опредѣленности Вѣча еще не доросли. Естествен-
саморазвитіе и самоустановленіе жизни новгородской, на широкомъ
осторѣ воли, энергіи юной, кипучей, богатырской, только что выраба-
вало сообщало факты, матерьялы, данныя народнаго опыта. Выводы
этихъ фактовъ только что возводились въ *обычаи* Вѣча, и изрѣдка
исывались въ вѣчевыя записи. Естественная, вольная, широкая, бога-
рская жизнь новгородская, не стѣсняясь никакими напередъ предпоста-
нными регламентами, свободно развивала формы вѣча, и только свято
ола отъ московскаго и татарскаго прикосновенія принципъ Вѣча, и без-
ушнаго Земства, Міра, какъ *правду* и *волю новгородскую*, какъ старину и
ѣковѣчную *пошлину*. И если вникнуть ближе въ составныя части
наго новгородскаго вѣча, то, при всей наружной хаотической разрознен-
сти, безсвязности ихъ, можно примѣтить въ ихъ архитектонической
тройкѣ, закладкѣ, самый естественный, правильный строй, самую связную
слѣдовательную ткань составныхъ элементовъ. Какъ Новгородъ, въ
емъ органическомъ колонизаціонномъ самоустройствѣ, естественно раз-
лился на Славянскую сторону—средоточіе славянскаго земства, и на
фійскую сторону—средоточіе пришлыхъ, чуждыхъ элементовъ церковно-

и-княжеско-служилыхъ, и потомъ подраздѣлился на пять концовъ и множество улицъ: такъ и вѣче новгородское органически слагалось изъ такихъ же частей. Каждая улица, живя самобытною жизнію въ своей чертѣ и въ органической связи со всѣмъ Новгородомъ, имѣла своего посадника, и могла созвать свое вѣче. (Нов. I, 96, 97). Каждый конецъ могъ съзвонить вѣче и отдѣльно, самъ собою, и вмѣстѣ съ другими концами. «Въ 1359 году, говоритъ лѣтопись, отъяша посадничество у Ондрѣяна Захаріинича, *и весь* градъ, токмо словеньскій конецъ, и даша посадничество Селивестру Леонтьевичу» (Нов. I. 87). «Въ 1388 г., говоритъ та же лѣтопись, всташа *три конца* софійской стороны и възвониша *вѣче*». То възвонила вѣче отдѣльно вся Торговая, или Словенская сторона, то—вся Софійская (Нов. I. стр. 94). Такимъ образомъ, бывало иногда, по словамъ лѣтописи, «быша вѣчи во всю недѣлю» и по разнымъ концамъ, и на обѣихъ сторонахъ Новгорода. Всѣ эти частныя, *уличныя*, *пятиконечныя* и *онилоловичныя* или двустороннія вѣча представляли не что иное, какъ полуразвившіеся составные элементы, части, предварительные, частные мірскіе сходы для организаціи и состава цѣлаго новгородскаго вѣча, для полнаго людскаго собранья. При чрезмѣрной обширности древняго Новгорода, при чрезвычайномъ множествѣ въ немъ улицъ, и естественны и необходимы были отдѣльныя вѣча по улицамъ и концамъ. Важныя общественныя интересы и дѣла, прежде окончательнаго обсужденія и рѣшенія на общемъ вѣчѣ, требовали предварительнаго, частнаго соображенія и обсужденія *уличанъ* и *кончанъ*. А иныя дѣла и интересы и касались собственно той, или другой улицы, того, или другого конца въ частности. Но какъ всѣ концы и улицы составляли органическія, неразрывныя составныя части Новгорода, жили общею, нераздѣльною жизнью, такъ и всѣ частныя, пятиконечныя и уличныя вѣча, какъ отдѣльные органы цѣлаго политическаго организма—всего Новгорода и цѣлаго новгородскаго Вѣча, естественно и большею частію неминуемо тяготѣли къ цѣлому составу Вѣча, къ людскому сонму. Вотъ почему, почти всякій разъ, какъ собирались вѣча порознь, по концамъ и сторонамъ, дѣло кончалось тѣмъ, что всѣ уличныя конечныя и стороннія вѣча совокуплялись подъ конецъ въ одно общее вѣче на Ярославлѣ дворѣ, или у святой Софіи. По выраженію лѣтописи, сходились *братья вкупѣ* однодушно *на вѣчѣ* или — *сходились въ любовь*. Такъ напр., въ 1388 г., говоритъ лѣтопись, «въстали *три конца софѣйской* стороны на посадника Есипа Захаріинича и възвонили *вѣче у святой Софѣи*. И въста за него *торговая сторона вся*. И потомъ *снидошася въ любовь* и даша посадничество Василію Ивановичу» (94). Или въ 1318 г. говоритъ та же лѣтопись, «възвониша вѣче у св. Николы *онилоловици*, и Неревскій конецъ—у святыхъ 40... и *тако быша вѣча по всю недѣлю*... И наконецъ *съидошася братья вькупѣ однодушно на вѣчѣ*». На этомъ вѣчѣ новгородцы блистательно защитили отъ князя посадника Твердислава.

Таковы главныя начала древнихъ городовыхъ вѣчей, или мірскихъ народныхъ сходовъ по городамъ. Грубы были формы ихъ, грубы, буйны, дики проявленія. Это чувствовали, сознавали сами древніе новгородцы. Называясь *братіею*, устроясь по принципу братства и равенства, они и

дѣли и главную причину нестроенья вѣчевого—въ недостаткѣ духа братства, въ *братоненавидѣніи* и *непокореніи другъ другу*. Въ то же время, въ бѣдствіяхъ физическихъ, въ карающихъ явленіяхъ природы, они читали вразумленіе, побужденіе къ духу братства и любви. Лѣтописцы нарочно, послѣ разсказа о буйныхъ вѣчахъ, указывали на физическія бѣдствія, какъ на кару Божью за *братоненавидѣніе* и *непокореніе другъ* къ *другу* и *зависть*. Значитъ, въ духѣ новгородскомъ въ то же время воспитывалась, неугасимо теплилась нравственная потребность самоусовершенствованія въ духѣ братства, мира. Слѣдовательно, нравственно-жизненны были и юные зачатки, ростки вѣчей. Въ нихъ самихъ заключались могучія, неистощимыя, свѣжія, здоровыя силы къ дальнѣйшему саморазвитію и самоусовершенствованію. Какъ ни буйны, какъ ни междуусобны были вѣча новгородскія, они всегда кончались миромъ и любовью. Новгородцы всегда подъ конецъ сходились въ любовь, брали миръ на всей волѣ новгородской, какъ братья. И лѣтопись всякій разъ оканчивала повѣсть о вѣчѣ словами: «И бысть миръ, и весь міръ радостью исполнился» и т. п. И какъ, повидимому, ни шатки были основы вѣчевыя, какъ ни хаотиченъ, нестроенъ складъ ихъ, но вѣча не разрушались, а все росли и крѣпли. Новгородцы все больше и больше воспитывались, укоренялись въ принципахъ вѣчей, и какъ святыню, какъ правду новгородскую, свято берегли отъ московскаго прикосновенія свой извѣковѣчный завѣтъ вѣчевой. Только вспомните разсказъ лѣтописей новгородскихъ, или псковскихъ, съ какимъ единодушнымъ, энергическимъ энтузіазмомъ гражданской, вѣчевой свободы новгородцы и псковичи боролись до послѣдней возможности съ Москвою за свои излюбленныя вѣча, съ какимъ героическимъ самоотверженіемъ головы свои полагали за свои вѣча. Только прочтите ихъ разсказы про вѣковую борьбу съ Москвою за вѣча, ихъ послѣдній плачъ передъ вѣчевыми колоколами. И вы убѣдитесь, что новгородцамъ и псковичамъ дороги, святы были ихъ принципы вѣчевые, какъ дорога была самая жизнь, свобода, правда новгородская, или псковская. «И былъ,—говоритъ, напримѣръ, псковскій лѣтописецъ,—въ Псковѣ плачъ и скорбь великая . . . Вотъ ужъ пришла на насъ зима. Ибо это царство расширится и злодѣйства умножатся. Охъ! Увы! . . . Вотъ спустили вѣчевой колоколъ, и начали псковичи, на колоколъ смотря, плакать по своей старинѣ и по своей волѣ. И тогда отнялась слава псковская, и былъ онъ плѣненъ не иновѣрными, а своими единовѣрными людьми. И кто объ этомъ не восплачетъ и не возрыдаетъ? О, славнѣйшій городъ Псковъ Великій! Почто сѣтуешь и плачешь? И отвѣчалъ прекрасный городъ Псковъ: какъ мнѣ не сѣтовать, какъ мнѣ не плакать и не скорбѣть о своемъ опустѣніи? *Прилетѣлъ на меня многокрылый орелъ, исполненный крылъ, львовыхъ когтей*, и взялъ отъ меня три кедра ливанова, и красоту мою, и богатство и чадъ моихъ восхитилъ . . . И землю нашу опустошили, и городъ нашъ разорили, и людей моихъ плѣнили, и торжища мои конскимъ каломъ заметали, и отцевъ и братій нашихъ развели», и проч.

Зачѣмъ этотъ вопіющій, горькослезный плачъ надъ вѣчевыми колоколами, если бы свободная, естественная жизнь новгородская, или псков-

ская не цѣнила вѣчей, какъ своего дорогого, органическаго созданья? Зачѣмъ это вопіющее, ужасное предчувствіе всепобивающей *зимы*—московской политики, если бы вѣчевые принципы не были юными, весенне-жизненными ростками, зачатками естественной, общинной, соціальной жизни народной, если бы въ нихъ не было никакихъ зачатковъ широкаго, плодотворнаго саморазвитія, не было внутренней, полножизненности, и духъ псковскій, или новгородскій не чувствовалъ эту ихъ полножизненность? И, стало быть, могучая сила и жизненность заключалась и въ этихъ грубыхъ зачаткахъ вѣчей, когда обломки ихъ долго не могли окончательно сокрушиться. Грубы, преходящи, недолговѣчны были историческія, средневѣковыя формы вѣчей, но жизненно-народная идея ихъ, родившаяся и воспитавшаяся въ духѣ народномъ естественнымъ саморазвитіемъ жизни, принципы вѣчей истинны, естественны, вѣчно-жизненны, излюбленно-народны. Московское *насиліе большое*, по выраженію псковской лѣтописи, какъ *зима*, побивало самые юные ростки, зачатки вѣчевого организма. Но въ принципахъ вѣчевыхъ было столько народно-жизненной силы, самосохранности и саморазвиваемости, что они и въ московскую и даже въ петербургскую, или петровскую эпоху невольно проростали, такъ сказать, сквозь самыя приказныя бюрократическія формы, въ новые мірскіе сходы. Когда вѣчевыя права, такъ же какъ и титла областныя, сосредоточились въ державѣ московскихъ царей, и вѣчевые колокола были свезены въ Москву, или разбиты въ дребезги,—въ Москвѣ, изъ обломковъ, изъ элементовъ, изъ обычаевъ вѣчевыхъ, устроилась царская Земская Дума, или образовались частные Земскіе соборы, совѣты. Не только Грозный царь, но и въ XVII в. московскіе цари соблюдали обычай созывать частные московскіе земскіе соборы для совѣта, которые обыкновенно предшествовали великимъ, или общимъ Земскимъ соборамъ. Такъ напр., въ царской окружной грамотѣ 1619 г., читаемъ: «Великій государь, нашъ отецъ и святитель, патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій съ митрополитами, съ архіепископы и со всѣмъ освященнымъ соборомъ приходили къ намъ и совѣтывались съ нами… И мы, великій государь, царь и великій князь Михаилъ Феодоровичъ всея Руси, съ отцомъ своимъ святѣйшимъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ московскимъ и всея Руси, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ боярами и съ окольничьими, и съ думными и со всѣми людьми московскаго государства, [1]) *учиня соборъ, о всѣхъ статьяхъ говорили, какъ бы то исправить и землю устроить*. И *усовѣтовавъ* …. приговорили: во всѣ городы, которые не были въ разореньѣ, послать писцовъ …. А изъ городовъ изъ всѣхъ, для вѣдомости и для устроенья указали есьми взять къ Москвѣ, выбравъ изъ всякаго города, изъ духовныхъ людей, да изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ по два человѣка добрыхъ и разумныхъ, да по два человѣка посадскихъ людей, которые бы умѣли разсказать обиды и насильства и разоренья, и чѣмъ московскому государству полниться и устроить бы мо-

---

[1]) Здѣсь подъ московскимъ государствомъ разумѣется, въ тѣсномъ смыслѣ, Москва, такъ же какъ Владиміръ, Новгородъ, Псковъ и другіе областные города назывались также *государствами* и въ XVII вѣкѣ.

сковское государство, чтобъ пришли всѣ въ достоинство». Такимъ образомъ въ Москвѣ, вокругъ царя, былъ земскій сходъ или соборъ собственно изъ чиновъ московскихъ, духовныхъ и мірскихъ. Этотъ московскій сходъ или соборъ уполномочивалъ и по всѣмъ областнымъ городамъ такіе же сходы, значитъ, признавалъ юридическое значеніе областныхъ городовыхъ сходовъ или земскихъ совѣтовъ, подобныхъ древнимъ вѣчамъ. Въ Новгородѣ, по старинному вѣчевому обычаю, сходъ назначался въ соборной церкви Софіи, въ другихъ городахъ—тоже въ соборныхъ церквахъ. «И какъ къ вамъ ся наша грамата прійдетъ—писалъ Михаилъ Өедоровичъ въ окружной грамотѣ во всѣ города—и вы бъ велѣли быть въ соборной церкви архимандритамъ, и игуменамъ, и протопопамъ, и всему освященному собору, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и гостямъ, и посадскимъ и уѣзднымъ всякимъ людямъ галицкихъ (или другихъ какихъ) пригородовъ: и какъ *сойдутся,* и вы бы сю нашу грамоту велѣли прочесть всѣмъ людямъ вслухъ, и прочетчи, велѣли бъ духовнымъ людямъ, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и посадскимъ и всякимъ людямъ выбрать изъ всѣхъ чиновъ людей добрыхъ и разумныхъ.... и соборные бъ на нихъ списки дали за руками и отпустили бы ихъ къ намъ къ Москвѣ» и проч. (А. А. Э. III № 105. Собр. Гос. Грам. IV). Такимъ образомъ самъ царь Михаилъ Өедоровичъ, согласно съ старинными вѣчевыми обычаями народными, предписывалъ областнымъ городамъ составлять *сходы*, *сходиться* въ соборной церкви, и на сходахъ этихъ выбирать добрыхъ и разумныхъ людей на Земскій Соборъ, на общенародный съѣздъ. А Новгородъ, въ посланной къ нему окружной грамотѣ о сходѣ въ церкви святой Софіи, названъ даже, наравнѣ съ московскимъ государствомъ, *государствомъ Новгородскимъ*. Конечно, на оффиціальномъ языкѣ XVII в. это было одно пустое названіе, такъ же какъ и указные *городовые сходы* уже далеко не походили на древнія вольно-народныя вѣча. Но все же, и въ нихъ, какъ въ несомнѣнныхъ, очевидныхъ обломкахъ древнихъ вѣчевыхъ сходовъ, видна жизненность принципа городскихъ вѣчей, людскихъ собраній, мірскихъ сходовъ на думу на вѣча. Точно также, тотъ же принципъ вѣчевыхъ сходовъ или, по крайней мѣрѣ, оттѣнокъ ихъ, заключался и въ этихъ городовыхъ *земскихъ избахъ* XVII вѣка, гдѣ сходились выборные земскіе старосты и посадскіе. Напр., въ выпискѣ изъ Бѣлозерскихъ писцовыхъ книгъ 1674 г. сказано: «на площади *земская изба*, гдѣ сидятъ земскіе старосты *съ посадскими людьми*». (А. Ю. № 231). Въ актахъ города Шуи на такой же городовой мірской сходъ указываютъ выраженія: «въ земской избѣ, *передъ міромъ*». Впрочемъ, приказный элементъ мутилъ эти земскія начала мірскихъ городовыхъ сходовъ. Чрезмѣрное развитіе приказной системы, чрезвычайное умноженіе приказовъ въ Москвѣ и по областнымъ городамъ, ясно, никакъ не ладилось съ принципомъ вѣчевыхъ сходовъ. Не даромъ посадскіе, на земскомъ соборѣ 1642 г. жаловались царю: что они обнищали и оскудѣли до конца отъ воеводъ, а прежде воеводъ въ городахъ не бывало, а посадскіе судилися сами промежъ себя».

Учрежденіе бурмистерской палаты съ выборными бурмистрами, по указу 30 января 1699 г., учрежденіе Московской Ратуши (Ратгауза) съ

президентомъ, съ подъячими, съ оберъ-инспекторомъ и инспекторами крѣпостныхъ дѣлъ, и, наконецъ, учрежденіе приказныхъ городовыхъ земскихъ избъ—окончательно уничтожили и въ приказно-правительственныхъ учрежденіяхъ послѣднюю тѣнь вольно-народныхъ, мірскихъ вѣчевыхъ сходовъ по городамъ. И Татищевъ, воспитанникъ Петра, напрасно видѣлъ въ городскихъ бурмистерскихъ палатахъ обломки вѣчевой вольности псковичей. «Я помню, говоритъ онъ, въ одномъ примѣчаніи къ своему своду древнихъ лѣтописей, я помню, какъ въ 1699 г. ихъ головы, или бурмистры судили и наказывали гражданъ, только для пытки и смертной казни отсылали къ воеводѣ; хотя въ гарнизонѣ было два полка стрѣльцовъ, но и граждане имѣли два полка и съ оными крѣпость содержали (охраняли), полковниковъ и прочихъ сами къ онымъ опредѣляли». Это были уже подновленные обломки храмины вѣчевой.

По указу 13 февраля 1720 г. учрежденъ былъ *Главный Магистратъ*, по образцу котораго предположено было учредить подобные же магистраты и въ прочихъ городахъ Россіи. Тутъ же вовсе не сходъ гражданъ завѣдывалъ дѣлами, а назначенъ былъ оберъ-президентъ бригадиръ и лейбъ-гвардіи капитанъ князь Трубецкой, и ему предписано было: «вѣдать всѣхъ купецкихъ людей судомъ и разсыпанную сію храмину паки собрать». Регламентъ Главнаго магистрата, изданный 16 января 1721 г., тоже ужъ вовсе не на сходы собиралъ земство городское, а «учинялъ форму магистратскаго правленія», да раздѣлилъ, разъединилъ, разсортировалъ земство на *регулярныхъ гражданъ* и *чернорабочихъ*, на *двѣ гильдіи* и на *цунфты* или *цехи*. Такимъ образомъ нѣмецкія городовыя формы не только окончательно искоренили принципы вѣчевыхъ сходовъ, но и уничтожили самую идею городскихъ *міровъ*, принципъ безраздѣльности, цѣлостности городского земства, неестественно дробя, сортируя его по средне-вѣковымъ нѣмецкимъ цехамъ и гильдіямъ. Въ XVII в. города наши назывались еще *мірами* и отчасти сохранили мірское значеніе. А теперь они окончательно стали бюрократически-гильдейско - цеховыми регламентарными учрежденіями. Вслѣдствіе этого *мірского смущенія*, недаромъ большая часть городского земства, купечества и мѣщанства обратилась при Петрѣ въ расколъ. И расколъ, недаромъ, возопилъ: «страхъ антихристовъ возвѣялъ на міръ и временныя соборя въ конецъ низложилъ». По городовому положенію 21 апрѣля 1785 г. учреждены были, на новыхъ основаніяхъ, городскія общества и городскія думы. Тутъ опять, прежде всего, произведено новое сословно-кастальное росписаніе, разсортированіе городского земства. Городскіе обыватели раздѣлены: 1) на именитыхъ гражданъ, 2) на вписавшихся въ гильдіи, 3) на вписавшихся въ цехъ, 4) на иногородныхъ и иностранныхъ гостей, и 5) на посадскихъ. Для пріобрѣтенія каждаго изъ этихъ состояній начертаны дробные, многосложные параграфы правилъ и условій. Что касается до собранія городскихъ обществъ, то въ числѣ многихъ другихъ параграфовъ въ городовомъ положеніи начертаны слѣдующія правила: 1) городскимъ обывателямъ каждаго города дозволяется собираться въ своемъ городѣ, составлять общество городское и пользоваться предоставленными правами и выгодами, 2) городскіе обыватели собираются по *приказанію* и

дозволенію генералъ-губернатора или губернатора, какъ для дозволенныхъ городскимъ обывателямъ выборовъ, такъ для выслушанія предложеній генералъ-губернатора или губернатора, 3) *отъ губернатора зависитъ дозволить* засѣданіе засѣдателямъ губернскихъ магистратовъ и засѣдателямъ совѣстнаго суда; 4) буде генералъ-губернаторъ, или губернаторъ обществу градскому учинитъ предлогъ, то общество градское беретъ оный въ уваженіе и чинитъ по случаю пристойные отвѣты; 5) сверхъ положенныхъ точно расходовъ, городовыя общества не могутъ сами собою издерживать денегъ городскихъ и дѣлать новыхъ издержекъ; но буде что усмотрѣно къ общей пользѣ, къ выгодѣ и къ украшенію города нужное, то представятъ пусть къ губернатору и ожидаютъ позволенія; 6) въ городовыхъ доходахъ и расходахъ, городовыя общества какъ губернатору подаютъ вѣдомости, такъ и въ казенную палату счеты свои посылаютъ и проч. и проч.

Вообще, читая городовое положеніе, мы видимъ въ немъ слѣдующіе главные недостатки, которые теперь чувствуется насущная потребность уничтожить. Во-первыхъ, городскія общества и ихъ собранія слишкомъ подчинены губернаторамъ. Каждое собраніе и каждое дѣйствіе городскаго общества зависитъ отъ *дозволенія и приказанія* губернаторовъ. Вслѣдствіе этого, общества городскія, купечество и мѣщанство, были безгласными рабами бюрократіи. Лѣтописи губернскихъ городовъ, хоть въ родѣ иркутскаго лѣтописца, исполнены самыми грустными фактами произвола губернаторовъ и страдальческой борьбы умныхъ и честныхъ городскихъ головъ съ губернаторами и губернскими правленіями. Теперь рѣдкій купецъ, маломальски мыслящій, не чувствуетъ необходимости сбросить съ городскихъ обществъ опекунство и попечительство бюрократіи. Теперь всякій разсудительный общественникъ хорошо понимаетъ, что общество единственный хозяинъ, глава и устроитель своихъ собственныхъ хозяйственныхъ интересовъ, что оно само и составляетъ городъ — предметъ и цѣль городского управленія и благоустройства, что оно пріобрѣтаетъ, копитъ городскіе доходы, чувствуетъ потребности, вырабатываетъ новые вопросы и способы жизни, живетъ само для себя своими собственными, внутренними силами; оно же, слѣдовательно, только и имѣетъ право хозяйничать своими капиталами, доходами, благоустроять свой собственный бытъ, свои публичныя заведенія и зданія, училища, магазины, улицы, мосты, водопроводы, водостоки и проч. и проч., изыскивать новые способы и средства для развитія и расширенія цивилизаціи, для просвѣщенія массъ простонародья городского и т. д. Контроль приказныхъ властей, тутъ вовсе не у мѣста. Только выбранные, излюбленные самими городскими обществами совѣты или правленья могутъ быть уполномочены обществомъ—завѣдывать дѣлами общественными. А эти правительства выбираетъ и устрояетъ правильно-организованный общественный городской сходъ, подобный сельскимъ мірскимъ сходамъ. Необходимость правильной организаціи по городамъ мірскихъ общественныхъ сходовъ, выборныхъ правительствъ, всесословныхъ, или лучше, безсословныхъ, земскихъ думъ, совѣтовъ, необходимость эта уже давно чувствуется. Особенно крайне необходимо ограничить власть губернаторовъ въ такихъ отдаленныхъ провинціяхъ, какъ, напримѣръ,

Сибирь, гдѣ произволъ доходитъ до послѣдней крайности. Нѣкоторые наши государственные люди уже предлагали эту необходимую мѣру еще въ царствованіе императора Александра I. Министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ въ своей оффиціальной запискѣ о Сибири писалъ: «Не распространяясь въ исчисленіи всѣхъ золъ, происходящихъ отъ самовластія мѣстныхъ начальниковъ, скажу я кратко, что власть ихъ, какъ мнѣ кажется, должно ограничить, а не распространять и не усиливать оную. Учрежденіе верховнаго сибирскихъ губерній правительства, совѣта, или коммиссіи изъ чиновниковъ, частью опредѣленныхъ отъ правительства, частью избираемыхъ отъ тамошнихъ жителей разныхъ сословій, можетъ ограничить власть начальника, который, яко предсѣдатель сего мѣста, имѣетъ токмо перевѣсъ, въ случаѣ равныхъ голосовъ.... Опыты многихъ лѣтъ доказали, что усиленіе власти магистратовъ, или городскихъ правительствъ въ образованной Европѣ не только послужили къ благоденствію народовъ, но, безъ сомнѣнія, и было основаніемъ образованности европейской», и проч. Да и не нужно много задумываться надъ организаціею выборныхъ городскихъ правленій. Нужно только допустить устроить въ городахъ правильные всесословные, земскіе, мірскіе сходы, или собранія, подобные сельскимъ мірскимъ сходамъ, или подобно тому, какъ и въ XVII вѣкѣ царь Михаилъ Ѳедоровичъ велѣлъ же по всѣмъ городамъ самимъ горожанамъ устроить *сходы* по соборнымъ церквамъ, для избранья выборныхъ на московскій земскій соборъ. Сходы эти уже изберутъ выборныхъ головъ, старостъ, или кого излюбятъ и найдутъ нужнымъ, и устроятъ, организуютъ городскія выборныя правленья. А мало-по-малу и самые городскіе сходы получатъ правильное, опредѣленное, органическое устройство. Если крестьяне способны къ сельскимъ сходамъ и къ выборному самоуправленію, то, безъ сомнѣнія, и горожане будутъ къ тому способны.

Съ ограниченіемъ власти губернаторовъ и съ расширеніемъ правъ гражданскихъ, очевидно, необходимо расширить и составъ городскихъ думъ. Теперешнія наши думы, какъ извѣстно, не соединяютъ въ себѣ представителей отъ всѣхъ городскихъ сословій, а только отъ купцовъ и отъ мѣщанъ. Вслѣдствіе этого, думы исключаютъ представительство общихъ интересовъ гражданства, всего городского міра, ограничиваясь выгодами и интересами одного торговаго и ремесленнаго сословія, исключаютъ изъ общаго городского правленія самый образованный классъ населенія—дворянъ, почетныхъ гражданъ, ученыхъ, литераторовъ, и другихъ разночинцевъ, которые только большею частію и служатъ представителями знанія и дарованій по разнымъ отраслямъ наукъ—реальныхъ, практическихъ и гуманныхъ, нравственныхъ, по разнымъ родамъ искусствъ реальныхъ и изящныхъ, по разнымъ сферамъ человѣческой, гражданской дѣятельности. Городскія думы должны быть сходомъ всего городского земства, мѣстомъ такъ необходимаго теперь уравненія и сліянія сословій въ цѣльные, равноправные городскіе міры. По принципу мірского саморазвитія русскаго народа, какъ въ селахъ возобновлены мірскіе безсословные, крестьянскіе сходы, такъ и въ городахъ должны быть возстановлены.

тѣхъ же общихъ правахъ и основаніяхъ, такіе же мірскіе земскіе гра-
данскіе сходы.

Какъ бы то ни было, какова бы ни была прошедшая исторія нашихъ
родовъ, но принципъ мірского экономическаго и юридическаго само-
тройства, принципъ мірской сходчивости, совѣщательности и мірского
борнаго начала составляетъ коренную, естественно-жизненную, истори-
ски-природную потребность русскаго народа. Въ организмѣ русскаго на-
да, еще юнаго, всемощнаго, крѣпкаго, течетъ та же самая кровь, какая
лась въ немъ въ младенческія вѣчевыя времена. Организмъ народный
тъ же. Только тяжелыя обстоятельства историческаго воспитанія и
ста его много крови испортили въ немъ, много охладили энергіи въ
лгій періодъ его богатырскаго сна и государственнаго неподвижнаго
ложенія. И несмотря на всѣ разъѣдающія централизаціонныя, бюро-
атическія, кастально-сословныя, регламентарныя—начала разъединенія
шего земства, несмотря на нѣмецко-корпоративный военно-бюрократи-
ски гильдейско-цеховой строй нашихъ городовъ, несмотря на расколъ,
оисшедшій въ земствѣ,—въ крови народнаго организма сохраняется
вѣковѣчная потребность мірской сходчивости и совѣщательности, мір-
ой самобытной иниціативы и самоуправительности. Ужъ какъ повиди-
му, ни забиты были массы нашего городского земства въ XVII и осо-
нно въ XVIII ст., какъ бюрократія ни гнула, ни ломала ихъ на свой
дъ, какъ ни воспитывала въ нихъ привычку къ казенной опекѣ, ка-
нно-приказному покровительству — городскія земскія общины упорно
или въ себѣ извѣковѣчныя, созданныя всею самобытно-историческою
изнью народною принципы мірского самоустройства, самобытныхъ мір-
ихъ сходовъ и распоряженій. Имъ и жалованная Екатериною гра-
та — о правахъ — неправая грамата. Въ 18-мъ № «Дня» напечатанъ
бопытный фактъ изъ архива городской думы города Мологи, какъ
тели этого города обнаружили замѣчательную попытку независи-
го экономическаго самоустройства и независимыхъ, самобытныхъ
одовъ въ думу, вслѣдъ за полученіемъ городской жалованной
аматы и Городоваго Положенія. «Получается указъ — читаемъ въ
тѣ — о вновь дарованныхъ граматою 1785 г. 21 апрѣля правахъ
преимуществахъ, объявляется жителямъ, торжественно, подъ руковод-
вомъ начальства, открывается собраніе, назначаются городскіе чины,
реждается дума. Все въ порядкѣ. Но на другой же день, по открытіи
мы, граждане собираются снова, уже не въ присутствіи начальства, и
становляютъ, безъ помощи баллотировки, единогласный приговоръ та-
го содержанія: «Въ § 42 Городоваго Положенія сказано, что независимо
ъ окладныхъ и неокладныхъ сборовъ, поступающихъ въ городскіе до-
ды и подлежащихъ распоряженіямъ на точномъ основаніи закона—об-
ству представляется право дѣлать добровольныя складки и собранными
кимъ образомъ суммами распоряжаться по своему усмотрѣнію, не давая
кому въ томъ отчета. Такъ какъ, напротивъ того, исчисленными город-
ими доходами общество распоряжаться не въ правѣ, и всѣ они могутъ
ть расходованы только на указанные начальствомъ предметы, согласно

съ смѣтой, учреждаемой начальствомъ, и подлежатъ отчетности и контролю казенной палаты,—то и общество составляетъ свой собственный общественный капиталъ (первоначально въ нѣсколько тысячъ) съ тѣмъ, чтобы въ этотъ капиталъ уже никакое начальство не вступалось, чтобы распоряженіе этимъ капиталомъ было ввѣрено тому же градскому главѣ, и чтобы градской глава отдавалъ въ своихъ распоряженіяхъ отчетъ ежегодно, *одному* обществу, никому болѣе».

Это было въ 1786 году. Собранный капиталъ былъ записанъ въ особыя шнуровыя книги и сталъ возрастать быстро. Съ согласія общества, часть капитала раздавалась въ займы за 9 и за 10 процентовъ, и дѣлались другіе, выгодные для общества, обороты. Отчеты отдавались ежегодно. Въ распорядители избирались почти всегда градскіе головы. Расходы производились на предметы общественной потребности и благотворительности и съ необыкновенной точностью вносились въ книги. Городъ на эти деньги призрѣвалъ бѣдныхъ и содержалъ богадѣльни, о которыхъ въ оффиціальныхъ отчетахъ вовсе не значилось, выдавалъ денежное пособіе двумъ церквамъ въ уѣздѣ, связаннымъ какими-то историческими воспоминаніями съ городомъ, помогалъ уѣздному училищу, не скупился даже и на тѣ предметы внѣшняго благоустройства, которые входили въ число законныхъ статей расхода оффиціальныхъ городскихъ доходовъ. Напримѣръ: нужно вымостить топкое мѣсто въ срединѣ города: исчисляется расходъ оффиціальнымъ порядкомъ; губернское начальство присылаетъ, какъ слѣдуетъ, для повѣрки, инженернаго офицера, наконецъ разрѣшаетъ думѣ внести въ смѣту городскихъ расходовъ такую-то сумму на замощеніе топкаго мѣста. Переписка продолжается нѣсколько лѣтъ. Между тѣмъ топкое мѣсто уже давно замощено, безъ помощи инженеровъ, и замощено крѣпко, прочно, нерѣдко на сумму высшую противъ назначенной по смѣтѣ; эта сумма бралась изъ тайнаго общественнаго капитала.

Такимъ образомъ въ городѣ существовали двѣ думы, двѣ власти, два общества, состоявшія изъ однихъ и тѣхъ же лицъ: дума, власть, общество,—какъ заведенія оффиціально-общественныя, и дума, власть, общество—какъ учрежденія свободныя, сами собой органически образовавшіяся. Въ то время, какъ городскихъ доходовъ показывалось по смѣтѣ не свыше 4 тысячъ, капиталъ общественный возросъ свыше 50 т. р. сер. и расходы изъ него на потребности города превышали расходы оффиціальные. Лѣтъ черезъ 20 послѣ открытія Думы, общество, желая упрочить такой порядокъ, опредѣлило построить, и построило, на этотъ *свой* общественный капиталъ пространный каменный гостинный дворъ, съ тѣмъ, чтобы доходы съ лавокъ (отдававшихся въ наймы членамъ того же общества) причислялись къ тому же общественному капиталу, не подлежащему оффиціальному контролю. Тогда не было такого дѣятельнаго вмѣшательства со стороны губернскаго начальства, какъ въ наше время, и гостинный дворъ выросъ, какъ изъ земли, безъ всякой помѣхи со стороны губернскихъ властей и строительныхъ коммиссій. Городъ обстроился». Такимъ экономическимъ самоуправленіемъ пользовалось свободное неоффиціальное мологское общество и его собраніе—дума съ 1786 г. по 1847 г., когда бюро-

кратія обратила общественную городскую собственность въ казенное достояніе.

А не тотъ же-ли изстаринный, жизненно-народный принципъ мірскихъ сходовъ и совѣтовъ отстаиваетъ до сихъ поръ расколъ—эта общинно-демократическая оппозиція земства противъ нѣмецко-бюрократическихъ формъ имперіи? Вопія противъ того, что страхъ антихристовъ возвѣялъ на земскій міръ, произвелъ мірское смущеніе и *временны соборы въ конецъ низложилъ*, демократическія общины раскола мало-по-малу организовали, по стариннымъ, народнымъ принципамъ, свои *сходы, соборы, совѣты*. Это юридическое саморазвитіе ихъ, равно какъ и колонизаціонное и экономическое самоустройство, особенно началось послѣ 1782 г., съ того времени, когда стали ослабѣвать крутыя мѣры и гоненія правительства и церкви противъ раскола. Вѣрныя изстаринному народному такту и міросозерцанію, старообрядцы не допускали и не допускаютъ у себя кастально-сословнаго разъединенія. Въ заповѣдномъ «отвѣтѣ вопрошающимъ», нѣкорыя согласія, напримѣръ, филипповское, положительно говорятъ: «мы всѣ равны, и особенныхъ наставниковъ не имѣемъ». На языкѣ раскольничьемъ, *сословіе* значитъ то же, что общество, согласіе, *соборъ*, какъ называютъ себя, напримѣръ, петербургскіе старообрядцы. Вслѣдствіе такого безсословнаго значенія раскольничьихъ согласій, и сходы или совѣты въ нихъ получаютъ правильное, естественное юридическое саморазвитіе, и изъ обычая мало-по-малу начинаютъ возводиться даже въ письменную опредѣленность. Для примѣра приведемъ здѣсь общія юридическія правила взаимнаго совѣта или собранія московскихъ старообрядцевъ Федосѣева и Старо-Поморскаго согласій. Извлекаемъ эти правила изъ находящейся у насъ подъ руками рукописи, подъ заглавіемъ: «Дружескія Извѣстія».

«Неусыпныя соревнованія Федосѣева согласія и нашего согласія, по многимъ и труднымъ своимъ движеніямъ (въ дѣлахъ) защиты и покровительства разновидныхъ своихъ познаній, достигли нынѣ уже до предѣловъ рѣшительности въ своихъ разномысліяхъ... Любя истину и христіанское благочестіе, положено было оными сословіями: уничтожить взаимныя разногласія, распространить общую святую любовь и возстановить между собою многолѣтное спокойствіе.

1) Къ лучшему и точнѣйшему исполненію, по праву общей нашей обязанности, сего дѣла, такъ какъ оно производится взаимно нашими токмо сословіями, то слѣдуетъ составиться *собранію изъ обществъ нашихъ*.

2) Количество собранія не должно малостью ограничиваться. Потому что взаимныя противорѣчія, доселѣ въ насъ продолжавшіяся, коснулись весьма чувствительно цѣлыхъ нашихъ обществъ. А по сему и это дѣло имѣетъ отношеніе уже къ цѣлымъ нашимъ обществамъ, а не къ нѣкоторымъ только изъ нихъ. Поэтому надлежитъ собранію составиться, сколько отъ котораго сословія явиться къ нему расположительны, и сколько позволитъ пространство покоя.

3) А какъ все существо объясненія предположеннаго нами нынѣ дѣла относится по всему только къ нашимъ обществамъ, то кого изъ тѣхъ,

кои несогласны съ нашими сословіями, вамъ заблагоразсудится, мы
гласны къ сему собранію допустить.

4) Самый внутренній кругъ онаго собранія долженъ составиться
десяти предсѣдателей, отъ каждаго сословія по пяти человѣкъ, въ
знаніе своими обществами удостоенныхъ. Прочіе-жъ да будутъ то
слушателями.

5) Въ общемъ семъ собраніи должны быть введены полное спок
ствіе, тишина и скромность отъ всѣхъ и каждаго, а всякое тому проти
стѣсненіе отлучено.

6) Всякъ, возымѣвъ счастіе быть въ таковомъ собраніи, для вящ
познанія всѣхъ внушеній отъ чтенія проистекающихъ, непремѣнно,
благоразуменъ и честенъ и страшится понести вѣчно титлы нескромно
и безчинства, да благоволитъ, во все время чтенія, заняться въ себѣ сам
непрерывнымъ своимъ молчаніемъ, да и другихъ ни къ какимъ перег
рамъ нисколько даже да не возбуждаетъ.

7) *По довѣрію общественной воли* и взаимнаго согласія нашихъ со
вій, въ собраніи семъ, предсѣдатели занимаютъ первенство, и равн
достоинствомъ получаютъ себѣ и каждый особенно полную власть наб
дательства въ ономъ тишины и спокойствія. Въ случаѣ же наруш
сего, всякому изъ собравшихся, не снисходя и своему товарищу, тв
щему чтенію остановку и въ замѣшательство тишину приводящему,—на
вое дерзновеніе каждый предсѣдатель или самъ собою, или чрезъ кого-ниб
имѣетъ право сказать; «пріимите молчаніе»; на второе: «нескромность
шину не любитъ: она изъ оной исключается», а потомъ и можетъ о
ныпроводить вонъ изъ собранія. А въ случаѣ сопротивленія, то и с
хозяинъ, у кого собраніе, по праву хозяйственности и какъ любящій
томъ тишину, имѣетъ власть подать помощь къ успѣшному исключе
а также можетъ попросить и сопроводить нескромнаго быть внѣ сво
дому.

8) Каждая статья чтенія ни чѣмъ не должна въ собраніи семъ воз
жаться; поколику что сіе собраніе не для словопренія, а единстве
токмо для сообщенія объясненій. Будетъ кто изъ предсѣдателей пожел
которую статью повторить, то сіе да будетъ позволено, однакожъ не
лѣе одного раза.

9) Нашего общества предсѣдатели, за собственнымъ подписані
вручатъ оныя объясненія вашимъ предсѣдателямъ, кои въ полученіи
также пятеро должны росписаться.

10) Домъ для собранія да будетъ у согласнаго къ сему сочлен
болѣе способный и ко взаимному спокойствію надежный.

11) Всякъ покровительствующій своимъ домомъ сіе наше обще
браніе, можетъ отъ сего получить безсмертный памятникъ великой по
въ здѣшней и будущей жизни; потому что таковый домъ можетъ у
ниться открытіемъ самыхъ занимательнѣйшихъ истинъ, текущихъ
необходимостей къ благоразумному и честному христіанскому состо

12) Всякъ, принятіемъ въ свой домъ, къ сему общему собранію
являющій усердіе и желающій имѣть оное въ своемъ домѣ, да благово

извѣстить, какъ Преображенскаго кладбища, такъ и нашего общественнаго дома первенствующихъ, за собственноручнымъ подписаніемъ или таковою, или подобною сей запискою:

По наименованіи:

«Предположенныя нынѣ нашими сословіями мѣры къ вящему между нами взаимному благосостоянію я пріемлю въ уваженіе и почитаю оное соревнованіе христіанскою обязанностію. Для сего благаго дѣла предвозвѣщено было общему быть собранію, которое, по всѣмъ свойствамъ постановленныхъ статей, образующихъ сіе собраніе, я сердечно и всею моею любовію допустить въ мой домъ желаю, и оное къ себѣ прошу и пріемлю, а при томъ увѣряю, что оное собраніе ко вмѣщенію своему въ моемъ домѣ найдетъ удобность, да и къ спокойствію каждаго въ ономъ участвующаго приложу всемѣрное мое спомоществованіе, и проч.

13) День къ собранію долженъ назначаться взаимно отъ нашихъ сословій.

14) Обвѣстить къ собранію за два дня или ранѣе.

15) Начало собранія должно быть непремѣнно часъ по полудни».

Рожковъ, Н., приватъ-доцентъ Московскаго Университета и преподаватель Практической Академіи коммерческихъ наукъ.

Учебникъ всеобщей исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Спб. 1904 г. 1 р. 10 к. (№ 15).

Тэнъ, И. **Происхожденіе современной Франціи.** Переводъ съ франц. (№ 10) [печатается].

Файфъ, Ч. **Исторія Европы XIX вѣка.** Переводъ со второго англійскаго изданія *М. В. Лучицкой*, подъ редакціей проф. *И. В. Лучицкаго*. Одобрена для ученическихъ библіотекъ среднеучебныхъ заведеній (1-е дополненіе каталога учебн. библіотекъ средн. уч. заведеній 1897 г., № 496). Съ двумя раскрашенными картами Европы и алфавитнымъ указателемъ именъ. Изд. 2-е Спб. 1904 г. 5 р. 50 к. (№ 8).

Франке, Куно. **Исторія нѣмецкой литературы въ связи съ развитіемъ общественныхъ силъ.** (Съ V вѣка до настоящаго времени). Съ 39 портретами. Переводъ съ англ. *П. Батина*. Спб. 1904 г. 3 р. (№ 9).

Эндрузъ, Веньяминъ. **Исторія Соединенныхъ Штатовъ послѣ междоусобной войны 1861—62 гг. и до нашихъ дней.** Переводъ съ англійскаго *Е. А. Гуревичъ*. Спб. 1905 г. 2 р. 50 к. (№ 17).

Изданія 1906-го года:

Бороздинъ, А. К. (ред.). **Изъ писемъ и показаній декабристовъ.** Критика современнаго состоянія Россіи и планы будущаго устройства. 1 р. 25 к.

Буркгардтъ, Яковъ. **Культура Италіи въ эпоху Возрожденія.** Въ 2-хъ томахъ. Переводъ С. Бриліанта съ 8-го изданія, переработаннаго Людвигомъ Гейгеромъ. Цѣна за оба тома 5 р. (№ 7 Истор. Отд.).

Войтинскій, Вл. **Рынокъ и цѣны.** Съ предисловіемъ М. И. Туганъ-Барановскаго. 2 р.

Галина, Г. **Предразсвѣтныя пѣсни.** 1 р.

Гиппіусъ, З. Н. (Мережковская). **Алый мечъ.** Четвертая книга разсказовъ. 2 р.

Жаковъ, К. Ѳ. **Очерки изъ жизни рабочихъ и крестьянъ на Сѣверѣ.** 40 к.

Карабчевскій, Н. П. **Дѣло бывшаго студента московскаго университета Егора Сергѣева Сазонова, обвиняемаго въ убійствѣ статсъ-секретаря ПЛЕВЕ и рѣчь въ защиту Сазонова.** 2-ое изданіе, исправленное и дополненное судебнымъ приговоромъ. 25 к.

Кеннанъ, Джорджъ. **Сибирь!** Полный переводъ, въ 2-хъ томахъ. Ц. 75 к. за каждый томъ.

Мережковскій, Д. **Вѣчные спутники.** Пушкинъ. 3-е изданіе. 40 к. (Слѣдующій выпускъ будетъ посвященъ Ибсену).

" **Грядущій Хамъ.** Содержаніе: 1) Грядущій Хамъ. — 2) Чеховъ и Горькій. — 3) Теперь или никогда. — 4) Страшный судъ надъ русской интеллигенціей. — 5) Св. Софія. — 6) О новомъ религіозномъ дѣйствіи. 1 р.

" **Пророкъ русской революціи.** 1 р. 25 к.

Метерлинкъ, Морисъ. **Сочиненія.** Въ трехъ томахъ, въ переводѣ Л. Вилькиной. Съ рисунками художника Н. К. Рериха. Томъ I. Съ предисловіями Н. Минскаго, З. Венгеровой и В. Розанова. Съ портретомъ, исполненнымъ геліогравюрой. 2 р.

Могилянскій, М. М. **Усталые,** драма въ 3 д. 50 к.

Могилянскій, П. М. **Интернаціоналъ.** Очеркъ изъ исторіи рабочаго движенія второй половины XIX в. 15 к.

Ренанъ, Эрнестъ. **Жизнь Іисуса.** Переводъ Е. В. Святловскаго безъ всякихъ сокращеній съ 19-го пересм. и дополн. изданія. Съ портретомъ Ренана, исполненнымъ геліогравюрой 1 р. 50 к. Отдѣльно портретъ Ренана 20 к., съ перес. 35 к.

Розановъ, В. **Около церковныхъ стѣнъ.** Въ двухъ томахъ. Ц. каждому тому 2 р.

" **Ослабнувшій фетишъ.** Психологическія основы русской революціи. 20 к.

Выписывающіе изъ Склада за пересылку не платятъ.— Каталогъ высылается за 7-микоп. марку по первому требованію.

Ройтманъ, Д. Значенiе математики, какъ науки и какъ общеобразовательнаго предмета. Что должно составлять содержанiе элементовъ математики? (включая и высшую математику). 50 к.

Серре, (J.-A). Дополненiе къ „Теорiи круговыхъ функцiй". 50 к.

Щаповъ, А. П. Сочиненiя. Въ трехъ томахъ. Томъ I, съ портретомъ Щапова, исполненнымъ фототипiей, 800 стран. 2 р. — Томъ II, 2 р. 50 к. — Томъ III (печатается). (№ 20 Ист. Отд.).

Печатаются и скоро поступятъ въ продажу:

Бердяевъ, Н. А. Sub specie aeternitatis. Опыты философскiе, соцiальные и литературные.

Бертранъ, Ж. Дифференцiальное исчисленiе. 2-ой вып.

Бороздинъ, А. К. Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ. Томъ II, вып. II. Съ портретами.

Гиппiусъ, З. Н. (Мережковская). Новые люди. Первая книга разсказовъ. 2-ое изданiе.

Общественныя движенiя въ Россiи въ XIX в, Т. II.

Поссе, К. Дифференцiальное и интегральное исчисленiе. 2-ое испр. и дополн. изд.

Р. Смерть Павла I. Переводъ съ нѣм. М. Чепинской, съ предисловiемъ В. И. Семевскаго.

Ренанъ, Эрнестъ. Антихристъ (по подпискѣ 1 р. 25 к.).
„ „ Апостолы („ 1 р. 25 к.).

Розановъ, В. Великiй Иннвнаторъ. 2-ое изд.

Сомовъ, I. Аналитическая геометрiя 2 и 3 измѣренiй. 2-ое пересмотрѣнное изданiе.

Тверитиновъ. Объ объявленiи приговора Н. Г. Чернышевскому.

Трачевскiй, А. С. проф. Новая исторiя (была истреблена цензурою до выхода въ свѣтъ).
„ Учебникъ по новой исторiи (былъ истребленъ цензурою до выхода въ свѣтъ).

Выписывающiе изъ Склада за пересылку не платятъ.—Каталогъ высылается за 7-микоп. марку по первому требованiю.

TION
Stanford University Libraries
3 6105 005 577 072
DK5
S5
v.1
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493
All books may be recalled after 7 days
DATE DUE
DOC FEB 08 1995